



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

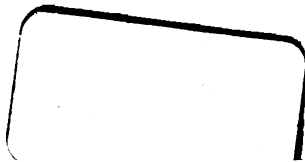
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855854 5



ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 11-я.

НОВАЯ СЕРИЯ.
НОЯБРЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1872.

- I.—КОНЕЦЪ ЧЕРТАПХАНОВА. — Изъ „Записокъ Охотника“. — **Ив. С. Тургенева.**
- II.—ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ. — Историческіе очерки. — V. Славянофильство. — **А. Пышина.**
- III.—АЛЕКСѢЙ СЛОВОДИНЪ. — Семейная исторія. — Часть вторая. — I—XII. — **П. Альминскаго.**
- IV.—АНГЛІЯ ВЪ КНИГѢ ТЭНА. — VI—IX. — Notes sur l'Angleterre, par H. Taine. — Окончаніе. — **Е. И. Утина.**
- V.—КЪ ДОЧЕРИ МОЕЙ. — Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне. — Пер. **П. И. Вейнберга.**
- VI.—СТРАННИКИ ИЛИ БѢГУНЫ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ. — I. Отношеніе секты къ расколу вообще. — **А. И. Розова.**
- VII.—ВОСПОМИНАНІЯ О МОСКОВСКИХЪ ПОЖАРАХЪ 1812 года. — **А. Свербеева.**
- VIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Денежный кризисъ. — Наши знаки цѣнности. — Банки государственныя и частныя. — О порядкахъ въ государственномъ банкѣ. — Преобразованіе коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ. — Привилегія представительства. — Вопросъ объ отміѣ волостного суда. — Выводы комиссіи. — Тѣлесныя наказанія въ волости. — Еще о Воспитательномъ домѣ.
- IX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Выборы во Франціи. — Письмо г-ра Шамбора. — Письмо принца Наполсона. — Рѣчь Гамбетты. — Выселеніе изъ Эльзаса. — Открытіе прусскаго сейма. — Борьба съ клерикализмомъ. — Манифестъ германскихъ епископовъ. — Опредѣленіе константинопольскаго собора. — Паденіе Мидхата-пашы. — Рѣчь Ботта объ Ирландіи. — Статья маркиза Сальсбери о партіи тори. — Испанскія дѣла. — Бунтъ въ Ферроль.
- X.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Шансы республики на упроченіе. — **Н.**
- XI.—РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „Задачи Психологіи“. — **Ив. М. Съченова.**
- XII.—ПОЛЬСКАЯ ПРЕССА ВЪ 1871-мъ ГОДУ. — **П—чь.**
- XIII.—ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ. — I. **А. Бушена.** — II. **И. Бока.** — III. **Л. Майкова.**
- XIV.—ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.
- XV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. также: I—VI стр.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1873-мъ году.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, будетъ, въ слѣдующемъ 1873-мъ году, издаваться въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

15 р. 50 к. — въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

16 рублей — въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

17 рублей — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію „Вѣстника Европы“—въ С.-Петербургъ, Галерная, 20—* для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Г. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ.

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Θ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою поѣ бандеролью, въ Германію и Австрію—**19 руб.**; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества—**20 руб.**; во Францію и Данію—**21 руб.**; Англию, Швецію, Испанію,

Португалію, Турцію и Грецію—22 руб.; въ Швейцарію—
23 руб.; въ Италію—24 рубля.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтампъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книги редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакція отпечатъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адреса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, съ которой допускается раздача журналовъ и газетъ, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожителство.

2. Перемѣна адреса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ наканунѣ выхода книги (т. е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣститъ редакцію заблаговременно, просятъ сообщать предъ выѣздомъ свой новый адресъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ то же время извѣститъ редакцію о перемѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просятъ, на основаніи нижепомѣщенного распоряженія Почтоваго Департамента, сообщать въ редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ, никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Для предоставленія Почтовому Вѣдомству возможности удовлетворять жалобы подписчиковъ на русскія періодическія изданія о неполученіи какого-либо номера сихъ изданій, Почтовый Департаментъ проситъ редакціи довести до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ, чрезъ напечатаніе въ издаваемыхъ ими газетахъ и журналахъ, что заявленія о неполученіи подписчиками какого-либо номера періодическаго изданія должны дѣлаться своевременно, т. е. не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера, подобно тому, какъ это установлено для заявленій о неполученіи газетъ и журналовъ иностранныхъ.

С.-Петербургъ, 1 ноября 1871 г.

М. С т а с ъ л е в и ч ѣ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ XXXIV. — ТОМЪ CXXI. — 1/3 НОЯБРА 1872.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМЪ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
253687
PUBLISHED BY THE
LIBRARY OF THE CITY OF NEW YORK
111 N. 4th St. N. Y. C.

КОНЕЦЪ ЧЕРТАПХАНОВА

Изъ «Записокъ Охотника».



Тѣмъ изъ моихъ читателей, которые еще не забыли фигуру Чертапханова въ «Запискахъ Охотника», я намѣренъ, если имъ угодно меня выслушать, рассказать его конецъ...

Наши читатели не посѣтуютъ, конечно, на насъ за то, что мы преведемъ почтеннаго автора въ самое начало и поставимъ рядомъ то, что было раздѣлено значительнымъ промежуткомъ времени. Вотъ начало того разсказа, который занимаетъ въ „Запискахъ Охотника“ нѣсколько страницъ, подъ заглавiемъ: „Чертапхановъ и Недопускинъ“:

Въ жаркiй лѣтнiй день возвращался я однажды съ охоты на телѣгѣ; Ермолай дремалъ, сидя возлѣ меня, и клевалъ носомъ. Заснувшiя собаки подпрыгивали, словно мертвыя, у насъ подъ ногами. Кучеръ то-и-дѣло стогналъ кнутомъ оводовъ съ лошадей. Бѣлая пыль легкимъ облакомъ неслась вслѣдъ за телѣгой. Мы въѣхали въ кусты. Дорога стала ухабиствѣ, колеса начали задѣвать за сучья. Ермолай встрепенулся и глянулъ кругомъ... «Э!» заговорилъ онъ:—«да здѣсь должны быть тетерева. Слѣзмете-ка». Мы остановились и вошли въ «площадь». Собака моя наткнулась на выводокъ. Я выстрѣлилъ и началъ было заряжать ружье, какъ вдругъ позади меня поднялся громкiй трескъ, и, раздвигая кусты руками, подѣхалъ ко мнѣ верховой. «А па-азвольте узнать», заговорилъ онъ надменнымъ голосомъ:—«по какому праву вы здѣсь а-ахотитесь, милсвыи сдарь»? Незнакомецъ говорилъ необыкновенно быстро, отрывочно и въ нось. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: отъ роду не видалъ я ничего подобаго. Вообразите себѣ, любезные читатели, маленькаго человѣка, бѣлокурогаго, съ краснымъ вздернутымъ носикомъ и длиннѣйшими рыжими усами,

Остроконечная персидская шапка съ малиновымъ суконнымъ верхомъ закрывала ему лобъ по самыя брови. Одѣтъ онъ былъ въ желтый, истасканный архакукъ съ черными плисовыми патронами на груди и подиальными серебряными галунами по всѣмъ швамъ; черезъ плечо висѣлъ у него рогъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ. Чахлая, горбоносая, рыжая лошадь шаталась подь нимъ, какъ угорѣлая; двѣ борзья собаки, худыя и криволапыя, тутъ-же вертѣлись у ней подь ногами. Липо, взглядъ, голосъ, каждое движенье, все существо незнакомца дышало сумазбродной отвагой и гордостью непомятой, небывалой; его блѣдно-голубые, стеклянные глаза разбѣгались и косились какъ у пьянаго; онъ закидывалъ голову назадъ, надувалъ щеки, фыркалъ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, словно отъ избытка достоинства — ни дать ни взять, какъ индѣйскій пѣтухъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Я не зналъ, что здѣсь запрещено стрѣлять, отвѣчалъ я.

— Вы здѣсь, милостивый государь, продолжалъ онъ: — на моей землѣ.

— Извольте, я уйду.

— А па-азвольте узнать, возразилъ онъ: — я съ дворяниномъ имѣю честь объясняться?

Я назвалъ себя.

— Въ такомъ случаѣ, извольте охотиться. Я самъ дворянинъ и очень радъ услужить дворянину... А зовутъ меня Чертапхановымъ, Пантелеемъ.

Онъ нагнулся, гикнулъ, вытанулъ лошадь по шеѣ; лошадь замотала головой, взвилась на дыбы, бросилась въ сторону и отдала 'одной собакѣ лапу. Собака пронзительно завизжала, Чертапхановъ закипѣлъ, зашипѣлъ, ударилъ лошадь кулакомъ по головѣ между ушами, быстрѣе молніи соскочилъ на землю, осмотрѣлъ лапу у собаки, поплевалъ на рану, пихнулъ ее ногою въ бокъ, чтобы она не пицала, уцѣпился за холку и вдѣлъ ногу въ стремя. Лошадь задрала морду, подняла хвостъ и бросилась бокомъ въ кусты; онъ за ней на одной ногѣ въ припрыжку, однако наконецъ-таки попалъ въ сѣдло, какъ изступленный завертѣлъ нагайкой, затрубилъ въ рогъ и поскакалъ. Не успѣлъ я еще придти въ себя отъ неожиданнаго появленія Чертапханова, какъ вдругъ, почти безъ всякаго шума, выѣхалъ изъ кустовъ толстенькій человѣчекъ лѣтъ сорока, на маленькой вороненькой лошаденкѣ. Онъ остановился, снялъ съ головы зеленый ежованый картузъ и тоненькимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ меня, не видалъ-ли я верхового на рыжей лошади? Я отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Въ какую сторону они изволили поѣхать? продолжалъ онъ тѣмъ-же голосомъ и не надѣвая картуза.

— Туда-съ.

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ.

Онъ чмокнулъ, заболталъ ногами по бокамъ лошаденки и пошелся рысцою — трихи, трихи, по указанному направленію. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пока его рогатый картузъ не скрылся за вѣтвями. Этотъ новый незнакомецъ наружностью нисколько не походилъ на своего предшественника. Лицо его пухлое и круглое, какъ шаръ, выражало застѣнчивость, добродушіе и кроткое смиреніе; носъ, тоже пухлый и круглый, испещренный синими жлжками, изобличалъ сластолюбца. На головѣ его спереди не оставалось ни одного волосика, сзади торчали жиденькія русыя косицы; глаза, словно осовой прорѣзанные, ласково мигали; сладко улыбались красныя и сочныя губки. На немъ былъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; суконные его панталончики высоко вздернулись; надъ желтыми оторочками сапоговъ видѣлись жирненькія икры.



— Кто это? спросилъ я Ермолая.

— Это? Недопоскинъ, Тихонъ Иванычъ. У Чертапханова живетъ.

— Что онъ, бѣдный человѣкъ?

— Не богатый; да вѣдь и у Чертапханова-то гроша нѣтъ мѣднаго.

— Такъ зачѣмъ-же онъ у него поселился?

— А, видишь, подружился. Другъ безъ дружки нигде... Вотъ ужъ подлинно: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней...

Мы вышли изъ кустовъ; вдругъ подлѣ насъ «затявкали» двѣ гончія, и матерой бѣлякъ покатилъ по овсамъ, уже довольно высокимъ. Вслѣдъ за нимъ высочили изъ опушки собаки, гончія и борзья, а вслѣдъ за собаками вылетѣлъ самъ Чертапхановъ. Онъ не кричалъ, не травилъ, не атукалъ: онъ задыхался, захлебывался; изъ разинутаго рта изрѣдка вырывались отрывистые, бессмысленные звуки; онъ мчался выпуча глаза и бѣшено сѣкъ нагайкой несчастную лошадь. Борзья «присѣбли»... бѣлякъ присѣлъ, круто повернулъ назадъ и ринулся, мимо Ермолая, въ кусты... Борзья пронеслись. «Бе-е-ги!» съ усміемъ, словно косноязычный, зашепталъ замправшій охотникъ:—«родимый, береги!» Ермолай выстрѣлилъ... раненый бѣлякъ покатился кубаремъ по гладкой и сухой травѣ, подпрыгнулъ кверху и жалобно закричалъ въ зубахъ разсавашагося пса. Гончія тотчасъ подвалились.

Турманомъ слетѣлъ Чертапхановъ съ коня, выхватилъ кинжалъ, подбѣжалъ, растопыря ноги, къ собакамъ, съ яростными заклинаніями вырвалъ у нихъ кстерзаннаго зайца и, перекосясь всѣмъ лицомъ, погрузилъ ему въ горло кинжалъ по самую рукоятку... погрузилъ и заготовалъ. Тихонъ Иванычъ показался въ опушкѣ. «Го-го-го-го-го-го-го!» завопилъ вторично Чертапхановъ... «Го-го-го-го», спокойно повторилъ его товарищъ.

— А вѣдь по-настоящему лѣтомъ охотиться не слѣдуетъ, замѣтилъ я, указывая Чертапханову на измятый овесъ.

— Мое поле, отвѣчалъ, едва дыша, Чертапхановъ.

Онъ отпазончилъ, второчилъ зайца и роздалъ собакамъ лапки.

— За мною зарядъ, любезный, по охотничьимъ правиламъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Ермолаю. А васъ, милостивый государь, прибавилъ онъ тѣмъ-же отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ:—благодарю.

Онъ сѣлъ на лошадь.

— Па-азвольте узнать... забылъ... имя и фамилію?

Я опять назвалъ себя.

— Очень радъ съ вами познакомиться. Коли случится, милости просимъ ко мнѣ... Да гдѣ-же этотъ Оумка, Тихонъ Иванычъ? съ сердцемъ продолжалъ онъ:—безъ него бѣляка затравили.

— А подлѣ нимъ лошадь пала, съ улыбкой отвѣчалъ Тихонъ Иванычъ.

— Какъ пала? Орбассанъ палъ? Пфу, пфиты!... Гдѣ онъ, гдѣ?

— Тамъ, за лѣсомъ.

Чертапхановъ ударилъ лошадь нагайкой по мордѣ и поскакалъ сломя-голову. Тихонъ Иванычъ поклонился мнѣ два раза — за себя и за товарища, и опять пошелъ рысцою въ кусты.

Эти два господина сильно возбудили мое любопытство... Что могло связать узлами неразрывной дружбы два существа, столь разнородныя? Я началъ наводить справки. Вотъ что я узналъ.

Чертапхановъ, Пантелей Еремѣичъ, слылъ во всемъ околоткѣ человѣкомъ опаснымъ и сумазброднымъ, гордецомъ и забіякой первой руки. Служилъ онъ весьма недолгое время въ арміи и вышелъ въ отставку «по неприятности»,

тѣмъ чиномъ, по новоду котораго распространилось мнѣніе, будто «курица не птица». Происходилъ онъ отъ стариннаго дома, нѣкогда богатая; дѣды его жили пышно, по степному; то-есть принимали званныхъ и незванныхъ, кормили ихъ на-убой, отпускали по четверти овса чужимъ кучерамъ на тройку, держали музыкантовъ, пѣсенниковъ, гаеровъ и собакъ, въ торжественные дни поили народъ виномъ и брагой, по зимамъ ѣздили въ Москву на своихъ, въ тяжелыхъ колимагахъ, а иногда по дѣльнымъ мѣсяцамъ сидѣли безъ гроша и питались домашней живностью. Отцу Пантелея Еремѣича досталось имѣніе уже разоренное; онъ въ свою очередь тоже сильно «пожуровалъ» и, умирая, оставилъ единственному своему наслѣднику Пантелею заложненное сельцо Безсоново, съ тридцатью пятью душами мужеска и семидесятью шестью женска пола, да четырнадцать десятинъ съ осьмидесятью неудобной земли въ пустоши Колобродовой, на которыя, впрочемъ, никакихъ крѣпостей въ бумагахъ покойника не оказалось. Покойникъ, должно сознаться, престраннымъ образомъ разорился: «хозяйственный расчетъ» его сгубилъ. По его понятіямъ, дворянину не слѣдовало зависѣть отъ купцовъ, горожанъ и тому подобныхъ «разбойниковъ», какъ онъ выражался; онъ завелъ у себя всѣ возможныя ремесла и мастерскія: «и приличіе и дешево», говаривалъ онъ: «хозяйственный расчетъ!» Съ этой пагубной мыслью онъ до конца жизни не разстался; она-то его и разорила. За то потѣшился! Ни въ одной прихоти себѣ не отказывалъ. Между прочими выдумками соорудилъ онъ однажды, по собственнымъ соображеніямъ, такую огромную, семейственную карету, что, несмотря на дружныя усилія согнанныхъ со всего села крестьянскихъ лошадей, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, она на первомъ-же косогорѣ завалилась и разсыпалась. Еремѣй Лукничъ (Пантелеева отца звали Еремѣемъ Лукичемъ) приказалъ намятникъ поставить на косогорѣ, а впрочемъ нисколько не смутился. Вздумалъ онъ также построить церковь, разумѣется, самъ безъ помощи архитектора. Сжегъ дѣлый дѣсъ на кирпичи, заложилъ фундаментъ огромный, хоть-бы подѣ губернской соборъ, вывелъ стѣны, началъ сводить куполъ: куполъ упалъ. Онъ опять, — куполъ опять обрушился; онъ третій разъ — куполъ рухнулъ въ третій разъ. Приздумался мой Еремей Лукничъ: дѣло, думаетъ, не ладно... колдовство проляпное замѣшалось... да вдругъ и прикажи перепоротъ всѣхъ старыхъ бабъ на деревнѣ. Бабъ перепороли — а куполъ всё-таки не свели. Избы крестьянамъ по новому плану перестраивать началъ, и все изъ хозяйственнаго расчета; по три двора вмѣстѣ ставилъ треугольникомъ, а на серединѣ воздвигалъ шесть съ раскрашенной скворешницей и флагомъ. Каждый день, бывало, новую за-тѣю придумывалъ: то изъ лопуха супъ варилъ, то лошадямъ хвосты стригъ на картузи дворовымъ людямъ, то лень собирался крапивою замѣнить, свиней кормить грибами... Вычиталъ онъ однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статейку харьковскаго помѣщика Храка-Хрупѣрскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, и на другой-же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью харьковскаго помѣщика наизусть. Крестьяне выучили статью; баринъ спросилъ ихъ: понимаютъ-ли они, что тамъ написано? Прикащикъ отвѣчалъ, что какъ, молъ, не понять! Около того-же времени повелѣлъ онъ всѣхъ подданныхъ своихъ, для порядка и хозяйственнаго расчета, перенумеровать, и каждому на воротникѣ нашить его номеръ. При встрѣчѣ съ бариномъ всякъ, бывало, такъ ужъ и кричитъ: такой-то номеръ идетъ! а баринъ отвѣчаетъ ласково: ступай себѣ съ Богомъ!

Однако, несмотря на порядокъ и хозяйственный расчетъ, Еремѣй Лукничъ понемногу пришелъ въ весьма затруднительное положеніе: началъ сперва

закладывать свои деревеньки, а тамъ и къ продажѣ приступилъ: послѣднее прадѣдовское гнѣздо, село съ недостроенною церковью, продала уже казна, къ счастью, не при жизни Еремѣя Лукича,—онъ бы не вынесъ этого удара,— а двѣ недѣли послѣ его кончины. Онъ успѣлъ умереть у себя въ домѣ, на своей постели, окруженный своими людьми и подъ надзоромъ своего лекаря; но бѣдному Пантелею досталось одно Безсоново.

Пантелей узналъ о болѣзни отца уже на службѣ, въ самомъ разгарѣ вышеупомянутой «непріятности». Ему только-что пошелъ девятнадцатый годъ. Съ самаго дѣтства не покидалъ онъ родительскаго дома, и подъ руководствомъ своей матери, добройшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, выросъ баловнемъ и барчукомъ. Она одна занималась его воспитаніемъ; Еремѣю Лукичу, погруженному въ свои хозяйственныя соображенія, было не до того. Правда, онъ однажды собственноручно наказалъ своего сына за то, что онъ буквы: *рцы*, выговаривалъ: *арцы*, но въ тотъ день Еремѣй Лукичъ скорбѣлъ глубоко и тайно: лучшая его собака убила съ дерево. Впрочемъ, хлопоты Василисы Васильевны на счетъ воспитанія Пантюши ограничились однимъ мучительнымъ усиліемъ; въ потѣ лица наняла она ему въ гурвернери отставнаго солдата изъ злыасцевъ, нѣкоего Биркопфа, и до самой смерти трепетала какъ листъ передъ нимъ; ну, думала она, коли откажется—пропала я! куда а дѣнущей? гдѣ другого учителя найду? Ужъ и этого насилья-василу у сосѣдки сманила! И Биркопфъ, какъ человекъ смѣтливый, тотчасъ воспользовался исключительностью своего положенія: пилъ мертвую и спалъ съ утра до вечера. По окончаніи «курса наукъ», Пантелей поступилъ на службу. Василисы Васильевны уже не было на свѣтѣ. Она скончалась за полгода до этого важнаго событія, отъ испуга: ей во снѣ привидѣлся бѣлый человекъ веркомъ на медвѣдѣ. Еремѣй Лукичъ вскорѣ послѣдовалъ за своей покойной.

Пантелей, при первомъ извѣстіи о нездоровьи, прискакалъ сломя-голову, однако не засталъ уже родителя въ живыхъ. Но каково было удивленіе почти-младшаго сына, когда онъ совершенно неожиданно изъ богатаго наслѣдника превратился въ бѣдняка! Немногіе въ состояніи вынести такой крутой переломъ. Пантелей одичалъ, ожесточился. Изъ человека честнаго, щедрого и добраго, хотя взбалмошнаго и горячаго, онъ превратился въ гордеца и забіяку, пересталъ знаться съ сосѣдами,—богатыхъ онъ стыдился, бѣдныхъ гнушался,—и неслыханно-дерзко обращался со всѣми, даже съ установленными властями: и, моль, столбовой дворянникъ. Разъ чуть-чуть не застрѣлилъ становаго, вошедшаго къ нему въ комнату съ картузомъ на головѣ. Разумѣтся, власти, съ своей стороны, ему тоже не спускали и при случаѣ давали себя знать; но все-таки его побавлялись, потому что горячка онъ былъ страшная, и со второго слова предлагалъ рваться на ножахъ. Отъ малѣйшаго возраженія глаза Чертапханова разбѣгались, голосъ прерывался... «А, ва-ва-ва-ва-ва», лепеталъ онъ, «пропадай моя голова!»... и хотъ на стѣну! Да и сверхъ того, человекъ онъ былъ чистый, не замѣшанный ни въ чемъ. Никто къ нему, разумѣтся, не ѣздилъ... И при всемъ томъ душа въ немъ была добрая, даже великая, по своему: несправедливости, притѣсненія онъ вчужѣ не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горой. «Какъ?» говорилъ онъ, неистово стуча по собственной головѣ:—«моихъ трогать, моихъ? Да не будь я Чертапхановъ»...

Тихонъ Ивановичъ Недопускинъ не могъ, подобно Пантелею Еремѣичу, гордиться своимъ происхожденіемъ. Родитель его вышелъ изъ однодворцевъ, и только сорокалѣтней службой добился дворянства. Г. Недопускинъ-отецъ при-

надлежалъ къ числу людей, которыхъ несчастіе преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ, похожимъ на личную ненависть. Въ теченіи цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ, съ самаго рожденія до самой кончины, бѣднякъ боролся со всѣми нуждами, недугами и бѣдствіями, свойственными маленькимъ людямъ; бился какъ рыба объ ледь, не дождавъ, не досыпавъ, кланялся, хлопотавъ, унывалъ и томился, дрожалъ надъ каждой копѣйкой, дѣйствительно «невинно» пострадалъ по службѣ и умеръ наконецъ не то на чердакѣ, не то въ погребѣ, не успѣвъ заработать ни себѣ, ни дѣтямъ куска насущнаго хлѣба. Судьба замотала его, словно зайца на угонкахъ. Человѣкъ онъ былъ добрый и честный, а бралъ взятки—отъ гривенника до двухъ цѣлковыхъ включительно. Была у Недопюскина жена, худая и чахоточная: были и дѣти; къ счастью они всѣ скоро перемерли, исключая Тихона да дочери Митродоры, по прозванію: «купецкая щеголиха», вышедшей, послѣ многихъ печальныхъ и смѣшныхъ приключеній, за отставнаго стряпчаго. Г. Недопюскинъ-отецъ успѣлъ-было еще при жизни помѣстить Тихона заштатнымъ чиновникомъ въ канцелярію; но, тотчасъ послѣ смерти родителя, Тихонъ вышелъ въ отставку. Вѣчныя тревоги, мучительная борьба съ голодомъ и голодомъ, тоскливое уныніе матери, хлопотливое отчаяніе отца, грубыя притѣсненія хозяевъ и лавочника, все это ежедневное, непрерывное горе развило въ Тихонѣ робость неизъяснимую: при одномъ видѣ начальнаго онъ трепеталъ и замиралъ, какъ пойманная птичка. Онъ бросилъ службу. Равнодушная, а можетъ быть и насмѣшливая природа влагаетъ въ людей разныя способности и наклонности, нисколько не соображаясь съ ихъ положеніемъ въ обществѣ и средствами; съ свойственною ей заботливостію и любовью вылѣпила она изъ Тихона, сына бѣднаго чиновника, существо чувствительное, лѣтливое, мягкое, воспримчивое—существо, исключительно обращенное къ наслажденію, одаренное чрезвычайно-тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ... вылѣпила, тщательно отдѣлала и—предоставила своему произведенію вырастать на кислой капустѣ и тухлой рыбѣ. И вотъ оно выросло, это произведеніе, началъ, какъ говорится, «жить». Пошла потѣха. Судьба, неотступно терзавшая Недопюскина-отца, принялась и за сына: видно разлакомилась. Но съ Тихономъ она поступила иначе: она не мучила его—она имъ забавлялась. Она ни разу не доводила его до отчаянія, не заставляла испытать постыдныхъ мукъ голода, но мыкала имъ по всей Россіи, изъ Великаго-Устюга въ Царево-Кохшайскъ, изъ одной унижительной и смѣшной должности въ другую: то жаловала его въ «мажордомы» къ сварливой и желчной барынѣ-благодѣтельницацѣ, то помѣщала въ нахлѣбники къ богатому скрагѣ-кушпу, то опредѣляла въ начальники домашней канцеляріи дупоглазаго барина, стриженнаго на англійскій манеръ, то производила въ полу-дворецкіе, полу-шуты къ псовому охотнику... Словомъ, судьба заставляла бѣднаго Тихона вышитъ по каллѣ и до капли весь горькій и ядовитый напитокъ подчиненнаго существованія. Послужилъ онъ на своемъ вѣку тяжелой прихоти, заспанной и злобной скукѣ празднаго барства... Сколько разъ, наединѣ, въ своей комнатѣ, отпущенный наконецъ «съ Богомъ» натѣшившейся въ сласть ватагою гостей, клялся онъ, весь пылая стыдомъ, съ холодными слезами отчаянія на глазахъ, на другой же день убѣжать тайкомъ, попытать своего счастья въ городѣ, смыснуть себѣ хоть писарское мѣстечко или ужъ за одинъ разъ умереть съ голоду на улицѣ. Да, во-первыхъ, силы Богъ не далъ; во-вторыхъ, робость разбирала, а въ-третьихъ, наконецъ, какъ себѣ мѣсто выхлопотать, кого просить? «Не дадутъ», шепталъ, бывало, несчастный, уныло переворачиваясь на постели, «не дадутъ.» И на другой день снова принимался тануть ламку. Тѣмъ мучительнѣе было его по-

юженіе, что та же заботливая природа не потрудилась надѣлать его хоть малой толикой тѣхъ способностей и дарованій, безъ которыхъ ремесло забавника почти невозможно. Онъ, напримѣръ, не умѣлъ ни плясать до упаду въ медвѣжьей шубѣ навыворотъ, ни балагурить и любезничать въ непосредственномъ содѣйствіи расхолодившихся арапниковъ; выставленный на двадцатиградусный морозъ, онъ иногда простужался; желудокъ его не варилъ ни вина, смѣшаннаго съ чернилами и прочей дрянью, ни крошенныхъ мухоморовъ и сирожжекъ съ уксусомъ. Господь вѣдаетъ, что бы стало съ Тихономъ, если бы послѣдній изъ его благодѣтелей, разбогатѣвшій отступникъ, не вздумалъ въ веселый часъ приписать въ своемъ завѣщаніи: «а Зѣвъ (Тихону тожъ) Недопюскину предоставляю въ вѣчное и потомственное владѣніе благопріобрѣтенную мною деревню Безселендѣвку со всѣми угодьями.» Нѣсколько дней спустя, благодѣтеля, за стерляжьей ухой, прихлопнулъ параличъ. Поднялся гвалтъ, судъ награнулъ, опечатавъ имущество, какъ слѣдуетъ. Съѣхались родные; раскрыли завѣщаніе; прочли, потребовали Недопюскина. Явился Недопюскинъ. Большая часть собранья знала, какую должность Тихонъ Иванычъ занималъ при благодѣтелѣ: оглушительныя восклицанія, насмѣшливыя поздравленія посыпались ему на встрѣчу. «Помѣщикъ! вотъ онъ, новый помѣщикъ!» кричали прочіе наследники.—«Вотъ ужъ того», подхватилъ одинъ извѣстный шутникъ и острякъ, «вотъ ужъ точно можно сказать... вотъ ужъ дѣйствительно... того... что называется... того.... наследникъ». И всѣ такъ и прыснули. Недопюскинъ долго не хотѣлъ вѣрить своему счастью. Ему показали завѣщаніе,—онъ покраснѣлъ, зажмурился, началъ отмахиваться руками и зарыдалъ въ три-ручья. Хохотъ собранья превратился въ густой и слитный ревъ. Деревня Безселендѣвка состояла всего изъ двадцати двухъ душъ крестьянъ; никто о ней не сожалѣлъ сильно, такъ почему же, при случаѣ, не потѣшиться? Одинъ только наследникъ изъ Петербурга, важный мужчина съ греческимъ носомъ и благородѣйшимъ выраженіемъ лица, Ростиславъ Адамчычъ Штоппель, не вытерпѣвъ, пододрвинулся бокомъ къ Недопюскину и надменно глянулъ на него черезъ плечо.—«Вы, сколько я могу замѣтить, милостивый государь», заговорилъ онъ презрительно-небрежно, «состояли у почтеннаго Федора Федорыча въ должности потѣшваго, такъ сказать, прислужника?» Господинъ изъ Петербурга выражался языкомъ востерно чистымъ, бойкимъ и правильнымъ. Разстроенный, взволнованный Недопюскинъ не разслушалъ словъ незнакомаго ему господина, но прочіе тотчасъ всѣ замолкли: острякъ снисходительно улыбнулся. Г. Штоппель потеръ себѣ руки и повторилъ свой вопросъ. Недопюскинъ съ изумленіемъ поднялъ глаза и раскрылъ ротъ. Ростиславъ Адамчычъ азвительно прищурился.

— Поздравляю васъ, милостивый государь, поздравляю, продолжалъ онъ:— правда не всякій, можно сказать, согласился бы такимъ образомъ зарррработывать себѣ насущный хлѣбъ: но—*de gustibus non est disputandum*, то-есть, у всякаго свой вкусъ... Не правда-ли?

Кто-то въ заднихъ рядахъ быстро, но прилично взвизгнулъ отъ удивленія и восторга.

— Скажите, подхватилъ г. Штоппель, сильно поощренный улыбками всего собранія:—какому таланту въ особенности вы обязаны своимъ счастіемъ? Нѣтъ, не стыдитесь, скажите; мы всѣ здѣсь, такъ сказать, свои, *en famille*. Не правда-ли, господа, мы здѣсь *en famille*?

Наслѣдникъ, къ которому Ростиславъ Адамчычъ случайно обратился съ этимъ вопросомъ, къ сожалѣнію, не зналъ по-французски и потому ограничился однимъ одобрительнымъ и легкимъ кряхтѣніемъ. За то другой наслѣд-

никъ, молодой человекъ, съ желтоватыми пятнами на лбу, послѣшно подхва- тилъ: «вуй, вуй, разумѣется».

— Можетъ быть, снова заговорилъ г. Штоппель:—вы умѣете ходить на рукахъ, поднявши ноги, такъ сказать, вверху?

Недолюскинъ съ тоской поглядѣлъ кругомъ—всѣ лица злобно усмѣхались, всѣ глаза покрылись влагой удовольствія.

— Или, можетъ быть, вы умѣете пѣть какъ пѣтухъ?

Взрывъ хохота раздался кругомъ и стихъ тотчасъ, заглушенный ожиданіемъ.

— Или, можетъ быть, вы на носу...

— Перестаньте! перебилъ вдругъ Ростислава Адамыча рѣзкій и громкій голосъ:—какъ вамъ не стыдно мучить бѣднаго человѣка.

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ Чертапхановъ. Въ качествѣ четверо- юроднаго племянника покойнаго откупщика, онъ тоже получилъ пригластель- ное письмо на родственныи сѣздъ. Во все время чтенія, онъ, какъ всегда, держался въ гордомъ отдаленіи отъ прочихъ.

— Перестаньте, повторилъ онъ, гордо закинувъ голову.

Г. Штоппель быстро обернулся и, увидавъ человѣка бѣдно одѣтаго, нека- зистаго, вполголоса спросилъ у сосѣда (осторожность никогда не мѣшаетъ):

— Кто это?

— Чертапхановъ, неважная птица, отвѣчалъ ему тотъ на ухо.

Ростиславъ Адамычъ принялъ надменный видъ.

— А вы что за командиръ? проговорилъ онъ въ носъ и прищурилъ глаза.— Вы что за птица, позвольте спросить?

Чертапхановъ вспыхнулъ, какъ порохъ отъ искры. Бѣшенство захватило ему дыханье.

— Дз-дз-дз, зашипѣлъ онъ словно раздавленный, и вдругъ загремѣлъ:— Кто я? кто я? Я Пантелей Чертапхановъ, столбовой дворянинъ, мой прапра- щуръ царю служилъ, а ты кто?

Ростиславъ Адамычъ поблѣднѣлъ и шагнулъ назадъ. Онъ не ожидалъ та- кого отпора.

— Я птица?! я, я птица?!.. О, о, о!...

Чертапхановъ ринулся впередъ: Штоппель отскочилъ въ большомъ волненіи, гостя бросились на-встрѣчу раздраженному помѣщику.

— Стрѣляться, стрѣляться, сейчасъ стрѣляться черезъ платокъ! кричалъ разсвѣрѣбшій Пантелей:—или проси извиненія у меня, да и у него...

— Просите, просите извиненія, бормотали вокругъ Штоппеля встревожен- ные наслѣдники:—онъ вѣдъ такой сумасшедшій, — готовъ зарѣзать.

— Извините, извините, я не зналъ, залепеталъ Штоппель;— я не зналъ...

— И у него проси! возопилъ неугомонный Пантелей.

— Извините и вы, прибавилъ Ростиславъ Адамычъ, обращаясь къ Недолю- скину, который самъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Чертапхановъ успокоился, подошелъ къ Тихону Иванычу, взялъ его за руку, дерзко глянулъ кругомъ и, не встрѣчая ни одного взора, торжественно, среди глубокаго молчанія вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ бла- гопріобрѣтенной деревни Безселендѣвки.

Съ того самаго дня они уже болѣе не разставались. (Деревня Безселен- дѣвка отстояла всего на восемь верстъ отъ Безсонова). Неограниченная бла- годарность Недолюскина скоро перешла въ подобострастное благоговѣніе. Сля- быи, мягкій и не совсѣмъ чистый Тихонъ склонился во прахъ передъ безбо- язненнымъ и безкорыстнымъ Пантелеемъ. «Легкое-ли дѣло!» думалъ онъ иногда

про себя, «съ губернаторомъ говорить, прямо въ глаза ему смотреть... вотъ-те Христовъ, — такъ и смотреть!»

Онъ удивлялся ему до недоумѣнія, до изнеможенія душевныхъ силъ, почиталъ его человѣкомъ необыкновеннымъ, умнымъ, ученымъ. И то сказать, какъ ни было худо воспитаніе Чертапханова, все-же, въ сравненіи съ воспитаніемъ Тихова оно могло показаться блестящимъ. Чертапхановъ, правда, по-русски читалъ мало, по-французски понималъ плохо, до того плохо, что однажды на вопросъ гувернера изъ швейцарцевъ: «Vous parlez français, monsieur?» отвѣчалъ: — Жѣ не разумѣю; и подумавъ немного, прибавилъ: — Па! — но все-таки онъ помнилъ, что былъ на свѣтѣ Вольтеръ, преострый сочинитель, и что Фридрихъ Великій, прусскій король, на военномъ поприщѣ тоже отличался. Изъ русскихъ писателей уважалъ онъ Державина, а любилъ Марлинскаго, и лучшаго кобеля прозвалъ Аммалатъ-Бекомъ...

Нѣсколько дней спустя послѣ первой моей встрѣчи съ обоими пріятелями, отправился я въ селцо Безсоново къ Пантелею Еремѣичу. Издали видѣлся небольшой его домикъ; онъ торчалъ на голомъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ деревни, какъ говорится «на-юру», словно ястребъ на пашнѣ. Вся усадьба Чертапханова состояла изъ четырехъ ветхихъ срубовъ разной величины, а именно: изъ флигеля, конюшни, сарая и бани. Каждый срубъ сидѣлъ отдѣльно, самъ по себѣ: ни забора кругомъ, ни воротъ не замѣчалось. Кучеръ мой остановился въ недоумѣніи у полусгнившаго и засореннаго колодца. Возлѣ сарая нѣсколько худыхъ и взъерошенныхъ борзыхъ щенковъ терзали дохлую лошадь, вѣроятно, Орбассана; одинъ изъ нихъ поднялъ-было окровавленную морду, полаялъ торопливо и снова принялся глотать обнаженные ребра. Подлѣ лошади стоялъ малый лѣтъ семнадцать, съ пухлымъ и желтымъ лицомъ, одѣтый казачкомъ и босоногий: онъ съ важностію осматривалъ на собакъ, порученныхъ его надзору, и изрѣдка пострегивалъ арапникомъ самыхъ алчныхъ.

— Дома баринъ? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ! отвѣчалъ малый. — Постучитесь.

Я соскочилъ съ дрожжекъ и подошелъ къ крыльцу флигеля. Жилище господина Чертапханова являло видъ весьма печальный: бревна почернѣли и высушились впередъ «брюхомъ», труба обваливалась, углы подопрѣли и покачивались, небольшія тускло-сізья окошечки невыразимо кисло поглядывали изъ-подъ косматой, нахлобученной крыши: у иныхъ стѣрухъ-потаскушекъ бывають такіе глаза. Я постучался; никто не откликнулся. Однако мнѣ за дверью слышались рѣзко произносимыя слова:

— Азъ, буки, вѣди; да ну-же, дуракъ, говорилъ сильный голосъ: — азъ, буки, вѣди, глаголь... да нѣтъ! глаголь, добро, есть! есть!... Ну-же, дуракъ!

Я постучался въ другой разъ.

Тотъ-же голосъ закричалъ: — Войди, — кто тамъ...

Я вошелъ въ пустую маленькую переднюю и сквозь растворенную дверь увидалъ самого Чертапханова. Въ засаленномъ бухарскомъ халатѣ, широкихъ шароварахъ и красной ермолкѣ, сидѣлъ онъ на стулѣ; одной рукой стискивалъ онъ молодому пуделю морду, а въ другой держалъ кусокъ хлѣба надъ самымъ его носомъ.

— А! проговорилъ онъ съ достоинствомъ и не трогаясь съ мѣста: — очень радъ вашему посѣщенію. Милости прошу садиться. А я вотъ съ Вензоромъ вокусъ... Тихоль Иваилычъ, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ: — пожалуйста сюда. Гость пріѣхалъ.

— Сейчас, сейчас, отвѣчать изъ сосѣдней комнаты Тихонъ Иванчъ. — Маша, подай галстукъ.

Чертанхановъ снова обратился къ Вензору и положилъ ему кусокъ хлѣба на постъ. Я посмотрѣлъ кругомъ. Въ комнатѣ, кромѣ раздвижнаго, покоробленнаго стола на тринадцать ножекъ неровной длины, да четырехъ продавленныхъ соломенныхъ стульевъ, не было никакой мебели; давнымъ-давно выбитыя стѣны, съ синими пятнами въ видѣ звѣздъ, во многихъ мѣстахъ облупились; между окнами висѣло разбитое и тусклое зеркальцо, въ огромной рамѣ подъ красное дерево. По угламъ стояли чубуки да ружья; съ потолка спускались толстыя и черныя нити паутины.

— Аъ, буки, вѣди, глаголь, добро, медленно произносилъ Чертанхановъ и вдругъ пенствова воскликнулъ: — есть! есть! есть!.. Экое глупое животное!.. есть!

Но злополучный пудель только вздрагивалъ и не рѣшался разинуть ротъ; онъ продолжалъ сидѣть поджавши болѣзненно хвостъ, и, скрививъ морду, уныло моргалъ и шурлился, словно говорилъ про себя: — извѣстно, воля ваша!

— Да ѣшь, на, ниль! повторилъ неугомонный помѣщикъ.

— Вы его запугали, замѣтилъ я.

— Ну, такъ прочь его!

Онъ пихнулъ его ногой. Бѣднякъ поднялся тихо, сронилъ хлѣбъ долой съ поса и пошелъ, словно на дыпочкахъ, въ переднюю, глубоко оскорбленный. И дѣйствительно: чужой человѣкъ въ первый разъ прѣхалъ, а съ нимъ вотъ какъ поступаютъ.

Дверь изъ другой комнаты осторожно скрипнула, и г. Недопоскинъ вошелъ, пріятно раскланиваясь и улыбаясь.

Я всталъ и поклонился.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, залепеталъ онъ.

Мы усѣлись. Чертанхановъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Давно вы пожаловали въ наши палестины? заговорилъ Недопоскинъ мягкимъ голосомъ, осторожно кашлянувъ въ руку и, для приличья, подержавъ пальцы передъ губами.

— Другой мѣсяцъ пошелъ.

— Вотъ какъ-съ.

Мы помолчали.

— Пріятная нонеча стоитъ погода, продолжалъ Недопоскинъ и съ благодарностію посмотрѣлъ на меня, какъ будто-бы погода отъ меня зависѣла: — хлѣба, можно сказать, удивительные.

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія. Мы опять помолчали.

— Пантелей Еремѣичъ вчера двухъ русаковъ извоили затравить, не безъ усилія заговорилъ Недопоскинъ, явно желавшій оживить разговоръ: — да-съ, пребольшихъ-съ русаковъ-съ.

— Хорошія у г. Чертанханова собаки?

— Преудивительныя-съ! съ удовольствіемъ возразилъ Недопоскинъ: — можно сказать, первыя по губерніи. (Онъ пододвинулся ко мнѣ). Да что-съ! Пантелей Еремѣичъ такой человѣкъ! Что только пожелаетъ, вотъ что только вздумаетъ — глядишь, ужъ и готово, все ужъ такъ и кипитъ-съ. Пантелей Еремѣичъ, слажу вамъ...

Чертанхановъ вошелъ въ комнату. Недопоскинъ усмѣхнулся, умолкъ и показавъ мнѣ на него глазами, какъ-бы желая сказать: вотъ вы сами убѣдитесь. Мы пустились толковать объ охотѣ.

— Хотите, я вамъ покажу свою свору? спросилъ меня Чертапхановъ и, не дождавшись отвѣта, позвалъ Карпа.

Вошелъ дюжій парень въ нанковомъ кафтанѣ зеленого цвѣта съ голубымъ воротникомъ и ливрейными пуговицами.

— Приважи Оумѣ, отрывисто проговорилъ Чертапхановъ:—привести Аммата и Сайгу, да въ порядкѣ, понимаешь?

Карпъ улыбнулся во весь ротъ, издавъ неопредѣленный звукъ и вышелъ. Явился Оумка, причесанный, затаянный, въ сапогахъ и съ собаками. Я, ради приличія, полюбовался глупыми животными (борзья всѣ чрезвычайно глупы), Чертапхановъ поплевалъ Аммату въ самыя поздри, что, впрочемъ, повидимому, не доставило этому псу ни малѣйшаго удовольствія. Недоюскинъ также сзади поласкалъ Аммата. Мы опять принялись болтать. Чертапхановъ по-всему смягчился совершенно, пересталъ пѣтушиться и фыркать; выраженье лица его измѣнилось. Онъ глянулъ на меня и на Недоюскина...

— Э! воскликнулъ онъ вдругъ:—что ей тамъ сидѣть одной? Маша! а, Маша! поди-ка сюда.

Кто-то зашевелился въ сосѣдней комнатѣ, но отвѣта не было.

— Ма-а-ша, ласково повторилъ Чертапхановъ: поди сюда. Ничего, не бойся.

Дверь тихонько растворилась, и я увидалъ женщину лѣтъ двадцати, высокую и стройную, съ цыганскимъ смуглымъ лицомъ, изжелта-карими глазами и черною какъ смоль косою; большіе бѣлые зубы такъ и сверкали изъ-подъ полныхъ и красныхъ губъ. На ней было бѣлое платье; голубая шаль, заколотая у самого горла золотой булавкой, прикрывала до половины ея тонкія, породистыя руки. Она шагнула раза два съ застѣнчивой неловкостью дикарей, остановилась и потупилась.

— Вотъ рекомендую, промолвилъ Пантелей Еремѣичъ:—жена не жена, а почитай что жена.

Маша слегка вспыхнула и съ замѣшательствомъ улыбнулась. Я повлонился ей пониже. Очень она мнѣ нравилась. Тоненькій орлиный носъ, съ открытыми полурозрачными поздрями, смѣлый очеркъ высокыхъ бровей, блѣдныя, чуть-чуть впалыя щеки,—всѣ черты ея лица выражали своеобразную страсть и беззаботную удаль. Изъ-подъ закрученной косы внизъ по широкой шеѣ шли двѣ грядки блестящихъ волосиковъ—признакъ крови и силы.

Она подошла къ окну и сѣла. Я не хотѣлъ увеличить ея смущенья и заговорилъ съ Чертапхановымъ. Маша легонько повернула голову и начала изъ-подлюба на меня поглядывать, украдкой, дико, быстро. Взоръ ея такъ и мелькалъ, словно змѣиное жало. Недоюскинъ подсѣлъ къ ней и шепнулъ ей что-то на ухо. Она опять улыбнулась. Улыбаясь, она слегка морщила носъ и приподнимала верхнюю губу, что придавало ея лицу не то кошачье, не то львиное выраженіе...

— О, да ты «нетронъ меня», подумалъ я, въ свою очередь украдкой по-настривая на ея гибкій станъ, впалую грудь и угловатя, проворныя движенія.

— А что, Маша, спросилъ Чертапхановъ:—надобно-бы гостя чѣмъ-нибудь и поподчивать, а?

— У насъ есть варенье, отвѣчала она.

— Ну, подай сюда варенье, да ужъ и водку кстати. Да послушай, Маша, закричалъ онъ ей вслѣдъ:—принеси тоже гитару.

— Для чего гитару? я пѣть не стану.

— Отчего?

— Не хочется.

- Э, пустяки, захочется, коли...
- Что?! спросила Маша, быстро наморщивъ брови.
- Коли попросятъ, договорилъ Чертапхановъ не безъ смущенія.
- А!

Она вышла, скоро вернулась съ вареньемъ и водкой, и опять сѣла у окна. На лбу ея еще видѣлась морщинка; обѣ брови поднимались и опускались, какъ усики у осы... Замѣтили ли вы, читатель, какое злое лицо у осы? Ну, подумалъ я, быть грозѣ. Разговоръ не клеился. Недопюскинъ притихъ совершенно и напряженно улыбался; Чертапхановъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и выпучивалъ глаза; я уже собирался уѣхать... Маша вдругъ приподнялась, разомъ отворила окно, высунула голову и съ сердцемъ закричала проходившей бабѣ: «Аксинья!» Баба вздрогнула, хотѣла-было повернуться, да поскользнулась и тяжело шлепнулась на землю. Маша опрокинулась назадъ и звонко захохотала: Чертапхановъ тоже засмѣялся, Недопюскинъ запищалъ отъ восторга. Мы всѣ встрепнулись. Гроза разразилась одной молніей... воздухъ очистился.

Полчаса спустя, насъ-бы никто не узналъ: мы болтали и шалили, какъ дѣти. Маша рѣзвилась пуще всѣхъ. — Чертапхановъ такъ и пожиралъ ее глазами. Лицо у ней поблѣднѣло, ноздри расширились, взоръ запылалъ и потемнѣлъ въ одно и то же время. Дикарка разыгралась. Недопюскинъ ковылялъ за ней на своихъ толстыхъ и короткихъ ножкахъ, какъ селезень за уткой. Даже Вензоръ выполозъ изъ-подъ прилавка въ передней, постоялъ на порогѣ, поглядѣлъ на насъ и вдругъ принялся прыгать и лаять. Маша выпорхнула въ другую комнату, принесла гитару, сбросила шабъ съ плечъ долой, проворно сѣла, подняла голову и запѣла цыганскую пѣсню. Ея голосъ звенѣлъ и дрожалъ, какъ надтреснутый стеклянный колокольчикъ, вспыхивалъ и замиралъ... Любо и жутко становилось на сердцѣ. — «Ай жги, говори!...» Чертапхановъ пустился въ плясъ. Недопюскинъ затопалъ и засѣменилъ ногами. Машу всю поводило, какъ бересту на огнѣ: тонкіе пальцы рѣзко бѣгали по гитарѣ, смуглое горло медленно приподнималось подъ двойнымъ янтарнымъ ожерельемъ. То вдругъ она умолкала, опускалась въ изнеможеніи, словно неохотно щипала струны, и Чертапхановъ останавливался, только плечикомъ подергивалъ да на мѣстѣ переминался, а Недопюскинъ покачивалъ головой, какъ фарфоровый китаецъ; — то снова заливалась она какъ безумная, выпрямливала станъ и выставляла грудь, и Чертапхановъ опять присѣдалъ до земли, подскакивалъ подъ самыи поолокъ, вертѣлся юлой, вскрикивалъ: «живо!»...

- Живо, живо, живо, живо! скороговоркой подхватывалъ Недопюскинъ.
- Поздно вечеромъ уѣхалъ я изъ Безсонова...

И. С. Тургеневъ прервалъ тогда на этомъ мѣстѣ рассказъ, заключивъ общаіемъ досказать конецъ „когда-нибудь, въ другой разъ.“ — *Ред.*

I.

Года два спустя послѣ моего посѣщенія у Пантелея Еремиича начались его бѣдствія — именно бѣдствія. Неудовольствія, неудачи и даже несчастія случались съ нимъ и до того времени, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и «царствовалъ»

вопреки ему. Первое видѣніе, поразившее его, было для него самое чувствительное: Маша разсталась съ нимъ.

Что заставило ее покинуть его кровъ, съ которымъ она, казалось, такъ хорошо свыклась — сказать трудно. Чертакхановъ до конца дней своихъ держался того убѣжденія, что виною Машиной измѣны былъ нѣкій молодой сосѣдъ, отставной уланскій ротмистръ, по прозвищу Яффу, который, по словамъ Пантелеса Еремѣича, только тѣмъ и бралъ, что непрерывно крутить усы, чрезвычайно сильно помадился и значительно хмыкалъ; но полагать надо, тутъ скорѣе способствовала бродячая цыганская кровь, которая текла въ жилахъ Маши. Какъ бы то ни было; только въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, Маша, завязавъ все-какія-то тряпки въ небольшой узелокъ, отправилась вонъ изъ Чертакхановскаго дома.

Она передъ тѣмъ просидѣла дня три въ углу, скорчившись и прижавшись къ стѣнѣ, какъ раненная лисица — и хоть бы слово кому промолвила — все только глазами поводила да задумывалась, да подрыгивала бровями, да слегка зубы скалила, да руками перебирала, словно куталась. Этакой «стихъ» и прежде на нее находилъ, но никогда долго не продолжался; Чертакхановъ это зналъ — а потому и самъ не беспокоился и ее не беспокоилъ. Но когда, вернувшись съ царскаго двора, гдѣ, по словамъ его доѣзжачаго, послѣднія двѣ гончія «окачурелись» — онъ встрѣтилъ служанку, которая трепетнымъ голосомъ доложила ему, что Марія-моль Акинѣевна велѣли имъ кланяться, велѣли сказать, что желаютъ имъ всего хорошаго, а ужъ больше къ нимъ не вернуться, — Чертакхановъ, покружившись раза два на мѣстѣ и издавъ хрипловъ рычаніе, тотчасъ бросился вслѣдъ за бѣглянкой — да кстати захватилъ съ собою пистолеть.

Онъ нагналъ ее въ двухъ верстахъ отъ своего дома, возлѣ березовой рощицы, на большой дорогѣ въ уѣздный городъ. Солнце стояло низко надъ небосводомъ — и все кругомъ внезапно побагровѣло: деревья, травы и земля.

— Въ Яффу! въ Яффу! простоналъ Чертакхановъ, какъ только увидѣлъ Машу, — въ Яффу! повторилъ онъ, подбѣгая къ ней и чуть не спотыкаясь на каждомъ шагѣ.

Маша остановилась и обернулась къ нему лицомъ. Она стояла спиною къ свѣту — и казалась вся черная, словно изъ темнаго леса вырванная. Одни бѣлые глазъ выдѣлялись серебрянными медальонами, а сами глаза — зрачки — еще болѣе потемнѣли.

— Она бросила свой узелокъ въ сторону и скрестила руки.

— Въ Яффу отправилась, негодница! повторилъ Чертакха-

новъ и хотѣлъ-было схватить её за плечо—но, встрѣченный ея взглядомъ, опѣшилъ и замаялся на мѣстѣ.

— Не въ г. Яффу я пошла, Павтелей Еремѣичъ, отвѣтила Маша ровно и тихо; а только съ вами я уже больше жить не могу.

— Какъ не можешь жить? Это отчего? Я развѣ тѣмъ тебя обидѣлъ? Маша покачала головою.— Не обидѣли вы меня ничѣмъ, Павтелей Еремѣичъ, а только стосковалась я у васъ... За прошлое спасибо, а остаться не могу—нѣтъ!

Чертапхановъ изумился; онъ даже руками себя по лямкамъ хлопнулъ и подпрыгнулъ.

— Какъ же это такъ? Жила, жила, кромѣ удовольствія и спокойствія ничего не видала—и вдругъ: стосковалась! Семь-молъ, брошу я его! Взяла, платокъ на голову навинуду—да и пошла. Всякое уваженіе получала не хуже барыни...

— Этого мнѣ хоть бы и не надо, перебила Маша.

— Какъ не надо? Изъ цыганки-проходимицы въ барыни попала—да: не надо? Какъ не надо, Хамово ты отродье? Развѣ этому можно повѣрить? Тутъ измѣна вродится, измѣна!

Онъ опять зашипѣлъ.

— Никакой измѣны у меня въ мысляхъ нѣту и не было, проговорила Маша своимъ пѣвучимъ и четкимъ голосомъ; а я ужъ вамъ сказывала: тоска меня взяла.

— Маша! воскликнулъ Чертапхановъ и ударилъ себя въ грудь кулакомъ, ну перестань, полно, помучила... ну довольно! Ей-Богу же! подумай только, что Тина скажетъ; ты бы хоть его пожалѣла!

— Тихону Ивановичу поклонитесь отъ меня и скажите ему... Чертапхановъ взмахнулъ руками.— Да нѣтъ, врешь же—не уйдешь! Не дождется тебя твой Яффа!

— Господинъ Яффа, начала было Маша...

— Какой онъ *гас-па-данъ* Яффа, передразнилъ её Чертапхановъ. Онъ самый, какъ есть, выжига, пройдоха—и рожа у него какъ у обезьяны!

Цѣлыхъ полчаса бился Чертапхановъ съ Машей, Онъ то подходилъ къ ней близко, то отскакивалъ, то замахивался на неё, то кланялся ей въ поясъ, плакалъ, бранился... Не могу, твердила Маша: грустно мнѣ таково... Тоска замучить. Пожемогу ея лицо приняло такое равнодушное, почти сонливое выраженіе, что Чертапхановъ спросилъ её, ужъ не опомли ли её дурманомъ?

— Тоска, проговорила она въ десятый разъ...

— А ну какъ я тебя убью? крикнулъ онъ вдругъ и выхватилъ пистолеть изъ кармана.

Маша улыбнулась; ея лицо оживилось.

— Чтожь? убейте, Пантелей Еремѣичъ; въ вашей волѣ; а вернуться я не вернусь.

— Не вернешься? Чертапхановъ взвелъ курошь.

— Не вернусь, голубчикъ. Ни въ жизнь не вернусь. Слово моё крѣпко.

Чертапхановъ внезапно сунулъ ей пистолеть въ руку и при- сѣлъ на землю.

— Ну такъ убей *ты* меня! безъ тебя я жить не желаю. Опостылѣлъ я тебѣ—и всё мнѣ стало постыло.

Маша нагнулась, подняла свой узелокъ, положила пистолеть на траву, дуломъ прочь отъ Чертапханова и пододвинулась къ нему.

— Эхъ, голубчикъ, чего ты убиваешься? Али нашихъ се- стеръ цыганокъ не вѣдаешь? Нравъ нашъ таковъ, обычай. Коли завелась тоска-разлучница, отзываетъ душеньку во чужу-дальню сторонуньку—гдѣ ужъ тутъ оставаться? Ты Машу свою помни— другой такой подруги тебѣ не найти—и я тебя не забуду, со- вола моего;—а жизнь наша съ тобой кончена!

— Я тебя любилъ, Маша, проборматалъ Чертапхановъ въ пальцы, которыми онъ охватилъ лицо....

— И я васъ любила, дружочикъ Пантелей Еремѣичъ!

— Я тебя любилъ, я люблю тебя безъ ума, безъ памяти— и какъ подумаю я теперь, что ты этакъ, ни съ того ни съ сего, здорово-живешь, меня покидаешь да по свѣту скитаться ста- вешь—ну и представляется мнѣ, что не будь я голякъ горе- мичный, не бросила ты бы меня!

На эти слова Маша только усмѣхнулась.

— А ещѣ безсеребренницей меня звалъ! промолвила она и съ размаху ударила Чертапханова по плечу.

Онъ вскочилъ на ноги.

— Ну хоть денегъ у меня возьми—а то какъ же такъ безъ гроша? Но лучше всего: убей ты меня! Сказываю я тебѣ толкомъ; убей ты меня за-разъ!

Маша опять головою повачала.—Убить тебя? А въ Сибирь- то, голубчикъ, за что ссылають?

Чертапхановъ дрогнулъ.—Такъ ты только изъ-за этого, изъ- за страха каторги...

Онъ опять повалился на траву.

Маша молча постояла надъ нимъ.—Жаль мнѣ тебя, Пантелей Еремѣичъ, сказала она со вздохомъ;—человѣкъ ты хорошій... а дѣлать нечего: прощай!

Она повернулась прочь и шагнула раза два. Ночь уже на-

ступала и отовсюду наплывали тусклія тѣни. Чертапхановъ проворно поднялся и схватилъ Машу сзади за оба локтя.

— Таѣъ ты уходишь, змѣя? Къ Яффу!

— Прощай! выразительно и рѣзко повторила Маша, вырвалась и пошла.

Чертапхановъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, подбѣжалъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ пистолеть, схватилъ его, прицѣлился, выстрѣлилъ... Но прежде чѣмъ позать пружинку курка, онъ дернулъ рукою вверху: пуля прожужжала надъ головою Маши. Она на ходу посмотрѣла на него черезъ плечо — и отправилась дальше, въ развалочку, словно дразня его.

Онъ закрылъ лицо — и бросился бѣжать...

Но онъ не отбѣжалъ еще пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ остановился, словно вкопанный. Знакомый, слишкомъ знакомый голосъ долетѣлъ до него. Маша нѣла. «Вѣкъ юной, прелестный» — гѣла она; каждый звукъ таѣъ и разстилался въ вечернемъ воздухѣ — жалобно и знойно. Чертапхановъ приниѣъ ухомъ. Голосъ уходилъ да уходилъ; то замиралъ, то опять набѣгалъ чуть слышной, но все еще жгучей струйкой...

— Это мнѣ она въ пику, подумалъ Чертапхановъ; но тутъ же простоналъ: охъ, нѣтъ! это она со мной прощается навѣки — и залился слезами.

На слѣдующій день онъ явился въ квартиру г-на Яффа, который, какъ истый свѣтскій человекъ, не жалуя деревенскаго одиночества, поселился въ уѣздномъ городѣ, «поближе къ барышнямъ», какъ онъ выражался. Чертапхановъ не засталъ Яффа: онъ, по словамъ камердинера, наканунѣ уѣхалъ въ Москву.

— Таѣъ и есть! яростно воскликнулъ Чертапхановъ; у нихъ стачка была; она съ нимъ бѣжала... но постой!

Онъ ворвался въ кабинетъ молодого ротмистра, несмотря на сопротивленіе камердинера. Въ кабинетѣ надъ диваномъ висѣлъ портретъ хозяина въ уланскомъ мундирѣ, писанный масляными красками. — А, вотъ гдѣ ты, обезьяна безхвостая! прогремѣлъ Чертапхановъ, вскочилъ на диванъ — и, ударивъ кулакомъ по натянутому холсту, пробилъ въ нѣмъ большую дыру.

— Скажи твоему бездѣльнику барину, обратился онъ къ камердинеру, что за неимѣньемъ его собственной гнусной рожи, дворянинъ Чертапхановъ изуродовалъ его писанную; и коли онъ жалеетъ отъ меня удовольренья, онъ знаетъ гдѣ найти дворянина Чертапханова! — А то я самъ его найду! На дѣѣ моря сыщу подлюю обезьяну!

Сказавъ эти слова, Чертапхановъ соскочилъ съ дивана и торжественно удалился.

Но ротмистръ Яфъфъ никакого удовлетворенія отъ него не потребовалъ — онъ даже не встрѣтился нигдѣ съ нимъ — и Чертапхановъ не думалъ отыскивать своего врага, и никакой исторіи у нихъ не вышло. Сама Маша скоро послѣ того пропала безъ вѣсти. Чертапхановъ запыль-было; однако «очувствовался». Но тутъ постигло его второе бѣдствіе.

II.

А именно: загадочный его пріятель Тихонъ Ивановичъ Недошоскинъ — скончался. Года за два до кончины, здоровье стало крѣпнѣть ему: онъ началъ страдать одышкой, безпрестанно засиная, и, проснувшись, не скоро могъ придти въ себя: уѣздный врачъ увѣрялъ, что это съ нимъ происходили «ударчики». Въ теченіи трехъ дней, предшествовавшихъ удаленію Маши, этихъ трехъ дней, когда она «затосковала», Недошоскинъ пролежалъ у себя въ Безселендѣевкѣ: онъ сильно простудился. Тѣмъ неожиданнѣе поразилъ его поступокъ Маши: онъ поразилъ его едва ли не глубже, чѣмъ самого Чертапханова. По кротости и робости своего нрава, онъ, кромѣ самаго нѣжнаго сожалѣнія о своемъ пріятелѣ, да болѣзненнаго недоумѣнія, ничего не выказалъ... но все въ немъ лопнуло и опустилось. «Вынула она изъ меня душу», шепталъ онъ самому себѣ, сидя на своемъ любимомъ клеенчатомъ диванчикѣ и вертя пальцемъ около пальца. Даже когда Чертапхановъ справился, онъ, Недошоскинъ, не справился — и продолжалъ чувствовать, что «пусто у него внутри». — «Вотъ тутъ», говаривалъ онъ, пощипывая на середину груди, повыше желудка. Такимъ образомъ протянулъ онъ до зимы. Отъ первыхъ морозовъ его одышкѣ полегчало, но за то посѣтилъ его уже не ударчикъ, а ударъ насильный: Онъ не тотчасъ лишился памяти; онъ могъ еще признать Чертапханова и даже на отчаянное восклицаніе своего друга: «что-можь, какъ это ты, Тиха, безъ моего разрѣшенія оставилъ меня, не хуже Маши?» — отвѣтилъ воснѣвающимъ языкомъ: «А я П...а...сей Е...е...ѣвичъ, се...да адъ васъ су...ша...ся». Но едва-едва не помѣшало ему умереть въ тотъ же день, не дожидаясь уѣзднаго врача, которому, при видѣ его едва остывшаго тѣла, осталось только, съ грустнымъ сознаніемъ бренности всего земнаго, потребовать «водочки съ балычвомъ». Имѣніе свое

Тихонъ Ивановичъ завѣщаль, какъ и слѣдовало ожидать, своему почтеннѣйшему благодѣтелю и великодушному покровителю, «Пантелю Еремѣичу Чертапханову»; но почтеннѣйшему благодѣтелю оно большой пользы не принесло, ибо въ скорости было продано съ публичнаго торга—частью для того, чтобы покрыть издержки надгробнаго монумента, статуи, которую Чертапхановъ—(а въ немъ, видно, отозвалась отцовская жылка!) вздумалъ воздвигнуть надъ прахомъ своего пріятеля. Статую эту, долженствовавшую представить молящагося ангела, онъ выписалъ изъ Москвы; но отрекомендованный ему комиссіонеръ, сообразивъ, что въ провинці знатоки скульптуры встрѣчаются рѣдко—вмѣсто ангела, прислалъ ему богиню Флору, много лѣтъ украшавшую одинъ изъ заброшенныхъ подмосковныхъ садовъ Еватерининскаго времени—благо эта статуя, весьма впрочемъ изящная, во вкусѣ рококо, съ пухлыми ручьями, взбитыми пучьями, гирляндой розъ на обнаженной груди и изогнутымъ станомъ, досталась ему, комиссіонеру, даромъ. Таеъ и до сихъ поръ стоитъ мнѳологическая богиня, граціозно приподнявъ одну ногу, надъ могилой Тихона Ивановича, и съ истинно-помпадурской ужимкой посматриваетъ на разгуливающихъ вокругъ нея телятъ и овецъ, этихъ неизмѣнныхъ посвѣтителей нашихъ сельскихъ кладбищъ.

III.

Лишившись своего вѣрнаго друга, Чертапхановъ опять запыль, и на этотъ разъ уже гораздо посерьезнѣе. Дѣла его вовсе подъ-гору пошли. Охотиться стало не на что, послѣднія денежки перевелись, послѣдніе людишки поразбѣжались. Одиночество для Пантелея Еремѣича наступило совершенное: не съ вѣмъ было слово перемолвить, не то, что душу отвести. Одна лишь гордость въ немъ не умалилась. Напротивъ: чѣмъ хуже становились его обстоятельства, тѣмъ надменнѣе и высокомернѣе и неприступнѣе становился онъ самъ. Онъ совсѣмъ одичалъ подъ-вонецъ. Одна утѣха, одна радость осталась у него: удивительный верховой конь, сѣрой масти, донской породы, прозванный имъ Малекъ-Аделемъ, дѣйствительно замѣчательное животное.

Досталъ ему этотъ конь слѣдующимъ образомъ:

Проѣзжая однажды верхомъ по сосѣдней деревнѣ, Чертапхановъ услыхалъ мужичій гамъ и врывъ толпы около кабака. Посреди этой толпы, на одномъ и томъ же мѣстѣ, безпрестанно поднимались и опускались дюжія руки.

— Что тамъ такое произошло? спросилъ онъ свойствен-
нымъ ему начальственнымъ тономъ у старой бабы, стоявшей у
порога своей избы.

Опершись о притолку и какъ бы дремля, поглядывала баба
къ направлению кабака. Бѣлоголовый мальчишка въ ситцевой
рубашенкѣ, съ кипариснымъ крестикомъ на голой груди, сидѣлъ,
распостыря ноги и сложивъ ладони, между ея ладьями: цыпле-
нокъ тутъ же долбилъ задревевѣвшую корку ржаного хлѣба.

— А Господь вѣдаетъ, батюшка, отвѣчала старуха—и, на-
клонившись впередъ, погнала свою сморщенную, темную руку
на голову мальчишки:— слышишь, наши ребята жиды бьютъ.

— Какъ жиды? какого жиды?

— А Господь его вѣдаетъ, батюшка. Проявился у насъ
жидъ какой-то; и отцомъ его принесло— кто его знаетъ? Вася,
иди, сударникъ, къ мамѣ: вѣшь, вѣшь, поскудный!

Баба спугнула цыпленка, а Вася ухватился за ея паневу.

— Такъ вотъ его и бьютъ, сударь тв мой.

— Какъ бьютъ? за что?

— А не знаю, батюшка. Стало, за дѣло. Да и какъ не
бить? Вѣдь онъ, батюшка, Христа распялъ!

Чертахановъ гинулъ, вытанулъ лошадей нагайкой по шеѣ,
попался прямо на толпу—и ворвавшись въ нее, началъ той же
самою нагайкой бѣсъ разбору дупить мужиковъ направо и на-
лѣво, приговаривая прерывистымъ голосомъ: — Само...управство!
Само...у...правство! Законъ долженъ наказывать—а не част...ны...я
ш...ца! Законъ! Законъ!! За...ко...омъ!!!

Двухъ минутъ не прошло, какъ уже вся толпа отхлынула въ
разныя стороны—и на землѣ, передъ дверью кабака, оказалось
небольшое, худощавое, черномазое существо въ нанковомъ каф-
танѣ, растрепанное и истерзанное... Блѣдное лицо, закатившіеся
глаза, раскрытый ротъ... Что это? замираніе ужаса или уже
самая смерть?

— Это вы зачѣмъ жиды убили? громогласно воскликнулъ
Чертахановъ, грозно потрясая нагайкой.

Толпа слабо загудѣла въ отвѣтъ. Иной мужикъ держался за
пашо, другой за боль, третій за носъ.

«Здоровъ драться-то!» послышалось въ заднихъ рядахъ.

«Съ нагайкой-то! этакъ-то великій!» промолвилъ другой голосъ.

— Жиды зачѣмъ убили? спрашиваю я васъ, азиаты огла-
шенные! повторилъ Чертахановъ.

Но тутъ лежачее на землѣ существо проворно вскочило на

ноги, и забываясь за Чертапханова, судорожно ухватилось за край его сѣдла.

Дружный хохот грянулъ среди толпы.

«Живучь!» послышалось опять въ заднихъ рядахъ. — «Та же кошка!»

— Васе высокоблагородіе, заступитесь, спасите, ланеталъ между тѣмъ несчастный жидъ, всею грудью прижимаясь къ ногѣ Чертапханова: — а то они убьютъ, убьютъ меня, васе высокоблагородіе!

— За что они тебя?, спросилъ Чертапхановъ.

— Да ей же Богу не могу сказать! — Тутъ вотъ у ники скотинка помирать стала... такъ они и подозреваютъ... а я зе...

— Ну! Это мы разберемъ послѣ! перебилъ Чертапхановъ — а теперь ты держись за сѣдло да ступай за мною. — А вы! прибавилъ онъ, обернувшись къ толпѣ. — вы знаете меня? — Я помѣщикъ Пантелей Чертапхановъ, живу въ селѣхъ Бессоновѣ, — ну и значить, жалуйтесь на меня, когда заблагоразсудится — да и на жидка кстати!

— Зачѣмъ жаловаться? проговорилъ съ низкимъ поклономъ сѣдобородый, степенный мужикъ, ни дать ни взять древній патриархъ. — (Жидка онъ впрочемъ тузилъ не хуже другихъ). — Мы, батюшка Пантелей Еремѣичъ, твою милость знаемъ хорошо; много твоей милостью довольны, что поучилъ насъ!

— Зачѣмъ жаловаться! подхватили другіе; — а съ нахриста того мы свое возьмемъ! Онъ отъ насъ же уйдетъ! — Мы его, значить, какъ зайца въ поля...

Чертапхановъ повелъ усами, фыркнулъ — и поѣхалъ шагомъ къ себѣ въ деревню, сопровождаемый жидкомъ, котораго онъ освободилъ точно такимъ же образомъ отъ его критісниковъ, какъ нѣкогда освободилъ Тихона Недопосына.

IV.

Нѣсколько дней спустя, единственный увидѣвшій у Чертапханова казачою доложидъ ему, что въ нему прибылъ какой-то верховой и желаетъ поговорить съ нимъ. Чертапхановъ вышелъ на крыльцо и увидѣлъ своего знакомаго жидка, веркомъ на прекрасномъ донскомъ конѣ, неподвижно и гордо стоявшемъ посреди двора. — На жидкѣхъ не было шапки: онъ держалъ ее подъ мышкой, ноги онъ вдѣлъ не въ самяя стремяна, а въ ремни стремянъ; разорванныя полы его кафтана висѣли съ

обѣхъ сторонъ сѣдла. Увидавъ Чертапханова, онъ зачмокалъ губами, и локтями задергалъ, и ногами заболталъ. Но Чертапхановъ не только не отвѣчалъ на его зривѣть, а даже разсердился; такъ весь и всникнулъ вдругъ: жаршнвый жидъ смѣлъ сидѣть на такой прекрасной лошади... каковъ неприличіе!

— Эй ты, ээюнская рожа! закричалъ онъ — сейчасъ слѣзай, если не хочешь, чтобы тебя стащили! Въ грязь!

Жидъ немедленно повиновался; свалился вѣшномъ съ сѣдла — и, придерживая одной рукою поводъ, улыбался и кланяясь, подвинулся къ Чертапханову.

— Чего тебѣ? съ достоинствомъ спросилъ Пантелей Ермилъ.

— Васе благородіе, извольте посмотрѣть, каковъ конѣль? промолвилъ жидъ, не переставая кланяться.

— Н...да... лошадь добрая. Ты откуда ее досталъ? Увралъ, должно быть?

— Какъ же можно, васе благородіе! — Я честный жидъ, я не увралъ, а для васега благородія досталъ, точно! И узъ старался я, старался! За то и конь! Такого коня во всему Дону другого найти никакъ невозможно! — Посмотрите, васе благородіе, что это за конь такой! Вотъ позалуйте, сюда! — Тпру... тпру... повернись, стань се бокомъ! — А мы сѣдло снимемъ. — Каковъ! Васе благородіе?

— Лошадь добрая, повторилъ Чертапхановъ съ притворнымъ равнодушіемъ, — а у самого сердце такъ и заколотилось въ груди. Очень ужъ онъ былъ страстный охотникъ до «воискаго мяса» и зналъ къ нему толкъ.

— Да мы, васе благородіе, его поглядѣте! По сейкъ его поглядѣте, хи-хи-хи! Вотъ такъ.

Чертапхановъ, словно вихоть, положилъ руку на шею коня, ладонью по шее: раза два, потомъ провелъ пальцами отъ холки по спинѣ и, дейдя до известнаго мѣстечка надъ почками, слегка, но оскотницки, подавилъ это мѣстечко. — Конь немедленно выгнулъ хребетъ, и, оглянувшись носомъ на Чертапханова своимъ надменнымъ чернымъ глазомъ, фукнулъ и мерестуилъ передними ногами.

Жидъ засмѣялся и въ ладоши слегка заклопалъ: — Хобина принимаетъ, васе благородіе, хобина!

— Ну, не зри, съ доздой перебилъ Чертапхановъ. — Бунить тебѣ: у тебя этого коня... не на что, а подарковъ я еще не то, что отъ жиды — а отъ самого Господа Бога не принималъ!

— И какъ же я смѣю вамъ что-нибудь дарить, помиосер-

дуйте! воскликнула жидъ; — вы купите, ваше благородіе... а денежку — я подозду.

Чертанхановъ задумался:

— Ты что возьмешь? промолвилъ онъ наконецъ сквозь зубы.

Жидъ пожалъ плечами. — А что самъ заплатилъ: Двѣсти рублей.

Лошадь, извѣстно, стоила вдвое — а, пожалуй, что и втрое противъ этой суммы.

Чертанхановъ отвернулся въ сторону и съвнулъ лихорадочно.

— А когда... деньги? спросилъ онъ, насильственно нахмуривъ брови и не глядя на жидъ.

— А когда будетъ вашему благородію угодно.

Чертанхановъ голову назадъ закинулъ, но глазъ не поднималъ. — Это не отвѣтъ. Ты говори толкомъ, Иродово племя! — Одолжаться я у тебя стану, что ли?

— Ну скажемъ такъ — поспѣшно проговорилъ жидъ — черезъ шесть мѣсяцевъ... согласны?

Чертанхановъ ничего не отвѣчалъ.

Жидъ старался заглянуть ему въ глаза. — Согласны? Прикажете на конюшню поставить?

— Сѣдло мнѣ не нужно, провизнесъ отрывисто Чертанхановъ. — Возьми сѣдло — слышишь?

— Какже, какже, возьму, возьму, залепеталъ обрадованный жидъ и взвалилъ сѣдло себѣ на плечо.

— А деньги, продолжалъ Чертанхановъ... черезъ шесть мѣсяцевъ. — И не двѣсти, а двѣсти-пятьдесятъ. Молчите! Двѣсти-пятьдесятъ, говорю тебѣ! За мною.

Чертанхановъ все не могъ рѣшиться поднять глаза. Никогда такъ сильно въ немъ не страдала гордость. — «Явно, что подарокъ», думалось ему; «изъ благодарности чортъ подноситъ!» И обнял бы онъ этого жидъ, и поцѣлѣ бы его...

— Ваше благородіе, началъ жидъ, приободрившись и ослабѣвъ — надобы, по русскому обычаю, взѣ полы въ полу...

— Вотъ еще что вздумалъ? — Еврей... а русскіе обычаи! — Эй! кто тамъ? Возьми лошадь, сведи на конюшню. — Да овса ему насыпь. — Я сейчасъ самъ приду, посмотрю. И знай: или ему — Малевъ-Адель!

Чертанхановъ взобрался было на крыльцо, но вкрате повернулъ на каблукахъ, и, подбѣжавъ въ жидъ, крѣпко стиснулъ ему руку. — Тотъ наклонился и губы уже протиснулъ — но Чертанхановъ отскочилъ назадъ, и промолвивъ въ полголоса: «Никому не скажывай!» исчезъ за дверью.

V.

Съ самаго того дня — главнымъ дѣломъ, главной заботой, радостью въ жизни Чертапханова — сталъ Малекъ-Адель. Онъ полюбить его такъ, какъ не любилъ самой Маши, привязался къ нему больше чѣмъ къ Недолюскину. — Да и конь же былъ! Огонь, какъ есть огонь, просто порохъ — а степенство какъ у боярина! — Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни, бевотвѣтный; а прокорнить его ничего не стоить: коли нѣтъ ничего другого, землю подъ собой глодаетъ. Шагомъ идетъ — какъ въ рукахъ — несетъ; рысью что въ зыбѣ качаетъ, а посвачетъ, такъ и вѣтру за нимъ не угнаться! Нивогда-то онъ не запыхается: потому — отдушинъ много. Ноги — стальные; чтобы онъ когда спотыкнулся — и въ поминѣ этого не бывавало! — Перескочить ровъ ли, тынъ ли — это ему ни почемъ; а ужъ умница какая! — На голосъ такъ и бѣжитъ, задравши голову; приважешь ему стоять и самъ уйдешь — онъ не ворохнется; — только-что станешь возвращаться, чуть-чуть заржетъ: «здѣсь-моль я». — И ничего-то онъ не боится: въ самую тѣмь, въ мятель дорогу сыщеть; а чужому ни за что не дастся: зубами загрызеть! И собака не суйся къ нему: сейчасъ передней ножкой ее по лбу — тюкъ! только она и жила. — Съ амбиціей конь: плеткой развѣ-что для красы надъ нимъ помахивай — а сохрани Богъ его тронуть! — Да что тутъ толковать: — сокровище, а не лошадь!

Примется Чертапхановъ расписывать своего Малекъ-Аделя — откуда рѣчи берутся! А ужъ какъ онъ его холить и лелѣять! — Шерсть на немъ отливала серебромъ — да не старымъ, а новымъ, что съ темнымъ глянцемъ; повести по ней ладонью — тотъ же бархатъ! Сѣдло, чепрачекъ, уздечка — вся какъ есть обрѣз до того была ладно пригнана, въ порядкѣ, вычищена — бери карандашъ и рисуй! — Чертапхановъ — чего больше? самъ, собственноручно, и чолу заплеталъ своему любимцу, и гриву и хвостъ мылъ нивомъ и даже копыта не разъ мазью смазывалъ...

Бывало, сидеть онъ на Малекъ-Аделя и поѣдетъ — не по сѣдламъ — онъ съ ними попржнему не знался — а черезъ ихъ уши, мимо усадебъ... Полюбуйтесь-моль издали, дураки! А то предсказать, что гдѣ-нибудь охота проявилась — въ отъѣзжее поле баринъ собрался, — онъ сейчасъ туда — и гарцуетъ въ сѣдлѣхъ, на горизонтѣ, удивляя всѣхъ зрителей красотой и быстротою своего коня и близко нивого къ себѣ не подпуская.

Разъ какой-то охотникъ даже погнался за нимъ со всей свитой; видить, что уходитъ отъ него Чертапхановъ, и началъ онъ ему кричать изо всей мочи, на всемъ скаку: «Эй, ты! Слушай! Бери, что хочешь за свою лошадь! Тысячи не покажью! Жену отдамъ, дѣтей! Бери послѣднее!»

Чертапхановъ вдругъ осадилъ Малевъ-Аделя. Охотникъ подлетѣлъ къ нему. — Батюшка! кричитъ, говори: чего жалеешь? Отецъ родной!

— Коли ты царь, промовилъ съ разстановкой Чертапхановъ (а онъ отъ роду и не слыхивалъ о Шекспирѣ), подай мнѣ все твое царство за моего коня — таеъ и того не возьму! Скажаль, захохоталь, поднялъ Малевъ-Аделя на дыбы, повернулъ имъ на воздухъ, на однихъ заднихъ ногахъ, словно волчкомъ или колюю — и маршь-маршь! Таеъ и засверкалъ по жевью. А охотникъ (князь, говорятъ, былъ богатѣйшій) шапку о-земь — да какъ грянется лицомъ въ пашву! Съ полчаса таеъ пролежалъ.

И какъ было Чертапханову не дорожить своимъ конемъ? Не по его ли милости оказалось у него снова превосходство несомнѣнное, послѣднее превосходство надъ всѣми его сосѣдями?

VI.

Между тѣмъ время шло, срокъ платежа приближался — а у Чертапханова не только двухъсотъ-пятидесяти рублей, не было и пятидесяти. Что было дѣлать, чѣмъ помочь? — «Чтожъ?» рѣшили онъ навонецъ, «коли не смилюститъся жидъ, не захочетъ еще подождать — отдамъ я ему домъ и землю — а самъ на коня, куда глаза глядятъ! Съ голоду умру — а Малевъ-Аделя не отдамъ!» Волновался онъ очень и даже задумывался; но тутъ судьба — въ первый и въ послѣдній разъ — сказалась надъ нимъ, улыбнулась ему: какая-то дальняя тетя, самое имя которой было неизвѣстно Чертапханову, оставила ему по духовному завѣщанію сумму огромную въ его глазахъ, цѣлыхъ двѣ тысячи рублей! — и получилъ онъ эти деньги въ самую, какъ говорится, пору: за день до прибытія жиды. Чертапхановъ чуть не обезумѣлъ отъ радости — но и не подумаль о водкѣ: съ самаго того дня, какъ Малевъ-Адель поступилъ къ нему — онъ капли въ ротъ не бралъ. Онъ побѣжалъ въ конюшню и облюбывалъ своего друга съ обѣихъ сторонъ морды надъ ноздрями, тамъ гдѣ кожа таеъ нѣжна бываетъ у лошадей. — Теперь ужъ не разстанемся! восклицаль онъ, хлопая Малевъ-Аделя по шеѣ, подъ разчесанной гривой.

Вернувшись домой, онъ отсчиталъ и занедалъ въ паветъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Потомъ помечталъ, лежа на спинѣ и покуривая трубочку о томъ, какъ онъ распорядится съ остальными деньгами — а именно, какъ онъ разбудитъ собакъ: настоящихъ востромскихъ и непременно красношпигихъ! Побесѣдовалъ даже съ Перфишкой, которому обѣщалъ новый казанинъ съ желтыми но въсѣмъ швамъ басонами — и легъ спать въ блаженнѣйшемъ настроеніи духа.

Ему привидѣлся нехорошій сонъ: будто онъ выѣхалъ на охоту только не на Малекъ-Адель, а на какомъ-то странномъ животномъ въ родѣ верблюда; на встрѣчу ему бѣжитъ бѣлая-бѣлая какъ снѣгъ лиса.... Онъ хочетъ взмахнуть арапникомъ, хочетъ натравить на нее собакъ — а вмѣсто арапника у него въ рукахъ мочалка, и лиса бѣгаетъ передъ нимъ и дразнитъ его языкомъ. Онъ соскакиваетъ съ своего верблюда, спотыкается, падаетъ... и падаетъ прямо въ руки жандарму, который зоветъ его въ генераль-губернатору, и въ которомъ онъ узнаетъ Яффа...

Чертахановъ проснулся. Въ комнатѣ было темно; вторые пѣтухи только что проѣли...

Гдѣ-то, далеко-далеко, проржала лошадь.

Чертахановъ приподнял голову... Еще разъ послышалось тонкое-тонкое ржаніе.

— Это Малекъ-Адель ржетъ! подумалось ему...! Это его ржаніе! Но отчего же такъ далеко? Батюшки мои... Не можетъ быть...

Чертахановъ вдругъ весь похолодѣлъ, мгновенно спрыгнулъ съ постели, оцупью отыскать сапоги, платье, одѣлся — и захвативъ изъ-подъ изголовья ключъ отъ конюшни, выскочилъ на дворъ.

VII.

Конюшня находилась на самомъ концѣ двора; одной стѣной она выходила въ поле. Чертахановъ не съ разу вложилъ ключъ въ замокъ — руки у него дрожали — и не тотчасъ повернулъ ключъ.... Онъ постоялъ неподвижно, притаивъ дыханіе: хотъ бы что шевельнулось за дверью! «Маленка! Малець!» крикнулъ онъ въ полголоса: тишина мертвая! Чертахановъ невольно дернулъ ключомъ: дверь скрипнула и отворилась.. Стало быть, не была залерта. Онъ шагнулъ черезъ порогъ — и снова кликнувъ своего коня — на этотъ разъ полнымъ именемъ: Малекъ-Адель! Но не отозвался вѣрный товарищъ, только мышь про-

шуршала по соломѣ. Тогда Чертапхановъ бросился въ то изъ трехъ стойлъ конюшни, въ которомъ помѣщался Малекъ-Адель. Онъ попалъ прямо въ это стойло, хотя кругомъ такая стояла тьма, что хотъ глазъ вывели... Пусто! Голова закружилась у Чертапханова; словно колоколь загудѣлъ у него подъ черепомъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то—но только засипѣлъ, и шаря руками вверху, внизу, по бокамъ, задыхаясь, съ подгибавшимися колѣнками, перебрался изъ одного стойла въ другое... въ третье, почти до верху набитое сѣномъ, толкнулся въ одну стѣну, въ другую, упалъ, перекатился черезъ голову, приподнялся и вдругъ опрометью выбѣжалъ черезъ полураскрытую дверь на дворъ...

— Урали! Перфишка! Перфишка! Украли! заревѣлъ онъ благимъ матомъ.

Казачокъ Перфишка вубаремъ, въ одной рубашкѣ, вылетѣлъ изъ чулана, въ которомъ спалъ...

Словно пьяные столкнулись оба — и баринъ, и единственный его слуга, посреди двора; словно угорѣлые, завертѣлись они другъ передъ другомъ. Ни баринъ не могъ растолковать въ чемъ было дѣло; ни слуга не могъ понять, чего требовалось отъ него. — «Бѣда! бѣда!» лепеталъ Чертапхановъ; «бѣда! бѣда!» повторялъ за нимъ казачокъ. «Фонарь! подай, зажги фонарь! Огня! Огня!» вырвалось наконецъ изъ замиравшей груди Чертапханова. Перфишка бросился въ домъ.

Но зажечь фонарь, добыть огня было не легко: сѣрныя спички въ то время считались рѣдкостью на Руси; въ кухнѣ давно погасли послѣдніе уголья—огниво и кремь не скоро нашлись и плохо дѣйствовали. Съ зубовнымъ скрежетомъ вырвалъ ихъ Чертапхановъ изъ рукъ оторопѣлаго Перфишки, сталъ высѣкать огонь самъ: искры сыпались обильно, еще обильнѣе сыпались проклятія и даже стоны—но трутъ либо не загорался, либо погасалъ, несмотря на дружныя усилія четырехъ напряженныхъ щекъ и губъ! Наконецъ, минутъ черезъ пять, не раньше, затеплился сальный огарокъ на дѣл разбитаго фонаря, и Чертапхановъ, въ сопровожденіи Перфишки, ринулся въ конюшню, поднялъ фонарь надъ головою, оглянулся...

Все пусто!

Онъ выскочилъ на дворъ, обѣжалъ его во всѣхъ направлєніяхъ—нѣтъ коня нигдѣ! Плетень, окружавшій усадьбу Пантелея Еремѣича давно иришелъ въ ветхость и во многихъ мѣстахъ накрѣнился и принималъ къ землѣ... Рядомъ съ конюшнею онъ совсѣмъ повалился, на цѣлый аршинъ въ ширину. Перфишка указалъ на это мѣсто Чертапханову.

— Баринь! посмотрите-ка сюда: этого сегодня не было. Вонъ и колья торчатъ изъ земли: знать ихъ кто вывернулъ.

Чертапхановъ подскочилъ съ фонаремъ, повелъ имъ по землѣ...

— Копыта, копыта, слѣды подковъ, слѣды, свѣжіе слѣды! забормоталъ онъ скороговоркой. — Тутъ его перевели, тутъ, тутъ!

Онъ мгновенно перепрыгнулъ черезъ плетень и съ крикомъ: «Малекъ-Адель! Малекъ-Адель!» побѣжалъ прямо въ поле.

Перфишка остался въ недоумѣннн у плетня. Свѣтлый кружокъ отъ фонаря скоро исчезъ въ его глазахъ, поглощенный густымъ мракомъ беззвѣздной и безлунной ночи.

Все слабѣй и слабѣй раздавались отчаянные возгласы Чертапханова...

VIII.

Заря уже занялась, когда онъ возвратился домой. Образа человѣческаго не было на немъ, грязь покрывала все платье, лицо приняло дикій и страшный видъ, угрюмо и тупо глядѣли глаза. Сильнымъ попотомъ прогналъ онъ отъ себя Перфишку и заперся въ своей комнатѣ. Онъ едва держался на ногахъ отъ усталости — но онъ не легъ въ постель, а присѣлъ на стулъ у двери и схватился за голову.

— Украли!... украли!

Но какимъ образомъ умудрился воръ украсть ночью, изъ запертой конюшни, Малекъ-Аделя? Малекъ-Аделя, который и днемъ никого чужого къ себѣ не подпускалъ — украсть его безъ шума, безъ стука? И какъ растолковать, что ни одна дворняшка не пролаяла? Правда, ихъ было всего двѣ, два молодыхъ щенка, и тѣ отъ голоду и голоду въ землю зарывались — но все-таки!

«И что я стану теперь дѣлать безъ Малекъ-Аделя? думалось Чертапханову. Последней радости я теперь лишился — настала пора умирать. Другую лошадь купить, благо деньги завелись? Да гдѣ такую другую лошадь найти?»

— Пантелей Еремѣичъ! Пантелей Еремѣичъ! слышался робкій возгласъ за дверью.

Чертапхановъ вскочилъ на ноги.

— Кто это? закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

— Это я, казачокъ вальгъ, Перфишка.

— Чего тебѣ? Аль нашелся, домой прибѣжалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Пантелей Еремѣичъ; а тотъ жидовинъ, чѣ его продалъ....

— Ну?

— Онъ прѣхалъ.

— Го-го-го-го-го! захохоталъ Чертапхановъ — и разомъ распахнулъ дверь. — Тащи его сюда, тащи! тащи!

При видѣ внезапно появившейся, всклопоченной, одичалой фигуры своего «благодѣтеля», жидъ, стоявшій за спиною Перфишки, хотѣлъ было дать стрелка; но Чертапхановъ въ два прыжка настигъ его, и какъ тигръ вдѣлся ему въ горло.

— А! за деньгами пришелъ! за деньгами! захрипѣлъ онъ, словно не онъ душилъ, а его душили; ночью укралъ, а днемъ за деньгами пришелъ? А? А?

— Помилуйте, ва...се благо...родіе, застоналъ-было жидъ.

— Сказывай, гдѣ моя лошадь? Куда ты ее дѣлъ? Кому сбылъ? Сказывай, сказывай, сказывай же!

Жидъ уже и стонать не могъ; на посинѣвшемъ его лицѣ исчезло даже выраженіе испуга. Руки опустились и повисли; все его тѣло, яростно встряхиваемое Чертапхановымъ, качалось взадъ и впередъ, какъ тростинка.

— Деньги я тебѣ заплачу, я тебѣ заплачу, сполна, до послѣдней копейки, кричалъ Чертапхановъ — а только я задушу тебя, какъ послѣдняго цыцленка, если ты сейчасъ не скажешь мнѣ...

— Да вы уже задушили его, баринъ, смиренно замѣтилъ казачокъ Перфишка.

Тутъ только опомнился Чертапхановъ.

Онъ выпустилъ шею жидъ; тотъ, такъ и грохнувшись на полъ, Чертапхановъ подхватилъ его, усадилъ на скамью, влилъ ему въ горло стаканъ воды — привелъ его въ чувство. И приведши его въ чувство, вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

Оказалось, что жидъ о кражѣ Малекъ-Адема не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Да и съ какою стати было ему красть лошадь, которую онъ же самъ досталъ для «почтеннѣйшаго Цартелея Еремѣича?»

Тогда Чертапхановъ повелъ его въ конюшню.

Вдвоемъ они осмотрѣли стойла, ясли, замовъ на двери, перерыли сѣно, солому, перешли потомъ на дворъ; Чертапхановъ указалъ жиду слѣды копытъ у плетня — и вдругъ ударилъ себя по ляшкамъ.

— Стой! воскликнулъ онъ: Ты гдѣ лошадь купилъ?

— Въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, на Верхосенской ярмаркѣ, отвѣтилъ жидъ.

— У кого?

— У казака.

— Стой! Казакъ этотъ изъ молодыхъ былъ или старій?

— Среднихъ лѣтъ, степенный человѣкъ.

— А изъ себя каковъ? На видъ каковъ? Небось плутъ продувной?

— Должно быть, плутъ, васа благородіе.

— И что, какъ онъ тебѣ говорилъ, плутъ-то этотъ — лошадю онъ владѣлъ давно?

— Помнится, говорилъ, что давно.

— Ну такъ и некому было украсть, какъ именно ему! — Ты посуди, слушай, стань сюда... какъ тебя зовутъ?

Жидъ встрепенулся и вскинулъ своими черными глазенками на Чертапханова.

— Какъ *меня* зовутъ?

— Ну да: какъ твоя вличка?

— Мошель Лейба.

— Ну, посуди, Лейба, другъ мой — ты умный человѣкъ — кому какъ не старому хозяину дался бы Малекъ-Адель въ руки! Вѣдь онъ и осѣдлалъ его, и взнуздаль, и попопу съ него снялъ — вонъ она на сѣнѣ лежитъ!... Просто, какъ дома распоряжался! Вѣдь всякого другого, не хозяина, Малекъ-Адель подъ ноги бы смялъ! Гвалтъ поднялъ бы такой, всю деревню бы переполошил! Согласенъ ты со мною?

— Согласенъ-то согласенъ, васа благородіе...

— Ну и значить, надо прежде всего отыскать казака того!

— Да какъ же отыскать его, васа благородіе! Я его всего только разочекъ видѣлъ — и гдѣ же онъ теперь — и какъ его зовутъ? Ай, вай, вай! прибавилъ жидъ, горестно потрясая пейсиками.

— Лейба! закричалъ вдругъ Чертапхановъ, — Лейба, посмотри на меня! Вѣдь я разсудка лишился, я самъ не свой!... Я руки на себя наложу, если ты мнѣ не поможешь!

— Да какъ же я могу...

— Поѣдемъ со мною — и станемъ вора того розыскивать!

— Да куда же мы поѣдемъ?

— По ярмаркамъ, по большимъ трахтамъ, по малымъ трахтамъ, по коноврадамъ, по городамъ, по деревнямъ, по хуторамъ — всюду, всюду! А на счетъ денегъ ты не безпокойся: я, братъ, наслѣдство получилъ! Послѣднюю копѣйку просажу — а ужъ добуду своего друга! И не уйдетъ отъ насъ казакъ, нашъ лиходѣй! — Куда онъ — туда и мы! Онъ подъ землю — и мы подъ землю! — Онъ къ дьяволу — а мы къ самому сатанѣ!

— Ну зацѣмъ же къ сатанѣ, замѣтилъ жидъ; можно и безъ него.

— Лейба! подхватилъ Чертапхановъ, — Лейба, ты хотя еврей и вѣра твоя поганая — а душа у тебя лучше иной христіанской!

Сжался ты надо мною! Одному мнѣ ѣхать не зачѣмъ; одинъ я этого дѣла не обломаю. Я горяча—а ты голова, золотая голова! Племя ваше ужъ такое: безъ науки все постигло! Ты, можетъ, сомнѣваешься: откуда-моль у него деньги? Пойдемъ ко мнѣ въ комнату—я тебѣ и деньги всѣ покажу. Возьми ихъ, крестъ съ шею возьми—только отдай мнѣ Малекъ-Аделя, отдай, отдай!

Чертапхановъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ: потъ градомъ катился съ его лица—и, мѣшаясь со слезами, терлся въ его усахъ. Онъ пожималъ руки Лейбѣ, онъ умолялъ, онъ чуть не цѣловалъ его... Онъ пришелъ въ иступленіе. Жидъ попытался было возражать, увѣрять, что ему никакъ невозможно отлучиться, что у него дѣла... куда! Чертапхановъ и слышать ничего не хотѣлъ. Нечего было дѣлать: согласился бѣдный Лейба.

На другой день Чертапхановъ вмѣстѣ съ Лейбой выѣхалъ изъ Безсонова на крестьянской телѣгѣ. Жидъ являлъ видъ нѣсколько смущенный, держался одной рукой за градеку и подпрыгивалъ всѣмъ своимъ дряблымъ тѣломъ на тряскомъ сидѣньи; другую руку онъ прижималъ къ пазухѣ, гдѣ у него лежала пачка ассигнацій, завернутыхъ въ газетную бумагу; Чертапхановъ сидѣлъ какъ истуканъ, только глазами поводилъ кругомъ и дышалъ полной грудью; за поясомъ у него торчалъ вижаля.

— Ну, злодѣй-разлучникъ, берегись теперь! пробормоталъ онъ, выѣзжая на большую дорогу.

Домъ свой онъ поручилъ казачку Перфишкѣ и бабѣ-страпухѣ, глухой и старой женщинѣ, которую онъ призрѣлъ у себя изъ состраданія.

— Я къ вамъ вернусь на Малекъ-Аделѣ, кривнулъ онъ имъ на прощанье—или ужъ вовсе не вернусь!

— Ты бы хоть замужъ за меня пошла, что ли! состригъ Перфишка, толкнувъ страпуху локтемъ въ бокъ. Все равно—намъ барина не дождаться, а то вѣдь со скуки пропадешь!

IX.

Минулъ годъ... цѣлый годъ: никакой вѣсти о Пантелеѣ Еремѣичѣ не доходило. Страпуха умерла; самъ Перфишка собирался уже бросить домъ да отправиться въ городъ, куда его сманивалъ двоюродный братъ, жившій подмастерьемъ у парикмахера—какъ вдругъ распространился слухъ, что баринъ возвращается! Приходскій дьяконъ получилъ отъ самого Пантелея Еремѣича письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи прибыть въ Безсоново и просилъ его предупредить

прислугу — для устройства надлежащей встрѣчи. Слова эти Перфишка понял такъ, что надо-моль хоть пыль немножечко постереть — впрочемъ, большой вѣры въ справедливость извѣстiя онъ не возымѣлъ; пришлось ему однако убѣдиться, что дьяконъ-то сказалъ правду — когда нѣсколько дней спустя, Пантелей Еремѣичъ самъ, собственной особой, появился на дворѣ усадьбы, верхомъ на Малекъ-Аделѣ.

Перфишка бросился къ барину — и, придерживая стремя, хотѣлъ-было помочь ему слѣзть съ коня; но тотъ соскочилъ самъ и, вынувъ вокругъ торжествующей взглядъ, громко воскликнулъ: «Я сказалъ, что отыщу Малекъ-Аделя — и отыскалъ его, на зло врагамъ и самой судьбѣ!» Перфишка подошелъ къ нему къ ручкѣ, но Чертапхановъ не обратилъ вниманiя на усердiе своего слуги. Ведя за собою Малекъ-Аделя въ поводу, онъ направился большими шагами къ конюшнѣ. Перфишка попристальнѣе посмотрѣлъ на своего барина — и заробѣлъ: «Охъ, какъ онъ похудѣлъ и постарѣлъ въ теченiи года — и лицо какое стало строгое и суровое!» А, кажется, слѣдовало бы Пантелею Еремѣичу радоваться, что, вотъ-моль, достигъ-таки своего; да онъ и радовался, точно... и все-таки Перфишка заробѣлъ, даже жутко ему стало. Чертапхановъ поставилъ коня въ прежнее его стойло, слегка хлопнулъ его по крупу и промолвилъ: «Ну вотъ ты и дома опять! Смотри же!...» Въ тотъ же день онъ нанялъ надежнаго сторожа изъ безтягольныхъ бобылей, помѣстился снова въ своихъ комнаткахъ и зажилъ попрежнему...

Не совсѣмъ однако попрежнему... Но объ этомъ впереди.

На другой день послѣ своего возвращенiя, Пантелей Еремѣичъ призвалъ къ себѣ Перфишку, и за неимѣнiемъ другого собесѣдника, принялся рассказывать ему — не теряя, конечно, чувства собственнаго достоинства и басомъ — какимъ образомъ ему удалось отыскать Малекъ-Аделя. Въ теченiи рассказа Чертапхановъ сидѣлъ лицомъ къ окну и курилъ трубку изъ длиннаго чубука; а Перфишка стоялъ на порогѣ двери, заложивъ руки за спину — и, почтительно взирая на затылокъ своего господина, слушалъ повѣсть о томъ, какъ послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ и разъѣздовъ, Пантелей Еремѣичъ наконѣцъ попалъ въ помни на ярмарку, уже одинъ, безъ жида Лейбы, который, по слабости характера, не вытерпѣлъ и бѣжалъ отъ него; какъ, на пятый день, уже собираясь уѣхать, онъ въ послѣднiй разъ потерявъ по рядамъ телѣгъ и вдругъ увидалъ, между тремя другими телѣгами, привязаннаго къ хребтуку — увидалъ Малекъ-Аделя! Какъ онъ тотчасъ его узналъ — и какъ Малекъ-Адель его узналъ,

сталъ ржать и рваться и копытомъ рыть землю.—И не у казака онъ былъ, продолжалъ Чертапхановъ, все не поворачивая головы и тѣмъ же басовымъ голосомъ, — а у цыгана-барышника; я, разумѣется, тотчасъ вклепался въ свою лошадь и пожелалъ насильно ее возвратить; но бестія цыганъ заоралъ какъ опшаренный на всю площадь, сталъ божиться, что купилъ лошадь у другого цыгана—и свидѣтелей хотѣлъ представить... Я плюнулъ—и заплатилъ ему деньгами: чортъ съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ главное тѣ дорого, что друга я своего отыскалъ и покой душевный получилъ. А то вотъ я, въ Карачевскомъ уѣздѣ, по словамъ жида Лейбы, вклепался-было въ казака — за моего вора его принялъ, всю рожу ему избилъ; а казакъ-то оказался поповичемъ — и безчестія съ меня содралъ—сто двадцать рублей. Ну, деньги дѣло наживное, а главное: Малекъ-Адель опять у меня! Я теперь счастливъ—и буду наслаждаться спокойствіемъ. А для тебя, Порфирій, одна инструкція: какъ только ты, чего Боже оборони, увидишь въ окрестностяхъ казака, такъ сію же секунду, ни слова не говоря, бѣги и носи мнѣ ружье, а я ужъ буду знать, какъ мнѣ поступить!

Такъ говорилъ Пантелей Еремѣичъ Перфишкѣ; такъ выражались его уста; но на сердцѣ у него не было такъ спокойно, какъ онъ увѣрялъ.

Увы! въ глубинѣ души своей онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, что приведенный имъ конь былъ дѣйствительно Малекъ-Адель!

Х.

Настало трудное время для Пантелея Еремѣича. Именно спокойствіемъ-то онъ наслаждался меньше всего. Правда, выпадали хорошіе дни: возникшее въ немъ сомнѣніе казалось ему чепухой; онъ отгонялъ нелѣпую мысль какъ назойливую муху и даже смѣялся надъ самимъ собою; но выпадали также дни дурные: неотступная мысль снова принималась изподтишка точить и скрести его сердце, какъ подпольная мышь — и онъ мучился ѣдко и тайно. Въ теченіи памятнаго дня, когда онъ отыскалъ Малекъ-Аделя — Чертапхановъ чувствовалъ одну лишь блаженную радость... но на другое утро, когда онъ подъ низкимъ навѣсомъ постоялаго двора сталъ сѣдлатъ свою находку, близъ которой провелъ всю ночь — что-то въ первый разъ его кольнуло... Онъ только головой мотнулъ — однако сѣмья было заброшено. Въ теченіи обратнаго путешествія домой (оно продолжалось съ недѣлю) сомнѣнія въ немъ возбуждались рѣдко:

онѣ стали сильнѣй и явственнѣй, какъ только онѣ вернулись въ свое Безсоново, какъ только очутился въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ прежній, несомнѣнный Малекъ - Адель... Дорогой онѣ ѣхалъ больше шагомъ, въ раскачеу, глядѣлъ по сторонамъ, покуривалъ табакъ изъ коротенькаго чубучка и ни о чемъ не размышлялъ, развѣ возьметъ да подумаетъ про себя: «Чертапхановы чего захотятъ — ужъ добьются! палишь!» и ухмыльнется; ну, а съ прибытіемъ домой пошла статья другая. Все это онѣ берегъ, конечно, про себя; одно ужъ самолюбіе не позволило бы ему выказать свою внутреннюю тревогу. Онѣ бы «перерывалъ пополамъ» всякаго, кто бы хотѣ отдаленно намекнуть на то, что новый Малекъ-Адель, кажись, не старый; онѣ принималъ поздравленія съ «благополучной находкой» отъ немногихъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться; но онѣ не искалъ этихъ поздравленій, онѣ пуще прежняго избѣгалъ столкновеній съ людьми — знакъ плохой! Онѣ почти постоянно, если можно такъ выразиться, экзаменовалъ Малекъ-Аделя; уѣзжалъ на немъ куда-нибудь подалеже въ поле и ставилъ его на пробу; или уходилъ украдкой въ конюшню, запиралъ за собою дверь и, ставши передъ самой головой коня, заглядывалъ ему въ глаза, спрашивалъ шопотомъ: «Ты ли это? Ты ли? Ты ли?...» а не то, молча его разматривалъ, да такъ пристально, по цѣлымъ часамъ, то радуясь и бормоча: «Да! онѣ! конечно онѣ!» — то недоумѣвая и даже смущаясь.

И не столько смущали Чертапханова физическія несходства *этого* Малекъ-Аделя съ *тѣмъ*... впрочемъ, ихъ насчитывалось немного: у *того* хвостъ и грива словно были пожиже, и уши острѣй, и бабки короче, и глаза свѣтлѣй — но это могло только такъ казаться; а смущали Чертапханова несходства, такъ сказать, нравственныя. Привычки у *того* были другія, вся повадка была не та. Напримѣръ: *тотъ* Малекъ-Адель всякій разъ оглядывался и лютонью ржалъ, какъ только Чертапхановъ входилъ въ конюшню; а *этотъ* жевалъ себѣ сѣно, какъ ни въ чемъ не бывало — или дремалъ, понуривъ голову. Оба не двигались съ мѣста, когда *хозяйнѣ* соскакивалъ съ сѣдла; но *тотъ*, когда его звали, тотчасъ шелъ на голосъ — а *этотъ* продолжалъ стоять, какъ пень. *Тотъ* скакалъ также быстро, но прыгалъ выше и дальше; *этотъ* вѣромъ шелъ вольнѣе, а рысью трясче — и «хлябалъ» иногда *задними* — то-есть, стучалъ задней о переднюю: за тѣмъ никогда такого сраму не водилось — сохрани Богъ! *Этотъ*, думалось Чертапханову, все ушами прядетъ, глупо такъ — а *тотъ* напротивъ: *защипывалъ* одно ухо назадъ — да такъ и держитъ — хозяина наблюдаетъ!

Тотъ, бывало, какъ увидитъ, что около него нечисто — сейчасъ за ней ногой ступь въ стѣнку стойла; а *этому* ничего — хоть и самое брюхо навали ему навозу. *Тотъ*, если, напримѣръ: противъ вѣтра его поставитъ — сейчасъ всѣми легкими вздохнет и встряхнется; а *этому* знай пофыркиваетъ; *того* сырость дождевая беспокоила — *этому* она ни почемъ... Грубѣе *этого* грубѣе! И пріятности нѣтъ какъ у того, и тугъ на поводу — что и говорить! Та была лошадь милая — а эта...

Вотъ что думалось иногда Чертапханову и горечью отзывались въ немъ эти думы. За то, въ другое время пустить онъ своего коня во всю прыть по только-что вспаханному полю и заставить его соскочить на самое дно размытаго оврага и из самой кручѣ выскочить опять, и замираетъ въ немъ сердце от восторга, громкое чиханіе вырывается изъ усть, и знаетъ онъ знаетъ навѣрное, что это подъ нимъ настоящій, несомнѣнный Малекъ-Адель, ибо какая другая лошадь въ состояніи сдѣлаетъ то, что дѣлаетъ эта?

Однако и тутъ не обходилось безъ грѣха и бѣды. Продолжительные поиски за Малекъ-Аделемъ стоили Чертапханову много денегъ; о востромскихъ собакахъ онъ уже не помышлялъ и развѣзжалъ по окрестностямъ въ одиночку, попрежнему. Вотъ въ одно утро, Чертапхановъ верстахъ въ пяти отъ Безсонова наткнулся на ту самую княжескую охоту, передъ которой онъ такъ молодецки гарцовалъ года полтора тому назадъ. И надо же было случиться такому обстоятельству: какъ и въ тотъ день, такъ и теперь — русакъ возьми да вскочи передъ собаками изъ-подъ межи на востокъ! — Ату его, ату! Вся охота такъ понеслась, и Чертапхановъ понесся тоже — только не вмѣстѣ съ нею, а шаговъ отъ нея на двѣсти въ сторону — точно также какъ и тогда. Громадная водомоина криво прорѣзала востокъ, и поднимаясь все выше и выше, постепенно суживаясь пересѣкала путь Чертапханову. Тамъ, гдѣ ему приходилось перескочить ее — и гдѣ онъ полтора года тому назадъ дѣйствительно перескочилъ ее — въ ней все еще было шаговъ восемь ширины да сажени двѣ глубины. Въ предчувствіи торжества столь чуднымъ образомъ повтореннаго торжества, — Чертапхановъ загоготалъ побѣдоносно, потрясъ нагайкой — охотники сами скакали, а сами не спускали глазъ съ лихого навѣдника — конь его летѣлъ стрѣлою — вотъ уже водомоина передъ нимъ носомъ — ну, ну, разомъ, какъ тогда!...

Но Малекъ-Адель круто уперся, вильнуль налѣво и по

скакалъ *одомъ* обрыва, какъ ни дергалъ ему Чертапхановъ голову на бокъ, къ водомоинѣ...

Струсилъ, значить, не понадѣялся на себя!

Тогда Чертапхановъ, весь пылая стыдомъ и гнѣвомъ, чуть не плача, опустил поводья и погналъ коня прямо впередъ, въ гору, прочь, прочь отъ тѣхъ охотниковъ, чтобы только не слышать, какъ они издѣваются надъ нимъ, чтобы только исчезнуть поскорѣе съ ихъ проклятыхъ глазъ!

Съ изсѣченными боками, весь облитый мыльной пѣной, прискакавъ домой Малеевъ-Адель, и Чертапхановъ тотчасъ заперся у себя въ комнату.

— Нѣтъ, это не онъ, это не другъ мой! Тотъ бы шею сломилъ — а меня бы не выдалъ!

XI.

Окончательно «доѣхаль», какъ говорится, Чертапханова слѣдующій случай. Верхомъ на Малеевъ-Аделѣ пробирался онъ однажды по задворкамъ поповской слободки, окружавшей церковь, въ приходѣ которой состояло сельцо Безсоново. Нахлобучивъ на глаза папаху, сгорбившись и уронивъ на луку сѣдла обѣ руки, онъ медленно подвигался впередъ; на душѣ у него было несладко и смутно. Вдругъ его кто-то окликнулъ.

Онъ остановилъ коня, поднялъ голову и увидалъ своего корреспондента, дьякона. Съ бурнымъ треухомъ на бурыхъ, въ косичку заплетенныхъ волосахъ, облеченный въ желтоватый нанковый кафтанъ, подпоясанный гораздо ниже талии голубенькимъ обрывочкомъ, служитель алтаря вышелъ свое «одѣньишко» провѣдать — и улицезрѣвъ Пантелея Еремѣича, почелъ долгомъ выразить ему свое почтеніе — да встать хоть что-нибудь у него выпросить. Безъ такого рода задней мысли, какъ извѣстно, духовныя лица со свѣтскими не заговариваютъ.

Но Чертапханову было не до дьякона; онъ едва отвѣчалъ на его поклонъ, и, промывавъ что-то севозъ зубы, уже взмахнулъ нагайкой...

— А какой у васъ конь богатѣйшій! послѣшнѣ прибавить дьяконъ: вотъ ужъ точно можно чести приписать. Истинно: вы кузьма ума чуднаго; просто: аки левъ! Отецъ дьяконъ славился краснорѣчіемъ — чѣмъ сильно досаждалъ отцу попу, которому дѣръ слова присущъ не былъ: даже водка не развязывала ему языка. Одного живота, по навѣту злыхъ людей, лишились, — продавалъ дьяконъ, — и нимало не унывая, а напротивъ болѣе на-

дѣясь на божественный Промыслъ, приобрѣли себѣ другого, нисколько не худшаго, а почитай даже что и лучшаго... потому...

— Что ты врешь? сумрачно перебилъ Чертапхановъ; какой такой другъ конь? Это тотъ же самый; это Малекъ-Адель... Я его отыскалъ. Болтаетъ, зря...

— Э! э! э! промолвилъ съ разстановкой, какъ бы съ отяжкой, дьяконъ, играя перстами въ бородѣ и озирая Чертапханова своими свѣтлыми, жадными глазами. Какъ же такъ, господинъ? Коня-то вашего, дай Богъ памяти, въ минувшемъ году недѣльки двѣ послѣ Покрова украли, а теперь у насъ ноябрь на исходѣ.

— Ну да, что же изъ этого?

Дьяконъ все продолжалъ играть перстами въ бородѣ.—Значить, слишкомъ годъ съ тѣхъ поръ протѣкъ, а конь вашъ, какъ тогда былъ сѣрый въ яблокахъ, такъ и теперь; даже словно темнѣе сталъ. Какъ же такъ? Сѣрыя-то лошади въ одинъ годъ много бѣлѣютъ.

Чертапхановъ дрогнулъ.... словно это рогатиной толкнулъ его противъ сердца. И въ самомъ дѣлѣ: сѣрая масть-то вѣдь мѣняется! Какъ ему такая простая мысль до сихъ поръ въ голову не пришла?

— Пучокъ анаемскій! отвязись! гаркнулъ онъ вдругъ, бѣшено сверкнувъ глазами—и мгновенно скрылся изъ виду у изумленнаго дьякона.

Ну! все кончено!

Вотъ когда дѣйствительно все кончено, все лопнуло, послѣдняя карта убита! Все разомъ рухнуло отъ одного этого слова: «бѣлѣютъ»!

Сѣрыя лошади бѣлѣютъ!

Скачи, скачи, проклятый! Не ускачешь отъ этого слова!

Чертапхановъ примчался домой и опять заперся на ключъ.

XII.

Что это дрянная кляча не Малекъ-Адель, что между ею и Малекъ-Аделемъ не существовало ни малѣйшаго сходства, что всякій, мало-мальски путный человекъ долженъ былъ съ перваго разу это увидѣть, что онъ, Пантелей Чертапхановъ, самымъ пошлымъ образомъ обманулся—нѣтъ! что онъ нарочно, преднамѣренно надулъ самого себя, напустилъ на себя этотъ туманъ—во всемъ этомъ теперь уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣ-

ня! Чертапхановъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, одинаковымъ образомъ поворачиваясь на пяткахъ у каждой стѣны, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Самолюбіе его страдало невыносимо; но не одна боль уязвленного самолюбія терзала его: отчаяніе овладѣло имъ, злоба душила его, жажда мести въ немъ загоралась. Но противъ кого? Кому отомстить? Жиду, Яффу, Машѣ, дьякону, вору-казаку, всѣмъ сосѣдямъ, всему свѣту, самому себѣ наконецъ? Умъ въ немъ мѣшался. Последняя карта убита! (Это сравненіе ему нравилось). И онъ опять ничтожнѣйшій, презрѣннѣйшій изъ людей, общее посмѣшище, шутъ гороховый, зарѣзанный дуракъ, предметъ насмѣшки—для дьякона!.. Онъ воображалъ, онъ ясно представлялъ себѣ, какъ этотъ мерзкій пучокъ станетъ рассказывать про сѣрую лошадь, про глунаго барина... О проклятіе!.. Напрасно Чертапхановъ старался унять расходявшуюся желчь; напрасно онъ пытался увѣрить себя, что эта... лошадь хотя и не Малекъ-Адель, однако все же... добра, и можетъ много лѣтъ прослужить ему: онъ тутъ же съ яростью отталкивалъ отъ себя прочь эту мысль, точно въ ней заключалось новое оскорбленіе для *того* Малекъ-Аделя, передъ которымъ онъ ужъ и безъ того считалъ себя виноватымъ... Еще бы! Тотъ одѣръ, ту клячу онъ, какъ слѣпой, какъ олухъ, прировнялъ ему, Малекъ-Аделю! А что на счетъ службы, которую та кляча могла еще сослужить ему... да развѣ онъ когда-нибудь удостоить сѣсть на нее верхомъ? Ни за что! Никогда!.. Татарину ее отдать, собакамъ на снѣдь—другого она не стобить... Да! Этакъ лучше всего!

Часа два слишкомъ бродилъ Чертапхановъ по своей комнатѣ.

— Перфишка! scomандовалъ онъ вдругъ. Сію минуту ступай въ кабакъ; полведра водки притащи! Слышишь? Полведра, да живо! Чтобы водка сію секунду тутъ у меня на столѣ стояла.

Водка не замедлила появиться на столѣ Пантелея Еремѣича, и онъ началъ пить.

XIII.

Кто бы тогда подсмотрѣлъ Чертапханова, кто бы могъ быть свидѣтелемъ того угрюмаго озлобленія, съ которымъ онъ осушалъ стаканъ за стаканомъ — тотъ навѣрное почувствовалъ бы невольный страхъ. Ночь наступила; салъная свѣчка тускло горѣла на столѣ. Чертапхановъ пересталъ свитаться изъ угла въ уголъ; онъ сидѣлъ, весь красный, съ помутившимися глазами, которые онъ то опускалъ на полъ, то упорно устремлялъ въ темное окно; вставалъ, наливалъ себѣ водки, выпивалъ ее, опять

садился, опять уставлялъ глаза въ одну точку и не шевелился— только дыханіе его учащалось, и лицо все болѣе краснѣло. Кажалось, въ немъ созрѣвало какое-то рѣшеніе, которое его самого смущало, но къ которому онъ постепенно привыкалъ; одна и та же мысль неотступно и безостановочно надвигалась все ближе и ближе, одинъ и тотъ же образъ рисовался все яснѣе и яснѣе впереди, а въ сердцѣ, подъ раскаляющимъ напоромъ тяжелаго хмѣля, раздраженіе злобы уже смѣнялось чувствомъ звѣрства, и злобѣщая усмѣшка появлялась на губахъ...

— Ну, однако пора! промолвилъ онъ какимъ-то дѣловымъ, почти скупчивымъ тономъ—будетъ прохлаждаться-то!

Онъ выпилъ послѣдній стаканъ водки, досталъ надъ кроватью пистолеть— тотъ самый пистолеть, изъ котораго выстрѣлилъ въ Машу, зарядилъ его, положилъ на «всякій случай» нѣсколько пистоновъ въ карманъ—и отправился на конюшню.

Сторожъ побѣждалъ-было къ нему, когда онъ сталъ отворять дверь, но онъ крикнулъ на него: «Это я! Аль не видишь? Отправляйся!» Сторожъ отступилъ немного въ сторону. «Спать отправляйся!» опять крикнулъ на него Чертапхановъ; «нечего тебѣ тутъ стеречь! Эвую невидаль, сокровище какое!» Онъ вошелъ въ конюшню. Малекъ-Адель... ложный Малекъ-Адель лежалъ на постилѣ. Чертапхановъ толкнулъ его ногою, примолвивъ: «Вставай, ворона!» Потомъ отвязалъ недоуздокъ отъ яслей, снялъ и сбросилъ на землю попону—и, грубо повернувъ въ стойлѣ послушную лошадь, вывелъ ее вонъ на дворъ, а со двора въ поле, къ крайнему изумленію сторожа, который никакъ не могъ понять, куда это баринъ отправляется ночью, съ невзвуданною лошадыю въ поводу? Спросить его—онъ, разумѣется, побоялся, а только проводилъ его глазами, пока онъ не исчезъ на поворотѣ дороги, ведущей къ сосѣднему лѣсу.

XIV.

Чертапхановъ шелъ большими шагами, не останавливаясь и не оглядываясь; Малекъ-Адель—будемъ называть его этимъ именемъ до конца—покорно выступалъ за нимъ слѣдомъ. Ночь была довольно свѣтлая; Чертапхановъ могъ различить зубчатый очеркъ лѣса, чернѣвшаго впереди сплошнымъ пятномъ. Охваченный ночнымъ холодомъ, онъ бы навѣрное захмѣлѣлъ отъ выпитой имъ водки, если бы... если бы не другой, болѣе сильный хмѣль, который обуялъ его всего. Голова его отяжелѣла, кровь

раскатисто стучала въ горло и въ уши, но онъ шелъ твердо и звалъ, куда шелъ.

Онъ рѣшился убить Малекъ-Аделя; цѣлый день онъ только объ этомъ думалъ... Теперь онъ рѣшился!

Онъ шелъ на это дѣло не тѣ, чтобы спокойно, а самоуверенно, безповоротно, какъ идетъ человѣкъ, повинующійся чувству долга. Ему эта «штука» казалась очень «простою»: уничтоживъ самозванца, онъ разомъ поквитается со «всѣмъ», и самого себя казнить за свою глупость, и передъ настоящимъ своимъ другомъ оправдаться, и цѣлому свѣту доказать (Чертапхановъ очень заботился о «цѣломъ свѣтѣ»), что съ нимъ шутить нельзя... а главное: самого себя онъ уничтожить вмѣстѣ съ самозванцемъ, ибо, на чтѣ ему еще жить? Какъ это все укладывалось въ его головѣ, и почему это казалось ему такъ просто—объяснить не легко, хотя и не совсѣмъ невозможно: обиженный, одинокій, безъ близкой души человѣческой, безъ гроша мѣднаго, да еще съ кровью, зажженной виномъ, онъ находился въ состояннн близкомъ къ помѣшательству, а нѣтъ сомнѣннн въ томъ, что въ самыхъ нелѣпныхъ выходкахъ людей помѣшанныхъ есть, на ихъ глаза, своего рода логика и даже право. Въ правѣ своемъ Чертапхановъ былъ во всякомъ случаѣ вполне увѣренъ; онъ не колебался, онъ слѣшилъ исполнить приговоръ надъ виновнымъ, не отдавая себѣ впрочемъ яснаго отчета: кого онъ собственно обзывалъ этимъ именемъ?... Правду говоря, онъ размышлялъ мало о томъ, чтѣ собирался сдѣлать. «Надо, надо кончить», вотъ что онъ твердилъ самому себѣ, тупо и строго; «кончить надо»!

А безвинный виновный трусилъ покорной рысцой за его спиною... Но въ сердцѣ Чертапханова не было жалости.

XV.

Недалеко отъ опушки лѣса, куда онъ привелъ свою лошадь, таянулся небольшой оврагъ, до половины заросшнй дубовымъ кустарникомъ. Чертапхановъ спустился туда... Малекъ-Адель споткнулся и чуть не упалъ на него.

— Аль задавить меня хочешь, проклятый! вскрикнулъ Чертапхановъ—и, словно защищаясь, выхватилъ пистолеть изъ кармана. Уже не ожесточеннн испытывалъ онъ, а ту особенную одеревенѣлость чувства, которая, говорятъ, овладѣваетъ человѣкомъ передъ совершенннмъ преступленнн. Но собственный голосъ испугалъ его—такъ дико прозвучалъ онъ подъ навѣсомъ тѣмныхъ вѣтвей, въ гнилой и спѣртой сырости лѣсного оврага! Къ

тому же, въ отвѣтъ на его восклицаніе, какая-то большая птица внезапно затрепыхалась въ верхушкѣ дерева надъ его головою... Чертапхановъ дрогнулъ. Точно онъ разбудилъ свидѣтеля своему дѣлу—и гдѣ же? въ этомъ глухомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не долженъ былъ встрѣтить ни одного живого существа...

— Ступай, чортъ, на всѣ четыре стороны! проговорилъ онъ сквозь зубы — и выпустивъ поводъ Малекъ-Аделя, съ размаху ударилъ его по плечу прикладомъ пистолета. Малекъ-Адель немедленно повернулся назадъ, выкарабкался вонъ изъ оврага... и побѣжалъ. Но недолго слышался стукъ его копытъ. Поднявшійся вѣтеръ мѣшалъ и застилалъ всѣ звуки.

Въ свою очередь Чертапхановъ медленно выбрался изъ оврага, достигъ опушки и поплѣлся по дорогѣ домой. Онъ былъ недоволенъ собою; тяжесть, которую онъ чувствовалъ въ головѣ, въ сердцѣ, распространилась по всѣмъ членамъ; онъ шелъ сердитый, тѣмный, неудовлетворенный, голодный, словно кто обидѣлъ его, отнял у него добычу, пищу...

Самоубійцѣ, которому помѣшали исполнить его намѣреніе, знакомы подобныя ощущенія.

Вдругъ что-то толкнуло его сзади, между плечъ. Онъ оглянулся... Малекъ-Адель стоялъ посреди дороги. Онъ пришелъ слѣдомъ за своимъ хозяиномъ, онъ тронулъ его мордой... доложилъ о себѣ...

— А! закричалъ Чертапхановъ, — ты самъ, самъ за смертью пришелъ! Такъ нѣ-же!

Въ мгновеніе ока онъ выхватилъ пистолетъ, взвѣлъ курокъ, приставилъ дуло ко лбу Малекъ-Аделя, выстрѣлилъ...

Бѣдная лошадь шарахнулась въ сторону, взвилась на дыбы, отскочила шаговъ на десять и вдругъ грузно рухнула и захрипѣла, судорожно валяясь по землѣ...

Чертапхановъ зажалъ себѣ уши обѣими руками и побѣжалъ. Колѣна подгибались подъ нимъ. И хмѣль, и злоба и тупая самоуверенность—все вылетѣло разомъ. Осталось одно чувство стыда и безобразія — да сознаніе, сознаніе несомнѣнное, что на этотъ разъ онъ и съ собой покончилъ.

XVI.

Недѣль шесть спустя казачокъ Перфишка почѣлъ долгомъ остановить проѣзжавшаго мимо Безсоновской усадьбы станового пристава.

— Чего тебѣ? спросилъ блюститель порядка.

— Пожалуйте, ваше благородіе, въ намъ въ домъ, отвѣтилъ казачокъ съ низкимъ поклономъ; Пантелей Еремѣичъ, кажись, умирать собираются; такъ вотъ я и боюсь.

— Какъ? умирать? переспросилъ становой.

— Точно такъ-съ. Сперва они важинный день водку купали, а теперь вотъ въ постель слегли и ужъ очень они худы стали. Я такъ полагаю, они теперь и понимать-то ничего не понимаютъ. Безъ языка совсѣмъ.

Становой слѣзъ съ телѣги. — Чтò же ты, за священникомъ, по крайней мѣрѣ, сходилъ? Исповѣдался твой баринъ? Причастился?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Становой нахмурился. — Какъ же ты это такъ, братецъ? Развѣ такъ можно—а? Или ты не знаешь, что за это... отвѣтственность бываетъ большая—а?

— Да я ихъ и третьёго дня и вчера съспрашивалъ, подхватилъ оробѣвшій казачокъ—не прикажете-ли, говорю, Пантелей Еремѣичъ за священникомъ сбѣгать? — Молчи, говоритъ, дуракъ. Не въ свое дѣло не суйся. А сегодня, какъ я сталъ докладывать—только посмотрѣли на меня—да усомъ повели.

— И много онъ пилъ воды? спросилъ становой.

— Дюже много!—Да вы ужъ сдѣлайте милость, ваше благородіе, пожалуйте къ нимъ въ комнату.

— Ну, веди!—проворчалъ становой, и послѣдовалъ за Перфишкой.

Удивительное зрѣлище его ожидало.

Въ задней комнатѣ дома, сырой и тёмной, на убогой кровати, покрытой конскою попоной, съ лохмотой буркой вмѣсто подушки, лежалъ Чертапхановъ, уже не блѣдный, а изжелта-зелѣный, какъ бываютъ мертвецы, со ввалившимися глазами подъ глянцевоыми вѣками, съ заостренными, но все ещё красноватыми носомъ надъ взъерошенными усами. Лежалъ онъ одѣтый въ неизмѣнный свой архалукъ съ патронами на груди и въ чербесскіе синіе шаровары. Папаха съ малиновымъ верхомъ закрывала ему лобъ до самыхъ бровей. Въ одной рукѣ Чертапхановъ держалъ охотничью нагайку—въ другой шитый кисеть, послѣдній подарокъ Маши. На столѣ возлѣ кровати стоялъ пустой штофъ; а въ головахъ, пришпиленные булавами къ стѣнѣ, видѣлись два акварельныхъ рисунка: на одномъ, сколько можно было понять, былъ представленъ толстый человѣкъ съ гитарой въ рукахъ—вѣроятно Недопюскинъ; другой изображалъ скачущаго всадника... Лошадь походила на тѣхъ сказочныхъ животныхъ, которыхъ рисуютъ дѣти на стѣнахъ и заборахъ; но ста-

рательно оттушеванные яблочки ея масти и патроны на груди всадника, острые носки его сапоговъ и громадные усы не оставляли мѣста сомнѣнію: этотъ рисунокъ долженствовалъ изобразить Пантелея Еремѣича верхомъ на Малекъ-Аделѣ.

Изумленный становой не зналъ, что предпринять. Мертвая тишина царствовала въ комнатѣ. «Да ужъ онъ скончался», подумалъ онъ, и, возвысивъ голосъ, промолвилъ:—Пантелей Еремѣичъ! А Пантелей Еремѣичъ!

Тогда произошло нѣчто необыкновенное. Глаза Чертапханова медленно раскрылись, потухшіе зрачки двинулись сперва справа налѣво, потомъ слѣва направо, остановились на портретѣ, увидали его... Что-то замерцало въ ихъ тусклой бѣлизнѣ, подобіе взора въ нихъ проявилось;—посинѣвшія губы постепенно раскраснелись и послышался сильный, ужъ точно гробовой голосъ:

— Столбовой дворянинъ Пантелей Чертапхановъ умираетъ; кто можетъ ему препятствовать?—Онъ никому не долженъ, ничего не требуетъ... Оставьте его, люди! Идите!

Рука съ нагайкой попыталась приподняться... Напрасно! Губы опять склеились, глаза закрылись—и попрежнему лежалъ Чертапхановъ на своей жесткой кровати, вытанувшись какъ пласть и сдвинувъ подошвы.

— Дай знать, когда скончается, шепнуть, выходя изъ комнаты, становой Перфишкѣ;—а за попомъ, я полагаю, сходить и теперь можно. Надо-жъ порядковъ соблюсти, особоровать его.

Перфишка въ тотъ же день сходилъ за попомъ; а на слѣдующее утро ему пришлось дать знать становому: Пантелей Еремѣичъ скончался въ ту же ночь.

Когда его хоронили, гробъ его провожали два человѣка: казачокъ Перфишка да Мошель Лейба. Вѣсть о кончинѣ Чертапханова какимъ-то образомъ дошла до жида—и онъ не преминулъ отдать послѣдній долгъ своему благодѣтелю.

Сентябрь, 1872.

И. В. ТУРГЕНЕВЪ.



ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

V *).

Славянофильство.

Въ то самое время, когда Чаадаевъ пришелъ къ крайнему скептицизму своихъ «Писемъ», въ литературѣ подготовлялась новая точка зрѣнія, которая отличалась столько же крайнимъ, самоувѣреннымъ увлеченіемъ въ совершенно противоположную сторону. Это было славянофильство.

До сихъ поръ еще не пришло время для полной оцѣнки этого направленія: оно понынѣ продолжаетъ свою роль въ литературѣ и вѣроятно полагаетъ, что еще не высказалось окончательно; его первые дѣятели отчасти дѣйствуютъ до сихъ поръ; другіе, которые сошли со сцены, еще не имѣютъ настоящихъ біографій; собранія ихъ сочиненій только начаты. По нашей задачѣ, мы ограничимся только тою частью ихъ дѣятельности, которая принадлежитъ выбранному нами періоду. Понятно, что эта часть не была наиболѣе характеристична. Славянофилы, какъ и остальная литература, не могли въ то время высказывать своихъ

*) См. выше, 1871: май 288; сент. 301; дек. 455; 1872: май 145 стр.

мнѣній достаточно полно (какъ это больше удалось имъ впоследствии); но и тогда они успѣли выставить нѣкоторые изъ главныхъ своихъ положеній, и рѣзко выдѣлились въ тогдашней литературѣ, какъ особая школа. Намъ приходится въ этихъ началахъ ихъ дѣятельности наблюдать задатки дальнѣйшаго, болѣе обширнаго развитія ихъ мнѣній; изъ ихъ позднѣйшей дѣятельности мы заимствуемъ только немногія необходимыя указанія.

Въ послѣдніе годы, — по причинамъ, о которыхъ мы упомянемъ дальше, — число приверженцевъ славянофильства стало больше, чѣмъ было прежде; составила даже новая, особаго рода школа, въ славянофильскомъ духѣ. Эти новые послѣдователи, хотя иногда значительно отступаютъ отъ первоначальной школы, вообще однако придаютъ великое значеніе начинателямъ славянофильства, считаютъ, что ихъ ученіе, все болѣе будто бы овладѣвающее умами, стало цѣлымъ умственнымъ переворотомъ, вслѣдствіе котораго русская мысль и общественное мнѣніе получаютъ наконецъ самобытность и народность. Славянофильство изображается какъ новый періодъ, уничтожающій то подчиненіе Европѣ, которымъ такъ долго страдала наша образованность.

Извѣстно, что это была мечта и самихъ славянофиловъ. При началѣ ихъ дѣятельности, имъ казалось, что они именно и призваны свергнуть европейское иго и выставить знамя русской самостоятельной мысли, найти истинно народныя основы нашего общественнаго и умственнаго бытія и дать имъ силу. Новѣйшіе послѣдователи думаютъ, что они дѣйствительно это сдѣлали, что основы найдены, и что не признаютъ ихъ и спорятъ противъ нихъ только люди, лишеныя пониманія, упорствующие въ заблужденіи, или даже дурные патріоты. Славянофилы относятся къ этимъ людямъ обыкновенно съ высокоумнымъ пренебреженіемъ, мелкіе ихъ приверженцы — съ озлобленіемъ, впрочемъ довольно безвреднымъ ¹⁾.

Славянофильство имѣло конечно свои заслуги въ нашей литературѣ и общественныхъ понятіяхъ. Но эти заслуги были не такъ универсальны, и въ нихъ надо сдѣлать немалыя исключенія противъ ихъ собственныхъ притязаній. Мы попробуемъ опредѣлить мѣру этихъ заслугъ и мѣру недостатковъ славянофильства за описываемый нами періодъ, впрочемъ только въ общихъ чертахъ, не входя въ подробности его исторіи.

Школа, извѣстная впоследствии подъ этимъ именемъ, образовалась около второй половины тридцатыхъ годовъ. Ея старѣй-

¹⁾ „Зара“ в т. II.

ими представителями были братья Кирѣевскіе (Иванъ Вас., 1806 — 1856, и Петръ Вас. 1808 — 1856), Хомяковъ (1804 — 1860); къ нимъ тѣсно примыкали болѣе молодые: Дмитрій Валуевъ, умершій въ 1845 г., Константинъ (1817—1860) и Иванъ Аксаковы, Ю. О. Самаринъ; далѣе, гг. Кошелевъ, Елагинъ, Новиковъ, Чижовъ, и др. Этими именами школа держалась въ сущности до послѣдняго времени.

Казалось бы, что столь замѣчательное явленіе въ исторіи нашей образованности, каковымъ считаютъ славянофильство, должно имѣть свои антецеденты въ предшествующемъ ходѣ русской общественной мысли, но до сихъ поръ генеалогія славянофильскаго ученія не была хорошенъко опредѣлена, ни его послѣдователями, ни противниками. Если видѣть его сущность въ приверженности къ началамъ древней Руси, во враждѣ къ Петровской реформѣ, то очень длинный рядъ предшественниковъ его можно найти въ теченіе всего XVIII-го вѣка, между людьми, у которыхъ сохранялась или непосредственная память, или преданья о временахъ до-Петровскихъ, — этотъ рядъ можно было бы начать пожалуй отъ царевны Софьи и стрѣльцовъ, и далѣе считать въ немъ царевича Алексѣя; русскую партію при Аннѣ и Елизаветѣ; людей стараго вѣка при Екатеринѣ, какъ князь Щербатовъ; далѣе, Шишкова и «Бесѣду». Какъ ни странны были бы многія изъ этихъ аналогій, онѣ не были бы лишены извѣстнаго основанія, — потому что вражда къ преобразованіямъ Петра и къ «петербургскому періоду» не одинъ разъ высказывалась славянофилами съ крайней нетерпимостью, и старина восхвалялась съ самымъ рѣшительнымъ предпочтеніемъ. Прибавимъ, что теологическая сторона славянофильскихъ понятій сближаетъ эту школу еще больше съ идеалами старыхъ защитниковъ до-Петровской Россіи. Эта теологическая сторона, занимающая очень важное мѣсто въ славянофильскомъ ученіи, нерѣдко вполне напоминаетъ о религиозной исключительности и теологическихъ притязаніяхъ старой московской Россіи. Древность вообще такъ драгоцѣнна славянофиламъ, что сравненіе ихъ съ противниками «новыхъ обычаевъ» въ XVIII-мъ вѣкѣ дѣлается естественнымъ ¹⁾.

¹⁾ Г. Ламанскій указываетъ слѣдующихъ начинателей и предшественниковъ славянофильства. „Въ этотъ періодъ видимаго упадка внутреннихъ народныхъ силъ, — говоритъ онъ, — въ періодъ, заключенный крымской войною и парижскимъ миромъ, возникла у насъ такъ-называемая школа славянофиловъ, имѣвшая впрочемъ высококультурныхъ и замѣчательныхъ предшественниковъ въ Ломоносовѣ и Болтинѣ, Карамзинѣ (послѣдняго періода) и Грибоѣдовѣ, митр. Платонѣ и Голубинскомъ, и въ дру-

Но съ другой стороны не трудно видѣть, что это сравненіе было бы неточно. При всемъ пристрастіи къ старинѣ, славянофилы ставятъ вопросъ гораздо сложнѣе и мудренѣе, чѣмъ консерваторы XVIII-го вѣка, народные и литературные. Славянофильство—не простой инстинктъ, но цѣлое ученіе, дѣйствующее философскими доказательствами, владѣющее средствами той новѣйшей образованности, на которую нападаетъ во имя народной старины. Оно такъ отличается отъ консерваторовъ XVIII-го вѣка и степенью образованія и свойствомъ многихъ своихъ общественныхъ стремленій (гдѣ иногда идетъ рядомъ съ лучшими представителями либерализма), что сравненіе прекращается, и въ славянофильствѣ приходится признать явленіе иного порядка.

Оно отличается и отъ консерваторовъ болѣе близкаго времени, — Александровскаго. Славянофиловъ нельзя серьезно сравнивать съ Шишковымъ и его приверженцами, какъ это дѣлалъ Бѣлинскій въ разгарѣ полемики; они любятъ старину не такимъ наивно-грубымъ образомъ, и многое въ ихъ понятіяхъ было бы для Шипкова китайскою грамотой. Словомъ, источниковъ славянофильства мы должны искать гораздо ближе: своими сочувствіями оно дѣйствительно связано съ преданіями стараго вѣка и, постоянно твердя о нихъ и занимаясь ими, успѣло даже усвоить многія непривлекательныя стороны этихъ, собственно московскихъ, преданій, но эта связь—чисто теоретически придуманная, и славянофильство по своему происхожденію есть явленіе существенно новое, характеръ котораго лежитъ въ условіяхъ русской образованности и общественной жизни въ первыя десятилѣтія нашего вѣка. Его теоретическое содержаніе было развито по пріемамъ и подъ указаніями европейской литературы, именно подъ вліяніями романтизма и нѣмецкой философіи: въ его основаніи была извѣстная нравственно-общественная сила, были здоровые и естественные элементы, но столкнувшись въ своемъ развитіи съ тяжелыми общественными условіями, эта сила не сохранила правильнаго направленія и впала въ одностороннюю крайность, съ которой остается и до сихъ поръ.

Извѣстны рассказы автора «Былаго и Думъ» о томъ, какъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ складывались въ Москвѣ двѣ партіи, вскорѣ овладѣвшія литературой; какъ шли тогда оживленныя бесѣды и споры въ кружкѣ, гдѣ дружелюбно схо-

гихъ нашихъ духовныхъ писателяхъ“... („День“, 1865, № 50 и 51, стр. 1200). Очевидно, что здѣсь отмежевано для славянофильства слишкомъ много изъ исторіи русской литературы.

дѣлись люди, ставшіе вскорѣ потомъ руководителями двухъ различныхъ направлений въ литературѣ и общественныхъ понятіяхъ.

Содержаніе этихъ споровъ вращалось на томъ, что было тогда господствующимъ интересомъ новаго литературнаго поколѣнія. Это была нѣмецкая философія съ тѣмъ всеобъемлющимъ значеніемъ, по которому она сосредоточивала въ себѣ всѣ вопросы общаго отвлеченнаго мышленія и всѣ частныя примѣненія въ предметахъ политической жизни, исторіи, литературы. Къ разсказамъ автора «Былаго и Думъ», идутъ параллельно воспоминанія г. Самарина:

«Въ то время, — говоритъ онъ, — общество московскихъ ученыхъ и литераторовъ распалось на два кружка, такъ-называемыхъ западниковъ и такъ-называемыхъ славянофиловъ. Первый, и многочисленнѣйшій, группировался около новопривывшихъ изъ-за границы профессоровъ московскаго университета и представлялъ собою отраженіе, въ маломъ размѣрѣ, господствовавшей въ то время, въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, правой стороны Гегелевой школы. Въ другомъ кружкѣ вырабатывалось мало по малу возрѣвнѣе православно-русское... Представителями его были Хомяковъ и Кирѣевскіе.

«Оба кружка не соглашались почти ни въ чемъ; тѣмъ не менѣе, ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли какъ бы одно общество; они нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ сочувствіемъ, основаннымъ на единствѣ умственныхъ интересовъ и на глубокомъ, обоюдномъ уваженіи. При тогдашнихъ условіяхъ, полемика печатная была немислима и, какъ въ эпоху предшествовавшую изобрѣтенію книгопечатанія, ее замѣняли послѣдовательные и далеко не бесплодные словесные диспуты. Споры вертѣлись около слѣдующихъ темъ: возможенъ ли логическій переходъ, безъ скачка или прерыва, отъ понятія чистаго бытія, черезъ понятіе небытія, къ понятію развитія и бытія опредѣленнаго, отъ *Seyn*, черезъ *Nichts*, къ *Werden* и къ *Daseyn*? Иными словами, что править міромъ: свободно-творящая воля, или законъ необходимости?

«Далѣе: какъ относится православная церковь къ латинству и протестантству: какъ первобытная среда начальнаго безразличія, изъ которой, путемъ дальнѣйшаго развитія и прогресса, вышли другія, высшія формы религіознаго міросозерцанія, или какъ вѣчно пребывающая и неповрежденная полнота Откровенія, подчинившагося въ западномъ мірѣ латино-германскимъ представленіямъ и вслѣдствіе этого раздвоившагося на противоположныя полюсы? Наконецъ: въ чемъ заключается разниа между рус-

скимъ и западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, въ одной ли степени развитія или въ самомъ характерѣ просвѣдательныхъ началъ? Предстоитъ ли русскому просвѣщенію проникаться болѣе и болѣе, не только внѣшними, результатами, но и самими началами западно-европейскаго просвѣщенія или, вникнувъ глубже въ свой собственный, православно-русскій духовный бытъ, опознать въ немъ начала новаго, будущаго фазиса общечеловѣческаго просвѣщенія?

«...Невѣроятнымъ покажется, что люди неглухие могли такъ долго жить и жить умственною жизнью, въ области отвлеченнаго умозрѣнія, повернувшись спиною къ вопросамъ политическимъ. Между тѣмъ, это несомнѣнно...

«О политическихъ вопросахъ никто въ то время не толковалъ и не думалъ. Это составляло одну изъ отличительныхъ особенностей московскаго учено-литературнаго общества сороковыхъ годовъ, которой не могли объяснить себѣ люди предшествовавшей эпохи. Они прислушивались и въ недоумѣніи пожимали плечами»¹⁾).

Такимъ образомъ, той почвой, на которой развивались славянофильскія идеи, была нѣмецкая философія; изъ нея славянофилы заимствовали свою аргументацію, свои средства борьбы, и также постановку руководящихъ вопросовъ. Къ спорамъ о чистомъ и определенномъ бытіи, рѣшавшимъ общій вопросъ объ отношеніи знанія и вѣры, непосредственно примыкали споры изъ области философіи исторіи, о значеніи міра восточнаго и западнаго, объ отношеніи православія къ католицизму и протестантству. Это были вопросы отвлеченные и универсальные. Если въ то время не толковали и не думали о политическихъ вопросахъ, то это было довольно естественно: не говоря о томъ, что прикосновеніе къ чистой политикѣ было въ тѣ времена очень не безопасно и для нея не было мѣста въ тогдашнихъ нравахъ, она исчезала или подразумевалась въ тѣхъ всеобъемлющихъ вопросахъ, на которыхъ сосредоточено было все вниманіе обѣихъ сторонъ, частные вопросы разрѣшались сами собой, какъ скоро устанавливались общія положенія. Въ концѣ концовъ, развитіе мнѣній привело и къ прямымъ политическимъ вопросамъ.

Вслѣдствіе того, что спорные пункты рѣшались диспутами, по способу, употреблявшемуся до изобрѣтенія книгопечатанія,

¹⁾ Ср. съ этими воспоминаніями біографіи Станкевича и Грановскаго; воспоминанія г. Свѣрбеева о Чаадаевѣ и Герценѣ (Р. Архивъ, 1868, стр. 976; 1870, стр. 673); «Воспоминаніе студентства 1832—1835 г.» К. Алсакова (День, 1862, № 39—40), и друг.

славянофильское учение выработалось наконецъ (въ первоначальномъ тѣсномъ кружкѣ) до значительной выдержанности общихъ основаній и подробностей: когда оно выступило особымъ направлениемъ въ литературѣ, оно явилось въ ней какъ готовый рядъ возрѣвнѣй, которымъ были довольно вѣрны всѣ члены школы. Это было уже довольно поздно, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, когда вслѣдъ за «Симбирскимъ Сборникомъ» (наполненнымъ историческими матеріалами), появились «Сборникъ» Валуева и «Московскіе Сборники». Слѣдить постепенное развитие славянофильства въ печатной литературѣ, поэтому, довольно мудро. Впрочемъ еще до этого времени славянофильскіе писатели въ печатной литературѣ примыкали нерѣдко къ людямъ, близкаго съ ними, но тѣмъ не менѣе особаго направленія въ «Москвитянинѣ». Это соизначество отразилось на ихъ литературныхъ отношеніяхъ: писатели «Москвитянина» не пользовались репутаціей; противники славянофиловъ не всегда могли выдѣлить ихъ изъ писателей этого журнала, тѣмъ больше, что сами славянофилы давали поводъ къ этому смѣшенію, — и когда печатная полемика наконецъ открылась, это повело къ большому раздраженію обѣихъ сторонъ.

Кружокъ славянофиловъ тѣмъ удобнѣе могъ согласовать свои идеи въ одно учение, что это былъ немногочисленный тѣсный кружокъ, связанный дружескими и родственными отношеніями. Ихъ внѣшнее положеніе въ литературѣ могло назваться болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе ихъ противниковъ. Славянофилы, вообще люди довольно независимые (большей частью, довольно или очень богатые помѣщики, занимавшіе мѣсто между верхними слоями средняго дворянства и настоящей аристократіей), въ литературѣ были мало дѣятельны, выступали въ ней болѣе случайно, менѣе чувствовали неудобства журнальной дѣятельности, и могли больше сосредоточиться на выработкѣ своего ученія, — хотя, быть можетъ, этому же надо приписать то обстоятельство, что въ то время, какъ противоположное направленіе уже вскорѣ встрѣтилось съ практическими вопросами дѣйствительности, эта школа долѣе оставалась дилеттантской системой, которой удобно было витать въ отвлеченностяхъ, не особенно заботясь о прагматическихъ выводахъ.

Дружескія отношенія двухъ сторонъ, о которыхъ мы упоминали, удержались не надолго. Рѣзкая противоположность мнѣній вызвала, наконецъ, личные заявленія, въ которыхъ обнаружилась явная вражда. Если не ошибаемся, первый примѣръ нетерпимости поданъ былъ славянофилами, въ рукописномъ стихотвореніи

Лыкова противъ Чаадаева, недавно напечатанномъ въ биографіи послѣдняго. Лыковъ, поэтъ славянофильства, принялъ такой тонъ, который выходилъ уже изъ предѣловъ литературнаго спора,—это было чуть не обращеніе къ «свѣтской рукѣ», и хотя отдѣльныя лица обѣихъ партій продолжали встрѣчаться, но вообще миръ былъ нарушенъ, и въ литературѣ полемика уже съ первыхъ славянофильскихъ изданій приняла характеръ недружелюбный и язвительный. Къ сожалѣнію, славянофильство подавало къ нему поводъ и другими обстоятельствами. Выше упомянуто было объ его связяхъ съ дѣятелями «Москвитянина». Когда на страницахъ этого журнала появились имена Хомякова, Кирѣевского, извѣстнаго тогда славянофильскаго псевдонима М... З... К..., и проч., когда славянофильскія теоріи являлись рядомъ съ разсужденіями Погодина, Шевырева и проч., и между ними не разъ можно было замѣтить большое согласіе, противники славянофильства не могли не отнестись и къ нему съ тою же враждой, какую внушалъ имъ этотъ журналъ,—представлявшій весьма непривлекательный сборъ казенныхъ взглядовъ оффиціальной народности.

Сами славянофилы держались при этомъ различно. Многие изъ нихъ были люди съ большимъ образованіемъ, для которыхъ самая встрѣча съ противоположнымъ образомъ мыслей была пріятна, какъ случай для провѣрки и новаго доказательства своихъ идей; изъ нихъ Кирѣевскій самъ прежде принадлежалъ къ тому лагерю, противъ котораго онъ сталъ въ новомъ поворотѣ своихъ взглядовъ—и, быть можетъ, поэтому онъ именно и отличался всего больше терпимостью мнѣній. Но, наконецъ, исключительность теоріи обнаружила свои качества, и славянофильскіе полемисты показали въ своихъ нападеніяхъ рѣзкость, тѣмъ болѣе немѣстную, что спорить, въ печати, противъ самыхъ основаній ихъ теоріи, противники ихъ не могли безъ нѣкоторой опасности, или же не могли вовсе ¹⁾.

¹⁾ Противники знали другъ друга довольно хорошо, и не останавливались передъ личными намеками. Критикъ „Моск. Сборника“ и „Москвитянина“, упомянутый М... З... К..., нападая на Бѣлинскаго, попрекалъ его нетвердостью его мнѣній (вѣроятно по старой памяти о статьѣ Бѣлинскаго: „Бородинская годовщина“), и говорилъ такимъ образомъ: „Вовсе не чуждый эстетическаго чувства — чему доказательствомъ служатъ особенно прежнія статьи его, — Бѣлинскій какъ будто пренебрегаетъ имъ и, обладая собственнымъ капиталомъ, постоянно живетъ въ долгъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ явился на поприщѣ критики, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ чужой мысли. Несчастная воспримчивость, способность понимать легко и поверхностно, отречься скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей, держала его въ какой-то постоянной тревогѣ, которая обратилась наконецъ въ нормальное состояніе и помѣшала развитію его способно-

Славянофилы были притомъ преисполнены гордости своею системою, и противники ихъ не могли простить имъ этихъ притязаній: — во-первыхъ, эти высокоумѣнные притязанія далеко не были ими доказаны; во-вторыхъ, оставалось невыяснено отношеніе славянофильства къ авторитету, къ официальной народности.

Мы упоминаемъ объ этомъ положеніи славянофильства въ литературѣ потому, что ихъ послѣдователи обыкновенно сваливаютъ вину этихъ отношеній на такъ-называемую западную партію. На дѣлѣ, это было не совсѣмъ такъ, и если на комъ лежитъ вина того, что два направленія — при всемъ стѣсненномъ положеніи литературы — не могли найти общаго дѣла, то всего скорѣе эта вина лежитъ на самихъ славянофилахъ. При первомъ появленіи, школа принимала высокоумѣнный тонъ, прежде чѣмъ ея заслуги дали бы ей на то какое-нибудь право; она дѣлала полемическія вылазки противъ другого направленія (съ которымъ имѣла много общихъ враговъ) тамъ, гдѣ надо было говорить изложеніемъ своего взгляда и аргументами, и въ то же время затрогивала такіе мотивы, на которые невозможно было прямо отвѣчать: ея самодовольство и нетерпимость дѣлали то, что когда возраженія не выслушивались и не опровергались, правильный споръ становился невозможенъ. Наконецъ, увлекаясь проповѣдью о новыхъ началахъ, мечтами о будущемъ паденіи западной цивилизаціи и торжествѣ восточной, школа забывала насущныя потребности времени, когда противъ нея, также какъ и противъ другого направленія стоялъ общій врагъ, круглое невѣжество и обскурантизмъ. Это послѣднее

стей“ (Москвит. 1847, ч. 2). Бѣлинскій отвѣчалъ „Москвитяину“ въ „Современникѣ“, и уминая о разныхъ мелкихъ нападкахъ перваго, между прочимъ говорилъ: „...Но пока г. Бѣлинскій не видитъ никакой нужды горячо спорить за себя съ такими противниками, или прибѣгать въ спорѣ къ ихъ средствамъ. Да и въ чѣму? Публика и сама съумѣетъ увидѣть разницу между человѣкомъ, у котораго литературная дѣятельность была призваніемъ, страстью, который никогда не отдѣлялъ своего убѣжденія отъ своихъ интересовъ, который, руководствуясь врожденнымъ инстинктомъ истины, имѣлъ больше вліянія на общественное мнѣніе, чѣмъ многие изъ его дѣятельно ученныхъ противниковъ,—и между какимъ-нибудь баричемъ, который изучалъ народъ чрезъ своего камердинера, и думаетъ, что любить его больше другихъ, потому что сочинилъ или принял на вѣру готовую о немъ мистическую теорію, который, между служебными и свѣтскими обязанностями, занимается также и литературою, въ качествѣ дилеттанта... Въ ваше время талантъ самъ по себѣ не рѣдкость; но онъ всегда былъ и будетъ рѣдкостью въ соединеніи съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ страстною дѣятельностію, потому что только тогда онъ можетъ быть дѣятельно полезенъ обществу. Что касается до вопроса, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, онъ давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ“... (Сочин. XI, стр. 257).

обстоятельство школа слишкомъ часто забывала и потому, въ наше время. Намъ кажется вообще, что она отчасти по собственной винѣ сдѣлала для развитія общественнаго мнѣнія меньше, чѣмъ могла бы сдѣлать...

Съ другой стороны, славянофильство, хотя и очень близкое къ господствовавшей официальной народности, не пользовалось благосклонностью высшихъ сферъ, которыя, если не осуждали основныхъ его тенденцій, то, кажется, думали, что оно идетъ въ нихъ слишкомъ далеко, и берется не за свое дѣло, предпринимая истолкованіе истинныхъ началъ русской жизни. Исторія этихъ тогдашнихъ отношеній славянофильства съ властью еще не была рассказана, — но сколько извѣстно, славянофиламъ приходилось испытывать личныя неудобства своего образа мыслей. Правда, неудобства не были чрезмерны, но тѣмъ не менѣе они существовали, и литературная дѣятельность славянофильства, въ теченіи описываемаго періода, не одинъ разъ терпѣла неприятыя помѣхи. Первый послѣдовательный славянофильскій журналъ явился только въ 1856-мъ году. Славянофилы и здѣсь не дали еще полнаго систематическаго свода своихъ мнѣній, но по крайней мѣрѣ уже больше думали выяснить ихъ съ различныхъ сторонъ, и между прочимъ печатали многое «изъ прежняго періода». Къ сожалѣнію, опытъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ не послужилъ имъ достаточно въ пользу: они могли бы видѣть, что многое въ общественныхъ условіяхъ тяготѣетъ одинаково надъ ними и ихъ противниками, и могли бы нѣсколько иначе взглянуть на потребности литературы... Впослѣдствіи, опытъ повторился для нихъ еще разъ.

Въ первое время существованія школы была еще нѣсколько болѣе понятна ея исключительность и нетерпимость; это могла быть извѣстная гордость новой найденной мыслью, самоувѣренность людей, убѣжденныхъ въ своемъ стремленіи и готовыхъ выполнять его въ жизни. Съ такими чувствами дѣйствительно славянофилы впервые выступали на свое поприще: сознавая, что являются въ литературу съ новымъ содержаніемъ, и одушевляемые мыслью служить народной идеѣ, они могли преувеличить значеніе этого содержанія, и потерять мѣру въ выраженіяхъ. Но эта исключительность и потому является почти общей и постоянной чертой школы, и если отчасти она объясняется указаннымъ сейчасъ увлеченіемъ, и также свойствомъ тѣснаго кружка, то существенной причины ея надо искать въ характерѣ самаго ученія.

Какимъ же образомъ составилось новое ученіе? Выше замѣчено, что его трудно непосредственно связать съ какимъ-нибудь предшествующимъ направленіемъ: въ прежней литературѣ не

было учения съ такими рѣзко опредѣленными чертами. Напротивъ, источника его должно въ особенности искать въ новѣйшемъ умственномъ движеніи. Основатели славянофильства были образованные люди двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, — они начинали съ того движенія, которое дѣйствовало въ двадцатыхъ годахъ, и затѣмъ довоспитались на нѣмецкой философіи: изъ нея они брали способъ разсужденія и по ней составили теоретическія положенія своей системы. Въ *этомъ* отношеніи славянофилы не отличались отъ своихъ противниковъ, и также мало, какъ тѣ, могли похвалиться народной оригинальностью, на которой настаивали. Ихъ философія стремится къ тому, чтобы отвергнуть истинно-народныя начала русской жизни, развить ихъ и дать имъ мѣсто и въ нашемъ образованіи и въ практическомъ быту. Но они очень ошибались, когда думали, что эта идея народа пришла къ нимъ не иначе, какъ только отъ самого народа, что они являются выразителями его истиннаго духа и его стремленій въ дальнѣйшемъ развитіи. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что патріотическая любовь къ своему народу горячо одушевляла славянофиловъ, — какъ одушевляла и всѣхъ лучшихъ людей литературы, — и они действительно обращались къ народу, къ его исторіи и современному быту, — но ихъ отношеніе къ народу не было простое, свободное, а въ значительной степени теоретическое и искусственное. Здѣсь славянофилы были именно людьми своего времени, и ихъ отношеніе къ народу было главнымъ образомъ *философско-романтическое*. Въ свойствахъ славянофильскаго ученія дѣйствительно находятся существенные признаки романтическаго происхожденія. При его началѣ было столько же поэтическаго увлеченія, сколько теоретическихъ основаній, или даже больше, — и нѣсколько фантастическій колоритъ постоянно отличалъ славянофильскую теорію. Основную романтическую черту представляетъ у славянофиловъ стремленіе къ давнему прошедшему; народъ, къ которому они стремились, былъ не столько настоящій нынѣшній народъ, — которому они конечно желали добра, — сколько народъ идеальный, и именно прошедшій, потому что этотъ прошедшій народъ всего удобнѣе можно было изобразить представителемъ тѣхъ началъ, которыя они ставили краеугольнымъ камнемъ своей системы. Прошедшее было ихъ идеаломъ; они должны были дѣлать неизбѣжную уступку исторіи и дѣлали оговорки о недостаткахъ старины, но на дѣлѣ она поставляла имъ главнѣйшій запасъ образцовъ; только она и казалась имъ истиннымъ выраженіемъ русскаго народнаго духа. Ихъ новѣйшая философія была желаніемъ возвеличить московскій бытъ до пет-

ровскаго времени и возвести его на степень новаго принципа цивилизаціи. Этотъ московскій бытъ они считали чистымъ, безъ всякой примѣси, русскимъ (они забывали только византійскія и татарскія примѣси), и изъ любви къ нему враждебно относились къ петровской реформѣ и такъ - называемому петербургскому періоду.

Мы говорили прежде о томъ, какъ въ эти десятилѣтія и въ нашей жизни отразилось то европейское движеніе, которое съ одной стороны производило феодальныя реставраціи, съ другой дѣйствовало въ пользу народовъ и сопровождалось возрожденіемъ національностей; какъ возникла у насъ официальная народность, органами которой стали между прочимъ и нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ писателей. Новая школа шла дальше; она не довольствовалась изображеніями старины въ простодушно-идиллическомъ и благочестиво-рыцарскомъ духѣ; не довольствовалась славой, побѣдами, грозой врагамъ. Подъ новымъ научнымъ и литературнымъ вліяніемъ, особенно подъ вліяніемъ новѣйшей философіи исторіи, стали теперь искать національнаго принципа, народныхъ особенностей и предназначеній, отыскивать роль народа въ судьбахъ человѣчества и т. д. Романтическій патріотизмъ находилъ себѣ удовлетвореніе въ представленіи о нравственномъ величій народа, о глубинѣ его духа, о великомъ его предназначеніи для общечеловѣческаго развитія: все это облеклось теперь въ форму философско-исторической теоріи, въ которой несомнѣнно обнаруживается присутствіе романтизма. Новая школа и въ чисто литературномъ смыслѣ тѣсно примыкала къ прежнимъ романтикамъ. Старѣйшіе изъ славянофиловъ воспитались въ самый разгаръ европейскаго романтизма и его русскихъ повтореній. Пушкинъ уже затронулъ панславистскую тему, которая потомъ обильно повторялась славянофилами. Первые заявленія школы также были поэтическія — въ стихотвореніяхъ Хомякова, Языкова, — поэтовъ пушкинской школы, къ которымъ послѣ присоединяются К. и Ив. Аксаковы. Въ очень раннихъ стихотвореніяхъ Хомякова обнаруживается зарождавшаяся и бродившая тенденція.

Положеніе русскаго общества въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ особенно содѣйствовало этому порыву романтическаго патріотизма. Это было время, когда сухой формализмъ официальной народности насильственно подводилъ подъ свою мѣрку всѣ движенія общественной мысли и чувства, и гнетущимъ образомъ дѣйствовалъ на всѣ живые умы, въ которыхъ была потребность самостоятельной работы и свободнаго убѣжденія. Передъ тѣмъ только совершилась трагическая судьба предъ-

лучаго поколѣнія... Но въ обществѣ не потерялась потребность идеала; настоящее не удовлетворяло; прямая практическая дѣятельность, въ смыслѣ пробудившихся общественныхъ стремленій, была невозможна, — и оттого весь умственный трудъ лучшихъ людей новаго поколѣнія пошелъ на исканіе общихъ принциповъ, на созданіе отвлеченнаго идеала. Движеніе пошло по двумъ направленіямъ. Оба не удовлетворялись настоящимъ, но одно относилось къ нему прямо отрицательнымъ образомъ, и видя его недостатки, — безсознательность и безсиліе общества, невѣжество народа, — ожидало спасенія отъ большаго распространенія образованности, отъ усвоенія европейскаго знанія. Другое направленіе также искало лучшаго, но отъ настоящаго оно бросилось къ прошедшему. Въ прошедшемъ — которое такъ удобно отдалено отъ насъ — оно не видѣло этого мучительнаго разлада, напротивъ, видѣло полное единство власти, общества и народа, господство однихъ крѣпкихъ преданій, вѣрованій и обычаевъ, — и на этомъ остановилось. Это направленіе хотѣло служить народу черезъ самый народъ: европейское образованіе, принятое нами послѣ Петра, принятое на вѣру, было фальшивое, потому что не соответствовало характеру народа; отдѣленный реформой отъ высшаго класса, народъ вѣрно сохранилъ настоящую національную дорогу, по которой шла отверженная высшими классами старина; слѣдовательно, надо было оставить ихъ судьбѣ высшіе классы, или стараться обратить ихъ, и изучать этотъ народъ, чтобы въ его бытѣ найти средства изцѣленія.

Это было послѣднее направленіе славянофильское.

Понятно, что могло быть много увлекательнаго въ этой мысли служенія народу, въ стремленіи слиться въ одну жизнь съ нимъ, изучить таинственныя пружины его бытія, создавшія его удивительную исторію и сохранившія его цѣлымъ, среди столькихъ падавшихъ и падающихъ на него бѣдствій. Эта мысль могла казаться гораздо болѣе энергической, чѣмъ «рабское» слѣдованіе за Европой, чѣмъ повтореніе той чужой образованности, которая оторвала насъ отъ народа, не принесши пользы ни намъ, ни народу: въ этой мысли былъ смѣлый вызовъ укоренившемуся заблужденію (по мнѣнію славянофиловъ) и надежда стать основателями новаго періода въ національномъ сознаніи. Но съ противной стороны могло казаться, что этотъ путь, хотя оригинальный и великодушный, былъ не особенно смѣлый, и очень ошибочный: могло казаться, что это направленіе или не додумало своихъ выводовъ или боится взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и открыто признать ея истинные недостатки; что



рину, оно попадаетъ въ то же безысходное положеніе, которое уже стоило національной жизни одного переворота; что въ концѣ концовъ это направленіе, не довольствуясь настоящимъ, создаетъ идеалы, которые ничѣмъ не лучше этого настоящаго и могутъ служить только къ большему его утвержденію.

Дѣйствительно, славянофильскій идеалъ иногда былъ такъ двусмысленъ въ этомъ отношеніи, что въ нихъ видѣли иногда просто союзниковъ обскурантизма...

Нѣтъ сомнѣній, что въ славянофильствѣ было теплое отношеніе къ народу, о которомъ забыли и общество и официальная народность; и это была лучшая, наиболѣе сочувственная сторона славянофильства. Къ сожалѣнію, во взглядахъ славянофиловъ была и до сихъ поръ есть неясность, вслѣдствіе которой ихъ сочувствіе къ народу принесло въ литературѣ меньше пользы, чѣмъ они предполагаютъ; ихъ исключительная теорія не всегда разбирала, гдѣ враги народа и гдѣ его друзья.

Переходя къ обзорѣнню славянофильскихъ мнѣній и ихъ значенія въ исторіи общественныхъ понятій, мы ограничимся только общими чертами ихъ и избѣгая подробностей, предоставимъ читателю обращаться за ними къ самымъ сочиненіямъ.

Общая связь славянофильскаго ученія была приблизительно слѣдующая.

Русская жизнь стоитъ въ настоящую минуту въ ложномъ положеніи. Петровская реформа нарушила естественный ходъ старой русской жизни; заимствованіе чужой европейской цивилизаціи внесло разладъ, вслѣдствіе котораго высшіе классы отдѣлились отъ народа. Заимствованная цивилизація, отдаливъ образованные классы отъ народа, сдѣлала ихъ бесполезными для національнаго развитія,—даже вредными, потому что ихъ образованіе взято съ оригинала, который не только чуждъ русскому народному духу, но самъ находится на ложной дорогѣ и близокъ къ упадку. Для спасенія русскаго развитія, должно уничтожить этотъ разладъ и это подчиненіе чужой цивилизаціи, — для этого слѣдуетъ возвратиться къ старому единству, къ тѣмъ принципамъ, которыми развивалась русская жизнь до Петра, и на которыхъ она выработала свою крѣпкую, истинно народную особенность. Народъ, заброшенный и загнанный въ теченіе «петербургскаго періода», сохранилъ вѣрно преданія старины въ своемъ бытѣ, въ своихъ вѣрованіяхъ и общественныхъ инстинктахъ: поэтому, слѣдуетъ обратиться къ нему, чтобы найти нужные намъ эле-

менты развитія. Думать о томъ, чтобы поднять народъ до нашего образованія, странно и даже смѣшно, потому что его внутреннее содержаніе гораздо выше нашей прививной и внѣшней образованности.

Русскій народъ принадлежитъ въ одному изъ двухъ міровъ, на которые дѣлится европейская образованность, и въ настоящее время главный его представитель. Эти два міра — восточный греко-славянскій и западный. Между ними лежитъ глубокое и коренное различіе. Образованность западная составилась изъ трехъ элементовъ: римской церкви, древней римской образованности и завоеванія, опредѣлившаго бытовья формы Запада. Христіанство въ западномъ и восточномъ мірѣ получило весьма различный характеръ. Въ римской церкви, съ тѣхъ поръ, какъ она отдѣлялась отъ общенія съ церковью вселенской, христіанство извратилось вслѣдствіе элемента внѣшней разсудочности, съ которымъ римская церковь опредѣляла и свое ученіе, и свое устройство, и затѣмъ вслѣдствіе происшедшаго отсюда папскаго авторитета, который сталъ выше церкви. Протестантство было естественнымъ результатомъ этого характера церкви, когда она поставила логическій разумъ выше сознанія вселенской церкви, а затѣмъ совершенно послѣдовательно развились всѣ его секты и направленія; изъ реформаціи, заявившей право частнаго сужденія, столь же естественно развилось ученіе Штрауса. На той же сухой разсудочности выросла и вся образованность и литература западной Европы: ея философское мышленіе есть безконечная борьба и смѣна логическихъ отвлеченій, которая въ концѣ концовъ производила «общую слѣпоту къ тѣмъ живымъ убѣжденіямъ, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики». Государственная жизнь Европы была основана завоеваніемъ, насилиемъ и отсюда все дальнѣйшее ея движеніе совершалось также рядомъ насилій, борьбой партій, переворотами.

Совсѣмъ иной порядокъ вещей является въ восточномъ греко-славянскомъ православномъ мірѣ, главнымъ представителемъ котораго является теперь русскій народъ. Восточное христіанство есть православіе, отличительная черта котораго есть неизмѣнное храненіе вселенскаго преданія. Православіе есть поэтому единственное истинное христіанство; его ученія — тѣ ученія, которыя собраны и утверждены соборами вселенской церкви, сознаніемъ цѣлаго христіанства. Духовная философія восточныхъ отцовъ церкви — особенно писавшихъ послѣ раздѣленія церквей — есть истинная христіанская философія, основанная не на разсудочномъ механизмѣ, а на высшемъ нравственно-свободномъ умозрѣніи:

эти философы, «держась постоянно въ самомъ такъ-сказать средоточіи истиннаго убѣжденія, отсюда яснѣе могли видѣть и законы ума человѣческаго и путь, ведущій его къ истинному знанію». Русскій народъ принялъ христіанство изъ этого чистаго источника, и черезъ него получилъ и результаты древней образованности, не въ той односторонней и неполной римской формѣ, въ какой они наслѣдованы были Западомъ, а получилъ ихъ прямо съ Востока, гдѣ они уже прошли черезъ христіанское ученіе, были имъ очищены и исправлены. Византійскіе писатели издавна были извѣстны русской церкви, и стали основаніемъ древнерусской образованности, которая безъ сомнѣнія уступала западной во внѣшнемъ развитіи разума, но превышала ее глубокимъ чувствомъ живой христіанской истины. Въ государственномъ устройствѣ такая же разница: начало русскаго государства отличается отъ начала государствъ западныхъ тѣмъ, что у насъ не было завоеванія, а было добровольное призваніе. Этотъ основной фактъ отражается и на всемъ дальнѣйшемъ развитіи общественныхъ отношеній: у насъ не было насилія, соединеннаго съ завоеваніемъ, а потому не было феодализма, не было той внутренней борьбы, какая постоянно дѣлила западное общество, не было сословій; земля была не личной собственностью феодальной аристократіи, но принадлежала общинѣ; наша церковь не враждовала съ свѣтскою властью и не стремилась къ свѣтскому господству, и т. д. Весь бытъ, вся образованность древней Руси носятъ на себѣ печать восточнаго православія и мирнаго основанія государства: развитіе шло естественно, религіозное сознаніе было основной нравственной силой и руководствомъ въ жизни; народный бытъ отличался единствомъ понятій и единствомъ нравовъ. Государство было обширной общиной, власть принадлежала царю, представлявшему общую волю,—тѣсная связь общины выражалась соборами, всенароднымъ представительствомъ, смѣнившимся древнія вѣча.

Великая ошибка и вредъ Петровской реформы состояли именно въ томъ, что Петръ отвергъ народныя начала русскаго развитія, и поставивъ русское образованіе на путь подражанія Европѣ, налагалъ на восточный міръ чуждые ему принципы міра западнаго. Реформа была насильственна и, какъ насиліе, принесла ложные плоды: народное единство было разорвано; государственная жизнь стала совершаться внѣ участія народнаго сознанія, развивалась внѣшнимъ образомъ, но падала во внутреннемъ живомъ смыслѣ: образованіе высшихъ классовъ отрывало ихъ отъ народа; церковь впадала въ сухой формализмъ; народъ, повинув-

тѣмъ, остался одинъ вѣренъ старымъ основнымъ началамъ, но впалъ въ невѣжество, разбился на секты и т. д.

Для того, чтобы жизнь снова пошла своимъ естественнымъ ходомъ, сообразнымъ со всѣмъ исконнымъ характеромъ греко-славянскаго православія, нужно возвратиться къ началамъ древней Руси. Нѣтъ надобности отвергать все, что было нами пріобрѣтено отъ Запада; потому что многое, или иное, изъ этихъ пріобрѣтеній было полезно, такъ какъ они «дозволили намъ овладѣть современными приемами діалектическаго познанія и обогатиться громадною опытностью Запада». Но необходимо отвергнуть самый принципъ западной образованности, — и притомъ не только потому, что онъ намъ не свойственъ, но и потому, что онъ оказывается несостоятельнымъ и на самой своей родинѣ.

Начала западной образованности были ложны, потому что отвергли общее сознаніе вселенской церкви. Дальнѣйшая образованность, развившаяся изъ этихъ началъ, въ концѣ концовъ должна была оказаться ложною. Она пріобрѣла большую разсудочную силу, произвела множество полезныхъ открытій, увеличила внѣшнія удобства жизни, но страдаетъ въ самомъ корнѣ тѣмъ внутреннимъ разладомъ, который происходитъ отъ разъединенія разума и вѣры. Современная (въ сороковыхъ годахъ) европейская образованность явнымъ образомъ выказываетъ несостоятельность своихъ принциповъ, ищетъ во всевозможныхъ философскихъ теоріяхъ и религіозныхъ сектахъ исхода изъ этого положенія, и—въ лучшихъ умахъ—начинаетъ постигать необходимость того принципа, который всегда хранился въ образованности восточной. Такимъ образомъ, для насъ становится тѣмъ настоятельнѣе необходимость возвращенія къ этому принципу: она подтверждается сознаніемъ самого Запада, къ которому пришелъ онъ послѣ многовѣкового опыта.

Зрѣлище, которое намъ представляется въ нашей современной жизни такъ-называемымъ образованнымъ обществомъ, чрезвычайно печально. Это общество не принадлежитъ своему народу; оно рабски принимаетъ чужія понятія, чужіе обычаи, даже чужой языкъ; оно увлекается всѣмъ западнымъ, какъ бы оно ни было странно и даже нелѣпо; оно относится съ пренебреженіемъ къ народу, точно къ низшему племени, хотя живетъ трудами этого народа. Для того, чтобы устранить это прискорбное положеніе общества, чтобы возстановить утраченное единство съ народомъ, дать жизни истинное направленіе, осуществить волю наше національное предназначеніе и занять подобающее намъ высокое, независимое и господствующее мѣсто въ цивили-

заціи, надо обратиться къ народу, изучать его исторію, преданія, нравы и обычаи, слиться съ этимъ народомъ въ одномъ сознаніи: общество должно перевоспитаться, воспринять въ себя снова затерянные имъ народныя начала.

Въ такомъ приблизительно смыслѣ говорила школа въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ. Къ нашему времени нѣкоторыя изъ этихъ положеній значительно выяснились, дошли до полной осязательности, до прямого практическаго требованія—во многихъ случаяхъ не въ пользу школы. Эта позднѣйшая редакція славянофильскихъ положеній не относится впрочемъ къ нашей задачѣ.

Понятно, что эти мысли не всеми высказывались одинаково, и мы старались привести ихъ по возможности въ среднемъ выводѣ, не внося крайностей отдѣльных мнѣній. Одни изъ послѣдователей школы были болѣе, другіе—менѣе осторожны; одни сохраняли философское спокойствіе, другіе попадали въ раздраженіе, въ нетерпимость. Одни заботились о доводахъ, другіе сочли дѣло уже рѣшеннымъ, и думали только объ уничтоженіи литературныхъ противниковъ, которые не только не убѣждались доводами славянофильства, но даже въ его теоріи и практикѣ находили и нѣчто довольно смѣшное ¹⁾.

Славянофильское ученіе не было ни разу изложено цѣльнымъ образомъ, но основная его тема въ различныхъ ея отрасляхъ была развиваема писателями школы довольно согласно. Чувствовалось, что это были люди, которые сговорились и согласились въ главныхъ положеніяхъ и разрабатывали каждый какую-либо сторону ученія въ духѣ этихъ положеній. Сходство общей романтическо-православной тенденціи и самое положеніе ихъ въ литературѣ дѣлали для нихъ очень удобнымъ это соглашеніе. Выше замѣчено, что основатели славянофильства были вообще люди довольно независимые, дѣйствовавшіе въ литературѣ сначала чистыми дилеттантами, имѣвшіе возможность работать не торопясь, развить на досугъ свою систему, дѣлиться взглядами,—прежде чѣмъ внести ихъ въ печать. Многіе изъ ихъ работъ оставались извѣстны только здѣсь, въ своемъ кругу и даже пріобрѣтали своего рода славу еще не выходя въ литературу (напр. историческія занятія Петра Кирѣевскаго и его собраніе на-

¹⁾ Болѣе рѣзкое изложеніе этой теоріи, какъ она высказывалась откровенно въ устныхъ бесѣдахъ и спорахъ, читатель можетъ найти въ биографіи Чаадаева, составленной г. Жихаревымъ. Оно можетъ объяснить, между прочимъ, почему журнальная полемика двухъ партій принимала въ тѣ времена такой враждебный характеръ.

родныхъ пѣсенъ; трактатъ Хомякова о всеобщей исторіи, откуда были напечатаны пока только отрывки; нѣкоторыя статьи К. Аксакова).

Особенно дѣятельная пропаганда славянофильства начинается въ половинѣ сороковыхъ годовъ. До этого времени имена славянофильскихъ писателей появлялись въ журналахъ и книгахъ только болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, или съ чисто литературными произведениями, или безъ ясной позднѣйшей окраски. Въ 1845-мъ году началось было изданіе «Москвитянина» подъ редакціей Ивана Кирѣевского, — продолжавшееся впрочемъ только нѣсколько мѣсяцевъ. Въ томъ же году изданъ былъ «Сборникъ» Валуева. Затѣмъ слѣдовали «Московскіе Сборники» 1846, 1847 и 1852 годовъ. Наконецъ — съ 1856-го года «Русская Бесѣда», въ которую вошли отчасти и работы прежнихъ лѣтъ.

Въ изложеніи основныхъ принциповъ школы одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто, принадлежало Ивану Кирѣевскому. Въ началѣ, въ молодую пору его развитія и во время изданія «Европейца» (1832), его образъ мыслей, какъ извѣстно, былъ вовсе не славянофильскій: онъ былъ поборникъ европейскаго просвѣщенія, защитникъ Петровской реформы — совершенно въ томъ смыслѣ, какъ послѣ говорили о томъ противники славянофиловъ. Романтическіе задатки были въ немъ однако и тогда ¹⁾, и его мнѣнія тѣмъ легче могли впоследствии принять православно-славянское направленіе. Перемѣна его мнѣній произошла главнымъ образомъ, кажется, подъ вліяніемъ его брата Петра, который съ самаго начала имѣлъ взгляды славянофильскаго характера, а также подъ вліяніемъ схимника Филарета и духовныхъ лицъ Оптиной пустыни, съ которыми Ив. Кирѣевскій вошелъ въ дружескія отношенія. Особеннымъ предметомъ его изученія издавна была философія; онъ продолжалъ заниматься ею и потомъ, болѣе и болѣе увлекаясь своей новой точкой зрѣнія. Работая надъ будущимъ философскимъ сочиненіемъ, онъ прилежно изучалъ отцовъ церкви, для чего уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился по-гречески. «Ученіе о святой Троицѣ, — говорилъ онъ, — не потому только привлекаетъ мой умъ, что является ему какъ выс-

¹⁾ Кирѣевскій очень рано задумалъ выбрать для себя литературное поприще, и еще въ 1827-мъ г. онъ писалъ къ г. Кошелеву: «Я буду имѣть вѣсь въ литературѣ, и дамъ ей свое направленіе... Мы возвратимъ права истинной религіи, изыщомъ согласіе съ нравственностію, возбудимъ любовь къ правдѣ, глушій либерализмъ затѣмъ уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога» и проч. (Сочин. Кир., т. I, биогр., стр. 13).

шее средоточіе всѣхъ святыхъ истинъ, намъ откровеніемъ сообщенныхъ, — но и потому еще, что, занимаясь сочиненіемъ философіи, я дошелъ до того убѣжденія, что направленіе философіи зависитъ, въ первомъ началѣ своемъ, отъ того понятія которое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ». Такова была исходная точка его послѣднихъ трудовъ. Биографъ его не безъ основанія утверждаетъ, что перемѣна взглядовъ въ Кирѣевскомъ не была такимъ противорѣчіемъ, какъ можно думать; правда, его историческія представленія о значеніи европейской цивилизаціи и положеніи русскаго образованія очень измѣнились съ конца двадцатыхъ годовъ, но въ приѣмахъ мышленія Кирѣевскій и тогда уже не довольствовался чисто-философскою дѣятельностью ума, но искалъ такъ-называемой «цѣльности воззрѣнія», т.-е. въ работу мысли вносилъ и чувство, вѣру. «Кто не понялъ мысли чувствомъ,—говорилъ онъ еще въ 1827-мъ году, — тотъ еще не понялъ ее вполне, точно также какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ»¹⁾. Впослѣдствіи, чувство взяло положительный перевѣсъ въ его воззрѣніи.

Изъ этого основнаго принципа естественно выросли тѣ взгляды, какіе мы выше излагали. Главная доля общихъ философско-историческихъ положеній школы дана была Кирѣевскимъ. Въ особенности важны здѣсь его статьи: «Обозрѣніе современнаго состоянія литературы» (1845), которое должно было служить введеніемъ въ славянофильскому изданію «Москвитянина»; далѣе: «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» (1852), въ послѣднемъ «Московскомъ Сборникѣ»; и наконецъ «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи» (1856), руководящая статья «Русской Бесѣды». Здѣсь устанавливаются вообще взгляды школы на отношеніе восточнаго и западнаго міра, различныя свойства ихъ образованности, на превосходство православно-славянскаго принципа и на необходимость его изученія и введенія въ жизнь, гдѣ онъ составитъ новую эпоху не только русской, но и всемірной цивилизаціи.

Другой братъ, Петръ Кирѣевскій, какъ мы сказали, съ самаго начала отличался своеобразнымъ взглядомъ на вещи, который впослѣдствіи и сообщилъ старшему брату. Онъ избралъ предметомъ изученія русскую исторію и народный бытъ. Его литературная дѣятельность ограничилась почти только одной статьей о древней русской исторіи (по поводу изслѣдованій г. По-

¹⁾ Сочин., т. I, біографія, стр. 82, 100.

година), въ «Москвитянинѣ» 1845 года ¹⁾, которая, по мнѣнію Ивана Кирѣевскаго, «представляетъ самую ясную картину первобытнаго устройства древней Руси» ²⁾. Здѣсь объясняется начало русскаго государства путемъ мирнаго призванія варяговъ, устройство родовыхъ общинъ, княжеское и вѣчевое управленіе и т. д., при чемъ авторъ пользуется сравненіями изъ древняго быта другихъ славянскихъ племенъ и старается вообще указать параллельность древней ихъ исторіи. Эти мнѣнія Петра Кирѣевскаго повторены были и его братомъ, а потомъ получили въ особенности развитіе въ сочиненіяхъ К. Аксакова. Плодомъ изученія народнаго быта было обширное собраніе пѣсенъ, начатое П. Кирѣевскимъ въ 1831-мъ году и возросшее наконецъ до весьма обширныхъ размѣровъ. Самъ собиратель не успѣлъ издать своего собранія, отчасти потому, что хотѣлъ собрать сколько возможно болѣе текстовъ, отчасти кажется и по цензурнымъ затрудненіямъ, — въ тѣ времена и подобное изданіе считалось не безопаснымъ ³⁾. Издано было только собраніе духовныхъ стиховъ, и нѣсколько отдѣльныхъ пѣсенъ. Полное изданіе сборника Кирѣевскаго дѣлается только въ настоящее время.

Рядомъ съ Иваномъ Кирѣевскимъ стоитъ въ школѣ имя Хомякова, о которомъ послѣдователи школы говорятъ вообще съ самымъ восторженнымъ удивленіемъ. Это былъ человекъ съ тонкимъ, парадоксальнымъ умомъ, съ блестящей способностью къ діалектикѣ, легко впадавшей въ софизмы, съ очень разнообразными, хотя почти во всемъ дилеттантскими свѣдѣніями. Противники отдавали всегда справедливость его уму, но многимъ не были сочувственны нѣкоторыя стороны его литературнаго характера. Хомяковъ любилъ поспорить съ людьми противоположнаго лагеря, и развертывать въ спорѣ свои обширныя свѣдѣнія и діалектическую ловкость, которую иногда употреблялъ во зло. Это былъ энциклопедистъ школы, самый разносторонній

¹⁾ Ж 3, стр. 11—46.

²⁾ Сочин., т. II, стр. 263.

³⁾ Вотъ отрывокъ изъ письма Ив. Кирѣевскаго къ брату Петру, въ 1844-мъ году: «Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непременно надобно просить его о *мысляхъ*, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное не чѣмъ основываться (!), это то, что пѣсни *народныя*, а что весь народъ поетъ, то не можеть сдѣлаться *тайною* (!), и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодю.—Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя пѣсни*, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи» (Соч., I, биогр., стр. 93). Становя революцїю нужно было имѣть въ запасѣ для изданія пѣсенъ!

изъ ея писателей Онъ былъ и богословъ, и историкъ, и этнографъ, и филологъ, и эстетикъ, и сельскій хозяинъ и проч. Онъ въ разныхъ направленіяхъ развивалъ славянофильскую тему, былъ вообще однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ школы. Нѣкоторые пункты славянофильскаго ученія въ особенности были предметами его истолкованій. Таковы ея богословскія сочиненія, основная мысль которыхъ заключается въ опредѣленіи церковныхъ отношеній Востока и Запада, въ теологическомъ довазательствѣ несостоятельности западной церкви, — католической или протестантской, все равно, — въ изложеніи апологіи ученія православія. Во внутреннихъ вопросахъ, ему отдается заслуга объясненія вопроса о сельской общинѣ, который въ особенности выступилъ на сцену и разъяснился въ славянофильскихъ изданіяхъ при началѣ крестьянской реформы.

Далѣе славянофилы придаютъ великое значеніе упомянутому выше трактату о всеобщей исторіи, о которомъ еще трудно судить по извѣстнымъ до сихъ поръ отрывкамъ.

Затѣмъ Хомяковъ касался множества другихъ вопросовъ теоретическихъ и практическихъ, которые вообще привлекали вниманіе школы.

Г. Самаринъ началъ свою литературную дѣятельность диссертацией о проповѣдникахъ временъ Петра Великаго, или собственно о направленіяхъ, дѣйствовавшихъ въ русской церкви того времени. Диссертация, впрочемъ, явилась только отрывкомъ обширнаго сочиненія, которое не увидѣло свѣта по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ автора. Направленіе этой книги уже ясно славянофильское. Затѣмъ г. Самаринъ относительно мало участвовалъ въ славянофильскихъ изданіяхъ: ему приписывали между прочимъ критическія статьи въ «Московскихъ Сборникахъ», направленные главнымъ образомъ противъ писателей и журналовъ западнаго направленія; эти остроумныя статьи вообще осуждали тогдашнюю литературу за невѣрное отношеніе къ народной жизни, за недостатокъ правильныхъ общихъ воззрѣній, т.-е. за отсутствіе славянофильства, и иногда довольно явительно указывали дѣйствительно слабыя стороны тогдашней литературы западнаго направленія. Затѣмъ, г. Самаринъ является болѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской Бесѣды» и «Дня», и наконецъ, въ послѣдніе годы, онъ составилъ себѣ новую публицистическую славу книгами объ «Окраинахъ Россіи» и другими изданіями. Эта послѣдняя дѣятельность г. Самарина не входитъ въ рамку нашихъ очерковъ, и намъ довольно указать въ ней послѣдовательное выполненіе той же славянофильской программы: дѣло идетъ

теперь о практических вопросах, трактовать которые было в прежнее время совершенно невозможно,—но самое изучение предмета сдѣлано, или по крайней мѣрѣ начато было очень давно, въ тѣх же сороковых годахъ. Общая теорія о центрѣ и окраинахъ ставится въ извѣстномъ славянофильскомъ смыслѣ, какъ применяла ее въ послѣдніе годы и газета «День».

Въ разработкѣ исторической стороны славянофильскихъ взглядовъ, начало которыхъ положено было Петромъ Кирѣевскимъ, много обѣщали труды Д. Валуева, автора изслѣдованій о мѣстичествѣ и издателя извѣстнаго «Сборника» (1845). Исходя изъ славянофильскаго предположенія о различіи, противоположности западнаго и восточнаго міра, Валуевъ указывалъ необходимость освободиться отъ подчиненія Западу и выработать изъ самихъ себя внутреннія начала своей нравственной и умственной жизни: для этого надо было возвратиться къ изученію нашего прошедшаго, къ изученію племени, которому мы принадлежимъ, а также племенъ единовѣрныхъ,—здѣсь должны для насъ открыться отличительныя особенности нашей національности и вообще внутреннее содержаніе восточнаго, греко-славянскаго, православнаго міра, содержаніе, въ разработкѣ котораго только и заключается будущее нашей собственной, самобытной образованности.

Другимъ ревностнымъ историческимъ изслѣдователемъ, изъ болѣе молодого поколѣнія, былъ Константинъ Аксаковъ. Главными темами, къ которымъ онъ любилъ возвращаться, были объясненіе древняго общиннаго быта (въ опроверженіе теоріи г. Соловьева о родовомъ бытѣ), древняго народовластія, думъ и соборовъ, и обличеніе «петербургскаго періода», которому приписывалось самое губительное вліяніе. Константинъ Аксаковъ, сколько извѣстно, былъ пылкая, увлекающаяся, благородная натура, въ которой не было тѣни искусственности. Народъ былъ первымъ и главнымъ предметомъ его увлеченія; на него онъ возлагалъ всѣ свои надежды, возвеличивалъ его и въ стихотворныхъ диэирамбахъ (которые между прочимъ печатались въ газетѣ «День», въ числѣ стихотвореній «изъ прежняго періода»), и въ историческихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ также его вниманіе и сочувствіе направлялось къ интересамъ народной массы. Въ этомъ смыслѣ его мнѣнія нерѣдко бывали полезнымъ противовѣсомъ взгляду историковъ государственности и централизаціи, для которыхъ народъ, съ его инстинктивными политическими движеніями, представлялся только противуобщественнымъ элементомъ. Значеніе трудовъ К. Аксакова по древней русской исторіи въ свое время было оценено г. Костомаровымъ. Но увлеченіе любимой идеей

доводило Аксакова, какъ вообще славянофиловъ, до историческаго непониманія. Таковъ взглядъ его на петербургскій періодъ, который кажется ему произвольнымъ, лишеннымъ народнаго значенія, вреднымъ. Таковъ и его взглядъ на древніе соборы, важность которыхъ онъ преувеличивалъ и на которыхъ онъ довольно простодушно строилъ особую систему государственнаго устройства: эта система, въ противоположность политическому формализму Запада, исходившему изъ вражды и недовѣрія власти и народа, — отвергала такъ-называемыя «гарантіи» и основывалась на любовномъ единствѣ...

Печатные труды г. Ив. Аксакова за рассматриваемое нами время были немногочисленны: это были почти исключительно поэтическія произведенія, въ которыхъ развивались славянофильскіе идеалы и дѣлались пробы поэзіи въ народномъ стилѣ. Въстѣ съ стихотвореніями и другими чисто литературными произведеніями К. Аксакова, Хомякова, Языкова и нѣк. др., это была особенная поэзія славянофильства, въ которой вообще не столько свобода поэтическаго творчества, сколько тенденціознаго чувства. Къ этому времени принадлежатъ и другіе труды г. Ив. Аксакова, въ свое время не имѣвшіе возможности появиться въ печати, и теперь также не вполне извѣстные. Таково было его изученіе раскола, начатое по оффиціальному порученію. Позднѣе, онъ издалъ замѣчательное изслѣдованіе объ украинскіхъ ярмаркахъ. Изученіе народнаго быта — въ широкомъ смыслѣ — было особеннымъ предметомъ его занятій. Новѣйшая его дѣятельность извѣстна: какъ издатель «Дня», «Москвы», «Москвича», онъ былъ главнымъ представителемъ школы по разнымъ предметамъ современной внутренней политики. Время отерло возможность обсуждать въ печати многіе изъ этихъ предметовъ, которые были для нея прежде совершенно закрыты: г. Аксаковъ оставался вѣренъ принципамъ и преданіямъ школы, странности которой не замедлили обнаружиться и на практическихъ вопросахъ.

Мы не будемъ пересчитывать другихъ тогдашнихъ послѣдователей школы, которые участвовали въ славянофильскихъ изданіяхъ посильнымъ повтореніемъ общей темы.

Славянофильскія идеи съ самаго начала находили мало кредита у ихъ противниковъ, — также мало они могутъ имѣть кредита и теперь. Большею частью, противники считали даже излишнимъ опровергать систему, — такъ она казалась произвольной и фантастической. Новѣйшая дѣятельность славянофильства, имѣвшая дѣло уже съ настоящими практическими вопросами жизни, не измѣнила этого мнѣнія, — быть можетъ, даже усилила его. Въ

практическомъ примѣненіи система обнаруживала тѣ самыя результаты, которыхъ можно было ожидать по ея посылкамъ, и которые предвидѣли ея противники въ сороковыхъ годахъ.

Вражда къ славянофильству была весьма естественна. Въ то время, какъ лучшія силы литературы стремились пробудить въ обществѣ критическое сознание, возвыситься надъ той официальной народностью, которую проповѣдывалъ бюрократическій консерватизмъ, славянофилы вступали въ эту борьбу мнѣній съ такими взглядами, по которымъ ихъ нерѣдко можно было принять за союзниковъ официальной народности.

Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, когда начиналась новѣйшая публицистика славянофиловъ и когда литература вообще нѣсколько оживилась, самыя противники желали отдать справедливость лучшей сторонѣ ихъ мнѣній, и желали, кажется, вызвать ихъ на болѣе ясное изложеніе ихъ идей, на соглашеніе въ томъ, что могло быть общимъ интересомъ обѣихъ сторонъ. Эти противники не хотѣли смѣшивать ихъ съ «Москвитяниномъ», какъ то дѣлалось прежде, приписывали имъ лучшія намѣренія, съ сочувствіемъ отыскивали у нихъ просвѣщенные понятія о свободѣ мысли, необходимости изслѣдованія и т. п.; не раздѣляли ихъ мнѣній, но охотно признавали въ нихъ то же стремленіе къ истинѣ и общественному благу¹⁾. Это были — мнѣнія высказанныя въ пору ожиданій и надеждъ, когда для обѣихъ сторонъ только-что появлялась возможность болѣе широкой литературной дѣятельности. Но и эти мнѣнія значительно измѣнились нѣсколько лѣтъ спустя, когда обнаружилось, что школа не могла устоять на почвѣ свободного изслѣдованія, — какъ этого не допускаетъ самая сущность ея идей.

Это предвидѣли уже и противники ихъ въ сороковыхъ годахъ. Этихъ противниковъ (Бѣлинскаго въ особенности) винять, что они несправедливо приравнивали славянофиловъ къ «Маяку», и къ «Москвитянину» г. Погодина и Шевырева. Но сосѣдство было дѣйствительно близкое. Съ «Маякомъ» славянофилы имѣли общаго — крайнюю вражду къ Западу и теологическія свойства ихъ философіи. Глава славянофиловъ, Кирѣевскій, считалъ возможнымъ серьезно говорить о «Маякѣ», который былъ совершенно похожъ на нынѣшнюю «Домашнюю Бесѣду». Что касается до «Москвитянина», то съ нимъ славянофиловъ, въ то время,

¹⁾ Современникъ, 1856, № 2, стр. 68 и слѣд. Эти мысли высказывались по поводу некоторыхъ страницъ Кирѣевскаго, быть можетъ больше всѣхъ остальныхъ славянофиловъ понимавшаго необходимость свободы мнѣній.

почти невозможно было отличить. Если философія г. Погодина не пускалась въ такія глубины, какъ философія Кирѣевскаго и Хомякова, то практическое пониманіе было одно и то же. «Москвитянинъ», какъ журналъ г. Погодина и Шевырева, видѣлъ отличительныя черты русской народности и русской исторіи въ томъ же, въ чемъ находили ихъ славянофилы: Шевыревъ изображалъ православное благочестіе русской старины въ столь же яркихъ краскахъ, и славянофилы съ удовольствіемъ должны были читать въ его лекціяхъ, что любомудріе древнихъ русскихъ мыслителей превышаетъ глубиною философію Гегеля. Кромѣ общей любви къ старинѣ, — достойной служить образцомъ для настоящаго по «цѣльности возрѣнія», — «Москвитянинъ» сходился съ славянофилами и въ частныхъ представленіяхъ о русской исторіи: по поводу статьи г. Погодина, «Параллель русской исторіи съ исторіею западныхъ европейскихъ государствъ», славянофилы находили, что его мысль о коренномъ различіи между исторіею западной и нашей — «неоспорима», и противоположенія Запада и Востока у нихъ очень сходны. «Москвитянинъ» терпѣть не могъ Запада и распространялъ теорію объ его гніеніи, — которая почти совершенно равняется тому мнѣнію, какое имѣли и имѣютъ о Западѣ славянофилы. Правда, у славянофиловъ была своя оппозиціонная доля мнѣній, на которую «Москвитянинъ» не рисковалъ, но потомъ, когда это стало безопаснѣе, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ, г. Погодинъ также фрондировалъ въ славянофильскомъ вкусѣ.

Надобно вспомнить тогдашнее время, чтобы оцѣнить впечатлѣніе этого союза или большой близости съ «Москвитяниномъ». Журналъ г. Погодина не пользовался уваженіемъ, велся плохо, и самъ по себѣ вызывалъ только шутки; вмѣстѣ съ «Маякомъ» онъ былъ въ литературѣ представителемъ «древняго благочестія» и кваснаго патриотизма; теперь къ этой тенденціи присоединялась новая школа изъ людей другого порядка, людей съ несомнѣннымъ талантомъ и образованіемъ. Старовѣрство вооружалось философскими доказательствами; во имя народа проповѣдывалось отрицаніе той образованности, которая едва бросала корень въ русскомъ обществѣ, — можно было подумать, что въ этихъ людяхъ старый обскурантизмъ встрѣчалъ новыхъ союзниковъ.

Аргументы, которыми новая школа защищала свои мнѣнія, были такого свойства, что казались не только ошибочными, но и вредными, потому что дѣйствительно открывали путь для настоящаго обскурантизма. Не входя въ подробности тогдашней полемики (которая, притомъ, часто вовсе не могла касаться самыхъ существенныхъ спорныхъ пунктовъ, или могла только да-

легкимъ образомъ намекать на нихъ), мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ положеній школы.

Славянофильская система имѣетъ ту особенность, рѣдкую въ общественно-политическихъ взглядахъ нашего времени, что существенное основаніе ея—теологическое. Сюда сводится и нелюбовь къ Западу, и восхищеніе русской, до-петровской стариной: мы должны отвратиться отъ Запада, потому что его просвѣщеніе намъ чуждо и лишено *верховой истины*; мы должны обратиться къ старинѣ, потому что она, хотя и не всегда сознательно, была проникнута ученіемъ, заключающимъ въ себѣ эту верховную истину.

Мы не можемъ разбирать здѣсь, вѣрно ли изображаютъ славянофилы самую эту верховную истину: это—предметъ, чисто и исключительно богословскій; скажемъ только о томъ историческомъ и социальномъ употребленіи, какое они дѣлаютъ изъ этой общей мысли.

Они подходятъ къ этому предмету съ различныхъ сторонъ. Кирѣевскій нѣсколько разъ возвращается къ нему, и напримѣръ опредѣляя отношенія европейскаго просвѣщенія къ нашему, утверждаетъ, будто бы самый Западъ, истощивъ свою латино-германскую цивилизацію, очевидно ищетъ теперь другого, болѣе широкаго начала просвѣщенія, и что это начало онъ найдетъ именно въ православіи.—Еще недавно, лѣтъ тридцать назадъ ¹⁾,—говоритъ Кирѣевскій,—думали, что вся разница европейскаго и русскаго просвѣщенія заключается не въ качествахъ, а въ степени; но «съ тѣхъ поръ» и въ томъ, и въ другомъ, и въ западномъ, и въ русскомъ просвѣщеніи произошла сильная перемѣна. Европейское просвѣщеніе достигло полноты развитія, его особенность ярко выразилась, опредѣлились его итоги, и въ результатѣ оказалось «общее чувство недовольства». Правда, науки процвѣтали, внѣшняя жизнь устроивалась, но жизнь лишена была своего внутренняго смысла; анализъ разрушилъ «всѣ основы», на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе съ самаго начала. вмѣстѣ съ тѣмъ самый анализъ дошелъ до признанія своей ограниченности и односторонности, и убѣдился, что высшія истины лежатъ внѣ круга его діалектическаго процесса. Этотъ результатъ выраженъ, по словамъ Кирѣевского, передовыми мыслителями Запада. И теперь Западу предстоитъ или быть

¹⁾ Писано въ 1852 г.

равнодушнымъ ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ, а это невозможно и унижительно,—или возвратиться къ своимъ начальнымъ убѣжденіямъ, но онѣ разрушены анализомъ. Чтобы избѣгнуть этой мучительной пустоты, Западъ сталъ изобрѣтать разныя новыя начала жизни, мѣшала старое съ новымъ, возможное съ невозможнымъ. Вообще, современный характеръ европейскаго просвѣщенія, по мнѣнію Кирѣвскаго, совершенно однороденъ съ той эпохой древней греко-римской образованности, когда, развившись до противорѣчія самой себѣ, она необходимо должна была «принять въ себя другое, новое начало, хранившееся у другихъ племенъ, не имѣвшихъ до того времени всемірно-исторической значительности». Каждое время имѣетъ свой господствующій жизненный вопросъ, и если дѣйствительно таково положеніе западной цивилизаціи, то всѣ вопросы европейской жизни—вопросы о движеніи умовъ, о наукѣ, о формахъ общественнаго устройства,—всѣ эти вопросы «сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи Запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра православно-словенскаго».

Такимъ образомъ вопросъ ставился совершенно категорически. Не только мы должны стать на дорогу, завѣщанную намъ нашей стариной, но и для самой Европы эта дорога есть единственный способъ обновить свою цивилизацію, дошедшую до послѣднихъ предѣловъ своего развитія. И повторимъ опять, это—тема всеобщая у славянофиловъ, съ той разницей, что одни, какъ самъ Кирѣвскій, еще нѣсколько благоволятъ Западу за его прежнія послуги и добродушно желаютъ ему возвратиться на путь истинный, а другіе больше раздражены противъ него за вражду къ Востоку, и предоставляютъ Западъ его судьбѣ—пусть дѣлаетъ какъ знаетъ. Кирѣвскій еще признаетъ высокія умственные достоинства западной цивилизаціи, находитъ нелѣпой мысль, будто мы должны бросить то, чѣмъ уже воспользовались отъ нея, считаетъ даже нужнымъ и дальнѣйшее общеніе съ ней,—подъ условіемъ только вѣрности основному православно-славянскому началу;—другіе бросаютъ эти оговорки и утверждаютъ прямо, что Западъ гниетъ, что отъ него слѣдуетъ бѣжать, чтобы не заразиться гніеніемъ, что зараза даже замѣтна и у насъ. Остановимся пока на умѣренномъ выраженіи этихъ мыслей у Кирѣвскаго.

Странно прежде всего, что тотъ же авторъ въ началѣ статьи, изъ которой приведена послѣдняя цитата, довольно хо-

рою понимаетъ новѣйшее движеніе умовъ въ Европѣ. Вотъ отрывокъ:

«Умственные движенія на Западѣ, — говоритъ онъ, — совершаются теперь съ меньшимъ шумомъ и блескомъ, но очевидно имѣютъ *болѣе глубины и общности*. Въмѣсто ограниченной сферы событій дня и внѣшнихъ интересовъ, мысль устремляется къ самому источнику всего внѣшняго, къ *человѣку, какъ онъ есть*, и къ его *жизни, какъ она должна быть*. Дѣльное открытіе въ наукѣ уже болѣе занимаетъ умы, чѣмъ пышная рѣчь въ камерѣ. Внѣшняя форма судопроизводства кажется менѣе важною, чѣмъ внутреннее развитіе справедливости; живой духъ народа существеннѣе его наружныхъ устройствъ. Западные писатели начинаютъ понимать, что подъ громкимъ обращеніемъ общественныхъ колесъ таится неслышимое движеніе нравственной пружины, отъ которой зависитъ все, и потому въ мысленной заботѣ своей стараются перейти отъ явленія къ причинѣ, отъ формальныхъ внѣшнихъ вопросовъ хотятъ возвыситься къ тому объему идеи общества, гдѣ и минутныя событія дня, и вѣчныя условія жизни, и политика, и философія, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религія, и вмѣстѣ съ ними словесность народа, сливаются въ одну необозримую задачу: *усовершенствованіе челоѣка и его жизненныхъ отношеній*» ¹⁾).

Эти послѣднія слова дѣйствительно очень вѣрно указываютъ господствующее стремленіе европейской образованности, и если бы авторъ больше вникалъ въ нее съ этой точки зрѣнія, онъ, быть можетъ, не пришелъ бы къ выводу, что она уже кончила кругъ своего развитія. Какъ ошибоченъ былъ весь этотъ выводъ, объ этомъ какъ-то странно говорить: нужно было бы рассказывать исторію современной Европы, съ великими созданіями ея новѣйшей науки, съ ея энергическими усиліями къ «усовершенствованію челоѣка и его жизненныхъ отношеній», — откуда приходили и къ намъ тѣ немногія крохи, которыя въ сущности были главнѣйшей опорой нашего собственнаго умственнаго развитія. Скорѣе, является только вопросъ о томъ, какъ могли возникнуть въ Кирѣевскомъ эти мысли. Увлекаясь своимъ религіознымъ настроеніемъ и старыми философскими воспоминаніями, Кирѣевскій думалъ, что рѣшенія вопроса о западномъ просвѣщеніи надо искать въ положеніи той отвлеченной философіи, на которой совершалось нѣкогда его собственное развитіе. Это положеніе казалось ему неудовлетворительнымъ (и справедливо); онъ

¹⁾ Сочин., II, стр. 4—5.

видѣль (справедливо) въ новѣйшихъ системахъ колебаніе, непрочность и напрасныя усилія схватить абсолютный принципъ, котораго философія такъ давно доискивалась. Ему казалось, что это колебаніе обозначаетъ послѣднія попытки, быть можетъ вонецъ той «разсудочной мысли», которою Западъ исключительно жилъ по его мнѣнію; а въ этихъ порывахъ уловить абсолютное, онъ находилъ еще не исполнѣнное стремленіе—именно къ православно-славянскому началу. Во всемъ этомъ вѣрно было только одно, — что спекулятивная философія Гегелевой и Шеллинговой школы дѣйствительно отживала свое время. Чистое умозрѣніе этой школы дѣйствительно потеряло вѣру въ новыхъ поколѣніяхъ. Но странно было считать это упадкомъ самой «разсудочной мысли». Напротивъ того, новый періодъ ея ничѣмъ не уступалъ прежнимъ въ научной дѣятельности и отличался только новымъ направленіемъ, которое она видимо начинала принимать. Намѣсто отвлеченныхъ теолого-философскихъ умозрѣній наука больше и больше обращалась къ точнымъ положительнымъ изученіямъ — въ многообразныхъ областяхъ науки. Естествознаніе больше и больше выступаетъ на первый планъ, и приемы точнаго знанія распространяются и на тѣ области, которыя прежде брала въ свою опеку отвлеченная философія—на исторію, право, общественныя и политическія науки и проч. «Передовые мыслители» были здѣсь, въ этихъ направленіяхъ науки, и едва ли у нихъ Кирѣевскій встрѣчалъ тѣ недоумѣнія о послѣдней судьбѣ европейской образованности, о которыхъ онъ упоминаетъ. Самъ онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, кто были «передовые мыслители», на которыхъ онъ ссылается.

Направленіе, пріобрѣтавшее теперь все большую и большую силу въ наукѣ, правда, уже не думало объ основаніи новой спекулятивной философіи, но вовсе не потому, чтобы «разсудочная мысль» истощилась, а именно потому, что теперь она расширила область изслѣдованія до такихъ размѣровъ, о которыхъ и не помышляла ученость за нѣсколько десятковъ лѣтъ ранѣе. Тѣ приложенія абсолютной гегелевской философіи, которыми думали прежде опредѣлить содержаніе и приемы частныхъ наукъ, именно оказывались совершенно неудовлетворительными, — такова была Гегелевская философія исторіи, его ученіе о правѣ, его философія природы, — потому что новѣйшее реально-историческое изученіе и естественныя науки показали, фактами, грубыя ошибки построеній а priori. «Разсудочная мысль» стала только на высшую ступень противъ прежней.

Такимъ образомъ, все разсужденіе о положеніи европейской мысли, въ этомъ отношеніи, основано на чистомъ недоразумѣніи. Кирѣевскій не замѣчалъ и странности своего вывода, будто бы это разложеніе западной образованности, имъ предполагаемое, совершилось въ теченіе указанныхъ имъ тридцати лѣтъ—слишкомъ короткій срокъ, чтобы въ теченіи его могъ стать замѣтнымъ упадокъ многовѣковой цивилизаціи. Далѣе, на такомъ же недоразумѣніи основывались славянофильскія сужденія о нравственномъ и общественномъ положеніи Европы. Отмѣчая различные случайные, притомъ мало доказанные факты, они готовы съ заключеніемъ, что нравы падаютъ, — все по той же общей причинѣ, — но и здѣсь славянофилы не видѣли того обширнаго общественнаго броженія, которое уже ясно высказывалось въ тѣ годы (быть можетъ, слишкомъ поспѣшными опытами и рѣшеніями, очень естественными при первомъ порывѣ) и дѣйствовало въ смыслѣ «усовершенствованія жизненныхъ отношеній», и въ пользу низшихъ классовъ народа. Одно это явленіе могло бы объяснить, что европейская жизнь не только не утомилась, не устарѣла, но что она полна энергіи: она ставила вопросъ въ высшей степени трудный, съ давнихъ вѣковъ нетронутый, ставила его не пугаясь громадныхъ препятствій, созданныхъ долгой прошедшей исторіей общества, и мы думаемъ, что — несмотря на всѣ, неизбежныя, ошибки — это было дѣло, исполненное высокаго человѣческаго достоинства, и вонечно не такое, которое говорило бы о безсиліи, равнодушіи и упадкѣ. — Далѣе, славянофилы, особенно Кирѣевскій и Хомяковъ, любятъ останавливаться на положеніи религіознаго вопроса, преимущественно въ Германіи, — любятъ указывать на разладъ въ религіозной мысли, на борьбу различныхъ партій, изъ которыхъ каждая считаетъ себя истинной формулой христіанства, и выводятъ отсюда, что въ религіозномъ отношеніи Европа также находится въ безвыходномъ положеніи, и уже ищетъ иного, «не замѣченнаго прежде» начала, которое возстановило бы потерянное ею нравственно-религіозное равновѣсіе. На этотъ разладъ они смотрятъ съ высоты своего принципа, какъ на рядъ жалкихъ заблужденій, изъ которыхъ однако этимъ западнымъ людямъ такъ легко было бы выйти. Не обходится безъ сравненій, гдѣ этой церковной анархіи противопоставляется наше единство и крѣпкое согласіе... Но и это едва ли такъ. Славянофилы сравниваютъ двѣ вещи, очень непохожія одна на другую, потому что дѣйствительно жизнь западныхъ церковныхъ общинъ, преимущественно германскихъ, имѣетъ чрезвычайно мало общаго съ восточнымъ порядкомъ вещей. Прежде всего, наблюда-

тель, дѣлающій подобное сопоставленіе, можетъ впасть въ грубую ошибку уже потому, что церковная дѣятельность совершается тамъ на виду, такъ что высказываются всѣ движенія религиозной мысли, между тѣмъ какъ наша церковная жизнь вовсе не допускаетъ, по настоящую минуту, сколько-нибудь свободнаго, даже никакого обсужденія церковныхъ дѣлъ, такъ что здѣсь мы видимъ только единство молчанія;—самъ Хомяковъ могъ защищать православіе только французскими брошюрами, печатанными за границей;—во-вторыхъ, если уже дѣлать сравненія, то слѣдовало и наши дѣла брать какъ они есть, напр., не забыть десяти-милліоннаго раскола. Быть можетъ, тогда представились бы соображенія, при которыхъ нельзя было бы подшучивать надъ какой-нибудь куръ-гессенской церковью, не помнящей своего родства съ остальнымъ протестантствомъ.

Далѣе, западное религиозное мышленіе стояло въ такихъ условіяхъ, какихъ еще не подозрѣвало наше общество. Последнее время было замѣчательно особеннымъ распространеніемъ критическаго изслѣдованія: западная религиозная философія стояла лицомъ къ лицу съ этимъ изслѣдованіемъ, и такъ или иначе должна была считаться съ нимъ, отвѣчать на изслѣдованіе своей критикой, защищаться отъ его отрицательныхъ и скептическихъ притязаній,—дѣлать ему уступки. Такъ происходили рационалистическія секты и ученія, которыя имѣютъ весьма достаточное основаніе своего бытія. Славянофилы сурово отвергаютъ это направленіе теологій какъ «сухой рационализмъ», «разсудочную религію» и т. п., но для того, чтобы осудить эти направленія, нужно ихъ опровергнуть—тѣмъ оружіемъ, которое они употребляютъ. Этого еще нашими славянофилами не сдѣлано, и ихъ осужденія остаются бездоказательными. Очевидно, что упомянутыя критическія изслѣдованія относятся столько же и къ восточному началу, сколько къ западному; но въ нашей умственной жизни онѣ до сихъ поръ не только не имѣли мѣста, но болѣею частью остаются вовсе неизвѣстны. Европейская религиозная образованность не прячется отъ этихъ изслѣдованій, и имѣетъ во всякомъ случаѣ ту высокую цѣну, что вступаетъ въ открытую и очень смѣлую борьбу съ тѣми трудностями, которыя предстояли ей отъ развитія критики и скептицизма.

Догматическіе споры нѣмецкихъ церквей конечно скучны и бесполезны, какъ вообще догматическіе споры,—но едва ли они составляютъ особенно важное явленіе современной религиозной жизни. Несравненно важнѣе были другіе споры, которые издавна захватывали религиозную жизнь Запада и дѣйствовали на самую

сущность ея: это — тѣ споры, которые мало по малу ограничили важность догматической стороны религіи, и давали преобладаніе ея нравственной сторонѣ. На этомъ основаніи Западъ выработалъ—въ разныхъ странахъ больше или меньше—понятіе и чувство терпимости, которая еще слишкомъ мало была извѣстна Востоку и безъ сомнѣнія должна бы принадлежать къ существеннымъ чертамъ христіанства, какъ ученія и какъ государственной религіи. Если слова «свобода духа», «цѣльность воззрѣнія» не одни только слова, то въ нихъ должна заключаться и полная свобода изслѣдованія для тѣхъ, у кого извѣстные вопросы возникли. Въ западной образованности уже очень давно заявлена и давно, такъ сказать, практикуется такая свобода изслѣдованія, и Западу конечно съ большимъ правомъ можно приписать эту прерогативу, которую славянофилы усвоятъ одному Востоку. На Востокѣ напротивъ этой «свободы» и «цѣльности» не существуетъ, — и если взять въ примѣръ самихъ славянофиловъ, приписывающихъ себѣ эти свойства восточнаго духа, то въ нихъ оказывается напротивъ самый исключительный конфессіонализмъ, очень далекій отъ всякой «свободы».

Вслѣдствіе свободы изслѣдованія въ западной религіозной образованности естественно развилось упомянутое стремленіе ея стоять вровень съ наукой, — брать въ расчетъ ея результаты, мириться съ ними, когда они приносятъ то или другое видоизмѣненіе принятыхъ прежде понятій. Раціонализмъ, столь ненавидимый славянофиламъ, есть явленіе неизбежное тамъ, гдѣ люди не отворачиваются и не затыкаютъ ушей отъ науки. Для «цѣльности воззрѣнія» нужно конечно, чтобы результаты науки не противорѣчили религіозному сознанію, и вѣра, конечно, не должна требовать такихъ уступокъ отъ разума, которыя составляли бы противорѣчіе съ результатами знанія. Отсюда извѣстное видоизмѣненіе религіозныхъ представленій отъ одного историческаго періода до другого; отсюда устраненіе многихъ заблужденій, напр. средневѣковыхъ представленій о порядкѣ природы, — которымъ прежде приписывалась почти догматическая важность, и которыя теперь оскорбляли бы достоинство религіи, если бы имъ давалось и теперь такое же значеніе. Исторія научаешь, что религіозныя представленія шли такимъ образомъ параллельно съ общимъ движеніемъ образованности, расширялись, освобождались отъ случайныхъ заблужденій, облагораживались. Общее развитіе чловѣчества и развитіе религіозныхъ представленій идутъ рядомъ, и возвращеніе назадъ и здѣсь точно также было бы упадкомъ и заблужденіемъ, какъ въ другихъ областяхъ цивилизаціи.

Между тѣмъ славянофилы именно этого и желаютъ. Кирѣевскій весьма недвусмысленно говоритъ о необходимости для Европы возвращенія къ восточному началу: онъ для этого предлагалъ особенный путь умозрѣнія (мы упомянемъ о немъ дальше). Но отвлеченное начало дѣйствуетъ въ жизни не одной логической силой своего содержанія, и обставляется извѣстными внѣшними проявленіями, — такъ что дѣло должно было идти не только о понятіяхъ, но также объ извѣстныхъ формахъ, учрежденіяхъ, обычаяхъ. Дѣйствительно, другіе славянофилы прямо ожидали, что Европа должна принять православіе; Хомяковъ принялъ живѣйшій интересъ въ обращеніи Пальмера въ православіе; славянофилы придавали великое значеніе обстоятельству, что у нѣсколькихъ англичанъ явилась мысль о соединеніи англиканства съ православной церковью... Такимъ образомъ, усвоеніе Западомъ восточнаго начала понималось славянофилами въ самой осязательной внѣшней формѣ, и такъ какъ эта форма есть форма историческая, весьма древняго образованія, то ожидаемое ими усвоеніе ея Западомъ представило бы весьма удивительное явленіе въ исторіи цивилизаціи.

Кирѣевскій, вообще едва ли не наиболѣе благоразумный изъ славянофиловъ, не одинъ разъ выражалъ мысль, что хотя для Запада, и для нашихъ его послѣдователей необходимъ поворотъ къ восточному началу, но что при этомъ не только Западу не должно отказываться отъ пріобрѣтеннаго имъ запаса образованности, но и намъ, избранному сосуду, не должно покидать того, что мы успѣли заимствовать отъ Запада. Но другіе славянофилы, и тогда, и послѣ, смотрѣли на дѣло иначе: западная цивилизація была для нихъ только предметомъ вражды; имена европейскихъ писателей, не подходившихъ подъ ихъ вкусы, особенно имена, которыя пріобрѣтали популярность у насъ въ послѣднее время, вызывали въ нихъ только издѣвательства, которыя, будучи совершенно неумѣстны по всему состоянію нашей учености, довольно умѣренной, были бы приличны только одному невѣжеству. Такъ, этому издѣвательству подвергались и Фохтъ, и Спенсеръ, и Ренанъ, и Бокль «съ братіею». Можно себѣ представить, что подобное отношеніе къ европейской литературѣ, ставившее славянофиловъ вровень съ «Домашней Бесѣдой», не было способно внушать особенное уваженіе къ ихъ образованности и довѣріе къ ихъ практическому вліянію на общественныя дѣла, если бы когда-нибудь таковое предстояло.

Кирѣевскій понималъ, что возведеніе восточнаго начала въ высшее основаніе человѣческаго мышленія есть вещь, мало по-

вѣтная для обыкновеннаго разсужденія, и посвятилъ особую статью объясненію «необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Эти новыя начала—конечно, начала восточныя. Онъ понимаетъ, что для самаго существованія философіи необходима свободная дѣятельность разума, и старается доказать, что эта свобода совершенно возможна при этихъ началахъ,—только разумъ долженъ быть вѣрующій разумъ; только самый способъ мысленія долженъ возвыситься до сочувственнаго согласія съ вѣрою. Это послѣднее дѣлается такимъ образомъ: «Внутреннее сознаніе, что есть въ глубинѣ души живое общее средоточіе для всѣхъ отдѣльныхъ силъ разума, сокрытое отъ обыкновеннаго состоянія духа человѣческаго, но *достижимое* для ищущаго, и одню достойное постигать высшую истину,—такое сознаніе постоянно возвышаетъ самый образъ мысленія человѣка: смиряя его разсудочное самомысліе, оно не стѣсняетъ свободы естественныхъ законовъ его разума; напротивъ, укрѣпляетъ его самобытность и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно подчиняетъ его вѣрѣ». Передъ тѣмъ Кирѣевскій только-что указалъ, что въ основаніи восточной философіи лежатъ неизмѣнныя положенія съ ясно обозначенными и твердыми границами, что эти положенія «неприкосновенны» (Соч. II, 307 и слѣд.): очевидно, что «самобытность» разума при этомъ быть не можетъ, это будетъ та же средневѣковая *ancilla theologiae*. Самъ Кирѣевскій чувствовалъ, что разуму не много будетъ тутъ дѣла: «для развитія этого самобытнаго православнаго мысленія,—говоритъ онъ,—не требуется особенной гениальности. *Напротивъ*, гениальность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины» (Соч. II, 331). Странное признаніе,—но весьма вѣдательное: въ такой системѣ философіи, которая уже впередъ имѣетъ свое неприкосновенное основаніе, дѣйствительно не потребуются гениальности: придется только наполнять схоластическія схемы. Но какова будетъ сама философія?

Эти основанія восточной философіи уже давно положены: Кирѣевскій находитъ ихъ у византійскихъ писателей, преимущественно послѣ раздѣленія церквей, и удивляется, что эта возвышенная философія, несмотря на всѣ достоинства, была «такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена западными мыслителями, но, что еще удивительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною» (II, стр. 256). Еще удивительнѣе то, какимъ образомъ Кирѣевскій, говоря это, забывалъ, что этихъ восточныхъ философовъ могъ читать только въ изданіяхъ, сдѣланныхъ западными

учеными, которымъ вообще мы обязаны своими свѣдѣніями о византійской древности.

Вопросъ образованности такимъ образомъ тѣсно связывался съ вопросомъ чисто-церковнымъ. Кирѣевскій, какъ мы видѣли, пришелъ къ убѣжденію, что направленіе всякой философіи зависитъ отъ того понятія, какое мы имѣемъ о св. Троицѣ (Соч. I, биогр., стр. 100). Слѣдовательно, споръ о философскихъ направленіяхъ превращался въ споръ чисто-догматическій, споръ исповѣданій, принимающихъ то или другое понятіе объ упомянутомъ догматѣ. Именно, различныя понятія объ этомъ догматѣ послужили главнѣйшимъ поводомъ къ разрыву церквей восточной и западной, къ цѣлому разрыву двухъ міровъ Европейской образованности. Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Европѣ и ея цивилизаціи, вопросъ о нашемъ національномъ значеніи, о нашей будущей роли въ человѣчествѣ (о которой постоянно заботились славянофилы) долженъ былъ рѣшиться въ теологическомъ трактатѣ. Эту долю задачи и взялъ на себя Хомяковъ: разрѣшеніемъ ея заняты недавно изданныя за границей богословскія сочиненія Хомякова. Содержаніе ихъ и заслугу писателя г. Самаринъ указываетъ въ томъ, что Хомяковъ «выяснялъ и выяснилъ идею церкви въ логическомъ ея опредѣленіи» (Соч. Хом. II, XXVII).

Мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе этихъ сочиненій, исполненныхъ догматическаго и церковно-учительнаго содержанія. Смыслъ ихъ—защита и возвеличеніе православной церкви,—какъ единственной, сохранившей древній вселенскій характеръ и основное содержаніе церкви,—надъ западными исповѣданіями, которыя отпали отъ вселенскаго единства и потеряли истинный смыслъ христіанства. Издатель указываетъ высокую заслугу Хомякова въ томъ, что онъ сталъ на новую, широкую точку зрѣнія въ вопросѣ, которой до тѣхъ поръ рѣшался односторонне. Положеніе церкви, или нашей теологической школы, относительно католичества и протестантства было до сихъ поръ оборонительное, и притомъ такое, что защищаясь отъ католичества, школа становилась антипапистскою, и защищаясь отъ протестантства, становилась антипротестантскою: она принимала вопросы такъ, какъ они ставились враждебными исповѣданіями, и почти вынуждена была братья противъ нихъ за оружіе, издавна выработанное ими для ихъ междоусобной войны. Этимъ путемъ, обѣ школы приняли одна—забваску протестантскую, другая католическую; успѣхъ одной отзывался невыгодно для другой, и наконецъ, съ теченіемъ этой борьбы, «раціонализмъ просочился въ православную школу и остылъ въ ней въ видѣ научной опоры къ догматамъ вѣры, въ формѣ доказа-

тельство, толкованій и выводов». Такъ, въ восемнадцатомъ столѣтїи одно направленіе представлялось Теофаномъ, другое—Стефаномъ Яворскимъ, и все, что являлось послѣ, группируется около ихъ капитальныхъ сочиненій, и представляетъ какъ бы оттиски съ нихъ, но ослабленные и смягченные. Школа раздвоилась и становилась въ уровень съ противникомъ; Хомяковъ первый взглянулъ на католичество и протестантство съ точки зрѣнія самыхъ основаній церкви, *сверху*, и потому могъ опредѣлить ихъ.

Богословскіе трактаты Хомякова написаны дѣйствительно съ большимъ діалектическимъ искусствомъ, и должны занять почетное и своеобразное мѣсто въ догматической литературѣ, — котораго впрочемъ мы опредѣлить не беремъ¹⁾. Эта литература, какъ всякая специальность, имѣетъ свои вопросы, свои условія, — и здѣсь, быть можетъ, его аргументы дѣйствительно такъ могущественны, какъ изображаетъ г. Самаринъ. Но рѣшеніе поставленнаго вопроса заключается не въ одной догматической аргументаціи. Система, построенная Хомяковымъ, быть можетъ, отличается строгою логикою; но эта логика остается чистой отвлеченностью. Для того, чтобы система получала полную убѣдительность, нужно, чтобы исторія и дѣйствительная жизнь давали ей извѣстную опору; иначе она остается для насъ поэтическимъ идеаломъ, или логической фикціей. Система, которую изображаетъ Хомяковъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе — въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ о немъ г. Самаринъ (стр. XXVII—XXVIII), и самъ г. Самаринъ признаетъ и доказываетъ, что реальное учрежденіе далеко не соответствуетъ логическо-идеальному построению Хомякова. Откуда же это противорѣчіе, и не есть ли построеніе Хомякова произвольное и воображаемое? Этого противорѣчія миновать невозможно. Существующій характеръ и существующее пониманіе учрежденія не есть, конечно, дѣло только одного нынѣшняго поколѣнія, — не есть слѣдствіе только его степени разумѣнія или неразумѣнія; это пониманіе есть результатъ цѣлой, весьма продолжительной исторіи, — начало которой даже довольно трудно опредѣлить. Самъ Хомяковъ очень хорошо понимаетъ, что «учрежденіе» можетъ становиться въ крайне фальшивымъ положеніи (стр. 75); не менѣе ясно понимаетъ это и г. Самаринъ въ данномъ случаѣ (стр. VI—VIII, XXV—XVI); — но какимъ же образомъ раздѣлить отвлеченную систему отъ учреж-

¹⁾ Они встрѣчаются въ нашей литературѣ, сколько мы знаемъ, пока одинъ только *опытъ*, въ книгѣ г. Николая Барсова: „Новый методъ въ богословіи. По поводу богословскихъ сочиненій Хомякова“, и проч. Спб. 1870.

денія, которое именно и служить предметомъ идеальнаго воззвѣщенія и должно давать для этого основаніе? Жизнь имѣетъ дѣло и должна считаться не съ логической формулой или идеальнымъ представленіемъ принципа, а съ реальнымъ явленіемъ, увасѣдованнымъ отъ прошедшаго въ настоящее. Можетъ быть, что логическая формула и идеальное представленіе соответствуютъ основному характеру учрежденія, въ первоначальную пору его образованія въ давнопрошедшихъ историческихъ условіяхъ, — но съ тѣхъ поръ оно прошло многовѣннову путь развитія. Могло ли учрежденіе остаться свободнымъ отъ вліянія исторіи, — чтобы на немъ не отпечатлѣлось, и притомъ трудно изгладимымъ образомъ, дѣйствіе условій, въ какихъ оно существовало въ теченіе своей послѣдующей исторіи? Возможно ли, чтобы явленіе, создавшееся въ извѣстную эпоху въ духѣ ея понятій, могло въ томъ же смыслѣ и тѣхъ же формахъ жить и дѣйствовать въ другое время, послѣ долгаго періода хотя бы «разсудочной» образованности?

Въ частности нынѣшнія, русскія условія, въ которыхъ поставленъ вопросъ, таковы, что самое приближеніе къ его разъясненію въ высшей степени затруднительно. Какимъ же образомъ можно считать широкіе, порядочно заносчивые планы Хомякова не чистой, далекой отъ жизни, отвлеченностью или фантастическимъ идеаломъ. «Непроницаемая туча недоразумѣній», о которой говоритъ самъ г. Самаринъ, дѣйствительно такъ велика, что люди, которые даже искренно бы желали разъяснить вопросъ, едва могутъ видѣть свою цѣль и различать другъ друга. Если дѣйствительно нужно объяснить великій принципъ религіи и цивилизаціи, — вагъ хотять въ этомъ случаѣ славянофилы, — нужно бы, кажется, прежде всего позаботиться хоть о какомъ нибудь разсѣяніи «непроницаемой тучи», — позаботиться, такъ сказать, о домашнемъ разрѣшеніи вопроса, прежде чѣмъ браться на себя видъ «воинствующій» и обличительный: безъ этого, мы думаемъ (и говоримъ это въ ихъ собственномъ интересѣ), усилія славянофиловъ сколько-нибудь провести свою точку зрѣнія останутся совершенно безплодны. То, о чемъ мы говоримъ, будетъ гораздо потруднѣе, чѣмъ полемика съ г. Лоренсомъ. Между тѣмъ, сами славянофилы, — вагъ это кажется не только намъ, но множеству людей, сповойно разсуждающихъ, — дотрогиваются, правда изрѣдка, до непроницаемой тучи, но вовсе не разгоняютъ ея, а иногда сами ее увеличиваютъ.

Мы готовы повѣрить, что Хомяковъ представлялъ собой оригинальное, почти небывалое у насъ явленіе полнѣйшей «свободы въ религіозномъ сознаніи» (стр. XX). Надо было бы думать,

что его школа, если сама еще не представляет подобнаго явления, то по крайней мѣрѣ стремится къ нему. По рассказамъ мы знаемъ дѣйствительно, что отношеніе Хомякова къ предмету было свободное; его личное убѣжденіе — какимъ бы путемъ оно ни было приобрѣтено — было свободное убѣжденіе просвѣщеннаго человѣка, который не боялся противнаго мнѣнія, даже искалъ его, чтобы удовлетворить своей потребности пропаганды или диалектическаго спора. Но школа, къ сожалѣнію, представила слишкомъ много доказательствъ того, что въ ней нѣтъ этого свободного отношенія. Совсѣмъ напротивъ. Въ сочиненіяхъ самого Кирѣевскаго и Хомякова найдутся выраженія, въ которыхъ проглядываетъ нетерпимость; у послѣдователей, эта нетерпимость есть правило. Забывая о всѣхъ существующихъ условіяхъ, они высокоумно заявляютъ свои принципы въ столь исключительномъ духѣ, что и разъясненіе вопросовъ дѣлается совершенно невозможнымъ. Правда, изрѣдка они заявляютъ свое недовольство извѣстными современными качествами «учрежденія», заявляютъ даже съ нѣкоторымъ задоромъ, — но въ другое время это не мѣшаетъ имъ пускаться въ обличенія, и если не самимъ хвататься за «камень» (Соч. Хом. II, стр. 16), то указывать на этотъ камень, за который и хватаются другіе.

Наша литература, по извѣстнымъ обстоятельствамъ ея положенія, — которая славянофиламъ не безызвѣстна, — никогда не могла и до сихъ поръ не можетъ говорить объ этихъ предметахъ съ какою-нибудь искренностью и ясностью. Очевидно было однако, что въ литературѣ развилось, въ параллель всему остальному ея содержанію, извѣстное критическое, даже скептическое направленіе. Предметы религиозныя были исключены изъ обыкновенной, — не специальной, — литературы, но интересы вопроса существовали; новѣйшія философскія и историко-критическія произведенія иностранныхъ литературъ болѣе или менѣе были извѣстны въ образованномъ кругу и нѣкоторыя изъ нихъ, естественнымъ образомъ, производили впечатлѣніе, котораго не могли устранить произведенія домашнія. При тѣхъ условіяхъ нашей общественной жизни, которая хорошо долженъ понимать г. Самаринъ, наше критическое направленіе высказывалось только отрывочно, урывками, насколько было возможно; быть можетъ иногда скептицизмъ обнаруживался болѣе рѣзко, чѣмъ можно было бы ожидать въ болѣе нормальномъ положеніи литературы: напротивъ, въ цѣломъ объемѣ литературы онъ былъ едва замѣтимъ, а для обыкновенной массы читателей едва ли и вообще помѣнялся. Но и этихъ немногихъ выраженій, отчасти вызванныхъ

другой крайностью славянофиловъ или ихъ союзниковъ, бывало для славянофиловъ достаточно, чтобы обрушиваться на новѣйшую литературу, и тѣмъ оказывать просвѣщенію истинно медвѣжьёю услугу. Они смѣшивали въ одну кучу все, что не нравилось имъ въ новѣйшей литературѣ, и предавали все огульному осужденію, — и въ томъ числѣ труды и мысли людей, вѣроятно не уступающихъ имъ въ любви къ истинѣ и въ желаніи общаго блага. Въ упоръ имъ, славянофилы выставляли свою систему, позади которой лежалъ «камень». Не должно удивляться, если наконецъ стали считать славянофиловъ въ той категоріи, въ которой они сами конечно не желаютъ себя считать.

Оговоримся, что факты подобнаго рода принадлежатъ главнымъ образомъ болѣе позднему времени, но эти факты важны для насъ тѣмъ, что они вовсе не случайны, и напротивъ обличаютъ дѣйствительный характеръ школы, ея исключительность, — которая можетъ смягчаться личными свойствами и образованностью нѣкоторыхъ ея послѣдователей, но принадлежитъ къ сущности ея ученія.

Хомяковъ, кажется еще болѣе чѣмъ Кирѣевскій, былъ убѣжденъ въ неизмѣримомъ превосходствѣ ихъ теологической системы и ея прочной, незыблемой опредѣленности. Они почти не считаютъ нужнымъ спорить противъ мнѣній, которыя отвергали ихъ систему въ средѣ самаго русскаго общества и литературѣ; эти мнѣнія они считаютъ (также и у г. Самарина, стр. XXXVI—XXXVII) какъ бы несуществующими, чѣмъ-то случайно навѣяннымъ чужими вліяніями, непродуманнымъ, пустымъ, и полагаютъ, что могутъ не обращать вниманія даже на критическіе результаты европейскаго изслѣдованія, а просто вести расчеты съ западными церквами, обличать и обращать. Такъ Хомяковъ и дѣлаетъ, считая свою систему за готовый несомнѣнный кодексъ, которымъ онъ можетъ побѣдоносно обличить Западъ. Мы приведемъ небольшой примѣръ его мнѣній. Онъ съ жалостью говоритъ, напримѣръ, о «нравственномъ изнеможеніи» Запада, о «страхѣ, овладѣвшемъ западными религіозными партіями», т. - е. католичествомъ и протестантствомъ, и т. д. (т. II, стр. 76—77). По словамъ его, эти «раціоналистическія секты, въ ужасѣ отъ грозящей опасности, ищутъ союза противъ общаго ихъ врага, невѣрія». Въ этомъ союзѣ онъ видитъ вѣрный признакъ упадка, безсилія и отсутствія истинной вѣры.

«Лѣтъ сто тому назадъ, ни паписты, ни протестанты, даже не подумали бы приглашать другъ друга дѣйствовать съобща. Нынѣ, нравственная ихъ энергія надломлена, и отчаяніе natal-

кажется ихъ на путь очевидно ложный; ибо не могутъ же они не понимать, что если (въ чемъ я не сомнѣваюсь) *одно* христіанство всецѣльно противъ невѣрія и заблужденія, то наоборотъ, въ *десять* различныхъ христіанствъ, дѣйствующихъ совокупно, человечество съ полнымъ основаніемъ опознало бы сознанное бесиліе и замаскированный скептицизмъ». Но во-первыхъ, если дѣйствительно существуетъ въ западныхъ рационалистическихъ сектахъ этотъ страхъ, то развѣ та же опасность не стоитъ и передъ системой Хомякова? Хомяковъ, какъ будто не понимаетъ и возможности того, чтобы для нихъ и для нея могъ быть одинъ и тотъ же вопросъ, и ему кажется, что всемогущимъ средствомъ противъ этой опасности, цѣлительнымъ бальзамомъ противъ изнеможенія рационалистическихъ сектъ, можетъ просто служить догматика, имъ предлагаемая. Далѣе, если дѣйствительно для этихъ сектъ наступаетъ теперь трудное время, то едва ли есть какая-нибудь бѣда въ союзѣ рационалистическихъ сектъ, какъ это думаетъ Хомяковъ. Можетъ быть дѣйствительно, извѣстныя стороны этихъ сектъ, какъ чисто историческія формы религій, изжили свое время, и нынѣшнее религиозное движеніе, можетъ быть, есть именно признакъ, что этотъ процессъ совершается; но за этимъ долженъ наступить новый періодъ дальнѣйшаго развитія — которое восприметъ въ себя результаты нынѣшней борьбы и, надо думать поэтому, будетъ происходить далеко не въ томъ направленіи, какое предлагаетъ Хомяковъ. Религиозная исторія, начиная съ среднихъ вѣковъ, показываетъ, что развитіе заключается здѣсь именно въ томъ, что догматика больше и больше теряетъ значеніе, и возрастаетъ чисто нравственное вліяніе религій. Приведенный Хомяковымъ историческій примѣръ составленъ не совсѣмъ вѣрно. Правда, *сто* лѣтъ тому назадъ, ни паписты, ни протестанты не подумали бы приглашать другъ друга дѣйствовать съобща; но если считать, что это было хорошо (Хомяковъ именно думаетъ, что тогда «энергія не была надломлена»), то еще лучше было *двѣсти* лѣтъ тому назадъ, — тогда паписты и протестанты еще рѣзались изъ-за различія своихъ исповѣданій. То, что кажется Хомякову полнымъ упадкомъ, — возможность общенія между ними, — есть скорѣе успѣхъ, потому что свидѣтельствуетъ о терпимости, объ уваженіи къ чужому вѣрованію. Съ этой послѣдней точки зрѣнія Хомяковъ, кажется, вообще никогда не думалъ смотрѣть на исторію религіознаго развитія.

... Главныя богословскія сочиненія Хомякова явились (на французскомъ языкѣ) въ началѣ пятидесятихъ годовъ; нѣкоторыя тео-

ретическія ихъ основанія высказывались конечно и въ другихъ, не-богословскихъ его сочиненіяхъ; наконецъ, общія его мысли высказывались имъ въ тѣхъ бесѣдахъ, въ которыхъ соединялись въ прежнее время представители обоихъ литературныхъ направленій и которыя замѣняли тогда отсутствіе свободной печати. Два направленія вообще расходились, и въ этомъ пунктѣ мнѣнія также были весьма различны. Противники славянофиловъ, представлявшіе собою прямое продолженіе прежняго движенія, воспринимали и распространяли гуманистическую сторону европейской образованности; они увлекались идеалами европейской жизни, усвоивали сколько можно результаты европейской науки, и стремились внести тѣ и другіе въ умственный запасъ русскаго общества. Первое время обѣ стороны витали въ чисто отвлеченной сферѣ, но немного нужно было времени, чтобъ для тѣхъ и другихъ стала чувствоваться практическая дѣйствительность. Ихъ идеи вскорѣ начали переходить отъ отвлеченностей къ живымъ интересамъ, сталъ опредѣляться ихъ образъ мыслей въ общественныхъ предметахъ. Такъ-называемые западники пережили къ нимъ съ довольно реальнымъ пониманіемъ дѣла: съ тѣмъ критеріемъ, какой составился въ ихъ понятіяхъ, для нихъ становилось ясно положеніе полу-образованнаго общества, которому недостаетъ еще многихъ самыхъ простыхъ принадлежностей просвѣщенія; они скоро почувствовали и трудность собственнаго положенія, потому что для ихъ дѣятельности представлялись неодолимыя препятствія въ нравахъ, въ малочисленности дѣятелей, въ безучастіи подавленной и необразованной массы. Но тѣмъ больше усиливалось убѣжденіе, что только успѣхи свободнаго образованія могутъ обѣщать что-нибудь лучшее. И въ то время, когда это убѣжденіе вполнѣ ими овладѣвало, славянофилы выставили свое ученіе, которое своимъ неяснымъ, полу-мистическимъ содержаніемъ какъ будто поддерживало именно то, противъ чего первые боролись, старалось оправдать и возвеличить то, въ чемъ они видѣли существенное препятствіе для достиженія лучшаго будущаго. Противъ европейскаго просвѣщенія въ духѣ свободной мысли, они выставили теологическій принципъ; противъ стремленія къ лучшему будущему, въ смыслѣ европейскаго образованія, они рекомендовали прошедшее. Сначала открылся довольно мягкій споръ; потомъ рѣзкая литературная борьба.

Какъ бываетъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, съ обѣихъ сторонъ была правда, и съ обѣихъ сторонъ ошибки. Славянофилы были правы въ томъ, что, указывая на теологическій принципъ и древнюю Россію, они имѣли въ виду и самый на-

родъ; имъ казалось, что въ своей теологiи и своей археологiи они отыскиваютъ истинный нервъ народной жизни, и возстановляютъ національное начало, столь долго забытое и пренебреженное. Дѣйствительно, необходимо было напоминать о народѣ, — и славянофилы въ известной степени содѣйствовали установленiю лучшаго отношенiя къ народной жизни, чѣмъ то было прежде. Но славянофилы ошибались въ томъ, что предавались этой теологiи и археологiи слишкомъ исключительно: онѣ много помогали историческому уразумѣнiю народной жизни, но не могли дать безусловнаго принципа для ея дальнѣйшаго развитiя. Славянофилы успѣли схватить одну черту историческаго прошедшаго, — но впадали въ глубокое заблужденiе, когда въ одной чертѣ думали видѣть все, и когда изъ прошедшаго хотѣли извлечь непремѣнную программу для будущаго. Идеализируя старину и народъ, они нерѣдко защищали въ нихъ и то, чего нельзя было защищать справедливо; отсюда и становились возможны упреки и обвиненiя въ старовѣрствѣ и обскурантизмѣ. Не убѣждая противниковъ, ихъ система въ этомъ случаѣ только могла больше раздражать ихъ: противники ихъ не могли убѣждаться исторiей съ теологической точки зрѣнiя; не могли убѣждаться подраженными изображенiями стараго быта, котораго послѣдствiя были еще такъ очевидны въ настоящемъ; не могли понять и спокойно выносить фантастическихъ, исключительныхъ и самодовольныхъ теорiй въ виду настоящаго, чувствуемаго зла, — которое стояло съ этими теорiями въ очень близкомъ родствѣ.

Возвратимся къ историческому примѣненiю теологической системы славянофильства. Въ школѣ издавна принято было положенiе о противоположности западнаго и восточнаго мiра, романо-германскаго и православно-славянскаго. Ее высказывали и Барфевскiе, и Хомяковъ, и Д. Валуевъ и затѣмъ всѣ, безъ исключенiя, послѣдователи славянофильства до нашихъ дней. Въ новѣйшей славянофильской школѣ это положенiе было разработано съ большими подробностями; восточное православiе было совершенно отождествлено со славянствомъ, и составила цѣлая историческая теорiя, изъ которой слѣдовало, что православiе есть всеобщая религiя славянскаго мiра: христіанство было принято славянами изъ Византiи, слѣдовательно въ православной формѣ, и если оно потомъ было утрачено нѣкоторыми племенами, то теперь, для успѣха ихъ новѣйшаго возрожденiя, они должны возвратиться къ православию.

Откуда взялось это рѣзкое противоположеніе западной Европы и славянскаго міра? Съ одной стороны, оно конечно было слѣдствіемъ указаннаго выше теологическаго возбужденія; съ другой, оно было безъ сомнѣнія вызвано западнымъ панславизмомъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія начинается политическое освобожденіе и національное возрожденіе славянскихъ племенъ. Национальныя движенія временъ реставраціи, броженіе національностей въ австрійскихъ земляхъ, возникновеніе чешской литературы, споры венгровъ съ кроатами, создали такъ-называемый панславизмъ, — имъ искренно увлекались славянскіе патриоты, чаявшеіе какого-нибудь освобожденія отъ иноземнаго гнета, и ему повѣрили многіе изъ публицистовъ западной Европы: мысль, что панславизмъ можетъ быть въ связи съ тайными завоевательными планами Россіи (которой въ то время очень боялись особенно въ Германіи), — мысль совершенно ошибочная, какъ это фактически доказала венгерская война — на нѣкоторое время сдѣлала панславизмъ предметомъ толковъ въ европейской литературѣ, вопросомъ дня. Въ той формѣ, какую давали этому вопросу и само славянское движеніе, и европейская печать, панславизмъ напелъ послѣдователей и у насъ, еще съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Въ это время написано было Хомяковымъ известное стихотвореніе о полуночномъ орлѣ, высоко поставившемъ свое гнѣздо (1832).

Поэтическія мечты такимъ образомъ предшествовали научному знакомству съ славянскимъ міромъ. Въ славянофильскомъ кружкѣ оно только-что тогда начиналось — у Хомякова, у Петра Кирѣевскаго. Эти мечты собственно и дали направленіе послѣдующимъ мнѣніямъ славянофиловъ объ этомъ предметѣ. Первой пробой серьезнаго изученія былъ известный «Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ, ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ». Издатель этого Сборника, Валуевъ, былъ воспитанникъ и другъ Кирѣевскихъ, о которомъ остались самыя сочувственные отзывы обѣихъ сторонъ. «Смерть похитила его въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, — говоритъ г. Кавелинъ. Съ юношескимъ благороднымъ самоотверженіемъ, онъ весь отдался наукѣ, и непрерывныя занятія ускорили его преждевременную кончину. Валуевъ умеръ очень-очень молодъ, когда силы, не уравновѣшенныя опытомъ и строгою дѣйствительностью, были сильнымъ ключомъ, яща себѣ удовольствія; когда дѣйствительное и возможное, настоящее и будущее, сливаются въ одномъ радужномъ цвѣтѣ, и самодовольное воображеніе чаруетъ человѣка, обманываетъ его, раскрашивая мечту красками существенности. Какъ

многие, и онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ странныхъ (т. - е. славянофильскихъ) мыслей и предубѣждений. Но его благородная, любящая натура, положительный складъ его ума рѣзко имъ противорѣчили и не давали имъ развиться до послѣднихъ выводовъ въ его головѣ и сердцѣ... Валуевъ принялъ ученіе, но онъ не могъ побѣдить въ себѣ внутреннихъ возраженій противъ его крайностей, и въ той статьѣ, гдѣ онъ высказалъ свои общіе взгляды и говорилъ о новой русской наукѣ, г. Кавелинъ вѣрно указываетъ эту двойственность его мнѣній. «Изъ того, что онъ безпрестанно и во всѣхъ отношеніяхъ противопоставляетъ Европу Россіи и славянскому міру,—изъ общаго тона статьи можно думать, что, по его мнѣнію, эта русская наука должна быть противоположна европейской. Впрочемъ авторъ чрезвычайно остороженъ... Нетерпѣніе скорѣе видѣть осуществленіе своихъ любимыхъ надеждъ томилло его, и вотъ онъ видитъ, что время созданія этой науки уже наступаетъ, что появляется заря золотого будущаго,—и потомъ онъ опять становится робкимъ передъ грозомъ дѣйствительности: онъ понимаетъ эту науку только какъ возможную или только какъ имѣющую быть. Погружаясь въ будущее, онъ тяготится настоящимъ отношеніемъ европейскаго міра къ славянскому; ему кажется, что западная наука заслоняетъ насъ; возвращаясь къ взгляду болѣе практическому, болѣе дѣйствительному, онъ чувствуетъ, какъ благотѣльно и какъ необходимо было бы Россіи вліяніе Европы, онъ примиряется съ реформою Петра. Оба направленія — дѣйствительное и не-дѣйствительное, вытекающее изъ исторіи и опирающееся на надежду, высказались въ странномъ смѣшеніи, непримиренныя, несогласенныя между собою»¹⁾).

Эта двойственность была удивительна въ такомъ искусственно-составленномъ ученіи, какъ славянофильское; она отличаетъ вообще писателей этой школы, но Валуева выгодно отличаетъ то, что онъ съ самаго начала направился на фактически научное изслѣдованіе. Таковы его труды о мѣстничествѣ—плодъ неутомимыхъ изысканій, не отклоняемыхъ предвзятыми идеями; таковъ его «Сборникъ», который можно назвать первымъ цѣльнымъ трудомъ у насъ по изученію славянскаго міра. Этотъ приступъ къ дѣлу былъ такъ естественъ, такъ правиленъ, что въ «Сборникѣ» могли войти и труды писателей, нисколько не принадлежавшихъ къ славянофильскому лагерю, на примѣръ Грановскаго, г. Кавелина.

¹⁾ Соч. Кавелина II, стр. 42, 48.

Въ предисловіи въ «Сборникѣ» Валуевъ высказалъ свой взглядъ на русскую науку, которая должна освѣтить намъ наше прошлое и будущее, и даже бросить новый свѣтъ на событія европейскаго міра, — и свой взглядъ на отношенія наши къ Западу. Это—общія славянофильскія идеи, высказанныя вообще съ юношескимъ увлеченіемъ и потому, быть можетъ, особенно характеристическія для опредѣленія школы. Валуевъ находитъ, что дѣло Петра окончилось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія завершеніемъ государственнаго зданія, имъ основаннаго, — и вмѣстѣ съ тѣмъ окончилось, или должно окончиться время европейскаго господства надъ нашей образованностью. Мы начинаемъ обращаться къ самимъ себѣ, и новѣйшія событія, внѣшнія и внутреннія, указываютъ новый путь русской жизни. Такими событіями были—появленіе, при помощи Россіи, новыхъ православныхъ государствъ (Греція, Сербія, Молдавія и Валахія), соединеніе армянъ восточнаго исповѣданія въ одну область, воссоединеніе Уніи, заведеніе православныхъ школъ на Востокѣ, проповѣдь евангелія язычникамъ въ отдаленныхъ краяхъ Россіи; во внутреннихъ дѣлахъ — изданіе Свода и Полнаго Собранія Законовъ, полюбовное размежеваніе череполосныхъ владѣній, изданіе источниковъ нашей исторіи, постепенное введеніе русскаго языка въ высшихъ классахъ, почти забытыхъ его, появленіе національныхъ русскіхъ поэтовъ въ лицѣ Пушкина и Гоголя. Только наша наука еще не послѣдовала этому общему движенію, и особенно наука историческая. Ея задача — познакомить классы общества, воспитанные подъ европейскимъ вліяніемъ, съ тѣми, которыхъ это вліяніе почти не коснулось, познакомить Россію съ народами единовѣрными и единоплеменными, и тѣмъ дать ей возможность узнать самую себя.

Цѣль безъ сомнѣнія прекрасная; но въ то время, какъ эта наука была еще искомая, или по крайней мѣрѣ когда она еще только начиналась, Валуевъ уже высказываетъ свои приговоры западной жизни и образованности, и возвеличиваетъ русскую жизнь и образованность, — конечно древнюю. Мы конечно должны еще заимствовать у Запада его внѣшнее, матеріальное просвѣщеніе, — но, «если понимать подъ просвѣщеніемъ не одни вещественныя улучшенія въ быту человѣка, а то совокупное умственное и нравственное движеніе, которое должно соединять народы въ единство братолюбивой жизни и осуществлять въ обществѣ чистую мысль христіанства, во сколько она осуществима въ человѣкѣ, — то во всякомъ случаѣ еще останется подъ сомнѣніемъ, кого съ большею справедливостію можно назвать просвѣщенною—Россію

ли XV и XVI вѣка, или ей современную католическую и протестантскую Европу?»¹⁾ Онъ сначала не беретъ провозносить «приговоръ міру латинскому», — трудами котораго пользуется наша образованность, — но въ послѣдующемъ изложеніи онъ однею провозноситъ этотъ приговоръ, обвиняя европейское просвѣщеніе, то оно стремится только къ внѣшнему блеску и мишурѣ, навѣвающимъ пустоту жизни просвѣщеннаго большинства. Онъ не отрицаетъ даже въ лучшемъ плоду «латинскаго» просвѣщенія, къ наукѣ, потому что, — «къ сожалѣнію, невѣдою и лучшіе умы, — чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ и самомъ просвѣщеніи, которому служатъ? Часто, если и бессознательно, они ищутъ того же *комфорта*, усиленія мысли и силъ души въ ограниченности той или другой системы или рутинны, удовлетворенія всѣмъ новымъ изысканнымъ требованіямъ просвѣщеннаго существованія и его нравственнаго сибаритства... И наконецъ не было ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка, основною задачею всего западнаго просвѣщенія и всего западнаго человѣчества?»²⁾ Западъ оказалъ конечно свои услуги человѣчеству, — но не ему принадлежитъ настоящая истина. «Своими опытами и даже своими заблужденіями онъ не менѣе привнесъ въ общее достояніе человѣчества и служилъ ему, чѣмъ сколько служили христіанству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, *друіе* народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ; — которое, можетъ быть, *одно* дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завіта»³⁾. То богатство, которое мы получаемъ отъ Запада даровое, или купленное только «утратами изъ своей внутренней жизни» (потому что, увлекаясь блескомъ Запада, мы забываемъ о своемъ народномъ), это богатство непрочно; оно привито къ намъ внѣшнимъ образомъ, но не могло перейти въ кровь и соки самой жизни, остается чѣмъ-то чуждымъ и не обѣщаетъ никакого живого плода. Мы не можемъ помочь Западу въ его дѣлѣ, — потому что отдѣлены отъ него всѣмъ прошедшимъ и во всемъ, что есть въ насъ своего и живого: Западъ долженъ самъ «доверить назначенный ему кругъ жизни». А намъ пора подумать о томъ, чтобы изъ самихъ себя выработать начала нашей умственной и нравственной жизни, — иначе обрекаемъ себя на вѣч-

¹⁾ Сборникъ, 1845, стр. 2, прим.

²⁾ Тамъ же, стр. 12.

³⁾ Стр. 8.

ную посредственность и умственное несовершенство, надъ которыми посмѣется самый Западъ.

Очевидно, что здѣсь повторяются мысли Кирѣевскихъ и Хомякова; въ этихъ мысляхъ уже были заданы всѣхъ крайностей и увлеченій славянофильства. Основная мысль школы высказывается очень ясно; цивилизація Запада—чисто внѣшняя забота о комфортахъ, лишенная «духовнаго завѣта», фальшивая. Развиваемая дальше, эта мысль была очень похожа на извѣстный приговоръ о гніеніи Запада, еще раньше произнесенный тогдашнимъ союзнникомъ славянофиловъ, «Москвитяниномъ». Славянофилы, кажется, не выражались объ этомъ предметѣ такъ сильно, какъ этотъ журналъ ¹⁾, но самыя теоріи очень трудно было различить, потому что осужденіе Запада и у славянофиловъ было достаточно категорическое. У самихъ славянофиловъ увлеченіе доходило до того, что невозможно было возражать на него серьезно. Надо было забыть исторію западной образованности, добывавшей, цѣною тяжелыхъ жертвъ, преслѣдованій, инквизиціонныхъ востровъ, тѣ знанія, которыя выводили насъ изъ реблическаго невѣжества,—чтобы говорить о Западѣ съ этимъ высокоуміемъ, и впередъ хоронить его цивилизацію. Въ людяхъ, иначе понимавшихъ исторію, эти мнѣнія должны были вызывать самое неприятное впечатлѣніе,—тѣмъ больше, что была часть общества, которая могла воспользоваться этими возгласами славянофиловъ такъ, какъ они и сами не ожидали. Защитники официальной народности должны были съ большимъ удовольствіемъ услышать мысль о гніеніи Запада, и еще больше утвердиться въ своей программѣ,—надобно думать, не похужей все-таки на ту, которую предлагали славянофилы.

Мы упоминали, что поставивъ основаніемъ всѣхъ историческихъ вопросовъ теологическое начало, славянофилы уже давно отождествляли православіе и славянство; они понимали это такимъ образомъ, что славянское не-православное не есть истинно-славянское, что для предстоящаго славянскаго соединенія необходимо и присоединеніе славянъ латинскаго и другихъ исповѣданій къ восточному православію. Славяне католики, униаты, протестанты,

¹⁾ „Москвитянинъ“ утверждалъ положительно, что Западъ сгнилъ, и соответствующими красками изображалъ это гніеніе. Вотъ отрывокъ, гдѣ Шевиревъ изображаетъ наше „общеніе“ съ этимъ Западомъ: „Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ, мы имѣемъ дѣло съ человекомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы дауемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства — и не замѣчаемъ скрытаго ада въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуюмъ въ потѣхъ шара будущаго трупа, котормъ онъ уже пахнетъ“ и проч. (Москвитянинъ, 1841, № 1, стр. 247).

оставляют расколъ тѣмъ болѣе прискорбный, что съ заблужденіемъ теологическимъ онъ соединяетъ и заблужденіе національное.

Такъ какъ все построеніе славянофильскаго ученія было прежде всего предвзятой идеальной теоріей, то указанная мысль была необходима для полноты, и она была принята и сдѣлана изъ нея выводы раньше, чѣмъ она могла быть доказана. Есть, правда, историческія свидѣтельства, указывающія, что у нѣкоторыхъ племенъ, принадлежащихъ теперь къ католической церкви, христіанство было въ первый разъ принесено изъ Византіи, — но потомъ должно было уступить господству католицизма. Вотъ единственный фактъ, который могли воспользоваться славянофилы, и они извлекли изъ него цѣлую историческую и національную теорію. Но если оставить въ сторонѣ вопросъ общаго преимущества восточной церкви надъ западною, не подлежащаго конечно спорамъ, — какимъ образомъ изъ упомянутаго факта слѣдовалъ славянофильскій выводъ? Фактъ этотъ дѣйствительно былъ, но за нимъ слѣдовалъ другой фактъ перехода нѣсколькихъ изъ славянскихъ племенъ въ католицизмъ, судьбы котораго они и раздѣлили; но несмотря на переходъ, эти племена остались славянскими, имѣли свою образованность, достигавшую высокой степени въ Чехіи, въ Польшѣ, у славянъ далматинскихъ. Неправославный отдѣлъ славянства занимаетъ цѣлыя обширныя племена, многіе миллионы людей; они раздѣлены были отъ главнаго православнаго племени, русскаго, не только исповѣданіемъ, но цѣлымъ ходомъ своей исторіи, цѣлымъ характеромъ быта, — ихъ народность естественно развилась въ особый своеобразный типъ, они вѣка сживались съ своей религіей, дорожили ею, — а во славянофильской теоріи оказывалось, что все это было только такъ, что ихъ историческое существованіе была одна ошибка, не допускающая никакихъ извиненій. Спрашивается: что же имъ дѣлать съ своей исторіей, съ тѣми свойствами, какія приобрѣла ихъ жизнь, и которая стала второй ихъ природой? Не споримъ, что славянское католичество, съ латинскимъ богослуженіемъ, съ церковной принадлежностью къ чужому центру, можетъ представлять свои ненормальныя стороны; но если они сжились съ этимъ и дорожатъ своими религіозными преданіями и вовсе не жаждутъ отъ нихъ отказываться; или, если исторія представляла изъ нея выходъ изъ этого положенія вещей, такой выходъ, какъ чешскій протестантизмъ, и они предпочитаютъ этотъ путь своего религіознаго развитія; или самый католицизмъ преобразуется, и приближается къ здоровымъ требованіямъ времени? Или, наконецъ, если эти славянскіе католики и протестанты ду-

мають, — и можуть думати это справедливо, — что теперь уже пришло время болѣе спокойнаго рѣшенія релігійозныхъ несогласій, время вѣротерпимости, и народы разныхъ исповѣданій могутъ спокойно соединяться для общихъ интересовъ, если они есть, предоставляя другъ другу оставаться каждому при своей релігій? — Славянофилы не думаютъ объ этихъ вопросахъ, продолжаютъ настаивать на своей системѣ, и въ результатѣ является конечно одно — релігійозная исключительность; вопросъ національнаго единства подчиняется вопросу теологическому.

Такимъ образомъ, главнымъ основаніемъ славянофильской теоріи является теологическій принципъ, понятій въ исключительномъ конфессіональномъ смыслѣ. Но если вообще для людей, не увлеченныхъ духомъ школы, невозможно было помериться съ славянофильской постановкой этого принципа и съ выведенными изъ него послѣдствіями, то вопросъ, кажется, еще больше запутывался другими мнѣніями школы. Та двойственность, на которую мы уже указывали, и которая, напримѣръ, то отвергала реформу Петра и ея результаты, то призывала ея дѣйствіе неистребимымъ, или признавала великія заслуги Запада, а потомъ отрещивалась отъ него ¹⁾, повторяется и здѣсь. Славянофилы ставятъ превыше всего свою теологическую систему; но въ то же самое время неоднократно высказывались, и достаточно сильно, противъ практическаго выраженія принципа въ «учрежденіи». Ихъ критика настоящаго положенія учрежденія бывала нерѣдко такова, что съ ней согласится каждый, нѣсколько просвѣщенный человекъ, и ихъ пожеланія приносятъ имъ большую честь. Но при этомъ возникаетъ противорѣчіе, котораго они не рѣшаютъ. Можно понять, что извѣстное начало, переходя въ практическую жизнь, теряетъ высоту своего идеальнаго достоинства, бываетъ не всѣми понято, подвергается злоупотребленіямъ и т. п.; но здѣсь оказывается, что рѣчь идетъ не объ однихъ частныхъ и случайныхъ недостаткахъ, поправимыхъ и неважныхъ, — а напротивъ о недостаткахъ столь крупныхъ, что ими заслоняется самая сущность принципа, отчего онъ и теряетъ даже свое вліяніе на общество, перестаетъ направлять его дѣятельность и т. д. Гдѣ же началась порча, и чѣмъ она можетъ быть исправлена? Мнѣніе школы состоитъ, кажется, въ томъ, что порча начинается со времени Петра, въ основанномъ имъ бюрократическомъ государствѣ; — но, во-первыхъ, исторія раскола доказывала бы противное, что внутренній разладъ въ самомъ учрежденіи начался гораздо раньше; во-вторыхъ, что если первое прикосновеніе Петра могло

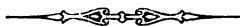
¹⁾ Подобныхъ примѣровъ можно найти не мало у Кирѣевскаго, Вагуева, и пр.

произвести порчу, то, значитъ, учрежденіе было уже тогда къ этому податливо, не имѣло энергіи и выдержки. Съ исторической точки зрѣнія, такого рода измѣненіе въ характерѣ учрежденія вообще является результатомъ не однихъ случайныхъ внѣшнихъ условий, но самой сущности учрежденія. Въ счетахъ между стариной и реформой гораздо естественнѣе искать вину совершившагося факта не въ томъ, кто нарушалъ старину, а въ слабости самой старины, которую не трудно было устранять тому, кому она мѣшала. вмѣстѣ съ тѣмъ, славянофилы недостаточно объясняютъ и другое обстоятельство:—если есть недостатки въ нашемъ религіозномъ просвѣщеніи, то гдѣ заключается, въ самомъ дѣлѣ, ихъ исправленіе, — въ строгомъ ли возстановленіи старины, или въ прививкѣ новыхъ понятій къ прежнему содержанію? Старина была сурово исключительна; она едва-ли бы не потребовала именно того, въ чемъ сами славянофилы видятъ стѣсненіе религіознаго просвѣщенія и его современные недостатки. Есть большое основаніе думать, что собственныя требованія славянофиловъ отъ религіознаго просвѣщенія внушаются вовсе не духомъ нашей старины, а именно духомъ той западной образованности, отъ которой они сами многимъ позаимствовались. Таковы именно кажутся намъ ихъ заявленія объ иномъ устройствѣ отношеній церкви къ государству, о преобразованіяхъ въ церковномъ управленіи, о большей терпимости къ умѣреннымъ сектамъ раскола, о нѣкоторой свободѣ изслѣдованія, и т. п. И чтб, наконецъ, они могли бы предложить западному славянству, въ которомъ хотятъ вести свою пропаганду, — если они сами недовольны?...

Въ этихъ послѣднихъ указаніяхъ мы опять имѣли въ виду позднѣйшія заявленія славянофильства, — потому, что въ сороковыхъ годахъ славянофилы не могли высказаться достаточно объ этихъ предметахъ; но тѣ противорѣчія, которыя обнаруживались въ позднѣйшихъ заявленіяхъ славянофиловъ, заключались уже и въ первоначальныхъ положеніяхъ школы, въ самой постановкѣ теологическаго принципа.

Не имѣя возможности останавливаться подробнѣе на этомъ предметѣ, мы ограничиваемся сдѣланными указаніями. Читатель извинитъ насъ, если изложеніе не могло быть достаточно точно и ясно; виною тому бывало самое свойство предмета... Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ къ другимъ сторонамъ славянофильскихъ мнѣній, къ ихъ взглядамъ историческимъ и общественнымъ.

А. Пыпинъ.



АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Общество губернскаго города С., куда переселилась наша семья, то-есть зажиточные и чиновные обыватели, было внезапно взбударажено необыкновеннымъ событіемъ.

Въ мѣстномъ батальонѣ военныхъ кантонистовъ, между мальчишками-евреями обнаружилось поголовное желаніе принять православную вѣру. Архіерей, увѣдомленный объ этомъ батальоннымъ командиромъ, посѣтилъ казарму кантонистовъ, бесѣдовалъ съ неопитами и убѣдился, что желаніе ихъ не возбуждено угрозами, или приманками земныхъ благъ, а возникло изъ твердаго убѣжденія въ превосходствѣ и чистотѣ истинъ христіанскаго ученія. Въ первое же воскресенье преосвященный сказалъ въ соборѣ прекрасную проповѣдь и пригласилъ именитыхъ гражданъ, ревнующихъ о славѣ имени Христова, быть воспріемниками отъ купели сихъ отроковъ, заблуждавшихся, но нынѣ возжаждавшихъ спасенія души и жизни вѣчной.

Человѣкъ пятьдесятъ сыновъ Израиля послѣ обѣдни были введены фронтомъ въ церковь и немедленно разобраны высшими лицами губернской администраціи, дворянства и первостатейнаго купечества; многимъ, желавшимъ приобрести духовныхъ дѣтей—таковыхъ не достало.

*) См. выше: окт. 559 стр.

Слѣдующее воскресенье было назначено для совершенія таинства крещенія въ тѣхъ приходскихъ церквахъ, въ которыхъ воспріемники состояли прихожанами.

Дѣло это возникло не вдругъ, оно давно уже втихомолку созрѣвало въ стѣнахъ батальонной казармы.

Годъ тому назадъ въ городъ С. пришла большая партія евреевъ-кантонистовъ, уроженцевъ западныхъ губерній. Впредь до распоряженія они были расквартированы въ пригородной слободѣ; пора стояла лѣтняя — и весь городъ, томившійся застоємъ сонной жизни, обрадовался появленію невиданныхъ пришельцевъ: большая толпа глазѣла на улицѣ, когда по барабану выстраивалась въ двѣ шеренги эта сѣрая команда мальчугановъ. По фронту расхаживали строгіе дядьки, повѣряя ряды, оправляя безобразно-надѣтыя на уши фуражки, и обдергивая мѣшкомъ сидѣвшія широкія шинели. У каждаго дядьки, какъ у ловкаго фокусника, иногда мгновенно выскакивала изъ рукава маленькая шеточка и, мелькнувъ разъ-два, живо пряталась опять на свое мѣсто. Видно было, что ребятишки еще не приспособились молодцовато носить военную одежду, но уже привыкли къ колотушкамъ, при полученіи которыхъ не пищали, а только слегка хмурились. Передъ фронтомъ посерединѣ стоялъ офицеръ, заставлявшій ихъ много разъ кричать: «здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе», пока этотъ крикъ не выходилъ въ надлежащую мѣру дружнымъ и веселымъ; командовалъ: «на-пра-во! на-гѣ-во!» и потомъ распускалъ войско по квартирамъ. Спектакль незатѣйливый, ученье гарнизоннаго батальона гораздо занимательнѣе. Но обыватели С. не видывали никакихъ инородцевъ, кромѣ татаръ, мордвы и калмыковъ, въ этомъ они уже приглядѣлись, привыкли, находили въ нихъ все свое, близкое, и даже не считали ихъ инородцами; а тутъ появились экземпляры новой, малоизвѣстной людской расы, и, конечно, возбудили оживленные разговоры.

Слово «жидъ» изстари извѣстно всей Россіи, какъ слово ругательное, но въ описываемое нами время, въ восточной полосѣ нашего отечества, живой, настоящій еврей былъ явленіемъ необыкновеннымъ. Общеизвѣстные толки о томъ, что евреи похищаютъ христіанскихъ младенцевъ, которыхъ кровь имъ необходима для совершенія пасхальныхъ обрядовъ, возникли въ разныхъ уголкахъ города С. между любителями *ученыхъ* разговоровъ, и, конечно, подобные толки, проходя въ массу, не могли сочувственно расположить населеніе къ бѣднымъ, оторваннымъ отъ семьи еврейчикамъ. По вечерамъ они высыпали на улицу и за-

тѣвали игру въ мячъ; городскіе мальчуганы смотрѣли на нихъ, стоя въ сторонѣ и дѣлая обидныя, насмѣшливыя замѣчанія надъ жалкими фигурками и неприятно-гортанною ихъ рѣчью; особенное вниманіе обращено было на ихъ уши—дѣйствительно большія и торчавшія въ видѣ парусовъ.

— У-у! свиное ухо!—закричалъ кто-то въ толпѣ. Восклищаніе это повторилось двадцатью разными голосами при всеобщемъ хохотѣ.

Евреи бросили игру, сплотились въ тѣсную кучку и показывали кулаки. Русская толпа, въ которой между мальчишками видны были и взрослые мастеровые въ фартукахъ и ременныхъ кружкахъ на головѣ, двинулась дружно впередъ, евреи обратились въ постыдное бѣгство. Толпа разразилась хохотомъ; очевидно, атака была ложная, для пробы. Подобныя потѣхи повторялись ежедневно. Взаимное раздраженіе росло; толпа зрителей увеличивалась. Однажды къ обычнымъ крикамъ «свиное ухо» какою-то бывалый парень присоединилъ штуку невыносимо-обидную: изъ полы своего халата сдѣлалъ совершенное подобіе свиного уха; эта штука чрезвычайно понравилась публикѣ, и мальчуганы, какъ застрѣльщики, высказывали впередъ, поднося подъ самый носъ евреймъ свернутыя полы своей одежки. Евреи обозлились и загудѣли, обращаясь къ одному изъ своихъ товарищей старшему лѣтами и выше всѣхъ ростомъ: «Нухимъ! Нухимъ! а ну!—ну!»—Долговязый Нухимъ выдвинулся впередъ; желтовато-смуглое, сухощавое лицо его побѣлѣло, глаза сверкнули злостью; онъ бормоталъ, коверкая всѣ извѣстныя ему русскія ругательства. Немедленно въ лицо Нухима влѣпился комъ сухой грязи и запырошилъ ему глаза. Ничего не видя, Нухимъ, какъ бѣшеный, крикнулъ: «ой, гевултъ!» и ринулся въ русскую толпу; за нимъ съ провзительнымъ визгомъ шарахнулись единоплеменники. Обѣ стороны смѣшались; кулаки работали, нѣсколько носовъ расквашено до крови. Въ самомъ разгарѣ свалки раздался командный крикъ унтеръ-офицера: «Это что?—по домамъ!—Смирно! сволочь треклятая!»—Но команды никто не слушалъ; тогда выскочила изъ рукава волшебная плетка и пошла стегать сражавшихся почему попало. И это средство не вдругъ подѣйствовало: разгоряченные успѣшнымъ боемъ кантонисты забыли всякую дисциплину: иной, получивъ ударъ плетью по головѣ и увертываясь отъ другого удара, все-таки нарвался дать тумака стоявшему передъ нимъ неприятелю. Наконецъ сраженіе кончилось, кантонисты кинулись въ разсыпную по квартирамъ; появившіеся съ разныхъ сторонъ дядьки переловили съ десятокъ бѣглецовъ и повлекли въ

пустой огородъ для расправы. Русская толпа радостно кричала имъ вслѣдъ: «Ага, ага! попались, жиденята! хорошенько ихъ, хорошенько отлушите, господа служивые! Чтобъ они помнили, что живутъ на нашей землѣ, выпь хлѣбъ ѣдятъ... Проклятые—Христа распяли, да еще думаютъ съ нами равняться!»

Получившіе приличную порку, израильтяне все-таки не могли никакъ признать себя виноватыми, не они были зачинщиками,—но тѣмъ не менѣе они сознали одну очевидную истину, что тутъ дѣло вовсе не въ правѣ и не въ справедливости, а въ томъ, что они на чужой сторонѣ и что кругомъ всѣ ихъ ненавидятъ и презираютъ.

Кажется, это былъ первый практическій урокъ, отерывшій евреевъ секретъ настоящаго ихъ положенія, потому что объ этомъ происшествіи велись между ними горячіе, нескончаемые разговоры.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ полковникъ и, обойдя шеренги кантонистовъ, отдѣлилъ пятьдесятъ человѣкъ, которые должны остаться въ мѣстномъ батальонѣ, а остальные отправлялись по маршруту въ другіе города. Горько плакали остающіеся при разлукѣ съ товарищами; имъ казалось, что теперь разрывается послѣдняя связь ихъ съ прошлымъ, отнимается послѣдняя искра какой-то смутной надежды на будущее, что они окончательно погибли на чужбинѣ.

Съ такими горькими мыслями эти пятьдесятъ мальчиковъ вступили въ дверь казармы батальона военныхъ кантонистовъ.

Суровые порядки этихъ приснопамятныхъ заведеній, кажется, принаровлены были единственно къ тому, чтобы въ дѣтяхъ заглушить все человѣческое и выработать изъ нихъ деревянныхъ *исполнителей* самой грубой машинной самодѣльщины.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы начальство заведенія утѣсняло еврейскихъ мальчиковъ болѣе, чѣмъ христіанъ: беспощадная дисциплина практиковала самое абсолютное равенство. Но русскіе находили еще нѣкоторыя утѣшительныя стороны въ своемъ положеніи,—они имѣли въ городѣ родныхъ и знакомыхъ, къ которымъ ходили по праздникамъ; у нихъ водились деньжонки — великое дѣло во всякомъ положеніи; наконецъ, бѣды, ихъ постигавшія, возбуждали въ товарищахъ сожалѣніе, сочувствіе. — Для евреевъ весь міръ за оградой казармы не существовалъ; грошей, вынесенныхъ изъ родительскаго дома, не хватило и на подороги, благодаря заботливости сопровождавшихъ партію унтеръ-офицеровъ, а наказанія, сыпавшіяся на еврейскую спину, возбуждали во всей казармѣ градъ насмѣшекъ, ту жестокою весе-

лость, которая свойственна дѣтямъ вообще и преимущественно дѣтямъ, лишеннымъ мягкаго семейнаго вліянія. Насмѣшки слышались не только по поводу наказаній, предметомъ ихъ были всѣ особенности евреевъ — ихъ языкъ, привычки, понятія и религиозные обряды.

Извѣстенъ корпоративный духъ евреевъ, — и тутъ, подъ двойнымъ гнетомъ, онъ проявился въ полной силѣ: мальчики сплотились въ тѣсную, единокорную группу и немедленно въ этой группѣ нашлась личность, за которую всѣ безмолвно признали права неограниченной власти. Это былъ Янкель Авербухъ, коренастый малый, лѣтъ 16-ти, рыжій, почти безобразный, въ веснушкахъ, съ непомятою большою головою и упорными карими глазами.

Этотъ рыжій Янкель держалъ себя особнякомъ, ни съ кѣмъ не сближался, никто не видѣлъ его смѣющимся, — забѣдетъ въ какой-нибудь дальній уголъ и съ плачемъ читаетъ свою молитвенную книжку. Онъ былъ ученѣ товарищей, провелъ три года у раввина въ училищѣ и съ неустанною точностью, несмотря ни на какія препятствія (а препятствій было много), исполнялъ всѣ предписанія обрядоваго еврейскаго закона. Притомъ зоркій глазъ его строго наблюдалъ за товарищами, и достаточно было одного его слова, чтобы нерадиваго, или равнодушнаго къ субботѣ они избивали до полусмерти. Всѣ ссоры и споры между евреями Янкель рѣшалъ безапелляціонно. Говорилъ онъ мало, загадочно и какъ «власть имѣющей»; большую часть своихъ распоряженій передавалъ черезъ Юдку Когана, двѣнадцатилѣтняго мальчика, съ блѣдорозовымъ дѣвическимъ личикомъ и покорнымъ печальнымъ взглядомъ, который нѣсколько портила всегдашняя краснота вѣкъ. Юдка былъ единственный близкій человѣкъ и вѣрный истолкователь повелѣній Янкеля.

Прежде всего Янкель приказалъ своей общинѣ буквально и слѣпо исполнять всѣ требованія начальства, помогать слабымъ и самъ подавалъ имъ примѣръ исполнительности; исправнѣ евреевъ никого въ батальонѣ не было. Это скоро было замѣчено начальствомъ, Янкель сдѣлался любимцемъ ротнаго командира; но начальственныя заигрыванія и поощренія однакожь не вызывали въ немъ никакой благодарности, онъ принималъ ихъ сухо, даже угрюмо и просилъ только одной милости — не давать бѣдныхъ евреевъ въ обиду. Иногда Янкель безъ всякой видимой причины вдругъ отдавалъ секретный приказъ, чтобы никто не смѣлъ чистить сапоги, или ѣсть что-нибудь за обѣдомъ — и приказъ исполнялся свято, хотя за нечищенные сапоги больно били, а отъ

голова въ желудкѣ дѣлались спазмы. На робкій вопросъ хороненькаго Юдеи: «зачѣмъ это?» — онъ отрѣзывалъ лаконическое «такъ нужно» — и, принявъ суровый видъ, не входилъ ни въ какія объясненія. Онъ какъ будто пробовалъ силу своей власти надъ единоплемениками и испытывалъ ихъ терпѣніе.

Такъ какъ раввина достать было негдѣ, а начальство не могло допустить, чтобы мальчики воспитывались внѣ всякой религіи, то признано удобнымъ, чтобы разъ въ недѣлю они собирались въ особый классъ для чтенія Ветхаго Заветъа подъ руководствомъ православнаго законоучителя. Отецъ Василій, человѣкъ чрезвычайно мягкій, а больше апатичный, не позволялъ себѣ касаться еврейскихъ убѣжденій; онъ небрежно обходилъ спорные пункты и съ добродушнымъ любопытствомъ выслушивалъ ихъ галмудистскія толкованія. Евреи его полюбили и охотно ходили въ классъ; изъ всего начальства отецъ Василій былъ для нихъ единственный ласковый человѣкъ. Однажды какъ-то онъ прочелъ имъ изъ краткой священной исторіи главу о пророкахъ и, увлекшись, пустился объяснять смыслъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ; поощренныя всегдашнею его снисходительностью, мальчики дерзнули поднять споръ, окончившійся, конечно, не въ ихъ пользу. Янкель молчалъ и изподлбья сверкалъ глазами на своихъ наивныхъ, разбитыхъ на-голову товарищей... Послѣ этого цѣлую недѣлю онъ убѣгалъ въ темные закоулки, и никто не слышалъ отъ него ни одного слова. Юдеа насилу добился, чтобъ прогнѣвило Янкеля и чего онъ хочетъ, и волю Янкеля секретно сообщилъ своимъ.

На слѣдующій разъ евреи въ теченіи всего класса сидѣли молча, не отвѣчая на вопросы отца Василія, который, замѣтивъ что тутъ кроется злостный уговоръ, сѣлъ на учительское мѣсто и спокойно принялся читать принесенную съ собою книгу. Просидѣвъ свой часъ, онъ вышелъ, повидимому не придавъ нивакого значенія поведенію учениковъ.

Они ждали бѣды, но Янкель торжественно и съ увѣренностью сказалъ, что бѣды нивакой не будетъ. И точно, гроза прошла мимо; для евреевъ стало ясно, что Янкель умолилъ Бога, а потому учитель и не пожаловался полковнику, такъ ему Богъ повелѣлъ... Авторитетъ Янкеля приобрѣталъ мистическую силу.

Между тѣмъ это дѣло замаяли просто потому, что батальонъ ожидалъ со-дня-на-день инспекторскаго смотра, на которомъ должно быть блистательно обнаружено передъ начальствомъ, что *во внутренней части* все обстоитъ благополучно.

И дѣйствительно, смотромъ генералъ остался очень доволенъ, благодарилъ командира и офицеровъ; въ заключеніе спектакля

вызвалъ впередъ евреевъ, велѣлъ имъ окружить себя и, подозвавъ полковника, спросилъ: «довольны-ли вы ими?» — Но еще не успѣлъ полковникъ поднять руку подъ козырекъ, инспекторъ уже гаркнулъ: «спасибо ребята!»

— Ради стараться ваше-ство!—Знаю, что ведете себя хорошо. Изъ васъ выйдутъ вѣрные слуги государю и отечеству. Молодцы! Только надо отвыкать отъ старыхъ привычекъ, вредныхъ предразсудковъ. Понимаете вы меня?—Понимаемъ, ваше-ство!—Смотрите-же, помните, что у насъ царь одинъ и Богъ одинъ. Въ будущій разъ желалъ бы васъ поздравить съ новою честью и назвать своими дѣтьми наравнѣ съ прочими. Еще разъ—спасибо!—Ради стараться, васство!

— Кто изъ нихъ на лучшемъ счету у васъ, полковникъ?

— Авербухъ, ваше-ство. Авербухъ, три шага впередъ!

— Поздравляю тебя ефрейторомъ. — Ну, что же ты?

— Отвѣчай пра... почти беззвучно шевелилъ губами полковникъ.

— Благодарю вамъ покорно,—апатично проговорилъ Янкель.

— Дурракъ!.. крикнулъ генераль, но въ ту же минуту разсмѣялся. — Столбнякъ нашель, а? растерялся, ха, ха, ха! — Рекомендую вамъ, полковникъ, заняться имъ хорошенько. Исправность, исполнительность—качества похвальные, но военное образование впереди всего, оно—душа солдата. Займитесь имъ, и въ будущемъ году представить мнѣ его особо.

Возвеличенный вниманіемъ начальства, Янкель на другой же день по отъѣздѣ инспектора былъ вызванъ на квартиру полковника и тамъ выдранъ, хотя вележно, но такъ внушительно, что новый ефрейторъ понялъ съ-разу, что генеральское «рекомендую» не пропало даромъ—имъ начали заниматься.

Какъ ни старался Янкель, но за нимъ безпрестанно стали оказываться разныя провинности. Криво пришитая пуговица, отсутствіе подтяжекъ, неопрятность въ камерѣ во время его дежурства и проч. Кромѣ того онъ почему-то становился отвѣственнымъ лицомъ за всѣ проступки и неисправности товарищей. За все и про все отвѣчалъ Янкель, и наказанія сыпались на него изъ рога изобилія. Къ полковнику для вележныхъ внушеній его не водили, правда, и въ ротѣ торжественно подъ розги не вляли,—но поминутныя зуботычины, почти безсмѣнное дежурство днемъ и ночью, вѣчная брань—дѣлали его существованіе нестерпимымъ. А онъ все переносилъ стойчески, безъ унынія и ропота, и съ тайнымъ наслажденіемъ прислушивался, когда товарищи плакали объ участи своего Янкеля, называя его святымъ,

мученикомъ. Онъ не утѣшалъ ихъ, а хвастливо щеголялъ передъ ними своимъ равнодушіемъ.

Дѣла въ классѣ отца Василия тоже не могли оставаться въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи; онъ объявилъ ученикамъ, что «такъ какъ вы, ребята, весьма плохо читаете по-русски, то порядокъ занятій учреждается слѣдующій: одинъ изъ васъ поочередно будетъ читать вслухъ страничку изъ Священной исторіи, а потомъ я буду бесѣдовать съ вами о прочитанномъ; для этого вамъ будутъ розданы книжки, на пять человѣкъ одна, которыя прошу приносить съ собою».

Но въ слѣдующій разъ книжки были забыты учениками въ камерахъ, и за это весь классъ, вмѣсто обѣда, отправился на плацъ упражняться тихимъ учебнымъ шагомъ въ три приѣма, при чемъ человѣкъ пять были высѣчены (въ числѣ ихъ и хорошенькій Юдка) за то, что при маршировкѣ мало вытягивали носокъ и безобразно садились на колѣни.

Послѣ этого, казалось, порядокъ въ классѣ водворился; однако у перваго очереднаго ученика, который плаксивымъ голосомъ прочелъ страничку о жертвоприношеніи Авраама, на другое утро казенные сапоги оказались изрѣзанными въ мелкіе куски. Произведенное ротнымъ командиромъ строжайшее слѣдствіе не открыло виновныхъ, въ чемъ, впрочемъ, и особенной надобности не предстояло, ибо пострадали болѣе или менѣе всѣ евреи.

Однажды въ классъ отца Василия внезапно вошелъ полковникъ; читать поочередно приходилось Юдѣ. Мальчикъ всталъ, взялъ книжку, густая краска разлилась по его бѣлому нѣжному лицу, губы дрожали. Едва-едва прочелъ онъ, заикаясь, двѣ-три строчки, бѣгло взглянулъ на Янкеля и остановился.

— Ну, что-же остановился?—Ты, дѣвчонка, читай!—освирѣпѣлъ полковникъ.

Юдка молчалъ. По розовымъ щекамъ побѣжали слезы.

— Ага! это упорство. — Вотъ я васъ, ракаліи, переберу! Отойдн ты въ сторону; подай сюда книжку. Авербухъ, на, читай!—и съ этимъ словомъ начальникъ сунулъ книгу Янкелю.

Товарищи поблѣднѣли, замерли, ожидая, что будетъ.

Янкель безсознательно принялъ книгу отъ полковника; но вдругъ будто проснулся—швырнулъ книгу на полъ, отряхнулъ руки и, обтирая ладони о рукава куртки, обвелъ вокругъ себя взглядомъ полнымъ злобы и ненависти, затѣмъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Всѣ остолбенѣли, даже полковникъ не вдругъ могъ выговорить слово...

Но моментъ оцѣпенѣнія прошелъ, и послѣдовала развязка, соотвѣтствующая трагичности случая. Первымъ подвергся наказанію Юдка; въ это время на рыгаго Янкеля страшно было смотрѣть: лицо его судорожно, безобразно искажилось, но ни одной слезы, ни одного мягкаго душевнаго движенія на немъ не мелькнуло... Когда наступила его очередь лечь подъ розги, онъ какъ-то облегчительно вздохнулъ, какъ будто самая тяжелая часть операціи для него кончилась; но вдругъ съ пѣною у рта упалъ навзничь,—въ борьбѣ съ напряженіемъ воли, организмъ не выдержалъ. Посинѣлаго Янкеля отнесли въ лазаретъ.

Евреи совершенно упали духомъ. Они привыкли двигаться волею Янкеля и теперь не знали, что имъ дѣлать, въ какую сторону идти... Нужно было непременно войти въ сношеніе съ Янкелемъ. На третій день къ нему въ лазаретъ пробрался Юдка и принесъ оттуда товарищамъ странныя, смутныя извѣстія: къ Янкелю ночью приходилъ какой-то старецъ и сказалъ ему нѣсколько словъ величайшей важности... Старецъ этотъ былъ самъ праотецъ Авраамъ, а что сказалъ онъ, объ этомъ объявить теперь нельзя. Ждите. Каждый день Юдка приносилъ товарищамъ вѣсти все болѣе и болѣе загадочныя: Янкель уже выздоровѣлъ; — Янкель вчера цѣлый день пробылъ у полковника, но въ роту явится не скоро; — Янкель теперь сидитъ — читаетъ книжки, какъ приказалъ ему являвшійся вторично Авраамъ, съ другимъ еще болѣе великимъ старцемъ; — и когда все будетъ *готово*, Янкель придетъ и объявитъ, а до тѣхъ поръ приказываетъ: оставаться покойными и къ нему не приходите.

— Даже мнѣ запретилъ навѣдываться, — грустно прибавилъ Юдка, и кроткое, дѣвическое личико его омрачилось непривычною серьезною думой. Онъ не могъ поднять на товарищей своихъ печальныхъ глазъ, боясь выдать предчувствуемую имъ разгадку тайны Янкеля.

Черезъ двѣ недѣли Янкель явился въ роту. Это было утро въ классѣ отца Василя, который по болѣзни не пришелъ.

Янкель самоувѣренно занялъ его мѣсто и обратился къ товарищамъ съ еврейскою рѣчью. Долго говорилъ онъ и, казалось, съ каждымъ словомъ выростала его сутуловатая фигура. Голосъ звучалъ властью, въ немъ не было ни одной сомнительной или кроткой ноты, а мѣстами, когда ораторъ замѣчалъ между слушателями глухое, несмѣлое жужжаніе, рѣчь его переходила въ рѣзкій крикъ угрозы и негодованія... Онъ заключилъ такъ:

— Объявляю вамъ, это воля Іеговы. Въ дома нашихъ отцовъ намъ никогда не воротиться, да и незачѣмъ. Надо смо-

гнѣть впередъ, а кто смотритъ впередъ, тотъ пойдетъ за мною. Не говорю вамъ, что еврейскій законъ—дурной законъ; но исполнить его здѣсь мы не можемъ: нѣтъ раввина, нѣтъ синагоги, нѣтъ у насъ и субботы; — и ѣдимъ мы все трефное, гнѣвимъ Бога на каждомъ шагу,—стало быть, мы совсѣмъ дурные евреи. А зачѣмъ быть дурнымъ евреемъ, если можешь быть хорошимъ христіаниномъ? Намъ будетъ большая честь и деньги у насъ будутъ; съ деньгами мы займемся мастерствомъ, и всѣ русскіе будутъ въ насъ нуждаться, потому что мы умные люди. Насъ никто не принуждаетъ, помните это твердо. Мы грѣшили передъ начальствомъ, и я больше васъ всѣхъ виноватъ; вотъ на этомъ самомъ полу по моей винѣ проливалась ваша кровь... Такъ я хочу, чтобы по моей же винѣ вы возрадовались и жили счастливо. Такъ повелѣлъ Богъ, аминь! — Ну, подходите ко мнѣ всѣ, кто со мной согласенъ.

Робко подошелъ къ нему первымъ Юдка и зарыдалъ. Янкель поцѣловалъ его крѣпко, потомъ положилъ руку ему на голову и съ необыкновенною нѣжностью примолвилъ: — Милый, возлюбленный братъ, ты всегда будешь со мною... Прости меня за все!.. много ты потерпѣлъ черезъ меня...

Они еще поцѣловались, и даже Янкель заплакалъ.

Эта сцена сильно—сильнѣе всякихъ разсужденій—ударила на дѣтское чувство, давно уже не знавшее словъ любви и нѣжности. Подъ вліяніемъ мгновенно-вспыхнувшего энтузіазма, вся толпа бинулась обнимать своего вождя-мученика, который не могъ видѣть страданій своихъ братьевъ и которому являлся самъ Богъ, чтобы освѣтить душу его новымъ свѣтомъ...

II.

— Петръ Иванычъ, ты познакомь меня съ супругой-то твоей. Что это въ самомъ дѣлѣ за чепуха — держать жену взаперти! Точно ты турокъ какой... я хочу, чтобы она была моей ку-машкой.

Такъ говорилъ предсѣдатель казенной палаты, статскій совѣтникъ и кавалеръ Федоръ Федорычъ Міроносцевъ, высокій, среброголовый старый холостякъ, по протекціи котораго Слободинъ благоденствовалъ ассесоромъ и мѣтилъ уже въ совѣтники.

— Ваше превосходительство, вы оказываете намъ величайшую честь, но... мы люди простые, маленькіе, — мы должны знать свое мѣсто...

— Чепуха, чепуха, любезный! — самъ небось вездѣ бываешь, оно такъ и слѣдуетъ: ты человекъ молодой. Ну, и ей надо въ людяхъ пожить, не все-же ребячь нянчить, да огурцы солить. Вечеромъ я къ тебѣ приду—и дѣло съ концомъ.

Отговариваться было невозможно; Петръ Иванычъ поспѣшилъ домой, готовится къ приему почетнаго гостя.

Домовитость Слободина намъ извѣстна. По прїѣздѣ въ С. онъ исподоволь принялся устраивать свое гнѣздо и въ полгода обзавелся, какъ подобаетъ солидному чиновнику. Онъ купилъ домъ деревянный, весьма помѣстительный, съ обширнымъ мѣстомъ, половина котораго засажена деревьями, а другая оставалась пустыремъ и выходила тоже на пустырь въ отдаленной части города. За домъ онъ заплатилъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями,—сумма значительная, за то и домъ прекрасный: снаружи обшитъ тѣсомъ, внутри општукатуренъ, при немъ всѣ службы, анбары, колодезь и всенепремѣнно — баня. Семейному провинціальному чиновнику имѣть свой домъ въ то время считалось отнюдь не роскошью; жить на наемной квартирѣ было почти невозможно,—потому, что квартира въ городѣ не было, всякій строился самъ для себя,—да и неприлично — это позволялось только холостой молодежи. Слободинъ велъ жизнь скромную; разъ въ годъ собирались къ нему сослуживцы на именинный пирогъ, и этотъ день былъ въ домѣ необыкновеннымъ событіемъ, къ которому приготовления шли цѣлую недѣлю, мылись полы и окна, выколачивалась мебель, прикупалась посуда. Петръ Иванычъ самъ ходилъ по лавкамъ, выбирая разныя закуски, не забывая также насчетъ ямайскаго рома, московской дрей-мадеры, дюжины игоръ картъ и фунта американскаго вакштафу фабрики Мусатова. Анна Дмитриевна, кромѣ усиленной домашней стряпни, обязана была войти въ соглашеніе съ предводительскимъ поваромъ, касательно таковаго пирожнаго, въ середину котораго вставляется зажженная свѣчка; наконецъ, къ этому дню она шила себѣ новое платье и обмундировывала ребятиншевъ; но въ самомъ пиршествѣ не участвовала, къ гостямъ не выходила, это считалось даже неприличнымъ, обѣдала съ дѣтьми особо въ своей комнатѣ, разливала чай, наблюдала, чтобы все подавалось въ порядкѣ. Въ этой роли она чувствовала себя совершенно свободно, ей и въ голову не приходило обидѣться. Съ другой стороны и гостямъ не приходило въ голову знакомиться съ хозяйкой, которую они мелькомъ видѣли въ полупривторенную дверь. Эта азіятская черта въ жизни провинціального чиновничества сохранилась и до сихъ поръ: сколько и теперь встрѣчается франтоватыхъ чиновниковъ, являющихся

постоянно въ клубахъ, въ театрѣ, а женъ ихъ никто, нигдѣ не видитъ. Тутъ конечно сильно вліяютъ экономическія соображенія, во впереди всего пробивается то убѣжденіе, что я дескать глава дома, радѣтель и кормилецъ, отъ начальства уваженъ, стало быть могу жить какъ хочу, а вы, бабѣ, сидите смирно и благодарите за то, что я умѣю промышлять вамъ кормъ. Трудно сказать, кто болѣе деспотъ въ семьѣ — отѣвпшійся купецъ, или чиновникъ, ловко умѣющій промышлять сытый кормъ.

Посѣщеніемъ Міроносцева Петръ Ивановичъ былъ обрадованъ и озабоченъ. Съ одной стороны это большая честь, которою рѣдко удостоивались даже совѣтники палаты, а съ другой... какъ бы Анна Дмитріевна чѣмъ-нибудь не сконфузила, не выдала-бы какъ-нибудь своей крестьянской породы. Въ первый разъ въ голову Петра Иваныча забрались скверныя мысли, въ первый разъ ему показалось, что онъ женитьбой испортилъ себѣ служебную и свѣтскую карьеру. Увы, это дѣло непоправимое! — а позднее раскаяніе оставляетъ въ душѣ ненавистный осадокъ. Словодинъ злился, все въ его домѣ показалось ему неприличнымъ, жалкимъ, роняющимъ его дворянскую амбицію; даже на дѣтей онъ какъ-то безпричинно, безтолково прикрикнулъ, — и весь домъ пролиналъ гостя, надѣлавшаго столько хлопотъ и неприятностей.

Наконецъ, гость явился; хотя онъ пришелъ пѣшкомъ, но шествіе его было весьма торжественно. Онъ шелъ въ енотовой шубѣ, надѣтой на одинъ рукавъ и въ огромной мѣховой шапкѣ съ наушниками, сзади его шагалъ палатскій вахтеръ, неся въ одной рукѣ фонарь, а въ другой длинный чубукъ и кисеть съ табаконъ, — атрибуты, безъ которыхъ старикъ не выходилъ изъ дома.

Федоръ Федорычъ Міроносцевъ происходилъ изъ духовнаго званія, этого не скрывалъ, даже фамилію свою писалъ съ *ижицы*; только въ послѣднее время, съ производствомъ въ статскіе совѣтники и уступая духу времени, перемѣнилъ ижицу на *i*. Онъ считалъ себя великимъ философомъ и въ разговорѣ всегда довольно не тонко давалъ понять собесѣднику, что вы-де, любезный, имѣете дѣло съ человѣкомъ большого ума и обширной учености. Любимымъ конькомъ его были финансы, хотя по этому предмету онъ изучилъ только «Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ, Николая Мордвинова, 1816 г.»; но тѣмъ не менѣе втайнѣ мнилъ, что для устройства отечественныхъ финансовъ когда-нибудь онъ будетъ призванъ къ занятію высшей государственной должности, а потому къ настоящему своему мѣсту относился свысока и въ средѣ губер-

скихъ сановниковъ держалъ себя независимо. Губернатора, вышедшаго изъ офицеровъ Преображенскаго полка, онъ считалъ легкомысленнымъ юношей, шаркуномъ, мало-свѣдущимъ въ законахъ и неумудреннымъ въ наукѣ управленія. Ѳедору Ѳедорычу прощались всякія чудачества, ради той аксіомы, что философъ и ученый долженъ быть непременно чудачкомъ забавнымъ и безвреднымъ. Съ подчиненными Міроносцевъ былъ, какъ они сами утверждали, простъ; говорилъ всѣмъ *ты*; любилъ красиво переписанную бумагу и строгій дѣловой *штилъ*, *убоженный* разными *поколюку*, *кольми паче*, *надпяніе*, *вкупъ*, *воспященіе* и т. п. Старикъ и Слободина полюбили за то, что, какъ человѣкъ образованный, онъ скоро пріобыкъ въ совершенствѣ владѣть этимъ стилемъ. Совѣтники, въ особенности питейнаго отдѣленія, беззащитно брали взятки, а Ѳедоръ Ѳедорычъ это благодушно игнорировалъ; самъ онъ принималъ единственно только ежегодную опредѣленную дань съ откупщика,—и въ глубинѣ своей совѣсти считалъ себя человѣкомъ вполне безкорыстнымъ. Вообще противъ представленныхъ порядковъ онъ не шелъ, вѣровалъ въ безгрѣшные доходы, и воевалъ только съ мелкимъ чиновничествомъ, канцеляристами и писцами, которыхъ отечески журилъ за пьянство, нерадѣніе къ службѣ, иногда даже таскалъ своеручно за волосы и оставлялъ въ палатѣ безъ сапогъ, на хлѣбѣ и водѣ. За это палатская мелкота не сердилась и не обижалась, потому что Ѳедоръ Ѳедорычъ, хоть за виски и отгаскаетъ, а глядишь, къ празднику выдастъ каждому по нѣскольбу рублей изъ своихъ собственныхъ денегъ; но все-таки побитому человѣку нужно на чемъ-нибудь сорвать свое зло—и вотъ юные чиновники дали Ѳедору Ѳедорычу весьма мѣткое прозвище—«старая каретная лошадь», что чрезвычайно шло къ его громадной и нескладной фигурѣ. Въ обществѣ Міроносцевъ являлся только въ торжественныхъ случаяхъ съ своимъ кисетомъ и трубкой; нечего и говорить, что во многихъ семействахъ онъ былъ вумомъ и посаженнымъ отцомъ, но дамской компаніи не жаловалъ, называя барынь «модными прельстительницами». Особенно возмущало его, вошедшее тогда въ моду, употребленіе французскаго языка. Онъ хотя понималъ французскую грамоту, но выговаривалъ слова какъ латинскія, чѣмъ раза два насмѣшилъ публику; съ тѣхъ поръ и возненавидѣлъ этотъ языкъ. Онъ очень любилъ цвѣтоводство—лучшихъ георгинъ, розъ и тюльпановъ ни у кого въ городѣ не было, но неизвѣстно насколько его старое сердце было способно вообще къ нѣжнымъ чувствамъ; хотя и по этому предмету онъ состоялъ въ подозрѣніи у городскихъ вумушекъ, ибо почти еже-

дневно посѣщалъ жену зубного врача Вольфа. Этотъ Вольфъ или Вульфъ былъ какой-то неудавшійся нѣмецъ, онъ гдѣ-то былъ мозольнымъ операторомъ, но эта профессія привела-было его къ нищенству, ибо граждане не видѣли никакой необходимости въ срѣзываніи мозолей для того, чтобы исправно выполнять всѣ свои житейскія функціи. Совсѣмъ голодный Вольфъ пріѣхалъ въ С. и объявилъ себя зубнымъ врачомъ, но и тутъ дѣла его пошли отнюдь не блистательно: у жителей С. оказались такіе здоровые зубы, что глядѣть досадно, а если и являлись гнилозубые страдалцы, то прямо шли къ мѣщанину Соведралову, отлично заговарившему зубную боль. Эта конкуренція шибко подрѣзала нѣмца; его почти единственною, но и то секретною практикой осталась только губернаторская челюсть, которую онъ чистилъ аккуратно каждую субботу. Съ гора Вольфъ предался обдѣлыванію разныхъ чужихъ дѣлишекъ, сдѣлался благороднымъ факторомъ, и увѣрили, между прочимъ, что онъ подѣ рукой отдастъ на проценты капиталъ Міроносцева. Очень естественно, что, пока дантистъ бѣгалъ въ городъ по денежнымъ дѣламъ, Федоръ Федорычъ пилъ кофе съ его Луизой Карловной, обукивалъ ее облаками вакштафа и чмокалъ губами, созерцая дебелыя прелести этой бѣлобрысой нѣмки. Впрочемъ такія невинныя утѣхи нисколько не вредили репутаціи почтеннаго старика, пользовавшагося въ городѣ отиѣннымъ уваженіемъ.

Возвѣвъ въ гостинной на диванѣ передъ овальнымъ столомъ, Міроносцевъ перезнакомился съ семействомъ Петра Иваныча, приварядившимся по-праздничному.

— Такъ у васъ только трое дѣтѣвъ-то? спросилъ онъ Анну Дмитриевну.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, есть и четвертый-съ, — послѣшилъ успокоить его Слободинъ. Этотъ ужъ здѣшній уроженецъ, вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ родился-съ.

— А подайте-ка его сюда, здѣшняго уроженца.

Анна Дмитриевна вынесла на рукахъ годового Ваню.

— Выпшъ какой бравый карапузикъ! черномазенькій; тѣ вонъ у васъ все бѣленькіе, а этотъ чистый цыганенокъ; въ кого уродился, — ты, плутъ, отвѣчай въ кого? распутился старикъ.

При этихъ словахъ Анна Дмитриевна зардѣлась пятнами горячаго румянца и послѣшила отнести ребенка въ дѣтскую.

— Ну вы, молодцы, учитесь? хорошо учитесь? спросилъ старикъ, раскуривая свою трубку.

— Пока еще дома учатся-съ. Нашъ Предтеченскій священникъ ходитъ.

— Учиться надо, надо. Вотъ старшаго пора ужъ и въ гимназію, пора! хочешь въ гимназію, а,—хочешь?

— Нѣтъ, не хочу,—откровенно отвѣтилъ Алѣша.

— Э, братъ, это северно. А мундиръ хочешь носить? славный мундиръ у гимназистовъ. Чѣмъ ты хочешь быть, говори,—должно быть офицеромъ, а? а я тебѣ совѣтую быть нашимъ братомъ гражданскимъ чиновникомъ. У насъ вѣдь тоже мундиръ красивый.

— Ничѣмъ я не хочу быть.

— Какъ—ничѣмъ? мужичкомъ что-ли хочешь оставаться?

— Да, мужичкомъ лучше.

Гость расхохотался во все горло. Родители сконфузились.

— Ну, это, братъ, чепуха,—чепуха! Стыдно такъ говорить; кто тебѣ внушилъ такую чепуху?.. Петръ Иванычъ, ты старый педагогъ, учить тебя нечего; а нехорошо, что запустилъ таку мальчугана-то. Стыдно! Въ будущемъ августѣ непременно представь его въ гимназію. Можетъ, это баловень, маменькинъ сынокъ, а? Угадалъ я, Анна Дмитриевна?

Анна Дмитриевна, никогда не видавшая генераловъ, была очень смущена и открывала ротъ только для какихъ-то неясныхъ односложныхъ звуковъ. Къ счастью, поданный чай выручилъ ее изъ затрудненія.

— Покорнѣйше прошу откушать, сказала она; — съ чѣмъ вамъ угодно—съ ромомъ, или съ мадерой?

— Благодарю, сквозь зубы процѣдилъ старикъ, взявъ стаканъ.

Подававшая чай, Катерина отошла уступивъ мѣсто Личардѣ, представшему передъ генеральскія очи съ подносомъ, нагруженнымъ кренделями, лимономъ и двумя бутылками.

Какъ нерѣдко бываетъ съ людьми черезчуръ чиновными, Ѳедоръ Ѳедоровичъ вдругъ задумался, устремивъ неподвижный взглядъ на Личарду, но несомнѣнно блуждая мыслями въ какихъ-то высшихъ, невѣдомыхъ сферахъ, можетъ быть даже прозирая въ будущее Россійскаго государства. Личарда постоялъ съ минуту, и вида, что баринъ какъ-то чудно осовѣлъ, повернулся было съ своей ношей, но генераль ловко поймалъ его за ухо и ласково мягко притянулъ къ себѣ, приговаривая нараспѣвъ: «ос-тавь ма-де-ру! ос-тавь ма-де-ру! ос-тавь ма-де-ру!» Личарда поспѣшно поставилъ на столъ весь подносъ и выбѣжалъ изъ гостиной, прыснувъ неудержимымъ смѣхомъ. Петръ Иванычъ позеленѣлъ и многозначительно переглянулся съ женой.

Къ счастью, гость какъ-будто не обратилъ никакого вниманія на этотъ непристойный эпизодъ и повелъ рѣчь о умноженіи

богатствъ любезнаго отечества, нападать на роскошь, всѣ текущія финансовыя распоряженія обзывать чепухой и доказывать, какими мѣрами возможно скудость превратить въ обиліе, тощія источники оплодотворить, знатныя препоны превозмочь и вообще все размножить, разлить, населить и преобразить благополезно. Почтенный витія, окрыленный мыслью, что попалъ на свѣжихъ людей, слушавшихъ его въ первый разъ, былъ краснорѣчивъ необыкновенно. Алѣша между тѣмъ незамѣтно улизнулъ и забравшись въ дѣтскую, съ Личардой, принялся передразнивать гостя. — Чепуха, чепуха! — басилъ Алѣша. — Нѣтъ, это смѣшнѣе: оставь ма-де-ру! оставь мадеру! Мальчики хохотали до слезъ. Губернскій сановникъ и философъ въ ихъ глазахъ оказался просто шутъ гороховый...

Часу въ одиннадцатомъ вечера, окончательно устроивъ возжелѣнное благополучіе російскихъ финансовъ, Федоръ Федорычъ вспомнилъ, что пора домой.

— Такъ значить, въ воскресенье мы съ вами крестимъ, кумушка?

— А послѣ прошу покорно къ намъ на пироги.

— Хорошо, хорошо. На меня, признаться, губернаторша крѣпко гнѣвается, что не съ нею крещу; да вѣдь я ужъ такой — терпѣть не могу этихъ модницъ; я нарочно имъ въ пику. Русскій человекъ, люблю простоту, радушіе.

Хозяева, вланылись и за эту великую честь благодарили.

— Ничего, ничего; — а вотъ покороче познакомимся, такъ я примусь за вашихъ мальчишекъ. Петръ Ивановичъ совсѣмъ погрязъ въ службѣ, небрежетъ ихъ воспитаніемъ, небрежетъ; а вотъ мы съ кумушкой вникнемъ въ это дѣло, заведемъ настоящіе порядки. Серьезно, серьезно примемся.

Палатскаго вахтера, спавшаго въ кухнѣ, разбудили; онъ зажегъ фонарь, и Міроносцевъ двинулся въ обратное шествіе.

III.

Въ воскресенье послѣ обѣдни во многихъ домахъ города С. происходили тѣ же сцены, что и въ домѣ Слободина. Новокрещенаго Луку Федоровича, бывшаго Юдку, привезли изъ церкви, кормили и поили на убой, окружали необыкновеннымъ вниманіемъ и ласками, такъ что Лука Федоровичъ совсѣмъ ошатѣлъ, глядѣлъ вокругъ себя глупо и пугливо, какъ человекъ въ снѣ перенесенный изъ тюрьмы на незнакомый пиръ.

Пока въ гостинной совершалось торжественное сокрушеніе пирога съ вязигой, дѣти затащили Луку къ себѣ и подвергли обстоятельному допросу, что онъ за человѣкъ, откуда родомъ, какъ попалъ сюда и что съ нимъ будетъ дальше. Лука отвѣчалъ нехотя, односложными словами «да», «нѣтъ», «не знаю». Онъ рѣшительно не понравился дѣтямъ, которыя, послѣ тщетныхъ усилій вызвать его на откровенность, обратились къ своимъ дѣтямъ, оставивъ его въ сторонѣ одинокого, несмѣвнаго пошевелиться. Анна Дмитриевна, заглянувшая въ дѣтскую, погладила крестника по головѣ и объявила дѣтямъ, что они должны приваскать и полюбить Лукашу, потому что онъ теперь приходится имъ крестнымъ братомъ и что кромѣ ихъ у него на бѣломъ свѣтѣ никакой родни нѣтъ. Лука заплакалъ, вѣроятно въ эту минуту передъ нимъ мелькнула убогая корчма на Волыни, наполненная кучей ребятишекъ, грязныхъ, жующихъ чеснокъ, но милыхъ, близкихъ его сердцу, съ которыми теперь онъ порвалъ всякую связь, — да и они теперь его за своего уже не признаютъ. А съ новыми родичами у него еще не было, да и быть пока не могло ни одной связующей, внутренней ниточки; по своему прошлому, по складу понятій, по самымъ даже темнымъ симпатіямъ, онъ былъ чужой этимъ дѣтямъ, неумѣвшимъ лицемѣрить и едва-ли не впервые слышавшимъ, что они *должны* любить человѣка, котораго совсѣмъ не знаютъ. Для нихъ онъ былъ чужой — и они ему были чужіе. Дальше этого вывода мысль Луки была не въ состояніи двинуться. Чужой евреямъ — и русскимъ чужой. Что же мнѣ нужно сдѣлать, чтобы не быть здѣсь чужимъ? пробѣжало въ головѣ его, но онъ чувствовалъ, что безъ помощи Янкеля не рѣшить ему этого вопроса. А гдѣ теперь Янкель? Куда завелъ онъ насъ и неужели теперь бросить своихъ товарищей? Привычка повиноваться Янкелю пустила глубокіе корни.

А Янкель, ставшій Павломъ Николаевичемъ, былъ героемъ дня, и всѣ обстоятельства, какъ нарочно, такъ сложились, что не давали ни на минуту остыть разъ возбужденной въ немъ экзальтаціи. Воспріемниками его были губернаторша и жандармскій полковникъ. Изъ церкви губернаторша посадила Павла съ собой въ карету и привезла прямо къ архіерею, гдѣ собрались губерніскія власти. Тутъ Павелъ съ твердостью, недопуская ни какой нивакихъ сомнѣній, объявилъ, что чувствуетъ душевную потребность посвятить себя на служеніе церкви христовой и проситъ отправить его въ другіе города для обращенія кантонистовъ-евреевъ въ православіе. Онъ на болѣняхъ принялъ благословеніе; по залѣ раздался громкій говоръ одобренія. На разспросы окру-

жавшихъ онъ охотно рассказывалъ о бывшей своей ненависти къ христіанамъ и какъ потомъ явились ему видѣнія; онъ прозрѣлъ и ненависть мгновенно отпала отъ сердца... при чемъ слушатели невольно припоминали чудесное обращеніе св. Павла, въ честь котораго и дано Янкею это имя. Онъ сначала чувствовалъ смущеніе и доходившую до боли тревогу, видя себя предметомъ всеобщаго удивленія и любопытства; ему казалось, что даже портреты архіереевъ, развѣшанные по стѣнамъ залы, глядятъ на него изъ своихъ черныхъ рамъ, какъ на избранника, которому предстоитъ путь славнаго подвижничества; у Павла кружилась голова, сильно билось сердце, но скоро онъ овладѣлъ собою — и на рыжемъ, некрасивомъ лицѣ его нельзя было прочесть ничего, кромѣ сосредоточенной рѣшимости. Его повидимому уже не смущала эта губернская знать, среди которой онъ очутился впервые въ жизни; она поклонилась передъ его личностью...

Немедленно составилъ комитетъ, который постановилъ относительно Павла Николаева слѣдующія рѣшенія: представить куда слѣдуетъ объ исключеніи его изъ военной службы и зачисленіи въ семинарію на особыхъ правахъ; такъ какъ Павлу исполнилось уже семнадцать лѣтъ и онъ не былъ нисколько приготовленъ къ слушанію семинарскаго курса, то избавить его отъ изученія языковъ латинскаго и греческаго, а по остальнымъ предметамъ усилить классное преподаваніе занятіями на дому у отца-ректора и другихъ учителей, ради чего и помѣстить его въ архіерейскомъ домѣ. Самъ преосвященный принялъ на себя трудъ составить подробную программу занятій и поставилъ все это дѣло подъ свой ближайшій надзоръ. Само собою разумѣется, что Павелъ, какъ совершившій необыкновенный подвигъ, былъ представленъ къ особой исключительной наградѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ официальныхъ поощреній, тутъ-же, по предложенію откупщика, составила подписка, и въ пользу Павла собрана довольно значительная сумма, — онъ и во снѣ не видалъ такъ много денегъ, но еще разъ овладѣлъ собою — не прикоснулся къ деньгамъ, и просилъ архіерейскаго эконома взять ихъ на сохраненіе.

Павель сознавалъ себя необыкновеннымъ человѣкомъ.

— Ваше высокопреосвященство, — сказалъ онъ, смѣло пойдя къ архіерею. — Позвольте, чтобъ со мною былъ одинъ изъ моихъ товарищей. .

— Кто такой?

— Его зовутъ Лука, онъ крестникъ того генерала... забль фамилію... который въ казенной палатѣ сидитъ.

— А! Міроносцева Федора Федорыча?

— Такъ точно. Этотъ мальчикъ хорошій; онъ до сихъ поръ во всемъ мнѣ пособлялъ; за него я ручаюсь. А вдвоемъ намъ будетъ сподручнѣе исполнять наше дѣло и наукамъ обучаться легче. Сдѣлайте мнѣ эту божескую милость.

Начальникъ кантонистовъ подтвердилъ показаніе Павла, отпортовавъ, что Лука мальчикъ *нравственный* и вполне заслуживаетъ поощренія.

— Хорошо, хорошо. Тебѣ отказать невозможно, тѣмъ паче, что ты проникнуть похвальными намѣреніями.

Тотчасъ-же былъ посланъ квартальный съ запиской, просить Федора Федорыча пожаловать немедленно и привести съ собою крестника.

— Еще прошу одной милости, чтобы намъ ужъ не являться въ батальонъ. Это не потому я прошу, что тамъ нехорошо. Намъ было тамъ очень хорошо. Его высочайшее дворянство было для насъ все равно какъ родной отецъ, — и мы ихъ всегда поминать будемъ, — а такъ, чтобы свой-же братъ часомъ насъ не обидѣлъ. Сами знаете, ваше высочайшее священство, между шевальеами есть всякій народъ, иной глупый пожалуй еще смѣяться надъ нами станетъ, а для насъ теперь ужъ это нейдетъ, негодится.

— Ah, comme il envisage bien les choses; tout ce qu'il dit est très juste, très juste! Vraiment il est inspiré d'en haut... невольно восхлинула губернаторша.

Федоръ Федорычъ не замедлил явиться съ своимъ крестникомъ. Послѣ Слободянскаго пирога и дрей-мадеры старикъ чувствовалъ себя немного тяжело, а потому былъ ворчливъ и недоволенъ, что его потревожили. Въ кабинетѣ владыки, на секретной конференціи, выслушавъ рассказъ обо всемъ происшедшемъ безъ него и о принятыхъ резолюціяхъ, Федоръ Федорычъ едва не брякнулъ свое любимое—«чепуха», но во-время удержался, вникъ въ дѣло и сказалъ равнодушно:

— Что-жъ, пожалуй и такъ...

— Нѣтъ, вы кажется чѣмъ-то недовольны, Федоръ Федорычъ. Пожалуйста, выскажите ваше мнѣніе, критикуйте нашъ проектъ. Умъ хорошо, а два лучше. Вѣдь это дѣло слишкомъ серьезное.

— Знаю, что серьезное. Что-жъ мнѣ тутъ критиковать! Оно все ладно.

— Нѣтъ, вы что-то такое думаете... Ужъ видно, что скрываете особую мысль. Просимъ васъ высказать прямо. Отъ васъ мы привыкли слышать всегда умныя и здравыя сужденія.

— Да нѣтъ; оно ничего... Прожекты хороши; гм! все въ немъ соображено рачительно... Только... вѣдь я русскій человѣкъ, ужь извините...

— Говорите, говорите, Федоръ Федорычъ.

— И за русскаго человѣка готовъ рѣзать правду-матку. Въ мои годы мѣняться уже не приходится. Если хотите, сважу прямо — не слѣдуетъ давать такимъ знатнымъ привилегій... Во-первыхъ, потому, что за душевные подвиги и награда ниспосылается намъ душевная съ небеси, чуждая всякихъ земныхъ благъ; а второе — и главное — зачѣмъ же своихъ-то обижать? Вѣдь я самъ былъ семинаристомъ, знаю, какими тяжкими усиліями достаются имъ плоды познаній. Зачѣмъ же дѣлать исключенія? Несомнѣнно, это будетъ посягать между ними зависть... Не спорю, что новообращенные юноши заслуживаютъ поощренія; а развѣ между нашими-то мальчуганами, что въ затрапезныхъ халатахъ щеголяютъ, — нѣтъ примѣчательныхъ головъ, способныхъ... И пошелъ, и пошелъ расходившійся старецъ!

Но его умствованія были выслушаны какъ курьезъ и не возымѣли практическаго значенія. Федоръ Федорычъ былъ извѣстенъ вообще за вольнодумца, а въ настоящемъ случаѣ выказалъ себя чистымъ вольтерянцемъ. Многие двусмысленно переглядывались, пожимали плечами, даже губернаторъ и жандармскій штабъ-офицеръ улыбались, вслушиваясь впрочемъ весьма внимательно въ слова Федора Федорыча. Наконецъ разглагольствованія сего домашняго Вольтера были побѣдоносно опрокинуты притчею о блудномъ сынѣ, — Мироносцевъ умолкъ, — извинился и со всѣмъ согласился. Дрей-мадера изъ его головы уже совсѣмъ вышла.

Между тѣмъ въ залѣ Павелъ отвелъ Луку въ дальній уголокъ, переговорилъ съ нимъ шопотомъ, и, вѣжась, на еврейскомъ языкѣ, и потомъ спокойно представилъ отцу-ректору своего сподвижника.

Вечеромъ оба мальчика очутились въ опртной сухой комнатѣ, освѣщенной лампадкою; съ пріятнымъ ощущеніемъ небывалаго комфорта легли они спать на шерстяныхъ матрацахъ; кругомъ была такая тишина, пахло воскомъ; они долго не могли заснуть, разговаривая шопотомъ, пугливо вслушиваясь въ отдаленные шаги по каменнымъ плитамъ длиннаго корридора, — все это имъ казалось невѣроятнымъ, призрачнымъ, и они не были твердо увѣрены, что утромъ разбудить ихъ благовѣсть въ заутрени, а не барабанъ съ криками и руготнею въ ротѣ дежурнаго ефрейтора.

IV.

Міроносцевъ основательно перенесъ свою главную квартиру отъ докторши въ домъ Слободиныхъ. Надоѣло старику сидѣть съ бѣлобрисой нѣмкой, которая и по-русски-то плохо говорила, да едвали много и понимала; напрямѣръ, иногда Федоръ Федорычъ только что пустится философствовать и ворочать дѣлами всей Европы, а она вдругъ лѣзетъ съ кофеемъ; мужа вѣчно нѣтъ дома, бѣгаетъ по городу какъ гончая собака. Однимъ словомъ, скучно. А тутъ теплый семейный уголь, добрые хозяева, когда слушаютъ, такъ въ глаза даже смотреть, — дѣти, наконецъ. Старому холостяку у Слободиныхъ было очень пріятно. Придетъ изъ палаты, пообѣдаетъ, выспится, займется своими дѣлами, а вечеромъ ужъ непременно сидитъ у Анны Дмитріевны. Изъ дѣтей онъ полюбилъ больше всѣхъ Алѣнушку, дарилъ ей куклы и конфеты; Колю тоже миловалъ, къ одному Алѣшѣ былъ холоденъ; спрашивалъ, каково онъ учится, читалъ наставленія и налегалъ больше на то, чтобы ему отнюдь не давать потачки, — «возрастъ такой, что ты долженъ постоянно сидѣть за книжкой, а не повѣсничать», — твердилъ онъ каждый день суровымъ тономъ.

Какъ ни смѣшно и ни странно покажется, а сѣдовласый старецъ питалъ какую-то личную вражду къ двѣнадцатилѣтнему мальчику, какъ къ человѣку съ нимъ равному, который можетъ обидѣть и съ которымъ можно помѣряться силами. Онъ не могъ забыть глупый смѣхъ Личарды въ первый вечеръ у Слободиныхъ, и ему казалось, что Алѣша непременно сочувствовалъ этому смѣху, онъ же тогда выбѣжалъ изъ гостинной и навѣрное зубоскалилъ съ этимъ хамовымъ отродьемъ. И мы знаемъ, что въ этомъ Федоръ Федорычъ не ошибался. Потомъ онъ всегда замѣчалъ въ глазахъ Алѣши какую-то нестерпимую независимость, задорную веселость, которая какъ-будто дразнила его. Одинъ разъ онъ увидѣлъ, какъ Алѣша надѣлъ его мѣховую картузь съ огромными ушами и сдѣлавъ уморительную рожицу, бормоталъ «чепуха, чепуха». Федоръ Федорычъ издали погрозилъ на него чубукомъ, не сказалъ ни слова, но еще пуще возненавидѣлъ рѣзваго мальчугана. Алѣша платилъ ему тѣмъ же; такимъ образомъ, между старцемъ и ребенкомъ установился скрытый антагонизмъ, готовый всякую минуту разразиться какою-нибудь рѣшительною баталіей. А пока—Міроносцевъ донималъ его косвенно и злобно радовался, что маленькій врагъ будетъ раздавленъ непомернымъ зубреньемъ.

Алёша точно видѣлъ, что по милости «чепухи» до него сильно добираются и никакъ не миновать ему «дворянской» науки. Вѣсто одного предтечинскаго поща, съ которымъ Алёша втихомолку кое-какъ долбилъ священную исторію, русскія склоненія, да таблицу умноженія, день за день, не торопясь (и любезное было дѣло!), въ одинъ недобрый день явилось вдругъ три учителя: молодой преподаватель гимназіи Рафаалевъ, землемѣръ Сѣдовъ и нѣмецъ Клоцманъ. Натащили эти злодѣи новыхъ книжекъ, разныхъ грамматикъ, лексиконовъ, Меморскаго ариѳметикъ, географію, да карты пяти частей свѣта, да прописи новыя,—сѣда! Денегъ что перебрали отъ отца, завели тетрадки, гдѣ отмѣчалось знаніе уроковъ, прилежаніе и поведеніе,—словомъ, скрутили молодца со всѣхъ сторонъ. Былъ мартъ мѣсяць, прилетѣли жаворонки, въ саду изъ-подъ чахлаго снѣга обнажались зеленовато-бурыя лужайки, вода мутными ручьями журчала и буравила землю, солнечные дни становились теплѣе, верба одѣлась сѣренькимъ пухомъ,—тутъ бы самая настоящая пора приняться за какое-нибудь свое вольное дѣло на весеннемъ воздухѣ, а отецъ, собравъ всѣхъ учителей, строго-на-строго объявилъ, чтобы ежедневно заниматься съ каждымъ по часу, проходить все по программѣ и такъ разсчитать прохожденіе, чтобы къ августу сынъ былъ совершенно готовъ поступить въ первый классъ тогдашней четырехклассной гимназіи, т.-е. пройти весь курсъ уѣзднаго училища, и даже нѣсколько больше, особенно въ языкахъ, для того, чтобы потомъ въ гимназіи было легче, и чтобы онъ непременно сталъ первымъ ученикомъ въ классѣ, какъ подобаетъ сыну челоуѣка, который самъ подвизался на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Объявленіе это было сдѣлано при такой торжественной и официальной обстановкѣ, что не только прямо заявить о нежеланіи учиться, но даже сдѣлать какое-либо возраженіе было рѣшительно невозможно. Выслушавъ свой приговоръ, Алёша кинулся къ матери, на ея груди выплакать свое горе. Мать дѣйствительно улучила часокъ съ нимъ поплакать,—приласкала, дала ему блюдечко варенья, но грозы отвести не могла.

— Что дѣлать, сыновъ! Такая ужъ ваша доля, чтобы молодца за книжкой сидѣть. Терпи,—челоуѣкомъ будешь. Вонъ отецъ-то и Колю велѣлъ за азбуку посадить. Что дѣлать-то! За то умный будешь, чины получишь, генераломъ произведутъ, вонъ какъ Федора Федорыча.

— А если я не хочу. Вѣдь вы сами, мама, говорили, что въ деревнѣ житье лучше, и я также думаю. Я когда-нибудь вѣдьму да и убѣгу къ дѣдушкѣ.

— И не думай ты объ этомъ, дурачокъ! Еще вотъ что: отецъ ужъ давно велѣлъ растолковать вамъ, чтобъ вы зря не болтали про дѣдушку, это стыдно...

— Что стыдно, мама? Что стыдно?

— Ну, вотъ то и стыдно, что при всѣхъ болтаете. Мало ли что бываетъ!.. Оно конечно, родню любить Богъ велѣлъ, и всякому человѣку званіе положено-свыше... Ты и люби дѣдушку, за это Богъ тебѣ счастье пошлетъ. А только при всѣхъ кричать, что у меня вотъ дѣдъ мужикъ — тоже не годится. Видишь самъ теперь, какое у отца знакомство заводится, на благородную ногу всѣхъ насъ поставитъ хочеть, такъ ужъ оно и непристойно выходитъ про мужика-то; отецъ этимъ огорчается...

Анна Дмитриевна тяжело вздохнула. Она путалась въ рѣчахъ, которыхъ фальшь сама глубоко чувствовала, и наклонилась къ шптъю, чтобы сынъ не заглянулъ въ ея полныя слезъ глаза. Алѣшу такъ озадачили слова матери, что онъ забылъ все горе настоящей минуты и словно въ пропасть провалился: передъ нимъ съ неотразимою силою всталъ весь міръ его дѣтства, проснулись отрывчатая, но яркія, какъ молнія, впечатлѣнія, замелькали знакомые образы и манили къ себѣ... Онъ долго молчалъ, какъ будто отыскивая въ прошломъ какую-нибудь точку опоры для своихъ вдругъ опрокинутыхъ понятій; ему захотѣлось поразить мать, заставить ее высказаться яснѣе — и онъ выбиралъ, чѣмъ бы ее зацѣпить за живое.

— А я помню, какъ вы съ папой вѣвчались... выговорилъ Алѣша нерѣшительно.

— Шпль... что ты, что ты, Господь съ тобой! Какіе пустяки тебѣ на умъ приходятъ! пугливо взглянула на него мать.

— Нѣтъ, не пустяки... Это я очень помню... на васъ было синее матерчатое платье, а паленка на полъ упалъ съ дивана...

— Это кто-нибудь рассказывалъ, а тебѣ ужъ мерещится, что видѣлъ. Плюнь да перекрестись.

— Нѣтъ, видѣлъ, — настаивалъ Алѣша. Объ этомъ никто не говорилъ, и вы никогда не вспоминаете, точно этого не было, а вѣдь оно было же. Развѣ можно сдѣлать такъ, чтобы не было того, что взаправду было? Вѣдь я помню все, что было...

— Было да прошло. А тебѣ лучше объ этихъ глупостяхъ не думать, а тѣмъ больше не говорить.

— Можетъ, тоже стыдно?

— Нишкни, вотъ и все. Выростешь большой, все узнаешь... тогда, можетъ, сама тебѣ все скажу. А дѣтямъ это знать негодится; дойдетъ до отца, такъ онъ тебя... и, бѣда! въ гробъ вто-

нѣтъ.. Боже тебя оборони при немъ, или при комъ другомъ проговориться!.. Соколикъ ты мой... вѣдь больше свѣта бѣлаго... люблю тебя!.. Да что намъ съ тобой дѣлать-то?.. вдругъ порывисто и нервно приласкала сына Анна Дмитриевна и залилась слезами.

Разумѣется, и Алѣша расплакался, однако въ головѣ его гводемъ засѣли вопросительные крючки: что стыдно и что не стыдно? и почему оно стыдно? и отчего не позволяютъ знать того, что непременно нужно узнать, и еще обзываютъ это пустяками,—а вонъ какую-нибудь латинскую грамматику знать со всѣмъ не любопытно, а заставляютъ,—почему же все это идетъ вверхъ ногами? И въ чемъ тутъ штука?

Уже не въ первый разъ Алѣша наталкивался на такія житейскія явленія, въ которыхъ было что-то неладное; но никогда еще они такъ больно не врѣзывались въ самую глубь его внутреннего міра, какъ теперь. Справиться съ ними, одолѣть ихъ—не хватало дѣтскихъ силъ, а оставить нерѣшенными, отложить въ сторону и,—какъ дѣлаютъ многія дѣти,—принять на вѣру то, что говорятъ старшіе, онъ не могъ,—не такова была его натура. И вотъ въ немъ возникла живая потребность имѣть подлѣ себя такого человѣка, съ которымъ было бы можно перетолковать обо всѣхъ самыхъ важныхъ предметахъ. Ближе бы всѣхъ, казалось Алѣшѣ, поговорить по душѣ съ отцомъ и матерью, но онъ уже уразумѣлъ, что мать сама нуждается въ томъ же и способна только поплакать вмѣстѣ съ нимъ;—а отецъ... странное дѣло!.. Алѣша сознавалъ, что отецъ человѣкъ добрый, хорошій, но одинъ только разъ въ жизни распахнулась для Алѣши душа отца и обдала его всѣмъ пыломъ правдивой искренности—это послѣ поджога дома Милонова, а затѣмъ отецъ для Алѣши ни разу не былъ живымъ человѣкомъ: онъ какъ будто и дома также служилъ, какъ служить въ палатѣ, т. е. наблюдалъ, чтобы всѣ подчинялись кѣмъ-то установленному порядку и самъ старался быть олицетвореніемъ этого порядка... Коля, Алѣна, Ваня—объ нихъ даже и не думалъ Алѣша,—они въ домѣ жили и росли, какъ живутъ и растутъ маленькіе котята—пищать и ѣсть просить, больше ничего. Остался вѣрный Личарда, но онъ былъ отличнымъ товарищемъ тамъ, гдѣ требовалась ловкая, практическая смѣлка, мускульная сила, плутоватая сваровка, а спроси его, что такое наша жизнь и отчего она такая,—онъ глубокомысленно засунетъ въ носъ пальцы, или пуститъ по столу волчоёвъ, смастеренный изъ пуговицы, которую вчера гдѣ-то стибрилъ. Разъ протрели его воровскою петлей,—такъ онъ и остается вѣренъ этой клятвѣ. Итакъ, кругомъ никого.

И эти бесплодные исканія, эта болѣзнь психическаго роста, какъ разъ совпала съ усиленными учебными занятіями. Три учителя постарались и произвели въ головѣ мальчика невообразимую хаосъ. Онъ зазубривалъ все, что ему давали; слова латинскія, французскія и нѣмецкія сталкивались въ головѣ его; грамматическія правила съ ихъ исключеніями ложились рядомъ вогдѣ опредѣленій ариметики, и все это перепутывалось названіями морей, рѣкъ, горъ и т. д. Отличная память Алѣши заваливалась всякимъ мусоромъ, острая впечатлительность притуплялась; мышленіе, не находя простой реальной пищи, обратилось назадъ къ прошлому и, переключая на тысячу ладовъ старый матеріалъ, задерживалось въ потемкахъ. Алѣша похудѣлъ, захирѣлъ, а Ѳедоръ Ѳедорычъ одобрително кивалъ головою, выслушивая разговоры Петра Ивановича объ успѣхахъ сына.

— Такъ-такъ-такъ! твердилъ старикъ. Я помню, когда насъ учили, такъ бывало—и уроки громадные зададутъ, и письменныя упражненія, и конспекты,—голова трещить, ходишь какъ угорѣлый, плачешь,—а потомъ все въ пользу пошло. Голова наша подобна кладовой, въ которую складывай все, что хочешь,—пускай лежитъ; глядишь—оно когда-нибудь пригодится. Главное надо фактовъ,—фактовъ больше забирать, а умозрѣніе—это дымъ чепуха, даже оно для молодой головы опасно. Возмужаешь, въ тогда и строй какія угодно умозрѣнія, ибо основанія-то для нихъ,—факты—запасены въ достаточномъ количествѣ. Верхоглядомъ не будешь.

Петръ Ивановичъ, обработанный въ школѣ тѣхъ же возрѣній, какъ и Міроносцевъ, совершенно съ нимъ соглашался; кромѣ того, въ немъ теперь сильно дѣйствовало желаніе угодить начальнику, который удостоилъ его особеннаго расположенія. Ужъ не говоря о томъ, что Петръ Ивановичъ вотъ-вотъ обихаживалъ мѣсто совѣтника палаты,—онъ простиралъ свои виды гораздо дальше: ему хотѣлось выбиться изъ темнаго положенія, втереться въ ряды провинціальной знати и самому стать сюдою, а «старая каретная лошадь» могла еще вывести по этой дорогѣ.

Ненавистный старецъ торжествовалъ побѣду. Алѣша дѣйствительно былъ придавленъ, и ненависть свою къ Ѳедору Ѳедорычу перенесъ на крестника его Луку, котораго онъ прозвалъ «чепухинскимъ панничемъ». Лука изрѣдка приходитъ къ нему уже превращенный изъ кантонистской куртки въ долгополый сюртукъ семинариста и чрезвычайно важничалъ. Онъ хвастливо рассказывалъ, какъ съ Павломъ Николаичемъ ѣздили они по разнымъ городамъ, обратили болѣе двухсотъ евреевъ въ христіанство, и ка-

кой имъ быть вездѣ почетъ, какая похвала. По сту рублей денегъ въ награду получили и со временемъ будутъ не только помани, а можетъ еще и больше; въ каретахъ ѣздить будутъ.

— Хвастай, хвастай! А все-таки ты свиное ухо и больше ничего, замѣтилъ Алѣша.

— Вы не ругайтесь, паничъ; знаете что? это нехорошее слово; я буду папеньку жаловаться.

— Паничъ, ха-ха-ха! Вотъ удрасть! Папень-ку жаловаться!.. По каковски это ты говоришь-то, паничъ? ха-ха! хохоталь Алѣша, впервые услышавъ это слово. Самъ ты паничъ чепухинскій.

— А правда ли, что вамъ уни обрѣзать будутъ, потому больно велики? съострилъ Личарда.

— Вы мишурись, значить—лакей, и я съ вами говорить не могу.

— Не можешь? Ну, такъ я тебя по сусаламъ. Давай на кулочки, становись!

— Не хочу я этого, потому что это очень низкое дѣло.

— Ага, струсил! Нѣтъ, мало васъ крестили, вотъ я окрещу, такъ ужъ жидовскій-то духъ весь вышибу.

— Оставь его, Яша. Развѣ не видишь, что онъ сейчасъ разрюмится, плакса этакая! Еще своей «чепухъ» поидеть жаловаться. Погоди, и безъ насъ ему въ семинаріи бова отшлифуютъ. А ты, проповѣдникъ, скажи-ка мнѣ лучше вотъ что: есть у васъ семинаристъ Сіонскій?

— Сѣнскій? переверкаль Лува.—Нѣтъ, такого я не знаю. Казенныхъ нѣкоторыхъ мы знаемъ, а этотъ вѣрно изъ тѣхъ, что живутъ по квартирамъ. Мы живемъ въ архіерейскомъ дому, намъ съ такими водиться запрещено. Мы особы.

— Ишь ты, важнѣ кушанье! и Личарда ловко влѣпилъ ему щелчокъ по уху.

— Ну, такъ ты смотри, непременно мнѣ узнай, есть ли у васъ Сіонскій,—Адріанъ Сіонскій,—не забудь и не переверни.

— Зачѣмъ врать! я узнаю аккуратно.

— То-то, смотри, Чепухинскій паничъ,—узнай все, какой онъ изъ себя, дружень ли съ товарищами и гдѣ живетъ. Ну, а теперь—маршъ изъ моей комнаты: мнѣ еще нужно «деръ-ди-дась» для проклятой Клецки вызубрить.

V.

Черезъ двѣ недѣли явился Лука Ѳеодорычъ. Являлся онъ всегда по праздникамъ, послѣ обѣдни; первымъ дѣломъ цѣловалъ руку крестной маменькѣ, потомъ угощался чаемъ и пирогами. Ѣлъ много; впрочемъ совсѣмъ не такъ, какъ ѣдятъ голодные, — видно было, что чай и пироги ему совсѣмъ не рѣдкость. Вообще онъ глядѣлъ самодовольно и любилъ шевелить въ карманѣ деньгами. Коммерческія наклонности его племени тоже пробивались въ немъ наружу: онъ выманилъ у Коли серебряный свистокъ, обѣщавшись починить его, или взамѣнъ принести новый. Съ Алешей помѣнялся перочиннымъ ножичкомъ, взявъ себѣ, конечно, лучший, да еще просилъ пять копѣекъ придачи. Всякую вещь онъ осматривалъ внимательно, съ толкомъ и сейчасъ же назначалъ ей цѣну.

— Хорошая у васъ жилетка, — пошитъ такую два рубля стоить. Или: — славная эта чернильница, только крышечка въ ней не серебряная, больше десяти копѣекъ за нее дать нельзя, апликѣ, — глубокомысленно объяснялъ Лука Ѳеодорычъ.

— Ну, что же, узналъ про Сіонскаго?

— Узналъ.

— Говори, что узналъ?

— Пфе!

— Что это значитъ — пфе? Ты говори толкомъ.

— Вамъ съ нимъ знаться нейдетъ. Лука сдѣлалъ презрительную мину.

— Отчего нейдетъ? Да ты вого спрашивалъ-то?

— Все наше начальство держать его на худомъ замѣчаніи.

— А товарищи что говорятъ?

— Товарищи, извѣстно, ничего, потому сами такіе же. Даже намъ сказано, чтобъ мы не дружились съ г. Сіонскимъ.

— Кому это вамъ?

— Павлу Николаичу и мнѣ.

— А товарищи любятъ его?

— Мы этого не знаемъ; а только что его часто наказываютъ, потому что трубку курить и такой грубый супротивъ начальства. Онъ ужъ большой — ему 20 годовъ, ужъ онъ другой годъ сидитъ въ философіи.

— Стало быть онъ умный.

— Какой умный! Когда бы умный былъ, сдѣлалъ бы такъ, чтобъ и начальство его уважало, а не то, что всякую недѣлю

пороща. Умный! — усмѣхнулся Лука. — Еслибъ вы видѣли, — совсѣмъ бѣдный, сапогъ не имѣеть... и прибавилъ шопотомъ: — говорятъ, онъ водку даже пьетъ. Худой такой.

Алѣша призадумался. Онъ не ожидалъ такихъ извѣстій, но не совсѣмъ довѣрялъ показаніямъ панича, очевидно, исходившимъ изъ точки зрѣнія начальства, съ примѣсю безгласности сытаго фаворита къ голодному и можетъ быть несправедливо гонимому товарищу.

— Мы пойдемъ къ нему, Яша;—вдругъ рѣшилъ Алѣша.— Гдѣ онъ живетъ?

— Туточки недалеко, за вашимъ пустыремъ, въ домѣ Бѣлвиной. Только не совѣтую ходить: папенька узнаютъ, очень сердиться будутъ, и мнѣ достанется, что указать.

— Пошелъ вонъ, чепухинскій паничъ! Не тебѣ меня учить, не твое дѣло! А коли налягузничаетъ, такъ мы тебя отколотимъ на всѣ корки. Смотри, — помни!

И выбравши одно удобное послѣ-обѣда, когда всѣ въ домѣ легли отдыхать, Алѣша съ Личардой перебѣжали пустырь; домишко Бѣлвиной оказался шагахъ въ пятидесяти отъ Слободинскаго плетня. Молодая и красивая баба, сидѣвшая у калитки, указала, что надо идти въ огорода, тамъ въ банѣ и живетъ поповичъ.

Поперекъ огорода госпожи Бѣлвиной лежалъ земляной валъ, остатокъ стариннаго укрѣпленія, оборонявшаго городъ. Кто говорилъ, что этотъ валъ насыпанъ противъ Пугача, — кто утверждалъ, что это была граница татарщины, — вѣрнаго ничего обыватели не знали. Мѣстами онъ былъ совсѣмъ скрытъ, гдѣ того требовала новѣйшая планировка города, а на пустыряхъ, садахъ и огородахъ онъ до сихъ поръ лежалъ зеленымъ горбомъ сажени въ три вышиною. Госпожа Бѣлвина очень искусно пристроила къ этому валу баню, такъ что три стѣны были врѣзаны въ землю, а четвертая глядѣла на свѣтъ маленькими одностекольными оконцами. Чтобы войти въ это зданіе нужно было спуститься на четыре ступеньки и наклонить голову передъ низенькой дверью, за которою теперь раздавалось пѣніе довольно хриплаго баритона. Онъ пѣлъ: «Отъ юности моя мнози бьютъ мя напрасно! Оса-анна заступи!..»

Посѣтители, войдя въ передбанникъ, увидѣли, что пѣніе это производитъ человѣкъ, лежащій на лавкѣ кверху носомъ, въ одномъ бѣльѣ и босой, закинувъ руки подъ голову.

— Здѣсь г. Сіонскій живетъ?

— Я Сіонскій. Кому меня надо? — не пошевелившись съзаль обитатель бани.

— Вашъ братъ, Фортификантовъ, былъ моимъ учителемъ въ N. Онъ просилъ, чтобъ я непременно съ вами познакомился, вотъ я и пришёлъ... Извините... бормоталъ Алёша.

— Значить вы Слободинъ,—знаю. Братъ написалъ мнѣ про васъ изрядную эпистолау; съ знакомымъ мужичкомъ переслалъ. Давно, давно ужъ это было. Что-жъ вы до сихъ поръ не приходили?

— Не зналъ, гдѣ вы живете.

— Ревонъ. А я думалъ, что вы, какъ и вообще всѣ дворянчики, гнушаетесь нашимъ братомъ, а вы ничего... Ну, спасибо. Садитесь, юнецъ. Будемъ знакомы. Алексѣй... а какъ по батюшкѣ? Кажется, Петровичъ, такъ? Садитесь-же вотъ тутъ, Алексѣй Петровичъ, — сказала Сіонскій, подвигаясь на лавкѣ. — А это кто съ вами?

— Нашъ мальчишъ... Алёша запнулся, не зналъ подъ какии титуломъ рекомендовать Личарду.

— Изъ дворовыхъ, значить, — подсказалъ Сіонскій. Садитесь и вы — на чемъ стоите.

Алёша вдругъ растерялъ всѣ мысли, не зналъ зачѣмъ пришёл и о чемъ вести разговоръ. Онъ осматривался кругомъ, какъ будто стараясь прежде освоиться съ обстановкой новаго знакомаца. Запахъ мыльной воды и березовыхъ вѣшниковъ сильно билъ въ носъ. На полу валялись тетради и обтрепанныя учебныя книги, на окнѣ помадная банка съ чернилами, нѣсколько сухихъ, обгрызенныхъ перьевъ. На стѣнѣ висѣла фуражка и длинный демикатоновый спортуеъ; остальные принадлежности туалета, на лавкѣ свернутыя въ комокъ, служили изголовьемъ хозяина. Сіонскій часто кашлялъ и харкалъ съ какии-то ожесточениемъ; блрое рябоватое лицо его съ небольшимъ остренькимъ носикомъ и черезчуръ высокимъ лбомъ, надъ которымъ торчали жиденькія кудреватые волосы, — было почти безжизненно, когда онъ молчалъ и закрывалъ глаза. Въ разговорѣ онъ оживалъ, торопился и немножко шепелявилъ, глаза бѣгали быстро, губы складывались насмѣшливо.

— Хижину мою разсматриваете? — обратился онъ къ Алёшѣ, и самъ же отвѣчалъ: да, тутъ жить великолѣпно. На дворѣ жарить, а у меня холодокъ; мухъ нѣту, а тишина-то какая — рай! Онъ проговорилъ это тономъ счастливейшаго человѣка и досталъ изъ-подъ изголовья кисеть, огниво и коротенькую трубочку, которую тщательно продулъ и набилъ табакомъ.

— Давно вы тутъ живете?

— То-то и бѣда, что недолго мнѣ ликовать въ этомъ дворцѣ. Новѣйшій годъ, какъ распустили насъ на вакацію, — мнѣ ѣхать куда, вотъ я и перебрался сюда на лѣто. Спасибо, хозяйка добрая, пустила по знакомству; я за то ей библиотеку привелъ въ порядокъ. Славная библиотека! послѣ мужа ей досталась — жаремъ былъ; я пользуюсь тамъ много. Ну, такъ вотъ-съ и живу тутъ пока; а зимой не знаю какъ... впрочемъ, все лучше, чѣмъ общая квартира, — вы представить не можете, что это за мерзъ такая! Хотите? — Онъ вынулъ изо-рта трубку, сплюнулъ, обтеръ муштучекъ пальцами и подалъ Алѣшѣ. Аль, можетъ, еще не курите?

— Не вую.

— И добро, что не курите. Это самая поработительная примочка. Ну-съ, какимъ же премудростямъ обучалъ васъ злополучный мой frater?

— Проходили священную исторію до царей; грамматику было начали немножко; четыре правила ариеметки, и только.

— Значить, онъ не подлець. Это онъ могъ. А я думалъ... ха-ха-ха! Ну, а теперь что же вы дѣлаете?

Алѣша развязался и подробно пересказалъ всѣ свои учебныя пытки. Когда онъ перечислялъ предметы, которые заставляютъ его зубрить, Сіонскій иронически поддакивалъ: «Эге! Туда!—Ишь ты! Жарь его!»—и залился смѣхомъ въ перемежку съ кашлемъ.

— Экъ черти, шарлатаны проклятые! Это они въ три руки привалили васъ хлестать... Ну, не подлый ли народъ? — А вѣдь все изъ алчности гнусной... А, чтобъ имъ!

— Говорять, иначе нельзя, — не успѣю въ августу приготовиться въ 1-й классъ гимназіи.

— Не успѣю! да нешто вы рѣпа? Вонъ рѣпа и та успѣваетъ въ свое время, — а какъ-же можно по заказу такъ пригнать человѣческую голову... Эхъ-хе-хе!

— Я по секрету вамъ скажу, — продолжалъ Алѣша, ободренный сочувствіемъ въ своему положенію:—этого желаютъ мои родители, а я... я бы вовсе не хотѣлъ учиться. На что мнѣ эта наука? Я хочу быть простымъ человѣкомъ, а вовсе не какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ...

Сіонскій сильно затянулся изъ трубочки и медленно выпуская дымъ, глядѣлъ на Алѣшу вопросительно, какъ будто собирался что-нибудь сказать своимъ остренькимъ носикомъ. Тотъ потупился и вслушался своей откровенности.

— Да-а... да, вотъ что! соображалъ философъ. Ну, это тре-буеть разсмотрѣнія... Оно конечно, видно, что вы паренекъ добрый, лучше быть просто человѣкомъ, ибо нѣтъ ничего выше homo sum... и шабашъ! И опять же вы правы, что эта наука ни къ чорту не годится; только позвольте прежде всего разберемъ: развѣ это вотъ наука, что теперь веолачиваютъ въ васъ? Это вотъ что... и Сіонскій, рѣзко свиснувъ, кликнулъ:—Стульгусъ сюда! шершъ! При этомъ дверь изъ бани выпихнулась, и красивый бѣлый пудель кинулся на грудь къ своему хозяину. Алѣша и Личарда струхнули и попятились отъ собаки, которая съ визгомъ и лаемъ перепрыгивала черезъ протянутую ногу Сіонскаго, приносила ему изъ угла брошенный кисеть, становилась на заднія и на переднія лапы, и послѣ каждой штуки подобострастно глядѣла въ глаза, ожидая новыхъ приказаній.

— Ну, вушь тутъ! смирно, Стульгусъ! Такъ это вотъ что-съ, а не наука... Они вамъ этого не скажутъ. Понимаю очень, что вы затѣмъ и пришли ко мнѣ... (Сіонскій присосанился какъ-то покровительственно и съ глубокимъ чувствомъ собственнаго величія). Нашимъ братомъ гнушаются, а что ни говори, все-таки мы свѣтильники, почерпнуть кое-что отъ насъ можно. Такъ-ли? Я вотъ каковой человѣкъ, что давай мнѣ отецъ вашъ тысячу рублей—деньги громадныя, а я не возьму, чтобы причислить себя къ лику вашихъ наставниковъ. Я дамъ вамъ совѣтъ даровой и честный: вы всю эту выучку пройдите, тяжело, да чортъ съ ней, пройдите... Вы такъ на нее и смотрите, какъ на искусство, или положимъ—какъ смотримъ мы на болѣзнь, оспу тамъ что-ли... И знайте, что это не наука. Въ гимназію тоже непременно поступите, это дѣло хорошее. А тамъ я вамъ скажу, что дѣлать. Хотите быть человѣкомъ, такъ слушайте меня, я могу поручиться кое-въ-чемъ. Вѣдь вы, барчукъ, будете навѣщать меня, не такъ ли? Я къ вамъ не пойду, ужъ извините.

— Почему-же? у меня комната особая.

— Нѣтъ, не приходится. Объ этомъ говорить не будемъ. Гм-да! А великолѣпная собака, не правда-ли? крикнешь ей: Стульгусъ! не обижается, а еще рада... Такъ-то, значить, вы не баринъ, Алексѣй Петровичъ, а просто человѣкъ хорошій; ну, и ладно, смотрите же, держитесь крѣпко того... ну вотъ того, что сидитъ въ вашей душѣ... Значить, это въ васъ натура говорить, а она никогда не обманетъ, не солжетъ!

Сіонскій сказалъ эти слова съ особымъ удареніемъ, будто въ нихъ таился смыслъ, понятный только ему да Алѣшѣ; потомъ всталъ, прошелся, шлепая босыми ногами по передбаннику; онъ

сидео улыбался и теребилъ на подбородкѣ жидкій пушокъ, какъ будто набрелъ на отличное дѣлцо, общающее прѣпасть наслажденій. И какъ-то нечаянно онъ заглянулъ подъ лавку, вытащилъ оттуда зеленый полуштофъ, на горлышкѣ котораго было надѣто два сухихъ бублика.

— Вотъ эту штуку я вамъ не предлагаю, и знакомиться съ нею не совѣтую... Онъ разсмѣялся и приставилъ ко рту горлышко полуштофа. — Это цѣлительный бальзамъ; только его нельзя принимать такъ, зря, на это надо имѣть ве-еликое право! Иначе выйдетъ пошлость и мерзъ. Вы еще понять этого не можете, юный!...

Онъ еще разъ приложился къ горлышку и началъ звонко грызть бубликъ, размышляя вслухъ:

— Наука, государь мой, святое дѣло... но—о горе, горе! — гдѣ же она обитаетъ? — Гдѣ же тѣ зеленые сады Академа, въ которыхъ юноши счастливые, веселые и сытые, — да, натурально, сытые, — играя внимали словамъ божественнаго Платона?... Нынѣ истина рождается въ мукахъ — и въ жесточайшихъ же мукахъ она достается нѣкоторымъ умамъ... Нищета, голодъ, истязанія, гоненія — тяжкій крестъ!...

Сюнскій опять хлебнулъ изъ штофа, захрустѣлъ бубликомъ и прилегъ.

— Вотъ я теперь лежу здѣсь, въ банѣ госпожи Бѣлкиной, — дѣйствительно такъ, — но тѣмъ не менѣе я составляю частицу вселенной, малѣйшій атомъ безконечныхъ мировъ, — я дерзаю и могу обнимать отсюда изъ сей норы всю совокупность творенія... могу добраться дальше и выше, — наконецъ, спросить высшій разумъ, на допросъ его поставить... Ась? — какъ вы думаете, вѣдь могу? Отвѣчайте мнѣ, точно ли я могу? Приставалъ онъ въ Алѣшѣ, теребя за пуговицу. — Извольте отвѣчать!

— Конечно, можете... робко отозвался тотъ.

— Ну, стало быть такъ я говорю, — могу! А гдѣ-же такая наука написана, гдѣ? Не въ этихъ ли скудоумныхъ упражненіяхъ... И онъ ткнулъ ногою въ кучу тетрадокъ. — Говорятъ, свѣтскихъ книгъ не читай... А тамъ только и есть кое-что, немногое... Н-да, не читай... За Канта я подверженъ былъ трехдневному истязанію, по пятидесяти лозановъ... Замѣть другъ, — трехдневному... А я его читалъ, — что, читалъ! я его ѣлъ, пилъ, — лезивонъ изгрызъ; самъ всей сути добивался... и добился... а онъ — трехдневное... Нѣту, нѣтъ у насъ науки, нѣтъ! Школяры, фарисеи... о-о-о... горе вамъ!...

Сюнскій еще нѣсколько минутъ разлагольствовалъ на эту

тому и пришелъ къ тому выводу, что науки нѣтъ нигдѣ, но все-таки когда-нибудь онъ до нее доберется. Полуштофчикъ опорожнился окончательно; философъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами и тыкалъ пальцемъ въ золу погасшей трубки. Онъ мычалъ какія-то непонятныя слова, перемѣшанныя съ текстами — и наконецъ умолкъ. Алёша переглянулся съ Личардой на счетъ того какъ бы дать тягу, но только что они тронулись къ двери, Стультусъ, нашколенный хозяиномъ — всякаго входящаго выпускать безпрепятственно, но не выпускать ни подъ какимъ предлогомъ, — кинулся на защиту двери и грозно оскалилъ зубы. Личарда прикрикнулъ и шагнулъ смѣло, — Стультусъ съ визгомъ наказалъ его за это покушеніе, укусивъ за икру.

— Вотъ бѣда-то!... что намъ дѣлать? Ишь какъ штанину, проклятая, разорвала.

— Дома хватятся; эхъ скверно! Вотъ солнышко-то гдѣ, скоро чай пить стануть.

— Разбудимъ его.

Но усилія разбудить оказались тщетны и вызвали пущее неудовольствіе вѣрнаго пса, который метался, но зорко сторожилъ дверь. Ребята оказались подъ арестомъ — и долго сидѣли они. Личарда старался развеселить барина, громко чихалъ, дразнилъ собаку, затынулъ-было пѣсню; — Сіонскій не просыпался. Косые красные лучи вечерняго солнца заглянули въ окно передбанника. Въ глазахъ Алёши ходили слезы.

— Стойте, баринъ, знаю! нашелся Личарда, нагнулся и живо выдернулъ козелокъ изъ-подъ того конца лавки, гдѣ лежали ноги спящаго. Доски застучали, туловище Сіонскаго поѣхало и очутилось въ сидячемъ положеніи. Онъ безтолково оглянулъ вокругъ.

— Кто? зачѣмъ? Брр-у-ахъ! зввнулъ Сіонскій протяжно и очнулся. Ахъ, Боже мой! что это я? Простите... Прочь ты, болванъ! онъ жестоко ударилъ честнаго пса. Простите, братья, мою гнусность... Экая же я скотина! Ради Христа простите... Несчастный я человѣкъ... Последнія слова прошепталъ онъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ, опустивъ растрепанную голову въ колѣни.

— Ничего, ничего... утѣшалъ его въ свою очередь Алёша, до глубины души тронутый его унылымъ, безнадежнымъ сокрушеніемъ. Только намъ пора домой, прощайте...

— А песъ — караульщикъ знатный. Вона какъ штанину-то мнѣ располосовалъ!

— Штанину! ахъ Боже мой, Боже мой... я вамъ куплю новые, непременно куплю новые, — съ отчаяніемъ, почти со слезами твердилъ Сіонскій. Пойдите господа... посидите, вотъ я трубочку...

— Нѣтъ, нѣтъ, пора! дома спросять, достанется намъ.

— И еще достанется? Фу, какой же я свинтусъ, ахъ! Позвольте, я васъ провожу.

— Зачѣмъ! Не надо... прощайте.

— Одно слово, Алексѣй Петровичъ... Слушайте: я вижу, вы обидѣлись: вы даже раскаяваетесь, что забрели къ такому человѣку...

— Ей-богу, нѣтъ! домой намъ пора.

— А если нѣтъ, то... ну, это покажетъ время... я полагаю, что вы больше ко мнѣ ужъ не придете... Что-жъ дѣлать! значить гусь свинѣ не товарищъ... Жаль! ну, прощайте Алексѣй Петровичъ, не осудите,—я передъ вами весь тутъ, каковъ есть... во всей моей мерзости... Послѣ крѣпкихъ увѣреній, что все это ничего, пустяки, что скоро и непременно опять свидимся, Алѣша вышелъ. Дорогой онъ обдумывалъ, что сказать дома на вопросъ— гдѣ былъ? Припомнился ему случай, когда откровенность его чуть на погубила Фортификантова,—и рѣшилъ онъ солгать. Выдумалъ какую-то исторію, разумѣется, совершенно неправдоподобную и условился съ Личардой, чтобы не было разнорѣчія въ показаніяхъ.

Несмотря на перенесенное томленіе страха и на сверную необходимость лгать, Алѣша чувствовалъ себя довольнымъ, что познакомился съ Сіонскимъ, точно какое важное дѣло сдѣлалъ, и рѣшилъ продолжать это знакомство. Нѣкоторые намеки новаго знакомого зацѣпили его за большое мѣсто, и онъ готовъ былъ вытерпѣть всяческія неприятели, лишь бы только добиться откровеннаго, душевнаго разговора: отъ Сіонскаго онъ ожидалъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые такъ мучительно накопились...

А Личарда обдумывалъ, какимъ манеромъ ему обзавестись трубочкой; за табакомъ дѣло настанетъ: у барина въ кабинетѣ всегда лежитъ картузь вакштафу, — по горсточкѣ брать, нието и не замѣтить... а курить бы трубочку важно!...

Въ августѣ Алѣша благополучно выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ гимназію. Всѣ въ домѣ радовались этому счастливому событію; отслуженъ былъ благодарственный молебень. Петръ Ивановичъ съ гордостью рассказывалъ, что, по отзыву директора, сынъ могъ бы быть принятъ во 2-ой классъ, но пусть лучше будетъ первымъ ученикомъ въ 1-мъ классѣ, чѣмъ посредственнымъ во 2-мъ. Отецъ сильно налегалъ на это первенство въ классѣ. Мать радовалась, что Алѣшинька твердо стала теперь на дорогу, приличную всякому дворянскому дитяти, которая ведетъ прямо къ чинамъ и хорошимъ мѣстамъ— «будетъ утѣха и удовольствіе мой подѣ старость.» Сокрушалась Анна Дмитриевна

только о томъ, что ребенокъ сильно похудѣлъ, ивнурился, — «ну, авось въ гимназіи поправится, можетъ тамъ не будутъ морить наукой-то этакъ слѣшно, словно на почтовыхъ»; — и приказывала она портному, снимавшему мѣрку на гимназическій мундиръ, пускать вездѣ пошире, съ запасомъ. Даже Ѳеодоръ Ѳеодорычъ погладилъ Алёшу по головѣ, примолвивъ: «ну молодецъ! только смотри не опустишь и не связывайся тамъ съ разными балбесами. Ты долженъ теперь еще больше прилежать, дабы современемъ удостоиться чести носить студентскую шпагу. Видѣлъ когда-нибудь, какъ студенты ходятъ? Треугольная шляпа, шпага, — ты пойми, какъ это лестно!»

Вотъ какіе толки слышала Алёша вокругъ себя, и гимназія представлялась ему не то повинностью, не то службой... Радовался онъ единственно тому, что высочилъ изъ лапъ усердныхъ педагоговъ: ерѣше держась совѣтовъ Сіонскаго, онъ выдержалъ домашнюю дрессировку, необходимую только на одинъ случай — гимназическій экзамень, — и ждалъ, что будетъ дальше. Настоящаго своего положенія онъ не могъ опредѣлить ясно, потому что воля его была слишкомъ рѣзко надломлена; его симпатіи и взгляды, вынесенные изъ міра дѣтскихъ впечатлѣній, теперь запатались, оказались несостоятельны передъ ломовымъ теченіемъ жизни. Особенно замѣчательно, что онъ не винилъ никого лично — ни отца, ни мать, ни учителей, ни даже Ѳедора Ѳеодорыча, а замѣтилъ, что всѣ они повинуются какому-то неизвѣстному, но могучему закону: «такъ надо, иначе нельзя, неприлично, стыдно», твердили они, ссылаясь на то, что всѣ такъ дѣлають.

Въ гимназіи онъ очутился въ толпѣ мальчиковъ, которые тоже повиновались общему закону, — собирались въ извѣстный часъ, сидѣли въ классѣ смиренно, зубрили уроки, все потому, что такъ требовалось; обо отысканіи какой-нибудь другой, настоящей причины никому и въ голову не приходило, даже о студентской шпачѣ никто не помышлялъ. Случилось такъ, что цѣлую недѣлю Алёшу ни одинъ учитель не вызывалъ, и хотя онъ приготовлялъ уроки исправно, но ужасно радъ былъ этому обстоятельству; «вотъ славно, соображалъ онъ, — останусь я этакъ толпѣ непримѣченный, забудутъ обо мнѣ, а я втихоходжу все буду думать *попреоснелму...*» Всѣ инстинкты побуждали Алёшу какъ-нибудь отстоять свою самостоятельность.

Свиданія съ Сіонскимъ продолжались и содержались въ большомъ секретѣ; съ поступленіемъ въ гимназію въ нихъ оказалась для Алёши практическая необходимость: онъ былъ плохъ въ арне-

метивъ и для рѣшенія мало-мальски сложной задачи вынужденъ былъ обращаться за помощью къ Сіонскому.

— Знаете ли Адріанъ Никитичъ, открылся разъ Алѣша, — вѣдь я ничего не понимаю изъ того, что мы учимъ. Гдѣ надо слово въ слово — отлично выучу, а рассказать своими словами не умѣю. Я совсѣмъ въ потѣмкахъ. Особенно эта ариметика — чисто бѣда моя!

— Оно такъ и быть должно. Я самъ лѣтъ пять зудилъ всякіе предметы безъ малѣйшаго пониманія. Пониманіе-то вдругъ не дается, и никакой преподаватель вамъ его не передастъ: этого они не считаютъ даже своею обязанностью. Учитель обыкновенно пришелъ въ классъ, повѣрилъ аудиторомъ, поставилъ для порядка учениковъ пять-шесть на колѣни, отмѣтилъ въ книжкѣ до какихъ мѣстъ выучить въ слѣдующему разу, и пошелъ. Что ему? Жалованье получаетъ исправно, а отъ ученика ему выгоды мало.

— Ну, нѣтъ, — у насъ заведено каждому учителю въ именины подарковъ нести: чашку фарфоровую, матерію на жилетку, или серебряную какую вещицу. Разумѣется, богатенькіе несутъ.

— Да, это такъ. Мы вотъ бѣдняки, а тоже и у насъ отцы прѣзжаютъ на поклонъ, тащатъ по силѣ возможности. Да что-жъ отъ этого пользы!

— Добрѣе учитель становится, рѣже вызываетъ, отмѣтки хорошія ставить. Вообще легче противъ другихъ.

— Вотъ видите, какая гнусность! Вѣдь этимъ онъ вреда-то вамъ дѣлаетъ не на фарфоровую чашку, а цѣлую корчагу... Вотъ отчего изъ этихъ богатенькихъ-то ребятишекъ и выходитъ такая мерзъ! Не держитесь вы этого, Алексѣй Петровичъ, плюньте. Посылать васъ станутъ съ подаркомъ, а вы нейдите; пусть лакей отнесетъ.

Пососавъ свою трубочку, Сіонскій продолжалъ медленно, словно вслушиваясь въ собственные слова.

— А мы вотъ что сдѣлаемъ... коли хотите, я буду вашимъ репетиторомъ; чудесно пойдетъ у насъ дѣло. Оно и мнѣ на руку: занять буду. Пора бросить всѣ гнусности, ну ихъ! да и здоровье плохо, въ груди иной разъ подступитъ и хрипитъ, ровно пильный заводъ. Северно!

— Спасибо вамъ, Адріанъ Никитичъ, — только я скажу отцу, онъ за это платитъ вамъ будетъ.

— Ну вотъ ужъ этого не дѣлайте; во-первыхъ, денегъ ни подъ какимъ видомъ я не приму... А скажете отцу, такъ ничего изъ этого не выйдетъ: пойдутъ наводить справки, и капутъ! На этотъ счетъ я имѣю свои соображенія... лучше молчите; наше дѣло будетъ совсѣмъ не покушное.

— Хорошо... однако вамъ, должно быть, деньги нужны. Какъ же это—чѣмъ вы живете?

— Э-эхъ, Алексѣй Петровичъ! Х-ха! чѣмъ живу? Да всей-то нашей жизни цѣна мѣдный грошъ... Чѣмъ живу? Оно дѣйствительно мудрено сказать... а ничего, не жалуюсь: хоромы важныя, ну и похлебать тоже... Видѣли, можетъ, хозяйскую страпу, Арину,—она вонъ за воротами сидитъ; я вамъ скажу, бабѣнка важная, сама забѣжить, поѣсть принесетъ; впрочемъ, что я передъ вами размазываю! предметъ совсѣмъ низкій, кому онъ занимателенъ! Извѣстно, какъ втянешься, такъ будто и ничего, а иной разъ отвлечешься нѣсколько отъ этой срамной низменности, такъ даже стыдно станеть, передъ собой стыдно, а не то что рассказывать кому...

Опять поразило Алѣшу это слово *стыдно*; и въ устахъ Сіонскаго это «стыдно» звучало еще поразительнѣе.—Неужели, думаль онъ, и въ самомъ дѣлѣ надо стыдиться той обыкновенной вседневной жизни, которую всякій человѣкъ ведетъ у себя дома? и скрывать эту жизнь, какъ что-то срамное, а къ людямъ являться въ какомъ-то особенномъ, показномъ видѣ? Вѣдь это выходитъ мы живемъ въ круговомъ обманѣ. Онъ упорно боролся съ такимъ выводомъ и выжидалъ случая потолковать съ Сіонскимъ именно вотъ о томъ, на чемъ лежитъ тяжелый запретъ житейскаго стыда.

Несмотря на разницу лѣтъ, между ними установились дружескія отношенія. Кромѣ того, что Сіонскій встрѣтился Алѣшѣ въ такую минуту, когда этотъ мальчикъ весь горѣлъ потребностью обмѣна накопившихся и возбужденныхъ мыслей, симпатіи ихъ оказались однородны; такъ, когда Алѣша объявилъ, что терпѣть не можетъ Луку Федорыча, и прозвалъ его «чепухинскимъ паничемъ», Сіонскій расхохотался и примолвилъ:

— Да оно такъ и быть должно. Вѣрно! Подобныхъ людей вы не полюбите, они всегда вамъ будутъ чужіе. Вѣдь онъ крестникъ господина Міроносцева?

— Крестникъ. Ну да ужъ и папенька его тоже—чепуха!

— Знаю, знаю и его.

— Знаете?

— Какъ не знать, и весьма даже близко знаю! Когда-нибудь расскажу... Прозвали его «старая каретная лошадь», справедливо, да только карету-то возитъ пустую. Лукашка, разумѣется, дрянцо; а вотъ кабы вы узнали нашего знаменитаго Павла Николаевича, вотъ это гусь лапчатый, персоне! Вообще же, по-моему, этихъ пустосвятовъ слѣдовало бы вывести на свѣжую воду. Нашъ братъ

коренникъ; въ насъ нѣтъ этой податливости на всякія приманки, и путь нашъ совсѣмъ другой...

И онъ много говорилъ о свободѣ совѣсти, о значеніи религіозныхъ убѣжденій, ввелъ Алёшу въ сферу такихъ понятій, которыя ему показались открытіемъ Америки, но такой Америки, которая какъ будто давно и всегда существовала внутри его...

Время шло; благодаря помощи Сіонскаго, Алёша учился толково и легко, такъ что при преобразованіи гимназіи въ семи-классную, онъ попалъ изъ перваго класса въ четвертый и получилъ подарокъ.

У него оставалось много свободнаго времени и онъ принялся за чтеніе книгъ, которыя Сіонскій доставалъ изъ бібліотеки своей хозяйки. Прочитывалъ онъ отъ доски до доски всѣ альманахи двадцатыхъ годовъ, начиная съ «Полярной Звѣзды» и до «Аглаи»; приходилъ въ восторгъ отъ повѣстей Бестужева и стихотвореній, изъ которыхъ многія, особенно подписанныя буквами А. П. или «А. Пушкинъ», переписывалъ въ тетрадь и выучивалъ наизусть. Романы Рателіфъ въ московскомъ сѣренькомъ изданіи, баллады Жуковскаго, поэмы и повѣсти съ неистовыми страстями, привидѣніями и всякими сверхъестественными ужасами, скоро напустили въ голову Алёши такой романтической чадъ, который густымъ слоємъ застелилъ его взглядъ на простую правду жизни. Часто онъ, бродя по пустырю, заросшему бурьяномъ, воображалъ себя странствующимъ рыцаремъ, воюющимъ съ злымъ колдуномъ и со всякой чертовщиной, освобождающимъ заключенныхъ изъ темницъ и подземелій, и встрѣчающимъ, наконецъ, чудную дѣву—вѣнецъ всѣхъ подвиговъ. Дѣва пока еще въ его воображеніи уподоблялась существу совершенно безплотному, способному только лепетать нѣжныя слова. Но иногда въ толпу этихъ туманныхъ, безтѣлесныхъ призраковъ назойливо втѣснялись живыя картины изъ недавняго дѣтства, и мечты о вольной жизни на лѣсистомъ берегу большой рѣки, среди русской сельской обстановки. Онѣ еще не потеряли своей власти надъ Алёшей; только теперь, сбитый съ толку, онъ не зналъ чему поклониться: этимъ ли реальнымъ представленіямъ, или тому новому заманчивому міру, о которомъ твердили ему книги...

Этого вопроса не могъ рѣшить и Сіонскій, выдолбившій реторку Кошанскаго, знавшій всѣ тропы, фигуры и дѣленіе слога на высокій, средній и низкій. Онъ смотрѣлъ на легкую литературу вообще, какъ на пріятное занятіе, отвлекающее человѣка отъ насущнаго горя и убожества, и преимущественно виталъ мыслію на вершинахъ метафизической философіи, которую только

и признавалъ дѣломъ, достойнымъ человѣка. Но для Алёши философія была еще темна вода во-облацѣхъ, онъ гораздо серьезнѣе и страстнѣе Сіонскаго относился къ той пиццѣ, которую подносила литература.

Въ бесѣды нашихъ друзей, по поводу прочитанныхъ книгъ, изрѣдка забирались толки и вопросы о ближайшихъ явленіяхъ жизни.

Однажды Алёша прибѣжалъ къ Сіонскому необыкновенно веселый и довольный, какъ человѣкъ, сдѣлавшій великое открытіе.

— Вы читали ту книгу, что вчера мнѣ дали? лукаво спросилъ онъ, держа книгу за спиною.

— Можетъ и не читаль, — а что?

— Такъ давайте же сейчасъ примемся читать ее вмѣстѣ. Тутъ есть штука важная. Я вамъ скажу... ну, да послѣ потолкуемъ, а теперь слушайте.

И горяченькій Алёша сѣлъ на лавкѣ, развернулъ книжку и торжественно началъ.

— «Черная немочь», повѣсть М. Погодина.

Сіонскій улегся ловчѣе, сплонулъ, закурилъ трубку и закрылъ глаза, изготовился слушать.

Алёша читаль залпомъ, едва переводя духъ отъ избытка внутреннего удовольствія.

Эта повѣсть едва извѣстна нынѣшнимъ любителямъ литературы; для своего времени она была явленіемъ примѣчательнымъ: въ ней изображенъ простой бытъ, близкія къ правдѣ народныя сцены, все обыденное, знакомое, дѣйствительность грубая и уродливая, и только характеру героя придана романтическая тенденція, — тогда нельзя же было безъ этого! Но дѣло совсѣмъ не въ литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ повѣсти, которая для насъ теперь не интересна, дѣло въ томъ, что эта случайно-попавшаяся повѣсть вѣрно не была никѣмъ прочитана такъ симпатично, какъ нашими пріятелями, засѣдавшими въ передбанникѣ госпожи Бѣлкиной.

Дочитавъ послѣднюю страницу, Алёша вопросительно взглянулъ на Сіонскаго.

— Ве-ли-ко-лѣн-но! процѣдилъ философъ.

Но не того ждалъ Алёша: ему нужны были не похвалы сочиненію М. Погодина, а подтвержденіе или отрицаніе той мысли, которая теперь, получивъ толчокъ, работала въ его безпокойной головѣ и вела свою родословную чуть-ли не отъ перваго, темнаго отвращенія его отъ дворянской науки...

— А вѣдь тутъ многое похоже на правду, — сказалъ онъ.

Мнѣ кажется, что еслибы каждый человѣкъ описывалъ то, что онъ видѣлъ своими глазами, что съ нимъ случилось, все о чемъ онъ думалъ, всю, всю свою жизнь, не разбирая, стыдно это или нѣтъ, вышло бы презанимательное сочиненіе... А вы какъ думаете?

— Мнѣ-да, пожалуй... Только для этого надобно быть необыкновеннымъ человѣкомъ, вонъ какъ знаменитый Жанъ-Жакъ Руссо, написавшій свою исповѣдь. Вы не читали?

— Даже и не слыхалъ. Да нѣтъ, я не про то говорю... Еслибы який простой человѣкъ, вотъ какъ вы, да я... только откровенно, какъ есть на-голо...

— Ну, знаете ли, это задача!

Сіонскій немилосердно грызъ роговой муштучокъ; видно было, что предположеніе Алѣши поставило его въ-тупикъ: оно не подходило ни подъ одну схоластическую категорію литературныхъ произведеній. Онъ началъ-было свысока объяснять законы творчества, сущность поэзіи, отношеніе формы къ содержанію, цѣли искусства и проч., но слушатель вдругъ огорошилъ его коротенькимъ замѣчаніемъ:

— Все это такъ, да къ чему оно нужно? — выдуманное...

— Къ чему нужно? Гм-да... И пока Сіонскій, углубляясь къ вопросу, грызъ свой муштучокъ, Алѣша смѣло предложилъ:

— Мы для пробы вотъ что сдѣлаемъ: я вамъ расскажу свою жизнь, а вы мнѣ свою, только чуръ безъ утайки. А потомъ напишемъ. И положенъ былъ уговоръ начать завтра эту обоюдную исповѣдь. Но на слѣдующій день, передъ вечеромъ Алѣша нашелъ баню госпожи Бѣлкиной пустою, только кучи табачной пыли свидѣтельствовали о недавнемъ пребываніи тутъ Сіонскаго. Арина съ тревогой и недоумѣніемъ рассказала, что утромъ-де ушелъ своимъ порядкомъ въ семинарію; потомъ пришелъ оттуда какой-то господинъ со сторожемъ, забрали они всѣ его книжки—и халать старый, что подъ голову класть—и тотъ взяли; сказали, чтобъ его не ждать, съ тѣмъ и ушли.

— Охъ, ужъ и сама не знаю, что думать!.. Собаку его вотъ взяла къ себѣ, а гдѣ-то онъ самъ теперича, сердешный мой?—идь поди голодный сидитъ. Снесла бы ему щецъ, аль молочка, да куды нести-то опять не знаю...



VII.

Сіонскій былъ парень очень способный, но не изъ породы тружениковъ; энергія его, раздавленная бурсой, была неустойчива, порывиста и часто несоразмѣрна съ физическими силами. Принявшись за что-нибудь горячо, онъ забывалъ уже всѣ другія занятія, да не только занятія, все свое существованіе забывалъ, весь уходилъ въ избранное дѣло; а потомъ, глядишь, вдругъ бросить это дѣло не доведя до конца, потому что, либо силъ не хватило — кашель разыгрывался до кровохарканія, либо разоблачалась передъ нимъ вся суть избраннаго дѣла, и оказывалось оно напраснымъ толченіемъ воды, давно уже истолченной другими; либо то и другое являлось вмѣстѣ—и Сіонскій, разругавъ себя и свое положеніе, съ ожесточеніемъ хватался за зеленый полуштофъ и погибалъ по недѣлямъ. За симъ неизбежно слѣдовали семинарскія исправительныя мѣры, еще пуще ожесточившія его и добивавшія въ конецъ его здоровье. Самоучкой научился онъ нѣмецкому языку, потому что непременно захотѣлось прочесть въ подлинникѣ, какъ онъ говорилъ, «нѣкоторыхъ знатныхъ нѣмцовъ»; и въ полгода читалъ почти свободно, а черезъ годъ — при случайной, урывчатой помощи одного знакомаго учителя гимназій — овладѣлъ даже премудростью философской терминологіи. Книги глоталъ онъ безъ разбора, голодному не до того, чтобы разбирать, что ѣшь, тѣмъ болѣе свѣтскія книги — плодъ запрещенный, а онъ твердо зналъ латинскую пословицу — *nitimur in vetitum...* Хаосъ беспорядочно нагроможденныхъ понятій, бесплодный задоръ метафизическихъ вопросовъ, жажда найти истину помимо указанныхъ путей и горькое убѣжденіе, что эти пути никогда не приведутъ къ истинѣ, наконецъ, сознаніе полнѣйшей невозможности выбиться изъ рововой колеи своего сословія, къ которому онъ не чувствовалъ никакого призванія, — все это, конечно, не могло успокоительно дѣйствовать на молодую натуру. Подъ вліяніемъ постоянного органическаго раздраженія, Сіонскій не могъ быть пріятнымъ, покорнымъ и мягкимъ, какъ воскъ ученикомъ; онъ былъ грубъ, циниченъ, нелюдимъ и состоялъ у начальства на счету первѣйшихъ негодяевъ; ждали только случая, чтобы исключить его изъ семинаріи.

Случай представился скоро.

Старый мудрецъ Міроносцевъ, на известной конференціи хотя и былъ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ лишнихъ рюмокъ дреймадеры, однако довольно мѣтко предсказалъ неудобство «знат-

нихъ привилегій; ошибся онъ только въ томъ, что привилегіи эти повредили больше самимъ привилегированнымъ, чѣмъ остальной заурядной массѣ. Павелъ Николаевъ и Лука Федоровъ, выдвинутые обстоятельствами изъ совсѣмъ темнаго положенія, скоро увидѣли, что блестящая роль ихъ кончилась, и еслибы ими руководило простое убѣжденіе въ пользѣ совершеннаго дѣла, они легко и сознательно вошли бы въ колею обыкновенныхъ смертныхъ, но въ томъ-то и бѣда, что эти блестящіе—и только блестящіе роли страшно раздуваютъ въ насъ самомнѣніе и потребность постоянно рисоваться. Эти господа сначала отдѣлились отъ товарищей тѣмъ, что каждый свой шагъ соображали съ указаніями наставниковъ: знакомство заводили лишь съ тѣми, кто нравился начальству, въ школьныхъ затѣяхъ не принимали участія, даже въ играхъ держали себя сдержанно. Ихъ отчужденность и постоянное стараніе не только исполнять, въ точности школьный уставъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрены уставомъ, дѣйствовать въ духѣ начальства, возбудили подозрительность товарищей. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы они вели себя такимъ образомъ по искреннему убѣжденію въ непогрѣшимости начальственныхъ распоряженій, а прямо обозвали ихъ фарисеями, подразумѣвая подъ этою вличкой крайнюю степень лицемерія.

Фарисеи сразу стали въ самое невыгодное положеніе: на нихъ обратились враждебные, подозрительные взгляды стоглазой толпы товарищей, и всякій ихъ поступокъ замѣчался и истолковывался съ самой грязной стороны. Скоро было открыто, что фарисеи наушничаютъ инспектору: ихъ стали избѣгать, отгонять отъ дружескихъ кружковъ и при первой удобной оказіи приволотили. Павелъ какъ-то ловко увернулся отъ трѣпви, а Луку досталось взрядно; но оба они съ христіанскимъ смиреніемъ отнеслись къ этой демонстраціи, даже не пожаловались; но съ этого случая стали сознательно и систематически наушничать. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы снискать расположеніе товарищей, и получить между ними гѣсъ, фарисеи открыли карманъ, стали давать взаймы деньги, которыя у нихъ водились въ изобиліи. Это средство сначала какъ будто помогло примиренію, но и тутъ опять открылось слѣдующее обстоятельство: бѣднякъ, занявшій гривну, положимъ на мѣсяць, если въ условленный срокъ не могъ отдать долга, получалъ безъ затрудненія отсрочку, но вмѣсто гривны оказывался должнымъ 15 копѣекъ; на слѣдующій мѣсяць наростало уже 22 коп. съ денежкой и т. д. Эти банкирскія операціи, по крайней мѣрѣ, не оканчивались какъ бы слѣдовало—избѣженіемъ

банкировъ и содержались въ величайшей тайнѣ отъ начальства, но порождали въ поработченныхъ должникахъ страшную ненависть къ капиталистамъ-угнетателямъ. Такія натянутыя отношенія должны были неминуемо разразиться знаменитою катастрофой.

Въ числѣ злополучныхъ заемщиковъ натурально былъ и нашъ бѣдняга Сіонскій; ему какъ-то особенно повезло воспользоваться, какъ выражаются наши ученые финансисты — «благодеяніями кредита»... Онъ занималъ, въ срокъ, разумѣется, не отдавалъ, а призначалъ еще что-нибудь для равнаго счета, такимъ образомъ всего-то перебралъ онъ у Павла Николаича рубля четыре, а оказался должнымъ въ теченіи полугода ровно десять рублей. Ну, гдѣ взять вдругъ такую сумму?—а отдавать по мелочамъ бесполезно: при этой системѣ нарастанія процентовъ, все равно никогда не выплатишься, стало быть гораздо вѣрнѣе и покойнѣе совсѣмъ не платить. Онъ объяснился напрямикъ.

— Слушай ты, рыжій, будетъ тебѣ нашего брата грабить. Десяти рублей отъ меня тебѣ не видать, какъ своихъ ушекъ, даромъ что уши-то у тебя генеральскія. А хочешь разсчитаться по чести, изволь—на будущія вакаціи можешь набѣжить кондиція, тогда отдамъ тебѣ твои четыре рубля; а не хочешь — не отдамъ ни копѣйки.

— Что вы говорите! какъ же это можно? За что же вы обижать меня хотите? Я давалъ на совѣсть. Такимъ манеромъ у меня самого скоро ни гроша не останется... стоналъ банкиръ.

— Ты казанской-то сиротой не привидывайся! Да хоша бы у тебя всѣ деньги растащили, не издохнешь; опять заработаешь: ремесло твое прибыльное...

Этотъ намекъ былъ ударомъ ножа въ сердце, вскормленное похвалами и удивленіемъ. Павелъ поблѣднѣлъ и мѣрзлъ Сіонскаго взглядомъ полнымъ самой заклятой ненависти.

— Что буркулы-то таращишь! Я тебя не боюсь. Коли заловаться полѣзешь, такъ вѣдь и я все раскажу про твою коммерцію, а за нее тебѣ всыпать такихъ горячихъ процентовъ, что до новыхъ вѣшниковъ будешь помнить. Не посмотришь, что ты такой-сякой, неказаный...

— Миѣ?—Меня?—Ну, вѣтъ!.. пробормоталъ Павелъ. Жаловаться я не пойду, а съ этихъ поръ даю клятву не ссужать никому ни гроша, хоть бы кто въ ногахъ валялся... Пусть же всѣ товарищи на васъ пѣнаютъ...

— Товарищи... Сіонскій задумался надъ этой угрозой. Ну, постой ты, красный дьяволъ, слушай!—Ты этого не смѣй дѣлать... Наконецъ, хочешь, отдадимъ наше дѣло на судъ товарищей...

— Я выберу пять человекъ и ты столько же; какъ они рѣшатъ, такъ и будетъ — согласенъ?

— Согласенъ.

Судъ собрался; насколько онъ былъ независимъ можно судить по тому, что большинствомъ семи голосовъ противъ трехъ установилъ такое рѣшеніе: Сіонскій долженъ заплатить Николаю семь рублей, т.-е. капитальную сумму и половину требуемыхъ процентовъ, по безалаберной пословицѣ: грѣхъ пополамъ.

— Пре-отлично!—воскликнулъ Сіонскій. Отчего же семь, а не семьдесятъ-семь?—Вѣдь это все равно, воли нѣтъ разумнаго основанія. Эхъ вы, холопы! Хотимъ видно служить и Богу и мамонѣ...

Судьи смутились. Согласились-было сами въ складчину заплатить долгъ бѣднаго товарища, ограбленнаго нищаго; но Сіонскій презрительно отвергъ это предложеніе.

Черезъ нѣсколько дней появился въ семинаріи листокъ, озаглавленный: «Ко евреямъ посланіе». Въ этомъ посланіи, написанномъ церковно-славянскимъ языкомъ, громились лицемѣры и сребролюбцы, торговавшіе своими убѣжденіями, вносящіе ложь и развратъ въ среду темныхъ и бѣдныхъ братьевъ, ронявшіе достоинство апостольскаго служенія, обманывавшіе и Бога и дьявола, лицемѣрно укрывшіеся подъ защиту знатныхъ и сильныхъ—сладушеевъ вѣка сего... И всѣ эти обличенія завершались: «АнаѰема и маранъ-аоа!»...

По энергіи слога, представлявшаго оригинальную смѣсь патетическихъ выраженій съ простонародными крупными словами, неудобно было бы приводить текстъ этого памфлета, который быстро облетѣлъ семинарію и украдкой переписывался всѣми.

Авторъ посланія былъ неизвѣстенъ, но всѣ подозрѣвали Сіонскаго. Павелъ и Лука ходили, какъ оплеваные; жаловаться начальству они сочли неловкимъ, во-первыхъ, потому, что пришлось бы признать, что безымянный памфлетъ направленъ прямо на нихъ, а вѣдь они совсѣмъ не такіе... во-вторыхъ, инспекторъ сейчасъ приступилъ бы къ разслѣдованію, и ужъ тутъ открылись бы непремѣнно ихъ банкирскія операціи, за которыя начальство, разумѣется, не похвалитъ.

Вскорѣ послѣ этого Павелъ былъ въ гостяхъ у своего крестнаго папеньки, который былъ весельчакъ, дома носилъ архауекъ и красную феску, и всегда шутилъ съ нимъ, спрашивая:—Ну, батюшка, скоро мы у тебя исповѣдываться-то будемъ? — Отпустишь грѣхи-то наши тяжкіе, а?

Сидя въ кабинетѣ, украшенномъ портретомъ графа Бенкен-

дорфа и изображеніями какихъ-то полунагихъ турчановъ (холо-
стякъ-полковникъ, Шпицъ по фамиліи, обожалъ полногрудыхъ
женщинъ), Павелъ нечаянно и незамѣтно выронилъ на полъ тща-
тельно сложенный лоскутокъ бумаги.

— Что-то ты давно не былъ у ея превосходительства—ма-
леньки?

— Безповоить часто не смѣю. Вотъ сегодня хочу-съ пойтъ.

— Иди, братъ, иди; не удерживаю. Даромъ что праздникъ,
а у меня дѣлъ-то вонъ какая гибель. Эти протовональи-расколь-
ники!.. Вотъ бы тебя, батюшка, на нихъ напустить! ха-ха! Ну,
прощай, прощай!

По уходѣ Павла, полковникъ Шпицъ однако не сейчасъ
взялся за протоканалій, а остановясь передъ зеркаломъ, при-
нялся прилежно разсматривать свой носъ, на которомъ совсѣмъ
не встати сѣлъ какой-то прыщичекъ. Убѣдившись, что прыщичекъ
этого никакъ нельзя сдѣлать секретнымъ,—зрѣеть, бестія! по-
лковникъ соорилъ суровую мину, потянулъ себя за усъ, поко-
силъ даже глаза, — и взглядъ его прямо упалъ на валяющуюся
подъ стуломъ цидулку. Онъ поднялъ ее съ пола осторожно, осмо-
трѣлъ со всѣхъ сторонъ, даже понюхалъ и развернулъ...

Черезъ пять минутъ проворный вѣстовой на рыскахъ догналъ
Павла и доставилъ.

— Это ты обронилъ? послѣдовалъ первый допросный пунктъ.

— Ви... вин... виновать, я-съ... Павелъ оробѣлъ не на шутку.

— Объясни мнѣ, что это за рацея такая и откуда взялъ?

Павелъ затрясся всѣмъ тѣломъ, упалъ на колѣни и, облива-
ясь слезами, рассказалъ происхождение и значеніе этого листа:
при чемъ объяснилъ злобу товарищей тѣмъ, что имѣлъ простоту
раздать имъ въ долгъ деньги, которыя они выманили, ужасно лу-
каво выманили; а какъ потребовалъ назадъ, вотъ и возненавидѣли.

— Гмъ, ладно. Сиди ты здѣсь, или лучше ступай къ гу-
бернаторшѣ, и ни-гугу—понимаешь? Все это я помимо тебя
узналъ, слышишь? Дрожки мнѣ! гаркнулъ полковникъ и черезъ
десять минутъ, подбоченясь фертномъ, покачивался на дрожкахъ,
летѣвшихъ прямо къ архіерейскому дому.

VIII.

Сіонскій сидѣлъ подъ арестомъ, въ карцерѣ, на хлѣбѣ и
водѣ. Онъ равнодушно и нѣсколько презрительно отвѣчалъ на
допросѣ, призналъ себя авторомъ посланія и не назвалъ никого
изъ соучастниковъ, хотя на самомъ дѣлѣ мысль была его, а ис-

исполненіе принадлежало другимъ, писалось «соборнѣ»; онъ, какъ философъ по убѣжденію, считалъ недостойнымъ терять время на такую мелочь.

А мелочь принимала размѣры чрезвычайнаго общественнаго событія. Губернаторша, толстенькая, коротенькая и недалекая барынька, сама прїѣзжала въ преосвященному, который одинъ смотрѣлъ на дѣло здраво и употреблялъ всѣ усилія успокоить набojную даму,—что отъ глупой шалости школяра не могутъ пострадать,—какъ она полагала,—добрые нравы, религиозныя убѣжденія, а тѣмъ болѣе достоинство церкви, стоящей всегда на недосыгаемой высотѣ. Но, кажется, почтенный архипастырь мало успѣлъ въ этомъ, ибо со словъ губернаторши заахали всѣ истинные столпы общественнаго порядка: заахалъ предсѣдатель уголовной палаты, заахалъ откупщикъ, заахала какая-то древняя, плохо говорившая по-русски, княжна Абдуль-Махметова, заахали всѣ валичные предводители дворянства,—ахнулъ даже (но слабо) старичекъ архивариусъ губернскаго правленія. Не ахали только чины губернской полиціи,—народъ приглядѣвшійся уже ко всякимъ видамъ, а выпятивши грудь, изготовились, чтобы по командѣ ловчѣ спалать кого укажутъ.

Общественная совѣсть немного успокоилась тогда только, когда произнесены были слова: «негодяй пойдетъ въ солдаты! Подъ красную шапку нечестивца! да это еще милостиво—на каторгу бы его, богохульника!»

Объ этомъ говорили вездѣ. Алѣша слышалъ, какъ Міроносцевъ, сидя у отца въ гостинной, ораторствовалъ.

— Я предсказывалъ тогда, что выйдетъ чепуха,—чепуха и вышла! Положимъ, семинаристъ этотъ мерзавецъ,—я объ немъ нѣмю свѣдѣнія, слышалъ... да не слѣдовало давать повода; а дали поводъ,—вотъ и зачались между ними пререканія. Да это еще ничего, пустяки! я ожидалъ гораздо худшаго: могли ихъ безъ всякой церемоніи, просто, убить—и дѣло съ концемъ

— Ну, какъ же это можно? вѣдь все-таки это дѣти,—возразила Анна Дмитріевна.

— Хороши дѣти! лѣтъ до 25-ти сидятъ балбесы. Да притомъ народъ ожесточенный, я ихъ хорошо знаю! Такъ исколотать, что печенку отобьютъ. Вотъ хоть бы этотъ герой—Сіонскій; посмотрѣть на его рожу, такъ это чисто кандидатъ въ разбойники, прямо кистень въ руки да на большую дорогу!..

— Да нешто вы его знаете?

— Знаю! свирѣпо рывнулъ Міроносцевъ. Пьяница!

Было замѣтно, что въ старикѣ кипѣла какая-то личная злоба въ приговорѣ о Сіонскомъ.

Съ ненавистью, съ отвращеніемъ взглянулъ на него Алѣша Федоръ Федорычъ поймалъ этотъ взглядъ—и ему стало неловко...

— Ты что на меня такъ смотришь? Я, братъ, люблю правду говорить. И у васъ въ гимназіи тоже водятся такіе сорви-головы. Ты смотри, съ ними не явшайся... Скажи-ка кстати, съ кѣмъ ты тамъ особенно друженъ?

— Ни съ кѣмъ! угрюмо бросилъ Алѣша и вышелъ изъ комнаты. Вслѣдъ ему раздались голоса: «Постой! куда? Невѣжа! что это значитъ?» но онъ, не оглядываясь, ушелъ въ свою комнату.

Слезы душили его. Самъ не понимая зачѣмъ, онъ надѣлъ шинель, фуражку и пошелъ со двора, куда глаза глядятъ.

— Необходимо съ нимъ видѣться, — твердилъ онъ, идя по улицѣ;—вѣдь его теперь вѣрно всѣ бросили,—помочь надо...

Занятый горькими мыслями, Алѣша и не замѣтилъ, какъ передъ нимъ вытянулось длинное, коробкообразное зданіе, обрамленное охрой; онъ вслухъ перечитывалъ надпись на черной доскѣ: «С—кая духовная семинарія 1817-го года», какъ будто въ этой надписи таился необыкновенный смыслъ. Уже смеркалось; по тротуару мѣрно и праздно прохаживался молодой человекъ, судя по платью, нѣчто въ родѣ монастырскаго служки. Алѣша пропустилъ его два раза мимо себя, и наконецъ рѣшился остановить его вопросомъ:

— Вы здѣшній?

— Здѣшній. Что вамъ требуется?

— Мнѣ нужно видѣться съ Сіонскимъ. Онъ тутъ сидитъ подъ арестомъ.

— Есть, есть такой, добродушно улыбаясь, сказалъ служка.

— Ну, такъ вы, коли добрый человекъ, поможете мнѣ съ нимъ увидаться, поговорить нѣсколько минутъ.

— Да вы кто такой будете?

— Какое вамъ дѣло, кто я! Если не можете этого сдѣлать, такъ и спрашивать нечего.

— Гимназистъ—удивительно это! бормоталъ служка.—Да вы можете сродственникъ Сіонскому приходиться?

— Ну, да.

— Просите по начальству, уважутъ.

— Это-то я и безъ васъ знаю. А вы вотъ проведите меня къ нему сію минуту,—будете молодецъ!

— Мы не можемъ. Что вы? увидать, избави Богъ!

— Эхъ вы! правду говорятъ, что дурья порода...

— Да вы немного ругайтесь однако!

Алѣша нащупалъ въ карманѣ гривенникъ, данный матерью, и при дальнѣйшемъ разговорѣ пустилъ въ ходъ эту скромную монету, которая возымѣла надлежащее дѣйствіе; скоро онъ былъ проведенъ, весьма таинственно, какими-то закоулками черезъ дворъ, между полѣнницей дровъ, по колѣно въ снѣгу, и остановился вѣдь окномъ съ забѣленными стеклами. Приведя его на эту позицію, служка исчезъ, точно сквозъ землю провалился.

Алѣшу охватилъ ознобъ опасности и отваги; сердце билось тяжело, мѣрно. Онъ улыбнулся, по нервамъ пробѣжало знакомое ощущеніе: какъ будто онъ опять идетъ поджигать домъ Милонова... и невольно прошепталъ: «что это мнѣ все приходится такъ по-воровски?» Однако нужно было дѣйствовать. Онъ легонько постучалъ въ окно разъ и два,—нѣтъ отвѣта. Онъ закашлялъ и постучалъ рѣшительнѣе,—форточка отворилась и выглянулъ ястребиный носикъ Сіонскаго.

— Алексѣй Петровичъ! Арестантъ глядѣлъ на Алѣшу не то съ радостью, не то съ ужасомъ,—именно, съ ужасомъ, словно не живой человѣкъ передъ нимъ стоялъ.

— Говорите скорѣй, что нужно... Нельзя-ли бѣжать? Связываютъ, что васъ въ солдаты, такъ лучше бѣжать... хотите?

— Куда тамъ бѣжать! безнадежно усмѣхнулся Сіонскій. Мнѣ бы вотъ табачку четверточку... пожалуста, голубчикъ! Сто-рожу Парфену отдайте, человѣкъ вѣрный.

— Это будетъ. Эхъ, кабы вамъ убѣжать! Что надо, помогу!

— Пустое! да вы не бойтесь за меня. Въ солдаты, такъ въ солдаты! Очень даже радъ буду... А вотъ табачку-то продумайте. Грудь сильно одолеваетъ... покурю—легче будетъ... Коли издохну, Стульгуса возьмите себѣ... Обо мнѣ не тужите, дѣло мое самое плѣвое...

— Не попросить ли архіерея?

— Ни-ни, никого просить не надо! Ну спасибо же вамъ, вотъ это дружество!

— Эка важность! Табакъ будетъ, а только я думалъ, поважнѣе что понадобится... Ужъ я не выдалъ бы!.. Право, бѣжать...

— Цсъ, стой! кто-то идетъ по корридору, съ ключами... сюда... ну, прощай Алѣша! скороговоркой вымолвилъ Сіонскій и форточка захлопнулась.

Черезъ минуту забѣленное окно карцера освѣтилось палевымъ свѣтомъ: въ окна задвигались тѣни нѣсколькихъ человѣкъ. Завѣтъ они пришли, инквизиторы! думалось Алѣшѣ.

Однако надо было выбраться изъ неизвѣстнаго мѣста. Со-

всѣмъ стемнѣло; онъ едва могъ найти на снѣгу своей слѣды и по немъ вышелъ на широкій дворъ. Въ воротахъ, какъ разъ не его дорогѣ стояли два человѣка. Алѣша остановился, но послѣ минутнаго колебанія, закутавъ лицо въ воротникъ шинели, пошелъ прямо на этихъ людей.

— Кто это? оклинулъ густой басъ.

Не поворачивая головы, Алѣша ускорилъ шаги и потомъ уже не владѣя собою, безотчетно побѣжалъ по улицѣ.

Домой пришелъ онъ въ лихорадкѣ, сбросилъ съ оледенѣлыхъ ногъ сапоги и лежа обдумывалъ, что къ окну карцера въ другой разъ пробраться, пожалуй, не удастся... и опять остановился на мысли: «Что же это мнѣ все приходится шагать такимъ воровскимъ манеромъ? Какъ нарочно, вѣдь никакъ нельзя прямо... знать, ужъ такъ на роду написано»...

Вошла мать. На вопросы: куда ходилъ, гдѣ былъ,—Алѣша отмалчивался. Анна Дмитріевна своимъ обычнымъ, кроткимъ голосомъ принялась упрекать сына.

— Къ отцу лучше и на глаза не показывайся! Ужъ онъ давеча бранилъ меня, бранилъ, что вишь я избаловала... Дома ты стала какой-то нелюдимый, бѣгаешь нивѣсть куда; — пожалѣй ты меня!..

Сынъ глядѣлъ угрюмо; прищуренные глаза его были влажны. Сцена кончилась, какъ и всегда—нѣжными объятіями; при чемъ Алѣша выпросилъ у матери цѣлковый. Хотя Анна Дмитріевна широко раскрыла глаза, зачѣмъ-де ему такія большія деньги? однако дала безъ распрсовъ, подъ условіемъ, чтобы отецъ этого не узналъ, и примолвила: будь остороженъ, не связывайся съ дурными товарищами,—оберутъ, да еще въ бѣду какую втянутъ. Ты что-то затѣвалъ и скрываешь отъ меня...

— Не бойтесь за меня, маменька,—дурного ничего не сдѣлаю; а сказать вамъ—лучше послѣ скажу... Ухъ, какъ же знотбить-то меня!

Мать напоила его малиной, вытерла подошвы ногъ свѣчнымъ саломъ и, уложивъ въ постель, совѣтовала завтра не ходить въ гимназію.

Завязавъ цѣлковый въ платокъ, Алѣша прошепталъ: «и она тоже все украдкой!.. А вонъ Личарду бѣднаго воришкой ругаютъ... Господи, какъ это все на свѣтѣ перепутано!..» И заснулъ онъ съ мыслию, что хорошіе люди не могутъ дѣйствовать иначе, какъ украдкой. Мать хорошая, добрая женщина; чего бы ей бояться? а и она тоже все потихоньку...

На другой день Алѣша познакомился съ семинарскимъ сто-

рожемъ Парфеномъ. Полфунта табаку и деньги стражъ принялъ секретно, но съ удовольствіемъ.

— Такъ будемъ говорить, баринъ,—вотъ четвертакъ этотъ слѣдуетъ сторожу,—разсудилъ Парфенъ, и положилъ четвертакъ въ ротъ. А остальные ему; томится парень крѣпко; пожрать нечего. Хучь наше дѣло такое, чтобы ни-ни, не допускать, только все же мы люди, какъ и прочіе. Одно скажу, баринъ, ты всегда мали къ нашему брату, потому оно намъ сподручно; а ежели, какъ вѣчоръ, будешь лазить по задворкамъ, такъ те невзначай и шею намнутъ — разъ, а другое — къ начальству стацать, потому замѣтили.

— А повидаться нельзя? Надо бы сказать кое-что.

— Это ни подь какимъ видомъ. И что-жь те разговаривать-то? вотъ денегъ приноси, сколько хошь, — примемъ, а разговоры пустое дѣло. И не пытай лучше, потому — бѣды! говорю тебѣ, запримѣтили, — экономя. Утромъ нонѣ такая шла переборка, двонхъ чуть не отодрали по подозрѣнію. Анъ это выходитъ былъ ты. Мотри, какъ разъ подкараулять. Тебѣ худо, да и нашему-то бѣднягѣ тѣснѣе станетъ.

Предостереженіе это сильно озадачило Алѣшу: значить, намъ больше не видаться, кончено! Значить, «воровская дорога» можетъ только повредить и Сіонскому и мнѣ. Что же тутъ дѣлать? А бросить этого нельзя, — гадко выйдетъ! Дѣятельную мысль остановить невозможно; если запруть ей одну дорогу, она найдеть другія — кривыя, окольные, но ведущія все къ той же намѣченной цѣли. Разница въ томъ, что на окольныхъ дорогахъ нерѣдко мы теряемъ такой цѣнный багажъ, что оказываемся потомъ передъ достигнутой цѣлью уже нигуда негодными, недостойными ею воспользоваться.

При первой же встрѣчѣ съ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ, Алѣша обнаружилъ совѣмъ необычную, даже подленькую предупредительность, что чрезвычайно понравилось отцу и изумило мать.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ, одолжите мнѣ какую-нибудь книжечку прочесть; у васъ прекрасныя книжки.

— Ладно, хорошо. Приди ко мнѣ, я тебѣ выберу.

И Алѣша отправлялся къ старику, сидѣлъ съ нимъ полчаса и возвращался домой съ книгой «Наука о великомъ Божіемъ мірѣ», или съ «Ядромъ Россійской исторіи».

Книгъ этихъ онъ не читалъ, а войдя къ Міроносцеву, соображалъ, какъ бы извлечь изъ этой фаворы то, что ему нужно. Планъ представлялся чрезвычайно обширный и успѣхъ несомнѣнный: Ѳедоръ Ѳедорычъ поѣдетъ къ архіереку, попроситъ, и Сіон-

скій будетъ совершенно помилованъ; для этого необходимо ублажить старика и напустить на него мать.

Однако дни проходили, а Алёша колебался, даже съ матерью еще не переговорилъ, и между тѣмъ незамѣтно запутывался въ такія сѣти, отъ которыхъ въ иное время бѣжалъ бы безъ оглядки. Однажды въ общемъ разговорѣ о пользѣ благовоспитаннаго общества, гдѣ приобретаются хорошія манеры, свѣтскій лоскъ и всякія изящества, Міроносцевъ совсѣмъ неожиданно выкинулъ такое предложеніе:

— Да вотъ, чего же лучше — надняхъ пріѣхалъ въ намъ какой-то французъ-танцмейстеръ и теперь составляется подписка, чтобы устроить дѣтскіе танць-классы. Всѣ подписываются; губернаторскіе дѣти будутъ, князя Хвалынцева, Кирилы Егорыча (откупщика), предводительскія. Двадцать пять рублей за полную выучку. Не дешево, каналья, беретъ, за то пріятно, весело, компанія самая бонтонная. Я, признаться, недолюбиваю модныя-то шарканья, ну, да мы люди стараго покроя, а нынче оно требуется отъ молодого человѣка. Ужъ такимъ, что съ молоду голубей гоняли, да въ бабки практиковались, такимъ нынче ходу нѣтъ. Подпишись, Петръ Ивановичъ, раскошелся!

Петръ Ивановичъ, только что получившій мѣсто совѣтника палаты, нашелъ необходимымъ дать сыну свѣтское воспитаніе, а главное, черезъ эти танць-классы втереться въ высшее провинціальное общество.

— Дѣйствительно, это полезная сторона воспитанія, и притомъ такой случай... Ты какъ думаешь, Анна Дмитревна?

— Что-жъ, коли оно требуется... что я въ этомъ смекаю! какъ ты Алёша, хочешь?

— Извольте, я съ удовольствіемъ.

Похвалы и ласки посыпались на добронравнаго Алёшу.

Немедленно заказанъ для него у лучшаго портного новыі, щегольскій мундиръ изъ тонкаго сукна, заказаны башмаки съ стальными пряжками, куплены перчатки. Мать наивно восхищалась, что сынокъ ея будетъ такой нарядный, ловкій, обученный всему, какъ настоящій барчонокъ. «Да еще лучше другихъ, потому вѣдь ты у меня красавецъ!» приговаривала она, ласковою рукой разглаживая непослушные русые волосы сыночка. — «И не снилось», — уже про себя думала бѣдная барыня-крестьянка, «и не снилось, что мой сынъ, моя кровь, да еще пріжитый-то какъ, до вѣнца, не въ законѣ; а гляди, знатнымъ господиномъ будетъ... И за что мнѣ, деревенской дурѣ-лапотницѣ такое счастье Богъ посылаетъ»?.. И вся улыбалась любящая мать;

въ освѣтительномъ сіяніи лежала передъ нею будущность ея милого ребенка...

И на Алёшу также одуряющимъ образомъ подѣйствовали эти работявые приготовленія къ вступленію въ заколдованный кругъ, населенный князьями и внязьями, сверкающій огнями, музыкой, весельемъ, роскошью. До сего дня онъ и не замѣчалъ, хорошо ли сидитъ его платье, изъ толстаго, или изъ тонкаго оно сукна, какіе онъ носитъ сапоги, зачѣмъ нужны человѣку перчатки... и наконецъ, каковъ онъ собою? Едва ли не въ первый разъ внимательно взглянулъ онъ въ зеркало и замѣтилъ особенности своей фizioноміи.

Ему минуло пятнадцать лѣтъ. Черты лица его, разумѣется, еще не приняли той законченности, которую налагаютъ годы житейскихъ скорбей, страстей и опредѣлившихся убѣжденій; но въ добрыхъ свѣрыхъ глазахъ Алёши, доставшихся ему отъ матери, уже свѣтилась какая-то мысль, какъ будто ищущая дѣла; въ смѣломъ очеркѣ губъ, которыя онъ часто кусалъ, видна была рѣшимость, но еще явственнѣе эта рѣшимость слышалась въ его рѣчи: говорилъ онъ твердо, отрывисто, глубокимъ груднымъ альтомъ. Сложенія былъ сильнаго и стройнаго. Въ толпѣ дѣтей Алёша выдѣлялся нѣкоторою своеобразностью манеръ: въ немъ не было ничего подражательнаго, стаднаго. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе плохо-прирученнаго, но понятливаго диваря; густые, торчащіе вихрамы на вискахъ и на макушкѣ волосы (на которыхъ мать сломала не одинъ гребешокъ) еще болѣе усиливали это впечатлѣніе.

— Ну, хорошо, приду туда; размышлялъ онъ вслухъ, что же я тамъ стану дѣлать? Не все же танцовать... Никого не знаю, не сумѣю можетъ и говорить-то какъ нужно... Кто-жъ со мною тамъ будетъ? Мама, вы поѣдете?

— Нѣтъ, голубчикъ; первый вечеръ назначенъ у губернатора; отецъ поѣдетъ. Я вѣдь незнакома, куда ужъ мнѣ!..

Это обстоятельство еще больше смугило Алёшу. Имъ овладѣло гадкое, оскорбительное чувство трусости, котораго онъ до этой минуты не знавалъ. Онъ привыкъ вѣрить въ себя, въ свои силы, неизмѣнявшія ему въ самыхъ рисованныхъ дѣлахъ; онъ не понималъ, какъ можно стыдиться своего домашняго быта, своихъ внутреннихъ побужденій, даже самое слово *стыдно* всегда ему было какъ-то дико, а тутъ представлялась такая перспектива, въ которой это *стыдно* пожалуй что и будетъ имѣть свой мужескій смыслъ... Въ этой перспективѣ ему все мерещились какія-то славочныя княжны, гордыя царевны-недотроги... «Ну, какъ-то другъ эти княжны, узнавши, что моя мать изъ крестьянъ»

новъ, а дѣдушка до сихъ поръ въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, да начнутъ насмѣхаться? Вѣдь я за это чортъ знаетъ чего имъ надѣлаю!.. Ахъ, Боже мой, зачѣмъ я согласился!.. И что это такое, что меня толкаетъ совсѣмъ не туда, куда бы я хотѣлъ и гдѣ было бы мнѣ такъ привольно?..» И передъ нимъ ярко вознивала дѣдушкина изба, запахъ срубленной сосны и веселый стукъ топоровъ на крутомъ берегу кормилицы-Волги...

Эти волненія побуждали его поскорѣе приступить къ осуществленію той цѣли, ради которой согласился на предстоящія интарства. Онъ разсказалъ матери всю исторію своего знакомства съ Сіонскимъ, даже до подробностей послѣдняго визита къ сторожу Парфену — и, конечно, безъ особеннаго труда получилъ отъ нея обѣщаніе настроить Ѳедора Ѳедорыча на самое энергичное заступничество.

— Онъ это безпремѣнно сдѣлаетъ. Развѣ онъ лиходѣй какой? Вѣдь самъ былъ поповичемъ, знаетъ бѣду! — успокоивала Анна Дмитриевна.

— Ужъ какъ бы то ни было, а дѣло Сіонскаго правое. За мѣйте маменька, Лука къ намъ не является, значитъ, совѣсть нечиста... И запретите ему, чтобъ и дорогу къ намъ забылъ!.. А то мы съ Личардой его отгучимъ.

Только что онъ кончилъ эту задушевную бесѣду съ матерью, въ дверяхъ появился Личарда и тайно подмигнувъ барину. Алѣша вполне понималъ мимику вѣрнаго слуги и, осыпавъ свою маму еще разъ горячими поцѣлуями, вышелъ.

— Что надо?

— Тамъ на кухню пришла какая-то старушка, васъ спрашиваетъ.

— Старушка, во мнѣ? Никакой старушки я не знаю.

— Говорить, Алексѣя Петровича надо. Идите, тамъ ужъ узнаете.

Въ кухнѣ сидѣла на скамейкѣ маленькая старушка въ заячьей шубѣ, не очень старая, но изрядно скомбанная разными передрагами; подлѣ нея стояла Катерина, уныло подперши ладонью щеку. При входѣ Алѣши старуха поднялась и возвела на него слезящіеся глаза; морщинистое лицо ея задергалось и еще больше сморщилось.

— Батюшка! возопила она, пожалуйста ручку... ручку, кормилецъ ты мой...

Старуха торопливо поймала его руку и прижала къ губамъ. Алѣша совсѣмъ растерялся, даже не могъ высвободить руку.

— Я, родимый, мать Андреяшина... Сионскаго, стало быть... мать родная...

— Какъ же это вы такъ... садитесь пожалуйста... вы откуда?

— Охъ, горе наше великое! Изъ Кубасовки, родимый, изъ Кубасовки.... третьёва дни прѣѣхала, шутка-ли, тащилась почти пять дѣнь.... да вишь какая бѣда на насъ свалилась, какъ же тутъ не прѣѣхать!.. еще спасибо, добрые люди оповѣстили; нашего священника сыновъ отписалъ; а то гдѣ бы мнѣ и знать-то? Такъ бы и въ могилу легла, незнавши, какъ угнали бы ново Андреяшу нивѣсть куда... Кто за насъ, темнычъ, постоитъ кромѣ Бога? сиротство наше горькое! Вдовью вотъ пятнадцатый годъ. Опять же бѣдность... говорятъ, въ солдаты, а матери-то каково?

Она горько заплакала.

— Видѣлись вы съ Адрияномъ Никитичемъ?

— Съ Андреяшей-то; видѣлась батюшка, видѣлась... допустили, какъ же! Вотъ онъ и послалъ къ тебѣ... Ужъ какъ онъ тебя, сударь, почитаетъ-то, кажись превыше херувимовъ перевозилъ... Иди, говорить, прямо. А я, признаться, допрежь всего хотѣла къ генералу Мироносцеву, Ѳеодору Ѳеодорычу, коли знаете, къ нему хотѣла, да Андреяша-то мой воспротивился, говорить, чтобъ ни подъ какимъ видомъ, легче, говорить, всякую казнь прямую, чѣмъ ему поклониться.

— Отчего-жъ это онъ такъ?

— Ахъ, ужъ и не спрашивай, батюшка! Тутъ старые грѣхи, а паче того наша гордость... Великъ-ли у парня разумъ? Иной бы, извѣстно, въ такой бѣдѣ будучи въ ножки повалился, а мой-отъ все свое... ндравный...

— Вы, матушка, пожалуйста расскажите мнѣ все, какъ было... Мнѣ это нужно знать, очень нужно.

— Дѣло старое; вѣдь мы въ родствѣ состоимъ...

— Съ Мироносцевымъ въ родствѣ? Алѣна даже вздрогнулъ.

— Да, я прихожусь ему сестра единоутробная, значить, мать у насъ одна, только отъ разныхъ мы отцовъ. Все-таки выходитъ, Андреяша-то мой доводится ему роднымъ племянникомъ. Ну вотъ, по первоначалу Ѳеодоръ Ѳеодорычъ принялъ Андреяшу по родственному, далъ ему у себя на кухнѣ уголочикъ, сапоги купилъ новыя, только до себя не допускалъ, не любилъ этого; а въ свободное время заставлялъ въ саду работать, цвѣты поливать... Кажись и спокойное было житье: уголь есть, хлеба въ всякій день горячее, живи, да молись Богу за благодѣтелей... Только нужно же тутъ замѣшаться врагу рода человѣческаго: повадилась

ходить въ нимъ въ садъ нѣмка-лекарша, зубного лекаря жена. Ужъ не знаю какъ вамъ это сказать, вамъ по младости и непонятно оно будетъ... Только эта лекарша зазрѣлась на Андреяшу... лукавый-то въ нее вселился...

— Эка, подлая! вырвалось у Катерины.

— Да ужъ и онъ честилъ ее! Самыми такими словами, чего она только стояла... Разъ даже что было: поливаетъ онъ цѣбты, а она тутъ, и все свое траститъ, только онъ какъ хлопбыснетъ ее водой изъ лейки-то, такъ всю и охватилъ... И смѣху, и сраму что тутъ было, всего и не пересказать! Только все это ладно, хорошо; вдругъ у генерала пропадаютъ двѣ серебряныя ложки. Туды-сюды, кто взялъ? И какъ же вы думаете — экое-то дѣло свалили на моего Андреяшу... И тутъ опять же все безстыжая нѣмка нашептывала. Какъ зачалъ старикъ выговаривать, да уличать Андреяна въ этакой напраслинь, ну тотъ и не стерпѣлъ... сердце-то въ немъ вдругъ вскипѣло... да, мать моя, баталія цѣлая произошла промежъ нихъ, за древолье взялись. Ну, скрутили моего-то голубчика, поволокли къ начальству... Кафтанишко да рубашонки, какіе у него были, связали въ узелочекъ, выпшвырнули на улицу и слѣдъ замели, чтобъ и духу не было!

— Ишь грѣхъ какой! вздохнула Катерина.

— И родства нашего съ той поры какъ не бывало! Какое? гонителемъ нашимъ сталъ. Съ таковаго горя и Андреяша-то мой потерялся, вдругъ сталъ баловствомъ этимъ заниматься на счетъ хмѣлю... и пошло на насъ несчастье... Теперича, конечно, это дѣло прошлое; припади къ стопамъ, такъ можетъ старикъ и смиловался бы, только Андреянь-то не можетъ съ своимъ сердцемъ совладать. Запужалъ меня, залялъ, чтобъ и нога моя тамъ не была. А вѣдь я мать, разсудите люди добрые, каково мнѣ это!.. (старуха зарыдала). Алѣша глядѣлъ вокругъ большими глазами, словно стѣны передъ нимъ зашатались.

— Опять же то возьмите, — нѣсколько успокоившись, продолжала старуха: старшему сыну ученье въ прокъ не пошло, — теперича дьячкомъ бѣдуетъ, — ну тотъ ужъ въ такихъ дѣтахъ — и Господь съ нимъ! А этотъ меньшинкой-то, вѣдь разумомъ востеръ вышелъ; вонъ онъ нашему священнику за полтину проповѣдь сочинилъ на «всѣхъ скорбящихъ» — такъ не нахвалится — разъ по четыре каждый годъ ее читаетъ... Мнѣ вѣдь что? я не изъ борысти, какъ иные; даже и помочи никакой отъ дѣтей не жду, не надо... ужъ въ могилу гляжу, — а жалъ, что младъ-человѣкъ теперича долженъ зря пропасть... Ну, какой онъ соддать? Хмъ

да болѣзненный, солдатчина-то его за одинъ годъ въ гробъ вкочлотить...

— И-и, мать, что и баить—солдатчина! На что ужъ вонъ все дитя, холопецкое, а легче бы живого въ землю зарыла, чѣмъ эта солдатчина!... примолвила Катерина.

— Теперь я такъ мѣкаю: хоша онъ и залялялъ меня не ходить къ дяденькѣ, а я все-таки пойду... а ему-то не скажу, обману—Господь простить этотъ грѣхъ матери... а только я пойду.

Послѣднія слова разбудили Алёшу.

— Пойдемте сперва къ маменькѣ; переговоримъ съ ней.

— И, батюшка! какъ я смѣю безповоить маменьку вашу? Мнѣ и въ горницу-то войти непристойно.

— Ничего, ничего, идите, — онъ у насъ не слѣсивыя. Чтò барыня, чтò молодой баринъ — это одна душа. Идите такъ, по простотѣ; — идите смѣло; можетъ, Господь васъ принесетъ въ самый разъ! уговаривала Катерина.

И передъ Анной Дмитріевной старушка повторила свой печальный рассказъ.

— Вотъ каковъ онъ — вашъ Федоръ Федорычъ-то! побѣднымъ тономъ завершилъ Алёша рассказъ захлебнувшейся слезами старухи.

— Да-а... вѣдь надо же такому несчастью случиться! Ахъ, Господи! запечалилась Анна Дмитріевна. И вѣдь поди чай эти ложки потомъ нашлись, или узнали кто укралъ...

— Что тутъ ложки!?... перебилъ горячо сынъ. — Тутъ по коему не въ ложкахъ дѣло... Развѣ вы своего племянника стали бы на кухнѣ держать, да за объѣдки обѣда заставлятъ отработывать въ саду? Выходитъ вѣдь, что онъ не даромъ жилъ у дяди, — и неизвестно еще — кто кому долженъ сказать спасибо... Вотъ она гдѣ обидаето, а что—ложки! да еслибъ онъ при нуждѣ и взялъ ихъ да продалъ — и то не бѣда...

— Ну, ужъ ты больно... занесъ околесную! Чужую вещь какъ же можно? Притомъ, говорятъ же тебѣ, что не онъ въ этомъ виноватъ.

— Нѣтъ, маменька, пускай онъ, — я и на то согласенъ, а все-таки Адрианъ не виноватъ. Только онъ прямо бы сказалъ: мнѣ вотъ нужно табаку, — я взялъ ваши ложки и вымѣнялъ ихъ на табакъ, потому что денегъ вы мнѣ не даете, а я для васъ работаю... Ужъ онъ бы непременно такъ прямо и сказалъ, безъ всякаго допроса. О, я его отлично знаю! Сколько разъ я предлагалъ ему деньги — не взялъ даже мѣдной копѣйки, — а чтò онъ

для меня сдѣлать? Не то, что эти сапожники, которые по сту рублей взяли за приготовленіе меня къ экзамену, какъ попугая. Онъ бы этого не сдѣлалъ!

Аннѣ Дмитріевнѣ показалось, что Алѣша вдругъ постарѣлъ пятью годами. Въ первый разъ она слышала отъ него такія рѣчи, онъ шагаль по комнатѣ, заложивъ руки за-спину, поглядывалъ такимъ волченокъ, даже вихры на головѣ какъ будто больше оцетинились.

— Что же мы станемъ теперича дѣлать-то? Вѣдь не знаешь съ какой стороны и подойти-то къ нему...

— А я такъ думаю, что теперь и церемониться-то особенно нечего: онъ сдѣлаетъ все!

— Да мнѣ бы только Андреяшу моего отдала, отцы мои! незамай ужъ исключаютъ его вонъ изъ семинаріи, — лишь бы только не угодилъ въ солдатчину.

— Не плачьте, бабушка, — будетъ! А вы, маменька, безъ походовъ прямо ему отрѣжьте по-нашенски... Коли что, такъ вѣдь я и отца подниму, я знаю, что ему сказать... Ужли-жъ въ людяхъ совсѣмъ нѣтъ совѣсти?!...

IX.

Зала губернаторскаго дома была освѣщена вполонину, только стѣнными лампами. Старикъ скрипачъ, наклонивъ на бокъ голову, напиливалъ убогенькій, однообразный мотивъ; посредникъ залы передъ шеренгою дѣтей, monsieur Лебб — красивый, хорошо откормленный французъ, въ свѣтлозеленомъ кругломъ фракѣ съ бронзовыми пуговицами, балансировалъ на носкахъ своихъ лабированныхъ башмаковъ и выкрикивалъ въ тактъ скрипки; по его командѣ двигалась впередъ и назадъ шеренга щегольски-разряженныхъ кукловокъ.

— Un, deux et trois! Un, deux, trois et quatre! Oui-i, — c'est-ça! Reconnençons s'il vous plait. Un, deux... et vous, mon petit douchinka, n'oubliez pas vos coudes! Eh bien, mes amis — chassé en avant! Un, deux... ch-chute-chute! attention! М-г Лебб съ отчаяніемъ машетъ скрипачу, — все останавливается, замираетъ на мѣстѣ; онъ зефиромъ подлетаетъ къ шеренгѣ и поправляетъ что надо. Мальчишкамъ м-г Лебб выговариваетъ громко: Mais allons donc, mon petit éléphant chéri, tachons nous devenir un peu moins lourd. Vous marchez comme un ours de Sibérie — comme Mical Jvanitch! И при этомъ онъ такъ каррикатурно и мило ломался, передразнивая сибирскаго медвѣдя, или

неповзрѣлаго мальчика, что вся зала помирала со смѣха. — C'est gracieux — ça? Hein? Дѣвочкамъ замѣчанія онъ напештываетъ по секрету, и легко, осторожно поправляетъ плечики, локти, талию своими пухлыми пальцами, сверкающими множествомъ бриллантовъ.

Въ продолженіи часового урока м-г Лебб такъ умается, что достаетъ изъ кармана запасной фулярь и долго обвѣваетъ имъ свои розовыя щеки. Сдѣлавъ по командѣ церемоніальный поклонъ, дѣти расходятся; старичокъ, нюхая табакъ, укладываетъ скрышку, а м-г Лебб отправляется въ гостинную и усаживается между madame la générale и la princesse Хвалынцовъ. Ему подають чашку чаю, что онъ находитъ въ настоящемъ случаѣ excellent. Начинается между ними эта милая sautsérie française, въ которой — увы! никакъ не можетъ принять участіе откупщица Парасковья Семеновна Косолапова, важно засѣдающая на диванѣ, но совершенно посторонняя французскому языку. Еще нѣсколько мамеinek сидятъ по угламъ и шепчутся о самыхъ нескретныхъ предметахъ. Всѣ дамы обворожены м-г Лебб. Вдругъ м-г Лебб дѣлается задумчивъ, серьезень, — онъ проникается важностью своей профессіи, — признается, какъ тяжелы подъ-часъ его задачи, сколько надо придумать труднѣйшихъ комбинацій, чтобы помочь природѣ стать изящною. Доказавъ универсальную и несравненную выгоду обладать des jolies manières, онъ начинаетъ вперяь взоръ въ будущее, профетизируетъ, кто изъ его учениковъ будетъ современемъ briller à la cour. Его словамъ вѣрятъ, а онъ утверждаетъ, что briller à la cour — это все. Рассказываетъ нѣсколько галантныхъ анекдотовъ про Леторьера, Ришельё, — слушательницы млѣють... Еще больше млѣють онѣ, когда м-г Лебб вызываетъ изъ залы двухъ сыновей губернаторши и князя Анатоля Хвалынцова, и увѣряетъ, что эти petits gaillards будутъ современемъ имѣть un succès fou. Дѣти губернаторши, золотушные и вислоухіе субъекты глядятъ на профессора съ тупымъ равнодушіемъ юныхъ кретиновъ, а князь Анатолий бросаетъ дерзкій, презрительный взглядъ и бѣжитъ въ залу, къ группѣ дѣвочекъ.

О дѣвочкахъ м-г Лебб позволяетъ себѣ говорить съ какою-то наскудною сладостью, съ отвратительною стыдливостью; — онъ будто захлебывается этими — des tournures distinguées, этими des grâces naturelles, des naivetés adorables, qui promettent, qui promettent... mais, mon Dieu, je voudrais bien savoir, qu'est ce qu'elles ne promettent pas!... Bah! Surtout, cette brune piquante... m-lle Agathe... Ah, elle a dans les yeux quelque chose d'inferral... petite tigresse!...

— М-ме Косолаповъ, это онъ про вашу дочь говорить, очень хвалитъ, обратилась губернаторша къ глупо молчавшему миллиону.

— Вуй, мусье! ляпнулъ миллионъ, сознавая свое тяжеловѣсное величіе.

А въ залѣ дѣти расхаживаютъ группами; набралось ихъ штукъ двадцать отъ 8 до 16-ти лѣтъ, цвѣтъ юнаго губернскаго повола́ннiя. Они перезнакомились очень скоро и по какому-то инстинкту раздѣлились на партіи. Вислоухіе мальчики губернатора играютъ довольно жалкую роль: куда ни подойдутъ, вездѣ овазываются лишними. Князекъ Анатоль Хвалынцовъ и Саша Косолаповъ играютъ въ самую отчаянную игру между дѣвочекъ. Оба ловкіе и красивые мальчики лѣтъ оволо пятнадцати; Анатоль въ блестящемъ мундирѣ заворпуснаго пажа, бѣгло болтаетъ по-французски, даже картавитъ, какъ его гувернеръ; онъ часто невстати повторяетъ «*foi de gentilhomme*», и еще: «*c'est vieux comme blason de mes ancêtres*». Саша по-французски говоритъ скверно, но зато сыплетъ стихами двусмысленнаго содержанія и анекдотами, отъ которыхъ дѣвочки хихикаютъ и разбѣгаются.

Между дѣвочками самую видную роль играетъ *petite tigresse*—черноглазая Агата Косолапова. Въ честь бабушки, ей дали при рожденіи имя Агафья, но впослѣдствіи при миллионѣ (притомъ мужиками въ кабакахъ) оказалось невозможнымъ носить такое мужицкое имя, и по совѣту гувернантки ее назвали Агатой, что очень мило и *infiniment plus noble...* Въ ея задорномъ личикѣ была одна особенность—это рѣзкіе переходы отъ суроваго, почти злого выраженія въ самой свѣтлой улыбкѣ; она, кажется, ни на мигъ не была спокойна и задумчива, оттого-то улыбка ея сверкала ослѣпительно и какъ будто заражала все окружающее. Агата не была похожа ни на мать, ни на отца, обладавшихъ широкими и плоскими лицами финскаго племени; въ ея восточной физиономіи повторился типъ какой-нибудь очень отдаленной прабабушки, вѣроятно киргизки, завезенной лихимъ купчиною изъ-за Урала, вмѣстѣ съ дорогимъ пушнымъ товаромъ.

Другая замѣтная дѣвушка была Кэтти,—такъ ее всѣ звали, не справляясь объ отчествѣ и фамилии. Она воспитанница княгини Хвалынцовой, а всезнающіе люди утверждали, что Кэтти побочная дочь князя, и положеніе ея въ домѣ дѣлало величайшую честь сердцу и христіанскимъ добродѣтелямъ княгини, у которой было два сына, дочери же все умирали, а потому эта дѣвушка воспитывалась и поведена была, какъ настоящая, «природная» княжна. Высокая, стройная блондинка, Кэтти глядѣла вокругъ

себя невозмутимо-ровно и внимательно, какъ будто она не отъ міра сего и старается рассмотреть и понять все окружающее. Она съ достоинствомъ уклонялась отъ слишкомъ живой рѣзвости хохочущихъ подругъ и на Сашу Косолапова смотрѣла пренебрежительно.

Было человѣка четыре гимназистовъ, но Алѣша ихъ мало зналъ, и лишь доволенъ былъ встрѣчей съ однимъ Платономъ Кашириновымъ, ученикомъ 7-го класса, слышшимъ въ гимназiи за большого умницу. Кашириновъ вѣроятно тоже въ гимназiи слышалъ, что Слободинъ мальчикъ неглупый, а потому по-товарищески протянулъ ему руку и обмѣнялся нѣсколькими приветливыми фразами, — но вдругъ, замѣтивъ сидѣвшую одиноко въ уголкѣ Кэтти, онъ бросилъ Алѣшу посерединѣ залы, подошелъ къ задумчивой блондинкѣ, съ которою и просидѣлъ весь вечеръ въ разговорѣ, повидимому, очень интересномъ.

Алѣшѣ хотѣлось убраться домой; онъ нашелъ отца въ боковой комнатѣ за вѣстомъ и подсѣлъ къ играющимъ. Двери кабинета распахнулись, — вышелъ губернаторъ, котораго Алѣша видѣлъ на гимназическомъ актѣ въ мундирѣ и со звѣздой, теперь онъ былъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и весь какой-то смятый, точно съ просонья. При появленiи его превосходительства произошло нѣкоторое почтительное смятенiе, стулья задвигались.

— Здравствуйте, господа! а я виновать, за работой, прошу прощенiя. А, и вы здѣсь! и вы... и вы... очень-очень радъ! слышалъ начальникъ направо и налево, кивая приветливо головой и протягивая кому одинъ палецъ, кому два, а кое-кому и всю руку. — Продолжайте, продолжайте, господа; я посмотрю на нашихъ великихъ гостей, — и онъ прошелъ въ залу, остановившись съ князькомъ Анатодемъ, чтобъ освѣдомиться о здоровьи его папаша.

Въ одиннадцать часовъ начали разбѣзжаться. Княгиня поднялась первая, прося всѣхъ на слѣдующій урокъ пожаловать къ ней. Алѣша тоскливо глядѣлъ на отца, который выжидалъ чего-то, наконецъ, увидѣвъ удобную минуту, подошелъ откланяться къ превосходительствамъ. Губернаторъ милостиво протянулъ ему два пальца, спросилъ о здоровьи Федора Федорыча и прибавилъ, кивнувъ на Алѣшу: — А это вангъ? Бравый, бравый молодецъ!

Бѣдучи домой, отецъ и сынъ волновались самыми противоположными чувствами: Петръ Иванычъ улыбался, будто его кто медомъ по губамъ помазалъ, а сынъ, перебирая многое имъ захваченное, недоумѣвалъ и допытывался, почему въ этомъ парадномъ мірѣ все, даже поведенiе отца, ему было до крайности антипатично?

Дома былъ онъ утѣшенъ матерью, что заходилъ Федоръ Федорычъ и послѣ долгихъ, неотвязныхъ просьбъ, далъ слово завтра же поѣхать въ архіерею и завѣрилъ, что съ Сіонскимъ будеть поступлено «по-отечески». Хотя Алѣша не зналъ еще, что значить это «по-отечески» въ переводѣ на простой общепонятный языкъ, но вообще принялъ это извѣстіе не такъ горячо...

Танцевальные вечера одинаково повторялись и въ домѣ Хвалынцовыхъ, и у предводителя, и у Косолаповыхъ, у послѣднихъ только угощеніе было лучше, всегда конфеты и мороженое. Сначала Алѣша чувствовалъ себя совершенно одиновимъ въ этомъ искусственномъ мірѣ, но скоро сошелся короче съ Кашириновымъ и сталъ играть замѣтную роль. Вотъ какъ это случилось.

Самые веселые вечера были у Косолаповыхъ, чему немало способствовало съ одной стороны то, что губернаторша и княгиня Хвалынцова прѣзжали туда весьма рѣдко, а это были особы такого сорта, что одно ихъ присутствіе и какіе-то инспектирующіе взгляды дѣйствовали на дѣтей оцѣпняющимъ образомъ; а съ другой стороны расположеніе комнатъ: въ залѣ примыкалъ корридоръ очень длинный, полуосвѣщенный, въ которомъ выходило нѣсколько дверей изъ маленькихъ дѣтскихъ комнатъ, что оказывалось весьма удобно для разныхъ игръ и не совсѣмъ дѣтскихъ затѣй. Гувернантка у Косолаповыхъ была очень спокойная старушка, удалявшаяся послѣ танцевъ въ свою комнату играть въ домино съ княжескимъ гувернеромъ. По корридору поднималась бѣготня, въ дѣтскихъ затѣвались прятки, свободна была полная. Однажды Кашириновъ, который держалъ себя степенно и сентиментально, прохаживаясь по залѣ, декламировалъ Слободину изъ недавно появившейся главы Евгенія Онѣгина; вдругъ въ корридорѣ послышалась необычайная возня и потомъ слабый умоляющій стопъ.

Они оба повертели туда и увидѣли, что князь Анатолий поймалъ Кэтти, скрутилъ ей руки назадъ и толкаетъ въ Сашу Косолапову, приговаривая: «вотъ она, берите, теперь она ваша, не увернется, et arranger la somme il vous plaira...» Кашириновъ весь помертвѣлъ и едва могъ выговорить: «какъ это безгородно, князь!» Травля прекратилась.

— Дерзкіе мальчишки! — съ волненіемъ продолжалъ послѣ Кашириновъ. Если-бъ вы знали, что терпитъ бѣдная дѣвушка отъ этого сорванца! Ужасно жаль ее! мы съ нею очень дружны...

— Д-да... вы ее любите, спокойно замѣтилъ Слободинъ.

— Кто это вамъ сказалъ! вспыхнулъ влюбленный юноша. Совсѣмъ нѣтъ... простая, братская дружба...

— Впрочемъ, извините! точно, вы правы, потому что, еслибъ любилъ ее, то...

— То что?

— Вы отколотили бы этого князя и Сашу, какъ слѣдуетъ.

— Кулачное право! горько улыбнулся Кашириновъ.

Зашелестѣло платье; они оглянулись: Кэтти и Агата стояли позади ихъ и слышали весь этотъ коротенькій разговоръ.

Черноглазая наследница милліона суровымъ и любопытнымъ взглядомъ смѣрила этого оригинальнаго диваря съ ошестинившимся на головѣ вихрами. Онъ споконьяно выдержалъ ее взглядъ, и рѣзко повернувшись, отошелъ въ сторону.

На слѣдующій вечеръ Кашириновъ и Кэтти пригласили въ свою компанію Алѣшу. Какъ всѣ влюбленные, они успѣли уже выболтать ему свою тайну; но къ разговорамъ ихъ онъ никакъ не могъ приладиться, ему казалось, что эти разговоры какіе-то не настоящие; изъ нихъ онъ понялъ только одно, что Кашириновъ, когда поступитъ въ университетъ, непременно будетъ носить очки, а по окончаніи курса поѣдетъ въ Петербургъ и будетъ служить по дипломатической части. Кэтти одобрила его планы и тоже вздыхала о Петербургѣ. Дѣйствительно, что могъ Алѣша прибавить къ этимъ пустопорожнымъ изліяніямъ? Онъ и слушалъ-то ихъ разсѣянно, потому что занятъ былъ сценой, происходившей возлѣ большихъ стѣнныхъ часовъ съ музыкой: Агата хотѣла встать на стулъ, чтобы завести музыку, Анатолий не допускалъ ее; она спорила, смѣясь, и наконецъ-таки вскочила на стулъ.

— А когда такъ, то я схвачу васъ и пронесу на рукахъ по всей залѣ, — хотите?

— Не смѣете, — самоувѣренно замѣтила красавица, и все смѣялась самымъ подзадоривающимъ смѣхомъ.

Анатолий обхватилъ ее колѣни, она все смѣялась. Онъ приподнял ее, да видно ужъ очень ловко, потому что вдругъ среди ея звонкаго хохота раздалась самая полногѣсная пощечина...

Князѣкъ остолбенѣлъ, выпустилъ ее изъ рукъ; лицо его съ вобгровѣвшею щекой, разинутымъ ртомъ и слезами на глазахъ было уморительно-жалко. Агата, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ сидящимъ и заговорила съ Кэтти о будущемъ вечерѣ, на которомъ въ первый разъ будетъ мазурка.

— М-г Слободинъ, отчего вы никогда со мной не танцуете? А глаза ея, устремленные на Алѣшу, говорили: что, молодецъ я? Не ты одинъ такой—и я постоять за себя умѣю.

Первую мазурку Алёша танцевалъ съ Агатой, а затѣмъ сталъ съ нею всегда и вездѣ неразлученъ. Платонъ Кашириновъ, видя таковой успѣхъ Алёши, тѣснѣе сдружился съ нимъ; разница возраста между ними исчезла: «приходите ко мнѣ и я къ вамъ буду приходить, будемъ друзьями». Катти смотрѣла на него боязливо: съ дѣтства сбитаая съ толпу общеизвѣстнымъ аристократическимъ катехизисомъ княгини Хвалынцовой, она рѣшительно не могла понять, что такое этотъ Слободинъ... Она видѣла въ немъ одну только смѣлость, особенно когда онъ однажды въ глаза обозвалъ танцмейстера пижономъ, въ отвѣтъ на какое-то тоже игривое названіе, данное ему французомъ. Озадаченный м-г Лебб притворился, что не слышалъ, но такъ и остался пижономъ. Катти слышала, какъ потомъ Слободинъ сказалъ Каширинову:

— Зазнался плясунъ. Воображаетъ, что онъ важная птица... Да мы сами виноваты. Вѣдь, напримѣръ, самого умнаго учителя математики нигдѣ не стануть такъ принимать, на рукахъ носить, — вотъ онъ и важничаетъ, а потомъ еще смѣяться надъ нами будетъ.

Анатолий Хвалынцовъ возненавидѣлъ счастливаго соперника, отзывался о немъ извѣтельно—*c'est un moujik*,—но трусилъ напасть прямо. Всѣ остальные мальчики и даже Саша Косолаповъ, — которымъ давно ужъ князѣкъ надѣлъ своимъ высочомъ бріемъ и безцеремонностью, приняли сторону Алёши.

Агата—ребенокъ страшно избалованный и своевольный—ничѣмъ не стѣснялась, напротивъ, ей какъ-будто было невыразимо пріятно показать всѣмъ, что она любима и любить, совершенно какъ большая,—любить таковаго человѣка, котораго никто не замѣчалъ, она сама его нашла, открыла въ немъ необыкновенныя качества и поставила выше всѣхъ.

Дѣла Алёши подвигались шибко. Онъ позналъ прелесть любовной азбуки—отъ робкаго познатія руки до летучаго, обжигающаго поцѣлуя въ полутемномъ корридорѣ... Прежде м-г Лебб постоянно твердилъ ему, чтобы голову держать выше и глядѣть веселѣе, теперь Алёша не нуждался въ подобныхъ замѣчаніяхъ, онъ не заученные па выдѣлывалъ, а плясалъ съ увлеченіемъ, просто и ловко: лицо его дышало весельемъ, счастьемъ... М-г Лебб думалъ, что всѣ эти чудеса произвела его наука...

Въ этой нарядной, танцующей и празднои атмосферѣ закружилась голова бѣднаго внука Митрія Логинова;—онъ не умѣлъ отдаваться вполонину. Но иногда въ немъ всепало какое-то злое и насмѣшливое чувство, какое-то непобѣдимое желаніе дать щелчокъ этому богатому міру,—и онъ изобрѣталъ такіа штуки,

которыя приводили въ отчаяніе чопорныхъ маменекъ и возбуждали восторгъ одного только Саши Косолапова, любителя всякихъ скандаловъ.

— Зачѣмъ вы уронили Лиду Горянскую? выговаривала ему Агата. Вы хорошо вальсируете; сознайтесь, что сдѣлали это нарочно.

— Да, нарочно. Она много мечтаетъ о себѣ — дочь предводителя, эка важно-кушанье!

— Зачѣмъ вы въ мазурѣ выбираете *qualités*, такія странныя, грубыя?—Это тоже нарочно?

— Также нарочно. Русскія обыкновенныя слова — тѣмъ они худы? Вотъ и васъ я стану называть по-русски. Зачѣмъ напыщенность? Это смѣшно. Сестру я зову Алѣнушка, а васъ Агаша...

— Фи, не смѣйте!

— Непремѣнно — Агаша... Агаша, дразнилъ онъ, а потомъ прибавлялъ нѣжнымъ, ласковымъ шепотомъ:—Агаша милая! Агаша моя славная! чѣмъ это дурно?

И укрощалъ онъ эту дѣвочку-котенка, всегда готоваго изъ бархатной лапы выпустить острый коготокъ.

X.

Сіонскій былъ исключенъ изъ семинаріи и отданъ матери по ходатайству Федора Федорыча, подержанному свидѣтельствомъ городского врача, что субъектъ сей не только въ солдаты, а просто никуда ужъ не годится; каверны у него глубочайшія, чѣмъ онъ только дышетъ—удивительно! Едва ли до весны протянетъ.

Уѣзжая въ деревню, Сіонскій прислалъ Алѣшѣ письмо, исполненное выраженій самой горячей дружбы. «Благословляю васъ на все доброе,—писалъ онъ. Когда-нибудь вспомните передбанникъ госпожи Бѣлиной и наши душевные бесѣды; онѣ найдутъ свое оправданіе въ будущемъ. Уповаю, что вы не продадите душу за блага земныя, выберете благую часть, еже не отнимется... А теперь пока прощайте, благороднѣйшій Алексѣй Петровичъ; ѣду съ матерью, но оставаться у нея долго не могу; ей самой ѣсть нечего. А коли отдышусь на деревенскомъ навозѣ, то по веснѣ прибреду въ городъ искать—*rapem et laborem*: тогда увидимся. Вчера заходилъ къ вамъ, но васъ не было дома.»

Тоскливо перевертывалъ и перечитывалъ Алѣша эту сѣрую бумажку; ему казалось тутъ что-то недописанное.—«Вчера онъ заходилъ, а я въ это время отплясывалъ съ Агашей. Скверность вышла!...» Съ досады онъ засѣлъ дома, сказался больнымъ и про-

пустилъ слѣдующій танцевальный вечеръ у Косолаповыхъ. На другой день отецъ ввелъ въ его комнату Каширинова.

— Алёша, вотъ къ тебѣ дорогой гость, — съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ отецъ, пригласилъ молодого человѣка садиться и даже пододвинулъ стулъ.

— Пришелъ провѣдать, что съ вами. Вчера всѣ спрашивали.

— Нездоровъ, сухо отвѣтилъ Алёша.

— Что это вашего батюшку не видно? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Дома сидитъ: плохъ сталъ, даже гулять по утрамъ не выходитъ, а ужъ это была у него старинная неизмѣнная привычка, несмотря ни на какую погоду, ежедневно отъ 12-ти до часу ходить; и даже улицъ не любилъ мѣнять, все по одному направленію ходить. Старожилы привыкли, я думаю, часы по немъ повѣрять.

— Почтенный, почтенный человѣкъ! А что-жъ, я думаю, вѣдъ онъ еще не очень старъ?

— Всего шестьдесятъ второй годъ. Представьте, насъ крестилъ одинъ и тотъ же священникъ, нашъ деревенскій отецъ Яковъ. Вотъ замѣчательная-то старость! Только въ прошломъ году мы упросили его отойти на покой. Выстроили ему прелестный домикъ, окружили всѣми удобствами. Что-жъ вы думаете, никому не хочетъ уступить право исповѣдывать родителя, матушку и меня! Ужъ мы такъ каждый годъ на четвертой недѣлѣ поста и ѣдемъ говѣть въ родовое гнѣздо, въ нашу Любимовку; и отецъ Яковъ все на ногахъ. Прекрасно исповѣдуетъ! Да, тяжело будетъ намъ его лишиться... А отецъ мой совсѣмъ не старъ и очень крѣпокъ. Его Кульмская контузія преждевременно разрушила. Мы всѣ, Кашириновы, очень долголѣвны.

Платонъ Кашириновъ говорилъ это съ какою-то теплотой и ясностью; видно было, что говорить онъ охотно, о предметахъ любезныхъ сердцу, въ неизбѣжности которыхъ онъ отъ рожденія ни на мигъ не усомнился...

— Да-съ, батюшка вашъ — это сама добродѣтель! Вся губернія относится къ нему съ глубочайшимъ уваженіемъ... Но однако, господа, я мѣшаю вамъ. Очень радъ, пожалуйста навѣщайте почаще моего Алексѣя, очень радъ! повторялъ Петръ Ивановичъ пожимая руку Каширинова, и вышелъ.

— Агаша вчера просто съума сходила; на всѣхъ дулась, капризничала... Рѣшительно выдала себя... Въ самомъ дѣлѣ, отчего вы не были?

— Глупости... надоѣло!

— Ужели — разочарованіе?

— Э, полноте, — я не герой романа! — пустяки все это.

— Странно!

Кашириновъ поморщился и принялся просматривать лежавшія на столѣ книги. Подали чай. Разговоръ не клеился.

Глядя на Каширинова, Алѣша все думалъ, что это за человекъ сидитъ передо мной, точно ли онъ такъ уменъ, какъ говорить, и годится ли онъ мнѣ въ товарищи? — Чтобы рѣшить эти вопросы, конечно, требовалось оцунуть Каширинова со всѣхъ сторонъ. Алѣша не умѣлъ приступить къ этой работѣ, между тѣмъ по всѣмъ примѣтамъ чувствовалъ, что они — люди разныхъ полюсовъ.

Платонъ Сергѣичъ Кашириновъ былъ дворянскій сынъ и экземпляръ нарождавшейся интеллигенціи сороковыхъ годовъ, той интеллигенціи, которая въ свое время была силой, признанной обществомъ, — изъ которой впоследствии вышли нѣкоторые крупные дѣятели, и многочисленные праздные страдальцы, и которая не имѣла ничего общаго ни съ громадною массою народа, ни съ тѣмъ малымъ меньшинствомъ, ничего не давшимъ, непризнаннымъ, освященнымъ...

Отецъ Платона, отставной генераль-майоръ Сергѣй Львовичъ Кашириновъ былъ дворянинъ, весьма стариннаго рода, не богатый, но и не бѣдный; никогда неслужившій по выборамъ, слѣдовательно, не интриганъ, и пользовавшійся уваженіемъ всего своего сословія. Племянница его, госпожа Чародѣва, губернская львица, весьма старательно, встать и невстать увѣряла всѣхъ, что дядюшка ея необыкновенный человекъ, собственно потому, что никогда не говоритъ неправды, т. е. по-просту, не вретъ. И въ самомъ дѣлѣ, что бы ни сказалъ дядюшка, все оказывалось святою правдою: скажетъ онъ, что сегодня четвергъ, — правда; скажетъ, что у него желудокъ не въ порядкѣ, — правда; что вчера въ соборѣ архіерей служилъ, — опять правда; что теперь три часа, — тоже правда. Но если въ послѣднемъ случаѣ и окажется погрѣшность, то дядюшка немедленно поправится, прибавитъ: «виновать, не три, а безъ двухъ минутъ три часа», и ужъ вы можете положить, что вѣрнѣе этого ничего быть не можетъ. О другихъ матеріяхъ старикъ не говоритъ никогда, но если бы, паче чаянія, заговорить, то можно держать какое угодно парі, что слова его дышали бы истиной, одною истиной и больше ни чѣмъ.

Въ высокоторжественные дни онъ облакался въ генеральскій мундиръ, украшенный множествомъ орденовъ, являлся въ каедральный соборъ, оттуда вмѣстѣ со всѣми чинами ѣхалъ къ губернатору, и затѣмъ больше ни въ какія общественныя дѣла не мѣшался, денежныхъ счетовъ ни съ кѣмъ не имѣлъ, — какіхъ же

больше правъ нужно на общественное уваженіе? Мать Платона была тоже столбовая дворянка, существо отъѣнно-доброе и сентиментальное; братъ ея, жившій когда-то въ Москвѣ, былъ замѣшанъ въ «Союзъ Благоденствія», и теперь бѣдствовалъ въ дальной ссылкѣ; это обстоятельство усугубило религіозность старушки: она каждую субботу подавала въ церковь поминальную книжечку и молилась о спасеніи раба Божія Гавріила, — имѣніе котораго досталось ей и увеличило ея незначительное приданое.

Въ единственномъ своемъ сынѣ Платошинеѣ старики души не чаяли; пугаясь разныхъ вредныхъ же-умствованій, они однакожь старались дать ему прочное, солидное образованіе, основанное на началахъ религіозности и уваженія къ преданіямъ, оправданнымъ вѣковымъ опытомъ. Приготовленный дома священникомъ и нѣмцемъ, пѣтистомъ-философомъ, который до сихъ поръ былъ при немъ, Платонъ поступилъ въ гимназію лѣтъ 15-ти и постоянно былъ первымъ ученикомъ, какъ по успѣхамъ въ наукахъ, такъ и по поведенію. Его бѣлокурая, правильнаго овала голова, голубые спокойные глаза, которые онъ, улыбаясь, немного прищуривалъ, высокій ростъ и медленные движенія производили съ перваго раза самое пріятное впечатлѣніе. Иногда онъ хмурился, напускалъ на себя нѣкоторую мрачность, «безпредметную тоску», какъ выражались добродушные поэтики того времени, эти грудные младенцы, вторившіе непонятнымъ для нихъ воплямъ британскаго великана; но эта маска не шла къ нему и какъ-то забавно противорѣчила его здоровому лицу, отормленному домашними сливками и сдобными булочками. Не нужно вѣдется прибавлять, что Платонъ самъ пописывалъ стишки, объектомъ которыхъ была чудная дѣва, созданная изъ тончайшаго ээира — читай: m-lle Катти...

За то какъ былъ онъ хорошъ, какъ натураленъ, когда восхищался прелестями своего родоваго гнѣзда — мирной Любимовки, гдѣ каждый уголокъ освященъ какимъ-нибудь семейнымъ воспоминаніемъ, гдѣ онъ проводилъ каждое лѣто, лѣниво бродя съ ружьемъ по тѣнистымъ рошицамъ, или просиживая долгіе часы съ удочкой на берегу тихой рѣчки и прислушиваясь къ далекой пѣснѣ мирныхъ поселенъ, возвращавшихся съ работы... Тутъ онъ былъ дѣйствительно поэтъ и иногда ловлялъ такіе тонкіе оттѣнки сельской природы и деревенской помѣщичьей жизни, что нельзя было не признать за нимъ чуткую наблюдательность и симпатическую теплоту души.

— Пріѣзжайте на лѣто къ намъ въ Любимовку, — уговаривалъ онъ Алѣшу. Нѣтъ у насъ никакой роскоши, нѣтъ дворца, какъ

у князя Хвалынцова, но и подь соломенную крышей найдете радужный пріютъ: будемъ ходить на охоту, купаться; а какіе фрукты въ саду, сколько ягодъ, грибовъ въ рощѣ, — благодать! Чувствуешь, кажется, какъ льется въ грудь здоровье, спокойствіе...

— А мужики у васъ богатые, хорошо живутъ?

— Мужики... да отчегожь можетъ быть имъ худо! По-моему, это самые счастливые люди. Убрался съ работой, да и на покой, о чемъ ему тужить? Онъ не знаетъ тѣхъ глубокихъ, душевныхъ волненій, тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыми мы страдаемъ... Ахъ, часто приходится имъ завидовать!

— Да, когда-то я мечталъ.. со вздохомъ протянулъ Алѣша.

— Что? мужикомъ быть?—Платонъ слегка усмѣхнулся.

— Таеъ, какъ я это понимаю, выходитъ вовсе не смѣшно, а невозможно... Дѣло не въ томъ, чтобъ быть непременно мужикомъ: мужика берутъ въ рекруты, продаютъ, покупаютъ, а чтобъ быть вольнымъ человекомъ, жить какъ хочется и заниматься тѣмъ нравится... Вотъ, напримѣръ, занятія дворянина, чиновника совсѣмъ не по мнѣ...

— Это любопытно, расскажите пожалуйста; это какая-то утопія...

— Долго рассказывать!—Алѣша махнулъ рукой; ему показалось, что собесѣдникъ не пойметъ его разсказа, а потому лучше молчать.

За то Кашириновъ нашелъ этотъ случай весьма удобнымъ, чтобъ высказаться, обнаружить свои обширныя познанія и нѣсколько просвѣтить юнаго пріятели по части законовъ, на которыхъ неизбежно покоится общественное зданіе. Онъ такими твердыми и опредѣленными линіями разливалъ передъ Алѣшей всю красоту общественнаго строя, что свободѣ личной воли не оставалось ни малѣйшей лазейки; для счастья своего и своихъ ближнихъ, а больше того, для соблюденія общей гармоніи, человекъ долженъ неуклонно идти по протоптанной дорожкѣ, въ противномъ случаѣ его постигаютъ и громы небесные, и кары земныя. Алѣша впервые слышалъ о такихъ вещахъ; высказаны онѣ были такимъ догматическимъ, недопускающимъ никакихъ сомнѣній тономъ, что онъ, дивясь познаніямъ Каширинова, испугался и потерялся... Передъ нимъ встало много фактовъ, извѣстныхъ ему въ своей и чужой жизни, которыхъ онъ не зналъ куда дѣвать, которые никакъ не укладывались въ правильныя линейки и должны носить влеймо грѣха, или преступленія, а противъ этого возмущалось въ Алѣшѣ все, до послѣдняго вихра на головѣ его...

— Хорошо, только оно таеъ никогда не бываетъ, замѣтилъ онъ.

— Мало ли что! должно таеъ быть... Разумѣется, многое

мы прощаемъ; христіанская снисходительность помогаетъ — намъ, смягчаетъ суровость долга...

— Да, а какъ вонъ плетьюми дуютъ людей на базарахъ, такъ тутъ тоже христіанская снисходительность смягчаетъ...

— Ну, вонъ вы куда бросились! Вы говорите объ отверженцахъ общества, нравственныхъ уродахъ: общество, мой другъ, обязано карать ихъ, искоренять... Это прискорбныя явленія, но что же дѣлать?

— Остается только сожалѣть...

Алѣшѣ припомнилась базарная площадь, и какъ люди, крестясь, клали мѣдныя копѣечки въ деревянную чашку молодой арестантки, но онъ не возражалъ, а съ глубокимъ уныніемъ подумалъ: «нѣтъ, не таковы были разговоры у насъ съ Сіонскимъ, въ знаменитомъ передбанникѣ!..»

Прощаясь, Кашириновъ взялъ слово съ Алѣши непременно бывать у него и какъ можно чаще, даже обѣщалъ ему по секрету прочесть свои стихотворенія, что очень заинтересовало Алѣшу.

По уходѣ гостя, онъ долго размышлялъ, кто правъ? И его терзали сомнѣнія—не въ тысячу ли разъ счастливѣе его этотъ юноша, для котораго всѣ мудренныя задачи жизни такъ ясны, у котораго имѣется въ мірѣ насыщенное, теплое гнѣздо Любимовка, а впереди лежитъ дорога гладкая, свѣтлая... не воровская дорога!..

Въ его прошломъ нѣтъ никакихъ темныхъ пятенъ, сомнительныхъ воспоминаній, онъ можетъ не стыдяться передъ цѣлымъ свѣтомъ развернуть и показать изнанку своей жизни...

И притомъ онъ такой добрый, снисходительный, мягкій... Его всѣ будутъ любить, его нельзя не любить, счастливецъ!..

Только онъ какой-то ужъ слишкомъ *правильный*...

А вѣдь онъ, вѣроятно, не полюбилъ бы Сіонскаго?!..

И затѣмъ невольно обратился Алѣша къ самому себѣ: какъ бѣдна и жалка показалась ему собственная жизнь! Роясь въ темныхъ закоулкахъ своей памяти, онъ находилъ все убогенькія картинки, мучительныя недоразумѣнія, какія-то запретныя мысли и симпатіи, которыхъ хорошіе *правильные* люди, въ родѣ Каширинова, не одобряютъ, а пожалуй еще осудятъ, осмѣютъ... «И вся-то моя жизнь будетъ такая, ужъ это я знаю вѣрно! Все такъ устроивается неизбежно...»

И вдругъ онъ съ досадой обрывалъ эти разслабленныя, дрянныя мыслишки... «Что-жъ, развѣ я виноватъ? У всякаго своя дорога. До сихъ поръ я не тревожился такими дрянными мыслями, значить, не слѣдовало связываться съ людьми не нашего десятиа...

Да, совсѣмъ не слѣдовало!» И хоть онъ оправдывался тѣмъ, что все это ради Сіонскаго, однако сознавалъ, что Андреяша просто-на-просто обругалъ бы его за это... Вѣдь запретилъ же онъ своей матери идти просить милости Міроносцева, и ужъ вѣрно не знаетъ до сего дня, какимъ путемъ куплено его помилованіе! Письмо Сіонскаго подтверждало эти предположенія: въ немъ не было ни единого слова благодарности, ни одного намека, что онъ спасенъ отъ бѣды чьими бы то ни было стараніями.

Письмо это показалось Алѣшѣ прямымъ, суровымъ укоромъ...

И какой-то ехидный голосъ шепталъ ему: «да должно, что ты врешь, братъ—развѣ тебѣ непріятно было цѣловать смугленькую Агату?!...»

XI.

Курсъ танцевальнаго образованія конченъ. Очаровательный м-г Лебб, собравъ приличную дань съ восхищенныхъ родителей, собрался въ путь, продолжать свою цивилизаторскую миссію въ другихъ городахъ Россійской имперіи. Передъ отъѣздомъ онъ устроилъ еще въ свою пользу *une petite affaire de complaisance*, маленькую лотерею, раздавъ при дружномъ содѣйствіи дамъ 200 билетовъ по три рубля. Бриллиантовая брошка (*une bijouterie magnifique d'un gout irréprochable*) и турецкая шаль (*le cadeau d'un aimable Pacha*) достались двумъ счастливицамъ на память о милостѣ м-г Лебб, и онъ улетѣлъ по курьерской дорожкой...

Не можемъ пройти молчаніемъ, что вскорѣ послѣ его отъѣзда какой-то путникъ распустилъ слухъ, что ловкій танцмейстеръ былъ не что иное, какъ шпионъ, подосланный французскимъ правительствомъ, развѣдать о состояніи умовъ высшихъ классовъ и о количествѣ войскъ въ Россіи. Какъ ни нелѣпа была эта выдумка, однакожь она неспутя всполошила губернскую знать. Дамы начали отпѣкиваться и сваливать другъ на друга интимность съ красивымъ французомъ, нѣкоторые даже публично перессорились. Губернаторъ двѣ недѣли ходилъ озабоченный; затребовавъ свѣдѣніи изъ почтовой конторы: оказалось, что точно были поданы два письма въ извѣстный Парижъ и въ неизвѣстный Фижакъ, но не подвергались вскрытію, ибо писаны по-французски. Полковникъ Шпицъ, хотя и успокоивалъ, но въ то же время и винилъ кого слѣдуетъ, почему не полюбопытствовали спросить паспортъ у француза? Казалось бы очень простая штука, но подите-жь! затмѣніе какое-то на всѣхъ нашло... Рас-

торопный полковникъ заѣхалъ такъ, мимоѣздомъ, въ ту гостиницу, гдѣ жилъ Леббъ, но узналъ только, что этотъ господинъ съ своимъ скрыпачемъ-компаньономъ каждый вечеръ требовали по двѣ бутылки коньяку и ругались по-русски, утверждая, что имъ подають не коньякъ, а чортъ-знаетъ чтó.

Изъ этого важнаго обстоятельства полковникъ Шпицъ вывелъ прямое заключеніе о невинности танцмейстера, и окончательно успокоилъ господина начальника губерніи, который былъ такъ разстроенъ, что ровно пятнадцать дней не цѣловалъ ручку своей супругѣ, и какъ - то особенно внушительно харкалъ, принимая ежедневные рапорты полиціймейстера, совсѣмъ оторопѣвшаго отъ такой странности добраго начальника. Въ заключеніе спектакля, какой-то чиновникъ сиротскаго суда, заподозрѣнный въ распущеніи нелѣпыхъ и злославленныхъ слуховъ, былъ выгнанъ изъ службы какъ юный козелъ очищенія, и тѣмъ прекратилась вся эта непріятная исторія.

Салонныя затѣи только съ виду кажутся невиннымъ времяпровожденіемъ праздныхъ людей, но всегда въ нихъ есть нѣчто расслабляющее здоровыя силы, одряняющее человѣческую личность. Ужъ мы знаемъ, что Петръ Ивановичъ за 25 рублей пріобрѣлъ право гражданства, въ *лучшихъ* домахъ, игралъ въ вистъ со всѣми провинціальными сановниками, а на свой домашній бытъ сталъ смотрѣть съ горечью челоуѣка, легкомысленно нацѣпившаго себѣ на шею тяжкую обузу; онъ рѣдко бывалъ дома и съ своей Аннушкой разговаривалъ только о дурно-нахрамаленныхъ воротничкахъ; но объ немъ впереди; а нашъ бѣдный Алѣша тоже повихнулся: незамѣтно отвыкъ онъ отъ чтенія и занятій, гимназическіе уроки страшно запустилъ, получилъ нѣсколько *двоекъ*; наверстывать надо было много, а за работу приняться не видѣлъ никакой возможности. Онъ скучалъ, не находилъ себѣ мѣста, какъ челоуѣкъ попавшій между двумя теченіями. Изъ танцевальныхъ знакомыхъ онъ бывалъ у одного только Каширинова.

Въ домѣ Кашириновыхъ все отзывалось спокойствіемъ, порядкомъ и скукой,—скукой больше всего. Эта старинная мебель, словно приросшая къ своимъ мѣстамъ; хрустальные люстры въ вѣчныхъ сѣрыхъ чехлахъ; эти лакеи въ сильно-поношенныхъ, но исправно-заштопаннхъ ливрейныхъ фракахъ; этотъ сѣднѣйшій, въ военномъ сюртукѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, старичокъ, который тихо кочуетъ по всѣмъ комнатамъ и, не зная что дѣлать, дразнить канареекъ; старушка мать въ очкахъ, съ кротою улыбкой, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ въ образ-

лѣ, перебирающая вязальными спицами; наконецъ, этотъ нѣмецъ-наставникъ, отлично выбритый, съ сигарой и книгой, глубокомысленно ровняющій односложные: ja, so, nein, gut... и самый краснорѣчивый Платонъ въ своемъ кабинетѣ, въ которомъ порядокъ и опрятность какъ будто мѣшпаютъ говорить громко и свободно, — все это дѣйствовало на Алѣшу самымъ подавляющимъ образомъ, связывало ему руки, отнимало голосъ, тушило познавательныя и разсуждающія способности. Даже стихи въ завѣтной тетрадь, подъ заглавiемъ: «И моя арфа», прочтенные ему Платономъ, не возбуждали ни восторга, ни спора, а прожурчали, какъ струйка воды, подъ попотъ которой или дремлетъ, или думается о чемъ угодно. Безмолвная связанность Алѣши вѣроятно показалась Платону избыткомъ благоговѣйнаго удивленія, а потому онъ расплылся въ самыхъ нѣжныхъ изліяніяхъ.

— Я раньше васъ вступлю въ жизнь и прошу васъ, если встрѣтите надобность опереться на дружескую руку, обратитесь прямо ко мнѣ. Юношеская дружба дѣло слишкомъ священное; счастливъ тотъ, кто умѣетъ сохранить ее и пронести чистою черезъ всю жизнь до могилы. Не такъ ли, мы всегда останемся друзьями?

Алѣша молча пожалъ ему руку, онъ ничего не чувствовалъ и потому не зналъ, что сказать.

Выйдя на улицу, онъ вдыхалъ свободнѣе и веселѣе смотрѣлъ на каждого воробья, вольно чирикавшего на заборѣ.

Въ одно морозное послѣобѣда въ дому Слободиныхъ въ щепельскихъ саночкахъ на сѣромъ рысакѣ подѣхалъ молодой человекъ, спрятавъ розовое лицо въ бровный воротникъ шинели. Стоявшій праздно у воротъ Финогенъ проводилъ молодого человека по двору до крыльца. Алѣша, глядя въ окно, не узналъ Саши Косолапова, и встрѣтилъ его съ неловкимъ изумленіемъ.

— Какъ поживаете? Отецъ вашъ дома?

— Отдыхаетъ; если вамъ нужно, я разбужу.

— Не надо безпокоить. Пала прислалъ меня просить вашего батюшку завтра къ намъ откушать; а я съ своей стороны прошу васъ. Послѣ обѣда потанцуемъ, будутъ всѣ ваши знакомые.

— Благодарю васъ. Отцу я передамъ, а меня извините.

— Что, что такое?! и слышать не хочу. Вы не можете отказаться, васъ просятъ дамы, понимаете? Саша ухорски подмигнулъ.

— Вотъ еслибы эти дамы сами пріѣхали звать меня, пошутъ Алѣша.

— Ха-ха! Вишь вы какой! Доставлю вамъ и это удовольствіе.

— Поѣдемъ со мной сію минуту, на Большой улицѣ катанье,

весь городъ тамъ; встрѣтимъ нашихъ и увидите кто васъ приглашаетъ. Алёшу коробила беззащитчивая развязность Косолапова, но на этотъ разъ въ ней слышалось признаніе факта пріятнаго, притомъ же онъ больше двухъ недѣль не видѣлъ своего черноглазаго чертенка...

— Ёдемъ!

На катаньи точно былъ весь городъ. Врагъ всякой чинности, Саша, безпрестанно выѣзжалъ изъ линіи и летѣлъ поперысю, пугая стоявшую по сторонамъ публику и приводя въ отчаяніе жандармовъ, знавшихъ чей это рысакъ, а потому несмѣвшихъ напомнить о соблюденіи порядка.

Лучшій въ городѣ «выѣздъ» былъ у Косолапова: вороные кровные рысаки, осанистый кучеръ, сани обитые бархатомъ и бронзой, а въ саняхъ маменька съ дочкой въ богатѣйшихъ чернобурыхъ шубахъ,—все это изумляло губернскую публику. «Вѣдь это тысячъ двадцать пять капитала тутъ катается!» твердили праздные ротозѣи. И изъ этихъ-то возбуждавшихъ завистливое удивленіе саней, черноглазая красавица, казалось, никого и ничего не замѣчая, улыбалась одному только бѣдному гимназисту...

И поѣхалъ нашъ Алёша по легкой дорогѣ катаній, обѣдотанцевъ, домашнихъ спектаклей и всякихъ охмѣляющихъ головувеселеній.

Почтенный откупщикъ, провидя въ своемъ сынѣ будущаго гусара, съ умиленіемъ взиравъ, какъ Саша залпомъ молодецки выпиваетъ бокалъ шампанскаго. А подъ вечеръ Саша заперся съ пріятелями и гувернеромъ въ свою комнату, подсмѣивался надъ этимъ однимъ бокальчикомъ, умилявшимъ папеньку и приказывалъ дворецкому подать нѣсколько бутылокъ. Тутъ развязывались языки, пѣлись пѣсни, опытный гувернеръ руководилъ юношей въ самой веселой наукѣ.

Нѣсколько разъ Алёша возвращался домой пьяный,—пьяный самымъ настоящимъ образомъ, и ему казалось, что никто въ домѣ этого не замѣтитъ.

Одинъ Кашириновъ не одобрялъ этихъ оргій, на которыхъ однакожь присутствовалъ, но ничего не пилъ и пріятельски уговаривалъ Алёшу слѣдовать его примѣру, то-есть, оставаясь въ безобразной компаніи, не пить вина... Но его увѣщанія, основанныя на одной только брезгливости «правильнаго» человѣка въ вреднымъ уклоненіямъ распущенной молодежи, не дѣйствовали на слушателя, который въ простотѣ души еще не понималъ, что между *да* и *нѣтъ* можно отыскать благоразумную середину.

Подѣйствовалъ на него Финогенъ.

Отецъ Личарды, какъ и всякій, блаженной памяти, крѣпостной рабъ, терпѣть не могъ лишней копѣйки и пропивалъ ее съ удовольствіемъ; а такъ какъ лишняя копѣйка случалась у него чрезвычайно рѣдко, чаще же попадались подъ руку ненужныя вещи — женины платокъ, башмаки, своя ситцевая рубаша, то и тратить онъ всю эту заваливающую рухлядь въ царевъ кабакъ, къ которому въ трезвыя времена относился угрюмо, озлобленно.

Разъ онъ везетъ молодого барина къ дому Косолаповыхъ и заводитъ такую рѣчь.

— Вотъ это и хорошо, что вы дружество ведете съ знатными господами; у нихъ житье — вѣдь миллионщикъ! — Чай куда важнѣе у него въ хоромахъ-то; на серебрѣ да на золотѣ ѣсть, пьеть, поди, вино-то заморское, небось не такое пошло, какимъ моего брата опаиваешь!

— Развѣ онъ опаиваешь?

— Эка баринъ, какой ты несмысленочекъ! Извѣстно, ихняя торговля такая, чтобъ, значить, народъ завсегда шальной ходилъ, словно дурманъ въ головѣ-то. Черезъ это самое нашъ братъ ино глупо и пропадаетъ... А ему все на пользу, то-ишь преть въ карманъ. Ты спроси, откуда у него казна такая, а все отъ мужицкой мошны. И народъ же воръ у нихъ служить! Цѣломальники это нашихъ дураковъ ловко нагрѣваютъ. Что хощь тщи — все примаютъ, грабежь!

— Да какъ же это имъ позволяютъ?

— Откупщикъ — выходитъ онъ за все и откупается. Всѣмъ господа отъ него живутъ. Хучь бы вотъ и папенькѣ, тоже прикѣрно отпускается.

— Ну, вотъ! папенькѣ-то какое тутъ дѣло?

— Нельзя, это ужъ положеніе, всякому соразмѣрно. Черезъ это ему и вальготно. Да еще съ поклономъ все. Сдѣлай такую милость, грабь! А сиволапому, подлому народу все одно, ему лишь бы винница лопать!

Долго разсуждалъ Финогенъ на эту чувствительную тему и, ссѣдивъ барина, очень степенно заѣхалъ къ знакомому шельмецу Ивану Елвину, потому въ карманѣ болталась гривна: утромъ на базарѣ овесъ покупалъ...

А баринъ натолкнулся на цѣлый рядъ новыхъ мыслей, точно въ знакомомъ лѣсу набрелъ на небывалую прогалину. И весь вечеръ у Косолаповыхъ провелъ скверно, глядѣлъ на всѣхъ волчкомъ, придирался, взбѣсилъ Агату до того, что она расплакалась, выгнала его изъ своей комнаты и — «не смѣйте никогда со мной разговаривать!»

Какъ бы удивилась и обидѣлась дочь милліона, еслибъ узнала, что дурацкая рѣчь простого мужа стала причиною угрозы злости Алѣши, что идея кабака грубо испортила ея граціозныя любовныя шалости!.. Ей въ голову приходили совѣтъ иныя романическія догадки и предположенія... А то вѣдь это стыдно даже сказать, что такое!..

ХІІ.

Къ счастью для всей семьи Слободиныхъ около Благоещеня, какъ только прилетѣли жаворожки, къ нимъ явилась ожидаемая гостыя Наталья Лаврентьевна. Пріѣздъ «бабиньки» былъ торжествомъ для дѣтей и Анны Дмитріевны. Петръ Ивановичъ встрѣтилъ старуху немного принужденно, какъ живое напоминаніе о такихъ обстоятельствахъ, которыя считались имъ давно уже канувшими въ вѣчность, и которыя поднимать теперь себѣ всѣмъ непристойно.

Пошли, разумѣется, спросы да переспросы; оказалось, что бѣдный маленькій городокъ стоитъ все на томъ же мѣстѣ, только половина его подъ самый Варваринъ день выгорѣла до-тла; Артемьевъ приказалъ долго жить, а Орловъ все бабьими ковыряетъ, у стряпчаго теперь на посылкахъ. Попадѣ отца Никомъ Богъ двойни далъ; Раскатаевъ, соляной приставъ, въ банѣ замирился до смерти; новый смотритель училища оказался пресудный пьяница; а лѣтошній годъ капуста уродилась на удивленіе. Всѣ новости, привезенныя старушкой, были въ такомъ же незатѣливомъ родѣ.

— Ну, а вы-то, мои голубчики, какъ тутъ живете-поживаете? Ишь вѣдь какъ всѣ поднялись, словно добрая опара! А про большака-то и говорить нечего, настоящимъ женихомъ смотритъ... Охъ, вы, соволики мои ненаглядные, ужъ такъ-то я стосковалась по васъ! — плакала и обнимала дѣтей старушка.

— А постарѣла, бабинька! Алѣша гнѣжно поцѣловалъ морщинистую щеку.

— У нея даже и зубы постарѣли, вонъ смотри! — щebetала Алѣнушка, заглядывая въ самый ротъ улыбавшейся бабиньки.

— Съ лишнимъ четыре года, кормильцы, на плечи легло, а мово и вѣку-то всего осталось безъ году недѣлю. Все собиралась, давно собиралась къ вамъ, да трудно было, охъ трудно! А тутъ въ Филипповку у меня коровушка отелилась; вотъ я телочку-то выпоила, да продала. Славная такая телка, рыженькая, въ матѣ жалко было, а продала, что дѣлать-то! Съ пустыми руками не-

«...уведешь. Опять же домъ, какъ съ нимъ? Ну, пустила
...Амлея, онъ же погорѣлъ, такъ и пустила. Помнишь,
...у тебя учителемъ былъ?»

— А! — Fortificare, fortifico!.. обрадовался Алёша. Что онъ,
...дѣла?»

— Ничего, живеть. У богатаго что день, то подарокъ, а у
...блиаго что годъ, то ребенокъ! Какъ есть весь погорѣлъ; семья
...малющая. Вотъ онъ письмецо прислалъ брату, гдѣ-то у меня
...въ чулѣкъ завернуто. Найду послѣ, отдамъ. Да, такъ пу-
...ста его, лишь бы только домишко стеречь и за коровкой при-
...идѣть; а молоко ему тоже подспорье. Что съ него взять-то,
...и грѣшно!

Отдохнувъ послѣ дальней дороги, почтенная старушка разо-
...дѣлась съ своими мѣшечками, раздала дѣтямъ подарки, варезки
...въ возыаго пуха; сама связала. Къ лѣту-то оно какъ-будто и
...шнее, но вѣдь чаяла еще зимой прѣхать, пригодятся! Ли-
...арду приласкала: «и ты пострѣлъ вытянулся, а чай все хоро-
...шь стащить, что плохо лежитъ!» Поцѣловала, дала серебряный
...пачокъ. Личарда на такое привѣтствіе разсмѣялся во весь ротъ,
...весело и какъ-то одобрительно.

Прѣѣздъ въ домъ новаго и близкаго намъ человѣка, члена
...семьи, передъ которымъ не только нечего скрывать, но кото-
...рый имѣетъ всѣ права войти въ самую интимную внутренность
...нашей жизни, всегда ведетъ къ внимательной оглядѣ въ прой-
...денный путь и къ внезапной повѣрѣ въ наше настоящее поло-
...женіе. Тутъ иногда поразительно отрывается, въ какія непро-
...ходимыя дебри забрели мы, незамѣтно увлеаемые шагъ за ша-
...гомъ, силою обстоятельствъ и безсиліемъ воли; какъ зарылись по
...уши въ мелкой будничной борьбѣ, дающей въ результатъ то,
...что мы называемъ безвыходнымъ положеніемъ. Поселилась ба-
...бышка въ дѣтской, и съ перваго же вечера была упрошена
...сказки рассказывать—мастерица была, а усыпивъ внуконочковъ
...повѣствованіемъ: о «Марѣ Маревнѣ, прекрасной царевнѣ»,
...отправлялась въ спальню, ложилась на кровать рядомъ съ Анной
...Дмитріевной и при замирающемъ свѣтѣ лампадки велась про-
...кель ихъ тихая бесѣда и заходила далеко за полночь, пока не
...заслышать шаговъ прѣѣхавшаго изъ гостей Петра Иваныча.
...Алѣшина комнатка была рядомъ; онъ теперь постоянно сидѣлъ
...дома и налегъ на учебныя занятія, готовясь къ предстоящему
...экзамену.

Однажды ему долго не спалось; потушивъ свѣчу, лежалъ онъ,
...слушаваясь въ ночную тишину, полную того затаеннаго движе-

нія, въ которомъ боязливое скребетанье мыши, старческій кашмайтника, мѣрное дыханье спящей груди, сливаются въ одинъ неумовимый, согласный шопоть, точно это сама ночь шепчетъ хозяйничая въ своемъ сонномъ царствѣ. Вдругъ послышался всхлипыванія, рыданья, то громче, то тише, какъ будто плачущее лицо прижалось къ подушкѣ и глушитъ ею неудержимый ропотъ скорбящей души... Плакала мать, а старуха успокоивала ее тихимъ, беззвучнымъ говоромъ.

— А давно ужъ это у васъ такъ ведется?

— Почитай, годъ будетъ... Вотъ ты и суди, Лаврентьевъ каково мнѣ... И хошь бы я что знала за нимъ доподлинно, и жись, легче бы мнѣ было; а то ничего не знаю, да гдѣ мнѣ узнать-то? Сижу въ четырехъ стѣнахъ ровно заточница, али постриженье готовлюсь. Онъ молчитъ. Откровенности-то прежне промежъ насъ и слыкомъ-неслышать...

— Ну, а генераль-то что? Ты бы при случаѣ когда перенимъ выплакалась. Коли добрый человекъ, онъ обрзонилъ его, а ино и пострацалъ бы: вѣдь начальникъ.

— И, мать! кабы человекъ захотѣлъ, самъ бы все запримѣтилъ. А каково оно передъ чужимъ-чужаниномъ-то всю душу свою выкладывать, ты подумай! А какъ вдругъ онъ надо мне же, дурой, насмѣется? И Христось его вѣдаетъ, что онъ за человекъ такой! Не пойму я... Такъ будемъ говорить по-просту добро бы молодой былъ, да будь и я тоже баба въ своей прежней красотѣ, оно бы пожалуй и заorno вышло бы, да все же и житейскому понять это можно... а то какая ему, старику, ворысть во мнѣ? — Сиди съ нимъ, няньчайся... И сдастся мнѣ что онъ Петра Иваныча одобряетъ, не можетъ же онъ не видѣть этого. Во все-то онъ у насъ входитъ, все наблюдаетъ, и дѣтски какъ любить, страсть! Только къ Алексѣю какъ будто строга а въ маленькихъ души не слышитъ. Разъ это послѣ кофею и говоритъ: «Я, Анна Дмитриевна, говорить, какъ умру, такъ вашимъ ребятамъ по пяти тысячъ, говорить, откажу на каждаго. Такъ въ духовной и запишу, чтобы имъ; потому близкой родни стоящей не имѣю, а васъ почитаю и хочу, чтобы мое добро въ прокъ пошло. Вы, говорить, не думайте, что я зря»; снялъ тутъ икону и приложился. Какъ сказала я про это мому Петру Иванычу, тотъ ажно просіялъ весь, словно по его все это вышло... «Ну, смотри же, говорить, Аннушка, это дѣло такое, самъ Богъ намъ счастье посылаетъ, смотри, не огорчи чѣмъ старика, угождай...»

— Вѣстимо, это дѣтское счастье! Да чего же вамъ себя

исполнять, гнаться за чужимъ? у васъ вѣдь свою добра до-
жко; чай, слава Богу, успѣли приконить! Тогда, я помню,
четыре тыщи повезли.

— И-ихъ, Лаврентьевна!—Гдѣ ужъ онѣ, тѣ четыре тыщи!—
ушли домъ, конечно, обзавелись; только скажу тебѣ, теперича
у насъ не держится копѣйка. Бывало все я сохраняла, а какъ
увидѣла, что дѣтямъ богатство такое достается, такъ все до-чиста
отобрать отъ меня, и ужъ я не знаю, куда идутъ всѣ наши до-
стилки... Вижу только, что иной разъ на базарь не съ чѣмъ
идти. Вотъ горе-то какое!

— Ай-ай-ай! ужъ точно, что горе, коли хозяйинъ сталь не въ
домъ тащить, а изъ дому,—значить, на-сторону...

— Вотъ и суди, терзается мое сердце, или нѣтъ?—На го-
сновую ногу себя поставилъ и сына тоже, а что проку-то!
Спервоначала я было и радовалась, особенно за Алѣшиньку,
только вижу, и ему это тоже во'вредъ: отъ дому отбился, при-
передивъ сталь, да никакъ и виномъ балуется, его тамъ, можетъ,
и на смѣхъ спиваютъ... Теперъ все мнѣ опостылѣло, жизнь не
жизнь! Ужъ кабы я знала лиходѣйку мою, все бы бросила и ушла
къ тятенькѣ, живите тутъ себѣ на радость! пѣшкомъ бы
убѣгла... А то вѣдь не знаю, ничего не знаю!.. а что она есть,
такъ это безпремѣнно, и по картамъ такъ выходитъ, все тре-
фовая краля!..

— А ну, какъ испортили?!—понизивъ голосъ сообразила ста-
рушка.

— Охъ, боюсь и подумать-то объ этомъ!..

— Да ужъ тутъ не безъ колдовства! Это точно, есть такія, что
привораживаютъ. Да вотъ у насъ въ Наровчатѣ одна была барыня
такая, и на грѣхъ, возьми полюби она мужчину тоже женатаго;
онъ-было отъ нее чураться, такъ чтó-жъ ты думаешь? Почала
она поминанье подавать «за упокой души раба Божія имя-рекъ»...
Ну, какъ въ семи церквахъ это исполнила, такъ сейчасъ и за-
тосковалъ онъ, сталь метаться, все нутро изныло, потому порча
пошла! И бросилъ онъ, сударыня моя, жену, дѣтей, Бога забыть,
ото-всего отрекся... А покончилъ тѣмъ, что бритвой горло пере-
рѣзалъ, и полюбовницѣ и себѣ... Такъ вотъ она, какая порча-то
бываетъ! И не приведи Царица небесная!..

— Ухъ, ужасъ какая! отчаянно застонала Анна Дмитриевна,
и все умоляло... Только мышъ царапаетъ въ подпольи, маятникъ
стучитъ какъ-то торопливо, точно и онъ останавливался послу-
шать про глупое женское горе, и теперъ спѣшитъ навестать

свою казенную работу... да изъ дѣтской донесся голосокъ заплакавшей во снѣ Алёнушки.

— Сколько же у насъ горя-то накопилось!—вздохнулъ Алёша и измученный заснулъ только съ первыми пѣтухами и глянушимъ въ окно молочнымъ глазомъ убѣгающей ночи.

Наступившій день принесъ обычныя заботы. Алёша старался задать себѣ какъ можно больше дѣла, чтобы некогда было думать. Возвращаясь изъ гимназiи, зашелъ на базаръ, сыскалъ мужика изъ Кубасовки, привелъ его домой и вручилъ письмо Сiонскому, привезенное бабинькой. Написалъ отъ себя прiятелю двѣ строки, убѣждая его прiѣхать какъ можно скорѣе, хоть и день повидаться, такъ какъ въ этомъ свиданiи теперь сама кровная нужда.

За обѣдомъ сидѣлъ онъ молча, глядѣлъ изъ-подлобья, украдкой но зорко присматриваясь къ лицамъ отца, матери, дѣтей, будто эти лица для него совсѣмъ новыя, незнакомыя... Отецъ показался ему не такъ официаленъ, какъ прежде; онъ очень мило шутилъ и подтрунивалъ надъ Натальей Лаврентьевной, припоминая, какъ ее хотѣли просватать за безрукаго инвалиднаго капитана. Въ лицѣ его не было ни одной черты исправнаго и почтительнаго чиновника, на немъ читалось барское, веселое довольство и сознанiе своего превосходства. Мать, сидѣвшая противъ него, казалась почти старухой. Когда это она такъ потолстѣла? думалось Алёшѣ. Куда дѣвалась эта свѣжая, всегда точно съ мороза рдѣющая, красота? И движенiя у нея какъ-то угловаты, неповоротливы, и рѣчь убитая, незамысловатая... По странному капризу мысли, Алёша все силился представить себѣ отца и мать рядомъ, вмѣстѣ, въ гостинной какихъ-нибудь Хвалынцовыхъ, или Босолаповыхъ: выходило совсѣмъ несладко, смѣшно даже... А взглянувъ въ милые, покорные и еще прекрасные глаза матери, сердце его сжималось болѣзненно: казалось ему, весь, миръ не стѣнтъ этой вселюбящей души, которая ровнымъ свѣтомъ льется изъ глазъ ея...

Братъ Коля—любимецъ отца, всегда сидѣлъ подлѣ него, ломался, самодурствовалъ, сушь находилъ гадкимъ, требовалъ вренья и повелительно поврикивалъ на Личарду—въ немъ ужъ проглядывалъ нестерпимый себялюбецъ, убѣжденный, что миръ на него только и работаетъ. На высококомъ стуликѣ посаженъ былъ маленькiй Ваня, хилый ребенокъ съ желтымъ, старческимъ личикомъ; только черные глазенки, какъ угольки, горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Какъ-то жалобно и неувѣренно глядѣлъ онъ, словно упрашивая: «ужъ вы молъ не трогайте меня. Я жилецъ у

всь недолгий». Полгода, какъ захирѣлъ онъ, и докторъ ѣздитъ, а помощи никакой.

Возлѣ бабиньки умѣстилась Алѣнушка и ластится къ ней такъ шаловливо, и пришепывая рассказываетъ что-то такъ серьезно, убѣдительно; а то вдругъ подыметъ сѣренныя глазенки и слушаетъ, о чемъ говорятъ большіе, да такъ осмысленно слушаетъ, точно повѣряетъ, правду ли это они говорятъ. Алѣнушка прелесть! созналъ Алѣша. И какая она хорошенькая будетъ... точно цвѣточекъ... Смѣшно очень она на природу смотреть, — припомнилось ему, какъ разъ она на дворѣ съ гусями споръ вела: топнетъ ножкой, погрозитъ и закричитъ: «говорать вамъ, не смѣйте разговаривать!» а они въ отвѣтъ ей гогочать дружными, безтолковыми хоромъ. Встрѣтивъ Алѣшу, она со слезами возлюбовалась на гусей...

— «Господи! да вѣдь тутъ у насъ своя, совсѣмъ особая и такая интересная жизнь! Какъ же это я не примѣчалъ ничего?»

Послѣ обѣда онъ поймалъ Алѣнушку, распѣловалъ ей глазки, досиелъ, подбородокъ, ямочки на щечкахъ; дѣвочка, смѣясь и прыгая, старалась наклонить къ себѣ его голову. — «Нагнись, нагнись, я тебѣ секретъ скажу, большой! И прошептала ему на ухо: «я тебя люблю»...

— Ахъ, Алѣнушка, какъ бы у насъ могло быть все хорошо и радно!..

Психическій аппаратъ у Алѣши былъ такъ устроенъ, что за чувствомъ, за мыслью тотчасъ же слѣдовало дѣло. Рѣшалъ онъ скоро и безповоротно. Теперь онъ рѣшилъ такъ: «вотъ мы въ угожденіе старой «чепухѣ» сунулись куда не слѣдовало, много испортили и себѣ, и бѣдной мамѣ, стало быть нужно дома все поправить. Конечно! и поправить это долженъ я!..» Однакожъ, дѣло, которымъ задался онъ, было нелегкое; передъ нимъ открывались новыя, невѣдомыя и сложныя людскія отношенія, требовалось многое сообразить и прежде всего выяснитъ собственныя недоразумѣнія. Чего именно добиваться, онъ не зналъ, но твердо зналъ, что дѣла семьи не могутъ и не должны оставаться въ такомъ уродливомъ видѣ. Онъ безсознательно подчинился общему закону прогрессирующей дѣятельности — начинать всегда съ отъѣма стараго.

Была весна, — этотъ, какъ говорятъ, праздникъ природы и весенняя мука учащагося юношества. Алѣша, много-таки погулявшій и оглушенный внутреннею ломкой, сдавалъ экзаменъ по-старому, изъ трехъ предметовъ обрѣзался, но нисколько объ этомъ не тужилъ.

— Прахъ ихъ побери! отъ меня вѣдь это не уйдетъ, — в буду знать, и биномъ Ньютона, и крестовые походы — и всю э кашу премудрости!.. Годъ потерять — не важность, когда ес дѣла посерьёзѣ логики Кизветтера...

— А ты не перешель, — хорошг! попрекнулъ отецъ. П слѣднее время, братъ, совсѣмъ облѣнился.

— Нѣтъ, не облѣнился, сповойно и кротко отвѣтилъ сын а много танцоваль, изъ дома бѣгалъ... ужъ лучше бы гѣнился Я сознаю, что виновать, — виновать больше, чѣмъ вы думает Мнѣ больно тяжело. Вѣдь кто не сознаеть въ себѣ ничего скве наго, тому легко живется: за то бессознательные бараны ни гда не исправляются.

Алёша ждалъ продолженія разговора, но Петръ Ивановичъ внимательно взглянувъ на него, повернулся и вышелъ. Объ Ал шиной неудачѣ и помина больше не было.

Кашириновъ вончалъ курсъ блистательно. Собравшись с своими стариками въ Любимовку, «правильный» счастливецъ э шель къ Слободину, приглашалъ его ѣхать вмѣстѣ. Алёша в отрѣвъ отказался.

— Ахъ, да! вспомнилъ Платонъ, вы какъ-то говорили, ч къ вамъ бабушка пріѣхала. Извините, не смѣю отрывать! Ба бушка въ домѣ — это благословеніе Божіе... Ужасно я люблю м лыхъ сѣденькихъ старушекъ: у нихъ вѣчно бѣленькій чепецъ с большими оборками, ридикюль, пасьянсъ, баловнигъ - внучект или внучка — и доброта, доброта безъ конца!.. Въ нихъ всегд есть что-то библейское, строгое, что выше земныхъ треволненій..

— Нѣтъ, моя бабушка простая старуха-баба, — съ намѣрен ною рѣзкостью замѣтилъ Алёша. Никакихъ чепчиковъ и пасьян совъ не знаетъ; ходить въ волоснигѣ, сама горохъ въ градег сажаетъ; да коли правду сказать, она мнѣ вовсе и не бабушка а тагъ себѣ, добрая старуха. А библейскаго-то въ ней только! есть, что иной разъ святцы по складамъ разбираеть. Мы вѣд простые.

Кашириновъ съ снисходительною улыбкою выслушалъ и дрог нулъ плечомъ, будто желая выразить, что онъ въ этомъ не виновать

— Такъ вы, пожалуйста, хоть послѣ пріѣзжайте, а то вѣд такъ и не увидимся: изъ деревни я прямо въ Казань, въ уни- верситеть.

— Что дѣлать-съ! такъ стало и не увидимся. Пріѣхать-то мнѣ никакъ нельзя.

— Ну, прощайте, другъ мой. Вижу, вы огорчены неудачей, не унывайте!

— Нисколько не огорченъ и не унываю. Линній годъ просияю, а у меня впереди ихъ еще довольно.

— Помните же, что я говорилъ—всегда рассчитывайте на меня. Кто знаетъ будущее? Можетъ и доведется быть вамъ полезнымъ,—я за счастье почелъ бы это... Ну, храни васъ Богъ! Еще встрѣтимся—я вѣрю!

Они обнялись и расстались.

Алѣшѣ потомъ ужъ и досадно стало, что такъ холодно обошелся. Вѣдь добрый онъ малый... только, нѣтъ—онъ *оттуда*, куда я больше ни ногой... Порвать всѣ пути надо, всѣ—и тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Скоро порвались и послѣднія пути: Косолаповы выѣзжали въ Петербургъ. Откупщикъ запялъ залогамъ на миллионъ и ѣхалъ на торги, съ надеждою взять кабую-нибудь болѣе прибыльную губернію, или даже столицу, и поселиться тамъ навсегда.

Въ день отъѣзда къ нимъ собралось много гостей—крупныхъ чиновниковъ и людей близкихъ, преданныхъ. Алѣша пріѣхалъ съ отцемъ: онъ получилъ приглашеніе отъ Саши съ припискою бисернымъ женскимъ почеркомъ: «а если не хотите, то и не надо». Эта канальская приписка и подзадорила его: а вотъ на зло же ей поѣду! Наконецъ, вѣдь это ужъ въ послѣдній разъ куда ни шло!

Дѣло началось молебномъ напутственнымъ, а также о благоослѣщеніи во всѣхъ путяхъ боярина Кирилла, о дарованіи успѣха и приумноженія дому его. Все было въ порядкѣ: пѣвчіе пропѣли многолѣтіе, и затѣмъ послѣдовала закуска.

Конечно, эта закуска была цѣлый обѣдъ; шампанское лилось рѣкою; послѣ приличныхъ тостовъ кричали уру! и начались тосты уже неприличные—всякая мелкая сошка считала своею священною обязанностию подняться съ мѣста, и если отъ полноты души не обрѣтала словъ, то просто, ударяя въ грудь, восклицала: «Кирилла Егорыч!» и какъ-то подленько ухмылялась, дескать: «Орудуй тамъ, а я помню твою благодѣтелию, не забудь же ты меня, раба вѣрнаго!»

Алѣша еще въ половинѣ молебна ушелъ въ комнату гувернера и усѣлся, перелистывая первую попавшуюся книгу. До него доносились крики развеселой компаніи и будили въ немъ ненавистную досаду на все, а больше всего на самого себя. «Эхъ, какая я дрянь! Ну, затѣмъ сюда принесло? Улизнуть скорѣе, никто не замѣтитъ». Онъ поднялся въ зломъ раздумьи...

Вдругъ двери распахнулись, появилась Агата. Она была въ синемъ шерстяномъ дорожномъ платьѣ, плотно облегающемъ ее

круглящуюся талию, черезъ плечо на ремешкѣ изящная сумочка. Обѣими руками держась за растворенныя половинки дверей, и остановясь за порогомъ, она сдѣлала движеніе впередъ одною только талией. Поза ея была граціозна и плутовата—«вѣдь я не вошла въ тебѣ, не думай,—и также легко могу войти, какъ и убѣжать»...

— Что вы тутъ дѣлаете? Хорошо, хорошо! Не хотѣлъ даже и помолиться за меня...

— Молиться?.. да, тамъ не хотѣлъ... но это не за васъ было; за то я никогда не помолюсь... За васъ, Агата, у меня есть совсѣмъ другія молитвы... И я молюсь... Войдите сюда.

— Не хо-чу. Скажите, что съ вами? Какая муха васъ укусила?

— Войдите,—скажу все.

Она отрицательно тряхнула головой. Алёша сильно взялъ ее за руки и заставилъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Она была такъ поражена этимъ, что остановилась передъ нимъ съ покорно-опущенною головой и ожидающимъ взглядомъ. Онъ, не выпуская, развелъ ея руки и поцѣловалъ задрожавшія губы.

— Ты знаешь, хитрая, что я тебя люблю... и молюсь за тебя такъ: отними Господи у нея богатство, оно портитъ хорошихъ людей, а вѣдь ты моя хорошая... вотъ и все! Поняла?

— Право, Алёша, ты сталъ какой-то несообразный... и въ чему это о богатствѣ... развѣ не все равно!.. Полно, не зли меня въ послѣднюю минуту... Скажи лучше, ты меня скоро забудешь?

— Постараюсь! сказалъ онъ уже насмѣшливо.

— Э, и стараться не надо! Тебѣ легко, а мнѣ... Агата вдругъ заплакала. Не въ шестнадцать лѣтъ спокойно глядѣть въ заплаканныя глаза милой женщины... Двери затворились—и никто не видѣлъ ихъ дѣтскаго прощанья...

Черезъ нѣсколько секундъ Алёша былъ въ залѣ. Въ облавалъ табачнаго дыма, какъ тѣни, нетвердыми шагами сновали подвыпившіе гости. Горластое галдѣнье прерывалось взрывами негпаго хохота. Нѣкоторые, какъ водится, уже обнимались; Мирносцевъ, въ послѣднее время часто жаловавшійся на головокруженія, погрузился въ мягкій диванъ, совсѣмъ осовѣлъ и хлопая губами, сосалъ погасшую трубку. Петръ Ивановичъ, прищелкивая пальцами, подзадоривалъ старичка-казначея пройтись въ прясядку. А лакеи съ подносами, на которыхъ звенѣли полные стаканы, все еще шныряли промежь господъ, уже не пившихъ, а лившихъ шампанское на свои манишки и вицмундиры.

На эту картину Алёша взглянулъ уже безъ малѣйшаго негодованія; ему было смѣшно наблюдать рѣзвившихся старцевъ,—

и вдругъ ему померещилось, что за спиною каждаго изъ нихъ торчатъ какой-то фантастическій, дикообразный Финогенъ съ полштофомъ въ рукѣ и приговариваетъ: «важно! грабь робята!»...

Наконецъ, всѣ завѣтные отцовскіе обычаи при проводахъ строго выполнены; два дормеза и воляска поданы къ крыльцу; лошади тронули, послышалось металлически-звонкое: «до свиданья, Алёша!» Онъ стоялъ, опустивъ голову, и будто проснулся, когда услышалъ голосъ отца: «Алексѣй, домой!»

Полиціймейстеръ и особенно-ретивые господа поѣхали провожать благодѣтеля до первой станціи, но Петръ Ивановичъ, забывшійся на каждомъ словѣ, счелъ за лучшее пойти домой. День былъ жаркій; Петръ Ивановичъ шелъ безъ шляпы и все обмахивался платкомъ; Алёшѣ было какъ-то неловко и стыдно. На поворотѣ одной улицы отецъ остановился и сказалъ:

— Ну, Алексѣй, ты иди домой, а я... мнѣ нужно въ одно мѣсто тутъ... зайти къ прокурору... по дѣлу... Что ты глаза-то выпучилъ? Иди! а я послѣ... и повернулъ въ кривой переулокъ.

Какъ облитый холодною водою пошелъ Алёша своей дорогой... Прокуроръ жилъ совсѣмъ на другомъ концѣ города, а въ кривомъ переулкѣ домишки невзрачны, народъ живетъ сомнительный. И какое теперь у него можетъ быть дѣло? Ему одно—спать лезъ поскорѣе.

И долго шелъ Алёша, не оглядываясь назадъ. Велико было искушеніе узнать отцовскую тайну,—стоило только обойти другой улицей, прибавить шагу и изъ-за угла непременно увидишь, въ который домъ вошелъ онъ; однако Алёша этого не сдѣлалъ: «Подсматривать, шпионить—фу, мерзость какая! И къ чему это? не все ли равно—Марья, Дарья... это глупо даже! И домой я не пойду: по лицу что-нибудь замѣтить, спрашивать стануть». Съ такими мыслями прошелъ онъ къ рѣкѣ и долго сидѣлъ на пустомъ берегу, потомъ выкупался и часу въ шестомъ отправился домой.

Освѣженный купаньемъ и движеніемъ, онъ смотрѣлъ бодрѣе, а мысль его повернула совсѣмъ на другую, новую дорожку—и страстная жажда безошадно обличить, уворить, возстановить святость долга,—показалась ему ребячествомъ... Онъ уже не негодовалъ, а жалѣлъ и искалъ оправданія... «Виновать ли онъ? спрашивалъ себя Алёша. Виновать ли я, что полюбилъ дѣвушку изъ такой семьи, которую по настоящему слѣдовало бы только ненавидѣть? Ни въ какомъ отношеніи она мнѣ неровня... а я полюбилъ,—и ни я самъ, и ни какой чортъ не заставитъ мое сердце биться ровнѣе и спокойнѣе при встрѣчѣ съ этою дѣ-

вущей... неровня—вотъ въ этомъ и секретъ весь... Что же дѣлать. Не надо только портить жизнь другимъ... да вѣдь и своя испорчена... Какъ тутъ поправишь?!» Онъ смотрѣлъ на вещи все-таки съ идеальной точки зрѣнія и въ отношеніяхъ сердечныхъ не допускалъ ничего намѣренно-безчестнаго.

Сіяль іюльскій безоблачный день, а въ домѣ Слободинныхъ была буря страшная, точно ураганъ налетѣлъ. Петръ Ивановичъ съ утра былъ не въ духѣ, а когда Личарда подаль ему какое-то письмо, занесенное неизвѣстною женщиной, то совѣтникъ заперся въ кабинетъ и даже въ палату не поѣхалъ.

Наталя Лаврентьевна, словно съ умысломъ, чтобы выманить дѣтей изъ комнатъ, расположилась въ саду варить варенье и заставила ихъ отбирать ягоды только-что созрѣвшей малины. Алѣша лежалъ въ своей комнаткѣ мрачный и съ ядовитою досадою глядѣлъ на грязнаго Стультуса, который, свернувшись калачикомъ, спокойно храпѣлъ у ногъ его.

Еще рано утромъ знакомый Кубасовскій мужичокъ привелъ блѣднаго Стультуса и объявилъ, что старуха поклонъ прислала, а сыновья на прошлой недѣлѣ схоронили,—помѣръ сердешный... Вотъ и кобелька тоже прислала, такъ какъ онъ ей въ великъ-часть намазывалъ, чтобъ, значить, безпремѣнно вамъ предоставить. — «Животное — ты можешь спать? А впрочемъ, Стультусъ пробѣжалъ пятьдесятъ верстъ и вѣрно пожрать было нечего!»

Въ кабинетѣ вдругъ что-то загремѣло, голосъ отца вскрикнулъ, потомъ послышался безпомощный женскій плачь и какой-то неестественный хохотъ... Алѣша бросился опрометью и встрѣтилъ въ залѣ Личарду блѣднаго и только-что отскочившаго отъ замочной скважины. Вѣрный слуга уже зналъ въ чемъ дѣло, и вывелъ Алѣшу на крыльцо, осторожнымъ, отрывистымъ шепотомъ перedalъ барину холопскимъ путемъ добытыя свѣдѣнія.

Дѣло было вотъ въ чемъ: утромъ Петръ Ивановичъ нащупалъ у себя подъ подушкой какую-то дрянъ, завернутую въ тряпицу и очень осерчалъ; барыня отказывалась долго, запиралась во всемя, а потомъ расплакалась: «казни меня, говорить, мое это дѣло». Баринъ вспылить, крикнулъ: «это глупость и мерзость! — и выбрось изъ головы, такимъ дурачествомъ ты меня не приворожишь, а опостылишь въ конецъ!» — Потомъ пошло на счетъ письма, но тутъ, какъ вѣжется, Личарда многого не понялъ и перевралъ. Онъ показывалъ, что сперва баринъ съ барыней заспорили отъ кого это письмо; баринъ утверждалъ, что это писалъ какой-ни-

будь мерзавецъ изъ палатскихъ, а барыня наставляла на своемъ, что опречь нѣмки, зубной докторши, некому написать такого вѣстудства. — Баринъ ей не вѣрилъ; она ссылалась на Федора Федорича, ему хотѣла жаловаться... «Ну, такъ я пойду и обломаю ей руки-ноги, этой шельмѣ!» закричалъ онъ и хватилъ кулакомъ по столу. — Она давай его удерживать: «не срами ты меня, не вѣзись передъ добрыми людьми... Не перенесу я этого... пусть ее Богъ накажетъ». — «Ага, ты не хочешь? такъ стало быть все это правда?» — вскричалъ Петръ Ивановичъ, а она на эти слова его какъ захохочетъ — и ужъ не слышать было за ее хохотомъ, что говорилъ баринъ. Онъ, вѣжись, утихомирился, а она все хохочетъ, все хохочетъ. Таково страшно...

Вслушавъ разговоръ Личарды, Алѣша воротился въ залу, какъ будто его кто по головѣ дубиной ошарашилъ. Въ кабинетѣ было тихо, онъ заглянулъ въ непритворенную дверь: отецъ сидѣлъ одинъ, упавъ лицомъ и руками на письменный столъ; матери уже не было. Сынъ вошелъ, притворилъ плотно за собою дверь и сѣлъ подѣ отца, который не шевелился, ничего не слышалъ, не заглядывалъ. Алѣша долго смотрѣлъ на него молча, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и шепталъ про себя: «бѣдный ты, бѣдный!» трудно сказать, кто изъ нихъ больше страдалъ.

— Папенька... едва выговорилъ онъ.

— А! это ты... кроткимъ тономъ отозвался отецъ и поднялъ голову: на лицѣ его еще не высохли обильныя слезы. — Что голубчикъ?.. а дѣти гдѣ? спросилъ онъ какъ будто съ просонья.

Сынъ чувствовалъ, что вотъ еще немножко — и онъ потеряетъ послѣднія силы. Страшнаго усилія стоило ему выговорить:

— Папенька, вы должны насъ отпустить, — мы поѣдемъ въ гѣдушеѣ.

— Зачѣмъ, кто поѣдетъ?

— Мама поѣдетъ и я съ нею...

— Это, братъ, прихоти... а впрочемъ, пожалуй — съѣздите недельки на двѣ.

— Нѣтъ, ужъ коли ѣхать, такъ мы поѣдемъ навсегда... совсѣмъ...

— Какъ — навсегда?

— Будемъ жить у него и гораздо лучше... Онъ обижать васъ не станетъ. Оно и для васъ будетъ покойнѣе... Дѣти при насъ останутся...

— Пустяки какіе-то взбрели тебѣ въ голову, что ты? — что ты?

Петръ Ивановичъ съ изумленіемъ и даже съ испугомъ взгляды-

вался въ лицо сына, говорившаго спокойно и увѣренно въ томъ, что говорить дѣло.

— Я обдумалъ это давно и собрался сказать вамъ при случаѣ...

— Ну, какой это случай? — какой случай? — Вздоръ! маленькая... такъ... размолвка, вотъ и все! — Нельзя же вѣкъ прожить безъ неприятностей... ты еще этого не понимаешь.

— Понимаю, что размолвка — пустяки. Но прошу васъ, избавьте меня отъ объясненій... Я васъ очень люблю; вѣдь мнѣ и васъ жалко... а какъ уѣдемъ, для всѣхъ будетъ лучше. Мама этого желаетъ, я знаю... Вы будете свободны и она тоже, — чего же лучше!

— Перестань, сдѣлай милость! — нетерпѣливо остановилъ его отецъ. Какіе у тебя всегда сумасбродства въ головѣ!.. Ну, какъ это можно? Понимаешь-ли ты, что вѣдь мы... мужъ и жена, — и по закону должны жить вмѣстѣ, — это очень просто; — стало быть тутъ и разговаривать много нечего. — Да и какъ ты смѣешь, молокососъ? — Вотъ оно модное-то вольнодумство! Да въ мое время сынъ передъ отцомъ и сидѣть-то не смѣлъ, а не то что такъ разговаривать!

— Я пришелъ просить васъ... не о законѣ рѣчь... а что разговариваю съ вами о серьезномъ дѣлѣ, то кажется это лучшее доказательство, что люблю васъ и уважаю; — а исполните мою просьбу, еще больше уважать васъ стану...

— Дружокъ ты мой, вѣдь и я ужасно тебя люблю... только вѣдь ты говоришь-то какъ мальчикъ; — ну съ чѣмъ это сообразно? Вѣдь всякій взрослый человѣкъ засмѣялся бы надъ тобой, да и меня обозвалъ бы дуракомъ, что слушаю тутъ тебя... ха—ха! — Да постой, постой, вотъ я тебя сейчасъ срѣжу... а если мать на это не согласится, что тогда? — обрадовался Петръ Ивановичъ. — А я знаю, что она ни за какія блага не согласится... что же ты тогда?

— Тогда...

А вѣдь это возраженіе ему и въ голову не приходило... Зная мать, онъ глубоко почувствовалъ, что если захочетъ отецъ, она ни за что не согласится... Приливъ безсильной злости душилъ его — и разомъ бросивъ почтительный тонъ, онъ началъ запальчиво:

— Ну, такъ тѣмъ хуже для васъ!.. И собаку привязанную не бьютъ... И если только у насъ ничто не перемѣнится, я уйду... уѣду, куда глаза глядятъ... Считаю подлостью оставаться и...

Отецъ поднялся медленно; взглядъ его не предвѣщалъ ничего добраго... Но въ эту минуту дверь растворилась, вошла запыхавшая Катерина:

— Баринъ! У Федора Федорыча неладно... вахтеръ прибѣжалъ, сказываетъ, чуть ли не померъ... Бровь вдарила...

— Что ты говоришь? — Померъ? — Петръ Иванычъ остановилъ на ней застывшій, помутившійся взглядъ. — Прошло мгновение и лицевыя мускулы его вдругъ задержались судорожно — въ нихъ отпечаталось усиліе выразить печаль приличную обстоятельствамъ — и какая-то торопливая, почти радостная забота...

Алёша насмѣшливо кашлянулъ.

— Туда, скорѣй туда! — гдѣ моя фуражка? суетился отецъ, и взглянувъ на сына съ откровенностью ничѣмъ несдержаннаго инстинкта, выбѣжалъ... Алёша не захотѣлъ комментировать этого взгляда, а онъ очень ясно кричалъ: «дуракъ ты, дуракъ — радуйся! — вѣдь мы теперь богаты»...

Оставшись одинъ, онъ поникъ головою и усмѣхаясь проговорилъ медленно:

— Бѣдная, старая каретная лошадь — и ты свалилась!.. Ну, что-жъ, отслужила — пора!.. А вотъ другіе-то, другіе, нежившіе — зачѣмъ умираютъ? — Впрочемъ и то благо, по крайней мѣрѣ, не успѣли влѣзть въ хомутъ и дожить до негодной влячи...

II. АЛЬМИНСКІЙ.



АНГЛІЯ

ВЪ

КНИГЪ ТЭНА

Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

VI.*)

Познакомившись, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ семейными нравами англичанъ, съ системой ихъ воспитанія, мы должны, прежде чѣмъ перейти къ ихъ общественнымъ нравамъ, къ ихъ политическому и социальному порядкамъ, спросить еще: каковы ихъ религіозные нравы. Религія въ жизни народовъ играла да и продолжаетъ играть слишкомъ видную роль; ея вліяніе, болѣе или менѣе благотворное такъ значительно, что, представляя общую картину жизни какого-нибудь народа, писатель, да притомъ еще писатель-мыслитель, философъ, лишенъ возможности пройти молчаніемъ религіозныя вѣрованія описываемой страны и не упомянуть ни словомъ о силѣ, присущей духовенству.

Тэнъ не посвящаетъ въ своей книгѣ отдѣльной главы этому вопросу, но онъ нѣсколько разъ возвращается къ нему по тому или другому поводу, и нужно сказать, что все, что онъ говоритъ о религіи и религіозныхъ нравахъ Англіи, какъ нельзя болѣе неудовлетворительно. Прочитавъ страницы, относящіяся до религіозныхъ вѣрованій, трудно составить себѣ хотя даже прибли-

*) См. выше: окт. 691 стр.

тельное понятіе о той роли, которую играетъ религія среди англійскаго народа. Нигдѣ индифферентизмъ Тэна не оказываетъ ему такой плохой услуги, какъ въ разсужденіяхъ, касающихся религіи. Съ одной стороны, онъ принадлежитъ къ категоріи свободныхъ мыслителей, съ другой—вездѣ и во всемъ онъ старается отыскать одно хорошее. Свободное мышленіе и ханжество дурно вьются между собою; свободный мыслитель не можетъ относиться сочувственно къ религіозному лицемѣрью, напускному святошеству, къ соблюденію обрядовъ, лишенныхъ всякаго содержанія; наконецъ, свободный мыслитель не можетъ восхищаться или даже мириться съ людьми, цѣлымъ обществомъ, которое само добровольно налагаетъ на себя обязательство не провѣрять разсудкомъ и не относиться критически къ тѣмъ религіознымъ предразсудкамъ, которые отжили давно свой вѣкъ. Между тѣмъ, Тэнъ именно стремится къ тому, чтобы въ этихъ предразсудкахъ, въ этомъ ограниченіи правъ разсудка, отыскать и указать симпатичныя стороны, и въ своемъ стремленіи доказать, что все обстоитъ не только благополучно, но даже превосходно въ наилучшемъ изъ всѣхъ міровъ, онъ заходитъ такъ далеко, что вовсе забываетъ объ отталкивающихъ сторонахъ религіозныхъ нравовъ Англій. Если у него и вырываются иногда критическія замѣчанія, если онъ и рѣшается подчасъ произнести слово порицанія, то въ такой мягкой, деликатной формѣ, что можно получить самое превратное понятіе объ этой сторонѣ англійской жизни. Между тѣмъ, эта сторона далеко не красива, и нужно имѣть слишкомъ большое желаніе находить все прекраснымъ, чтобы даже изъ того немногаго, которое передаетъ Тэнъ, дѣлать такіе выводы, какіе дѣлаетъ онъ. Выводы эти были бы понятны, естественны, еслибы самъ Тэнъ не былъ свободнымъ мыслителемъ; не было бы ничего удивительнаго въ его преклоненіи передъ внѣшнею, обрядовою религіозностью англичанъ, еслибы Тэнъ въ вопросахъ религіи походилъ на такого писателя, какъ Монталамберъ, который точно также высоко ставитъ религіозные нравы Англій. Но вѣдь Тэнъ и Монталамберъ стоятъ такъ далеко другъ отъ друга! Съ одной стороны, передъ нами горячо вѣрующій, убѣжденный католикъ, съ другой—почти язычникъ, ни во что не вѣрующій. Чѣмъ позволительно восторгаться одному, тѣмъ непозволительно увлекаться другому.

Каковы же выводы Тэна, каково мнѣніе держится онъ о религіозныхъ нравахъ Англій? Вотъ что говоритъ онъ въ предпоследней главѣ своей книги: «Религія перестаетъ быть официальною формулою, которую только повторяютъ, она переходитъ въ живое чувство, слившееся съ человѣкомъ. Чтобы убѣдиться

въ томъ, читателю стѣбитъ только посмотрѣть какъ въ письмахъ, біографіяхъ, поэмкахъ, романахъ, во всемъ, что обнаруживается свободно и что нельзя заподозрить въ лицемѣрїи, какъ отражаются всѣ мелкія событія текущей жизни... О доктринѣ можно спорить; передъ чувствомъ можно только преклоняться: оно прекрасно». Изъ этихъ словъ автора «Notes sur l'Angleterre», прямо слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что религія въ Англіи по преимуществу представляется дѣломъ чувства, чуждающагося всего формальнаго, враждебнаго внѣшней только религіозности. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ и не вытекаетъ ли изъ того, что говоритъ самъ Тэнъ, нѣчто прямо противоположное этому послѣднему выводу? Оставляя его выводы въ сторонѣ, обратимся только къ тѣмъ чертамъ религіозныхъ нравовъ, на которыя онъ указываетъ въ своей книгѣ.

Большинство писателей, говорившихъ объ Англіи, сходились въ мнѣніи объ англійскомъ ханжествѣ, большинство было согласо, что религія въ Англіи обладаетъ по преимуществу чисто-внѣшнею силою, пользуется наружнымъ уваженіемъ, но отказывали ей въ великомъ нравственномъ значеніи среди этого народа. Внѣшняя же религіозность англійскаго народа не могла не поражать каждаго вступавшаго на англійскую почву. Внѣшняя религіозность бросалась и продолжаетъ бросаться въ глаза на улицѣ, въ семьѣ, въ школѣ, она даетъ себя чувствовать въ печати, литературѣ, какъ въ серьезныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ романахъ.

На улицѣ эта внѣшняя религіозность бросается, правда, въ глаза всего одинъ разъ въ недѣлю. Нужно впрочемъ сказать, что еслибы вмѣсто одного воскресенья въ недѣлю было ихъ два, то нѣтъ сомнѣнія, что число случаевъ самоубійствъ необыкновенно поднялось бы. Даже и теперь при одномъ всего воскресеньи, по словамъ самого Тэна, послѣ часа воскресной прогулки по туманнымъ дождливымъ улицамъ Лондона, «получаешь сплинъ и начинаешь понимать самоубійство». Кто въ самомъ дѣлѣ не знаетъ англійскаго воскресенья? Кто не бывалъ самъ, тотъ конечно читалъ о немъ и могъ себѣ составить достаточно полное о немъ понятіе. Улицы превращаются въ пустыни; лавки, магазины, рестораны, всѣ увеселительныя заведенія, все заперто; англичане, какъ тѣни, пробираются по улицамъ съ постными, вытянутыми въ два аршина лицами, каждый держитъ въ своихъ рукахъ «Prayer book» и каждый думаетъ про себя: Господи! какая скука, какая тоска! Людямъ нѣтъ выбора: или «церковь или бабакъ, или пьянство или проповѣдь». Въ церковь отправляется буржуа, чисто одѣтый, съ строгою и приличною фізіономіею,

въ кабаки стремится работникъ, замученный шестидневнымъ не-
исчислимымъ трудомъ. Работать шесть дней въ недѣлю, работать
безъ отдыха, неутомимо, чтобы обезпечить даже не завтрашній, а
сегодняшній день, а затѣмъ седьмой сидѣть въ церкви и слу-
шать все ту же проповѣдь—это не по силамъ работнику, и онъ
убѣгаетъ церкви. Вотъ почему на улицѣ попадается столько
выутертыхъ кабаковъ, въ которые старается незамѣтно про-
браться рабочій людъ, незамѣтно, потому что полиція преслѣ-
дуетъ открытые кабаки въ воскресенье, правительство силою хо-
четъ сдѣлать народъ религіознымъ или по крайней мѣрѣ фор-
мально внѣшне-религіознымъ.

Какъ не согласиться въ самомъ дѣлѣ съ словами Стендаля,
этого тонкаго, глубокаго, пронизательнаго ума, приводимыми
Тэномъ, что въ Англіи религія портитъ одинъ изъ семи дней
и уничтожаетъ седьмую долю возможнаго счастья. Народъ не
хочетъ этихъ постныхъ, томительно скучныхъ воскресеній; у него
это единственный свободный день, онъ хотѣлъ бы доставить себѣ
въ этотъ день удовольствіе, а ему то запрещаютъ. Поневолѣ онъ
идетъ въ кабаки. Сколько бы ни издавало правительство поста-
вленій съ цѣлью воспретить въ этотъ день азартныя игры,
яко,—оно ничего не добьется, потому что силою народъ нельзя
сдѣлать религіознымъ. Да наконецъ, развѣ можно назвать это
религіозностью, развѣ человекъ, отправляющійся вечеромъ въ те-
атръ, днемъ въ музей, не можетъ быть столько же религіознымъ,
какъ человекъ, корпящій цѣлый день надъ своимъ «Prayer book»?
Въ Англіи большинство такъ-называемыхъ образованныхъ клас-
совъ не можетъ постичь этой дѣтской мысли, и только «из-
бранные», нѣсколько передовыхъ умовъ стараются, — въ сожа-
лѣнію напрасно, истребить это ханжество, это недостойное ли-
цемеріе. Правительство же поддерживаетъ это лицемеріе, оно
охраняетъ это ханжество, издавая такія прокламаціи, образецъ
которыхъ приводитъ и Тэнъ въ своей книгѣ. Образецъ этотъ
такъ поучителенъ, что его нельзя не повторить: «Мы, Викторія,
королева, принимая во вниманіе, въ нашемъ строгомъ благочестіи,
что наша неизбѣжная обязанность приказываетъ намъ заботиться
прежде всего о томъ, чтобы поддержать и увеличить служеніе и
почитаніе Всемогущаго Бога и обезсилить и уничтожить порокъ,
развратъ и безнравственность... мы запрещаемъ симъ всѣмъ нашимъ
вѣрнымъ подданнымъ, какаго бы состоянія и званія они ни были,
играть въ день Господень въ кости, карты, или во всякую иную
игру, въ публичныхъ заведеніяхъ или частныхъ жилищахъ, или въ
другомъ мѣстѣ, гдѣ бы то ни было, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы при-

казываемъ всѣмъ и каждому изъ нихъ, присутствовать каждыи день Господень съ почтеніемъ и приличіемъ на богослуженіи... Вмѣстѣ съ этимъ повелѣвалось властямъ «принять всѣ мѣры чтобы не допустить лицъ, содержащихъ кабаки или другіе публичныя дома, продавать вино, пиво, всякіе другіе спиртные напитки и чтобы они не смѣли принимать или оставлять въ своемъ заведеніи посѣтителей во время праздничнаго богослуженія».

Вотъ какими отеческими заботами правительство старается привить религіозность въ сердца народа, который естественно въ силу именно этого, все болѣе и болѣе будетъ сторониться отъ навязываемой такимъ образомъ религіи. Оправдывать подобную систему казалося бы невозможнымъ; но Тэнъ какъ бы въ оправданіе подобныхъ принудительныхъ мѣръ приводитъ то обстоятельство, что темпераментъ англичанина, человѣка сѣвера, не тотъ, что французъ, и человѣка юга, котораго вино только веселитъ, но не дѣлаетъ звѣремъ, какъ здѣсь. «Здѣсь, говоритъ онъ, темпераментъ другой, болѣе свирѣпый и воинствующій; удовольствіе заключается въ себѣ что-то звѣрское и скотское, я могу привести двадцать примѣровъ». «Когда французъ пьянъ, мнѣ говорилъ одинъ англичанинъ, передаетъ Тэнъ, онъ болтаетъ; когда нѣмецъ—онъ спитъ; когда англичанинъ—онъ дерется». Быть можетъ это и остроумно, но во всякомъ случаѣ не подобными аргументами можно оправдывать искусственное ханжество, которое при помощи правительства создается среди народа.

Народъ же въ Англіи, выключая отсюда высшіе классы, аристократію, и средніе, буржуазію, которая гонится за первую, народъ въ дѣйствительности относится къ религіи съ большимъ индифферентизмомъ. Это признаетъ и Монталамберъ, который, восхваляя англійскую аристократію за религіозную ревность, говоритъ: «къ несчастью, что касается рабочихъ классовъ, и особенно въ городахъ, то тутъ вовсе иначе: среди этихъ классовъ господствуетъ индифферентизмъ и абсолютное невѣжество въ дѣлѣ религіи; тутъ индифферентизмъ и невѣжество въ дѣлѣ вѣры развились къ сожалѣнію въ такой же пропорціи, въ какой выросло населеніе». Того же мнѣнія держатся и другіе французскіе писатели, его высказываютъ и нѣмецкіе писатели, говоря о религіозномъ вопросѣ въ Англіи. Это же признаетъ и Тэнъ, когда говоритъ о тѣхъ классахъ общества, которые наполняютъ церкви. «Не народъ, говоритъ онъ, наполняетъ церкви». Итакъ, эта дѣланная чинность, эта неподдѣльная скука, это религіозное рвеніе, которое бросаются въ глаза на улицахъ въ Англіи; все это вовсе не доказываетъ, чтобы народъ былъ религіознымъ, все это

говорить только о томъ, что въ этой странѣ существуетъ внѣшняя, официальная религіозность или вѣрнѣе не религіозность, а религіозное фарисейство, лицемѣріе.

Внѣшняя религіозность, бросающаяся въ глаза на улицѣ, сказывается также въ тѣхъ импровизованныхъ проповѣдникахъ, которые каждое воскресенье наполняютъ своими проповѣдями города свободной Англіи. Отправляйтесь въ любой паркъ между двѣнадцатю и четырьмя часами и вы можете быть увѣрены, что вы встрѣтите не одного человѣка съ открытою головою, съ библіею въ рукахъ, горячо проповѣдывающаго великія истины евангелія. Правда, эти истины порой искажаются, онѣ получаютъ въ устахъ проповѣдника тотъ смыслъ, то значеніе, котораго онѣ не имѣютъ, ради только того, чтобы сдѣлать ихъ орудіемъ своей секты, своихъ личныхъ воззрѣній, но что за бѣда! На уличныхъ проповѣдниковъ въ Англіи многіе и смотрятъ какъ на зло, но даже свобода болтать всякій вздоръ, какъ говоритъ Луи Бланъ по поводу этихъ проповѣдниковъ, имѣетъ хорошую сторону, такъ какъ въ цѣлой массѣ вздора этимъ ораторамъ случается подчасъ высказывать свѣтлыя мысли собравшемуся вокругъ ихъ кружку.

Тэну во время его путешествій по Англіи не разъ случалось встрѣчаться съ такими проповѣдниками; онъ слушалъ ихъ въ Лондонѣ въ Hyde-Park'ѣ, онъ видѣлъ ихъ въ деревняхъ, онъ встрѣчалъ ихъ на площадяхъ университетскихъ городовъ; одни съ библіею въ одной рукѣ, съ зонтикомъ въ другой передаютъ людямъ подчасъ благосклонно, подчасъ иронически, слушающимъ его, свои религіозныя идеи; другой, не чувствуя въ себѣ ораторскаго таланта, громко поетъ одинъ псаломъ за другимъ; третій громитъ порокъ, безвѣріе, развратъ современнаго общества; четвертый, и на этотъ разъ женщина, убѣждаетъ въ истинѣ религіозныхъ основъ своей секты. Нивому не воспрещается собирать вокругъ себя кружокъ людей и убѣждать во всемъ, что ему нравится и что приходится только въ голову. Всякій воленъ проповѣдывать все что ему угодно, власти не вступятся и не станутъ препятствовать распространенію тѣхъ или другихъ идей, какъ бы дичи подчасъ онѣ ни были. «Я какъ нельзя болѣе одобряю таковаго рода сцены, высказываетъ Тэнъ: во-первыхъ, онѣ даютъ выходъ сильнымъ страстямъ, сильнымъ убѣжденіямъ, которыя, не имѣя таковаго выхода, превратились бы въ сумасшествіе, меланхолію или повели бы въ возмущенію; во-вторыхъ, онѣ нравственны и могутъ имѣть хорошее вліяніе на иную совѣсть; въ-третьихъ, онѣ освѣжаютъ въ обыкновенной публикѣ мысль, что существуютъ высокія идеи, серьезные вѣрованія, искренно ревнивыя души; люди слыш-

комъ склонны думать, прибавляетъ Тэнъ, что равнодушіе и развлеченія — это цѣль жизни». Но можно ли, спрашивается, вывести какое-нибудь заключеніе о религіозности англійскаго народа изъ того факта, что подобныя уличные проповѣдники по всей Англійи собираютъ вокругъ себя слушателей? Конечно, нѣтъ; фактъ этотъ доказываетъ только одно, что одинъ изъ семи дней въ недѣлю, какъ говоритъ замѣчательно талантливый авторъ одного изъ лучшихъ французскихъ романовъ: «Rouge et Noir», испорченъ, и что людямъ въ этотъ день нечего дѣлать; они слоняются какъ тѣни изъ одного парка въ другой, и ради бездѣлья и скуки прислушиваются къ импровизованнымъ проповѣдникамъ. Откройте въ этотъ день музеи, картинныя галереи, и въ особенности трактиры и кабаки, и этимъ ораторамъ останется только одно утѣшеніе — прислушиваться къ звукамъ своего собственнаго голоса, пустынно-раздающагося въ паркахъ и садахъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на то, что англійскій народъ отличается индифферентизмомъ въ дѣлѣ религіи, Англійа еще въ самое послѣднее время была свидѣтельницею такихъ грубыхъ религіозныхъ столкновеній, которыя Европа старается изгладитъ изъ своей памяти. Еще никто не забылъ тѣхъ страшныхъ сценъ, которыя происходили какихъ-нибудь десять лѣтъ назадъ въ Лондонѣ, когда масса народа въ сто тысячъ человѣкъ билась на жизнь и на смерть, когда люди бросались другъ на друга какъ разъяренные звѣри, нанося смертельныя удары съ криками на одной сторонѣ: да здравствуетъ папа! съ криками на другой: да здравствуетъ Гарибальди! Луи Бланъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ объ Англійи» описываетъ то побоище, которое происходило въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ по поводу пріѣзда Гарибальди въ столицу Англійи. Его пріѣздъ послужилъ поводомъ къ религіозной дракѣ между католиками-ирландцами и протестантами-англичанами. Но если католики-ирландцы дрались на смерть, думая защищать дѣло религіи, то протестанты-англичане дрались, защищая не религію, а свою свободу выражать свое сочувствіе тому или другому человѣку. Вражда между католиками и протестантами дѣйствительно чрезвычайно сильна, но и она все-таки не можетъ служить доказательствомъ религіозности англійскаго народа. Подкладка этой вражды чисто политическаго свойства, и если подобныя сцены, какія происходили въ Лондонѣ, объяснялись нѣкоторыми писателями въ пользу религіозности, то гораздо справедливѣе и основательнѣе объяснять ихъ такъ, какъ объясняетъ Луи Бланъ, когда отвѣчаетъ на вопросъ: гдѣ причина такого возмутительнаго зрѣлища? Почему оно возможно въ Англійи,

и еще въ ея центрѣ умственномъ и матеріальномъ — Лондонѣ? «Почему? говорить онъ, — потому что, по всей вѣроятности, наша цивилизація не покончила еще съ демономъ религиозныхъ войнъ; потому что велико еще число тѣхъ идиотовъ, которые смотрятъ, какъ на святое дѣло, на истребленіе своихъ ближнихъ въ угоду Богу; потому что звѣрство есть дочь невѣжества, а невѣжество порождается суевѣріемъ, потому что папство наводитъ себѣ въ Лондонѣ представителей въ толгѣ одичалыхъ ирландцевъ, которые даже въ тѣхъ притонахъ, гдѣ копошатся вселенія, составляютъ подонки этихъ подонковъ».

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, говоря о религіи англійскаго народа, необходимо понимать слова «англійскій народъ» въ тѣсномъ смыслѣ, исключая изъ этого понятія, само собою разумѣется, ирландцевъ и даже шотландцевъ. Если среди англійскаго народа въ тѣсномъ смыслѣ господствуетъ индифферентизмъ, то того же нельзя сказать о шотландцахъ, среди которыхъ религія играетъ болѣе крупную роль, и тѣмъ менѣе про ирландцевъ, которые въ дѣлѣ религіи являются фанатиками католицизма. Католицизмъ силенъ въ Ирландіи, какъ силенъ онъ среди всѣхъ тѣхъ народовъ, которые потеряли свою самостоятельность, свою политическую независимость. Въ этомъ отношеніи Ирландія и Польша родныя сестры; какъ тутъ, такъ и тамъ, сильный католицизмъ наноситъ рововой ударъ послѣднимъ средствамъ народа, отодвигая его отъ настоящаго и будущаго, и приближая къ прошедшему. Католицизмъ Ирландіи такъ силенъ, что онъ не только считаетъ для себя возможнымъ вести оборонительную войну съ англійскимъ протестантизмомъ, но онъ объявилъ ему войну наступательную, и давно уже раздаются радостные возгласы ревностныхъ католиковъ, впередъ торжествующихъ побѣду католицизма надъ протестантизмомъ. «Католицизмъ идетъ побѣдоносно впередъ въ самой Англій, съ радостію восклицаетъ Монталамберъ, онъ приобретаетъ себѣ новыхъ и новыхъ адептовъ среди англичанъ, и быть можетъ настаетъ часъ, когда Англія, какъ блудный сынъ, возвратится въ лоно единой православной Англій». Монталамберъ напоминаетъ, что въ продолженіе тысячи лѣтъ Англія была страной католическою, что все славное прошедшее Англій, которымъ каждый англичанинъ вправѣ гордиться, принадлежитъ тому періоду, когда католицизмъ охранялъ эту страну, что всѣ ея «чтимыя учрежденія, самыя популярныя и самыя чистыя славны примыкаютъ къ католицизму. Присяжные, парламентъ, университеты существуютъ съ того времени, когда Англія была покорною дочерью римскаго двора. Католическіе бароны вырвали у короля Іоанна

великую хартію...» Сколько оснований, чтобъ католицизмъ свой сдѣлался господствующею религіею въ Англіи! Не одни только ревностные католическіе писатели говорятъ объ успѣхахъ католицизма въ Англіи; этотъ успѣхъ подтверждается и такими либеральными писателями какъ Луи Бланъ, который даетъ предостереженіе протестантамъ, говоря: «остерегайтесь, католицизмъ около васъ и пользуется каждой вашей ошибкой!» Какъ же можно было бы объяснить относительный успѣхъ католицизма въ Англіи. Однимъ только. Народъ, т.-е. низшіе классы относятся въ религіознымъ вопросамъ безразлично; средніе же и высшіе классы относятся къ религіи сухо, формально. Протестантизмъ силенъ благодаря присущему ему духу свободной критики, свободнаго изслѣдованія. Отнимите послѣднее, и протестантизмъ, нѣсколько сухой и холодный, долженъ охотѣть. Формальное же отношеніе къ религіи поощряетъ ограниченіе свободнаго изслѣдованія, въ которомъ стремятся силы англиканскаго духовенства. Средніе и высшіе классы охотно поддаются этому давленію и само общество добровольно, безъ принужденія, безъ цензуры налагаетъ дѣш на критику, свободное изслѣдованіе. Дѣло доходитъ до того, что писатели опасаются свободно высказывать свое мнѣніе въ вопросахъ религіозныхъ, опасаются подъ угрозой отлученія, произносимаго не церковью, въ чемъ не было бы въ Англіи особенной бѣды, — а отлученія, произносимаго самимъ обществомъ.

Въ Англіи, въ этой странѣ свободныхъ нравовъ и широкихъ политическихъ правъ, гдѣ каждый имѣетъ право думать, говорить и писать все, что ему угодно, и по всѣмъ вопросамъ, — религіозная нетерпимость не правительства, а самого общества, такъ сильна, что въ дѣйствительности писатель не имѣетъ права высказываться свободно въ религіозномъ вопросѣ. Онъ долженъ сдерживать себя на каждомъ шагѣ. И благо еще, если бы эта нетерпимость была результатомъ сильной до фанатизма религіозности, тогда бы она находила себѣ объясненіе, а то она является результатомъ англійской чинности и религіознаго формализма. Авторъ «Писемъ объ Англіи», имѣвшій такъ много времени для изученія жизни англійскаго общества, разсуждая о его религіозной нетерпимости, между прочимъ говоритъ: «Протестантская Англія, мнѣ тяжело въ этомъ сознаться, нуждается въ томъ, чтобы ей дѣлались предостереженія. Пусть пораздумаютъ протестанты, ихъ дѣло связано съ свободою совѣсти и со всѣми другими родами свободы, связано славнымъ договоромъ, но настолько же ненарушимымъ, насколько и славнымъ. Имъ нельзя его нарушить подъ угрозою самоубійства; имъ нельзя связывать свободу совѣсти и мысли до»

первой уничтожить одну изъ самыхъ благородныхъ характеристикъ чертъ». И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «для протестантовъ истинный способъ бороться съ Римомъ, это оставаться верными своему принципу — свободному изслѣдованію; представлять собою начало, въ силу котораго умъ человѣческій развивается и стремится къ новымъ, все болѣе и болѣе свѣтлымъ горизонтамъ, и всегда помнить мощныя слова Мюнцера: «Мало еще считать постоянно: «вѣра, вѣра!» и наполнять этимъ словомъ огромные тома. Имѣть вѣру, это работать на освобожденіе человечества!»

Тэнъ, говоря объ англійской религіозности, вовсе не касается того вопроса, вопроса весьма важнаго — о нетерпимости, и даже напротивъ, какъ бы съ одобреніемъ говорить о томъ, что «три четверти журналовъ и книгъ съ тономъ убѣжденія нападаютъ на французскій скептицизмъ и нѣмецкое невѣріе, т.-е. ересь, которая отрицаетъ, и ересь, которая утверждаетъ». Тэну нравится этотъ религіозный формализмъ, который онъ встрѣчаетъ у среднихъ и высшихъ классовъ англійскаго общества; самъ будучи свободнымъ мыслителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утомленный постоянными религіозными сомнѣніями, пресыщенный французскимъ скептицизмомъ, онъ, не особенно заботясь о томъ, чтобы торжествовала истина, отчасти быть можетъ смущаемый вѣчнымъ, до сихъ поръ неразрѣшеннымъ вопросомъ: гдѣ истина? успокоивается въ формальной религіозности, успокоивается отсутствіемъ пылкости, отсутствіемъ всякаго сомнѣнія. Онъ смотритъ на англійское общество и думаетъ: безъ сомнѣній живетъ спокойнѣе; а такъ какъ спокойствіе — это все въ жизни, то ему и нравится религія англичанъ, не терпящая никакого сомнѣнія. Все должно дѣлаться у англичанъ по заведенному порядку, и религія должна подчиняться общему правилу. Религія занимаетъ у англичанъ средняго и высшаго общества извѣстное, строго опредѣленное мѣсто, они привыкли къ нему и не желаютъ измѣнять заведеннаго порядка. Какое же мѣсто принадлежитъ религіи среди англійскаго общества? Какъ слагается религіозность англичанина, принадлежащаго къ среднему или высшему общественному слою.

Возьмемъ прежде всего семью. Съ той минуты, когда ребенокъ начинаетъ только понимать, онъ уже видитъ, что религія составляетъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ обыденной жизни. Съ тѣхъ поръ, что онъ себя помнитъ, онъ помнитъ также, какъ каждый день передъ завтракомъ, обѣдомъ, главою семейства, прежде чѣмъ всѣ сядутъ за столъ, произноситъ громко небольшую молитву, которую всѣ члены выслушиваютъ съ благоговѣніемъ. Онъ

видить, какъ каждое воскресенье всѣ члены семьи, одѣвъ праздничныя платья и вооружившись молитвенникомъ, чинно отправляются въ церковь, затѣмъ по возвращеніи глава семейства беретъ библію и читаетъ вслухъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ религіозныхъ размышленіяхъ и чтеніи священныхъ книгъ, семья снова отправляется въ церковь и по возвращеніи предается тѣмъ же занятіямъ. Вечеромъ вся семья, гости, если они случаются, вся прислуга, тихо, безмолвно, въ порядкѣ, со строгими сосредоточенными лицами, отгоняя отъ себя всякую мірскую думу, собираются въ залу, и тутъ хозяинъ дома прочитываетъ небольшую проповѣдь, затѣмъ молитву, всѣ становятся на колѣни, глава семьи произноситъ «Pater», всѣ присутствующіе вторятъ ему, затѣмъ также чинно, въ такомъ же порядкѣ и также безмолвно всѣ возвращаются къ себѣ. Ничто не способно нарушить разъ установленнаго порядка, одно воскресенье похоже на другое, никакое отклоненіе, никакое отступленіе не допускается. Обычай такимъ образомъ проводитъ одинъ день въ недѣлю, посвященный молитвѣ, но не отдыху, глубоко врѣзывается въ память ребенка, и когда онъ самъ становится взрослымъ, онъ не можетъ уже отстать отъ заведеннаго порядка: привычка вторая натура. Кругомъ себя онъ видитъ то же самое. Онъ видитъ, что въ воскресенье кругомъ все вымираетъ, что суматоха, лихорадочная дѣятельность прекращается, онъ видитъ, что всѣ кругомъ его посвящаютъ день воскресный религіи. Обѣдъ подается холодный, прислуга увольняется отъ своихъ обязанностей, каждый служитъ себѣ самъ. «На каждомъ шагу, говоритъ Тэнъ, встрѣчаешь библейскія черты; напр., въ воскресенье журналы не выходятъ, за исключеніемъ одного поѣзда, желѣзныя дороги не двигаются, въ Шотландіи, герцогиня, которая желала ѣхать къ своей умирающей матери, не могла за деньги получить экстреннаго поѣзда.»

Въ семьѣ мальчикъ не услышитъ никогда никакихъ разговоровъ съ критическимъ оттѣнкомъ о религіи и ея обрядахъ, и не услышитъ не потому, чтобы дѣтскій умъ оберегали отъ такихъ разговоровъ, а оттого, что такихъ разговоровъ никогда не бываетъ. Такой разговоръ шокировалъ бы англійскій умъ. Переходя въ школу, онъ видитъ ту же строгую формальную религію, отправляемую по всѣмъ установленнымъ правиламъ. Англичанинъ не станетъ молиться въ неположенный часъ, англичанинъ не прибѣгнетъ къ молитвѣ, къ Богу, въ тяжелую, критическую минуту, нѣтъ; для молитвы опредѣленъ день, часы, и этотъ день и эти часы строго соблюдаются. Въ другихъ странахъ люди молятся и молятся горячо по большей части въ трудныя минуты,

выбѣгаютъ ли онѣ въ воскресенье, въ среду или другой день. У англичанъ не такъ. Молитесь въ среду или пятницу! какъ можно! Религія строгая, формальная, не допускаетъ человѣка до большой близости къ Богу. Въ школѣ какъ и въ семьѣ господствуетъ религія опредѣленныхъ часовъ, опредѣленныхъ правилъ. Въ университетахъ каждое утро всѣ студенты должны собраться въ церковь на небольшую молитву, и тутъ не допускается никакихъ исключеній изъ правилъ. Всякій свободный разговоръ о религіи изгнанъ и строго преслѣдуется, не закономъ разумѣется, не страхомъ уголовного преслѣдованія, — онъ изгнанъ общественнымъ мнѣніемъ. Поэтому большая часть молодыхъ людей религіозны, даже тѣ, умъ которыхъ пробужденъ, въ дѣлѣ вѣры не имѣютъ никакихъ сомнѣній: «то, что у насъ правило, замѣчаетъ Тѣнь, то у нихъ исключеніе; въ церкви они поютъ совершенно серьезно и отъ всего сердца.» Ту же строгую, холодную, формальную религію человѣкъ встрѣчаетъ и въ церкви, куда онъ отправляется аккуратно каждое воскресенье. Самый внѣшній видъ англійской церкви поражаетъ своею суровостью; тутъ вы не встрѣтите никакихъ украшеній; простыя деревянныя скамьи, гладкія стѣны, скромный алтарь; всякая роскошь изгнана отсюда. Чинно являются сюда люди, чинно сидятъ, слушаютъ чинныя проповѣди, прослушавъ которыя убѣждаешься, какъ замѣчаетъ Тѣнь, что «общія гѣста не надоѣдаютъ англичанамъ.» Англійскій пасторъ мало заботится о томъ, чтобы тронуть сердца своихъ слушателей, нѣтъ, онъ произноситъ спокойно, холодно свою проповѣдь, наполненную нравственными сентенціями, которыя могутъ служить для будничной жизни. Онъ мало походитъ на тѣхъ проповѣдниковъ, которые встрѣчаются, напр., во Франціи, проповѣдниковъ, старающихся огнемъ, страстью дѣйствовать на чувства своей паствы. Тутъ рѣчи повторяются изъ воскресенья въ воскресенье, скроенныя по одному образцу, и притомъ еще часто дурно прочтенныя. «Трудъ каждаго изъ англійскихъ проповѣдниковъ, передаетъ Луи Блакъ, сводится большею частью къ чтенію и даже не того, что написано ими, а что написано другими. Это напоминаетъ мнѣ, зло прибавляетъ авторъ, одинъ изъ хорошо знакомыхъ анекдотовъ въ корреспонденціи Грима. Пиронъ подъ старость сдѣлался, подобно дьяволу, нѣсколько отшельникомъ. Въ качествѣ обращеннаго онъ дѣлаетъ визитъ парижскому архіепископу, который, увидѣвъ его, вскричалъ:—Это вы monsieur Piron! Читали ли вы мое послѣднее посланіе? — Нѣтъ, monseigneur, а вы?...» Этотъ анекдотъ Луи Блакъ примѣняетъ къ англійскимъ проповѣдникамъ, которыхъ точно также можно спросить, читали

ли они свои проповѣди. «Вѣрно одно, продолжаетъ Луи Бланъ это то, что каждую субботу можно встрѣтить въ библіотекѣ британскаго музея, всю населенную мертвыми проповѣдниками, множество проповѣдниковъ живыхъ. Зачѣмъ они сюда приходятъ? Меньшее на чтó они должны были бы быть способны—это хорошо читать, и чтобы ихъ голосъ или манера говорить не портить написаннаго».

Такого рода проповѣди совершенно отвѣчаютъ религіознымъ вкусамъ англичанъ, ихъ строгому, но формальному пониманію религіи, которая является необходимой приправой въ жизни. Серьезность, холодность, практичность они вносятъ въ религію, какъ вносятъ во всѣ остальные проявленія жизни. Въ семьѣ, въ школы, въ церкви, въ литературѣ, прессѣ, религія точно также охраняется строго общественнымъ мнѣніемъ, которое становится на дыбы тотчасъ, какъ затрогивается религіозный вопросъ. Какъ строги англичане въ вопросахъ нравственности, такъ строги они и въ вопросахъ религіозныхъ. Если такія книги, какъ «Physiologie du Mariage» Бальзака, изгоняются изъ англійскаго общества, и появившись тамъ произвели бы страшное смятеніе и вызвали бы неукротимую бурю негодованія, точно также англійское общество не терпитъ, напр., такой книги, какъ «Vie de Jésus» Ренана, которая шокируетъ ихъ религіозный формализмъ. Тѣмъ въ своей книгѣ приводитъ одно характерное мѣсто изъ одного изъ лучшихъ англійскихъ журналовъ, «Edinburgh Review», которое и я приведу въ свою очередь: «Умственная трусость—это единственный родъ подлости, который сдѣлается общимъ въ этой странѣ; большая часть писателей заражены боязнью и опасеніемъ по поводу тенденцій ихъ книгъ. Общественныя кары, налагаемыя на мнѣнія не совсѣмъ «ортодоксальныя», такъ строги и такъ неумолимо примѣняются, что философская критика и наука лепечутъ у насъ очень часто двусмысленнымъ шопотомъ то, что должно было бы быть высказано громко». Этой слабости не чужды самыя замѣчательныя писатели, міровые авторитеты, неволью преклоняющіеся передъ требованіями лицемернаго въ дѣлѣ религіи англійскаго общества. Какъ не позволяютъ себѣ англичане даже между собою разсуждать о незаконныхъ любовныхъ отношеніяхъ, о всемъ, что въ этомъ отношеніи выходитъ изъ будничной жизни, точно также, говоря о религіи, они принимаютъ немедленно суровый видъ, и избави Богъ, если кто-нибудь позволить себѣ высказать нѣсколько свободное мнѣніе, такое, какое на континентѣ высказывается каждый день, въ несравненно болѣе рѣзвой формѣ, въ печати, въ простыхъ разговорахъ, и не только происходящихъ

съ глаза на глазъ, но въ многолюдномъ обществѣ. Такой разговоръ въ Англіи невозможенъ.

Такая вѣншняя строгость, такое фарисейство въ Англіи явилось, очевидно, какъ реакція противъ той религіозной распущенности, которая всего сто лѣтъ тому назадъ заставила Монтескье въ его «Notes sur l'Angleterre» написать слѣдующее: «Въ Англіи нѣтъ вовсе религіи; четыре или пять человѣкъ изъ Нижней Палаты присутствуютъ при службѣ и проповѣди, за исключеніемъ торжественныхъ случаевъ, когда всѣ собираются очень рано. Если кто-нибудь заговоритъ о религіи, то всѣ начинаютъ смѣяться. Одинъ господинъ, сказавшій при мнѣ: «Я вѣрю этому какъ догмату вѣры» — вызвалъ общій хохотъ». Если такое легкое отношеніе къ религіи достойно порицанія, то не менѣе достойно порицанія то лицемѣрное уваженіе къ религіи, которое обнаруживаютъ англичане нашихъ дней, уваженіе, сказывающееся въ нравственномъ гоненіи на произведенія свободной мысли, на результаты научныхъ изслѣдованій. Я называю это лицемѣрнымъ уваженіемъ потому, что истинное уваженіе къ религіи выражается напротивъ въ томъ, что критикѣ, изслѣдованію предоставляется широкое поле. Тотъ кто уважаетъ религію, тотъ не долженъ бояться нападокъ на нее, въ какой бы формѣ они ни проявлялись. Англичане забываютъ, что если религія сама можетъ быть преслѣдуема и даже крѣпнеть въ преслѣдованіяхъ, какъ окрѣпло христіанство, то преслѣдовать въ свою очередь нападающихъ на нее противно ея духу, ея достоинству. Да и что выигрываетъ отъ этихъ преслѣдованій официальная религія въ Англіи? Какъ на примѣръ, можно указать на то, чему Англія была свидѣтельницей нѣсколько лѣтъ назадъ. Появилась книга подъ названіемъ «Essays and Reviews», собраніе статей различныхъ авторовъ, статей, посвященныхъ Библии. Книга эта, когда появилась, едва была замѣчена, но нашлась небольшая кучка людей, которые напали на эту книгу, доказывая, что она оскорбляетъ народныя вѣрованія и т. п. Нападеніе распространилось, сдѣлалось общимъ, съ высоты священныхъ каеандръ раздалось проклятіе этой книгѣ, и результатомъ этого гоненія было то, что книга эта въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выдержала девять изданій, одно за другимъ. Вотъ когда по истинѣ можно было сказать: «имѣющие уши да слышатъ.» Къ несчастью тѣ, которые должны видѣть и слышать, слышомъ часто бываютъ и слѣпы и глухи въ подобныя примѣрамъ.

Такимъ образомъ, религіозная атмосфера, въ которой живетъ англичанинъ, представляется тщательно, хотя и не герметически

заупоренною, и начиная съ семьи, проходя черезъ школу, затѣмъ въ церкви, въ литературѣ, въ обществѣ англичанинъ вездѣ видитъ и чувствуетъ ту формальную религію, съ которой онъ сжился и которая вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе привычки, совершенно его удовлетворяетъ. Вотъ какъ Тэнъ, съ удовольствіемъ взирающій на отсутствіе религіознаго скептицизма среди англійскаго общества, опредѣляетъ его религіозное направленіе: «Зрѣлые люди вѣрятъ въ Бога, въ Троицу, въ адъ, хотя и безъ особенной ревности. Протестантскій догматъ отлично приспособляется къ серьезнымъ, поэтическимъ, нравственнымъ инстинктамъ расы; они не нуждаются въ усиліяхъ чтобы его сохранить, они должны были бы употребить ихъ, чтобы его отбросить. Англичанинъ былъ бы весьма недоволенъ не вѣрить въ будущую жизнь; она въ его глазахъ естественное пополненіе настоящей; во всѣхъ большихъ кризисахъ, его мысль получаетъ какую-то торжественность и переноситъ его къ дальнимъ перспективамъ *au delà*... Напротивъ, онъ былъ бы весьма неблагодаренъ тѣмъ несноснымъ людямъ, которые пожелали бы возмутить убѣжденія, составленныя имъ въ этомъ отношеніи. Онѣ составлены, онѣ неизмѣнны, онѣ вкоренились въ него, онѣ являются частью его воспитанія, его традицій, той огромной общественной организаціи, въ которую онъ включенъ. Онъ принимаетъ протестантизмъ и церковь, гуртомъ вмѣстѣ съ англійскою конституціей. Онъ видитъ въ протестантизмѣ законъ для своей жизни, призывъ къ справедливости, призывъ къ внутреннему самоуправленію. Онъ видитъ въ церкви помощницу государства, родъ заведенія нравственной гигіены, хорошее управленіе души. По всѣмъ этимъ причинамъ христіанство, по убѣжденію человѣка, является какъ обязанность и даже какъ требованіе благопристойности. Съ трудомъ допускается, чтобы невѣрующій былъ хорошимъ англичаниномъ, и честнымъ человѣкомъ. Того человѣка, который, имѣвъ несчастіе потерять вѣру, старается колебать вѣру другихъ, осуждаютъ.»

Опасеніе прослыть невѣрующимъ такъ велико въ Англіи, что оно оказываетъ вліяніе не только на литературу и на публично высказываемыя мнѣнія, но оно отзывается даже на частныхъ, интимныхъ разговорахъ. Религіозная вольность считается чуть не преступленіемъ, и то что составляетъ въ западномъ обществѣ чуть не обыкновенную приправу разговора, извѣстную соль его, въ Англіи изгоняется подъ угрозой отлученія отъ общества. Тэнъ передаетъ два характерныхъ случая, которые какъ нельзя лучше рисуютъ лицемѣрную, притворную религіозность англійскаго общества. Однажды Гизо, будучи среди англичанъ, уло-

требилъ одно выраженіе, силошь и рядомъ употребляемое вездѣ: «Адъ вымощенъ добрыми намѣреніями». Одна дама присутствовавшая при разговорѣ, остановила его, говоря, что слово «адъ» слишкомъ серьезное слово, чтобы употреблять его въ обыкновенномъ разговорѣ. Другой случай, приводимый Тэномъ, и уже изъ личнаго его опыта, еще болѣе рельефно обрисовываетъ англійское лицемѣріе. Онъ зналъ одного англичанина, который два раза въ годъ пріѣзжалъ въ Парижъ и всегда воскресенье проводилъ во всевозможныхъ удовольствіяхъ. Когда же къ этому самому англичанину въ Лондонъ пріѣхалъ одинъ французъ и случайно пустилъ шарикъ на дамскомъ билліардѣ, англичанинъ пришелъ въ ужасъ, и останавливая француза крикнуть: «Помилуйте, это скандалъ! что если сосѣди услышатъ!» Въ другой разъ, когда этотъ англичанинъ пріѣхалъ въ Парижъ, и уже не одинъ, а съ семействомъ, то онъ не проводилъ воскресенье въ удовольствіяхъ, напротивъ, онъ казался въ этотъ день суровымъ, строгимъ, примѣрно религіознымъ человѣкомъ, которому даже въ голову не можетъ придти, чтобы въ воскресенье можно было предаваться свѣтскимъ развлеченіямъ. Такимъ-то образомъ «религія является оффиціальнымъ костюмомъ». Случаи, приводимые Тэномъ, не могутъ быть названы частными, исключительными явленіями, они являются только примѣрами того, что, къ несчастью, давно уже превратилось въ обычай, чуть не въ общее правило. Въ этомъ лицемѣріи, въ этомъ фарисействѣ обвинялъ англичанъ ихъ великій поэтъ, — и такъ какъ люди не любятъ, чтобы имъ въ глаза высказывали горькую правду, то потому имя Байрона долго провозносилось не иначе какъ съ проклятіями. Да и до сихъ поръ англичане не могутъ простить ему, что онъ обнаружилъ передъ лицомъ свѣта ихъ слабыя стороны, дотронулся мощною, не нѣжною рукою до старыхъ болячекъ, и мстять ему, отказывая въ памятникѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, этомъ англійскомъ Пантеонѣ, гению, который составляетъ ихъ лучшую славу и долженъ былъ бы быть ихъ національною гордостью. Уваженіе къ религіи тѣсно связано съ уваженіемъ къ ея служителямъ, къ духовенству, и мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что нигдѣ почти духовенство не пользуется такимъ уваженіемъ какъ въ Англій, да вредъ ли гдѣ-нибудь оно и заслуживаетъ такого уваженія, какъ въ этой странѣ. Въ исторіи Англій церковь, духовенство, играли огромную роль, и нужно сказать, что особенно въ тѣ времена, когда народъ лишенъ былъ всякихъ правъ, когда на народъ смотрѣли какъ на скотъ, эта роль была какъ нельзя болѣе благодѣтельна. Она первая взяла «слабаго» подъ свою защиту про-

тивъ сильнаго, она первая возвысила женщину, внося въ бракъ по выраженію Гнейста, больше нравственнаго начала. Она же первая, по словамъ того же автора, «создала благотворительность по отношенію къ бѣдному». Церковь наконецъ въ лицѣ ея представителей вліяла на правосудіе, на торговлю, на политическія дѣла. Бывали цѣлые длинные періоды, когда церковь, духовенство точно утрачивали свое вліяніе, когда духовенство, «политическій инструментъ въ рукахъ королей и партій», какъ выражается Ледрю-Ролленъ, будто бы ступевывалось, но въ концѣ концовъ англійское духовенство все-таки осталось самымъ могущественнымъ и обладающимъ наибольшимъ политическимъ вліяніемъ духовенствомъ въ цѣлой Европѣ.

Его могущество, его вліяніе обезпечиваются тѣмъ огромнымъ богатствомъ, которымъ располагаетъ англійское духовенство, имѣющее своихъ представителей въ палатѣ лордовъ. Доходы англійскаго духовенства простираются до весьма солидной цифры, шестидесяти милліоновъ рублей, распределенныхъ весьма неравномѣрно между его членами. Въ англійскомъ духовенствѣ то же, что и въ свѣтскомъ англійскомъ обществѣ — между богатыми и бѣдными, между знатыми и незнатыми лежитъ глубокая бездна. «Личный составъ англійской церкви раздѣляется на два класса», пишетъ авторъ «De la décadence de l'Angleterre»: духовенство пассивное, которое, ничего не дѣлая, получаетъ огромные доходы и бросаетъ нѣсколько впрохъ дѣйствительно служащимъ священникамъ; духовенство активное, обремененное семьями и прозябающее въ положеніи близкомъ къ нищетѣ. Съ одной стороны, прелаты, такіе какъ кентербѣрійскій, получаютъ болѣе трехъ милліоновъ доходовъ, такіе какъ прелаты Дублина, Hawkins'a, Cahel'я, оставляющіе послѣ своей смерти наслѣдство въ 3,950,000 фр., въ 6,250,000 фр., въ 10,000,000 фр., и съ другой — служители, дѣти которыхъ, слишкомъ гордые, чтобы выучиться какому-нибудь ремеслу, наполняютъ города ворами, бродягами и публичными женщинами. Капиталъ постоянно восходитъ къ выснимъ сферамъ; это торговцы, два раза выгнанные изъ храма Іисуса Христа, Лютеромъ, и которые снова вошли въ него, болѣе жадные чѣмъ когда-нибудь».

Тэнъ, который весьма высоко ставитъ англійское духовенство, точно также указываетъ на это рѣзкое различіе въ экономическомъ положеніи служителей церкви, но по своему обыновенію онъ только указываетъ на фактъ, не квалифицируя его и не дѣлая изъ него никакихъ выводовъ. Онъ заноситъ только въ свою книгу такія краснорѣчивыя цифры. Епископъ

лондонскій имѣеть 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; одинъ изъ двухъ архіепископовъ имѣеть 15 тыс. фунт. стерл. Чтобы показать различіе между однимъ приходомъ и другимъ, онъ приводитъ такія цифры: въ одномъ служителъ церкви получаетъ 80 фунт., въ другомъ 10,000 фр. стерл.; но если въ экономическомъ отношеніи существуетъ огромное различіе между членами англійскаго духовенства, то въ отношеніи образованія, нравственнаго развитія, различія этого почти не существуетъ. Большая часть духовенства проходитъ черезъ университетское образованіе, такъ что духовное образованіе не вытѣсняетъ собою свѣтскаго. Что касается до нравовъ и до внѣшней жизни, то эти нравы и внѣшняя жизнь тѣ же, которыя встрѣчаются у джентльмена, обладающаго средствами, если только достаточенъ «living», или если духовное лицо имѣеть само состояніе; помимо того женщина вноситъ всегда извѣстный комфортъ и веселіе въ домъ, гдѣ она хозяйка. Многіе изъ нихъ имѣють лошадей, карету, нѣсколько человѣкъ прислуги... Такимъ образомъ, по ихъ идеямъ, правамъ, образованію, по ихъ образу жизни, иногда даже по ихъ состоянію и ихъ рожденію, они могутъ идти рядомъ съ мѣстною аристократіею. Это не мужики, дурно очищенные семинаріею, напуганные обветшалюю теологіею, отчужденные отъ міра ихъ положеніемъ, ихъ безбрачною жизнію, ихъ незнаніемъ обычаевъ, но это родные, ровные, люди одного круга...» Такимъ образомъ поставленная, жизнь духовенства привлекаетъ къ себѣ весьма многихъ, просто какъ выгодная карьера, и потому въ Англій, какъ извѣстно, вошло въ обычай, что младшіе члены аристократическихъ семей избираютъ духовное поприще. Надежда получить хорошее содержаніе, почести, дѣлаютъ эту карьеру весьма заманчивою; но если много званыхъ, то не много избранныхъ. Избранными являются въ большинствѣ случаевъ люди съ аристократическими именами. Масса же англійскаго духовенства, стоящая довольно высоко по образованію, стоитъ весьма низко по своему экономическому положенію, которое въ концѣ концовъ играетъ главную роль въ Англій. Но именно это-то обстоятельство и приближаетъ его къ народу. Низшее духовенство дѣлаетъ много для образованія народа, путемъ благотворительности оно приходитъ къ нему на помощь, въ то время, когда высшее духовенство совершенно игнорируетъ то, что зовется народомъ. Но въ то низшее духовенство и не имѣеть силы, не имѣеть значенія. Высшее англійское духовенство, подражая въ этомъ случаѣ англійской аристократіи, только того человѣка считаетъ за члена своей касты, который, по выраженію одного нѣмецкаго писа-

теля, «ходить въ тонкомъ сукнѣ, имѣть библію и молитвенникъ въ золотомъ обрѣзѣ и платить возможно большую цѣну за свое воскресное мѣсто въ церкви». Религія должна дорого стоить англичанину, такъ какъ англійское правило гласитъ: «за что ничемъ не заплачено, то ничего не стобить».

Аристократическое начало вездѣ нетерпимо, вездѣ оно крѣпко держится за традиціи и неохотно поддается вліянію новыхъ идей. Отъ этого общаго начала не отступаетъ и высшее англійское духовенство; при томъ общемъ расположеніи, которое существуетъ въ англійскомъ обществѣ къ религіозной нетерпимости, церковь, въ лицѣ ея представителей изъ высшаго духовенства, нанесла бы тяжелый ударъ свободному изслѣдованію въ вопросахъ религіозныхъ, если бы англійская официальная церковь не раздѣлялась собственно на три вѣтви: на аристократическую, которая зовется High Church, церковь, которая держится строго обрядовъ, церемоній; на болѣе народную, или какъ называетъ ее, Тэнъ, болѣе страстную, Low Church; и наконецъ, на Broad-Church, которая держится несравненно болѣе широкихъ воззрѣній, которая наиболѣе склонна соглашаться вѣру и науку. Какъ ни узко понимается въ англійскомъ обществѣ свободная форма, свободное изслѣдованіе въ предметахъ вѣры, религіи, но и тутъ въ послѣднее время сдѣланъ значительный успѣхъ, тотъ успѣхъ медленный, но прочный, которымъ отличается Англія. «Современный духъ проникаетъ тоже посредствомъ геологіи и естественной исторіи, къ которой англичанинъ чувствовалъ всегда большую способность, черезъ опытную психологію, которой онъ всегда занимался. Въ самомъ дѣлѣ, англичанинъ любитъ доказанные факты, внутренніе или внѣшніе, факты неоспоримые и такіе, которые каждый во всякое время можетъ испытать на самомъ себѣ или внѣ себя. Изъ подобнаго расположенія могутъ рождаться теоріи и даже философія, теорія Лайэля, Гекслея, Дарвина, Тиндала, философія Герберта Спенсера и Стюарта Милля. Такой вкусъ, если онъ становится преобладающимъ, ведетъ умъ къ какой-нибудь изъ формъ позитивизма; и дѣйствительно, подъ различными формами, и въ особенности среди ученыхъ, позитивизмъ не составляетъ уже здѣсь болѣе рѣдкости».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ духъ изслѣдованія, духъ позитивизма, проникающій въ англійское общество, будетъ распространяться все дальше и дальше и вытѣснить понемногу то лицемѣріе, то фарисейство, которыми оно такъ страдаетъ. Въ отношеніи религіозной Англіи остается сдѣлать еще весьма мно-

гое, чтобы стать на ту же высоту, на которой она стоитъ въ отношеніи своихъ общественныхъ нравовъ, общественныхъ учрежденій, взятыхъ со стороны политической, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

VII.

Предъ нами самая свѣтлая и завидная сторона англійской жизни—ея политическія нравы, ея общественныя традиціи. Этими нравами, этими традиціями держится нравственное величіе англійскаго народа, не приобретаемое никакими побѣдами, какъ бы громки и славны онѣ ни были, никакими завоеваніями. Общественное право Англии—это тотъ философскій камень въ политической жизни народовъ, который такъ тщетно до сихъ поръ отыскиваютъ другіе народы континентальной Европы. Въ сферѣ семейной жизни, въ сферѣ воспитанія, религіи, мы видѣли много несимпатичнаго, отталкивающаго, подчасъ уродливаго. Среди другихъ народовъ, подобныя уродливости были бы невыносимы, составляли бы истинное бѣдствіе, здѣсь же всѣ такія угловатости, шероховатости, уродливости сглаживаются, ступеньваются, становятся несравненно мѣтче чувствительны, благодаря именно глубоко вкоренившимся свободнымъ политическимъ нравамъ жизни. Понятно каждому, что въ отношеніи политическихъ нравовъ, Англія можетъ и должна служить образцомъ для всѣхъ другихъ народовъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что довольно давно она и служить образцомъ европейскимъ странамъ, бѣда только въ томъ, что образецъ этотъ ужъ слишкомъ туго перенимается. Для другихъ народовъ въ немъ есть что-то неуловимое, недостижимое. Отчего же, спрашивается, политическія права Англии не даются другимъ народамъ, отчего то дерево, которое такъ здорово принялось здѣсь и пустило такіе мощные, богатые корни, не принимается въ континентальной Европѣ. Мало-мальски удовлетворительнаго отвѣта добиться крайне мудрено. Одни утверждаютъ, что дерево это способно произрастать и давать вкусные и дорогіе плоды только на англійской почвѣ, что въ другихъ государствахъ климатъ для него неподходящій и потому каждый разъ, что его пробовали пересадить, оно, вмѣсто того, чтобы расти себѣ да расти, вмѣсто того, чтобы съ каждымъ часомъ и днемъ крѣпнуть въ своемъ корнѣ и богатѣть своими вѣтвями, начинало почти немедленно чахнуть, тосковать, пока окончательно не пропадало, не подгнивало въ своемъ основаніи, и пока, наконецъ, слабо треснувши, не падало на землю какъ бездыханный трутъ. Другіе утвержда-

ютъ, что все это сущій вздоръ, что почва континентальной Европы какъ нельзя болѣе пригодна для завѣтнаго дерева, что оно отлично бы принялось и разрослось по всей Европѣ, если бы ночью, среди мрака и тьмы къ нему не подползали бы какіе-то червяки и не подтачивали бы его корня. Одни поэтому говорятъ: бросьте напрасный трудъ, напрасныя усилія, у васъ не можетъ жить то дерево, на которое вы съ дѣтскою завистью смотрите въ Англіи! другіе же утверждаютъ: продолжайте трудиться, не бросайте начатой работы, приставьте къ дереву только бдительную стражу, которая отгоняла бы отъ дерева назойливыхъ червяковъ! До сихъ поръ оказывается на дѣлѣ, что гораздо легче кричать: отгоняйте червяковъ! чѣмъ отогнать ихъ на самомъ дѣлѣ. Они освоились и расплодился въ западной Европѣ. Но какъ бы то ни было, принялось дерево или нѣтъ, можетъ приняться или не можетъ, во всякомъ случаѣ оно давно уже служить тѣмъ кумиромъ, которому поклоняются европейскіе народы.

Въ чемъ угодно можно винить литературу, эту представительницу, какъ говорятъ, общественнаго мнѣнія, но только не въ томъ, что она мало дѣлала для пересаживанія на европейскую почву заволованнаго дерева, на которое Англія, повидимому, взяла себѣ привилегію. Въ нѣмецкой, французской и даже одно время въ русской литературѣ, политическіе нравы, учрежденія Англіи воспѣвались и восхвалялись на всевозможные лады. Оно и не удивительно. Къ Англіи всегда обращались всѣ утопающіе въ буряхъ политической жизни, въ Англіи искали и находили себѣ убѣжище люди всѣхъ націй, виновные только въ томъ, что болѣе горячо желали блага своей родины и болѣе искренно высказывались о тѣхъ средствахъ, которыми это благо могло бы по ихъ мнѣнію быть достигнуто. Французы, итальянцы, нѣмцы съ давнихъ поръ привыкли смотрѣть на Англію, какъ на храмъ, въ которомъ они находили защиту, и порогъ котораго не смѣли переступать ихъ гонители. Чувство благодарности сначала, чувство уваженія впоследствии, дѣлали то, что заставляли представителей литературы преклоняться передъ нравственнымъ величіемъ, передъ свободною политическою жизнью англійскаго народа. Никто такъ много не пользовался англійскимъ политическимъ гостеприимствомъ, какъ французы, потому что нигдѣ теченіе спокойной политической жизни такъ часто не прерывалось политическими бурями, выбрасывавшими на англійскій берегъ побѣжденныхъ той или другой партіи. Эти побѣжденные посвящали свои досуги изученію этой страны, всегда съ конечною цѣлію найти въ ней поученіе для своего собственнаго народа. Почти послѣ каждаго

политическаго переворота во Франціи, англійскія учрежденія, англійскіе политическіе нравы привлекали къ себѣ взоры французскихъ писателей, охотно забывавшихъ недостатки и думавшихъ только о выгодныхъ сторонахъ политической Англійи. Изъ всѣхъ французскихъ писателей только одинъ съ горечью и съ какою-то тайною, скрытою завистью нападаетъ на политическую жизнь Англійи, это Ледрю-Ролленъ, всѣ же другіе, нападая подчасъ на другія сферы народной жизни, безусловно преклоняются передъ политическою Англіею. Тэнъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

Первый вопросъ, которымъ обыкновенно задаются, когда рѣчь идетъ о политической жизни Англійи, это вопросъ: политическіе ли нравы Англійи создали ея политическія учрежденія, или наоборотъ эти послѣднія образовали первыя? Вопросъ, нужно сказать, совершенно безплодный, безплодный уже потому, что онъ неразрѣшимъ. На него дають тотъ или другой отвѣтъ, смотря потому, что для кого выйдеть. Тѣ, которые не знаютъ водворенія англійскихъ учрежденій, непремѣнно говорятъ: да, англійскія учрежденія хороши, спора нѣтъ, но хороши не для насъ, онѣ могутъ существовать только тамъ, гдѣ права политическія сложились подобно англійскимъ. Тѣ же, которые желаютъ перенести въ себѣ англійскія учрежденія, непремѣнно отвѣчаютъ: это неправда; дайте учрежденія, подобныя англійскимъ, и вы получите соответствующія имъ права. И такъ безъ конца. Каждый остается при своемъ мнѣніи. Этимъ же вопросомъ задается и Тэнъ. Проводя почти постоянно въ цѣлой книгѣ параллель между Англіею и Франціею и пораженный тѣмъ, что конституціонныя учрежденія не прививаются въ послѣдней, онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ тѣмъ основамъ, на которыхъ стоитъ крѣпкое зданіе англійской конституціи. Англійскія учрежденія прочны, высказываетъ онъ, потому что онѣ поддерживаются цѣлымъ строемъ англійской жизни; этого строя нѣтъ во Франціи и потому всѣ попытки перенести англійскія учрежденія оказывались до сихъ поръ безплодными. «Уже восемьдесятъ лѣтъ, пишетъ Тэнъ, какъ наши публицисты безъ толку разсуждаютъ о конституціяхъ; я знаю весьма замѣчательныхъ писателей, которые желаютъ перенести въ насъ Англію или Соединенные Штаты, и требуютъ всего два года, чтобы приучить націю къ новому порядку. Одинъ изъ нихъ мнѣ говорилъ: «Это локомотивъ, нужно только снабдить его водою, и онъ тотчасъ замѣнитъ дилижансъ». Дѣйствительно, почти вся Европа перепробовала англійскую систему, болѣе или менѣе увеличенную монархію, нижнюю и верхнюю палату, выборы и ж. д.



Посмотрите на смѣшной результатъ такой пробы въ Греціи, въ жалкій—въ Испаніи, на хрупкій—во Франціи, невѣрный—въ Австріи и въ Италиі, недостаточный—въ Пруссіи и Германіи счастливый—въ Голландіи, въ Бельгіи и въ Скандинавскихъ государствахъ. Мало еще перенести локомотивъ, нужно еще, чтобы была дорога, по которой онъ могъ двигаться... Строеніе государства, это нѣчто органическое, какъ строеніе живого тѣла. Оно принадлежитъ только ему; другое тѣло не можетъ его себѣ приурочить, копировать можно только внѣшность. Подъ учрежденіями, хартіями, писаннымъ правомъ, официальнымъ альманахомъ, лежатъ еще идеи, привычки, характеръ, положеніе общественныхъ слоевъ, ихъ взаимное положеніе, ихъ взаимныя чувства, однимъ словомъ, мотокъ, развѣтвляющійся глубокими невидимыми корнями подъ видимымъ стволомъ и листьями. Эти корни питаютъ и поддерживаютъ дерево. Посадите дерево безъ корней, оно будетъ чахнуть и упадетъ при первомъ ураганѣ.

Одна изъ главныхъ причинъ прочности учрежденій Англіи, заключается, по мнѣнію Тэна, въ томъ, что англичане имѣютъ своихъ «естественныхъ представителей». Что же такое этотъ «естественный представитель»? какъ называетъ его Тэнъ. Въ каждой общинѣ, въ каждомъ графствѣ живутъ люди, вокругъ которыхъ собирается все, что есть болѣе значительнаго по образованію, уму, богатству въ цѣлой мѣстности. Эти люди дѣлаются волей-неволей какъ бы представителями этой мѣстности, къ нимъ всѣ имѣютъ довѣріе, они работаютъ для этой мѣстности, они становятся во главѣ полезныхъ учреждений, школь, прикотовъ, различныхъ благотворительныхъ заведеній. Между этими лицами и цѣлымъ населеніемъ мѣстности не только не существуетъ вражды, но самая тѣсная связь, тутъ нѣтъ того, что существуетъ во Франціи, гдѣ «буржуа и работникъ, мужикъ и дворянинъ живутъ въ несогласіи и недоувѣрїи другъ къ другу, гдѣ блуза и фракъ сталкиваются со злобою и досадою, гдѣ главою является чиновникъ, чуждый, временной, которому оказываютъ внѣшнее повиновеніе, но не внутреннее уваженіе, и котораго выносятъ, но не принимаютъ». Въ Англіи же главою извѣстной мѣстности является ея «естественный представитель», котораго всѣ отлично знаютъ и уважаютъ и подчиняются нравственно, потому что всѣ увѣрены, что онъ, зная потребности извѣстной мѣстности, рѣшитъ тотъ или другой вопросъ, какъ ему кажется лучше и лучше не для себя, а для края. Тэнъ, насмотрѣвшись на порядковъ избранія народныхъ представителей во Франціи, да еще во времена второй имперіи, очевидно, относится съ предпочтеніемъ къ англійской системѣ,

противъ французской системы *suffrage universel*'а, при которой крестьянѣ тысячами гнали къ избирательной урнѣ, говоря: вотите за N, вотируйте за X! Крестьяне и вотировали, говоря въ своемъ невѣжествѣ и непониманіи собственныхъ интересовъ: все равно—одинъ или другой!

При такой системѣ правительство, очевидно, не можетъ быть прочнымъ. Довольно поворота общественнаго мнѣнія, довольно личной схватки, чтобы сбросить одно правительство и замѣнить его другимъ. Толпа крестьянъ опять направится къ избирательной урнѣ и еще разъ повторитъ: все равно, тотъ или этотъ кандидатъ, одно правительство стѣбитъ другого. Сравнивая французскую политическую систему съ англійской, у Тэна вырывается такое сильное сознаніе: «Такимъ образомъ, всѣ наши учрежденія, республика, имперія, монархія представляются временными, подобными большимъ декораціямъ, которыя одна за другою занимаютъ пустую сцену, чтобы исчезнуть или при случаѣ снова явиться. Мы смотримъ съ какимъ-то равнодушіемъ на то, какъ тѣ то поднимаются, то опускаются. Намъ безпокоитъ шумъ, пыль, непріятныя фізіономіи клевѣровъ; но мы подчиняемся, потому что намъ ничего болѣе не остается дѣлать. Каковы бы ни были наши официальные представители, какъ бы мы ни получили ихъ, получаемъ или черезъ выборы, общественная воля не спаивается точно съ ихъ волею. Они не являются нашими истинными и действительными представителями, и наше общество не выноситъ лучшихъ; оставимъ этихъ, чтобы не имѣть еще худшихъ. Высшій классъ не можетъ поставить ихъ, такъ какъ у насъ завистливое равенство принимаетъ богатыхъ и дворянъ не иначе какъ курсы...» Въ этихъ словахъ заключается быть можетъ бессознательное, но едва ли не самое рѣшительное осужденіе индифферентизма, который такъ любезенъ самому автору. Очевидно, если слова эти справедливы, а къ несчастью онѣ слишкомъ справедливы, то вина за эту жалкую смѣну учреждений должна въ значительной степени падать на тѣхъ, кто «съ какимъ-то равнодушіемъ» смотритъ, какъ поднимаются и опускаются декораціи, о которыхъ говоритъ Тэнъ. Равнодушными людьми порядковъ, основанный на всяческой неправдѣ, поддерживается быть можетъ болѣе, нежели его жаркими сторонниками.

Не такъ дѣлается въ такой странѣ какъ Англія. Здѣсь человекъ не относится равнодушно къ общественнымъ дѣламъ, такъ, какъ говоритъ Монталамберъ, въ плоть и кровь вошла мысль, что общественное дѣло Англій есть частное дѣло каждого гражданина: «the public business of England is the private bu-

siness of every Englishman»; вотъ девизъ той системы, которая такъ удачно названа «самоуправленіемъ». Люди, интересуясь общественными дѣлами, выбираютъ своими представителями людей, которыхъ они знаютъ, которымъ вполне довѣряютъ, людей, которые какъ бы предназначены быть народными представителями. Тэнъ нравится нѣсколько аристократическій характеръ англійскаго представительства, и онъ противопоставляетъ его французскому, но французскому—императорскому. «Каждый приходъ или округъ, говоритъ Тэнъ, нѣсколько идеализируя англійское представительство, знаетъ своихъ представителей; работникъ сумѣетъ отличить ихъ также легко какъ образованный человѣкъ. Они—точно пять или шесть большихъ деревьевъ въ мѣстности, узнаваемыхъ по ихъ росту и объему; всѣ, до дѣтей, отдыхали подъ ихъ тѣнью и пользовались ихъ присутствіемъ. За недостаткомъ просвѣщенія и пониманія, интересъ, привычка, уваженіе и часто благодарность, были бы достаточны, чтобы привлечь къ нимъ голоса; самое прочное вліяніе—это вліяніе традиціи, чувства, инстинкта; привязанность—это самая крѣпкая связь. Естественные представители впередъ указаны для управленія страной, и въ этомъ отношеніи письменная подача голосовъ или черезъ поднятіе рукъ только подтверждаетъ молчаливое одобреніе. Даже во времена «гнилыхъ мѣстечекъ» парламентъ выражалъ собою общественную волю. Онъ выражаетъ ее и въ настоящее время, хотя число избирателей довольно ограничено... Главное, продолжаетъ Тэнъ, это одобреніе общественное. Подающіе голосъ или неподдающіе, работникъ в. shop-keeper желаютъ имѣть своимъ представителемъ человѣка, принадлежащаго къ высшему классу...» Съ послѣднимъ пожалуй можно и не согласиться. Въ послѣдніе годы, особенно послѣ недавней избирательной реформы, стремленіе рабочихъ классовъ проводить своихъ собственныхъ кандидатовъ, лучше понимающихъ ихъ интересы и принимающихъ ближе къ сердцу ихъ судьбу, стало обрисовываться все больше и больше. Починъ сдѣланъ, и трудно сомнѣваться, чтобы усилія рабочихъ классовъ имѣть въ парламентѣ «своихъ» депутатовъ не увѣнчались успѣхомъ. Тэнъ, говоря о системѣ англійскаго представительства, проходитъ молчаніемъ невыгодныя его стороны: дороговизну выборовъ, еще недавнюю продажность ихъ, но онъ правъ, правъ безусловно, выставляя на видъ рѣзкую, характерную, самую существенную черту англійскаго представительства, заключающуюся въ томъ, что англійскій парламентъ, это—единственный изъ европейскихъ парламентовъ, который заключаетъ въ себѣ столько мощи, что онъ является дѣйствительнымъ охранителемъ народныхъ правъ,

народной свободы и никогда не потерпитъ узурпаціи своихъ правъ. Воля англійскаго парламента; и только его воля, составляетъ законъ, потому что силу свою онъ черпаетъ въ обществѣ, въ народѣ, который всегда готовъ поддержать его и нравственно и физически, если бы возможно было представить себѣ случай враждебнаго столкновенія между парламентомъ и королевскою властью.

Но, въ сущности, что такое парламентъ? Это собраніе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которыхъ, собственно говоря, во всякое время, при помощи отряда здоровыхъ солдатъ можно разогнать, связать, сослать и т. п., однимъ словомъ, можно сдѣлать все то, что не разъ практиковалось въ исторіи континентальной Европы. Отчего же сложилось мнѣніе, что англійскій парламентъ непоколебимъ, что онъ неприступенъ, также неприступенъ, если не болѣе, чѣмъ Гибралтаръ. Неприступность его кроется не въ законахъ, не въ писанномъ правѣ, не въ «листѣ бумаги», неприступность его кроется въ политическихъ нравахъ страны. Англійскій парламентъ силенъ потому, что за нимъ стоитъ цѣлая нація, которая не допуститъ, чтобы съ ея представителями учинено было какое-нибудь насиліе. Пусть попробуютъ отмѣнить въ Англии свободу печати, свободу собраній, право личной свободы, право соединяться въ то или другое общество, право вести пропаганду въ томъ или другомъ направленіи, тогда тотчасъ разгорится война, въ которой стороною мятежною будетъ правительство, а стороною права, закона цѣлый народъ. Свобода Англии лежитъ въ глубокомъ сознаніи и пониманіи народомъ своихъ правъ и обязанностей, и это сознаніе, это пониманіе создано не однимъ какимъ-нибудь предписаніемъ, закономъ, нѣтъ, оно вытекаетъ именно изъ тѣхъ нравовъ, которыми такъ рѣзко отличается общественная жизнь Англии отъ жизни всѣхъ другихъ европейскихъ странъ. Чтобы сдѣлать понятнымъ, въ чемъ заключаются эти нравы, для этого стоить только сдѣлать самый общій обзоръ тому, изъ чего складывается политическая жизнь Англии.

Большая часть сочиненій объ Англии посвящается именно Англии политической. Исходнымъ вопросомъ служитъ вопросъ о формѣ правленія, вопросъ, который въ сущности не имѣетъ особеннаго значенія. Форма правленія Англии—это конституціонная монархія. Но если есть какое-нибудь слово, которое значило бы подчасъ такъ много, подчасъ такъ мало, такъ это именно: конституціонная монархія. XIX-ый вѣкъ можетъ требовать себѣ привилегіи на извращенія смысла словъ, придуманныхъ человѣчествомъ для опредѣленія того или другого понятія. Слова въ наше

время потеряли присущее имъ значеніе, или вѣрнѣе люди нашли выгоднымъ—самыя различныя понятія, вещи, порядки называть однимъ и тѣмъ же словомъ. Откройте любой изъ календарей или альманаховъ прошлаго или третьяго года, и вы непременно встрѣтите подъ рубриками «Франція, Пруссія, Англія» такое опредѣленіе политической формы правленія: монархія конституціонная. Но чтоъ выражаетъ собою это наименованіе во всѣхъ трехъ странахъ? Одно ли то же или нѣчто совершенно противоположное? Всякій, сколько-нибудь знакомый съ политической жизнью европейскихъ государствъ, отвѣтитъ на этотъ вопросъ, нисколько не задумываясь: помяните, между ними нѣтъ никакого сходства, и если Пруссію, гдѣ Бисмаркъ въ продолженіи многихъ лѣтъ считалъ возможнымъ управлять безъ парламента и даже наперекоръ его волѣ, гдѣ корона все и парламента ничего, гдѣ представители народныя—это восковыя фигурки въ рукахъ непреклоннаго и упрямаго князя, умѣющаго прекрасно лѣпить и придавать каки ему угодно выраженія; если Францію, во времена имперіи, когда законодательный корпусъ состоялъ въ огромномъ большинствѣ изъ услужливыхъ и покорныхъ лакеевъ, когда парламента можно было разогнать даже безъ всякаго усилія, если, однимъ словомъ, вы эти страны называете конституціонными монархіями, то смѣйтесь и не называйте Англію, въ которой парламента властвуетъ и высоко держитъ въ рукахъ знамя своей независимости отъ короны, точно также конституціонною монархіею. Слова давно потеряли смыслъ, а между тѣмъ есть еще много людей, много писателей живущихъ заднимъ числомъ, которые словамъ придаютъ слишкомъ большое значеніе. Называйся Англія республикой, нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ минутныхъ боговъ Франціи Ледрю-Роленъ не обрушилъ бы такъ свирѣпо своихъ громовъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ: «De la décadence de l'Angleterre», на англійскую конституціонную монархію.

Нужно установить разъ навсегда, что слова ровно ничего не значатъ: пусть называютъ какъ угодно извѣстную форму правленія, монархіею, деспотіею, республикой, лишь бы существо ея было таково, чтобы эта форма правленія удовлетворяла возможно широкимъ образомъ народнымъ потребностямъ. Во Франціи въ данную минуту существуетъ такъ-называемая «консервативная республика», въ Англіи «конституціонная монархія», но гдѣ болѣе удовлетворяются народныя потребности, во Франціи или въ Англіи? Сомнѣнія нѣтъ, что въ послѣдней. Терь конечно несравненно болѣе воплощаетъ въ себѣ монархическій принципъ власти, чѣмъ Викторія, хотя Терь зовется президентомъ французской республи-

лики, а Викторія—королевой Великобританіи. Еще Монтескье болѣе тѣмъ сто лѣтъ тому говорилъ: «Англія въ настоящее время самая свободная изъ всѣхъ странъ въ свѣтѣ, не исключая ни одной республики; я называю ее свободною, потому что король не имѣетъ власти причинить каковой бы то ни было вредъ кому бы то ни было, по простой причинѣ, что его власть контролируется и ограничена актомъ». Безсиліе королевской власти въ Англіи совершенно мирится,—и именно можетъ быть по причинѣ этого безсилія,—съ большимъ уваженіемъ къ лицу, занимающему тронъ. Нигдѣ можетъ быть королевская власть не сохранится такъ долго какъ въ Англіи, потому что нигдѣ королевская власть такъ не вошла въ нравы страны. Монталамберъ какъ нельзя болѣе рельефно выставляетъ на видъ эту особенность англійскихъ политическихъ нравовъ, особенность, заключающуюся въ большомъ внѣшнемъ уваженіи, любви къ королю, королевѣ, королевскому дому и вмѣстѣ съ тѣмъ сокращенія до *minimum'a* королевской власти въ управленіи страной. «Англія, пишетъ Монталамберъ, усвоила въ средніе вѣка, какъ и вся Европа, религиозный и феодальный характеръ королевской власти; эту терминологию она добросовѣстно сохранила и до настоящаго времени. Тамъ и только тамъ можно еще слышать, какъ во времена королевы Елизаветы, выраженія: *штаты королевы, армія королевы, корабли королевы*; тамъ только можно слышать, что самое высшее судилище зовется *скамьей королевы*; что спокойствіе въ лицахъ переводится словами *миръ королевы*, что самая палата комонеровъ, дѣйствительная властительница страны, именуется себя въ своихъ адресахъ къ коронѣ: *ваши вѣрныя общины*. Никто не думаетъ отказываться, продолжаетъ Монталамберъ,—припоминая эпоху Луи-Филиппа,—какъ то дѣлали наши депутаты лѣвой стороны, а именно, назваться подданными, обращаясь въ своемъ адресѣ къ королевской власти; но никто за то не рѣшится пожертвовать ей своимъ достоинствомъ, своею совѣстью или своимъ добрымъ именемъ. Англичане не скупятся на выраженія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, они не боятся выражать громкими заявленіями свое уваженіе и любовь къ королевской власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ они дали бы рѣзкій отпоръ, если бы кому-нибудь захотѣлось воспользоваться подобными заявленіями въ ущербъ народнымъ правамъ, если бы кто-нибудь захотѣлъ снова наполнить содержаніемъ, сдѣлавшіяся пустыми, старыя формы: «Въ то время, когда въ другихъ странахъ юристы и теологи, говоритъ Монталамберъ, выводятъ изъ этихъ историческихъ формулъ всю теорію божественнаго права и королевскаго всемогущества, въ Англіи здравый смыслъ и спра-

ведливость низвели ихъ до простыхъ фякъцій, сохраняемыхъ изъ уваженія къ прошедшему, которое оставило въ наслѣдство великія блага и отъ памяти котораго никто не желаетъ отречься. Англичане оставили королевской власти вѣншній почетъ, блескъ власти, сущность же ея удержали за собою. Это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ ублажать себя словами или позволять обманывать себя прекрасными теоріями, сущность которыхъ ускользаетъ изъ рукъ, теоріями, мирящимися на практикѣ съ самымъ возмутительными злоупотребленіями». Нельзя не согласиться съ авторомъ «De l'avenir politique de l'Angleterre», что англійская система, заставляющая министра, гордаго ли аристократа или пламеннаго либерала, преклонять колѣно передъ королевой, и вмѣстѣ дающая ему право напоминать королевской власти границы ея власти и условія ея существованія, много лучше политической системы, существующей въ другихъ европейскихъ государствахъ, системы не требующей колѣнопреклоненія, но зато и не допускающей никакихъ напоминаній объ обязанностяхъ королевской власти. Въ Англии королевская власть вполне примирилась съ созданнымъ ей положеніемъ; она довольствуется своею ролью, вѣншнимъ уваженіемъ, оказываемымъ ей, и потому строго держится назначенныхъ для нея границъ. Нравы королевской власти сложились уже такъ, что врядъ ли когда-нибудь царствующее лицо захочетъ вторгнуться въ непринадлежащую этой власти сферу. Впрочемъ, попытка была бы напрасна, волею-неволею приходится довольствоваться своею скромною, нѣсколькими театральною ролью. За то, когда королевская власть скромна и не стремится захватить себѣ ббльшее мѣсто, чѣмъ то, которое принадлежитъ ей, она окружена народною заботливостью, народною любовью. Стбитъ королю, королевѣ или наслѣдному принцу жениться, заболѣть или умереть, чтобы видѣть до какой степени Англія привязана къ «своему» королю, къ «своей» королевѣ, къ «своему» наслѣдному принцу. Вся тайна привязанности, щедрости, любви англійскаго народа къ королевской власти заключается, по мнѣнію Луи Блана, въ томъ, что «не Англія принадлежитъ «своимъ» принцамъ, а ея принцы принадлежатъ Англіи».

Королевская власть, поставленная такимъ образомъ, очевидно не можетъ служить какимъ бы то ни было препятствіемъ къ тому, чтобы народъ могъ пользоваться всѣми своими правами. И однако, несмотря на то, въ Англии идетъ постоянная борьба изъ-за расширенія этихъ правъ или вѣрнѣе одного права—права ббльшаго участія народа въ управленіи государственными дѣлами.

Если есть борьба, значитъ, существуетъ начало, существуетъ власть, существуетъ сила, сдерживающая народныя стремленія. Кѣмъ же представляется это начало, эта власть, эта сила? Она представляется аристократіею по рожденію и аристократіею богатства, которымъ до настоящаго времени принадлежитъ, главнымъ образомъ, управление строною. Если смотрѣть на англійскій политическій порядокъ съ внѣшней формальной стороны, то пожалуй можно согласиться съ тѣми, которые горячо нападаютъ на Англію, говоря, что Англія представляетъ собою не что иное какъ царство титуловъ и золота. Съ этой внѣшней стороны очевидно смотрѣть и Ледрю-Ролленъ, когда онъ высказываетъ мысль, что Англія въ политическомъ отношеніи являетъ собою «олигархію, подъ тремя различными видами: аристократіи короны, аристократіи земли и аристократіи церкви», всѣ три тѣсно связанныя между собою и находящіяся во взаимной зависимости. Но среди таковой олигархіи, гдѣ же народъ, спрашиваетъ Ледрю-Ролленъ, гдѣ его представители? «Это правительство, говоритъ онъ, представляетъ собою троицу аристократическую, нераздѣльную, хотя и въ трехъ лицахъ, изъ которыхъ каждое, для глазъ свѣта, имѣетъ свою роль и свои атрибуты». Ледрю-Ролленъ произноситъ грозную филиппику противъ англійской аристократіи, изъ которой состоитъ палата лордовъ, онъ упрекаетъ ее въ исключительности, онъ нападаетъ на ея привилегіи, онъ видитъ въ ней такую же аристократію, какъ и во всякой другой странѣ. Въ этомъ заключается его ошибка. Нравы англійской аристократіи нѣсколько иные, чѣмъ нравы, напр., нѣмецкой или французской аристократіи. Во всѣхъ другихъ странахъ аристократія является ничѣмъ инымъ какъ кастою, здѣсь же она является политическимъ учрежденіемъ. Фишель, въ своемъ сочиненіи «Die Verfassung Englands», приводитъ замѣчательныя слова Чатама объ англійской аристократіи, слова, указывающія именно на то, чѣмъ отличается англійская аристократія отъ другихъ европейскихъ аристократій. «Вашимъ предкамъ, лорды, говорилъ Чатамъ, норманнскимъ баронамъ, мы обязаны нашими законами, нашими правами. Ихъ нравственныя побужденія были грубы и не развиты, но возвышенны и искренни. Умъ ихъ былъ не изощренъ, какъ и самые нравы, но у нихъ было довольно сердца, чтобы различить право отъ неправды, довольно ума, чтобы отдѣлеть истинное отъ ложнаго, они постигли права человека и были достаточно мужественны, чтобы стоять за нихъ. Лорды! я полагаю, что исторія еще недостаточно оцѣнила ихъ дѣйствія, когда они домогались великаго признанія правъ народа; не о себѣ только думали они, для всего

народа *одълали они большое, великое дѣло*. Въ этихъ послѣднихъ словахъ ясно выражена характерная, типичная черта англійской аристократіи. Правда, съ тѣхъ поръ, что народъ получилъ возможность болѣе заботиться о самомъ себѣ, англійская аристократія менѣе стала думать о правахъ народа, и болѣе о своихъ, но и въ настоящее время сравнить англійскую аристократію съ какою-либо другою значить нанести ей тяжелое оскорбленіе. Луи Бланъ, который такъ долго прожилъ въ Англии и который имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ свойствами англійской аристократіи, отдастъ полную справедливость господствующимъ среди ея нравамъ. Онъ выставляетъ на видъ, что англійская аристократія отлично поняла, что принципъ аристократическій ничего не можетъ выиграть отъ замкнутости, исключительности аристократіи. Понявъ это, англійская аристократія не замыкается въ тѣсный кружокъ, ревниво охраняемый китайскимъ этикетомъ, кружокъ недоступный, недостижимый для простыхъ смертныхъ. Англійская аристократія не только не выдѣляетъ себя изъ цѣлаго общества, но постоянно ищетъ въ немъ обновленія, поддержанія. Она черпаетъ свои силы во всѣхъ слояхъ, она привлекаетъ къ себѣ людей выдающихся во всѣхъ классахъ. Она съ радостью принимаетъ въ свой кругъ ученаго, литератора, поэта, оратора, государственнаго челоуѣка, не обращая вниманія на его происхожденіе. Доступная такимъ образомъ для всѣхъ, она теряетъ отвратительный и всегда возбуждающій къ себѣ ненависть характеръ касты. Въ силу этого аристократическій духъ чрезвычайно глубоко проникъ во всѣ общественные слои. Онъ чувствуется, по выраженію Луи-Блана, какъ въ скромномъ углу, въ которомъ скрывается бѣдность, такъ и въ роскошныхъ дворцахъ, гдѣ все говоритъ о колоссальномъ богатствѣ и роскоши. Благодаря болѣе разумнымъ нравамъ англійской аристократіи, общественное мнѣніе нигдѣ такъ не мирится съ бросающимися въ глаза социальнымъ неравенствомъ какъ въ Англии, которое считаютъ какъ нельзя болѣе совмѣстнымъ съ свободою. «Мильтонъ, замѣчаетъ Луи Бланъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ объ Англии», выразилъ только весьма распространенную здѣсь идею, когда онъ написалъ: «если мы не всѣ равны, за то мы всѣ свободны, одинаково свободны; званія и іерархія не только не враждебны свободѣ, но живутъ въ ней какъ нельзя болѣе въ мирѣ». «Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, прибавляетъ Луи Бланъ, что Мильтонъ, ревностный республиканецъ, вложилъ эти слова въ уста сатаны».

Значеніе англійской аристократіи становится какъ нельзя болѣе понятно, и естественно, если ко всему этому прибавить еще дѣйствительныя и весьма важныя услуги, которыя она оказала въ прошедшемъ, поразительную политическую дѣятельность ея вѣковъ, инициативу, которую брали многіе изъ самыхъ крупныхъ аристократовъ въ вопросахъ, съ одной стороны, умственного развитія, съ другой матеріальнаго благосостоянія народа. Наконецъ, въ этомъ заключается главная причина ея вліянія, сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ небольшого числа аристократическихъ домовъ обезпечиваетъ за ней могущественное вліяніе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Вотъ почему, когда такіе дѣятели, какъ Брайтъ, желая потрясти могущество англійской аристократіи, нападаютъ на систему земельной собственности, то они по выраженію Луи Блана, ударяютъ какъ нельзя болѣе мѣтко. Англійская аристократія, обладающая такимъ могуществомъ, не разъ могла бы быть причиною бѣдственныхъ для страны кризисовъ, если бы она не была такъ разумна, если бы она не была «самою разумною аристократіею, которая когда-либо существовала». Луи Блана менѣе всего, конечно, можно заподозрить въ пристрастіи къ аристократическому началу, и потому на его мнѣніе въ этомъ вопросѣ можно смѣло положиться. Англійская аристократія «никогда не компрометируетъ, говоритъ онъ, своимъ упорствомъ той силы сопротивленія, которою она обладаетъ. Она умѣетъ во-время уступать. Она не только не сопротивляется движенію умовъ, но предвидя опасность, она идетъ впереди этого движенія. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы англійскую аристократію можно было восхвалять за пламенную и безкорыстную любовь къ прогрессу: нѣтъ; она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ своихъ интересовъ, но только разумно понятыхъ. Она уступаетъ то, въ чемъ опасно было бы отказать. Если ей случается, черезъ посредство того или другого изъ своихъ членовъ, принимать на себя инициативу какой-нибудь реформы, то это для того, чтобы эта инициатива, часть которой пробилъ, не была бы взята помимо нея и противъ нея. Можно даже сказать, что болѣею частью она уступаетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ прогрессу только для того, чтобы остановить его на полдорогѣ, подъ предлогомъ служенія ему. Восхвалять ее безкорыстіе было бы ребячествомъ, но отказывать ей въ мудрости было бы несправедливо».

Не такъ относится къ англійской аристократіи Тэнъ. Онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы воздать ей должное, ему мало того, чтобы показать въ англійской аристократіи ея неоспоримыя достоинства, чтобы признать за ней право на всеобщее уваженіе,

нѣтъ; онъ признаетъ необходимость ея существованія, чуть и необходимость аристократіи для всякой страны, съ чѣмъ конечи можно уже и не согласиться. «Безъ аристократіи, говоритъ онъ цивилизація не полна; ей недостаетъ тѣхъ независимыхъ круныхъ силъ, развивающихся на просторѣ, свободныхъ отъ мелкихъ заботъ, одаренныхъ красотою какъ всякое произведеніе искусства. Кто-то сказалъ: «Война замкамъ, миръ хижинамъ!» Я думаю, что лучше было бы сказать: «Миръ хижинамъ, но миръ и замкамъ». Прудонъ желалъ видѣть Францію покрытую маленькими чистыми домиками, въ каждомъ домѣ семью на половину крестьянскую на половину буржуазную, кругомъ небольшое поле и садъ; онъ желалъ, чтобы вся земля была распределена такимъ образомъ: вездѣ трудъ, равенство, довольство и огородъ. Съ точки зрѣнія историка, это—желаніе огородника; еслибы не было ничего кромѣ зелени, деревня была бы уродлива. У меня нѣтъ парка, а моимъ глазамъ все-таки доставляетъ удовольствіе видѣть его; нужно только, чтобы онъ былъ доступенъ и хорошо содержался. Точно также и съ крупными существованіями; среди маленькихъ они исполняютъ назначеніе парковъ, среди садиловъ и огородовъ. Одни доставляютъ вѣковыя деревья, бархатныя луга, дивныя фееріи, сборища цвѣтовъ и поэтическія аллеи. Другіе поддерживаютъ извѣстное изящество нравовъ, извѣстные оттѣнки чувствъ, допускаютъ широкое космополитическое образованіе, питаютъ расадникъ государственныхъ людей». Такія строки доказываютъ только, что Тэнъ относится съ необыкновенною легкостью, чтобы не сказать легкомысліемъ къ самымъ серьезнымъ вопросамъ народной жизни. Неужели довольно сказать, что могущественная по богатству и власти аристократія возвышаетъ уровень общественной жизни, что она полируетъ нравы, что она поддерживаетъ и распространяетъ вкусъ во всему изящному, что она повровительствуетъ искусствамъ, бросая крохи этимъ артистамъ, неужели этого довольно, чтобы доказать необходимость существованія могущественнаго привилегированнаго класса? Нужно впрочемъ сказать, что говоря подобнымъ образомъ, Тэнъ не провозглашаетъ ничего новаго, онъ повторяетъ только избитое мѣсто всѣхъ сторонниковъ сильныхъ аристократій, по поводу которыхъ авторъ «Писемъ объ Англіи» говоритъ: «все это было бы прекрасно, еслибы удовлетвореніе весьма насущныхъ потребностей не приносилось въ жертву удовлетворенію потребностей, чисто искусственныхъ, промышленныхъ; еслибы крайнее богатство однихъ нешло бы рядомъ съ крайнюю ницетою другихъ; еслибы изящество привычекъ и обработка ума наверху не отвѣчала привычкамъ гру-

ости, невѣжества, звѣрства внизу. Что намъ толкуютъ о томъ, чтобы обезпечить за небольшимъ числомъ счастливыхъ смертныхъ обладаніе всеобщимъ наслѣдствомъ, чтобы тѣмъ самымъ дать имъ возможность поощрять прогрессъ цивилизаціи, дѣлая ее данницею ихъ удовольствій. Что выигрываетъ масса общества отъ той утонченной знани, которою хвастается аристократія? Какую нравственную или умственную пользу приносятъ несчастнымъ, погруженнымъ въ заботы о кровѣ и хлѣбѣ, драгоценные предметы, прекрасныя статуи, удивительныя картины, которыми аристократія наполняетъ свои дворцы или ссылаетъ въ свои загородныя виллы? Нѣтъ сомнѣнія, что богатая аристократія поставляетъ для произведеній искусствъ усердныхъ потребителей; но развѣ то общество работниковъ, отъзывающееся отъ всего въ пользу нѣсколькихъ человѣкъ только для того, чтобы приобрести себѣ въ нихъ богатыхъ клиентовъ, не походить на того купца, который раздаетъ свои деньги людямъ, для того чтобы они могли купить у него товаръ?»

Взглядъ Тэна на англійскую аристократію болѣе подходит къ взгляду на нее Монталамбера, но при этомъ нельзя не замѣтить, что Монталамберъ обставляетъ свой взглядъ несравненно болѣе серьезными, возвышенными аргументами, чѣмъ Тэнь. Вся книга Монталамбера—это блистательная защита аристократіи, защита человѣка много думавшаго и глубоко убѣжденнаго. Нечего говорить какъ высоко ставитъ ее Монталамберъ; онъ со скорбью признаетъ, что господство старыхъ идей поколеблено, что глубоко-аристократическій характеръ англійской свободы и англійскаго общества измѣняется; что слово «лордъ» не означаетъ уже болѣе того, что означало оно въ доброе старое время, что въ англійской литературѣ, въ романахъ, въ серьезныхъ сочиненіяхъ, замѣчается направленіе враждебное вѣковымъ учрежденіямъ; онъ признается, что демократія вступаетъ въ Англію въ свои права, что аристократическое начало демократизуется, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ англійской аристократіи въ высокую заслугу, что переходъ отъ старинной коренной аристократической формы правленія къ формѣ болѣе демократической совершается безъ потрясеній, безъ революцій. «Будемъ же имѣть смѣлость признать, говоритъ Монталамберъ, что прогрессъ демократіи это господствующій фактъ среди современнаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляется величайшею опасностію: этой опасности до сихъ поръ не избѣгло еще ни одно общество. Удерживать и направлять демократію, не унижая ее, организовать ее въ умѣренную монархію или консервативную республику, такова задача

нашего вѣка: но эта задача нигдѣ еще не была разрѣшена. Фактъ и опасность существуютъ въ Англїи точно также какъ и въ другихъ странахъ. Но въ то время, когда на континентѣ не бѣда демократїи всюду приводила къ жертвѣ свободою, всюду приговаривала народы колебаться въ унижительной альтернативѣ анархїи и деспотизма, все предвѣщаетъ, что въ Англїи ея успѣхи въ состоянїи будутъ ужиться съ прочностью права, съ сохраненїемъ старыхъ вольностей, съ уваженїемъ личнаго достоинства... Однимъ словомъ, если демократїя восторжествуетъ въ Англїи такъ, какъ она не въ состоянїи была восторжествовать въ остальной Европѣ, то этимъ она должна быть обязана, по мысли Монталамбера, главнымъ образомъ политическимъ нравамъ, традиціямъ аристократїи.

Ослабленїе аристократическаго начала и готовность самой аристократїи дѣлать уступки демократическому духу такъ очевидно, что ихъ не могъ, конечно, не замѣтить и Тэнъ, и онъ признаетъ вмѣстѣ съ другими, что въ концѣ концовъ Англїя превращается въ республику, для которой аристократїя, какъ учрежденїе, изготовляетъ «контингентъ министровъ, депутатовъ, генераловъ и дипломатовъ, такъ точно, какъ политехническая школа изготовляетъ необходимый наборъ инженеровъ».

Англійская аристократїя постоянно подстрекается къ уступкамъ и реформамъ не только давленїемъ демократическаго духа, не только разумнымъ отношенїемъ къ требованїямъ времени, но также и тѣмъ духомъ соперничества, который кроется въ нѣдрахъ самой аристократїи. Если въ Англїи существуетъ одна только конституція, то въ ней, по выраженїю Монталамбера, живутъ рядомъ двѣ аристократїи. Дѣленїе англійской аристократїи на тори и виговъ уже обветшало, оно замѣняется теперь другимъ: либераловъ и консерваторовъ,—но сущность осталась та же. Въ ней борются двѣ партїи, слѣдящїя зорко другъ за другомъ, пользующїяся каждымъ промахомъ, каждой ошибкой, чтобы вытѣснить одна другую. Сегодня во главѣ правительства партїя тори или консервативная; другая партїя виговъ или либераловъ не щадитъ усилий, чтобы нанести первой такой ударъ, чтобы заставить ее уступить себѣ мѣсто. При этомъ въ ходъ пускаются всѣ средства, для того, чтобы добиться власти, часто не щадятъ своихъ принциповъ, убѣжденїй, руководящихъ началъ своей партїи, часто консерваторы хватаются за реформу, которая должна быть противна ихъ вкусамъ только для того, чтобы не дать ее совершить либераламъ, которые въ такомъ случаѣ являются ея противниками. Въ политической исторїи Англїи тому есть много

притворъ. Можно конечно сказать, что эта борьба, пользуясь всеми средствами, борьба, во время которой противники швыряютъ другъ у друга оружіе и наносятъ имъ удары, не всѣмъ-то нравственна, не всѣмъ отвѣчаетъ сложившемуся мнѣнію о политической честности, но за то изъ нея извлекаетъ себѣ выгоды народъ, который въ этомъ отношеніи и въ видѣ большого поразительнаго исключенія, какъ говоритъ пословица, каръ загребаетъ чужими руками.

Вслѣдствіе того, что обѣ партіи борются часто, ради достиженія успѣха, однимъ и тѣмъ же оружіемъ, оружіемъ реформы, сдѣлалось весьма затруднительно провести между ними рѣзкую демаркационную черту. Борьба перестала быть борьбою изъ-за принциповъ двухъ политическихъ партій, а превратилась въ борьбу однихъ аристократическихъ домовъ съ другими, одного имени съ другимъ. Какъ для либераловъ, такъ и для консерваторовъ, говоритъ въ одномъ изъ своихъ «писемъ» Луи Бланъ, весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы взять въ свои руки дѣла, располагать мѣстами и управлять; и для консерваторовъ точно также, какъ и для либераловъ, средство успѣха заключается въ удовлетвореніи требованій общественнаго мнѣнія, когда эти требованія дѣлаются настоятельными. Такимъ образомъ, соперничество двухъ большихъ фракцій, на которыя дѣлится англійская аристократія, обращается въ концѣ концовъ къ выгодѣ свободы и прогресса». Въ силу того аристократія, представленная тѣмъ или другимъ именемъ, всегда принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ важныхъ вопросахъ, возникающихъ въ жизни народа, и потому нѣтъ почти ни одной реформы, нѣтъ почти ни одного крупнаго успѣха въ политической жизни Англій, съ которымъ не было бы связано одно изъ громкихъ именъ этой страны. Политическая жизнь Англій— это ристалище, на которомъ одинъ аристократъ передъ другимъ старается отличиться, старается обратить на себя глаза зрителей, заслужить уваженіе со стороны общественнаго мнѣнія, потому что онъ знаетъ, на чьей сторонѣ общественное мнѣніе, на той сторонѣ власть и почетъ. Благодаря этому, «сосредоточеніе политической власти въ рукахъ аристократіи, по словамъ одного извѣстнаго писателя, теряетъ часть того ненавистнаго характера, которымъ отличается всякая монополія, не говоря уже о томъ, что дурными послѣдствіями такого сосредоточенія власти значительно ослабляются существованіемъ свободы въ выраженіи общественнаго мнѣнія, изъ-подъ контроля котораго не ускользаетъ ни одинъ актъ публичной жизни».

Но если англійская аристократія сумѣла во-время отказаться отъ исключительныхъ правъ, отъ привилегій, отжившихъ свое время и сдѣлавшихся анахронизмомъ, и тѣмъ конечно приобрѣла себѣ право на уваженіе всей страны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она, подобно французской аристократіи, принесла на алтарь отечества въ историческую ночь 4-го августа всѣ свои преимущества, отказываясь отъ тѣхъ правъ, отъ тѣхъ выгодъ которымъ не пробилъ еще послѣдній часъ. Англійская аристократія расчетлива, но не великодушна. Она, не вызывая кризиса безъ безумнаго сопротивленія уступаетъ нѣсколькими часами прежде то, отъ чего ей все-равно не много спустя пришлось бы отказаться, и это уже не малая заслуга; но она крѣпко дѣлится за свои преимущества, когда увѣрена, что въ состояніи отстоять ихъ еще на долгое время. Англійская аристократія нарушаетъ общаго правила, почти незнающаго исключенія, издавая законы, издаетъ ихъ по мѣрѣ возможности въ свою личную пользу.

Вотъ почему палата лордовъ, эта представительница англійской аристократіи, является постоянно тою силою, которая сдерживаетъ народныя стремленія. Каждая реформа, каждый успѣхъ въ политической жизни Англій дѣлается послѣ многихъ усилій, тщательныхъ обсужденій, большею частью послѣ того, что одинъ или даже нѣсколько разъ предложеніе извѣстной реформы проваливается, и только тогда, когда общественное мнѣніе выразило свое мнѣніе твердо, настоятельно и послѣ того, что старому, отжившему сдѣлали честь—боролись за его сохраненіе до конца, только тогда совершается извѣстная реформа. Но разъ сдѣланная, она уже не встрѣчаетъ болѣе подпольнаго сопротивленія, никто не старается болѣе обойти ее какой-нибудь мѣрой, идущей въ разрѣзъ съ ней, Англія не знаетъ отвратительнаго зрѣлища—нападенія цѣлой стая старыхъ вороновъ, заклевывающихъ и провозгласительно каркающихъ на ту или другую реформу. Когда она сдѣлана, та же самая палата лордовъ, которая была ея противницею, становится ея хранительницею изъ уваженія къ закону, изъ уваженія къ себѣ.

Сдерживающимъ элементомъ является точно также и нижняя палата, которая, несмотря на послѣднюю избирательную реформу, все-таки не представляетъ собою народнаго элемента. Палата общинъ по существу своему аристократическая; она въ дѣйствительности также относится къ палатѣ лордовъ, какъ къ аристократическимъ семьямъ младшіе относятся къ старшимъ. Еще болѣе рѣзко выражается Лэдрю-Ролленъ, который называетъ

нижнюю палату ничѣмъ инымъ какъ succursale'мъ палаты лордовъ. До извѣстной степени мнѣніе это и вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно также и то, что аристократически и плутократически составленная нижняя палата тѣмъ не менѣе служитъ народнымъ интересамъ. Англійская конституція, по удачному вымышленію одного писателя, не похожа на Минерву, выпешдшую съ вооруженною изъ головы Зевеса. Она слагалась, развивалась и продолжаетъ развиваться мало по малу, и это развитие действительно отзывалось на палатѣ общинъ. Разумѣется, въ настоящее время, нижняя палата не служитъ еще истинною представительницею народа, но она стала на тотъ путь, который неизменно долженъ ее привести къ тому. Послѣдняя избирательная реформа составляетъ крупный шагъ на этомъ пути. Въ Англій значительно уже проникло сознаніе, что исключеніе изъ представительства рабочихъ классовъ составляетъ вопіющую несправедливость и, какъ отвѣтъ на это сознаніе, была сдѣлана послѣдняя реформа, значительно расширяющая классъ избирателей. До сихъ поръ центръ тяжести представительства находился въ собственности, теперь онъ переходитъ на «человѣка». Въ Англій уже выработалось сознаніе, что «тѣ, чей трудъ, какъ говоритъ авторъ «Писемъ объ Англій», способствуетъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ образованію народнаго богатства, тѣ, которые платятъ ихъ долю налоговъ, тѣ, которые въ каждую данную минуту могутъ быть призваны съ опасностью жизни для защиты отечества, имѣютъ также права, которыя они должны охранять, имѣютъ интересы, которые они хотятъ защищать, и способны играть другую роль, чѣмъ роль простыхъ зрителей въ разыгрывающейся политической драмѣ». Допуская даже такое предположеніе, что только «собственность» должна имѣть право на представительство, правительствующіе классы Англій должны признать за рабочимъ классомъ право на такое представительство. По вычисленію одного англичанина, ежегодный доходъ англійскихъ рабочихъ простирается до 280,000,000 фунт. стер.; прибавляя къ этой цифрѣ еще и ту, которая получается изъ опредѣленія стоимости ихъ инструментовъ, одежды, положенныхъ сбереженій и т. д., настоящая цифра должна быть опредѣлена въ 500,000,000 фунт. стерл. Составляетъ ли это, спрашиваютъ сторонники широкаго народнаго представительства, такой ничтожный интересъ собственности, чтобы нечего было заботиться лицамъ заинтересованнымъ въ его охраненіи?

Тѣмъ признаетъ, что вопросъ поставленъ такимъ образомъ, что Англія волей-неволей должна будетъ придти къ всеобщей

подачѣ голосовъ, и тогда нижняя палата потеряетъ свой аристократическій характеръ и сдѣлается представительницей народа въ широкомъ смыслѣ этого слова. Движеніе въ этомъ направленіи сдѣлалось такъ сильно въ послѣдніе годы, что избирательная форма, совершенная въ 1867-мъ году, кажется уже недостаточной. Но скоро ли, поздно ли совершится окончательный переходъ политическаго центра тяжести отъ аристократіи къ демократіи, въсвѣтомъ случаѣ съ увѣренностью можно сказать, что онъ совершится мирно, спокойно, безъ потрясеній, съ одной стороны, благодаря разумности правящихъ классовъ, умѣющихъ во-время уступать, съ другой благодаря разумности англійскаго общества умѣющаго съ твердостью и спокойною рѣшимостью заявлять свои требованія, общества, воспитавшагося въ свободныхъ нравахъ обладающаго лучшею въ Европѣ политическою школою.

Свой поверхностный разборъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ англійское правительство, Тэнъ заключаетъ словами «It works well: машина дѣйствуетъ хорошо! Она не трещитъ и не угрожаетъ тѣмъ, что затрещитъ. Она дѣйствуетъ, и кромѣ того она сообразуется съ временемъ и совершенствуется своимъ устройствомъ. Даже болѣе, по тому какъ она дѣйствуетъ невольна чувствуешь, что она способна на коренное обновленіе. Она въ состояніи будетъ вынести позже безконечное расширеніе избирательнаго права, уменьшеніе прерогативы лордовъ, уничтоженіе монополіи церкви, и все это безъ взрыва и распаденія, постепеннымъ и осторожнымъ приспособленіемъ старыхъ частей къ новымъ обычаямъ. Правящіе классы набираются свѣдѣній, ничемъ не упускаютъ изъ виду и каждую минуту бросаютъ лотъ для того, чтобы измѣрить силу и развѣдать направленіе народныхъ потоковъ. Они обладаютъ тонкимъ чувствомъ необходимаго и возможнаго». Но если мы знаемъ, что «машина дѣйствуетъ хорошо», что правящіе классы благоразумно управляютъ страной, то мы не знаемъ еще, гдѣ лежатъ гарантіи тому, что эти классы не могутъ злоупотреблять своею властью, гдѣ кроется обезпеченіе народа противъ ошибокъ этихъ правящихъ классовъ. Лежатъ ли эти гарантіи въ нравственныхъ достоинствахъ ихъ? Нѣтъ, подобная гарантія была бы слишкомъ недостаточна, люди такъ склонны къ порчѣ и растлѣнію. Быть можетъ потому правящіе классы и обладаютъ благоразуміемъ, умѣренностью, потому они и не злоупотребляютъ своею властью, что они постоянно, въ каждый данный моментъ чувствуютъ надъ собою контроль, контроль строгій, неумолимый, свободно высказывающагося общественнаго мнѣнія. Гарантіи противъ злоупотребленій правящихъ клас-

не лежать въ тѣхъ неотъемлемыхъ правахъ англійскаго народа, постоянное пользованіе которыми и создало тѣ свободныя и сильныя политическія нравы, которыми такъ справедливо гордится Англія.

VIII.

Если въ Англіи существуетъ сила, способная дѣйствительнымъ образомъ гарантировать народъ отъ злоупотребленій правительственныхъ органовъ, если есть сила, способная направлять правительство, указывать ему истинный путь, намѣчать цѣль, въ которой оно должно стремиться, то сила эта заключается въ общественномъ мнѣніи. Но это послѣднее только тогда можетъ оказывать важныя услуги народу и его правительству, когда оно имѣетъ возможность свободно складываться и затѣмъ свободно выходить наружу. Не многія страны въ Европѣ обладаютъ такимъ общественнымъ мнѣніемъ. Большею частью оно представляется жалкимъ, трусливымъ, лишеннымъ возможности выразиться во всей прямотѣ, и выразиться по дѣйствительно серьезнымъ общественнымъ вопросамъ, и потому замыкающимся въ тѣсный кругъ личностей, мелкихъ интригъ, мелкихъ обвиненій, самыхъ недостойныхъ оскорбленій публичныхъ дѣателей или даже и частныхъ лицъ. Общественное мнѣніе, лишенное крупной государственной сферы, недопускаемое къ нея, проявляетъ свое существованіе только по поводу той или другой театральной новости, той или другой сплетни, того или другого скандала. Такое общественное мнѣніе могло бы не существовать вовсе, не только безъ ущерба для народной жизни, но даже съ нѣкоторой выгодой для нея. Въ Англіи же общественное мнѣніе является истинною и грозною силою, все подчиняющею своему контролю, произносящею по всѣмъ вопросамъ и событіямъ народной жизни свой безапелляціонный приговоръ. Оно является таковымъ потому, что въ Англіи оно свободно, что у него есть два столба, на которые оно опирается и при помощи которыхъ оно выражается и становится, какъ законъ, обязательнымъ для всѣхъ и cadaго, эти два столба: свобода печати и свобода собраній. Въ Англіи каждый человѣкъ не только имѣетъ право высказывать все, что ему угодно, но онъ и высказываетъ все открыто, не стѣняясь, вполне увѣренный въ томъ, что его личная свобода останется неприкосновенною, что она находится подъ охраной великаго закона, который зовется Habeas corpus, и кромѣ того, чтобы ни случилось, англичанинъ всегда увѣренъ найти правый, справедливый, независимый судъ, съ вѣмъ

бы ему ни пришлось бороться, съ простымъ ли работникомъ, или съ наслѣдникомъ англійскаго престола.

Итакъ, свобода печати, свобода собраній, личная свобода и независимый судъ — вотъ изъ какихъ элементовъ слагаются тѣ гарантіи, которыя обезпечиваютъ въ Англии здоровое развитіе политической жизни націи. Правительство, которое сознаетъ свою силу и прочность, не можетъ и не должно опасаться свободы печати. Англійское правительство понимаетъ это какъ нельзя лучше и потому смѣло подставляетъ себя, свои дѣйствія подъ самыя рѣзкія нападенія прессы. «Прочность англійской конституціи допускаетъ самую широкую свободу контроля. И дѣйствительно этимъ правомъ контроля пользуются беспощадно и непрерывно; нѣтъ ни одного внутренняго или внѣшняго вопроса, который не былъ бы разобранъ въ пятидесяти статьяхъ, разобранъ со всѣхъ сторонъ и съ такою силою аргументаціи и обиліемъ документовъ, что остается только удивляться». Что при этомъ пресса не падитъ никого, что она наноситъ удары правительству не въ бровь, а прямо въ глазъ, что часто она отзывается о томъ или другомъ высокопоставленномъ лицѣ, не только рѣзко, но оскорбительно, что она хлещетъ направо и налево, объ этомъ нечего и говорить. И несмотря на это ни одинъ министръ, ни одно лицо, будь это самъ принцъ Валлійскій, не подумаетъ о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ назойливой газеты или придирчиваго автора. Могутъ сказать, что никому это не приходится въ голову, потому что никто не имѣетъ на то права, потому что свобода печати охранена строгимъ закономъ. Тотъ, кто сказалъ бы это, жестоко ошибся. Свобода печати охраняется въ Англии вовсе не закономъ. Законъ напротивъ предоставляетъ возможность преслѣдовать печатное слово; но въ томъ-то и сила, что въ Англии есть нѣчто, что сильнѣе закона: это нравы, свободныя нравы Англии. Тамъ, гдѣ плошаетъ законъ, тамъ на помощь явятся нравы, гарантирующіе свободу, быть можетъ лучше чѣмъ самыя законы. Нравы въ Англии развиваются быстрѣе, чѣмъ законы, и если въ англійскомъ законодательствѣ сохранились еще стѣснительныя мѣры противъ печати, эти печальныя воспоминанія того времени, когда свободное слово угрожало лишеніемъ свободы и даже самой жизни, то въ сознание англійскаго общества и его правительства проникъ тотъ взглядъ, который такъ брашнорѣчиво былъ выраженъ словами великаго Мильтона: «Кто убиваетъ человѣка, писалъ суровый англійскій поэтъ болѣе чѣмъ два столѣтія тому назадъ, убиваетъ разумное существо, подобіе Божіе; но кто уничтожаетъ хорошую книгу, тотъ убиваетъ самый ра-

убиваетъ подобіе Божіе, какъ оно отражается въ его оуби-
 ренныя книги, для разумнаго и мыслящаго читателя, могутъ во
 мнѣхъ отношеніяхъ служить для открытія, противоположенія,
 разъясненія. Въ чемъ можетъ состоять преимущество взрослога
 возрѣнія предъ школьникомъ, если, избѣгнувъ розги учителя,
 и подвергаемся бичу цензора, если серьезныя и разработанныя
 мнѣнія, подобно грамматическимъ упражненіямъ на заданныя
 темы, не могутъ сдѣлаться публичными безъ испытующаго ова
 цензора». Такое возрѣніе вошло въ плоть и кровь англійскаго
 общества, вошло въ его нравы, которыя дѣлаютъ невозможнымъ
 такое преслѣдованіе печати.

Только писатели, задающіеся впередъ желаніемъ порицать
 то, что встрѣчается въ Англій, только такіе писатели могутъ
 сказать, что печать не выполняетъ въ этой странѣ своего вели-
 каго назначенія. Ледрю Ролленъ, котораго нельзя не отнести
 именно къ такому разряду писателей, относится съ пренебреже-
 ніемъ къ свободному слову въ Англій, говоря, что оно не слу-
 житъ тутъ народнымъ интересамъ. Трудно вѣжеть сдѣлать болѣе
 несправедливый упрекъ. «Конечно, говоритъ этотъ писатель, когда
 одна одному номеру газеты равняется почти рабочему дню, то
 оно не можетъ производить волненія въ народѣ. Именно съ этою
 цѣлю законодательство поставило печати такія тяжелыя препят-
 ствія и насильно сдѣлало изъ нея монополію, живой источникъ
 доходовъ и почестей въ рукахъ нѣсколькихъ милліонеровъ. По-
 чтенія печати только случайно принимаютъ въ народную глубь».

Съ тѣхъ поръ какъ были написаны эти строки, англійское об-
 щество дало блистательное опроверженіе французскому радикаль-
 ному писателю, снявъ съ печати тѣ тягости, о которыхъ гово-
 ритъ Ледрю-Ролленъ, и сдѣлавъ возможнымъ изданіе самыхъ де-
 шевыхъ газетъ, которыя сотнями тысячъ распространяются среди
 народа. Благодаря этимъ газетамъ, благодаря свободному слову,
 англійское общество, во всѣхъ его слояхъ, имѣетъ возможность
 слѣдить за каждымъ правительственнымъ дѣйствіемъ, можетъ
 контролировать его и возбуждать вопросы о необходимыхъ рефор-
 махъ, о необходимыхъ усовершенствованіяхъ какъ въ политиче-
 ской, такъ и въ соціальной жизни народа. Между мнимою опа-
 сностью отъ свободы печати, опасностью, существующею болѣе
 въ воображеніи боязливыхъ правительствъ, и дѣйствительною поль-
 зою, приносимою ею, для разумнаго общества не можетъ быть
 выбора, и потому англійское правительство давно уже отказалось
 отъ своего права преслѣдовать свободное выраженіе человѣческой
 мысли. Благодаря этому печать сдѣлалась настоящею четвертою

властью въ государствѣ, и властью болѣе могущественною, чѣмъ законодательная, судебная и административная, потому что она стоитъ надъ всѣми ими, контролируетъ ихъ и бьетъ громко въ набатъ какъ только подмѣтитъ гдѣ-нибудь нарушение закона или покушеніе на свободныя права Англіи. Всякое упущеніе, всякое нарушение чьего-нибудь права немедленно выходитъ наружу, объявляется, и тогда вся печать накидывается на нарушителей права кто бы ни былъ этимъ нарушителемъ. Свободная печать парализуетъ въ Англіи многіе недостатки политической системы, предотвращаетъ многія злоупотребленія, ослабляетъ и дѣлаетъ менѣе чувствительнымъ, или вѣрнѣе уравниваетъ нѣсколько то, что можетъ излишне-консервативный духъ, который преобладаетъ въ англійскихъ правящихъ классахъ. «Свобода печати, какъ нельзя болѣе справедливо замѣчаетъ Луи Бланъ,—вотъ что служитъ противовѣсомъ порочнымъ сторонамъ исключительнаго парламентаризма дѣйствующаго въ Англіи; вотъ что не допускаетъ развитіе естественныхъ послѣдствій этихъ дурныхъ сторонъ; вотъ что служитъ щитомъ для народа, который не дають ему избирательные законы. Въ свободной печати, народъ находитъ свою палату общинъ, въ которой голосъ его всегда можетъ свободно раздаваться и двери котораго для него настежь открыты. Поразительный результатъ, доказывающій, какъ необходима эта свобода печати! Безъ нея лучшія учрежденія рискуютъ погибнуть; съ нею самыя дурныя находятъ себѣ долю прощенія».

Ту же самую мысль, но только гораздо образнѣе, высказываетъ Тэнъ, говоря о значеніи свободной печати въ странѣ. Тэнъ признаетъ, что англійская пресса отличается большимъ здравымъ смысломъ, мощнымъ разсудкомъ, достигающими часто до высшаго краснорѣчія. Откровенность, по словамъ автора «Notes sur l'Angleterre», доходитъ часто до грубости, ея тонъ обнаруживаетъ «настойчивый и суровый тонъ борющагося убѣжденія, холодную и протяжную иронию, жесткость сосредоточенной и обдуманной страсти, негодованіе и презрѣніе текутъ обильнымъ ручьемъ...» Подобная полемика, замѣчаетъ Тэнъ, неминуемо привела бы во Франціи къ безконечнымъ дуэлямъ и столкновеніямъ, но въ Англіи какъ ни сильно нападеніе, какъ ни лично оно, оно никогда не заставляетъ драться политическаго человѣка; потому что тутъ уже вошло въ обычай, что изъ-за куска исписанной или печатной бумаги люди не дерутся. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англіи всѣ знаютъ, что какой бы гвалтъ и шумъ ни былъ поднятъ въ печати, какъ бы ни тревонила она, какъ бы ни била въ набатъ, печать никогда не можетъ заставить схватиться за оружіе; все къ чему она ни

можно ведеть, это къ созванію митинговъ, къ коллективнымъ петиціямъ, къ коллективнымъ протестамъ. «Въ день моего приѣзда въ Лондонъ, рассказываетъ Тэнъ, я увидѣлъ на улицахъ людей-мѣши, которые разносили сзади и спереди написанныя у нихъ слова: «Страшная узурпація народныхъ правъ! Лорды вписали въ бюджетъ четыреста пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ налога безъ согласія націи! (Они сдѣлали эту прибавку, исправляя бюджетъ, вотированный палатою общинъ). Граждане, петицію!» — Нѣсколько дней спустя, прибавляетъ Тэнъ, будучи въ отдаленномъ кварталѣ, въ Clerkenwell, я прочелъ въ одной газетѣ квартала объявленіе о митингѣ по этому предмету. — Ничего болѣе; но это свободное слово и постоянныя публичныя собранія совершенно достаточны. Можно сказать, что посредствомъ журналовъ и митинговъ большой общій парламентъ и множество мелкихъ парламентовъ, разбѣянныхъ по всей странѣ, готовятъ, контролируютъ и ованчиваютъ работу обѣихъ палатъ». Когда видишь свободу слова въ дѣйствиі, когда думаешь о тѣхъ роскошныхъ плодахъ, которыми она наградила Англію, то можно только удивляться недалекновидности тѣхъ системъ, которыя обрѣзываютъ ей крылья въ государствахъ западной Европы. Если бы нѣмецкое или французское правительства, прибѣгающія до сихъ поръ еще довольно часто къ репрессивнымъ мѣрамъ въ дѣлахъ печати, обратились къ англійскому правительству съ запросомъ: находятъ ли оно болѣе выгоды или болѣе безпокойствъ въ свободѣ слова? то нѣтъ сомнѣнія, что эти правительства получили бы въ отвѣтъ: свобода слова наша лучшая союзница, мы въ значительной степени обязаны ей нашей крѣпостью, нашей силой; свобода слова—это пчела, которая подчасъ кусаетъ, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ обогащаетъ насъ своимъ медомъ.

Говоря о вліяніи и важности печати въ такой странѣ какъ Англія, гдѣ она является положительною силою, властью, нельзя не обратить вниманія на одно явленіе, повидимому поражающее своимъ противорѣчіемъ. Въ Англіи печать—сила, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англіи ея представители, ея работники, писатели пользуются гораздо меньшимъ уваженіемъ, меньшимъ почетомъ, трудъ ихъ окупается хуже чѣмъ въ странахъ, гдѣ печать, литература играетъ сравнительно жалкую роль, или даже тамъ, гдѣ вся литература, говоря словами русскаго сатирика, могла бы быть смѣло «упразднена». «Еще Стендаль говорилъ, вспоминаетъ между прочимъ Тэнъ, что умъ и талантъ, переходя въ Англію теряетъ двадцать пять процентовъ». Самъ же авторъ «Notes sur l'Angleterre» подтверждаетъ это замѣчаніе, говоря, что въ Англіи артисты,

писатели стоятъ на второмъ планѣ, что принимаемъ въ высшемъ обществѣ, въ аристократическихъ домахъ, на нихъ смотрятъ какъ на что-то особенное, въ смыслѣ курьеза. Немногіе только писатели, относящіеся къ разряду звѣздъ первой величины, занимаютъ высокое положеніе, которое имъ принадлежитъ по праву; другие, писатели второстепенные, простые смертные въ литературѣ, не пользуются тѣмъ почетомъ, который окружаетъ литературныхъ міровъ въ другихъ странахъ. Большинство журналистовъ, и весь почтенныхъ, остаются неизвѣстными, работая всю жизнь въ какой-нибудь газетѣ и никогда не подписывая своего имени. Это, какъ выражается Тэнъ, рабочія литературныя лошади. Онъ приводитъ въ примѣръ извѣстнаго корреспондента «Times'a», этого грознаго литературно-политическаго хамелеона, описывавшаго крымскую войну и затѣмъ возстаніе въ Индіи, и который не пользуется никакимъ положеніемъ и еле-существуетъ во главѣ небольшого журнала. Въ Англіи никогда еще не было примѣра, чтобы какой-нибудь журналистъ сдѣлался депутатомъ, министромъ, какъ случается во Франціи, гдѣ такъ недавно еще, умирающій въ наступающую минуту въ одной изъ французскихъ крѣпостей, приговоренный къ ссылкѣ въ колоніи, Рошфоръ, благодаря нѣсколькимъ удачнымъ сатирическимъ очеркамъ изъ простого фельетониста вдругъ превратился въ одного изъ самыхъ популярныхъ депутатовъ Парижа. Объяснить подобное явленіе весьма впрочемъ не трудно.

Почетъ, окружающій сколько-нибудь честнаго писателя въ странѣ, лишенной свободы слова, служить нѣкоторымъ вознагражденіемъ за тотъ рискъ, на который идетъ человѣкъ, рѣшающійся быть независимымъ писателемъ. Въ Англіи ничего не стоить быть весьма либеральнымъ писателемъ, какое либеральнымъ! радикальнымъ: ничего не стоить заявлять самыя анти-правительственныя требованія; пусть себѣ человѣкъ проповѣдуетъ крайній социализмъ, красную республику, пусть онъ громитъ злоупотребленія правительства, пусть казнитъ первыхъ лица въ государствѣ, онъ ничѣмъ не рискуетъ, его журналу не дадутъ предостереженія, журналъ его не остановятъ на нѣсколько мѣсяцевъ, не запретятъ объявляя онъ себя революціонеромъ или коммунистомъ, его не упрячутъ туда, куда даже воронъ костей не заноситъ, его не объявятъ преступникомъ, не объявятъ даже вреднымъ человекомъ. Самое большое что можетъ случиться, это то, что англичане покажутъ плечами, назовутъ его сумасбродомъ и перестанутъ покупать, а слѣдовательно и читать его газету. Такая ли судьба независимаго писателя въ другихъ европейскихъ странахъ? О! совсемъ другая! Человѣкъ весьма смиренно замѣтитъ, что вотъ съ

кажется, что такое-то дѣйствіе такого-то чиновнаго лица не отвѣчаетъ тѣмъ дѣльямъ, которыя имѣетъ въ виду правительство, сейчасъ говорятъ: а! такъ онъ смѣетъ порицать правительство! Это вольнодумецъ, это человѣкъ вредный!—Помилуйте, отвѣчаетъ помимо писатель, я вовсе не корицаю правительство, я не совмещаю съ образомъ дѣйствій такого-то только лица!—А! отвѣчаютъ ему, такъ вы не понимаете, что правительство едино, что это лицо, на которое вы нападаете, представляетъ собою звено неразрывной, единой правительственной цѣпи, на которой держится государство. Вы этого не понимаете, такъ вотъ вамъ на первый разъ штрафъ въ десять тысячъ франковъ и тюрьма на два года. Благодарите, что мы такъ милостивы, но берегитесь! Писатель въ какой-нибудь книгѣ позволить себѣ отнестись сочувственно къ тому или другому вопросу, къ той или другой личности въ другой странѣ, среди другого народа, тотчасъ же онъ слышитъ грозныя слова: а! такъ вы относитесь сочувственно къ такому-то и къ тому-то, значить вы сами социалистъ, революціонеръ, значить вы думаете какъ бы свергнуть существующій порядокъ вещей! Книга предается изгнанію, запрещенію, сожженію черезъ руку палача. Если же паче чаянія заслужилъ нареканіе не разъ, а два, а то еще того хуже три, тогда, писатель, прощайся съ твоею родною страной, бѣги, если ты не хочешь стибнуть въ какой-нибудь S-te Pélagie или въ отдаленной колоніи!

Вотъ что заставляетъ общество относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ литературѣ и литераторамъ, вотъ что дѣлаетъ изъ Рошфора, взятаго какъ типъ, депутата, знаменитость, популярнѣйшаго человѣка. Рискъ, сопряженный съ литературною дѣятельностью, окружаетъ человѣка, рѣшающагося на него, извѣстнымъ ореоломъ, возлагаетъ на его чело вѣнецъ мученичества за правду, за свободу. И общество, относящееся такимъ образомъ къ независимымъ писателямъ, окружающее ихъ особеннымъ почетомъ и уваженіемъ, справедливо; этотъ почетъ, это уваженіе доказываетъ, что само общество заслуживаетъ того, чтобы для него рисковали своимъ спокойствіемъ, состояніемъ, свободою, что оно не стоитъ на той низкой степени развитія, когда люди не умѣютъ цѣнить заслугъ, что оно не настолько еще гнило, чтобы про писателя независимаго, готоваго на рискъ, сказать: дуракъ! чего онъ суется! по-дѣломъ ему! Такое общество не заслуживаетъ вовсе независимыхъ писателей, и въ концѣ концовъ они дѣйствительно переводятся въ немъ, уходя въ другія профессіи, болѣе спокойныя и менѣе раздражающія. Уничтожьте завтра свободу печати въ Англии, конечно общество и правительство потеряютъ

очень много, но журналисты, литераторы подымутся. Отсюда можно сдѣлать и такой выводъ: если какое-нибудь правительство желаетъ ослабить значеніе и силу литературнаго мірка, то для этого прежде всего нужно расширить свободу печати, нужно сдѣлать такъ, чтобы независимый писатель былъ низведенъ съ пьедестала мученика, чтобы онъ сдѣлался обыкновеннымъ явленіемъ. Франція даетъ блистательное подтвержденіе такому положенію. Теперь, когда печать, если и не получила полной свободы то все-таки сдѣлалась несравненно свободнѣе, теперь уже невозможно повтореніе исторіи фельетониста попадающаго, благодаря двумъ-тремъ удачнымъ очеркамъ, въ депутаты, въ члены правительства. Но не такія, конечно, соображенія должны побуждать всякое общество и всякое правительство желать установленія свободы печати. Она необходима для правительства, потому что путемъ свободной прессы оно получаетъ свѣдѣнія о всѣхъ нуждахъ края, удовольствованіе которыхъ разумѣется составляетъ его дѣль, его желаніе; она оказываетъ ему услугу, сообщая ему о каждомъ злоупотребленіи одного изъ его мѣстныхъ органовъ, злоупотребленіи противномъ, конечно, истиннымъ стремленіямъ и видамъ правительства. Свобода печати необходима точно также для общества, которое безъ нея похоже на беспомощное дитя, неимѣющее физической возможности заявить о томъ, что ему нужно, что у него болитъ.

Рядомъ съ свободою печати, ограничленною только нравами англійскаго общества, не терпящаго слишкомъ рѣзкихъ выходовъ противъ религіи, противъ конституціи, противъ королевы, и отвращающимся въ такомъ случаѣ отъ журнала или газеты, стоитъ свобода общественныхъ собраній, публичныхъ митинговъ. Она дополняетъ тѣ прочныя гарантіи, которыми обладаетъ англійское общество противъ всяческихъ злоупотребленій и нарушеній своихъ правъ — правъ свободнаго народа. Право это, что бы ни говорили такіе писатели какъ Ледрю-Ролленъ, весьма дѣйствительно, и въ политической жизни народа оно играетъ весьма видную роль. Ледрю-Ролленъ, принявшій на себя неблагоприятную роль уронить во что бы то ни стало политическое устройство Англіи, спрашиваетъ съ тономъ грознаго судьи: «обезпеченъ ли по крайней мѣрѣ народъ въ драгоцѣнномъ правѣ — правѣ свободнаго собранія?» и на этотъ вопросъ онъ съ необыкновенною рѣшительностью отвѣчаетъ: «пускай же знаютъ, что этого права, которымъ народъ пользовался еще вчера, онъ можетъ быть лишенъ завтра, такъ какъ оно зависитъ отъ каприза; его терпятъ, это фактъ, а не право». И онъ думаетъ, что уже никто не посмѣетъ усом-

тъся въ справедливости его словъ, прочитавъ статью закона, говорящую, что: «всякое публичное собраніе можетъ быть объявлено нарушающимъ порядокъ»; но въ томъ-то вся и сила, въ томъ-то и заключается великое значеніе свободныхъ нравовъ въ странѣ, что слово «можетъ быть» лишено всякой важности. Мало ли что «можетъ» сдѣлать сила, мало ли на что дурное «можетъ» рѣшиться человѣкъ; но если оно умѣряется и уравновѣшивается разсудкомъ, если въ немъ говоритъ сильное нравственное чувство, то это «можетъ» никогда не перейдетъ въ действительность, никогда не осуществится на практикѣ. Гораздо лучше то общество, среди котораго «можетъ» дѣлаться много добраго, и не дѣлается въ силу вкоренившихся нравовъ,—чѣмъ то, среди котораго по буквѣ закона «не можетъ» быть ничего дурного, и которое въ то же время полно всяческихъ злоупотребленій, творящихся ежечасно, ежеминутно. Имѣть хорошіе законы разумѣется весьма важное дѣло для общества, но еще важнѣе для него имѣть хорошіе нравы, заставляющіе нѣмѣть всякій дурной законъ. Вотъ этимъ-то послѣднимъ и сильна Англія. Не за дѣло, что право собраній обставлено всевозможными грозными статутами, когда всѣ они давно отошли въ царство мертвыхъ; важно то, что Англія фактически пользуется правомъ собраній, столь драгоценнымъ для политической и соціальной жизни націи. Каждый день, чтобы не сказать каждый часъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ Англіи происходятъ народныя собранія, посвященные обсужденію всевозможныхъ вопросовъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Эти собранія представляются однимъ изъ самыхъ сильныхъ образовательныхъ средствъ страны. Народъ ли не въ училищѣ, народъ не имѣетъ часто времени слѣдить за внутренними и внѣшними дѣлами по журналамъ, газетамъ, да часто и не умѣетъ читать, но всякій находитъ время бывать въ публичныхъ собраніяхъ, гдѣ онъ знакомится съ положеніемъ извѣстнаго вопроса, съ событіемъ, могущимъ имѣть то или другое влияніе.

Публичныя собранія, митинги — это школа, въ которой народъ безъ грамоты обучается политической жизни, знакомится съ вопросами экономическими, высказываетъ то или другое мнѣніе, и такимъ образомъ, голосъ народа раздается въ общественной жизни, народъ постоянно на виду, онъ напоминаетъ о себѣ довольно громко, чтобы никто не забывалъ о его существованіи. То, что думаетъ объ извѣстныхъ событіяхъ, объ извѣстномъ вопросѣ нѣмецкій народъ, то, что думаетъ французскій, часто весьма трудно узнать, но всегда извѣстно, что думаетъ англійскій народъ. Иногда одно правительство объявляетъ другому войну—по всей

Англіи немедленно происходят митинги, народъ знакомится съ причинами войны, со всѣми обстоятельствами, предшествовавшими объявленію ея, постановляетъ резолюціи, которыя громко свидетельствуютъ, кому и почему сочувствуетъ англійскій народъ. Затѣмъ вспыхнетъ гдѣ-нибудь революція, гражданская война—опять митинги, опять рѣчи, опять резолюціи. Но что въ нихъ прова могутъ сказать: отъ этихъ резолюцій никому ни тепло, ни холодно. Не совсѣмъ такъ. Эти митинги и резолюціи прежде всего дѣйствуютъ на направленіе политики англійскаго кабинета, и частію дѣйствуютъ весьма благотворно. Кто не помнитъ того времени, когда страшная междоусобная война въ Америкѣ была во всемъ разгарѣ; кто не помнитъ двусмысленнаго поведенія англійскаго кабинета и его скрываеваемыхъ, но все-таки слишкомъ явныхъ симпатій къ южанамъ, на кровавыхъ знаменахъ которыхъ было написано позорное слово: рабство! Что произошло бы, если бы англійское правительство открыто приняло сторону Юга, конечно трудно сказать, но несомнѣнно одно, что Англія покрылась бы вѣчнымъ позоромъ. Если Англія избавилась отъ этого позора, то въ значительной степени благодаря публичнымъ собраніямъ, на которыхъ народъ громко заявлялъ свое отвращеніе къ дѣлу Юга и весьма внушительно говорилъ правительству: дѣло Юга пролято дѣло, не подавайте ему руку помощи! Въ то время, когда англійское правительство севозъ пальцы и даже одобрительно смотрѣло на снаряжавшуюся «Элебему» и другихъ крейсеровъ, отправлявшихся изъ англійскихъ портовъ, въ то время, когда значительная часть прессы, съ Times'омъ во главѣ, почти открыто становилась на сторону Юга, народъ въ публичныхъ собраніяхъ провозносилъ торжественную анафему тѣмъ, которые борются за свободу держать въ рабствѣ часть человѣческой расы; за свободу отрывать жену отъ мужа и выхватывать дѣтей изъ рукъ матерей; за свободу пытать и подвергать смерти съ закономъ въ рукахъ отца, защищающаго честь своей дочери! и т. д.» Въ такихъ словахъ англійскій народъ выражалъ свой взглядъ, свои мнѣнія, и подобныя резолюціи безъ всякаго сомнѣнія содѣйствовали тому, что удержали англійское правительство на томъ скользкомъ пути, на который оно такъ необдуманно и съ такимъ рискомъ желало вступить. Въ то время англійское правительство недружелюбно конечно смотрѣло на народныя митинги, постановлявшія такія резолюціи, но оно и не подумало воспользоваться мертвою буквою закона и воспретить подобныя собранія. Это было бы слишкомъ противно нравамъ англійскаго народа. Спросите теперь это правительство, и конечно оно сознается, какъ благо-

дарно оно народу, остановившему его въ то время на пагубномъ пути. Тѣ, кто считаетъ подобные митинги не только бесполезными, но вредными для споконья страны, кто обзываетъ пустою болтовнею все, что говорится на нихъ, пусть вдумаются гдѣ въ вышеприведенный примѣръ, и тогда конечно потребуется особое упрямство, чтобы не понять всей важности, всей пользы, которую приносить съ собою Англіи драгоценное право народныхъ собраній, пользу для правительства, пользу для народа. А сколько еще другихъ примѣровъ можно было бы привести великаго значенія права собраній, права митинговъ въ политической жизни Англіи.

Свобода печати и свобода собраній обезпечиваютъ такимъ образомъ за каждымъ англичаниномъ право открыто высказывать свои мысли во всѣхъ вопросахъ, по всѣмъ событіямъ, обезпечиваютъ право обсуждать свои внутреннія дѣла, дѣйствія правительства, принимаемыя имъ мѣры, допускаютъ частную инициативу во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, какой бы отрасли жизни они ни касались. Высказывая свои мысли англичанинъ отвѣтственъ только передъ общественнымъ мнѣніемъ, онъ рискуетъ только, если мысли его не заслуживаютъ вниманія, прослыть въ глазахъ своихъ соотечественниковъ пустымъ человѣкомъ, но онъ никогда не рискуетъ поплатиться своею свободою, своею личностью. Онъ не рискуетъ отвѣтственностью передъ правительствомъ, онъ знаетъ, что какъ бы рѣзки ни были его нападенія на него, правительство никогда не станетъ его преслѣдовать, какъ то случается въ другихъ государствахъ западной Европы. Въ послѣдней случается сплошь и рядомъ, что правительство допускаетъ публичное собраніе, но допустивъ его и услышавъ со стороны кого-нибудь изъ участвующихъ въ немъ лицъ слишкомъ рѣзкое нападеніе, слишкомъ рѣзкое порицаніе своихъ дѣйствій, оно, нимало не стѣсняясь, прибѣгаетъ къ карательнымъ мѣрамъ противъ лица, дозволившаго себѣ порицаніе и нападеніе. Въ Англіи это невозможно; и законы, а главное, нравы, существующіе въ странѣ и проникнувшіе въ правительство, дѣлаютъ подобное преслѣдованіе немислимымъ. Законъ, охраняющій личную свободу человѣка—это великій законъ, великій актъ, извѣстный подъ именемъ *Nabeas corpus*. Счастлива та страна, въ которой могло сложиться изреченіе: «*my house is my castle*», и чтобы ни говорили систематическіе порицатели англійской жизни, англійскихъ учреждений, сколько бы они ни указывали на нарушеніе великаго закона, онъ остается все-таки тѣмъ непронизимымъ щитомъ, за которымъ каждый англичанинъ можетъ гордо держать

свою голову. Нельзя, конечно, не согласиться, что не раз правительство во время смутъ и волнений прибѣгало къ временной отмѣнѣ Habeas corpus, но каждый разъ, что оно рѣшалось въ эту мѣру, во всей странѣ поднимался таковой ропотъ, въ печати на митнигахъ высказывались такія рѣзкія порицанія правительства, что каждый разъ оно спѣшило поскорѣе отмѣнить исключительную мѣру и снова водворить этотъ палладіумъ индивидуальной свободы, который именуется Habeas corpus. И гдѣ же, въ какой части королевства правительство рѣшалось прибѣгать къ его временной отмѣнѣ? Въ Ирландіи, то-есть, въ той части государства, которая состоитъ въ «неровномъ бракѣ» съ Англіею. Исключительныя мѣры, которыя принимаются по отношенію къ Ирландіи, доказываютъ только одно, что право силы, право завоеванія одинаково во всѣхъ странахъ является самымъ непрочнымъ, самымъ шаткимъ, самымъ деморализующимъ правомъ. Если въ политической сферѣ Англіи приходится подчасъ краснѣть за себя, то это главнымъ образомъ, чтобы не сказать исключительно, благодаря этому праву силы, которымъ поддерживается связь между Англіею и Ирландіею.

Но если не слѣдуетъ быть слѣпымъ и закрывать глаза на нарушение въ смутное время Habeas corpus, то не нужно также въ силу рѣдкихъ нарушеній этого священнаго права, не признавать вовсе его великаго значенія, какъ дѣлаетъ то, напримѣръ, Ледрю-Ролленъ. Право это въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть нарушаемо, но тѣмъ не менѣе въ обыкновенное время въ девятисотъ-девяносто-девяти случаяхъ на тысячу, оно представляется однимъ изъ крѣпкихъ оплотовъ политической свободы Англіи. Что бы ни печатали, что бы ни говорили, что бы ни проповѣдывали англичанинъ, онъ можетъ спокійно спать подъ охраной закона и нравовъ Англіи. Онъ можетъ быть увѣренъ, что никто не станетъ придумывать заговоры или государственныя измѣны, какъ дѣлалось на нашихъ глазахъ въ Германіи и во Франціи, для того, чтобы имѣть возможность отвязаться отъ него, какъ отъ безпокойнаго человѣка; онъ можетъ быть увѣренъ, что его личная свобода не будетъ нарушена, и что жилище его неприступно одинаково днемъ, какъ и ночью. Его не отправятъ ни въ какую Кайенну, ни въ какую цитадель по подозрѣнію въ какомъ-нибудь небываломъ или измышленномъ преступленіи, его жилище неприступный замокъ, его домъ—крѣпость. Пусть радикальные писатели, въ родѣ Ледрю-Роллена, неистово порицающіе Англію, уважатъ другую страну, въ которой однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей было бы имя

но то, что было сказано въ Англіи лордомъ Чатамомъ: словами, стойными быть вычеканенными изъ золота: «Бѣднѣйшій человекъ, сказалъ онъ, можетъ сопротивляться въ своей хижинѣ всей власти короля. Эта хижина можетъ разрушиться отъ ветхости, крыша ея течетъ, въ нее проникаетъ вѣтеръ, буря клонитъ ее въ сторону, но королю Англіи воспрещенъ входъ въ нее. Вся государственная власть не смѣетъ переступить порога разрушившагося зданія».

Горе тому, кто переступитъ этотъ порогъ—онъ долженъ быть предстать передъ суровымъ, но справедливымъ англійскимъ судьей. Каждый англичанинъ можетъ быть увѣренъ, что онъ найдеть удовлетвореніе за свое нарушенное право, кто бы ни былъ тотъ нарушитель, начиная отъ наслѣдника престола и кончая послѣднимъ ветошникомъ. Судъ окруженъ въ Англіи глубокимъ уваженіемъ и никто не считаетъ для себя унизительнымъ предстать передъ судомъ, потому что никто не считаетъ унизительнымъ уважать законъ. Какъ бы высоко ни былъ поставленъ человекъ, онъ по требованію суда немедленно является, потому что знаетъ, что онъ предстанетъ не передъ тѣмъ или другимъ лицомъ, а передъ закономъ. Кто не помнитъ, какъ года два тому назадъ принцъ Вельскій явился свидѣтелемъ по одному дѣлу, въ которомъ самъ онъ игралъ щекотливую роль. И появленіе наслѣдника англійскаго престола на судъ въ качествѣ свидѣтеля, конечно, не только не уронило его достоинства, но скорѣе возвысило, потому что показало въ немъ человека, уважающаго законы своей страны, которой онъ долженъ быть представителемъ. Англійскій судъ не знаетъ изъятій, исключеній, потворствъ сильнымъ міра, и это, конечно, какъ нельзя болѣе возвышаетъ его значеніе. Рядомъ съ этимъ испытанная независимость англійскаго судьи заставляетъ относиться къ его рѣшенію съ полнымъ довѣреніемъ, съ безпредѣльнымъ уваженіемъ. Какое бы ни было преступленіе, простая ли кража или государственное преступленіе, англійскій судъ остается всегда одинаковъ. «Нужно читать, говорить Тэнъ, отчеты уголовныхъ процессовъ, чтобы понять до какой степени роль судьи стоитъ здѣсь высоко и съ какимъ достоинствомъ она выполняется. Здѣсь вы никогда не увидите, чтобы въ немъ проскользнулъ духъ преслѣдованія, чувство полицейскаго чиновника, желаніе отомстить обществу, инстинктъ охотника, который во-что бы то ни стало хочетъ подстрѣлить дичь». Вотъ отчего, какъ справедливо замѣчаетъ Тэнъ, когда судья произноситъ свой приговоръ, онъ произноситъ его съ авторитетомъ и съ полнымъ безпристрастіемъ, которое возможно только у глубоко убѣж-

деннаго человѣка. «Много разъ, говоритъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», мнѣ казалось, что само правосудіе, еслибы оно могло заговорить, говорило бы именно такъ. Человѣкъ исчезъ, чтобы сдѣлаться простымъ органомъ правды и права». Тѣмъ находятъ, что рядомъ съ этою прекрасною стороною англійскаго суда, съ его безпристрастіемъ, независимостью, есть и дурная, заключающаяся въ томъ, что отдѣльный человѣкъ болѣе гарантированъ въ своихъ правахъ нежели общество, и что часто въ виду только невозможности добыть положительныя доказательства виновности человѣка, многіе преступники ускользаютъ изъ рукъ правосудія. Но, спрашивается, развѣ лучше было бы, еслибы происходило наоборотъ, еслибы англійскіе суды съ преступною легкостью относились къ доказательствамъ виновности человѣка и осуждали бы его, не имѣя полной увѣренности въ его виновности?

Въ Англии приговоры суда, рѣшенія присяжныхъ подвергаются сплошь и рядомъ самой ѣдкой критикѣ общественнаго мнѣнія. Оно нисколько не стѣсняется въ этой критикѣ, часто оно находитъ рѣшеніе неправильнымъ, нападаетъ на него, но никогда не случается, чтобы общественное мнѣніе въ Англии бросало бы въ судей или присяжныхъ грязными подозрѣніями или обвиненіями въ потворствѣ, продажности и т. п. Англійское общество слишкомъ уважаетъ себя, оно слишкомъ увѣрено въ своей честности, чтобы кто-нибудь осмѣлился сказать: это дѣло рѣшено такъ, потому, что судьи или присяжные были запрошены или, еще хуже, подкуплены. Судъ и судебныя рѣшенія не изъяты изъ критики общества, но эта критика всегда направляется на дѣло, а не на лица. Въ силу этого и въ дѣлахъ судебныхъ, какъ и во всемъ остальномъ, свобода выраженія общественнаго мнѣнія служитъ къ пользѣ, а не во вреду цѣлой страны.

Такимъ образомъ, свобода печати, право собраній, Habeas corpus и независимый судъ составляютъ тѣ незыблемыя основы политической жизни Англии, о которыхъ всякая попытка къ насилию, всякое покушеніе на произволъ должны были бы неминуемо разбиваться. Онѣ встрѣтили бы себѣ сильный отпоръ въ серьезномъ, строгомъ, могущественномъ, подчасъ до деспотизма, общественномъ мнѣніи, которое раздавило бы ихъ силою одного своего прикосновенія. Никакое нарушеніе права, никакое злоупотребленіе, откуда бы оно ни вышло, не можетъ укрыться отъ общественнаго мнѣнія, которое караетъ сурово, неумолимо, которое никогда не прощаетъ и клеймитъ вѣчнымъ позоромъ всякаго, кто оказывается виновнымъ въ нечестномъ служеніи обществу. Въ другихъ обществахъ люди сплошь и рядомъ возвышаются нязостью, и часто,

тѣмъ безнравственнѣе человѣкъ, тѣмъ больше низости обнаруживается онъ, тѣмъ дальше идетъ онъ, тѣмъ выше повышается въ общественной дѣятельности. Въ Англіи это немыслимо. Англійская свобода, какъ замѣчаетъ Монталамберъ обладаетъ неисчерпаемымъ кладомъ: это характеромъ своихъ политическихъ дѣятелей. «У нихъ могутъ быть предрасудки, увлеченія, безчисленныя слабости. Ихъ можно упрекать въ узкихъ и исключительныхъ возрѣніяхъ, въ неудержимомъ національномъ эгоизмѣ, въ слѣпой гордости и часто смѣшной непослѣдовательности,—все это можетъ быть! Но то, чего вы никогда не встрѣтите въ Англіи, это цинизма политическаго отступничества, гнуснаго обожанія силы и успѣха, нравственнаго пониженія, которое такъ часто, съ горечью прибавляетъ Монталамберъ, встрѣчается въ нашей исторіи». Общественное мнѣніе никогда не прощаетъ низость, человѣкъ не можетъ возвыситься благодаря своей подлости, человѣкъ не можетъ построить своего благополучія, своей силы, своего вліянія на общественномъ неблагополучіи. Въ Англіи немыслимо, выражаясь словами Монталамбера, чтобы человѣкъ могъ стать во главѣ правленія, «принося въ жертву своему самолюбію честь и нравственное начало».

Политическая жизнь Англіи, безъ сомнѣнія, не достигла еще своего апогея, много еще подлежитъ развитію, усовершенствованію, но и теперь уже она стоитъ на такой высотѣ, она обладаетъ такою силою и окружена такими гарантіями, что на дальнѣйшее ея развитіе можно смотрѣть спокойно, не опасаясь увидѣть въ будущемъ тѣхъ страшныхъ и грозныхъ потрясеній, изъ которыхъ никогда нельзя сказать впередъ, выйдетъ ли народъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ, властелиномъ или рабомъ. Политическая жизнь Англіи можетъ и должна служить образцомъ для всѣхъ народовъ континентальной Европы, переживающихъ въ настоящее время тяжелый болѣзненный кризисъ, испытывающихъ постоянное волненіе, бросающихся отъ одной формы правленія къ другой, отъ одного строя политической жизни къ другому и постоянно попадающимъ изъ огня въ полымя. Англія же, такъ недавно аристократическая, мѣрными, но вовсе не медленными шагами, по сознанію даже противниковъ аристократіи, приближается къ тому строю понятій, нравовъ, всей жизни, который зовется демократіею, т. е. къ тому строю, котораго такъ тщетно добиваются народы континентальной Европы.

Свободная политическая жизнь Англіи важна не только потому, что она предохраняетъ народъ отъ свирѣпыхъ бурь и грозныхъ политическихъ урагановъ, не только потому, что она обез-

печиваетъ за народомъ хорошее управленіе и пользованіе самыми драгоценными правами; она важна по тому благотворному вліянію, которое она оказываетъ на всѣ другія сферы народной жизни. Мы уже видѣли много уродливаго въ англійскомъ обществѣ; если эти уродливости не такъ чувствительны, если онѣ не такъ резко бросаются въ глаза, то только и исключительно благодаря тому простору для противодѣйствія имъ, какой находятъ англичане въ гарантіяхъ своей политической жизни. Но о самой страшной уродливости англійскаго общества мы еще не упомянули ни однимъ словомъ. Она заключается въ экономическихъ отношеніяхъ различныхъ слоевъ англійскаго народа, въ томъ экономическомъ порядкѣ, на спокойное измѣненіе котораго направлены теперь всѣ лучшія силы Англій. Въ этомъ отношеніи политическая свобода оказывала и продолжаетъ оказывать самое благотворное вліяніе. Безъ нея болѣзнь, заключающаяся въ экономическихъ отношеніяхъ, была бы загнана внутрь, и тогда кто можетъ сказать, какимъ бы экономическимъ бѣдствіемъ не подверглась англійская нація? Теперь же, благодаря политической свободѣ, эта болѣзнь не сосредоточивается сама въ себѣ, она выходитъ наружу и въ дневномъ свѣтѣ ищетъ для себя выхода. Наружныя же болѣзни излечиваются всегда гораздо легче, чѣмъ внутреннія. Къ несчастью только одна Англія дошла до этой простой истины. Государства же западной Европы продолжаютъ думать, что если болѣзнь загнана внутрь, то организмъ спасенъ. Фатальное заблужденіе, за которое западныя государства континентальной Европы могутъ заплатить дорогою цѣною. Англія смотритъ иначе. Она безъ ложнаго стыда и безъ страха объявляетъ о своей болѣзни, сознавая, что скрывать ее было бы не только бесполезно, но и крайне вредно. Посмотримъ же, какъ смотритъ на эту болѣзнь авторъ «Notes sur l'Angleterre».

IX.

Нѣтъ вопроса болѣе щекотливаго, нѣтъ вопроса, который возбуждалъ бы болѣе горячіе споры, поднималъ бы больше ненависти и вражды, чѣмъ этотъ злосчастный вопросъ объ экономическихъ отношеніяхъ народа. Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, что возникли различныя рабочіе союзы, съ тѣхъ поръ, что французское правительство, а за нимъ и вся Европа объявили виновными союзы виновниками междуусобной войны, виновниками всѣхъ бѣдствій, вопросъ этотъ сдѣлался особенно щекотливымъ.

причина, которая могла бы заставить пройти полнымъ молчаніемъ все, что касается экономической стороны жизни англійскаго народа. Къ тому же вопросъ этотъ не таковаго свойства, чтобы о немъ можно было говорить, между прочимъ, на нѣсколькихъ страничкахъ — тѣмъ мрачнѣе какая-нибудь сторона жизни, тѣмъ больше свѣта должно быть пролито на нее. Но не скажи ни слова объ экономическихъ отношеніяхъ англичанъ, знаешь бы оставить слишкомъ большой пробѣлъ въ очеркѣ жизни англійскаго народа, какъ ни сжать, какъ ни скромнѣе этотъ чертъ. Не проходя поэтому вполнѣ безмолвно мимо этого вопроса, я замкнулъ, тѣмъ не менѣе, въ тѣ рамки, въ которыя вставилъ его Тэнъ, и ограничился исключительно передачей его наведеній, его воззрѣній и впечатлѣній. Тэнъ не даетъ, конечно, подробнаго анализа экономическихъ отношеній Англій, несправедливо было бы и требовать этого отъ книги, посвященной изображенію общей картины страны. Онъ не высказываетъ оригинальнаго взгляда на эти отношенія, онъ не выставляетъ своего воззрѣнія на жгучій вопросъ—онъ спокойно и безстрастно слѣдуетъ своей системѣ: записываетъ все, что видитъ, все, что попадаетъ ему на глаза, и этого довольно, чтобы составить себѣ общее понятіе объ экономическихъ отношеніяхъ англійскаго народа.

Первое впечатлѣніе Тэна, это—что нигдѣ богатые классы такъ рѣзко не отдѣлены отъ бѣдныхъ, какъ въ Англій. Съ одной стороны, ему бросается въ глаза страшное богатство, съ другой—поражающая нищета. Переходъ отъ блестящихъ улицъ въ скраданнымъ ямамъ слишкомъ рѣзокъ,—мало посредствующихъ звеньевъ. Бѣдность презирается, бѣдность позоритъ, отъ нея сторонятся, какъ отъ чумы. На человѣка, выросшаго на идеѣ равенства, должно производить непріятное впечатлѣніе объявленіе, вывѣшенное при входѣ въ одинъ изъ лондонскихъ парковъ: «Сторожа обязаны запрещать входъ въ паркъ всѣмъ нищимъ, всѣмъ, одѣтымъ въ лохмотья или въ грязныя платья, всѣмъ, которые по внѣшности не имѣютъ приличнаго вида». Какъ ни равнодушенъ Тэнъ къ счастью или несчастью своихъ ближнихъ, но такое объявленіе его задѣваетъ все-таки непріятно, и онъ прибавляетъ: «съ каждымъ шагомъ чувствуешь себя болѣе удаленнымъ отъ Франціи». Онъ проникаетъ въ нищіе кварталы Лондона, и первая мысль, которая приходитъ ему въ голову, это та, что до сихъ поръ онъ никогда еще не видѣлъ таковой нищеты. Она принадлежитъ Англій, Лондону, Манчестеру, другимъ англійскимъ городамъ, но ее не встрѣтишь ни въ Парижѣ, ни въ Марселѣ, ни въ другихъ городахъ Европы. Онъ пораженъ тѣми конурами, въ

которыхъ живутъ семьи, тѣмъ мракомъ, тою грязью, которою окружено человѣческое существо; онъ заноситъ въ свою тетрадь описаніе блѣдныхъ, изнуренныхъ лицъ, голыхъ тѣлъ, вовсе прикрытыхъ тѣми тряпками, которыя висятъ на нихъ, люди точно одичалыхъ, по виду своему приближающихся скорѣе къ животному, чѣмъ къ человѣку. Тэнъ весьма яркими красками описываетъ на первыхъ страницахъ своей книги мрачныя лица и мрачныя фигуры, порожденныя англійскою нищетою; описанія эти должны поражать нѣмца, француза, голландца и т. д., но врядъ ли они могутъ поразить русскаго, пожалуй, даже и тербуржца, но только побывавшаго по близости, ну хоть въ Псковской губерніи, и видѣвшаго, какъ живутъ въ деревняхъ бѣдшіе помѣщичьи крестьяне. И жилища, и видъ этихъ людей, конечно, немногимъ разнятся отъ того, что описываетъ Тэнъ. Но Тэнъ не останавливается на первомъ впечатлѣніи. Онъ отправляется во внутрь страны, въ села, деревни, города, и такимъ образомъ ближе знакомится, какъ съ положеніемъ сельскаго, такъ и съ положеніемъ рабочаго населенія Англій.

Тэнъ посѣщаетъ не одну англійскую деревню, не одно жилище земледѣльца, онъ видитъ, какъ большая семья тѣснится въ двухъ маленькихъ мрачныхъ комнатахъ, въ которыхъ сушится бѣлье, дымитъ каминъ; разговариваетъ съ женщинами, съ матерью семейства и свидѣтельствуетъ, что люди здѣсь имѣютъ самый печальный, унылый, болѣзненный видъ. Мрачными красками рисуетъ онъ эту жизнь, и ему кажется, что хуже этихъ избъ съ дымящимися каминами ужъ и быть ничего не можетъ. Очевидно, что Тэнъ избалованъ довольствомъ, которое онъ встрѣчалъ среди французскихъ земледѣльцевъ, иначе жизнь англійскаго земледѣльца ему не показалась бы такъ мрачна. Русскій читатель порой пожалуй и улыбнется, читая Тэна и его описанія, припоминая другія жилища, гдѣ цѣлая крестьянская семья, человѣкъ восемь, десять, живетъ въ одной конурѣ безъ оконъ, безъ трубы, въ конурѣ, рядомъ съ людьми, вмѣщающей въ себѣ и животныхъ. Тэнъ заноситъ въ свою книгу, что въ Англій есть семьи, которыя ѣдятъ говядину всего разъ въ недѣлю; но чтобы онъ сказалъ, если бы зналъ, что миллионы людей, тоже въ европейскомъ государствѣ, ѣдятъ говядину разъ въ годъ, а случается, что и ни разу. Впрочемъ, Тэнъ сравниваетъ Англійю только съ Франціей, а до остальныхъ странъ ему нѣтъ дѣла. Насмотрѣвшись на деревенскую жизнь, онъ приходитъ къ заключенію, что положеніе земледѣльческихъ классовъ несравненно лучше во Франціи, нежели въ Англій. «Я думаю, что и въ

право сказать, говорить Тэнъ, что у нашихъ четырехъ милліоновъ крестьянъ-собственниковъ довольство, особенно въ послѣдніа двадцать лѣтъ, постоянно увеличивается; порокъ нашего строя, прибавляетъ онъ, проявляется другими болѣзненными явленіями, со стороны политики, непрочностью правительства и недостаткомъ неприкосновенныхъ вольностей». Въ противность Франціи, гдѣ благосостояніе увеличивается, въ Англіи оно уменьшается, и бѣдныя, выражаясь словами Тэна, становятся еще бѣднѣе. Онъ приводитъ въ примѣръ и доказательство своихъ словъ чисто земледѣльческіе округи, гдѣ заработная плата не идетъ выше семи-восьми шиллинговъ въ недѣлю, гдѣ крестьянинъ не можетъ содержать свою семью и вынужденъ посылать на работу свою жену и дѣтей. Къ земледѣлію, основанному на началахъ большой культуры, примѣняется «порядокъ, однообразіе и всѣ дурныя стороны мануфактурнаго производства». Дѣти преждевременно хилѣютъ, не получаютъ никакого образованія, которое замѣняется съ избыткомъ развратомъ. Наблюденія Тэна приводятъ его къ заключенію, что классъ земледѣльцевъ-батраковъ самый несчастный и вмѣстѣ самый грубый въ Англіи. То замѣчаніе, которое такъ справедливо во Франціи, можно сдѣлать и по отношенію къ англійскому сельскому населенію: между городскимъ рабочимъ населеніемъ и сельскимъ во всемъ, что касается нравственнаго развитія, не можетъ быть даже и сравненія, настолько городское населеніе выше сельскаго.

Тэнъ, констатируя бѣдственное положеніе земледѣльческаго населенія въ Англіи, не задается какъ бы нестоющимъ вниманія вопросомъ, чтб же дѣлается въ странѣ, какія мѣры предпринимаются, или готовятся предпринять, чтобы вырвать страну изъ того положенія, при которомъ «бѣдныя становятся все бѣднѣе». Если такой фактъ существуетъ, значить, онъ и долженъ существовать, радикальныя мѣры ни къ чему не ведутъ. «Каждое государство имѣетъ свои наследственныя болѣзни; можно только водтвердить, что рана дѣйствительно существуетъ, указать, что она зависитъ отъ всего организма, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прилѣпить временныя палліативы; большія хирургическія операціи, которыя иными рекомендуются, ведутъ развѣ къ тому, что больного дѣлаютъ еще болѣе больнымъ». Въ этихъ послѣднихъ словахъ сказывается все социальное міросозерцаніе Тэна. Очевидно, если Англія желаетъ быть счастлива, она должна внять совету этого чистѣйшаго индифферента и живо проститься съ тѣми замѣчательными философами, съ тѣми замѣчательными государственными людьми, которые, соглашаясь съ положеніемъ

Тэна, что «бѣдные становятся все бѣднѣе», не соглашаются съ его выводомъ и напереворъ ему полагаютъ, что общество подъ опасеніемъ смертнаго себѣ приговора обязано положить предѣлъ старому экономическому порядку вещей, и требуютъ на первый разъ ни болѣе, ни менѣе какъ измѣненія существующей системы земельной собственности. Слова, что «бѣдные становятся все бѣднѣе», а богатые богатѣютъ, не сорвались Тэна случайно; нѣтъ, онъ нѣсколько разъ возвращается къ этому положенію, и говоря о богатомъ классѣ землевладѣльцевъ, строящихъ свои роскошныя замки среди поразительной нищеты, что способствуетъ впрочемъ къ тому, что роскошь аристократическихъ замковъ становится еще болѣе рельефна, онъ замѣчаетъ что два съ половиною миллиарда годового сбереженія Англіи идутъ на увеличеніе богатыхъ классовъ, слѣдую въ этомъ случаѣ поговоркѣ: «деньга къ деньгѣ льнетъ». Эти два съ половиною миллиарда «служатъ менѣе для облегченія бѣдныхъ, чѣмъ для увеличенія богатства богатыхъ». Вотъ оттого-то почти ни одинъ работникъ-земледѣлецъ не можетъ существовать на свой заработокъ и волей-неволей долженъ прибѣгать къ подаваніямъ, къ милостынѣ. Съ этимъ мнѣніемъ вполне соглашается Тэнъ, когда онъ говоритъ: «въ концѣ концовъ, сельскіе рабочіе живутъ частью милостынею, и столь тяжелыя roof-gates, столь щедрая частная благотворительность, едва достаточны, чтобы поддерживать ихъ существованіе».

Придя къ такому печальному заключенію, Тэнъ съ любовью останавливается на идилліи, заключающейся въ томъ «отеческомъ» попеченіи и покровительствѣ, которое богатые оказываютъ бѣднымъ. Другого средства для выхода изъ того экономическаго порядка, который дѣлаетъ невозможнымъ существованіе человѣка своимъ трудомъ, онъ не знаетъ и знать не хочетъ, и всякія другія попытки, разумныя или неразумныя, цѣлесообразныя или нѣтъ, онъ называетъ опасными «хирургическими операціями», способными только ухудшить положеніе вещей. Итакъ, исходъ изъ бѣдственнаго экономическаго порядка вещей онъ видитъ только въ патронатѣ, но за то объ этомъ патронатѣ онъ говоритъ съ удивительною нѣжностію. Въ самомъ дѣлѣ, кака прелестная идиллія: съ одной стороны, грубые, невѣжественные, пропивающіе вслѣдствіе своей нищеты послѣдній пенсъ, крестьяне, съ другой, благородные лорды и чувствительныя леди, небрезгающіе заходить въ жалкія лачуги, приласаться своими нѣжными руками до грязной нищеты и даже болѣе, удѣляющіе этимъ грубымъ людямъ, превратившимся въ полуживотныхъ, крохи съ своего

стола. Онъ съ большою похвалою отзывается объ англійскомъ землевладѣльческомъ классѣ, который, нужно отдать ему справедливость, довольно хорошо сознаетъ, лучше во всякомъ случаѣ, нежели самъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», опасность своего положенія. Ему врѣзалось зловѣщее пророчество, пронзительно раздавшееся по всей странѣ: «берегитесь! нищета стѣсть собственность», и помня эти слова, землевладѣльческой классъ, постоянно богатѣющій въ то время, когда бѣдные постоянно бѣднѣютъ, старается сохранить за собою выгодную позицію, хотя бы сохраненіе ея требовало и серьезныхъ жертвъ. Богатый людъ Англій жертвуетъ большія суммы на пособія, устраиваетъ приюты, больницы, рабочіе дома, надѣясь такимъ путемъ зажать ротъ нищему населенію, пугающему его не своими грозными требованіями, но своимъ придавленнымъ, забытымъ видомъ. Нужно сказать, что суммы, которыя должны давать богатые въ пользу бѣдныхъ весьма значительны, и если взглянуть только на тѣ крупныя цифры, которыя представляютъ собою таксу для бѣдныхъ, то можно подумать, что въ Англій бѣднымъ настоящее житье. Цифры эти такъ любопытны, что читатель не посѣтуетъ за маленькую выдержку изъ нихъ. Такъ въ 1860-мъ г., такса доходила до 8,033,000 фунт. стерл., изъ которыхъ 5,454,000 употреблены были на прямую помощь; въ 1861-мъ она поднялась, но незначительно, всего на 220,000 фунт.; въ 1867-мъ г. мы видимъ, что эта цифра выросла уже до 10,692,000 фунт. стерл., а въ 1870-мъ г. она достигла до почтенной суммы 12,044,000 фунт.

Сумма эта, конечно, велика и представляется для богатыхъ классовъ весьма серьезнымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, налогомъ, который они должны платить, но который вовсе не обуславливается ихъ великодушіемъ, какъ повидимому полагаетъ Тэнъ. Все, что дѣлается въ пользу неимущихъ и нищенствующихъ классовъ, онъ объясняетъ щедростью, внимательностью, добрымъ сердцемъ англійскихъ землевладѣльцевъ; онъ видитъ въ этихъ отношеніяхъ двухъ противоположныхъ общественныхъ слоевъ, что-то напоминающее доброе старое феодальное время. «Все это, говоритъ онъ, остатокъ добраго, хорошаго феодальнаго духа. Сюзерень заботился о нуждахъ своего вассала, а вассаль гордился своимъ сюзереномъ». И для того, чтобы подтвердить свое сравненіе, Тэнъ продолжаетъ разсуждать такимъ образомъ: «Этотъ духъ тѣмъ болѣе могущественъ, что народонаселеніе распредѣлено здѣсь въ феодальный манеръ. Вездѣ, среди коттеджей, разбросаны единъ или нѣсколько загородныхъ современныхъ домовъ, country seats, напоминающихъ старинныя замки, хозяинъ котораго, только

въ новой формѣ, играетъ роль стараго барона. Въ каждомъ приходѣ, даже самомъ отдаленномъ, встрѣчаешь два, три, пять, шесть семействъ, которыя владѣютъ здѣсь наслѣдственными имѣніями, здѣсь ихъ любимое мѣстопробываніе, ихъ покровительство принято и весьма существенно; это древнее патронатство вооруженнаго сюзерена, перенесенное съ физической стороны на сторону нравственную, приложенное въ мирнымъ дѣламъ, а не воинственнымъ, патронатство, существующее въ силу высшаго развитія, а не шпаги, принадлежащее превосходству образованія, но уже не превосходству оружія. Вопросъ уже не въ томъ, чтобы вести людей на битву противъ непріятеля, но чтобы уменьшить невѣжество, нищету и порокъ; для одного какъ и для другого необходимы мѣстные шефы, руководители испытанные, принятые, способные, и такими шефами являются джентльмены-собственники прихода и округа». Читая эти строки, невольно вспоминаешь прелестные поэтическіе средневѣковые романы шотландскаго барда сэра Вальтеръ-Скота! Въ самомъ дѣлѣ, какая милая идиллія: добрый сюзерень, добрые вассалы, жизнь течетъ мирно, спокойно! Какъ не вспомнить доброе старое время. Итакъ, это рѣшенный вопросъ — классъ англійскихъ собственниковъ господствуетъ въ Англійи вовсе не въ силу своихъ колоссальныхъ богатствъ, съ одной стороны, и колоссальной бѣдности рабочаго населенія съ другой, вовсе не въ силу устарѣлой системы экономическихъ отношеній и печальной организаціи земельной собственности, дѣлающей ее данницей нѣсколькихъ тысячъ семей, а только, и исключительно, въ силу своего нравственнаго превосходства. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждаетъ Тэнъ. Если бы кто сталъ за подобныя разсужденія слишкомъ уже нападать на Тэна, то мы должны сказать въ его защиту одно: Тэнъ, будучи философомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ — художникъ, поэтъ. Какъ поэтъ, онъ часто создаетъ въ своемъ воображеніи извѣстную картину и такъ сживается съ ней, что фантазія становится для него дѣйствительностью. Во многомъ, что относится къ его описанію сельскаго населенія и отношенія его къ классу собственниковъ, Тэнъ по преимуществу поэтъ, а поэтамъ прощается многое, что не прощается публицистамъ.

Но какъ бы то ни было, подводя итогъ его наблюденіямъ надъ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія, и отбрасывая какъ излишній балластъ его сантиментальныя, средневѣковыя разсужденія о прелести патронатства, нужно сказать, что общее его впечатлѣніе справедливо: сельское населеніе находится въ крайне бѣдственномъ положеніи, громадное болѣ-

ство не можетъ существовать своимъ трудомъ и должно кормиться милостынею; съ каждымъ годомъ «бѣдные бѣднѣютъ», а то самое время какъ «богатые богатѣютъ»; ежегодное колоссальное сбереженіе Англій идетъ въ пользу послѣднихъ и въ ущербъ первыхъ; наконецъ, налогъ въ пользу бѣдныхъ растетъ по днямъ, а по часамъ, и растетъ крайне непроизводительно, лишняя богатые классы и не принося существенной, дѣйствительной пользы бѣднымъ. Исходъ изъ такого положенія, конечно, заключается въ средствахъ, предлагаемыхъ сторонниками Мальтусовой теоріи. Сколько ни проповѣдуйте нищимъ, чтобы имѣли меньше дѣтей, число ртовъ, требующихъ хлѣба, не уменьшится. Положеніе, однимъ словомъ, сельскаго населенія, сколько оно обрисовывается словами самого Тэна, таково, что пожалуй можно опасаться, что любезное ему патронатство окажется въ одинъ прекрасный день ни къ чему негоднымъ, и чего ради, если бы только передовые люди Англій не старались какъ дѣйствительно отвратить зло, понадобилось бы прибѣгнуть къ какой-нибудь «хирургической операціи», какъ выражается авторъ «Notes sur l'Angleterre».

Отъ сельскаго населенія обратимся теперь къ городскому рабочему классу и посмотримъ, какого рода впечатлѣнія вынесъ Тэнъ изъ своего, правда, поверхностнаго знакомства съ жизнію рабочаго люда въ большихъ городахъ.

Тэнъ осматриваетъ фабрики Лондона, онъ отправляется въ Манчестеръ, Ливерпуль, и вездѣ онъ пораженъ прежде всего однимъ — это необыкновеннымъ величіемъ, грандіозностью промышленной жизни, сказывающейся въ громадныхъ фабрикахъ, дворцахъ богатыхъ промышленниковъ, которыхъ жизнь онъ сравниваетъ съ жизнію владѣтельныхъ особъ. Тэнъ не спрашиваетъ какую цѣну, какую платою приобрѣтается вся эта роскошь, все это вѣщнее величіе, поражающее глазъ, какимъ тернистымъ путемъ этотъ народъ дошелъ до того, что его прозвали народомъ-королемъ промышленности, но онъ, рядомъ съ описаніями жизни «владѣтельныхъ особъ» промышленнаго міра, передаетъ свои впечатлѣнія, свои наблюденія надъ тѣми, трудомъ которыхъ создается это богатство, это промышленное величіе, эта кровью купленная роскошь. Жизнь этого народа короля-промышленности весьма мало имѣетъ сходства съ королевскою жизнію. Сопоставимъ же эти двѣ картины у Тэна, картину жизни могущественныхъ царьковъ промышленности и другую — жизни рабочаго фабричнаго населенія: Дѣлать выводы излишне. Сопоставленіе говоритъ само за себя: «Жизнь этихъ шэфовъ коммерческихъ или промышлен-

ныхъ домовъ можетъ быть сравнена съ жизнію маленькаго владѣтельнаго князя. У нихъ большой капиталъ, большіе замыслы, отвѣтственность, опасности, важность, и, какъ говорятъ, гордость potentата. Какъ potentаты, они имѣютъ своихъ делегатовъ, своихъ представителей въ четырехъ частяхъ свѣта; они должны знать изо-дня въ день состояніе и источники богатства своихъ и отдаленныхъ странъ; въ громадныхъ предпріятіяхъ они рискуютъ своими приобрѣтеніями, они должны управлять и удовлетворять цѣлую массу работниковъ; они могутъ быть благодѣтелями для тысячи людей, они начальники и управители «человѣческаго труда». Но довольно. Изъ-за приведенныхъ нѣсколькихъ строкъ уже рисуется жизнь этихъ «благодѣтелей» въ огромномъ большинствѣ случаевъ, своихъ собственныхъ персонъ. Затѣмъ перемена декорацій, и вотъ сцена изъ будничной жизни тѣхъ, кому «могутъ благодѣтельствовать, современные potentаты». — «Какое зрѣлище! восклицаетъ Тэнъ. Неподалеку отъ Leeds-street есть пятнадцать или двадцать улицъ съ протянутыми веревками, на которыхъ сушатся лохмотья и тряпки. На каждой лѣстницѣ копошатся кучи дѣтей, размѣстившихся по пяти или шести на ступенькахъ; старшій держитъ на рукахъ младшаго; блѣдныя лица, бѣлесоватые встрепанные волосы, дырявое рубище, ни чулокъ, ни башмаковъ, всѣ отвратительно грязны; лицо и всѣ члены покрылись кажется слоями пыли и сажки. Можетъ быть, двѣсти дѣтей валяются и дерутся на одной улицѣ». Тэнъ идетъ дальше, онъ углубляется въ царство мрака и тьмы, онъ спускается въ адъ, и видитъ страшныя лица, полунагія тѣла матерей и слышитъ всюду запахъ гнили, зараженія. Точно тѣни выползаютъ изъ различныхъ подваловъ людскія фигуры, съ тупоумными лицами, съ дрожащими руками и неповинующимися имъ ногами; эти лица поражаютъ своею тупою, бессмысленною улыбкою, своимъ мрачнымъ и дикимъ взглядомъ. Да полно, люди ли это? вотъ вопросъ, который невольно вызываетъ ихъ внѣшній видъ. На этихъ получеловѣческихъ фигурахъ «едва держатся лохмотья, мѣстами непрерывающія даже ихъ грязнаго тѣла». Какъ ни равнодушно смотритъ Тэнъ на челоуѣческія страданія, признавая эти страданія необходимою, быть можетъ и печальною, но и у него наконецъ вырывается упрекъ при видѣ тѣхъ картинъ, которыя онъ встрѣчаетъ на улицахъ Ливерпуля, Манчестера и другихъ городовъ. «Отвратительная подробность, говоритъ онъ: эти улицы правильны и кажется вновь отстроены, по всей вѣроятности это новый кварталъ, снабженный свѣжимъ воздухомъ, благодаря благодѣтельной

администраціи; вотъ все, что могли сдѣлать лучшаго для бѣдныхъ. Однообразный рядъ домовъ и тротуаровъ, математическими линиями окружающій эту кучу, дышащую человѣческими уродливостями и бѣдствіями. Воздухъ тяжелый и пасмурный, свѣтъ блѣдный, тусклый; ни одной формы, ни одного цвѣта, на которомъ глазъ могъ бы остановиться съ удовольствіемъ; бѣдныя Рембрандта, прибавляетъ авторъ-художникъ, были болѣе счастливы въ ихъ живописныхъ трущобахъ. И я еще не видѣлъ, воссмищаетъ онъ, квартала ирландцевъ! Они стекаются сюда; говорятъ, что здѣсь ихъ сто тысячъ; ихъ кварталъ послѣдній кругъ ада».

Я привожу эти описанія не потому, чтобы въ нихъ заключалось что-либо новое, далеко нѣтъ; все это давно извѣстно изъ описаній другихъ авторовъ несравненно болѣе знаемыхъ съ жизнью рабочаго класса, гораздо теплѣе относившихся къ этой жизни; подобныя описанія встрѣчаются и у Эскирога, и у Луи Блана и въ особенности у Ледрю-Роллена, который, нужно отдать ему справедливость, во всемъ, что касается до изображенія экономической стороны жизни, обнаруживаетъ замѣчательное мастерство. Конечно, если бы намъ нужно было отыскать картины вопіющей нищеты, потрясающихъ бѣдствій рабочихъ классовъ, если бы намъ нужно было растрогать читателя картиною, гдѣ сама голодная смерть казалась бы счастливымъ избавленіемъ отъ жизни; то подобныя картины, подобныя описанія, мы въ изобиліи бы нашли у автора «*De la décadence de l'Angleterre*»; но оставимъ эти картины,—не мѣсто имъ въ настоящей статьѣ. Если мы привели образчики подобныхъ описаній, набросанныхъ талантливою рукою Тэна, то только для того, чтобы показать, какое впечатлѣніе производитъ жизнь англійскихъ рабочихъ на человѣка, менѣе всего способнаго разчувствоваться и настраивать себя на мрачный ладъ.

Тэнъ гораздо болѣе въ своей сферѣ, когда, уподобляясь естественнотыпателью, начинаетъ къ этой жизни рабочихъ прилагать свой позитивный методъ. Среди рабочихъ онъ открываетъ два главные типа, около которыхъ группируются уже всѣ другіе отбѣны этихъ основныхъ типовъ. Первый изъ этихъ типовъ—это чловѣкъ атлетическаго сложенія, здоровый, рослый, съ поразительно развитыми мускулами. «Эти широкія спины, эти выгнутыя груди, эти массивныя плечи, говоритъ Тэнъ, великолѣпны въ видѣ». Онъ восторгается гигантскимъ ростомъ, колоссальнымъ сложеніемъ, весьма внушительною силою этого типа, какъ восторгается здоровымъ, мясистымъ тѣломъ на картинахъ Рубенса.

Второй типъ — типъ флегматика. Онъ попадаетъ чаще всего, «почти всѣ фигуры подходятъ подъ этотъ типъ». Отличительныя свойства этого типа: «блѣдный цвѣтъ лица, тусклый глазъ, взглядъ холодный, неподвижный, движенія ровныя, правильныя, мѣрныя, они тратятъ minimum напряженія. Вотъ почему, прибавляетъ Тэнъ, они отличные работники, «ничего нѣтъ лучше машины, чтобы управлять машинами.» Люди принадлежащіе въ этому типу работаютъ ровно, аккуратно, въ первый часъ какъ и въ послѣдній, работа ихъ никогда ни хуже, ни лучше, всегда одинакова. Сравнивая французскаго работника съ англійскимъ, Тэнъ отдаетъ послѣднему преимущество во всемъ, что касается силы, настойчивости, прилежанія; но тамъ гдѣ требуется вкусъ, чувство изящнаго, тамъ англичанинъ никуда не годится. Да и откуда развиваться въ англійскомъ работникѣ чувству изящнаго. Жизнь его ужъ слишкомъ неизящна. Бюджетъ рабочаго класса самый неправильный; никогда не сходятся концы съ концами. Весьма немногіе, особенно искусные работники получаютъ такую заработную плату, которая позволяетъ имъ не только существовать, но дѣлать еще небольшія сбереженія на черный день; другіе кое-какъ натягиваютъ свой заработокъ до того, что при благоприятныхъ условіяхъ могутъ прожить своимъ трудомъ, если только не приключится болѣзни, застоя въ работѣ, или чего подобнаго. Наконецъ, всѣ остальные бѣдствуютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, испытываютъ холодъ, голодъ, и единственное утѣшеніе находятъ въ джинѣ, который съ теченіемъ времени окончательно подрываетъ ихъ силы.

Тэнъ насчитываетъ пять причинъ бѣдствій рабочаго класса: первая причина, по мнѣнію автора «Notes sur l'Angleterre», заключается въ дурномъ англійскомъ климатѣ, который требуетъ потребленія большого количества угля, свѣту, горячихъ спиртныхъ напитковъ, мяса и частой перемѣны одежды, бѣлья и тому подобнаго. Наконецъ, что увеличиваетъ затраты—это то, что работники вообще, какъ выражается Тэнъ, мотыга, а англійскій работникъ въ особенности. Вторая причина—это конкуренція, доведенная здѣсь до послѣднихъ размѣровъ и заставляющая человека работать до истощенія своихъ силъ. Экономическій порядокъ таковъ, что онъ принуждаетъ рабочій классъ существовать при большой затратѣ силъ и труда изо дня въ день, и довольно малѣйшаго несчастія, болѣзни, временной невозможности работать, чтобы человекъ упалъ весьма низко, а упасть въ Англіи это значитъ попасть въ настоящій адъ. Третья при-

нива заключается въ большомъ числѣ дѣтей у англійскаго рабочаго класса. Отсюда чрезмѣрныя затраты, сырость, холодъ, недостатокъ въ одеждѣ, пищѣ, однимъ словомъ, крайняя нужда, среди которой гибнетъ большинство дѣтей. Четвертая причина,— это застой въ работахъ, которые неизбежно случаются въ сферѣ промышленности, сегодня вслѣдствіе того, что сбытъ прекратился, благодаря тому, что другая нація опередила въ производствѣ извѣстныхъ предметовъ, завтра вслѣдствіе войны, голода; наконецъ, въ послѣднее время весьма часто вслѣдствіе стачекъ рабочихъ, которыя «сотни тысячъ рабочихъ выбрасываютъ на улицу безъ работы и хлѣба». Наконецъ, пятая причина заключается въ пьянствѣ, которое изъ всѣхъ золъ и бѣдъ стивъ представляется самымъ тяжкимъ. «Климать, говоритъ Тэнъ,alkaаетъ къ нему, потому что нужно же согрѣться, придать себѣ духу, развеселиться, забыть на минуту эту натянутую и печальную жизнь. Я читалъ, прибавляетъ онъ, ежегодные отчеты одного пастора какому-то благотворительному обществу: въ этомъ отношеніи они просто трагичны».

Тэнъ, непривычный къ картинамъ пьянства, рѣдко встрѣчавшій во Франціи на улицахъ пьяныхъ, заноситъ въ свою книгу какъ необыкновенное явленіе, что на улицѣ среди бѣлаго дня онъ видѣлъ трехъ пьяныхъ женщинъ. При этомъ впрочемъ онъ прибавляетъ, что среди женщинъ, получившихъ хорошее образованіе, этотъ порокъ, по крайней мѣрѣ какъ онъ полагаетъ, встрѣчается весьма рѣдко. Пьянство, это дѣйствительно большое зло, которое съ необыкновенною силою свирѣпствуетъ среди англійскаго рабочаго класса. Зло это врядъ ли меньше въ Англій, чѣмъ у насъ въ Россіи, но тамъ оно больше поражаетъ, потому что находится въ болѣе рѣзкомъ противорѣчій со всею окружающею средою. По словамъ Эскироса, въ Лондонѣ существуетъ 50,000 пьяницъ по профессіи — *habitual drunkards*. «Но есть что еще болѣе грустное, чѣмъ самое пьянство, говоритъ этотъ авторъ, это жажда пьянства. Часто на лондонскихъ улицахъ, у дверей *public house* встрѣчаешь блѣднаго старика, всего лѣтъ сорока, съ широко раскрытыми отъ алчнаго желанія глазами, съ эпилептическими движеніями, покрытаго рубищемъ, который смотритъ съ мрачнымъ и ослѣпленнымъ видомъ на бутылки пива, отъ котораго его братья, счастливые смертные, едва отрываютъ свои жадныя губы. Можно подумать, что это тѣнь Таятала». Пьянство проникло всюду, оно разрушаетъ здоровье отдѣльных людей, оно бросаетъ въ крайнюю нищету цѣлыя семьи, оно наполняетъ своими кліентами больницы, сумасшедшіе дома, оно,

заливая горе, затмѣвая временно разсудокъ, наноситъ человѣку смертельный ударъ. Всѣ законодательныя мѣры, направленные къ ограниченію пьянства, не достигли никакихъ результатовъ; большимъ успѣхомъ пользуются общества трезвости, но и ихъ польза относительно весьма ничтожна. Другія мѣры, болѣе радикальныя, необходимы для того, чтобы ослабить этотъ фатальный порокъ. Если бы пьянство являлось результатомъ праздности, бездѣлья, тогда конечно его легче было бы искоренить, но вѣдь это уже признанный, непреложный фактъ, что пьянство въ большинствѣ случаевъ есть только горькій плодъ бѣдности и нищеты. «Распространеніе просвѣщенія и главное, благосостоянія, какъ нельзя болѣе справедливо замѣчаетъ авторъ основательныхъ этюдовъ: «L'Angleterre et la vie anglaise», искоренило бы, можно думать, этотъ порокъ, не налагая запрещенія на потребление спиртныхъ напитковъ». Другими словами, пока будутъ держаться старыя экономическія отношенія, не думайте о возможности искоренить старыи порокъ, порождаемый безвыходнымъ положеніемъ, въ которое дурно вознаграждаемый трудъ ставитъ огромный классъ рабочихъ.

Рядомъ съ пьянствомъ, съ этимъ бичемъ, прародителемъ всѣхъ другихъ бѣдствій, въ жизни англійскихъ рабочихъ классовъ весьма видное мѣсто занимаютъ его спутники: развратъ и преступленіе. Печальный экономическій складъ жизни доставляетъ обильный контингентъ всевозможныхъ преступниковъ—преступниковъ по ремеслу. Вездѣ конечно есть преступленія, вездѣ есть преступники, но только въ Англии преступленіе стало системомъ, и преступники образовывали изъ себя самую правильную организацію. Я не стану останавливаться на этой организаціи преступниковъ, на этой правильности въ ихъ дѣятельности, отсылая любопытнаго читателя къ блестящимъ страницамъ, посвященнымъ этому вопросу въ сочиненіи Ледрю-Роллена. Тамъ онъ увидитъ тѣ экономическія соображенія, которыя руководятъ злосчастнымъ классомъ «отверженныхъ», и соображенія эти такого рода, что поневолѣ могутъ заставить усомниться въ правѣ общества наказывать такихъ «несчастливыхъ». Давно уже были произнесены великимъ энциклопедистомъ столь извѣстныя слова: «le méchant est un malade», и тѣмъ болѣе живетъ и будетъ жить человечество, тѣмъ болѣе оно будетъ убѣждаться въ глубокой справедливости этихъ человѣческихъ словъ Дидро. Англійское общество, въ лицѣ своихъ присяжныхъ, потрясаемыхъ часто до глубины души рассказомъ о страданіяхъ, пережитыхъ несчастнымъ «большимъ», отказывается произносить слово осужденія и съ мирнымъ отпускаетъ виновныхъ, сознавая, что имъ ничего болѣе не оста-

мось, какъ сдѣлаться «виновными». Что могутъ отвѣтить присяжные женщины, которая говоритъ имъ: «У меня былъ ребенокъ двенадцати мѣсяцевъ. У меня не было хлѣба, чтобы кормить его, и не имѣя духа, рѣшимости оставить его умирать медленно голодною смертію, я убила его!» Какъ трудно поддерживать обвиненіе противъ подобной преступницы! Англійскій обвинитель оказался «человѣкомъ», и сказалъ присяжнымъ: «Если вы думаете, что бѣдствіе подсудимой могло потрясти ея умъ, немогу лишить ее возможности различать доброе отъ злого, то вы имѣете полное право оправдать эту женщину». Присяжные тоже были люди, и ни минуты не сомнѣваясь вынесли оправдательный приговоръ Аннѣ Гамильтонъ, которой настоящее имя: легионъ! И конечно, англійское общество, давшее изъ себя присяжныхъ, судей, защитника, обвинителя, не оказалось менѣе человѣчнымъ и не стало кричать: Англія гибнетъ, институтъ присяжныхъ вотворствуетъ преступленіямъ! оправдываетъ людей, сознающихся въ убійствѣ, возвращаетъ убійцъ въ среду честныхъ людей! Въ Англіи не нашлось литераторовъ, которые, принимая на себя роль палачей, ослѣпленные какою-то звѣрскою радостію, кричатъ суду: распни, распни его! — Въ Англіи нѣтъ и поэтовъ, которые въ окружающей ихъ средѣ не могутъ найти болѣе достойныхъ предметовъ для сатиры чѣмъ судъ, прощающій «несчастному» его вину.

Такіе случаи, образчикъ котораго я привелъ, бывають сплошь и рядомъ въ англійскомъ обществѣ, понимающемъ, что не радость дѣлаетъ человѣка воромъ и убійцей. Оно и естественно. «Отъ преступленія до нищеты, говоритъ Луи Бланъ, переходъ, умъ также естественъ, какъ естественъ переходъ отъ слѣдствія къ причинѣ. Англія же, будучи отечествомъ крайняго богатства, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ отечествомъ крайней нищеты. Я сомнѣваюсь, чтобы гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ можно было встрѣтить нищету въ болѣе отвратительномъ видѣ и въ состояніи болѣе глубокаго паденія». Красиво должно быть экономическое положеніе страны, въ которой люди, не имѣя что ѣсть, рѣшались на самоубійство. Въ Англіи же давно уже, какъ выразился одинъ писатель, самоубійство est à la hausse.

Но куда же выбрасываетъ англійское общество тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые съ одной стороны остаются безъ труда, безъ всякихъ средствъ существованія, съ другой—обладають такими нервами, которые не позволяютъ имъ поступить въ многочисленный классъ воровъ, мошенниковъ и т. п., и поступивши въ него, провалиться въ ту преисподнюю, въ которой живеть

этотъ людъ? Англійское общество предлагаетъ этимъ людямъ и что иное, какъ рабочій домъ, знаменитый англійскій work-house. «Всякій знаетъ, говоритъ Тэнъ, что work-house—это пріютъ, который граничитъ съ тюрьмою: присоединенный къ таксъ дѣлѣ обѣднхъ, онъ составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ англійской конституціи. Это англійскій принципъ, что нищія, отказываясь отъ свободы, имѣютъ право на пропитаніе. Общество тратится на нихъ, но за то запираетъ ихъ и употребляетъ ихъ трудъ. Такъ какъ это условіе имъ противно, то они вступаютъ сюда весьма неохотно». Оно и понятно; кому случалось бывать въ англійскомъ рабочемъ домѣ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, выходилъ изъ него съ весьма тяжелымъ чувствомъ. Посѣщеніе какаго-нибудь лондонскаго рабочаго дома производитъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ посѣщеніе лондонской тюрьмы. Въ послѣдней, по крайней мѣрѣ, видишь людей, которые ограбили или убили кого-нибудь, въ рабочемъ же домѣ видишь людей, которые сами убиты дурнымъ экономическимъ порядкомъ. «Обыкновенно, когда работникъ обращается въ муниципалитетъ съ просьбою о помощи, ему отвѣчаютъ: «Дайте намъ доказательства, что вы хотите работать, идите въ work-house». Девять чело-вѣкъ изъ десяти отказываются. Откуда, спрашиваетъ Тэнъ, это отвращеніе? На этотъ вопросъ ему отвѣчаютъ: «Они хотятъ имѣть свой home и свою свободу, они не могутъ выносить заключенія и подчиненія дисциплинѣ. They prefer to be free and to starve». Еще болѣе ясный отвѣтъ получилъ бы Тэнъ, если бы онъ прочелъ то страшное описаніе «ночи въ рабочемъ домѣ», которое появилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ: «Pall-Mall Gazette». Одинъ изъ редакторовъ этой газеты рѣшился испытать самъ, что значитъ провести ночь въ англійскомъ рабочемъ домѣ, отправился и вышелъ оттуда, посмотрѣвъшись на такія ужасныя сцены, одно описаніе которыхъ невольно заставляетъ содрогаться. Невообразимая грязь, возмутительное обращеніе, страшный сбродъ всевозможныхъ воровъ, въ обществѣ которыхъ проводятъ ночь люди всѣхъ возрастовъ, начиная отъ стариковъ и кончая дѣтьми—редакторъ газеты все видѣлъ и все описалъ. Не даромъ, указывая на него, говорили, какъ говорили про Данте: «вотъ чело-вѣкъ, видѣвшій адъ»!

Весьма естественно, что между рабочимъ населеніемъ и классомъ богатыхъ промышленниковъ, фабрикантовъ, однимъ словомъ, классомъ богатой буржуазіи существуютъ весьма недоб-

ми отношенія, хотя, строго говоря, рабочій людъ долженъ былъ бы понимать, что корень ихъ бѣдствій лежитъ не въ лицахъ, не въ отдѣльныхъ людяхъ, какъ бы богаты они ни были, но въ самомъ экономическомъ порядкѣ вещей. Впрочемъ, какъ можно требовать отъ людей, не получившихъ образованія, то, чего не понимаютъ такъ часто люди образованные,—отдѣльныя лица никогда не страшны, страшень подчасъ тотъ принципъ, въ силу котораго они держатся. Богатая буржуазія устраиваетъ точно также, какъ и аристократія, пріюты, школы, бібліотеки, однимъ словомъ, «покровительствуетъ», тратитъ даже много денегъ на это «покровительство» и только удивляется, что рабочіе классы все недовольны, все стараются высвободиться изъ-подъ ихъ экономической зависимости. Поразительно-неравнобѣрное распределеніе богатства, на которое указываетъ Тэнъ, отдавая Франціи въ этомъ отношеніи безусловное предпочтеніе, должно было вызвать и дѣйствительно вызвало довольно ожесточенную борьбу между богатымъ классомъ собственниковъ и нищимъ классомъ работниковъ. Богатые классы думаютъ, что своимъ «покровительствомъ» они дѣлаютъ все и что больше имъ нечего дѣлать, не хотятъ слушать о болѣе серьезныхъ средствахъ выдти изъ пещернаго экономическаго порядка вещей.

Вотъ на этомъ-то нежеланіи прислушиваться къ народнымъ требованіямъ, на этой слѣпотѣ богатыхъ господствующихъ классовъ, слѣпотѣ, касающейся всего, что относится только до матеріальныхъ интересовъ, весьма многіе строятъ предсказанія, что въ Англіи неминуемо должна разразиться страшная социальная революція. Надо надѣяться и есть основанія предполагать, что предсказанія эти никогда не сбудутся, и что Англія избавлена будетъ отъ страшнаго потрясенія. Тѣ, которые дѣлаютъ подобныя предсказанія, забываютъ одно, что въ Англіи есть такое охранительное начало, котораго не знаетъ остальная Европа, и что это начало предохранитъ страну отъ социальнаго кризиса. Начало это—политическая свобода народа, которая даетъ ему въ руки такое оружіе для борьбы, съ которымъ онъ можетъ побѣдить, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ. Требования рабочаго класса могутъ быть громко заявляемы, онъ имѣетъ право организоваться для борьбы съ невыгоднымъ для него экономическимъ порядкомъ такъ, какъ ему угодно. Онъ можетъ устраивать рабочіе союзы, можетъ цѣлую страну покрыть тою могущественною сѣтью, которая извѣстна подъ именемъ *trades-unions'овъ*, однимъ словомъ, рабочій классъ пользуется всею свободой дѣй-

ствій, и ничто не можетъ стѣснить народъ въ его внутреннемъ самоуправленіи. Конечно, политическая свобода, гарантирующая народу свободу дѣйствій, еще не все, но какъ важно ея значеніе въ экономической жизни народа, это можно видѣть именно на Англіи. Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ, англійскій рабочій классъ заключилъ въ своей средѣ оборонительный и наступательный союзъ противъ богатыхъ классовъ страны. Этотъ союзъ выражается въ тѣхъ ассоціаціяхъ, въ тѣхъ рабочихъ обществахъ, въ тѣхъ trades-unions'ахъ, которыя покрыли всю Англію и которыя мало-по-малу приобрѣтутъ настолькоъ силы, что дадутъ возможность въ Англіи труду вступить въ болѣе правильныя отношенія съ капиталомъ, дадутъ народу право, если не диктовать экономическіе законы, то принимать только такіе, которые не нарушаютъ справедливости. Въ то время, когда во Франціи и въ другихъ странахъ социальный вопросъ загоняютъ подъ землю, въ Англіи политическая свобода вызываетъ его на ружу и тѣмъ самымъ предохраняетъ страну отъ бѣдственныхъ потрясеній.

Тѣмъ въ своей книгѣ, обрисовывая мрачную сторону экономического порядка Англіи, почти ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что служитъ противовѣсомъ, о томъ, что служитъ какъ бы надеждою, что Англія и въ своей социальной жизни пойдетъ впередъ тѣмъ же путемъ, какимъ она шла и въ жизни политической, и что она добьется экономической свободы, какъ добилась свободы политической. Медленно двигалась она впередъ въ жизни политической, медленно двигается въ жизни социальной, но какъ тутъ, такъ и тамъ она ступаетъ вѣрнымъ и твердымъ шагомъ. Монталамберъ правъ, говоря, что Англія неудержимо идетъ къ тому строю жизни, который зовется демократіей, но только подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть не одно лишь болѣе правильное распределеніе правъ и обязанностей политическихъ, правъ и обязанностей нравственныхъ, но также и болѣе правильный экономическій порядокъ.

Мы останавливаемся здѣсь и не пойдемъ далѣе за Тэномъ. Главная цѣль заключалась только въ томъ, чтобы, воспользовавшись послѣднею книгою въ высшей степени замѣчательнаго французскаго писателя, указать на характерныя стороны жизни англійскаго народа. Жизнь эта такъ богата, она такъ полна подробностей, особенно важныхъ для того смутнаго времени, которое переживаетъ континентальная Европа, что, конечно, жизнь эта можетъ быть исчерпана не только нѣсколькими статьями, подобными настоящей, но даже нѣсколькими книгами, подобными книгѣ Тэна. Чѣмъ чаще европейская литература обращаетъ свои взоры въ Англію, тѣмъ чаще ищетъ она поученій въ этой классической странѣ свободныхъ нравовъ, тѣмъ большую услугу оказываетъ она современному обществу.

Подводить итогъ всему сказанному, подводить итогъ книгѣ Тэна, было бы излишне. Читатель легко и самъ отвѣтитъ себѣ на вопросъ: въ какой степени замѣчательно послѣднее произведение одного изъ самыхъ крупныхъ писателей нашего времени?

Евг. Утинъ.



КЪ ДОЧЕРИ МОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне.

Я смотрю на тебя — и глазамъ я не вѣрю своимъ...
Чудный розовый кустъ представляется имъ,
Ароматъ изъ него одуряющій
Бьетъ въ мой мозгъ, что-то вдругъ вспоминающій...
Быль въ ту пору безуменъ и молодъ я... Ахъ,
Нынче старъ и безуменъ... Въ глазахъ
Заколело... Теперь я словами
Говорить принужденъ, да въ добавокъ — стихами...
Тяжело мнѣ... Найду ли слова?
Полно сердце мое и пуста голова!

Дорогое дитя! Я гляжу на тебя — и такая
Непонятная скорбь, по душѣ у меня пробѣгая,
Въ глубинѣ совретенныхъ ея тайниковъ
Будить образы, спавшіе много годовъ.
На поверхность ея выплываютъ сирены,
Раскрывая съ улыбкой глаза, расправляя прекрасные члены,
И одна — краше всѣхъ шаловливыхъ подругъ —
Какъ двѣ капли воды — ты, мой маленькій другъ!

Это юности сонъ съ благодатной весною своею, —
 Я смотрю на тебя и глазамъ своимъ вѣрить не смѣю...
 Вотъ она, дорогая сирена моя,
 Вотъ и взгляды, и звуки ея;
 Голосенокъ у ней ящерино-ласкающій,
 И большія, и мелкія души плѣняющій;
 Отливаетъ зеленымъ въ глазахъ плутовскихъ —
 Глядя въ эти глаза, вспоминаешь дельфиновъ морскихъ;
 Бровь не очень густа, но высокой дугою,
 Точно арка побѣды, гдѣ все горделивой полно красотою;
 И на розовыхъ, милыхъ щекахъ,
 Близко, близко къ глазамъ помѣстились двѣ ямки... Но ахъ!
 Совершенства ни въ людяхъ, ни въ духахъ небесныхъ
 Не найдешь, — и въ созданіяхъ самыхъ прелестныхъ,
 Какъ старинныя сказки гласятъ, —
 Недостатки какіе-нибудь да сидятъ:
 Господинъ Лузиньянъ, тотъ, что въ пору былую
 Побѣдилъ чудно-милую фею морскую,
 Упиваясь блаженствомъ съ подругой своей,
 Находилъ — и не разъ — хвостъ змѣинный у ней.

Петръ Вейнбергъ.



СТРАННИКИ или БЪГУНЫ

ВЪ

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

I. ОТНОШЕНІЕ ОБЪЕКТА КЪ РАСКОЛУ ВООБЩЕ.

Ярославская губернія, по своему топографическому и этнографическому положенію, съ самаго начала раскола, подобно окраинамъ Россіи, служила самымъ удобнымъ мѣстомъ для пріюта раскольниковъ. Знаменитые, въ исторіи раскола, пошехонскіе лѣса и долина Волги—были давно, и доселѣ служатъ самымъ лучшимъ поприщемъ для предприимчивости людей рѣшительныхъ, каковы раскольники вообще, и «странники» въ особенности. Около пятидесятихъ годовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи (въ Ярославскомъ, Романово-Борисоглѣбскомъ и сопредѣльныхъ съ ними уѣздахъ) успѣхъ старообрядства «дошелъ до таковой степени, что когда поручено было романово-борисоглѣбскому духовенству принять противъ него рѣшительныя мѣры, то уже приходилось на каждаго православнаго священника по два раскольническихъ попа, а жители всѣ безъ исключенія заразились ересью» ¹⁾. Борисоглѣбская слобода, нынѣ присоединенная къ гор. Романову, безъ малѣйшаго опасенія давала пріютъ у себя всевозможному сброду бѣглаго русскаго люда вообще, и въ частности раскольниковъ. По розысканіямъ нарочно командированнаго по этому случаю въ Ярославскую губернію чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ открылось, что «цѣлая половина губерніи тайно или явно принадлежала къ расколу» ²⁾.

¹⁾ См. Исторію минист. внутр. дѣлъ, томъ VIII, стр. 527.

²⁾ См. Исторію минист. внутр. дѣлъ, томъ VIII, стр. 528.

Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство: въ началѣ 1850 года, въ Ярославской губерніи появилась шайка разбойниковъ и воровъ, очень значительная, производившая сильныя грабежи въ Ярославскомъ и смежнымъ съ нимъ уѣздахъ. Для поимки преступниковъ и производства надъ ними формальнаго слѣдствія вѣржена была особая изъ мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ комиссія, представителемъ которой назначенъ былъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ чиновникъ особыхъ порученій графъ Стенбокъ. При производствѣ дѣла комиссіею открыто, что разложение бродягъ въ Ярославской губерніи, принимавшихъ участіе въ грабежахъ, происходитъ отъ вновь образовавшейся тамъ раскольнической секты, извѣстной въ народѣ подъ именемъ страннической или сопѣлковской,—отъ села Сопѣлокъ, находящагося въ 15-ти верстахъ отъ города Ярославля. Гнѣздо странничества было разсѣяно, но не надолго. Черезъ два года странничество снова заявило себя беспорядками въ Сопѣлкахъ и другихъ мѣстахъ Ярославской губерніи. Тогда вновь командированъ былъ отъ министерства графъ Стенбокъ, для подробнѣйшаго изслѣдованія о страннической сектѣ и открытія ея послѣдователей. Темная исторія существованія странничества теперь выведена была на свѣтъ, съ достаточно полнымъ и обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ внутренней и внѣшней жизни «странниковъ», съ исторіею основателя секты, его ученія, мѣста и времени развитія секты, ея внѣшняго состава, нравственности сектантовъ, главныхъ ихъ наставниковъ, и отношеній ихъ къ православной церкви, къ правительству и къ расколу.

Когда собраны были о сектѣ необходимыя свѣдѣнія, министръ внутреннихъ дѣлъ снесся по этому дѣлу съ синодомъ. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ отношеніи къ оберъ-прокурору синода, графу Протасову (отъ 5-го февраля 1854 г. за № 184):

«Въ 1850-мъ году отправлена была въ Ярославскую губернію особая комиссія для поимки воровъ и разбойниковъ. Пойманные изъ шайки ихъ дезертиры и другіе бѣглые преданы были военному суду, съ тѣмъ, чтобы оный постановилъ заключеніе о пристанодержателяхъ и о членахъ земской полиціи, кои оставляли въ бездѣйствіи власть и потворствовали преступникамъ.

«Но какъ еще не всѣ, составлявшіе помянутую шайку, преступники были пойманы, а между тѣмъ открылось, что они сектаторы, именующіе себя «странниками»: то вновь командированъ былъ въ Ярославскую губернію чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ графъ Стенбокъ, для подробнѣйшаго изслѣдованія новой секты и открытія всѣхъ ея послѣдова-

телей; дополненное же такимъ образомъ слѣдственное дѣло разсматривалось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ секретномъ комитетѣ о раскольникахъ.

«По разсмотрѣніи найдено, что новая секта, не признавая царской власти, считая повиновеніе ей отреченіемъ отъ Христа, уничтожая законный бракъ и возводя бродяжничество на степень догмата, водворяетъ развратъ и подрываетъ основы общественнаго благосостоянія: трудъ, порядокъ и повиновеніе законной власти,—и что по сему не только нужно наказать открытыя уже сектаторовъ, но и преимущественно изыскать мѣры противу усиленія и распространенія этого зла.

«По докладу о семъ Его Императорскому Величеству восслѣдовало въ 25-й день декабря 1852 года Высочайшее повелѣніе:

«1) Поручить ярославскому секретному совѣщательному комитету войти въ подробное обсужденіе всѣхъ вообще предметовъ, относящихся собственно до ученія новой ереси, и подробно изслѣдовать все, касающееся до сего вопроса, изыскать мѣры, необходимыя для уничтоженія оной, и соображенія свои представить по порядку.

«2) Между тѣмъ учредить въ городѣ Ярославѣ особую комиссію, для сужденія тѣхъ людей, кои, будучи прикосновенны къ настоящему дѣлу, *не подлежатъ сужденію учрежденнаго тамъ по сему же дѣлу военнаго суда*, и сей комиссіи вмѣнить въ обязанность: а) пересмотрѣть въ подробности бывшіе уже по сему дѣлу изслѣдованія; б) произвести формальное на законномъ основаніи судебное слѣдствіе, которое съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ и исполненіемъ, въ чемъ нужно, прежняго; в) затѣмъ войти въ сужденіе о виновности прикосновенныхъ къ этому дѣлу лицъ и постановить заключеніе о мѣрѣ слѣдующаго каждому изъ нихъ, по закону, наказанія; и г) заключеніе свое представить непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ для поступленія въ дальнѣйшемъ по порядку».

Во время производства въ слѣдственно-судной комиссіи порученнаго ей дѣла, ею сообщены были начальнику Ярославской губерніи, для внесенія въ тамошній секретный комитетъ, выписки изъ показаній сектаторовъ, изъ сочиненій наставниковъ ихъ, по которымъ можно судить объ ученіи, основаніяхъ и правилахъ страннической секты. Начальникъ Ярославской губерніи, генераль-маіоръ Бутурлинъ, на основаніи этихъ данныхъ, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ заключеніе тамошняго секретнаго комитета о началѣ, основаніи и сущности сей секты и о мѣрахъ къ ея искорененію и прекращенію дальнѣйшаю

ея распространения. Предположения комитета о мѣрахъ къ искорененію сектантовъ состояли, между прочимъ, въ слѣдующемъ:

а) не преслѣдовать открыто секты странниковъ за мнѣнія о вѣрѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобы преслѣдованіе не породило въ нихъ фанатизма; б) употребить для того мѣры правительственныя и гражданскія, напр., подвергать взысканію тѣ общества, или вотчины, среди которыхъ обнаружится приставодержательство бродягъ, вложеніемъ денежнаго штрафа и т. п.

Въ заключеніе всего министръ, представляя это дѣло на благоусмотрѣніе оберъ-прокурора, обращается къ нему съ просьбою — сообщить ему по сему предмету заключеніе. При этомъ отношеніи министра были препровождены и представленныя ему Бутурлиннымъ относящіяся къ сему дѣлу бумаги ¹⁾.

По полученіи этого отношенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, оберъ-прокуроръ синода немедленно далъ предложеніе синоду (отъ 6-го февраля 1854 года за № 750), представить на усмотрѣніе его копію съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ,

¹⁾ Эти бумаги слѣдующаго содержанія:

- 1) Копія съ трехъ состоявшихся по этому дѣлу въ ярославскомъ секретномъ комитетѣ журнальныхъ постановленій.
- 2) Копія съ отношеній члена слѣдственно-судной комиссіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алѣксѣева съ свиданіями о страннической сектѣ, привлеченными изъ слѣдствія, произведеннаго графомъ Стенбокомъ, и съ приложеніемъ:
 - а) выписокъ изъ 21-го показанія странниковъ и другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу людей;
 - б) постановленія слѣдователя о показаніи странника Меовдія Герасимова;
 - в) копіи съ исповѣданія наставника Александра Васильева;
 - г) пригнѣты непойманыхъ главнѣйшихъ странниковъ, и
 - д) верениски съ начальникомъ Владимірской губерніи объ основателѣ секты Евонкіѣ.
- 3) Копія съ доставленныхъ начальнику губерніи изъ слѣдственно-судной комиссіи рукописей основателя секты и другихъ лицъ:
 - а) съ разглагоульствіи Евонкіи старца, писаннаго въ 1784-мъ году;
 - б) съ его посланія къ московскимъ раскольниковымъ Преображенскаго владыки, писаннаго въ 1787-мъ году;
 - в) съ сочиненія наставника Никиты Семенова „малый образъ ересей“ расколической секты;
 - г) съ показаній и постановленій о нравственности сектаторовъ и наставниковъ странническаго ученія;
 - д) съ выписки изъ дополнительнаго показанія Дмитрія Егорова, наставника страннической секты;
 - е) съ верениски съ начальниками тѣхъ губерній, куда проникло странническое ученіе, и
 - ж) копіи съ отношенія начальника Олонецкой губерніи за № 154 о страннической сектѣ.

вмѣстѣ съ упоминаемыми въ этомъ отношеніи приложениями. Такимъ образомъ дѣло синода началось съ предложенія оберъ-прокурора, и синодъ занялся этимъ дѣломъ. Всѣ упомянутыя въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ бумаги объ отерпѣвшейся въ Ярославской губерніи страннической сектѣ были препровождены при секретномъ указѣ къ митрополиту московскому Филарету «на предварительное его разсмотрѣніе съ тѣмъ, чтобы соображеніе свое по онымъ онъ представилъ синоду въ скорѣйшемъ по возможности времени». Московскій митрополитъ и далъ тонъ всему ходу дѣла, указавъ, какъ должно дѣйствовать и что дѣлать въ подобныхъ случаяхъ власти гражданской; и вотъ его точка зрѣнія на мѣры, какія должно было принимать въ отношеніи къ сектѣ странниговъ. «Добрая мысль кроткаго правительствѣ—никого не преслѣдовать за мнѣнія о вѣрѣ: но трудно приложить ее къ сектѣ странниговъ. Что царь есть антихристъ, что власти, законовъ, уплаты податей, военной службы должны убѣгать, какъ принадлежностей антихриста, это все мнѣнія страннической секты, принадлежащія къ ихъ вѣрѣ. Не преслѣдовать сихъ мнѣній—значитъ не останавливать дѣйствія злыхъ силъ, которыя стремятся разрушить государство. Далѣе, комитетъ опасается, чтобы преслѣдованіе не породило въ странникахъ фанатизма: но какой фанатизмъ можетъ быть злѣе и вреднѣе того, который уже въ нихъ есть? Комитетъ предлагаетъ мѣры правительственныя и гражданскія. Сужденіе о нихъ принадлежитъ государственной власти. Но да будетъ позволено замѣтить, что предложеніе комитета: «подвергать взыскаіію тѣ общества или общины, среди воикухъ обнаружится пристанодержательство бродягъ сего рода, наложеніемъ денежнаго штрафа», есть такая мѣра, которая можетъ быть приложена развѣ къ одному селу Сопѣлкамъ, а въ общемъ видѣ несправедлива и не соответственна цѣли. Положимъ, что въ деревнѣ, состоящей изъ 50-ти дворовъ, завелся одинъ пристанодержатель странниговъ. Положимъ, что трудно скрыться отъ всѣхъ, и что нѣкоторые могутъ замѣтить сіе случайно, по сосѣдству, по неосторожности или довѣрчивости въ разговорахъ. Такимъ образомъ можетъ быть найдутся пять или десять домовъ, болѣе или менѣе совинныхъ: но за что пострадаютъ прочіе 40? Благонамѣренный хозяинъ не имѣетъ права ходить по домамъ всей деревни и досматривать, нѣтъ ли тайнива и бѣглаго. Притомъ такая мѣра въсто правосудія надъ однимъ или надъ немногими виновными, отягощала бы и волновала цѣлую вотчину. Наконецъ, комитетъ, занимаясь общими мѣрами противъ преступниковъ, не довольно

дѣлать свои сужденія въ преступникамъ, которые находятъ предъ глазами и извѣстны по именамъ и дѣламъ. Злоупотреблено. Распространители зла многочисленны и дѣятельны. Благодаря тщательному дознанію и изслѣдованію произведенному—они въ виду. Въ сихъ обстоятельствахъ надобно сгѣшнить, чтобы всякаго распространителя зла остановить на его пути и лишить возможности продолжать распространеніе зла».

Новое Высочайшее повелѣніе по дѣлу о странникахъ было совершенно въ духѣ представленной записки московскаго архиепископа, мѣстами сходно даже до одинаковости выраженій съ этою запиской.

Исполняя порученіе синода, митрополитъ Филаретъ въ іюнѣ того же года представилъ въ синодъ (при особомъ донесеніи отъ 7-го іюня 1854 года за № 49) полную записку. По важности извѣдывъ, эта записка заслуживаетъ того, чтобы ознакомиться съ нею. Мы не будемъ излагать здѣсь всѣ основанія, которыя имѣствуетъ Филаретъ изъ показаній самихъ странниковъ, а только прослѣдимъ, какимъ путемъ умозаключеній онъ пришелъ къ окончательному выводу о мѣрахъ, которыя должны быть употреблены противъ сектаторовъ со стороны власти.

Разсмотрѣвъ предварительно «акты ярославскаго секретнаго совѣщательнаго комитета, заключающіеся предположеніями о способахъ къ уничтоженію секты», Филаретъ приступаетъ затѣмъ къ разсмотрѣнію происхожденія секты, ея ученія и духа изъ данныхъ донынѣ дѣлъ сектаторовъ. Говоря о началѣ секты, онъ называетъ ее: «дщерію толка беспоповщинскаго, злымъ наследіемъ своей матери» и проч.; далѣе, слѣдуютъ доказательства изъ сочиненій Евѳимія и показаній странниковъ; здѣсь же говорится и объ основателѣ секты, объ уставѣ, котораго держатся странники, объ отношеніи ихъ къ расколу—безпоповщинѣ вообще, и къ филипповскому и еедосѣевскому согласіямъ, и къ преображенскому владбищу—въ частности. Изъ всего этого онъ выводитъ такое заключеніе: «Если бы вредной беспоповщинской сектѣ не было допущено той свободы дѣйствовать и распространяться, какую она имѣла частію по избыточеству снисхожденію правительства, и еще болѣе по причинѣ потворства мѣстныхъ начальствъ, то не родилась бы вреднѣйшая секта странниковъ. Если бы не Евѳимій—бѣглый въ Москвѣ, потомъ военный дезертиръ, въ поморскомъ скитѣ, опять въ Москвѣ, потомъ въ Ярославлѣ и тамошнихъ деревняхъ, хотя однажды и взятъ былъ въ руки правосудія и въ нихъ удержанъ—то не существовала бы зловредная секта странниковъ».

Далѣе, разбирается ученіе странниковъ по отношенію *правительству*. Здѣсь, въ показаніяхъ странниковъ, данныхъ и слѣдствіи, слѣдовательно при такихъ обстоятельствахъ, когда о не только не имѣли причины преувеличивать, но имѣли снныя побужденія скрывать, или смягчать свои мнѣнія, ведунъ въ строгости правосудія, ясно видно, что по ученію странни-
 А ской секты не позволительно ни записываться въ ревизію, платить подати, ни принимать должности съ присягою, ни вст-
 пать въ военную службу, ни даже нанимать за себя въ рекру другихъ. Изъ этого Филаретъ выводитъ заключеніе, «что ученіе страннической секты не только противно ученію православной церкви, но и отвергаетъ верховную власть, и законы и исполненіе всякихъ общественныхъ обязанностей. Слѣдовательно, живунъ по сему ученію рѣшительно отказываются отъ того, чтобы приноси какую-либо пользу государству, а имѣютъ стремленіе причиня оному вредъ и разстройство. Поэтому, по справедливости слѣдуетъ заключить, что такіе люди сами себя лишаютъ права пользоваться благами государства, и оно, по закону возжездія въ правѣ, по закону самосохраненія даже обязано дѣйствовать къ уничтоженію такой секты».

Разбирая *нравственность* странниковъ вообще, митроп. Филаретъ говоритъ: «люди, которые рѣшились не уважать законъ церкви и государства, могутъ ли постоянно уважать правилъ выдуманныя для себя и для другихъ бѣглымъ мѣщаниномъ бѣглымъ солдатомъ?...» «А о дѣлахъ послѣдователей его сраи-
 есть и глаголати...» «Все сіе,—заключаетъ онъ,—ведетъ къ заключенію, что странничество требуетъ не нисхожденія, а строгости правительства».

Не менѣе строгъ взглядъ Филарета, на «невнимательность» должностныхъ лицъ, обязанныхъ противоdѣйствовать злу, какъ на самую ближайшую причину распространенія секты. Дѣло касается здѣсь не однихъ ближайшихъ, мѣстныхъ полицейскихъ властей, но и лицъ духовныхъ. И къ тѣмъ, и къ другимъ онъ относится равно строго, даже къ послѣднимъ еще строже чѣмъ къ первымъ.

Исчисливъ открывающіеся изъ дѣла факты невниманія духовныхъ пастырей въ распространенію раскола, представивъ всѣ данныя для окончательнаго заключенія, Филаретъ полагаетъ, что нужно:

- 1) «Подвергнуть строгой отвѣтственности священниковъ, въ приходяхъ коихъ значительно распространилась секта странниковъ, и которые не овазали себя дѣтельными въ открытію и

вразумленію заблуждшихъ, и священниковъ, виновныхъ въ покрывствѣ и сокрытіи сектаторовъ ложными записями въ исповѣдникахъ и метрическихъ книгахъ, удалить отъ мѣстъ, съ низведеніемъ въ причетническую должность, а подозрительныхъ отвести въ другія мѣста и замѣнить ревностными къ дѣламъ службы.

2) «Обратить строгое вниманіе на благочинныхъ, въ вѣдомствѣ которыхъ значительно распространилась секта, и невнимательныхъ замѣнить бдительными, а завѣдомо потворствовавшихъ, сверхъ удаленія отъ должности подвергнуть справедливому взысканію.

3) «Объ усмотрѣнной еретической злоредной сектѣ подъ видомъ и наименованіемъ странниковъ, и о ея ученіи и направленіи дать обстоятельное свѣдѣніе всѣмъ преосвященнымъ архіереямъ, а они должны предписать подвѣдомымъ священнослужителямъ, чтобы старались узнавать образъ мыслей людей, являющихся въ видѣ странниковъ, и, въ случаѣ открытія сектаторовъ, являли о нихъ епархіальному архіерею, и чтобы людямъ, разположеннымъ въ страннопримству, внушали осторожность, дабы не приняли волковъ въ овчей одеждѣ.

4) «Дать такое же свѣдѣніе академіямъ и семинаріямъ для образованія при преподаваніи ученія противъ раскола и ересей.

5) «Употребить неукоснительныя и дѣятельныя мѣры, чтобы прекратить дѣйствія имѣющихся уже въ виду наставниковъ, и особенно имѣющихъ преимущественное вліяніе на секту, каковы напр., Федоръ Кривой, бѣглый кантонистъ, и Никита Семеновъ. Какъ они вообще явно и тяжело виновны, потому что отвергаютъ всякую власть и всѣ общественныя обязанности и потому, что суть бѣглецы, и бѣглецы солдаты: то не только справедливымъ, но для нѣкоторыхъ даже снисходительнымъ замѣномъ наказанія по суду, можетъ быть для нихъ устраненіе отъ общества, которому они такъ вредны, и заключеніе въ Соловецкій монастырь или подобное мѣсто подъ строгій надзоръ и вмѣстѣ для попеченія о ихъ вразумленіи и обращеніи на путь истины.

6) «Подобнымъ образомъ поступать и съ тѣми изъ ordinarily странниковъ, которые съ особенною наглостію и ожесточеніемъ представляютъ себя презрителями власти или явнѣе прочихъ затнаны развратомъ.

7) «Прочихъ странниковъ предать обыкновенному суду побѣгъ и неисполненіе общественныхъ обязанностей, а тамъ пристанодержателей, достаточно въ семь обличенныхъ, предъ суду за пристанодержательство съ особымъ наблюденіемъ за ними и неукоснительнымъ дѣйствіемъ правосудія.

8) «Сильно потрясти и по возможности очистить село Согля какъ главное гнѣздо секты. Всѣ тайники уничтожить и объявить хозяевамъ, что у кого вновь найденъ будетъ тайникъ, тотъ и вергается възысканію, какъ пристанодержатель бѣглыхъ, хотя у него и не нашлось бѣгло. Моленныя, въ коихъ собраны странники, также уничтожить. Поставить губернскому началу нѣсколько разъ въ годъ, чрезъ непосредственно названныхъ и посылаемыхъ чиновниковъ, обозрѣвать дома соглянскихъ обывателей во всѣхъ частяхъ, для усмотрѣнія, нѣтъ ли вновь тайника и не скрываются ли бѣглые, и сію мѣру прерывать только тогда, когда въ продолженіи трехъ лѣтъ не окажется ни одного тайника и ни одного бѣгло.

9) «Усилить денежное възысканіе съ хозяина дома, котораго держалъ безпаспортнаго.

10) «Усилить законы о бродягахъ. Стыдно смотрѣть, какъ бродяга ненаказанно смѣется надъ законною властью, называя себя непомнящимъ родства, когда всѣ увѣрены, что это ложь или называетъ своею родиною попеременно нѣсколько городовъ дабы между тѣмъ, какъ по сему дѣлу продолжается бесполезная переписка, спокойно жить въ тюрьмѣ, гдѣ хорошо кормятъ, высматривать случай къ побѣгу, или беззаботно ждать пути въ Сибирь, которое для него не хуже бродяжничества, и бровольно имъ избраннаго».

Мнѣніе митрополита Филарета одобрено не только синодомъ но и высочайшею волею. Оно послужило основаніемъ всѣмъ дальнѣйшимъ распоряженіямъ власти относительно сеетантовъ.

По подробномъ и внимательномъ разсмотрѣніи всего изложеннаго въ запискѣ митрополита Филарета, синодъ, опредѣленіемъ отъ 26-го октября (10-го декабря) 1854 г. положилъ: 1) съ ображенія преосвященнаго митрополита московскаго Филарета св. синодомъ *вполнѣ* принимаемыя, сообщить посредствомъ г. оберъ-прокурора министру внутреннихъ дѣлъ на его усмотрѣніе и зависящее распоряженіе; 2) кромѣ того преосвященнымъ—ярославскому Нилу и востромскому епископу Филомену даны соотвѣтственныя важности дѣла строгія предписанія; 3) записка изъ настоящаго дѣла препровождена изъ св. синода къ ректору с.-петербургской духовной академіи, епископу ми-

епископу Макарію (нынѣ архіеп. литовскій), съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ изъ сей записки подробное и точное извлеченіе, съ полнѣйшимъ объясненіемъ ученія и направленія зловредной секты странниковъ и представилъ такое извлеченіе въ синодъ для отсылки къ епархіальнымъ архіереямъ, а также въ академическія и семинарскія правленія къ соображенію первымъ—при приращеніи мѣръ къ обнаруженію сектаторовъ и прекращенію дальнѣйшихъ ихъ дѣйствій, а послѣднимъ при преподаваніи ученія противъ ересей и расколовъ.

Пока опредѣленіе синода по духовному вѣдомству приводилось въ исполненіе, самое дѣло между тѣмъ, со всѣми относящимися къ нему документами и соображеніями синода, передано было чрезъ оберъ-прокурора синода въ министерство. Тамъ оно снова было пересмотрѣно, принято во вниманіе и соображенія синода, и на основаніи этихъ данныхъ, всѣ произведенныя изысканія о сущности секты снова были внесены на высочайшее усмотрѣніе. Государь императоръ, принявъ во вниманіе, что ближайшими и вмѣстѣ съ тѣмъ вреднѣйшими послѣдствіями этой секты оказываются возникающія изъ оной бродяжничество сектаторовъ и пристанодержательство ихъ, между прочимъ высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) «Начальникамъ губерній, въ которыхъ проникла секта, всемерно озаботиться открытіемъ, задержаніемъ и преданіемъ суду послѣдователей ея. Для безошибочнаго въ семь дѣйствованія сообщить имъ свѣдѣнія о сущности секты и вѣдѣніяхъ ея произведенійхъ.

2) «Начальникамъ губерній, въ которыхъ секта наиболѣе распространялась, поставить въ обязанность: а) до времени употреблять къ поимкѣ сектаторовъ общіе полицейскіе способы; б) привести въ точную извѣстность всѣхъ значащихся по двумъ послѣднимъ ревизіямъ бѣглыми и стараться отыскивать ихъ; в) обращать строжайшее вниманіе на пристанодержателей и съ сею цѣлію въ селеніяхъ, гдѣ уже были укрываемы бѣглые, немедленно обозрѣвать дома, дабы удостовѣриться, нѣтъ ли въ нихъ тайниковъ; по мѣрѣ же открытія въ нихъ бѣглыхъ, тайники уничтожать, а пристанодержателей предавать суду; г) требовать содѣйствія отъ начальствъ разныхъ вѣдомствъ и отъ владѣльцевъ, и д) если всѣ подобные способы, по мѣрѣ увеличившагося бродяжничества, недостаточны, то представить свои соображенія, какии нужно принять особенныя мѣры къ отысканію бѣглыхъ и прекращенію бродяжничества ихъ, а также въ какихъ мѣстахъ и въ какомъ составѣ надлежитъ усилить полицейскія управленія.

3) «Независимо же отъ сего въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе распространялась секта, учредить особыхъ комиссаровъ ¹⁾, которые не завися отъ мѣстной полиціи, но бывъ прямо подчинены начальнику губерніи, могли бы исключительно заниматься сортираніемъ свѣдѣній о бродягахъ и пристанодержателяхъ, а по полученіи таковыхъ, немедленно производить гдѣ слѣдуетъ обыскъ».

4) «По духовной части, сверхъ принятыхъ уже со стороны св. синода мѣръ, въ мѣстахъ гдѣ наиболѣе распространялась секта, опредѣлить особыхъ благочинныхъ, которые могли бы имѣть непрерывное наблюденіе за мѣстнымъ духовенствомъ дабы оно не допускало послабленія отпадающимъ отъ церкви».

Вслѣдствіе состоявшагося такого высочайшаго повелѣнія, отъ стороны гражданскаго правительства сообщено было московскому генералъ-губернатору, а начальникамъ губерній: ярославской, стромской, тверской, вологодской, олонцевоѣ, нижегородской, вятской, архангельской и астраханской, въ которыхъ усилилась распространялась странническая секта, предписано о надлежщемъ исполненіи высочайшей воли.

Синодъ, съ своей стороны, сдѣлалъ также нужныя распоряженія по духовному вѣдомству. Увѣдомивъ преосвященныхъ указанныхъ губерній о высочайшемъ повелѣніи, онъ предписалъ имъ сдѣлать неотложно зависящія отъ нихъ распоряженія — «заботиться объ открытіи не только уже отпадшихъ отъ церкви, но и колеблющихся или отпадающихъ, и всѣми мѣрами стараться объ обращеніи на путь истины первыхъ и о предостереженіи отъ соблазна и утвержденіи въ истинахъ вѣры послѣднихъ, и донести о сущности таковыхъ распоряженій съ должною подробностію; а между тѣмъ, избравъ изъ достойнѣйшихъ и извѣстныхъ своею опытностію, и благонадежнѣйшихъ духовныхъ лицъ, такихъ, на которыхъ съ полнымъ довѣріемъ можно было

¹⁾ Но эти комиссары не были утреждены. Въ предложеніи оберъ-прокурора синода (20-го іюля 1859 г. за № 4012) въ дополненіе вышеназваннаго отъ 21-го іюня говорится: что министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ его, что комитетъ министровъ, «журналомъ состоявшимся 16-го іюня 1859 г. и удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія положилъ: Не учреждая отдѣльныхъ чиновниковъ, для преслѣдованія раскольниковъ, страннич. секты, бѣгуновъ по заблужденію фанатизма — оставить поному и розысканіе этихъ бродягъ, по-прежнему, на прямой обязанности мѣстныхъ полицій, какъ установленій, на которыхъ лежитъ эта обязанность по общимъ правиламъ общественаго благоустройства».

²⁾ Смотри въ дѣлѣ отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ 21-го іюня 1856 г. № 855 къ исправ. должности оберъ-прокурора св. синода Карасевскому, представленное послѣднимъ въ копіи въ свѣтлѣйшій синодъ, при предложеніи 22-го іюня, № 3282.

и возложить непрерывное наблюдение за мѣстнымъ духовенствомъ, дабы оно не попускало послабления отпадшимъ отъ церкви, представить о таковыхъ, вмѣстѣ съ послужными ихъ списками, въ святѣйшій синодъ на утверждение»¹⁾).

Епархіальные преосвященные приступили къ дѣлу со всею ревностію споспѣшествовать его успѣху. Первымъ дѣломъ ихъ, по полученіи указа синода, было — снести по вопросу о новѣ сектѣ съ начальниками губерній, съ просьбою о томъ, чтобы они сообщили болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о числѣ скольниковъ-сектантовъ, и указали мѣста, гдѣ они преимущественно распространяются или уже распространились, и гдѣ и имѣютъ свои притоны, «мѣста», «станы». Когда получены были требуемыя свѣдѣнія, епархіальныя начальства приступили къ избранію особыхъ благочинныхъ²⁾, по смыслу указа синода, въ лицѣ духовныхъ, болѣе довѣренныхъ, благонадежныхъ и знающихъ съ дѣломъ раскола, которымъ бы можно было поручить заботу за духовенствомъ тѣхъ приходоу, въ коихъ сильно развился расколъ и открыта секта странническая. Вслѣдъ затѣмъ епархіальные архіереи донесли о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ синоду и представили на его утверждение избранныхъ благочинныхъ вмѣстѣ съ послужными о нихъ списками.

Избраннымъ, такимъ образомъ, епархіальнымъ начальствомъ утвержденнымъ синодомъ, благочиннымъ вмѣнено было въ обязанность, строго наблюдать за образомъ жизни вѣреннаго имъ духовенства, и пастырскими его дѣйствіями къ ослабленію рас-

¹⁾ Опредѣленіе синода отъ 22-го іюня 1855 г.

²⁾ Эти распоряженія, сообразно съ мѣстнымъ состояніемъ раскола, въ различныхъ губерніяхъ, были различны. Въ однихъ, напримѣръ, въ астраханской и архангельской вовсе не оказалось нужнымъ избраніе особыхъ благочинныхъ, такъ какъ изъ дѣлъ консисторій, ни изъ полученныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ существованія секты странникоу въ тѣхъ губерніяхъ не было открыто. Но въ другихъ, напримѣръ, въ оловедкой, гдѣ сильно развита секта безпоповщинская и всѣ ея отрасли — седосевищина и филиповщина, съ которыми въ тѣснѣйшемъ отношеніи находится и секта странническая — вся епархія раздѣлена была на три округа, и въ каждомъ изъ нихъ назначенъ былъ особый благочинный, а для успѣшности дѣла данъ ему еще и помощникъ — изъ священниковъ; для каждаго изъ этихъ лицъ, благочиннаго и его помощника, составлена была особая секретная инструкция, опредѣлявшая кругъ ихъ дѣятельности, — словомъ, было устроено по этому случаю особое миссіонерство. Членамъ этой новой миссіи, по представленію мѣстнаго архіепископа Аркадія, ассигновано было синодомъ особое жалованье изъ суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе городскаго и сельскаго духовенства. (См. донесеніе архіеп. Аркадія отъ 24-го сентября 1855 г. за № 885. Опред. синода отъ 30-го сентября и пред. синода отъ 18-го декабря 1855 г. за № 7181.

кола вообще и въ особенности къ искорененію вреднаго учена секты странниковъ ¹⁾, чтобы оно не только вообще было исправно по поведенію своему и церковно-приходскимъ обязанностямъ, и чтобы умѣло и было готово во всякое время неослабно дѣйствовать на каждаго отступающаго отъ св. церкви. Для точнаго исполненія возложенныхъ обязанностей, благочинные должники были сколько возможно чаще обозрѣвать причты раскольниковъ въ ихъ приходоу, и послѣ каждаго таково обозрѣнія представляли свои объѣздные журналы мѣстнымъ преосвященнымъ. На основаніи свѣдѣній, собранныхъ благочинными, слѣдившими за всѣмъ и домъ дѣлъ сектаторовъ на мѣстѣ, были составлены мѣстными иерееми подробные отчеты о состояніи въ ихъ епархіи раскола вообще, и въ частности о сектѣ странниковъ и представлялись синоду ²⁾.

Эта мѣра духовнаго правительства привела къ весьма важнымъ результатамъ. И самымъ первымъ результатомъ было то, что теперь сдѣлалось извѣстнымъ власти число раскольниковъ, если не совершенно точное, по крайней мѣрѣ, приблизительно вѣрное. Во многихъ епархіяхъ до того времени не только не было выведено вѣрной цифры раскольниковъ (конечно, это не вездѣ и можно было достигнуть вполне), но и не заботились о ея вѣрности, считая число раскольниковъ по духовнымъ росписямъ, въ которыхъ тайные раскольники писались прямо въ числѣ православныхъ подъ именемъ «небытчиковъ», и писались такъ изъ году въ годъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они давно состояли въ расколѣ, отчего цифра положительныхъ раскольниковъ выходила здѣсь весьма незначительная ³⁾. Теперь же сдѣлались извѣстными духовному начальству не только всѣ явные, но и большая часть тайныхъ раскольниковъ.

¹⁾ Журн. постановленіе синода отъ 30-го ноября 1855 года.

²⁾ Лучшимъ отчетомъ о состояніи современнаго раскола, безспорно, былъ отчетъ представленный преосвященнымъ нижегородскимъ Іереміемъ, который находится въ подлинникѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ дѣлѣ „о странникахъ“. Совершенно съ этимъ отчетомъ былъ составленъ отчетъ и чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Мельниковымъ, который особенно отличаетъ ясность сужденій и безопадныхъ бичеваній раскола и лицъ, потворствовавшихъ усиленію и распространенію.

³⁾ Такъ, напримѣръ, въ олонекской губерніи, гнѣдѣ раскола, по церковнымъ росписямъ значилось раскольниковъ 3,286 человекъ, а по дознанію благочиннаго оказалось 18,197 человекъ. Точно также встрѣчаемъ и въ нижегородскомъ епархіи прежде—всѣхъ раскольниковъ считалось 86 тысячъ, а по прилежному изслѣдованію оказалось 126 тысячъ, а въ отчетѣ г. Мельникова 170,000.-

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ и въ синодѣ, произ-
 шество дѣла о страннической сектѣ привело совершенно къ
 неожиданнымъ результатамъ. Вскорѣ послѣ возникновенія дѣла о
 сектѣ странниковъ, именно въ 1853-мъ году, правительство при-
 няло необходимымъ собрать на мѣстѣ необходимыя свѣдѣнія
 не только о «сектѣ странниковъ», но и вообще о совре-
 менномъ состояніи раскола, узнать «что такое русскій расколъ»?
 Для этой цѣли, независимо отъ комиссіи, занимавшейся изслѣ-
 дованіемъ дѣла о странникахъ, были посланы чиновники мини-
 стерства, специально подготовленные къ этому дѣлу и знако-
 мые съ расколомъ, въ тѣ губерніи, въ которыхъ преимуще-
 ственно развился расколъ или гдѣ было замѣтно между наро-
 домъ больше наклонности къ нему. На основаніи полученныхъ
 или на мѣстѣ данныхъ, они составили «отчеты о современномъ
 состояніи раскола» и представили ихъ въ министерство вну-
 треннихъ дѣлъ. Отчеты эти не были опубликованы; но правитель-
 ство приняло ихъ за норму, по которой установило свой взглядъ
 на расколъ и его развитіе, взглядъ, который до сихъ поръ опре-
 дѣляетъ дѣйствія министерства по дѣламъ о раскольникахъ. Нѣ-
 которые изъ занимавшихся вопросомъ о нашемъ расколѣ имѣли
 случай воспользоваться матеріалами, заключающимися въ этихъ
 отчетахъ. Но все написанное до сихъ поръ далеко не исчерпы-
 ваетъ самаго вопроса, какъ вообще, такъ и въ особенности о
 сектѣ странниковъ. По поводу послѣдней мы можемъ указать,
 главнымъ образомъ, на небольшую замѣтку г. Трефолева и весьма
 краткую записку о странникахъ И. С. Аксакова, напечатанныя
 въ «Русскомъ Архивѣ» (1866 г. № 4). Укажемъ еще на вы-
 писки и даже цѣлую записку о расколѣ изъ отчета г. Мельни-
 кова. Но мы должны сдѣлать оговорку о заграничномъ изданіи
 Кельсіева, гдѣ сдѣланы выписки изъ отчета гр. Стенбока, и
 сдѣланы весьма недобросовѣстно. Намъ не было трудно при-
 нести и тѣ мѣста въ изданіи Кельсіева, которые подтверж-
 даютъ нашъ отзывъ: мы имѣли въ рукахъ подлинныя отчеты и
 не дѣло «о странникахъ», какъ синода, такъ и министерства
 внутреннихъ дѣлъ, и при первомъ сравненіи изданнаго Кель-
 сіевымъ съ оригиналомъ, искаженіе послѣдняго сдѣлалось оче-
 виднымъ.

Въ нашей литературѣ, особенно духовной, по дѣлу раскола, —
 сказано однако уже достаточно для того, чтобы мы имѣли
 право считать излишнимъ говорить вообще о расколѣ. Мы огра-
 ничимся однимъ краткимъ очеркомъ историческаго развитія рас-
 кола, съ цѣлью показать, какія внутреннія побужденія послужили

къ тому, чтобы общество странниковъ выдѣлилось и образовалось изъ себя особую секту въ расколѣ.

Расколъ, въ первое время своего появленія, представляется въ такомъ видѣ: отверженные московскимъ соборомъ (1667) соединяются въ одно общество, и въ этомъ обществѣ проявляются въ послѣдствіи перемѣна во взглядѣ на церковную власть и на самую церковь, — какъ на непріязненныя силы. Отношенія этого общества къ свѣтской власти представляются въ самомъ неопредѣленномъ видѣ. Нѣкоторое время, впрочемъ, общество отщепенцевъ относилось еще къ ней довольно миролюбиво, надеясь чрезъ нее возстановить древній порядокъ; но въ эти надеждахъ раскольники вполне разочаровались въ 1682-мъ году. А казни первыхъ расколуучителей и предводителей общества отщепенцевъ — Аввакума, Лазаря, Никиты-Пустосвята и другихъ — и послѣдующіе строгіе указы правительницы Софіи Алексеевны возбудили въ раскольникахъ самый сильный фанатизмъ, который велъ къ самоожигательству въ огромныхъ размѣрахъ въ бѣгству изъ городовъ и селеній въ пустыни, лѣса, и, — и тамъ — за границу; вслѣдствіе чего и внѣ предѣловъ Россіи появились общества раскольниковъ — въ Швеціи, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Турціи, въ Малой Азіи и даже въ Китаѣ.

Во внутреннемъ отношеніи расколъ представлялъ въ это время одну сплошную массу людей несогласныхъ, но внутренне простыхъ и вѣрующихъ, хотя съ недостатками, но и съ достоинствами, — по-своему привязанныхъ къ церкви и ея священнымъ обрядамъ; онъ только и жилъ, какъ представлялось стороннему наблюдателю, одною чисто-религіозною жизнію. Еще не было въ немъ тѣхъ внутреннихъ раздѣленій, которыя явились въ послѣдствіи — не было ни поповщины, ни безпоповщины, ни тѣмъ болѣе другихъ мелкихъ толковъ, — хотя и были нѣкоторые зачатки къ такому раздѣленію; но, кромѣ разногласій и недоумѣній между его руководителями ничего пока ясно не обрисовывалось. Его стремленія, какъ казалось на первый взглядъ, были недалеки отъ желанія умѣренны. Онъ домогался немногого: хотѣлъ сохранить во всей неприкосновенности одни лишь прежнія, но мнѣніемъ приверженцевъ мнимой старины, средства къ спасенію, — т. е. нѣкоторые священные обряды, и старинныя богослужебныя книги, отнятыя у него патріархомъ Никономъ. Въ этомъ еще не было, повидимому, ничего особенно-противнаго духу религіи и цѣлямъ правительства: не велика вина въ томъ, что люди хотѣли сохранить цѣлость древнихъ книгъ и по нимъ достигать спасенія...

Но такъ только было вначалѣ. Желаніе раскольниковъ—сохранить древнія книги и нѣкоторые обряды повело къ отрицанію сначала новоисправленныхъ книгъ, а потомъ и церковной власти, іерархіи, православія и въ концѣ концовъ привела къ отрицанію самой церкви... Дѣйствительно, по внутреннему своему содержанию, расколъ и не представлялъ вначалѣ ничего положительнаго, систематически-организованнаго на какихъ-либо догматическихъ основаніяхъ. Никакого руководящаго начала, никакого догматизма не было положено въ основаніе новаго религіознаго общества при первомъ его отторженіи отъ церкви православной. Все богословствованіе первоначальнаго раскола заключалось пока только въ сочиненіяхъ немногихъ ея вождей. А эти сочиненія (первыхъ вождей и учителей раскола—Аввакума, Лазаря, Никиты и друг.) заняты и переполнены лишь голословнымъ отрицаніемъ «нововводствъ, измѣненій и отрицаній», сдѣланныхъ въ нововзванныхъ патриархомъ Никономъ книгахъ и отсюда перешедшихъ въ церковную практику. Въ нихъ слышатся лишь горькія жалобы и рѣзкая, беспощадная брань на Николюшину—на русскую церковь съ ея пастырями, за «растлѣніе» «новинами» русской церкви и тому подобныя голословныя возгласы... И казалось бы, что при такомъ, чисто-отрицательномъ и лишенномъ прочныхъ основаній, отношеніи къ церкви расколъ не могъ существовать; не имѣя положительныхъ, твердыхъ и вѣрныхъ задатковъ для своего дальнѣйшаго развитія, онъ не могъ обшачать организаціи въ твердо обоснованную церковно-религіозную общину. Скорѣе можно было бы ожидать, что надъ нимъ исполнятся слова Аввакума: «глушцы-раскольники пропадутъ какъ черви капустные». Но не сбылось предсказаніе Аввакума, расколъ не пропалъ.

Слабый и неопредѣленный, по своему началу, въ теоріи, расколъ оказался страшно силенъ и живучъ на практикѣ. При всей первоначальной неопредѣленности своего вѣроученія, при всей несостоятельности церковно-религіозныхъ основъ, онъ быстро пошелъ по пути окончательнаго и какъ бы безвозвратнаго отторженія отъ церкви и православнаго общества къ внутренней самостоятельной организаціи. Потергивъ рѣшительную неудачу, какъ въ своихъ надеждахъ на поддержку гражданской власти, высказавшихся въ нѣсколькихъ челобитныхъ царямъ о восстановленіи церковной старины, такъ и на пути открытыхъ возстаній противъ власти не только церковной, но и гражданской, окончательно осужденный и анаематствованный церковью, неумолимо гонимый и страшно преслѣдуемый гражданской властію,

Особенно съ 1684 года ¹⁾, — съ непримиримою враждою и за- таенною ненавистію къ церкви и обществу съ ея правительствомъ, скрытно и осторожно, но твердо и безостановочно стали разви- ваться и организоваться въ религиозно-гражданскія общины. Какъ, необходимое слѣдствіе этого развитія и вновь составившагосѣ міросозерцанія раскольниковъ, въ ихъ обществѣ является прежде всего одно главное раздѣленіе: менѣе упорные и болѣе мягкіе въ своихъ отношеніяхъ къ церкви хотятъ имѣть у себя свя- щенство, хотя бы и незаконное, а болѣе суровые и враждебные къ церкви, отвергаютъ священство, словомъ—является въ рас- колѣ поповщина и безпоповщина.

Въ основаніи внутренней, церковно-религіозной организаціи безпоповщины было положено преданіе Павла Коломенскаго, который будто-бы заповѣдалъ не принимать отъ русской церкви никакихъ таинствъ и священнодѣйствій, не принимать новопо- ставленныхъ въ ней священниковъ, — утверждая, что не только священники, еще находившіеся тогда между раскольниками, но и иноки и благочестивые міряне могутъ совершать тайны и удовлетворять другимъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ. Тѣхъ же самыхъ взглядовъ держались и первые руководители раскола, пострадавшіе въ Пустозерскѣ—Аввакумъ, Лазарь, Феодоръ, Епи- фаній и другіе.

Сущность всей догматики безпоповцевъ заключается въ по- морскихъ отвѣтахъ, гдѣ систематически, на основаніи исторіи, излагаются главныя основанія ихъ вѣрученія, которыя кратко можно представить въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) Цер- ковь, занимая исключительное положеніе въ человѣческихъ обще- ствахъ, нерѣдко въ минуту бѣдствій должна была, безъ ущерба впрочемъ спасенію своихъ членовъ, сокращаться въ видимыхъ средствахъ, какими она обыкновенно располагаетъ въ мирное для нея время. 2) Русская церковь, стоя съ самаго начала въ ближайшей связи съ государствомъ, наслаждалась почти всегдаш- нимъ миромъ и свободно располагала видимыми средствами спа- сенія своихъ членовъ. Но—такъ только было до Никона, кото- рый погралъ и осудилъ церковныя преданія, и подорвалъ, по апокалипсическому пророчеству, самыя основы спасенія. Про- тесты ревнителей древняго благочестія остались безуспѣшными и даже возбудили гоненіе на ревнителей старины, такъ какъ на сторонѣ Никона была вѣщная сила и авторитетъ восточ-

¹⁾ Именной указъ 1684 г. въ первый разъ прямо объявилъ расколъ преступленіемъ, за которое назначались страшныя наказанія П. С. З. т. 11, 110.

ныхъ патриарховъ, его единомышленниковъ и поддержка правительства. Отсюда заключеніе: при такомъ исключительномъ положеніи въ государствѣ ревнителей правобѣрія, неизбежно и можно въ гонимой церкви отсутствіе нѣкоторыхъ изъ видныхъ средствъ, данныхъ Спасителемъ для руководства вѣрующимъ въ Него ко спасенію.

Раскрывая эти начала и проводя ихъ въ жизнь, безпоповцы не только отвергаютъ священство и нѣкоторыя другія таинства церкви, но и оправдываютъ себя въ этомъ законностію своего отверженія. Отторгшись отъ церкви подъ влияніемъ мысли о мѣдичествѣ въ мірѣ антихриста и объ отъятіи благодати отъ земли, они, тѣмъ не менѣе, хотятъ содѣлать свое спасеніе. Догматъ о таинствахъ такимъ образомъ выдвигается на первый планъ самъ собою. Но, какимъ образомъ совершать таинства, необходимыя для спасенія, когда нѣтъ іерархіи? Для рѣшенія этого вопроса, безпоповцы обращаются въ книгамъ, принимаемымъ и православною церковію. Здѣсь, въ большомъ катихизисѣ, или, какъ цитуетъ Денисовъ въ своемъ 102-мъ отвѣтѣ— «отъ новопечатныхъ книги Жезла собраніе»... (Чл. 1-й возоблнч. 17-е л. 49), они находятъ мѣсто, гдѣ говорится, что одни изъ таинствъ необходимы человѣку, такъ что безъ нихъ нельзя обойтись, другія же такия, безъ которыхъ можно обойтись. Къ первымъ относятся три: крещеніе, покаяніе и священство. Особенно затрудняло безпоповцевъ только послѣднее изъ этихъ таинствъ; но у нихъ уже положено въ основаніи мнѣніе, что антихристъ царствуетъ въ мірѣ и благодать отлетѣла на небо, поэтому они порышили о священствѣ тѣмъ, что антихристъ упразднилъ его. Остаются такимъ образомъ два таинства: крещеніе, которое отверзаетъ двери царствія Христова, и покаяніе, безъ котораго нивагъ уже нельзя обойтись, ибо—кто грѣха не имать, аще и единъ день житія его на землѣ? Вполнѣ сознавая необходимость этихъ таинствъ, они съ особенною изворотливостію занялись рѣшеніемъ вопроса—какъ совершать ихъ? Обращаются снова въ книгамъ и въ церковной исторіи, и здѣсь находятъ благоприятныя для себя свидѣтельства, что крещеніе совершалось въ церкви и мірянами и даже женщинами, въ особенности въ первые вѣка христіанства. Что же касается совершенія покаянія, то они и на это отыскивали свидѣтельство въ Помоканонѣ кievской печати 1624 года. Здѣсь между прочимъ говорится (отв. 55), что «и не священнику, искусъ имѣющему духовнаго дѣянія, паче священника неискусна, праведно есть помышленіе приимати и правильно исправляти»... Однакожъ въ

церковной практикѣ этого не было, чтобы исповѣдывались когда-нибудь мирянамъ. Но беспоповцы обратились къ строю жизни монастырской, и здѣсь нашли чего имъ хотѣлось: въ монастыряхъ, дѣйствительно, былъ обычай, чтобы младшіе братья каждый проведенный день жизни разсказывали старцамъ, которымъ вѣрали свое нравственное воспитаніе. Это беспоповцы назвали «исповѣдью», хотя это было не что иное, какъ послушаніе, которое долженъ былъ нести всякій новопоступившій въ монастырь. Далѣе, — въ церкви греческой существовали нѣкогда (въ XIV-мъ и XV-мъ вв.) такого рода порядки: епископъ, наприм., повѣрялъ только принимать исповѣдь мирскимъ людямъ, но тѣмъ не менѣе этотъ фактъ еще болѣе утвердилъ беспоповцевъ въ ихъ мысли. Наконецъ, понятое ими по-своему и толкуемое въ свою пользу мѣсто апостола Іакова: исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваши... ¹⁾, послужило для нихъ самымъ неопровержимымъ, но мѣткою ихъ, доказательствомъ правильности ихъ взгляда на таинство покаянія; оно и донынѣ служитъ для нихъ классическимъ мѣстомъ. Всѣ остальные таинства, или потому, что безъ нихъ можно обойтись, или потому, что нѣтъ людей для ихъ совершенія, были отвергнуты. Покончивъ такимъ образомъ съ таинствами, беспоповцы постарались не только извинить свое отступничество, но и совершенно оправдать себя «нуждою и тѣснотою» своего положенія ²⁾.

Отношеніе къ власти свѣтской вполне вытекало изъ взгляда раскольниковъ на нее, какъ на олицетвореніе царства антихриста. Явились личности, которыя прямо и открыто провозглаголювали, что Петръ I — антихристъ, и что слѣдовательно молиться за царя великій грѣхъ. И вотъ, беспоповцы поставляютъ догматъ «не молиться за царя», потому что онъ былъ денъ вѣстникъ истинной вѣры, противникъ Богу ³⁾, еретикъ, анти-

¹⁾ Іак. V, 16.

²⁾ Вотъ что читаемъ у Денисова: „Повеже, говорить онъ, отъ самихъ апостольскихъ временъ во многа времена, въ гонительныя тѣсноты и нужные случаи, церковь божія со угодники божіими и съ вѣрными христіанами пребываеши многожды кромѣ иудимскихъ церквей, и кромѣ священниковъ, и кромѣ пространныхъ тайнодѣйствъ: такожде и по пустынямъ кромѣ сихъ многожды пребывающе угодници спасахуся: яко и мы въ нужныхъ случаяхъ хреве православная церковная преданія соблюдающе и по обыкности и любви пустынный другъ другу во благо совѣтующе, спасеніе можеть получитьи, и св. божія церкви не отлучени быти; о словеси Златоустаго отца — церковь есть не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе“. (См. надсловіе и предисловіе къ Писемъ отвѣтамъ).

³⁾ Раск. д. XVIII ст., т. 1 стр. 41.

и вообще не молиться за власть, хотя милостивую, но все-таки еретическую.

Но эти начала, твердо и прочно, повидимому, обоснованные догматическіе безпоповцевъ, не могли связать крѣпкими и незыблемыми узами все общество раскольниковъ; не могъ устоять надолго и тотъ порядокъ вещей, который установленъ былъ на этихъ началахъ. Прошло нѣсколько времени, безпоповцы увидѣли, что и по смерти Великаго Преобразователя царство антихриста продолжается, и кончина міра не наступаетъ... И вотъ, начинаются между ними разногласія и раздѣленія.

Первое раздѣленіе безпоповщины было по вопросу о таинствѣ брака. Развратъ между безпоповцами усилился до того, что сами настоятели не могли болѣе скрывать этого; мысль о царствѣ антихриста, между тѣмъ, начала сильно ослабѣвать; слѣдовательно вопросъ о бракѣ выдвигался на первый планъ. Явились честные люди, которые возстали противъ разврата и говорили, что не слѣдуетъ запрещать брака. Эту мысль первый между безпоповцами подалъ Иванъ Алексѣевъ ¹⁾. Но она слишкомъ еще была нова для бредившихъ прошедшимъ раскольниковъ, самъ же Иванъ Алексѣевъ не имѣлъ столько энергіи, чтобы привести ее въ исполненіе. Онъ долженъ былъ отказаться отъ своей новизны. Какъ бы то впрочемъ ни было, но мысль Ивана Алексѣева нашла себѣ отголосокъ. Ею воспользовался Василій Емельяновъ, уроженецъ московскій, и началъ открыто проповѣдывать о необходимости и святости брака. Противная сторона настолько еще была сильна, что заглушила проповѣдь одного своими сильными протестами и прещеніями. Для большаго и вѣрнѣйшаго пораженія новаго ученія былъ созванъ соборъ, на который Емельяновъ долженъ былъ явиться какъ подсудимый, и здѣсь принужденъ былъ уступить силѣ и изувѣрству своихъ противниковъ. Онъ долженъ былъ публично отречься отъ своего ученія ²⁾. Несмотря однакожъ на все

¹⁾ См. „Прав. Обзор.“ за октябрь 1864 года.

²⁾ Вотъ этотъ интересный документъ: „Копія списка обязательнаго Василя Емельянова, предъ отцы выгорецкими, † 7300 года, февраля 25 дня;

Божією помощію:

Сомѣдхеса выгольскія жители, въ аексинская общезнательство разсуждая колебаіи и многія распри и раздоры во всецерковныхъ чадѣхъ о новозаведенномъ въ царствующемъ градѣ Москви нѣкихъ христіанъ сумнительномъ толкованіи, отъ новопопковскихъ, а именно: Василя Емельянова слослѣдующими себѣ отъ сихъ убо поповствованіи христіанскоя сумненія желая усердно рѣшить, много увѣщавахомъ при бывшаго къ намъ сего собранія началоводителя выше именованнаго Василя, чтобъ отъ вселюбно оставилъ сіе сумнительное толкованіи и дѣйства и по многомъ увѣща

это—мысль Ивана Алексѣева не пропала даромъ: вскорѣ образовалась въ безпоповщинѣ отдѣльная секта брачущихся—поповская, и противоположная ей, дѣйственниковъ—еодосѣвская. Вотъ первый и главный камень преткновенія единенію безпоповщины. Съ тѣхъ поръ эти противоположныя партіи презираютъ и преслѣдуютъ одна другую до настоящаго времени.

Далѣе. Въ догматикѣ безпоповцевъ, какъ мы уже видѣли, было положено вначалѣ, что власть гражданская—власть антихриста, что подчиняться ей, исполнять ея распоряженія, и особенно молиться за нее—есть грѣхъ, и грѣхъ непрощительный.

ни священникъ правилъ уступки своимъ степеней разсужденія, помысли выгольскіи скны общезнаменъ, единогласно быти, времепредающимъ святоотеческомъ преданію, и начало сотвори предъ образомъ Спасителя нашего Господа Исуса Христа, и пречистнаго преблагословенна Матери, и святѣйшаго всѣхъ рожденнаго изъ жены, предтечи и крестителя Іоанна, въ его прешедшихъ ученіихъ и дѣствіихъ несогласныхъ священному писанію: такожде и въпредъ предъ всѣмъ обществомъ обещанъ сего отнюдъ никакъ не творити ни сему не учити которое онъ свое обѣщаніи нѣдлѣдующими статіями, слодыписаніемъ своея руки сице обяуется: 1-е, о бракахъ некихъ мудрствовать такъ, какъ нами (предки) прежніи отци: Даниилъ, Андрей и Симеонъ Днионсїевичи и прочіи по нихъ;

2-е: не признавать въ сихъ бракахъ, ни церковной формѣ, ни совершенія крестнаго молитвословія священническаго;

3-е: бракосовокуляющимся въновь молѣбномъ не гѣть, и не благословити не благословенное церковію;

4-е: въновь брачывшихся вскорѣ не принимать во общеніе, но тогда егда свѣдѣніе удостоятъ къ соблюденію чистоты, и обътъ учинятъ прежде управы;

5-е: сихъ браковъ утвердителей естли они не покаются, конечно отлучити, аще не обратятся совершенно, имъ запретити чтобъ не толковали, и тому не учили;

6-е: О снѣзъ погубѣльномъ въ противность разуму священнаго писанія и толкованію святыхъ отецъ не толковать и въ народъ того сумленія не проповѣдывать, какоу обязательному писму, еже быти мнѣ согласному о разумей сего влаченаго времени, и о новопопешившихся, а согласному прежнимъ отцемъ и свастоящимъ выгольскимъ жителямъ единоумствію и въпредъ никакого зашщитенія безъ священнословниихъ бракомъ чинити не буду, вчемъ и подыписуясь: Василій Емельяновъ.

Сему обѣтованію жителя царствующаго града Москвы, Василія Емельянова, сему по прежнему въ противность прежнимъ нашимъ отцемъ ему не толковать и не творити, и мы обще жители выгольскіи согласуемъ, и общаемся ему и духовно и телесно способствовать въчемъ и подыписуемся;

Грѣшныиъ иннокъ Іона подыписуясь.—Старець Феосанъ подыписуясь.—Послѣдній Архипъ Дементіевъ подыписуясь.—Всепослѣдній всѣхъ Тимофей Андреевъ подыписуясь.—Убогопослѣдній Алексій Алексіевъ подыписуясь.—Убогопослѣдній Семекъ Ердюновъ подыписуясь.—Послѣдній Иванъ Аванасіевъ подыписуясь.—Воскрѣившимъ и убогопослѣднимъ Иванъ Сидоровъ въ место Федора Григорьева, Мирона Иванова, Силверста Григорьева, Тимофея Миронова, ко ихъ прошенію общему и за себе руку приложили.—Непотребной Иоаннъ Тимофеевъ; убогопослѣднимъ Григорій Никитинъ подыписуясь.—Прилучившися бистъ при семъ соборѣ Иоаннъ Феоктистовъ Днѣ подыписуясь.

Скольники до времени были вѣрны этому догмату; но уже до-
 шныя отношенія Петра I-го къ выговцамъ достаточно ослабили
 прежній фанатизмъ, такъ что самъ Денисовъ хотя и называлъ
 Петра антихристомъ, однако высказывалъ ему вѣрнопопдан-
 ческія чувства. Впослѣдствіи времени, когда при преемникахъ
 Петра для раскола настало болѣе мирное время, когда внѣшнее
 благополучіе и спокойная жизнь сдѣлали ихъ болѣе снисхо-
 дительными и въ самимъ себѣ и въ власти, — дошло дѣло до
 того, что, не рѣшаясь признать мысль о воцареніи антихриста
 въ лицѣ Петра I-го, въ своемъ ученіи, ложную, безпоповцы
 (шморцы, ееодосѣвцы и др.) допустили ограниченіе этой мысли
 къ приложенію ея къ преемникамъ Петра и стали учить, что ан-
 тихристъ царствуетъ въ Россіи не чувственно, а духовно, что
 всѣхъ Петра царствуютъ не настоящіе антихристы, а только
 слуги его, исполнители воли его, а власть свѣтская—орудіе его.
 И потому, хотя признавали всѣ дѣйствія свѣтской власти не
 православными, антихристіанскими, однакожь стали относиться
 къ ней менѣе враждебно, подчиняться безпрекословно общимъ
 государственнымъ законамъ, платить подати и нести всѣ другія
 общественныя и государственныя повинности. Наконецъ, когда
 донесено было, что выговцы не молятся за царя, то они безъ
 малѣйшаго сопротивленія, опираясь на ученіе св. Писанія, кото-
 рое повелѣваетъ молиться за власть, постановили молиться за
 царя, прибавивъ къ тому и оправданіе своихъ прежнихъ дѣй-
 ствій относительно этого пункта, что если этого не было прежде,
 то единственно потому, что «о томъ не спросили ни отъ кого». Такимъ
 образомъ, опять сдѣлана была значительная уступка преж-
 нимъ безпоповщинскимъ началамъ, и это повело къ дальнѣйшему
 разногласію и разъединенію въ расколѣ.

Нѣкто Филиппъ, до постриженія въ иночество бѣглый стрѣ-
 лецъ Фотій, служившій келейникомъ у Андрея Денисова, воз-
 сталъ противъ столь явнаго нарушенія положительнаго догмата
 безпоповцевъ и несоблюденія преданій отеческихъ. Его мнѣніе
 «не молиться за царя и не подчиняться власти» и т. п. не
 могло не найти себѣ сочувствія и въ другихъ зрыхъ ревните-
 ляхъ отеческихъ постановленій. Филиппъ смѣло и гласно про-
 возглашалъ, что не только Петръ, но и всѣ послѣдующіе за
 нимъ императоры русскіе — антихристы, и потому всѣ распоря-
 женія ихъ богопротивны, ведутъ къ гибели и слѣдовательно
 не должны быть принимаемы и выполняемы послѣдователями
 «древне-отеческаго содержанія». Поэтому, Филиппъ съ своими
 послѣдователями не могли жить въ единеніи съ поморцами: они

отдѣлились отъ Выговской пустыни и основали вблизи ея свой особый скитъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и особый, новый толкъ *филипповскій*. Ихъ крайній аскетизмъ привелъ, какъ извѣстно, къ весьма печальной исторіи: во время извѣстной комиссіи Самарина, они цѣлымъ святошъ, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, на виду Самарина, предались самосожженію. Но это обстоятельство не ослабило севты, напротивъ, оно послужило зерномъ, брошеннымъ въ плодоносную землю: это зерно дало ростки и принесло свой плодъ ¹⁾.

Слѣдующее раздѣленіе раскольниковъ безошповцевъ вытекало наоборотъ, изъ добрыхъ отношеній къ нимъ верховной власти. Съ воцареніемъ императрицы Екатерины отношенія власти къ расколу рѣшительно измѣняются на лучшее. Къ раскольниковъ относятся самымъ гуманнымъ образомъ, къ живущимъ на рубежѣ имперіи и за границами ея обращаются въ формѣ указовъ съ воззваніями—возвратиться въ мѣста прежняго жительства, имъ обѣщаются (и даются на самомъ дѣлѣ) льготы и всѣ права гражданства, прощается ихъ своевольное удаленіе изъ отечества, отводятся лучшія земли и уголья и проч., однимъ словомъ, въ вѣстный 1762-й годъ отмѣченъ въ жизни раскола, какъ «начало его религіозной свободы» ²⁾. Расколъ ожилъ; раскольники цѣ

¹⁾ Въ настоящее время филипповщина свой аскетическій взглядъ обратила чисто въ фарисейство: строгій видъ, пуританская простота наряда, скромная, тихая и кроткая важная поступь, опущенный взоръ — все въ филипповцѣ преувеличено, все обличаетъ въ немъ слѣшковъ строгаго аскета, строгаго до фарисейскаго отращиванія отъ всего свѣрнаго, нечистаго, еретическаго, до того, что онъ готовъ обтирать и обкуривать ручку двери, за которую брался еретикъ.

²⁾ Указомъ 14-го декабря 1762 г. позволено всѣмъ объявленнымъ изъ Россіи на границу раскольниковъ возвратиться на родину съ прощеніемъ всѣхъ ихъ преступленій, съ указаніемъ имъ мѣста жительства не только въ Сибирской губерніи, близи Тобольска, на Барабинской степи, но и въ губерніяхъ Воронежской, Вѣлгородской, Казанской, Астраханской, Саратовской, Оренбургской и др. При этомъ объявлено, что имъ и дѣтямъ ихъ, записаннымъ въ двойной окладъ „ни отъ якогъ никакаго прѣтѣсненія чинимо не будетъ“, — дозволяется носить бороду и не носить установленной одежды, записываться за прежними помѣщиками, поступать въ государственные крестьяне и въ купечество, по собственному желанію, „а противъ желанія никто никакъ приневоленъ быть имѣть и только должны они платить такой раскольническій окладъ, какіе и прочіе здѣшніе раскольники платятъ“, съ освобожденіемъ, однако, на шесть лѣтъ отъ всякихъ податей и работъ тѣхъ изъ нихъ, которые до 4-го декабря 1762 г. бѣжали изъ Россіи... Въ томъ же году объявлено раскольниковъ, что всѣ слѣдствія о самосожигательствѣ ихъ прекращаются, съ тою дѣлюю, чтобы они, не опасаясь наказанія, оставили это пагубное заблужденіе. См. „Полн. Собр. Зак.“, томъ XVI, № 11,725 и № 11,484; дѣло въ Арх. Деп. Общ. Дѣл. 17-го дек. 1828 г. Собр. нов. и части раскола, стр. 2.

ни массами возвращаются въ Россію, селятся по городамъ и селамъ и занимаются безъ всякаго стѣсненія каждый своимъ промысломъ—торгующіе принимаются въ градскія общества, обшачники берутся за земледѣліе: всѣ дѣлаются, наравнѣ съ чинами, членами государства и общества. Жизнь потекла для раскольниковъ тихая, мирная и привольная. Но это внѣшнее состояніе раскольниковъ не осталось безъ послѣдствій для внутренней религіозной жизни. Ставши въ рядъ членовъ общества многіе изъ раскольниковъ, въ томъ числѣ и строгіе филоновцы, очень не во многомъ стали отличаться отъ православныхъ въ условіяхъ жизни общественной, и въ своемъ взглядѣ на власть приблизились во взгляду православному. Какъ бы въ благодарность за хорошія отношенія власти, не только поморцы, едосѣвцы, но и нѣкоторые изъ филипповцевъ стали записываться подъ двойной окладъ; не только не бѣгали ревизи, но и когда нужно паспорта, а иногда, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія власти, притворялись даже православными, какъ-то: являлись въ исповѣдныя росписи, и, въ случаѣ крайности, даже предъ смертію, чтобы не встрѣтить препятствій въ погребенію, исповѣдывались у православныхъ священниковъ и принимались въ православныхъ церквахъ; принимали на себя разныя служебныя обязанности, отправляли рекрутчину, если не могли, то нанимая за себя рекрутовъ, однимъ словомъ, старались жить во внѣшней жизни не отличаться отъ православныхъ, считая себя мыслию, что вѣру можно соблюдать и «кромя устава исповѣданія, въ сердцахъ и дѣлахъ»¹⁾.

Такъ какъ въ расколѣ всегда были люди горячіе и ревностные, часто до фанатизма къ своимъ древнимъ обычаямъ, то и на этотъ разъ нашлись люди, чтобы произвести реакцію такой раскопченности нравовъ. Нашлись строгіе проповѣдники аскетизма,

Указомъ 20-го янв. 1762 года предписано мѣстнымъ начальствамъ: „чтобы раскольники, возвращающіеся изъ-за границы и слѣдовавшихъ въ мѣста избранныхъ ими поселеній, не только въ пути нигдѣ ни малѣйшаго задержанія не было, но до опредѣленныхъ въ поселенію ихъ мѣстъ свободно пропускаемы и квартиры имъ вездѣ безпрепятственно даваемы были; равно-жъ и по прибытіи въ опредѣленные мѣста, въ погонѣ ихъ отъ кого никакого препятствія чинимо не былобъ и не отбиралъ и не требовалъ ихъ имѣній ничего, оказываемы имъ были при томъ новомъ поселеніи всѣ возможные вспоможенія“. Манифестомъ 15-го дек. 1763 г. уничтожена наконецъ раскольничья контора, и раскольники подчинены общему присутствію магистратовъ. См. Перв. Полн. Собр. Зак. т. XVI № 11,738 и № 11,989, п. 19, тамъ же. См. также и другихъ благопріятныхъ для раскольниковъ постановленій.

¹⁾ См. „Нѣск. сл. о русск. раск.“, стр. 141. Кольс. вып. 4, стр. 274—277. „Разсказы о Евангеліи—1784 г. и „Малый образъ ересей“ Никиты Семенова.

вторые хотѣли возвратить общество раскольниковъ къ временамъ древней аскетической жизни переживающихъ христіанъ чѣмъ миролюбивѣе и снисходительнѣе казались имъ новыя отпеченія своихъ братій въ власти, тѣмъ жарче возставали они противъ нихъ, и чѣмъ болѣе тѣ приближались въ своемъ взглядѣ на власть къ православному взгляду, тѣмъ рѣзче новыя решенія отдѣлялись отъ нихъ. Такое двоедушіе и лицемеріе въ отношеніи власти, во мнѣніи новыхъ ревнителей, казались до того возмутительными и несогласными съ обязанностями истиннаго христіанина, что они рѣшились, вопреки всѣмъ своимъ собратіямъ по вѣрѣ, разорвать всѣ связи съ обществомъ, надъ которымъ «властвуетъ сынъ погибели». И вотъ, — является ученіе, которое заповѣдуетъ истинному христіанину не только не подчиняться власти, какъ антихристіанской, и всѣмъ ея распоряженіямъ, избѣгать рѣшительно всего, что могло бы какимъ-нибудь образомъ связывать съ міромъ; что не только не нужно заниматься въ ревнцію, не платить податей, не исполнять никакихъ государственныхъ и гражданскихъ постановленій, но считая грѣхомъ даже жить среди православнаго населенія, и не только съ православными и съ ихъ властію, но и съ раскольниками, одинаковаго съ ними мнѣнія, не имѣть никакого общенія. Мысль о власти сына погибели развивается въ этомъ ученіи до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Такое ученіе имѣло источникомъ своимъ то фанатическое убѣжденіе, что всѣ власти со временъ Петра-антихриста сосуды діавола, что церковь существующая — жилище духа лукаваго, что всѣ поворачивающіеся ей и власти своей — слуги сатаны, что все существующее нынѣ на Руси или произведено антихристомъ, или заклеяемо его скверною печатью, что даже другіе раскольники — еретики, слуги антихриста, такъ какъ живутъ въ обществѣ подъ его властію, что наконецъ — «въ настоящіе послѣдніе дни антихристовой прелесть единственно-спасительный путь сущимъ въ вѣрѣ — путь тѣснѣйшій и прискорбный, еже не имѣти града, ни села, ни дому, разорвать съ обществомъ всѣ связи, бѣжать изъ одного мѣста въ другое, скрываясь отъ руки сына погибели, или наконецъ — уходить въ пустыню, въ которой одной, какъ недоступной для власти антихриста, только и можно спастись, — однимъ словомъ, является секта странникова, или блунова».

Что за личность глава этой секты Еввѣимій по своему происхожденію — опредѣлить довольно трудно. Онъ, правда, оставилъ свою автобіографію, но еще ни одному изслѣдователю раскола не удалось познакомиться съ этой рукописью. Матеріалами для его био-

служили дѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, которыми до
 зальности пользовались знатоки раскола, писавшіе о стран-
 ныхъ вообще и объ Евѳиміѣ въ частности. Одинъ изъ нихъ
 факты подбиралъ такъ, чтобы нарисовать портретъ демократа-
 агитатора; другой, — человѣка съ величайшимъ честолюбіемъ,
 ставившаго себѣ единственной цѣлью получить въ средѣ рас-
 колниковъ начальственное, самостоятельное положеніе. Но на-
 мѣло намъ извѣстно изъ сочиненій самого Евѳимія и руко-
 писныхъ сказаній странниковъ, — не выходитъ ни того, ни дру-
 го. Намъ онъ представляется въ высочайшей степени рели-
 гиознымъ фанатикомъ, чрезвычайно энергическимъ человѣкомъ,
 стремившимся для достиженія своей цѣли — успокоенія совѣсти — упо-
 треблять всѣ свои силы, не задумываясь при этомъ жертвовать
 спокойствіемъ и счастьемъ жизни. Насколько были должны его
 взгляды это видно всякому, но что онъ вѣренъ былъ своимъ
 увѣреніямъ и искрененъ — это несомнѣнно. Что онъ съ своей
 точки зрѣнія честно, помимо излишняго честолюбія и предвзя-
 той агитаторской идеи слѣдовалъ требованію своихъ убѣжде-
 ній, — это ясно изъ того, что Евѳимій не заботился о числѣ сво-
 ихъ послѣдователей и во все время своей жизни не имѣлъ болѣе
 тысячи членовъ: были бы лишь люди боящіеся антихриста, бѣ-
 жавшіе съѣсть его, «а мало ли, много ли ихъ, въ этомъ волень
 мѣ», говорилъ онъ. Правда, этого совершенно нельзя сказать
 о его преемникахъ; но судить объ основателѣ извѣстной
 секты по его послѣдователямъ, вѣроятно, несправедливо и не-
 правильно.

Вся жизнь Евѳимія была тяжкимъ подвигомъ его слѣпотаго
 фанатизма. Онъ тщетно, но съ необыкновеннымъ усиліемъ искалъ
 средству успокоенія своимъ религиознымъ требованіямъ и убѣж-
 еніямъ, и въ концѣ концовъ, все-таки съ непримиренной со-
 вѣстью сложилъ свои восты въ ярославскомъ Ямскомъ гѣсу.

«Бысть сей Евѳимій родомъ переславлянинъ», говоритъ одинъ
 изъ раскольниковъ, описатель житія Евѳимія. Кто былъ онъ по
 происхожденію своему и при какихъ обстоятельствахъ протекла
 его ранняя юность, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что «недовѣдомо его
 дѣтское имя». Почти всѣ раскольническія рукописи утвержда-
 ютъ, что онъ былъ изъ духовнаго званія, и именно архіерей-
 ской гвѣдѣи. На 21-мъ году онъ отданъ былъ при Еккатеринѣ
 Белой въ первый наборъ, послѣ третьей ревизіи, въ военную
 службу. «Но по семь скоро отлучился и бысть подѣ видомъ
 человѣка страннаго въ укрывательствѣ жившаго». Такимъ обра-
 зомъ, обстоятельства на первыхъ же порахъ натолкнули Евѳимія

на странническую жизнь. Надѣленный отъ природы богатыми способностями и еще болѣе пылкимъ сердцемъ, онъ въ своемъ невольномъ уединеніи пришелъ къ тому убѣжденію, что настоящая, временная жизнь — не жизнь, что довольствіе и спокойствіе временныя составляютъ непримѣтные препятствія и преграды на пути исканія истины. И вотъ Евѣмій, на просторѣ уединенія, сталъ раздумывать: «гдѣ бы прислать мѣсто спокойное души своей». Случайно онъ попадаетъ въ Москву и тоже случайно сталкивается въ Дурновомъ переулкѣ съ филипповцемъ. На первыхъ порахъ своими бесѣдами они успокоили его.

Молодому страннику, убѣдившемуся въ суетѣ міра, по-сердцу припелся грубый аскетизмъ и пессимизмъ филипповцевъ, а не читанныя здѣсь изысканія объ антихристѣ окончательно все сменили пылкое и молодое воображеніе религіознаго фаната. И вотъ въ скоромъ времени настоятели этого толка Василій мочеевъ и Алексѣй Ивановъ привели его къ соединенію, — и крестили. Здѣсь онъ занимался «какъ искусный писецъ, книги писать (умѣлъ) всякимъ видомъ: добрымъ начертаніемъ, ускорительнымъ». Кроме того писалъ и собственные сочиненія: многія исторіи о старцахъ раскольническихъ, защищая по своему согласію и сильно нападалъ на еоодосѣвцевъ. Много отдалось у него времени при его чрезвычайно усиленныхъ трудахъ и на живописное искусство. Съ особеннымъ успѣхомъ разрабатывалъ онъ апокалипсисы и иконы.

Прошло немного времени и Евѣмій ознакомился короче съ филипповцами; это общество мнимыхъ аскетовъ, развращенныхъ до крайности, смущало его душу. «Не могъ онъ стерпеть, чтобы не обличить собратьевъ за ихъ бласны, и за сіе возненавидѣли его настоятели, яко неспокойнаго мятежника, на церковное возстающаго»¹⁾. Еще болѣе грѣховныхъ бласней смущало Евѣмія то, что многіе филипповцы, «ярые на слова бывше при приводѣ предъ властью гражданскою, поворочались и сотворили волю властей, и потому филипповцы казались ему сходственны съ прежде бывшими христіанами». Желая окончательно рѣшить дѣло съ филипповцами; онъ всѣ свои недоу-

¹⁾ Известныя некрѣпкія столкновенія между Евѣміемъ и Адрианомъ, настоятелемъ филипповскаго скита, несправедливо объясняются тѣмъ, что Евѣмій, буди всюду преслѣдуемый честолюбивые планы, желалъ занять его мѣсто, — бить настоятелемъ. Онъ и въ этомъ случаѣ былъ только обличителемъ; онъ уже въ это время, сознавши неспособность филипповскаго толка, рѣшился оставить его и искать покоя гдѣ-либо, но только, какъ увидимъ дальше, не между филипповцами, а между еоодосѣвцами.

относительно ихъ ученія и жизни выразилъ въ формѣ 35-ти вопросовъ и представилъ ихъ для разрѣшенія наставникамъ филипповскаго толка, чтобы такимъ образомъ по ихъ отвѣтамъ ему можно было видѣть, насколько они вѣрны ученію первыхъ основателей раскола. Вопросы были многіе слишкомъ серьезны, многіе слишкомъ обличительны, а поэтому отвѣтовъ не послѣдовало. Тогда Евѳимій сталъ способомъ таковой искать, како-бы совершить себя безъ сумлѣнія». Думалъ-было онъ отправиться въ поморскій Даниловъ монастырь, но и тамъ обаялись вины; поборцы, вслѣдствіе строгихъ дѣйствій Самарина, согласились молиться за государя, и слѣдовательно подчинились свѣтской власти. И долго онъ не находилъ себѣ ни отъ какихъ христіанъ успокоенія. Наконецъ, онъ рѣшился идти въ Тверскую губернію, предполагая, что тамъ есть раскольники, отдѣлившіеся отъ филипповцевъ и совершенно точно соблюдающіе правила первыхъ расколотыхъ учителей.

Евѳимію не привелось однако познакомиться съ тверскими раскольниками, про которыхъ ему такъ много наговорили *неблагочестиваго*; да и по своему характеру онъ и здѣсь нашелъ бы небольшую отраду. Какъ бы то ни было, но онъ прежде исполненія этого своего желанія былъ схваченъ полиціей. Скоро удалось ему убѣжать, и онъ—снова искатель древняго благочестія. Переходя съ мѣста на мѣсто, изучая поморскіе отвѣты и другія раскольническія произведенія, онъ вездѣ, во всѣхъ раскольническихъ притонахъ и обществахъ преслѣдовалъ свою цѣль. Наконецъ, случай столкнулъ его «съ нѣкимъ христіаниномъ именемъ Іоанномъ, кій крещенъ былъ православнымъ священникомъ»¹⁾ и непрестанно странствовалъ, убѣгая міра. Вотъ второй фактъ, который долженъ былъ привести Евѳимія къ мысли о странничествѣ. Евѳимій долго и не одинъ разъ бесѣдуя съ нимъ о своемъ мнѣніи, желалъ отъ него себя «совершить, и сей старецъ Іоаннъ бысть ему совѣтникомъ во всѣхъ разглагольствіяхъ».

Совершенно сошедши въ своихъ понятіяхъ съ какимъ-то блудцомъ Иваномъ, Евѳимій обратился къ нему съ настойчивой просьбой, чтобы онъ окрестилъ его въ другой (собственно въ третій) разъ. «Но сей отречея отъ сего дѣла, и совѣтъ даде самому ся крестить». Евѳимій такъ и сдѣлалъ, крестилъ себя

¹⁾ По всей вѣроятности это означаетъ, что Евѳимій встрѣтился съ какимъ-либо поморцемъ, крещенымъ бѣглымъ священникомъ. Въ то время и безпоповцы съ уваженіемъ смотрѣли на подобныя люди...

на 30-мъ году своей жизни, и такимъ образомъ прервалъ всякое сношеніе съ раскольниками всѣхъ толковъ и, при помощи своего новаго знакома, пришелъ къ рѣшительному убѣжденію, что только бѣгая отъ міра, отъ вездѣ дѣйствующаго антихриста можно спасти себя.

Достигши такимъ образомъ своей цѣли, успокоивши свою совѣсть, Евѣимій сталъ распространять съ полнымъ увлеченіемъ свое странническое ученіе. Первымъ послѣдователемъ его былъ нѣкто Павелъ Васильевъ съ сестрой своей. Спустя немного времени общество увеличилось, и вотъ новые сектаторы-странники въ числѣ восьми человекъ побрели въ Пошехонскіе лѣса. Въ лѣсу нашли они два раскольническіе скита. Ихъ обитателямъ уже свыкнувшимся съ страннической жизнью, пришлось по-сердцу ученіе Евѣимія, и онъ поселился здѣсь съ своими приверженцами. Но скоро отрядъ воинской команды нарушилъ покой странниковъ, свиты ихъ были сожжены. Евѣимій, какъ человекъ бывалый, для распространенія своего ученія отправился съ своими спутниками въ Ярославскую губернію. Расчетъ былъ вѣренъ. Здѣсь расколъ съ самаго существованія своего былъ распространенъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи; слѣдовательно, это была самая удобная мѣстность для распространенія бѣгунства.

Въ деревнѣ Малышовѣ, у страннопріимца Петра Федорова онъ нашелъ себѣ спокойный пріютъ. «И здѣсь онъ сочинилъ многія обысканія о старой вѣрѣ и разослалъ посланія съ приглашеніемъ къ странствію къ своимъ послушникамъ», то-есть преимущественно къ тѣмъ, съ которыми онъ встрѣтился въ Пошехонскомъ лѣсу. Въ деревнѣ Малышовѣ проповѣдь его не осталась втунѣ; ему послѣдовалъ нѣкто «Василій Прокофьевъ съ двумя дочерьми, еще Ирина Федоровна, Капшинскаго уѣзда, да Екатерина Андреева съ Туговой горы, послѣ прекрещенія названная Домника».

Полиція не опустила изъ вида безпаспортныхъ гостей, и когда одинъ изъ странниковъ былъ пойманъ и сосланъ въ Сибирь, Евѣимій съ своими послѣдователями убѣжалъ въ галицкіе лѣса. Проскитавшись здѣсь два года подъ постояннымъ страхомъ, онъ опять возвратился въ Ярославль: «Обрѣтши спокойную жизнь онъ весьма труждался: ово иконы писалъ, а великое множество онъ ихъ писалъ, что и потомкамъ весьма оставилъ не мало, овоже писавъ многія книги и главизны о старообрядцѣхъ».

Дѣйствительно, нельзя не удивляться чрезвычайнымъ трудамъ Евѣимія. Не говоря уже о томъ, что онъ переписалъ нѣсколько

копировать и украсилъ ихъ со всѣмъ тщаніемъ, переписалъ всѣ творенія св. отцовъ, наприм., св. Ипполита и друг., написалъ множество иконъ, но при всемъ томъ онъ оставилъ до насъ только одну книгу собственнаго своего сочиненія. Не даромъ онъ, по повелѣнію раскольниковъ, «и въ возглавіи всегда книги имѣлъ и за трапезой всегда въ писаніе вникалъ; ибо таковыи книги, какъ въ Апокалипсисѣ, Цвѣтникѣ и другія десять, вси мы видѣли, что въ покоѣ сидящимъ надобно писать пять лѣтъ, а онъ и въ подвижномъ житіи столько могъ написать!»

Вотъ какимъ путемъ исторически-последовательнаго развитія преніяго содержанія раскола явилась въ немъ секта странниковъ въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія ¹⁾. Основателемъ ея, какъ мы видѣли, былъ бѣглый солдатъ Евѣимій. Смелый и воспріимчивый, Евѣимій рано постигъ недостаточность своихъ религіозныхъ свѣдѣній, какія были внушаемы ему первыми раскольническими наставниками — филипповцами ²⁾; съ жажкою рѣшенія возникавшихъ въ его головѣ вопросовъ, съ непреодолимымъ желаніемъ уяснить себѣ вѣроученіе раскола, онъ, оставивъ домъ родительскій, тайно ушелъ въ Москву и поселился въ общинѣ старцевъ филипповскаго согласія: здѣсь его переименовали, дали новое имя—Евстафія. Съ точностію нельзя опредѣлить, сколько времени прожилъ онъ у филипповцевъ. Извѣстно только то, что онъ былъ схваченъ въ Москвѣ полиціей, какъ бродяга, и препровожденъ въ мѣсто своего жительства. Мѣщанское общество гор. Переяславля, куда онъ былъ возвращенъ, не захотѣло принять у себя такого члена, и при первой возможности попыталось избавиться отъ него,—его сдали въ рекруты. Но для Евѣиміа, настроеннаго такъ, какъ Евѣимій, всякое стѣсненіе было невыносимо, а тѣмъ болѣе военная служба. Къ тому же, его ученіе, котораго держался теперь Евѣимій, было прямо противъ этой службы. Евѣимій бѣжить отъ военной службы и ушелъ снова въ Москвѣ, только уже не къ филипповцамъ об-

¹⁾ Этотъ фактъ говоритъ противъ взгляда г. Шапова на расколъ, какъ на какую-то оппозицію земства противъ правительства, выраженіемъ которой служитъ секта странниковъ... Въ лучшую эпоху Екатерины II, расколъ пользовался такими льготами и свободой, что всякое оппозиціонное дѣйствіе съ его стороны было немислимо. Въ послѣдніе дѣла, противъ чего же имъ было протестовать? Секта бѣгуновъ была скорѣе результатомъ ослабленія строгости прежняго аскетизма, что повело къ нравственной развращенности, а это возбудило протестъ противъ уклоненій и нравственныхъ недостатковъ, и вызвало реакцію, выразившуюся въ странническомъ ученіи.

²⁾ Г. Шаповъ почему-то говоритъ, что Евѣимій учился у едосѣвскихъ наставниковъ, хотя изъ дѣла нигдѣ этого не видно.

ращается онъ, а къ еедосѣвцамъ, на Преображенское кладбище. Здѣсь видѣнъ вѣрно разсчитанный поступокъ Евѳимія: на Преображенскомъ кладбищѣ принимались и укрывались всѣ бродячіе слѣдовательно, ему гораздо удобнѣе было скрыться тамъ отъ преслѣдованій власти, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Чтобы совершенно обезопасить себя со стороны полиціи, Евѳимій принялъ здѣсь монашество, и, какъ человѣкъ дѣльный и полезный для раскола, былъ отправленъ преображенскими старцами на одинъ изъ поморскихъ скитовъ филипповскаго толка, съ званіемъ наставника ¹⁾. Отправляясь въ Поморье, Евѳимій взялъ съ собою бѣглую крестьянку Тверской губ., Ирину Ѳедорову, съ которою онъ сошелся во второе пребываніе свое въ Москвѣ. Съ этого времени Ирина сдѣлалась неразлучной спутницей Евѳимія во всѣхъ его походахъ и реформаторскихъ предпріятіяхъ, и оставляла его до самой его смерти.

Получивши нѣкоторое значеніе въ средѣ раскольниковъ, Евѳимій, какъ человѣкъ энергичный, не могъ удовлетвориться своимъ положеніемъ, въ какое былъ поставленъ; онъ желалъ большаго, мечталъ уже о настоятельствѣ въ своемъ скитѣ. Въ этой мысли утверждало его недостойное настоятельство начальника его скита Адріана, вслѣдствіе неприятой исторіи, случившейся съ Адрианомъ и тщательно имъ скрываеваемой отъ всѣхъ, но которую, однако, знали Евѳимій. Дѣло было таковое: Адрианъ, — бѣглый священникъ, — бывши въ Ярославлѣ для собранія подаяній, или съ цѣлю пропаганды, взятъ былъ полиціею и лишенъ иноческаго чина: съ него сорванъ былъ клобукъ и ряса; но онъ какъ-то успѣлъ, посредствомъ извѣстнаго рода сдѣлки, умилостивить полицію, такъ что его отпустили, и онъ снова, какъ ни въ чемъ не бывало, явился въ свой скитъ настоятельствовать. На этомъ-то фактѣ Евѳимій и вздумалъ основать планъ своей борьбы съ противникомъ и лишить Адріана настоятельства, а самому занять его мѣсто; но, какъ человѣкъ горячій, и къ тому же

¹⁾ Здѣсь возникаетъ вопросъ: какъ преображенское общество еедосѣвцевъ поряжается дѣлами другого толка? Но это просто. Время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, было временемъ блестящаго состоянія Преображенскаго кладбища. Основателемъ его, Ковилгъ, еще былъ живъ, и, при своихъ громадныхъ матеріальныхъ средствахъ и связяхъ съ властями, неуклонно и быстро шелъ къ своей цѣли; а цѣль его была — объединить весь безлоповщинскій расколъ, и изъ разрозненныхъ сектъ и толковъ составить одну плотную массу раскола, для которой Преображенское кладбище было бы центромъ, метрополіей. И онъ уже достигъ вполнину своей цѣли — всѣ секты были въ его рукахъ. Бѣдными матеріальными средствами и безъ всякаго шанса онъ сибѣнннхъ подчиняться ему, даже ради были тому, что таковой человѣкъ, какъ Евѳимій, взялъ ихъ подъ свое покровительство.

швомъ самонадѣянный, онъ не могъ дѣйствовать съ холодною расчетомъ, чтобъ выждать время и обезопасить себя на случай неблагоприятнаго оборота дѣла, — онъ поспѣшилъ развязать — и испортилъ все дѣло. Партія, которую онъ успѣлъ собрать около себя въ скитѣ, еще недостаточно была сильна для того, чтобы устоять противъ авторитета настоятеля и партіи его учениковъ. Когда Евѳимій, рѣшившись уничтожить Адриана, поссорился съ нимъ и предъ всею братіею обличилъ его въ недостойномъ настоятельствѣ, обнаруживъ его тайну, okazało się, что замыселъ его еще не созрѣлъ, что авторитетъ настоятеля въ скитѣ былъ сильнѣе, чѣмъ вліяніе Евѳимія. Вся братія въ скитѣ приняла сторону своего настоятеля, Адриана, а Евѳимій остался ни при чемъ. Такимъ оборотомъ дѣла Евѳимій былъ поставленъ въ весьма невыгодное положеніе; но онъ не унывалъ. Не теряя времени и надежды на успѣхъ, онъ обратился къ преображенскимъ старцамъ съ доносомъ на Адриана; но и просьба его не поправила дѣла: старцы, не обращая вниманія на жалобу Евѳимія, приказали ему быть въ полномъ послушаніи Адриана, какъ настоятеля скита. Казалось бы, что это опредѣленіе должно было уничтожить всякую попытку къ новому станію подчиненнаго; но Евѳимій хотѣлъ во что бы то ни стало, выдти изъ своего тяжелаго положенія побѣдителемъ, а не пораженнымъ. Онъ рѣшился на послѣднюю, самую опасную попытку — добиться личнаго объясненія съ преображенцами, и тамъ, увидѣвъ ихъ въ достоинствѣ Адриана, лишить его настоятельства. Но какъ уйти изъ скита? Безъ согласія и благословенія настоятеля этого сдѣлать невозможно. Евѳимій напелся въ необходимости объявить настоятелю скита о своемъ намѣреніи — и оставилъ скитъ подъ благовиднымъ предлогомъ странствованія въ св. мѣстамъ. Адрианъ понялъ въ чемъ дѣло и самъ захотѣлъ поспѣшить надъ безсильнымъ врагомъ. Онъ поступилъ съ нимъ также, какъ нѣкогда съ нимъ самимъ поступили полицейскіе агенты въ Ярославлѣ: на томъ основаніи, что оставляющій скитъ не имѣетъ права называться монахомъ и носить монашеское платье, онъ сорвалъ съ Евѳимія иноческую одежду, лишилъ его монашескаго чина и съ безчестіемъ выгналъ изъ скита. Оскорбленный и униженный Евѳимій отправился прямо въ Москву, — взявъ съ собою спутницу свою Ирину, — гдѣ, явившись къ преображенцамъ, лично свидѣтельствовалъ о недостойномъ настоятельствѣ Адриана и его зазорной жизни. Но и личное объясненіе его со старцами преображенскаго кладбища нисколько не

улучшило его положенія: старцы отвѣчали ему то же, что прежде...

Такимъ образомъ, рядъ неудачъ, испытанныхъ Евѳиміемъ ожесточилъ его наконецъ, и не только противъ прежнихъ его покровителей, единовѣрныхъ ему братій, но и противъ всѣхъ раскольниковъ-безпоповцевъ. Не видя ничего утѣшительнаго для себя въ будущемъ, Евѳимій рѣшился теперь разорвать съ ними всякія сношенія и сдѣлаться самостоятельнымъ наставникомъ раскола, организаторомъ новаго общества на началахъ чистой «древле-церковнаго содержанія». Изъ Москвы уже онъ отправился не въ скитъ, а въ Ярославскую губернію. Этотъ фактъ показываетъ, что онъ составилъ теперь опредѣленный планъ для своихъ дѣйствій; ибо нельзя же допустить, чтобы онъ безъ всякой цѣли отправился именно въ Ярославль, а не въ другое мѣсто. Известно, что въ Ярославской губерніи расколъ съ самаго начала своего былъ распространенъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Слѣдовательно, это была самая удобная почва для пропаганды Евѳимія... Прибывъ въ Ярославль, Евѳимій поселился съ своей спутницей въ Коровницкой слободѣ, въ домѣ купчихи Пастуховой. Принятый радушно Пастуховой, Евѳимій немедленно приступилъ къ дѣлу пропаганды. На первыхъ же порахъ успѣхъ оказался, сверхъ его ожиданій, самый блистательный. Сначала сама Пастухова, потомъ окружающіе ее сдѣлались его послѣдователями. Почувствовавъ себя независимымъ организаторомъ новаго общества, Евѳимій внимательно и строго началъ обсуживать дѣла филипповцевъ; а для приданія большей важности своему взгляду на нихъ, онъ собираетъ около себя своихъ послѣдователей, въ домѣ Пастуховой, и держитъ съ ними общій совѣтъ относительно двоюдушія раскольниковъ и въ особенности расщепенности аскетовъ, — филипповцевъ. Плодомъ этого совѣта и такъ-называемаго «разглагольствія» въ домѣ Пастуховой, происходившаго въ 1784-мъ г., было «посланіе» его въ московскіи старцамъ Преображенскаго кладбища, которое онъ отправилъ къ нимъ отъ лица всего своего общества въ 1787-мъ году; это «посланіе» послужило окончателльнымъ разрывомъ не только съ ними, но и съ послѣдователями прочихъ толковъ.

Поощренный сочувствіемъ и первоначальнымъ успѣхомъ своей проповѣди, Евѳимій началъ теперь обращать слова въ дѣло. Еще на «разглагольствіи» у Пастуховой былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ должно принимать въ странство приходящихъ отъ православія или отъ прочихъ раскольниковскихъ толковъ, который тогда же рѣшенъ былъ такъ: *всѣхъ нужно перекрещивать*. По-

онъ въ посланіи къ московскимъ старцамъ, обличая ихъ въ разныхъ уклоненіяхъ отъ строгости правилъ истиннаго христіанства и въ двоедушіи, по отношенію ихъ къ власти правительственной, Евѳимій говорилъ, что *спасется лишь непокорившійся учителю, что достоинъ таиться и бѣгати, или съ нимъ (анхристомъ) на брань вступить*. И вотъ онъ теперь первый отчетъ показать на себѣ примѣръ исполненія своего ученія во всей его точности. Онъ отправляется съ своею спутницей въ деревню Малышево (Яросл. уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ села Софолокъ) и скрывается тамъ у крестьянина Петра Ѳедорова;—тѣсъ онъ снова окрестилъ въ странство прежде самого себя, потомъ и своихъ послѣдователей. Первыми послѣдователями Евѳимія были: его спутница Ирина Ѳедорова, дочь ярославскаго священника Душина, Екатерина Андреева, крестьянинъ изъ Пошехонскаго уѣзда Егоръ Егоровъ, раскольникъ Ѳедосѣевскаго села нѣкто Павелъ, и пристанодержатель ихъ, крестьянинъ деревни Малышева, Петръ Ѳедоровъ. Изъ нихъ Екатерина Андреева Душина названа по переименованію Домининой. По принятіи обѣта на странство, Доминина скрывалась въ городѣ Ярославѣ у купчихи Пастуховой; Павелъ въ скоромъ времени бѣжалъ въ Пошехоньѣ и сосланъ въ Сибирь, на поселеніе, а Евѳимій съ Ириною Ѳедоровой и Егоромъ Егоровымъ удалились въ галичскіе лѣса, Костромск. губерніи, гдѣ разчистивши изъводъ лѣса мѣсто, построили келью и поселились въ ней. Евѳимій преслѣдовалъ честолюбивую цѣль—основать для новой секты пустынь, которая служила бы центромъ пропаганды и метрополіей для всѣхъ послѣдователей, какъ нѣкогда Выговская пустынь для поморцевъ, Вѣтка и Стародубье для поповцевъ и пр.; но и этой смѣлой надеждѣ не суждено было исполниться. Проживши два года въ галичскихъ лѣсахъ, Евѳимій увидѣлъ, что его пропаганда идетъ не быстро, прозелитовъ прибавляется мало, пустынь не процвѣтаетъ; а потому онъ снова возвратился съ Ириной Ѳедоровой въ деревню Малышеву. Но это было уже послѣднимъ дѣйствіемъ его реформаторской дѣятельности: Евѳимию не суждено было видѣть всѣхъ плодовъ своей пропаганды... Въ скоромъ времени, послѣ прибытія въ деревню Малышеву, онъ захотѣлъ посѣтить благодѣтельницу свою Пастухову, отправился въ Коровницкую слободу, и тамъ, въ домѣ своей благодѣтельницы 20-го іюля 1792 года умеръ и похороненъ по странническому обряду въ ямскомъ лѣсу. Съ тѣхъ поръ каждый годъ въ Ильинъ день послѣдователи странническаго толка служатъ панихиду за умной его души.

Жизнь Евфимія показываетъ, что это за личность, и каковъ его характеръ и значеніе въ расколѣ. Расколъ очевидно не могъ удовлетворять людей, искавшихъ ясныхъ и положительныхъ свѣдѣній относительно истинъ вѣры, предметовъ разногласія съ православною церковію, законности основанія этихъ разногласій и проч. Расколъ не могъ удовлетворять всѣмъ этимъ запросамъ людей энергичныхъ, выходившихъ изъ общей колеи жизни раскольнической и возвышавшихся образованіемъ, природными дарованіями, надъ уровнемъ обще-раскольническаго религіознаго пониманія. Что же оставалась дѣлать человѣку, который, быть можетъ, лучше другихъ понималъ дѣло и видѣлъ всю разладность теоріи раскола съ практикой? Въ теоріи—строгость, аскетизмъ, подвижничество и проч., а въ практикѣ—двоедушіе, сластолюбие, развратъ и т. д. Естественно было рождаться желанію — возстановить нарушенную гармонию, согласіе теоріи съ практикой. А если къ этому присоединялось еще фанатическое чувство ревности по вѣрѣ, или разгорались личные страсти—то, при такихъ сильныхъ двигателяхъ воли человѣка, цѣль его дѣйствій необходима должна была направляться къ протесту, къ реформаторству. И дѣйствительно, всѣ раздѣленія въ расколѣ вытекали изъ одного и того же источника. И Евфимій, какъ видно изъ всѣхъ обстоятельствъ его жизни и дѣятельности, на пути къ обособленію себя и вновъ организованнаго имъ религіознаго общества, не выходилъ изъ ряда подобныхъ ему реформаторовъ, прежде его являвшихся въ расколѣ (напр. Θεодосія, Филиппа и др.); онъ не былъ оригиналенъ ни въ чемъ. Ученіе, которое онъ проповѣдывалъ — было не новость; всѣ данныя, всѣ начала, изъ которыхъ выходилъ Евфимій, давно существовали въ общемъ ученіи раскола, точно также какъ и самое бѣгство—*de facto*—въ расколѣ было съ самыхъ первыхъ дней его жизни. Кромѣ того существовали даже секты съ такимъ же точно направленіемъ, какое проводилъ Евфимій. Такъ у преосвящ. Игнатія Тобольскаго (въ III посл. гл. 54) читается, что еще въ XVII в., въ Сибири, появилась—было небольшая секта *чувственникововъ*, которые учили, что антихристъ придетъ чувственно или видимо, и что соловецкіе мятежники, разсѣявшіеся по взятіи царскимъ войскомъ обители по всему поморью, проповѣдывали, что надобно бѣжать отъ гоненій антихриста и скитаться въ лѣсахъ и пустыняхъ, отчего такое скитальчество и укрывательство было вначалѣ всеобщимъ между раскольниками. Далѣе, въ 1775-мъ г., въ мѣстечкѣ Черноболѣ, появилась секта «черноболдцевъ», которые тоже, подобно Евфимію, отвергали моленіе за царя, присягу, паспорта, принимали всѣхъ бѣглыхъ, это проповѣ-

жилъ съ паспортомъ рвали паспортъ, потому что на немъ печать интихриста и т. п. Основателемъ этой секты былъ какой-то выходецъ изъ Москвы. А двухкратное пребываніе Евѳимія въ Москвѣ даетъ сильный поводъ къ тому заключенію, что Евѳимій могъ сойтись съ этимъ человѣкомъ въ Москвѣ, познакомиться и заимствовать отъ него идеи своего ученія. Наконецъ, есть показанія странниковъ, которыя прямо говорятъ не въ пользу инициативы Евѳимія. Такъ въ показаніи военнаго дезертира Дмитрія Егорова говорится, что «страннической согласъ влечется отъ соловецкаго монастыря»¹⁾; одинъ изъ наставниковъ страннической секты Василій Яковлевъ показалъ, что секта странниковъ начало свое ведетъ отъ времени разоренія соловецкой обители, а Евѳимій былъ основателемъ ея только въ Ярославской губерніи²⁾. Изъ всего этого видно, что собственно не Евѳимій создалъ странничество; оно не только въ идеѣ, но и въ практикѣ существовало прежде его и было принято имъ уже готовымъ. Что же сдѣлалъ Евѳимій? Прежде всего онъ заявилъ протестъ противъ всего раскола, уклонившагося отъ первоначальной строгости своихъ началъ, и, чтобы возвратитъ жизнь раскольниковъ къ идеалу ея совершенства, къ первымъ вѣвамъ христіанства, къ жизни апостольской, онъ сталъ проповѣдывать самый крайній аскетизмъ, социализмъ и коммунизмъ. А потомъ, вѣнцомъ всего ученія онъ поставилъ странничество, какъ необходимѣйшій и высшій всѣхъ догматъ, безъ соблюденія котораго невозможно спасеніе. Вотъ все, что онъ создалъ новаго; затѣмъ онъ обставилъ этотъ единственный догматъ ученіемъ общебезпоповщинскимъ, которое и передалъ своимъ послѣдователямъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, но главнымъ образомъ въ своемъ «Цвѣтникѣ». Въ этомъ «Цвѣтникѣ» заключается вся *суть* ученія Евѳимія,—сводъ всѣхъ объясненій къ св. писанія и писаній отеческихъ, всѣхъ примѣненій и всѣхъ выводовъ богословствовавшего ума Евѳимія; словомъ—здѣсь вся система его ученія. Поэтому-то «Цвѣтникъ» и составляетъ какъ бы символическую книгу для всего согласія «странниковъ».

Вотъ какимъ образомъ можно формулировать всю догматику Евѳимія, разбросанную по всему его «Цвѣтнику».

О *церкви, ея таинствахъ и ихъ совершителяхъ* — Евѳимій учитъ въ своемъ «Цвѣтникѣ» слѣдующимъ образомъ³⁾. Ссылаясь на

¹⁾ Дѣйствительно, мы впоследствии увидимъ, что у странниковъ соблюдается уставъ соловецкій.

²⁾ То и другое показаніе см. въ дѣлѣ синода.

³⁾ См. Листы: 151, 152, 205, 206, 207, 208, 221, 229, 230, 231.

30-ое слово книги «о вѣрѣ», на слово Ипполита папы Римскаго Златоуста, Кирилла Иерусалимскаго и Теофилакта «о пришестѣ антихриста и предтечи его», Евѣимій примѣняетъ апокалипсическое пророчество о седмглавомъ змѣѣ къ службѣ въ греко-російской церкви и совершаемымъ въ ней таинствамъ, и затѣмъ объясняетъ, что неправедный агнецъ той церкви есть сатана-дьяволъ, и что въ ней не только *не быть*, но и никогда *не явится* тѣлу и крови Христовой. Апостоль Павелъ предсказалъ, продолжаетъ Евѣимій, что придетъ время отступленія отъ церкви, что «откроется чловѣкъ грѣха и сынъ погибели, который сядетъ въ Божью церковь, яко самъ Богъ (Сол. 2 гл.)»; и предсказаніе Апостольское совершилось уже въ великороссійской церкви, въ которую сѣлъ антихристъ, духъ лукавый, властитель и князь міра сего, со всею темною силою своею, проповѣдуя чрезъ слугъ своихъ неправую вѣру, ложные догматы и Богу негодныя тайны.

Истребленіе благочестія въ церкви и появленіе антихриста въ російскомъ государствѣ совершилось въ 1666-ое лѣто, когда по пророчеству ¹⁾ должно было явиться лжепророку въ лицѣ Никона патріарха. Въ доказательство этого Евѣимій приводитъ значеніе имени патріарха Никона, въ мірѣ носившаго имя Никиты, что Никита, по-гречески пишется:

$$\frac{\text{Н и к и т и о с}}{50 \quad 8 \quad 20 \quad 8 \quad 300 \quad 10 \quad 70 \quad 200} = 666$$

и заключаетъ въ себѣ число апокалипсическое 666, знаменующее имя антихриста ²⁾. «Егдаже придетъ антихристъ, вся ложна, злѣе преступна и богопротивна заповѣдуетъ,—и пришедъ онъ, вся сія опустошилъ и церковь, и догматы, и законы церковныя». «Паде, паде Вавилонъ великій, всего міра стенаніе, царство и слуги антихриста: предреченное Апостоломъ всеобщее отступничество распространилось повсюду; предсказанная Даниломъ мерзость запустѣнія во всемъ развити: нѣтъ уже ни истинной церкви, ни таинствъ истинныхъ, ни Бога истиннаго во св. Троицѣ поклоняемаго». Далѣе, примѣняя къ настоящему времени пророческія слова Апокалипсиса о лжепророкахъ: «и видѣхъ изъ устъ змѣи, изъ устъ звѣриня, изъ устъ лжаго пророка духи три нечистыя, яко жабы исходящи (Апок. 16, 13)»;—приводя текстъ изъ 105-го слова Ефрема Сирина: «Приемъ бо безстудный антихристъ власть, пошлетъ полки демонскіе во вся концы земныя, яко да проповѣ-

¹⁾ Апокалипс. XIII, 5, 6 XVI, 13.

²⁾ Собственно, тутъ натяжка; правильное имя—Νικητης, но въ немъ только 389, а не 666—что не въ видахъ сектатора.

идитъ всѣмъ, яко великъ царь явился со славою—приидите всѣ и видите»;— далѣе, изъ 4-го слова Аванасія Великаго на арианъ слово: «Яко антихристъ претворивъ себе—азъ есмь Христъ, покусится и самъ глаголати о кончинѣ во еже прельстити слышаще»,— Евѳимій объясняетъ, что «уста зѣримы суть духовная власть, проповѣдующая лжеученіе на подобіе Христовой проповѣди, и что эти проповѣдники суть *тѣлеса демонская* и отрѣвляющіе души человѣческія въ погибель вѣчную,— слуги антихриста, распространяющіе лжеученіе въ подобіе Христа Спасителя, ложь именемъ *Исуса*. На соборѣ, бывшемъ въ лѣто 7175 (1667 г.), проповѣдники эти отвергли и распяли Христа, воцарили сатану, дѣйствуя по его волѣ и проповѣдая его ученіе. Богоотступные служители эти возвѣщали дѣвольское слово и ложь еретическимъ и богохульнымъ описаніемъ въ новопечатныхъ книгахъ: Псалтирь, Евангеліи, Соборномъ Дѣяніи, Жезлѣ, Скрижали, Θεогностовѣ Потребникѣ, Увѣтѣ, Пращицѣ и подобныхъ книгахъ, провозглашая северными устами своими «подвидыша, таѣбнищна *Исуса Христа*, который есть антихристъ, дѣволъ въ лицѣ истиннаго *Исуса Христа*, Сына Божія». Все это нелѣпное и дикое толкованіе Евѳимій заканчиваетъ заключеніемъ: «Проповѣдуютъ же они (священники), говоритъ онъ, Бога-сатану, для приведенія къ антихристу дѣволу».

О власти царской и вообще правительственной Евѳимій въ своемъ «Цвѣтникѣ»¹⁾ учитъ такъ: Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ Евѳимій, помогавшій Никону-дѣволу нарушать благочеріе, былъ первымъ рогомъ *двурожнаго зѣря*; послѣднимъ же рогомъ былъ сынъ его Петръ, уничтожившій до конца древніе остатки благочестивыхъ обычаевъ, и на мѣсто ихъ установившій языческіе поганскихъ вѣръ обычаи, какъ-то: «брады брити, платье нѣмецкое носить, банты и петли на шеяхъ имѣти, табакъ носить пити и курити, въ комедіяхъ, маскерадахъ, пирахъ и балахъ нощенствовати». Онъ же ввелъ и народныя переписи, раздѣленіе человѣкъ на разные чины, размежеваніе земель, рѣкъ и усадебъ: «Завѣщая каждому наблюдать свою часть, а другому не давъ ничего», учредилъ цехи и другія разныя богопротивныхъ изъ *латинскихъ и нѣмецкихъ странъ* установленія,— тѣмъ возстановилъ междоусобную брань, сваръ и бой. «Егда бо по описи *раздроби народъ на разные чины, и землю размежева, сямъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣла другъ другу завидующихъ, другъ на друга ратоборствующихъ, надѣливъ, кому много,*

¹⁾ См. листъ 366, 367 и 368.

кому мало, и кому же и ничесоже давь и токмо едино рудо дѣлие повелѣвъ»¹⁾).

Ссылаясь на 30-ое слово «Книги о вѣрѣ», Евѳимій объясняет не предтечи антихриста, но настатіе его прихода «явственн опредѣлено въ лѣто 1666-ое²⁾), и что Первый Петръ, опровергнувшій всѣ древніе обычаи и принявшій на мѣсто царскаго званія римскій титулъ *Императора*, воцарился въ россійскомъ государствѣ — антихристомъ». «На римскомъ языкѣ, говоритъ Евѳимій, императоръ пишется :

$$\frac{\text{І п е р а т о р}}{10 \quad 80 \quad 5 \quad 100 \quad 1 \quad 300 \quad 70 \quad 100} = 666$$

и заключаетъ въ себѣ апокалипсическое число 666. Поэтому «и Петръ (первомъ, принявшемъ на себя этотъ титулъ), въ семъ гордоносномъ князѣ міра сего, заключается быть первѣйшій тентавъ, презлѣйшій и преисподній бѣсъ», и что всѣ, повинующіеся императору-антихристу заклеймены его печатью, отрицаются Христа, вѣры и крещенія и предаются діаволу.

Для доказательства Евѳимій ссылается на изреченія отцевъ на слово Ипполита папы римскаго о знаменіяхъ пришествія антихриста, гдѣ говорится: «Иже печать на челѣ на деснѣй руцѣ есть число 666, многа бо имена въ числѣ семъ обрѣтаются, суть же сія злыя вожди, агнецъ неправедный; древній завистникъ, потрясетъ вельми тентавъ, еже есть преисподній бѣсъ»³⁾. Кирилль Іерусалимскій, говоритъ далѣ Евѳимій, свидѣтельствуеть, что «быть антихристу Петромъ», ибо онъ глаголетъ: «Во имя Сямона Петра, имать *восьми* гордый князь міра сего антихристъ». Эту же мысль, въ особенности о дѣйствіяхъ императора Петра, по мнѣнію Евѳимія, подтверждаетъ и слово Ипполита папы римскаго: «а еже повелѣнія его—скверны,... на вѣждо градъ и по всѣмъ странамъ послеть взаконенія, съ бѣси же и съ чувственными человекѣми и проч». «Чувственный антихристъ,—воскликаетъ Евѳимій, есть первый Петръ, наставляемъ мысленнымъ діаволомъ и сатаною». Всѣ его сатанины дѣйствія объясняются, какъ думаетъ онъ, въ Синаксарѣ недѣли мясопустной, по Златоусту, и въ душезрительномъ зеркалѣ,— всѣ его вѣлвія ложны, законопреступны и богопротивны. «Онъ, Петръ», продолжаетъ Евѳимій, «есть убійца пророковъ Іліи и Еноха, съ

1) См. лѣст. 197, 198, 199, 401, 402.

2) См. Кельсіева вып. IV, стр. 117.

3) См. лѣст. 191, 276, 286, 304, 369, 370, 378.

тѣхъ поръ, какъ обложивъ денежнымъ обладомъ православныхъ, будто бы злобныхъ отступниковъ, записать ихъ еретиками, а тѣмъ самымъ подвергнуть ихъ подъ вѣтву еретическую, и симъ подобіемъ убить въ нихъ проповѣдниковъ слова—Илію и Еноха».

Основываясь на главѣ (51-го зачала) Апокалипсиса, *царскую* власть Евѣимій называетъ *иконою сатаны*¹⁾, и всѣхъ повинующихся царской власти называетъ влѣняющимися иконѣ сатаны; даге — доказываетъ, что воинскія и гражданскія власти антихриста нынѣшняго времени суть: «образъ звѣря, чувственные бѣсы, иконы сатаны, обладающія душами человѣческими, принуждающіе въ погибельную ересь, укрѣпляемую царями и князьями вѣка сего; иже бо властемъ симъ поворнтся, звѣрю и образу его, сирѣчь дѣволу поклонится, зане оный звѣрь дѣволъ есть, неотступно во образѣ своемъ пребывающъ». Эти чувственные бѣсы, посланные антихристомъ, учинили народную перепись, назвали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежнымъ обладомъ. Бѣсовскіе полки эти исполнили царскіе указы отъ 8-го февраля 1716 и 2-го марта 1718 годовъ. «Все идетъ противъ Бога, восклицаетъ Евѣимій, и все противъ правды; до конца тлѣетъ благочестіе, во всемъ царствуетъ нечестіе, вмѣсто законовъ водворилось вездѣ беззаконіе, лихоимцы вси грады содержать: во всемъ убо духъ антихристовъ возвѣя на насъ». Поэтому, чтобы избѣгнуть его влѣнія и гоненія надобно спастись бѣгствомъ и скрываться; не спасающимся же бѣгствомъ предстоитъ, по пророчеству: гладъ, смерть и купная гибель. Въ Апокалипсисѣ (зачалъ 55-е) сказано: «изыдите изъ нея (изъ Вавилона) людіе мои, да не причаститесь грѣхомъ ея, и отъ язвъ ея да не вредитесь, яко прилѣпишася грѣси ея до небесе, и помяне Богъ неправды ея²⁾»; поэтому слѣдуетъ избраннымъ отъ Бога отлучаться отъ беззаконныхъ, на подобіе Лота отъ содомлянъ, дабы не погибнуть отъ язвы, при сопребываніи съ ними. Кто жалѣетъ дѣтей и не рѣшится съ ними разстаться или вѣсть ихъ съ собою, тотъ, согласно словамъ Евангелія, погибнетъ купно съ ними.

Въ 105-й главѣ книги Ефрема Сирина сказано, что «прескверный лъстецъ антихристъ спасающихся подъ скрытіемъ будетъ отыскивать на землѣ и въ морѣ; но Господь Богъ въ лютое

¹⁾ А въ посланіи къ московскимъ старцамъ въ 1787-мъ г. говорилъ: Апокалипсическій звѣрь (гл. XIII) есть *царская власть*; икона его—*власть гражданская*; тѣло же его—*духовная*.

²⁾ Апок. 18, 4, 5.

это время повелѣваетъ бѣгати не оглядываясь назадъ, и поминая при этомъ жену Лота». «Если даже, говорить Евѳимій, Божье ученіе стояло бы на правомъ пути, если бы и законъ Христовъ наблюдаемъ былъ, но за любовь къ домашнимъ, за сожалѣнье съ ними разстаться, за неоставленіе домовъ, имущества и прочаго, душа должна погибнуть. Для спасенія же души должно быть житіе не *пространное*, но *странное*, и врагомъ *гонительное*; въ этому Евѳимій приводитъ текстъ изъ Кирилла Іерусалимскаго: «того же ради достоинъ таитися и бѣгати». Кто не спасется бѣгствомъ, объясняетъ Евѳимій, тотъ будетъ имѣть на себѣ печать антихристову, заключающуюся въ именахъ: «еретика, отступника, раскольника и раздорника». Въ прежнее время несостоящіе въ православной церкви названы были отъ святыхъ еретиками, но нынѣ, при воцареніи въ російскомъ государствѣ антихриста, православные именуются еретиками, раскольниками и отступниками, — и духъ лукавый, въ богохульныхъ книгахъ своихъ, порицаетъ такъ вѣрныхъ рабовъ христовыхъ».

Избраннымъ и посвятившимъ себя страннической жизни Евѳимій предписываетъ новое крещеніе ¹⁾ объясняя, что «тотъ, кто измывается въ истинной купели Христа Бога, тотъ по истинѣ воскресаетъ и чистъ и свѣтъль отъ тьмы бываетъ, кто же во антихристову купель измыватися слазитъ, тотъ ровно въ каль главня омочится, паче сквернѣй и смраднѣй оттуда возникаетъ». «Всѣ, которые во Христа крещаются, въ правду и премудрость облачаются, а тѣ, которые въ сатану погружаются, облачаются въ студъ и срамоту». При этомъ онъ ссылается на текстъ изъ слова Кирилла Іерусалимскаго о еретическомъ крещеніи.

При угрожающей близости конца міру, напрасны всѣ мірскія попеченія и труды: «сѣете въ тлю сѣмена ваша, сказалъ пророкъ; всеу страждуще труждаете нивы ваша, созиждутъ грады и не могутъ пожити въ нихъ; насадятъ винограды и не могутъ вкусити отъ плода ихъ». На этомъ основаніи странникамъ предназначаются попеченія и труды только апостольскіе. Одинъ только странникъ есть «христіанинъ», «христовъ человекъ»; всѣ прочіе: никоніане - поганцы; раскольники прочихъ сектъ — еретики. Наконецъ — каждый странникъ, а колыми паче наставникъ, есть вселенскій учитель и апостоль ²⁾. Поэтому странникъ не дол-

¹⁾ См. лист. 341, 342.

²⁾ „Тѣло наше страхомъ Божиимъ накажемъ и прочимъ путь ко спасенію укажемъ... Вы есте духовніи, вамъ Богъ препоручилъ братію меньшую, отворяете в духовнои пицелъ...“— вотъ что напѣваютъ странники.

зень имѣть, никакой собственности и какъ Христовъ человекъ, жить на чужой счетъ, во имя Христа, которому все принадлежитъ. Понятіе о собственности, законы ограждающіе права ея вымышлены антихристомъ, по внушенію діавола: ибо раздѣленіемъ народа на сословія, раздѣленіемъ правъ и обязанностей каждаго, «всѣ удержаны при имѣніяхъ своихъ; сице уставы императоръ, коемуждо глаголати *свое*, сей же глаголь св. Златоустъ проклятымъ и сквернымъ называетъ; глаголь «*мое*» отъ діавола, рече, введеса; *вся бо вамъ общая сотворилъ есть Богъ*»¹⁾). Такимъ образомъ, въ числѣ основныхъ идей Евѣимія полагается и идея коммунизма.

Тѣ же главныя и основныя мысли проводятся и въ другихъ сочиненіяхъ Евѣимія. Выходя изъ главныхъ и общихъ своихъ положеній, что императоры—антихристы, гонители истинной вѣры, и въ чиновники—слуги антихристовы, церковь всероссійская—авилонская блудница, что для православныхъ христіанъ «древняго благочестія» настало время нужное, тяжкое и «житіе гонительное»,—Евѣимій во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ приходитъ къ одному заключенію, именно къ тому, что для спасенія души остается одинъ исходъ—*блжати* отъ антихриста, дабы подъ скрытіемъ служить единому Богу, слѣдуя внушенію евангельскому: «всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имене моего ради, сторицею пріиметь и животь вѣчный наслѣдитъ (Мѣ. XIX, 29).

Чтобы лучше убѣдить раскольниковъ и сильнѣе подѣйствовать на ихъ воображеніе, новый реформаторъ составилъ въ 1784-мъ г. «Лицевой Апокалипсисъ», съ картинами и съ прибавленіемъ своего толкованія на слово св. Ипполита папы римскаго «Объ антихристѣ». На картинахъ антихристъ изображенъ съ короною, и представляетъ собою—царскую власть, лже-пророки—духовную власть, находящуюся въ полной зависимости отъ царской; антихриста окружаютъ его слуги—это исполнители царской власти, военные и гражданскіе чиновники.

Кромѣ этого сочиненія, въ 1787-мъ г., Евѣиміемъ написано было еще: «Посланіе къ московскимъ (преображенскимъ) старцамъ». Здѣсь съ особенною силою нападаетъ Евѣимій на раскольниковъ прочихъ толковъ, укоряетъ ихъ въ уклоненіи отъ чистоты

¹⁾ См. Кельсіева, вып. IV, стр. 118—121. На этомъ основаніи, влослѣдствіи, страдальцъ Василій (Иванъ) Петровъ завелъ общину на коммунистическихъ началахъ, во которымъ личное имущество адепта обращается въ пользу общины, и никому не дозволяется имѣть собственности.

и твердости вѣрваній отцовъ «древле церковнаго содержанія», безпощадно обличаетъ ихъ въ двоедушїи, въ общенїи съ никонїанами, въ подчиненїи власти, въ особенности въ укрывательствѣ своего исповѣданїя и въ принятїи таинствъ и требъ отъ православной церкви изъ боязни навлечь на себя немилость или подозрѣніе власти, ругаетъ церковь и власть, и восхваляетъ странничество. Особенно язвительно смѣется онъ надъ филипповцами и попрекаетъ ихъ за всѣ эти уступки и послабленїя.

Въ этомъ заключаются всѣ догматы Евѳимїа, служащїе донынѣ основанїемъ ученїя секты странниковъ. Понятно, что при жизни Евѳимїа подобныя догматы не могли считать своихъ послѣдователей не только сотнями, но даже десятками. Если ученїе Евѳимїа распространилось въ народѣ и умножилось число его прозелитовъ изъ другихъ отраслей раскола, то это только благодаря болѣе даровитымъ наставникамъ послѣдующаго времени, какъ то мы увидимъ изъ послѣдующей исторїи «бѣгуновъ».

А. Розовъ.



ВОСПОМИНАНІЯ

0

МОСКОВСКИХЪ ПОЖАРАХЪ 1812 ГОДА.

Желая передать свои воспоминанія о «Московскихъ пожарахъ», начавшихся въ самый первый день вступленія французовъ въ Москву, я обращаю вниманіе моихъ читателей на то всѣми забытое обстоятельство, что о причинахъ этихъ пожаровъ съ самаго ихъ начала составились два, совершенно противоположныя мнѣнія, до сихъ поръ не сличенныя и не провѣренныя ни отечественной, ни чужеземной исторіей.

Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ послѣдовала сдача столицы, это всѣмъ извѣстно, равно какъ и то, что въ первую же ночь вступленія непріятеля Москва загорѣлась.

«Французы жгутъ Москву», съ ужасомъ завопили немногіе жители, неимѣвше никакихъ средствъ бѣжать изъ города. «Французы жгутъ Москву», повторяли окрестные жители съ говора москвичей, кое-какъ пробравшихся къ нимъ въ пригородныя слободы. Огромное зарево въ первую уже ночь со 2-го на 3-е сентября распространившася пожара давало знать за 200 почти верстъ отъ Москвы, что Москва горитъ (я видѣлъ самъ 12-лѣтнимъ мальчикомъ это зарево въ Венеѣ, въ ночь съ 3-го на 4-е сентября), а народная молва распространила повсюду слухъ, что ее жгутъ французы. Вотъ гдѣ первое начало нашего всенароднаго преданія, что Москва сожжена была непріателемъ. Преданіе это перешло во всеобщее сознаніе тогдашняго поколѣнія, и долго безъ всякаго колебанія въ немъ сохранялось; оно подтверж-

далось тогдашними газетными, официальными и частными известіями, оно утверждалось документами государственнаго значенія, оно наконецъ освятилось нашимъ торжественнымъ молитвословіемъ. Мы и доселѣ ежегодно, въ день Рождества Христова, приносимъ въ такихъ словахъ наши благодарственные молитвы за избавленіе насъ отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ:

«Прииде бо глаголь страшный сей яко на Израиля, и на отцы наша; но Ты, Господи, призрѣлъ бо еси на скорбь нашу, «и на *потребленіе царствующаго града*, идѣже отъ лѣтъ древнихъ призывалось Имя Твое».

Такое торжественное и таеъ часто повторяемое свидѣтельство того, что Москва *потреблена* была непріателемъ, даетъ намъ право сказать, что во всемъ русскомъ народѣ, по крайней мѣрѣ въ многочисленной ея массѣ, не находилось тогда ни одного человѣка и не найдется много такихъ и теперь, которые на вопросъ о московскомъ пожарѣ 12-го года дали бы отвѣтъ противный этому преданію. Поэты того времени, и во главѣ ихъ Жуковский, увѣковѣчили это преданіе въ своихъ пѣснопѣніяхъ. Вотъ стихи Жуковского изъ «Пѣвца на Кремлѣ»:

Москва! Они твоимъ стѣнамъ
Ревли: «Одѣньтесь въ пламень!»

И за развалины Кремля
Парижу мзда — спасенье.

Ни одинъ изъ поэтовъ того времени не прославлялъ своихъ соотечественниковъ за изобрѣтенный уже впоследствии подвигъ самоотверженія. Совершись онъ на самомъ дѣлѣ, сколько восторженныхъ рѣчей, и сколько одъ и пѣснопѣній перешло бы къ намъ на вѣчную память великой жертвы и во славу великихъ народныхъ жрецовъ.

«L'incendie de Moscou a été conçue et préparée par le gouverneur Rostopchine»,— вотъ слова, напечатанныя по повелѣнію Наполеона въ изданныхъ въ Москвѣ бюллетеняхъ французской арміи отъ 7/19 сентября и въ слѣдующихъ, до 12/24 включительно. Допустимъ, что обвинять Растопчина въ преднамѣренномъ поджогѣ, съ перваго раза, Наполеонъ могъ по одной вѣроятности подобнаго предположенія, не имѣя на то никакихъ ясныхъ доказательствъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ допустимъ и то, что для Наполеона и интересовъ всей его политики обвинять Растопчина и русскихъ въ пожарѣ было весьма выгодно. Вступая въ Москву, онъ ожидалъ торжественной встрѣчи отъ ея жителей

съ тѣхъ лицъ, на которыхъ возложено было, или которые были на себя управленіе города. Никакой встрѣчи ему не было, никакая депутація ему не представлялась. Наполеонъ на-мѣрился вѣйти въ обширномъ городѣ, себѣ и многочисленной своей арміи, нѣсколько дней отдыха самаго удобнаго, и обезпеченіе всѣми возможными запасами продовольствія, и вмѣсто того на-мѣрился на другой же день по его вступленіи одно разореніе, от-казавшее у него всякую возможность существовать сколько-ни-будь безопасно въ опустошаемомъ городѣ. Наполеонъ ожидалъ предложеній заключить миръ, мечтая, что императоръ Александръ и его народъ, пораженные ужасомъ, будутъ униженно просить объ отступленіи о прекращеніи военныхъ дѣйствій и согласятся усту-пить польскія провинціи, или по крайней мѣрѣ часть ихъ, а не только не просили о мирѣ, но и съ негодованіемъ от-казались отъ собственныхъ его къ тому попытки. Факты, принятые На-полеономъ за основаніе къ обвиненію Растопчина въ преднамѣ-ренномъ зажигательствѣ столицы, были слѣдующіе: 1) *Истребленіе баркавъ подъ Симоновымъ монастыремъ злѣбныхъ запасовъ, равно соломы и сѣна*, что было дѣйствительно сдѣлано по распоряженію Растопчина, какъ скоро онъ извѣщенъ былъ о не-избѣжной сдачѣ города. Послѣдующія затѣмъ два обстоятель-ства, служившія Наполеону доказательствами, объясняются вполнѣ.

а) *Вывозъ городской пожарной команды со всеми ея орудіями и прислугой* и распущеніе изъ мѣстъ заключенія всѣхъ пре-ступниковъ. Послѣднія два обстоятельства случились очень просто; когда московскій оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ вмѣстѣ съ францъ-майоромъ испрашивали у главнокомандующаго приказанія, что нужно дѣлать съ полиціей вообще и всей ея пожарной частью, Растопчинъ отвѣчалъ: «Пожарная команда и ея орудія принадлежатъ казнѣ; у васъ есть собственные лошади, посадите людей и везите все вонъ изъ города», т.-е. по владимірской дорогѣ, по которой отправлялось всякое казенное имущество въ самый широкій смыслъ этого слова. Подобный отвѣтъ данъ былъ и московскому оберъ-коменданту относительно гарнизона, или внутренней стражи, охранявшей городъ, тюрьмы и остроги. «Гарнизонъ развѣ не войско? Теперь нуженъ каждый солдатъ и каждое ружье со штыкомъ. Отправьте куда слѣдуемъ мы всѣ, оставили Москву». — А колодники? — «Пусть остаются».

Очень понятно, что Наполеону, привыкшему забирать города и столицы, въ которыхъ не прерывалось никакое внутреннее городское управленіе и оставался на лицо весь его правильный составъ, такіа распоряженія казались преднамѣренно принятыми

для уничтоженія города. Но въ такомъ видѣ вся наша борьба съ нимъ, бывшая до самой Москвы однимъ отступленіемъ, представляла одно опустошеніе городовъ и селъ, по крайней мѣрѣ такъ было съ той поры, когда непріятель сдѣлалъ первый шагъ на истинно-русскую землю. Также съ своей стороны дѣйствіемъ и Растопчинъ, нисколько не озабочиваясь тѣмъ, чтобы въ брошенномъ на жертву непріятеля, сохранился какой-либо рядокъ, обезпечивающій безопасность и спокойствіе жителей. Въ послѣдніе дни своего начальства онъ самъ, узнавъ рѣшеніе военнаго совѣта, предлагалъ всѣмъ и каждому оставить городъ, тогда какъ съ начала войны до рѣшенія принятаго военнымъ совѣтомъ онъ убѣждалъ каждаго изъ жителей, способнаго носить оружіемъ, не оставлять города и быть готовымъ на защиту; самый приказъ Кутузова проходить Москву безъ сопротивленія былъ для него неожиданнымъ ударомъ. Въ доносѣ на государю и въ письмахъ къ князю Багратиону Растопчинъ жаловался на Кутузова, что онъ прежде совсѣмъ не предупредилъ его о возможности отдать столицу непріятелю. По всему видно, что Растопчинъ находился въ крайне раздраженномъ состояніи и этимъ только можетъ оправдываться послѣднее дѣйствіе власти — казнь Верещагина. Могъ ли онъ, находясь въ такомъ расположеніи, рѣшиться на такой отчаянный поступокъ, на сжигеніе столицы и имѣть достаточно времени, чтобы сдѣлать нужныя на то распоряженія? Кому же, наконецъ, изъ своихъ чиновенныхъ, или людей ему близкихъ, какимъ тайнымъ пособникомъ, никому невѣдомымъ и доселѣ никѣмъ не открытымъ рѣшился онъ вѣрить свои замыслы? Нечего и говорить о томъ, что онъ не имѣлъ разрѣшенія на такой отчаянный поступокъ отъ самого государя, объ этомъ никто и не мыслилъ.

Подъ конецъ 1812 года, къ праздникамъ Рождества и Нового 1813 года исполнился обѣтъ императора Александра, данный имъ при вторженіи непріятеля: «Я не положу оружія въ его, — говорилъ государь въ первомъ манифестѣ о началѣ военныхъ дѣйствій, — доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ предѣлахъ Россіи». Но все же тогда не время было думать и препираться о томъ, кто былъ причиною истребленія Москвы, кто жегъ ее? Наполеонъ ли, который, оставивъ наедину ему столицу, велѣлъ подорвать древнія стѣны Кремля или Растопчинъ, удалившійся изъ Москвы и собственными руками зажегшій великолѣпныя палаты въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ.

Такъ весь этотъ вопросъ проходилъ въ совершенномъ молчаніи до самаго сверженія Наполеона и восстановленія Бурбоновъ. Вѣроятно вначалѣ 20-хъ годовъ толки объ этомъ вопросѣ не до того уже сильно распространяться, что они вынудили Растопчина, жившаго тогда въ Парижѣ и находившагося въ изгнѣ (не за сожженіе, однакоже, Москвы, котораго у насъ ему приписывали, а за казнь Верещагина) напечатать небольшую брошюрку: «La vérité sur l'incendie de Moscou», которую началъ слѣдующими словами: «Ennuyé d'entendre débiter la fable, je vais faire parler la vérité».

Казалось бы, что послѣ такого рѣзкаго отреченія Растопчина возводимаго на него подвига, послѣ такого искренняго и открытаго насмѣшливаго на то негодованія съ первыхъ строкъ его знаменитой брошюры, послѣ всѣхъ приведенныхъ имъ въ ней фактовъ, что онъ никогда не замышлялъ сожженія Москвы, современники оставляютъ его память въ покоѣ и перестаютъ восхвалять его имя необычнымъ подвигомъ. Напротивъ того, чѣмъ дальше отдалась отъ насъ знаменитая эпоха, тѣмъ упорнѣе стали писать, печатать и проповѣдывать, что Москву сжегъ Растопчинъ, что Москву сожгли русскіе. Общественное мнѣніе возмущено этимъ вопросомъ до апогея патріотическаго самопожертвованія и ухватилось за него весьма ловко, я даже подозреваю болѣе ловко, чѣмъ искренно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда иностранная пресса и тамошнее вполне общественное мнѣніе массы, французскимъ, германскимъ, прусскимъ, съ великобританскимъ политическимъ расчетомъ, съ французскимъ противъ насъ въ партіи бонапартистовъ ожесточеніемъ, начало приписывать намъ такое вѣрное дѣло. Такъ продолжается и до сихъ поръ. Надняхъ, въ большомъ городѣ небольшой Швейцаріи читалось въ журналѣ, издаваемомъ въ Вевѣ, имя Растопчина какъ сожигателя Москвы, въ случаѣ изданной дочерью его, графиней Сегюръ, какой-то французской книжки. Въ тотъ же самый день прочли мы примѣчаніе издателя «Русскаго Архива» при напечатанной имъ статьѣ «Рассказы московскихъ французовъ о 12-мъ годѣ», въ № 9, гдѣ, къ изумленію нашему, у него сказано:

«Такъ обыкновенно объясняютъ происхожденіе Растопчинской книги; но кто внимательно читалъ ее, тотъ можетъ убедиться, что Растопчинъ только приписываетъ честь высокаго самопожертвованія не одному себѣ, но всему русскому народу. Онъ отрицаетъ только послѣдовательныя и преднамѣренныя правительственныя распоряженія о сожженіи Москвы».

Мы давно уже привыкли ко всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ колѣнопреклоненіямъ передъ величіемъ и чуть-чуть не ховенствомъ русскаго народа, но, признаемся, никакъ не ожидали встрѣтить такое суевѣрное обожаніе въ безпристрастномъ и удивительномъ П. И. Бартеневѣ. По словамъ его, Растопчинъ желалъ раздѣлить ему приписываемую честь высокаго самопожертвованія со всѣмъ русскимъ народомъ, — со всѣмъ народомъ — это выраженіе не слишкомъ ли общее? Костромичъ, архангелогородецъ, и мѣхикъ и т. д. очевидно никакъ не могли въ немъ участвовать, кто же могъ? Опять-таки, очевидно, москвичи. Кто же были москвичи, оставшіеся въ городѣ? По разнорѣчивымъ современнымъ сказаніямъ оставалось ихъ отъ 5,000 до 15,000 человекъ, по тѣмъ же преданіямъ мы знаемъ, что немногіе русскіе, сколько-нибудь мыслящіе и грамотные, или всячески старались спастись во время пребыванія непріятеля, или вынуждены были имъ принять участіе въ учрежденномъ тогда французами городскомъ управленіи, и за то преданы были впоследствии суду русскаго правительства и, слава Богу, прощены. Итакъ, зажигательница могла быть застигнутая бѣдою московская чернь, а главными предполагаемыми подвижниками тѣ самые колодники и острожники, которыхъ будто бы съ намѣреніемъ для исполненія своего замысла оставилъ Растопчинъ безъ всякаго караула. Мудрено согласить такое предположеніе о Растопчинѣ. Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы хотя на минуту остановиться на мысли раздѣлять честь своего подвига съ подобною сволочюю. Мнѣ совѣстно въ такимъ, по моему мнѣнію, неоспоримымъ и какъ бы слѣдуетъ крупнымъ доказательствамъ, присоединять мои отроцесскіе воспоминанія. До 1-го сентября 1812 года, дядя мой, губернаторъ Обресковъ, постоянно писалъ въ моему отцу, чтобы онъ былъ спокоенъ и ничего не предпринималъ для спасенія имуществъ въ нашемъ московскомъ домѣ. Также покойно самъ Обресковъ жилъ съ семействомъ въ городѣ до того времени, удивительный, что и у нихъ въ домѣ не будетъ никакого отъ непріятеля расхищенія. Только 1-го сентября пришло намъ извѣстіе съ совѣтомъ бѣжать изъ подмосковной, и мы отъ пожаровъ испушили всего, что у насъ было; то же было и съ Обресковыми, то же было и съ самимъ Растопчинымъ. Я имѣю полное право думать, что еслибы Растопчинъ хотѣлъ жечь Москву, онъ бы предупредилъ своего искренняго пріятеля Обрескова, и тотъ что-нибудь да спасъ бы изъ своего имущества и вѣроятно посетовалъ бы и намъ распорядиться подобнымъ образомъ. Я имѣю еще болѣе право думать, объясняя себѣ по-своему историческіе

характеръ Растопчина, что еслибы онъ сдѣлалъ какія-либо распоряженія о сожженіи Москвы, то собственный его великолѣпный на Лубянкѣ домъ загорѣлся бы первый, а онъ, остался живъ, и такъ недавно, въ сожалѣнію, испорченъ г. Шиповымъ. Въ заключеніе нашихъ опроверженій, крупныхъ и мелкихъ, ведемъ теперь выписки изъ исторіи войны 1812 года, изданной по Высочайшему повелѣнію генераломъ Богдановичемъ въ 59-мъ г.: «Обрекая Москву на жертву пламени, Растопчинъ налагъ на себя тяжкую отвѣтственность, потому что не имѣлъ отъ повелѣнія отъ благодушнаго государя. Невозможно предположить, чтобы жители такого обширнаго города условились между собою сжечь свои дома; если же на это рѣшились только немногіе, то выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта было бы несправедливо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войска. Изъ всего сказаннаго о пожарѣ Москвы видно, что главнымъ, или по крайней мѣрѣ первымъ виновникомъ былъ графъ Растопчинъ, хотя онъ отъ сего и отказался, потому что, живя въ Парижѣ, не хотѣлъ прослыть тамъ грубымъ человекомъ». Предоставляю каждому оцѣнить такую неопредѣленную степень понятій и историческихъ взглядовъ нашего историка 1812 года. Растопчинъ то боялся отвѣтственности передъ государемъ, а Растопчинъ, который не дрожалъ даже передъ императоромъ Павломъ, то боялся прослыть грубымъ сенеомъ у французамъ, тотъ Растопчинъ, который жилъ въ Парижѣ при Людовикѣ XVIII въ обществѣ самыхъ жаркихъ роялистовъ, придворныхъ и вообще всѣхъ знатныхъ того времени, которые, торжествуя возвращеніе Бурбоновъ, готовы были носить Растопчина въ рукахъ.

Основываясь на этомъ историкѣ, мы сказали выше, что въ городѣ могло оставаться во время французовъ до 15,000, то-есть, гораздо менѣе десятой части всѣхъ ея жителей. Въ этомъ небольшомъ числѣ укрывалось одно общество, обладавшее до излишества всѣми земными благами и имѣвшее притязаніе обладать во всей полнотѣ, среди себя, и всю благодать духовную. Еслибы къ нимъ помыслилъ обратиться графъ Растопчинъ, чтобы сдѣлать ихъ орудіями очистительной и спасительной жертвы за свягую Русь, то въ ихъ ревности о домѣ пресвятой Троицы не могло бы возникнуть никакого сомнѣнія. Не разъ случалось имъ въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, какъ предшедшихъ, такъ и настоящаго предавать пламени не только свои жилища, но и собственную свою жизнь, дабы спасти себя отъ пламени геенскаго. Но и къ нимъ не могъ бы отнестись Растопчинъ съ по-

добнымъ предложеніемъ, какъ къ сектаторамъ, произнесеннымъ ему на весь государственный строй російской имперіи; читатели мои угадаютъ, что я подразумѣваю старообрядцевъ, которыхъ съ нѣкотораго времени стали прославлять во всеуслышаніе тѣ, которые въ нихъ видятъ постоянно живущій протестъ противъ петровской реформы и всѣхъ ея послѣдствій, и во всемъ чего люди науки *quand même*, прощаютъ имъ всякое обезображеніе всѣхъ разумныхъ началъ человѣчества. Московскіе старобрядцы и въ этомъ случаѣ держали себя въ сторонѣ, и на видъ всѣхъ прочихъ жителей, къ наставленію современниковъ и потомства, поступили иначе. Они выслали къ Наполеону депутацию съ изъявленіемъ ему своей всесовершенной покорности: выпросили у него къ постояннымъ убѣжищамъ своимъ на отдаленныхъ кладбищахъ Москвы стражу, для охраненія себя отъ грабителей своихъ и чужихъ, для спасенія отъ расхищенія тѣхъ сокровищъ, преимущественно церковныхъ, которые тамъ, у нихъ издавна сохранялись. Сказываютъ, что общество это не пошло въ увеличеніемъ своихъ церковныхъ сокровищъ во все время поруганія и опустошенія московской святыни французами и что число ихъ богатствъ, состоящихъ въ древней церковной утвари и иконахъ, въ многоцѣнныхъ окладахъ, послѣ бѣгства непріятели изъ столицы значительно увеличилось. Когда породо въ столицѣ водворился по возвращеніи въ нее нашего владычества, тѣхъ, которые вынуждены были принять на себя какія нибудь городскія обязанности во время пребыванія непріятели, предали суду; старообрядцевъ не коснулись. Вѣроятно, такая безнаказанность куплена была ими золотомъ.

Мы опасаемся, что не отреченіе Растопчина, не шатаніе мнѣнія о причинахъ пожаровъ, указанное нами въ исторіи 1812 года, а еще менѣе то, что сами мы изложили въ доказательство нашихъ убѣжденій, не могутъ достаточно измѣнить той заданной напередъ мысли о нашемъ самопожертвованіи, которой ублаживаетъ себя современный нашъ патриотизмъ. Мало того, мы почти увѣрены, что самая эта статья и, чего Боже сохрани, ея составитель подвергнутся всеобщему негодованію. Но — *amicus Plato, sed magis amica veritas*, иначе: «Варвара мнѣ тѣтка, а правда мнѣ мать». Въ Швейцаріи ни одинъ получившій сколько нибудь серьезное воспитаніе не отстаиваетъ легенды о Вильгельмѣ Теллѣ, а мѣста, ея освященные этимъ великимъ именемъ для Гельвеціи, и понынѣ украшаются древними часовнями и другими памятниками. Никто однако не станетъ обвинять швейцарцевъ въ недостаткѣ любви къ отечеству. Кто же были подни-

Растопчина? Изобрѣтенный ихъ вождь отъ него отрекся, а въ теченіе 50-ти лѣтъ не явился хотя бы одинъ изъ вѣстоподвижниковъ за полученіемъ вѣнца славы. Насъ, русскихъ, несправедливо было бы упрекать въ подобной свромности. Участвуя въ подвигахъ другого рода, не всегда оправдываемыхъ религіей и строгой нравственностью, мы и тогда не отличались особенной застѣчивостью и брезгливостью.

Кстати будетъ здѣсь упомянуть о томъ загадочномъ шарѣ, который еще съ іюня 1812 года изготовлялся подъ Москвой, иностранцемъ Шмидтомъ, и который послужилъ доказательствомъ изменія Москвы Растопчинымъ всѣмъ сторонникамъ этого мнѣнія. На моей совѣсти лежитъ совершенная утрата для потомства двухъ замѣчательныхъ документовъ по этому случаю. Въ концѣ 1817 года, бывший въ это время губернаторомъ Москвы Обресковъ умеръ въ отпуску, съ сохраненіемъ званія сенатора, въ сѣмбирской своей деревнѣ, селѣ Нивольскомъ, нынѣ принадлежащемъ графу Соллогубу. Въ декабрѣ этого же года, вскорѣ послѣ смерти Обрескова, ѣздилъ я навѣстить его сестеръ, моихъ тетокъ и, съ ихъ дозволенія, разбиралъ бумаги умершаго. Въ нихъ нашлись два собственноручные къ нему рескрипта императора Александра изъ Вильны; первый отъ начала іюня, второй, кажется черезъ мѣсяць, чѣсель не упомню. Я не имѣлъ никакого права взять ихъ къ себѣ, не будучи прямымъ наслѣдникомъ (у него были другіе племянники того же имени), но могъ бы конечно списать ихъ, и, увы! по разсѣянію этого не сдѣлалъ. Такъ они исчезли безвозвратно. Какъ теперь гляжу я на эти драгоценные два листа весьма плохой, уже пожелтѣвшей отъ времени въ золотомъ обрѣзѣ бумаги, и могу теперь только отвѣчать моимъ словомъ за подлинный смыслъ ихъ содержанія. Оба рескрипта писаны и подписаны были четкой, красивой рукой государя, на сохранившихся обоихъ пакетахъ, и въ началѣ самъ писемъ, его же рукой выставлено было: *Секретно*.

1-е. «Николай Васильевичъ,

«Вручитель этого, иностранецъ Шмидтъ, объявить вамъ причину, по которой посылается мною въ Москву; храните ее *подъ самымъ некроничаемой тайны*, не только отъ московскихъ жителей, но и отъ главнокомандующаго фельдмаршала графа Гудовича. Помѣстите Шмидта гдѣ-нибудь около Москвы, и дайте къ средствамъ къ исполненію его предпріятія. Пребыванію его у

вась дайте предлогомъ фабрикацію земледѣльческихъ орудій, или чего другого. Всѣ сношенія со мною лично по этому предмету ведите черезъ оберъ-гофмаршала Николая Александровича Топстага, адресуя ваше ко мнѣ донесеніе на его имя».

2-е. «Николай Васильевичъ,

«Назначивъ главнокомандующимъ Москвы графа Растопчина предписываю вамъ сообщить ему объ иностранцѣ Шмидтѣ и передать весь ходъ дѣла черезъ вась ему порученнаго».

Иностранецъ Шмидтъ гѣтомъ 1812-го года жилъ за Симоновымъ монастыремъ, въ Тюфелевой рошѣ. По сожженіи Москвы начали иные говорить, будто Шмидтъ приготовлялъ горючіе матеріалы. Растопчинъ въ своихъ афишкахъ къ народу объявлялъ за нѣсколько дней до сдачи города, что будетъ пущенъ шаръ на погибель злодѣя. Можно предположить, что онъ назначалъ для того, чтобы наблюдать съ высоты за расположеніемъ и дѣйствіями непріятельской арміи. Извѣстно, что Наполеонъ, находясь въ булонскомъ лагерѣ, откуда готовилъ высадку въ Англію, имѣлъ у себя шары подобнаго рода для той же цѣли. Представляю другимъ разъяснить, почему еще въ самомъ началѣ кампании шаръ этотъ приказано было изготовлять въ Москвѣ. Неужели съ того самаго времени предполагалась уже возможность Наполеону приблизиться къ столицѣ. Мудрено также объяснить строгое повелѣніе губернатору хранить такую тайну отъ главноначальника столицы. Изъ статьи помѣщенной въ № 16 Русскаго Архива за 1869-й годъ, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о селѣ Грузинѣ», къ удивленію видно, что вліятельнѣйшій человекъ этой эпохи судилъ объ этомъ шарѣ, какъ о бесполезномъ изобрѣтеніи, съ единственной цѣлью занять въ тревожное время умы народные. Нахожу нелишнимъ привести замѣчанія графа Аравчеева въ подлинникѣ:

«Въ 1812-мъ г., когда Наполеонъ приближался къ Москвѣ и страхъ былъ всеобщій, императоръ Александръ мнѣ сказалъ: «Ко мнѣ явился нѣкто, предлагающій мнѣ вылить подобныя пули, навѣрно попадающія; дай ему средства дѣломъ заняться». Я осмотрѣлъ пулю, и позволилъ себѣ сказать: «Вы вѣрно хотите похристосоваться съ вашею арміею и подарить каждому солдату по чугунному яйцу. Повѣрьте, государь, этотъ изобрѣтатель обманщикъ. Пуля по своей формѣ далеко и мѣтче летѣть не можетъ». На это императоръ мнѣ сказалъ: «Ты глупъ».

заполчалъ, далъ прожектору средства что-то дѣлать и забылъ о томъ. Вскорѣ затѣмъ императоръ вновь меня призвалъ и сказалъ: «Явился человекъ, который хочетъ строить воздушный шаръ, откуда можно будетъ видѣть всю армію Наполеона; отведи ему близъ Москвы удобное мѣсто и дай средства въ работѣ». Я вновь позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе о нецѣлостности дѣла, и вновь получилъ въ отвѣтъ: «Ты глупъ». Прошло немного времени, какъ мнѣ донесли, что прожекторъ шара сбѣжалъ; съ сардоническимъ лицомъ предсталъ я передъ императоромъ и доложилъ о случившемся; но каково было мое удивленіе, когда императоръ съ улыбкою сказалъ мнѣ: «Ты глупъ!» Тогда только мнѣ стало проясниться: для народа въ извѣстныхъ случаяхъ нужны такіе выдумки, онѣ успокоиваютъ легковѣрную толпу, хотя на это время, когда нѣтъ средствъ отвратить бѣду. Народъ тогда въ массѣ ходилъ изъ Москвы, на разстояніи семи верстъ, къ тому месту гдѣ готовился шаръ. Это было на уединенной дачѣ окруженной заборомъ, куда внутрь никого не впускали, но народъ, возвращаясь домой, рассказывалъ что видѣлъ своими глазами, какъ готовится шаръ на вѣрную гибель врага и тѣмъ довольствовался».

Но вѣдь Москва въ 1812-мъ году горѣла? Кто-нибудь сжегъ Москву? Отвѣтъ предлагается слѣдующій, и по нашему убѣжденію единственно возможный. Не мы, русскіе, и не они, французы, задуманно и заранѣе преднамѣренно. Не мы, русскіе, то-есть ставившіеся во время непріятеля въ Москвѣ, и не они, французы, то-есть всѣ галлы и всѣ ихъ двадцать языкъ; тѣ и другіе не задуманно и не заранѣе намѣренно. Можетъ быть въ рѣдкихъ случаяхъ и были между зажигателями русскіе по чувству ненависти ко врагу и изъ мщенія за жестокое съ ними обращеніе непріятеля, но главнѣйшими причинами пожаровъ были: отсутствіе всякой дисциплины въ непріятельскомъ войскѣ и всякаго порядка между кочующими по городу толпами жителей. Вспомните, что въ этихъ толпахъ были володники, не замедлившіе выдти изъ мѣстъ заключеній, какъ скоро оставилъ ихъ караулъ, что всѣ кабаки были тотчасъ разбиты и народъ преданъ пьянству. Что же касается до обращенія съ жителями непріятельскаго войска, то вотъ слова очевидца: «на улицахъ можно было встрѣтить только военныхъ, которые слонялись, разбивая окна, двери, погреба и магазины. Жители прятались и позволяли себя грабить первому нападавшему на нихъ. Всего ужаснѣе было тотъ систематическій порядокъ, который почти нужнымъ завести при дозволѣніи грабежа, давая его послѣдовательно всѣмъ пол-

камъ арміи (странное распоряженіе, но какъ видно необходимо чтобы и самому безпорядку дать какую-нибудь послѣдовательность). Первый день грабежа данъ былъ старой императорской гвардіи, слѣдующій молодой гвардіи, за нею корпусу генерала Даву. Всѣ войска стоявшія лагеремъ около города поочередно приходили обыскивать насъ, и можете судить, какъ трудно было удовлетворять послѣднихъ. Этотъ порядокъ (?) продолжался въ семь дней почти безъ перерыва. Нельзя себѣ объяснить зачѣмъ этихъ негодяевъ иначе, какъ зная собственное ихъ собственное положеніе: безъ панталонъ, безъ башмаковъ, въ мотыгахъ,—вотъ каковы были солдаты не принадлежавшіе къ императорской гвардіи, ихъ можно было узнать развѣ только по оружію. Офицеры дѣлали то же, ходя изъ дома въ домъ; болѣе совѣстные опустошали свои квартиры. Даже генералы заставляли выносить отсюда вещи, которыя для нихъ годились, или перемѣняли квартиры, чтобы грабить въ новыхъ своихъ жилищахъ. Не должно ли будетъ согласиться, что Москвѣ труднѣе было уцѣлѣть нежели сгорѣть при такихъ ужасныхъ безпорядкахъ продолжавшихся не день, не два, а цѣлую недѣлю. Повторю сказанное, что въ ней никакого городского управленія не было, не было никакой полиціи, не было ни одного тасательнаго орудія, и что всего болѣе повело къ пожарамъ и къ грабежу, не было рѣшительно никакой дисциплины въ неприятельскомъ войсѣ. Установленный порядокъ въ грабежѣ не есть ли несравнимое тому доказательство? Много способствовала распространенію пожаровъ долговременная засуха, стоявшая тогда въ Москвѣ почти до 1-го октября и необыкновенно теплая даже въ началѣ этой осени. Горькимъ опытомъ знаемъ мы, какъ легко загораются и какъ часто выгораютъ наши деревни и города въ лѣтнія засухи; знаемъ также, что ни одинъ сколько-нибудь значительный пожаръ не проходитъ безъ того, чтобы причину его не сваливали на какое-нибудь злоумышленное зажигательство. Со времени перваго польскаго мятежа до нашего времени, и въ народномъ мнѣніи, въ прессѣ, а иногда въ средѣ самого правительства роль зажигателей представлялась обыкновенно комедіею. Въ 1834-мъ году говорилось, что они зажигали одновременно Москву и Тулу, въ 1839-мъ году цѣлые города и деревни, въ Сибирской губерніи, въ началѣ 40-хъ годовъ; когда выгорѣла въ половинѣ Костромы, тамошнимъ губернаторомъ взяты были подъ стражу нѣсколько человѣкъ поляковъ, которые впоследствии по суду оправдались. Большой петербургскій пожаръ 1862-го года, такъ испугавшій всѣхъ жителей столицы, приписанъ былъ также

промышленникамъ и тоже полякамъ. Слѣдствіе самое строгое этого не открыло. О симбирскомъ пожарѣ было по слѣдствію нѣтъ доказано, что поджигателями были нижніе чины какого-то кѣтоваго полка, кажется Угличскаго, и что на это злодѣяніе подвигали ихъ полковой ихъ командиръ, котораго, православнаго и русскаго, обратили въ поляка и католика. Его судили, болѣе еда держали въ вѣрности, и, слава Богу, невиннаго оправдали. Тамъ государь утѣшилъ его милостивымъ своимъ словомъ. — Не мѣло народное мнѣніе, но и самая юридическая практика, по исканію причинъ пожара, бывають всюду несостоятельны, а у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Нигдѣ, кромѣ развѣ Турціи, не вырраетъ такъ много городовъ и селеній. Года два или три тому назадъ издатель «Московскихъ Вѣдомостей» насчитывалъ въ лѣтніе мѣсяцы на каждую недѣлю по 200-ти пожарныхъ случаевъ¹⁾, а мы все еще силнимся доказать, что Москва была вольною жертвою нашего патріотизма.

Еще одно обстоятельство.

Составляя болѣе на память, чѣмъ по источникамъ мои записки о великомъ московскомъ пожарѣ 1812 года, я невольно останавливаюсь на вопросѣ, доселѣ ниѣмъ незатронутомъ и, несмотря на то, по моимъ соображеніямъ весьма существенномъ.

Были ли приняты тогда какія-нибудь мѣры, чтобы въ городѣ не прекращалось богослуженіе, чтобы оставленные на жертву судьбы его жители (число которыхъ хотя и не было достоверно извѣстно, представляло однако значительную массу—отъ 5 до 15,000 человекъ) могли имѣть утѣшеніе въ пастырскомъ словѣ, напутствіе передъ смертію, могли крестить рождающихся младенцевъ? Историкъ 12-го года, г. Богдановичъ, достаточнаго объ этомъ предметѣ не даетъ объясненія, вѣрнѣе сказать относится къ нему съ равнодушіемъ. Между тѣмъ мы знаемъ изъ его же книги, что кромѣ жителей, которыхъ, по его же словамъ, оставалось до 15,000, находилось въ Москвѣ значительное число нашихъ раненыхъ и было при сдачѣ столицы заключено секретное условіе, чтобы они находились подъ покровительствомъ вступающихъ французовъ. — Мы читаемъ въ этой исторіи 1812 года, слѣдующее:

«Москва, знаменитая числомъ и богатствомъ храмовъ, цѣлыя дѣи недѣли оставалась безъ церковнаго служенія. Священнослужители, всѣ безъ исключенія, ее оставили вмѣстѣ съ сосудами и церковною утварью. Только 15-го сентября, въ день коро-

¹⁾ Въ одномъ изъ послѣднихъ октябрьскихъ номеровъ этихъ вѣдомостей 1869 года, сказано по ноябрь, 15,000 пожарныхъ случаевъ.

націи императора Александра раздался благовѣсть въ церкви святаго Евѳла на Мясницѣй: тамъ совершалъ литургію священникъ кавалергардскаго полка Граціанскій. Будучи захваченъ въ плѣнъ при выступленіи нашихъ войскъ, онъ первый просилъ назначеннаго Наполеономъ въ правители столицы Лессепа, дозволеніи совершить божественную службу, но съ условіемъ молиться о Государѣ и поминать на эгтеніи Императорскій Домъ.

Затѣмъ слѣдуютъ похвалы отъ автора гвардейскому священнику за его вѣрнопопуданническія чувства.

Тамъ же читаемъ выше:

«Въ самую послѣднюю ночь, съ 1-го на 2-ое сентября, викарію московскому, епископу Августину сказано было Растопчиннымъ выѣхать во Владиміръ».

Мы знаемъ, что въ это время преосвященный вывезъ съ собою двѣ чудотворныя иконы, Владимірскую и Иверскую, вмѣстѣ съ другою главнѣйшею святынею, хранившекую въ патриаршей Успенской и другихъ соборныхъ ризницахъ. — Въ запискѣ митрополита Филарета, напечатанной въ «Сборникѣ XVIII-го вѣка» за 1868-й годъ Бартенева, сказано:

«Начальники московскихъ монастырей и почти вся братія были въ бѣгство».

Остается совершенно неизвѣстнымъ, послѣдовало ли удаленіе изъ Москвы викарія Августина и, по выраженію митрополита Филарета, бѣгство изъ Москвы всѣхъ настоятелей и ихъ монаховъ — по высшему ли распоряженію святѣйшаго синода, или по одному приказанію Растопчина, сосредоточившаго въ лицѣ своемъ всякую власть. Можно догадываться, что на все это отъ синода никакихъ распоряженій не было, ибо по прошествіи пяти лѣтъ министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, писалъ въ московскому архіепископу Августину:

«Что Государю въ бытность его въ Москвѣ угодно потребовать отъ настоятелей монастырей обстоятельное и на сущей истинѣ основанное описаніе, что происходило въ монастыряхъ въ время нашествія непріятели, и что Государь требуетъ таковыхъ свѣдѣній въ единственномъ намѣреніи узнать короче бывшія происшествія, при чемъ не предполагается ни обслѣдованій, ни сужденій о лицахъ, а чистосердечное объявленіе примется во благо». Списки изъ этихъ показаній сохранились въ архивѣ московской консисторіи.

Изъ нихъ видно, что настоятели монастырей: Заневосельскаго, Богоявленскаго, Златоустенскаго, Покровскаго, Даниль-

аго, Вовдвиженскаго, выѣхали съ своими ризницами въ Во-
ду, что всѣ эти монастыри были опустошены неприятелемъ,
самые храмы были имъ поруганы, что богослуженія въ нихъ
было и быть не могло. Въ женскихъ монастыряхъ происхо-
мо то же, только въ одномъ Страстномъ у Тверскихъ воротъ
оставленные въ кельи французскіе гвардейцы позволили игуменьѣ
идти на паперти, а черезъ нѣсколько дней дали ей велью. Че-
резъ двѣ недѣли одинъ неприятельскій чиновникъ прислалъ туда
древныя ризы и все нужное для служенія, съ шестью бутылками
раснаго вина, крупчатой муки и восковыхъ свѣтъ, и, отдавъ
ключи, позволилъ служить обѣдню монастырскому священнику
Ирею Герасимову («Московскіе монастыри во время нашествія
французовъ». Русскій Архивъ № 9, 1869 года). Изъ этого мы
знаемъ достоверно, что божественная служба начала совершаться
въ эту бѣдственную годину съ 15-го сентября въ двухъ церквахъ,
и все монашествующее духовенство предалось бѣгству, что
и священнослужители оставили свои приходы, сохранивъ впрочемъ
чагодѣнную церковную утварь, но вмѣстѣ знаемъ также и то,
что крайней мѣрѣ до новаго подробнаго изслѣдованія), что бѣд-
ные оставленные жители, и въ томъ числѣ наши раненые войны
знали были святыхъ таинствъ. Записка, представленная госу-
дарю о монастыряхъ, утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что
сѣвѣннѣйшій синодъ не имѣлъ или не могъ имѣть никакого вліянія на
эти странныя дѣйствія, и что Растопчинъ, пользуясь своимъ дик-
таторствомъ надъ Москвою того времени, смотрѣлъ и на церковь
и въ особенности на ея сокровища, какъ на казенное имуще-
ство. Молчаніе Абрама Сергѣевича Норова, оставшагося въ Москвѣ
послѣ раненія, о томъ, были ли посѣщаемы или нѣтъ свя-
щенниками русскіе раненые, заставляетъ предполагать, что о нихъ
не было никакого духовнаго попеченія.

Все это мало согласно съ духомъ христіанской церкви. Изъ
исторіи мы знаемъ не одинъ примѣръ противоположный тому,
что тогда произошло у насъ. Три пустынника, удалившіеся не
далеко отъ міра, но и изъ многолюдныхъ иноческихъ обителей,
получили, по неотступной просьбѣ, позволеніе отъ своего епи-
скопа вступить тайно въ одинъ городъ, который былъ завоеванъ
врагами-варварами. Не можемъ припомнить гдѣ и когда именно
это происходило, на Востокѣ или на Западѣ, но твердо знаемъ,
что это случилось въ печальныя времена нашествія варварскихъ
нашествій и до раздѣленія церквей. Цѣль безстрашно стремив-
шихся въ среду враговъ христіанства отшельниковъ была, во-

нечю, не иная, какъ исполненіе святаго долга ¹⁾. Таковой мнѣ видѣтъ, къ великому нашему утѣшенію, имѣлъ и у насъ въ оное ваекое нами время подражателя, и къ нашему прискорбію едва не единственнаго. У насъ о немъ забыли, и мы считаемъ обязанностію о немъ напомнить.

Московскій митрополитъ Платонъ, передавшій еще въ 1811-мъ г. управленіе епархіи викарію своему, епископу Дмитровской Августину, съ того времени оставался на покой въ основаніи имъ близъ Троицкой Лавры Визанской пустыни. Изнуренный болѣзнями еще болѣе нежели лѣтами, семидесятипятилѣтній старецъ не имѣлъ довольно силъ, чтобы встрѣтить императора Александра въ Москвѣ, когда тотъ пріѣзжалъ на короткое время въ столицу, за два мѣсяца до занятія ея непріателемъ. Платонъ послалъ государю свое письмо и благословилъ иконою, писанною на гробовой доскѣ св. Сергія Чудотворца. Но когда сталъ приближаться врагъ къ стѣнамъ столицы, митрополитъ перемогъ свою тѣлесную слабость и въ самый день бородинской битвы 26-го августа, никѣмъ «неожидаемый», прібылъ въ Москву. Викарій московскій въ то время помышлялъ уже о своемъ изнея удаленіи. Платонъ рѣшительно объявилъ, что онъ остается въ городѣ съ жителями, которые, конечно, не всѣ изъ нея выйдутъ, съ ранеными, которыхъ, говорилъ онъ, въ нее привозятъ. Никто, вѣроятно, ниже самъ Растопчинъ не смѣлъ его удерживать отъ его святаго намѣренія. Онъ считалъ присутствіе свое въ столицѣ полезнымъ во дни бѣдствія отечества, и несмотря на убѣжденія всѣхъ его окружающихъ, не хотѣлъ выѣхать. «Что сдѣлаютъ мнѣ они», твердилъ безстрашный старецъ. Наконецъ, уже 31-го августа, когда всѣ распоряженія въ отправленіи изъ Москвы святыни и церковнаго имущества начали приводиться въ исполненіе, онъ уступилъ необходимости и выѣхалъ въ Визанію. Тамъ тоже оставался онъ недолго. Намѣстникъ и монахи убѣдили его выѣхать въ недалній отъ Лавры монастырь. По выходѣ непріателя изъ города возвратился онъ въ Лавру и вскорѣ потомъ скончался.

Что можемъ сказать о сонмѣ всѣхъ московскихъ пастырей и ихъ пастыреначальникѣ Августинѣ, предавшихся бѣгству, по собственному выраженію покойнаго Филарета, который строго вы-

¹⁾ Исторія церкви полна подобными подвигами христіанскаго самоотверженія и лицъ своихъ пастырей. Въ той самой странѣ, которую у насъ въ 1812-мъ году въ безъ исключенія называли безбожной, за 20-ть лѣтъ передъ тѣмъ французскіе священники тайно отправляли богослуженіе, воспрещенное законами террора. Они не стремились смерти, и многіе изъ нихъ были гильотированы.

каждое слово и тѣмъ болѣе имъ написанное въ оффиціальной бумагѣ, напечатанной еще при его жизни. Будемъ, впрочемъ, надѣяться, что дальнѣйшія изысканія выставятъ въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ поведеніе нашего столичнаго духовенства 12 года.

До сего времени никто и не подумалъ поставить вопроса о томъ, имѣли ли право церковные пастыри оставлять пасомыхъ, нарушили ли они святого долга пещись о своихъ духовныхъ, быть послушными даже до смерти заповѣдямъ божественнаго своего пастыреначальника. Нѣтъ никакого сомнѣнія, Платонъ, поступивъ такъ, какъ онъ хотѣлъ, по внутреннему чувству своей души, подвергся бы нареванію не только правительства, но и всего народа, что его не пощадила бы и самая справедливая исторія, по крайней мѣрѣ до нашего времени, въ мое время я, едва ли не первый, дерзаю постановить эти вопросительныя знаки на общее о нихъ сужденіе. Припомнимъ здѣсь, удаленный изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ, Сперанскій, за одно неосторожно вырвавшееся у него замѣчаніе въ бѣдѣ у архіерея о томъ, что нашему духовенству нечего бояться наполеонова нашествія, былъ немедленно высланъ въ Пермь графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ, человѣкомъ, впрочемъ, достойнымъ всякаго уваженія. Вѣроятно все это вмѣстѣ отчасти представлялось какъ непреодолимое препятствіе уму Платона, и легко могло быть подсказываемо ему изъ собственныхъ или чужихъ видовъ немногими приближенными лицами. Могъ ли Платонъ уступить обстоятельствамъ и духу времени?

По поводу слуха о томъ, что въ Англіи сдѣланы были огромныя денежные пожертвованія въ пользу разоренныхъ москвичей, относилъ прежде эти жертвы англичанъ прямо на Москву, и очень живо, какой восторгъ произвело въ Великобританіи осужденіе нашей столицы. Прочитавъ надняхъ въ «Русской Архивѣ», за январь мѣсяць 1870 года, статью подъ заглавіемъ: «Архива Шишкова», я считаю обязанностію исправить мои, совсѣмъ точныя, по этому предмету указанія. Пожертвованіе нашими вѣрными и единственными нашими союзниками довольно значительной суммы предложено было всѣмъ разореннымъ отечественную войну, а не однимъ москвичамъ, и эти суммы приняты императоромъ Александромъ, не взирая на то, что тогдашній канцлеръ, графъ Румянцевъ, донося государю объ этомъ предложеніи, убѣждалъ Его Величество «отклонить сіе

приношеніе народа чуждаго и иноплеменнаго великодушнымъ и добрымъ данымъ его имперіи и не допускать иностранцевъ имѣть когда либо поводъ хвалиться или упрекать Россію своимъ подданіемъ. Узкій патриотизмъ Румянцова подразумѣвалъ въ англичанахъ не мѣрение «привить нашему народу новыя привычки, а между крестьянами поселать привязанность, вмѣсто отечественной простоты къ тѣмъ иностраннымъ прихотямъ, которыми одни только англичане удовлетворяютъ въ состояніи». (Донесеніе Румянцова отъ 3-го января 1813 года). Предлагаемое пожертвованіе по 50-ти рублѣ на каждое лицо въ первомъ англійскомъ проектѣ, допускать, если найдено будетъ удобно, кромѣ денегъ и товаровъ. Затѣмъ тутъ же нанечатанъ слѣдующій отвѣтъ собственноручнымъ карандашомъ написанный государемъ и присланный для исправленія къ Шишкову. Сообщаю его съ немногими выписками.

«Пора погасить въ насъ духъ надменности, пора въ насъ «племенныхъ видѣть братьевъ. Нѣтъ стыда, ни униженія привязанности «для разоренныхъ частныхъ лицъ пособіе отъ чужеземцевъ «выехъ обитателей другой земли. Что же касается до привязанности «русскаго народа къ чужимъ привычкамъ, на этотъ счетъ можно «быть спокойнымъ; привязанность его къ своему явно выказана «важется вездѣ и во всѣхъ случаяхъ». Въ заключеніе предписывается канцлеру сообщить о томъ великобританскому у насъ послу и доставить весь ходъ дѣла государю для принятія нужныхъ мѣръ».

А. СВЕРБЕЕВЪ.

Октябрь, 1869 г.

Вевѣ.



ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября, 1872-го г.

денежный кризисъ. — Наши знаки цѣнности. — Банки государственныя и частныя. — О порядкахъ въ государственномъ банкѣ. — Преобразование коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ. — Привилегія представительства. — Вопросъ объ отиѣнѣ волостного суда. — Выводы комиссіи. — Тѣлесныя наказанія въ волости. — Еще о Воспитательномъ домѣ.

Сплошная стѣна, нѣкогда совершенно замыкавшая Россію отъ Европы, на подобіе Китая, со времени Петра В. подверглась разборкѣ на частямъ. Въ наше время, можно сказать, той сплошной стѣны уже нѣтъ. Но нельзя отрицать, что и доселѣ еще уцѣлѣли нѣкоторые остатки ея, въ видѣ отдѣльныхъ блокгаузовъ, рововъ, палисадъ и различныхъ перегородокъ, которыя въ нѣкоторыхъ пунктахъ продолжаютъ разобщать насъ съ общеевропейскимъ міромъ. Цѣлыя области нашей общественной жизни и нашего политическаго быта лежатъ за такими *forts détachés*, остатками прежней сплошной оборонительной цѣпи. Однимъ изъ такихъ остатковъ представляется, на примѣръ, тотъ глубокой кредитный ровъ, который мы наполнили волнами бумажныхъ денегъ, и на днѣ котораго мы зарыли подъ ними нашу валюту, нашу монетную единицу. Можно бы привести и еще не одинъ подобный примѣръ, указать еще на нѣсколько такихъ перегородокъ, которыя держатъ въ сторонѣ отъ общеевропейской жизни тѣлыя области нашей умственной и промышленной дѣятельности, нашего гражданскаго и финансоваго быта. Но мы остановились на примѣрѣ, приведенномъ выше, потому собственно, что къ нему имѣеть отношеніе нѣкоторые предметы нынѣшней нашей бесѣды.

Кредитный ровъ, въ которомъ течетъ обязательнымъ курсомъ наша бумажно-кредитная рѣка, въ дѣйствительности отдѣляетъ насъ въ финансовомъ отношеніи отъ остальной Европы, до такой степени, что нашъ внутренній денежный міръ составляетъ нѣчто отдѣльное отъ остальнаго міра, имѣеть собственныя свои условія, мало уча-

ствуеъ въ общемъ движеніи и подвергается совершенно особы колебаніямъ, которыя зависятъ, конечно, отъ причинъ разнообразныхъ, но главнымъ образомъ именно отъ состоянія уровня воды томъ бумажно-кредитномъ рвѣ, о которомъ мы повели рѣчь. Тако безъ сомнѣнія, главная причина колебаній, и замѣчательно, что въ слѣдствіе такихъ колебаній, въ частности, бываетъ опять-таки и которое возвышеніе уровня нашего ассигнаціоннаго теченія. За слѣдніа лѣтъ двѣнадцать, въ нашемъ денежномъ мѣрѣ произошли три замѣтныхъ колебанія или кризиса. Такъ какъ послѣдній случилъ къ началу прошлаго мѣсяца, то не мѣшаетъ вспомнить при этомъ случаѣ и о двухъ прежнихъ. Первый кризисъ представился въ исходъ такъ-названной „акціонерной горячки“ въ 1860—61 годахъ. Происхожденіе этой горячки прямо зависѣло отъ кредитныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Во время восточной войны, въ теченіи трехъ лѣтъ выпущено было ассигнацій почти на 379 мил. рублей и вся сумма бумажнаго безпроцентнаго обращенія въ 1857-мъ году составила до 735 милл. руб. Затѣмъ, по окончаніи войны предпринята была реформа кредитныхъ учреждений, начавшаяся пониженіемъ процента на вклады; въ 1859-мъ году, когда на вклады ввѣренныа банкамъ платилось всего 2⁰%, выпущены были непрерывно-доходныа облигации, приносящія 4⁰%. Вслѣдствіе совокупности этихъ мѣръ, на восточномъ денежномъ рынкѣ образовалось настоящее море, такъ какъ вкладовъ въ банкахъ было на сумму до миллиарда рублей и больша масса ихъ внезапно обрушилась на рынокъ, съ котораго только часть этой массы стекла въ непрерывно-доходный, а потомъ 5⁰% займы. Не говоря уже объ иныхъ послѣдствіяхъ этого явленія, о начавшемся съ тѣхъ именно поръ быстромъ и постоянномъ вздорожаніи всѣхъ предметовъ и о паденіи рубля въ вексельномъ курсѣ до 30 и даже до 270 сантимовъ, явленіе это, то-есть искусственное изобиліе денегъ, вызвало учрежденіе множества акціонерныхъ обществъ, изъ которыхъ значительное число были совсѣмъ эфемерными предприятиями, которыхъ акціи впоследствии обратились въ ничто. Наше общество при этомъ совершенно уподобилось игроку, который, приобретая въ долгъ большія деньги, чувствуетъ потребность несть ихъ на „зеленое поле“. Черезъ годъ-два, акціи многихъ компаній оказались наконецъ, стоящими ровно столько, сколько стоить карта съ загнутыми углами, когда игра кончилась. Это было, помнится, первое разочарованіе нашей „самодѣтельности“ и „настоящаго времени, когда“.

Черезъ два-три года это первое, промышленное разочарованіе было забыто за нѣкоторыми другими, заслонившими его фактами. Между тѣмъ, цифра ассигнаціоннаго обращенія мало по малу, но понижалась. Въ 1857-мъ году она была 735 милл. р., въ 1859-мъ—

милл., въ годы 1860—1862 включительно она упорно держалась въ 713 милл. Затѣмъ, вплоть до 1867 года, она понижалась ежегодно то на 20, то даже на 40, то хоть на 1 миллионъ рублей. Такимъ образомъ, въ 1866-мъ году она представляла уже только 61/2 милл. За 9 лѣтъ количество ассигнацій уменьшилось стало на 85 1/2 милл. Но съ 1867 года оно начало быстро расти опять, притомъ весьма быстро, почти на 40 милл. ежегодно въ теченіи 1867 и 1868 годовъ, и достигло вновь 724 1/2 милл. И вотъ, 1868-й г. являлся предшествовалъ кризису, также какъ и 1859—60-й годъ. Они имѣли одинакія черты въ своихъ промышленныхъ послѣдствіяхъ, потому что представляли сходство въ кредитныхъ операціяхъ государства. Какъ прежде на денежный рынокъ упали вдругъ и масса новыхъ ассигнацій, и новые 4 и 5% внутренние займы, такъ и теперь, въ 1868-мъ году, надъ рынокъ таятотѣли тучи новыхъ ассигнацій и вмѣстѣ съ ними займовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Среди этихъ явленій началось, какъ и прежде, сильное движеніе электричества, стоящая буря, которую и представила собою такъ-названная желѣзнодорожная горячка. Годъ 1868-й былъ именно періодомъ этой горячки, которая вызвала непомерное искусственное движеніе массы новыхъ цѣнностей, выразилась въ 1869-мъ году настоящимъ временемъ биржевой спекуляціи, за которою въ томъ же году и послѣдовала вторая кризисъ, то-есть паденіе желѣзнодорожныхъ бумагъ, недостатокъ денегъ, возвышеніе учетнаго процента.

Въ концѣ сентября и началѣ октября нынѣшняго года, мы были свидѣтелями третьяго подобнаго, хотя и слабѣйшаго, сравнительно, кризиса. Этому кризису, кажется, усваивается прозваніе банковаго, потому что въ публикѣ онъ приписывается „банковой горячкѣ“, происшедшей у насъ въ 1871-мъ и особенно въ текущемъ году. Это банковая горячка, то-есть, внезапное, искусственное стремленіе къ созданію множества частныхъ кредитныхъ учрежденій, у насъ явилась, что масса этихъ учрежденій превышаетъ дѣйствительную, реальную потребность въ нихъ собственно нашей торговли, промышленности и крупнаго землевладѣнія, что многіе изъ открывшихся банковъ, независимо отъ всякихъ законодательныхъ въ такомъ дѣлѣ ограниченій (которыя уже и послѣдовали) не будутъ имѣть прочнаго успѣха, — со всѣмъ этимъ можно согласиться. Что для общества эта „банковая горячка“ въ сущности была главнымъ образомъ картежной игрой, точно такъ, какъ „акціонерная горячка 1860—61 г. и желѣзнодорожно-биржевая 1868—69 годовъ“—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, но не въ этомъ дѣло. Мы можемъ, конечно, винить себя за нѣкоторое легкомысліе, выказанное нами троекратно въ теченіи 12-ти лѣтъ. Но, спрашивается, откуда же возникаетъ въ насъ

эта внезапная потребность азартной игры, въ той или другой формѣ гдѣ та fatalité, которая повидимому осуждаетъ насъ на какую-то возвратную горячку, въ разныхъ видахъ: то торговомъ, то желѣзно дорожномъ, то банковомъ, и подъ такими разными предложениями не рѣдически изнураетъ насъ въ сущности все однимъ и тѣмъ же зломъ, даже не настоящаго всемірнаго ажіотажа, а просто какой-то громадной, прерывающейся и снова возникающей всероссійской стулки?

Не то бѣда, конечно, что у насъ, положимъ, нѣсколько внезапно возникло большое число акціонерныхъ компаній вообще, желѣзныхъ дорогъ и частныхъ банковъ. Почти ничего этого у насъ до нынѣшняго царствованія не было, и все это намъ было въ самомъ дѣлѣ нужно. Даже и не въ томъ бѣда, что акціонерныхъ компаній, желѣзныхъ дорогъ и частныхъ съ общественными банковъ, осуществлялось у насъ иногда быть можетъ и слишкомъ много вдругъ. Если бы наши расчеты велись на наличныя деньги, если бы мы находились въ правильномъ общеніи съ монетнымъ рынкомъ Европы, то и самыя увлеченія наши были бы не такъ искусственны, не такъ порывисты, наконецъ, не вели бы насъ къ такимъ разочарованіямъ. Ведя расчеты на наличныя, вездѣ свободно обращающіяся деньги, нельзя издержать больше чѣмъ имѣешь, труднѣе увлечься въ кредитныя предпріятія, превышающія и потребность, и силу. Но когда самыя расчеты производятся посредствомъ собственныхъ долговыхъ обязательствъ, сумма которыхъ ничѣмъ не ограничена, то тутъ увлеченія уже потому неизбѣжны, что мы сами не знаемъ, что такое у насъ въ рукахъ, мы играемъ съ повязкой на глазахъ. Позволимъ себѣ предложить аллегорію. Нѣкоторый капиталистъ, выдавшій множество сохранныхъ росписокъ разнымъ лицамъ, позвалъ своихъ кредиторовъ къ себѣ въ гости, и когда они начали играть между собой въ карты, согласился на это, съ тѣмъ, что хотя самъ онъ въ игрѣ участвовать не будетъ, но выдастъ имъ марки, которыя представляютъ ихъ же капиталъ, а именно известную часть всего долга имъ того же капиталиста. Такая игра была, конечно, самая бѣшеная, потому что проигрывались и выигрывались цѣнности условныя, и проигрышъ можно было тотчасъ вернуть, попросивъ у капиталиста еще нѣкоторое количество марокъ для ставки. Кто проиграетъ окончательно? Не тотъ, кто въ теченіи игры проигрывалъ больше другихъ, но тотъ, который былъ въ проигрышѣ въ ту минуту, когда хозяинъ всталъ изъ-за стола и сказалъ: довольно, друзья, у меня больше марокъ не припасено!

Какъ происходитъ кредитная игра у насъ? Искусственное обиліе бумажнаго капитала вызываетъ, положимъ, чрезмѣрное размноженіе

банковъ. Всѣ наши банки вообще похожи на кассы ссудъ. Тому именно, что главная ихъ операція есть именно ссуда. Частные банки имѣютъ за собой государственный банкъ и на него рассчитываютъ, онъ оказываетъ имъ помощь посредствомъ переучета векселей посредствомъ ссудъ подъ процентныя бумаги; это въ порядкѣ вещей, это вездѣ такъ. Наступаетъ моментъ, когда подъ вліяніемъ разныхъ экономическихъ причинъ: отвлеченія средствъ на новыя предпріятія, неурожая, уменьшенія вывоза,—наличные средства частныхъ банковъ истощаются, и они предъявляютъ къ государственному банку такія требованія, которыя онъ затрудняется исполнить въ недостатку наличныхъ средствъ. Онъ возвышаетъ процентъ учета сперва немного, потомъ значительно. Происходитъ торговый кризисъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Это тоже вездѣ бываетъ. Но далѣе ходъ дѣла за-границею и у насъ уже бываетъ не одинаковъ. Въ иныхъ странахъ, въ этихъ случаяхъ капиталы прячутся потому, что ими овладѣваетъ страхъ, а подъ вліяніемъ страха нарастаютъ и обратныя требованія вкладовъ изъ всѣхъ банковъ, и отказъ въ отсрочкахъ по торговымъ счетамъ. Происходятъ банкротства. Самъ государственный банкъ бываетъ крайне стѣсненъ и даже вынужденъ обратиться къ выпуску *временныхъ* кассовыхъ билетовъ, на срокъ. Затѣмъ, по минованіи бури, государственный банкъ погашаетъ эти билеты, и дѣло вновь вступаетъ въ правильныя условія.

У насъ не то. У насъ на государственномъ банкѣ дѣло не останавливается потому, что, какъ онъ стоитъ за частными банками, такъ за нимъ стоитъ еще государственное казначейство, съ которымъ онъ связанъ. Вслѣдствіе того, та иллюзія, которою держится спекуляція, у насъ можетъ продолжаться гораздо дольше. Въ иныхъ странахъ, когда государственный банкъ еще бы и не отказывалъ въ учетѣ, а только сильно поднялъ бы его процентъ, это было бы уже безапелляционнымъ приговоромъ для предпріятій непрочныхъ, для дѣлъ запутанныхъ: нѣсколько банкротствъ, большія потери,—но самое дѣло было бы спасено; буря очистила бы его отъ того, что въ немъ было лишняго, сверхъ потребности. У насъ, когда государственный банкъ долженъ отказаться отъ учета, то въ этомъ общество усматриваетъ самую причину кризиса, жалуется на банкъ, а банкъ, имѣя за спиною неограниченный кредитъ государственнаго казначейства, выпускаетъ вновь ассигнаціи на нѣсколько милліоновъ или десятковъ милліоновъ рублей, и кризисъ благополучно устраненъ. Это весьма удобно, конечно, и хорошо если кризисъ былъ вызванъ причинами преходящими. Но если кризисъ былъ вызванъ, хотя бы отчасти, излишнимъ, искусственнымъ напряженіемъ самой спекуляціи, то такой благопріятный исходъ есть не болѣе какъ палліативное

средство, дающее ей возможность „зарваться“ еще болѣе. Въ совокупности выходитъ такъ, что спекуляція, вызванная прежде всего обиліемъ бумажнаго обращенія, привела банкъ къ кризису и тѣмъ заставила его прибѣгнуть—къ чему? къ увеличенію бумажнаго обращенія еще на нѣсколько милліоновъ. Въ концѣ концовъ, выходитъ нѣчто въ родѣ практики „опохмѣленія“ въ кредитномъ дѣлѣ, или гомеопатія въ смыслѣ *similia similibus*,—но только гомеопатія въ аліопатическихъ дозахъ.

Вопросъ, было ли такъ въ настоящемъ случаѣ, то-есть въ томъ кризисѣ, чрезъ который мы только-что прошли, еще не можетъ быть рѣшенъ теперь съ достаточной достовѣрностью. Недалекое будущее покажетъ, былъ ли нынѣшній кризисъ вызванъ именно „банковою горячкою“, или онъ зависѣлъ болѣе отъ разныхъ постороннихъ и временныхъ причинъ. Если частныхъ банковъ у насъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, развелось слишкомъ много, и эти банки, въ совокупности своихъ оборотовъ, превзошли мѣру дѣйствительной потребности производительнаго кредита и предѣлъ балансовой осторожности, въ такомъ случаѣ нынѣшній кризисъ долженъ вскорѣ возвратиться въ болѣшихъ размѣрахъ, и наконецъ окажется, что государственное казначейство не можетъ всегда выручать ихъ изъ бѣды потому что иначе мы осуществили бы извѣстную мечту о неограниченномъ „даровомъ кредитѣ“. Въ такомъ случаѣ, надо будетъ признать, что и нынѣ мы претерпѣли именно „банковую горячку“, которой могла способствовать опять та же причина, то-есть обиліе ассигнацій; въ самомъ дѣлѣ, сумма ихъ въ 1871-мъ году возрасла уже до 752 милл. р.,—цифры доселѣ небывалой. Тогда придется сказать, что это искусственное обиліе капитала вновь вовлекло насъ въ непродолжительную азартную игру, подъ именемъ учредительства банковъ, и что государственный банкъ, устранивъ кризисъ 1872 года выпускомъ новыхъ ассигнацій, этимъ не пособилъ горю, а наоборотъ, допустилъ продолженіе игры еще на нѣкоторое время.

Но въ настоящее время было бы слишкомъ рано утверждать это потому, что кризисъ могъ быть объясненъ и посторонними, временными обстоятельствами, на которыя можно указать съ тѣмъ, чтобы утѣшать себя и отрицать самое существованіе „банковой горячки“, въ смыслѣ болѣзни, увѣряя себя, что банковъ у насъ учреждено не болѣе, чѣмъ нужно, и что имѣющіеся банки, въ оборотахъ своихъ, не вышли изъ границъ дѣйствительной потребности и осторожности. Очень можетъ быть, что оно такъ и было въ дѣйствительности, и что учрежденіе новыхъ банковъ, для которыхъ потребовались капиталы, если и играло въ этомъ кризисѣ роль, то роль не главную. Здѣсь бросается прежде всего въ глаза обстоятельство, что кризисъ

нѣ произошло осенью, точно также какъ и въ 1869-мъ году. Стало такъ, въ самомъ времени года могутъ заключаться если не всѣ, то второстепенныя причины отлива денегъ.

Одна изъ этихъ причинъ, соответствующая именно времени года, представляется въ оживленіи хлѣбной торговли въ южныхъ портахъ, въ второй половинѣ навигаціоннаго времени, вызывающаго отливъ капиталовъ на югъ и приливъ на столичныя биржи векселей. Но въ обстоятельство только побочное. Въ общности нашъ отпускъ въ будущемъ году сильно упалъ, въ томъ числѣ и отпускъ хлѣба. Вообще экономическія условія за текущій годъ оказались неудовлетворительны: урожай былъ едва посредственный, внутренняя торговля шла плохо, уже на нижегородской ярмаркѣ оказывался недостатокъ денегъ, возъ за-границу значительно упалъ. А между тѣмъ, до половины сентября, внѣшніе знаки экономического состоянія страны: цѣнность видовъ и акцій, вексельный курсъ, учетный процентъ были, весьма благоприятны, вовсе не соответствуя истинному положенію дѣлъ. Въ сущности же не соответствовала ему и грядущему погрому цѣна вторыхъ излюбленныхъ спекуляціею бумагъ, напимѣръ, акцій частныхъ банковъ. Надо же было, чтобы произошла реакція, а реакція какъ только произошла, деньги могли спрятаться, даже и не выходя на югъ: всякъ кто успѣлъ реализовать во-время, по хоней цѣнѣ, держалъ деньги въ шкатулкѣ, понимая, что цѣны дошли до крайняго предѣла, возможнаго при обстоятельствахъ, и что для новыхъ закупокъ слѣдуетъ выжидать; многіе и утверждаютъ, что такъ именно было, что кризисъ произошелъ болѣе отъ отсутствія покупокъ, чѣмъ отъ дѣйствительнаго недостатка денегъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ.

Но, съ другой стороны, очень возможно и то, что важнымъ элементомъ, если не главной причиною кризиса, было именно одновременное учрежденіе и реализація капиталовъ слишкомъ большого числа банковъ; такъ что съ одной стороны большія наличныя средства были выведены съ этой цѣлью въ провинцію, а съ другой самый характеръ дѣйствій большинства частныхъ банковъ былъ таковъ, что горю за обращеніемъ возможно большаго капитала въ ссуды, они слишкомъ сократили свою наличность, однимъ словомъ, „зарвались“, но въ томъ неизмѣнномъ упованіи, что позади ихъ стоятъ неисчерпаемые будто бы ресурсы государственнаго банка, которые посредствомъ переучета находятся въ полномъ ихъ распоряженіи.

Первоначально кризисъ сказался въ Москвѣ и въ Ригѣ. Тамъшнее управленіе государственнаго банка, подъ вліяніемъ уменьшенія вклада въ сильнаго возрастанія какъ ссудъ, такъ и учетовъ, сперва под-

няли учетный процентъ до 10, а потомъ совсѣмъ прекратили учетъ векселей. Послѣ то же самое повторилось и въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, вся надежда частныхъ банковъ, а также и всей торговли, вообще на „feste Burg“, какою имъ представлялся банкъ государственныи вдругъ была у нихъ отнята. Тогда и произошелъ кризисъ: частныи банки повысили учетъ до 11-ти, даже 12-ти процентовъ, пущенныи были въ ходъ запасы фондовъ и вообще цѣнныхъ бумагъ, изъ Москвы и Риги прибыли въ Петербургъ депутаціи. Предложеніе запасныи фондовъ и бумагъ не выручило банковъ и торговцевъ, потому что подъ влияніемъ его не только цѣнности эти упали, но и вовсе и находили покупателей. Особенно банковыи акціи, которыи спекуляціи на биржѣ въ теченіи всего лѣта вела въ гору, оказались вдругъ въ полномъ пренебреженіи; на нихъ никто и смотрѣть не хотѣлъ. Дѣла на биржахъ московской и петербургской просто прекратились, и биржевыи бюллетени, хотя въ своихъ цѣнахъ, требуемыхъ продавцами и держались нѣкотораго оптимизма, желая поддержать довѣріе, и не успѣвали успокоить публику, такъ какъ она въ нихъ же усматривала меланхолическую пустоту, подъ рубрикою совершенныхъ, и лучше сказать, не совершенныхъ сдѣлокъ.

Болѣе успѣха, чѣмъ реализація запасовъ, имѣли прибывшіи въ Петербургъ депутаціи. Реализація ихъ просьбъ не заставила долгу ждать себя: государственный банкъ поспѣшилъ возобновить учетъ въ Петербургѣ и въ конторы свои послалъ значительныи наличныи ресурсы, такъ что, говорятъ, въ одну Москву было отправлено 18-ть миллионovъ рублей. Откуда же взялись эти средства? Если изъ свободныхъ средствъ самого банка, то зачѣмъ же было прекращать учетъ и производить панику? Очевидно, что банкъ получилъ откуда-то такія средства, которыхъ прежде не имѣлъ. Одни рассчитываютъ, что банкъ *выпустилъ* новыхъ ассигнацій на 5-ть слишкомъ миллионovъ рублей; но этого мало. Другіе говорятъ, что банкъ *выпустилъ* ихъ на 80-ть миллионovъ рублей—это, пожалуй, слишкомъ много. Но о дѣлѣ этомъ, по свойству своему сокрытомъ отъ любопытства, и можно гадать сколько угодно въ широкихъ предѣлахъ 5—80 миллионovъ, или хотя бы и внѣ этихъ предѣловъ. Во всякомъ случаѣ, обстоятельство это—плачевнаго свойства, и если оно въ самомъ дѣлѣ вызвано необходимостью поддержать у насъ банковый кредитъ, то оно вдвойнѣ заслуживало бы сожалѣнія. Такое поддержаніе только отсрочило бы кризисъ и заставило бы его возвратиться современемъ въ болѣешихъ размѣрахъ; это была бы, какъ уже сказано, настоящая практика „опохмѣленія“ въ кредитномъ дѣлѣ. Положимъ, вслѣдствіе новаго паденія курса, которое было бы неизбежнымъ послѣдствіемъ значительнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, усилился бы нашъ вывозъ.

Вѣдь никто же не станетъ утверждать, что такой цѣли слѣдуетъ достигать такимъ средствомъ, что намъ желательно продавать много, а бы по убыточной цѣнѣ, а покупать за-границей по цѣнѣ высокой. Вообще роль банковъ, какъ государственнаго, такъ и частныхъ, является не особенно блистательною. Что провинціальныя частныя банки—учрежденія несамостоятельныя, которыхъ операціи напоминаютъ скорѣе кассу ссудъ при мѣняльной лавкѣ, чѣмъ кредитное учрежденіе, регулирующее биржу—это одно уже не особенно утѣшительное обстоятельство. Мы принадлежимъ къ числу противниковъ законодательнаго ограниченія числа частныхъ банковъ, и высказали некоторое сожалѣніе по поводу этой мѣры, когда она состоялась. Но въ томъ, что такое ограниченіе не измѣнитъ характера операцій существующихъ банковъ; оно можетъ только создать привилію для нихъ въ пользованіи ресурсами—въ концѣ концовъ, государственнаго же казначейства. Но если банковъ слишкомъ много, если обороты ихъ, въ надеждѣ на эти ресурсы, слишкомъ неосмотрительны, то легче было бы разъ пережить естественный погромъ въ кризисѣ, чѣмъ видѣть спасеніе ихъ искусственнымъ и абсолютно-вреднымъ средствомъ умноженія ассигнацій. Если бы государственный банкъ своевременно давалъ имъ почувствовать, что его ресурсы не неисчислимы, если бы онъ не понижалъ лѣтомъ своего дисконта до 6⁰/₀, а напротивъ, сознавая слабую сторону провинціальныхъ банковъ и въ виду, какъ крайняго напряженія петербургской фондовой биржи съ одной стороны, такъ и особыхъ потребностей осеннихъ торговыхъ расчетовъ съ другой—поднималъ свой дисконтъ постепенно, то во-первыхъ, ему, по всей вѣроятности, не пришлось бы со временемъ вовсе прекратить учета, а во-вторыхъ, не далъ бы возможности провинціальнымъ банкамъ „зарываться“. Имъ хуже для тѣхъ изъ нихъ, которые не захотѣли бы внять по добному предостереженію: если бы затѣмъ наступилъ кризисъ для нихъ, то государственный банкъ могъ бы пособить горю уже во время кризиса пониженіемъ дисконта, если бы былъ въ состояніи это сдѣлать; если же нѣтъ, то пусть бы онъ оставался неумолимымъ. Лучше разъ претерпѣть естественную ликвидацію, какихъ бы жертвъ на ни стоила, потому именно, что только при такихъ условіяхъ, каковаго характера операціи провинціальныхъ банковъ можетъ измѣниться.

Несправедливо утверждаютъ, будто государственный банкъ бытъ бы при повышеніемъ и даже прекращеніемъ учета, самъ произвелъ кризисъ. Здѣсь послѣдствіе принимается за первоначальную причину. Но справедливо, что банкъ по самому назначенію своему долженъ былъ бы регулировать кредитное дѣло въ государствѣ, а не подда-

ваться ему такъ, чтобы поощрять спекуляцію, когда она идетъ въ гору, и потомъ спастись изъ него вдругъ, когда наступаетъ тяжелое время. То же самое отчасти можно замѣтить и о частныхъ петербургскихъ банкахъ. Учрежденія эти съ значительными капиталами должны были бы регулировать биржу, а не идти пассивно за ея измѣненіями, такъ чтобы въ трудную минуту прекращать учетъ, какъ они сдѣлали, или еще требовать возврата ссудъ, данныхъ до востребованія, какъ сдѣлалъ „Международный банкъ“,—тѣмъ самымъ былъ сообщенъ кризису новый толчекъ.

По поводу денежнаго кризиса въ печати вновь заявлена была мысль о необходимости реформы государственнаго банка, въ такомъ смыслѣ, чтобы придать ему болѣе коммерческой, менѣе бюрократической характеръ. Слишкомъ очевидно, что для обращенія нашего государственнаго банка въ учрежденіе только на половину государственное, учрежденіе, въ которомъ участвовали бы и частныя пайщики, необходимо было бы прежде всего развязать банкъ съ государственнымъ казначействомъ и освободить банкъ отъ всякаго участія въ дѣланіи ассигнацій. Иначе, это учрежденіе осуществило бы собою то самое, на что доселѣ только намекала связь государственнаго банка съ Обществомъ взаимнаго кредита. Если же развязать банкъ съ дѣланіемъ ассигнацій, то онъ и въ видѣ чисто-государственнаго банка можетъ дѣйствовать весьма успѣшно, потому что главная бѣда не въ настоящемъ его устройствѣ, а именно въ неограниченности выпуска бумажекъ, чьими бы руками онѣ непосредственно ни выпускались. Еще единственное условіе, которое могло бы хоть сколько-нибудь спасти само министерство финансовъ отъ такой неограниченности, могло бы заключаться въ полной гласности этого дѣла; между тѣмъ, оно, наоборотъ, содержится въ такой тайнѣ, что и въ самомъ министерствѣ можетъ быть два, три лица, знакомы съ истиннымъ его положеніемъ. Самъ же по себѣ, государственный банкъ и въ нынѣшнемъ видѣ могъ бы дѣйствовать столь же успѣшно, какъ дѣйствуетъ, на примѣръ, банкъ финляндскій, банкъ государственный, за которымъ имѣетъ наблюденіе постоянная коммиссія, избранная сеймомъ.

Но при всемъ томъ было бы лучше и банку, и самому министерству финансовъ въ распоряженіяхъ своихъ, а быть можетъ и въ пополненіи личнаго состава, держаться менѣе обычаевъ бюрократическихъ, и руководствоваться тѣми требованіями, какія предъявляются въ мірѣ торговомъ. Нашъ государственный банкъ есть чисто-присутственное мѣсто, а въ министерствѣ, какъ и въ банкѣ, преобладаютъ чиновничьи обычаи, чиновничье равнодушіе ко всему, о чемъ „не

распоряженія". Внутренніе порядки въ банкѣ крайне сложны и изнурительны; за свои же деньги тамъ все получаешь какъ будто въ милости. Прочтите любое изъ объявленій, украшающихъ стѣны деловой банки: это все ограниченія, недозволенія, недопущенія! Служащая необходимымъ для себя соблюденіе безчисленныхъ провѣрокъ и подписываній, банкъ заставляетъ саму публику толкаться изъ угла въ уголъ для исполненія всѣхъ этихъ формальностей, которыя для нея совершенно ненужны и не имѣютъ смысла. Занятый ежедневно египетской работой многократныхъ взаимныхъ провѣрокъ, подписываній, прокальваній, банкъ произвольно ограничиваетъ иногда однимъ днемъ въ недѣлю какую-либо отдѣльную операцію. Самая операція онъ безъ всякой нужды, кромѣ соблюденія чисто чиновничьяго „удобства въ работѣ“, стѣсняется. Такъ напр., если вамъ понадобилась часть вашего вклада и вы заложили его хотя бы въ значительной сравнительно съ его итогомъ суммѣ, то вамъ впоследствии уже не позволено получить изъ него хотя бы малѣйшей части: сперва вы должны выкупить росписку. Да и вообще, вы не можете получить часть вклада, отданнаго на храненіе, а только часть вклада, съ тѣмъ что послѣ имѣете право ненужную часть его получить вновь, при чемъ надо снова подавать объявленіе съ адресомъ и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, внутреннія отправленія государственнаго банка нисколько не похожи на отправленія банковъ частныхъ, которые не заставляютъ саму публику работать для нихъ и не стѣсняются ее ограниченіями, нужными для „удобства“ служащихъ въ этихъ мѣстахъ. Государственный банкъ какъ будто забываетъ, что онъ за свои услуги беретъ съ публики деньги, и что затѣмъ ей рѣшительно надо дѣлать до удобствъ чиновниковъ, или хотя бы до взаимныхъ провѣрокъ между ними.

Точно такъ и министерство финансовъ считаетъ ни за что, напр., производить 2-го числа уплаты по купонамъ, на которыхъ стоитъ 1-ое число. Недавно же министерство не приняло своевременно мѣръ къ исправленію по октябрскимъ купонамъ послѣдняго выпуска консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій, такъ что купоны, на которыхъ должно 1-ое октября новаго стиля, въ продолженіи *трехъ недѣль* не выплачивались никакъ. Наконецъ, банкъ сдѣлалъ публикацію и приступилъ къ уплатѣ; онъ точно также былъ бы вправѣ сдѣлать публикацію чрезъ три мѣсяца. На вопросы по этому предмету, служащіе въ банкѣ неизмѣнно и весьма характеристично отвѣчали: „Еще не сдѣлано распоряженіе“. Хорошая причина, и хороша вообще вообще въ посредствѣ особой публикаціи извѣщать, когда именно пришло бы исполнить въ платежѣ, котораго срокъ былъ впередъ опредѣленъ въ са-



мьхъ условіяхъ займа. Однимъ словомъ, дѣло ведется совершенно не по торговому.

Бюрократическій элементъ до такой степени проникъ насвоею всю дѣятельность финансоваго вѣдомства, которой нѣкоторые отрасли вовсе не имѣютъ ничего общаго съ канцелярствомъ, что даже самыя учрежденія, которыя прямою своею цѣлью имѣли сблизить министерство съ живыми торговыми и промышленными органами, самыя эти учрежденія были заѣдены канцелярскимъ духомъ. Мы говоримъ о существовавшемъ при министерствѣ коммерческомъ совѣтѣ и о бывшемъ при департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли мануфактурномъ совѣтѣ. Цѣлью ихъ основанія, какъ оно определено въ уставахъ данныхъ имъ въ двадцатыхъ годахъ, было введеніе живого элемента, указаніе живыхъ потребностей торговли и промышленности. Но канцелярскій духъ одержалъ надъ ними побѣду полнѣйшую, до такой степени, что коммерческій совѣтъ даже и не собирался, а совѣтъ мануфактурный ограничивалъ свою дѣятельность почти однимъ разсмотрѣніемъ просьбъ о выдачѣ привилегій. Первый толчекъ къ преобразованію данъ былъ съѣздомъ фабрикантовъ въ 1870-мъ году, и недавно состоялось это преобразованіе о которомъ мы и хотимъ упомянуть здѣсь, тѣмъ болѣе, что по слухамъ предстоитъ учрежденіе подобнаго же представительства и для интересовъ сельскаго хозяйства.

Главный смыслъ нынѣшней реформы въ томъ, что она, соединивъ коммерческій и мануфактурный совѣты въ одно учрежденіе подъ названіемъ „совѣты торговли и мануфактуръ“ съ отдѣленіемъ его въ Москвѣ, устраняетъ отъ этого учрежденія неподвижность прежнихъ, въ которыхъ члены не подлежали очередной смѣнѣ, а сверхъ того допускаетъ учрежденіе въ городахъ особыхъ „комитетовъ торговли и мануфактуръ“. То и другое нововведеніе не лишены значенія. При прежней безсмѣнности членовъ, совѣты не оживлялись свѣжими силами и предрасполагались тѣмъ самымъ къ сладкой дремотѣ, которая главная ея причина, конечно, заключалась все-таки не въ такой безсмѣнности. Городскіе же комитеты, допускаемые нынѣшнимъ преобразованіемъ, какъ основанные на началѣ выборномъ могутъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться живыми органами промышленныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, выборное начало не примѣнено къ центральному совѣту, котораго члены назначаются просто по представленію министра финансовъ на 4-е года, причемъ половина ихъ чрезъ два года выбываетъ по жребію. Правда, самому совѣту дано право представлять на мѣста выбывшихъ новыхъ кандидатовъ, но это врядъ ли къ чему не поведетъ. Во-первыхъ, представляемо должно быть

три кандидата на одно мѣсто, и то только такіе, которые получили не менѣе двухъ третей голосовъ (такъ что выборы иногда и не состоятся), а затѣмъ окончательный выборъ зависитъ все-таки отъ министра финансовъ. Во-вторыхъ, министру же финансовъ предоставлено право назначать еще неопредѣленное число почетныхъ членовъ въ совѣтъ. Наконецъ, въ третьихъ — и это главное — такой способъ исполненія совѣта частью собственнымъ его избраніемъ, частью назначеніемъ — лишаетъ совѣтъ именно характера центрального учрежденія въ ряду провинціальныхъ, выборныхъ, торговыхъ комитетовъ, стало быть, отнимаетъ у него значеніе представительства торговыхъ и промышленныхъ интересовъ всей страны. Мы охотно допускаемъ, что это сдѣлано не изъ-за-какихъ-либо антилиберальныхъ наклоненій, а прямо изъ недовѣрія къ преобладающему въ нашемъ торговомъ и въ особенности мануфактурномъ сословіяхъ, духу монополии. Мы по опыту знаемъ, напр., хотя бы изъ хода пересмотра у насъ системы сахарнаго акциза и пошлины, что предложенія, исходящія отъ специалистовъ, избранныхъ самимъ министерствомъ финансовъ, бывають у насъ гораздо рациональнѣе, чѣмъ заявленія такъ-называемыхъ „экспертовъ“, то-есть вліятельныхъ заводчиковъ, которые пользуются своимъ правомъ заявленія для того, чтобы „торговаться“ до послѣдней степени, требовать невозможнаго, въ надеждѣ выиграть или получить возможно большее. Но если справедливо, что въ такихъ господами само министерство финансовъ иногда справиться не можетъ, какъ то опять-таки доказывается результатомъ пересмотра постановленій о сахарѣ, то вѣдь эта „невозможность справиться“ совершенно не зависитъ отъ состава членовъ собственно экспертной коммисіи или совѣта торговли и мануфактуръ. Министерство путей сообщенія весьма долгое время не могло „справиться“ съ известными своими контрагентами-американцами, несмотря на все желаніе, какое оно имѣло къ тому при двухъ министрахъ, бывшихъ послѣ г. Клейнмихеля. И справилось оно съ ними наконецъ, только посредствомъ громадныхъ пожертвованій. А вѣдь американцы эти не только не составляли большинства какого-либо выборнаго совѣта, но даже вовсе въ совѣтъ министерства и не сидѣли. Въ такихъ случаяхъ у насъ выборный принципъ рѣшительно ни причемъ, и если уже имѣетъ какое-либо отношеніе къ такимъ результатамъ, то развѣ только потому, что примѣняется въ слишкомъ узкихъ размѣрахъ.

Совѣтъ торговли и мануфактуръ вѣдь все равно не будетъ же инстанцією, рѣшающею законодательные и торгово-административные вопросы. Онъ будетъ имѣть характеръ учрежденія совѣщательнаго, органа торговой и промышленной среды. Но въ такомъ случаѣ пусть бы онъ былъ настоящимъ, а не искусственнымъ представительствомъ

этой среды, пусть бы онъ состоялъ изъ членовъ, избираемыхъ горскими комитетами, которые могли бы быть и въ Петербургѣ и Москвѣ, кромѣ совѣта и его отдѣленія. Тогда совѣтъ былъ бы вѣсть съ тѣмъ и центромъ такихъ комитетовъ, между тѣмъ какъ нынѣшнему положенію они будутъ представлять нѣчто разрозненны и едва ли будутъ пользоваться съ успѣхомъ предоставляемымъ и правомъ прямого сношенія съ министерствомъ финансовъ. Впрочемъ замѣтимъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ будетъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, допускаемо приглашеніе членовъ мѣстныхъ комитетовъ и московскаго отдѣленія въ совѣтъ. Все это обнаруживаетъ какое-то опасеніе чего-то непонятнаго, опасеніе являющееся въ время, когда на принципѣ выборнаго представительства построены всѣ земскія учрежденія. Желательно было бы, чтобы при учрежденіи сельско-хозяйственнаго совѣта, если оно состоится, допущено бы примѣненіе выборнаго принципа, при чемъ можно бы согласовать имъ и положеніе о совѣтѣ торговли и мануфактуръ. „Московскія Вѣдомости“, которыя по поводу каждой реформы умѣютъ похвалить и то, что въ ней ограниченіе, имѣютъ въ то же время даръ обмолвиться такъ, что мотивъ ихъ сочувствія къ ограниченію выходитъ вовсе убѣдительнымъ. Имъ, конечно, нравится и то, что выборное начало въ примѣненіи къ совѣту торговли и мануфактуръ недопущено, онѣ одобряютъ такой фактъ соображеніемъ, что „невозможно для права представительства одному изъ элементовъ общества, не поставивъ его въ привилегированное отношеніе къ другимъ элементамъ. Но вѣдь всякое удобство, доставляемое кому-либо реформой, составляетъ привилегію до тѣхъ поръ, пока оно не распространено и на другихъ; спрашивается, какъ же слѣдуетъ поступать: идти ли по пути реформъ, которыя мало по малу доставляютъ удобства всѣмъ, или же не дѣлать никакихъ реформъ изъ одного опасенія, что каждое улучшеніе создаетъ сперва привилегію для тѣхъ, въ чью пользу оно было сдѣлано? По этой логикѣ, не слѣдовало вводить земской реформы, пока не было готово и городское положеніе, а городское положеніе не слѣдовало издавать до окончательнаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ волости и т. д.

Вопросъ объ устройствѣ волости заключается самъ по себѣ въ томъ, что ощущается потребность посредствующаго звена между уѣздомъ съ одной стороны, мѣстечкомъ и селеніемъ съ другой. Волость въ нынѣшнемъ устройствѣ такого звена представлять не можетъ, уже потому, что она имѣетъ образованіе чисто-сословное, представляетъ учрежденіе исключительно-крестьянское. Въ настоящее время на очередь поставленъ впрочемъ только вопросъ о во-

вѣдомствѣ судѣ, о качествахъ его и степени необходимости дальнѣйшаго его существованія.

Недостатки, приписываемые общественной молвою нашимъ волостнымъ судамъ, побудили правительство въ концѣ прошлаго года, учредить особой комиссію, состоящей изъ нѣсколькихъ юристовъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора, рассмотреть вопросъ, на сколько волостные суды, учрежденные Положеніемъ 19-го февраля, соотвѣтствуютъ своей цѣли, и слѣдуетъ ли сохранять ихъ даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже введены мировыя судебныя учрежденія. Эта комиссія въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ объѣхала значительную часть Россіи для ознакомленія съ дѣломъ на мѣстахъ и возвратилась недавно въ Петербургъ. Главной цѣлью обширнаго, но довольно быстраго осмотра, произведеннаго комиссіею, очевидно, было собрать возможно большее число данныхъ, относящихся къ разнымъ полосамъ Россіи. Самая программа, какой она держалась при осмотрѣ, была довольно рациональна. Для обозрѣнія волостныхъ судовъ извѣстной губерніи, члены раздѣляли между собой уѣзды, такъ что на каждаго приходилось два или три уѣзда. Въ каждомъ уѣздѣ, членъ комиссіи, со своимъ помощникомъ избиралъ себѣ 5—10 волостныхъ судовъ для обревизованія. Обревизованіе происходило въ присутствіи всѣхъ волостныхъ властей и нѣсколькихъ выборщиковъ, и состояло сперва въ просмотрѣ книги рѣшеній волостного суда за всѣ годы, съ выпискою рѣшеній представлявшихъ особый интересъ, а также всѣхъ рѣшеній состоявшихся въ теченіи прошлаго года, и затѣмъ въ опросѣ крестьянъ: о составѣ ихъ суда, порядкѣ избранія ихъ, грамотны ли судьи, получаютъ ли жалованье, о порядкѣ судопроизводства, объ участіи въ немъ старшины и писаря, о видахъ наказаній, объ обычномъ правѣ, то-есть, о томъ, какіе есть мѣстные обычаи по наследству, онекѣ, доказательствамъ долговъ, о томъ, довольны ли вообще крестьяне судомъ и не желаютъ ли измѣненій въ немъ и т. д.

Теперь, по возвращеніи комиссіи въ Петербургъ, труды ея вѣроятно скоро будутъ опубликованы, но такъ какъ это произойдетъ уже тогда, когда комиссія постановитъ свое окончательное заключеніе, то мы считаемъ нужнымъ коснуться этого вопроса уже теперь, но тѣмъ, довольно обстоятельнымъ свидѣніямъ о трудахъ и выводахъ комиссіи, какія были помѣщены въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Недостатки, приписываемые волостнымъ судамъ общественнымъ мнѣніемъ лучше всего очертить указаніями одного изъ членовъ комиссіи, который, передъ приступленіемъ къ опросу крестьянъ, сообщалъ имъ о главныхъ упрекахъ, которымъ подверглись волостные суды, не выставляя однако этихъ жалобъ достовѣрными, а полагая, что теперь-то и требуется провѣрить, насколько онѣ справед-

ливы или несправедливы. Жалобы эти можно свести въ такой очеркъ: волостные судьи дѣлаютъ то, что велитъ старшина или подскарбъ писарь, устраиваютъ мировыя сдѣлки съ той главной цѣлью, что за нею устроить попойку, не понимаютъ ни правъ своихъ, ни обязанностей, часто не умѣютъ отличить гражданскаго иска отъ уголовнаго преслѣдованія, такъ что иногда, приговариваютъ гражданскаго истца къ розгамъ, подъ предлогомъ мѣстнаго обычая, судьи просто по произволу, крестьяне идутъ въ судьи неохотно, такъ же судьямъ болѣею частью не даютъ жалованья, а идутъ самые малоспособные, и то только потому, что за ними состоитъ очередь въ управленіи какой-нибудь натуральной повинности (отъ которыхъ судьи освобождаются), и наконецъ, что крестьяне въ иныхъ мѣстахъ такъ тѣются волостными судьями, и сами судьи — своими обязанностями.

Въ общемъ результатѣ, какъ усматривается изъ свѣдѣній, соопрошеныхъ названною газетою, большинство членовъ комиссіи пришло къ убѣжденію, что волостные судьи „далеко не такъ безобразны, какъ многіе увѣряютъ“. Въ сѣверной, промышленной полосѣ Россіи они лучше чѣмъ въ южной, черноземной, земледѣльческой. Въ сѣверной полосѣ, болѣе развитію грамотности соотвѣтствуетъ болѣе сознательное отношеніе крестьянъ къ суду; въ судьи избираютъ преимущественно грамотныхъ и назначаютъ имъ нѣкоторое жалованье, и судъ вообще идетъ удовлетворительно, не находясь подъ безусловнымъ вліяніемъ старшинъ и писарей. Впрочемъ, волости введены до крайности недоумками, продажей имущества, падежами и т. д. и здѣсь отличаются судомъ менѣе удовлетворительнымъ. Въ черноземной же, земледѣльческой полосѣ, „почти общая безграмотность народа обуславливаетъ и несостоятельность суда“, вліяніе писаря здѣсь замѣтнѣе. Что касается упрековъ во взяточничествѣ и пьянствѣ судей, то комиссія убѣдилась въ томъ, что упреки эти крайне преувеличены. По убѣжденію комиссіи, главные упреки, дѣлаемые волостному суду, въ дѣйствительности могутъ быть примѣнены не къ суду волостному, а къ *сельскому слуду*, который хотя официально судебной власти не имѣетъ, но на дѣлѣ, подъ видомъ свѣденія къ миру, рѣшаетъ самыя разнообразныя дѣла. Придя сама къ убѣжденію, что ходячее мнѣніе о безобразіи волостныхъ судей крайне преувеличено, комиссія приняла въ соображеніе и то обстоятельство, что „громадное большинство опрошенныхъ ею крестьянъ высказалось въ пользу волостныхъ судовъ и противъ передачи дѣлъ мировымъ судьямъ“. Вслѣдствіе всего этого, комиссія, по свѣдѣніямъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, пришла къ положительному убѣжденію, что имѣется достаточно причинъ къ сохраненію волостныхъ судовъ въ принципѣ.

Надо замѣтить, что, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, такое же громадное большинство опрошенныхъ крестьянъ высказалось и въ пользу сохрaненія тѣлеснаго наказанія, считая его „единственнымъ дѣйственнымъ и неразорительнымъ для крестьянскаго хозяйства средствомъ противъ пьянства, воровства и т. д.“ Поэтому нѣкоторые члены комиссіи (неизвѣстно—меньшинство или большинство), пришли къ убѣжденію, что сохраненіе розогъ въ крестьянскомъ судѣ действительно необходимо. Съ своей стороны, редакция „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ приходитъ къ выводу, что сохраненіе особаго крестьянскаго суда необходимо, какъ суда „обычнаго, свораго, явлаго и доступнаго народу“. Указывая на необходимость нѣкоторыхъ въ немъ преобразованій, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, на основаніи тѣхъ результатовъ, къ какимъ пришла комиссія, вѣрятъ несостоятельность обвиненій, предъявленныхъ противъ волостныхъ судовъ, утверждаютъ, что учрежденіе это нельзя легкомысленно выкинуть изъ народной жизни, и что необходимо сохранить специально-крестьянскіе суды, суды по обычаю, „безъ которыхъ неминуемо сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе разныхъ столкновеній интересовъ, возникающихъ въ крестьянской средѣ“.

Во всемъ этомъ, очевидно, есть доля справедливости. Но соглашаясь, что не слѣдуетъ вычеркивать учрежденіе волостныхъ судовъ легкомысленно, нельзя не замѣтить, что и самый осмотръ ихъ, произведенный комиссіею, былъ слишкомъ легокъ для того, чтобы на него можно было положиться, какъ на окончательное удостовѣреніе необходимости существованія специально-крестьянскихъ, волостныхъ судовъ. Корреспондентъ той же газеты, сообщившій ей свѣдѣніе о работахъ комиссіи въ провинціи, самъ говоритъ, что для осмотра пришлось на губернію по недѣлѣ, на избранную волость по 3 часа. Самые существенныя изъ тѣхъ данныхъ, какія могли быть получены при такомъ обзорѣ, представляются собственно выписками изъ протоколовъ, которыя, отдѣльно отъ самаго хода разбирательства, представляютъ матеріалъ недостаточно осмысленный. Что касается самаго существеннаго вопроса, именно: каковы личныя качества судей, то этотъ вопросъ при бѣгломъ обзорѣ оставался совсѣмъ въ сторонѣ, хотя, когда онъ былъ предлагаемъ крестьянамъ при опросѣ. Но насколько важны цѣны отвѣты на него крестьянъ, данные въ присутствіи самихъ судей и старшинъ лицамъ, которыхъ они считали за высшее начальство? Вѣдь и на инспекторскихъ смотрахъ спрашиваютъ солдатовъ, довольны ли они, и отвѣтъ почти всегда бываетъ—одинъ. Отчастью это можно примѣнить и къ тому „плебисциту“, который былъ введенъ въ жизнь такимъ образомъ устроенъ для рѣшенія вопросовъ, слѣдуетъ ли вообще сохранять волостные суды и оставить ли въ силѣ тѣлесныя нава-

занія? Внезапный плебисцитъ конечно долженъ быть высказаться за сохраненіе statu quo. Предполагая, что крестьяне недовольны своимъ судомъ, можно ли было ожидать, что они вдругъ, поздно ночью, выскажутся въ пользу отмены ихъ, не посоветовавшись между собой, неприготовленные къ отвѣту? Что же касается собственно вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, то въ немъ народный голосъ едва ли и можно признать компетентнымъ. Спросите вы массу народа, какъ слѣдуетъ поступать съ непочтительными сыновьями, съ вѣрными женами, съ конокрадами, а пожалуй и съ несоблюдающими постовъ, и составьте уголовный кодексъ на основаніи народныхъ понятій!

Нашъ волостной судъ, какъ онъ опредѣленъ Положеніемъ 19-го февраля, составляетъ отступленіе отъ судебной системы, существующей какъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ, сбросившихъ съ себя феодальные порядки, такъ и у насъ. Сословнаго суда нѣтъ и не должно быть въ принципѣ. Судомъ, который рѣшаетъ дѣла безъ всякаго кодекса и рѣшаетъ ихъ безапелляціонно, — какъ именно дѣйствуетъ волостной судъ, рационально можетъ быть только судъ третейскій, специально избираемый сторонами для каждаго отдѣльнаго дѣла. Волостной судъ рѣшаетъ тяжбы между крестьянами цѣною до 100 рублей, а по уголовнымъ дѣламъ за маловажные проступки можетъ опредѣлять арестъ, работы, розги и денежный штрафъ. Судитъ онъ на основаніи того матеріальнаго права, неопредѣленнаго, нигдѣ не записаннаго, сомнительнаго, которое разумѣется подъ словомъ *обычай* словомъ, подъ которымъ иногда нѣтъ ничего, кромѣ произвола. Между тѣмъ, волостной судъ, не стѣсненный въ своихъ рѣшеніяхъ опредѣленіями закона, въ то же время поставленъ относительно своихъ рѣшеній внѣ надзора, такъ какъ за исключеніемъ повода къ кассационному представляющемуся превышеніемъ власти или незаконностью самаго состава суда, рѣшенія волостнаго суда не подлежатъ апелляціи, — они окончательны.

Все это учрежденіе не соотвѣтствуетъ юридическимъ требованіямъ и есть у насъ не что иное, какъ остатокъ отъ патримональной юстиціи, отдѣльный сословный судъ для крестьянъ, основанный на той мысли, что крестьянское сословіе, еще недавно выпешее изъ состоянія неволи, не „созрѣло“ до подсудности общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Однимъ словомъ, въ принципѣ учрежденіе это вовсе не можетъ быть оправдано, и если можно приводить въ защиту этого суда что-либо, то только соображенія постороннія начала юридическимъ, практическія затрудненія, какія представила бы его отмена, постороннія соображенія въ пользу сохраненія его, во всякомъ случаѣ только временно, — такъ какъ учрежденіе нераціональное

въ самыхъ своихъ основахъ не можетъ быть признано окончательнымъ. Правда, защитники волостныхъ судовъ, не имѣя возможности держаться на почвѣ юридической теоріи, думаютъ, что и нѣкоторыми изъ постороннихъ доводовъ можно доказать необходимость сохраненія волостныхъ судовъ по принципу. Въ видѣ такихъ доводовъ намъ разсказываютъ на общинное владѣніе, на круговую поруку и на обычай, въ смыслѣ особыхъ юридическихъ мѣстныхъ понятій. Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, защитники волостныхъ судовъ по принципу остаются передъ нами пока — die Beweise schuldig. Прежде, чѣмъ мы вглубинѣ станемъ на ихъ точку, они должны доказать намъ, во-первыхъ, что совокупность общинныхъ условий, вмѣстѣ съ круговой порукой представляетъ такое различіе крестьянскаго сословія отъ другихъ, что при немъ необходимо допустить и особое устройство суда и неприимчивость къ этому сословію общихъ законовъ. Большинство же споровъ и тяжбъ, а также всѣ уголовныя разбирательства, происходящія въ волостныхъ судахъ, никакого отношенія къ общинному землевладѣнію не имѣютъ. Правда, тамъ гдѣ волостной судъ обратился въ орудіе администраціи для взыскація недоимокъ посредствомъ „сѣкуцій“, съ цѣлью предохранить имущество богатыхъ общинниковъ отъ продажи за недоимки общинниковъ несостоятельныхъ, тамъ, дѣйствительно, такая функція волостного суда въ значительной мѣрѣ истекаетъ именно изъ круговой поруки. Но едва ли защитники волостного суда по принципу признаютъ такую его функцію нормальной, и захотятъ ссылаться на нее въ подтвержденіе рациональности волостного суда вообще. Между русскими гражданами въ отношенію къ ихъ подсудности существуютъ и другія различія, не менѣе важныя, чѣмъ круговая порука въ крестьянскомъ быту. Есть сомнѣнія, что между условіями быта писателя, котораго приговорили въ судебную палату за какія-либо высказанныя имъ въ книгѣ мысли, и отставного солдата, котораго та же судебная палата судить за склопчество, разстояніе гораздо больше, чѣмъ между всѣмъ положеніемъ крестьянина, призываемаго за „безобразіе“ въ селѣ — въ судъ волостной, а за „безобразіе“ въ городѣ — въ судъ мировой. Во-вторыхъ, защитникамъ волостного суда по принципу предстоитъ доказать, что тотъ *обычай*, въ силу котораго они главнымъ образомъ отстаиваютъ необходимость специально-крестьянскаго суда, есть въ самомъ дѣлѣ нѣчто значительное, что у насъ въ самомъ дѣлѣ въ сознаніи народа живутъ опредѣленные юридическія понятія, несогласныя съ писанными законами, но одинаково и постоянно примѣняемыя волостными судами во всѣхъ отдѣльнымъ сходнымъ случаямъ. Между тѣмъ, сколько извѣстно, комиссія убѣдилась только, что такіе обычаевъ въ народѣ „въ сущности не особенно много“, и что,

напримѣръ, въ такой области, въ которой болѣе всего сказывается *usus*, именно въ области понятій о правахъ наслѣдства, комиссия нашла въ видѣ общихъ правилъ только слѣдующія особенности: равное участіе въ наслѣдствѣ сыновей и братьевъ, исключеніе женщинъ и равноправность пріемной съ сыновьями. Затѣмъ, какъ самъ примѣненіе этихъ правилъ, такъ и всѣ остальные вопросы: о числѣ удѣляемой каждому наслѣднику, объ участіи болѣе отдаленныхъ родственниковъ, о томъ, кто долженъ оставаться хозяиномъ въ доутербратъ или сынъ и который именно,—все это рѣшается внѣ всякаго опредѣленнаго правила и „каждый случай разрѣшается на основаніи чисто-практическихъ и индивидуальныхъ соображеній“. Указывается еще на ту особенность, что въ крестьянскомъ судѣ доказывается доказывать посредствомъ свидѣтелей уплату или неуплату долга и даже оспаривать свидѣтельскими показаніями росписку. Въ всякомъ случаѣ, особенныхъ юридическихъ понятій, говорить намъ комиссия собрала не много и въ области гражданскаго права. Что касается особенныхъ уголовныхъ воззрѣній народа, то за исключеніемъ денежныхъ пеней за личныя оскорбленія, едва ли и можно предположить въ этомъ отношеніи въ народѣ какія-либо такія понятія, которыя бы заслуживали уваженія, а не истекали просто изъ неразвитости.

Пока же недоказано, что „обычай“ существуетъ у насъ въ смыслѣ особой но опредѣленной крестьянской „правды“, не представляется никакого повода къ рѣшенію въ пользу волостныхъ судовъ *по принципу*. Судъ сословный, нераціональный, неимѣющій опредѣленныхъ юридическихъ основъ, безапелляціонный, въ большинствѣ безграмотный, можетъ ли быть защищаемъ по принципу на томъ только основаніи, что комиссия, ознакомившаяся съ нимъ въ три мѣсяца, нашла его въ одной половинѣ менѣе безобразнымъ, чѣмъ „иные полагаютъ“, а въ другой довольно удовлетворительнымъ, но за многими исключеніями? И это при такомъ осмотрѣ, когда нельзя было и ознакомиться порядкомъ съ самой существенной стороной дѣла — съ личными свойствами судей, не было возможности даже присутствовать при самомъ разбирательствѣ? При такомъ положеніи дѣла, кажется, наибольшее, чего могутъ сколько-нибудь основательно требовать пріверженцы волостного суда, можетъ заключаться именно въ томъ, чтобы отложить отмѣну этихъ судовъ до болѣе основательнаго изученія вопроса, однимъ словомъ, чтобы „не вычеркивать легкомысленно“ этого учрежденія, по выраженію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Рѣшить же теперь вопросъ въ пользу сохраненія волостныхъ судовъ по принципу, въ смыслѣ учрежденія въ самомъ дѣлѣ необходимаго, — нѣтъ достаточныхъ основаній.

Наоборотъ, по принципу, въ настоящее время гораздо естественнѣе придти къ заключенію, что волостные суды слѣдовало бы отменить, уравнивъ крестьянское сословіе относительно разбирательства маловажныхъ дѣлъ со всѣми прочими сословіями, то-есть подвинуть его мировымъ судьямъ, которыхъ число въ такомъ случаѣ, конечно, должно быть значительно увеличено въ уѣздахъ. Но вѣдь и эти защитники волостного суда по принципу (напр. мировой судья *Ивановъ* и редакция „Спб. Вѣд.“, предлагающіе основанія для реформы этого учрежденія) останавливаются на необходимости опредѣлить закономъ *минимумъ* жалованья, которое должно быть назначено волостнымъ судьямъ. Какой бы *минимумъ* принять ни было, да ли онъ можетъ составить менѣе 500 р. на волость. А въ такомъ случаѣ, на 3—4 волости можно бы содержать на тѣ же деньги мирового судью, такъ что и мировой судъ не будетъ слишкомъ далекъ отъ крестьянина. А что онъ будетъ лучше волостного, въ этомъ и можетъ быть сомнѣнія. Замѣною волостного суда мировымъ достигнется бы и отмена тѣлеснаго наказанія. Повторяемъ, мнѣніе крестьян относительно пользы розогъ никакъ не можетъ быть признано *убѣдительнымъ*, хотя бы это средство и расхваливали, считая „единственнымъ дѣйствительнымъ, притомъ неразорительнымъ“,—въ родѣ того, какъ *Дулькамара* хвалитъ свой эликсиръ. Крестьяне, отстаивающіе розгу, убѣждены, что и семья невозможна безъ кулачной расправы съ женою, что дѣтей, которыя едва ходятъ, слѣдуетъ съечь, что розга есть необходимая указка въ грамотѣ и всякой надѣ. Законодательство должно стоять выше предразсудковъ, обусловленныхъ невежествомъ, и отменою тѣлесныхъ наказаній достигнется бы можетъ то, чего еще положительно недостаетъ нашему крестьянству: сознаніе человѣческаго достоинства. Но въ высшей степени желательно, чтобы законъ воспользовался этимъ поводомъ и для того, чтобы безусловно запретить мужьямъ бить женъ. Такое требованіе можетъ вызвать улыбку нѣкоторыхъ практическихъ читателей; въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же наблюсти за строгимъ исполненіемъ такого закона? Мы однако убѣждены, что самое провозглашеніе принципа чрезвычайно важно. Пусть злоупотребленіе совершается, если его нельзя устранить; но пусть совершающій его знаетъ, что онъ совершаетъ проступокъ, а не пользуется несомнѣннымъ правомъ. Пусть законъ, провозглашенію котораго и духовное родство могло бы оказать нѣкоторое содѣйствіе и поддержку, установитъ въ народѣ принципъ, что мужъ не имѣетъ одинаковаго права бить свою жену, какъ бить свою лошадь; что это „не вѣдно“, „запрещено“. А то доселѣ онъ считаетъ не только безусловнымъ своимъ правомъ, но еще и обязанностью, даже какой-то добродѣ-

телю—„учить жену“, и совершаетъ это не въ тайнѣ, какъ проступокъ, но всенародно, потому что каждый прохожій, если только дѣло не доходить до увѣчья, непременно скажетъ ему: „прибавь“!

Относительно отмѣны тѣлесныхъ наказаній есть нѣкоторыя весьма значительныя практическія затрудненія. Арестъ и штрафъ падаютъ не на одного виновнаго, но и на семью его; арестъ на одно время въ разныя поры года имѣетъ весьма различное значеніе; наконецъ какой штрафъ брать съ того, у кого ничего нѣтъ? Но, склонныя придавать всегда очень большое значеніе практическимъ условіямъ всякаго дѣла, мы все-таки полагаемъ пользу отъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній столь великою во всѣхъ отношеніяхъ, придаемъ ей имени и такое важное практическое значеніе, что намъ не хочется вѣрять въ невозможность осуществить ее закономъ во всѣхъ губерніяхъ какъ она осуществилась сама собою въ Малороссіи. Судья будетъ при опредѣленіи наказанія соображаться и съ временемъ года и съ состоятельностью подсудимаго. Для несостоятельныхъ же придется пожалуй удержать одинъ изъ видовъ наказаній, указанныхъ волостному суду—присужденіе къ общественнымъ работамъ, къ исполненію не въ очередь натуральной повинности.

Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить, что если бы рѣшеніе вопроса было отложено за недостаткомъ данныхъ, и волостные суды оставлены еще на годъ, на два, то вмѣсто формальнаго обрѣзкованія волостныхъ судовъ комиссіею подъ предсѣдательствомъ члена высшаго суда въ имперіи, вѣрнѣе было бы поручить изученіе этого важнаго вопроса нѣсколькимъ отдѣльнымъ юристамъ, которые могли бы въ деревняхъ разныхъ губерній съ годъ, присутствовали бы при самомъ судовомъ разбирательствѣ въ волости, прислушались бы не къ официальнымъ отвѣтамъ крестьянъ, а къ ихъ частному говору, составили бы себѣ полное понятіе именно о нравственной сторонѣ дѣла, записывали бы тѣ особые юридическіе обычаи, которые представляютъ важныя и нужныя отступленія отъ гражданскихъ законовъ, и потомъ представили бы свои труды не въ видѣ докладовъ, а въ видѣ живыхъ систематическихъ очерковъ. Тогда стала бы возможна и нѣкоторая кодификація нашего „обычнаго права“, если только оно въ самомъ дѣлѣ имѣетъ серьезное существованіе и значеніе; до сихъ же поръ даже и это неизвѣстно.

Въ прошломъ обзорѣнн мы говорили о Воспитательномъ Домѣ по поводу его юбилея, не имѣя еще подъ рукою отчета Дома за 1871-й годъ. Послѣ того были напечатаны какъ извлеченія изъ этого отчета, такъ и высочайше-утвержденное положеніе о сельскихъ школахъ, сельскихъ бібліотекахъ, и учительской семинаріи, учрежденныхъ для

питомцевъ Дома. Такъ какъ свѣдѣнія эти интересны сами по себѣ и, кромѣ того, подтверждаютъ высказанныя нами предположенія, то мы позволяемъ себѣ на минуту возвратиться къ этому предмету.

Относительно положенія объ учебной части округовъ Дома ограничимся двумя-тремя дополненіями. Мы говорили, что въ послѣднее время учреждено для питомцевъ 73 сельскія школы; изъ положенія знаемъ, что ихъ предполагается до 100, что въ нихъ сверхъ питомцевъ допускаются и дѣти крестьянъ, что курсъ въ нихъ продолжается не менѣе 4-хъ лѣтъ, если школа находится въ деревнѣ русской, и не менѣе 5-ти лѣтъ—въ деревнѣ чухонской или нѣмецкой колоніи. Въ учительской семинаріи полагается воспитанниковъ 65-ть; по окончаніи курса они обязаны прослужить учителями 6-ть лѣтъ, причѣмъ получаютъ вознагражденіе замѣчательно-малое, именно по 20-ти рублей *въ зиму* и по рублю за cadaго удовлетворительно подготовленнаго ими изъ числа питомцевъ ученика, а сверхъ того по 30-ти рублей при началѣ cadaго годичнаго курса, на экипировку. Такое вознагражденіе нельзя не признать крайне недостаточнымъ, несмотря на то, что учителямъ полагается готовая пища отъ хозяевъ домовъ, нанятыхъ подъ школы, и недостаточность эта столь очевидна, что о сбереженіяхъ изъ такой платы, казалось бы, не можетъ быть и рѣчи; а между тѣмъ, положеніе опредѣляетъ выдавать учителямъ въ руки не болѣе половины денегъ (то-есть, 10 руб. въ зиму!) а остальную часть вносить на ихъ имя въ сберегательную кассу. Прекрасна выраженная въ положеніи мысль—изъ сельскихъ библиотекъ, учреждаемыхъ въ округахъ при лазаретахъ, выдавать книги бесплатно не только питомцамъ, но и мѣстнымъ крестьянамъ.

Обращаясь къ отчету за 1871-й годъ, укажемъ на печальный фактъ эпидемическаго развитія въ Домѣ за послѣдніе годы рожи и на при-
скорбное объясненіе этого явленія за прошлый годъ тѣмъ, что при
большомъ стеченіи публики для ревакцинаціи, необходимо было, по
недостатку телячьей оспы, прибѣгнуть къ снятію оспы съ дѣтей, и
это „усиленное раздраженіе кожи вызывало рожистое воспаленіе“.
Быть можетъ, была и иная причина, въ самомъ содержаніи младен-
цевъ, но если въ самомъ дѣлѣ дѣйствовала указанная причина, то
это представляетъ злоупотребленіе, которое не должно быть ни въ
какомъ случаѣ допускаемо. Число ревакцинацій за одинъ мартъ 1871
года собственно въ Воспитательномъ Домѣ было 8.835. О 3.737 слу-
чаяхъ ревакцинаціи имѣются свѣдѣнія относительно результата; такое
большое число примѣровъ уже даетъ возможность для положитель-
ныхъ выводовъ. Результаты были слѣдующіе: усилѣхъ ревакцинаціи
посредствомъ телячьей оспы былъ 50%, а посредствомъ оспы снятой
у дѣтей—52,2%. Такъ какъ цифры эти почти равны, то слѣдовало

бы, кажется, совершенно прекратить снятіе оспы съ дѣтей, если только вѣрно, что это ведетъ къ вредному возбужденію кожи. Относительно значительной смертности младенцевъ въ деревняхъ, засящей отъ крайне-неблагопріятныхъ условій отправки и содержаній тамъ, предположенія наши подтверждаются цифрами отчета за 1871-й годъ. Взявъ размѣръ смертности питомцевъ въ 20% ихъ числа и указавъ на тотъ фактъ, что у самихъ крестьянъ процентъ смертности дѣтей въ первомъ возрастѣ составляетъ до 40%, мы неправо сравнили эти цифры, такъ какъ размѣръ смертности питомцевъ въ 20% представляетъ не то число ихъ, которое не переживаетъ перваго возраста, а то, которое умираетъ въ годъ. Изъ отчета за 1871-й годъ усматривается, впрочемъ, что въ этомъ году изъ почти 25-ти тысячъ питомцевъ умерло 3.878, что составляетъ всего 15¹/₂%. Но, замѣчательно, что въ другомъ мѣстѣ того же отчета число умершихъ за годъ показано въ 5.455. Впрочемъ ни та, ни другая цифра не даетъ приблизительнаго понятія о существенномъ вопросѣ, именно о томъ, многія ли изъ дѣтей поступающихъ въ Воспитательный Домъ переживаютъ первые мѣсяцы. Въ отчетѣ показано, что изъ 7.866 дѣтей приноса 1870 и 1871 годовъ умерло въ теченіи 1871 года 3.448, что составляетъ 44%, но изъ этого числа умершихъ (3.448) умерло еще въ возрастѣ до 3-хъ мѣсяцевъ 1.443, то-есть 42% числа умершихъ. Смертность дѣтей до 2-хъ-лѣтняго возраста въ ямбургскомъ округѣ простиралась до 53¹/₂%. При такомъ процентѣ смертности (представляющемъ впрочемъ максимумъ) въ 4 года не должно бы оставаться въ живыхъ ни одного ребенка, но послѣ 2-хъ лѣтъ процентъ уже значительно понижается. Какъ бы то ни было, нѣтъ возможности отрицать, что смертность питомцевъ велика, и такъ какъ самъ отчетъ прямо относитъ ее къ „противогигіенической и крайне неопытной обстановки жизни“ крестьянъ, что впрочемъ недостаточно, такъ какъ самая перевозка дѣтей, перемѣна кормилицъ и просто небреженіе въ деревняхъ къ питомцамъ должны имѣть большое значеніе — то все это подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о необходимости прекратить раздачу грудныхъ дѣтей въ деревни. Новыя правила приѣма пока еще не ощутительно увеличили приносъ дѣтей, какъ легко было предвидѣть. Замѣчательны слѣдующій фактъ: изъ 67-ми дѣтей, которыя по предложенію Дома были взяты изъ него матерями обратно для вскормленія до 6-ти недѣльнаго возраста, возвратились въ Домъ только 10. Всего поступило въ Домъ за 1871-й годъ 7.212 дѣтей, то-есть, значительно болѣе трети всѣхъ рождающихся въ Петербургѣ дѣтей.



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября 1872 г.

Собрания во Франціи. — Письмо гр. Шамбора. — Письмо принца Наполеона. — Рѣчь Гамбетты. — Выселеніе изъ Эльзаса. — Открытіе прусскаго сейма. — Борьба съ клерикализмомъ. — Манифестъ германскихъ епископовъ. — Опредѣленіе константинопольскаго собора. — Паденіе Мидхата-паши. — Рѣчь Ботта въ Ирландіи. — Статья маркиза Сэльсбери о партіи тори. — Испанскія дѣла. — Бунтъ въ Феррогѣ.

„Республика тревожитъ какъ интересы, такъ и совѣсть гражданъ. Республика можетъ быть только временнымъ положеніемъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ. Одна монархія можетъ дать истинную свободу и не имѣетъ нужды прозывать себя консервативною, чтобы не пугать порядочныхъ людей“... Такъ говоритъ легитимный король Франціи, Генрихъ V. Либеральная печать не отдала достаточной справедливости этой сатирической оговоркѣ претендента, которая весьма остроумна. Въ самомъ дѣлѣ „новѣйшіе“ приверженцы республики до такой степени настаиваютъ на ея консервативномъ свойствѣ, что какъ-будто рекомендуютъ на мѣсто исправившагося ваторжника. Монархія, — говоритъ Генрихъ V, — не имѣетъ нужды прозывать себя консервативною, чтобы не пугать „порядочныхъ людей“. Повторяемъ, это остроумно. Но можно бы возразить представителю монархіи, нѣкогда поголовно истреблявшей гугенотовъ, а послѣ перваго Наполеона производившей извѣстный „бѣлый терроръ“ на югѣ Франціи, что его монархія принуждена прозывать себя либеральною, чтобы не пугать порядочныхъ людей; претендентъ такъ и дѣлаетъ: прежде чѣмъ уволить „консервативную республику“, онъ говоритъ о бурбонской монархіи, „которая одна можетъ дать истинную свободу“. Между тѣмъ, упроченіе республики во Франціи дѣлаетъ непрерывные, хотя конечно еще далеко нерѣшительные успѣхи. Само письмо графа Шамбора вѣруеть въ томъ. Оно явилось по случаю дополнительныхъ выборовъ

въ національное собраніе, направлено исключительно противъ республики и положительно запрещаетъ легитимистамъ подавать голоса за республику. Стало быть, самъ претендентъ сознаетъ и косвенно удостовѣряетъ, что упроченіе республики (или опасность со стороны республики, „удвоеніе усилій революціи ввести страну въ соблазнъ и заблужденіе“, какъ онъ это называетъ) въ настоящее время дастъ успѣхи. Такое удостовѣреніе со стороны претендента имѣетъ свою цѣну.

Но свидѣтельство въ этомъ смыслѣ представили въ прошлѣ мѣсяцѣ и правительство Франціи, и само населеніе. Тьеръ рѣшилъ уже, въ засѣданіи постоянной комиссіи національнаго собранія сказать, обращаясь къ герцогу Ларошфуко-Биззачіа, такіа рѣшительныя слова: „О претендентахъ говорятъ много... Что меня касается я думаю, вамъ трудно будетъ доказать мнѣ, что въ этой странѣ можно упрочить какое-либо правленіе, кромѣ правленія республиканскаго“. Такихъ рѣшительныхъ отзывовъ пока еще никто не слышалъ отъ Тьера. А страна воспользовалась 7-ю дополнительными выборами, происходившими 20-го октября для того, чтобы послать въ національное собраніе на одного легитимиста—шестерыхъ республиканцевъ. Имена всѣхъ ихъ не пользуются извѣстностью, кромѣ имени Кремье, который былъ избранъ въ Алжиріи, послѣ того, какъ Викторъ Гюго, въ виду его кандидатуры, взялъ свою назадъ, объявивъ не безъ свойственнаго ему пафоса, что изъ двухъ кандидатовъ Кремье и Гюго, онъ самъ предпочитаетъ перваго. Два избранія заслуживаютъ особаго замѣчанія. Въ департаментѣ Эндры-и-Луара республиканскій кандидатъ, никому неизвѣстный г. Нионшъ, одержалъ побѣду надъ всѣмъ извѣстнымъ, а въ той мѣстности имѣющимъ большое вліяніе сановникомъ второй имперіи, бывшимъ президентомъ законодательнаго корпуса, богатымъ мануфактуристомъ Шнейдеромъ. Несмотря на то, что бонапартизмъ въ лицѣ его являлся крайне скромно, даже безъ всякихъ professions de foi, а между тѣмъ окруженный весьма реальнымъ побочнымъ вліяніемъ мѣстнаго значенія Шнейдера-фабриканта, бонапартизмъ понесъ все-таки поражение. Въ другомъ мѣстѣ, въ департаментѣ Вогезовъ, настроеніе оказалось такое, что сами монархисты подавали голоса за республиканскаго кандидата Мужо, лишь бы только помѣшать избранію кандидата радикальнаго Мелина, который однако одержалъ побѣду. Вотъ это обстоятельство могло быть однимъ изъ поводовъ къ письму графа Шамбора, писанному на пятый день послѣ выборовъ.

Къ этому письму стоить возвратиться. Либеральныя газеты, въ своей борьбѣ противъ принциповъ, представляемыхъ претендентомъ, разумѣется, не отдадутъ справедливости личнымъ качествамъ графа

Шамбора: его добросовѣстности, стойкости и логичности. Даже такая поразительная газета какъ „Temps“ не отказывается себѣ въ удовольствіи назвать Генриха V „церковнымъ швейцаромъ, который расчищать дорогу для процессіи“. „Какое паденіе,—прибавляетъ „Temps“,—и этихъ Бурбоновъ, которые послѣ Генриха IV и Людовика XIV возвратились въ XIX-мъ столѣтіи къ Роберту Благочестивому!“ Но справедливость заставляетъ замѣтить, что заявленія французскаго претендента запечатлѣны благочестіемъ, болѣе чѣмъ рѣчи германскаго императора Вильгельма I-го и самые приказы его по арміи, и что собственно въ этомъ паденіи никакого нѣтъ. Оба они видятъ въ монархи религиозное учрежденіе; что одинъ изъ нихъ благодаритъ Бога за побѣды, а другой только молитъ Бога о торжествѣ своего дѣла, но не составляетъ разницы по сущности, а зависитъ просто отъ мнѣнія въ ихъ положеніи: одинъ—побѣдоносный императоръ, другой—скитающійся претендентъ. Замѣтимъ, что въ рѣчахъ и письмахъ самого Бисмарка, который уже никакъ не представитель „паденія“, въ томъ смыслѣ, какъ оно разумѣется въ выписанныхъ словахъ „Temps“, ссылки на божію волю и Промыслъ божій встрѣчаются и рѣже, чѣмъ въ письмахъ графа Шамбора. Претендентъ совершенно логиченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, хотя не можетъ не знать, что уступки съ его стороны временно подкупили бы въ его пользу множество новыхъ приверженцевъ, а потому лично онъ имѣетъ полное право на уваженіе. „Мною было сказано ни одного слова, не совершено ни одного дѣйствія, въ которыхъ бы я желалъ отречься“, пишетъ онъ—и вотъ чего не могутъ сказать о себѣ, конечно, ни Тьеръ, ни большинство политическихъ людей современной Франціи. Взглядъ легитимнаго короля на республику вполне естественъ [съ его стороны: „провозглашеніе въ Франціи республики,—пишетъ онъ г. де-ла-Рошетту,—всегда было сдѣлалось бы вновь исходною точкою общественной анархіи, открыло бы доступъ всякой похоти, всякой утопіи, и вы не можете, ни подъ какимъ предлогомъ, принимать участія въ этомъ пагубномъ предпріятіи... Напрасно было бы проводить успокоительное различіе между одной партіею насилія, которая обѣщаетъ миръ человѣчеству, объявляя войну Богу, и другой партіею, болѣе осторожной, лучше дисциплинированной, которая стремится путями косвенными къ цѣли той же самой... Сохранять иллюзію насчетъ возможности честной и умѣренной республики, послѣ кровавыхъ июньскихъ дней 1848 года и звѣрскихъ дѣйствій второго террора, столь убійственныхъ, и тѣ и другія, для вашей славной арміи, не значило ли бы слишкомъ скоро забывать предостереженія Промысла и относиться къ указаніямъ опыта съ слишкомъ большимъ пренебреженіемъ? Въ глубинѣ души, Франція

страна католическая и монархическая... День торжества еще остае тайною Бога, но вы должны вѣрить въ призваніе Франціи. Евы нуждается въ ней, въ ней нуждается папство, и вотъ почему дря христианская нація не можетъ погибнуть“. За исключеніе этой натажки въ пользу папства, которю Генрихъ V слишкомъ проговорился безъ всякой нужды, все остальное совершенно согласъ легитимной точкою отправленія и не могло быть сказано ни ея представителемъ. Но безпристрастный читатель, отдавъ полсправедливость стойкости и логичности заявленій претендента, тѣ не менѣе по прочтеніи каждаго изъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ о появляются, неизбѣжно приходитъ все къ большому убѣжденію, что возстановленіе такой монархіи въ современной Франціи просто вѣроятно; тѣмъ стойче, логичнѣе и пожалуй почтеннѣе являет герцогъ Бордоскій, тѣмъ Генрихъ V становится невозможнѣе.

Если съ письмомъ герцога Бордоскаго сравнить письмо при Наполеона-Жерома Бонапарта къ президенту національнаго собран то нельзя не признать, что, по содержанію своему, письмо при Бонапарта несравненно современнѣе и рациональнѣе, тѣмъ писы наслѣдника Бурбоновъ. Между тѣмъ, первое заслуживаетъ уваженіа а второго нельзя читать безъ отвращенія и даже негодованія, и тому что въ первомъ выражается преданность фанатизму доброс вѣснаго фанатика, между тѣмъ какъ во второмъ соумышленни произвола взываетъ къ защитѣ закона, одинъ изъ эксплуататоровъ с стемы деспотизма ссылается на права свободы. Въ началѣ октябр принцъ Наполеонъ, вмѣстѣ съ женою, преспокойно приѣхалъ во Фран цію съ паспортомъ, выданнымъ ему французскимъ генеральнымъ кон судомъ въ Женевѣ въ октябрѣ *прошлаго года*. Этому паспорту, выдан ному срокомъ на годъ, оставалось силы ровно еще на три дня, когда полиція явилась 12-го октября въ замокъ Милльмонъ, принадле жащій бонапартисту Морису Ришару, въ департаментѣ Сены-и-Оазы и выпроводила принца за границу. Принцессѣ Клотильдѣ при этомъ предоставлялось остаться во Франціи, но и она, разумѣется, уѣхала Отсюда протестъ принца въ письмѣ къ президенту національнаго собранія, жалоба его же къ генеральному прокурору при парижскомъ апелляціонномъ судѣ, и письма Руэ и Ришара въ постоянную коммиссію собранія. Всѣ эти жалобы и протесты сводятся къ двумъ пунктамъ: во-первыхъ, что принцъ приѣхалъ съ законнымъ паспор томъ, а между тѣмъ подвергся аресту и высылкѣ; во-вторыхъ, что принцъ не осужденъ никакимъ закономъ на изгнаніе и приѣхалъ во Францію для воспитанія дѣтей, а не для чего-либо противоза коннаго, стало-быть, правительство не имѣло ни права, ни повода изгонять его.

Въ дѣйствительности дѣло было такъ: паспортъ былъ выданъ принцу въ прошломъ году, когда онъ ѣхалъ въ Корсику по избраніи въ члены департаментскаго совѣта; значить, не правительствомъ выдачею этого паспорта устроило принцу ловушку (какъ онъ пишетъ въ письмѣ къ Гревю), но самъ онъ сдѣлалъ натяжку, пользовавшись неопредѣленностью выраженій паспорта для того, чтобы явиться близъ Парижа, потому только, что ему не отказанъ въ прошломъ году пропускъ въ Корсику. Приѣзжалъ принцъ въ Корсику для участія въ бонапартистскихъ совѣщаніяхъ у Мориса Ришара, относительно участія или неучастія бонапартистовъ въ выборахъ 20-го октября: доказательствомъ тому служилъ съѣздъ бонапартистовъ у Ришара въ это время. Говорятъ, что, сверхъ того, цѣлью совѣщанія было примирить двѣ расходящіяся стороны въ бонапартистской партіи, изъ которыхъ одна, имѣя во главѣ бывшаго вице-императора Руэ, строго держится первоначальной системы второй имперіи, а другая, подъ предводительствомъ Ришара и Аделлона, приклонилась къ перемѣнѣ, представителемъ которой былъ Оливьѣ, и намѣренъ продолжать его дѣло. Въ дѣйствительности принцъ не осужденъ никакимъ закономъ на изгнаніе, но отъ правительства совершенно не могло бы арестовать каждаго члена семейства Бонапартовъ при первомъ его появленіи во Франціи, для преданія суду по обвиненію въ испроверженіи законнаго порядка государственнымъ переворотомъ 2-го декабря, соучастіи въ злоупотребленіяхъ властью, послѣдовавшихъ за тѣмъ и продолжавшихся 19-ть лѣтъ и извлеченіи изъ казенныхъ матеріальныхъ для себя выгодъ.

Правда, правительство ничего этого не сдѣлало, а просто выдало принца полицейскимъ распоряженіемъ, то-есть поступило произвольно. Но если кому-либо естественно было безмолвно подчиниться какому произволу, то ужъ конечно одному изъ властителей того произвола, который возвелъ произволъ въ систему, который 19-ть лѣтъ управлялъ Франціею на основаніи системы административной ссылки и предварительнаго до суда заключенія въ тюрьму срокомъ на годъ (lois de sûreté générale). На кого жалуется принцъ Наполеонъ, въ какомъ случаѣ приглашенный удалиться изъ Франціи? На министра того самаго Тьера, который 2-го декабря былъ схваченъ и свезенъ въ Масскую тюрьму, а 6-го вывезенъ жандармами на границу. Въ письмѣ къ генеральному прокурору, принцъ Наполеонъ „становится подъ защиту законовъ“ и приноситъ жалобу на нарушеніе ихъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Лефраномъ, на полицейскаго префекта Рендъ и на начальника его канцеляріи Патино, объявляя при этомъ, что по сужденію, котораго принцъ „всегда держался“, — „лучшее средство для обузданія злоупотребленія власти и насилій со стороны прави-

тельства есть обращеніе къ правосудію“. Но на основаніи этого краснаго принципа, принцу слѣдовало давно явиться къ генеральному прокурору съ жалобой не на Патинѳ, а на самого себя, и обличеніемъ не Лефрана, а своего двоюроднаго брата, такъ какъ Людовикъ-Наполеонъ и Жеромъ-Наполеонъ виновны въ безпріимныхъ злоупотребленіяхъ властью и насиліяхъ, и прежде чѣмъ обратиться къ правосудію должны *подлежать* ему. Письмо принца президенту собранія Гревѳ въ заключеніи своемъ до такой степени цинично извращаетъ всякую правду, что его, повторяемъ, нельзя читать безъ отвращенія. „Въ дѣйствительности, — пишетъ онъ, — мое преступленіе въ глазахъ правительства представляется именемъ Наполеона, которое я имѣю честь носить. Если бы я хотѣлъ скрывать аргументы въ защиту принципа свободы личности, то шелъ бы ихъ въ изобиліи въ рѣчахъ г. президента республики всѣхъ его министровъ (въ большемъ изобиліи, навѣрное, чѣмъ дѣйствіяхъ наполеоновскаго правленія, замѣтимъ). Нынѣ, когда держать въ рукахъ власть, они отрекаются отъ принципа уваженія къ правамъ, они присоединяются къ той радикальной политикѣ, которая примѣнялась турскимъ и бордоскимъ делегатомъ и въ давно произнесенной имъ рѣчи была столь цинично развита. Собранію принадлежитъ рѣшить, намѣрено ли оно раздѣлять ответственность въ такой политикѣ“ Принцъ думаетъ расположить себѣ орлеанистовъ и легитимистовъ собранія, доносить на гребенскую рѣчь Гамбетты! Какой малой надежды на успѣхъ достаточно для того, чтобы люди бонапартовскаго закала отбрасывали въ сторону всякое чувство нравственнаго достоинства! „Уѣздаю — заявляетъ принцъ, — съ чувствомъ горечи, котораго не могу скрыть, при томъ констатирую, что жена моя, которая свободно уѣзжала въ виду *мятежниковъ* 4-го сентября, нынѣ оставляетъ Францію, идя въ сопровожденіи жандармовъ консервативной республики“. Всей вѣроятности и „консервативная республика“ дозволила бы принцессѣ Клотильдѣ свободно *уѣхать* изъ Франціи, какъ то дозволила ей „мятежники 4-го сентября“; надо думать такъ потому, что агенты консервативной республики прямо заявили принцессѣ Клотильдѣ, что она даже можетъ свободно *оставаться* во Франціи, если желаетъ.

Отъ заявленій легитимизма и бонапартизма мы должны перейти къ заявленіямъ со стороны клерикализма и радикализма, а именно упомянуть о пресловутыхъ пилигримствахъ въ Лурдъ и о гребенской рѣчи Гамбетты. О томъ и другомъ достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ въ выходу въ печати нашей статьи факты эти уже устарѣютъ, имъ будетъ болѣе мѣсяца, а это составляетъ почти политическую давность въ томъ калейдоскопическомъ

жизни, какимъ отличается французская жизнь. Графа Шамбора востаточно упрекаютъ въ томъ, что онъ держится теоріи собственной непогрѣшимости и выказываетъ безусловную нетерпимость къ всау, что не осѣняется бѣлымъ знаменемъ. Но легитимному претенденту такая исключительность извинительна, чѣмъ кому-либо: непогрѣшимость и нетерпимость составляютъ всю суть тѣхъ политическихъ принциповъ, во имя которыхъ онъ не предлагаетъ себя кандидатомъ, но требуетъ себѣ короны. Но когда мы видимъ, что побѣдѣ духъ нетерпимости выражается толпою мнимыхъ либераловъ, которая сопровождаетъ свистками поѣзды богомольцевъ, а въ Нантѣ гнѣваетъ даже драки съ ними, вслѣдствіе чего само правительство вынуждено было наконецъ воспретить отправленіе процессіи богомольцевъ специальными поѣздами; когда мы видимъ, что тотъ же въ исключительности и вѣры въ собственную непогрѣшимость подвигаетъ Гамбетту проповѣдывать въ Греноблѣ, что единственное спасеніе Франціи заключается не столько въ республикѣ даже, сколько въ какой-то „истинной республикѣ“, что „какъ республику нельзя представить безъ Франціи, такъ невозможно оторвать отъ республики Францію, не подвергая ее страшнымъ опасностямъ“, и что шовинисты или холодные приверженцы республики хуже враговъ, что всѣхъ этихъ блѣдныхъ республиканцевъ слѣдуетъ устранять, чтобы то ни стало отъ дѣла законодательства и управленія, — то приходится сказать, что въ сущности во Франціи всѣ партіи доселѣ не что иное, какъ *легитимистскія партіи*, только съ разными знаменами. Непогрѣшимость, „единоспасаемость“, вѣра въ какія-то безусловныя, абстрактныя, апіорическія права, — вотъ свойства большинства французскихъ либераловъ, точно также какъ и монархистовъ. Такое смѣшеніе понятій должно преобладать въ той странѣ, гдѣ кто-либо можетъ считать либеральнымъ дѣломъ освистывать или бить людей за то, что они ѣдутъ молиться Богу или поклоняться идоламъ? Это не только не рационально, а просто забавно. Точно также и то убѣжденіе въ какихъ-то предвѣчныхъ правахъ республики, которое побудило Гамбетту внезапно отбросить въ сторону всакую сдержанность, всякое благоразуміе, которыми онъ въ теченіи года старался пріобрѣсть себѣ авторитетъ мудраго практическаго политика, — то убѣжденіе, говоримъ, которое собственно есть не убѣжденіе, а фанатизмъ, неспособный дѣйствовать иначе какъ взрывами — много ли оно рациональнѣе самого легитимизма и многимъ ли оно въ дѣйствительности отличается отъ послѣдняго?

Этимъ выходкой Гамбетта, который, какъ извѣстно, постоянно поддерживалъ правительство Тьера, создалъ ему новое затрудненіе. Гренобльскія рѣчи произвели взрывъ негодованія въ средѣ тѣхъ по-

луубѣжденныхъ республиканцевъ, которые въ дѣйствительности составляютъ нынѣшнюю правительственную партію и которыхъ бонапартійскій диктаторъ такъ безцеремонно отлучилъ отъ республиканской церкви совершенно на подобіе того, какъ папа отлучаетъ либеральныхъ католиковъ, а константинопольскій синодъ болгарскихъ іерарховъ. Членъ постоянной коммисіи собранія Тьеръ постыдился высказать полное осужденіе рѣчи Гамбетты, но воспользовался этимъ же случаемъ, чтобы сдѣлать съ своей стороны то заявленіе въ пользу республики, о которомъ сказано выше, то-есть заявить убѣжденіе не въ безусловной законности, конечно, но въ *необходимости* республики.

Новѣйшее сообщеніе газеты Тьера «*Bien public*» оправдываетъ ходившіе доселѣ слухи объ учредительныхъ планахъ президента. По словамъ «*Bien public*», національному собранію, по возобновленіи сессій, будутъ представлены слѣдующія предложенія: окончательно провозгласить во Франціи республику, опредѣлить срокъ президентской власти Тьера на четыре или пять лѣтъ, предоставить ему право быть избраннымъ вновь по истеченіи этого срока, учредить должность вице-президента республики, учредить вторую палату и обнародовать новый избирательный законъ, въ которомъ поголовная подача голосовъ ограничивается въ томъ смыслѣ, что для пользованія избирательнымъ правомъ опредѣлялся бы возрастъ не менѣе 25-ти лѣтъ. Мы уже говорили о каждомъ изъ этихъ предположеній въ отдѣльности, когда о нихъ появлялись слухи. Учрежденіе второй палаты и ограниченіе избирательнаго права нельзя признать рациональными въ странѣ, которая прошла чрезъ столько революцій; созданіе особой палаты, которая имѣла бы очевидно специальное назначеніе представлять „консервативные элементы“, то-есть, выражаясь просто-напросто, достаточные классы общества, только усиливало бы вражду между сословіями, которая есть одно изъ главныхъ золъ во Франціи. Устраненіе отъ правильной политической дѣятельности какаго-либо класса избирателей не можетъ предупредить революціи, такъ какъ революціи производятся не выборами, а посредствомъ силы, которой никакія опредѣленія закона. Впрочемъ, надо замѣтить, что возвышеніе *minimum* а лѣтъ, требующагося отъ избирателей, есть самое наименьшее отступленіе отъ принципа всенароднаго голосованія, которое могло быть предпринято. По первоначальнымъ слухамъ, Тьеръ приписывалъ намѣренія оставить избирательное право только главному семейству, хозяевамъ, однимъ словомъ, ввести нѣчто подобное принципу *household suffrage*, введенному въ англійскій избирательный законъ 1867-го года. Что касается второй, то-есть верхней палаты, то она можетъ принести пользу, но только какъ учрежденіе временное; оно можетъ дать правильный выходъ изъ нынѣшняго труднаго

женія въ виду собранія неимѣющаго срока и нежелающаго сдѣлаться. Избранная на половину этимъ собраніемъ, на половину генеральными совѣтами департаментовъ, верхняя палата легко можетъ оказаться болѣе современной, чѣмъ собраніе, избранное годомъ прошлаго года; а такъ какъ верхней палатѣ предполагается доставить право утверждать предложеніе правительства о распусканіи собранія, то это и дало бы желаемый исходъ, открыло бы возможность созвать наконецъ учредительное собраніе. Всѣ учредительныя предложенія будутъ внесены въ собраніе съ просьбою объявить ихъ нетерпящими отлагательства, то - есть рассмотреть ихъ въ очереди. О нихъ будетъ упомянуто уже въ посланіи, которое будетъ обращено президентомъ республики къ собранію тотчасъ по открытіи его засѣданій.

Перваго октября состоялось окончательное разграниченіе франкской и германской народностей въ Эльзасѣ-Лотарингіи. На основаніи франкфуртскаго трактата жителямъ этихъ провинцій предоставлено право только въ такомъ случаѣ сохранить французскую народность, если они выѣдутъ изъ своего отечества во Францію, съ тѣмъ, что всѣ уроженцы завоеванныхъ или воссоединенныхъ провинцій, которые по 1-е октября 1872 года останутся въ предѣлахъ этихъ провинцій, тѣмъ самымъ сдѣлаются германскими гражданами. Съ приближеніемъ срока, выселеніе изъ Эльзаса и Лотарингіи приняло значительныя размѣры. Изъ полутора-милліоннаго населенія этихъ областей, по официальнымъ нѣмецкимъ извѣстіямъ, желаніе воспользоваться правомъ выселенія во Францію заявили 164.633 лица, но въ действительности выѣхали къ сроку только 38.800 лицъ, по крайнему мѣрѣ по *приблизительному* исчисленію германскихъ властей. "Эльзаская газета" замѣчаетъ по этому поводу, что выселилось въ действительности только 2½ процента всего населенія Эльзаса и Лотарингіи. Не входя въ гаданія насчетъ цифры выселеній, какъ она выразится окончательно и насколько оно превзойдетъ 39-ть тысячъ душъ, нельзя не признать и нынѣшнюю официальную цифру заслуживавшимъ протестомъ противъ насильственнаго захвата населеній, протестомъ болѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ всякіе плебисциты. Можно сказать: 2½% всего населенія страны *выселились*, то-есть оставили свою родину, бросили свои занятія, пустились отыскивать въ иной странѣ новой дѣятельности и новыхъ средствъ въ жизни! Можно ли было бросить родину для того только, чтобы сохранить свою національность, да наконецъ, надо было все-таки имѣть хоть возможность на что-нибудь рассчитывать во Франціи для того, чтобы это сдѣлать. Огромное большинство, разумѣется, не могло и поду-

мать о выселеніи. Французскія газеты были наполнены подробностями печальной картины выселенія, которое отчасти должно было въ самомъ дѣлѣ напоминать давно невиданныя миграціи цѣлыхъ народовъ: всѣ пограничныя дороги были покрыты возами съ разнѣю мебели и вещами, множество народу, съ женщинами и дѣтьми шли пѣшкомъ. Извѣстія французскихъ газетъ въ этомъ случаѣ, конечно подозрительны: но легко себѣ представить, что описываемыя имъ подробности не могли и не быть при такомъ внезапномъ передвиженіи десятковъ тысячъ людей. Впрочемъ „Times“, который всегда благопріятно относился къ Германіи, представляетъ такую же картину переселенія: корреспонденты англійской газеты утверждаютъ что переселилось большее число, такъ что нѣкоторыя мѣстности замѣтно опустѣли: въ Метцѣ, гдѣ 10-ть лѣтъ тому назадъ уже было 56-тъ жителей, теперь остается 30-ть т., а въ нѣкоторыхъ пунктахъ, изъ которыхъ выселеніе было особенно значительно, осталась меньшая часть жителей. „Times“ указываетъ на Бишвейлеръ, гдѣ закрылось 8-мъ бумагопрядильныхъ фабрикъ и изъ 3.212-ти душъ вышло около 2-хъ тысячъ. Сверхъ того, изъ около 200 членовъ судебного сословія въ Эльзасѣ-Лотарингіи всѣ, за исключеніемъ 5-ти, сложили съ себя свое званіе. Однимъ словомъ, впечатлѣніе, произведенное выселеніемъ на корреспондентовъ „Times'a“, таково, что они предполагаютъ что выселилась цѣлая треть населенія, что разумѣется невозможно. При этомъ характеристично слѣдующее примѣчаніе въ „Times“: „Примѣръ Эльзаса-Лотарингіи сбиваетъ наши теоріи о непреложности расовыхъ влеченій. Намъ пишутъ, что изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые наполняютъ вагоны 3-го класса, только самое малое число хорошо знаютъ по-французски, а между тѣмъ сила ихъ привязанности къ Франціи и ихъ ненависти къ новымъ повелителямъ, однокровнымъ, одноязычнымъ съ ними, повидимому пропорціональна именно степени невѣжества эмигрантовъ“. Въ то время какъ мы пишемъ эти строки, телеграмма въ газетахъ передаетъ намъ, что на муниципальныхъ выборахъ въ Мюльгаузенѣ, всѣ избранные кандидаты враждебны Германіи. Этотъ и другіе подобные факты лишаютъ нѣмцевъ возможности утѣшать себя мыслью, что тотъ кто не выѣхалъ изъ Эльзаса, тѣмъ самымъ обратился въ добраго германскаго патриота. Впрочемъ, въ Германіи повидимому и не предаются на этотъ счетъ особеннымъ иллюзіямъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя нѣмецкія газеты даже откровенно высказываются въ такомъ смыслѣ. Такъ, вѣнская „Tages Presse“, описавъ грустныя сцены выселенія, замѣчаетъ, что „воссоединенные братья бѣгутъ изъ братскихъ областей, повидимому, находя ихъ слишкомъ тѣсными“. Другая „Рейнская и мозельская“ газета говоритъ, что въ Германіи хорошо пони-

нѣтъ, что даже тѣ эльзасцы и лотарингцы, которые остались на мѣстѣ, сами все-таки не будутъ искренно привязаны къ новому своему отечеству, но что въ Германіи и рассчитываютъ не на нынѣшнее поколѣніе, а на подрастающее, на то, которое теперь не достигло лѣтъ лѣтъ: это юношество, благодаря хорошему, здоровому нѣмецкому общественному образованію должно уже проникнуться истиннымъ германскимъ духомъ.

По поводу предстоящаго празднованія „золотой свадьбы“ короля прусскаго, въ Дрезденѣ ожидаютъ прибытія императора Вильгельма и императора Франца-Иосифа. Такимъ образомъ особое свиданіе императоровъ германскаго и австрійскаго все-таки состоялось бы.

Сессія прусскаго сейма вновь открылась 22-го сентября. Въ перыхъ же засѣданіяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ въ верхней палатѣ, а министръ финансовъ, г. Кампгаузенъ, въ палатѣ депутатовъ, объявили, что правительство принимаетъ близко осуществленіе новаго положенія объ окружномъ управленіи. Основы новаго закона были наложены нами еще во время предшествовавшей сессіи сейма. Графъ Эйленбургъ и г. Кампгаузенъ сказали, что, благодаря блестящему состоянію прусскихъ финансовъ, правительство намѣрено предоставить провинціямъ и округамъ особые фонды, для покрытія изъ нихъ лишнихъ расходовъ, обусловленныхъ новымъ образомъ управленія. Со стороны верхней палаты предвидѣлось съ самаго начала намѣреніе предпринять пересмотръ въ реакціонерномъ смыслѣ закона объ окружномъ управленіи, прошедшаго чрезъ палату депутатовъ. Оппозиціонное настроеніе верхней палаты оказалось уже при избраніи ею президента: кандидатъ правительства, графъ Штольбергъ-Вернигероде получилъ 84-е голоса и былъ избранъ, но соперникъ его, феодальный кандидатъ, князь Путбусъ получилъ всего 3-мя голосами менѣе, то-есть 81. При обсужденіи закона объ окружномъ управленіи верхняя палата поправками своими, дѣйствительно, исказила его. Конечный результатъ обсужденія закона въ верхней палатѣ былъ непредвидѣнный: она отвергла законъ большинствомъ 145-ти голосовъ противъ 18-ти. Правительство уже назначило въ нее нѣсколько новыхъ, пожизненныхъ членовъ и назначить еще большее ихъ число. Но и безъ помощи этого контингента, правительство, въ концѣ концовъ, все-таки могло бы преодолѣть сопротивленіе верхней палаты, какъ только дастъ ей почитать свою рѣшительную волю. Парламентаризмъ въ Пруссіи насажденъ еще такъ недавно, что члены верхней палаты, проникнутые прежде всего преданностью къ правительству, смѣшиваютъ эту Лоуанну съ обязанностью отказываться отъ безусловной настойчивости.

А воля правительства въ настоящемъ случаѣ выражена съ достаточною ясностью, какъ то было видно уже изъ статьи оффиціозной „Провинціальной Корреспонденці“, сообщавшей, что правительство „рѣшилось употребить всѣ силы и воспользоваться всѣми согласными съ конституціею средствами для осуществленія окружной реформы“. Этого однако оказалось недостаточно, чтобы оппозиція верхней палаты преклонилась предъ волею. Но и правительство въ Пруссіи, въ свою очередь, еще такъ мало свыклось съ мыслью о возможности серьезной оппозиціи, — мысли, безъ которой парламентское правленіе невозможно, — что при всякомъ противодѣйствіи спѣшитъ сдѣлать или преодолѣнія его вопросъ о достоинствѣ короны. „Провинціальная Корреспонденція“, заявивъ волю правительства, тотчасъ прибавляетъ, что „теперь рѣчь идетъ уже не объ одномъ законѣ окружнаго устройства, но о развитіи или застоѣ законодательства вообще и еще о значеніи и могуществѣ короны и правительства“. Въ новой сессіи, въ присутствіи князя Бисмарка, законъ вѣроятно все-таки пройдетъ въ верхней палатѣ.

Имперское правительство въ настоящее время подготавливаетъ нѣкоторые проекты мѣръ противъ ультрамонтанства съ одной стороны, и противъ „интернаціональнаго общества“ съ другой. Въ связи съ за-сѣданіями германскихъ и австрійскихъ уполномоченныхъ по этому послѣднему вопросу, находится поѣздка извѣстнаго реакціонера тайнаго совѣтника Вагенера въ Варцинь, къ князю Бисмарку, который пріѣдетъ въ Берлинъ только въ декабрѣ. Замѣтимъ еще, что Вагенеру предназначается важное административное мѣсто, съ которымъ связанъ личный докладъ императору-королю, но что такого доклада Вагенеру предоставлено не будетъ, а собственно для доклада будетъ назначенъ особый совѣтникъ. Объясняется это просто: Вагенеръ былъ хотя и совершенно-реакціонерный журналистъ, но все-таки онъ былъ журналистомъ. Что касается ультрамонтанства, то мѣры, какія будутъ предприняты противъ германскихъ католическихъ епископовъ, еще неизвѣстны, но достоверно, что мѣры предприняты будутъ и притомъ законодательнаго свойства. Борьба германской имперіи съ католицизмомъ въ настоящее время вступила въ фазисъ открытой войны. Епископъ Эрмландскій, который отказался подчиниться протесту правительства противъ объявленныхъ отлученій отъ церкви, лишенъ содержанія. Эта Temporalien-Sperre вызвала одобреніе всей нѣмецкой печати, за исключеніемъ специально-католической. Но борьба теперь уже вышла изъ предѣловъ частнаго, личнаго вопроса. Германскіе католическіе епископы собрались на конференцію въ Фульдѣ, „у гробницы св. Бонифація“, и обнародовали затѣмъ записку, подписанную всѣми членами конференціи: тремя архіепис-

нами и 19-ю епископами, а также уполномоченнымъ епископа нидерландскаго и еще двумя другими епископами, неприсутствовавшими на конференціи, стало быть всего 25-ю прелатами. Замѣчательно, что въ числѣ ихъ не было ни одного изъ Познани, и при этомъ ясна: католическіе епископы Германіи хотѣли сохранить за собою рѣшеніемъ и объявленіемъ характеръ манифеста именно *германскаго* епископата; чтобы устранить подозрѣніе въ какой-либо особой цѣли своихъ жалобъ, они не пригласили на конференцію какъ епископовъ польскихъ, такъ и доктора Кременца, епископа Эрмландскаго, который хотя нѣмецъ, но уже имѣетъ личный поводъ къ жалобѣ.

Что сказать о такомъ документѣ, въ которомъ заявлены всѣ возмущенія, притязанія и жалобы германскаго католицизма, который ничѣмъ не отличается отъ католицизма вообще? Въ запискѣ германскихъ епископовъ есть одно мѣсто, которое облегчаетъ печати либерально-либеральной отнести къ этому заявленію съ достаточнымъ пристрастіемъ. Это то мѣсто, въ которомъ говорится о „новѣйшей философіи“, отрицающей всякое сверхъестественное происхожденіе государства, видящей въ немъ только воплощеніе челоуѣческаго разума, стремящейся вслѣдствіе того сбросить со всѣхъ ступеней общественной жизни, и науки и школы, съ законодательства до искусства, тѣ сверхъестественныя клерикальныя пути, которыя въ продолженіи многихъ вѣковъ мѣшали государству исполнить его естественное назначеніе, то-есть заботу единственно объ улучшеніи быта общества и всего челоуѣчества. Епископы сознаютъ, что со стороны этой „новѣйшей философіи“, которая дѣйствительно ставляетъ исходную точку всякаго либерализма, католицизму нельзя дать пощады; католицизмъ по самой крѣпости своей есть врагъ, противъ котораго всякая либеральная партія должна бороться до конца.“

Опредѣливъ такимъ образомъ то положеніе, которое ей откровенно отводить сами іерархи католицизма, либеральная печать можетъ затѣмъ сказать только, что германскіе епископы весьма ясно, отчетливо, на языкѣ умѣренномъ и даже изящномъ изложили именно общія притязанія католицизма, противъ которыхъ либералы должны возставать и бороться. Въ то же время мы готовы согласиться и съ другою частью демонстраціи епископовъ, въ которой доказывается, что положеніе германскихъ правительствъ и германской имперіи относительно католической церкви совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе либеральныхъ мыслителей; что признаніе всемогущества государства по отношенію къ церковнымъ установленіямъ въ государствѣ существующемъ не истекаетъ изъ положительнаго германскаго права; что признавать самостоятельность католической церкви, какъ международ-

ными трактатами, такъ и конституціями отдѣльныхъ государствъ, въ которыхъ наиболѣе ясно выражается въ этомъ смыслѣ именно пруская же конституція 1850-го года, германскія правительства имѣютъ права вмѣшиваться во внутреннія церковныя распоряженія и порядки католицизма; что всего менѣе они компетентны разбирать, какіе догматы въ католичествѣ провозглашены правильно, какіе нѣтъ, какіе согласны съ духомъ католической церкви и какіе несогласны; что оспаривать у католическихъ епископовъ право отчащать католиковъ отъ общенія съ церковью, значитъ оспаривать этой церкви право рѣшать вопросы и сомнѣнія о томъ, кто принадлежитъ къ ней и кто къ ней не принадлежитъ; что заставлять католическихъ епископовъ, чтобы они разрѣшали священнодѣйствіе съими священниками въ тѣхъ же церквахъ, которыя правительства или городами отведены для служенія отлученныхъ отъ церкви, значитъ вмѣшиваться даже въ мелочныя распоряженія епископовъ совершенно нарушать самостоятельность церкви; однимъ словомъ, это уже замѣтимъ сами—что весь образъ дѣйствій германскаго правительства, направленныхъ прямо къ отрицанію въ католическомъ безусловнаго іерархическаго послушанія, къ поколебанію въ католической дисциплины—есть явное и несомнѣнное нападеніе на католицизмъ, который въ христіанствѣ и есть не что иное, какъ именно безусловное послушаніе и дисциплина. Ни одного изъ положеній только что приведенныхъ оспаривать серьезнымъ образомъ нѣтъ возможности, и протестантская печать, а также либеральная католическая печать въ Германіи, оспариваютъ эти положенія пустыми „подходами“, а не въ сущности. Такъ, когда епископы ссылаются на обязательность положеній вестфальскаго трактата для германскихъ правительствъ, на это возражаютъ, что папа при заключеніи этого трактата не признавалъ его; когда епископы говорятъ о правѣ отлученія, печать доказываетъ, что правительство преслѣдуетъ не отлученія присланныхъ писемъ, а только отлученія всенародно объявленныя, и тѣмъ оправдываетъ преслѣдованіе доктора Кременца. Въ полицейскомъ смыслѣ, конечно, тутъ есть то различіе, какое существуетъ между негласною и гласною обидой. Но вѣдь это различіе и самая обида ровно ничего не значатъ въ такомъ дѣлѣ, которое есть вопросъ о сложеніи сана, о запрещеніи совершать священнодѣйствіе, объ изверженіи изъ церкви, однимъ словомъ, о наказаніи, которое всегда неразумно съ обидой, и противъ котораго духовный возставать не можетъ, будь оно гласно или негласно.

Для оцѣнки другой стороны фюльдской записки, той, которая называется „духа“ дѣйствій имперскаго правительства противъ католицизма, мы не имѣемъ столь ясныхъ данныхъ, какъ для оцѣнки протестан-

дическихъ ихъ отношеній. Но мы склонны думать, что здѣсь епископы вылагаютъ дѣло пристрастно. Они увѣряютъ, что уже война 1866 года „выставлялась“ (кѣмъ—не сказано, но очевидно) въ протестантскихъ странахъ какъ походъ противъ католицизма; что и война 1870 года, въ которой нѣмцы-католики шли вмѣстѣ съ нѣмцами-протестантами, получила то же толкованіе; что имперія отождествляетъ себя съ протестантизмомъ и идетъ прямо къ стѣсненію, а затѣмъ и къ уничтоженію католицизма, который выставляется какъ *reichsfeindlich*, *reichsgefährlich*, состоящій въ заговорѣ въ одно время и съ французами, и съ поляками, и съ социалистами и т. д. Едва ли имперское правительство дѣйствовало и намѣрено впредь дѣйствовать въ такомъ духѣ. Но, замѣтимъ въ заключеніе, притязанія, предъявляемыя католицизмомъ вообще къ государству, столь эластичны и всегда непомѣрны, что никакое государство доселѣ не могло ужиться съ католицизмомъ иначе, какъ совершенно покоряясь ему. Католицизмъ, конечно, былъ доволенъ правленіемъ Филиппа II испанскаго, Людовика XIV французскаго и Сигизмунда III польскаго; въ нѣмецкія времена онъ былъ доволенъ австрійскимъ правительствомъ во времена Баха, когда, по силѣ конкордата, католическая цензура могла запрещать даже свѣтскія книги. Но вѣдь это—примѣры полнаго подчиненія государства католической церкви; одной же самостоятельностью въ церковныхъ дѣлахъ католичество никогда довольно не было; германскіе епископы нынѣ торжественно объявляютъ, что они требуютъ не болѣе какъ свободы исповѣданія и независимости церкви отъ вмѣшательства свѣтской власти. Но развѣ католическая церковь довольна правительствами итальянскимъ, испанскимъ, нынѣшнимъ австрійскимъ, правительствами католическими, которыя не думаютъ вмѣшиваться въ церковныя распоряженія? Нѣтъ, и изъ тѣхъ принциповъ, которые заявляютъ нынѣ епископы собственно для защиты церкви, прямо истекаютъ не только ея самостоятельность, но и притязанія ея на господство, а затѣмъ и на преслѣдованіе иноправцевъ. Стало бытъ католицизмъ долженъ винить прежде всѣхъ самого себя въ томъ, что германское правительство, видя невозможность во всякомъ случаѣ удовлетворить вѣчно возрастающія, по мѣрѣ услужливости свѣтской власти, притязанія католичества, нашло удобнымъ объявить ему войну на его собственной территоріи, то-есть въ самой церковной же сферѣ.

Любопытно, что въ то самое время, какъ западные католическіе епископы отстаиваютъ право отлученія отъ церкви, какъ нѣкую весьма драгоценную имъ привилегію, восточные патриархи, митрополиты и епископы, собравшіеся въ Константинополѣ, отлучаютъ отъ

церкви болгарскую іерархію и всѣхъ, кто вступитъ въ какое-либо съ нею общеніе. Провозглашеніе болгарской церкви, за ея стремленіе къ національной самостоятельности, схизмой, подлежащемъ отлученію отъ православія, состоялось, несмотря на старанія нашего посла и на нежеланіе единственного нерасположеннаго къ этой мѣрѣ патріарха, именно іерусалимскаго. Декретъ объ отлученіи и здѣсь начинается напоминаніемъ объ установленной непреложной дисциплинѣ, а именно словами Ап. Павла, которыми повелѣвается пастырямъ блюсти за собою и за паствою, надъ которой поставилъ ихъ Духъ Святый. Двѣ статьи, изъ которыхъ состоитъ декретъ, заключаются въ слѣдующемъ: Ст. 1. „Мы порицаемъ, осуждаемъ и объявляемъ противною евангельскому ученію и святымъ канонамъ св. отцовъ мысль *филетизма*, то-есть различій въ Христовой церкви по расамъ, а также и національные въ нѣдрахъ ея раздоры“. Ст. 2. „Приверженцевъ филетизма, которые дерзнули учредить на такомъ началѣ незаконныя, никакимъ примѣромъ неоправданныя церковныя собранія (то-есть самостоятельныя учрежденія православной церкви въ Болгаріи), мы объявляемъ чуждыми единой святой, апостольской и вселенской церкви и пребывающими въ расколѣ. Поэтому объявляемъ раскольниками (схизматиками) и чуждыми православной церкви и зловерные люди, которые по собственному побужденію рѣшились отъ нея отпасть, а именно: Иларіонъ, бывшій епископъ макариопольскій; Панаретъ, бывшій митрополитъ филиппопольскій; Иларіонъ, бывшій епископъ сострійскій; Анеимъ, бывшій митрополитъ видинскій; Дороевъ, бывшій митрополитъ сорійскій; Пароеній, бывшій митрополитъ ниссавскій, Геннадій, бывшій митрополитъ веллискій, и которые всѣ сперва низложены и отлучены отъ церкви, а равнымъ съ ними образомъ посвященные ими архіепископы, священники и диаконы, также и всѣ, кто съ ними состоитъ въ общеніи, дѣйствуетъ съ ними въ согласіи, и всѣ, кто признаетъ законными и каноническими ихъ святыя благословенія священнодѣйствія, кто бы таковые ни были, духовные или свѣтскіе“. За этимъ слѣдуетъ молитва о воссоединеніи церквей.

Опредѣленіе это было составлено вселенскимъ патріархомъ и тремя бывшими патріархами, а также патріархами александрійскимъ, антиохійскимъ, и 26-ю митрополитами и епископами. Нѣтъ сомнѣнія, что осужденіе „филетизма“ константинопольскимъ соборомъ совершенно правильно въ томъ смыслѣ, что особенность національности не даетъ безусловно права на особенность въ церкви, которая по своему характеру есть вселенская. Но мы видимъ, что сама вселенская церковь согласилась на учрежденіе автокефальныхъ національныхъ церквей въ Россіи, Греціи, Сербіи. Почему она не

...слася на то же въ Болгаріи? Въ церковномъ смыслѣ нѣтъ сомнѣнія, что патріархъ могъ законно отказать и безъ всякой причины, но тѣмъ не менѣе болгарскіе епископы, подвергнутые нынѣ отчаянію, котораго мы не можемъ отрицать силу, могутъ утѣшаться тѣмъ, что они навсегда освободили свой народъ отъ умственного гнета и матеріальной эксплуатаціи грековъ. Іерусалимскій патріархъ на обратномъ пути къ своему престолу подвергся оскорбленію со стороны грековъ и долженъ былъ обратиться къ властямъ.

Опредѣленіе константинопольскаго собора или синода состоялось при визирствѣ Мидхата-паши, который вскорѣ послѣ того палъ. Въ октябрьскомъ обзорѣніи, говоря о министерствѣ Мидхата-паши, котораго назначенію приписывался смыслъ враждебный Россіи, мы напомнили о непрочности министерскихъ комбинацій въ Константинополѣ. Махмудъ слылъ другомъ Россіи; Мидхатъ слыветъ ея недоброжелателемъ; но чье-нибудь вліяніе должно преобладать въ данное время въ Портѣ, и если западное вліяніе восторжествовало въ лицѣ Мидхата, то оно скоро можетъ опять смѣниться восточнымъ, которое выразилось бы въ визирствѣ Эссада-паши — вотъ въ сущности, что было сказано нами въ октябрѣ. Въ настоящее время намъ уже приходится занести въ хронику фактъ паденія Мидхата и возвышенія Эссада. Эссадъ, впрочемъ, назначенъ не великимъ визиремъ, а вскрывшемъ, т. е. военнымъ министромъ — Эссадъ-паша — человекъ, котораго силу можно считать довольно прочною, такъ какъ онъ именно и есть авторъ проекта объ измѣненіи порядка престолонаследія въ пользу Юсуфа-Иззедина, старшаго сына султана. Въ то время, какъ „вихрь опалы“ сметаетъ другихъ слугъ султана по малѣйшему поводу, а чаще всего въ случаѣ неумѣнья внезапно найти какую-нибудь большую сумму денегъ, потребовавшуюся падишаху, назначеніе Эссада-паши, очевидно, представляетъ исключительную гарантію устойчивости. За проектъ о введеніи наслѣдованія въ нископской прямой линіи, Эссадъ держится какъ за якорь, и до тѣхъ поръ пока это дѣло остается еще въ видѣ задушевной мысли султана, Эссадъ-паша, навѣрное, останется „ближнимъ пашею“ несмотря на всякія побочныя невзгоды. Въ томъ фактѣ, что такой человекъ держитъ сторону Россіи, нельзя не замѣтить доказательства большей ловкости восточной дипломатіи въ Константинополѣ передъ западною. Великимъ визиремъ вмѣсто Мидхата назначенъ Мелемедъ-Рушди-паша; по слухамъ однако, это визирь только переходный и назначенный для того только, чтобы вмѣсто Мидхата, смѣнишаго Махмуда, нашего пріятеля, не назначить прямо самого

Махмуда снова визиремъ. Во всякомъ случаѣ, паденіе Мидхата и назначеніе Эссада сераскиромъ означаютъ новую побѣду восточной дипломатіи надъ западною и свидѣтельствуютъ о непрочности вѣрнаго англо-австрійскаго, котораго органомъ стало-было въ послѣднее время вице-король египетскій, давшій непосредственный толчокъ паденію Махмуда-паши. Итакъ, человекъ, котораго только-что жестокимъ образомъ судили въ диванѣ, требуя у него отвѣта, по какому праву онъ подарилъ значительную сумму банеирамъ, устроившимъ послѣднее заемъ, предстоитъ снова въ будущемъ визирство. Стало быть, какъ уже замѣтили въ прошлый разъ, опальнаго министра и подвергли суду собственно только потому, что онъ былъ въ опалѣ. Мидхатъ, въ короткое свое визирство, вѣроятно не успѣлъ еще дать никакого повода за который можно бы ухватиться, чтобы предать его суду. Но въ короткое это время онъ успѣлъ навлечь на себя гнѣвъ султана именно такъ изъ-за денегъ. Султану потребовалась большая сумма, а Мидхатъ рѣшился довести до свѣдѣнія, что дворъ передъ государственнымъ бюджетомъ уже и безъ того въ долгу на 16-ть мѣсяцевъ впередъ, и это было причиной паденія Мидхата; такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ дѣло корреспондентъ въ „Allgemeine Zeitung“. Невозможно тутъ ничего итъ, и къ сожалѣнію такой фактъ слишкомъ часто ходитъ въ мѣстныхъ правительственныхъ нравахъ, чтобы его можно было прямо назвать невѣроятнымъ. Но, намъ кажется, вопросъ въ томъ, кто изъ турецкихъ государственныхъ людей стоитъ выше нравственномъ отношеніи, вѣрнѣе оставить открытымъ, а изъ представителей двухъ вліяній: восточнаго и западнаго, предпочитать первый, хотя бы просто потому, что подъ вліяніемъ Россіи Порты все будетъ податливѣе на жалобы турецкихъ христіанъ, чѣмъ подъ вліяніемъ Англии и Австріи. Что касается нравственной компетентности самихъ корреспондентовъ въ „Allgemeine Zeitung“, то да позволено будетъ указать въ видѣ образчика, что недавно петербургскій корреспондентъ той же газеты, въ письмѣ, которое редакція помѣстила на первой страницѣ, въ видѣ передовой статьи, рѣшился утверждать, что за издателями новой французской газеты, предпринятой въ Петербургѣ, „La Néva“—стоитъ никто другой, какъ самъ Тьеръ. Такой слухъ о газетѣ еще и несуществующей сочиняется корреспондентомъ съ очевидной цѣлью помѣшать, посредствомъ доноса, самому осуществленію изданія. Вообще мы уже нѣсколько разъ имѣли случаи представлять примѣры чисто „кагалнаго“ образа дѣйствій нѣмецкихъ корреспондентовъ, которые считаютъ себя дозволеннымъ самыми неблаговидными средствами для осуществленія какихъ-то мелкихъ немецкихъ интересовъ за-границею или удовлетворенія національных являющихся патій. Надо надѣяться, что упомянутое намѣреніе корреспондента

та авгсбургской газеты у насъ будетъ оцѣнено по достоинству, не достигнеть своей цѣли; было бы слишкомъ странно, еслибы въ корреспондентахъ иностранныхъ газетъ, петербургская печать получила какихъ-то новыхъ, неприванныхъ цензоровъ. Въ заключеніе статей по поводу министерскаго кризиса въ Турціи прибавимъ, что новый министръ иностранныхъ дѣлъ Халиль-Шерифъ-паша женится на дочери брата египетскаго вице-короля. Этотъ братъ, Мустафа-Фазиль, устраненъ отъ наслѣдія египетскаго престола, такъ какъ законъ о наслѣдствѣ въ нисходящей линіи, который въ Турціи еще не вводится проектомъ, въ Египтѣ уже введенъ. Такимъ образомъ, Мустафа-Фазиль считается естественнымъ врагомъ вице-короля, а такъ какъ западные сочувствія послѣдняго были доказаны исторіею паша Махмуда, то сближеніе новаго министра иностранныхъ дѣлъ съ Фазилемъ составляетъ еще одинъ признакъ враждебности новаго кабинета западнымъ вліяніямъ.

Въ Англіи политическія вакаціи продолжаются долѣе, чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ. Пока не соберется парламентъ, въ политической жизни Великобританіи господствуетъ совершенный штиль. Въ парламентской борьбѣ политическая жизнь Великобританіи почти не проявляется и такъ-называемыхъ incidents здѣсь бываетъ очень мало и значеніе придается имъ не особенное. Если сравнить эти англійскіе нравы съ нравами Франціи, гдѣ вниманіе общества главнымъ образомъ сосредоточено на правительствѣ и на отношенія къ нему разныхъ партій, даже внѣ парламента, то придется пожалуй признать, что Англія и теперь болѣе похожа на республику, чѣмъ Франція, несмотря на то, что въ Англіи вовсе нѣтъ такой партіи, которая серьезно норовилась бы сорвать съ британскаго знамени леопарда и единорога или хотя бы лишитъ ихъ той короны, подъ которою они издавна красуются. Переговоры съ Франціею о заключеніи новаго торговаго трактата, назначеніе сэра Роундели-Пальмера лордомъ-канцлеромъ, настроеніе Ирландіи, война Египта съ княземъ тигрійскимъ или королемъ эіопскимъ и наши новыя пріобрѣтенія въ Средней Азіи—вотъ главные предметы занимавшіе въ послѣднее время англійскую печать. Торговые переговоры съ Франціею привели уже къ заключенію новаго трактата, а настроеніе Ирландіи высказалось недавно въ смыслѣ не совсѣмъ утѣшительномъ для Гладстона, которому страна эта обязана двумя весьма важными реформами—въ области церкви и условіяхъ пользованія землею. Извѣстный ирландскій адвокатъ Боттъ (Butt) въ рѣчи къ своимъ избирателямъ въ Лимерикѣ высказалъ мнѣнія, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія. По отъѣзду Ботта, Гладстона не должно считать искреннимъ доброжела-

телемъ Ирландіи; его отношенія къ Ирландіи заключаются въ томъ, чтобы сохранить въ своемъ распоряженіи ирландскихъ членовъ латы общинъ; для этого онъ оказываетъ несущественныя услуги Ирландіи, но весьма существенныя услуги тѣмъ ирландскимъ членамъ, которыхъ склоняетъ на свою сторону. Боттъ увѣряетъ, что гороскорѣ можно признать друзьями Ирландіи троихъ англійскихъ государственныхъ людей, которые уже убѣдились, что Ирландіи необходима законодательная и административная самостоятельность, однимъ изъ вомъ—Home-rule. Двоихъ изъ этихъ государственныхъ людей, впрочемъ, по его словамъ, уже обратились къ такому убѣжденію, Боттъ назвалъ: это — графъ Россель и лордъ Робертъ Монтэгу; третьяго же онъ назвать не рѣшился, а только сказалъ, что это весьма высоко стоящій человекъ. Не хотѣлъ ли ирландскій патриотъ назвать здѣсь на принца Уэльскаго? Очень можетъ быть, потому что Боттъ выразилъ полнѣйшую увѣренность въ осуществленіи въ ближайшее время отдѣльнаго ирландскаго парламента. Меньшею уступкою Ирландіи, по словамъ Ботта, никогда не удовольствуется, а именно уступки она и должна требовать и въ состояніи даже съ вытребовать ея. Отдѣльный парламентъ необходимъ Ирландіи потому, что англійскіе законодатели и до сихъ поръ, по увѣренію Ботта, отказываютъ Ирландіи въ справедливости не только въ общихъ интересахъ, какъ, напр., въ интересѣ ненарушимости принципа личной свободы, но и въ разныхъ отдѣльныхъ, даже неполитическихъ интересахъ, отказываютъ рыбнымъ ловлямъ и желѣзнымъ дорогамъ Ирландіи въ той поддержкѣ со стороны общей государственной казны, какою пользуются тѣ же предпріятія въ Великобританіи и т. п. Бельфастъ въ настоящее время, по словамъ Ботта, пріѣзжіи не могутъ остаться ночевать, если не имѣетъ на то полицейскаго удостовѣренія (вспомнимъ, что въ Бельфастѣ недавно была свалка, которая продолжалась цѣлую недѣлю). Выразивъ свое убѣжденіе, что Ирландіи имѣетъ всѣ основанія для того, чтобы требовать себѣ отдѣльнаго парламента, Боттъ прибавилъ, что Ирландіи имѣетъ также и возможность сама добиться этого: стбитъ только избрать въ англійскій парламентъ сплошную группу человекъ въ 80-тъ такихъ депутатовъ, которые не пошли бы ни на какія соглашенія внѣ Home-rule, всегда и во всѣхъ случаяхъ вотивовали бы противъ всякаго министерства, то-есть подавали бы голоса и противъ бюджета и противъ общественныхъ работъ, и противъ всякой мѣры, внесенной правительствомъ. Тогда, по мнѣнію Ботта, сами англійскіе виги и горскіе постарались бы избавиться отъ ирландскихъ депутатовъ, отдавъ имъ мѣсто законодателей въ собственной ихъ странѣ.

По поводу виговъ и тори недавно появилась въ „Quarterly Review“ замѣчательная статья, приписываемая нынѣшнему вдохнови-
 партіи тори и истинному вождю ея въ верхней палатѣ—мар-
 Сальсбери (Salisbury), о которомъ мы уже упоминали не разъ.
 Эта представляет первое логическое опредѣленіе программы
 тори, какъ она должна бы быть въ теоріи. Программа тори,
 по словамъ лорда Сальсбери, должна заключаться въ томъ, что ника-
 программы въ смыслѣ постепеннаго измѣненія коренныхъ основъ
 политическаго устройства Великобританіи у тори *не должно быть*.
 томъ-то именно и заключается программа истинныхъ тори, чтобы
 измѣненій не допускать, отрицать самую потребность въ нихъ.
 самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключалась органическая слабость партіи
 съ того времени, какъ сами вожди ея, начиная съ Веллингтона
 и до покойнаго лорда Дэрби стали вырывать изъ рукъ либе-
 ральскія конституціонныя реформы и осуществлять ихъ сами? Въ томъ,
 съ тѣхъ поръ тори утратили всякую теорію, утратили прин-
 ципъ свой, и противники ихъ основательно упрекали ихъ въ томъ,
 что тори вовсе нѣтъ знамени; что партія эта, ниспровергая по-
 словеса либераловъ, сама осуществляет ихъ законодательные
 акты, что, стало быть, между либералами и консерваторами все
 различіе состоитъ только въ вопросѣ, наступила ли уже пора для
 тори или такого отдѣльнаго шага къ демократизаціи государства,
 и наступитъ только чрезъ нѣкоторое время, такъ что либералы
 имѣютъ полное право утверждать, что тори своего принципа не имѣ-
 ютъ, а просто представляют партію личную, которая, пока нахо-
 дится въ оппозиціи, упрямится противъ коренныхъ видоизмѣненій по-
 литическихъ основъ, а какъ только дѣлается правительствомъ—сама
 осуществляет такія видоизмѣненія. Знаменитыхъ вождей тори: гер-
 ца Веллингтона, сэра Роберта Пила и покойнаго графа Дэрби,
 и городской маркизъ выставляетъ просто ренегатами: они сами осу-
 ществили и уравненіе католиковъ, и отбѣну хлѣбной пошлины, и
 ирландскую избирательную реформу; они и никто другой, по словамъ
 Сальсбери, убили, нравственно уничтожили партію тори, которая
 не слѣдуетъ ихъ программѣ, то вовсе не имѣетъ права существовать
 какъ партія, потому что партія не можетъ существовать нравственно
 различіи въ своемъ взглядѣ на современность той или другой
 минуты; различіе по принципу можетъ быть только во взглядѣ на
 истинную сущность уступокъ, а не на степень современности каждой
 изъ нихъ.

Лордъ Сальсбери въ критическомъ взглядѣ на торійскихъ вождей
 о Бенджаминѣ Дизраэли не упоминаетъ. Но если отсутствіе твер-
 дыхъ убѣжденій и гибкость въ усвоеніи программы противниковъ

(качества приписываемыя авторомъ послѣднимъ вождямъ его партіи едва ли соответствуютъ исторической фигурѣ „железнаго герцога“ которому народъ выбилъ однажды окна въ Эпсли-гоузѣ, напротивъ нынѣшней его статуи, то нѣтъ сомнѣнія, что качества эти представляютъ совершенно вѣрную характеристику нынѣшняго вождя тори — это именно Дизраэли. Лордъ Сальсбери желаетъ возстановить истинный, твердый торійскій принципъ и опредѣляетъ его вѣрнѣе въ противодѣйствіе всякимъ органическимъ реформамъ! Но опредѣленіе это, вѣрное въ теоріи, бесплодно для практики. Такъ какъ несомнѣнно, что никакія органическія или неорганическія условія въ странѣ не могутъ быть вѣчны, неподвижны, то партіи тори придется для безусловнаго исполненія мысли маркиза если не участвовать въ осуществленіи органическихъ реформъ, то все-таки признавать тѣ реформы, которыя будутъ произведены либералами. Иначе тори обратились бы въ реакціонеровъ. Если же они, не участвуя въ осуществленіи реформъ, будутъ все-таки признавать реформы по мѣрѣ того, какъ ихъ произведутъ либералы, то значить тори будутъ участвовать въ управленіе только въ краткіе промежутки между реформами и какъ бы только для того, чтобы освятить ихъ своимъ признаніемъ — роль весьма незавидная для политической партіи, роль въ теоріи чисто-отрицательная, а на практикѣ — чисто-пассивная. Бесплодность такой роли, впрочемъ, уясняется уже достаточно самою статью Сальсбери, когда онъ громитъ Гладстона за его „революціонерную политику“, выразившуюся въ отменѣ англійскаго *Establishment* въ Ирландіи, въ измѣненіи тамъ поземельныхъ законовъ и въ новомъ законѣ о народномъ образованіи въ Англіи и Шотландіи. Авторъ предсказываетъ, что Гладстонъ на этомъ пути идетъ къ вѣрной гибели, которой впрочемъ, по мнѣнію маркиза, вполне достойна такая политическая посредственность, какъ Гладстонъ. Но осуждая эти мѣры, Сальсбери вѣдь не предлагаетъ же взять ихъ назадъ, стало быть признаетъ совершившіяся факты. И въ будущемъ, что же предлагаетъ онъ для примиренія Ирландіи? Ничего; онъ говоритъ, что никакихъ уступокъ ей дѣлать не слѣдуетъ, и вотъ для подкрѣпленія такой „чисто-торійской“ мысли, онъ принужденъ быть повторять всѣ общія мѣста о томъ, что ирландецъ тѣмъ болѣе будетъ бунтовать, чѣмъ болѣе ему будутъ дѣлать уступокъ, словомъ, усвоить себѣ такія пошлости, отъ которыхъ отказались въ наше время уже и „посредственности“. Если бы такія вещи говорилъ какой-нибудь *Stock-Junker* изъ прусской палаты господъ, то это объяснялось бы просто тѣми воззрѣніями, среди которыхъ такой человекъ выросъ. Но у маркиза Сальсбери такіе выводы являются не изъ аристократическихъ предразсудковъ. Онъ самъ ихъ презираетъ, онъ самъ —

...никъ, онъ, женившись по любви противъ воли отца, долгіе годы
...лся съ женою работою въ газетахъ. Къ несообразнымъ выво-
... онъ приходитъ, если можно такъ выразиться — отъ избытка
...и. Въ теоріи совершенно вѣрно, что консервативный принципъ
...итъ въ противодѣйствіи радикальнымъ, органическимъ рефор-
...а, а либеральный принципъ въ стремленіи въ ихъ осуществле-
... Но затѣмъ дѣйствительная, реальная политическая жизнь страны
...тъ по средней линіи, результирующей изъ одновременнаго дѣй-
...и этихъ двухъ силъ. Стало быть, каждая политическая партія,
...и хочетъ быть партіею дѣйствія, а не школою мыслителей только.
...ка вступать въ практическія соглашенія съ тѣмъ моментомъ
...ественныхъ стремленій, который представляетъ одну изъ точекъ
...и живого прогресса. Практическая дѣятельность Веллингтона,
...и, Дарби и Дизраэли и представляла не что иное какъ укло-
...отъ безусловной теоріи подъ давленіемъ общественныхъ нуждъ
...стремленій.

Въ послѣдніе мѣсяцы Испанія пользовалась нѣкоторымъ полити-
...кимъ затишьемъ. Карлистское возстаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ
...ительно уже нивожло на степень мелкихъ насилій и грабежей.
...ицы подготовилъ проектъ бюджета и проектъ опредѣленія еже-
...наго набора цифрою 40 тысячъ чел., съ тѣмъ, чтобы тотчасъ
...рѣшеніемъ этого послѣдняго вопроса основать на этой цифрѣ
...ектъ о преобразованіи испанской арміи, для приданія ей харак-
...а народнаго и устраненія отъ нея характера кондотьерскаго, ко-
...тъ она, на бѣду странѣ, сильно заразилась. Сорилля, повиди-
...му, держится довольно вѣрнко не только въ кортесахъ, гдѣ вы-
...и дали радикаламъ достаточное большинство, но и при дворѣ
...и, хотя рассказываютъ, что королева относится въ нему небла-
...клонно. Надо замѣтить, что Сорилля, при всей своей сравнитель-
...и сдержанности, все-таки, повидимому, не совсѣмъ успѣваетъ пре-
...дѣлать излишній пылъ кастильянскаго темперамента. Такъ, мы
...и, что онъ допускаетъ въ кортесахъ предложеніе о преданіи
...ду своего предшественника Сагасты. Такъ, недавно онъ потребо-
...лъ увольненіе одной изъ придворныхъ дамъ королевы, подъ пред-
...томъ елерикальныхъ интригъ этой дамы, и такимъ образомъ вторг-
... въ область рѣшительно неподлежащую конституціонному мини-
...стру, а потому и испыталъ неуспѣхъ.

Кортесы начали свою сессію благополучно, и въ отвѣтъ на трон-
...пирѣчь приняли проектъ адреса, составленный радикальною партіей,
...есть проектъ благоприятный министерству Сориллы. Однимъ сло-
...комъ, все обстояло мирно, и испанцы предавались удовольствію со-

зерцать блестящій парламентскій турниръ, въ которомъ принялъ участіе вождь оппозиціи, признающій короля Амедея, уніонистъ Улиа и министр иностранныхъ дѣлъ. Небольшія сматенія представили только двумя случаями: въ одинъ прекрасный день, въ Мадридѣ торговцы и рестораторы заперли свои двери и завѣсили окна въ знакъ протеста противъ новаго городского налога, положеннаго именно на окна и двери. Къ вечеру однако, успокоенные обѣщаніемъ альфонсисовъ, что оныя возбудить въ ратушѣ вопросъ объ отмѣнѣ налога, торговцы отперли двери и освѣтили окна.

Но и изъ яснаго неба бываетъ ударъ молніи: молнія упала на знаменитый Эскуриаль и произвела въ немъ пожаръ, который впрочемъ не произвелъ большого опустошенія. Но эта молнія была не столько бы предвѣстницей другого, столь же неожиданнаго удара: министры сообщили кортесамъ, что въ галисійскомъ укрѣпленномъ портѣ Ферроль, надъ цитаделю, спущено знамя Испаніи и поднято красное знамя, знамя революціи. Цвѣтъ знамени свидѣтельствовалъ, что во главѣ станіе затѣяно было не монархистами. Но оно было до такой степени неожиданно, что отъ него отреклись всѣ политическія партіи и прежде всѣхъ именно республиканцы. Когда республиканская печать осудила феррольскій мятежъ, стали говорить, разумѣется, что оныя — продѣла альфонсисовъ. Но и альфонсисы въ свою очередь протестовали, утверждая, что хотя они вѣрны своему принципу, но желаютъ осуществленія его не иначе какъ законными путями. Какими законными путями возможно замѣнить одну династію другою, этотъ вопросъ оставимъ въ сторонѣ, и удовольствуемся объясненіемъ, что не будучи приготовлены къ революціи и сами альфонсисы не рѣшились воспользоваться феррольскимъ мятежомъ. Что касается республиканцевъ, то ихъ несолидарность съ этой попыткой очевидна. Галисія сильно проникнута республиканскимъ духомъ, который впрочемъ силенъ въ большихъ городахъ всей Испаніи. Между тѣмъ, рѣшительно никто не отделился сочувственно на феррольскую вспышку, и она осталась совершенно изолированной. Что же это было такое въ дѣйствительности? Это была просто новая иллюстрація того духа кондотьеризма, которымъ заражена въ Испаніи военная каста.

Зачинщикамъ бунта въ Ферроль былъ полковникъ Позасъ, одинъ изъ тѣхъ военныхъ авантюристовъ, какими Испанія изобилуетъ. Позасъ началъ свою военную карьеру въ 1836-мъ году въ карлистскихъ шайкахъ, въ 1848-мъ году служилъ подъ начальствомъ Кабреры, въ тогда же просто продалъ свой отрядъ генералу Кончѣ за деньги, причѣмъ застрѣлилъ своего помощника, который не хотѣлъ сдаваться войскамъ правительства. Затѣмъ Позасъ служилъ уже противъ своихъ прежнихъ товарищей, карлистовъ, и нѣсколько разъ выходилъ

отставку и снова поступалъ на службу, пока въ 1869-мъ году не явился наконецъ участіемъ въ восстаніи „красныхъ“ въ Таррагонѣ. Военный судъ приговорилъ его къ смерти, но Позасъ находился въ бѣгствѣ и воспользовавшись впоследствии амнистіею, снова поступилъ на службу. Въ томъ же родѣ и пособники Позаса въ феррольскомъ бунтѣ: отставные—кавалерійскій капитанъ Вего, морской капитанъ Монтехо и морской комиссаръ Барнода. Безъ всякаго сношенія съ какой-либо политической партией эти люди взялись „подать сигналъ къ восстанію“ и увлекли съ собою нѣсколько сотъ матросовъ и рабочихъ феррольской верфи. Гарнизонъ крѣпости состоялъ всего изъ 200 человѣкъ, которыхъ мятежники частью захватили, частью заперли въ разныхъ пунктахъ. Но несмотря на „поданный сигналъ“, окрестности Ферроля и никакая мѣстность въ Испаніи не восстала, а генералъ-капитанъ Галисія Брега сталъ стягивать къ Ферролю войска и призвалъ въ бухту нѣсколько панцырныхъ судовъ для блокады. Впрочемъ, стягиваніе войска генераломъ Брегою продолжалось около недѣли, и все это время держался ничтожный, но весьма характеристическій для нравовъ Испаніи военный бунтъ. Когда войска, наконецъ, подошли, инсургенты пустились бѣжать, но только 500-тъ человѣкъ изъ нихъ было захвачено на улицахъ и въ дворахъ. Брега за этотъ „подвигъ“ произведенъ въ генералъ-лейтенантъ; но такая обстановка, что въ феррольской крѣпости было всего 200-ти человѣкъ гарнизона, а составъ и расположеніе окрестныхъ войскъ были таковы, что потребовалась цѣлая недѣля на прекращеніе вздорнаго бунта, по всей вѣроятности послужатъ военному министру Кордовѣ новымъ аргументомъ передъ палатами для доказательства необходимости военнаго преобразованія. Основы этого преобразованія генераломъ Кордовою уже начертаны; онѣ представляють главныя черты прусскаго военнаго устройства: каждый испанецъ обязывается службою отъ 20-ти до 27-ми-лѣтняго возраста, а именно три года въ дѣйствующихъ частяхъ, два въ первомъ и два во второмъ резервѣ, со введеніемъ также и права поступленія на службу волонтеромъ на свой счетъ на одинъ годъ, для лицъ окончившихъ курсъ средняго образованія; въ томъ же проектѣ Кордовы предполагается заведеніе призовыхъ школъ съ обязательствомъ для каждаго солдата въ теченіи 3-хъ лѣтъ службы непременно научиться грамотѣ, а если въ этотъ срокъ онъ не обучится ей, то обязанъ будетъ служить лишнихъ полгода. Проектъ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе кортесовъ, какъ только они одобратъ первый проектъ, относящійся къ преобразованію, а именно опредѣленіе годичнаго контингента набора цифрою 40-на тысячъ человѣкъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

24 (12) октября, 1872.

ШАНСЫ РЕСПУБЛИКИ НА УПРОЧЕНІЕ.

„Все идетъ такъ хорошо, что становится страшно!“ сказалъ намъ Тьеръ одному изъ своихъ друзей, припомнивъ быть можетъ еще Полжирата Самоссеаго. И дѣйствительно, все идетъ у насъ съ хорошо въ настоящую минуту, хотя по внѣшности дѣло блистаетъ нѣе, чѣмъ въ сущности. Необыкновенная жатва, какой не видывали двадцать или двадцать пять лѣтъ, подошла къ концу, и мы поможемъ намъ выдержать принятыя обязательства и устроить дѣла публики. При существующихъ обстоятельствахъ и въ странѣ, населеніе не отвыкло еще считать правительство отвѣтственнымъ неурожаю,—это очень важно. Произведенія земли обильны, но не даютъ въ цѣнѣ, такъ что крестьянамъ остается только радость. Югъ въ особенности можетъ похвалиться изобиліемъ и богатствомъ своихъ произведеній,—на что сѣверъ, гораздо сильнѣе пострадалъ отъ войны, взирать не безъ зависти. Въ нѣкоторыхъ виноделическихъ департаментахъ, какъ мнѣ извѣстно, такъ, напр., въ Гаръ Геро, сборъ винограда въ нынѣшнемъ году принесетъ 30% дохода и даже больше. Люди, которымъ выпало на долю такое благополучіе, всегда бываютъ довольны существующимъ порядкомъ. Иные, которые вѣрятъ въ прямое вмѣшательство Провидѣнія въ дѣла, имѣютъ всѣ основанія благодарить его какъ съ точки зрѣнія общественнаго благосостоянія, такъ и съ точки зрѣнія общественного порядка.

Республика естественно выигрываетъ отъ такого хорошаго изобилія дѣла, равно какъ и отъ безурядицы, проявляющейся все рѣзче въ монархическихъ партіяхъ—я говорю про приверженцевъ легитимной и конституціонной монархій. Имперію же я продолжаю считать особой статьей: она будетъ грозить постоянной бѣдой демократіи, которая, будучи призванной къ дѣламъ, не сумѣетъ управлять собой. Поэтому имперія сохранить свои шансы до поры, пока республика не пуститъ болѣе глубокихъ корней и не получитъ прочной организаціи. Но въ легитимномъ и орлеанскомъ лагеряхъ разстройство полное и пока непоправимое. Вслѣдствіе манутаго честолюбія, вслѣдствіе злобы противъ Тьера и ненависти къ республикѣ нѣкоторыя группы этихъ двухъ партій снискали такое дѣла, которое въ прошломъ году показало бы имъ не выходящимъ; я говорю про союзъ съ бонапартистами. Съ союзомъ

удивленіемъ долженъ упомянуть, что вліяніе герцога Омальскаго, повидимому, не чуждо этому движенію, которому дополнительные выборы, только-что происходившіе, придали характеристичныя черты. Въ Жирондѣ одинъ изъ бывшихъ министровъ имперіи, Форгадъ-ла-Метте, выступилъ кандидатомъ съ поддержкой извѣстной части легионистовъ и орлеанистовъ, между тѣмъ какъ другая фракція этой вѣдливой партіи, которая слѣдуетъ, повидимому, внушеніямъ графа Фрикскаго, воздержалась отъ этого. Другой бонапартистъ точно такъ выступилъ въ департаментѣ Уазы, въ которомъ герцогъ Омальскій пользуется большимъ вліяніемъ; но изслѣдовавъ почву, онъ почувствовалъ, что борьба противъ республиканскаго кандидата немислима, и воздержался до выборовъ! Въ Жирондѣ Форгадъ потерпѣлъ поражение, потому что коалиція далеко не завербовала всѣхъ кого слѣдуетъ. Въ несчастію радикальный кандидатъ, побѣдившій его, — ничтожная личность, которая не окажетъ большого содѣйствія правительству Тьера. Другой бонапартистскій кандидатъ, Шнейдеръ, сынъ бывшаго президента законодательнаго корпуса, былъ побитъ весьма значительнымъ большинствомъ въ департаментѣ Луары. Но вообще слѣдніе выборы были хороши и даже очень хороши, и хотя дѣло шло лишь о замѣщеніи семи вакантныхъ мѣстъ въ собраніи, они не менѣе не лишены значенія, потому что въ силу нашей избирательной системы, выборы одного депутата приводятъ въ такое движеніе всѣхъ избирателей департамента, какъ и выборы нѣсколькихъ. Слѣдовательно, тутъ выразилась всеобщая подача семи департаментовъ, и за исключеніемъ одного, морбитанскаго, который входитъ въ составъ Бретани и гдѣ легитимное вліяніе осталось первенствующимъ, она вездѣ высказалась за республику. Не менѣе утѣшительно и то, что выборъ ея остановился не исключительно лишь на радикальныхъ кандидатахъ. Одной изъ опасныхъ сторонъ всеобщей подачи голосовъ является то, что она всегда склонна бросаться въ крайности. Отъ этой опасности она счумѣла уберечься на этотъ разъ, въ крайней мѣрѣ въ одномъ или двухъ департаментахъ, гдѣ вопліи разумнѣе кандидаты одержали верхъ надъ крайними и сумасбродными. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ примѣръ, данный департаментомъ Уазы.

Какъ я уже сказалъ выше, тамъ выступилъ бонапартистъ подъ покровительствомъ герцога Омальскаго: онъ представлялъ, слѣдовательно, нѣкоторый родъ монархической коалиціи противъ республики и даже не могъ рискнуть шансами выборовъ. Напротивъ того, умѣренный республиканскій кандидатъ восторжествовалъ безъ особаго труда надъ кандидатомъ радикальнымъ, потому что консервативные элементы очутились тамъ въ своей естественной силѣ, но безъ ма-

дѣйшаго отгнѣва партій или характера реакціи, лицомъ въ лицѣ интересами чисто революціонными и разрушительными. Я не говорю, чтобы то же самое повторилось во всякомъ другомъ департаментѣ, но этотъ примѣръ долженъ тѣмъ не менѣе быть весьма убѣдительно для консерваторовъ: они могутъ изъ него вывести, что крайней мѣрѣ въ настоящую минуту они гораздо сильнѣе съ публиканскимъ знаменемъ въ рукахъ, чѣмъ со знаменемъ монархическимъ, и что для того, чтобы не отречься отъ власти, чтобы обезсилить самихъ себя, они должны прежде всего признать реальную силу. Многие изъ нихъ уже были готовы на это рамьтѣ выборовъ, какъ я уже это говорилъ, и колебанія въ легитимномъ лагерѣ да ны были бытъ весьма сильны для того, чтобы графъ Шамборъ рѣшился обнародовать новый манифестъ, специально предназначенный къ тому, чтобы отвлечь его партизановъ отъ признанія республики. Этотъ манифестъ, который появился въ тотъ самый моментъ, въ результатъ выборовъ сталъ извѣстенъ, не имѣлъ особеннаго успѣха и какъ всѣ предыдущія заявленія претендента не достигли своей цѣли. Непостижимо, какая роковая сила толкаетъ напизма и легитимизмъ преувеличивать свой абсолютизмъ, раскрывать свои современнѣйшія стремленія, доводить свои принципы до крайности, какъ имъ слѣдовало бы, напротивъ того, въ виду обстоятельствъ крайне для нихъ неблагоприятныхъ, дѣйствовать съ чрезвычайнымъ тактомъ, чтобы не пугать общественнаго мнѣнія. Пана и Генрихъ V удаляются отъ современнаго общества еще поспѣшнѣе, чѣмъ это вообще удаляется отъ нихъ. Никто еще какъ графъ Шамборъ не говорилъ болѣе высокоумнымъ тономъ вещей наименѣе подходящихъ. Этотъ злополучный принцъ, очевидно вводимый въ заблужденіе мало свѣщенными друзьями, вообразилъ, что ему наступилъ моментъ говорить, какъ господину, и, мало того, какъ господину, потерпѣвшему терпѣніе и которому надоѣло ждать.

Есть полное основаніе предполагать, что богомолье-*monstré*, и поклоненіе чудотворному источнику въ Лурдѣ, недавно организованное приверженцами принца, нѣсколько ослѣпило его на счетъ истинныхъ симпатій Франціи, между тѣмъ какъ самая эта клерикальная демонстрація должна была бы просвѣтить его на этотъ счетъ и заставить призадуматься. Въ самомъ дѣлѣ, она далеко не соответствовала ожиданіямъ: рассчитывали на сотню тысячъ богомольцевъ, и одна южно-дорожная желѣзная компанія организовала поѣзды на пятьдесятъ тысячъ. Между тѣмъ ей пришлось перевезти всего лишь пятьдесятъ тысячъ, и въ общей сложности ихъ едва ли набралось десять тысячъ. Слѣдовательно, клерикалы претерпѣли въ Лурдѣ нѣкоторый фiasco, которымъ бы графъ Шамборъ остерегся чваниться, если бы

нелюбимыя точныя свѣдѣнія. Но воображеніе его разыгралось, онъ по-
 пытался заговорить какъ абсолютный монархъ и вообразилъ, что мо-
 жетъ позволить себѣ относительно республики то, чего никогда не
 позволялъ себѣ даже относительно имперіи. Онъ отвергаетъ и про-
 ситъ послѣднюю; онъ предостерегаетъ своихъ партизановъ, что
 они не могутъ „ни подъ какимъ предлогомъ пристать къ этому на-
 шему предпріятію“. „Ни подъ какимъ предлогомъ“ значитъ: даже и
 въ томъ случаѣ, еслибы не существовало никакого иного средства,
 чтобы республика, предохранить страну отъ анархіи. Пусть Франція
 решаетъ лучше, если не хочетъ быть спасенной и управляемой ле-
 гитимнымъ королемъ. Генрихъ V, или потопись — одно изъ двухъ, и
 не данъ возможность странѣ установиться въ своемъ выборѣ, онъ
 только присовокупляетъ въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя весьма
 важны, цѣлую политическую программу, основной статьей ко-
 торой является тѣсная солидарность судебъ Франціи съ судьбой папства.
 Дальше говоритъ, что нельзя придумать ничего антипатичнѣе
 либеральнаго, самаго умѣреннаго мнѣнія, подобной программы.
 Что касается вліянія, которое произведетъ манифестъ на леги-
 тимную партію, то, я полагаю, оно будетъ равнообразное и слож-
 ное. Истинные приверженцы послушаются своего короля и станутъ
 бороться; интриганы покинутъ претендента, который упорствуетъ
 ради себѣ всѣ пути, и обратятся къ имперіи. Самые же чест-
 ные и прозорливѣе еще сильнѣе поддадутся движенію, которое уже
 привлекло ихъ и призываютъ съ горя республику, чтобы наилучшимъ
 образомъ устроиться въ ней.

Такое же распаденіе совершится въ орлеанизмѣ, который еще
 не въ разложенію, потому что по самой натурѣ своей менѣе
 склоненъ. За исключеніемъ страстнаго и весьма естественнаго жела-
 нія вернуться во Францію, орлеанскіе принцы никогда собственно
 не знали точно, чего имъ хочется. Они даже не вполне спѣлись
 между собой, вовсе неспособны стать главами партіи и несутъ те-
 лѣду за свою нерѣшительность или же за свое роковое поло-
 женіе: они совершаютъ разгромъ своихъ надеждъ. Графъ Парижскій
 разочарованъ и не особенно этично огорчается; но герцогъ Омальскій раз-
 сердился и пвидимому съ досады принялся, какъ я уже упомянулъ
 въ этомъ, заигрывать съ бонапартизмомъ. Органы этой партіи въ
 послѣднюю минуту весьма усердно проповѣдуютъ то, что они зовутъ
 истиннымъ союзомъ. Они взымаютъ къ легитимистамъ и орлеа-
 нистамъ, приглашая ихъ обратиться къ плебисциту. Исходя изъ той
 мысли, что Франція не можетъ обойтись безъ монарха, они предла-
 гаютъ предоставить народу выбрать династію. Совсѣмъ тѣмъ же
 образомъ какъ и полевическій приемъ. Бонапартисты могутъ вер-

нуться лишь посредствомъ насилія, посредствомъ удачнаго заговора въ минуту анархіи, и пустили бы на голоса только самихъ себя предварительно захвативъ власть въ свои руки, какъ они это сдѣлали 2-го декабря.

Весь вопросъ въ томъ, представится или не представится тот критическій моментъ, которымъ имъ можно будетъ воспользоваться. Республика въ настоящую минуту кажется довольно прочно устоявшею, но ей предстоитъ еще не мало подводныхъ камней впередъ и только измѣривъ то разстояніе, которое мы прошли со времени войны и коммуны, получаешь возможность, опираясь на добытые результаты, питать нѣкоторую вѣру въ будущее. Популярность Тьера и авторитетъ собранія, которымъ слѣдовало бы идти за одно, къ счастью совсѣмъ разошлись. Одна достигла своего апогея, между тѣмъ какъ другой опустился ниже нуля. Собраніе, конечно, впадало въ ошибки, но оно презирается болѣе, чѣмъ того заслуживаетъ. Общественное мнѣніе, настроенное противъ него выше всякой мѣры, болѣе годаря страстнымъ нападеніямъ радикаловъ, нетерпѣливо ждетъ его распущенія. Оно болѣе чѣмъ когда-нибудь отказываетъ ему во всякой учредительной власти, а между тѣмъ собраніе не можетъ разойтись не позаботясь о завтрашнемъ днѣ. Нашей единственною хартіей, нашей единственною гарантіей политической является въ настоящую минуту такъ-называемая конституція Риве, въ силу которой полномочіе Тьера прекращается за одно съ полномочіемъ депутатовъ, такъ что еслибы собраніе разошлось ничего не учредивъ, то мы снова очутились бы безъ всякаго правительства. Очевидно, что дѣла не могутъ оставаться въ этомъ положеніи. Мы находимся лицомъ къ лицу съ палатой, которая утратила всякую учредительную власть, и которая однако должна же что-нибудь учредить, дабы не оставить позади себя хаоса. Задача слѣдовательно заключается въ томъ, чтобы найти средства продлить настоящее временное положеніе и мало по малу превратить его въ нѣчто окончательное. Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что Тьеръ, который особенно стоитъ за республику, потому что онъ ея президентъ, одну минуту считалъ, что всего проще было бы назначить его пожизненнымъ президентомъ. Нѣсколько словъ попытки было пущено въ этомъ смыслѣ различными газетами, которымъ не чуждо, какъ говорятъ, вліяніе президента. Тьеръ очень стоитъ за реставрацію Тюльери; и злые шутники утверждаютъ, что онъ питаетъ желаніе умереть тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ. Какъ бы то ни было, но мысль о пожизненномъ президентствѣ не была и не могла быть хорошо принята. Преклонный возрастъ президента лишаетъ ее единственной стороны, которая могла бы сдѣлать ее желанною, а именно перспективу

сколькихъ лѣтъ спокойствія. Вмѣстѣ съ этимъ въ ней было нѣчто много болѣе родственное съ цезаризмомъ, тѣмъ съ республикой, тому что сущность республики въ томъ самомъ и состоитъ, что допускаетъ полномочія съ опредѣленнымъ срокомъ или лучше скажемъ полномочія, которыя могутъ быть безконечно возобновляемы, вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣнены во всякую минуту. Внѣ этого нѣтъ республики, ни монархіи, а есть цезаризмъ и византийство. Если удалось провести эту идею, то она принесла бы намъ мало чести. Оно отрекомендовала бы наши республиканскіе таланты. Въ данную минуту этотъ проектъ отвергнуть. Первой мыслью, которая идетъ послѣ этого, это—назначить вице-президента на всякій случай. Объ этомъ уже было говорено, но Тьеръ неизвѣстно почему, возмущился этому. Теперь онъ согласенъ, и нельзя сомнѣваться также о согласіи собранія: по всей вѣроятности оно изберетъ своего собственнаго президента, Греви. Если же не Греви, то навѣрное Казимира Брѣ, который не непріятель лѣвой сторонѣ и который наиболѣе вѣрный и честный новобранецъ республиканскій въ средѣ членовъ праваго центра. Но назначеніе вице-президента не много подаетъ насъ впередъ, потому что полномочіе этого лица окончится вмѣстѣ съ полномочіемъ президента. Оно могло бы выручить лишь въ случаѣ непредвидѣнномъ, какимъ была бы, на примѣръ, смерть Тьера послѣ распущенія собранія. Всего необходимѣе учредить что-нибудь въ время того промежутка, который будетъ раздѣлять два собранія. Всѣмъ тѣмъ большинство рѣшится но это не иначе, какъ если временно передастся республикѣ, и даже по правдѣ сказать, это будетъ пробнымъ камнемъ ея настроенія, потому что если оно сохранило какія-нибудь монархическія заднія мысли, то не захочетъ предоставить Тьеру право направлять выборы. Издавна еще существовала мысль учредить временное правительство на тотъ періодъ времени, который будетъ отдѣлять обѣ палаты. Я склоненъ думать, что оно больше не думаетъ ни о чемъ подобномъ, или лучше сказать, что въ собраніи не найдется большинства—такъ какъ это послѣднее извѣстно,—которое одобрило бы подобную комбинацію. Но въ такомъ случаѣ не существуетъ иного исхода, какъ продлить полномочіе Тьера по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не соберется новая палата.

Но нельзя ограничиться устраненіемъ непредвидѣннаго: надо еще думать, если возможно, будущему собранію стать учредительнымъ, потому что собраніе специально учредительное, даже если бы оно было единодушно въ провозглашеніи и учрежденіи республики, тѣмъ болѣе представляло бы большія затрудненія и громадную опасность, во всякомъ случаѣ вавилонское столпотвореніе, изъ-за кото-

раго потерялось бы много времени и которое кончилось бы тѣмъ, и навлекло бы на насъ неурядицы. Самымъ остроумнымъ средствомъ помочь бѣдѣ, было бы замѣнить полное распуцаніе періодическимъ и постепеннымъ возобновленіемъ собранія. Тогда бы не существовало больше временнаго порядка, устранился бы кризисъ, устранилась необходимость сфабриковать конституцію однимъ духомъ. Пожеланіе Тьера легко могло бы быть возобновлено послѣ каждыхъ выборовъ и собраніе постоянно все одно и то же, но постоянно возобновляемое, мало по малу организовало бы окончательное политическое устройство страны. Такое рѣшеніе вопроса всего болѣе подлечило бы, но противъ него говоритъ непопулярность собранія, нетерпимость французскаго характера и неадаптированность нашихъ республиканцевъ, которые съ трудомъ откажутся отъ удовольствія видѣть, какъ республика будетъ официально провозглашена по всѣмъ правиламъ искусства собраніемъ, специально для этого созваннымъ. Меня одинъ увѣряютъ, что эта мысль пріобрѣтаетъ приверженцевъ и именно въ центръ.

За отсутствіемъ постепеннаго возобновленія, придется придумать что-нибудь иное во избѣжаніе кризиса, которымъ грозитъ учредительное собраніе. Тьеръ, который не мало содѣйствовалъ дискредитированію настоящаго собранія, проникнуть одною мыслью, что оно можетъ разойтись оставивъ за собою пустоту. На-дняхъ вышла книга озаглавленная: „*Vingt mois de présidence*“, и которая содержитъ, если не ошибаюсь, его идеи на этотъ счетъ. Книга издана безъ имени автора, но всѣмъ извѣстна, а я могу гарантировать, что она вышла-подъ пера одного изъ самыхъ близкихъ приближенныхъ президента, Эдмона Тевсье. Надо полагать, что о проявленіи ея было объявлено за-границей заранѣе, потому что мнѣ сообщили, что Россія выписала значительное число экземпляровъ въ ту самую минуту, когда оно появилось и когда еще, такъ сказать, никто не успѣлъ прочесть ее въ Парижѣ. Одинъ петербургскій книгопродавецъ выписалъ пятьсотъ экземпляровъ. Первая часть этого сочиненія показалась довольно посредственной. Авторъ прославляетъ въ ней заслуги Тьера, которымъ общественное мнѣніе охотно отдаетъ справедливость, но слишкомъ вдается въ тонъ панегирика, онъ слишкомъ льститъ Тьеру и, набрасывая блестящую картину, забываетъ указать на нѣкоторыя тѣни въ ней, къ которымъ мнѣ еще придется возвратиться. Напротивъ того, вторая часть, озаглавленная: „*Questions constitutionnelles*“ исполнена интереса, потому что, очевидно, выражаетъ идеи президента объ этихъ вопросахъ. Авторъ прежде всего сообщаетъ намъ, что дѣло идетъ не столько о конституціи, сколько о нѣкоторыхъ органическихъ законахъ.

„Мы не поклоняемся больше, какъ наши отцы,—говоритъ онъ,— учреждениямъ, которыя создаются въ одинъ присѣвъ и скорѣе уничтожаются торжественностью, чѣмъ прочностью“. Органическіе законы, признаваемые необходимыми, касаются четырехъ пунктовъ: вице-президентства, учрежденія второй палаты, способа избранія президента республики и избирательнаго закона. По первымъ двумъ пунктамъ заключенія весьма опредѣленны и проникнуты наивысшимъ достоинствомъ необходимости, которое весьма законно, какъ я уже говорилъ, но крайней мѣрѣ относительно вице-президентства. Что касается верхней палаты, то это, по мнѣнію Тьера и автора, не только важное учрежденіе, но „необходимая, неизбежная пружина въ наемъ конституціонномъ механизмѣ“. Когда припоминаешь безцвѣтную роль, которую играли во Франціи учрежденія этого рода, низкія услуги, оказанныя ими и неустойчивость, выказанную ими критическіе моменты, то нельзя не найти, что авторъ нѣсколько увеличиваетъ вещи. Но учрежденіе второй палаты въ настоящую минуту имѣло бы то великое преимущество, что придавало бы республикѣ характеръ законченности въ организациі и слѣдовательно отдало бы у будущаго собранія всякій предлогъ въ навязыванію себѣ характера учредительнаго. Верхняя палата республики состояла бы изъ двухъ сотъ пятидесяти членовъ, избранныхъ всѣми избирательными вѣдомствами Франціи, генеральными совѣтами, муниципальными совѣтами, торговыми палатами, и проч.

Въ дѣлѣ выбора президента республики авторъ равно устраняетъ и назначеніе собраніемъ, такъ и прямой выборъ посредствомъ публичнаго плебисцита. При первой системѣ исполнительная власть слишкомъ слаба, по его мнѣнію, и это очевидно справедливо въ общемъ смыслѣ; но что касается взаимнаго отношенія Тьера и теперешняго собранія, то оно доказываетъ, мнѣ кажется, противное. При второй системѣ, напротивъ того, президентъ слишкомъ могущественъ и завязываетъ отъ избирательнаго корпуса, слишкомъ доступнаго безразсуднымъ увлеченіямъ. Слѣдуетъ предпочесть смѣшанную систему, которая была принята Соединенными Штатами, и въ силу которой президентъ избирается специальнымъ избирательнымъ учрежденіемъ, которое обязано своимъ происхожденіемъ плебисциту. Несомнѣнно, что такое представительство утрачиваетъ свою силу, по мѣрѣ того какъ остается быть прямымъ, тамъ, гдѣ оно передается черезъ посредниковъ; но авторъ быть можетъ забыть, что американская система давно уже извращена и обойдена, благодаря условнымъ полномочіямъ, навязываемымъ народомъ избирателямъ президента. Эти полномочія не пользуются безусловнымъ полномочіемъ, и суть не что иное, какъ повѣренныя, обязанные исполнять народную волю. То же

самое было бы и во Франціи, гдѣ условныя полномочія уже теперь входятъ въ силу, и гдѣ они естественно вытекаютъ изъ ложной идеи о ненюгрѣшимости народной. Я боюсь, что организація исполнительской власти и ея отношеній къ власти законодательной долго не будетъ служить для насъ камнемъ преткновенія.

Наконецъ, что касается избирательнаго законодательства, то официальный авторъ даетъ намъ понять, что Тьеръ весьма благообразно отказался отъ всякихъ мѣръ, клонящихся къ его ограниченію. Конечно, общая подача голосовъ есть и будетъ еще долго много орудіемъ въ рукахъ такого невѣжественнаго и такого страстнаго народа, какъ нашъ; но до него нельзя касаться, и мы осуждаемъ жить съ нимъ, потому что въ дѣлѣ политическихъ вольностей и когда нельзя отступать назадъ. „Та часть избирателей, которая бы была устранена, говоритъ весьма основательно авторъ, образовала контингентъ недовольныхъ, поддержка которыхъ непременно бы принадлежала или творцамъ государственныхъ переворотовъ сверху, или же зачинщикамъ бунтовъ снизу“. Все, что можно сдѣлать, это смѣнить баллотировку на спискомъ въ департаментахъ, которая действительно представляетъ спеціальныя и весьма важныя неудобства и восстановить избирательныя округа съ миссіей назначать каждому своего представителя.

Итакъ, вотъ программа Тьера. Онъ не предложитъ ее самъ, а за него предложатъ ее его друзья. Я нахожу почти тѣ же самыя идеи въ одной брошюрѣ, которую только-что напечаталъ Эдуаръ Лабулэ. Авторитетъ Лабулэ, нѣкогда весьма значительный среди либеральной партіи, былъ къ несчастію, хотя и справедливо, поколебленъ участіемъ, которое онъ принималъ въ императорскомъ плебисцитѣ 1870-го года, такъ что его брошюра быть можетъ не привлечетъ такого вниманія, котораго заслуживаетъ. Онъ сильно настаиваетъ также на необходимости выработать при участіи теперешняго собранія не то, что-бы правильную конституцію, но то, что необходимо для конституціи, и онъ рекомендуетъ настоятельно учрежденіе второй палаты. Что касается организаціи исполнительной власти, то его идеи объ этомъ кажутся сбивчивыми и неопредѣленными. Но что особенно отличаетъ его отъ публициста, вдохновленнаго Тьеромъ, такъ это то, что онъ желалъ бы подвергнуть учредительные законы, вотированные собраніемъ, на народное утвержденіе, дабы придать имъ большую прочность; я сомнѣваюсь, чтобы это предложение встрѣтило согласіе. Съ одной стороны, плебисциты сильно дискредитированы со времени имперіи; съ другой стороны, результатъ былъ не тотъ, какого ожидаетъ Лабулэ. Народное голосованіе само по себѣ не можетъ служить гарантіей прочности, потому что ничто и никто

и возмѣщаетъ вождямъ партій и агитаторамъ общественнаго мнѣнія вызвать въ сторонѣ рѣшеніе народа, яко бы введеннаго въ заблужденіе и воззвать къ народу просвѣщенному.

Необходимость перейти отъ временнаго порядка къ постоянному, или по крайней мѣрѣ обезпечить переходъ отъ настоящаго собранія къ тому, которое призвано ему наследовать, внушило еще третье предложеніе, ревностно поддерживаемое съ нѣкоторыхъ поръ самымъ важнымъ изъ нашихъ публицистовъ, Эмилемъ де-Жирарденомъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы по-просту безъ затѣй вернуться, будетъ ли онъ въ видѣ временной мѣры или окончательной, къ республиканской институціи 1848-го года, которая, будучи насильственно устранена переворотомъ 2-го декабря, должна считаться существующей по праву. Эта фикція была бы сомнительнаго достоинства; къ тому эта институція одна изъ самыхъ плохихъ и наименѣе практичныхъ, якія когда-либо у насъ существовали. Пришлось бы во всякомъ случаѣ пересмотрѣть ее.

Какъ бы то ни было, эти вопросы не замедлятъ выступить впередъ, какъ скоро палата снова соберется. Конечно, рѣшеніе какое-нибудь будетъ придумано, потому что такое необходимо найти, развѣ только радикалы лѣвой и крайніе правой,—первые изъ желанія добиться учредительнаго собранія, вторые, чтобы помѣшать республикѣ существовать,—составить коалицію, и образовавъ большинство, парализуютъ все. Но мнѣ кажется, такой опасности не существуетъ. Все, напротивъ того, заставляетъ думать, что правый центръ, умѣренный событиями, окончательно восторжествуетъ надъ своимъ обращеніемъ къ республикѣ и успѣетъ образовать значительное большинство вмѣстѣ съ лѣвымъ центромъ и разсудительными членами лѣвой. Я не могу однако утаить, что вначалѣ будетъ много предѣловъ для взаимнаго раздраженія. Различные запросы, могущіе вызвать бурю, стоятъ на очереди. Главнѣйшіе будутъ касаться недавней и злополучной политической поѣздки Гамбетты и истинно неосторожной и неизвинительной рѣчи, которую этотъ пылкій депутатъ держалъ въ Греноблѣ и въ которой онъ не только бранилъ собраніе, но и въ самомъ дѣлѣ возбуждалъ соціальныя классы другъ противъ друга. Тутъ правительство очутится между двухъ огней, такъ какъ правая упрекаетъ его въ солидарности съ главой радикальной лѣвой; лѣвая же, напротивъ того, порицаетъ его за дисциплинарное изслѣдованіе, которому оно подвергло нѣкоторыхъ офицеровъ, слушавшихъ рѣчь Гамбетты. Правда, что по отношенію къ правой, Тьеръ весьма ловко и не безъ успѣха опередилъ обвиненія. Объясненія, данныя имъ въ средѣ постоянной комиссіи, обезоружили политическіе и умѣренныя умы правой, какъ, напр., герцога де-Брольи. Онъ

весьма прямо порицалъ Гамбетту, и лѣвая не особенно разсердилась за это на него, вотому что въ то же самое время она прѣмѣ, чѣмъ когда-либо подтверждавъ необходимость основать республику. Итальяскому положенію его довольно выгодно относительно объѣхъ партій, но тѣмъ не менѣе публичныя пренія могутъ быть цѣлостны. Нѣкоторые члены правой, даже изъ тѣхъ, которые уже примирились съ республикой, весьма раздражены противъ Гамбетты и намѣрены дать ему это почувствовать. Лѣвая не останется въ долгу по части рѣзкихъ выходокъ, и самъ Тьеръ къ несчастію доказалъ неоднократно примѣрами, что онъ не всегда господинъ своихъ рѣчей. Этыхъ запросовъ ждутъ не безъ тревоги.

Другой запросъ, интересный во многихъ отношеніяхъ, будетъ касаться недавняго изгнанія принца Жерома-Наполеона. Вы уже конечно знаете въ чемъ дѣло. Принцъ прѣхалъ во Францію съ паспортомъ, который былъ выданъ ему въ прошломъ году для поѣздки въ Корсику и который сохранялъ еще свою силу какъ разъ еще на нѣсколько дней. Онъ, разумѣется съ намѣреніемъ, прѣхалъ въ сопровожденіи своей жены, принцессы Клотильды, дочери итальянскаго короля. Цѣлюю его поѣздки было, по его словамъ, желаніе прискаты учебное заведеніе для своихъ дѣтей; правительство же видитъ въ ней бонапартистскіе происви. Есть конечно доля правды въ этомъ обвиненіи: предполагаютъ, что принцъ привезъ инструкціи изъ Чайельсгерста для различныхъ группъ бонапартистовъ, которыя расходились другъ съ другомъ и которыя слѣдовало примирить и соединить вокругъ одного общаго лозунга. Это можетъ быть вѣрно, но тѣмъ не менѣе я полагаю, что правительство, которое уже неоднократно дозволяло принцу Наполеону проникать во Францію, лучше бы сдѣлало, если бы игнорировало его присутствіе или бы дождалось, чтобы онъ попался съ поличнымъ на какой-нибудь бонапартистской сходкѣ. Присутствіе принцессы Клотильды, которую правительство нисколько не желало задѣвать, но которая, само собой разумѣется, не захотѣла отдѣлиться отъ мужа, придадо правительственной мѣрѣ грубый и безтактный характеръ; хотя Италия не протестовала и не могла протестовать, но Тьеру бытъ можетъ слѣдовало принять это обстоятельство во вниманіе, особливо въ виду нѣсколько натянутыхъ отношеній нашихъ къ этой державѣ. Весьма вѣроятно, что президентъ, какъ это съ нимъ бываетъ иногда, поступилъ нѣсколько *ab irato*. Но, сказавъ это, спѣшу оговориться, что разумные люди не присоединяли своего голоса къ оглушительнымъ воплямъ нѣкоторыхъ бонапартистскихъ, легитимистскихъ и даже орлеанистскихъ газетъ, которымъ вторили увлеченные ихъ примѣромъ глупцы. Слишкомъ очевидно, что члены бонапартовской фамиліи не такіе граждане, какъ

другие, и изъ того, что правительство не требовало примѣненія нѣмъ закона объ изгнаніи, котораго неизрѣменно добилось бы въ нѣмомъ году, вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно было свободно отъ всякаго права и долга наблюдать за ними. Въ случаяхъ подобнаго тому, политическія соображенія ставятся всегда выше законовъ общаго права. Возможно, что правительство прибѣгло къ безполезной мѣрѣ; возможно, что оно поступило неполитично, но оно несомнѣнно имѣло право поступить такъ, какъ оно поступило на свой собственный страхъ. Не говоря уже о томъ, что выходитъ слишкомъ явное противорѣчіе, когда кто-либо изъ Бонапартовъ жаждетъ на произволъ. Вы можете однако увѣрены, что протестъ его, внесенный въ собраніе, сдѣлать тамъ отголоски, какихъ не нашелъ бы въ прошломъ году, когда его съ презрѣніемъ устранили бы. На этотъ разъ найдутся люди правой, которые станутъ его поддерживать, подобно тому какъ поддерживали въ средѣ постоянной коммисіи. Не существуетъ совсѣмъ нѣтъ никакихъ шансовъ на то, чтобы правительству высказано было признаніе за это дѣло, ни чтобы ему пришлось имѣть дѣло съ меньшинствомъ мало-мальски значительнымъ и грознымъ. Для этого, мнѣ кажется, коалиція между бонапартистами и остальными монархистами не достаточно еще сильна въ палатѣ.

Живи мы въ обыкновенное время и будь наше правительство такое же, какъ и всякое другое, то ему грозила бы въ настоящую минуту другого рода опасность, которая могла бы погубить его. Ни одинъ британскій кабинетъ не выдержалъ бы того, что случилось съ Тьеромъ. Экономическая и фискальная система, которой увлекся Тьеръ, и основная идея которой заключается въ мнимомъ покровительствѣ національной промышленности,—эта система, которую онъ защищалъ съ такою ловкостью, самоувѣренностью и настойчивостью и которую собраніе, выбившись изъ силъ, приняло наконецъ, пережила всего нѣсколько мѣсяцевъ и уже провалилась, осуждена и обречена на смерть. Одинъ изъ законовъ, съ ней связанныхъ, тотъ, который имѣлъ за собою цѣлью покровительство торговому флоту, можетъ уже теперь считаться покончившимъ свое существованіе и всеконечно будетъ отбрасываемъ въ теченіи парламентской сессіи, которая должна открыться въ непродолжительномъ времени. Это не помѣшало ему уже причинить значительное зло, вызвать единодушный протестъ въ торговлѣ и навлечь весьма чувствительное возмездіе. Система заключалась въ томъ, чтобы возстановить въ пользу французскаго флота и въ ущербъ флотамъ иностраннымъ дополнительныя пошлины съ флаговъ и на гаузовъ, и обложить очей высокой пошлиной *французизацію* иностранныхъ судовъ, то-есть приобрѣтеніе французами кораблей, построенныхъ въ сосѣднихъ странахъ. Вамъ, конечно, понятенъ наивный эво-

номическій смыслъ этого закона: желали предоставить французскимъ кораблямъ монополію французскихъ портовъ, не спросивъ себя, достаточно ли существуетъ французскихъ кораблей, чтобы удовлетворить нужды французской торговли. Въ то же самое время, облага пошлиной иностранныя суда, надѣялись, что они будутъ приходить въ такомъ числѣ, что дополнительная поштина займетъ почти мѣсто въ бюджетѣ. Желали также, чтобы всѣ суда, служащія французской торговлѣ строились во Франціи, но нисколько не озабочались узнать, такъ ли же дешевы строительные матеріалы во Франціи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и не подвергнутся ли они вздорожанію благодаря дѣйствию закона на сырье. Это еще не все: въ силу торговыхъ договоровъ, которые сохраняютъ въ настоящее время всю свою силу, большинство иностранныхъ державъ вовсе не были обязаны признать новый законъ обязательнымъ для своихъ судовъ. Превителство льстило себя надеждой, что онѣ подчинятся изъ снисзанія къ Франціи и даже утверждало это съ трибуны. Оно очень ошиблось. Публикація послѣдней австрійской *красной книги*, и именно депеша графа Андраши и весьма ясная и опредѣленная депеша Бисмарка доказываютъ, что въ международныхъ сношеніяхъ ничего не произошло такого, что бы могло заставить одну минуту надѣяться на отреченіе со стороны иностранныхъ державъ отъ правъ, которыя имъ отведены торговыми договорами. Пришлось признать, что дополнительные поштины не могли быть примѣнены ни къ австрійскимъ, ни къ нѣмецкимъ, ни къ русскимъ, ни къ итальянскимъ, ни къ испанскимъ судамъ и проч. Короче говоря, одни англичане и греки ушли отъ новаго закона. Но что же дѣлаютъ греческіе арматоры? Прибѣгаютъ ко всякимъ уловкамъ, чтобы уклониться отъ французскаго фиска. Одни, не желавшіе разорвать сношенія съ Марселемъ, денационализировали свои корабли, запасшись австрійскими или итальянскими бумагами. Другіе сдѣлали еще хуже съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ. Они покинули Марсель для Генуи, которая уже грозитъ нашей средиземной торговлѣ самой опасной конкуренціей. Англичане, точно также недовольные, не замедлили покинуть наши Ламанскіе порты для портовъ Бельгіи. Арматоры нашихъ сѣверныхъ департаментовъ, даже тѣ, которые радовались пошлинѣ, не замедлили признать свою ошибку и преслѣдуютъ превителство своими жалобами. Булонскіе коммерсанты горюютъ, что весь транзитъ съ юга и съ запада на сѣверъ и обратно, который они нѣкогда пользовались, идетъ теперь черезъ Бельгію, Эльзасъ-Лотарингію, Швейцарію и Италію. Руанскіе негодіанты, преданные протекціонизму по преданію, не замедлили сообразить, что дополнительная поштина на флагъ весьма вредно сказывается на нѣм-

Очевидность раскрыла имъ глаза. Нормандія ведетъ съ Англійей обширную торговлю съѣстными припасами. Между тѣмъ мы видимъ, какъ я уже сказалъ, что жатва у насъ богатая, англичане же, напротивъ того, нуждаются въ хлѣбѣ; слѣдовательно для насъ весьма выгодная операція продать по дорогой цѣнѣ нашъ хлѣбъ англичанамъ, которые въ немъ нуждаются. Но англійскія суда, обязанныя платить высокую пошлину, чтобы входить въ наши порты, естественно предпочитаютъ снабжаться припасами въ Остенде, Антверпенѣ, Амстердамѣ и даже въ Гамбургѣ, гдѣ они не платятъ никакой пошлины. Такимъ образомъ, дополнительная пошлина съ флаговъ является въ данномъ случаѣ ничѣмъ инымъ какъ преміей, которую французская казна выплачиваетъ земледѣльцамъ Бельгій, Фландін и Германіи, за тѣмъ, чтобы они вытѣснили наши естественныя произведенія съ иностранныхъ рынковъ. Наши нормандцы не замедлили это понять и теперь подписываютъ петицію къ Тьеру, въ которой просятъ, хотя бы на время отмѣнить дополнительную пошлину, чтобы они могли перевозить свои припасы. Совсѣмъ тѣмъ Тьеръ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ своихъ экономическихъ соображеній, что плачь французской торговли быть можетъ оказался бы безуспѣшенъ поколебать его. Но дѣло въ томъ, что въ настоящее время ведутся переговоры съ англичанами о новомъ торговомъ договорѣ, и послѣдніе особенно несговорчивы, потому что дополнительная пошлина на флаги раздражаетъ ихъ. Чтобы добиться отъ нихъ взаимности въ уступкахъ, Тьеру пришлось уступить въ вопросѣ о флотѣ, и онъ предложилъ отмѣнить относительно ихъ дополнительную пошлину. Но развѣ можно дѣлать изъ общей мѣры исключеніе для одной какой-нибудь націи? Кромѣ того дополнительная пошлина не выгодна не для однихъ иностранныхъ судовъ, какъ уже было сказано. Марсельскіе порты жалуются еще громче, чѣмъ порты Нормандіи и Па-де-Кале. Слѣдовательно, дополнительная пошлина должна быть безусловно отмѣнена вмѣстѣ съ остальными статьями закона о торговомъ флотѣ, который собраніе вотировало противъ воли, потому что Тьеру врядъ ли удастся защитить это дѣло. Запретительныя мѣры, слѣдующія приобрѣтеніе иностранныхъ судовъ французами, еще некомпенсире дополнительной пошлины на флаги. Существуетъ только одно средство заставить французскихъ арматоровъ довольствоваться судами, построенными во Франціи, — это дать возможность французскимъ строителямъ строить суда также дешево, какъ и за границей. Внѣ этого условія все фиктивно и разорительно. Но французскихъ строителей душитъ законъ о сырѣ и всѣ другія запретительныя мѣры, которыя содержатся въ нашемъ промышленномъ законодательствѣ. Никогда принципы свободы торговли не превѣрялись

столь быстро и столь блистательно, какъ въ томъ отноше́нн, которы мы теперь дѣлаемъ въ ущербъ себѣ. Самъ законъ о сѣрѣ, который является краеугольнымъ камнемъ системы Тьера, повидимому далъ не лучшіе результаты, чѣмъ важнѣе о торговомъ флотѣ. Торговля отъ него страдает и кажется, что до сихъ поръ онъ не принесъ почти никакихъ доходовъ казнѣ. Вначалѣ ничтожность доходовъ объясняли запасами, которыя торговля должна была будто бы слагать въ предвидѣніи закона; но эти запасы не могутъ же длиться вѣчно, а между тѣмъ доходовъ все нѣтъ какъ нѣтъ, и это обстоятельство можно объяснить лишь застоємъ въ дѣлахъ. Поэтому мы не удивились, прочитавъ совсѣмъ недавно въ одной газетѣ, непосредственно вдохновляемой президентомъ республики, статью очевидно предназначенную подготовить умы къ общей переборкѣ финансовыхъ законовъ, доселѣ востерованныхъ. Это будетъ лишней заботой парламента, которому было бы довольно дѣла и по части политическаго. Поиогрѣю, если бы положеніе дѣлъ во Франціи было нормальнымъ, Тьеръ пагъ бы подъ бременемъ своихъ ошибокъ и заблужденій, въ которыхъ онъ одинъ отвѣтственъ. Но наше положеніе исключительное, мы нуждаемся въ Тьерѣ и должны прощать ему многое, потому что не можемъ обойтись безъ него. Къ тому же Франція такъ богата, такъ богата, что можетъ, не взирая на миллиарды долга, полатиться за экономическія ошибки своего правительства, подобно тому какъ въ бывшее время платилась за его слабость. Наконецъ, финансовые вопросы считаются второстепенными въ глазахъ нашихъ партій, которыя всѣ, начиная съ правой и кончая лѣвой, согласились бы платить вдвое больше налоговъ, лишь бы ихъ политическая система, республика, имперія или монархія, восторжествовала. Но тѣмъ не менѣе всѣ эти экономическія неудачи, которыхъ было бы такъ легко избѣжать, являются именно тѣми тѣнями, о которыхъ я упоминалъ выше и которыхъ панегиристъ Тьера не показываетъ въ своей картинѣ: „*Двадцать мѣсяцевъ президентства*“.

Я счастливъ, что могу противопоставить имъ, хотя совсѣмъ въ иной, но не менѣе важной сферѣ, нѣчто весьма удачное, на мой взглядъ, и весьма блестящее; я говорю про реформы, введенныя недавно министромъ народнаго просвѣщенія въ методы и способы преподаванія во второстепенныхъ заведеніяхъ. Тутъ остается только хвалить. Эта реформа представляется мнѣ наилучшей и наипразумнѣйшей изъ всѣхъ реформъ, какія только совершены правительствомъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы удовлетворить требованіямъ современнаго и практическаго воспитанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвести законное и полезное мѣсто изученію древнихъ языковъ. Министръ руководился тѣми принципомъ, что древнихъ писателей изучаютъ для того, чтобы

читать ихъ, а не подражать имъ. Никому въ девятнадцатомъ столѣтіи не предстоитъ писать латинскихъ стиховъ, ни даже латинской прозы. Поэтому министръ отмѣнилъ скучныя занятія стопосложными и римоплетствомъ, которыя были такъ дороги университетской рутинѣ, но приводили съ большой потерей времени только къ разучиванію особеннаго языка, вполне незнакомаго Цицерону и Квинтилиану, и который зовется у насъ „кухонной латынью“. Время, выгаданное вслѣдствіе отмѣны этой рутинны, посвящается съ одной стороны къ объясненію древнихъ писателей, что собственно только и нужно, а другой стороны, изученію живыхъ языковъ, которое наконецъ падаетъ въ дѣйствительность. Географія, изученіе которой сведено было на нѣтъ не только въ лицеяхъ, но и въ специальныхъ заведенияхъ, какovy Сен-Сирское училище, получить то значеніе, какое ей принадлежитъ и въ которомъ мы убѣдились горькимъ опытомъ въ послѣднюю войну, когда многіе изъ нашихъ генераловъ и офицеровъ не умѣли нигдѣ ориентироваться и когда генералы, которымъ поручена была защита Парижа, не знали топографіи его окрестностей. Реформа Жюльа Симона есть дѣло прилежнаго и методичнаго ума, который проникъ въ самую суть своего предмета, руководясь всѣми выгодами опыта. Сочиненіе молодого и талантливаго профессора въ *Collège de France* Мишеля Бреала, которое появилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и разбирало вопросъ со всѣхъ сторонъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла, очевидно оказало ему большую услугу. Но дѣло еще не кончено. Въ виду реформы университетъ раздѣлился на два лагеря, которые можно назвать въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ молодымъ и старымъ. Молодые рукоплещутъ и выказываютъ большое усердіе; старые горюютъ и неохотно содѣйствуютъ организаціи и успѣху новаго преподаванія. Предстоитъ борьба, которая можетъ продлиться нѣсколько лѣтъ...

Н.



РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „*Задачи Психологiи*“.

Принадлежа, подобно г. Кавелину, къ числу людей, считающихъ психологiю неустановившейся наукой, и будучи, какъ онъ, убѣжденъ, что время для ея научной разработки уже наступило, я принялъ съ особеннымъ удовольствiемъ его любезное приглашенiе дѣлать замѣчанiя на его книгу; — тѣмъ болѣе, что при этомъ случаѣ и удастся, можетъ быть, хоть нѣсколько разсвѣтъ тѣ превратныя понятiя, которыя существуютъ, въ сожалѣнiю, въ публикѣ, и между прочимъ у самого г. Кавелина, относительно тѣхъ конечныхъ дѣлъ, которыя ставитъ себѣ современная физиолого-психологическая школа. При этомъ смѣю надѣяться, что какъ бы рѣзки ни показались Кавелину мои нападки на его основныя положенiя (конечно, не въ тонѣ, а по сути дѣла), онъ не припишетъ ихъ ничему другому, кромѣ искренняго и горячаго желанiя служить правдѣ. Въ такомъ дѣлѣ, какъ наше, руководящимъ мотивомъ можетъ быть только желанiе выяснитъ истину. Имъ однимъ я и руководствуюсь.

I.

Между всѣми отраслями человѣческихъ знанiй едва ли найдется наука, судьба которой была бы до такой степени странна, какъ судьба психологiи. Материалъ, надъ которымъ она работаетъ — продукты самосознанiя или самонаблюденiя, провѣряемые подобными же наблюденiями другихъ людей или собственными и чужими поступками — доступенъ ежеминутно человѣку, чуть не со времени его явленiя на землѣ. Это не то, что, напр., кропотливый вѣковой трудъ химiи, которая должна была создать и до сихъ поръ продолжаетъ создавать себѣ самый материалъ изслѣдованiя (всѣ почти газы, за исключенiемъ газовъ воздуха и немногихъ другихъ, вырывающихся изъ земли, всѣ почти металлы, за исключенiемъ благородныхъ, не поддающихся въ чистомъ состоянiи, были найдены искусственнымъ путемъ). И нельзя сказать, чтобы психологическiй материалъ, собранный путемъ самонаблюденiя и наблюденiй надъ другими, оставался не утилизованнымъ балластомъ, сбродомъ безсвязныхъ наблюденiй и выводовъ. Нѣтъ, человѣкъ уже въ древности сталъ изучать свою духовную сторону, выходя изъ продуктовъ самонаблюденiя. Онъ воз-

мѣтилъ и самое вѣднѣе выраженіе психическихъ движеній у чело-
вѣка, доказательствомъ чего служатъ великія произведенія древней
скульптуры. Далѣе, знаніе человеческого сердца лежитъ въ основѣ
всѣхъ законодательствъ и всѣхъ литературныхъ произведеній всѣхъ
временъ и народовъ; и какими глубокими знатоками этого сердца
являются по временамъ моралисты въ родѣ Конфуція и поэты въ
родѣ Шекспира! Всякій, читавшій произведенія великихъ художни-
ковъ, конечно чувствовалъ, какою глубокою жизненной правдой ды-
шатъ создаваемые ими типы. И вѣдь созданія эти не фотографическое
воспроизведеніе дѣйствительности; — нѣтъ, художникъ задумываетъ
характеръ сначала лишь въ общихъ чертахъ, и уже потомъ, на ос-
нованіи психологическихъ знаній, вкладываетъ въ него извѣстныя
чувства, мысли и заставляетъ его дѣйствовать извѣстнымъ образомъ.
Съ виду это своего рода предсказаніе будущихъ явленій на осно-
ваніи знакомства съ производящими причинами—этотъ пробный камень
истиннаго знанія.

Но и этимъ дѣло не ограничивается: надъ психологіей, какъ
наукой, работали умы изъ самыхъ крупныхъ отъ Аристотеля до
Канта...

И между тѣмъ, психологія до сихъ поръ неустановившаяся наука,
и доказать это можно очень наглядно въ нѣсколькихъ словахъ.

Если взять любого изъ патентованныхъ психологовъ, напр.,
какого-нибудь профессора психологіи, и спросить его по совѣсти,
устроиваетъ ли онъ свою внутреннюю жизнь на основаніи данныхъ,
выработанныхъ его наукой, или же руководствуется психологическими
правилами, выработанными обыденной жизнью, безъ провѣрки ихъ
наукой,—всякій долженъ будетъ отвѣтить, что онъ живетъ на по-
слѣдній ладъ. Да и можетъ ли быть иначе? Если бы психологи жили
по-научному, то результаты ихъ образа жизни давно бы проникли
въ публику, подобно тому, какъ въ нее проникаютъ свѣдѣнія, выра-
ботываемыя гигиеной и діететикой, хотя эти науки принадлежатъ
тоже къ крайне мало развитымъ. Кромѣ того, попробуйте поговорить
объ одномъ и томъ же предметѣ съ психологами разныхъ школъ,—
что ни школа, то новое мнѣніе; а заведите для сравненія рѣчь хоть
напр. о звукѣ, свѣтѣ, электричествѣ съ любымъ физикомъ любой
страны—отъ всѣхъ въ сущности получите одинаковые отвѣты.

Что же за причина, что психологію до сихъ поръ нельзя назвать
наукой? Вотъ какъ рассуждаетъ объ этомъ предметѣ г. Кавелинъ въ
своей книгѣ:

Человѣческое сознаніе переполнено, такими фактами, выводы изъ
которыхъ постоянно противорѣчатъ себѣ: человѣкъ сознаетъ себя
цѣльнымъ, единичнымъ и въ то же время отличаетъ въ себѣ два со-
вершенно различныхъ начала, духовное и тѣлесное; онъ сознаетъ

свою духовную свободу, и рядомъ съ этимъ видить, какое громадное влияние оказываютъ тѣло и вообще внѣшнія условія на душу; власть души надъ тѣломъ представляется ему съ неудержимой ясностью, но въ то же время онъ сознаеть, что послѣднее дѣйствуетъ по непреложнымъ законамъ, роковымъ образомъ (стр. 14 и 15).

Изъ этихъ противорѣчій, продолжаетъ г. Кавелинъ—родились, какъ желаніе объяснить ихъ, три главнѣйшихъ формы философскихъ ученій: дуализмъ, спиритуализмъ и материализмъ. Послѣдніе два стремились объяснить всѣ явленія духовнаго и матеріальнаго міра изъ одного общаго начала — идеалисты изъ духовнаго, а материалисты изъ матеріальнаго (стр. 15). Идеализмъ, перетолковавшій и исказившій глубокія наблюденія Канта, быстро развился и быстро угасъ, договорившись въ ученіи Гегеля до несообразностей и нелѣпостей, которыя открыли наконецъ всѣмъ глаза на ложность основнаго начала идеалистическихъ воззрѣній (стр. 16).

Материализмъ же, въ свою очередь ошибочно истолковавшій геніальныя изслѣдованія Локка, оказался живучѣй. Въ настоящее время онъ старается примкнуть къ положительному знанію и естественнымъ наукамъ (стр. 16); но изъ критики его основныхъ доводовъ (стр. 27—35) оказывается, что дни и этого ученія уже сочтены, такъ какъ положительныя науки подкопали мало по малу всѣ основанія, на которыхъ оно еще все-какъ держалось, и непрочный обманчивый союзъ его съ естествознаніемъ только ускорить его паденіе.

Такъ какъ, по словамъ г. Кавелина, мы живемъ на развалинахъ этихъ противоположныхъ другъ другу, но одинаково фальшивыхъ взглядовъ (стр. 16), то и понятно, что психологіи, какъ науки, не существуетъ.

Ниже я постараюсь показать, что къ этому разъясненію дѣл слѣдуетъ прибавить очень многое, притомъ крайне существенное; теперь же перехожу къ описанію средствъ, предлагаемыхъ г. Кавелинымъ для возведенія психологіи на степень положительной науки.

И въ его научной постройкѣ краеугольнымъ камнемъ всего зданія являются тѣ многочисленныя факты, собранныя житейскою мудростью, которыми съ одной стороны для сознанія опредѣляются рѣзкія разницы между матеріальными и психическими явленіями, съ другой—выясняется тѣсная связь, существующая между душой и тѣломъ. Фактами этого рода, извѣстными впрочемъ всякому образованному человѣку, переполнена вся его книга. Но одними такими показаніями голоса сознанія г. Кавелинъ не довольствуется. Рядомъ съ тѣмъ, какъ онъ критикуетъ основные доводы материализма, направленные противъ души, какъ отличнаго отъ тѣла, самостоятельнаго, самодѣтельнаго и свободнаго начала (стр. 27—35), душа съ сказанными свойствами вытекаетъ у него, какъ логическій выводъ,

въ несостоятельности отрицающихъ ее доводовъ. Дальнѣйшій ходъ мысли у г. Кавелина таковъ:

„Хотя душа и тѣло отличны другъ отъ друга, но въ виду многочисленныхъ фактовъ, указывающихъ на ихъ тѣсную связь и глубокое взаимодѣйствіе, они не могутъ быть противоположны другъ другу и должны быть разсматриваемы, какъ *видоизмненія одного и того же начала* (стр. 55)“. (Этимъ г. Кавелинъ очевидно думаетъ сравнить тотъ давній предлогъ къ спору о началахъ, который, в его мнѣнію, до сихъ поръ раздѣляетъ психологовъ на два враждебныхъ лагеря, на идеалистовъ и материалистовъ.)

Затѣмъ у г. Кавелина идетъ вопросъ о способѣ разработки психологии, который сдѣлалъ бы изъ нея положительную науку.

Признавая съ одной стороны заслуги физиологии въ дѣлѣ изученія материальныхъ субстратовъ психическихъ явленій, съ другой стороны, что душа и тѣло связаны въ человѣкѣ *непосредственнымъ, истиннымъ органическимъ* образомъ, онъ полагаетъ, что психология должна созидаться совмѣстными усилиями психологовъ, изучающихъ истинно психическіе факты, и физиологовъ, изучающихъ материальную отладку ихъ (стр. 53). Такое раздѣленіе труда опредѣляется, по г. Кавелину, тѣмъ, что психическіе факты, будучи недоступны реальному изслѣдованію, открыты одному лишь психическому зрѣнію (стр. 50).

Вопроса о разработкѣ материальныхъ субстратовъ психическихъ явленій г. Кавелинъ конечно не касается; но по отношенію къ изслѣдованію психическихъ фактовъ, при помощи психическаго зрѣнія, него встрѣчаются слѣдующія соображенія:

Такъ какъ внѣшній міръ извѣстенъ намъ только по производимымъ имъ на насъ впечатлѣніямъ, которыя представляютъ явленія психическаго свойства (стр. 22), поэтому различіе, предполагаемое между материальнымъ и психическимъ міромъ, на самомъ дѣлѣ сводится къ различію между психическими данными, хотя и различныхъ порядковъ, но по существу своему однородными (стр. 52).

Такъ какъ, съ другой стороны, внѣшнія проявленія человѣческаго (да въ наукѣ, исторіи, искусствахъ, промышленности и проч. явленія) подвергаются научной обработкѣ, подобно материальнымъ объектамъ естествознанія, т.-е., явленія эти устанавливаются въ ихъ объективной дѣйствительности, очищаются отъ постороннихъ прилѣсокъ, произвольныхъ толкованій и пр. (стр. 23); поэтому психическіе факты совсѣмъ не такъ шатки и недоступны для *положительнаго* изученія, какъ многіе думаютъ, и такъ-называемыя положительныя точныя науки не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакого преимущества передъ науками о психической сторонѣ человѣка. Какъ тѣ, такъ и другія, основываютъ свои выводы на критически обработанныхъ впечатлѣніяхъ (стр. 24). Отсюда уже ясно видно, что

главнѣйшимъ матеріаломъ для изученія психическихъ фактовъ г. Кавелинъ считаетъ проявленія человѣческаго духа въ наукахъ, искусствахъ, промышленности и пр.; методъ же разработки долженъ быть такъ-называемый критическій.

Понятно также, что на основаніи только-что приведенныхъ выдержекъ, относительно характера такого изученія, психологія, какъ наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ (стр. 11) должна слѣжаться *положительной* наукой.

Здѣсь мы пока и остановимся, чтобы разобрать по порядку всѣ элементы психологической системы г. Кавелина, т.-е. исходныя точки, приводящія его къ отличенію въ человѣкѣ двухъ началъ, и затѣмъ его взглядъ на способъ разработки психическихъ фактовъ.

Теперь я постараюсь доказать: 1) что исходныя пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ у г. Кавелина (а слѣдовательно и у отжившихъ идеалистовъ и у отживающихъ матеріалистовъ) не аксіомы и требуютъ строгой научной провѣрки; 2) что г. Кавелинъ, переходя отъ конкретныхъ фактовъ сразу къ общимъ началамъ, впадаетъ въ ту же громадную ошибку, которая погубила всю философію. Такимъ образомъ, здѣсь вмѣстѣ съ разборомъ исходныхъ пунктовъ системы г. Кавелина, у меня будутъ разъяснены причины, почему философскія ученія, на обломкахъ которыхъ мы живемъ, рушились и оставили психологію непочатой наукой.

Главнѣйшихъ поводовъ къ отличенію въ человѣкѣ двухъ началъ у г. Кавелина три (о прочихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ): 1) различіе для сознанія между чисто психическими актами, какъ мысль, и впечатлѣніями отъ своего тѣла, подобными впечатлѣніямъ отъ внѣшняго міра; 2) сознаніе человѣкомъ духовной свободы по отношенію къ мыслямъ, чувствамъ и 3) къ поступкамъ.

Послѣдніе два рода фактовъ ведутъ къ разбираемому выводу на томъ основаніи, что тѣло сознается въ то же время подчиненнымъ непреложнымъ законамъ матеріальнаго міра.

Г. Кавелинъ конечно согласится, что если имѣть въ виду только *сознаваемыя* человѣкомъ отличія между чисто психическими фактами и такъ-называемыми впечатлѣніями отъ внѣшняго міра, то отличія эти во всякомъ случаѣ будутъ *продуктами одного только собственнаго самосознанія*. Что же касается до увѣренности въ томъ, что всякій человѣкъ сознаетъ эти различія одинаковымъ образомъ, то она основывается на двухъ фактахъ: а) на словесныхъ показаніяхъ людей, что реально-видимое, слышимое, осязаемое и проч. выражается болѣе рѣзкими признаками въ сознаніи, чѣмъ представленія, въ формѣ мысли, о тѣхъ же видѣнныхъ и слышанныхъ предметахъ; б) на томъ, что люди вообще разво реагируютъ на реальныя впечат-

и на воспроизведенія ихъ въ формѣ мысли. Человѣкъ, видя на землѣ камень, который ему нравится, подниметъ его съ земли, а если бы онъ узналъ объ этомъ самомъ камнѣ, онъ не сдѣлаетъ никакого движенія. Есть, правда, еще и третій критерій, которымъ человѣкъ пользуется для отличенія мысли отъ реального впечатлѣнія—это сравненіе условій происхожденія того и другого акта, приводящее къ заключенію, что реальное впечатлѣніе всегда предполагаетъ реальный объектъ, какъ производящую причину, а дума о видѣнной вещи возможна и безъ того, чтобы послѣдняя была передъ глазами. Но если задуматься хоть немного въ дѣло, то легко убѣдиться, что этотъ критерій не усиливаетъ, а наоборотъ ослабляетъ различіе, давая сознанию возможность какъ-будто объяснить его ¹⁾.

Изъ голоса самосознанія, при помощи приведенныхъ провѣрокъ на другихъ людяхъ, и выводится *убѣжденіе*, что между чисто психическими фактами мышленія и реальными впечатлѣніями существуетъ *фактическое различіе*.

Посмотримъ однако, можно ли довѣряться безусловно приведеннымъ провѣрочнымъ фактамъ.

Если человѣкъ говоритъ вамъ, что въ одномъ случаѣ ошущеніе у него ярко, въ другомъ значительно слабѣе, то на этомъ дѣло и кончается; насколько оно одинъ разъ ярче, другой—слабѣе, судить мы не можемъ. Знаемъ только изъ общечитія, что есть люди способные очень рѣзко вообразить себѣ видѣнное или слышанное и есть такіе, которые на воображеніе тупы. Стало быть, въ дѣлѣ *яркости*, единственномъ *сознаваемомъ* отличіи между реальнымъ впечатлѣніемъ и его воспроизведеніемъ, существуютъ крайнія градаціи, отъ случая тупого воображенія до болѣзненныхъ галлюцинацій. Гдѣ же та пропасть, которая отдѣляетъ, по мнѣнію г. Кавелина, физическія ошущенія отъ воспроизведеній ихъ въ формѣ мысли?

Но, можетъ быть, критерій для ихъ различенія данъ разницей въ реакціяхъ человѣка на реальные и воспроизводимыя впечатлѣнія?

И въ этомъ отношеніи между людьми обазываются такія же, притомъ совершенно параллельныя различія, какъ и въ дѣлѣ яркости воспроизведенія. У живого человѣка воспоминаніе объ отврати-

¹⁾ При этомъ я считаю необходимымъ слѣдующую оговорку. Для того, чтобы дѣло различенія психическихъ фактовъ отъ реальныхъ впечатлѣній не было пустой забавой, слѣдуетъ сравнивать между собой однородныя величины: реально видимое съ образными представленіями, реально слышимое на словахъ съ мыслями въ формѣ словъ и пр. Если же сравнивать между собой видимое глазами съ представленіями о томъ же на словахъ, а тѣмъ болѣе съ какимъ-нибудь отвлеченнымъ мышленіемъ о предметѣ, неимѣющимъ ничего общаго съ видѣннымъ, напр., сравнивать впечатлѣніе отъ дерева съ мыслью о китайскомъ императорѣ, то это будетъ случай сопоставленія несоизмѣримыхъ величинъ.

тѣлномъ можетъ вызвать тошноту, или по крайней мѣрѣ гримасу соответствующую тошнотѣ; воспоминаніе объ ужасномъ вѣнчаніи дрожь въ тѣлѣ; когда живой человѣкъ рассказываетъ о событіи, онъ невольно повторяетъ тѣ движенія глазъ, рукъ и ногъ, которыя действительно имѣли мѣсто ¹⁾).

Итакъ, объ провѣркахъ не указываютъ тѣхъ глубокихъ различій, которыми руководствуется г. Кавелинъ вслѣдъ за отжившими философскими школами. Если же эти различія кажутся ему очень важными, то это или особенность его личной организаціи, или результатъ сопоставленія между собою несомнѣваемыхъ случаевъ. Последняго я, конечно, не допускаю, и потому мнѣ остается думать, что г. Кавелинъ послушался голоса самосознанія; о самосознаніи же онъ самъ говоритъ (стр. 21) такъ: *„если бы одно только сознаніе устало и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ, точномъ или изслѣдованіи“*.

Первый доводъ къ различенію въ человѣкѣ двухъ началъ такимъ образомъ устраненъ.

Второй пунктъ есть власть человѣка надъ мыслью и чувствомъ, неимѣющая никакой аналогіи во внѣшнемъ мірѣ и тѣлѣ.

Г. Кавелинъ принадлежитъ къ философской школѣ, принимающей существованіе такой власти, но самъ же онъ упоминаетъ, на стр. 126-й своей книги, что существуетъ и противоположное мнѣніе, въ томъ довольно распространенное.

Ясно, что по словамъ самого же г. Кавелина второй пунктъ шестой

критиковать здѣсь третій пунктъ было бы слишкомъ долго, поэтому я отсылаю читателя къ концу этого сочиненія, гдѣ весь вопросъ разобранъ систематически, и гдѣ я стараюсь показать, что доказывается голосу самосознанія и въ этомъ послѣднемъ пунктѣ опасенія

Но, положимъ даже, что не только этотъ третій пунктъ, но и предыдущіе — аксіомы, и тогда г. Кавелинъ все-таки погубилъ всю свою систему своимъ дальнѣйшимъ шагомъ, именно переходомъ сразу, съ-плеча, отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, с

¹⁾ Не могу не вспомнить по этому поводу слѣдующаго случая: разъ ко мнѣ приходилъ незнакомый мнѣ врачъ и просить меня объяснить явленіе, которое онъ не могъ воспроизвести на себѣ передъ моими глазами. Я попросилъ сдѣлать опытъ. Онъ, снявъ рукавъ, подержалъ голую руку съ полминуты передъ моими глазами и на ней появилась мало по малу гусиная кожа, какъ отъ холода, хотя въ комнатѣ было тепло. Зная, что мышцы кожи, производящія это явленіе, не подчинены волѣ, я сказалъ ему, что онъ вѣроятно умѣетъ ясно представить себѣ, что ему холодно. Врачъ откликнулся, что онъ именно такъ и дѣлаетъ, когда хочетъ произвести свой опытъ. Тогда я сказалъ ему, что въ смыслѣ процесса между реальнымъ впечатлѣніемъ отъ холода и яснымъ представленіемъ о холодѣ существуетъ сходство; оттого и внѣшнія явленія ствiя одинаковы.

нельзя разъяснить первые послѣдними. Всѣ предшествовавшія фило-
софскія системы погибли не оттого только, что онѣ свелись вы-
нести весь міръ изъ какого-нибудь одного начала, но еще и оттого,
что онѣ считали вообще возможнымъ объяснить что бы то ни было
однимъ началомъ.

Ошибочность такого приема я постараюсь выяснитъ примѣрами
въ естественныхъ наукахъ, успѣхи которыхъ признаетъ самъ г. Ка-
шукъ.

Физика и химія занимаются, какъ извѣстно, матеріальными яв-
леніями, слѣдовательно для нихъ матерія есть тоже общее начало.
Онѣ и признаютъ его, перенося на матерію тѣ общія свойства, ко-
торые выработаны изученіемъ матеріальныхъ конкретныхъ явленій.
Въ этомъ смыслѣ говорится: матерія всегда занимаетъ пространство,
нѣтримое въ трехъ направленіяхъ, имѣетъ вѣсъ, неразрушима, не-
фондема, можетъ дробиться до безконечности и инертна. Говоря
объ это, никакой натуралистъ однако ни на минуту не забываетъ,
что перечисленные свойства суть отвлеченія отъ реальныхъ фактовъ,
вторящихся на каждомъ шагу, тогда какъ за общимъ понятіемъ
матерія“ скрывается съ одной стороны чисто логическое отвлеченіе,
а другой—выводъ изъ противоположенія всего матеріальнаго про-
странства, ненаполненнымъ матеріальнымъ веществомъ, напр. без-
адушному пространству въ барометрѣ и колоколѣ воздушнаго на-
соса, или небесному пространству за предѣлами нашей атмосферы и пр.
Первая половина сказаннаго становится сразу понятной, если попробу-
емъ отнести такъ-называемыя общія свойства матеріи къ какой угодно
микретной матеріальной формѣ, напр. камню, объему воды или воз-
духа. Здѣсь эти свойства, такъ-сказать, осязательны, тогда какъ въ
рѣшеніи къ родовому понятію, т.-е. матеріи, они становятся не-
обходимыми атрибутами ея только въ силу логическаго мышленія.
Если бы натуралисты открыли вдругъ такое тѣло, свойства ко-
торое истерпывались бы протяженіемъ въ трехъ направленіяхъ: вѣ-
сомъ, неразрушаемостью, непроницаемостью и пр., т.-е., одними об-
щими свойствами матеріи,—тогда матерія перестала бы быть одною
логической формой. На этомъ-то основаніи въ упомянутыхъ мною
наукахъ, успѣхами которыхъ человѣчество не только гордится, но и
пользуется, нѣтъ ни единого объясненія, ни единого вывода, ни еди-
наго открытія, которое выходило бы изъ представленій о матеріи,
какъ общемъ началѣ. Наоборотъ, всякій натуралистъ, при всѣхъ сво-
ихъ изслѣдованіяхъ, постоянно опирается на такъ-называемыя об-
щія свойства матеріи, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ реальные
факты, или отношенія.

Дѣло другого рода, когда вы коснетесь интимныхъ вѣрованій,
натуралистовъ; можете сказать вамъ тогда, что современ-

немъ многія изъ веществъ, считаемихъ теперь простыми, вѣроятно омыжутся сложными, а физикъ станетъ предвѣщать, что современныя всѣ физическія проявленія матеріи вѣроятно сведутся на чисто механическія движенія. Стремленія къ такому упрощенію явленій, естественна вѣдущія за собой переходъ отъ большаго къ меньшему многообразію, чрезвычайно рѣзко развиты какъ въ физикѣ, такъ въ химіи, хотя въ послѣдней наукѣ это достигается съ виду и парадоксальнымъ путемъ, именно ежедневнымъ умноженіемъ конкретных фактовъ. И если позволительно судить о будущихъ успѣхахъ обѣихъ наукъ въ названномъ направленіи по полученнымъ уже ими результатамъ, то можно предполагать, что общее понятіе „матеріи“ будетъ становиться все болѣе и болѣе реальнымъ. Полной же реальностью она можетъ стать лишь въ то время, когда всѣ выводы физики и химіи сольются въ единичномъ законѣ.

Понятно поэтому, что никто изъ натуралистовъ не посягаетъ на „матерію“, какъ общее начало. Она представляетъ идеальную точку въ сторону которой направлены ихъ усилія; но точка эта для нихъ еще въ густомъ туманѣ, и идутъ они къ ней, руководясь не ею, а тѣми ближайшими точками новыхъ горизонтовъ, которыя раскрываются передъ наукой при ея медленномъ, послѣдовательномъ движеніи впередъ.

Философы же древняго закала, и вслѣдъ за ними г. Кавелинъ сразу махаютъ въ своей области съ почвы конкретных фактовъ и густѣйшій туманъ общаго начала. Оставьте душу въ практической жизни, какъ благороднѣйшую часть человѣка, принимайте ее и въ наукѣ за общее начало, подобно тому, какъ натуралисты смотрятъ на матерію; пусть она даже будетъ путеводной звѣздой въ психологическихъ изысканіяхъ; но какъ же возможно объяснять что бы то ни было необъяснимымъ! вѣдъ это значить приниматься за вещь не съ начала, а съ конца. Мораль всего этого разсужденія такова: г. Кавелинъ выходитъ въ своей философской системѣ изъ фактовъ шабкихъ, непровѣренныхъ, и дѣлаетъ вслѣдъ затѣмъ тотъ самый шагъ, который главнѣйшимъ образомъ погубилъ философію. Ниже, впрочемъ, мы увидимъ, что была еще третья причина, способствовавшая ея паденію.

На эти разсужденія я ожидаю однако возраженія, что мною разобраны до сихъ поръ только главнѣйшіе поводы къ отличенію двухъ началъ въ человѣкѣ. Поэтому и перехожу теперь къ критикѣ г. Кавелина, направленной противъ матеріализма, изъ которой душа выходитъ у него какъ *отличное отъ тѣла, самостоятельное, самодѣтельное и свободное начало* (стр. 17—40).

Общее знамя, подъ которымъ ходятъ, по мнѣнію г. Кавелина, ма-

налисты всѣхъ временъ (конечно, только научные; о салонныхъ спорахъ здѣсь не мѣсто) заключается въ стремленіи *объяснить дѣятельность человека изъ матеріальнаго начала*. О матеріальныхъ прошлаго времени я спорить не стану; что же касается до современныхъ, къ которымъ онъ очевидно относитъ физиологовъ по профессіи, то смѣю увѣрить г. Кавелина, что его утверженіе — горькая ошибка. Всякій натуралистъ, мало-мальски знакомый съ естественными науками, особенно физикой и химіей, очень ясно сознаетъ смыслъ слова „объяснить“, чтобы написать на своемъ психологическомъ знамени такую нелѣпость. Тѣмъ болѣе физиологъ, который знаетъ, что существенная сторона нервной, т.-е. соматической дѣятельности, тѣмъ болѣе близко къ психической жизни, не выяснена даже столько, чтобы сказать, какой изъ извѣстныхъ физическихъ дѣятелей играетъ существенную роль въ нервномъ актѣ. Такія капитальныя ошибки, какъ утверженіе г. Кавелина, происходятъ именно отъ того, что не-натуралисты слишкомъ играютъ словомъ „объяснить“. Пригнѣтъ, найдеть натуралистъ какую-нибудь чисто внѣшнюю аналогію со стороны происхожденія между актомъ завѣдомо психическимъ и соматическимъ, у не-натуралистовъ выходитъ тотчасъ же изъ того, что *все* психическое явленіе сведено на матеріальныя условія. Могу завѣрить г. Кавелина, что психическія явленія составляютъ для натуралиста несравненно болѣшую загадку, чѣмъ для гуманиста, и это будетъ ясно видно изъ послѣдующаго.

Детальная критика доводовъ матеріализма начинается у г. Кавелина (стр. 27) съ разсужденій чисто логическаго свойства, изъ которыхъ онъ самъ не выводитъ ничего рѣшительнаго, такъ какъ къ выводкамъ прибавляется, то „мы думаемъ“, то „разетъ“, или же напередъ говорится „о непредубѣжденномъ умѣ“.

Второй пунктъ напротивъ очень важенъ (стр. 27 — 8). Материалисты, по словамъ г. Кавелина, отвергаютъ *самостоятельность* и *самодѣятельность* души на основаніи того, что психическая жизнь возможна только при цѣлости мозга и нервовъ. Контръ-аргументъ г. Кавелина заключается въ слѣдующемъ: растенія и животныя тоже вполне зависятъ отъ окружающей среды, но имѣютъ же свою долю *самобытности* и *самодѣятельности*. Не знаю, что хотѣлъ сказать г. Кавелинъ словомъ *самобытность*, но если это эквивалентъ самостоятельности, то онъ очевидно впалъ въ противорѣчіе съ собой, утверждая въ то же время, что организмы *вопнть зависятъ* отъ окружающей среды. Что же касается до *самодѣятельности*, то подытигъ нельзя разумѣть ничего иного, кромѣ способности развиваться изъ самого себя, независимо отъ окружающей среды, какую-нибудь дѣятельность. Если это такъ, то г. Кавелинъ ошибается — наука строго доказываетъ въ отношеніи животнаго, что оно не творить

силъ, а вѣдь всякая дѣятельность предполагаетъ силу. Единственно кажущаяся независимость животнаго отъ окружающей среды, — фактъ продолженія жизни при голоданіи; но онъ обуславливаетъ лишь тѣмъ, что всякое животное носитъ въ своемъ тѣлѣ избытокъ вещества, который и расходуется на дѣятельность во время голоданія.

Эта же ошибочная мысль повторяется у г. Кавелина и на ст. 31-й, по поводу сравненія души съ животными и растеніями отъ сительно привожденія въ нихъ чуждыхъ имъ по природѣ элементовъ (почему воздухъ и минеральныя вещества чужды по природѣ веществамъ растенія, или растительная и минеральная пища чужды веществамъ животнаго тѣла, остается при этомъ загадкой).

Третій аргументъ въ пользу самодѣятельности (вѣрнѣе, своеобразности?) души формулированъ такъ: „будь психическія явленія въ непосредственной зависимости отъ условій и законовъ внѣшней природы, представленія были бы фотографическими оттисками впечатлѣній внѣшняго міра“. Рѣчь идетъ очевидно о своеобразности той переработки, которой подвергается сырой матеріалъ внѣшнихъ впечатлѣній. На такую общую аргументацію всякій натуралистъ можетъ отвѣтить примѣрно слѣдующимъ образомъ: если взять два разныхъ металла, напр. цинкъ и мѣдь, и опустить ихъ однимъ концомъ въ какую-нибудь кислоту, хоть уксусъ, а свободные, то-есть непогруженные концы соединить проволокой, то въ послѣдней проявятся явленія, непохожія ни на свойства металловъ, ни на свойства уксуса:—если проволоку перерѣзать, то въ мѣстѣ перерыва появляется искра; если въ мѣсто перерыва вставить тонкую платиновую проволоку, она раскаляется до-красна; если проволокой, соединяющей мѣдь съ цинкомъ, обмотать кусокъ желѣза, то онъ дѣлается магнитомъ и пр. Отсюда видно, что, говоря вообще, своеобразность результирующихъ явленій и ихъ отличие отъ производящихъ нисколько не указываетъ еще на различіе между тѣми и другими *по существу*. Съ этой точки зрѣнія уже становится излишнимъ останавливаться на приводимыхъ г. Кавелинымъ созданіяхъ воображенія въ формѣ головы медузы, минотавра и пр., тѣмъ болѣе, что эти образы представляютъ, говоря словами самого же г. Кавелина, лишь съ небольшою подчеркнутой прибавкой, „небывалыя въ мірѣ сочетанія *бывальныя* впечатлѣній“. Вотъ, еслибы человѣкъ въ состояніи былъ творить такія сочетанія, въ которыхъ былъ бы по крайней мѣрѣ хоть одинъ *дѣйствительно неземной* элементъ, тогда самостоятельное творчество души было бы конечно доказано.

Сверхъ этого, смѣю завѣрить г. Кавелина, что въ книгѣ Вундта есть указанія на то, что между организаціей, напр., глаза и уха съ одной стороны и нѣкоторыми качествами зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній съ другой, существуетъ несомнѣнная связь. Я постараюсь

своей стороны привести впоследствии нѣсколько примѣровъ новаго рода.

Четвертый аргументъ (стр. 30) въ пользу самодѣятельности души мулированъ такъ: „разнообразная масса психическихъ явленій и состоящихъ изъ нихъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка происходятъ въ всѣхъ непосредственныхъ внѣшнихъ вліяніяхъ и побужденій, въ одномъ лишь вліяніемъ психическихъ мотивовъ“, — и только. Такими голословными утвержденіями научныя истины очевидно доказываются. Что же кромѣ голоса самосознанія говорить въ подобныхъ случаяхъ, что внѣшняго толчка не было? а потомъ нужно еще доказать, что его не было и по отношенію къ возникновенію психическаго мотива.

Пятый аргументъ трактуетъ о произвольности движеній, то-есть въ о третьемъ пунктѣ изъ основныхъ доводовъ для отличенія въ сѣбѣ двухъ началъ, поэтому опять отсылаю читателя къ концу гл. Здѣсь же считаю необходимымъ лишь маленькое личное объясненіе по поводу начала пятаго аргумента (стр. 31) у г. Кавелина. Онъ говоритъ: „материализмъ не отрицаетъ всѣхъ этихъ фактовъ, объясняетъ ихъ по-своему. То, что мы называемъ психическимъ рефлексомъ, то въ его глазахъ нервный или головной рефлексъ, который не предполагаетъ ни особой психической среды, ни участія души и совершается механически“. Г. Кавелинъ разумѣетъ здѣсь, видно, меня; но онъ впадаетъ въ большую ошибку, приписывая въ полное отождествленіе психическихъ фактовъ съ рефлексами. Въ сѣбѣ моей, извѣстной подъ именемъ „Рефлексовъ головного мозга“, действительно выставляется гипотеза о рефлексо-образномъ (слѣдственно, машино-образномъ) способѣ происхожденія типическихъ психическихъ процессовъ мысли и страсти; но о сущности психическихъ процессовъ, въ смыслѣ объясненія ихъ, напримѣръ, рожденіемъ нервныхъ центровъ, нигдѣ нѣтъ и помину. Г. Кавелинъ впадаетъ въ ошибку очевидно заглавіемъ книги. Происхожденіе же этого заглавія слѣдующее: когда статья была представлена въ цензуру, ея истинное имя было таково: „Попытка свести способъ происхожденія психическихъ явленій на физиологическія основы“; но цензура сочла это заглавіе неудобнымъ и потребовала отъ меня новаго. Это я придумывалъ и наконецъ остановился на извѣстномъ всѣмъ мнѣ, и не предчувствуя, сколько недоразумѣній вызовутъ эти слова, сдѣлалъ мнѣ невинными.

Послѣ этого г. Кавелинъ переходитъ къ ссылкѣ материалистовъ на ихъ отрицаніяхъ психическаго начала на то обстоятельство, что животная сфера животныхъ заключаетъ будто бы въ себѣ зачатки дѣятельныхъ способностей человѣка. По мнѣнію г. Кавелина, у животныхъ существуютъ зачатки мышленія, или по крайней мѣрѣ

соображенія, зачатки рѣчи, стремленіе къ общественности, чуткіе и умѣнье приспособлять внѣшнюю природу къ своимъ нуждамъ и потребностямъ. Но онъ говоритъ, что ни у одного животнаго и намека на способность изваять статую, нарисовать картину, чертить планъ или фасадъ, положить звуки на ноты, написать или книгу.

Еслибы подобный вопросъ былъ предложенъ Дарвину, зашевелился бы болѣе другими вопросами объ отношеніи животныхъ къ человѣку, то онъ, вѣроятно, попросилъ бы, во-первыхъ, г. Кавелина разложить каждую изъ приведенныхъ имъ способностей на составные элементы и затѣмъ уменьшить каждый изъ послѣднихъ въ мѣръ разъ. Кто знаетъ, можетъ быть зачатки этихъ элементарныхъ способностей и оказались бы на лицо. По крайней мѣрѣ даннаго польза присутствія эстетическаго чувства у нѣкоторыхъ животныхъ есть. Напримѣръ, въ Австраліи живетъ птица, плащеносецъ, которая украшаетъ очень прихотливо мѣста любовныхъ свиданій; самки лова и вообще всѣхъ пѣвчихъ птицъ любятъ пѣніе самцовъ. Съ другой стороны, самъ г. Кавелинъ не отказываетъ животнымъ умъ, а я полагаю, что для рисованья, черченья и писанья еще что нужно съ психической стороны, кромѣ развитаго до чело-вѣческой степени ума и эстетическаго чувства.

Итакъ, и второй приемъ, употребленный г. Кавелинымъ для выясненія двухъ началъ въ человѣкѣ и для квалификаціи одного изъ нихъ, оказался неудавшимся.

Затѣмъ, г. Кавелинъ пытается, какъ онъ самъ говоритъ, описать и дѣлать строеніе души болѣе подробнымъ образомъ, и плодомъ этого исканія является *сознательность, идеальность* всего психическаго. Способность души раздвоиться. Но разбирать эти доводы было бы неудобно въ другомъ мѣстѣ, когда мы будемъ говорить о результатахъ, достигнутыхъ г. Кавелинымъ.

Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о мысли, что *духъ и матерія суть видоизмѣненія одного и того же начала*, и затѣмъ обратимся подробно къ разбору способа обработки психическихъ явленій, предложеннаго г. Кавелинымъ.

Выше было уже замѣчено, что разбирая общезвѣстные факты, указывающіе на тѣсную связь души и тѣла, г. Кавелинъ чисто логически былъ наведенъ на мысль, что при такомъ условіи они могутъ быть противоположны другъ другу и должны быть объяснены мнѣніями одного и того же начала. Мысль эта по существу представляетъ ни малѣйшей важности, потому что и общее и частное видоизмѣняющееся въ душу и тѣло, и самыя видоизмѣненія остаются у г. Кавелина пустыми абстрактами. Она не важна и логической стороны, потому что, сколько я знаю, противоположныя

другу бываютъ обыкновенно только однородныя вещи. Но то, что подобная мысль высказывается человѣкомъ, воспитавшимся на преданіяхъ идеалистическихъ школъ. Въ этомъ смыслѣ представляетъ громадную уступку вѣянію новаго времени. Основно, если бы г. Кавелинъ призналъ, что между причинами, побуждающими его формулировать такую мысль, играютъ нѣкоторую роль независимые имъ самими нерѣдкіе случаи, когда нормально-свободная душа вдругъ становится подчиненной законамъ физической природы, или когда произвольныя движенія переходятъ, какъ онъ выказывается, въ произвольныя. Когда психическіе факты проанализированы уже до этой степени, они не могутъ не составлять довода для всякаго серьезнаго ума, что между свободой и несвободой должны быть постепенныя градаціи.

Способъ разработки психическихъ фактовъ заключается у г. Кавелина въ томъ, что орудіемъ является у него психическое зрѣніе; матеріаломъ — проявленія человѣческаго духа въ наукѣ, промышленности, искусства и проч.; методомъ — критическое умозрѣніе.

Что касается до психическаго зрѣнія, то хотя г. Кавелинъ и нигдѣ не квалифицируетъ его (разъ, на стр. 101, онъ говоритъ, впрочемъ, что психическое познается *непосредственно*; стало быть, онъ, очевидно, считаетъ, что познаваемое и познающее сливаются другъ съ другомъ), но такъ какъ въ психологіи оно уже давнишній гость, то говорить о немъ можно и безъ этого.

Въ основу существованія внутренняго или психическаго зрѣнія является преимущественно способность человѣка анализировать свои мысли и поступки (последніе, конечно, въ формѣ мысли), напечатываемая ему голосомъ самосознанія. Всякій знакомъ съ этимъ явленіемъ по собственному опыту, и потому распространяться о самомъ фактѣ нечего; для насъ важно только разъясненіе его.

Мои доказательства противъ существованія особаго психическаго органа для анализа будутъ тройкія: первое взято у *метафизика* Гербарта, второе принадлежитъ мнѣ, третье почеркнуто у самого г. Кавелина.

Первое доказательство.—Представимъ себѣ, что человѣкъ анализируетъ свои поступки (прошлые или будущіе—это пока все равно) словами. Анализъ можетъ имѣть, очевидно, только такую форму, даже въ самомъ сложномъ случаѣ: пошелъ я туда-то, — и *зачѣмъ это меня понесло туда?* — прихожу; онъ дѣлаетъ то-то; *если бы не моя разсплывчивость, я конечно замѣтилъ бы, что дѣлать того-то не слѣдуетъ*, и пр., и пр., въ этомъ родѣ.

Если относиться въ этой рѣчи самосознанія непосредственно, безъ всякой предвзятой мысли, то выходитъ, что анализирующимъ

субъектомъ будетъ не какой-нибудь особенный психическій органъ цѣлое я. Допустимъ это. Черезъ минуту я могу анализировать, и показываетъ только-что высказанная выше мысль, свой собственный анализъ, т.-е. отдѣлять анализатора отъ анализируемаго; и въ анализѣ второй степени анализирующее я будетъ уже одной ступенью выше, чѣмъ я въ первомъ случаѣ.

То же самое выйдетъ, если, наперекоръ прямому голосу самознания, поставитъ между я и анализируемымъ особый психическій органъ, такъ какъ при этомъ пришлось бы допустить, что онъ существу однороденъ съ я и, слѣдовательно, сливается съ нимъ.

Еслибы, вмѣсто анализа поступковъ, я взялъ случай анализа слей, то степень послѣдняго я была бы еще выше. Такимъ образомъ выходило бы, что у насъ не одно, а три психическихъ зрѣнія, смотря на то, что объекты для всѣхъ трехъ органовъ въ сущности одинаковы.

Къ этому Гербартъ прибавляетъ еще слѣдующее замѣчаніе: „мы не органы чувствъ служатъ намъ пока могутъ, а если служатъ казываются, то мы знаемъ почему; внутреннее же чувство повелеваетъ намъ прислушиваться ко всему, что происходитъ въ тайникахъ нашего сердца (многое, впрочемъ, присочиняя отъ себя), а въ другія разы оказывается такимъ тупымъ и лѣнивымъ, что иногда, напр., хотя и сознаемъ, что въ головѣ у насъ была мысль, а вспомнить не можемъ“.

Второе доказательство. — Первый случай, когда анализируется прошлое.

Въ этомъ случаѣ весь психическій актъ, который мы называемъ анализомъ, состоитъ частью изъ *прямого воспоминанія* случившагося, частью изъ *придаточныхъ мыслей, новыхъ* по отношенію къ анализируемому случаю, но *старыхъ* потому, что онѣ уже бывали въ сознаніи и прежде, и притомъ въ сочетаніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которые содержатся въ анализѣ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ *конечныя* фразы, напечатанныя обыкновеннымъ шрифтомъ, составляютъ *прямое* воспоминаніе, а фразы, напечатанныя курсивомъ, — *придаточныя* разсужденія; и конечно всякій согласится безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что появленіе какъ первыхъ, такъ и вторыхъ въ сознаніи *однообразно* объясняется, какъ *востроизведеміе ряда ассоціацій*.

Второй случай — когда анализируется будущее.

Этотъ случай отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что *на* мѣсто прошлаго ставится *имѣющійся* въ виду поступокъ, *предстоящее* рѣшеніе какой-нибудь задачи и пр., другая же половина остается прежняя. Но вѣдь, конечно, для всякаго обдумываемаго *будущаго* поступка, послѣдній, какъ психическій фактъ, долженъ быть данъ *сознаніемъ* напередъ, т.-е., передъ обдумываніемъ или анализомъ; *слѣдовательно*

къ актѣ обдумыванія есть опять-таки воспроизведеніе психическаго факта, уже до этого бывшаго въ сознаниі. Объясненіе это такъ легко прилагается какъ къ обыденнымъ случаямъ анализа мыслей и поступковъ со стороны ихъ правильности, полезности и пр., такъ и къ примѣрамъ научнаго анализа мыслей и поступковъ, хоть, напр., психологическаго, потому что даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ обдумываетъ дѣйствительно въ первый разъ, такое мыслѣ или чувство, всѣ элементы для анализа готовы у него напередъ.

Высказанное объясненіе приложимо и къ тому случаю, когда изъ анализа представленій вытекаетъ что-нибудь совершенно новое, напр., чуждое научнаго творчества. И здѣсь открытіе, въ формѣ какого-нибудь научнаго вывода, никогда не является какъ *deus ex machina*, сразу: всѣ элементы его уже напередъ были въ сознаниі, но только не группировались еще, до момента открытія, надлежащимъ образомъ.

Объясненіе наше приложимо наконецъ и къ такимъ случаямъ, гдѣ между обсуждаемымъ объектомъ и данными нашего сознаниія не можетъ существовать со стороны содержанія, повидимому, никакой связи; когда, напр., ребенокъ, вообразивъ себя королемъ или полководцемъ, начинаетъ думать о томъ, какъ онъ будетъ предводительствовать народами и войсками, — вѣдь даже въ этихъ случаяхъ король и полководецъ выкраиваются по мѣркѣ, даваемой сознаниемъ ребенка.

Третье доказательство.—Г. Кавелинъ нѣсколько разъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что мы не можемъ знать внѣшняго міра независимо отъ впечатлѣній, производимыхъ имъ на насъ. Съ другой стороны, на стр. 101-й онъ говоритъ, что психическіе факты мы сознаемъ *непосредственно*, при помощи внутренняго зрѣнія. Далѣе, изъ процесса раздвоенія души (стр. 102 и т. д.) у него выходитъ, что подъ непосредственностью сознаниія онъ долженъ разумѣть познаніе внутреннимъ чувствомъ психическихъ фактовъ по существу. Этотъ рядъ мыслей встрѣчается и у Бенеке; но тотъ, вѣруя въ непосредственность познанія всего психическаго и въ то же время думая, что по методу психологіи, какъ опытная наука, стоитъ на ряду съ естествовѣдѣніемъ, заключаетъ изъ этого совершенно логически, что она уже теперь въ существенныхъ пунктахъ не отстала *ни отъ одной* изъ естественныхъ наукъ, а въ будущемъ обѣщаетъ и превзойти всѣхъ ихъ (Lehrb. d. Psychologie als Naturwissenschaft. 3 Aufl. Berl. 1861, см. введеніе). Какъ же можетъ послѣ этого г. Кавелинъ утверждать, что психологія, какъ наука, не существуетъ? Что-нибудь одно:

или весь его трактатъ о внутреннемъ зрѣніи негоденъ, или г. Ка великъ непослѣдователенъ.

Итакъ, особаго психическаго зрѣнія, какъ спеціальнаго орудія для изслѣдованія психическихъ процессовъ, въ противоположности матеріальнымъ, нѣтъ; а существуетъ „дѣйствительно“ такая сторона психической дѣятельности, изъ-за которой говорятъ про человѣка что у него есть здравый смыслъ. Послѣднимъ же, сколько мнѣ извѣстно, пользуются съ одинаковымъ правомъ какъ натуралисты, такъ и гуманисты въ своихъ сферахъ изслѣдованія.

Но, можетъ быть, ключъ къ разумнѣю психическихъ процессовъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ въ томъ широкое историческое изученіе всѣхъ произведеній человѣческаго духа съ психологической точки зрѣнія, о которомъ говорить г. Кавелинъ?

При той осторожности, съ которой долженъ быть сдѣланъ въ борьбѣ между способами изслѣдованія, обходить такой крупный вопросъ невозможно.

Къ сожалѣнію, мое образованіе въ этомъ направленіи крайне ничтожно, и потому я принужденъ пользоваться лишь небольшими числомъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ, чтобы сдѣлать выводы.

При этомъ задача моя будетъ заключаться единственно въ томъ, чтобы выяснитъ на нѣсколькихъ рѣзкихъ примѣрахъ, до какъихъ крайнихъ предѣловъ объясненія психическихъ фактовъ можно дойти вообще путемъ историческаго изученія различныхъ проявленій психической дѣятельности.

Понятно, что по важности въ этомъ отношеніи, должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ памятники, оставленные по себѣ древнѣйшимъ человѣкомъ, и продукты психической дѣятельности современныхъ дикарей, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ зачатками психической дѣятельности. Поэтому мы и начнемъ съ фактовъ, относящихся до такъ-называемаго ископаемаго человѣка, открытыхъ геологами новѣйшаго времени, освѣщая ихъ, гдѣ нужно, данными изъ жизни современныхъ дикарей (все, относящееся до ископаемаго и вообще до-историческаго человѣка, взято мною изъ сочиненія: „L'homme fossile en Europe, son industrie, ses moeurs et ses oeuvres d'art, par H. Le Non).

Древнѣйшая эпоха въ Европѣ, въ которой, рядомъ съ костями человѣка, встрѣчаются уцѣлѣвшіе памятники его дѣятельности, соответствуетъ времени, когда въ Европѣ жилъ такъ-называемый пещерный медвѣдь, мамонтъ, покрытый волосами носорогъ и пр. Эпоха эта считается удаленной отъ насъ не менѣе, чѣмъ на 20.000 лѣтъ. За весь этотъ первый періодъ существованія человѣка, дліяющійся тысячи лѣтъ, вмѣстѣ съ его останками находятъ въ землѣ слѣ-

иные продукты его дѣятельности (я нарочно выписываю *всѣ*, безъ опускѣвъ):

1) Каменное оружіе: топоры, ножи, дротики, наконечники копьевъ; оружіе изъ кости и рога: наконечники стрѣлъ; 3) заостренные шпильки изъ кости (для шитья одежды?); 4) родъ ножей изъ рога; просверленные насквозь зубы медвѣдя (эти находки, объясняемыя этими предметами самоукрашенія, еще крайне рѣдки); 6) обломки грубой глиняной посуды (чрезвычайно еще рѣдки). Кромѣ того изъ другихъ находокъ выводятся заключенія, что: 7) человѣкъ охотился даже на такихъ большихъ звѣрей, какъ мамонтъ и носорогъ; 8) зналъ употребленіе огня; и наконецъ 9) дѣлалъ приношенія умершимъ (предположеніе Ларте относительно значенія грота въ Ориньякѣ).

Факты эти показываютъ, что человѣкъ уже той отдаленной эпохи изобрѣлъ оружіе для дѣйствія вблизи и вдаль, придавая ему форму болѣе удобную для рѣзанья и колотья; изобрѣлъ орудія для грубой механической домашней работы (топоры и ножи) и глиняную посуду; научился добывать искусственно огонь и, наконецъ, имѣлъ предположенія о загробной жизни. Все же вмѣстѣ показываетъ въ немъ существо разумное, стоящее, на прим., несравненно выше всѣхъ обезьянъ.

Посмотримъ, однако, какъ объясняется происхожденіе всѣхъ этихъ примитивныхъ изобрѣтеній. Для изобрѣтенія оружія, дѣйствующаго вблизи и вдаль, особаго ума, какъ это показываютъ обезьяны, не нужно; извѣстно, что онѣ дерутся палками, бросаютъ въ неприятеля камни и скатываютъ ихъ съ горъ. Извѣстно также, что онѣ разбиваютъ камнями колючие орѣхи, и потому мысль употребить матеріаломъ для различныхъ орудій камень—тоже крайне элементарна. Но человѣкъ ушелъ значительно впередъ въ томъ отношеніи, что онъ сталъ придавать орудіямъ извѣстную форму, то колющую, то форму лезвья. Легко понять, что на эту мысль онъ могъ быть наведенъ въ теченіи тысячи лѣтъ случаями пораненія себя или другихъ острыми осколками камней, шипами растений и пр. Также легко понять и то, что кромѣ камня онъ сталъ употреблять для подѣловъ обглоданныя кости и рога убитыхъ животныхъ, явившіяся столько же подручнымъ матеріаломъ, какъ камень.

Что касается до склонности къ самоукрашенію, то источники ея навѣрно столько же инстинктивны, какъ вкусы ребенка ко всему ярко-окрашенному и блестящему. Дарвинъ приводитъ въ исторіи происхожденія человѣка чрезвычайно многочисленныя примѣры кокетства животныхъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ природныхъ качествъ. Отсюда до самоукрашенія, очевидно, небольшой шагъ (татуированіе дикарей, продѣваніе колецъ черезъ ноздри, украшеніе головы перьями птицъ и пр. и пр.). Относительно хода изобрѣтенія глина-

ной посуды, Ле-Гонъ приводитъ въ высшей степени остроумное, и притомъ крайне вѣроятное, соображеніе. Вотъ его слова: „Глина съ перваго же времени должна была служить для человѣка средствомъ дѣлать запасы воды въ пещерахъ (гдѣ человѣкъ жилъ). Простая яма въ глыбѣ глины служила бассейномъ, который наполнялся водою, приносимую съ рѣки въ звѣриныхъ кожахъ. Впослѣдствіи, чтобы сдѣлать этотъ снарядъ подвижнымъ, его стали очищать отъ излишней глины и сушить на солнцѣ, для придачія ему твердости. Еще познѣе, выдѣланныя грубыя формы стали подвергаться дѣйствию огня, такъ какъ онъ придавалъ имъ болѣеую крѣпость, чѣмъ теплота солнца. Таковъ-то былъ корень...“.

Какимъ способомъ ископаемый человѣкъ этого періода добывалъ огонь, неизвѣстно; но познакомиться съ нимъ онъ могъ, во-первыхъ, изъ вулканическихъ явленій; во-вторыхъ, изъ искръ при обработкѣ кремневого оружія. Во всякомъ же случаѣ, несомнѣнно то, что процессъ добыванія огня могъ быть только болѣе или менѣе близкимъ воспроизведеніемъ условій или какого-нибудь натурального, или случайнаго явленія, сопровождавшихся развитіемъ огня.

Что касается, наконецъ, существовавшаго уже у этихъ первобытныхъ людей обряда приношенія различныхъ предметовъ умершимъ, предполагающаго вѣру въ загробную жизнь, то явленіе это можетъ, очевидно, объясняться только по аналогіи съ соотвѣтствующими вѣроваціями современныхъ дикарей. Въ послѣднемъ же отношеніи знаменитое сочиненіе Тэйлора: «Primitive culture», одинаково поражающее и глубиною свѣдѣній, и здравостью мысли, и ясностью выводовъ, представляетъ указанія, вполне исчерпывающія вопросъ. Онъ доказываетъ, во-первыхъ, что представленіе о загробной жизни принадлежитъ къ самымъ элементарнымъ; во-вторыхъ, что оно является результатомъ сновидѣній и сравненія соннаго состоянія здороваго человѣка или забытѣя въ болѣзняхъ, со смертію. Подобно тому, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ душа временно отлетаетъ отъ тѣла и встрѣчается въ своихъ странствованіяхъ съ умершими друзьями, родственниками и пр., такъ и въ смерти душа отлетаетъ въ область тѣней или умершихъ, но уже съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе въ тѣло.

Все же, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что ископаемый древнѣйшій человѣкъ умѣетъ не только подмѣчать условія явленій, но и объяснять ихъ на основаніи аналогіи, равно какъ отыскивать между ними причинную связь, и наконецъ комбинировать эти условія въ форму опыта. Другими словами, уже ископаемый человѣкъ заключаетъ съ себѣ всѣ главнѣйшіе умственные элементы творчества.

Через 5000 лѣтъ послѣ описанной эпохи, въ періодѣ, соответствующемъ распространенію сѣвернаго оленя по Европѣ, ископаемый европейскій человѣкъ сдѣлалъ лишь слѣдующіе существенные успѣхи: 1) усовершенствовалъ выдѣлку оружія; 2) къ орудіямъ домашней работы прибавилъ пилу (каменную) и молотокъ; 3) научился шить въ швы изъ шкуры иглами изъ рога и фибрами сухожилий, вмѣсто нитокъ; 4) сталъ ясно заботиться о самоукрашеніи, дѣлая ожерелья изъ раковинъ, зубовъ животныхъ и бѣлыхъ кружковъ, преимущественно выточенныхъ изъ морскихъ раковинъ; наконецъ, 5) сталъ заниматься свободными искусствами. Памятниками послѣдняго являются: грубое скульптурное изображеніе женщины изъ слоновой кости; зубокъ цѣлаго мамонта, выгравированный на пластинкѣ изъ того же матеріала, рисунки лошади, зубра и наконецъ даже бой оленей.

Изобрѣтеніе пилы и молотка относится, очевидно, въ категорію изобрѣтенія рѣжущихъ и колющихъ снарядовъ. Въ основѣ портняжнаго искусства лежитъ, конечно, умѣнье скрѣплять или связывать предметы какими-нибудь гибкими тѣломъ, напр. прутьями, пучками кожи и пр. Для развитія же послѣдняго искусства природа предоставляетъ бездну поучительныхъ примѣровъ, въ формѣ вьющихся растений, скрѣпленія и подвѣшиванія птичьихъ гнѣздъ, паутины паука, коконовъ гусеницъ и пр. Въ этихъ натуральныхъ фактахъ мы находимъ элементы не только для грубаго портняжнаго искусства, но и для фабрикаціи веревокъ и тканей, и мы встрѣчаемъ въ самомъ началѣ первые слѣды того и другого уже въ періодѣ свайныхъ построекъ, который считается удаленнымъ отъ насъ по крайней мѣрѣ на 5000 лѣтъ. Объ инстинктивной склонности къ самоукрашенію мы уже говорили; здѣсь же я позволю себѣ сдѣлать маленькое отвлеченіе, придравшись къ искусственнымъ кружкамъ съ отверстіемъ въ серединѣ, употреблявшимся какъ украшеніе. Извѣстно, что колесо рычага, конечно въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, служатъ важными элементами всѣхъ нашихъ машинъ, а между тѣмъ оба они изобрѣтены человѣкомъ въ до-историческія времена; про употребленіе рычага рассказываютъ даже путешественники, что его знаютъ обезьяны. И какъ, очевидно, легко было человѣку дойти до употребленія колеса, какъ средства передвиженія: стоило вложить въ отверстие какого-нибудь игрушечнаго кружка палецъ и прокатить колесо по плоскости; а между тѣмъ прошли тысячи лѣтъ прежде чѣмъ человѣкъ додумался до утилизованія такого простаго факта. Что касается, наконецъ, до примитивныхъ произведеній скульптуры и живописи, то корни этого искусства кроются въ непонятной для насъ, но явственно присущей человѣку инстинктивной склонности

подражать видимому и слышимому. Мы очень хорошо сознаемъ, что если бы ребенокъ воспитался среди коровъ, не видя кромѣ нихъ ни какого другого живого существа, то онъ вѣроятно сталъ бы ходить на четверенькахъ и навѣрно мычать по-коровьему, хотя мы и не понимаемъ, почему это. Извѣстно далѣе, что дикари большіе мастеръ подражать голосу и тѣлодвиженіямъ животныхъ; подражанія же не слѣднаго рода есть уже своего рода живопись и скульптура. Придайте къ этому только развитую человѣческую руку, вооружите ее самымъ грубымъ орудіемъ, и въ результатъ навѣрно явится линейное очертаніе или скульптурное воспроизведеніе предмета, дѣйствующаго на воображеніе. Толкованіе это станетъ еще понятнѣе, если сравнить физиологическія условія, имѣющія мѣсто съ одной стороны при процессѣ перцепціи линейнаго контура предмета, съ другой при воспроизведеніи этого контура рукой. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствуютъ, какъ извѣстно, группы мышцъ, и оба органа, глазъ и рука двигаются параллельно другъ другу, обводя, такъ сказать, весь контуръ предмета. Все дѣло значить въ томъ, чтобы рука пріучилась слѣдовать за глазомъ; такіе же случаи, при самыхъ грубыхъ механическихъ работахъ, представляются на каждомъ шагу.

Если отъ этихъ зачатковъ индустріи и искусства у человѣка, мы обратимся къ чисто интеллектуальной сферѣ первобытныхъ людей, напр. современныхъ дикарей, и именно къ ихъ философскимъ воззрѣніямъ на себя и на окружающую природу, то встрѣчаемся, по Тейлору (Primitive culture), на самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры съ слѣдующими двумя главными фактами: 1) человѣкъ отличаетъ въ себѣ душу отъ тѣла, вкладывая въ первую все психическое содержаніе своей жизни, все свое нравственное я; 2) это воззрѣніе онъ распространяетъ на всѣ предметы внѣшняго міра, отъ животныхъ и растений, до палки и камня включительно. Такое *одушевлени*е всѣхъ внѣшнихъ предметовъ является до такой степени всеобщимъ, что Тейлоръ считаетъ его, или, какъ онъ выражается, *анимизмъ*, самымъ первобытнымъ философскимъ міросозерцаніемъ.

Главнѣйшимъ поводомъ къ отличенію души отъ тѣла въ члвкѣ Тейлоръ признаетъ то обстоятельство, что дикари считаютъ сновидѣнія реальностями; и если вдуматься хорошенько въ тотъ длинный путь, какимъ человѣкъ доходитъ до убѣжденія, что грѣзы настолько же не имѣютъ реальной подкладки, какъ воспоминанія, то такое объясненіе является крайне вѣроятнымъ, потому что даже для насъ, при обиходномъ воззрѣніи на дѣло, независимость души отъ тѣла нигдѣ не проявляется съ такою ясностью, какъ въ фактѣ сновидѣній.

Выработавъ разъ такое воззрѣніе на собственную природу, дикарь ступаетъ уже совершенно логично, перенося его цѣликомъ на всѣ вещные предметы внѣшняго міра, потому что другой мѣрки для философскаго познанія послѣднаго у него нѣтъ. Восходя по ступенямъ культуры выше и выше, Тэйлоръ приходитъ къ заключенію, что изъ этого общаго корня произошли всѣ послѣдующія философіи міросозерцанія.

Такимъ образомъ, *корень всѣхъ философскихъ ученій о тѣлѣ, духѣ и предметахъ внѣшняго міра* основывается (по словамъ Тэйлора) на дѣйствительныхъ, но ложно-истолкованныхъ фактахъ. Къ этому, ради нашихъ специальныхъ цѣлей, можно было бы прибавить еще: „на фактахъ, взятыхъ изъ обыденной жизни и ложно истолкованныхъ потому, что дикарь слишкомъ непосредственно относится къ голосу самосознанія“.

Въ сущности же и въ дѣлѣ философіи первобытныи человекъ является съ тѣми же основными психическими задатками, какъ и современный мыслитель, руководящійся единственно голосомъ самосознанія.

Въ заключеніе, разберемъ съ психологической стороны исторію такихъ-нибудь естественно-научныхъ вопросовъ, напимѣръ, дарвинизма, гальванизма, и вопросъ о переходѣ механическаго движенія къ теплоту.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ резюмируется, какъ извѣстно, слѣдующею мыслью: виды образуются черезъ постепенное уклоненіе недѣлимыхъ отъ общаго имъ всѣмъ типа, путемъ естественнаго подбора. Подъ послѣднимъ же разумѣется слѣдующее: между недѣлимыми одного и того же типа, населяющими данную мѣстность, идетъ непрерывная борьба за существованіе—соперничество въ дѣлѣ обезпеченія всѣхъ нуждъ матеріальнаго существованія,—и изъ этой борьбы выходятъ побѣдителями тѣ, которые или сильнѣе, или ловчѣе, или быстрѣе, словомъ тѣ, которые, вслѣдствіе маленькихъ отличій въ организаци, могутъ лучше примѣняться къ условіямъ данной мѣстности. Побѣдители, въ силу закона наслѣдственности, производятъ въ цѣломъ потомство уже болѣе принаровленное къ данной мѣстности, и слѣдовательно болѣе уклонившееся по организаци отъ первоначальнаго типа. На членахъ этого поколѣнія повторяется та же исторія; побѣдителями остаются опять наиболѣе способные, и дѣло, продолжаясь изъ рода въ родъ, ведетъ наконецъ за собою уже столь рѣзкія уклоненія организаци отъ первоначальнаго типа, что разница становится равнозначущей видимому отличію.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ сложилась эта теорія. Самъ Дарвинъ говоритъ, что въ основѣ ея лежитъ извѣстное всякому изъ

общежитія улучшение домашнихъ породъ путемъ искусственнаго бора недѣлимыхъ на племѣ. Второй же элементъ его теоріи, то-есть борьбу за существованіе, ему могла бы дать, хотъ, наприм., кари людского общества. Что касается же первой половины, то въ основѣ ея лежать крайне-элементарныя наблюденія, принадлежащія къ теоріи фактовъ въ родѣ того, что у большихъ ростомъ отцы и матери и дѣти бывають большія, отъ рыжихъ родителей рождаются и дѣти рыжія и проч. Отъ того-то эти факты, составляющіе въ совокупности законъ наследственной передачи признаковъ, извѣстны и употребляются уже давно даже простыми народами. Вторая половина-то-есть, мысль о борьбѣ за существованіе, принадлежитъ, правда, выводамъ несравненно высшаго порядка, но все же всякій согласится, что въ основѣ ея лежать наблюденія, вывѣченныя изъ обыденной жизни; поэтому мысль эту вѣрнѣе считать продуктомъ житейскаго опыта, чѣмъ научнымъ отвлеченіемъ. И выходитъ, стало-быть, одна изъ самыхъ плодотворныхъ и блистательныхъ гипотезъ новаго времени сложилась въ сущности изъ элементовъ, выработанныхъ опытомъ обыденной жизни.

Гальванизмъ родился, какъ извѣстно, изъ слѣдующаго опыта Гальвани, желая изучить вліяніе атмосферическаго электричества на сокращеніе мышцъ (необходимо замѣтить, что сокращеніе мышцъ отъ пропусканія черезъ нихъ разрядовъ электричества, напр., разрядовъ лейденской банки, было тогда уже извѣстно), привѣсилъ разобнаженныя отъ кожи заднія ноги лягушки къ горизонтальной рейкладинѣ желѣзной рѣшетки своего балкона; вѣрочью, которыя онѣ были подвѣшены, были мѣдный и проходилъ черезъ кусокъ спинного мозга, оставшійся въ связи съ ногами. При этомъ Гальвани замѣтилъ, что каждый разъ, какъ свободные концы ногъ, расклевывшись отъ вѣтра, прикасались къ желѣзу, происходило вздрагиваніе мышцъ. Подмѣтивъ условія этого явленія, онъ воспроизвелъ его въ слѣдующей, болѣе чистой формѣ: отпрепарировалъ мышцу и нервъ, взявъ металлическій пруть, согнутый въ дугу, и сталъ прикасаться концами прута одновременно къ мышцѣ и нерву — вздрагиваніе происходило и теперь, и было особенно рѣзко, когда концы прута были не изъ одного, а изъ двухъ разныхъ металловъ. Наблюденіе металлической дуги на нервъ и мышцу въ этой формѣ въ виду очень напоминало прикладываніе металлическаго разряда къ лейденской банкѣ, и такъ какъ въ то время было уже извѣстно, что при разрядахъ послѣдней черезъ мышцу, или черезъ нервъ, происходитъ вздрагиваніе, то Гальвани поступилъ и вѣрнѣе и научно, выведя изъ этого опыта заключеніе, что нервъ съ своимъ нервомъ представляетъ подобіе лейденской банки.

Винница соответствует ей наружной обкладкѣ, а нервъ внутрен-
Вольта, повторяя эти наблюденія, скоро однако замѣтилъ, что
Винни въ своемъ объясненіи факта не принялъ во вниманіе того
факта, что удача опыта зависитъ главнѣйшимъ образомъ
металлической разнородности концовъ дуги,—разнородности, ко-
нцы, но отношенію къ разряднику лейденской банки, не имѣеть
никакого значенія. Зоркій глазъ Вольты быстро увидалъ послѣ этого,
что въ явленіе должны быть замѣшаны три фактора: два разныхъ
металла, въ соприкосновеніи съ тѣломъ, пропитаннымъ жидкостью,—
и фактомъ этой гениальной догадки былъ, какъ извѣстно, Вольтовъ
элементъ.

Исторія этого открытія особенно интересна въ томъ отношеніи,
что она начинала собою совершенно новый рядъ фактовъ, но край-
не мѣръ со стороны производящихъ причинъ, и потому казалось
что здѣсь нужно ожидать рѣзкихъ указаній на психологическую
сторону творчества. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ слѣдующее:
заслуга Вольты (я разумѣю, съ психологической стороны) передъ
Винни заключается въ томъ, что онъ, не успокоившись, какъ
и уже на готовомъ объясненіи, взглянулъ на дѣло прямо, безъ
какой задней мысли, и потому вѣрно оцѣнилъ условія явленія. Глав-
ная психологическая работа этикъ у него заканчивалась, потому
что затѣмъ ему оставалось воспроизвести условія явленія, т. е., соче-
тать два металла и жидкость такимъ же образомъ, какъ они соче-
тались въ опытѣ Гальвани—работа уже чисто подражательная.

Перехожу, наконецъ, къ третьему примѣру. Извѣстно, что фактъ
явленія теплоты при треніи знаютъ даже дикари, потому что они
используются имъ для искусственного добыванія огня. Не смѣю утверж-
дать, что они ставятъ горѣніе и развитіе теплоты въ причинную
связь между собой, но нужно полагать, что—да, потому что для этого
статочко потереть хоть разъ въ жизни рука объ руку. Какъ бы
ни было, но мысль эта, ставящая треніе какъ причину, а теп-
лоту какъ послѣдствіе, исповѣдывалась людьми съ незапамятныхъ
временъ до настоящаго столѣтія, т. е. ужъ по крайней мѣрѣ нѣ-
сколько тысячъ лѣтъ. И въ такой-то длинный промежутокъ времени
они забывали слѣдующее простое обстоятельство: такъ какъ тре-
ненію необходимо предполагаетъ движеніе, т. е. движущую силу,—слѣ-
дательно цѣлое явленіе складывается не изъ двухъ факторовъ, какъ
приведенномъ выше объясненіи, а изъ трехъ. Когда эта недо-
умка была наконецъ исправлена, то причиной, производящей теп-
лоту, оказалась механическая сила, а треніе низошло на степень
только способствующаго переходу послѣдней въ первую.

Фактъ этотъ опять показываетъ, что элементы научныхъ истин иногда цѣлкомъ подготовляются дикарями, и тогда нужна тогда известная группировка этихъ элементовъ, чтобы изъ нихъ вышла болѣе или менѣе важное научное открытіе.

Не могу не вспомнить по этому случаю одного факта, видѣнна мною въ Кенсингтонскомъ музеѣ и поразившаго меня въ высшей степени. Въ отдѣленіи музыкальныхъ инструментовъ, между прочимъ первообразами ихъ, находится слѣдующій снарядъ, принадлежащій какому-то африканскому племени негровъ: висятъ двѣ веревки, идущая нѣсколько книзу; между ними укрѣплены, какъ переклады въ веревочной лѣстницѣ, деревянные дощечки, которыя имѣютъ такимъ образомъ, разную длину и соотвѣтствуютъ дощечкамъ общаго известнаго деревянныхъ или стеклянныхъ гармоникъ. Характерна же сторона инструмента заключается въ томъ, что позади каждой дощечки, въ одномъ уровнѣ съ нею, но отдѣльно отъ нея, укрѣплены разной величины глиняные горшечки — очевидно резонаторы, настроенные на тотъ изъ тоновъ каждой доски, который слышимъ при постукиваніи ея всего сильнѣе. Такимъ образомъ оказывается, что африканскіе негры предвосхитили одну изъ блистательнѣйшихъ мыслей Гельмгольца — употребляютъ рядъ полыхъ сферическихъ резонаторовъ, настроенныхъ на разные тоны.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ примѣровъ я позволяю себѣ слѣдующіе два вывода:

1) Если обратиться съ психическимъ анализомъ даже въ самыя зачаточныя проявленія цивилизаціи въ человеческомъ обществѣ то мы встрѣчаемъ уже человѣка одареннымъ всѣми тѣми умственными средствами, которыя дѣлаютъ изъ него наблюдателя, мыслителя, ученаго и художника. Трудно думать въ самомъ дѣлѣ, чтобы на изобрѣтеніе, напр., искусственнаго способа добыванія огня, или способа выработки изъ рудъ желѣза, мѣди и пр. потрачено было менѣе умственной энергіи, чѣмъ на любое изъ новѣйшихъ техническихъ или научныхъ открытій. Притомъ, психическіе факторы, работавшіе въ томъ и другомъ случаѣ, мы не можемъ не признать за тождественные. Мысль эту можно, я полагаю, скрѣпить слѣдующимъ соображеніемъ: еслибы до-историческихъ изобрѣтателей искусственнаго огня и приготовленія бронзы перенести съ-дѣтства въ XIX-е столѣтіе, то изъ нихъ вышли бы знаменитые физики, химики или техники.

2) Хотя психолого-историческое изученіе памятниковъ человеческой дѣятельности и не открыло бы для насъ тайны психическихъ процессовъ, но оно дѣйствительно было бы въ высшей степени важно въ томъ отношеніи, что имъ опредѣлился бы на точныхъ основаніяхъ

прямственный ходъ развитія всего психическаго содержанія мѣрка, по мѣрѣ накопленія знаній. Плоды такого изученія можно было представить въ слѣдующемъ примѣрѣ: оно выяснило бы ту прямственную цѣль аналогій, при посредствѣ которыхъ умъ чело-вѣскій сдѣлалъ изъ телѣги локомотивъ и желѣзную дорогу, или изъ образомъ изъ мечты чело-вѣка (можетъ быть, ребенка иско-паемаго періода) летать подобно птицѣ, развилось и совершенствуется чувство летать по воздуху. Особенно важно было бы такое изслѣ-дованіе по отношенію къ языкамъ первобытныхъ народовъ и ихъ философскимъ ученіямъ, потому что только этимъ путемъ оконча-тельно устранилось бы злоупотребленіе словами и абстрактными по-нятіями, какъ психическими реальностями.

Признаюсь откровенно, имѣя въ рукахъ такой бѣдный запасъ фак-товъ, какъ приведенный, я не посмѣлъ бы отказать способу изуче-нія психическихъ явленій, рекомендуемому г. Кавелинымъ, въ спо-собности открыть тайны психическихъ процессовъ, еслибы, помимо приведенныхъ примѣровъ, не руководствовался слѣдующимъ общимъ ображеніемъ:

Всякій психологъ, встрѣчаясь съ любымъ памятникомъ умствен-ной дѣятельности чело-вѣка и задавшись мыслью проанализировать его, по необходимости долженъ подкладывать изобрѣтателю памят-ка и собственную мѣрку наблюдательности, и собственныя пред-положенія о способности пользоваться аналогіями, дѣлать выводы и т. д. Въ этой мѣрке, анализъ, очевидно, невозможенъ. Поэтому-то и выходитъ, что древній изобрѣтатель огня представляется намъ по-прежнему творчествомъ не ниже какаго-нибудь Лавуазье. Дѣло другого рода, если изъ памятниковъ разныхъ эпохъ можно было съ увѣрен-ностью заключить, что вотъ тогда-то чело-вѣкъ не умѣлъ еще наблю-дать, тогда-то онъ еще не пользовался аналогіями и проч.; но въ дѣ-лѣ, очевидно, невозможно; въ самомъ крайнемъ случаѣ можно только сказать, что тогда-то онъ наблюдалъ плохо, въ этотъ періодъ лучше и проч.

Итакъ, не отрицая важности матеріала, рекомендуемаго г. Каве-линымъ, мы все-таки остаемся при убѣжденіи, что не въ немъ лежитъ средство къ разсѣянью тьмы, окружающей психическіе процессы.

Не могу не закончить этого пункта слѣдующими гадательными ображеніями о неупомянутыхъ г. Кавелинымъ мотивахъ, вѣроятно оставившихъ его предлагать для созданія психологіи столь обшир-ный матеріалъ, взамѣнъ обыкновенно-употребляемыхъ наблюдений въ обыденной жизни. Ему не могли быть неизвѣстны слѣдующія обстоятельства: психическій матеріалъ, выработанный обыденной жизнью, лежалъ въ неизмѣнной противъ настоящаго формѣ передъ

рядомъ такихъ великихъ умовъ, какъ Декартъ, Лейбницъ и Коперникъ изслѣдованіе было у нихъ то же самое — психическое. Аналитическая сторона ума у нихъ была громадная... и между психологію они оставили неуставовившейся наукой. Значитъ, жень былъ соображать г. Кавелинъ, матеріалъ, которыми они звались, былъ или негоденъ, или плохо разработанъ. Признаваякровенно, рассуждая только такимъ образомъ, мнѣ становятся нятными со стороны г. Кавелина рѣзкіе отзывы о голосѣ самоснія тамъ, гдѣ онъ говоритъ о матеріалѣ, изъ котораго должна пать психологія, и слѣпая вѣра въ тотъ же самый голосъ (онъ говоритъ, напр., объ я, раздвоеніи души и пр.), въ мѣстахъ ленныхъ отъ этой главы.

Перекожу, наконецъ, къ третьему пункту, т.-е. къ методу издованія.

Въ виду того, что историческое изученіе памятниковъ дѣлности человѣческой приводитъ изслѣдователя по необходимости изученію обыденной психической жизни, вопросъ этотъ становится роковымъ для всего зданія г. Кавелина. Слѣдуетъ открыто и стороны метода за отжившею школою идеалистовъ, т.-е., употребивъ въ дѣло съ начала до конца дедукцію, онъ, очевидно, не рѣшился съ одной умозрительной индукціей сдѣлать изъ сырого истинскаго матеріала обыденной жизни ничего нельзя, какъ это кончается вѣковой опытъ. При этомъ условіи психологія на вѣчныхъ мена останется сборомъ вѣрныхъ наблюдений, рядомъ съ общими голоса сознанія. Впрочемъ, еслибы даже изученіе памятниковъ дѣтельности человѣческой и не приводило изслѣдователя къ столь чальнымъ для г. Кавелина результатамъ, изъ его возрѣнія методъ все-таки не вытекало бы его радужныхъ ожиданій, что въ разработки матеріала естественныя науки не имѣли бы преимуществъ передъ психологіей, и послѣдняя стала бы положительной наукой душъ, ея свойствахъ и проявленіяхъ.

Въ дѣлѣ всякаго изученія важно собственно не то, будучи методъ индуктивный или дедуктивный, а употребленіе такихъ умовъ изслѣдованія, которые давали бы возможность не только анализировать явленіе, но и провѣрять полученный результатъ. Только чистая и прикладная математика составляютъ, по моему мнѣнію, исключеніе изъ этого правила, такъ какъ вѣдѣ истины, истины абсолютныя, могутъ быть достигаемы и безъ провѣрки, путемъ чистаго математическаго умозрѣнія. Но дѣло въ томъ, что между вѣдѣями умозрѣній математическое, поскольку оно выражается въ формулахъ или геометрическими построеніями, есть самое

новая новая истину, математикъ не только выходитъ изъ
 истинъ или истинъ, но и въ теченіи всего развитія вопроса каждый
 шагъ опираетъ на истину. Понятно, что такое умозрѣніе
 можетъ не быть безгрѣшнымъ, и потому выводы его не требу-
 ютъ никакой дальнѣйшей провѣрки. Но за предѣлами простыхъ про-
 стыхъ и количественныхъ отношеній, въ области сложныхъ
 вещей, куда не могъ еще проникнуть математическій анализъ, наи-
 бѣе вѣрнымъ аналитическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрочнымъ
 средствомъ является опытъ. Умозрѣніе, какъ справедливо говоритъ г.
 Кантъ на стр. 4-й, играетъ, конечно, роль и здѣсь, но дѣло въ
 томъ, что въ опытныхъ наукахъ на него наложена узда данными
 опыта, конечно, менѣе крѣпкая, чѣмъ узда математическихъ истинъ,
 и все же невозволяющая умозрѣнію зарваться далеко отъ почвы
 действительности. Спускаясь ниже въ область явленій, уже недопу-
 сканнаго опыта, умозрѣніе съ его атрибутами дѣйствительно ста-
 новится полновластнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умалется въ громад-
 ныхъ размѣрахъ и степень достовѣрности выводовъ, такъ что чело-
 вѣчество было принуждено призвать ему на помощь въ новѣйшее
 время статистическій методъ. Послѣдній, къ сожалѣнію, крайне
 трудно приложимъ въ изученію психическихъ явленій на отдѣльномъ
 фактѣ; но при возможности приложенія онъ несомнѣнно повелъ бы
 въ этой области къ несравненно болѣе прочнымъ результатамъ,
 чѣмъ анализъ при посредствѣ одного психическаго зрѣнія. И добро бы
 умозрѣніе довольствовалось выводами, непосредственно вытекающими
 изъ сравненія конкретныхъ фактовъ; нѣтъ, вѣрное древнимъ фило-
 софскимъ традиціямъ, оно бьетъ въ корни дѣла, общія начала, за-
 бывая при этомъ, что всѣ философскія системы, построенныя по типу
 индукціи, дискредитировали самое имя философій.

Неужели всѣ эти общезвѣстные факты недостаточно еще осза-
 тельны для людей, которые пускаются, безъ провѣрочныхъ средствъ,
 съ однимъ запасомъ критическаго остроумія, въ изслѣдованіе такой
 сложной области, какъ психическая, гдѣ нѣтъ аксіомъ и только одни
 неразрѣшенные вопросы! Уже конечно такого запаса было слишкомъ
 довольно у великихъ математиковъ, работавшихъ надъ философіей;
 а между тѣмъ, что вышло изъ ихъ усилій? Впрочемъ, ихъ великая
 заслуга нисколько не страдаетъ отъ этихъ ошибокъ, обусловленныхъ
 временемъ: въ ту пору, когда они дѣйствовали, не существовало еще
 этихъ отраслей знанія, которыя однѣ даютъ твердыя точки опоры для
 первоначальнаго аналитическаго приступа къ психическимъ явленіямъ.

Знанія эти, какъ будетъ показано ниже, создались только на нашей
 землѣ, и потому понятно, что психологія остается еще непочатой
 наукой.

Итакъ, 1) исходныя точки системы г. Кавелина шатки; 2) запный переходъ его отъ конкретныхъ фактовъ къ общему не составляетъ ничѣмъ неоправдываемый въ настоящее время научн промахъ; 3) рекомендуемое имъ специальное орудіе для психическ изслѣдованія оказывается фикціей; 4) въ матеріалѣ, который рекомендуеъ для разработки, не заключается условій для разга тайны психическихъ процессовъ; безъ особенной же, совершенно предвидимой, помощи со стороны этого матеріала, 5) весь его собъ сводится на чистое умозрѣніе. И потому, 6) психологія не жеть стать на этихъ основаніяхъ на степенъ положительной наук

Лучшимъ доказательствомъ приведенныхъ выводовъ можетъ служить вторая часть сочиненія г. Кавелина, въ которой онъ буетъ примѣнять свои общія начала къ разработкѣ частныхъ просовъ, а именно: 1) явленій, стоящихъ на рубежѣ психическ и матеріальнаго элементовъ (стр. 59—69); 2) чувства (стр. 69—83) 3) актовъ мышленія (стр. 127—136 и стр. 140—147); и 4) произво ной дѣятельности души (178—207). Правда, система его пра гается не вполне; свои выводы онъ основываетъ не на томъ ширномъ историческомъ матеріалѣ, который рекомендуется имъ общей части, а на разборѣ обиденныхъ психическихъ фактовъ; выше мы видѣли, что и при употребленіи матеріала перваго ро положеніе дѣла существенно не могло бы измѣниться; притомъ, еса самъ основатель системы считаетъ возможнымъ дѣлать пробы безъ соблюденія сказаннаго условія, значить, проба возможна.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ разбору этой части труд г. Кавелина, считаю нужнымъ оговориться. Разбирать я буду лишь главные выводы и стану касаться аргументаціи г. Кавелина лишь тамъ гдѣ это неизбежно, иначе мнѣ пришлось бы повторять известныя всякому общежителю воззрѣнія на мысль, чувство и пр., которые какъ уже сказано, лежатъ въ основѣ всѣхъ выводовъ г. Кавелина.

Хотя онъ и не даетъ нигдѣ ключа къ общему ходу своей мысли во второй части своего труда, но подмѣтить главные руководящ мысли все-таки возможно. Вотъ онѣ:

- 1) Психологія есть наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ.
- 2) Законами душевныхъ проявленій опредѣляются свойства души.
- 3) Главнѣйшія формы душевныхъ проявленій суть: а) психическ факты, стоящіе на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементо въ; б) чувство; в) акты мышленія, и d) воля. Всѣ эти проявленія разбираются критически, выводятся законы и соотвѣтственныя имъ слѣдствія; слѣднимъ придаются душѣ тѣ или другія свойства (сознательность, идеальность, свобода, способность раздваиваться и пр.).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ я приведу для примѣра лишь слѣдующее значеніе для психологіи галлюцинацій и снова, свободу мысли въ раздвоеніи души.

Явленія, стоящія на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ, г. Кавелинъ разбираетъ лишь настолько, чтобы выяснитъ мнѣніе психической среды къ матеріальной, а съ тѣмъ вмѣстѣ оныя и особенности психической жизни (стр. 58—59).

Первое, что онъ разсматриваетъ—галлюцинаціи. Упомянувъ о внѣшнихъ признакахъ ихъ (отсутствіе внѣшнихъ вліяній и извращенно впечатлѣній, доходящее до фантастичности), г. Кавелинъ приходитъ къ слѣдующему общему соображенію: „всѣ данныя галлюцинацій указываютъ въ человѣкѣ на два стремленія или това, идущія въ противоположномъ направленіи, на встрѣчу другъ другу: одно несетъ въ душу извнѣ дѣйствія и вліянія матеріальнаго міра, другое какъ бы выноситъ изъ души эти дѣйствія и вліянія во внѣшнюю дѣйствительность, иногда въ переработанномъ видѣ. Еслибъ не было другихъ данныхъ, то одного этого было бы уже совершенно достаточно, чтобы доказать существованіе особаго психическаго фактора, какъ источника явленій особаго порядка, *хотя очень возможно и даже очень вѣроятно, что галлюцинаціи происходятъ вслѣдствіе извѣстныхъ ненормальныхъ состояній физическаго организма*“.

Галлюцинаціи всегда производятся болѣзненнымъ состояніемъ: зрительныя—ненормальнымъ возбужденіемъ зрительныхъ центровъ, слуховыя—слуховыхъ и пр. То же обстоятельство, что человекъ выноситъ возбужденія зрительныхъ центровъ наружу, не представляетъ не только ничего страннаго, а наоборотъ,—норму, потому что и при обыкновенномъ видѣніи происходитъ то же самое. Стало бы, галлюцинаціи не доказываютъ того, что думаетъ г. Кавелинъ.

За этимъ онъ находитъ, что при галлюцинаціяхъ представленія произвольны, тогда какъ при нормальномъ состояніи душа сама работаетъ представленія и относится къ нимъ свободно. Та же мысль перефразирована у него на стр. 68-й, при анализѣ сновидѣній, гдѣ говорится, что въ актахъ мышленія и воли выражается одна активная, активная сторона души, а въ сновидѣніяхъ пассивная, пассивная. Этими выводами и исчерпывается весь его трактатъ.

Теорія свободнаго отношенія человѣка къ своимъ представленіямъ мыслямъ имѣетъ у г. Кавелина абсолютную форму—тѣ и другія выносятся, по его мнѣнію, въ нашей волѣ и власти (стр. 71). Теорія проводится во всей второй половинѣ книги, и только разъ, мелькнувъ, на стр. 126, онъ упоминаетъ о *довольно распространенномъ мнѣніи*, что только дѣйствія и поступки могутъ быть, въ строгомъ смыслѣ слова, произвольны, тогда какъ чувства и мысли не зависятъ

отъ нашей воли. Отъ разбора этого мнѣнія онъ отдѣляется неопредѣленной фразой „но это едва ли справедливо“, и затѣмъ остается довольно распространенное мнѣние безъ всякаго разбора. Это тоже едва ли справедливо. Въ виду важности вопроса, эту задачу приходится взять на себя.

Дѣло идетъ о томъ, дѣйствительно ли человекъ способенъ владѣть мысли по произволу.

Г. Кавелинъ, конечно, согласится со мной, что для образованнаго человека даже въ подробныхъ лексиконахъ не встрѣчается почти одного незнакомаго слова. Стало быть, въ головѣ у такого человека заключенъ запасъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько тысячъ мыслей. Если г. Кавелинъ согласится съ этимъ, то я приглашаю его сделать надъ собой слѣдующій опытъ: сказать въ теченіи одного часа, напр., 200 различныхъ существительныхъ (конечно, изъ одного языка, нужно исключить подобные случаи, какъ напр., заученныя на память дѣтства цѣлыя ассоціаціи различныхъ словъ, въ родѣ исключенія изъ правилъ латинской грамматики, ряда чиселъ, спряженія и т. п. и пр.). При этомъ я беру на себя смѣлость предсказать слѣдующій результатъ: если передъ опытомъ г. Кавелинъ думалъ, напр., о психологіи вообще, то его первыми словами будутъ приблизительно: психологія, душа, тѣло, идеализмъ, материализмъ, Кантъ, Гегель и пр., и очень возможно, что опытъ ему удастся. Если бы, при тѣхъ же условіяхъ, потребовать отъ него невзначай, что онъ говорилъ извѣстныя ему существительныя, относящіяся, напр., къ поваренному искусству, огородничеству и пр., то дѣло пошло бы уже значительно труднѣе, несмотря на то, что и въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ готовыя ассоціаціи, выражающіяся, напр., въ томъ, что вслѣдъ за капустой уже очень легко сказать: морковь, картофель, горохъ и пр. Но, положимъ, что результатъ и въ этомъ случаѣ бы удаченъ. Тогда пусть г. Кавелинъ попробуетъ сказать, напр., два слова изъ психологіи, изъ кухоннаго искусства, огородничества и пр. Здѣсь результатъ будетъ уже навѣрно отрицательный, несмотря на то, что передъ каждымъ отдѣломъ существительныхъ стоитъ ясное понятіе, обнимающее собою въ ассоціаціяхъ десятки видныхъ представленій.

Если, наоборотъ, онъ станетъ по командѣ дѣлать разныя движенія головой, глазами, руками, ногами и пр., то опытъ ему легко удастся.

Отсюда слѣдуетъ уже съ очевидностью, что если мы, какъ говорится, и можемъ вызывать по произволу представленія и идеи, и сравнительно въ очень скромныхъ размѣрахъ, преимущественно въ которыхъ стоятъ въ болѣе или менѣе близкой связи съ нашими, занимавшими насъ передъ этимъ, яко бы произвольными, представленіями,

При этомъ не нужно забывать, что власть человѣка надъ мыслями была бы доказана вполне только въ томъ случаѣ, еслибы человѣкъ могъ въ самомъ дѣлѣ вызвать произвольно въ головѣ *весь* рядъ извѣстныхъ ему словъ, подобно тому, какъ онъ легко можетъ произвести весь рядъ извѣстныхъ ему движеній.

Но и эта ограниченная власть оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣнн, иллюзіей. Въ приведенныхъ опытахъ приглашеніе къ нимъ ставляетъ уже мотивъ, опредѣляющій появленіе въ сознаниі ассоціированныхъ между собой существительныхъ; до тѣхъ поръ, пока какое предыдущее легко тянетъ за собой послѣдующее, ассоціація не исчерпана — рядъ словъ льется легко; но за предѣлами ея выдвигаются уже точки преткновенія, несмотря на то, что мотивъ продолжаетъ дѣйствовать приприсоривающимъ образомъ.

Что касается до фактовъ обыденной жизни, когда человѣкъ, помимо, произвольно вызываетъ въ себѣ мысли, то мотивъ къ такому вызванію *всегда* опредѣляется занятіями или данной [минуты], и всего чаще, или какими-нибудь дѣлами, обстоятельствами, существующими для человѣка помимо его настоящей работы. Доказать это крайне легко не только на примѣрахъ, но даже съ общей точки зрѣнія. Когда человѣкъ что-нибудь придумываетъ или усиливается что-нибудь вспомнить (все это фигурныя выраженія), значить мысль, которой онъ ищетъ, нужна ему для какого-нибудь дѣла, иначе онъ былъ бы сумасшедшій; *дѣло* и есть стало быть мотивъ, опредѣляющій тѣ темные процессы, которые мы фигурно называемъ поисками и стараніемъ придумать, припомнить.

Акты эти рождаются, слѣдовательно, въ сознаниі *всегда*, какъ *послѣдствіе*, *никогда* — произвольно. Да и результатъ этихъ поисковъ, какъ говоритъ ежедневный опытъ, чисто случайный — удача нисколько не зависитъ параллельно усиліямъ, часто бываетъ даже наоборотъ: забытое вспоминается, когда человѣкъ уже отказался отъ желанія вспомнить. Можетъ быть произвольность выражается въ самыхъ поискахъ этой мысли?—Сознаніе говоритъ, что человѣкъ дѣлаетъ при этомъ нѣкія-то умственные усилія, и процессъ имѣетъ даже опредѣленную физиономію, выражающуюся хмуреніемъ бровей и треніемъ лба. Процессъ припоминанія, очевидно, реальный, но до такой степени темный, что отличить въ немъ можно съ нѣкоторой ясностью только два пункта: 1) сознаніе внезапнаго перерыва въ той ассоціаціи (когда человѣкъ во время разсказа или думы про себя вдругъ забываетъ слово), которая проходила въ головѣ,—перерыва, который всегда дѣйствуетъ на человѣка какъ толчокъ (если человѣкъ даже спитъ подъ шумъ или музыку, то отъ внезапнаго перерыва ихъ онъ просыпается), производящій, по общежитейскому выраженію, его мозги на новые

рельсы; 2) затѣмъ, желаніе вернуть утраченное, выражающееся въ томъ, что при неудачѣ является даже досада. Въ этихъ элементахъ произвольнаго ничего нѣтъ, другихъ же мы не отличаемъ; стало бы о произвольности, какъ и вообще о качествахъ процесса придумыванія воспоминанія, и рѣчи быть не можетъ.

Другой аргументъ противъ свободы мышленія заключается въ общезвѣстномъ фактѣ, что мы не въ силахъ подавить въ себѣ мысль непосредственно. На это конечно можно было бы возразить, что какое вліяніе воли на поступки не доказываетъ еще, что она можетъ дѣйствовать двоякимъ же образомъ и по отношенію къ мысли такъ какъ самыя воли могутъ быть различны; но тогда послѣдствовало бы доказать, иначе трактатъ не имѣетъ научнаго смысла или по крайней мѣрѣ, въ видахъ логичности, слово „свобода“ слѣдовало замѣнить словомъ „полу-свобода“.

По счастью для человѣчества, оно не имѣетъ надъ своими мыслями и этой полу-власти, и только благодаря этому условію, мышленіе наше получаетъ характеръ непрерывной цѣпи, звенья которой послѣдовательно вытекаютъ другъ изъ друга. Самъ г. Кавелинъ опредѣляетъ (стр. 108—109) состоянія, когда мы забываемся, грезимъ на яву, какъ случаи несвободнаго мышленія; но вѣдь глубокая научная дума, поглощающая человѣка до забвенія всего окружающаго, *по своимъ признакамъ*, похожа на эти грезы. А между тѣмъ изъ этихъ научныхъ мечтаній рождаются самыя высокія открытія; для этого вовсе не нужно, чтобы грезы были съ запятыми, то есть непремѣнно прерывались произвольнымъ придумываніемъ новыхъ мыслей; наоборотъ, какъ при всякомъ сосредоточенномъ мышленіи, теченіе ихъ обыкновенно бываетъ плавное. Всякій человѣкъ, испытывающій на себѣ минуты зарожденія соображеній, поведшихъ къ новой научной истинѣ, можетъ засвидѣтельствовать справедливость моихъ словъ.

Всѣ перечисленныя соображенія еще легче приложимы къ чувству, которое г. Кавелинъ тоже считаетъ свободнымъ, хотя и не имѣющимъ мысли.

Но въ концѣ его философскихъ изысканій все-таки остается нѣчто въ родѣ раздвоенія души.

Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ г. Кавелинъ (стр. 103—104): „Внутреннее зрѣніе и способность души получать и сохранять психическія впечатлѣнія указываетъ на свойство ея раздвѣляться внутри себя, оставаясь единой и цѣльной. Какъ память сохраняетъ и удерживаетъ въ душѣ факты, которые представляются сознанію и самосознанію, такъ раздвоеніе души, остающейся въ одно время единой, даетъ намъ возможность ихъ видѣть и знать, и при этомъ

ходятся въ душѣ, или видѣть себя и знать, что видишь себя, а другого. Еслибъ душа не имѣла способности раздвоиться, оставаясь нераздѣльной и цѣлой, то человѣкъ не могъ бы видѣть того, что заключается и происходитъ въ его душѣ, не могъ бы психически смотрѣть въ самого себя; еслибъ душа, раздвояясь, не оставалась въ то же время нераздѣльной, то человѣкъ не могъ бы сознать самого себя, думать или говорить о себѣ: я; раздвоившись внутренне, онъ психически распался бы на двѣ постороннія другъ другу половины и казался бы самому себѣ чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ и внѣшнимъ; но такъ какъ онъ сознаетъ, что это постороннее и другое — онъ самъ, то отсюда видно, что, несмотря на раздвоеніе, душа его остается нераздѣльной и цѣлой.

Ничего подобнаго этому свойству мы не встрѣчаемъ въ физическомъ мірѣ... Еслибъ мы вздумали объяснить способность психическаго раздвоенія и ея послѣдствія *примѣрами изъ матеріальнаго міра*, то пришлось бы допустить, что предметъ можетъ выдѣляться изъ самого себя, или что выдѣленная часть *можетъ быть равна цѣлому и быть сама этимъ цѣлымъ*, или что *цѣлое можетъ оставаться цѣлымъ и по выдѣленіи изъ него части*; но всѣ подобныя представленія въ примѣненіи къ матеріальному міру совершенно невозможны, а въ психическомъ имъ соотвѣтствуютъ очень обыкновенныя и безспорныя факты, которые каждый можетъ наблюдать на себѣ и на другихъ — *такъ они просты и очевидны*... Психическій организмъ составляетъ особый видъ организмовъ, также непохожій на физическіе, *какъ органическіе предметы не похожи на неорганическіе или животныя на растенія*“.

Всю эту теорію я разберу только съ логической стороны.

Говоря о невозможности объяснить психическое раздвоеніе *примѣрами изъ матеріальнаго міра*, г. Кавелинъ цитируетъ такія отвлеченія, которыя всѣми людьми на свѣтѣ считаются *аксіомами*, то-есть истинами, не требующими доказательствъ (часть не можетъ быть равна цѣлому, цѣлое не можетъ не уменьшиться по выдѣленіи части). Эти истины обязательны не только для математика, но и для *всякаго логическаго мышленія*. Поэтому всѣ случаи уклоненія отъ этихъ истинъ признаются всѣми людьми *тайнами*, то-есть предметами, которые умъ человѣческой постичь не можетъ. Г-нъ же Кавелинъ въ первой половинѣ приведенной выписки *выводитъ эту тайну* логически (!!!), другими словами, *онъ познаетъ тайну*. Очевидный абсурдъ.

Далѣе. По его словамъ, въ основѣ вывода лежатъ *простыя факты*; стало быть: фактъ, заключающій въ себѣ данныя вывода, простъ, а выводъ непостижимъ для человѣческаго ума. Другой абсурдъ.

Въ - третьихъ. Всѣ физики, химики, ботаники и зоологи всѣхъ странъ признають, что органическіе и неорганическіе предметы, растенія и животныя, управляются въ сущности одинаковыми законами. Стало быть, *между ними не существуетъ такой странности различій, какъ между раздволяющимся и все-таки члвчнмъ психическимъ и любымъ физическимъ организмомъ.* Аналогія приведена, слѣдовательно, неправильная, да притомъ приведеніе ея нелогично: ужъ если разъ сказано, что примѣрами изъ матеріальнаго міра объяснитъ раздвоенія нельзя, то какъ же можно примирить умъ съ этимъ раздвоеніемъ, ссылаясь именно на факты матеріальнаго міра.

Этимъ я заканчиваю разборъ философской системы г. Кавелина, чтобы въ свою очередь попытаться набросить въ общихъ чертахъ планъ разработки психическихъ фактовъ, такъ какъ время для нея повторяю еще разъ, уже наступило.

Ив. Свяченоеъ.



ПОЛЬСКАЯ ПРЕССА ВЪ 1871 ГОДУ.

Warszawski Rocznik literacki. Wars. 1872. — Na Dziś. Pismo zbiorowe. Kraków. I. 1872. (Bibliografia polska).

Если принять во вниманіе численность сочиненій, вышедшихъ на польскомъ языкѣ въ прошломъ году, то нельзя не подивиться значительности цифры ихъ: она доходитъ до 674. Тѣмъ не менѣе, даже польскіе отчеты жалуются на бѣдность своей литературы истекшаго года. Таланты совсѣмъ перевелись, и почти все, сколько-нибудь заслуживающее вниманія, преимущественно изъ области изящной литературы, явившееся въ 1871-мъ году, исчерпывается новыми изданіями прежнихъ авторовъ или переводами съ иностранныхъ языковъ. Что касается до другихъ отраслей литературы, то оригинальныхъ произведеній по нимъ оказывается чрезвычайно мало, да и переводы, по свидѣтельству польскихъ же отчетовъ, расходятся весьма туго. Благодаря свѣдѣніямъ, находящимся въ двухъ отчетахъ, заглавіе которыхъ мы выписали выше, можно составить слѣдующую статистическую таблицу польскихъ книгъ, вышедшихъ въ 1871-мъ году:

	Въ Россіи.	Въ Ав- стріи.	Въ Прус- сіи.	Въ остальн. государств.	Всѣхъ.
съ духовнаго содержанія	17	19	15	4	55
философія и педагогика	7	13	3	4	27
политическія и администраціи	11	16	2	—	29
экономическая экономія, хозяйство и промышленность	19	14	2	—	35
естествовѣдѣніе	11	15	—	—	26
медицина	14	7	1	—	22
исторія, археологія, біографія	13	34	9	5	61
искусство	—	11	2	—	13
географія, этнографія и статистика	1	11	—	—	12
геометрія	—	3	3	1	7
сочиненія	15	28	4	—	47
повѣсти, романы, драмы и т. д.	37	60	22	3	122
искусства	—	2	—	—	2
рецензій, отчеты, полемич. статьи	—	55	7	1	63
книжки для дѣтей	12	10	8	10	40
альманахи	8	14	8	—	30
временныя изданія	35	33	14	1	83
Итого	180	365	100	29	674

Изъ этой таблицы видно, что центры литературной дѣятельности сосредоточены въ австрійской Польшѣ, т. е. въ Краковѣ и Львовѣ. Варшава пока занимаетъ первое мѣсто только по періодической печати. Можно замѣтить, что въ значительной степени преобладающею литературою является беллетристика, потому разные легучіе листки, исторія и ея вспомогательныя науки, наконецъ богословіе. Показательно мало книгъ по естествовѣдѣнію, особенно если сравнить въ количествѣ появляющихся въ Россіи. Учебниковъ тоже почти нѣтъ, но это обуславливается главнымъ образомъ малою употребительностью польскаго языка въ школахъ въ русской и прусской Польшѣ. Научныхъ специальныхъ сочиненій весьма мало, за исключеніемъ медицинскихъ, чему способствуетъ въ значительной степени общество польскихъ врачей, существующее въ Варшавѣ. Это единственное польское ученое общество, имѣющееся въ предѣлахъ російской имперіи; другія общества (литературное, любителей наукъ, механическое и археологическое) приходятся на Австрію, чѣмъ, равно какъ и польскими университетами, объясняется численное превосходство книгъ по исторіи, этнографіи, географіи, статистикѣ, филологіи и эстетикѣ, изданныхъ въ Львовѣ и Краковѣ.

Такова польская библиографія прошедшаго года съ внѣшней стороны; что же касается до внутренней, то мы ее постараемся охарактеризовать главнымъ образомъ по даннымъ, имѣющимся въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Warszawski Rocznik literacki».

Кружокъ литераторовъ, издавшихъ эту книгу, бесспорно знакомъ близко съ литературнымъ движеніемъ своего отечества. Онъ возбуж-

даетъ еще болѣе довѣріе къ себѣ тѣмъ, что отрѣшается отъ всѣхъ ультра-патріотическихъ и національныхъ предрасудковъ и, стоя почвѣ общечеловѣческаго просвѣщенія, смѣло высказываетъ своимъ соотечественникамъ, хотя эти мнѣнія и весьма не лестны для нихъ. У польскихъ писателей обыкновенно преобладаетъ поклоненіе старому, стремленіе выдвинуть наружу всякую свѣтлую сторону, раздуть и покрывать такимъ образомъ цѣлую кучу дряхлой рухляди; они большей части случаевъ боятся прибѣгать къ громкимъ обличеніямъ, такъ какъ полагаютъ, что подобный тонъ способенъ лишь къ тому, чтобы убить всякую энергію и національное чувство въ своихъ соотечественникахъ, усилить и безъ того уже существующее у другихъ народовъ сомнѣніе на счетъ живучести въ польскомъ народѣ тамъ, гдѣ началъ, которыя давали бы ему право на политическую самостоятельность. Исходя изъ этой точки зрѣнія, польскіе писатели во всѣхъ случаяхъ, замѣчаемыхъ у себя дома, стараются обвинить постороннія государства, взвалить бѣду на другихъ и идеализировать родъ. Кружокъ безпристрастныхъ критиковъ, сознавшихъ невозможность жить археологическимъ патріотизмомъ, былъ до сихъ поръ между польскими писателями очень немногочисленъ; не особенно-то онъ великъ и теперь, но во всякомъ случаѣ стремленіе къ другимъ идеаламъ, къ жизни на новыхъ основаніяхъ, дѣлается въ настоящее время все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Къ этому лагерю принадлежатъ составители „Варшавскаго литературнаго ежегодника“, изъ этого лагеря вышли и тѣ писатели, которые начинаютъ толковать объ крѣпнемъ сближеніи поляковъ съ Россією. Разумѣется, намъ остается только радоваться проблескамъ этого новаго направленія и желать, чтобы они не заглохли.

Но такое направленіе пока еще только въ зародышѣ. Почти вся польская литература минувшаго года продолжаетъ благоговѣть передъ старыми, пестрыми, но безсодержательными для XIX-го вѣка образами прошедшаго шага, отрещиваться отъ демократизма и анти-католическаго прогресса, драпироваться въ порядочно изношенный плащъ байронизма или вращаться въ области отвлеченной морали. Просматривая каталогъ 674 книгъ, вышедшихъ въ минувшемъ году, можно насчитать не болѣе двадцати пяти такихъ, которыя бы затронули живые современные вопросы, а еще менѣе такихъ, которыя попытаны бы рѣшить ихъ въ современномъ духѣ. Изъ статистическихъ свѣдѣній приведенныхъ нами выше, видно, какъ сравнительно мало вышло книгъ по естествовѣдѣнію, да и вышедшія суть не иное что, какъ переводы довольно слабыхъ популярныхъ компіляцій; имена же Дарвина, Фохта и т. п. остаются извѣстными польскимъ читателямъ лишь по наслышкѣ, да по тѣмъ отзывамъ, которые о нихъ слышатъ.

въ „Католическомъ Обзорѣнн“ или въ многочисленныхъ богословскихъ книгахъ, которыхъ въ одномъ 1871-мъ году вышло 55. То же самое явленіе наблюдается въ области философіи; одна только монографія г. Охоровича („Задачи психологіи въ XIX вѣкѣ“) стоитъ на почвѣ позитивизма; но за то найдете болѣе десятка измышленій такихъ философовъ, какъ аббатъ Лафоре, какъ д-ръ Гаффнеръ, которые бьютъ въ набатъ по поводу Конта, Литтре и Милля. Результаты, добытые историческою наукою нашего времени, также не пользуются въ польскомъ обществѣ популярностью: только одинъ Бокль переведенъ, а книги Дрэннера, Лекки и др. не удостоились этой чести. Польскіе историки занимаются, главнымъ образомъ, древнимъ періодомъ исторіи своего отечества, а также собираютъ и издаютъ матеріалы. Къ прошлому году относится довольно много такихъ изданій, какъ совершенно новыхъ, такъ и перепечатокъ прежде вышедшихъ. Къ числу такихъ изданій относится „Codex diplomaticus studii generalis Cracoviensis“, нѣсколько интересныхъ мемуаровъ о кампаніи 1812 года, о возстаніи Костюшки, а также сборникъ историческихъ записокъ разныхъ польскихъ общественныхъ дѣятелей минувшаго столѣтія, издаваемый г. Крашевскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что труды эти весьма полезны, даже драгоценны; но обиліе ихъ сравнительно съ немногочисленностью книгъ другого рода, книгъ живыхъ, весьма краснорѣчиво говоритъ за господство въ польской литературѣ односторонняго направленія. Изъ современныхъ явленій одна только прусско-французская война сильно заинтересовала польскую читающую публику, которая съ жадностью расхватывала книгу Сарсе („Осада Парижа“), брошюру Фея („Дневникъ Мецской арміи“) и т. п.

Романъ и повѣсть распространены въ публикѣ значительнѣе всего. Во главѣ книгъ этого рода стоятъ труды г. Крашевскаго. Г. Крашевскій—авторъ весьма плодовитый; онъ въ этомъ отношеніи можетъ быть сравниваемъ съ Александромъ Дюма, и не уступить послѣдному по силѣ таланта, по полнотѣ мыслей, замѣчаемой въ нѣкоторыхъ изъ его произведеній. Тѣмъ не менѣе восемь произведеній, вышедшихъ изъ-подъ его пера въ 1871-мъ году, обнаруживаютъ значительный упадокъ его таланта, и возвращаются главнымъ образомъ на запутанности интриги, неожиданности развязки. О польской беллетристической литературѣ въ общей сложности можно сказать, что она или до крайности безсодержательна, или занимается идеализаціею картинъ прошедшаго; при чемъ авторы благоговѣютъ даже предъ кулачнымъ правомъ и пьянствомъ пановъ и шляхтичей Рѣчи-Посполитой, или впадаютъ въ идиллическій тонъ, доходящій до приторности и борющійся противъ какихъ-то, никому невѣдомыхъ, разрушительныхъ началъ. Довольно блестящее исключеніе изъ этого общаго направленія со-

ставляютъ живыя, ѣдкія характеристики польскаго дворянства г. Ежа, да „Могильна“ г. Захарьясевича, автора, хотя и не чуждаго туманнаго полонофильства, но безспорно талантливаго, взявшагося въ названной повѣсти, какъ и въ нѣкоторыхъ изданныхъ прежде, изобразить германизацию западныхъ славянъ. Переводная литература обогатилась въ 1871-мъ году двумя-тремя романами Шпильгагена, да нѣсколькими довольно древними произведеніями Жоржъ-Санда. Изъ русскихъ произведеній только „Борисъ Годуновъ“ гр. Толстаго напелъ себѣ переводчика.

Но если книжная литература утратила живость и современный интересъ, то неужели въ этомъ можетъ быть обвинена и литература періодическая, на обязанности которой лежитъ главнымъ образомъ занятіе текущими дѣлами? Къ сожалѣнію—сонливость и мертвенность охватили и ее. Журналы, какъ „Еженедѣльная Иллюстрація“, „Колосъ“, „Плющъ“ и др. отличаются другъ отъ друга лишь по формѣ, содержаніе же въ нихъ одно и то же. Главная ихъ пища—переводы французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ романовъ, а также выкапываніе изъ-подъ пепла разныхъ древнихъ храмовъ и другихъ памятниковъ, однообразное и скучное описаніе которыхъ, вмѣстѣ съ довольно сносными снимками, наполняетъ нумера журналовъ. Характеристическую черту этихъ изданій составляетъ погоня за біографіями. Достаточно какому-нибудь врачу исцѣлить трехъ-четырехъ трудныхъ больныхъ, какому-нибудь богачу пожертвовать нѣсколько мѣдныхъ грошей на богоугодныя заведенія—и имена ихъ, а также портреты и подвиги, передаются текущею литературою въ назиданіе потомства. Отсутствіе критики замѣчается повсюду; взаимное же восхваленіе встрѣчается чуть ли не въ каждомъ номерѣ.—Нѣсколько особнякомъ отъ названныхъ выше журналовъ стоитъ якобы ученая и архи-серьезная „Варшавская Библіотека“. Она весьма высокаго мнѣнія о себѣ, но живетъ главнымъ образомъ воспоминаніями о своемъ прошломъ величіи.

Однако мы были бы несправедливы, еслибъ не указали на проблески лучшихъ начинаній въ журналистикѣ; въ числу такихъ проблесковъ можно отнести краковское изданіе: „Na Dzis“ („На Сегодня“) выходящее безъ срока довольно объемистыми книжками и задавшееся, по крайней мѣрѣ, если не цѣлью отвѣчать на современные вопросы, то помѣщать статьи, знакомящія публику съ результатами, добытыми западно-европейскою наукою и жизнью. Другое изданіе съ новымъ характеромъ—это варшавское „Еженедѣльное Обзорѣніе“, подвергающееся гоненію со стороны польскихъ патриотовъ и осуждаемое на сожженіе католическими священниками, которые упоминаютъ иногда о немъ даже въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ. „Еженедѣльное Обзорѣніе“ поста-

себѣ задачей бороться съ мертвою польскою журналистикою и срывать передъ публикою всю ея несостоятельность, ея старомодность. Уязвленные органы обыкновенно молчатъ, дѣлая видъ, что не желаютъ обращать вниманія на „недостойныя“ выходки „редакціи своей“; но иногда, не вытерпѣвъ, раздражаются громозвучными статьями противъ мухи, не дающей имъ спать спокойно, и такимъ образомъ доказываютъ, что ихъ молчаніе, выдаваемое за олимпійскую сдержанность, не всегда обусловливается сознаніемъ собственного достоинства. Впрочемъ, „Еженедѣльное Обзоріе“ имѣетъ значеніе лишь номинальное: ловко и остроумно побивая своихъ собратьевъ, оно не выработало для себя опредѣленной программы.

Польскія газеты въ Австріи и Пруссіи занимаются текущими вопросами и служатъ родинѣ настолько, насколько имъ достало умѣнья. Но выходящія въ царствѣ польскомъ запечатлѣны тѣмъ же характеромъ, какъ и объемистыя повременныя изданія. „Варшавская Газета“ помѣщаетъ постоянно пространныя свѣдѣнія про готтентотовъ и мормоновъ, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія обзрѣваетъ польскія дѣла, тщательно выбираетъ изъ иностранныхъ изданій самыя мелочныя подробности про Гамбетту, Наполеона III, Тьера или Гюльера; но для нея не существуетъ ни судебный вопросъ въ провинціальномъ краѣ, ни вопросъ объ учебной реформѣ, ни даже крестьянское право. О другомъ ежедневномъ органѣ, едва ли не самомъ распространенномъ, „Польской Газетѣ“, „Литературный Ежегодникъ“ произноситъ слѣдующее сужденіе: „Еслибы на перекресткѣ нѣсколькихъ улицъ прибить большой листъ бѣлой бумаги, куда бы всѣ прохожіе наносили свои мнѣнія и сужденія, а потомъ безъ всякихъ измѣненій напечатать написанное, то получился бы вѣрный типъ „Польской Газеты“. Цѣлый ворохъ разнообразныхъ свѣдѣній безъ всякой логической связи, иногда нѣсколько разъ повторяемыхъ въ одномъ и томъ же номерѣ или противорѣчащихъ одно другому — вотъ эта настоящая руководительница общественнаго мнѣнія. Вы можете въ одинъ день прочитать тридцать разъ о томъ, что Бейстъ вышелъ въ отставку, и не сможете заключеніе не узнать навѣрно, въ самомъ ли дѣлѣ это случилось. Не знаешь, что тутъ дѣйствительно, содержаніе ли газеты, или заглавіе на ея изданіе?“ Добросовѣстнѣе и разумнѣе другихъ повременныхъ изданій ведетъ свое дѣло органъ польскихъ Евреевъ „Израильскій“.

Изъ этого краткаго отчета о польской литературѣ минувшаго года, составленнаго главнымъ образомъ на основаніи польскихъ источниковъ, слѣдуетъ весьма грустный выводъ: литература эта имѣетъ очень мало задатковъ на жизнь, она отвергивается обществомъ, она не является руководительницею обществен-

наго мнѣнія, инстанціею, въ которой бы обсуждались насущныя потребности, вопросы дня. Авторъ „Ежегодника“ посвящаетъ довольно объемистую статью разсмотрѣнію причинъ такого упадка тавой нравственной и умственной нищеты. На первомъ планѣ здѣсь ставить консерватизмъ самого общества и его любовь ко му тому, что и въ литературѣ и въ жизни покрыто археологическою пылью; затѣмъ думаетъ, что неразвитость читающихъ массъ дѣлаетъ невозможнымъ предложеніе имъ другой умственной пищи, какъ стихотворенія и повѣсти и романы. Въ этомъ отношеніи литература испытываетъ на себѣ пагубное вліяніе со стороны общества, но и сама она далеко небезвинна. Дѣло въ томъ, что составленіе книгъ, журналовъ и газетъ попадаетъ въ руки такихъ людей, которымъ сдѣлало бы раньше писанія хоть кое-что прочесть, а также научившись болѣе добросовѣстному отношенію къ своему дѣлу. „Отсюда, по мнѣнію автора, происходитъ и то справедливое недовѣріе къ литераторамъ, которое замѣчается въ нашемъ обществѣ. Если говорить о комъ-нибудь, что онъ литераторъ, то это значитъ почти то же, что „онъ неучъ, шарлатанъ, фокусникъ“. Нравственное вліяніе литературы при существованіи такого взгляда на литератора едва ли можно считать большимъ. „Давленіе капитала оказываетъ, по мнѣнію автора, сильное вліяніе на всю литературу: издатели книгъ и журналовъ стремятся лишь къ полученію извѣстнаго дохода, а потому поддѣлываются на вкусъ публики, сами подѣ-часъ сознавая всю пошлость такого поведенія. Книгопродавцы-издатели смотрятъ на свое дѣло и здѣсь, какъ почти вездѣ, исключительно съ коммерческой точки зрѣнія, а потому и понятно то, что они стараются лишь объ одномъ удовольствіи: спросе; но редакторы не должны бы являться рабами мнѣній массъ и своихъ грошевыхъ разчетовъ, тѣмъ болѣе что всѣ редакціи въ матеріальномъ отношеніи обставлены очень не дурно, а появленіе нѣсколькихъ новыхъ органовъ въ 1872-мъ году указываетъ на довольно значительную обширность круга читателей. Притомъ литературный трудъ въ Варшавѣ баснословно дешевъ: по вычисленію автора „Ежегодника“, одна часть литературной работы сотрудника редакціи оплачивается отъ 15 до 30-ти копѣекъ!

Вотъ какими причинами объясняетъ авторъ упадокъ польской литературы. Мы вполне согласны съ нимъ, что кругозоръ самого общества очень ограниченъ, а это не можетъ не отразиться на литературѣ, равно какъ и степень умственныхъ и нравственныхъ качествъ самихъ литераторовъ. Но мы полагаемъ, что рядомъ съ этими причинами дѣйствуютъ и другія, а именно постепенное вытѣсненіе польскаго языка изъ школы и общественной жизни въ русскія и австрийскія Польшѣ. Сонливость же варшавскихъ редакцій и ихъ

вниматься обмѣномъ мыслей по поводу текущихъ интересовъ, въ значительной степени могутъ быть объяснены вліяніемъ цензурныхъ мѣсеній. Всякому извѣстно, что значить цензура въ провинціи, какъ велико довѣріе общества къ такому листу, который снабженъ полами: „одобрено цензурою.“ Слова эти исключаютъ до нѣкоторой степени возможность свободнаго обсуждения, заключаютъ въ себѣ и въ бы намекъ на обязательность говорить такъ, а не иначе. Вотъ почему, думаемъ мы, если намъ желательно распространіе въ польскомъ обществѣ новыхъ идей, если желательно подавленіе католической и шляхетской традиціи, если желательно поддержаніе того, какъ немногочисленнаго, кружка поляковъ, которые сознали необходимость искренняго сближенія съ Россією и признанія совершившихся мѣновъ, то мы должны дать Варшавѣ по крайней мѣрѣ ту долю свободы печати, которою пользуются Москва и Петербургъ. Наша администрація имѣетъ всегда въ рукахъ много средствъ обуздать всякое злоупотребленіе въ этой области, а потому опасаться того, чтобы печать, надѣленная нѣкоторою долею свободы, не стала органомъ „коварной польской интриги“ — незачѣмъ. Всякое стѣсненіе печати можетъ быть съруки однимъ всендзамъ и ультра-патріотамъ.

П—чъ.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

I.

„М. Г. Въ № VIII-мъ „Вѣстника Европы“ помѣщенъ библиографическій отзывъ о вышедшемъ въ нынѣшнемъ году III-мъ выпускѣ „Ежегодника министерства финансовъ“. Рецензентъ выразилъ мнѣніе, что „Ежегодникъ“ вообще не соотвѣтствуетъ своей цѣли, не исполняетъ своей исторической задачи и идетъ все ухудшаясь. Въ доказательство же того приведено слѣдующее:

1) Большая часть свѣдѣній, какъ, напримѣръ, свѣдѣнія о горной части и другихъ, представляютъ только простую сводку, безъ всякой обработки, при чемъ редакція пренебрегаетъ свѣдѣніями, доставляемыми изъ губерній.

2) Свѣдѣнія о городскихъ общественныхъ банкахъ, о выкупной операціи и о внѣшней торговлѣ не болѣе какъ перепечатка изъ „Правительственнаго Вѣстника“ и другихъ источниковъ.

3) Матеріалъ III-го выпуска „Ежегодника“ вообще, какъ по количеству такъ и по качеству, ниже матеріала предыдущихъ выпусковъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ свѣдѣній о фабрикахъ и мануфактурахъ, въ свѣдѣніяхъ о питейной торговлѣ и о дыбычѣ соли не достаетъ той разработки, которая была въ первомъ и второмъ выпускахъ, а кромѣ того,

нѣтъ вовсе свѣдѣній о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ и т. д.

Состоя редакторомъ „Ежегодника“, издаваемаго по моему инициативѣ, я считаю неумѣстнымъ входить въ разборъ мнѣнія автора замѣтки, на счетъ пользы и достоинства этого изданія и на счетъ удовлетворительности или неудовлетворительности редакціи. Но во всемъ томъ, я считаю своею обязанностію объяснить слѣдующее:

Автору замѣтки должно быть извѣстно, что „простая сводка“ публикуемая „Ежегодникомъ“, только и можетъ быть составлена изъ мѣстныхъ свѣдѣній, и потому редакція не могла пренебречь свѣдѣніями, доставляемыми изъ губерній. Эта „простая сводка“ составляетъ труднѣйшую часть всей работы, особенно если она должна производиться правильно, безъ перерывовъ, по постояннымъ формамъ, тогда какъ качество первоначальнаго матеріала зависитъ отъ множества случайностей. Знаемому съ официальными статистическими изданіями, публикуемыми разными статистическими учрежденіями Европы, извѣстно, что всѣ эти *Annales*, *Jahrbücher*, *Annuaire* и отдѣльные изданія тоже содержатъ не болѣе какъ „сводки“ и что именно эти сводки-то и составляютъ главное основаніе статистики, какъ науки. Публикуя сводки, „Ежегодникъ“ вполне отвѣчаетъ своей программѣ и своему назначенію—готовить матеріалъ для правильной статистической разработки главныхъ вопросовъ, которые касаются въ область управления министерства финансовъ, и для оцѣнки результатовъ этой дѣятельности. Дѣлать выводы и заключенія, т. е. дѣлать оцѣнку собственной своей дѣятельности, министерство считаетъ неудобнымъ и предоставляетъ это частной критикѣ. Задача его состоитъ исключительно въ томъ, чтобы матеріалъ для частной работы былъ вѣрный и не представлялъ пробѣловъ и перерывовъ.

Далѣе. Утверждая, что свѣдѣнія объ общественныхъ городскихъ банкахъ, о выкупной операціи и о внѣшней торговлѣ перепечатаны, авторъ опять не правъ. Что касается свѣдѣній о городскихъ общественныхъ банкахъ, то одинъ объемъ могъ бы убѣдить всякаго въ томъ, что тутъ и рѣчи быть не можетъ о перепечаткѣ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ свѣдѣнія эти занимаютъ одну газетную страницу, въ „Ежегодникѣ“ $4\frac{1}{2}$ листа (71 стр.) мелкой печати. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ упомянуты только главные обороты, въ „Ежегодникѣ“ приведены всѣ подробности подлинныхъ отчетовъ. Притомъ въ „Ежегодникѣ“, на стр. 210-й, сказано: „Почти всѣ цифры „Правительственнаго Вѣстника“ и „Ежегодника“ не сходны между собою“, и затѣмъ на послѣдующихъ страницахъ оговорены разногласія, а также указаны ошибки въ вѣдомости „Правительственнаго Вѣстника“. Всѣхъ оговорокъ и поправокъ около 130-ти. Что касается выкупной операціи, то я замѣчу, что въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ печатаются мѣсячные балансы, а въ „Ежегодникѣ“ годовые отчеты; наконецъ, относительно свѣдѣній о внѣшней торговлѣ мнѣ достаточно указать на одни заголовки, чтобы оправдаться отъ взводимыхъ на „Ежегодникъ“ обвиненій.

По третьему пункту. Ни во II-мъ, ни въ III-мъ выпускахъ „Ежегодника“ дѣйствительно нѣтъ свѣдѣній о фабрикахъ и мануфактурахъ помѣщенныхъ въ I-мъ выпускѣ, но въ предисловіи ко II-му выпуску

на причина того. Въ этомъ предисловіи сказано весьма ясно, что свѣдѣнія о фабричной промышленности будутъ обнародоваться, по образцу другихъ государствъ, періодически, по пятилѣтіямъ, такъ какъ нѣтъ никакой надобности дѣлать это чаще. Что касается сравнительной разработки свѣдѣній о питейной продажѣ, то въ I-мъ выпускѣ таковая была сдѣлана потому, что имѣлись на лицо своды за пять лѣтъ, во II-мъ и III-мъ же выпускахъ есть только своды за отдѣльные годы. То же самое должно сказать относительно отсутствія, въ IV-мъ выпускѣ, специальной статьи о добычѣ и продажѣ соли. Кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пятилѣтніе своды можно дать только чрезъ 5 лѣтъ, а не ежегодно.

Что касается, наконецъ, отсутствія свѣдѣній о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ, то урекъ автора замѣтки только доказываетъ, что онъ недостаточно знакомъ съ условіями акцизнаго контроля. Свѣдѣнія эти въ акцизныхъ учрежденіяхъ не имѣются, и редакция „Ежегодника“ никакими способами добыть ихъ не могла, хотя вполне сознаетъ интересъ, который они представляютъ.

А. Бушнъ.

II.

М. Г. Помѣщенная въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1872 г., стр. 924, рецензія моего труда „Матеріалы для статистики заводско-фабричной промышленности въ Европейской Россіи за 1868 г.“ (5-ой выпускъ II-й серіи Статистическаго Временника, издаваемого Центральнымъ статистическимъ комитетомъ) заставляетъ меня просить васъ не отказатъ мнѣ въ напечатаніи слѣдующихъ строкъ.

Первое замѣчаніе этой рецензіи касается не строго-обдуманной системы, по которой распределенъ матеріалъ въ моемъ трудѣ. Эта не строго-обдуманная система принадлежитъ однако вѣнской сессіи международнаго статистическаго конгресса, на которой классификація фабричныхъ производствъ обсуждалась лучшими специалистами и вообще наиболѣе компетентными въ этомъ дѣлѣ лицами изъ всѣхъ почти странъ Европы. Можно конечно находить недостатки въ этой системѣ, но что она далеко оставляетъ за собою систему, принятую въ статьѣ „Мануфактурная промышленность“, въ IV томѣ „Военно-Статистическаго Сборника“, видно уже изъ того, что принятая нами классификація состоитъ изъ 8-ми группъ, подраздѣляющихся на 31 классъ, въ которые включены всѣ производства, между тѣмъ, какъ въ указанной г. рецензентомъ образцовой системѣ упомянутой статьи, производства распределяются въ 8-ми группахъ безъ подраздѣленій, и что кромѣ этихъ восьми группъ является еще девятая, представляющая смѣсь всѣхъ производствъ, не вошедшихъ въ предыдущія группы.

Затѣмъ г. рецензентъ нападаетъ на приложенную къ этому выпуску „Временника“ карту, которая, по его мнѣнію, далеко отстоитъ отъ картъ „Военно-статистическаго Сборника“ и г. Тимирязева. Но едва ли можно сравнивать между собою карты, преслѣдующія весьма различныя цѣли. Названныя карты изображаютъ распределеніе только

одного или нѣсколькихъ сходныхъ производствъ, на пространствѣ вѣсей Россіи, между тѣмъ, какъ наша карта даетъ, за нѣкоторыми исключеніями, общую сумму производства всѣхъ существующихъ въ Россіи отраслей промышленности обрабатывающей, и при этомъ имѣть несомнѣнное преимущество, что въ ней выдѣлена фабричная производительность городовъ. Для тѣхъ, кто привыкъ читать подобнаго рода карты, значительно облегчающія трудъ вниманія въ цифровую работу, выяснятся весьма многіе интересные факты, какъ напримѣръ, что въ черноземной полосѣ Россіи фабричная промышленность почти исключительно стягивается въ городахъ, въ западной Россіи напротивъ, слабая фабричная производительность остается по преимуществу внѣ городовъ, а въ пространствѣ, которое можно назвать южновосточною промышленною областью, распределяется между городами и селеніями. Многіе факты подобнаго значенія обнаружатся при внимательномъ разсмотрѣніи нашей бѣдной, по словамъ рецензента, карты.

Выдѣленіе фабричной производительности городовъ проведено во всей моей цифровой работѣ, состоящей въ первыхъ двухъ частяхъ почти исключительно изъ итоговъ. Исполнивъ столь кропотливую работу, мнѣ ничего не стоило бы дать и общій итогъ производительности промышленности обрабатывающей въ Европейской Россіи, котораго только и недостаётъ въ моемъ трудѣ, такъ какъ общіе итоги для Европейской Россіи по каждому производству и для всѣхъ производствъ по губерніямъ, городамъ и уѣздамъ найдены въ введеніи къ изданію. Но въ введеніи оговорены причины, по которымъ я намѣренно не подвелъ общихъ итоговъ, тамъ же перечисляются производства, невошедшія въ мой трудъ и не дозволившіе подвести къ нему общаго итога, объ отсутствіи котораго такъ сожалѣетъ г. рецензентъ. Я же напротивъ сожалѣлъ бы о присутствіи такого итога, который могъ бы только ввести въ заблужденіе читателя, потому что въ немъ цѣнность многихъ издѣлій вошла бы въ нѣсколькихъ повтореніяхъ.

Извѣстно, что вообще данныя статистики промышленности обрабатывающей не вполнѣ удовлетворительны даже въ такихъ странахъ, гдѣ статистика имѣетъ наибольшее развитіе. Насколько матеріалъ, обнародованный въ 6-мъ выпускѣ „Временника“ недостаточенъ и невѣренъ, обстоятельно изложено въ введеніи къ этому изданію. За отсутствіемъ болѣе подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, представленнаго матеріала можетъ однако служить для справокъ и для многихъ соображеній, хотя цѣль обнародованія его была совершенно другою, именно заключалась въ указаніи, на основаніи подробной разработки существующаго матеріала, на недостаточность регистраціи по статистикѣ промышленности обрабатывающей и на настоятельную необходимость ея преобразованія и объединенія. Буду надѣяться, что новое и болѣе основательное изученіе обработаннаго мною матеріала ознакомитъ съ трудностями, съ которыми приходится бороться въ этой отрасли статистики и дастъ возможность указывать на действительныя упущенія и недостатки, если таковыя существуютъ въ моемъ трудѣ, что и будетъ мною принято съ полною признательностью.

И. Бородинъ

III.

М. Г. Въ октябрьской книжѣ издаваемаго вами журнала помѣсь разборъ нѣсколькихъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ выпусковъ статистическаго Временника, издаваемаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ, и въ томъ числѣ—3-го выпуска II-й серии, заключающаго въ себѣ „Материалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи“, собранные губернскими статистическими комитетами и обработанные мною (часть I-я). Позволяю себѣ высказать по поводу этого разбора нѣсколько объясненій, въ которыхъ и прошу дать мѣсто на страницахъ „Вѣстника Европы“. Разборъ означеннаго выпуска „Временника“ г. рецензентъ начиняетъ съ того, что осуждаетъ употребленіе слова „обработать“ въ томъ смыслѣ, къ какомъ оно поставлено на заглавномъ листѣ этой книги, то-есть, въ примѣненіи къ научнымъ трудамъ; г. рецензентъ утверждаетъ, что „у насъ (?) слово „обработать“ означаетъ дѣйствіе совершенно похвальное, напримѣръ „обработать дѣльцо“, „обработать человѣка“—вовсе не значить устроить какое-нибудь похвальное дѣло и въ какомъ-нибудь отношеніи усовершенствовать человѣка (?). Напротивъ,—обработать что-нибудь и кого-нибудь—значить обработать, провести человѣка, сбыть несомнѣнно красивую вещь „красивую“. Не считаю нужнымъ спорить съ г. рецензентомъ объ истинномъ значеніи и употребленіи слова „обработать“. Замѣчу только, что выраженіе „научная обработка“ давно пріобрѣло право гражданства въ русской рѣчи, и что едва ли настоятъ надобности замѣнить его какимъ-нибудь другимъ; въ изданіяхъ же центральнаго статистическаго комитета оно употребляется постоянно, и какъ мнѣ кажется, весьма удачно опредѣляетъ ту степень труда надъ сырымъ матеріаломъ статистики, которая—въ отличіе отъ простаго печатанія цифръ, съ одной стороны, и отъ всесторонняго изслѣдованія на основаніи ихъ, съ другой,—составляетъ существенную задачу этого учрежденія. Надобно имѣть весьма исключительный взглядъ на вещи, чтобы понимать слово „обработать“ лишь въ томъ значеніи, которое г. рецензентъ признаетъ, съ своей точки зрѣнія, преимущественно „нашимъ“. Въ такомъ однако смыслѣ г. рецензентъ относитъ это слово къ изданію, на которомъ означено мое имя, и даже находитъ тому доказательства въ предисловіи, мною же написанномъ къ означенному изданію. Толкованіе это и побуждаетъ меня представить здѣсь свои объясненія—не въ видахъ впрочемъ личнаго интереса, а лишь въ томъ соображеніи, что вышеупомянутая книга, составленная мною изъ матеріаловъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, издана отъ имени центральнаго статистическаго комитета.

Г. рецензентъ полагаетъ, что обработка матеріаловъ разбираемой мною книги заключалась, съ моей стороны, только въ ихъ печатаніи въ алфавитномъ порядкѣ, а что должна была состоять эта обработка въ устраненіи тѣхъ недостатковъ присланныхъ матеріаловъ, которые я самъ указываю въ предисловіи къ книгѣ, а именно,—что матеріалы эти „не отдѣляются, съ достаточною ясностью, производствъ, выполняющихъ на продажу, отъ производствъ, издѣлій которыхъ

не распространяются дагѣ круга мѣстнаго потребленія", и что, гдѣ они (то-есть, матеріалы) смѣшиваются производство кустарное производствомъ, имѣющимъ фабричный характеръ".

Чтобъ судить о томъ, что именно сдѣлано мною для обработки имѣвшихся у меня матеріаловъ, г. рецензентъ долженъ знать, въ какомъ видѣ они были присланы въ центральный статистическій комитетъ. Въ предисловіи моемъ объ этомъ говорится между прочимъ слѣдующее: „Изъ числа доставленныхъ матеріаловъ нѣкоторые были присланы въ обработанной формѣ, другіе же получены въ совершенно сыромъ видѣ списковъ, вѣдомостей и перечней, а иные, съ того, оказались весьма неполными“. При такомъ положеніи дѣла предостало, очевидно, не одно печатаніе, но и „усовершенствованіе“ (говоря словами г. рецензента) полученныхъ матеріаловъ, обработка ихъ болѣе или менѣе значительная; и она дѣйствительно была сдѣлана мною, при усердномъ содѣйствіи моего почтеннаго сотрудника П. Е. Пудовикова, о чемъ и сказано въ предисловіи.

Обработка эта заключалась въ томъ, что по каждой губерніи присланные матеріалы приводились въ однообразную форму описанія производствъ, при чемъ данныя по возможности располагались совершенно той программѣ, которая была заранее предначертана центральнымъ статистическимъ комитетомъ (и напечатана въ предисловіи книги). Что трудъ этой обработки былъ различенъ по разнымъ губерніямъ, это также понятно. Дѣйствительно, по нѣкоторымъ губерніямъ матеріалъ былъ полученъ въ такой формѣ, что его можно было печатать „безъ значительной переработки“. И это не только скрыто мною, но прямо указано въ предисловіи, а сверхъ того, въ оглавленіи книги поименованы восемь лицъ, статьи которыхъ напечатаны въ ней въ томъ почти видѣ, въ какомъ были присланы. Но рядомъ съ этими статьями въ 3-мъ выпускѣ II-й серіи „Статистическаго Временника“ напечатано еще 15 статей, которыя прямо обработаны мною или моимъ сотрудникомъ на основаніи болѣе или менѣе полныхъ, но сырыхъ матеріаловъ, полученныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Насколько эта обработка измѣнила первоначальный видъ матеріала, можно судить по двумъ примѣрамъ: свѣдѣнія о кустарной промышленности въ Оренбургской губерніи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ доставлены въ центральный статистическій комитетъ, напечатаны въ „Памятной книгѣ Оренбургской губерніи“ на 1872 г.; равнымъ образомъ, свѣдѣнія о Саратовской губерніи напечатаны въ „Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ текущаго года (№№ 32—37); сличеніе этихъ свѣдѣній съ соотвѣтствующими статьями „Временника“ можетъ разъяснить характеръ исполненнаго мною труда. По нѣкоторымъ другимъ губерніямъ, кромѣ поименованныхъ, полученный матеріалъ подвергся еще большей обработкѣ, чѣмъ въ указанныхъ случаяхъ.

1) Я говорю „почти“ потому, что и здѣсь не обошлось безъ нѣкоторыхъ редакціонныхъ измѣненій. Такъ, напримѣръ, имъ подверглась обширная статья И. М. Додова о Шуйскомъ уѣздѣ—на что почтенный авторъ самъ предоставилъ мнѣ право. Желаніи знать, въ чемъ заключались эти измѣненія, можетъ служить указанная статья въ „Статистическомъ Временникѣ“ съ первымъ ея изданіемъ въ „Вольнаго Экономическаго Общества“ 1856 года.

Что же касается другой стороны въ обработкѣ имѣвшихся у меня матеріаловъ, именно—устраненія изъ нихъ нѣкоторыхъ недостатковъ, мною же самимъ указанныхъ въ предисловіи къ книгѣ, чего требуетъ отъ меня г. рецензентъ, — то и въ этомъ случаѣ я не могу съ нимъ согласиться. Для того чтобы исполнѣть точно и опредѣленно разграничить, во всѣхъ частныхъ случаяхъ, производства, выполняющія на продажу, отъ производствъ, издѣлія которыхъ не распространяются далѣе мѣстнаго потребленія, нѣтъ достаточныхъ указаній ни въ имѣвшемся у меня рукописномъ, ни въ печатномъ матеріалѣ по кустарной промышленности; но просматривающій книгу найдетъ оговорки въ этомъ смыслѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было возможно это сдѣлать; относительно же двухъ губерній—симбирской и особенно казанской, обращено вниманіе на то явленіе, то здѣсь во многихъ мѣстностяхъ сельскія ремесла находятся въ переходномъ состояніи, то-есть, въ замѣнъ чисто мѣстнаго значенія начинаютъ приобрѣтать широкій промышленный характеръ. Не могу также согласиться съ замѣчаніемъ г. рецензента и относительно того, вѣдѣтъ я допустилъ кое-гдѣ, въ обработанныхъ мною матеріалахъ, смѣшеніе производства кустарнаго съ производствомъ, имѣющимъ характеръ фабричный. Въ предисловіи своемъ я прямо указываю на это обстоятельство, какъ на зависящее „отъ самой сущности кустарничества, такъ какъ весьма нерѣдко домашнее производство находится въ зависимости отъ заказовъ фабрикантовъ, и пользуется матеріаломъ, отъ нихъ поставляемымъ“. Многочисленные примѣры этой тѣсной связи кустарничества съ фабриками находятся на страницахъ книги. Напротивъ того, еслибъ я устранилъ ихъ изъ обзора кустарныхъ производствъ, я тѣмъ самымъ сгладилъ бы одну изъ любопытнѣйшихъ чертъ въ современномъ положеніи кустарничества.

Изъ всего вышеизложеннаго можно, кажется, заключить, что трудъ мой при изданіи 3-го выпуска II-й серіи „Статистическаго Временника“ заключался не въ одномъ печатаніи чужихъ статей ¹⁾, и что слова „обработаны Л. Майковымъ“ не безъ права поставлены мною на заглавномъ листѣ книги. Искать въ ней общихъ выводовъ и заключеній невозможно потому уже, что въ этой первой части всего труда не закончено еще и простое изложеніе фактовъ относительно всѣхъ мѣстностей Россіи.

Во второй части своего разбора г. рецензентъ обвиняетъ меня въ умолчаніи относительно тѣхъ источниковъ, которыми я пользовался. Г. рецензентъ находитъ, что я долженъ былъ указать на литературу предмета и представить ея оцѣнку. Да, это требованіе было бы совершенно справедливо, еслибъ я писалъ статистико-экономическое изслѣдованіе о кустарной промышленности. Но моя задача была гораздо проще: я долженъ былъ, какъ уже сказано выше, обработать тотъ сырой рукописный матеріалъ, который былъ доставленъ губерни-

¹⁾ Замѣчу кстати, что въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, статьи напечатаны вовсе не въ алфавитномъ порядкѣ, какъ говоритъ г. рецензентъ; въ вышедшей книгѣ I-й части „Матеріаловъ для изученія кустарной промышленности“ сгруппированы очерки кустарничества въ тѣхъ сѣверныхъ и центральныхъ губерніяхъ европейской Россіи, гдѣ ити производства наиболѣе развиты.

скими статистическими комитетами, а такъ какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ этого матеріала оказались пробѣлы, то я и долженъ былъ пополнять ихъ изъ источниковъ печатныхъ. Очевидно, что подобныя дополненія не могли исчерпать всего, что есть въ нашей печати по вопросу о кустарной промышленности въ Россіи, и что ради ихъ было бы излишне помѣщать въ предисловіи къ книгѣ полный перечень и критическій обзоръ всѣхъ печатныхъ свѣдѣній, сюда относящихся. Подобный трудъ (какъ извѣстно, предпринятый Русскимъ Географическимъ Обществомъ) выходилъ изъ предѣловъ задачи, предположенной центральнымъ статистическимъ комитетомъ, а потому и не былъ мною исполненъ. Поэтому предисловіе ограничивается самымъ краткимъ указаніемъ на печатные источники, а прямыя ссылки на нихъ—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были употреблены въ дѣло,—находятся подъ страницами текста.

Наконецъ, что касается того, знакомъ ли я съ почтеннымъ трудомъ г. Корсака о реформахъ промышленности, и съ „Материалами для географіи и статистики Россіи, собранными офицерами генеральнаго штаба“, и много ли я могъ пользоваться этими трудами въ настоящемъ случаѣ,—позволю себѣ о томъ не распространяться и оставить г. рецензента въ неизвѣстности по этому предмету.

Пр. и проч.

Д. Майковъ.

12-го октября, 1872 г.
С.-Петербургъ.

Мы охотно даемъ мѣсто заявленіямъ нашихъ спеціалистовъ по статистикѣ, которые почтили своимъ вниманіемъ даже и бѣгли замѣтки о ихъ трудахъ, помѣщенные нами въ библиографическомъ обзорѣ новыхъ книгъ. Смѣемъ пока увѣрить ихъ въ одномъ, а именно, что мы наравнѣ съ ними проникнуты убѣжденіемъ относительно пользы редактируемыхъ ими изданій, и если расходимся съ ними во взглядахъ на достоинство этихъ изданій, то опять во имя пользы, которую мы за ними признаемъ. Мы вполне увѣрены, что дальнѣйшія работы нашихъ статистиковъ дадутъ случай автору замѣтокъ припомнить настоящія ихъ заявленія и оправдать себя въ ихъ глазахъ. Что же касается до посторонняго читателя, то передъ нимъ уже и теперь лежатъ, какъ наши замѣтки, такъ и заявленія противъ нихъ, а потому онъ легко и самъ разсудитъ, кто правъ, кто виноватъ. Въ ожиданіи же того, мы поспѣшимъ однако сознаться въ справедливости одного упрека г. Бушена намъ за недостаточность нашего знакомства съ условіями близкаго контроля. Въ противность нашему предположенію, мы узнаемъ отъ г. Бушена, будто въ акціонныхъ учрежденіяхъ нѣтъ свѣдѣній о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ, и что редація „Ежегодника“ „никакими способами добыть ихъ не могла“. Мы и теперь не повѣрили бы тому, еслибъ насъ увѣрялъ въ томъ не г. Бушень.—*Ред.*



ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 28-го августа 1872 года.

1) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи, такъ-какъ протѣлы не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія. 2) Выдано 100 р. писательницѣ, находящейся въ ѣдственномъ положеніи. 3) Выдано 75 р. больному писателю. 4) Выдано 225 р. ученому на поѣздки для излеченія болѣзни. 5) Выдано 30 р. писателю, неимѣющему, никакихъ средствъ къ жизни и находящемуся въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Отчетъ казначея литературнаго фонда за іюнь, іюль и августъ 1872 г.

Къ 1-му іюня состояло на лицо 57,424 р. 50 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами — 53,140 р.; на текущемъ счету 4,199 р. 50 к.; наличными деньгами 85 р.; итого 57,424 р. 50 к.— Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ поступило 395 р. въ томъ числѣ: пожалованные Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею на 1872 г. 300 р.; взносы 8-ми членовъ Общества за 1872 г. 95 р. Итого 395 р. Всего въ кассѣ и въ приходѣ 57,819 р. 50 к.— Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ израсходовано 2,256 р. 69 к., въ томъ числѣ: На воспитаніе 3-хъ дѣтей 139 р. 69 к. Пенсіи 9-ти семействамъ 677 р. Единовременныхъ пособій 22 лицамъ 1,440 р. Итого 2,256 р. 69 к. По 31-е августа записано на приходъ 57,819 р. 50 к. По 31-е августа выписано въ расходъ 2,256 р. 69 к.—Къ 1-му сентября состоитъ въ кассѣ 55,562 р. 81 к. въ томъ числѣ: Процентными бумагами 53,140 р. На текущемъ счету 1,800 р. Деньгами 622 р. 81 к. Итого 55,562 р. 81 к.

Списокъ членамъ Общества, отъ которыхъ поступили взносы за 1872 годъ въ теченіи іюня, іюля и августа:

Голицынъ, князь, Н. П. 25 руб.; Вешняковъ, В. И. Юнинъ, А. О., Пыпинъ, А. Н., Савичъ, А. Н. Степановъ, В. А. Сушинскій, М. С., и Цертелевъ, кн. Н. Н., по 10 руб.

Засѣданіе комитета 11-го сентября.

1) Выдано 75 р. писателю, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 75 р. на воспитаніе дочери умершаго писателя.

3) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ протѣль не удовлетворяетъ условіямъ, при которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

4) Выдано 50 р. въ единовременное пособіе больному писателю.

Засѣданіе комитета 25-го сентября.

1) Выдано 75 р. молодому писателю, неимѣющему никакихъ средствъ къ жизни.

2) Предоставлено исправляющему должность предсѣдателя принести г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія глубочайшую благодарность Общества, за благосклонное вниманіе къ ходатайству комитета о помѣщеніи пансіонеромъ въ гимназію сына покойнаго археолога, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отклонено ходатайство родственника этого мальчика о продолженіи пособія на его воспитаніе, такъ какъ въ пособіи этомъ не представляется болѣе надобности.

3) Выдано 150 р. въ пособіе писателю, находящемуся, вслѣдствіе потери мѣста и банкротства его компаніона, въ крайнемъ положеніи.

4) Изъявлена благодарность члену Общества Н. Н. Буличу и генералъ-лейтенанту Н. В. Корсакову за содѣйствіе, оказанное ими комитету по дѣламъ Общества.

5) Выдано 75 р. вдовѣ писателя на уплату долга, сдѣланнаго ею на воспитаніе ея дѣтей.

6) Сдѣлано сношеніе съ однимъ вѣдомствомъ о предоставленіи должности вдовѣ писателя.

7) Положено отпускать ежегодно по 75 р. на воспитаніе дочери умершаго писателя, до окончанія ученія (журн. 11-го сент. ст. 2).

8) Отклонено ходатайство о назначеніи пенсін дочерямъ писателя, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ этого семейства комитетъ не находитъ основаній къ удовлетворенію такого ходатайства.

9) По выслушаніи помѣщенной въ № 245-мъ газеты „Русскій Мірѣ“ замѣтки по дѣлу о назначеніи обществомъ пособія одному просителю, положено: въ видахъ возстановленія истины, препроводить въ редакцію названной газеты справку изъ дѣлъ общества по этому предмету, прося напечатать ее въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ.

10) Изъявлена благодарность Общества А. А. Карасеву, изъ Новочеркасска, пожертвовавшему въ пользу Общества 10 р. и изъявившему желаніе ежегодно вносить такую же сумму.

М. Стасюлевичъ.



КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

ОС-
НОВА-
НІЕ ТОР-
ГОВЛИ
1811.

С. Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ октябрѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

СТРОНИНЪ, А. Политива какъ наука. Спб. 1871. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. за 2 ф.

ШАНТИЛИ, А. Атеизмъ, опровергаемый наукою, съ критикой сверхъестественнаго спиритуализма, атеистическихъ системъ, независимой морали, религии и съ разборомъ причинъ зла, его важныхъ послѣдствій и средствъ къ его устраненію, или атеизмъ врагъ свободы и прогресса. Москва, 1872. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ЛЪСКОВЪ-СТЕВНИЦКІЙ, Н. Сборникъ мелкихъ беллетристическихъ произведеній. Спб. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

П. Л. Мысли о социальной наукѣ будущего. Часть первая. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

БЫЧКОВЪ, А. Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Спб. 1872. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. за 2 ф.

ГОЛИЦЫНЪ, Н. Всеобщая военная исторія древнихъ временъ. Часть первая, отъ древнѣйшихъ временъ до смерти Александра Великаго (323 г. до Р. Х.). Спб. 1872. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ГАБОРИО. Золотая Шайка. Романъ. Москва. 1872. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

МАЖЪ. Западнй Суданъ, съ картою и 20-ю рисунками. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ДЮ-ШАЛЛЮ. Второе путешествіе.

Дикая Африка, съ картою и рисунками. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ШЕРШЕВСКІЙ, И. О книгѣ кагала. Спб. 1872. Ц. 50 к., вѣс. за 1 ф.

МАНЖЕНЪ, А. Человѣкъ и Животныя. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ДЕПУТАТЪ Города Парижа, повѣсть изъ временъ второй имперіи въ трехъ частяхъ. Спб. 1872. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

ШЕФЛЕ, А. Капитализмъ и социализмъ, преимущественно въ примѣненіи къ различнымъ видамъ имущества и коммерческихъ сдѣлокъ. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖЕНСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1873 г. Москва. Ц. 75 к., вѣс. за 1 ф.

АЛЬБОМЪ сельско-хозяйственныхъ построекъ, машинъ, экипажей и модной мебели. Москва 1872. Ц. 3 р., вѣс. за 2 ф.

ПРЖЕВАЛЬСКІИ, Е. Аналитическая геометрія на плоскости и собраніе задачъ изъ аналитической геометріи. М. 1872. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ЛУТКОВЪ, Д. Сборникъ свѣдѣній, разъясняющихъ примѣненіе на практикѣ уложенія о наказаніяхъ. М. 1872. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

СПИЧАКОВЪ, Я. Православіе и римское католичество на западной окраинѣ Россіи. М. 1872. Ц. 2 р., вѣс. за 1 ф.



О ПОДПИСКѢ НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
 1873
 (ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ).

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣателей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библиографическія замѣтки, книжныя вѣсти и мелочи.

Выходитъ тетрадами ѣмкой, но четкой печати, 12 разъ въ годъ.

Подписка въ **МОСКВѢ**: на Мясницкой № 7, у издателя Петра Ивановича Бартенева; въ **ПЕТЕРБУРГѢ**: на Невскомъ, у Базунова.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива въ 1873 году съ доставкою и пересылкою:

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

1-й ВЫПУСКЪ

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЛАХЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

изданіе Вспомогательной кассы с.-петербургскихъ наборщиковъ, подъ редакціею журнала „Русская Старина“.

Цѣна 1-го выпуска на веленовой бумагѣ съ приложеніемъ фотографическаго портрета ПЕТРА и снимковъ, съ указа и азбуки, съ поправками на нихъ рукою ИМПЕРАТОРА 2 р.

На простой бумагѣ съ приложеніемъ портрета ПЕТРА 1-го 1 р.

Выпускъ печатается и выйдетъ въ непродолжительное время.

и складъ на Большой Садовой противъ Юсупова дома № 49-й, въ типографіи Балашева.

BULLETIN

de la librairie de CARL RICKER (A. Münx).

Perspective de Newsky, № 14.

Annuaire de l'économie politique et de statistique pour 1871 et 1872. 3 r.

ARNETH. Joseph II. und Leopold von Mexica. 2 Bände. 7 r. 50 k.

Aus Moscheles' Leben. Nach Briefen und Tagebüchern herausgegeben von einer Frau. I. Band geb. 3 r. 80 k.

BLACKIE. Four phases of morals. 2 r. 50 k.

BODENSTEDT. Das Herrenhaus im sachsenwalde. Roman. 3 Bände. 8 r. 50 k.

BRANDES. Geschichte der kirchlichen Politik des Hauses Brandenburg. I. Band. r. 50 k.

BRIALMONT. La fortification à fossés etc. 2 vols. avec atlas. 22 r. 50 k.

Das Buch der Erfindungen, Gewerbe und Industrien. VI. Aufl. I. und II. Band eb. 7 r. 50 k.

CARUS. Geschichte der Zoologie. 4 r. 50 k.

CHAMBRUN. Fragments politiques. I ed. 3 r. 20 k.

DOHERTY. Organic philosophy. 3 vols. 3 r. 70 k.

Engelmann. Peter der Grosse. Seine Jugend und das Wesen seiner Reformen. 50 k.

FARLEY. Modern Turkey. 7 r. 70 k.

FORTTAGE. Acht psychologische Vorträge II. Aufl. 2 r. 50 k.

GERSTÄCKER. Gesammelte Schriften. fr. 1—10. 2 r. 50 k.

GODRON. De l'Espèce et des races ans les êtres organisés. II ed. 2 vols. r. 80 k.

GRILLPARZER. Sämmtliche Werke. and 1—5. 11 r. 25 k.

GUERARD. Dictionnaire d'anecdotes. vols. 3 r. 20 k.

GUHL & KÖNER. Das Leben der Griechen und Römer. III. Aufl. Lfr. —7. 3 r. 50 k.

HALM, Friedrich. Werke. 9. und 10. and. 4 r. 80 k.

HENDSCHEL, A. Skizzenbuch, in Lapp. 36 r. 90 k.

HOLTZENDORFF. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Rechtspflege des deutschen Reichs. I. Jahrgang. 5 r.

HUBMANN. Sechs Aquarellen. In Lapp. 4 r. 50 k.

HUBNER. Etudes sur les facultés

mentales des animaux, comparées à celles de l'homme. 2 vols. 6 r.

Journal inédit de l'ambassade de Pierre Potemkin en France pendant l'année 1668. 2 r. 40 k.

KIEPERT. Karte des russischen Reichs in Europa. III. Aufl. aufgezogen. 7 r. 50 k.

KLÜPFEL. Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen. I. Band. 4 r.

LOTZE. Mikrokosmos. III. Bd. II. Aufl. 4 r. 50 k.

LUBBOCK. Les origines de la civilisation. 6 r.

Мысли о социальной науке будущего. Часть первая. 2 p. 50 k.

MORELET. Reisen in Central-Amerika, deutsch von Hertz. 5 r. 40 k.

MUSTERS. At home with the Patagonians. 8 r. 80 k.

PALMER. The patriarch and the Tsar. The replies of Nicon. 6 r. 60 k.

FERGUSSON. Rude stone monuments. 13 r. 20 k.

Pierre le Grand dans la littérature étrangère. 3 r.

PLANTA. Das alte Raetien. Staatlich und Kulturhistorisch. 7 r.

RAABE. Geschichte und Bild von Nero. I. Hälfte. 2 r. 25 k.

ROGGE. Oesterreich von Vilagas bis zur Gegenwart. I. Bd. 4 r.

RÖNNE. Das Staatsrecht der preussischen Monarchie I. u. II. Bd. 18 r.

SCHULTHESS. Europäischer Geschichtskalender. VII. Jahrg. (1871). 4 r.

SCHULZE. Fürst Bismarck und der Bismarckianismus. 1 r.

STEVANSON. Canal - and river - engineering. 8 r. 25 k.

STÖCKL. Lehrbuch der Philosophie. III. Aufl. 2 Bände. 5 r. 65 k.

TORRENS. Empire in Asia. How we came by it, a book of confessions. 7 r. 70 k.

TROCHU. L'Empire et la défense de Paris. 3 r. 20 k.

TYNDALL. In den Alpen. 3 r. 50 k.

UHRICH. Documents relatifs au siège de Strasbourg. 1 r. 60 k.

WEGENER. Kulturgeschichte des Schweizerkreises. I. Bd. 5 r.

ZÖLLNER. Ueber die Natur der Kometen. 5 r.

ZÖPFEL. Die Papstwahlen. 3 r. 50 k.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

I. ЮРГЕНСОНА,

Коммисіонера Русскаго Музыкальнаго Общества, С.-Петербургъ, Большая Морская № 9 (на углу Невскаго проспекта), поступило въ продажу:

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ И ОПЕРЪ.

Для одного фортепiano: Бахъ, «Le clavier bien tempéré». Пре людii и фуги во всѣхъ тонахъ съ аппликатурою Л. Келера, 2 тома (2 р. Ветховенъ. Всѣ сонаты въ одномъ томѣ (1 р. 85 к.), тоже съ аппликатурою Винклера въ двухъ томахъ (3 р.) Веберъ. Всѣ сонаты (60 к. Мелкii пьесы (50 к.) Гайднъ. Избранныя сонаты (60 к.) Моцартъ. Всѣ сонаты (1 р. 25 к.) Шубертъ. Всѣ сонаты (1 р. 25 к.).

Для фортепiano въ четыре руки: Ветховенъ. Всѣ оригинальныя сочиненія (50 к.). Всѣ симфонii, 2 тома (3 р. 30 к.) Септетъ (50 к.) Веберъ. Всѣ оригинальныя сочиненія, 2 тома (1 р. 60 к.) Гайднъ, избранныя симфонii (1 р. 25 к.) Гуммельъ. Всѣ сонаты (50 к.) Ноктюрнъ и серенада (50 к.) Булау, 6 сонатинъ (50 к.) Моцартъ. Всѣ оригинальныя сочиненія (90 к.) Избранныя симфонii, 2 тома (1 р. 50 к.) Шубертъ. Всѣ оригинальныя сочиненія, 2 тома (каждый 2 р. 75 к.) Всѣ марши (75 к.).

Полныя оперы для фортепiano въ 4 руки: Волшебный стрѣлокъ (90 к.) Оберонъ (1 р.) Фиделио (1 р.) Норма (1 р.) Сонамбула (1 р.) Донъ-Жуанъ (1 р. 25 к.) Севильскій цирюльникъ (1 р.) Лючiя (1 р.) Фенелла (1 р. 50 к.).

Для фортепiano со скрипкою: Ветховенъ. Всѣ сонаты (2 р.) Концертъ и два романса (75 к.) Всѣ вариации (75 к.) Веберъ. Всѣ сонаты (60 к.) Гайднъ. Всѣ сонаты (1 р. 25 к.) Моцартъ. Всѣ сонаты (2 р. 25 к.) Шубертъ. Сонаты и рондо (90 к.).

Тrio для фортепiano, скрипки и виолончели: Ветховенъ. Всѣ trio (3 р. 25 к.) Гайднъ. Всѣ 31 trio (8 р.) 6 избранныхъ trio (1 р. 25 к.) Гуммельъ. Всѣ trio (2 р.) Моцартъ. Всѣ trio (2 р. 25 к.) Шубертъ. Всѣ trio (1 р. 50 к.).

Квартеты для двухъ скрипокъ, альты и виолончели: Ветховенъ. Всѣ 17 квартетовъ (5 р. 60 к.) Гайднъ. Всѣ 83 квартета (12 р.) 20 избранныхъ квартетовъ (2 р. 25 к.) Моцартъ. Всѣ 27 квартетовъ (5 р. 25 к.) Шубертъ, 4 квартета (1 р. 75 к.).

Этюды для скрипки: Крейцеръ, 40 этюдовъ (50 к.) Реде, 24 этюда (50 к.) Фиорило, 36 этюдовъ (50 к.) Цинквейзенъ, 26 маленькихъ этюдовъ для двухъ скрипокъ (50 к.).

Полныя оперы для пѣнія: Норма (90 к.) Ромео и Джулиета (75 к.) Фиделио (90 к.) Бѣлая дама (1 р. 25 к.) Волшебный стрѣлокъ (75 к.) Оберонъ (75 к.) Сотвореніе міра (75 к.) 4 времени года (1 р. 15 к.) Мессія (90 к.) Орфей (Глюка) (60 к.) Донъ-Жуанъ (1 р.) Волшебная флейта (75 к.) Свадьба Фигаро (1 р. 15 к.) Реквиемъ (40 к.) Севильскій цирюльникъ (90 к.) и др.

«Perles de Salon»: Избранныя пьесы для фортепiano Спиндлера Юнгмана, Кеттерера, Воленгаугта, Ричардса, Литольфа и др. Томъ I, 1 пьесъ (1 р.) Томы II до VII, въ каждомъ отъ 8 до 10 пьесъ (за томъ 75 к.).

Келеръ: Народныя мелодii всѣхъ націй земного шара для фортепiano въ двѣ руки (1 р.), въ четыре руки (1 р.) Народныя танцы всѣхъ націй земного шара для фортепiano въ двѣ руки (1 р.), въ четыре руки (1 р.).

За пересылку прилагается особо. Каталогъ дешевымъ наданіямъ выдается по требованію. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ небольшою почтою. Въ этомъ же магазинѣ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были наданы и объявлены.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ“

НА 1873 ГОДЪ

А СУВОРИНА

„РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1873-й годъ — второй годъ изданія — значительно исправленъ и дополненъ; нѣкоторыя свѣдѣнія явятся въ немъ въ первый разъ. Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены: „Практическія замѣтки о духовныхъ завѣщаніяхъ, о ввѣдѣ во владѣніе и объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства“, статья одного изъ нашихъ юристовъ; „Современники“ (біографическіе очерки современныхъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ и проч.); „Обычаи Петербургской Вирши“; Населеніе Россіи за 1870 годъ и движеніе населенія (браки, рожденія и смертность) за 1868—1870 гг.; Планы всѣхъ петербургскихъ и московскихъ театровъ, и проч.

Объявленія принимаются въ конторѣ „Спб. Вѣд.“ (при книжномъ магазинѣ Черкесова). Цѣна за стран. 20 руб., $\frac{1}{2}$ стран. 10 руб., $\frac{1}{4}$ стран. 5 руб. Желашіе помѣстить объявленія впереди Календаря, передъ заглавнымъ листомъ, платятъ за стран. 30 руб., $\frac{1}{2}$ стр. 15 руб. и $\frac{1}{4}$ стран. 8. руб.

Цѣна „Русскаго Календаря“: 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. Съ требованіями обращаются къ Алексѣю Сергѣевичу Суворину: въ Спб., Вас. Остр., 15-я лин., д. № 8.

Выдетъ въ первыхъ числахъ ноября текущаго года.



ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1873 г.
 III-го ТОМА
 ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЕРЕИ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ,
 посвященной
 ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Третій томъ „Портретной Галереи“ заключаетъ въ себѣ 100 портретовъ и будетъ выходить выпусками, по 10 портретовъ въ каждомъ. Работа исполняется по прежнему въ собственной литографіи издателя.

Желающіе подписаться, на всѣ 10 тетрадей, платятъ за весь томъ:

На бѣлой бумагѣ . . . 20 руб. съ пересылкою
 > китайской > . . . 40 > >

Въ отдѣльной продажѣ выпусками, за каждый выпускъ:

На бѣлой бумагѣ 4 руб.
 > китайской бумагѣ 6 >

Биографіи въ третьему тому издадутся впоследствии отдѣльно, если окажется къ тому возможность, и о цѣнѣ текста, отдѣльно и вмѣстѣ съ портретами, будетъ объявлено особо.

№V. Первые два тома, 200 портретовъ, съ автографами и биографіями, въ 52 л. in-folio на бѣлой бумагѣ — 80 руб.; на китайской бумагѣ — 60 р. съ пересылкою. Отдѣльно каждый томъ на бѣлой бумагѣ — 16 руб., на китайской бумагѣ — 35 руб.

Желающіе приобрести первые два тома, съ подпискою на III-й — 300 портретовъ — платятъ за полный экземпляръ съ пересылкою, на бѣлой бумагѣ — 42 руб., на китайской бумагѣ — 35 руб., и получаютъ текстъ бесплатно.

Каждый портретъ отдѣльно: 75 коп., и съ пересылкою 1 руб.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи Портретной Галереи на В. О. 2 л. № 7, и въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова въ С.-Петербургѣ.

Продажа отдѣльныхъ портретовъ производится въ естампныхъ магазинахъ Д. Фельтена, Дацаро и Бегрова.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями и письмами своими *исключительно* на имя издателя Александра Эрнстовича Мюнстера: въ Спб. Вас. Остр. 2 л., 7.

А. Мюнстеръ.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Для иногородныхъ: отъ книжнаго магазина Звонарева; 2) для иногородныхъ и городскихъ: отъ редакціи журналовъ «Русская Старина» и «Модный Свѣтъ», и отъ книжнаго магазина Базунова.

изъ редакторовъ: Гусь, Лютеръ, Цвин-
Гливантъ. *Е. Дикшевой*. Съ 4-мъ пор-
ретомъ. Спб. 1872. Стр. 242. Ц. 1 р. 25 к.

реформации — колебель новейшей евро-
пеизованности и злота титановъ, вы-
шли тогда на борьбу съ мрачными, но
силами, отдаленное эхо которой раз-
дало среди насъ въ столкновеніи старо-
го съ ультрамонтанами. Биографическіе
стихотворенія изъ такихъ титановъ рефор-
мации потому теперь весьма кстати, и
можно пожалеть о чрезвычайной ихъ
недоступности автору точнѣе оха-
рактеризовать лица и придать имъ жизненность.
Тамъ продосылается мастерской обдѣй
и реформацию К. К. Арсеньева, какъ
самъ характерную, по словамъ автора,
наимѣняющихся практическихъ результа-
товъ положительныхъ ея созданійхъ, а
вспомогательной ея стороны, въ ея идеальныхъ
идеяхъ. Въ приложеніи читатели найдутъ
смыслъ обобщающихъ мыслей того же
о томъ же предметѣ по поводу ойже
и великодушнаго памятника рефор-
мации.

издатель. *Елисаветы Бороздиной*. Ч. 1.
1871. Стр. 549, съ 202 политическими
высказаніями. Ц. 1 р. 25 к.

съ дѣтьми по естественной исторіи,
но по ботаникѣ и энтомологіи, ведены
не въ видѣ безсвязныхъ отрывковъ,
часть бываетъ въ сочиненіяхъ подоб-
ныхъ, представляющихъ элементарный курсъ
и изложенный впрочемъ безъ соблюде-
ній систематическаго порядка, для при-
казанія живости. Языкъ простой и пра-
воуказательный очень недурен, и какъ по
стиху, такъ и по большому объему книги,
представляетъ необыкновенно дешевою,
и ценя съ цѣнами перѣдко пустѣйшихъ
нашихъ извѣстныхъ поставщиковъ
въ книгъ.

издательница, романъ автора „Джона Га-
рмана“. Спб. 1872. Стр. 338. Ц. 2 р.

романъ довольно извѣстнаго англійскаго ро-
мансиса, въ одномъ изъ нашихъ журна-
ловъ теперь въ отдѣльныхъ отрывкахъ.
„A brave lady“ — страстное обличеніе
жизни, обличеніе не въ преступленія, а
въ общество, что оны не сумѣли оцѣ-
нить истинности своей жизни, которая хотя и
идеаломъ совершенства, но мимо воли
идеала высокаго, слишкомъ само-
вольна, особенн, невнушающею сочувствію.
Этотъ написанъ съ такимъ неподдѣль-
нымъ, съ такой увлекательностью, ко-
торая встрѣчается въ другихъ произведе-
ніяхъ же автора, и неизбѣжно застава-
етъ, что этотъ романъ есть нѣчто въ

родѣ автоавтологіи; написать его могла только
женщина и притомъ такая, которую сюжетъ за-
дѣлывалъ за-живое.

Депутатъ города Парижа. Повѣсть изъ временъ
второй имперіи. Перев. съ англ. Спб. 1872.
Стр. 327. Ц. 2 р.

По словамъ переводчицы, этотъ романъ, „со-
кращенный переводъ котораго помѣщается въ
журналѣ“ (?), принадлежитъ перу англичанина,
скрывающагося подъ псевдонимомъ „Trois Etoi-
les“. Авторъ заданъ мыслью обличить дѣйстви-
тельную исторію героевъ второй имперіи со
всеми ея отвратительными мистеріями въ форму
повѣсти. Недостатокъ такого приема всегда тотъ,
что мы, вмѣсто типовъ, получаемъ маски, въ
которыхъ надобно угадывать какого-нибудь Ми-
реса, Оливье, Руэра или другого сподвижника
Наполеона III. Впрочемъ, повѣсть, благодаря
свѣжести описываемыхъ событий, читается съ
интересомъ. По всему также видно, что авторъ
близко знакомъ съ недавними еще условіями
быта французскаго общества.

Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки: „Бо-
ньскъ-Горбуновъ“. Съ портретомъ. *А. К. Яро-
славцева*. Спб. 1872. Стр. 200 и XII. Ц. 1 р.

Рѣдко кто знаетъ о недавно умершемъ (авг.
1869 г.) Ершовѣ болѣе того, что написано въ
отглавленіи труда г. Ярославцева, и потому нель-
зя не поблагодарить автора за весьма добро-
совестную монографію, посвященную имъ памя-
ти своего университетскаго товарища, почти за-
бытаго еще при жизни, даже тѣми, кто зналъ
чуть не наизусть образцовую сказку Ершова.
Большое число писемъ отъ автора Кольба-Гор-
бунка доставило возможность его биографу вос-
произвести всю внутреннюю жизнь Ершова,
исполненную любознанныхъ подробностей, съ ко-
торыми мы надѣемся познакомить читателей въ
обстоятельномъ обзорѣ весьма интересной моно-
графіи г. Ярославцева.

О книгѣ Кагала. *И. И. Шершевскаго*. Спб.
1872. Стр. 186. Ц. 50 к.

Трудъ г. Шершевскаго вызванъ извѣстнымъ
изданіемъ г. Брафмана „Книга Кагала“, ко-
торая имѣла, повидимому, цѣлью ознакомить
насъ ближе съ внутреннимъ бытомъ евреевъ
и ихъ міросозерцаніемъ. Для спеціалиста
нѣтъ возможности принять участіе въ возник-
шемъ спорѣ двухъ авторовъ; г. Брафману пред-
стоитъ теперь объясниться по поводу обвине-
нія его въ поддѣлкѣ актовъ, въ „невѣжествѣ,
недобросовѣстности, лжи, противорѣчіяхъ и про-
сто плутняхъ, которыми испещрено его сочине-
ніе“. Если и незначительная доля подобнаго
рода обвиненій справедлива, то можно только
пожалеть о появленіи въ свѣтъ изданія г. Браф-
мана, которое, при спеціальности поднятаго имъ
вопроса, легко могло ввести многихъ въ заблуж-
деніе: a beau dire, qui vient de loin!

О В Ъ И З Д А Н І И
„В Ъ С Т Н И К А Е В Р О П Ы“

В Ъ 1 8 7 3 - м ь Г О Д У .

П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А

Н А Г О Д О В О Й Э К З Е М П Л Я Р Ъ — 1 2 - т ь к н и ж ь :

I. — Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ ставкою* по городской почтѣ 16 р.

II. — Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловья* 16 р. 2) *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

III. — Въ губерніи: *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

IV. — Заграницею: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію въ вышней минутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ *Германію* и *Австрію*; б) 3 р. — въ *Бельгію*, *Нидерланды* и *Придунайскія Княжества*; в) 4 р. — во *Францію* и *Италію*; д) 5 р. — въ *Англію*, *Швецію*, *Испанію*, *Португалію*, *Турцію* и *Греческую*; е) 6 р. — въ *Швейцарію*; ф) 7 р. въ *Италію*.

1 — ПОДПИСКА принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, въ С.-Петербургѣ Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ извѣстительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: именнаго отчества, фамиліи и того *почтового мѣста*, (его губерніи и уѣзда, гдѣ есть дача газетъ и журналовъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ газетъ и журналовъ).

2 — ПЕРЕМѢНА АДРЕССА сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣстно могло послѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностію явиться Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣститъ о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо звать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого номера начать переписку.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3 — ЖАЛОБА, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождаетъ прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штампеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою по безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна быть предварительно сношена съ Почтовой Конторою, и Редакція удовлетворяется только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ „ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

Экземпляры 1872-го года разошлись все по подпискѣ.

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

Журналъ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-Я.

ДЕКАВРЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1872.

- I.—АЛЕКСѢЙ СЛОВОДИНЪ.—Семейная исторія.—Часть третья.—I-X.—**П. А. Мническаго**
- II.—СТРАННИКИ ИЛИ ВЪГУНЫ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.—II. Разсужденіе секты.—**А. П. Розова**
- III.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Чего-то ждешь!—II. Обновленіе.—III. III—т.—Предчувствіе смерти.—V. Последний лучъ.—**П. М. Ковалевскаго**
- IV.—ИСТОРИЯ БИСМАРКА въ связи съ исторіею его страны.—I-VII.—**Л. А. Лопскаго**
- V.—ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІИ отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ.—Историческіе очерки.—VI. Славянофильство.—VII. Долженіе.—**А. П. Пыпина**
- VI.—ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.—Изъ Гейбеля.—Перев. **Е. Ш—иной**
- VII.—ШУСТѢНОВЪ.—Разсказъ изъ народной жизни.—I-III.—**О. Парвова**
- VIII.—ХРОНИКА.—Плачъ сельско-хозяйственной школы.—**Н. Стебута**
- IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вопросъ о начальномъ обученіи.—Новыя положенія по наблюденію за ними и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ. Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій.—Роль земствъ и значеніе инспекціи.—Вопросъ объ отгнѣи обязательной крѣпости вина. Статистика потребления спирта въ Россіи.—Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ.—Вопросъ о торжищахъ вблизи монастырскихъ церквей. Собираніе особахъ народныхъ юридическихъ обычаевъ.—Старая пѣсня „Московскихъ Вѣдомостей“.—Что такое Сицила и Харибада?
- X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кризисъ во Франціи.—Посланіе президента.—Запросъ Шангарьерѣ.—Коммиссія Кердреля.—Национальныя несогласія въ Австріи.—Взглядъ на сеймы.—Случай въ Тироли.—Сеймъ прусскій.—Реформа въ прусской народной школѣ.—Избраніе Гранта
- XI.—ЗАМѢТКА О СОСТОЯНІИ МОРСКИХЪ СИЛЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.—*Bourelly Marine militaire de l'Allemagne.*—II—чѣ
- XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ АѢННЪ.—Парламентская жизнь въ Греціи.—**В. М—овъ**
- XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Оппозиція валацки господа въ реформа.—**К.**
- XIV.—ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.—РЕЗУЛЬТАТЫ АМЕРИКАНСКАГО ПРОТѢЦІОНІЗМА.—*Cobden Club Essays, second series*
- XV.—НОВЫЯ КНИГИ.—*La science des religions, par Em. Burnouf.*—*L'Internationale remplacée, par un publiciste en retraite.*—*Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat, by John Tyndall*
- XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній: о двухъ казанскихъ кандидатовъ-педагоговъ по русскому языку
- XVII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1872 г.
- XVIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1872 годъ
- XIX.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІИ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

Digitized by Google

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1873 г. прилагается

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1873-мъ году.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, будетъ, слѣдующемъ 1873-мъ году, издаваться въ томъ же объѣмѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

р. 50 к. — въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

рублей — въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

рублей — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію „Вѣстника Европы“ — въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20* — для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ.

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ Германію и Австрію — 49 руб.; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества — 20 руб.; во Францію и Данію — 21 руб.; Англію, Швецію, Испанію,

Португалію, Турцію и Грецію—22 руб.; въ Швейцарію—23 руб.; въ Италію—24 рубл.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книгъ редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи ея нумера, редакція отъчаетъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція поворно проситъ, при доставленіи адреса, если подписчикъ живетъ и въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, въ которой допускается раздача журналовъ и газетъ, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожителство.

2. Пережѣна адреса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ навануѣ выхода книги (т. е. навануѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просить сообщать предъ выѣздомъ свой новый адресъ для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ то же время извѣстить редакцію о пережѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просить, на основаніи нижепоказаннаго распоряженія Почтоваго Департамента, сообщать въ редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ, никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желаящіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Для предоставленія Почтовому Вѣдомству возможности удовлетворять жалобы подписчиковъ на русскія періодическія изданія о неполученіи какого-либо нумера сихъ изданій, Почтовый Департаментъ проситъ редакціи довести до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ, чрезъ напечатаніе въ издаваемыхъ ими газетахъ и журналахъ, что заявленія о неполученіи подписчиками какого-либо нумера періодическаго изданія должны дѣлаться своевременно, т. е. не позже какъ по измученіи слѣдующаго нумера, подобно тому, какъ это установлено для авленій о неполученіи газетъ и журналовъ иностранныхъ.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I *).

О внезапной смерти предсѣдателя палаты въ городѣ ходили разные толки; — какъ будто ужасно мудро умереть человѣку, особенно въ семьдесятъ лѣтъ! Хотя покойникъ велъ жизнь правильную, никогда не лечился, т.-е. не приглашалъ медика, но зато самъ употреблялъ домашнія, секретныя средства противъ всѣхъ недуговъ; — въ тѣ времена была въ сильномъ ходу мысль объ отысканіи универсальнаго средства, всеобщей панацеи. Въ кабинетѣ Міроносцева постоянно скрывалось нѣсколько стеляновъ съ настоями разной дряни, — и онъ ежедневно употреблялъ извѣстный тогда «эликсиръ долгой жизни» доктора Ерница.

Еще съ весны старикъ жаловался на неодолимую сонливость: гдѣ ни присядеть — тамъ и заснетъ; при этомъ ѣлъ необыкновенно много. Нашли его мертваго на полу; какъ видно, передъ тѣмъ онъ лежалъ на софѣ, и почувствовавъ, что дѣло плохо, хотѣлъ встать, — унать и ползкомъ уже пробовалъ добраться до письменнаго стола, да такъ и не доползъ; — даже крику нието не слышалъ; люди были въ саду, цвѣтникъ пололи. Петръ Ивановичъ, въ качествѣ близкаго человѣка и депутата отъ палаты, обнаружилъ чрезвычайную расторопность и предусмотрительность: все имущество и бумаги умершаго были аккуратно опечатаны, къ дому



*) См. выше: ноябрь, 98 стр.

приставлены благонадежные охранители отъ палаты и полиціи. Вообще вокругъ покойника учредилась какая-то «имущественная» тревога, — точно вора поймали и обыскиваютъ. Какъ приходившій, даже совсѣмъ посторонній человекъ, считалъ обязанностью подать совѣтъ, или сдѣлать замѣчаніе на счетъ какого-либо способа хранения добра; одинъ только полковникъ Шенкель, глядя на мертвое лицо, подвязанное чернымъ платкомъ, что не отваливалось подбородокъ, — меланхолически произнесъ: «жалко такъ вотъ оно! — Значить, отъ земли взять и въ землю...» Одинъ и онъ не досказалъ чувствительно-философической сентенціи, почесавъ лобъ, обратился къ вахмистру съ приказаніями о порядкѣ на-завтра конвоя въ печальную процессію. «Да чтобъ вы все мундиры надѣли, слышите? — Слушаю, вашескародіе. — Да непременно новыя... каски и вальтрапы тоже послѣдняго срока; ужь пусть его!» — Послѣднее восклицаніе вырвалось у полковника такъ добродушно, какъ будто онъ рѣшился сдѣлать покойнику великое удовольствіе, — пусть-де въ послѣдній разъ полюбуется новыми касками и вальтрапами, — попрекать потомъ не станетъ.

Алексѣй Слободинъ оставался совершенно чуждымъ всему переполоху, поднявшемуся въ домѣ по случаю кончины «старой ирретной лошади»; — даже глупый испугъ Личарды, прибѣжавшаго къ нему съ извѣстіемъ, что «старого барина потрошить хотятъ», вызвалъ на лицѣ его легкую, сомнительную улыбку; — ну что-жъ потрошить, такъ потрошить... ничего любопытнаго они тамъ не отыщутъ... Онъ казался больнымъ и не пошелъ на похороны. И въ этомъ случаѣ онъ поступилъ едвали не разсудительнѣе всѣхъ тѣхъ, кто въ знойный іюльскій день версты три шагаль за гробомъ, незаклучавшемъ въ себѣ никакой утраты — ни общественной, ни личной, — и освѣдомлялся только, гдѣ потомъ будетъ приготовленъ обѣдъ и въ какихъ размѣрахъ приведется помануть покойника... Тѣмъ болѣе, что это оказалась мечта пустая — никакого обѣда не было.

Прошелъ извѣстный срокъ, собралась цѣлая коммиссія для осмотра бумагъ и приведенія въ извѣстность имущества покойнаго предсѣдателя. Нельзя отказать этой коммиссіи въ усердіи и даже въ любознательности: были обшарены всѣ комоды, шкафы, сундуки, столы; — добыты и пересчитаны всѣ бумаги, письма, замѣтки; — тутъ былъ и рецензъ отъ почечуя, и какое-то удивительное заклинаніе: «да найдется пропадшее, — яко вода сія колеблется, тако у виноватаго да поколеблются мысли, и внутренняя хранина устыдится, и міръ, воздвигаемый бурейю духова, да обратится на уградшаго, и корабль его сердечный да извернется»

съ себя похищенное...» И счеты бѣлья, отданнаго прачкѣ; — «проектъ облегчительнаго увеличенія и неукоснительнаго вниманія податей и сборовъ»; — и выписка «о вѣрнѣйшемъ распознаваніи сокровенныхъ свойствъ женской натуры»; — и хронологія знатнѣйшихъ событій; — и лавоническая замѣтка: «Воспрянь!» — которой смыслъ показался весьма загадочнымъ... Словомъ, выворотили всю подкладку житейскихъ дѣлъ покойника. Мало-мальски живое воображеніе могло бы мигомъ по этимъ даннымъ видѣть во весь ростъ фигуру старца, его наклонности, вкусы и всю исторію его холостой жизни; но коммиссія совѣмъ не того искала.

Наконецъ, кто-то испустилъ радостное «а-а!» — Въ клеенчатой сумочкѣ найдены заемныя письма и росписки разныхъ лицъ; — стали считать, оказалось ихъ на 1528 рублей съ копѣйками... Тутъ же лежала бумажка, испещренная совершенно-невнятными цифрами, довольно крупными, но увь! — голыми цифрами, — а какой мудрецъ раскусить, что онѣ означаютъ? — И затѣмъ никакихъ актовъ, никакого завѣщанія, никакихъ домашнихъ распоряженій...

Петра Иваныча бросало то въ жаръ, то въ ознобъ... Полиціймейстеръ, милый челоуѣкъ, предложилъ съѣздить за Вульфомъ, авось онъ разъяснитъ; — и черезъ полчаса любезно приѣхъ на своихъ дрожжахъ требуемаго субъекта.

— Давно бы такъ, господа! — потирая руки съ довольнымъ видомъ представился Вульфъ. — Благороднѣйшій Феодоръ Феодорычъ... вѣдь это былъ рѣдкой души челоуѣкъ! — Удостоивалъ меня... можно сказать, за друга почиталъ... Я все знаю: дѣла его подъ конецъ были въ очень плохомъ положеніи: деньги распустилъ по рукамъ, никто не платитъ, — а покойникъ былъ деликатнѣйшей души...

— Ну, да вѣдь тутъ оказывается и денегъ-то не Богъ-знаетъ какой капиталъ, — скептически замѣтилъ полковникъ Шпицъ. А вотъ говорятъ, что вы его деньги раздавали займы и документы брали на имя вашей жены, — это какъ?

— Кто это говорить! — Ахъ, господинъ полковникъ, знаете, что я вамъ скажу? Вы можете быть этого еще не знаете? Покойникъ даже долженъ остался...

— Какъ, долженъ? — Кому долженъ? — закричали всѣ.

— Моей супругѣ, — спокойно и съ достоинствомъ отвѣтилъ Вульфъ. — Она послѣднія крохи собрала и отдала ему четыре тысячи, — и безъ всякаго документа... Обѣщала покойникъ выдать закладную на этотъ домъ, да такъ-все, сегодня да завтра, — и

остались мы съ пустыми руками... Знаете, всякому несприятельно думать о смертномъ часѣ—и напоминать объ этомъ не delicato даже...

— Та-акъ!—Хорошо, но куда же дѣвалъ онъ деньги?

— А ужъ это намъ неизвѣстно. Могу ли я знать, кому онъ ихъ далъ, или подаровалъ!—Его была воля. Это вотъ Петръ Иванычъ не знаетъ ли;—извѣстно, что въ послѣднее время и войникъ безвыходно у нихъ находился.

Всѣ глаза обратились на Петра Иваныча; одинъ полиціймейстеръ, кашлянувъ въ кулакъ, сурово смотрѣлъ въ окно.

Петръ Иванычъ вскипѣлъ; онъ нивакъ не ожидалъ такого дворянскаго изворота.

— Дѣйствительно, господа, Федоръ Федорычъ былъ въ моемъ домѣ какъ родной. Онъ мой начальникъ и благодѣтель; но для нежныхъ дѣлъ я съ нимъ никогда не имѣлъ. Извѣстно же мнѣ изъ его разговоровъ, что у него должно быть состоянія не меньше какъ на двадцать тысячъ ассигнаціями. Господинъ Вульфъ имѣлъ полную довѣренность... всему городу извѣстно, чѣмъ онъ занимается... а я... наконецъ, моя репутация, господа... ей-Богу, ничего даже не понимаю... Онъ совсѣмъ растерялся; элементъ чинопочивничьей трусости и обезличенія до того глубоко сидѣлъ въ его натурѣ, что вдругъ поборолъ въ немъ и негодованіе оскорбленнаго гнуснымъ подозрѣніемъ, и сознание, что онъ находится въ кругу людей себѣ равныхъ... Примѣтивъ, что онъ опѣшилъ, члены комиссіи немедленно приняли тонъ грозныхъ судей и начальниковъ.

Всякій русскій человѣкъ сильно любитъ сыграть роль начальника, или подчиненнаго, и безъ явной грубости не умѣетъ выказать свою независимость. Это давно извѣстно. Если кому постигала необходимость (а кого же она не постигаетъ!) зайти въ дѣлу не только въ сердитую контору квартальнаго надзирателя, а даже въ какую-нибудь самую смиренную контору—почтуютъ, что ли, или кредитную,—тотъ непременно рисковалъ встрѣтить грозный взглядъ и повелительный голосъ, дескать: «Ага, голубчикъ, попался ты намъ!»—И самъ пришедшій тоже почувствуетъ припадокъ подчиненности, съѣжится—не приважите казнить, а дозволейте слово молвить. Такъ по крайней мѣрѣ было въ тѣ давно-прошедшія времена, къ которымъ относится наше повѣствованіе. Теперь мы знаемъ, что народился новый типъ неуклоннаго, очаровательнаго служителя публичныхъ интересовъ,—и мы должны сугубо радоваться, какъ тому, что старый типъ исчезъ безвозвратно, такъ и тому, что онъ далъ громадный контингентъ бо-

дѣл, изъ которыхъ уже легко выбрать функционеровъ, направляющихъ, надзирающихъ и рѣшающихъ, по самоновѣйшимъ инструкціямъ. Съ другой стороны, мы видимъ простаго гражданина, который гдѣ угодно, съ достоинствомъ, но безъ грубости, умѣетъ потребовать себѣ рюмку водки.

Коммиссія увлеклась и стала производить строжайшее слѣдствіе. На вопросъ, почему вамъ извѣстно, что у старика было двадцать тысячъ,—Петръ Ивановичъ ничего опредѣлительнаго не отвѣтилъ: «Да, такъ, слышалъ между прочимъ». Въ головѣ его пробѣжало молніей: дѣтей у меня четверо,—ну, а четырежды пять двадцать,—это всякому шквальнику извѣстно...

Вульфъ безпрестанно твердилъ, что документы онъ совершалъ аккуратно, въ порядкѣ и хвастливо распространялся, что черезъ его руки прошли, можетъ быть, миллионы: у почтеннѣйшаго Кирилы Егорыча, господина Косолапова, случалось брать деньги не только безъ росписки, даже безъ счета—и кромѣ деликатнѣйшей благодарности за хлопоты онъ, Вульфъ, рѣшительно ничего не вѣдалъ. А тутъ приходится еще свое терять...

Дѣло нисколько не разъяснилось.

— Да что-жъ намъ, господа, разбиваться!—отрезвилъ полиціймейстеръ товарищей. Тамъ ли, сякъ ли,—не все-ли намъ равно?—Вотъ только слѣдуетъ актецъ составить, а тамъ ужъ не наше дѣло. Съ этимъ всѣ согласились, и засѣданіе кончилось мирно. При выходѣ, Петръ Ивановичъ ненавидяще взглянулъ на Вульфа и прошипѣлъ:

— Это низкое воровство.

— Что вамъ угодно? — любезно откликнулся деликатный факторъ.

— Тутъ дѣло нечисто, господинъ Вульфъ. Я этого тамъ не оставлю, знайте!—и понизивъ голосъ прибавилъ:—Еще съ вашей женой мы посчитаемся за безъименные пасквили...

— Я васъ не понимаю,—и прошу не обижать честныхъ людей, г. Слободинъ. Да и не обидите—руки коротки... Андрей Андрейчъ, Андрей Андрейчъ! закричалъ онъ, догоняя полиціймейстера;—намъ по дорогѣ, доведите. И фамильярно вскочивъ въ полиціймейстерскіе дрожки, умчался.

— Эге, такъ вотъ оно что!—рука руку моему и объ чисты бывають,—сказалъ Петръ Ивановичъ, поглядѣвъ имъ вслѣдъ—и понялъ, что капиталы Мироносцева для него окончательно потеряны...

Пришелъ домой онъ туча-тучей. Анна Дмитріевна, знавшая, по какому случаю было собраніе властей въ домѣ покойника,

взглянувъ извѣса въ лицо мужа, поняла, что дѣло неладно, и спросить боялась. Она даже ходила на цыпочкахъ и говорила вполголоса, словно въ домѣ больной лежитъ. И не то чтобы она была опечалена несбывшимися надеждами, а чувствовала потребность рабыни успокоить, ублажить разстроеннаго господина.

«Можетъ быть оно и къ лучшему—шевелилось въ ея сознаниі—при неудачахъ-то люди только и вспоминаютъ Бога; а то гордыня одолеваетъ». И шопотомъ мѣнялась съ бабенкой своими мыслями и примѣтами.

Алексѣю не нужно было ни о чемъ рассказывать; онъ видѣлъ все и понималъ совершенно ясно. Но въ противоположность матери, имъ овладѣла шумливая, нервная веселость; цѣлый день онъ бѣгалъ съ Алѣнушкой, хохотавшей какъ колокольчикъ, — заставлялъ Стултуса продѣлывать разные штуки и печально разбилъ окно. Отецъ высочилъ изъ кабинета, прикрикнулъ-былъ рѣзко, запальчиво, но вдругъ зашнурлся... Онъ встрѣтилъ такъ спокойный, такой ясный взглядъ сына, что ему стыдно стало не только за свою запальчивость, но за всего себя стыдно... За-творивъ тихонько дверь, онъ скрылся.

И шагая изъ угла въ уголъ по кабинету, Петръ Ивановичъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этого взгляда, совершенно разстроившаго послѣдовательное теченіе его мыслей. Ужъ онъ былъ отчетливо и зрѣло обдумалъ, какъ притянуть этого Вульфа и если не удастся отобрать у него деньги, то упечь его куда следуетъ, добраться и до жены его, — словомъ, преслѣдовать настойчиво, не брезгуя никакимъ оружіемъ; — и вдругъ этотъ взглядъ! Да откуда онъ, зачѣмъ? — И какая въ немъ страшная сила? — А вѣдь онъ становится удивительно похожъ на мать... Она вотъ точно также на меня посмотрѣла, когда я въ первый разъ, у колодца, сказала ей: «Ну вотъ, Аннушка, я тебя куплю и вѣдемъ со мной, будемъ жить вмѣстѣ». Да, это былъ тотъ же самый взглядъ... И Петръ Ивановичъ попалъ въ строй совершенно новыхъ мыслей, будто послышалась ему забытая, милая пѣсня, что пѣвалась въ молодости — и на душѣ у него потеплѣло...

Эти новыя мысли глядѣли на него сѣрыми, спокойными и ясными глазами Аннушки-Алѣши. Ему припомнился послѣдній разговоръ съ сыномъ, — и разговоръ этотъ только теперь сталъ ему понятенъ... «Какой ужасъ, какой ужасъ! — Да вѣдь это разговоръ невозможный, сумасшедшій разговоръ!» — едва не крикнулъ Петръ Ивановичъ. «Вѣдь мальчикъ растетъ, все видитъ, разумѣетъ... вотъ онъ, судья-то нашъ самый страшный!»... Но не строгостью

суды свѣтились эти ясные сѣрые глаза, — они говорили о чем-то самомъ простомъ, естественномъ, понятномъ. Спокойствіе ихъ потокомъ полилось въ душу отца и затопило всѣ уродливые призраки, порожденные нелѣпною дѣйствительностью и взыалися ему до сихъ поръ чѣмъ-то необходимымъ, неизбежнымъ, законнымъ...

— А ну ихъ всѣхъ къ дьяволу!—вдругъ порѣшилъ Петръ Ивановичъ. — Что это я въ самомъ дѣлѣ, куда зашелъ? — И передъ нимъ уже все обратилось въ одну огромную нелѣпость: и Кривой переулочъ, и тысячи, сгребленные Мironосцевымъ всякими путями, собственно для того, чтобы ими воспользовался ловкій мошенникъ, и самъ этотъ пройдоха Вульфъ съ своей знаменитой супругой... Господи! да что же я могу имѣть общаго со всѣй этой чепухой и грязью?...

Дѣйствительно, Петръ Ивановичъ совсѣмъ успокоился, даже по-всегдѣ, сталъ по вечерамъ возиться съ дѣтьми и шутить съ Натальей Лаврентьевной. Сѣрые, сновойные глаза сдѣлали свое дѣло и подернулись блескомъ радости...

Но не такъ легко человѣку развязаться съ рядомъ заблужденій, приросшихъ къ нему органически, захватившихъ его цѣпкими когтями со всѣхъ сторонъ. — Ты, братъ, *намъ*; всегда былъ *намимъ*, такъ отъ своихъ не отплеывайся, это непорядокъ! — Такъ заголосила вокругъ Петра Ивановича вся безотвязная дѣйствительность.

Шлифуръ начальническую челюсть, ловкій дантистъ всегда старался во время скучной операціи занять умъ его превосходительства пріятнымъ разговоромъ, для чего изобрѣталъ темы самыя игривыя, преимущественно забавныя происшествія изъ мѣстной жизни и закулисныя дѣлишки обывателей, до чего паціентъ былъ большой охотникъ. Послѣ каждаго визита Вульфа, начальникъ самымъ добродушнѣйшимъ тономъ рассказывалъ окружающимъ, съ какой начинкой вчера ѣли пирогъ у Семена Семеновича; по какой причинѣ прокурорша прогнала отъ себя смазливую горничную; какія мысли насчетъ паденія Рима питаетъ учитель исторіи Кассіевъ... Всѣ такъ ужъ и знали, что сегодня, значитъ, зубы шлифовались. — И такъ, какъ добрый начальникъ рассказывалъ все это больше въ шутку, безъ малѣйшаго ехидства и желчи (печенью онъ не страдалъ), то слушатели рѣзво улыбались, приговаривая: и какъ это вѣшеству все извѣстно? удивительно даже! — А онъ, какъ пѣтушекъ, нахохливался и хихикалъ — «да-съ; нельзя-съ; об-бязанъ-съ!»

Понятно, что исторія о пропавшихъ капиталахъ «старой конной лошади» была у всѣхъ на языкѣ. Вульфъ очень осторожно передавалъ начальнику городскіе слухи, выставлялъ себя жертвою собственнаго неблагоразумія и всегданней готовности услужить знатнымъ господамъ, и между прочимъ вставлялъ, что совѣтникъ Слободинъ въ непродолжительномъ времени долженъ быть купить себѣ имѣніе дунгъ въ триста и зажитьъ прищипавучи. — Полиціймейстеръ то же въ свою очередь имѣлъ конфиденціальный разговоръ съ начальствомъ, — и въ концѣ концовъ вышло такъ, что услужливый Вульфъ оказался совершенно чуждымъ и правъ, даже сожалѣнія достойнъ, а Слободинъ, если не причисленъ къ деннымъ грабителямъ, по недостатку уликъ, то все же приобрѣлъ репутацію ловчака, съумѣвшаго обработать дѣло и схоронить концы въ воду. Нерѣшительныя, робкія предположенія стали несомнѣнною истинною, какъ только голосъ сверху произнесъ, что это непременно такъ, иначе и быть не можетъ!

Молчаніе Петра Иваныча, неумѣнье его отрывать изъ конюшни было въ его же невыгуду, — и вотъ какъ городскіе слухи приобрѣли всю осязаемость неопровержимаго факта.

Петръ Иванычъ ходилъ повѣся голову, какъ въ самомъ дѣлѣ виноватый; онъ сознавалъ несправедливость къ нему общества, съ которымъ всегда старался жить въ ладахъ; но до коренныхъ причинъ этой несправедливости, лежавшихъ долею въ немъ самомъ, а долею — и притомъ весьма значительною — въ томъ обществѣ, котораго онъ былъ покорнѣйшимъ слугою, — Петръ Иванычъ никакъ не могъ додуматься. Онъ былъ человѣкъ мелкій, рядовой, а въ тридцатыхъ годахъ и самые передовые люди не помыслили объ анализѣ общественныхъ отношеній. По своему личному характеру Слободинъ и не годился ни для какой борьбы; заявить открытый протестъ въ немъ не хватало храбрости, да и кому заявлять; съ кѣмъ вѣдаться? — Вѣдь кругомъ дѣйствительно все свои люди и притомъ люди вовсе незлые, даже пріятель. Превратить съ ними всѣ сношенія, стать особнякомъ, — для этого опять-таки нужно нѣчто такое, чего не обрѣталось въ натурѣ добраго Петра Иваныча, выправленной долговременной службой. — Да и какъ обойтись безъ нужныхъ людей человеку маленькому, который меньше всего зависитъ отъ самого себя, и которому всякій можетъ шутя подставить ногу такъ, что послѣ уязъ никогда не встанешь.

Сердечной нашей Аннѣ Дмитріевнѣ тоже досталась во всѣхъ этихъ сплетняхъ роль весьма некрасивая: во веки жизни въ четырехъ стѣнахъ, она и понятія не имѣла о томъ, что говорится

уметь господь; а Петръ Иванычъ всякій день чувствовалъ, и отношенія къ нему сослуживцевъ и знакомыхъ измѣнялись, перемѣна эта была какого-то страннаго характера: благород- нѣе вѣточники, тащившіе тихонько, а потому пользовавшіеся жеменемъ общества, какъ люди основательные, теперь стали дѣть на Слободина подозрительно, словно боясь заразиться его новыми правилами, а безшабашныя практики, открыто испо- лщавшіе культъ серебрянаго и даже ассигнаціоннаго рубля, почти съ объятіями встрѣчали любезнѣйшаго Петра Иваныча, ачшая о идеологической матеріи, нѣжно смотрѣли ему въ глаза сочувственно пожимали руки, а за глазами приговаривали: какъ вынъ Петръ-то Иванычъ? — Ай да молодецъ! — Трудно ска- зь, отъ которой категоріи отношеній больше тошнило Петра Иваныча... Онъ видѣлъ, что при такой обстановкѣ ему долго не востъ, и ждалъ бѣды со всѣхъ сторонъ, не зная хорошенько про- въ кого и противъ чего ему придется обороняться.

II.

Мѣсяца черезъ два пріѣхалъ новый предсѣдатель палаты на всего Міроносцева. Это былъ чиновникъ изъ получившихъ кол- жскаго ассессора на Кавказѣ, и принадлежавшій къ той осо- нной породѣ начальниковъ, которую можно бы, пожалуй, на- зать штыкъ-юнкерскою, если бы это названіе не противорѣ- шь, радикальнѣйшимъ образомъ, понятію о чинахъ граждан- ныхъ вообще.

Такіе господа, вѣдучи во вѣренную часть, всю дорогу твер- нтъ: я очищу, я переберу, я муштрую! — а пріѣхавши на сьего, ничего не очищаютъ, переборка ограничивается пере- ковнѣмъ присутствія въ другую, болѣе удобную комнату, — и олько къ муштрованію приступаютъ немедленно и безъ пардона, кобливо, если нужна вакансія для своего челоуѣка. Таковой орелъ дѣйствуютъ съ налетѣ, больше по вдохновенію; гонить фавори- нель *прежнито* и создаетъ новыхъ, собственныхъ; реформы про- водятъ до самаго дна, такъ что ни за какія благополучія не най- неть прислуги, которая была у прежняго, и даже бакалейные то- вары *приваживаетъ* забирать отнюдь не въ той лавкѣ, гдѣ заби- ралъ предмѣстникъ; — словомъ, производитъ во всѣхъ отноше- нияхъ спасительный кавардакъ. Уже одного того, что Петръ Иванычъ былъ фаворитъ покойнаго, оказывалось достаточно для произнесенія стереотипной фразы: «мы вмѣстѣ съ вами служить

не можемъ»,—а тутъ еще припелась и необходимость отъехать вѣжливою вакансію для своего человѣчка, и неблаговидная исторія о вѣдѣлахъ Міроносцева—и роковая фраза была произнесена безъ зрѣло-обдуманной твердости. Петръ Иванычъ выслушалъ ее спокойно, съ достоинствомъ, и въ тотъ же день подалъ прошение объ отставкѣ.

Придя домой, онъ весело разсказалъ женѣ эту новость, какъ будто получилъ какое-то неожиданное повышение, и передъ знакомыми старался казаться равнодушнѣе обыкновеннаго. Одна крупная ошибка: хотъ Слободинъ сталъ уважать себя за это равнодушіе и презрѣніе къ напрасному гоненію, но онъ забылъ, что въ искусственномъ мірѣ днѣхъ отношеній, всякое натуральное побужденіе есть ошибка, и разъ потерявши практическій балансъ остается только падать глубже и ушибаться больнѣе.

Поведеніе Слободина стали объяснять очень просто: обещали чилъ-моль себя человѣкъ, такъ что-жъ ему печалиться!

Его веселую бодрость понималъ и раздѣлялъ одинъ только Алексѣй; онъ видѣлъ, что отецъ человѣкъ живой, способный переломить свою распущенность, не закинуть въ привычную халатной жизни, а главное—способный бодро смотрѣть впередъ.

— Не пропадемъ!—твердилъ Петръ Иванычъ.—Здѣсь мнѣ такъ опротивѣло, что не только искать, а сейчасъ предлажу какое угодно мѣсто, не возьму. Поѣдемъ въ Петербургъ.

— И, Боже сохрани!—этакую даль тащить... А какъ же съ домою-то?—испугалась не на шутку Анна Дмитриевна.

— Продадимъ. Это послѣднее дѣло... А вотъ я замѣтилъ, Алексѣю сильно хочется въ Петербургъ,—вишь какъ встрепенулся, словно живой водой его спрыснули...

— Я радъ за васъ, папенька,—вы не унываете... Разумѣется, не пропадемъ. Впрочемъ, еслибы и очень плохо намъ пришлось, такъ вѣрно вы вспомните, что дѣдушка Дмитрій Логиничъ такъ говорилъ...

— Неужели ты помнишь!

— Я-то все помню... Мнѣ не мѣшало бы даже поучиться забывать... Петръ Иванычъ какъ будто не обратилъ вниманія на эти слова.

— Эхъ, братъ, не дай Богъ дойти до того, чтобы ушсть на шею дѣдушкѣ!... А вотъ съ сестрой списаться слѣдуетъ.

— Съ какой сестрой!—У васъ есть сестра?

— Не грибомъ же я на свѣтъ родился! Семья тоже была большая. Какъ обыкновенно бываетъ съ бѣдными людьми—генеалогія наша теряется во мракѣ неизвѣстности, и сами мы расте-

ишь по бѣлу-свѣту, даже не знаемъ, гдѣ кто обрѣтается и только въ живыхъ осталось; — сестра мнѣ ближе, потому что прося при мнѣ и замужъ я ее выдалъ за одного офицера, звали Антоньча Ермолина; правда, онъ изъ сдаточныхъ, да вѣдь оказался хорошей, трезвый. Взялъ Палашу въ одномъ ситниковомъ платьѣ, ну, да и самъ въ то время со всѣмъ состояніемъ укладывался на одномъ выюкѣ, а теперь дослужился морскаго чина, въ военномъ поселеніи служитъ подъ Новгородомъ и хорошо живетъ, хозяйственно. Писали они какъ-то, что хотѣли бы свидѣться, просили даже изъ васъ кого-нибудь отъехать имъ на воспитаніе. Люди достаточные и бездѣтные — скушаютъ... Я уже и подумывалъ-было Алѣнушку имъ...

— Мою Алѣнушку? — Эхъ, папенька, папенька!

— Шучу, шучу. — Ужъ если придется, такъ лучше Колю, военный будетъ.

— Развѣ Колю... только опять, эти чужіе достатки, — Богъ съ ними, — съ горечью замѣтилъ Алексѣй.

— Конечно, конечно... я такъ только, въ слову... замаялся отецъ. А по пути заѣдемъ къ нимъ, нельзя же! — Хорошіе они люди; будутъ рады. Можетъ быть и на счетъ мѣста, что-нибудь присовѣтуютъ. Петру Иванычу улыбалась мысль о Петербургѣ, и онъ дѣятельно принялся приводить дѣла свои въ порядокъ. Анна Дмитриевна затужила и не разъ всплакнула въ компаніи съ Натальей Лаврентьевной, обсуждая нерадостныя дѣла свои.

— Извѣстно, безъ должности никакъ человѣку невозможно, что уже и говорить! — должность наша кормилица. Ну, поищи тутъ; нѣшто у казны одна только палата и есть? — Чиновниковъ смотри сколько — видимо-невидимо по всякимъ частямъ; ужли-жъ мѣста не найдется! А то, статочное ли дѣло, что затѣялъ — въ Петербургъ?! — Вишь, не видали васъ тамъ, этакихъ-то!.. Стала я это ночесъ ему говорить, такъ онъ куды! — Ты, говорить, Аннушка, должна бы еще утверждать меня въ этомъ намѣреніи, а не отговаривать. Потому, останься я здѣсь — и самъ пропаду, и васъ всѣхъ несчастными подѣлаю. Здѣсь намъ не житье; и народъ же какой гнусный, — послушай-ка какую мерзость про насъ распустили... Ну, это точно, Лаврентьевна, что народъ здѣсь подлый, хочъ и господа, а гораздо безсовѣстнѣе всякаго послѣдняго мужака. И все это Петръ Иванычъ правильно говорить, и не съ моимъ умомъ ему перечить; только одно меня убиваетъ: какъ же съ доможъ-то? — Все заводили, облаживали себѣ гнѣздо, да вдругъ взять и продать? А деньги что! — терпѣть я ихъ не могу, этихъ денегъ.

— Отъ нихъ всякое зло на землѣ, — внушительно вставила

старуха. Это ты хорошо, мать моя; вѣдь писано, что на томъ свѣтѣ этими самыми деньгами—растопятъ, да и будутъ глотъ заливать ворыстолюбцамъ—то. Ну, а тебя Господь уберетъ отъ этому грѣху не причастна.

— Этого во мнѣ отродясь не было, чтобы къ деньгамъ, а то дѣло домишь! Мнѣ такъ думается, что это самъ Отецъ милосердный повелѣлъ, чтобы у всякаго человѣка на свѣтѣ былъ садомъ, свое гнѣздо, да доскуть землицы... Оттого оно такъ и мило... Деньги—соблазнъ; опять же вышли онѣ—и ни ничего,—а домишь все остается, приютъ востямъ на старости. И что еще мнѣ представляется, Лаврентьевна, — помнишь ты какъ я разбивалась, когда мы выѣзжали изъ вашихъ мѣстовъ? Ну вотъ хоть ты что хочешь, а мнѣ тогда словно голосъ какой неотступный сказывалъ: не свить вамъ гнѣзда николи; мнѣяться вамъ по бѣлу-свѣту безъ надежнаго пристанища! Вотъ оно обывается—много ли здѣсь поехали, мѣста не согрѣли... Такъ ужъ оно теперь и поидеть!...

— Такъ-то такъ!—Ну, пуцай одинъ ѣдетъ; дому не прощайте, —оставайся съ дѣтми и живи въ немъ.

— Прикидывали мы и этакъ-то,—все не выходитъ. Получилъ Петръ Иванычъ въ Питерѣ, али гдѣ въ иномъ мѣстѣ, должность сюда ужъ не вернется; все равно надо будетъ продать. А другое дѣло, какъ я тутъ безъ мужа останусь? — Да ни за какія сокровища! — Оно недаромъ и въ законѣ сказано: Богъ соединилъ—человѣкъ не разлучаетъ... Да я безъ него только два мѣсяца прожила тогда,—помнишь?—и то натерпѣлась такой муки, ты и до гробовой доски, кажься, не забуду... Нѣтъ, какъ можно!—Ужъ стало судьба наша такая цыганская, все съ мѣста на мѣсто;—надо покориться.

— Да, не выходитъ, не выходитъ. Ну, я очень довольна, что видѣла васъ во всякомъ благополучіи. Ужъ болѣ мнѣ не приведется... По крайности, въ смертный часъ, покуда нятая на глаза не положить, все буду видѣть васъ, мои родимые, вотъ какъ тенерича—домъ чаша полная, и во всякомъ удовольствіи да добромъ здоровы. — Вотъ только Ванюшка-то у васъ какъ, нешадежень.

Анна Дмитриевна вздохнула,—такъ вздохнула, какъ можетъ вздохнуть только скорбящая мать, которая никогда, никому не смѣла повѣрить своего великаго горя-бѣсчастія, которой въ простотѣ души кажется, что даже эта быстро-угасающая жизнь ея ребенка есть видимое наказаніе за ея же глубоко-скоронный грѣхъ... А тутъ же, рядомъ съ этимъ горемъ встаютъ еще

гнія мысли, которыя она считала уже прямо дьявольскимъ наденіемъ, такъ въ разрѣзъ онѣ становятся со всею тою правдою, что люди споконъ вѣка установили... «Да еще полно бѣхъ ли это? — И чѣмъ тутъ виноватъ младенецъ?» — Но куда ей, бѣдной крестьянкѣ, справиться съ такими вопросами, — подь силу; — она умѣла только страдать; этого умѣнья не заимать-стать женщинѣ, да еще русской женщинѣ...

Разговоръ перервался. Прилежище принялась Анна Дмитриевна иглоу, но руки дрожали; уронивъ работу, она закрыла лицо; старушка, молча и совершенно прищуривъ глаза, глядѣла на : долго, пристально.

— Ахъ, мать, погляжу я на тебя, такъ ужъ лучше бы сподъ прибралъ его поскорѣй, право-ну!

Анна Дмитриевна подняла на нее глаза; еще мгновение и она сказала бы передъ старухой все, что столько лѣтъ давило ея вѣсть.

— Не говори ты мнѣ, Христа - ради! — Не натружай ты оей бѣлой груди! — остановила ее старуха. Ужли-жъ ты меня глупую несмыслѣну считаешь? — Семей десятокъ изжила-ало все смѣкаю... А ты это напрасно, голубица моя, надры, ешься; Богъ-то лучше знаетъ, чья душа правая, чья виновата, — и можетъ, ужъ давно тебѣ все отпущено за доброту за ою, такъ-то!..

И полегче стало бѣдной женщинѣ; и подумала она: а еще бы гче стало, кабы вотъ этакъ же душевно могла я слово перемвить съ Петромъ Иванычемъ... Такъ вотъ нѣтъ же, смѣлости мнѣ не хватаетъ. Не будь онъ баринъ — иное дѣло; а то дѣ его милостью только и живешь. Кажись, и барыней стала, все-то ты при мнѣ — доля моя крестьянская!..

III.

Пришла зима, да такая ранняя, снѣжная; мятели замело съ амой Казанской. Петръ Иванычъ исподоволь, поземногу продалъ свое хозяйство — дрожки, сани, лошадей уже съ двора свели; на счетъ дома совсѣмъ-было поладилъ съ однимъ купцомъ чень выгодно, такъ что по первопутью располагалъ выѣхать, тобы напрасно тутъ безъ дѣла и безъ мѣста не проѣдаться; но планы его были разстроены самымъ неожиданнымъ и непріятнымъ образомъ. — Прежде всего захворала Катерина; такая здо-рова, работающая и ко всему привычная женщина вдругъ слегла

ни съ того, ни съ сего. Ходила она на рѣку бѣлье полоска да простудилась должно быть; день былъ морозный;—а къ вечеру поднялась такая сиверка, что едва домой она дотащилась; ту же ночь бабу совсѣмъ свалило. Всѣ стали въ тупикъ, съ ней: диви бы съ непривычки, а то весь свой вѣкъ и лѣт зиму на рѣку съ бѣльемъ ходила—и ничего; а теперь звать въ добрый часъ вышла, или кто сглазилъ. — Внутри словно жаръ загорѣлся, глаза страшные, бредить и нивого не узнает. Утромъ сказали барынь; та велѣла баню истопить; таскали счастную, парили и медомъ съ рѣдью вытирали, —ничто не могаеть. Ужь Наталья Лаврентьевна пробовала съ молитвой спскивать съ уголька, и святой водой поила, а бабѣ все хуже хуже. Алексѣй настаивалъ съ самаго начала, чтобы послали докторомъ, такъ не хотѣли его слушать; Финогенъ даже рсмѣялся: какой нашему брату дохтуръ!

Однако видятъ, что домашнія средства не дѣйствуютъ, дѣла нечего — повалили доктора; осмотрѣвъ больную, онъ поморщился и только посовѣтывалъ свезти ее поскорѣе въ больницу, да лекарства никакого не прописалъ. Какъ услышалъ Финогенъ о больнице, махнулъ рукой и съ горечью свиснулъ: фю, вопшталъ ну, значить шабашъ! — Сейчасъ же пошелъ повалился барину ноги. — «Отецъ родной, Петръ Ивановичъ, дозвожь, чтобы не шить въ больницу; ужъ коли бабѣ помирать, такъ пушай луче она дома христіанскую смерть приметъ; а можетъ еще и отжится». — Но не отлежалась бѣдная Катерина — снесли ее погостъ.

Несмотря на сильный морозъ, Алексѣй понелъ съ бабкой провозать покойницу. Старушка большимъ грѣхомъ считала не пойти, да и охотница была, — а Алексѣй самъ вызвался; онъ еще никого не хоронилъ изъ близкихъ и впервые участвовалъ въ печальномъ обрядѣ, который произвелъ на него глубокое, дѣльное впечатлѣніе.

Его поразило серьезное, нерасплывчатое горе простыхъ людей; собралась небольшая кучка дворовыхъ сосѣдскихъ женщинъ и пріятельницъ Катерины, знакомая мѣщанка-калашница; какой-то отставной солдатъ и палатскій вахтеръ съ медалями то же пришли отдать послѣднюю честь. Никто не плакалъ, а между тѣмъ на лицахъ не было и равнодушія тупой обрядности: всякій пошелъ къ гробу, и врестился, и свѣчку ставилъ спокойно, буди одно только сознавая твердо, что дѣлаетъ очень важное и необходимое дѣло; всякій, казалось, думалъ, что вотъ-де, какіе мы на есть, а все же люди; какъ живемъ — этого никто не видитъ.

омираемъ все равно такъ же, какъ и прочіе... Финогенъ гля-
 ъ почти сердито, какъ-то вросъ упирая неподвижный взглядъ
 зпрестанно чесать грудь. Яковъ сталъ поближе къ гробу
 три и переводилъ одинаковый, испуганный взглядъ съ ея лица
 рзеву священника, съ паникадила на желтенькую копѣчную
 ку, оплывавшую въ рукѣ его. Передъ тѣмъ какъ заколачи-
 крышку и отдать послѣднее цѣлованіе, Финогенъ слегка
 шхтѣлъ и началъ проворно, учащенно креститься, а сына про-
 ла крупная слеза. Когда же омончательно зарыли могилу,
 огонь крѣпко ударилъ о-полы рукавицами и потужилъ: эхъ-
 сторѣла баба! — такъ вотъ ни за грошъ сторѣла; — была и
 б; — поди ищи теперь гдѣ она!..

— Это вы не сумлѣвайтесь, дяденька, — тонкимъ голоскомъ
 втиль отставной солдатъ; — всякое дыханіе — значить покулъ
 дышетъ; а разъ — хлопъ! — паръ изъ его вышелъ и конче-
 — Одно слово смерть, тутъ разговаривать много нечего...

— Слава те Христось, что парнишко-то остался возрастный,
 ораздо скучать будетъ за маткой, — утѣшала калашница.

— А все же мать: она и обмоеть, она и обошьеть, она и
 окъ лишній припрачеть, да въ ротъ сунеть. Какъ можно!

— Да ужъ знамо дѣло, другой матери не наживешь! — каля-
 и бабы.

Побрелъ этотъ темный народъ съ кладбища, продолжая ка-
 ать ужъ не о покойницѣ, а о своихъ ежедневныхъ нуждиш-
 зъ, только въ тонѣ рѣчей удержалась и звенѣла все одна ва-
 то жалобная нота... Финогенъ съ господами кавалерами на-
 вился въ первый попавшійся на дорогѣ кабакъ.

— Вишь, песь какой! — заворчала бабенка, примѣтивъ исчез-
 еніе Финогена. — Имъ бы только винища нажратъся! — Ты
 три, Яшка, не поиди по отцу, — баловства-то въ тебѣ много
 ваго, а удерживать темерича некому, — пропадешь ты!

Алексѣю сильно хотѣлось утѣшить Личарду, молчавшаго всю
 рогу и соображавшаго что-то очень мудреное, но онъ не па-
 далъ ни одного пригоднаго слова.

Эти похороны сильно расколодили юношеское представленіе
 смерти: вмѣсто торжественно-страшнаго, раздвращающаго душу
 ленія, Алексѣй увидалъ очень простой обиденный фактъ: изъ
 довѣ живущихъ вычеркивается одинъ человекъ, съ которымъ
 ть же сводятся короткіе житейскіе счеты, — ряды смыкаются
 влуть своей дорогой, кто на будничную поденьщину, кто въ
 какъ. И такъ повторяется сегодня, завтра, каждый день, мил-
 оны случаевъ. Къ чему же тутъ парадная обстановка, плачь,

стоны, отчаяніе? — Это показалось Алевксѣю малодушіемъ богаты и избалованныхъ людей; воображаютъ они, что застрахованы (смерти, и всякій разъ передъ свѣжей могилой поднимаютъ такую суматоху, точно весь міръ рухнетъ... а вотъ простой народъ знаетъ, что онъ ни отъ чего незастрахованъ, потому въ не больше твердости, выносливости, — а горе во всякомъ званіи! горе — «другой матери не наживешь!»

Не успѣли схоронить Катерину, какъ пришлось заказывать другой гробикъ. — Давно уже погасавшая жизнь маленькаго Вани наконецъ совсѣмъ погасла.

— Ужъ какъ пойдутъ въ домъ несчастія, такъ и конца не нѣтъ! Видно Господь посѣтилъ насъ... И пойдеть теперь у насъ все такъ: отбудешь одно горе, иди встрѣчай другое... Чуетъ и сердечушко, что прошли наши красивые дни, и чѣмъ дальше тѣмъ все будетъ тяжеле! — плакала Анна Дмитріевна, обрядъ атласными ленточками голубой гробикъ своего ребенка.

IV.

Съ продажей дома Петръ Ивановичъ встрѣтилъ большія затрудненія: купецъ, съ которымъ было совсѣмъ полагено, отпалъ, потому единственно, что хозяйка его не захотѣла, — испугалась, провѣдавъ, что въ домѣ было два покойника, стало бытъ домъ несчастный.

— Да меня въ тотъ домъ, гдѣ покойники лежали, и каинъ томъ не затащилъ, а не то что доброй волей, да еще за свои денежки! — упиралась толстая, животомлюбивая купчиха и никакихъ резоновъ не слушала. — Пришлось искать другого покупателя — и наконецъ, только въ апрѣлѣ дѣло порѣшено съ ками миссаріатскимъ чиновникомъ за двѣ тысячи семьсотъ, и расходъ по купчей пополамъ.

А тутъ еще другія хлопоты: Финогенъ, сильно запивавшій послѣ смерти жены, сталъ къбуду негоденъ; вѣчно сидитъ въ кабакѣ, пропилъ всѣ женины вѣнцы и на себя оставилъ только дырявый полушубокъ. Увѣщанія и угрозы не имѣли надъ нимъ никакой силы. — Бился-бился съ нимъ баринъ, видитъ, что толку нѣтъ, — пропалъ человекъ.

— Какъ же я тебя, дьявола этакого, съ собой въ дорогу возьму! — Какая отъ тебя помощь? — Подумай ты, аспидъ, что ты со мной дѣлаешь! — И такое ли теперь время, чтобъ пѣнствовать?

— Власть ваша, а я что жъ?—Мнѣ теперича только одно... вдругъ повалился въ ноги:—Петръ Ивановичъ, отецъ родной оти ты меня!..

— Какъ, отпусти?!

— Какъ хочешь, кормилецъ, — по пачпорту али такъ какъ авь тута. Каковой ужъ я тебѣ слуга!—душу-то чорту никакъ жить. Мнѣ одинъ ходъ—либо острогъ, либо петля... Оставь, о неровень часъ — я и съ дороги убѣгу, какая тебѣ корысть? ты положь какой хопъ обровъ — я съ моимъ великимъ удовольвіемъ представлю.

— Каковой ты можешь обровъ добыть, ваторажный! — Кто я возьметъ?

— Это точно, никто не возьметъ, Петръ Ивановичъ. Тутъ о—коли Господь помилуетъ, може эта порча и пройдетъ у ия, потому здѣсь есть такія бабы, что воспользоовать могутъ. авь же будемъ такъ говорить по-божьи, — вѣдь ты нашъ дѣ, мало мы тебѣ служили, рабы вѣрные? — Коли мало, ну я Яшутка тебѣ отслужить. Я ему, шельмecu, накрѣпко зажу и чуть что—луи его! Даромъ что мое дѣтище, а я тебя въ этомъ прошу слезно, бей до смерти!.. Онъ, подлець, долтъ свое отслужить, а ужъ я куды! — Отпусти родимецъ, завъ за себя вѣчно Бога молить...

Валяется въ ногахъ и твердитъ одно «отпусти» — что съ авь дѣлать? — Баринъ увидѣлъ, что предъ таковой покорной съ ду, но въ сущности непреклонной волей человѣка, и его барва власть ничего не сдѣлаетъ, то-есть, пожалуй, при помощи мнообразныхъ полицейскихъ мѣръ все сломить можно, но Петръ Ивановичъ не былъ способенъ на деревянное, бесполезное тиранство.

Выправилъ онъ ему паспортъ, поручилъ надзору Предтечинго священника и не положилъ никакого оброка — пусть прежде въ запоя вылечится, а тамъ посмотримъ.

Наталья Лаврентьевна выѣхала на Фоминой недѣлѣ съ портками. Разставанье съ нею было глубоко-трогательно: кромѣ меньшихъ дѣтей, всѣ сознавали, что разстанутся съ доброю старикой навсегда, и хотъ въ утѣшеніе себѣ приговаривали: «Богъ авь, еще увидимся!» — однако эта фраза произносилась какъ-то в твердо, не рѣшительно; немного шаговъ осталось бабенкѣ до ой минуты, когда мѣдныя пятаки надавятъ на застывшіе, ничего отражающіе зрачки.

— Смотрите же, пишите, радуйте меня, мои внучоночки шие! Дастъ Богъ, пока еще глаза видятъ, натку вамъ холста а рубашечки, своего домашняго; пришлю въ Питеръ. Тамъ

можетъ и лучше полотно есть, да не такое добротное. Стан носить—бабенку поминать.

Это было послѣднимъ завѣщаніемъ старухи.

Новый владѣлецъ хотя и позволилъ Слободинимъ остаться домѣ до выѣзда, но какъ это былъ человѣкъ давно и съ раніемъ сердца мечтавшій о благопріобрѣтенной собственности то благополучіе, котораго онъ теперь достигъ, не давало ему вою; раза по четыре на день онъ прибѣгалъ въ домъ, ходилъ по комнатамъ, обзрѣвалъ все снова, постукивалъ въ стѣны, печи, соображалъ что-то ужасно глубокомысленное, а самъ в сіялъ. Безпрестанное появленіе этого счастливецъ было не тол назойливо, но даже оскорбительно; придетъ, извиняется такъ щ торно, проситъ не беспокоиться, а самъ точно выживаетъ. Сло бодины и не мѣшкали бы, да встрѣтилось одно очень важн обстоятельство.

Петра Иваныча озарила счастливая мысль добыть рекоменда тельное письмо къ какому-нибудь сильному въ Петербургѣ ли отъ князя Хвалынцова. Князь держалъ себя чрезвычайно гор ни въ какия губернскія дрязги не вмѣшивался, и слылъ вообш за человѣка добраго и благороднаго. Хотя Слободинъ былъ н сколько извѣстенъ князю, даже разъ, по порученію Міроносцев составлялъ для него какую-то дѣловую записку, но теперь дол обдумывалъ этотъ шагъ и — куда кривая не вынесетъ — р шился ѣхать прямо къ князю въ деревню, объяснить все отпр венно и просить милостиваго ходатайства. Мысль эту онъ скры отъ домашнихъ и въ одну ночь уѣхалъ въ перекладной, не ск завѣ куда. Проѣздивъ онъ съ недѣлю, потому что князь выѣзжалъ въ другое имѣніе, пришлось его дожидаться. Но не напрас протрясся Петръ Иванычъ верстъ болѣе сотни, и воротясь д мой, съ восторгомъ рассказывалъ о приѣмѣ, котораго удостоилс

— Во всѣ подробности вошелъ, то-есть до послѣдней мелоч обо всемъ полюбопытствовалъ. Объясненія мои выслушалъ благосклонно, потомъ улыбнулся этакъ особенно и сказалъ сквозь зуби одно только слово—«дрянн!»—но, батюшки мои, какъ онъ ска залъ это слово!—Всѣ наши городскіе, кабы услышали, обратились бы въ прахъ отъ одного этого слова... просто уничтожил Вельможа — и больше ничего! Велѣлъ мнѣ явиться на другой день въ 10-ть часовъ утра. Вышелъ я отъ него, думаю—ну дѣло мое въ шляпѣ! вдругъ ужъ на крыльцѣ догоняетъ мен ливрейный офиціантъ — «его сіятельство просятъ васъ къ обѣ денному столу». — А въ которомъ часу? — Садитса за столъ въ 8-мь часовъ. — Какъ, въ 8-мь вечера?—Да-съ; а вы такъ минут

въ 15-ть пожалуйста, сударь, во фравахъ-съ». — Нечего вамъ и разсказывать о великолѣпіи! — Когда ужъ всѣ собрались, выходитъ князь тоже во фракѣ, потомъ сама княгиня, дѣти, гувернантка, воспитанница, — представь только, Аннушка, разодѣты какъ на выѣздъ! А и гостей-то никого не было, все свои — два англичанина, какіе-то механики, французъ-докторъ и я многогрѣшнѣйшій, вотъ и вся публика. Подвелъ меня князь къ самой княгинѣ, «вотъ, говоритъ, въ Петербургъ ѣдетъ.» — А! отозвалась она, — вашъ сынъ учился танцовать вмѣстѣ съ нашими. — Видишь, Алѣша, про тебя вспомнила! — А мы, говоритъ, Анатоля ужъ въ корпусъ отвезли; зайдите къ нему, онъ очень будетъ радъ. Кстати, попрошу васъ передать ему маленькій пакетъ, если это не затруднитъ... Совсѣмъ очаровала меня своей благосклонностью! — Ну, только это все постороннее, слушай дѣло. — На другой день вляюсь; провели меня въ садикъ, боскетъ у нихъ называется; ждигъ князь подъ деревцомъ въ бѣломъ сюртукѣ и большой сомоленной шляпѣ, облокотясь на трость, въ размышленіе погруженъ. Какъ примѣтилъ меня, кивнулъ головою: очень радъ, говоритъ, и прежде всего спасибо за то, что обратились ко мнѣ прямо, какъ всякій честный человѣкъ долженъ обращаться къ честному человѣку. Вотъ вамъ письмо барону Эггерсу; я пишу, то знаю васъ за хорошаго чиновника; а главное, что вы не кзачочникъ, понимаете вы меня? — И онъ такъ проникательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я началъ-было что-то говорить, ужъ не помню, онъ остановилъ: «Все это прекрасно, но поймите это корошенько — вы не-взя-то-чникъ. Вы можете гордиться тѣмъ, что и это говорю вамъ такъ прямо. Отдайте письмо барону, онъ найдетъ какъ тамъ возможно будетъ лучше примѣнить къ дѣлу ваши способности и вашу честность. Можете быть покойны. Прощайте, любезный, желаю вамъ всего хорошаго...» Выросъ я, Аннушка, выросъ, въ собственныхъ глазахъ выросъ! Бояться намъ теперь нечего, все пойдетъ отлично! — твердилъ восторженно Петръ Ивановичъ. — Вотъ оно, это письмо... возблагодаримъ Бога, не всякому такое счастье!...

Восторженность его сообщилась и окружающимъ. Фигура стараго князя, почтившаго честность и безвѣрность въ маленькомъ чиновникѣ, показалаась Алексѣю великолѣпною, колоссальною... Ему только смѣшно было вообразить себѣ, какъ онъ встрѣтится съ князькомъ Анатодемъ.

— А я безъ тебя не рѣшилась продать корову-то: какъ же можно, даютъ всего десять рублей, съ чѣмъ это сообразно!

— Э, матушка, полно тебѣ копѣйки-то выгадывать, Богъ съ

ними!—И Петръ Ивановичъ заторопилъ жену, продавали все ост-
шееся за безцѣноу, лишь бы поскорѣе отдѣлаться и выѣхать.

Алексѣй получилъ изъ гимназіи свидѣтельство объ оконченіи
6-го класса при «похвальномъ поведеніи». — Онъ повозболѣлъ
только объ участи Стультуса, котораго пристроилъ наилучшимъ
образомъ, отдавъ кухаркѣ госпожи Бѣлкиной, Аринѣ. Да и
Арины, казалось, болѣе дорогого подарка быть не могло; у
она его ласкала-ласкала, чуть не со слезами, приговаривая: «
ты Стульта! отслужилъ ты, Стульта, дружкѣ моему повойнич-
нотри и мнѣ служи также!»—Собака, узнавъ знакомую, когда-
кормившую ее и ея хозяина, съ визгомъ и лаемъ бросалась на
плечи Аринѣ.

Лука пришелъ проститься съ крестной маменькой, но ему
было только для соблюденія приличія: онъ держалъ себя при
нужденно, словно кругомъ виноватый передъ всѣми, а на Алену
даже не смѣлъ глазъ поднять.

Вечеромъ накрапывалъ дождичекъ—добрый знакъ для отъѣ-
жающихъ — когда пузатый, тяжело-нагруженный тарантасъ вы-
везъ шажвомъ за черту города Слободинское гнѣздо.

V.

Всѣми безспорно признано могучее образовательное вліяніе
путешествій; многіе считаютъ путешествіе необходимѣйшею ча-
стью полного, солиднаго образованія. Мы, русскіе, не исклю-
емъ на этотъ предметъ нивакихъ *своихъ* установившихся убе-
жденій: шататься мы любимъ, особенно на чужбинѣ. Со вре-
менъ Петра Великаго въ Европѣ объявились русскіе путеше-
ственники, то въ видѣ «любопытныхъ скисовъ», пришедшихъ
«внимать аѳинскому софисту», то съ гигиеническими цѣлями, и
чаще всего въ простой и популярной формѣ праздныхъ, гуля-
ющихъ людей, которые спѣшатъ промотать въ чужихъ краяхъ
лишнія деньги, и лишнюю глупость, накопившуюся въ домашней
скукѣ — и то благо! Очень недавно мы сдѣлали открытіе, что
можно путешествовать и по своему отечеству, но это открытіе
на первыхъ порахъ привело любознательныхъ пѣшеходовъ къ
бонтору становаго пристава. А чтобы ввести близкое знакомство
съ родиной въ систему воспитанія, то объ этомъ известіи
намъ въ то время и подумать еще было некогда...

Изъ нашей совершенно-правдивой хроники читатель, конечно,
усмотрѣлъ, подъ какими непредвидѣнными и безалаберными слу-

случаями проходило развитіе Алексѣя Слободина. Въ немъ все было такъ, какъ «Богъ дастъ», а между тѣмъ нѣкоторымъ случаемъ являлись необыкновенно счастливо и, быть можетъ, тѣмъ еще вліяли на обработку характера и складъ мировоззрѣнія такіе, что въ нихъ не было никакой преднамѣренности. Къ такимъ счастливымъ случаямъ нужно отнести эти безконечныя перѣезды на долгихъ изъ одного конца Россіи въ другой; тутъ въ встрѣчѣ лицомъ къ лицу и съ русской бѣдною природою, съ русской своеобразною жизнью, которая впопыхитса вдали отъ городовъ и большихъ дорогъ, по глухимъ проселкамъ.

Въ первый перѣездъ изъ родного городка въ губернію Алѣевъ былъ слишкомъ малъ, и притомъ зимняя дорога не даетъ ни достаточно матеріаловъ для наблюденій, ни даже возможности наблюдать встрѣченное. Уже какія тутъ наблюденія, когда кружки трещать тридцати-градусныя морозы, все живое бѣжить и вьрчется подъ теплую крышу; въ каждой избѣ люди кутятся вмѣстѣ съ телятами; кругомъ все бѣло, неподвижно, мертво, — и самъ путникъ завертывается съ головой въ шубу, чтобы не отморозить своего любознѣтствующаго носа?... Та дорога для Алексѣя слилась въ одномъ цѣльномъ и яркомъ представленіи о встрѣчѣ съ дѣдушкой въ его просторной, теплой избѣ, облеенной лубочными картинками, да о веселомъ празднованіи зимняго Мисеоя въ большомъ многолюдномъ селѣ.

Теперь дорога представляла рядъ картинъ живыхъ, своеобразныхъ, полныхъ смысла и занимательности для шестнадцатилѣтняго юноши, жаждущаго впечатлѣній, и котораго всѣ симпатіи тянули въ ту сторону, гдѣ снуютъ интересы, печали и радости простой жизни. Ѣхать предстояло до Петербурга болѣе двухъ тысячъ верстъ; до Москвы тянулись почти мѣсяць. Прежде всего, какъ ни экономничалъ Петръ Ивановичъ, а на другой день дороги пришлось принанять еще пару лошадей съ повозкой, ямщикъ взялся везти самоувѣренно, да вдругъ и отказался:—чижалоді его чорта не выволокешь! Да и сидѣть въ тарантасѣ пятернымъ оказалось тѣсно и душно. Въ повозку перебрались мальчижи и тотчасъ же подружились съ ямщикомъ, молодымъ татаринкомъ Абдулой. Абдулка этотъ оказался преселый малый и яростный защитникъ своей татарской честности. Русскій ямщикъ Назаръ, везшій тарантасъ, степенный, даже мрачный мужикъ, кривой и какъ-будто съ рваными ноздрями, — онъ увѣрялъ, что это отъ оспы, — былъ лѣнивъ до гадости, ужасно жалѣлъ своихъ пѣгихъ лошадейъ и готовъ былъ придраться ко всему, чтобы остановиться на кормѣжѣ черезъ каждыя двадцать верстъ. Абдулка своихъ

не жалѣть и иной разъ пускалъ крупною рысью, чтобы обогнал Назара и раньше прибыть на ночлегъ. Ужъ и ругалъ же ег кривой за эти штуки—«ахъ ты татарва проклятая! чего ты ёрни чаешь-то? Тебѣ, извѣстно, коней не жаль, потому, коли заго нишь, сейчасъ прирѣзалъ и сожралъ,—тебѣ все равно, окаянному!

Замѣтно было, что Назару не нравилось, что съ нимъ везет Абдула, а не кто-нибудь другой по его рекомендаціи. Абдула не обижался и смѣясь приговаривалъ: «нашъ татаръ честна души онъ вина не пьеть и обмануть не жаляетъ. А русь хитрый чев ловѣкъ, — съ русь шалтай-болтай, а ножъ за пазухой хватай.

— Ахъ ты бритая башка! Ножъ, ножъ... а кто проѣзжихъ по лѣсамъ грабить, кто чемоданы подрѣзываетъ, кто? Небось мало вашего брата плетями-то жарять!

— Да, знавомъ, ты вѣрно на разбой гулялъ, носъ порвалъ совсѣмъ кривой сталъ!—смѣялся Абдула.

— Елгай ты, елгай! Казань-то зачѣмъ проспалъ?—въ свою очередь острилъ Назаръ и замахивался кнутовищемъ на татарина. Оба они разражались смѣхомъ послѣ такихъ обоюдныхъ шутокъ.

Сидя на передкѣ, Абдулъ часто оборачивался, съ доброй дружеской улыбкой глядѣлъ на барчуковъ и подмигивалъ ободрительно.

— Въ Москву гайда, въ Москву! не бойсь! татаръ добрый чев ловѣкъ, въ Москву повезеть. Ты, бачва, не вѣрь Назаръ; Назаръ варнакъ, собака. Мы живемъ честно.

Путникамъ случилось проѣзжать цѣлыя волости татарскихъ селеній, и Абдулъ дѣйствительно лѣзъ изъ кожи, стараясь доказать господамъ, какой добрый и честный народъ татары. По стараніямъ Абдула, останавливались Слободины всегда у старшины, у муллы, или у какого-нибудь зажиточнаго старика; постоялыя дворы въ то время не были еще извѣстны въ дальнихъ татарскихъ деревняхъ; избы свѣтлыя, чистыя, широкія лавки устланы коврами домашняго издѣлія; угощеніе предлагалось роскошное — сотовый медъ, пшеничный хлѣбъ, вареная курица,— и Боже сохрани, чтобы хозяинъ или хозяйка взяли деньги съ дорожныхъ людей. Правда, это было еще въ предѣлахъ С—вой губерніи, и старшины могли знать, что ѣдетъ таковой важный бояръ, совѣтникъ Слободинъ, но едва ли одни эти соображенія имѣли рѣшительное вліяніе на гостепріимство татаръ. Алексѣй не могъ не замѣтить, что татары гораздо богаче и живутъ гораздо лучше русскихъ, и совсѣмъ нѣтъ въ ихъ лексиконѣ словъ: барщина, помѣщикъ, господскій дворъ,—а калуданъ-исправникъ понимается,

съ свой человекъ — не то начальникъ, не то подчиненный, — разберешь, только совсѣмъ не страшный...

Абдуль водилъ дѣтей по деревнѣ, показывалъ мечеть; и онъ, мушкеры были чрезвычайно довольны, что старшій барчукъ, Алекандръ Петровъ (такъ звалъ его Абдулка) обнаружилъ серьезное уваженіе къ мѣсту. Ихъ молитвы, гдѣ по коврамъ разбросаны камни, кругомъ безмолвіе, полумракъ, бѣдная простота, — все располагаетъ къ самоуглубленію, къ созерцанію своей души въ молчаніи Магометова рая.

Сѣдоки въ повозкѣ ѣхали дружно и весело, часто затягивали песню, или хохотали, когда Абдулка рассказывалъ что-нибудь интересное. Ни одной рѣчки не пропускали они, чтобы не выпуститься и потомъ, какъ сумасшедшіе, догоняли степенно-ползущій караванъ. На ночлегахъ располагались вмѣстѣ, обыкновенно на дворѣ, на свѣжѣмъ только-что скопленномъ сѣнѣ. Часто, для сокращенія пути, Назаръ, поспоривъ съ Абдулкой, своевольно отворачивалъ съ большой дороги; неизвѣстно, насколько сокращалась ѣзда, потому что тутъ дороги были все не мѣренныя, но за то повозки ныряли по такимъ проселкамъ, куда, казалось, лошади человеческая не заходила: переѣзжали въ бродъ черезъ какіе-то ручьи, заросшіе осокою, или переправлялись черезъ мостики, дрожащіе всѣми своими покривившимися жердочками; ѣздили въ деревнюшки маленькія, пріютившіяся надъ какимъ-нибудь буеракомъ, или на такомъ возгорѣ, что подѣзжать къ нимъ было совсѣмъ неспособно. Обыкновенно съ ночлега поднимались до зари и останавливались часу въ 11-мъ дня; послѣ обѣда, покормивъ и напоивъ лошадей, дѣлали еще небольшую упряжку.

Однажды, выѣхавъ часу въ шестомъ послѣ обѣда, путники заехали въ лѣсу, а лѣсъ былъ огромный, дремучій лѣсъ, версты на сорокъ въ длину. Сперва ѣхали весело; дѣти выскочили и разбѣжались по сторонамъ дороги, на поиски за грибами и ягодами; лошади брели шагомъ, побрякивая бубенцами, фыркавая и отмахиваясь отъ слѣпня и овода. Никто и не замѣтилъ, какъ стало смеркаться. Назаръ увѣрялъ, что на половинѣ лѣса встрѣтится поселокъ, гдѣ можно будетъ заночевать; Абдуль, напротивъ, утверждалъ, что никакого поселка нѣтъ, и дай Богъ къ утру выбраться изъ лѣсу. Безлунная ночь совсѣмъ спустилась и въ лѣсу стала непроглядная темень; только надъ головой видна полоска звѣзднаго неба; лохматая сосны и ели, чѣмъ дальше, тѣмъ будто все тѣснѣе сдвигаются къ дорогѣ, а взглянуть впередъ, такъ кажется онѣ и путь совсѣмъ загородили, — ѣхать некуда.

Петръ Ивановичъ сердитымъ и замѣтно-неспокойнымъ голосомъ попрекалъ Назара, что подь ночь выѣхали, лучше бы переночевать на той станціи. Назаръ увѣрялъ, что ничего, авось Богъ пронесетъ благополучно.

— А вы вотъ что, сударь, лучше прикажите замолчать этому татарченку. Чево онъ распѣлся? Разъ это хорошо къ ночи Каки-таки у ево пѣсни! Мы тоже знаемъ эти дѣла-то, слышалъ про нихъ... Пѣсни!...

— Абдула, полно тебѣ голосить-то, — тоску наводишь своимъ гнусеньемъ!

— Ничаво, бачва, ничаво! — и Абдула продолжалъ вытягивать свою унылую татарскую мелодію.

Да на бѣду еще лошадей не только пошибче погнать нельзя, а пришлось еле-еле шагомъ тащиться: песокъ сыпучій по ступицу. Всѣми путниками овладѣла какая-то тоска, пугливость безотчетная и непобѣдимая. Никто не назвалъ причину этого настроенія, а у каждаго слухъ и зрѣніе были такъ чутко настроены, что, казалось, вспорхни ночная птица въ кустахъ — всѣ обомлѣють отъ ужаса. Алексѣю особенно это чувство стало невыносимо; чтобы какъ-нибудь прогнать его, онъ высочилъ изъ своей повозки и пошелъ о-бокъ тарантаса, разговаривая съ отцомъ о предметахъ, совершенно неподходящихъ въ настоящему положенію. Вдругъ ихъ разговоръ перервалъ Назаръ, рассуждая будто про себя хриплымъ, заспаннымъ голосомъ:

— А лѣтошній годъ, въ этомъ самомъ лѣсу три убійства объявилось. Купцовъ однихъ, къ Макарью ѣхали, — да барыню съ дѣтми зарѣзали. Дѣти махонькія были, взмолились такъ слышь слезно, на волѣни пали, что хоть бери, только крови нашей христіанской не проливай... Такъ нѣтъ, не помиловаль — перерѣзалъ всѣхъ до одного.

— Что-жъ, убійцы отысканы?

— Гдѣ тамъ отысканы! По здѣшнимъ мѣстамъ кто ихъ поидетъ отыскивать? Мѣста глухія. Ямщикъ убѣгъ, спрятался въ кусты; вѣстимо, нашъ братъ самъ испужался, да и чѣмъ онъ виноватъ? Что тутъ подѣлаешь? Потомъ доказываль, ну только ничего не доказаль, потому тутъ скрозъ шалать и другъ дружку покрываютъ.

— Ну вотъ видишь какой ты, Назаръ! — съ занеживающею кротостью упрекнулъ Петръ Ивановичъ: — знавши все это, зачѣмъ же ты ночью-то повезъ насъ? Не грѣхъ ли тебѣ!...

— Оно бы точно, что не слѣдовало, да мнѣ надо къ затрепшему воскресенью въ Анигино на базаръ поспѣть, безпре-

и́нно надо. Дальше ужъ я не поѣду, тамъ сдамъ васъ земляку и забаш! А заночуй мы—вотъ день и пропадъ, какъ бы я къ базару-то поспѣлъ?

— Ну не подлецъ ли ты послѣ этого! Изъ-за того, что ему на базаръ нужно, онъ всѣхъ насъ подъ ножъ везетъ.

— И-ихъ баринъ! Богъ не захочетъ, свинья не съѣстъ.

— Самъ ты свинья! И гдѣ ты пословицу такую слышалъ, въ какихъ мѣстахъ?—Петръ Иванычъ принялъ грозный тонъ.—И во рожѣ-то твоей видно, въ какихъ хорошихъ мѣстахъ ты побывалъ... А раздѣнь, такъ чай на спигѣ-то ремни вырѣзаны...

— Не замай ты меня, баринъ. Я тебѣ ничего худого не сдѣлаю,—проговорилъ Назаръ уныло и озлобленно.—Ну, ты, чо-ортъ, бойся,—равннулъ онъ, ударивъ пристяжную, отсочившую отъ оборѣлаго пня.

— Вотъ говорилъ, что и поселокъ будетъ, а гдѣ онъ поселокъ?

Но Назаръ уже молчалъ.

Дѣло становилось плоше; оказалось, что самъ Назаръ парень несовсѣмъ изъ благонадежныхъ. Абдулка же, завернувшись въ чепанъ и натянувъ на уши мягкую войлочную шляпу, продолжалъ тянуть свою безвечную, задумчивую пѣсню.

— Пой, пой!—ворчалъ на него Назаръ.—Ты бы ужъ лучше свистъ пустить; оно поизгнѣй будетъ...

Но свистъ неожиданно раздался сзади... Кто-то нагонялъ нашихъ дорожныхъ; уже слышенъ былъ храпъ усталыхъ лошадей. Петръ Иванычъ велѣлъ остановиться, чтобъ Назаръ исполнилъ съ неудовольствіемъ, и пошелъ къ лошадинымъ мордамъ.

Въ нагонявшей кибиткѣ оказалось три человѣка; это были купеческіе прикащики, молодые парни, которые сами были очень обрадованы, что столкнулись съ мирными людьми и охотно порѣшили ѣхать вмѣстѣ, не отставая до самой станціи. Съ этой минуты все пошло покойнѣе; изморенные ночною ѣздой и мучительными ощущеніями, всѣ почти заснули; не спалъ одинъ Алексѣй, въ головѣ его все бродили мысли о ночныхъ убійствахъ и разбояхъ, но онъ съ удовольствіемъ сознавалъ, что не трусилъ ни по крайней мѣрѣ сумѣлъ одолѣть замывшее на минуту чувство безпричиннаго страха,—обидное чувство.

Онъ глядѣлъ на синюю, кроткую полоску неба, которая бѣжала куда-то мимо надъ черными веркушками, словно не смѣя заглянуть въ глубину лѣса.—Экая глушь-то какая! Экая дичь!—повторялъ Алексѣй, и тѣмъ пристальнѣе всматривался въ лѣсную темень, тѣмъ глубже вслушивался въ ея гулкій ропотъ, тѣмъ

яснѣ складывалась въ головѣ его фантастическая мысль, что эта глѣсная глушь и есть тотъ самый лихой разбойникъ, который гуляетъ съ вистенемъ и тѣшится поножовщиной... Что человекъ тутъ не по своей волѣ становится звѣремъ косматнмъ, онъ невольно покоряется, становится рабомъ этого великана и исполняетъ лишь его дикую волю... Нѣтъ, тутъ не чужой чемоданъ всему причиной! а поди-ка вотъ поспорь съ этой стихійной силой, которая и дразнить тебя, и пугаетъ, и толкаетъ тебя подъ руку... Чемодану вся цѣна грошъ, и имъ ничего не объяснишь. Тутъ совсѣмъ другое дѣло, — тутъ и виноватаго не найдешь, гдѣ сама природа за одно съ человѣкомъ...

Лошади подвигались медленно, лѣсу какъ-будто и конца-края не было; становилось холодно. Впереди, на дорогѣ Алексѣй примѣтилъ двѣ черныя фигуры, — пни это были, или вусты? Но онъ вдругъ двинулись, перешли черезъ дорогу и стали къ сторонѣ, какъ бы не рѣшаясь, въ которую сторону имъ дальше двинуться. Въ рукахъ у нихъ здоровыя дубинки. Еще не поровнявшись съ ними, Назаръ какъ-то особенно-знаменательно врякнулъ и пугнулъ лошадей: «го-го-го, мизья! улететьвай, голубчики!»

Въ то же время купцы, — видно не всѣ спали, — начали кашлять и заговорили вдругъ въ нѣсколько голосовъ. Темныя фигуры пропали.

— Видалъ, Алексѣй Петровъ? — спросилъ Абдулка, уже проѣхавши шаговъ пятьдесятъ.

— Видѣлъ. А что?

— Ничаво. Счастливъ твой Богъ.

— Да ты что думаешь-то, скажи?

— Подлецъ Назарка; его повѣсить надо, собаку... прощелталъ Абдулка, и затанулъ опять какую-то, по обыкновенію, нечальную, но совершенно-дурацкую мелодію.

Солнце поднялось высоко, когда пріѣхали въ Аникино.

Назаръ сдалъ тарантасъ какому-то рыжему Левону, причемъ оказалось, что у него въ условленной платѣ перехватило рубль два чистой прибыли въ ущербъ Левону, на что этотъ какъ-то не смѣло ропталъ и за-глаза только ругнулъ Назара каторжанкомъ. Петръ Иванычъ готовъ былъ прибавить ему своихъ четыре рубля, — такъ онъ радъ былъ, что избавился отъ Назара. Они пили чай и отдыхали въ ожиданіи обѣда, Алексѣй пошелъ на базарную площадь села Аникина, гдѣ кипѣла разгульная сельская ярмарка. Онъ во всему прицѣплялся, прислушивался къ народному говору; узналъ, что въ Аникино особенно много собирается бабъ за покупкой крапешенины, между тѣмъ по милости разбой-

ица Гурьки, главнаго воювода набойничковъ, крапешина вдругъ издорожала, потому будто бы, что стали власть кубовую краску, а какая она кубовая? лияеть таже, какъ и простая. Для бабъ то было сущее бѣдствіе; многимъ приходилось отказаться отъ покушки и идти домой съ пустыми руками; а Гурька, какъ человекъ привилегированный, стоявшій по всему выше лапотниковъ, только подсмѣивался: «Придутъ вдругорядь!»

Встрѣтилъ Алексѣй и Назара, совсѣмъ уже пьянаго, и загѣтилъ, что этотъ человекъ съ подозрительными ноздрями пользуется большою популярностью, какъ настоящій кабацкій ярыга. Онъ не столько пьянствовалъ, сколько чванился и навязывалъ свое пьянство цѣлому міру, — и ровно никакого дѣла на ярмаркѣ не имѣлъ, а такъ только бахвальничалъ.

Сомнительная исторія лѣсной встрѣчи такъ и осталась неразъясненною. На постоянный дворъ, гдѣ остановились Слободины, явилось много ямщиковъ, — набивались они везти за-мѣсто Абдула, предлагая даже ему нѣсколько гривенъ могоарыча, — все это были, какъ видно, пріятели Левона, но татаринъ не соблазнялся выгодами и объявилъ Алексѣю рѣшительно: «я тебя въ Москву повезу. Абдулъ честна душа, онъ тебя любить; не бойсь, Алексѣй Петровъ!»

Чѣмъ ближе къ Москвѣ подвигались наши путники, тѣмъ больше замѣчали въ народѣ бойкости и хлопотливости; население видимо становилось гуще; между мужиками-пахарями втирался и килъ плутоватый фабричный; вѣковые безмѣрные лѣса смѣнялись веселыми кудрявыми рощами; города попадались чаще, и не такіе города, которые только и отличаются отъ селеній, что острогомъ да городническимъ правленіемъ, города бѣлокаменные, со множествомъ лавовъ, заведеній, двухъ-этажныхъ домовъ и высокихъ колоколенъ, съ которыхъ звонъ подъ праздничный день гудитъ и разносится на всю окрестность. Два раза переѣзжали Волгу-матушку на паромѣ. Встрѣтился городъ, котораго половина недавно погорѣла; какой-то степенный мѣщанинъ въ синей сибиркѣ обстоятельно объяснилъ Алексѣю, что пожаръ этотъ былъ божьимъ пощепеніемъ и, не случись чуда, весь бы городъ до-тва выгорѣлъ. «Во время самаго пожара пришелъ въ трактиръ нашъ юродивый, блаженный Андреюшка и спросилъ рюмку водки. А онъ, надо вамъ сказать, и зиму и лѣто ходитъ босой, въ одной длинной рубашкѣ, и не то что водки, а пищи горячей даже не употребляетъ. Всѣ диву дались — что бы это значило? Немыслимо! Говорятъ ему, помолись святъ-человѣкъ, вишь какая бѣда насъ постигаетъ. А онъ, ни слова не сказавши, хлопъ и

выплеснула эту самую рюмку водки за окно. Что-жъ бы вы думали? въ тотъ же мигъ пламя словно обезсильло, упало и кончено — дальше ужъ не пошло! Вотъ какъ, господинъ честной! Бываютъ чудеса, бываютъ. Известно, безъ святого никакой град стоять не можетъ».

А съ Абдулкой Алексѣй очень подружился. Сколько по дорогѣ ни мѣнялось извошниковъ, Абдулка не покидалъ, везъ, какъ сказалъ, до самой Москвы. И что это за расторопный малый оказался: лошадей уберечь, колеса подмазать, да еще господамъ прислужить, самоваръ поставить, сбѣгаетъ, разыщетъ все что нужно и безъ всякой корысти. Одинъ разъ онъ пожаловался своему Алексѣю Петрову, что Личарда на постояломъ дворѣ укралъ оловянную ложку, и они вдвоемъ его отлично отгузали. Алексѣй съ глубокимъ уныніемъ сталъ замѣчать, что свѣрныя навлонности одолеваютъ бѣднаго Личарду, и чуть не со слезами тужилъ, отчего онъ не такой, какъ Абдулка. И самъ Личарда, кажется, чувствовалъ въ себѣ что-то неладное, сталъ задумчивъ, необщителенъ.

Наконецъ, прописавшись и отдавъ *видѣ* на исправно-бодрую заставѣ, наши путники въѣхали въ Москву, и нигдѣ незамѣченныя, незавидныя повозченки ихъ затерялись въ хаотическомъ движеніи по узкимъ улицамъ и переулкамъ первопрестольной столицы. Остановились Слободины въ какомъ-то подворьи близъ Никитской, изъ котораго пренелѣпнымъ образомъ выходило нѣсколько воротъ на разныя улицы. Алексѣй дружески попрощался съ Абдулкой, который вѣроятно во всю жизнь будетъ вспоминать Алексѣя Петрова, полюбившагося ему безотчетно, но не безпричинно.

Въ Москвѣ оставались они только три дня, и, разумѣется, посѣщали поклониться православнымъ святынямъ; обошли весь Кремль; осмотрѣли царь-пушку, въ жерлѣ которой, по словамъ какого-то старика, мальчонки въ бабки играютъ; видѣли и знаменитый колоколь, сидѣвшій тогда еще въ землѣ, — и едва не запутались въ полутемныхъ внутреннихъ переходахъ гостиннаго двора.

Алексѣй не удовольствовался этими общими, какъ печатный пряникъ, впечатлѣніями и уходилъ каждый день шляться по улицамъ одинъ, надѣясь на свою необыкновенную память мѣстности. Приглядываясь къ толпѣ онъ замѣтилъ, что это все тѣ же самыя типы, тѣ же приемы, та же повадка, тотъ же покрой платья, — все то же, что онъ видѣлъ до сихъ поръ, пробѣжавъ слишкомъ тысячу верстъ. Только тамъ въ разныхъ углахъ оно попадалось отдѣльно, разрозненно, а тутъ скучилось въ огромную плотную

иссу. Даже многіе дома имѣли фізіономію чисто-губернскую, — деревянные, сѣренькіе, съ цвѣтничкомъ въ палисадникѣ на улицу, съ голубатней во дворѣ и уродливыми львами на покосившихся воротахъ, — «точь-въ-точь тутъ живетъ нашъ старикъ Каншириновъ и цѣлый день, слоняясь по комнатамъ, дразнить канареекъ». — Только вотъ рѣчь здѣсь иная, — пѣвучая, расплывчатая, немножко шубсоватая, но звучитъ такъ полно, хорошо, красиво. Все, что видѣлъ Алексѣй, не исключая и пушекъ, изъ которыхъ стрѣлять велѣя, — носило характеръ мирный, домашній, добродушный и на распаху. Такъ, когда по улицамъ прошелъ гусарскій эскадронъ, то всѣ москвичи столько же дивились этому нашествію, сколько и нашъ юноша, съ роду невидавшій ни одного живого гусара.

Искусился Алексѣй и по части коммерціи. Недалеко отъ Иверской присталъ къ нему какой-то бродячій негодіантъ, навизывая купить косыночку, вязанную, какъ онъ увѣрялъ, изъ ангорскаго пуха. Посмотрѣвъ вещь, Алексѣй подумалъ, купить развѣ въ подарокъ Алѣнушкѣ. — Что стоить? — Да ужъ такъ съ васъ безъ торга восемь рубликовъ. — Полтинникъ, — вымолвилъ Алексѣй, чтобъ отвязаться, и пошелъ своею дорогой. Продавецъ присталъ и, идя слѣдомъ, началъ сбавлять запросъ необыкновенно быстро. — Ну, хорошо, извольте... господинъ! извольте, для почину только... Но Алексѣй ужъ раздумалъ, — не надо, сказалъ онъ. Негодіантъ освирипѣлъ и послалъ ему вслѣдъ залпъ ругательствъ: — ахъ ты стрекулистъ! ахъ ты мазурикъ! и т. п. Провинціалъ сторѣлъ отъ стыда и столько же провдinalъ свое глупое поведеніе, сколько дивился нахальству уличнаго торгаша, какихъ провинція еще не выдумала. Пошелъ онъ дальше, встрѣчается другой негодіантъ съ тростями и зонтиками. Алексѣй подумалъ: дай куплю тросточку не для франтовства, а поувѣсистѣе — здѣсь пожалуй что и пригодится... но натенулся на лавочку букиниста, разложившаго свой товаръ у кремлевской стѣны. Сталъ онъ перебирать книги, но книги попадались все малоинтересныя, или уже прочтенныя; — Алексѣя забирала досада: что-жъ это я — переброшу книги, ничего не куплю, — пожалуй и тутъ еще выругаютъ? — Эхъ право, лучше бы добрую палку!... Въ это время подошелъ студентъ и по-пріятельски обратился къ букинисту: «ну, Василій Филиппычъ, достали, что я просилъ?»

— Охъ, сударь, трудно вато... Потерпите маленечко. Трудный это товаръ по нынѣшнимъ временамъ, сами знаете!...

— Когда же?

— Да ужъ, батюшка, будьте благонадежны: обѣщано, такъ будеть.—Студентъ перевелъ прямыя, смѣлыя глаза на Алексѣя.

— Вотъ они не знаютъ, что выбрать, — продолжалъ букинистъ, — рекомендую имъ «Черную Женщину», «Ивана Выжигина» — и даяница чистенькія...

Студентъ расхохотался звонко, заразительно.

— Ахъ, старый грѣхъ-проводникъ! Развѣ можно такъ безсовѣстно развращать юное поколѣніе?—Вотъ кого бы слѣдовало къ моему другу Ш—своему стащить, да въ Крутицкія казармы на некаяніе!... Ха, ха, ха, ха!... Вы какое чтеніе любите?

— Мнѣ бы что поближе къ настоящему дѣлу, то-есть, къ жизни.

— Ага!—И студентъ сталъ перебрасывать какія-то старенькія, сильно зачитанныя книжки, и въ то же время продолжалъ отрывистый разговоръ.

— Вы не здѣшній.

— Я изъ С—кой гимназіи.

— Въ нашъ университетъ пріѣхали?

— Нѣтъ, я проѣздомъ въ Петербургъ.

— Служить?—зорко взглянулъ на него студентъ.—Тамъ все служить.

Алексѣй улыбнулся.

— Отчего же?—Кто захочетъ, вездѣ можетъ просто жить и работать.

— Работать, такъ лучше къ намъ.

— Я съ семьей ѣду.

— Жаль. — Ну, вотъ вамъ, — возьмите эти книги, читайте съ толкомъ. Тутъ есть «Литературныя мечтанія» и еще кое-что, какъ вы говорите, поближе къ настоящему дѣлу. Въ добрый часъ!—Повторивъ букинисту о своемъ заказѣ, студентъ повернулся и ушелъ скорой походкой.

У Алексѣя въ рукахъ остались отобранные номера «Телекопа» и «Московского Наблюдателя»; не торгуясь, онъ заплатилъ деньги и побѣжалъ домой съ своей покушкой.

Вечеромъ остался дома, все читалъ «Литературныя мечтанія».

По выѣздѣ изъ Москвы, Алексѣй еще долго думалъ о незнакомомъ студентѣ и очнулся на второй или на третьей станціи, — и тутъ только замѣтилъ, что они ѣдутъ по какому-то совсемъ другому государству... И ѣдутъ они ужъ не на долги, а съ двумя подорожными въ карманѣ.

Прямое, ровное шоссе, точно вчера только выметенное; — по сторонамъ, выровненные по ранжиру, пирамидальныя кучки щебня.

столбы и шлагбаумы, блистающіе рѣзкими полосками свѣжей краски; мосты и мостики съ чугунными рѣшетками въ видѣ военной арматуры, украшенные двуглавымъ орломъ; станціонные дома, выстроенные по одному фасаду, безжизненно-опрятные; станціонные смотрители въ форменныхъ сюртукахъ, чисто выбритые, застегнутые на всѣ пуговицы; путейскіе чины, взимающіе шоссеиный сборъ, тоже въ присвоенной имъ формѣ, такіе строгіе, исполнительные. Весь этотъ придорожный персоналъ и даже матеріаль бодрствуетъ, что называется, на-чеку, точно съ минуты на минуту ожидаетъ проѣзда какого-нибудь важнаго начальника. Наконецъ, и сами проѣзжающіе, попадавшіеся на встрѣчу, были все народъ застегнутый, форменный и стѣснанный: то фельдъегерь пролетитъ, вздымая облако пыли и распустивъ по вѣтру капишонъ своей офицерской шинели; то коляска съ бодро-подбоченившимся господиномъ въ военной фуражкѣ, или дормезъ шестерикомъ, съ ловкимъ лакеемъ на колесахъ, съ опущенными столами и таинственно-важными господами, невыходящими ни на одной станціи. Попадался и мелкій проѣзжающій въ бричкѣ или телѣжкѣ, но и таковой проѣзжающій былъ торопливъ, озабоченъ и какъ-то мысленно застегнутъ. А то вдругъ затрубитъ рожокъ и съ громомъ провалитъ слоновобразный дилижансъ, набитый народомъ.

Все, что встрѣчалось нашимъ путникамъ, было такъ ново, такъ непохоже на оставшееся за ними позади, на томъ безграничномъ пространствѣ, гдѣ и версты-то немѣренныя... Алексѣю невольно припомнились слова студента: «все служить»,—онъ оглянулся на себя и братишку—оба были въ старенькихъ нанковыхъ халатикахъ.—«Эге, братъ, тутъ ужъ такъ нельзя, надо переодѣться! замѣтилъ онъ. Халаты — это тамъ, а здѣсь, братецъ, не то!»—Переодѣлись они въ сюртуки и, выйдя на слѣдующей станціи, встрѣтили отца, тоже переодѣвшагося изъ архаизма въ сюртукъ: а вѣдь не сговаривались, стало быть такъ надо!

И показалось Алексѣю, что тамъ назади лежитъ одинъ огромнѣйшій, просторный халатъ, а тутъ на всемъ мундиръ, ловко-пригнанный, въ обтяжку. Опрятно, щеголевато, молодцовато,—а вѣдь жалъ, и чортъ знаетъ чего жалъ-то!... Вѣхалось привольно, весело,— правда: и въ рѣкѣ выкупаешься, и полеми проѣдѣшишь, а въ праздникъ на дневѣ и въ хороводѣ подурочишься; здѣсь этого никакимъ образомъ невозможно, некогда и стыдно... Здѣсь и глуши таковой дивой, затаенной совѣмъ нѣтъ; и про лѣса такіе неоглядные, дремучіе тутъ не слыхивали; здѣсь кругомъ болото, на вочвахъ торчатъ вустики тощіе; кое-гдѣ влючекъ землицы

для примѣра вспаханъ; все плоско какъ на ладони, убѣжать и спрятаться некуда... Гляди, и Волга-то не та, — Личарда, вѣдь не та!

— Не та; наша Волга будетъ куды важнѣе! Эта сухожильная

— То-то же. И гдѣ здѣсь народъ-то настоящій? Вонъ сидятъ на сторонеѣ мужичекъ другой-третій, щебенку бьютъ, лица-то на немъ человѣческаго непримѣтно. А обозы идутъ стеной; вонъ видишь, по болотинѣ деревянная дорога наброшена, узъ она сгнила, старая, а все по ней танутся, — значить, тамъ способнѣе, никто въ шею не гонить.

— А можетъ сюда и не пуцають, потому эта дорога голая подская, а та черная, — глубокомысленно замѣтилъ Личарда.

Въ такихъ разговорахъ и размышленіяхъ доѣхали до Новгорода, починили тарантасъ въ кузницѣ, приладившей свои горы въ какой-то старой развалинѣ, которую грамотѣи называютъ домомъ Марем-Посадницы; затѣмъ перемѣнили лошадей и двинулись дальше, свернувъ съ петербургскаго тракта въ сторону въ объятія милыхъ родственниковъ.

VI.

Ермолины чрезвычайно обрадовались пріѣзду родственниковъ, которыхъ давно поджидали. Въ казенномъ домѣ, гдѣ жить майору было все такъ пригнано и размѣрено по вершкамъ, что пріѣзжимъ могла быть отведена одна только комната; пришлось стѣсниться нашимъ провинціаламъ, привыкшимъ въ раскиданномъ простору; еще больше стѣснилъ ихъ какой-то особенный, безжизненный порядокъ жизни: все въ домѣ дѣлалось словно по артикулу. Вставай и ложись въ извѣстный часъ; чай на столѣ стоить ровно 20-ть минутъ, ни раньше, ни позже никто чашки не шевелитъ; изъ одной комнаты въ другую нельзя перенести стула, несмотря на явную въ немъ надобность; захочется стаканъ водицы иди къ извѣстному столику, гдѣ приросъ графинъ съ водою, отнюдь не занеси стакана въ другое мѣсто. Всякое нарушеніе порядка ловилось на лету и исправлялось безмолвно, но неуклонно. Прислуживаетъ деньщикъ, всегда одѣтый въ форму изъ солдатскаго сукна; а въ передней постоянно торчитъ вѣстовой, готовый, кажется, по первому мановенію бѣжать на посылки, хоть на край свѣта, и схватить за шиворотъ всякаго, кого прикажутъ. Актриса сильно хотѣлось попрыгать, порѣзвиться, но въ комнатахъ ей было какъ-то неловко и боязно развернуться, а бѣжать некуда: при домѣ небольшой огорокъ съ цвѣтничкомъ, но

на каблуки виситъ замокъ, — стало надо у кого-нибудь просить позволеніе и позволеніе. Во всемъ сказывалось, что тутъ не привычки и потребности создали порядокъ, а наоборотъ — порядокъ командуетъ и потребностями и привычками.

Родственникамъ пришлось знакомиться совершенно на-ново; первымъ былъ одинъ Петръ Ивановичъ, и то лѣтъ двадцать тому назадъ.

Господинъ Ермолинъ былъ плотный, здоровый майоръ съ шиломъ, подъ гребенку выстриженной головою, какъ-то смѣшно надвигавшій верхнюю губу, оставляя на ней, вмѣсто усовъ, темныя полоски сѣдой щетины, больше похожія на брови, чѣмъ на усы. Ходилъ онъ всегда застегнутый на всѣ крючки и пуговицы; выходя со двора, прищипывалъ шпагу и въ руки бралъ выстигшія замшевыя перчатки, которыя никогда не надѣвалъ, а ловко помахивалъ ими, или грозилъ встрѣчавшимся солдатамъ. Говорилъ онъ основательно, отбивая на словахъ темпъ и своеобразно ломая на русскій ладъ иностранныя слова, относящіяся къ воинской технике; любимымъ словомъ его было «аккуратъ». Въ разговорѣ часто упоминалъ: «нашъ графъ», «графъ такъ завелъ», «это пошло отъ графа», — полагая (и совершенно основательно), что нѣтъ надобности называть какою это графъ, всякъ его знаетъ. Замѣчательна была его спина, широкая, покладистая, какъ будто нарочито приспособленная къ ношенію ранца, — да и много же тысячъ верстъ пронесла она этотъ ранецъ! да, вѣроятно, была знакома и еще кое-съ-чѣмъ, кромѣ ранца. Представители этого когда-то весьма распространеннаго типа, теперь уже становятся большою рѣдкостью.

Тѣтушка Пелагея Ивановна была ему совсѣмъ не пара: маленькая, худенькая, сторбленная, лицо съ кулачокъ, — казалось, она должна бы умереть безъ писка отъ одного привосновенія медвѣжьей лапы такого увѣсистаго супруга; между тѣмъ она обнаруживала необыкновенную живучесть и неутомимую хлопотливость: вездѣ пнырала, спондоничала на всякой мелочи и лживымъ образомъ держала силача-мужа въ страхъ и повиновеніи.

Спондонство ея распространялось не только на собственное хозяйство, но даже не могло стерпеть чужой неразсчетливости.

— Ахъ, братецъ, какъ вы много курите! да еще и просыпаете табакъ. — Этакъ у васъ его, я думаю, фунта два въ мѣсяцъ выходитъ.

Дѣтскіе глазенки все это видѣли и принимали къ свѣдѣнію. Алексѣя уже тянуло поскорѣе уѣхать. Разъ онъ былъ свидѣтелемъ такого разговора:

— Напрасно, любезнѣйшій Петръ Иванычъ, напрасно домъ продали! А мы такъ вотъ сформировали себѣ домишко въ Новгородѣ и отдали въ наемъ. Нажить трудно, а проживаетъ легко. Какъ есть недвижимость, такъ оно, знаете, покойнѣе кажуешь, — проговѣдывалъ майоръ.

— Богъ съ нимъ! — Я не жалѣю... А главное, на какиѣ средства могъ бы я поѣхать? — Судите, откуда я могъ взять денегъ! — оправдывался Петръ Иванычъ.

— Ужъ будто у васъ кромѣ дома и запасено ничего было! — Мѣсто занимали хорошее, видное, человекъ вы не простой, благоразумный...

— Что дѣлать — не умѣлъ-съ, не умѣлъ! Да и какиѣ у васъ доходы? — Совѣтникъ питейнаго отдѣленія — другое дѣло; — а у моемъ мѣстѣ надо было развѣ грабить, чтобъ приобрѣсти, — это не съ моимъ характеромъ...

— И видать, что вы смолода шли по ученой части! — Вотъ эти ученые аккуратъ такъ разсуждаютъ. Смолода оно, конечно извинительно, а въ наши годы ужъ какъ-будто и стыдно такъ разсуждать... Притомъ у васъ семья.

— Я ни въ чемъ себя не упрекаю, Авимъ Антонычъ, — не унываю, Богъ милостивъ! — Теперь у меня слишкомъ три тысячи ассигнаціями въ карманѣ, можно прожить безбѣдно пока получу мѣсто. Ну, три-четыре мѣсяца, допустимъ полгода... А съ извѣстнымъ вамъ письмомъ навѣрное получу!

— Да, письмо, какъ видно, къ значительной персонѣ; — да Богъ!

— Нѣтъ ли у васъ хорошихъ людей въ Петербургѣ, чтобъ могли пособить?

— Какъ не быть! — въ нашемъ департаментѣ и въ другихъ — у меня есть добрые пріятели и покровители. Правда, не въ большихъ чинахъ, люди не громкіе, не фонъ-бароны; но что принадлежитъ до дѣлъ, — знаютъ всѣ ходы и подходы; — словомъ, политиванты! Они вамъ сильный сивурсъ могутъ оказать...

И майоръ назвалъ нѣсколько фамилій столоначальниковъ, помещиковъ и еще болѣе мелкой сошки. Ужъ однѣ фамилии — Черкунецъ, Трынкинъ, Расквепскій, Копиистовъ — не обѣщали ничего грандіознаго, а напоминали больше батальонъ военныхъ кантонистовъ.

Петръ Иванычъ замаялъ эту матерію.

— Вотъ думаю похлопотать тамъ насчетъ дѣтей, — не знаю и какъ-нибудь въ заведеніе на казенный счетъ пристроить.

— Въ кадетскіе корпуса, — самая благородная дорога! — Вотъ

это я одобряю и готовъ помочь изъ всѣхъ силъ. Потому, выкарабкаются на поверхность, — людьми будутъ. — Алёша, хочешь, братъ, въ кадетскій корпусъ? — По твоимъ лѣтамъ надо въ дворянскій полкъ, аккуратно подойдешь. Чисто, прямо, благородно! — Я думаю, и спишь и видишь, какъ бы по улицѣ въ эполетахъ пройти?

— Нѣтъ, дядюшка, я совсѣмъ не о томъ думаю, — и въ военную службу идти не желаю.

— Не-же-ла-ешь?! — Майоръ взглянулъ на него, какъ на дурака, или на помѣшаннаго.

— Рѣшительно не желаю. Будто нѣтъ другихъ дорогъ!..

— Ну, братъ, разодолжилъ! — И онъ это такъ хладнокровно?.. Да ты понимаешь ли, что значитъ военный карьеръ?

— Понимаю.

— И такъ равнодушно говоришь: хочу быть штафирмой, рабчикомъ!..

— Вы, дядюшка, забываете, что мой отецъ тоже штафирма...

— Э, любезный, да ты къ тому же еще и вольнодумъ! — Отличился! — А ты не слыхалъ того, что дѣти про отцовъ и вообще про старшихъ разсуждать не смѣютъ?

Дядя впадалъ въ тонъ батальоннаго командира, а отецъ взглянулъ съ дружескимъ упрекомъ: «на что-де ты это трогаешь?»

— Извините, дядюшка, вы меня не поняли.

— Еще лучше! — Я — моего государя штабъ-офицеръ, — Егорья подъ Лейбцигомъ удостоенъ, и я не могу понять фанаберистаго мальчишку-племянника! — Чувствительно вамъ, сударь, благодаренъ!.. Алексѣй улыбнулся: онъ вспомнилъ, что и дядька Орловъ тоже подъ Лебцигомъ получилъ почетную пулю, а Артемьевъ увѣрялъ же, что это въ чехаузѣ крыса ему колѣнко прокусила...

— Отдепортовался, нечего сказать! — Аккуратъ, какъ рекрутъ-малороссіянецъ необтессанный.

— Простите, дядюшка... Алексѣй, зажавъ ротъ платкомъ, чтобы не расхохотаться, вышелъ.

— Ну, онъ у васъ того, — майоръ показалъ на свой жирный лобъ. — Не всѣ дома... жаль! — съ виду такой бравый. Авось, Богъ дастъ, въ Питерѣ отполируется. Вотъ Николаша у васъ совсѣмъ другое — славный мальчуга! Идетъ вчера со мною на батальонный дворъ и говорить: «я, дяденька, хочу быть майоромъ, какъ вы, чтобы мнѣ всѣ честь отдавали», — и такъ, знаете, здраво разсуждаетъ. Изъ него будетъ прокъ. Николаша! — Николаша, подъ сюда.

Прибѣжалъ Коля.

— Что ты тамъ, гарнадеръ, дѣлалъ?

— У тетеньки варенье ѣлъ.

— Бабничалъ. — А чѣмъ ты быть желаешь, какъ вырастешь?

— Майоромъ. — На лѣво-круг-омъ! Маршъ!

— Постой, постой! — Ретузы, гарнадеръ, подтяни; носить ихъ формѣ не умѣешь. — Вотъ такъ, понимаешь? — Дядя поправилъ гарнадеру штанишки, какъ слѣдуетъ, и мальчишка убѣжалъ въ недоѣденному варенью.

— Этотъ совсѣмъ другой ванплекции! — Его непременно въ корпусъ. Если встрѣтите затрудненіе, я самъ буду просить. Ужли-жъ не уважатъ мою сорокалѣтнюю службу, которую самъ графъ уважалъ! — А выйдетъ въ офицеры, я его обмундирую и поддержку на первыхъ порахъ: да коли будетъ хорошій офицеръ, къ старшимъ почтителенъ — и меня слушаться будетъ, такъ и наслѣдникомъ всего сдѣлаю.

— Полноте, братецъ, — къ чему это? — замѣтилъ Слободинъ, уже проученный по части обѣщаннаго наслѣдства.

— Нѣтъ, даю вамъ слово, какъ благородный офицеръ! — Что сказалъ, свято исполню. Мы съ женой давно объ этомъ траговали. У меня хоть немного, а слава Богу! — найдется кое-что...

Этотъ разговоръ происходилъ въ кабинетѣ, а въ спальнѣ между Пелагеей Ивановной и Анной Дмитріевной велась вполголоса такого рода бесѣда:

— Слѣдуетъ, дорогая Анна Дмитріевна, слѣдуетъ вамъ подумать объ этомъ... Дѣти растутъ, нельзя оставлять ихъ на полной волѣ, грѣхъ; — а ужъ лучше казенныхъ заведеній ничего и быть не можетъ. Мы объ этомъ сурьезно говорили съ Акимъ Антонычемъ. Нашъ генералъ Акимъ Антоныча можно связать даже очень уважаетъ и все для него сдѣлаетъ; коли что, такъ и выше пойдетъ просить.

— Жалко, Пелагея Ивановна, — все были на глазахъ и вдругъ отдать въ чужіе люди! — Притомъ, тѣ еще махонькія, пусть подрастутъ, а Алѣшѣ всего одинъ годъ осталось доходить въ гимназію. Впрочемъ, я тутъ ни при чемъ, какъ Петръ Иванычъ.

— И тутъ о томъ же! — чуть не громко сказалъ вошедшій Алексѣй. Это вы все, какъ бы насъ съ ружьемъ сбыть поскорѣе? — усмѣхнулся онъ. — Вонъ тамъ въ кабинетѣ Колю совсѣмъ ужъ опредѣлили, — остается ему только дать ружье въ руки да ранецъ. А мы съ Алѣнушкой въ воины не годимся, — правда, Алѣ-

пушка, въ надеты мы вѣдь не пойдемъ? — Онъ взялъ сестрѣнку на колѣни.

— Еленочка будетъ институтка, — съ достоинствомъ опредѣляла тетушка; — а вы, господа кавалеры, по корпусамъ, какъ прилично благороднымъ дѣтямъ. Будете офицерами; мундиръ, знаеть, шляпа съ султаномъ — прелестъ! — Ниче всѣ барышни отъ военныхъ съ ума сходятъ.

— И ты, моя Алѣнка, съ ума сойдешь отъ энолетъ? — Бѣдненькая дурочка! — Съ грустною усмѣшкой Алексѣй поцѣловалъ теточку. Тѣтушка замолчала, обидѣлась. Алексѣй вышелъ въ залу, будто догоняя убѣжавшую Алѣнушку.

— Чтой-то онъ у васъ... такой странный? — опасливо спросила тетна.

— Ничего... Онъ у насъ, Пелагея Ивановна, предобрый; такого ангельскаго сердца на рѣдкость! — И, нечего сказать, умница!

— Больно много онъ книжку читаетъ; а въ его годы это очень вредно. Вы замѣтите, все онъ будто чѣмъ недоволенъ, ходитъ задумчивый... Эй, смотрите за нимъ! — А можетъ — (тетушка понизила голосъ) — не знаетъ ли онъ чего про свое рожденье?..

— Богъ его вѣдаетъ! — разговора такого, кажется, не слухалось... а если и знаетъ, какая же въ томъ бѣда, Пелагея Ивановна? — Въ этомъ онъ не виноватъ... И какую же подлую душу надо имѣть, чтобъ рѣшиться попрекнуть!.. Насъ онъ любить и не обвинить — у него не такой характеръ; въ тому же мы съ своей стороны все сдѣлали, что могли... онъ въ законѣ...

— Да, братъ ссаивалъ, что все выправлено въ аккуратѣ; а все же можетъ его это точить?

— Не полагаю я этого, сестрица, потому что онъ простымъ народомъ не гнушается, даже въ простому всему сердце его еще больше лежитъ, — такъ ужъ Богъ ему далъ, а можетъ и моя крестьянская кровь... вѣдь подъ сердцемъ носила... Вотъ коварства, низости онъ не стерпитъ, а то, говорить, мы всѣ братья во Христѣ, а кто изъ насъ лучше, такъ это не намъ разобратъ, — оно и правда, сестрица!

— Вотъ видите! — Увѣрю васъ, милая, что зачитался, зачитался!..

Алексѣй изъ залы слышалъ этотъ разговоръ... «Матушка, матушка, какая же ты красота душевная въ сравненіи съ этими деревяшками, которыя грубыми руками лѣзутъ шарить въ самомъ заповѣдномъ и чувствительномъ уголкѣ нашей жизни!..»

Онъ горестно вздохнулъ и вдругъ выпрямился горделиво, вторая: «красота ты душевная!»

Съ этой минуты онъ сталъ избѣгать семейныхъ разговоровъ, удивляясь куда попалю, перечитывалъ свои московскія книжки въ которыхъ чуть не наизусть зналъ каждую страницу. Часы уходилъ изъ дома, бродилъ по фронту прямой улицы, застроенной однообразными форменными домиками, будто назначенными единственно для удобнаго инспектированья, а не для человеческого жилья. Встрѣчавшіеся ему люди, полу-солдаты, полу-женики, глядѣли какъ-то испуганно, недовѣрчиво и тупо. Толи надъ всѣмъ этимъ поселеніемъ недавно прошла какая-то гроза и обыватели еще не могутъ опомниться отъ испуга, окован своихъ и чужихъ, свести итоги тому, что уцѣлѣло. Не видно было пестроты и неурядицы жизни обыкновенной, предоставленной самой себѣ; не слышно громкаго галдѣнья и подъ-часъ пьяной руготни, столь обыкновенныхъ въ простонародьи; не затягивалась нигдѣ гульбивая пѣсня; разъ, правда, въ воскресенье собралась кучка людей передъ майорской квартирой, стали они въ кружокъ, вышелъ на середину загѣвало и по командѣ «разъ два-три», затянули пѣсню, никогда неслыханную въ русскихъ деревняхъ. Былъ тутъ и бубень, и въ присядку одинъ ловецъ даже прошелся, но все это дѣлалось «нарочно», безъ того зарисительнаго, иногда хватающаго черезъ край веселья, которое весь отдается подгулявшій человѣкъ.

Взмахъ руки — и все замерло. Въ девять часовъ на гауптвахтѣ зарокотала барабанная дробь — и народъ тихо разошелся по своимъ клѣточкамъ. Алексѣй пробовалъ вступить въ разговоры, но слышалъ вездѣ одно: «Слава Богу, живемъ, ваше благородіе! — Чево намъ тужить? — Мы начальниками нашими всегда довольны». Досаднѣ всего Алексѣю было то, что никакъ онъ не могъ понять, какой смыслъ кроется за этою форменною жизнью! — Вѣдь не можетъ же быть, чтобы люди жили безъ смысла и еще приговаривая: мы всегда довольны! — Слышалъ онъ, что тутъ были какіе-то «безпорядки», но подробностей въ это ему не могъ рассказать.

До майора однако дошло, что племянникъ шатается по улицѣ и вступаетъ въ разговоры съ поселянами; это ему не понравилось, и онъ счелъ родственнымъ долгомъ сдѣлать племяннику внушеніе краткое и мягкое, какъ дѣлаютъ человѣку малоумному, у котораго къ несчастію «не всѣ дома».

— Это нейдетъ, любезный. Съ низшими слѣдуетъ держаться строже; да и что въ нихъ любопытнаго? — Особенно, изъ

ты изъ ученыхъ, что же можешь отъ нихъ, отъ черни, позаимствовать? — Покажь-во мнѣ, что ты все читаешь.

Дядя взялъ книгу и по складамъ прочелъ: «Те-ле-скопъ».

— Это что-жъ такое значитъ? — видно, что нибудь-отъ учести?

— Да, такъ себѣ...

— Ты бы лучше что-нибудь забавное взялъ, разсѣялся бы. Ностой, гдѣ-то у меня былъ списанъ стишокъ, очень складно сочиненъ. Начинается такъ... Майоръ началъ темписто декламировать:

Трахъ, тарарахъ,
На Вадайскаихъ горахъ,
Старый капитанъ
Бьетъ въ барабанъ.

— Не помню, куда засунуль; отыщу ужо, дамъ тебѣ.

Какъ ни былъ юнъ и неопытенъ Алексѣй, однако одолѣлъ цѣлый рядъ размышлений, по поводу милыхъ родственниковъ.

Еще велика у насъ ходячая сила обычая, что родственникъ, кто бы онъ ни былъ, хотъ вдругъ съ неба свалился, — все-таки свой человекъ, близкій, который безцеремонно лѣзетъ въ самое нутро нашей жизни. Старшій онъ — такъ требуетъ почтенія и исполненія его совѣтовъ; промотавшійся — заявляетъ претензію на родственныи варманъ; богатый — ломается и эксплуатируетъ не только трудъ, но и совѣсть бѣднаго; всего хуже, разумѣется, младшимъ и бѣднымъ. Это наслѣдіе патриархальной жизни; оно въ свое время было необходимо, чтобы сплотить людей въ зачаточныя группы, а теперъ производитъ страшный сумбуръ въ житейскихъ отношеніяхъ и плодитъ враговъ, которые — отбросъ только родство — были бы или отличнѣйшими пріятелями, или людьми совершенно незнакомыми другъ съ другомъ! Упоминаемъ объ этихъ выводахъ старыхъ и неинтересныхъ для насъ, только какъ объ моментъ въ развитіи пониманія Алексѣя.

Зная слабый, неустойчивый характеръ отца, онъ боялся, что въ одинъ прекрасный день онъ съ братомъ и съ Алѣнушкой включительно, надѣнутъ аммуницію и примутся выдѣлывать артикулъ. Началъ онъ торопить отца выѣздомъ, представляя резоны, важность которыхъ преувеличивалъ до размѣровъ крайней необходимости. И родныхъ-то они видимо обременяютъ, и въ гимназію-то ему пора, и самъ Петръ Ивановичъ страшно теряетъ: можетъ быть въ эту минуту мѣсто открылось, кого-нибудь опредѣлить, и жди потомъ Богъ знаетъ сколько времени. Юнъ былъ на исходѣ; Петръ Ивановичъ рѣшился ѣхать немедленно послѣ

своихъ именинъ—уѣхать отъ такого дня было бы кровною обидою для родственниковъ. Общимъ совѣтомъ было рѣшено, что Петръ Ивановичъ выѣдетъ сперва съ Алѣшей, захвативъ съ собою и Личарду: когда въ Петербургѣ осмотрится, устроится, тогда ужъ вышпешетъ и жену съ меньшими дѣтьми, которыя пока остаются тутъ.

— Не безпокойтесь за нихъ, братецъ; когда напишете, мы ихъ снарядимъ и отправимъ. Поѣзжайте въ тарантасъ, имъ нужно; вѣдь тутъ дележансъ ходитъ, доставитъ аккуратно!—уснулъ майоръ.

Въ день выѣзда случилось маленькое происшествіе, взбудоражившее однако весь домъ: у майора пропали серебряныя очки лежавшія всегда на столѣ въ кабинетѣ. Произведенъ почти повальный обыскъ, — ничего не нашли. Кто входилъ въ кабинетъ въ отсутствіе майора? — Этотъ вопросъ предложенъ былъ въ стовой стоявшему безотлучно въ передней и въ непритворенную дверь имѣвшему возможность усмотрѣть всякаго входящаго въ умственное святилище начальства.

— Не могу знать, вѣщескародіе... тутъ писарекъ приходилъ изъ чехауза, Пустопорожневъ, — бумагу принесъ.

— Ну? — нешто онъ входилъ въ кабинетъ?

— Не могу знать... Вѣстовой совсѣмъ растерялся.

— Какъ, не могу знать? — На ту пору звѣди-то у тебя вѣдѣли, что ли? — Отвѣчай! ррр...

— Виновать, вѣщескародіе... Я имъ докладывалъ, положьте на столъ бумагу на столъ, а самъ отлучился на кувшину.

Майоръ только что пришелъ со двора, а потому замшевыя перчатки играли въ его десниці.

— Вотъ тебѣ на кувшину! — Вотъ тебѣ на кувшину! — И майоръ началъ хлестать перчатками по носу вѣстового, который, держа руки по швамъ, только моргалъ и ворочалъ лицо справа-налево, какъ-будто приноравливаясь, чтобы ловчѣе было дѣйствовать майорскимъ перчаткамъ.

— Позвать сюда Пустопорожнева.

Вѣстовой мигомъ исчезъ.

— Впрочемъ, не можетъ быть! — разсуждалъ самъ съ собою уходящійся майоръ; Пустопорожневъ мальчикъ благонадежный... Черезъ его руки идетъ многое и всегда въ аккуратъ...

Прибѣжалъ запыхавшійся Пустопорожневъ. Это былъ маленький, плюгавенькій писарекъ съ оловянными глазами. Гладко выбритое лицо его побѣлѣло, точно мѣломъ намазанное, вѣроятно отъ испуга. Взглянувъ на это глупое, подчиненное лицо, майоръ

skonфужился; онъ вдругъ созналъ нелѣпость своихъ подозрѣній, вспомнилъ, что черезъ письменную работу этого писарька многое плыветъ въ майорскій карманъ, — и всегда въ аккуратѣ...

— Здравствуй, любезный! — Ты приносишь тутъ бумаги?

— Такъ точно, вaпешкародіе. Требованіе насчетъ инструмента, какъ изволили приказывать.

— При тебѣ никто не входилъ въ кабинетъ? — Очки мои тамъ лежали.

— Никого не было, вaпешкародіе; а очки точно лежали на лѣстѣ.

— Ну, ступай домой, любезнѣйшій. Больше ничего. Извини. Писарекъ вышелъ съ сознаниемъ собственнаго достоинства, и бѣлизна лица пропала.

Алексѣй былъ свидѣтелемъ этихъ сценъ. Онъ страдалъ невообразимо... какъ-будто самъ былъ похитителемъ проклятыхъ очковъ! — И не столько очки — чортъ съ ними! — а бѣдный, безотвѣнный вѣстовой рѣзалъ ему грудь нестерпимымъ укоромъ... Онъ судорожно грызъ губы, совсѣмъ въ лицѣ перемѣнился, въ вискахъ какъ молотки стучали.

Онъ догадывался, — нѣтъ, онъ положительно зналъ, чье это дѣло... а высказать то, что онъ зналъ, не хватало силъ: Алексѣй любилъ и щадилъ своего несчастнаго Личарду...

И Петръ Ивановичъ, и Анна Дмитриевна были тоже какъ-то skonфужены, переглядывались и очень неловко все совѣтовали поносить хорошенько.

Это приключеніе такъ сильно подѣйствовало на всѣхъ, что самое прощанье даже вышло натянуто, неудачно: всѣ цѣловались, желали всякихъ благъ, а у каждаго въ головѣ шевелились очки... Хозяевамъ жаль, все-таки вещь цѣнная, они же крѣпко скуповаты, а гостямъ досадно, что никакими деньгами нельзя поправить скверность настоящей минуты.

Личарда давно сидѣлъ на козлахъ, поджидая господъ.

Тарантасъ тронулся со двора. Алексѣй съ такою глубокою тоской и съ такимъ злобнымъ укоромъ взглянулъ въ самые зрачки Личардѣ, что тотъ весь вспыхнулъ и торопливо надвинулъ на носъ фуражку.

VII.

Переѣхавъ послѣдній разъ лошадей на Средней-Рогатки Слободины увидѣли передъ собою цѣль своего длиннаго путешествія.

Петербургъ во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ представлялъ совсѣмъ не ту панораму, какую мы видимъ теперь, подвѣсиваясь въ вагонѣ Николаевской дороги и врѣзываясь прямо въ многолюдный кварталъ у Знаменья. Правду сказать, эта панорама не была тогда, да и теперь не особенно грандіозна и живописна для путника, пробирающагося среди кочковатой болотины, облегающей нашу сѣверную Пальмиру. Видно впередъ что-то громадное, но не выбѣгающее смѣлымъ красивымъ амфитеатромъ, не выставляющее въ яркихъ краскахъ и зелени ни одной своей части, а плотно и ровно освѣшеное на утоптанномъ, спланированномъ пространствѣ. Правильныя массы зданій заслоняютъ другъ друга и сами заслонены красками, дымящимися фабриками, кладбищами, огородами, и завѣшаны дымкой сѣрова-таго, непроходящаго тумана, въ которомъ иногда, подъ лучомъ солнца, вспыхиваютъ золотомъ влетающіе къ небу шпидцы. Исакій въ то время не только еще не поднималъ своего купола, но и самый Монферрановскій проектъ хранился въ тайнѣ и не подвергался горячей критикѣ юныхъ русскихъ художниковъ.

Даже окрестности столицы носили тогда другую фізіономію какого-то пустыря, неустроеннаго, невоздѣланнаго; по нимъ не свистѣли шныряющіе локомотивы; на Царскосельской линіи только начинали шевелиться сѣрые толпы землепоповъ; и первое, что бросалось въ глаза подъѣзжающему по московскому тракту, были триумфальныя ворота, съ которыхъ бронзовые кони рвались улетѣть безъ оглядки въ невѣдомое пространство. Налѣво отъ воротъ угнѣздилось скромное Митрофаньевское кладбище, — едва ли эта встрѣча была особенно ободрительна... Прописавшись на заставѣ, приходилось еще долго ѣхать по шоссе, между пустырями и огородами, до Обводнаго канала; о-бокъ съ шоссе прогонялись гурты рогатаго скота. Меланхолически и покорно шагали почтенныя быки, уроженцы привольнаго юга, словно чувствуя, что несутъ себя на жертву самому неумолимому минотаврѣ — человѣческому желудку. Тутъ же недалеко и послѣдняя ихъ станція, монументальная бойня, откуда уже разойдутся они въ видѣ ростбифовъ, антрекотовъ, филеевъ и прочихъ питательныхъ кусковъ, соразмѣрныхъ не съ аппетитомъ, а съ карманомъ всякаго петер-

буржа; и послѣднимъ ихъ выраженіемъ будетъ та сумма мускульной и мозговой силы, которая изъ Петербурга работаетъ на всю великую Русскую землю...

Пробираясь Обуховскимъ проспектомъ, наши провинціалы выжидали изъ тарантаса и придирались ко всякому мало-мальски замѣтному зданію, чтобы ахнуть и подивиться, но скоро сами замѣтили, что это очень глухо и спрятались въ тарантасъ, приказавъ ямщику вести въ какую-нибудь гостинницу попроще, поближе. Алексѣй не могъ бы сказать опредѣлительно, о чемъ онъ думаетъ; какіе-то зародыши мыслей пробѣгали въ головѣ, вѣсившись другъ за друга и возбуждали ту неопредѣленную тревогу, которая разрѣшается въ печальное настроеніе духа.

Гостинница недалеко отъ Сѣнной оказалась до того уже проста, что остановиться въ ней не было никакой возможности. Кабакомъ ее назвать было бы слишкомъ вѣжливо.—Какой-то отставной офицеръ хриплымъ басомъ отрекомендовалъ имъ остановиться въ номерахъ у Амаліи Карловны, кухмистерши.—«Прекраснѣйшая женщина! а главное, у нея все это на благородную ногу и самой высокой нравственности», — прохрипѣлъ офицеръ.

— Гдѣ же это? Мы вѣдь въ первый разъ, не знаемъ.

— Охотно и даже съ моимъ великимъ удовольствіемъ могу препроводить васъ, милостивый государь.

Отъ вскочилъ въ тарантасъ, началъ командовать ямщику и скоро приѣзжіе очутились въ одной изъ Мѣщанскихъ, въ номерахъ Амаліи Карловны, похожихъ дѣйствительно не на кабакъ, а на затхлую кладовую съ поломанною мебелью и кисейными занавѣсками паутиннаго цвѣта. Сторговались; они заняли по-мѣстично двѣ комнаты и рады были отдохнуть за стаканомъ чая. Только-что они расположились и миловидная чухончка, Анхень, принесла самоваръ, въ дверь просунулась сперва голова, а потомъ со словомъ «извините» прогѣзла и вся фигура отставного офицера.

— Довольны ли вы, милостивый государь?

— Ахъ, извините! — вы такъ скоро ушли, что я не имѣлъ возможности поблагодарить васъ, поручивъ.

— Капитанъ-съ, капитанъ!

И капитанъ, согнувшись въ талии, какъ-то нервнитоно остановилъ въ воздухѣ ладонь правой руки, а лѣвою ерошилъ себѣ волосы и глава опустилъ въ полъ.

— Вы вѣрно, капитанъ, тоже здѣсь стоите? — наивно спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Кто, я-съ? — капитанъ съ недоумѣніемъ поднялъ на Пе-

тра Иваныча красные глаза, причѣмъ простертая въ воздухѣ рука отправилась за бортъ сюртука. — Да, я тоже... прежде стояла а теперь тутъ неподалеку. Вотъ ужъ третій годъ, можно сказать я живу на вывѣдѣ. Аха-ха-хъ, забавно это!

— Что такъ? — Не прикажете ли стаканъ чаю?

— Нѣтъ, чувствительно благодаренъ. А я, извольте видѣть, долженъ получить мѣсто, непремѣнно-сь, какъ соотвѣствующее мнѣ по чину; и все знаете вотъ-вотъ, совсѣмъ, только иди главное казначейство, получай прогоны и подъемные... а между тѣмъ просить обождать, благороднѣйшимъ образомъ просить, ну, нечего дѣлать! — изъ деликатности одной долженъ согласиться

— И уже третій годъ?

— Да-сь, на Преполовленіе минуло три года. И добро бы знаете, какой изъязъ въ формулярѣ, или на счетъ хабенж-гензень, никогда-сь! Къ себѣ я всегда былъ строгъ, чтобъ и ни-ни, не потерплю! Однако въ послѣднее время, можно сказать, силы повздержался. То-да-сѣ, знаете... Можеть, вы не вѣрите? — Какъ благородный офицеръ!..

— Вѣрю, вѣрю, помилуйте! Въ три года это натурально.

— Вижу, вижу, что имѣю дѣло съ человѣкомъ рѣдкой души а потому прямо скажу: дворянинъ! дай руку помощи такому же дворянину... Простри! — и больше ничего.

— Помилуйте, чѣмъ же я могу? право не знаю... Петръ Иванычъ сконфузился чрезвычайно.

— Ежели синія ассигнація не будетъ обременительна для благотвѣтельнаго сердца... а впрочемъ! пусть какъ совѣсть ваша. Благородный человѣкъ ничѣмъ гнушаться не долженъ, потому что у насъ только и есть одна святыня — честь, милостивый государь!

Облагодѣтельствованный полтинникомъ, капитанъ выпелъ, рассыпаясь въ самыхъ невозможно-высвоенныхъ фразахъ.

Встрѣча съ такимъ злополучнымъ искателемъ мѣста при самомъ въѣздѣ въ Петербургъ, болѣзненно и суевѣрно повліяла на Петра Иваныча; Алексѣй это замѣтилъ и искалъ чѣмъ бы развлечь отца. Вошла красивая, брызжущая здоровымъ румянцемъ, Анхень; — онъ шутливо отрекомендовалъ ей въ женихи Личарду и между прочимъ спросилъ, что за птица капитанъ.

— Э, господинъ, этого не надо пускать! Просить деньги и бѣжить въ кабакъ. Послѣдній человѣкъ — и все вретъ.

— Ну вотъ видите, папенька! — сказалъ сынъ, какъ бы въ отвѣтъ на невыговоренную мысль отца. — Слушай Личарда, если

нѣтъ еще разъ появится, въ шею. Теперь Богъ съ нимъ—
цѣ за услугу получилъ.

Первые дни по прїѣздѣ всегда проходятъ безтолково; Петръ
Иванычъ привелъ нѣсколько въ порядокъ свой гардеробъ и, пере-
стѣясь, отправился на первоначальныя развѣдки съ своимъ дра-
гѣннымъ письмомъ къ его превосходительству барону Эдуарду
анновичу Этерсу. Бѣдный совѣтникъ, полагавшій, что гро-
мѣе зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ трудно себѣ
каждо предствити, совсѣмъ затерялся въ безконечныхъ пе-
риодахъ министерскаго дома съ десятью воротами и двадцатью
дверями; а когда наконецъ попалъ во внутренность сей хра-
мы, то проникся благоговѣннымъ ужасомъ. Перспектива высо-
каго свѣтлыхъ залъ съ паркетными полами и лакированными
афами; гладко-причесанные чиновники, углубленные въ занятія,
и ловко порхающіе съ бумажкой въ рукѣ; курьеры и сторожа
опрятной формѣ; тишина и чистый воздухъ—все это сложи-
лось въ головѣ Слободина въ одну опредѣленную сентенцію: да,
эта служба благородная!—Разсмѣялся онъ отъ удовольствія, вспом-
нилъ: «у васъ однихъ пьяныхъ рыль, грязи да казарменной вони
оберешься».—Однако онъ недалеко проницѣвъ въ эту заповѣд-
ную хранилищу, въ которой теперь висѣлъ за семью печатами ро-
зой для него вопросъ... курьеръ въ прїемной объяснилъ ему,
баронъ живетъ на дачѣ, на Безбородкиной дачѣ, прїѣзжаетъ
да по четвергамъ и принимаетъ отъ часу до двухъ.

— Не съѣздить ли мнѣ на дачу представиться? У меня до-
вольно важное письмо отъ князя Хвалынцова.

Курьеръ улыбнулся чисто-департаментскимъ Мефистофелемъ,
корируя важность какого-то князя Хвалынцова, и вразумительно
яснилъ, что это будетъ напрасно;—«они на дачѣ никого не при-
маютъ, а пожалуйте лучше въ четвергъ, оно будетъ и для васъ
окойнѣе и въ порядкѣ».

Къ четвергу Петръ Иванычъ изготовился, затвердилъ много
асивыхъ оборотовъ рѣчи, чтобы напереть особенно на то, что
онъ служилъ по министерству просвѣщенія, значить, легко мо-
жетъ себя приспособить даже къ высшимъ кабинетнымъ заняті-
ямъ, разумѣется, подъ руководствомъ геніальнаго администратора.
Эта замысловатая подстройка, увы, пропала даромъ: курьеръ
сказалъ кратко и внушительно:—«Нѣтъ, сегодня не прїѣхали.
приходите въ будущій четвергъ».

Чтобы поддержать бодрость духа, Петръ Иванычъ, воротясь
домой и снявши новенькій фракъ, пригласилъ сына пойти по-

смотреть городъ; тотъ отказался довольно рѣзко, и, посѣдивъ ежедневными издѣліями своей кухмистерши, они легли спать.

Алексѣй по неповытному капризу еще ни разу не выходилъ изъ квартиры; — успѣю! — повторялъ онъ, зѣвая.

Прошелъ еще одинъ четвергъ, — «не будутъ, нездоровы, вы и довлать весь къ нимъ везу»; — нехотя объявилъ на подлѣзъ знакомый курьеръ, указывая на толстый портфель, съ которымъ усаживался на казенную зеленую телѣжку.

— Пойдемъ вмѣстѣ въ Пажескій корпусъ, княгинину письмо отнесемъ, — воротясь домой, звалъ Петръ Ивановичъ сына. — Не рошо, что мы такъ долго задерживаемъ, совѣстно. — А въ сущности ему хотѣлось чѣмъ-нибудь наполнить пустоту и безцѣльное времени, образовавшуюся вслѣдствіе недостижимости высоко поставленнаго лица.

— Нѣтъ, ужъ лучше вы одни идите; мнѣ не хочется.

Пошелъ Петръ Ивановичъ съ посылкой и воротился только въ черомъ.

— Ну, что же князёкъ, обрадовался?

— Пустой мальчуганъ! Выскочилъ, повернулся, отдайте и ворить, швейцару, и былъ таковъ. Слово и не узналъ меня.

— Такъ я и зналъ! Стоило ходить! — съ Личардой бы отослалъ.

— Ну, Богъ съ нимъ! Прошелъ я оттуда на Невскій проспектъ, погулялъ по аллеямъ. Какое великолѣпіе! Соблазнился, и шелъ въ трактиръ Палкина. Представъ себѣ — неподобный обиходъ органъ играетъ восхитительно, народа множество! — Потомъ...

— Эге, папенька, да вы никакъ загуляли сегодня!

— Ха, ха — да! пять рублей промоталь... За то вотъ это не мотовство...

— Что это за бумажки?

— Славныя бумажки! — Иду по Большой-Морской, вижу у оконъ выставлены таблицы какія-то и объявленія съ аршинными цифрами. Остановился, изъ любопытства прочелъ — и не могъ удержаться, зашелъ въ эту контору, взялъ вотъ на наше счастье билеты польской лотереи. Можно выиграть страшный кушъ! — И каждый изъ нашей семьи взялъ по билету; вотъ твой.

— А можетъ это обманъ.

— Какъ можно! Публичная лотерея, всё берутъ. Конторщикъ такой почтенный человѣкъ, рассказалъ мнѣ, что въ прошлый тиражъ одинъ титулярный совѣтникъ выигралъ сто тысячъ золотыхъ. Это, братецъ мой, дѣло вѣрное, надо только счастье — и ты богачъ!

Рассказъ Петра Ивановича дышалъ дѣтскимъ добродушіемъ.

Свершено нечаянно попалъ онъ въ Палежнскій трактиръ, совершенно нечаянно пообѣдалъ, чтобы не уронить амбицій, не могъ отказаться отъ бутылки вина, предложенной услужливымъ женовымъ; а потомъ ужъ представилась ему жизнь въ розовомъ платьѣ—и съ непоколебимою вѣрою въ очастіе взялъ онъ лотерейные билеты, заплативъ за нихъ порядочную сумму денегъ.

Алексѣй заразился распылчатымъ оптимизмомъ отца и выпросилъ десять рублей на свои надобности.

Пока Петръ Ивановичъ входилъ во вкусъ петербургской жизни, Алексѣй тоже не спалъ и обдѣлывалъ свои, по его мнѣнію, довольно важныя дѣла. Между нимъ и Личардой произошла кака-то бурная сцена, въ концѣ которой Личарда со слезами упалъ на колѣни и вынулъ изъ кармана завернутыя въ тряпочку майорскіе очки,—умоляя не говорить барину. Долго Алексѣй смотрѣлъ на эти злополучныя очки, будто ожидая, что они скажутъ, и съ наречью призналъ роковую, неотвратимую послѣдовательность человеческихъ дѣйствій, — а ихъ называютъ свободными!.. Разъ вышталнулся, разъ солгалъ — ну, и шпайся, и лги, сознавая всю отвратительность лжи и шатанья... Людская, ходячая мораль сложилась уже такъ, что не даетъ другого выхода и только того не желаютъ, кто неусуибе и до конца сужмѣтъ лгать, кто, штался въ сумеркахъ, умѣетъ твердо ходить днемъ, когда на него смотрятъ... Послѣ этого Алексѣю не досадно, а жалко стало смотрѣть на слезы Личарды, слышать его заклятія и увѣренія, въ которыхъ звучала неправда, ложь, быть можетъ безсознательная, но все-таки ложь. И чѣмъ же онъ виноватъ?—Однако Алексѣй еще не задавался вопросомъ: а кто же тутъ виноватый? — Этотъ вопросъ, какъ увидимъ впоследствии, задалъ ему самъ пострадавшій Личарда.

Получивъ отъ отца десять рублей, Алексѣй прежде всего изверкалъ серебряную оправу очковъ и зашелъ къ первому оптику, заказавъ сдѣлать къ этимъ стекламъ новую оправу, совершенно непохожую на старую; когда очки были готовы, онъ просилъ отца отослать ихъ въ подарокъ дядѣ, замѣсто пропавшихъ, и отъ всякихъ объясненій по этому странному обстоятельству отказался.

— Нойми, Яковъ, больше этого я сдѣлать не могу ни для тебя, ни для кого на свѣтѣ... Не нужно мнѣ никакихъ твоихъ обещаній, а только нойми ты *это* хорошенько...

Яковъ молча грызъ ногти и глядѣлъ тупо, думая про себя: отчего не понять?—Да только кабы на все это была моя воля, а то я и не вѣдаю, какъ оно само все дѣлается...

Въ слѣдующій четвергъ недостигаемый сановникъ былъ и наконецъ достигнутъ.

Съ трепетомъ ожидалъ Петръ Ивановичъ въ приемной торжественной минуты; обдергивалъ фракъ и нащупывалъ въ боковомъ карманѣ тутъ ли письмо. Въ приемной было человекъ пять-шесть тоже чающихъ движенія воды, и одинъ молодой франтикъ, чрезвычайно развязный, старавшійся всякими манерами дать имъ окружающимъ, что вы-моль не думайте, господа, я здѣсь такъ совершенно партикулярный и даже можетъ быть дружескимъ образомъ. Онъ садился развалился, закидывалъ ногу на ногу, брасывалъ навадь гриву, вообще ломался и гримасничалъ.

Дверь распахнулась, вышелъ баронъ. Это былъ высокій, степенный мужчина, плотно выстриженный, съ крупными, рѣзкими, немного дубоватыми чертами лица; вокругъ подбородка его росло что-то, борода не борода и не бакенбарды, а какой-то окладъ черной, густой, прекрасно-содержанный. Онъ былъ въ вицмундирѣ со звѣздой, въ рукахъ держалъ розу, которую безпрестанно нюхалъ. При появленіи его болѣе всѣхъ засмѣялись развязный молодой человекъ и почтительно поклонясь, и далъ барону маленькое, чрезвычайно изящное письмецо.

— Кланяйтесь графинѣ, скажите, что желаніе ея исполнено, — сказалъ сановникъ, пробѣжавъ записку; — а быть у нея въ восторгѣ въ величайшему сожалѣнію не могу. — Да что у нихъ тамъ такое? Экстренное что-нибудь?

— Будутъ обсуждать предполагаемый балъ въ пользу бѣдныхъ — un bal champêtre, votre excellence.

— А! — впрочемъ, постараюсь. — Я буду писать графинѣ. Прощайте.

И юный дамскій курьеръ, получающій непремѣнно чинъ награды за свою службу, вылетѣлъ, тряхнувъ еще разъ свою гривой.

Но всѣмъ «чающимъ» баронъ отнесся чрезвычайно мягко и успокоительно, всякаго выслушалъ, обнадежилъ и даже пожелалъ на то, что онъ не Богъ и незаконнаго законнымъ писемъ сдѣлать не можетъ.

— У васъ что? — обратился онъ къ Слободину.

Назвавъ себя, Петръ Ивановичъ подалъ свое драгоцѣнное письмо.

Баронъ, прищурившись и не отнимая цѣптя отъ носа, долго читалъ посланіе князя Хвалинцова; самая тончайшая улыбка пробѣгала по лицу его; онъ даже испустилъ какое-то короткое молчаніе. Все это означало: вотъ чудакъ-то, этотъ князь, — то-то

этого свѣта пишеть... Къ счастью, Петръ Ивановичъ не понималъ этого особеннаго языка.

— Ну, что же князь—все съ фабриками возится?—Скажите пожалуйста, у него все еще это... а-а... нѣтъ, виновать, смѣяться, это не у него. — Вообще какъ онъ здоровъ?

— Слава Богу, здоровъ, ваше превосходительство.

Шаловливый геній маленькихъ житейскихъ глупостей, вѣроятно, въ эту минуту пролеталъ мимо и поцѣловалъ въ лобъ и барона и провинціального чиновника.

— Очень радъ-съ; очень радъ. Мы будемъ имѣть васъ въ виду.

Петръ Ивановичъ пустилъ-было въ ходъ свои облужанные обороты рѣчи, но баронъ остановилъ его на третьемъ словѣ.

— Вы мнѣ пожалуйста все это напишите... самую коротенькую записочку.—И обведя кругомъ вопросительнымъ взглядомъ, баронъ сдѣлалъ легкой общій поклонъ и скрылся.

Курьеръ остановилъ ухидившаго Слободина и началъ снимать съ него допросъ, кто такой, откуда, и гдѣ остановился, записавъ въ эти показанія въ книгу.

— Для чего это, любезнѣйшій, скажите? Его превосходительство такъ изволилъ приказать?

— Да-съ; это у насъ строго. Вдругъ хватится, гдѣ мы ставимъ васъ искать?

— Развѣ онъ можетъ и послать за мною?

— Кто-жъ его знаетъ, сударь! Его мысли никто понять не можетъ. А вдругъ, — и Боже сохрани! Онъ у насъ такой: загорѣлось — подай, хоть въ землю заройся!..

Изъ всей этой аудіенціи самымъ утѣшительнымъ фактомъ Петру Ивановичу показалась именно послѣдняя штука, — въ книгу несли, значить, дѣло не пустое! Начало есть... а вдругъ пишеть, пожалуйста, просить... вотъ и шабашъ, и счастливъ человѣкъ, на всю жизнь счастливъ! А ужъ я покажу себя, достойнымъ образомъ покажу! Коли что понадобится, съ азбуки начну учиться!..

Дѣйствительно, Петръ Ивановичъ шелъ на службу съ добровольнымъ желаніемъ работать, принести пользу и неустаннымъ трудомъ проложить себѣ дорогу прочную, самостоятельную. Онъ не даромъ выслушивалъ безвѣчные разглагольствованія Міроносцева о прожектахъ, влонящихся въ преуспѣянію отечества; и теперь передъ нимъ лежало цѣлое море надеждъ и возможностей...

Придя домой, онъ засталъ сына у окна, — стоитъ, любуется искусствомъ лѣтняго неба надъ маленькимъ дворомъ, наполнен-

нымъ грязью и мастеровыми. Пейзажъ не особенно любовителенъ. Розовенькая Анхентъ, въ бѣломъ фартучкѣ, торопливо слѣдила за пошедшимъ подъ руку графинѣ и выбѣжала изъ комнаты. Петръ Ивановичъ не замѣтилъ, что молодые люди немножко новованы и сконфужены,—до того ли ему было!—онъ успѣлъ обрадовать сына обстоятельнымъ разговоромъ о своемъ блестящемъ успѣхѣ у барона, даже украсилъ немцова, но совершенно неумышленно, самъ того не замѣчая, увлекшись своею радостью.

— Завтра напишемъ обо всемъ матери,—то-то рада будетъ! а теперь ужъ какъ хочешь, братъ,—пойдемъ обѣдать къ Палкину. Надо же тебѣ развлечься, что въ самомъ дѣлѣ досидѣть,—одурѣешь!

— Очень охотно, папенька... дѣйствительно одурѣешь. радъ, что у васъ началось хорошо. Пойдемте, пойдемте!

Прошли они разъ вдоль Невскаго проспекта, тогда еще легѣвшаго прекрасными аллеями. Отобѣдали у Палкина по звуку модныхъ тогда арій изъ Бронзоваго кося, Цампи, Асвадовой могилы; послѣ обѣда съѣли мороженого, купили себѣ тросточкѣ и не замѣтили сколько выходили, смѣясь и болтая. Послѣ сытнаго обѣда Петръ Ивановичъ немного отяжелѣлъ, одинъ сынъ дотащилъ его до Адмиралтейскаго бульвара; отдохнувъ въ скамьѣ, они прошли къ «мѣдному всаднику», который показывалъ Алексѣю самымъ замѣчательнымъ чудомъ чудснаго Петербурга. Видѣли они стройно-проходившіе отряды разныхъ войскъ, въ которые никто не заглядывался, не такъ какъ въ Москвѣ; видѣли пушки настоящія, изъ которыхъ стрѣляютъ; поглядѣли на мѣдныя сунувшіяся рavelины Петропавловской крѣпости, къ стѣнамъ которыхъ никакъ нельзя прилѣпить мирную лавочку торговую тросточками, или букиниста,—и очень вразумительно поняли, что они не въ Москвѣ.

«Вотъ два счастливыхъ человѣка»:—сказалъ бы про нихъ всякій внимательный наблюдатель.—«Вотъ два глухыхъ прощупывателя!»—сказалъ бы про нихъ всякій петербуржецъ, если бы только оставалась ему свободная минута наблюдать что-нибудь, кромѣ барометра начальственныхъ мѣропріятій, да своего застарѣлаго гемороя...

Фланируя по Петербургу, они однакожь не забывали и о дѣлахъ, которыя, какъ имъ по крайней мѣрѣ казалось, шли успешно. Отецъ написалъ докладную записку,—не указывая прямо ни на какую клѣточку, существующую въ силу штатовъ и табелей,—заявляя пламенное желаніе посвятить себя пользамъ службы.

доски испытать способности, предоставляя все прочее на благосмотрѣніе его превосходительства. Записка найдена немного поздно, но объ этомъ ему конечно не сказано, а выражено кратко: «очень радъ; навѣдайтесь недѣльки черезъ двѣ». — Чего же больше требовать! — Онъ былъ почти что убѣжденъ, что останется на службѣ въ департаментѣ, вслѣдствіе чего представилъ документы сына въ гимназію; — а сынъ закидывалъ глазомъ въ Васильевскій островъ въ знаменитое зданіе *двенадцати коллегій*.

— А знаешь ли кого я встрѣтилъ? — Ерофея Никифорыча Бурова, — Косолаповскаго главноуправляющаго. Вотъ городокъ-то самый — кого только тутъ не встрѣтишь! — Рассказываетъ, что Бирюлла Егорычъ вошелъ въ огромныя дѣла, страхъ какъ развернулъ свое богатство! — Теперь они за границей, въ Италиі, старшая дочь при смерти была больна, такъ для нея.

Алексѣй вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— А Саша здѣсь конюеромъ въ гусарахъ; — говоритъ, молодецъ какой, чудо! — Обѣщаль Буровъ-то зайти. А можетъ тебѣ и съ Сашей пріятно было бы встрѣтиться, а?

— Нѣтъ, папенька; искать его я не буду; еще пожалуй также встрѣтить, какъ этотъ князь... Всѣ они одного поля кода!

— Къ зимѣ ихъ ждутъ сюда. Буровъ квартиру для нихъ ваялъ великолѣпную, цѣлый бель-этажъ.

— Намъ не слѣдъ къ нимъ идти. Это хорошо было въ С.; а здѣсь роли мѣняются. Тамъ вы были въ ихъ глазахъ все-таки важный чиновникъ, а здѣсь... Мы къ нимъ придемъ въ бель-этажъ, а они можетъ побрезгуютъ и войти-то по грязной лѣстницѣ въ эти каморки. — Какое-жъ это будетъ знакомство? — Вы извините папенька, что я такъ говорю... мнѣ такъ кажется; — вѣдь это я любя васъ и оберегая отъ неприятныхъ щелчковъ...

— А знаешь что? — надо бы намъ подыскать квартиру... Что-жъ такъ-то жить по-свински? — Вотъ мать пріѣдетъ, ну какъ мы тутъ размѣстимся? — Да и дешевле будетъ на квартирѣ-то.

Алексѣя точно холодной водой обдало... Все это совершенно резонно и просто, что говорилъ отецъ. И какъ же это ему въ голову не приходило, что пріѣдетъ мать, что нужно устроиться вкваче и непременно переменить квартиру? — И что-жъ въ этомъ особенно-важнаго! — ну, переменить и все тутъ! — Почему-жъ это показалось ему такъ важно и неожиданно?

Вечеромъ, когда щеголеватая и кругленькая, какъ маленькое яблочко, Анхенъ подавала чай, Алексѣй, обыкновенно съ шутившій и болтавшій всякій вздоръ, вдругъ глянулъ на нее серьезно, почти сурово. Ему почему-то припомнились передъ нимъ Сіонсваго и бабенка Арина, забѣгавшая въ нему то врынной молочка, то съ горшечкомъ щець похлебать, то съ луштофчикомъ подъ полой своей шутайки... и какъ она убѣждалась и горевала, когда сторожа увели Андреяшу незнамо куда и съ какою печальною отрадой приняла она Стульгуса, единственное дорогое наслѣдство погибшаго попovichа... Окунувшись въ этотъ уже далекій міръ ребяческихъ думъ и первыхъ вышхъ впечатлѣній, мысль Алексѣя вдругъ отряхнулась, воротилась къ настоящей минутѣ и бодрая, ясная подсказала ему: «нѣ это не то!...».

— Да, папенька, непременно нужно найти квартиру и написать поскорѣе маму съ дѣтьми. Эта трактирная жизнь не дошла.

Анхенъ въ свою очередь посмотрѣла на него съ удорою печалью, недоумѣніемъ—и выронила изъ рукъ стаканъ, разбитый въ дребезги.

— Ахъ, Богъ мой!—извините, сейчасъ принесу другой и убѣжала.

Петръ Иванычъ, лежа съ трубкою на кровати, ничего этого не видѣлъ и заботливо промышлялъ: мм-да, нужно, нужно!

— Да поскорѣй; не теряйте времени; это крайняя необходимость. — Приѣдетъ мама, дѣти,—заживемъ отлично!

Отецъ бѣгалъ по разнымъ частямъ города, отыскивалъ квартиру; шлялся по Апраксинскимъ лавкамъ, прицѣплялся къ мебели и вообще увлекался своею давнишнею наклонностью къ домовитости, но узналъ, что все въ Питерѣ страшно кусается и безъ огорченія усмотрѣлъ, что придется отказаться отъ многихъ необходимыхъ вещей, сжаться, съузиться въ самомъ крайнемъ. Утѣшалъ онъ себя тѣмъ, что все это вѣдь только на время получу мѣсто въ провинціи—придется все бросить; а выйдетъ мѣсто здѣсь (и непримѣнно здѣсь выйдетъ), тогда... о, тогда мы еще посмотримъ, какъ оно приличіе будетъ устроиться!

Пока онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ, въ скромныхъ номерахъ нѣмецкой кухмистерши разыгрывалась какая-то странная, запутанная исторія.—Разъ вбѣгаетъ къ Алексѣю Анхенъ, разстроенная, обиженная, слезы на глазахъ, валенкоровый чепчикъ въ затылкѣ.

— Вы пожалуйста унимайте вашего слугу, господинъ Алексѣй Петровичъ; — говорила чухончка залпомъ, задыхаясь отъ волненія. — Я такое обхожденіе потерпѣть не могу, потому — я честная дѣвушка, а онъ мужикъ — лакей. Какъ онъ смѣетъ дѣлать мнѣ грубостей!...

— Успокойтесь, Анхень, что такое случилось?

— Вы благородный человѣкъ, съ вами я могу разговаривать, а онъ невѣжа, и я ему не позволю, — буду хозяйкѣ сказывать... это очень стыдно!

— Да въ чемъ дѣло? — Яковъ, иди сюда.

Личарда вошелъ и съ недоброй улыбкой поглядѣлъ на дѣвушку и на барина.

— Вотъ я скажу вамъ теперь въ глаза, — обратясь къ Якову, горячилась Анхень, — что я васъ терпѣть не могу. — Не смѣйте ко мнѣ пальцемъ притрогивать. — Вы русская свинья — вотъ вамъ! — и хлопнула дверью.

— Это что такое? — Что ты тамъ заводишь?

— Ничего. Я говорю ей: надо посуду мыть, а она сейчасъ ругаться. Тутъ пора накрывать на столъ, а у нея гдѣ тарелки-то? — Я за нее что ли мыть стану? — Ей добромъ говоришь, а она на тебя все равно какъ на собаку. Обидно вѣдь... Ну, я ее... чуть-чуть дотронулся... аха бѣда! — Барышня петербургская, вотъ что!

— Нехорошо это — она дѣвушка вольная, пойдетъ жаловаться, такъ тебѣ вѣдь достанется. Наконецъ, что это за буйство такое!

Яковъ стоялъ передъ баринѣмъ совершенно покойно. Алексѣй смѣрилъ его взглядомъ — и, кажется, впервые замѣтилъ, что передъ нимъ стоитъ не мальчишка, а восемнадцатилѣтній парень, здоровый, рослый, съ замѣтнымъ пушкомъ на подбородкѣ и задумчивымъ взглядомъ, который никогда не глядѣлъ прямо, а словно прятался, чтобъ никто не поймалъ его затаеннаго блеска.

Алексѣй не сумѣлъ распечь какъ слѣдуетъ, тонъ его былъ скорѣе удивленный, поучительный, чѣмъ строгій: рѣчь оборвалась какъ-то вдругъ, на полусловѣ — и онъ взялся за книгу. А Яковъ все еще стоялъ передъ нимъ, царапая ногтемъ по-столу; губы его подергивались, казалось, онъ вотъ-вотъ заговоритъ — и скажетъ барину нѣчто необыкновенно-важное... но видно не могъ онъ осилить своей думушки и, почесавъ въ затылкѣ, выпелъ вонъ.

При первомъ случаѣ, наединѣ, Алексѣй остановилъ Анхенъ и взялъ нѣжно за руку.

— Васъ теперь никто не обижаетъ, Анхенъ?

Она молчала.

— Яковъ добрый малый; я объяснилъ ему, какъ это скверно обижать дѣвушку. Вы пожалуйста извините, не сердитесь...

— Это все черезъ васъ,—прошептала она.

— Можеть ли бытъ? — Я несомнѣмъ понимаю,—слышавши Алексѣй,—но это что-то очень странно и глупо...

— А! — бросьте! — Вы отъ насъ на другой квартиру съѣзжаете?

— Такъ нужно, Анхенъ.

Дѣвушка закрыла лицо концами своей косынки и прижалась лбомъ къ его плечу.

— Такъ нужно. Вы мнѣ потомъ спасибо скажете, да и мнѣ весело будетъ встрѣтиться съ вами. Шутка шуткой и должна кончиться. Вы хорошая дѣвушка, не дурачьтесь же,—и дай Богъ, чтобы у васъ всегда были такіе постояльцы и въ квартирѣ и... тутъ! Алексѣй поцѣловалъ ее въ голову.—Ну, полно,—всеселѣй же! — всякій за свое дѣло... Сварите-ка мнѣ кофей — и будемъ хохотать.

Анхенъ въ самомъ дѣлѣ ужъ разсмѣялась и, ущипнувъ Алексѣя, побѣжала къ своей работѣ.

— Ну вотъ и прекрасно!... подумалъ онъ, глядя ей вслѣдъ. Да и я тоже чуть не сглупилъ... мимолетная встрѣча съ трактирной служанкой—хоть и очень миленькой чухонькой—есть надъ тѣмъ задумываться! — Пустяки! — Но честные люди должны и дураться честно.

Однажды Петръ Иванычъ пошелъ на чай къ Бурову; Алексѣй сидѣлъ у отвореннаго окна, денная жизнь затихала; мастеровые-халатники гдѣ-то далеко наигрывали на гармоникѣ; даже дрожки по мостовой унялись трещать. Вечеръ былъ тихій; окно приходилось надъ воротами и Алексѣй отчетливо слышалъ слѣдующую бесѣду у воротъ:

— Значить, шабашъ? — Вы мнѣ скажите только — плюнуть и долженъ на это дѣло, или нѣтъ? — сурово и съ дрожью въ голосѣ говорилъ Личарда.

— Я вамъ сто разъ говорила; вы можете понимать.

— Вѣдь коли вы сумлѣваетесь, такъ я по чести — сейчасъ женюсь на васъ.

— Вы?! — ха-ха-ха! — Очень мнѣ это припрасно! — Вы кто таковъ?

— Я-то,— я человекъ...

— Брижестной лавей... очень большой чести мнѣ! ха-ха-ха! — жестокомъ смѣхомъ смѣялась Анхенъ.

— Ну, да вѣдь и ты не важная птица! — Чухна ты!

— Оставьте меня! — пускай бы вы были самъ офицеръ, я васъ любить не стану никогда.

— Кончено?

— Кончено.

— Прощайте, Ганхенъ. Пойду я вонъ въ тотъ домъ, — видите, красныя занавѣски, — освѣщеніе — значить, ждутъ... Тамъ всегдѣ и всякому гостю рады. Что въ самъ-дѣлѣ! Получше васъ найдемъ... тамъ есть одна Фидрика, такъ куда вамъ! — Какъ гѣсни постъ — ахти!

— Тьфу! — плюнула Анхенъ съ негодованіемъ.

— Борька! — окликнулъ Личарда портного-халатника. Комъ на хаусъ!

— А гельтъ имѣется? — Отозвался гнусливый голосъ со двора.

— Найдемъ! — Наше вамъ почтеніе-съ, — обратился онъ въ Анхенъ. — Ужъ вы значить амурьетесь собственно съ господами... Это намъ безъизвѣстно! — А мы — хамы, своей дорогой пойдемъ... не робѣй только!

И уходя по улицѣ съ Борькой, Личарда загѣлъ подъ гарконнику:

Ай вы Сашки-канашки мои!

Размѣняйте вы бумажки мои!

Алексѣй ужаснулся... и этой сердечной драмѣ, которая мучила бѣднаго Якова, и той изумительной быстротѣ петербургскаго уличнаго просвѣщенія, которое въ какихъ-нибудь пять-шесть недѣль такъ развернуло провинціального парня...

Но откуда-жъ у него деньги? — Какія это деньги? — съ отчаяніемъ спрашивалъ себя Алексѣй.

VIII.

Квартира нанята въ какой-то ротѣ Измайловскаго полка; три чистенькія комнаты, которыя Петръ Ивановичъ меблировалъ кое-какъ, довольно сносно. Флигелѣкъ деревянный, сухой; жильцовъ во дворѣ мало. Далече немножко, за то воздухъ чище, чѣмъ во всѣхъ этихъ Мѣщанскихъ. Наняли кухарку и совсѣмъ устроились наши провинціалы. Кажется, всего немного, все про-

стенное, незатѣйливое и въ обрѣзъ, а Петръ Ивановичъ утаснулъ, сколько денегъ вышло на это миврное устройство, и еще еухмистершѣ заплачено за два съ половиною мѣсяца, и такъ издержано на мелочи туда да сюда, — «Господи! какъ же я такъ обмишулился?— Да чѣмъ же мы жить-то будемъ? Бѣда! Но объ этой бѣдѣ Петръ Ивановичъ рѣшился не сказывать никому изъ домашнихъ; — «ничего—ничего!— вдругъ поправимся, ужъ мой секретъ, какъ поправимся».

Приѣхала Анна Дмитриевна съ дѣтьми. Рада-радехонька она была, что вырвалась отъ родныхъ: «что это за жизнь, я ужъ и не понимаю! Ровно рестантская казарма». «Опять же за правоученія каждый день, ажъ тошнило. И скупи они оба не приведи Богъ! — кусочки сахара считаютъ», — жаловалась она мужу.

Коля сталъ совсѣмъ военная восточка; привезъ барабанъ — подарокъ дяди — и никому въ домѣ покоя не даетъ. Алексѣй начавшій ходить въ гимназію, занимался въ свободное время съ младшими дѣтьми, но проку въ этомъ видѣлъ мало и чтобы отдѣлаться отъ буйнаго мальчугана, совѣтовалъ отдать его въ какую-нибудь частную школу, вѣдь ему ужъ двѣнадцать лѣтъ стукнуло, а еще и читать порядочно не умѣетъ. Но мать привезла отъ дяди очень важное письмо и вела продолжительные разговоры съ мужемъ. И вотъ, бѣдному Петру Ивановичу, кромѣ урочныхъ расходовъ за справками въ департаментъ, прибавилась еще работа хлопотать объ опредѣленіи Коли въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

Эти заведенія въ то время «процвѣтали» и попасть въ нихъ, несмотря на ничтожныя требованія при вступительномъ экзаменѣ, было весьма нелегко — всѣ мѣста заняты и кандидатовъ легіонъ. Юныхъ дворянъ везли сотнями со всей Россіи въ эти маршевыя училища, не задаваясь никакими заботами — лишь бы лѣтъ не вышли, да документы были въ порядкѣ. Наше-моль дѣло роднаго ребенка, а тамъ дѣлай изъ него что хочешь. Будетъ офицеръ, — чего же лучше! — Это была какая-то кадетская эпидемія, обусловленная отчасти бѣдностью мелкихъ дворянъ, а больше отсутствіемъ запроса на научное образованіе и обезличивающей привычкой къ правительственной опеке во всемъ и всюду. Особенно въ Петербургѣ точно мода была въ каждомъ домѣ (даже въ богатомъ и знатномъ) имѣть непременно своего кадета, который являлся на праздникамъ единственно для того, чтобы наѣсться до отвала и накуриться до тошноты.

Слободинъ едва добился, что его сына записали кандидатомъ на будущій годъ, — и воспользовался обрадовать этимъ извѣстіемъ почтеннаго майора; но самъ онъ вкушалъ мало радостей... Красивый, густой овладъ вокругъ римской фивіономіи величаваго барона ему уже нѣсколько опостылѣлъ... Какъ ни глубоко шло въ природу Петра Ивановича, однако и онъ началъ чувствовать оскорбительный смыслъ этихъ вѣчныхъ: «да, да, помню, — я объ васъ думаю; подождите, надевайтесь» — и т. д. Но онъ долею изъ самолюбія, долею изъ болезни огорчить людей близкихъ, скрывалъ свои неудачи, и даже изъ рассказовъ его выходило такъ, что всѣ эти проволочки ведутъ къ лучшему: — теперь всѣ мѣста заняты, правда, но вдругъ... выдумаютъ какое-нибудь новое мѣсто и скажутъ: «пожалуйте Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ — долго ждали, за то теперь добродѣтель ваша награждена какъ слѣдуетъ; видите, что мы объ васъ думали!..»

Пришла зима, а съ зимою всегда приходятъ и лишніе расходы, слишкомъ извѣстные всѣмъ бѣднякамъ: и одежонку теплую нужно поправить, да прикупить, и припасы на рынокъ вдругъ ни съ того, ни съ сего вздорожаютъ; на зиму запастись кое-чѣмъ надо, не говоря ужъ о дровахъ... Бодрился Петръ Ивановичъ и, улыбаясь, приговаривалъ: «ничего, ничего! — вдругъ!..» Но сквозь добродушную его улыбку проглядывала частенько тихая печаль, сознаніе своей безпомощности, безсилія. Ему даже на рѣдкѣ снился отставной капитанъ — первая злобѣщая встрѣча съ петербургскою дѣйствительностью.. И проснувшись, онъ отрекаться отъ этого тяжелаго кошмара: «Господи, помилуй насъ! За что же мнѣ это? — Нѣтъ, я скорѣе умру, чѣмъ дойти до такого паденія.. А дѣти! — Нѣтъ, Богъ справедливъ, не допустить... Роптать грѣшно, перетершимъ съ покорностью, а тамъ авось и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, — да еще какой праздникъ-то!..»

Такъ легко утѣшали себя старинные люди, потому что плохо знали, что дважды два — четыре, что съ неба ничего не падаетъ, и что самое великое чудо объясняется иногда самыми простыми законами... и т. д.

Отъ Алексѣя не могло скрыться тайное горе, съдѣвшее отца; онъ боялся заговорить, чтобы напрасно не развердеть большую рану, которую залечить не видѣлъ никакой возможности. Занимаясь усердно въ гимназій, онъ боялся подумать, что не придется ему сидѣть въ университетской аудиторіи, а надѣвъ вицмундиръ, переписывать отношенія, рапорты, «слушали», да «приказали» — и чахнуть отъ всякой ерунды, чтобы добыть мѣд-

ный грошеъ на проворомъ голодающей семьи. Приходя изъ гимназіи и находя свой приборъ за готовымъ обѣдомъ, разумѣется, некистрымъ, Алексѣй чувствовалъ припадки угрюмой раздражительности: часто ничего не ѣлъ и съ ненавистью смотрѣлъ, какъ дѣти уплетаютъ по двѣ тарелки каши и жалуются, что мало масла; а знаютъ ли они, что стобитъ фунтъ масла и сколько нужно употребить труда — да труда одного мало — сколько нужно имѣть счастья, именно счастья, чтобъ заработать фунтъ масла?— Отецъ за обѣдомъ сидѣлъ задумчивый, словно погруженный въ соображенія, сколько недѣль и дней еще они будутъ обѣдать?.. Одна мать держала покойный, ровный тонъ въ рѣчахъ и поступкахъ, стараясь угодить каждому, расхваливая свою страпню: «кушайте дѣтущки, кушайте милые на здоровье! Завтра пойду на Сѣнную, куплю творогу да сметани, ватрушки вамъ сдѣлаю, помните, такія, какъ дома у насъ бывали: вы ихъ любили».—И живая Алѣнушка весело хлопала въ ладоши.

Анна Дмитріевна любила вспоминать, что и какъ было дома; вѣроятно, она уже всѣ слезы выплакала, когда разставалась съ своимъ домомъ и теперь совершенно мирилась съ тѣмъ, что Богъ даетъ. Всякое утро и во всякую погоду она сама ходила на Сѣнную — тамъ привозу больше, потому и дешевле; воротившись съ кулѣчкомъ, принималась за страпню, не для того, чтобы помогать кухаркѣ, а чтобы самой научиться и когда-нибудь отпустить кухарку, какъ совершенно ненужную роскошь. Она не тяготилась работой, даже чувствовала жизнь свою полнѣе, разумнѣе, чѣмъ бывало дома, гдѣ она, по званію барыни, сидѣла почти безъ дѣла и отъ тоски принекивала себѣ какія-нибудь хлопоты совсѣмъ ненужныя. Познакомилась она съ одной жилицей въ домѣ, вдовой обанкротившагося часовыхъ дѣлъ мастера и по вечерамъ отводила душу въ бесѣдѣ съ этой доброю старушкой. Бесѣда ихъ наполнялась обоюдными воспоминаніями о прошломъ величій и утонченными соображеніями, какія статьи въ хозяйствѣ можно совсѣмъ упразднить, а какія сократить и удешевить самымъ незамѣтнымъ образомъ. Изъ всѣхъ роскошей Анна Дмитріевна считала невозможнымъ упразднить кофей, хоть и пополамъ съ цыкоріемъ, потому оно питательно, за обѣдомъ меньше сѣдають, — и рюмку водки для Петра Ивановича передъ обѣдомъ, — это для него лекарственно.

Глядя на мать, Алексѣй твердилъ свое, полюбившееся ему выраженіе: «красота ты, красота душевная!» — и задумалъ онъ помочь этой красотѣ выпутываться изъ копѣчныхъ затрудненій. Благодаря одному товарищу, онъ нашелъ уроки въ домѣ какаго-то

стскаго совѣтника, жившаго недалеко тутъ же въ Измайловскомъ полку и обладавшаго множествомъ золотушныхъ ребятинекъ — чухлыхъ продуктовъ петербургскаго климата и чудосоція стараго департаментскаго служака. Когда въ концѣ мѣсяца Алексѣй принесъ матери десятирублевую ассигнацію, Анна Дмитриевна испугалась, глазамъ своимъ не повѣрила.

— Это вамъ на хозяйство, да вотъ еще сапоги себѣ купи. Только ради Бога, папенькѣ ни слова не говорите.

— Почему же не сказать о такой радости?

— Видите ли, онъ ужасно легко успокоивается всякимъ вздоромъ; подумаетъ, ну, мы теперь не пропадемъ! и руки сложитъ. А вѣдь это чистая случайность: сегодня есть, а завтра съдутъ, не нужно намъ вашихъ уроковъ — и баста. Развѣ вы не замѣчаете, что онъ, бѣдный, совсѣмъ съ толку сбился... Вонъ эта проклятая польская лотерея сколько денегъ съѣла; — а онъ все ходитъ въ ту контору, читаетъ и пересчитываетъ таблицы, замѣчаетъ счастливые нумера, дѣлаетъ какія-то мудренныя выкладки, да на послѣдніе рубли покупаетъ новые билеты. Вѣдь я все это знаю. И какъ купить, три дня веселый ходитъ, точно отличное дѣльцо сдѣлалъ. Глядя на него — смѣшно и плакать хочется...

— Да, правда твоя, Алѣшинька. Ужъ эта лотерея, чтобъ ей вздохнуть — сведеть его съ ума! — Вижу я, что онъ, нашъ голубчикъ, иногда совсѣмъ словно помутится; ходитъ да шепчетъ что-то, все приговариваетъ: «да, батюшка мой, да, да!» — Инда душа заноситъ... Ужъ кабы Господь вынесъ насъ поскорѣе изъ этого ада кромѣшнаго! — Еще года не прожили, а гдѣ деньги-то! — Намедни я тайкомъ посмотрѣла въ его шкатулкѣ — и ста рублей не наберется... А впереди что? — Горе и горе...

Петръ Иванычъ дѣйствительно помутился: часто ходилъ въ контору Лури, покупалъ и мѣнялъ билеты всевозможныхъ лотерей и начиналъ свою слабую голову всевозможными предрассудками несчастнаго игрочишки: напримѣръ, въ понедѣльникъ ни за что не возьметъ билета; если встрѣтитъ попа — даже и не зайдетъ въ контору справиться; полюбилъ цифру 7, и носилъ въ карманѣ рыбью кость изъ головы, имѣющую фигуру креста. Въ департаментъ заходилъ какъ-то неохотно, словно для очистки совѣсти, и отвѣты получалъ тоже такіе, то-есть, какіе даются только для очистки совѣсти. Показалось ему даже, что курьеръ и сторожа встрѣчаютъ его съ обиднымъ сожалѣніемъ, «и этимъ-то я наскучилъ... да и какъ не наскучить? — все одно и то же, никакой переменны...» Случилась, правда, одна переменна — баронъ

сносилъ свою овладистую растительность и завелъ на подбородкѣ подь самую нижнюю губой какую-то щеточку, — и хотя отъ этого сталъ миловиднѣе, но нѣлагого утѣшенія для Петра Ивановича этъ перемѣна не принесла.

Иногда злополучный искатель мѣста, махнувъ рукой на все свѣтъ, надѣвалъ ситцевый, тепленькій халатъ и по недѣлямъ не выходилъ никуда изъ дома, предаваясь празднымъ размышленіямъ и приговаривая: «да, да, батюшка мой, да, такъ!» — А т садился играть съ Колей въ шашки и серьезно сердился, кричалъ за всякій неумѣлый ходъ, или ликовалъ побѣду. Глядя на это ребачество, жена скажетъ: «ты бы, Петръ Ивановичъ, пошелъ провѣтрился немного, нехорошо! и въ департаментъ можети зашелъ бы...» Мужъ обижался и выходилъ изъ себя отъ этихъ совѣтовъ. — «Знаю я, сударыня, что мнѣ дѣлать! — Что вы мнѣ тычете въ глаза департаментъ? — Я безъ васъ знаю, гдѣ стоитъ департаментъ. Бабій умъ вы — и больше ничего! — Вотъ нарочно же не пойду и не пойду!»

Однажды въ нимъ заѣхалъ Косолаповскій управляющій Буровъ. Петръ Ивановичъ былъ очень радъ гостю и какъ-то сконфузень. Разговоръ разумѣется зашелъ о полученіи мѣста, и Слободинъ умышленно при женѣ и дѣтяхъ распространился о своихъ неудачахъ, какъ-будто желая, чтобы посторонній человекъ оправдалъ его передъ ними. Онъ доказывалъ очевиднѣйшимъ образомъ свою невинность; ему давно бы слѣдовало получить мѣсто, ужъ сколько вакансій открывалось, но въ несчастію вѣчно являлся какой-нибудь счастливецъ, — а онъ все оставался *ex viâ*; тогда какъ онъ имѣетъ всѣ права, и честность его доказывается 15-ти-лѣтней службой, на которой онъ ничего не приобрѣлъ, не такъ какъ другіе грабители. По его резонамъ выходило точно, что онъ совсѣмъ правъ, а съ нимъ поступаютъ жестоко, безчеловѣчно. Всѣ слушатели его оправдывали, и онъ торжествовалъ свою печальную правоту. Вдругъ серьезный г. Буровъ сказалъ:

— Что говорить, Петръ Ивановичъ! съ вами поступаютъ безбожно. Должны бы дорожить такими людьми, какъ вы, а они вонъ что! — На все это у нихъ свои особенные виды... Однако позвольте мнѣ сказать слово, — вы не обидьтесь, ей-Богу я это изъ одного расположенія къ вамъ, — во многомъ вѣдь вы сами виноваты; непрактично поступили, непрактично! Первое — не слѣдовало ни подь какимъ видомъ продавать домъ...

Анна Дмитріевна тяжело вздохнула.

— Пусть бы семья тамъ жила; а вамъ пріѣхать сюда одному, да не съ рекомендаціей князя Хвалынцова, вѣдь это только громко

святъ князь Хвалыцовъ, а здѣсь онъ персона совѣтъ неинтересна... Вамъ прямо написать бы въ нашему Кириллѣ Егорычу— это было бы дѣло! Вѣдь къ намъ иной разъ министры съѣзжаются спускать. Ну, да это еще дѣло поправное: Кирилла Егорычъ впритыкъ, зиму они проводятъ въ Римѣ, а по веснѣ, или такъ этому непременно прійдутъ. Да-съ! — Второе дѣло — вамъ самимъ плошать не слѣдуетъ. Вы приглядитесь, какъ оно дѣлается: здѣсь всякій глядитъ да прицѣливается, ежели кого можно спохватить и сѣсть на его мѣсто — ладно; ежели опять кто ужъ очень развѣдрѣлъ, наѣлся и самъ думаетъ выходить — тоже ладно; наконецъ, ежели кто одержимъ болѣзнію и вотъ-вотъ не сегодня-завтра свезутъ на Смоленское — это самое лучшее... тутъ только и карауливай! — Лови моментъ: покойника на столъ, а ты съ крошечникомъ «по титулѣ»... Многие даже списки ведутъ съ такими разными отбѣтками. Мнѣ одинъ пріятель столоначальникъ всю ихнюю механику открылъ. Этими случаями надо живо пользоваться, такъ чтобъ никто опомниться не успѣлъ. И всякій тебѣ одобрить; значить — молодецъ! Ловкій практикантъ! — А вы что, — кому тутъ нужна ваша честность и деликатность? — Это лишьче одни слова-съ. Да и въ человѣкѣ собственно не нуждается, — потому на свѣтѣ людей расплодилось очень много, дѣвать некуда!

Послѣ этой рѣчи несчастный Петръ Иванычъ оказался крупнѣ виноватымъ. — Не умѣлъ я этого, да кажется никогда и не сумѣю! — уныло промолвилъ онъ. — Этакъ-то каверничать — слуга покорный! — Ужъ пусть будетъ воля Божья... А вотъ это справедливо, что Кирилла Егорычъ все можетъ. — Дай Богъ только къ дождаться! — А ужъ вы, добрѣйшій Ерофей Никифорычъ, не откажитесь напомнить обо мнѣ, и если хорошо будетъ принято, — знаете, этакъ къ сердцу принято, — то дайте мнѣ знать.

— Всенепремѣнно! Да вы будьте благозадежны, это только вопросъ времени — и больше ничего. Протяните какъ-нибудь. Вѣдь добрѣ нашего Кириллы Егорыча едвали можетъ найтись человѣкъ; это ангель! И все, знаете, этакъ шутя, смѣшкомъ, а глядишь и упрочилъ, да вѣдь кого упрочилъ-то? Перваго встрѣчнаго... Любить, любить разливать добро вокругъ себя, даже до слабости любить...

И управляющій долго еще распространялся о великодушіи своего могучаго патрона. Петръ Иванычъ совѣтъ утѣшился, и остальные члены бѣдной семьи тоже увидѣли впереди вѣснаго снѣга въ лицѣ великаго Кириллы Егорыча; г. Буровъ повторилъ такъ твердо, положительно, притомъ у него самого



сытая физиономія, на толстыхъ пальцахъ такіе дорогие перчатки на жилетѣ такая массивная золотая цѣпь, что возможность вѣрнѣе брѣсти по милости отупѣвшаго упроченное положеніе отъ кавалось мечтою, — Слободины ее видѣли близко, они ее ощущали.

Но Алексѣю ужасно претило отъ системы подкарауливаемыхъ покойниковъ... «Дѣйствительно, оно должно быть очень вѣрно, но вѣдь это омерзительно...» — Онъ былъ сынъ своего времени, стало-быть былъ полонъ идеалистической вѣры въ торжество кой-то искусно-придуманной и красивой правды на землѣ... Любовь того времени и во снѣ не смился великій законъ бытія за существованіе, который, какъ законъ, не подлежитъ ни уваженію, ни презрѣнію; его можно только признать, или не признавать; омерзительною можетъ быть только та сфера, искусственная, тунеядническая, паразитная, въ которой онъ проявлялся безразлично, какъ и во всякой другой сферѣ жизни. Вотъ этой-то сферѣ нельзя относиться спокойно, потому что она рождала такіе ненормальные продукты, какъ каверзники и раульщики мертвецовъ — въ одну сторону, и затертые Петры Иличичи въ другую, а сущность ихъ одна и та же.

Тихо и уныло перекачивались дни въ квартиркѣ Измайловскаго поля. Слободинимъ казалось, что они вовсе не въ Петербургѣ живутъ, а въ какомъ-то забытомъ людми и Богомъ замкнутыи. Шумъ и блескъ столицы, безустанное движеніе экипажная лихорадочная суета промышляющей толпы, громкія событія, горячка удовольствій, процессіи и гулянья, пожары и иллюминаціи, смѣхъ и стоны, — весь этотъ тяжелый пульсъ сотенъ тысячъ живущихъ гудомъ - гудитъ гдѣ-то тамъ, недалеко, но какъ будто въ иномъ мірѣ... А здѣсь безлюдье, пустыри, длинные заборы, грязь по колѣно, даже будка стоитъ довольно далеко; только рваные барабановъ, да рѣзкое гоготанье горнистовъ передъ марширующимъ фронтомъ храбрыхъ гвардейцевъ напоминали, что тутъ заштатный городъ Туруханскъ, но и въ этой музыкѣ прелесть была.

Заманчивъ и соблазнителенъ былъ тотъ настоящій Петербургъ, молодежь такъ и тянуло туда: Алексѣй заходилъ изъ гинимъ къ Смирдину или Глазунову; Личарда тоже безпрестанно считалъ крайнюю необходимость сбѣгать за ваксой къ знакомому сапожнику, или починить скуртку даромъ у пріятели порыва, и съ этими важнѣйшими дѣлами онъ часто пропадалъ до глубокой ночи. У всякаго, знать, свое дѣло. Алексѣй однажды тоже не являлся домой цѣлый день, но это былъ случай, выходявшій изъ ряду вонъ, имѣвшій не петербургское только, а всероссійское на-

ше. Алексѣй съ товарищемъ попалъ въ толчею тысячеголовой массы, сновавшей по набережной Мойки между Полицейскимъ и Пѣвческимъ мостами. Толпа росла, на лицахъ была мрачная весота, на губахъ шевелились одни и тѣ же вопросы и толки: «Живъ?—Слончался?—Пускаютъ?—Нѣтъ?—Жандармовъ привели. Чѣмъ и не будутъ пускать. Вонъ Жуковский... Гдѣ Жуковский?—Въ государю съ докладомъ. Государь самъ сейчасъ прїѣдетъ». — У подъѣзда одного изъ домовъ толпа была гуще, а говоръ тише, сдержаннѣе—тамъ умиралъ любимый русскій поэтъ... Толпа ломилась на лету неразборчивыя вѣсти, расходявшіяся отъ подъѣзда; она была просто ошеломлена внезапностью общественной потери и еще не могла сообразить ни ея громадности, ни ея смысла. Она стояла передъ фактомъ, не вѣря въ его очевидность, и если бы изъ окна дома Пушкиныхъ кто-нибудь тогда крикнулъ: Пушкинъ живъ! — Пушкинъ сію минуту явится передъ вами! — толпа разразилась бы громкимъ «ура», забывши даже такую бездѣлицу, что мертвые не воскресаютъ...

Алексѣю удалось войти въ домъ, поклониться покойнику; потомъ, во множествѣ другихъ лицъ незнакомыхъ, но разговаривавшихъ, какъ давно знакомые, онъ оставался до поздняго вечера, ожидая какихъ-нибудь опредѣленныхъ извѣстій насчетъ похоронъ. Извѣстій никакихъ не было, и никто не видѣлъ, какъ гробъ поэта выѣхалъ ночью изъ вослѣдстаго имъ Петербурга.

Вскорѣ распространились слухи о какихъ-то письмахъ, раскрывающихъ тайну кроваваго дѣла, но достать ихъ Алексѣй не могъ. Досталъ онъ ходившее по рукамъ стихотвореніе: «Погибъ поэтъ, невольникъ чести...», и набожно переписалъ его въ заветную тетрадку, заключавшую въ себѣ много разныхъ запрещенныхъ плодовъ русской даровитости, несмотря на опасныя предупрежденія отца, какъ бы за это въ бѣду не попасть...

Въ мелочной лавочкѣ Измайловскаго полка и о такихъ событіяхъ идетъ шибкая бесѣда; рассказчики врутъ одушевленно и разсыются изъ убогой лавчонки фантастическія легенды о томъ, о чемъ въ Петербургѣ давно уже забыли. Да и тутъ, впрочемъ, скоро все гложетъ.

Нѣтъ такого глухого уголка, куда бы не проникли горе и полиція... Въ одинъ скверный день въ квартиру Слободиныхъ явился маленькій квартальный съ краснымъ воротникомъ и густѣйшимъ басомъ, который былъ ему какъ-то не по росту и замѣтно женировалъ своего обладателя. Съ квартальнымъ явились два сѣросермяжные тѣлохранителя. Петръ Ивановичъ затрясся отъ испуга.

— Извините великодушно, — забасилъ маленькій человѣкъ — вы господинъ Слободкинъ?

— Я...

— Побезпокойте васъ, что дѣлать? наша обязанность такъ Агентъ исполнительной власти зубами развязалъ узелъ пестрой носового платка, въ которомъ завернута была толстая книга — «дѣла къ исполненію», и долго въ ней рылся.

Алексѣй поблѣднѣлъ и въ другой комнатѣ проворно передалъ Алёнушкѣ завѣтную тетрадь, прошепталъ: «отнеси на кухню».

— Что же вамъ угодно? — тономъ жорорной невинности возразилъ Петръ Ивановичъ.

— А вотъ сейчасъ-съ, — мучительно медлилъ квартальный. — васъ имѣется вѣрнопостной человѣкъ, проживающійся Яковъ Филипповичъ?

— Да, это мой мальчишка.

— Будьте великодушны, позвольте мнѣ его видѣть.

— Сдѣлайте одолженіе.

Явился Личарда совсѣмъ посинѣлый. Маленькій квартальный смѣрнулъ его взглядомъ, будто завидуя его славному росту и сѣвображая, на что такой ростъ можетъ быть пригоденъ.

— Это ты — Яковъ Филипповичъ?

— Я.

— А у тебя кромѣ этого скуртука, есть еще что-нибудь?

— Чево это? — грубо отозвался Яковъ.

— Ээй ты, братецъ, непонятный! — Ну, есть шуба, какинъ-нибудь вещь?

— Извѣстно, тулупъ есть.

— Надо все осмотрѣть... Тмечку разъ прошу прощенья! — робко шаркнулъ квартальный и пошелъ на кухню.

Алёнушка прибѣжала оттуда, прижавъ ручонками къ груди тетрадку, которую, казалось, отдала бы только съ жизнью. Братъ ее успокоилъ.

— Ну-съ, намъ придется его взять, — сказалъ квартальный, учинивъ тщательный обыскъ на кухнѣ. — Собирайся, любезный! захвати лишнюю рубаху, верхнее платье и прочее. Можетъ, и не скоро придется домой-то вернуться.

— Трубку и кисеть можно?

— Можно; бери все, а тамъ ужъ разберутъ, что можно и чего нельзя. — Извините, милостивый государь, законъ! — Онъ опять шаркнулъ и поднялъ плечи выше головы.

Яковъ пошелъ собираться. Петръ Ивановичъ пригласилъ квартального сѣсть и робко, партикулярно спросилъ о причинѣ ареста.

— Это секретъ-съ... разумѣется, между благородными людьми, могу такъ, частнымъ образомъ... Только ради Бога, между нами!.. потому что секретно...

Какъ же это такъ?—подумаешь Алексѣй. Берутъ, выжмутъ, арестуютъ человѣка и не хотятъ сказать за что! Зачѣмъ этотъ секретъ?—Но чинамъ полиціи была внушена одна молчаливость и больше ничего.

— Онъ замѣшанъ-съ въ дѣло о кражѣ вещей у сапожнаго мастера Бассета... проворковалъ квартальный, укротивъ насколько можно свой бась.—Это удивительное дѣло-съ! Всѣ мошенники васъ въ рукахъ, а вещей нѣтъ, точно въ землю ушли. Теперь вы поминаемъ вашего, авось отъ него добьемся чего-нибудь. Еще разъ прошу извиненія! Если я васъ тѣмъ-нибудь обеспокоилъ, то—увѣ!—мы невиноваты!

И повелъ бѣднаго Личарду на веревочѣ въ Нарвскую часть.

— Эхъ, пропалъ парень!—всею грудью вдохнулъ Алексѣй, въ некоторомъ данномъ проникая въ самый темный лабиринтъ внутренней жизни Якова...

Вся семья была въ слезахъ.

IX.

Петръ Ивановичъ нигуда не выходилъ, расхворался; затаенный, внутренний недугъ исподоволь, но упорно подтачивалъ его силы. Въ это былъ не тотъ молодежавый совѣтникъ, съ отгнѣвомъ зажиточнаго барства, который весело подтрунивалъ надъ палатникомъ старьемъ и не прочь былъ забѣжать въ Кривой переулокъ; аже это былъ не тотъ глупый провинціалъ, который глазѣлъ на чужьски и заходилъ къ Палкину;—теперь онъ опустился, сгорбился, что пожелтѣло, осунулось, въ волосахъ пробивался пепельный тѣнокъ, глаза блестѣли тѣмъ пугливымъ синимъ огонькомъ, который жалобно мечется по уголькамъ догорающей печки. Ужь и въ департаментъ не навѣдывался, даже въ контору Лури то не тянуло. Онъ былъ боленъ, тяжело боленъ, нужно бы почитать, но можно ли дозволить себѣ такую роскошь, пригласить доктора, когда въ шкатулкѣ всего пятьдесятъ рублей ассигнации, а впереди цѣлая вѣчность мучительныхъ ожиданій? Зосимовъ изъ Италіи проѣхалъ въ Одессу и когда водворится въ банномъ бель-этажѣ у Гагаринской пристани—неизвѣстно. По бѣдливой просьбѣ больного отца, Алексѣй заходилъ туда ча-

стенку, провѣдать когда ждуть. Съ невыразимымъ волненіемъ выроставшимъ до ненависти, смотрѣлъ юноша на рядъ пусты богато убранныхъ комнатъ, гдѣ скоро будетъ утопать въ роско маленькое, смугленькое, дьявольски-красивое существо, которое когда-то властно сжималъ въ своихъ мускулистыхъ рукахъ съ которымъ теперь у него ничего нѣтъ общаго... Это, конечно былъ юношескій бредъ, но въ немъ было столько же дѣйствительной, реальной боли, сколько можетъ испытать человѣкъ, торому вырѣзываютъ гангрену...

— Вѣдь вотъ погибъ же Личарда, подавившись... нѣтъ! зашнуръ Алексѣй, — мы еще не знаемъ, отъ чего онъ погибъ Боже мой, скоро ли его выпустятъ! Мнѣ онъ все скажетъ, къ товарищу-брату...

Онъ узналъ дорогу, и въ Нарвскую часть. Дѣло подвигалось убіиственно-медленно. Воры на лицо, все халатники-мастерами между которыми, впрочемъ, Яковъ игралъ не послѣднюю роль уликъ множество, а сознанія нѣтъ—и похищенное въ воду и нуло. Частный приставъ общалъ Алексѣю ускорить дѣло и, в конецъ, далъ благой совѣтъ, чтобы Петръ Ивановичъ лично представлялся оберъ-полицеймейстеру съ просьбою наказать крѣпкого человека келейно при полиціи и отдать ему, какъ его и сподину, на поруки. Совѣтъ этотъ хотя былъ практиченъ и представлялся приставу самымъ благополучнѣйшимъ исходомъ, Алексѣй посмотрѣлъ на него, какъ на совѣтъ немедленно и дернуть коренной зубъ, который только занылъ и можетъ пр служить очень долго. Однако дѣлать было нечего, Петръ Ивановичъ надѣлъ вицмундиръ, сидѣвшій теперь на немъ, какъ широкій чехоль, и отправился торчать въ приемную оберъ-полицеймейстера. Онъ горькимъ опытомъ позналъ, что съ разу ничто на свѣтѣ не дѣлается, а надо походить да постоять въ приемной, да надоѣсть тому, кого просишь, а пожалуй, кстати и самому себѣ опротивѣть въ плачевной роли просителя такихъ милостей, которыя, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказываются такими же милостями, какъ, на примѣръ, позволеніе дышать воздухомъ, или черпать изъ Невы воду.

Не будемъ рассказывать подробностей освобожденія Личарда изъ частнаго дома, потому что вѣдь сущность-то дѣла совсѣмъ не въ томъ, какъ кого били, а что именно выбили изъ субъекта, подвергнутаго операциі, нисколько неудивительной, признанной тогда всѣми за спасительную панацею...

Воротаясь домой, Яковъ старался сразу войти въ волю своихъ лакейскихъ обязанностей, какъ-будто ничего не случилось и

шь его въ домѣ не прерывалась. Онъ усердно чистилъ сапоги, въ посуду и прибиралъ въ комнатахъ; говорилъ только о дѣлѣ молчалъ; невозможно было вызвать его на обычное праздничное дворовыхъ людей, сыто похлебавшихъ. На Алексѣя онъ могъ взглянуть прямо и избѣгалъ остаться съ нимъ глазъ-на-глазъ. Все господское семейство будто сговорилось не поднимать словомъ, ни намекомъ воспоминаній о печальномъ эпизодѣ.

была какая-то совѣсть естественная, не преднамѣренная пятность, которая извѣстна только истинно хорошимъ людямъ. то не помышлялъ объ исправленіи Личарды, никто не спрашивалъ о томъ, раскаявается онъ, или нѣтъ, — какъ-будто все ижевать предоставлено было времени и свободному теченію ни. Личарда — чего никогда въ немъ не замѣчалось — сталъ ма сочувственно и серьезно относиться къ стѣсненному положенію своихъ господъ: онъ, кажется, жалѣлъ каждую сухую ку, которую грызъ, заботился, чтобы лишній вершокъ свѣчи спорѣлъ, отказался отъ чая и тономъ суроваго наставника оваривалъ маленькимъ дѣтямъ: «а вы, Николинъка, опять талоны разорвали; гдѣ папенька возьметъ денегъ-то, коли вы все рвать будете?» — «Не давайте, барышня, хлѣба чужимъ камамъ; ихъ много бѣгаетъ, всѣхъ не накормите, а каждый въ полбулки зря пропадаетъ, — вѣдь оно счетъ составить».

— Что, папенькѣ скоро мѣсто выйдеть? — спросилъ онъ Александрѣшительно и уставивъ глаза въ полъ.

— Э, не спрашивай лучше! — Ничего и распознать нельзя, впереди будетъ... Мнѣ все дѣдушкина изба снится, — пѣшкъ бы туда ушелъ!

— Д-да. Кто бы насъ загналъ сюды, кабы не планида такая была? — Человѣкъ думаетъ одно, а нѣтъ, врешь! — положено въ таѣ, значитъ ужъ какъ ты ни кочевряжься, а по твоему выйдеть...

Алексѣй уже не разъ говорилъ съ матерью, чтобы написать дѣдушкѣ; отецъ, какъ подслушалъ эти разговоры, ворчалъ эту недѣлю, что онъ этого не позволитъ, что мы совѣмъ не такой крайности, что навонецъ вотъ скоро... онъ не досказалъ, скоро тиражъ польской лотереи: ему было неловко, даже смѣло сказать это вслухъ, а между тѣмъ мысль, привыкшая ботать въ одномъ изломанномъ направленіи, подсказывала свое, и онъ выговаривала обольстительную сказку о сотняхъ тысячъ, падающихъ такъ, здорово-живешь. Отвергая намѣреніе Алексѣя обратиться къ дѣдушкѣ, Петръ Иванычъ, однакожъ, самъ тайкомъ писалъ письмецо къ сестрѣ своей Ермолиной, просилъ выру-

чить изъ близкой бѣды. Значить, онъ не отвергалъ просьбы помощи въ принципѣ, а только хотѣлъ обойтись безъ помодѣдушки-мушкетера... За то и былъ же онъ наказанъ отвѣтомъ майора, пересыпаннымъ барабанною дробью нравоучительными сентенціями о самонадѣянности, о пренебреженіи въ маленькихъ людяхъ (подразумѣвались департаментскіе кантонисты), о собственной ничтожности передъ вельможами (понимай — передъ барономъ и княземъ Хвальницовымъ); въ заключеніе, рекомендовалась паче всего бережливость. «А что касается наличности, въ сей моментъ оной не имѣю, ибо издержался на остроу флигера, каковой совместно съ домою предназначается вашему же сыну Николашу, когда помянутый сынъ, а мой племянникъ произойдя съ отличіемъ вадетскій корпусъ, достигнетъ лести званія офицерскихъ чиновъ и неувлонно будетъ слѣдовать мои наставленіямъ, чрезъ сорокалѣтнюю безпорочную службу прирѣтеннымъ».

Это письмо доконало Петра Ивановича; — онъ вдругъ утратилъ способность что-нибудь совѣтовать и предпринимать, даже и бену затруднялся отвѣтить на самый простой вопросъ — могли побѣгать по двору?

— Не знаю, дружочекъ, какъ хочешь; хочешь иди, хочешь останься, — я не знаю... Да, да, батюшка мой, я ничего не знаю твердилъ онъ уже самъ съ собою. — Стала замѣчать Анна Дмитриевна, что и водочка, употребляемая какъ лекарство, что очень быстро начала исчезать, словно усыхаетъ, особенно вечеромъ, на сонъ грядущій... Не сказавъ никому ни слова, она стала запираеть графинчикъ въ шкафъ. — И это лишеніе не имѣло никакого протеста со стороны Петра Ивановича, купившаго секретно, даже не огорчило его. — «Что-жъ, видно тамъ нужно; я вѣдь самъ ничего не знаю; да, батюшка мой, — я и все соглашаюсь. Пусть и такъ будетъ, мнѣ все равно!»

Въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ опять случилось въ семьѣ безпокойство: Яковъ ушелъ со двора и четвертый день домой не возвращается. Составлялось множество различныхъ предположеній; Петръ Ивановичъ съ дѣтскою улыбкою утверждалъ что «нашъ Личарда убѣжалъ... и прекрасно сбѣгалъ! — даже на лиціи не нужно давать знать, не нужно! — А то еще поймать... Зачѣмъ это? — Пусть себѣ на здоровье по волѣ гуляетъ...» — Алексѣй, сообразивъ, какъ въ послѣднее время былъ задумчивъ и сосредоточенъ Личарда, задался самыми мрачными предположеніями: Нева глубока, ночи темныя, долго ли бутылкуютъ съ

всю въ воду, нитки и не замѣтитъ. Быстриной отнесетъ тѣло куда-нибудь на Голодай — и слѣдъ пропасть!..

На четвертый день отыскался Яковъ; пришелъ съ двумя каменными мужиками, пьянъ онъ не былъ, хотя отъ него и несло пивомъ.

Оставивъ спутниковъ на кухне, онъ вошелъ въ комнату и всталъ въ ноги передъ господами.

— Батюшка, Петръ Ивановичъ! — Матушка, Анна Дмитриевна! — взявъ ихъ руки, онъ цѣловалъ съ глубочайшимъ волненіемъ и не успѣвъ долго выговорить ни слова. На эту сцену вошелъ Алексѣй.

— Братъ ты мой родной, Алексѣй Петровичъ! — и обнявъ его.

— Ну, благослови Господи! — Яковъ перекрестился. — Вотъ я вамъ теперича скажу, родные вы мои! — вы меня выгнали, выростили, кромѣ ласки отъ васъ я ничего не видѣлъ...

... когда я погрѣшилъ, такъ никто въ этомъ не причиненъ... не нашего ума дѣло! — Теперь, какъ я себя понимаю и вашу же тѣсноту горькую видючи, желаю одного — служить вѣрой-правдой Богу и государю... вотъ мое желаніе, ужъ не препятствуйте, родимые, — дайте мнѣ это дѣло сдѣлать, — душа его проситъ...

Всѣ глядѣли на него съ тоскливымъ недоумѣніемъ.

— Вотъ эти мужички, что со мной пришли, нанимаютъ нелѣпую. Я съ ними ужъ совсѣмъ поладилъ за три сотни, съ тѣмъ, чтобы, что эти деньги я предоставляю вамъ. Весь я былъ вакалъ, а вы и эти деньги ваши. А мнѣ особо пятьдесятъ рублей на гуляки дадутъ и прибавятъ! — Я очень доволенъ и буду вѣкъ молить за васъ Бога... Ужъ не перечьте вы моему дѣлу душевному...

— Что ты, Яша, Господь съ тобой! — Зачѣмъ это? — Кто тебѣ это внушилъ? — Одумайся! — первая заговорила Анна Дмитриевна.

— Нѣтъ, барыня, ужъ это такъ. Могаешь, я не одну ночь, не одинъ день думалъ... Другого мнѣ конца нѣту... Не погубите меня, покажите! — Коли не это, такъ я и не знаю, что надъ собой сдѣлаю...

— Какъ это можно, Яша? — Да вѣдь, понимаешь ли ты, что значатъ эти деньги? — Вѣдь это значить — продать человѣка, тебя продать въ кабалу для того, чтобы намъ прокормиться два-три мѣсяца...

— Не то это значить, Алексѣй Петровичъ, — не то, братъ ты мой навзванный! — Это значить, что я человѣкомъ хочу быть, не хуже прочихъ. У васъ, при вашей ласкѣ не умѣлъ бытъ человѣкомъ, — ну, тамъ буду имъ, гдѣ нашего брата па-

лечемъ балуютъ.— Это мой самый настоящій ходъ.— А девять плевое дѣло! По всемъ правиламъ, онѣ ваши; объ нихъ и разводить не стоить. Дозвольте, отцы мои, — за это вамъ и за этимъ и на томъ свѣтѣ Господь воздастъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, — объ этомъ надо много подумать, — заговорилъ и Петръ Иванычъ.— Такъ нельзя! — И первое, тебѣ деньги не нужны, совсемъ не нужны... мы скоро, можетъ быть, будемъ и сами того... А это больше ничего, какъ обмануть тебя какіе-нибудь испуганные люди, вотъ ты и лѣзешь въ петлю.

— Баринъ! — въ петлю я точно полѣзу, коли вы меня держите... Это вотъ вамъ крестъ, передъ Богомъ! — Не губите, сдѣлайте божескую милость... Яковъ залился слезами.

— Дай же намъ разсудить, вѣдь это такое дѣло... не съ минуты же минути!

— Я еще съ тобою поговорю, Яковъ. Ты скажи мужикамъ, чтобы приходили дня черезъ три, а мы тутъ вмѣстѣ потолкуемъ, подумаемъ, — твердо рѣшилъ Алексѣй.

— Да ужъ оно все равно, хучь три дня, али больше, а хучь и одинъ. Вы какъ хотите думайте, а я съ ними порѣшилъ, при свидѣтеляхъ задатокъ взялъ и могорычи запили, ужъ на пятый нельзя!

Петръ Иванычъ невольно проговорилъ:

— Эка упрямая башка! — Точь-въ-точь отецъ; какъ тебѣ гляжу на него, — заладилъ свое, хоть ты кожь ему на голову теши!..

Ложась спать, Алексѣй пригласилъ Личарду расположиться съ нимъ въ одной комнатѣ и проговорили они до свѣта.

Въ этой бесѣдѣ прошла передъ ними вся минувшая жизнь, ожили всѣ впечатлѣнія дѣтства, воспоминанія облеклись въ живыя краски дѣйствительности, болѣе яркія чѣмъ сама дѣйствительность, потому что изъ повседнежнаго хлама выдѣлялись только крупныя явленія, рѣзкія черты, преобладающіе тоны.

Яковъ съ мѣткимъ юморомъ русскаго человѣка отмѣчалъ каждое воспоминаніе, и чѣмъ оно было значительнѣе, чѣмъ тяжелѣе и горестнѣе была пережитая минута, тѣмъ размычнѣе становилась его веселость, тѣмъ хлестче вырывались выраженія. Особенность русскаго юмора, кажется, въ томъ и заключается, что онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, не любитъ стѣсняться никакими ретроспективными соображеніями, — позади его нѣтъ никакихъ дѣлъ, обуздывающихъ накипѣвшее на сердцѣ слово; отваженъ этотъ юморъ, сложившійся изъ тысячи непечальныхъ присловіи и безпощадно осмысливающей не только парадную ва-

нищенность, минуру и лицемерное мироѣдство, но и безъисходное голодное горе, и глупую, кругомъ обиженную темноту, которую со всѣхъ сторонъ бьютъ и плавать не ведаютъ...

— А помнишь Милонова-помѣщика, — какъ ловко мы ему раснаго ивѣтуха пустили? — Кабы городничій тогда зналъ, по дорожку бы намъ далъ, а ижицу все-таки списалъ бы, для помина; потому она это любитъ, — на ней вѣдь не рѣпу сѣять! — Действовалъ Личарда. — А какъ чепуху хоронили, погѣ все выдалъ; читаетъ — читаетъ, да вдругъ «икъ». — Стоитъ тутъ на посту самъ начальникъ, кавалерію развѣсилъ, и знать этимъ обидѣлся: что тотъ ивѣтетъ, а этотъ таково строго на него посмотрѣть... Опять какъ же и тому быть, когда изъ души претъ? — Переглядываются они такимъ манеромъ, а причетниковъ смѣхъ изобрѣсть, ажно за носы хватаются... Потѣха!

И милы были Явову всѣ эти глупыя подробности невозвратно-пущаго, которому онъ читалъ теперь послѣднее, надгробное слово. Ужъ не съ кѣмъ будетъ ему поговорить о такихъ вещахъ, которыми чужой, посторонній человѣкъ «и въ жизнь не пойметъ»...

Слушая полувнимательно рассказы Личарды, Алексѣй сурово поминичалъ, какъ они, дружно воровавшіе яблоки въ саду Милонова, потомъ, чѣмъ дальше шли, тѣмъ больше расходились, и упались между ними огромная провалина, черезъ которую невозможно и мостика перекинуть...

— Ну, а скажи пожалуйста, какъ ты съ Анхенъ? — неожиданно спросилъ Алексѣй, и радъ былъ, что ночная темнота скрывала его вскинувшее лицо.

— Богъ съ ней! — вздохнулъ Явовъ. — Ты, я вижу, лучше всего все понимаешь, Алѣша... Вотъ какъ скажу: потерпѣлъ я, но Богъ меня просвѣтилъ; теперича я ужъ не пропаду... А она своего положенія дожидется, это вѣрно! — Ей не миновать... Ты напрасно ее такъ мудро понимаешь... Опять, конечно, все это могло бы по другому быть. Значить, линия не вышла... Эхъ! — Что я? — Крѣпостной мужланъ, неучъ... Алѣша, зачѣмъ ты меня грамотѣ не выучилъ?

Алексѣя срѣзалъ этотъ вопросъ. Онъ молчалъ, какъ убитый.

— Были мы съ тобой, какъ братья родные, помнишь? — И все промежъ насъ было согласно. Теперь вотъ — какой ты сталъ и какой я?.. Пущай ты разумомъ противъ меня выступишь, а все же отыми отъ тебя грамоту — и не тотъ ты человѣкъ. Мало ли ты кѣе нее начиталъ? — Помнишь, что Сионскій сказывалъ? — Я помню... Будь я грамотный, можетъ и изъ меня вышло бы что путное... Тогда бы нипочемъ, что и крѣпостной! — Вы люди

добрее и я бы вамъ вотъ эти самыя триста рублейъ дружи манеромъ представилъ. А теперь что? — Обозвали меня воровскою сѣзимальства, а что я понималъ? — Дѣлать ничего не умѣлъ бы въ мастерство, только это самая подлая жизнь, — солдаты лучше! — Ну вотъ, хучь бы и въ солдаты теперь идти, а умѣй читать-писать, мнѣ и тутъ бы совсѣмъ другой ходъ былъ. Что-жъ дѣлать, — не догадались мы съ тобой, Алѣша! — Ты тому и бытъ!..

Слова Личарды, звучавшія не столько упрекомъ, сколько жалобнымъ и покорностью, пробили въ головѣ Алексѣя брань въ которую толпой хлынули новыя мысли, какъ отчаянные ослѣпы, которые кидаются въ проломъ крѣпости, давя другъ друга въ общей свалкѣ, не разбирая своихъ и чужихъ, — искалѣченны въ крови и копоти, лишь бы вскочить въ цитадель и прокричать «уру» осипшимъ, нечеловѣческимъ голосомъ...

— Я не догадался... я грѣшенъ передъ тобой, братъ Яковъ шепталъ Алексѣй и въ то же время думалъ: а отчего-жъ я не догадался? — Отчего *ось* не догадался? — Ужели не бѣзумныхъ людей?.. И онъ ломалъ голову, припоминая все чуждое, все слышанное, — но жгучій вопросъ его застывалъ въ бездѣлной, мертвой, молчаливой пустынѣ... Кто-жъ виноватъ, когда я самъ началъ отвращеніемъ къ наукѣ, когда я самъ считалъ ее дворянскимъ дѣломъ, а вотъ, крѣпостной, окалѣченный чуждымъ вѣкъ говорить мнѣ, что это дѣло не дворянское только, а общечеловѣческое... Спасибо ему! Онъ мнѣ далъ слышномъ много, а я не умѣлъ дать ему ничего... Я у него въ неоплатномъ долгу.

— И что за судьба моя странная! — съ ироніей припокинулъ Алексѣй. — Опять она — опять воровская дорога!.. Почему только она приводитъ меня въ тому, что нужно знать человѣку? — Видно до сихъ поръ все самое важное я получалъ оттуда, слышу. Странная, странная судьба наша!..

Послѣ этой безсонной ночи Алексѣю стало ясно, что Личарды другого хода нѣтъ, и удерживать его глупо. — Я бы самъ такъ поступилъ. Только вотъ зачѣмъ тутъ деньги? Какой-то воровскій торгъ... цѣна крови! — Зачѣмъ эти проклятыя деньги? — возмущался размышляющей гуманность.

— Ничего тутъ постыднаго нѣтъ. Вѣдь служилъ же вамъ я и мои родители служили, и весь родъ нашъ служить, а за нашу послугу денегъ намъ вы не платите, — выходитъ, мы какъ собаки всѣ ваши, и деньги эти ваши правильно. Опять же онѣ вамъ теперь до крайности нужны, ну, и возьмите ихъ на здоровье —

и небагать объ этомъ!—отвѣчать безознательный реалистъ вѣ-
 стнаго сословія.

Прошли условленные три дня, а Слободины ничѣмъ не рѣшили
 своего раздумья о судьбѣ Якова. Мужики навѣдывались съ боль-
 нымъ безпокойствомъ: они ставили Якова за мѣсто своего мень-
 шого брата, который только-что въ этомъ году женился, и для
 втораго идти на 25-ть лѣтъ въ солдаты равнолюсь смерти за-
 живо. Ужъ какъ они ублажали Якова — «да ты не раздумай,
 паренѣтъ, потому что это намъ обѣда!»—а мы готовы всякое удо-
 вольствіе тебѣ предоставить. Коли ты что недоброе въ шкельтъ
 держишь, скажи лучше загода, по чести; а то мы время упу-
 стимъ, опосля гдѣ его возьмешь вдругъ, охотничья-то! Ты, ро-
 димый, не сумлѣвайся въ насъ; намъ бы поскорѣй сбить тебя,
 да и по дворамъ, потому у всякаго тоже свое дѣло ждеть.

— Я слова не мѣняю, а хотите сворѣй, идите къ господамъ.

Пошли всѣ къ господамъ. — Такъ и такъ, развяжите насъ,
 кормильцы. Но ни у кого изъ господъ не хватило духа сказать
 рѣшительное слово; на Алексѣя обратились вопрошающіе взгляды
 отца и матери. Онъ схватилъ-было фуражку, чтобы убѣжать изъ
 дома, но спохватился, что вѣдь это дрянное малодушіе... и по-
 дойдя къ мужикамъ, сталъ имъ толковать.

— Вамъ, ребята, Яковъ далъ слово, онъ значить и хозяйинъ
 своего слова. Притомъ это евоимъ не наше дѣло: онъ человѣкъ
 взрослый; — ни уговаривать, ни принуждать его никто не дол-
 женъ:—всякій самъ себѣ голова.

— Это батюшка точно, съ нимъ у насъ слажено; только
 допрежь всего ваша власть господская; а у насъ ладн были,
 точно.

— Ну, а коли слажено, и вонецъ. Формальности, какія
 нужно, отецъ мой исполнить. Ступайте.

Петръ Иванычъ вздохнулъ легче и съ благодарностью взгля-
 нулъ на сына: де-сказать, ты снялъ съ меня тяжелое бремя, вѣдь
 я этого никогда бы не развязалъ такъ рѣшительно. Анна Дмит-
 риевна горько заплакала.

Начались мелкія, скучныя хлопоты, какъ бы поскорѣе окон-
 чить печальное дѣло. Петръ Иванычъ ходилъ въ рекрутское при-
 сутствіе; Анна Дмитриевна принялась справлять все для Яни,
 точно сына родного въ рекрутчину снаряжала. Кунила ему обра-
 зокъ, сходила въ церковь, молебень отслужила — и какъ будто
 ей легче стало; потомъ уже съ спокойнымъ сердцемъ принялась
 готовить для него всякую мелочь, которая можетъ понадобитсяъ
 въ походѣ на чужедальной сторонущѣ. Маленькія дѣти и тѣ

стали печальны; не знали какъ и чѣмъ угодить своему Личардѣ; и на всю семью Слободинныхъ точно тяжелое облаво налегло.

Сидитъ Анна Дмитриевна за работой, иглолка не мелькаетъ такъ быстро, какъ бывало прежде. Подходить Алёнушка.

— Мама, Личарда по своей волѣ въ солдаты идетъ?

— Конечно, по своей.

— А зачѣмъ ты плачешь? и Алёна тоже сердитый ходитъ?

— Затѣмъ, что жалко.

— Да, жалко... а вѣдь онъ добрый: мужики ему принесли много-много денегъ, а онъ ихъ всё папѣ отдалъ, вотъ какой добрый! — Его къ намъ ужь не отпустить?

— Нѣтъ, угонять далеко отъ насъ.

— Ахъ, жалко-жалко!

— Когда меня произведутъ въ офицеры, я непременно въ свой полкъ его возьму, — съ важностью начальника рассудитъ Коля.

Когда Петръ Ивановичъ получилъ деньги, принесенныя мужиками, то долго разсѣянно ходилъ съ ними по комнатамъ, будто не зная, куда ихъ положить и совершенно забывъ, на какое употребленіе нужны человѣку деньги. Онъ вспомнилъ объ этомъ на другой день, когда надобно было платить за квартиру и купить сажень дровъ.

Алексѣй былъ правъ, проклиная деньги, замѣшавшіяся въ такое важное дѣло; внутренняя борьба, приведшая Якова къ роковому рѣшенію, никому кромѣ его не была извѣстна и понятна, а затѣмъ оставался голый фактъ: продалъ человѣкъ свою буйную головушку, чтобы спасти господъ отъ голодной смерти... И въ этомъ фактѣ было много горькой правды, отъ которой уйти невозможно...

Не столько по собственному желанію, сколько по общепринятому въ подобныхъ случаяхъ обычаю, Яковъ всякій день гулялъ вмѣстѣ съ своими нанимателями; сидѣлъ въ трактирѣ, заставляя играть шарманку, безъ надобности ѣздилъ на ликачахъ извозчикахъ, все это въ полъязына, размахивая пестрымъ платкомъ, запѣвая хриплую нелѣпую пѣсню. Северное это веселье пѣть человѣкъ какъ-то нехота, словно въ душѣ жару подбавляетъ, хохочетъ, пѣсни поетъ, да вдругъ какъ хватитъ по столу и равкнетъ такое слово, что бѣдные наниматели даже поблѣнѣютъ, какъ бы то-есть онъ не сдѣлалъ чего надъ собой, вѣдь неровенъ часъ!...

Наконецъ, слава Богу, сдали молодца; всѣмъ вышелъ — и ростошъ и дородствомъ. Военный приѣмщикъ даже съ чувствомъ

вздвигая его по плечу, промолвилъ: вотъ какъхъ давайте намъ побольше — гренадеръ!

Въ послѣдній разъ пришелъ къ Слободинимъ уже не ихъ вѣрный Личарда, а Яковъ Финогеновъ, въ сѣрой шинели, — все на немъ уродливо, мѣшкомъ; снялъ фуражку, а лобъ-то забрить... Этотъ бритый, свинцовый лобъ ужасно тяжело подѣйствовалъ на всѣхъ, и самому Якову казался позорнымъ, тягчайшимъ испытаніемъ. Съ нимъ пришли два старыхъ солдатака, — одного отпустить нельзя.

— Ахъ, Яша, Яковъ, Личарда, Яшеника! — раздалось со всѣхъ сторонъ, когда онъ вошелъ въ комнату такой серьезный и хмурый ужъ ни въ одномъ глазѣ.

— Здравія желаю! — отчеканилъ онъ, будто подсмѣиваясь надъ самимъ собою.

— Ну что, братъ, какъ ты? Гдѣ ты теперь?

— Далекое: на Рожкѣ въ Аракчеевскихъ казармахъ стоимъ повуда; послѣ-завтра въ походъ нашу партію погонять.

— Какъ же тебѣ тамъ, ничего? — не обижаютъ?

— Ничего-съ, — вздохнулъ рекрутъ.

— Вотъ только чуба-то жаль... вишь какъ оголили!

— Да, оно конфузю... впрочемъ, скоро заростетъ.

Предлагали ему и поѣсть, и чайку выпить, отъ всего отказался. Все съ дѣтми, а больше всѣхъ съ Алѣшей разговаривалъ. Солдаты, сопровождавшіе Якова, ни отъ чего не отказались, всего пожевали и попили; и старались успокоить всѣхъ на счетъ трудностей военной муштровки. — «Это, ваше благородіе, ничего, вы будьте безъ сумлѣнія, потому намъ не въ первой, мы ужъ привыкли и на ихъ, какъ на малыхъ ребятъ, смотримъ. Мы тоже чувствуемъ, и сохрани Богъ неерута обидѣть. Не безъ того, чтобы и между нашими братьями не попался какой изверекъ, только мы не такіе... Съ нами, братъ, Финогеновъ, молись Богу — ложись спать!

Анна Дмитриевна благословила его какъ мать, и соблюла эту церемонію съ подобающею строгостью. Веѣ помолились, потомъ Яковъ сталъ на колѣни; она троекратно перекрестила его образомъ, къ которому онъ приложился; поцѣловала у ней руку и приняла образокъ и иерсфору.

Алексѣй далъ ему записку съ своимъ адресомъ, обещавъ клятвою прислать извѣстіе изъ полка, въ который онъ окончательно попадетъ, и подарилъ ему на память хорошенькую пѣнковую трубочку. Долго бы оставался Яковъ въ этой родной, теплой семьѣ, онъ совсѣмъ забылъ про Аракчеевскія казармы, да ужъ дядька ему подмигнулъ: «пора, не опоздать бы къ перекличкѣ».

Свободныи сидѣли по угламъ, жолча, съ врасныи, опухшими отъ слезъ глазами; даже Петръ Ивановичъ пролезлся и дѣтски-жалобныи голосомъ ронялъ свое обычное: «да, батюшка мой, да, да, такъ!...»

Алексѣй вышелъ за ворота и долго смотрѣлъ вслѣдъ пропадающему навсегда Личардѣ...

X.

Свободныи еще не видали въ лицо настоящей петербургской бѣдности, они еще не попали въ ея цѣпкіе ногти; только призракъ ея стучался къ нимъ въ дверь, угрожая какинъ-то страшнымъ завтра. Но не все же горе и уныніе—явились и свѣтлые дни. Первый большой и свѣтлый праздникъ былъ для нихъ, когда Алексѣй пришелъ домой съ гимназическимъ аттестатомъ и серебряной медалью.

— Ну, папенька, теперь въ хомутъ меня, да и за работу въ какую-нибудь управу благочинія, неправда ли? — Ходи сыночекъ, таскай денежки въ домъ, а не въ доша, — подсмѣивался сынъ.

— Нѣтъ, братъ, этимъ не шути. Не дай Богъ, чтобы мы тебѣ загородили своей нуждой дорогу! — Ступай въ университетъ, тамъ свѣтъ. Будешь настоящимъ человекомъ, тогда все само собой придетъ. Мы уже какъ-нибудь переберемся; вотъ скоро Кирилл Егоричъ придетъ, получу мѣсто и все пойдетъ какъ по маслу. — Вѣдъ ты можешь-быть свѣтлымъ науки будешь!... Воишь оно что!

— Ого, куда вы метнули! Просто буду свероннымъ учителемъ, — я по филологическому.

— Дѣльно, братъ, дѣльно! Учитель — это самое благороднѣйшее званіе. Это не чиновникъ, нѣ-тъ! Я никогда себѣ не прощу... Эхъ, что и вспоминать! Учитель, — капиталъ въ головѣ, а добра-то сколько всякій день посябаешь!...

— Да я уже и теперь все-что посылалъ, не знаю, что выростеть, можетъ, волчцы, ха-ха! — Двухъ моихъ учениковъ въ гимназію приняли.

— Да, Петръ Ивановичъ, уже онъ давно мнѣ заработанныи денежки носить.

— Вотъ какъ! — и выслушавъ отчетъ о педагогическихъ трудахъ и заработкахъ Алексѣя, расстроганный отецъ обнялъ сына какъ-то бережно, осторожно, точно драгоценную и крупную вещь, съ которою надо обходиться какъ можно деликатнѣе, чтобы не помять ее, какъ-нибудь не испортить.

А сынъ подумалъ,—это грошовая радость, вотъ еслибъ Лидарда поблагодарить меня...

— Ты, голубчикъ, пожалуйста не жалѣй денегъ, эмпируй себя прилично, чтобъ не хуже другихъ быть. Не знаю, не написать ли въ дядѣ объ нашей радости?

— Ха, кто ему такая же радость, какъ иѣтуху алмазъ. Нѣтъ, ужъ пощадите гривенничекъ-то, онъ пригодится на другое письмо, вотъ на-дняхъ Колю въ корпусъ потребуютъ, это будетъ настоящая майорская радость. О себѣ я лучше въ дѣдушкѣ напишу, деревенскій понъ прочтеть ему мое посланіе и растолкуетъ все по пальцамъ, тамъ точно будетъ радость. Ведро вина поставить, браги наварить—нейте православные, наши въ конѣ пошли. — Такъ ли маменька?

Анна Дмитриевна вся насмехозъ сіяла, и, глядя въ лицо сыну, смѣялась, и плакала, и цѣловала его сѣрые глаза, не находя ни одного сколько-нибудь подходящаго слова.

Скоро и Колю потребовали въ корпусъ. Эта вторая радость была сопряжена съ заботами и уже знакомымъ Петру Иванычу турчаньемъ въ равныхъ пріемныхъ, — не такъ какъ первая, которая пришла сама собою, простая и ясная... Не разъ пришлось дѣлать Петру Иванычу солидные походы изъ Исмайлоскаго полка на Петербургскую сторону, гдѣ среди лачужекъ и огородовъ возвышалось громадное зданіе вадетскаго корпуса. Навонецъ-то мальчикъ сданъ на руки военного начальства, переодѣтъ въ казенную куртку, въ домѣ стало тише, просторнѣе, однимъ бесполезнымъ громъ меньше. Коля былъ неглушій мальчикъ, но надѣдалъ всѣмъ неутомною шумливостью, деспотизмомъ и совершеннымъ безучастіемъ въ семейному горю. Эта послѣдняя черта бросалась въ глаза особенно Алексѣю; нѣсколько разъ принимался онъ толковать братникѣ, что положеніе ихъ виситъ на волоскѣ: не дадутъ отцу должности, послѣдняя копейка уйдетъ на послѣдній фунтъ хлѣба — и что тогда? — По міру идти... Но Коля все это мимо ушей пропускалъ; побѣжитъ въ приспичку, разорветъ себѣ локоть, разобьетъ стаканъ, тарелку, совершенно не думая, что это онъ бьетъ по тощему кощельку отца. Иногда онъ даже проговаривался о своихъ блестящихъ надеждахъ, когда будетъ офицеромъ и наследникомъ всего дядинаго богатства,—де-сказать, за себя я повоюю, а вы пропадете, или нѣтъ, какое мнѣ дѣло!— Алёнушка меньше его, а какая стала внимательная и смысленная дѣвочка: ужъ знаетъ почему что продается на рынкѣ и все тинется, чтобы поскорѣе выросли, выучиться мнить и ходить на Сѣнную вмѣсто мамы, у которой старыя ножки устаютъ.—Зани-

маясь съ дѣтскими уроками, Алексѣй частенько увлекался недобримъ чувствомъ и вымещалъ на Колю кажинѣвную досаду, ставя его въ уголь, или оставляя безъ чаю. Коля свирѣпѣлъ, огрызался, и между братьями исподоволь установились враждебныя отношенія. Разсудить ихъ было некому: отецъ совершенно пассивенъ и только твердитъ свой унылый пригѣвъ—«да, батюшка, да, такъ...», а мать тоже судья плохой и явно пристрастный къ своему Алѣксѣю.

Обрадовали извѣстіемъ дядю и тотъ немедленно прислалъ письмо, написанное перомъ витѣватого каптенармуса, и десять рублей, на пряники новому кадету. Коля видѣлъ въ этихъ десяти рубляхъ торжество своихъ надеждъ на блестящую будущность, и настоятельно требовалъ, чтобы деньги непременно были отданы его ротному командиру, — и въ этомъ опять-таки сказалося, — что я-де совсѣмъ особая статья, ничего общаго съ вами не имѣю.

Нѣсколько времени новичка изъ корпуса домой не отпускали, пока не привыкнетъ носить виверъ и тесакъ, и пока не выучится ловко дѣлать фронтъ передъ каждымъ офицеромъ. Анна Дмитриевна путешествовала въ корпусъ, посмотрѣть на сына, приносила ему домашнихъ пирожковъ и яблоковъ. Пирожки и яблоки Коля бралъ, но въ приемной залѣ сидѣлъ съ матерью какъ на иголкахъ. Анна Дмитриевна была одѣта какъ всегда, не щегольски, конечно, въ простенькомъ драдедамовомъ салопчикѣ, спитомъ дома, похожимъ и на салопъ и на капоть; на головѣ капоръ тепленькій, чтобы въ уши не надуло, время стояло осеннее; въ рукахъ ридикюль. При встрѣчѣ съ дежурнымъ офицеромъ она кланялась вѣжливо и степенно, почти въ поясъ, сѣла на край дивана и все покушалась встать при проходѣ черезъ валу всякаго кадета, всякаго начальника. Сидя съ матерью, Коля слышалъ за дверью хихиканье товарищей и видѣлъ, что они нарочно проходятъ черезъ приемную, чтобы бросить насмѣшливый взглядъ на посетительницу и даже состроить за спиной ея потѣшную гримасу, причемъ хихиканье за дверью раздавалось дружнымъ залпомъ.

— Что это они, надо мной что ли смѣются?—просто и кротко спросила мать.

— Какъ можно, маменька! они не смѣютъ...

— Отчего же? у меня капоръ точно не модный, да что-жъ дѣлать-то? другого взять негдѣ, и этотъ хорошъ для меня старухи.—По уходѣ матери, Коля попробовалъ было что-то замѣтить насмѣшникамъ, но былъ порядочно вздутъ; признавъ превосходство физической силы и молодечества, онъ подлачился къ това-

лицамъ и черезъ часть за-одно съ ними хохоталъ и поѣдалъ въ компаніи пироги и яблоки.

— Ай да старушка! вкусные пироги печеть твоя, братъ, старушка. Ты вели ей приносить почаще, веселѣй будетъ, — твердили новичку старыя, кривоногіе кадеты.

Не безъ удовольствія дождалась мать, когда отпустили домой сына въ буцонъ мундирчикѣ, портупеѣ черевъ плечо и въ такомъ тяжеломъ биверѣ, который надолго оставялъ на лбу багровый рубецъ. Коли ужасно чванился и важничалъ своей военной выправкой, усвоенной имъ скорѣе всѣхъ другихъ новичковъ; вмѣстѣ съ выправкой онъ также чрезвычайно скоро усвоилъ и всѣ понятія, привычки и дикость старыхъ кадетъ, выработанными въ душной казарменной атмосферѣ. Онъ началъ испытывать на сестрѣ прелести разныхъ игрушекъ, отъ которыхъ неизбежно вскакивали на головѣ шишки, приобретались синяки и выступали слезы, но выходило ужасно смѣшно... Алексѣй довольно рѣвмо остановилъ его.

— Ты, ундеръ, не слишкомъ тутъ вольничай! Отведемъ въ корпусъ и братъ больше не станемъ, да еще ротнаго командира шпроцу, чтобъ онъ тебя выдралъ хорошенько.

— Молчи ты, сиволапый мужикъ.

— Что-о?

— Ты мужицкое отродье и не смѣй лѣзть къ дворянину...

— А, вотъ что! — и Алексѣй жестоко выдралъ уши дворянину. Родителей глубоко огорчала эта, какъ они называли, врожденная ненависть братьевъ.

— Я стыжусь, маменька, объяснять вамъ до какой степени это гадкій, безсердечный и развращенный мальчишка. Спросите-ка, на что онъ мѣтилъ, названіи меня мужицкимъ отродьемъ... Ну, да я его отбучу отъ этихъ дворянскихъ замашекъ! — Кромѣ этой вѣчной войны между сыновьями, родителей печалило и то обстоятельство, что посѣщенія кадета стоили имъ всякій разъ большихъ хлопотъ и расходовъ. Безъ провожатаго его не отпускали; нужно было ходить за нимъ отцу или брату; отправлять назадъ такимъ же порядкомъ. Изъ Измайловскаго полка на Петербургскую сторону — не близкій свѣтъ; поздняя осень, грязь, холодъ, — приходится братъ извожика, да еще дать кадету увеломъ чего-нибудь съѣстнаго; эта исторія всегда обходилась не меньше цѣлковаго, а на цѣлвовый можно два дня прожить всему семейству. Эти съ виду маленькія, но тяжелыя для бѣдныхъ людей издержки и затрудненія дѣлали посѣщенія кадета очень неприятнымъ долгомъ родительской нѣжности, — жертвою, которая не выкупалась ни-

какимъ разумнымъ удовольствіемъ. Уже подумывали Слободкинъ перебраться поближе къ корпусу, имъ будетъ удобнѣе, да и Алѣксѣй не такъ далеко ходить въ университетъ, хотя на это онъ нивогда не жаловался,—но случилось такое внезапное, впрочемъ очень обыкновенное событіе, которое разрушило всѣ планы и предположенія бѣднаго Слободинскаго гнѣзда...

Въ концѣ ноября погода стояла ужасная; падалъ снѣгъ съ дождемъ и дулъ свирѣбный порывистый вѣтеръ. Проводивши Коло въ корпусъ, Петръ Иванычъ возвращался гнѣшкомъ; на бѣду его въ этотъ вечеръ исакіевскій мостъ развели и онъ болѣе получаса переправлялся черезъ Неву на большомъ ялботѣ. Домой пришелъ насквозь промокнушій, продрогшій до костей: легъ въ постель и, несмотря на три стакана чая, не могъ возбудить въ своемъ наношенномъ тѣлѣ испарины. Въ головѣ страшно шумѣло, въ глазахъ ходили желтые круги, всю ночь провелъ онъ въ безпокойномъ бреду. Утромъ однако почувствовалъ себя бодрѣе, одѣлся и вдругъ ему представилась неотложная надобность идти въ городъ.

— Полно, побойся ты Бога, — куда идти въ такую погоду? Вѣдь вечеръ тебѣ было такъ худо, что хоть за докторомъ пошлай, а онъ идти!—уговаривала жена.

— Необходимо, необходимо, батюшка мой! Ты не знаешь... Э, да что съ тобой толковать! Говорать тебѣ — необходимо.

Въ это утро Петръ Иванычъ вдругъ сталъ капризень и даже сварливъ, — чѣмъ въ послѣднее время за нимъ не водилось. Навинувъ ватонную шинель, онъ побѣжалъ... Побѣжалъ въ Большую-Морскую, побѣжалъ съ замираніемъ сердца, какъ двадцатилѣтній юноша на любовное свиданіе.

Въ знакомой конторѣ онъ пробылъ недолго; взявъ въ дрожація руки таблицу послѣдняго лотерейнаго тиража, взглянулъ на первую цифру, и въ глазахъ у него помутилось... Противъ самаго крупнаго выигрыша стоялъ его номеръ. Онъ протеръ глаза...

— Да, это мой... то самое... только зачѣмъ на концѣ номера стоитъ цифра 6, а у меня 7... Отчего же тутъ не 7? Должно быть 7, непременно 7... все такъ въ порядкѣ какъ слѣдуетъ, и вдругъ 6?... Это нелѣпно, не можетъ быть! Это вѣрно опечатка...

Онъ спросилъ, — опечатки никакой быть не могло, за вѣрность таблицы ручаются. Дальше ужъ ничего Петръ Иванычъ не помнилъ; кажется, онъ въ конторѣ зашмыкалъ, а другіе смѣялись, или другіе плавали, а онъ смѣялся... Какъ онъ вышелъ

въ конторы и сколько времени шель, все это для него оста-
лось совершенно неизвестно. Только домой прибрелъ онъ въ та-
инствѣ видѣ, что жена и дѣти перепугались; разстегнутый, рас-
пухнутый, блѣдный, потерявъ гдѣ-то одну калошу и носовой пла-
тьеъ. Ничего не рассказываетъ, твердитъ только свое: «да, ба-
шонка мой, такъ, такъ!»—но твердитъ это какимъ-то ожесточен-
нымъ голосомъ. Подумали, что онъ рехнулся, однако нѣтъ —
нѣтъ узнаеть и просить, чтобъ его оставили въ покоѣ. Анна
Дмитріевна сама раздѣла его и уложила въ постель; онъ пови-
нился, какъ вроткій ребенокъ.

Къ вечеру ему стало гораздо хуже; онъ стоналъ на весь
домъ, такъ что сосѣди присылали спросить, что случилось. Алек-
сѣй побѣжалъ за докторомъ.

— Плохо! — сказалъ задумчиво докторъ. — Слѣдовало бы
предупредить. — Давно онъ въ такомъ положеніи?

Ему все рассказали обстоятельно.

— Можно поставить на грудь мушку; давать по ложкѣ ма-
дерн или хереса, когда попроситъ пить; легче мокроты будутъ
отдѣляться. Больше пока ничего.

Выйдя въ другую комнату, докторъ отвелъ Алексѣя въ сто-
пону. — Вы, молодой человекъ, понимаете, что врачъ иногда не въ
силахъ ничего сдѣлать. Организмъ плохой, истощенный, — тутъ
и маленькая простуда опасна, а такая... ммъ!—Я совѣтую вамъ,
не теряя времени, перевезти его въ больницу; все-таки тамъ больше
средствъ, покойнѣе и для васъ лучше. Эти стоны и хрипота мо-
гутъ усилиться. — Наконецъ, я не могу быть тутъ постоянно, а
такъ дежурный врачъ... Словомъ, вотъ все, что я могу совѣтовать.

— Да что же у него такое, докторъ?

— Видите, это случай довольно опасный; можетъ произойти
отекъ легкаго... впрочемъ, трудно сказать. Лучше всего въ боль-
ницу. — Докторъ уѣхалъ съ покойною увѣренностью, что ему тутъ
дѣлать нечего.

Стоны и хрипѣнье больного становились невыносимѣе; мушка
не брала. Онъ проклиналъ мадеру и бормоталъ, зачѣмъ его
отравляютъ этой гадостью. Вечеромъ Алексѣй перевезъ отца въ
Обуховскую больницу, и хоть былъ не медикъ, а тоже съ рѣзкою
увѣренностью сказалъ: — кончено, это все напрасно... Это ужъ на-
чинаются похороны...

Несмотря на полную безнадежность, Алексѣй безъ слезъ,
съ желѣзною твердостью, заботился обо всемъ, что могло облег-
чить страданія умирающаго. Онъ и мать, чередуясь, не покидали
его ни на минуту. Анна Дмитріевна поддалась обычной въ этихъ

случаяхъ женской слабости къ соблюденію разныхъ обрядностей отъ которыхъ умирающему нисколько не легче. Она даже поѣхала за Колвѣй, но всѣ мосты черезъ Неву разведены и переправы нѣтъ. «Знать такъ ему и не суждено проститься съ отцомъ! А вѣдь и захворалъ-то бѣдный мой дружокъ съ того вечера какъ Колю провожалъ!...» неутѣшно хныкала Анна Дмитриевна.

— Э, маменька, что за нѣжности! — злобно замѣтила Алексѣй выведенный изъ терпѣнія всѣми мелочными заботами матери о соблюденіи вѣщнаго декорума вокругъ умирающаго. — Вы ужасали, а онъ васъ спросилъ, хотѣлъ сказать что-то, можетъ быть важное... Теперь безъ сознанія. Посидите, я сбѣгаю домой, привѣдаю Алѣнушку, вѣдь она тамъ одна.

Дома Алексѣй нашелъ пакетъ на имя отца, — Буровъ уведомлялъ, что «по ходатайству нашего уважаемаго Кирилла Егоровича, его превосходительство, баронъ Эдуардъ Францовичъ Эггерсъ соизволилъ опредѣлить васъ на мѣсто...»

Алексѣй не дочиталъ, — швырнулъ письмо...

Въ дребезжащей извозничьей каретѣ Алексѣй Слободинъ съ матерью и Алѣнушкой возвращались съ Митрофаньевскаго каменнаго моста по московскому шоссе. Онъ узнавалъ знакомые предметы, они также непривѣтливо глядѣли, какъ и два года назадъ; а онъ будто снова вѣзжалъ въ Петербургъ изъ дальней дороги, уже не провинціальнымъ мечтателемъ, — сзади его легла масса отцовъ да солдатская шинель Личарды; впереди какая-то осязательная слякоть, венастье; а тутъ подлѣ него, на его рукахъ, мать и сестра. Алексѣй сурово задумался...

П. Альминскій.



СТРАННИКИ или БЪГУНЫ

ВЪ

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

II. РАСПРОСТРАНЕНІЯ СЕКТЫ.

Первое мѣсто въ ряду послѣдователей основателя секты Евѳимія, принадлежитъ спутницѣ его Иринѣ Ѳедоровой. Ея дѣятельность началась съ Сопѣлокъ. Послѣ смерти «старца Евѳимія», усвоивъ себѣ право наставничества и поселившись въ Сопѣлкахъ, она увлекла въ свою секту прежде всего крестьянина Петра Крайнева, у котораго поселилась на жительство, потомъ крестьянина Якова Яковлева и крестьянку Парасковью Козьмину Курочкину ¹⁾, и всѣхъ ихъ сама же перекрестила въ «странство».

Изъ этихъ первыхъ прозелитовъ особенно полезнымъ дѣятелемъ для секты оказался Крайневъ, — по перекрещенію Севастьянъ. Будучи повышенъ Ириною въ наставники, какъ человекъ начитанный и практичный, онъ первый допустилъ уступку со стороны строго-аскетическаго взгляда Евѳимія на странничество. Имъ руководилъ при этомъ самый вѣрный расчетъ. Онъ видѣлъ, что существованіе секты нисколько не обезпечено со стороны матеріальной, и что званіе странниковъ будетъ вовсе невыгодно и неутѣшительно, если не будетъ страннопримцевъ; съ другой стороны, видѣлъ и то, что симпатію къ странничеству заявляютъ нерѣдко и люди богатые; но, — чтобы сдѣлаться дѣйствительными странниками, по мысли Евѳимія, поступающіе въ секту должны были разорвать всѣ прежнія связи семейныя и общественныя, слѣдовательно, и разстаться съ имуществомъ, — а это для бога-

¹⁾ Мать известнаго купца Филиппа Курочкина.

таго человѣка всего труднѣе сдѣлать, — между тѣмъ богатый человѣкъ для странниковъ, — чистое приобрѣтеніе; иначе чѣмъ бы сталъ жить странникъ, самъ не дѣлая ничего и не имея ничего? И вотъ, — въ виду этихъ соображеній Крайневъ рѣшился примирить аскетизмъ Евѳимія съ матеріальнымъ довольствомъ своей жизни: онъ рѣшилъ, что можно быть «Христовымъ человекомъ» и не разлучаясь съ деньгами, только пусть эти деньги имѣютъ дѣйствительныхъ странниковъ. Словомъ, онъ ввелъ приставное держательство. Съ этою цѣлю Крайневъ сталъ крестить и тѣхъ кто только изъявлялъ желаніе принять странничество, а на жительство оставался въ своемъ домѣ. Между тѣмъ другіе послѣдователи Евѳимія, строгіе приверженцы его аскетическаго взгляда на скитальничество, какъ на единственный путь къ спасенію, требовали отъ всѣхъ вступающихъ въ секту посвященія себя странничеству, и только подъ условіемъ дѣйствительнаго выхода изъ странничество допускали перекрещиваніе своихъ адептовъ. (Таково было мнѣніе, напр., Якова Яковлева). Это разногласіе послужило поводомъ къ долгимъ и жаркимъ спорамъ; но, на сторонѣ Крайнева была Ирина, и Крайневъ одержалъ верхъ. Яковъ Яковлевъ не хотѣлъ послѣ этого оставаться въ Сопѣлкахъ, ушелся въ Новгородскую губернію, гдѣ и посвѣялъ первыя сѣмь странническаго ученія.

Съ 1812-го года замѣтно особенное оживленіе въ страннической пропагандѣ. Въ этомъ году, Севастьяну Крайневу удалось увлечь одного ярославскаго мѣщанина, Михаила Федорова Чагина. Крайневъ перекрестилъ его въ странническую секту именемъ Моисея, сдѣлалъ наставникомъ и приобрѣлъ въ немъ умнаго и дѣятельнаго помощника въ своей сектаторской дѣятельности. Теперь всѣ обряды въ сектѣ совершались Севастьяномъ Крайневымъ, Моисеемъ и Егоромъ Егоровымъ, ученикомъ Евѳимія, человекомъ, впрочемъ, вовсе не начитаннымъ и потому не пользовавшимся большимъ авторитетомъ. Но за то Чагинъ своимъ умомъ, энергическою дѣятельностію, приобрѣтши авторитетъ въ средѣ своего общества и влияніе на всѣ дѣла секты, долго остается передовымъ дѣятелемъ-пропагандистомъ.

Въ слѣдующемъ 1813-мъ году, новое, совершенно неожиданное обстоятельство послужило къ распространенію странническаго ученія: пойманы были въ Устюжскихъ лѣсахъ Новгородской губерніи 29-ть человѣкъ бродягъ-раскольниковъ, скрывавшихся въ кельяхъ и съ ними наставникъ ихъ, старецъ 60-ти лѣтъ, именъ Яковъ Яковлевъ, — безъ всякаго сомнѣнія, тотъ самый, который ушелъ изъ села Сопѣлокъ вслѣдствіе несогласія по вопросу о

крещеніи. Всѣ эти бродяги, рѣшеніемъ комитета министровъ, осуждены были на поселеніе въ Сибирь; нѣкоторые изъ нихъ возвратились въ православную церковь, другіе, менѣе упорные, подвергнуты были легкому наказанію, а самыя упорныя, въ томъ числѣ и Яковъ Яковлевъ, наказаны были вѣнцомъ и сосланы въ Иерчинскъ на ваторгу, въ числѣ 10-ти человекъ. Проходя чрезъ Ярославль, арестанты нѣсколько дней находились въ тамошней острогѣ. Ярославскіе «странники» имѣли здѣсь свиданіе съ Яковомъ Яковлевымъ, а Ирина Ѳедорова съ Моисеемъ Ѳедоровымъ, даже провожали его до Костромы; дорогой они рѣшали всѣ вопросы о вѣрѣ и особенно о крещеніи: Яковъ Яковлевъ объявилъ, что крещеніе должно быть совершаемо при входѣ въ странство; однакоже призналъ крещеніе Крайнева дѣйствительнымъ, запретивъ только ему и крещенымъ отъ него общаться съ прочими странниками, покуда будутъ жить въ мірѣ. На этомъ и порѣшили вопросъ о крещеніи. Ирина Ѳедорова возвратилась въ любимыя Софѣлки, а Яковъ Яковлевъ продолжалъ путь въ Сибирь, гдѣ не замедлилъ пустить въ ходъ свое ученіе. Особо этого же времени прибыли въ село Софѣлки изъ Костромскаго уѣзда села Краснаго крестьяне, бѣглые раскольники филипповскаго согласия, Родіонъ Михайловъ, съ отцомъ своимъ Михайломъ Тихоновымъ, Василій Петровъ и другіе, для бесѣды съ софѣлковцами, и приняли ученіе Евѣмія. Родіонъ Михайловъ съ отцомъ крещены были Моисеемъ Ѳедоровымъ,—первый съ оставленіемъ прежняго имени, а второй названъ Сергіемъ. Но Василій Петровъ, считая ученіе, и особенно крещеніе софѣлковскихъ старцевъ не во всемъ правымъ, самъ себя окрестилъ, принявъ имя Ивана и завелъ особую паству; и такимъ образомъ, сдѣлался первымъ отщепенцемъ софѣлковской сѣтвы.

Въ 1815-мъ году мы видимъ уже послѣдователей Евѣмія въ Саратовской губерніи. Поводомъ въ этому послужилъ слѣдующій случай: въ этомъ году прибылъ въ Софѣлки изъ Саратова нубникъ, крестьянинъ Ярославскаго уѣзда деревни Симоновской, нѣкто Симеонъ. Познакомившись съ софѣлковцами, онъ сталъ выхвалять имъ всѣ удобства жизни въ Саратовѣ и предложилъ Ирину Ѳедоровой, Доминиѣ Андреевой и Родіону Михайлову съ его отцемъ перейти на жительство въ Саратовскіе сады,—они послушали его и переселились въ Саратовскую губернію. Тамъ Ирина Ѳедорова и Доминица нашли пристанище въ саду купца Крикова; а Родіонъ Михайловъ съ отцемъ укрывались въ бурлакахъ у филипповцевъ. Тамъ они скрывались восемь лѣтъ. Но осѣдая и уединенная жизнь, наконецъ, наскучила имъ, и они

снова отправляются странствовать. Поводомъ къ этому послужило для нихъ то обстоятельство, что объ укрывательствѣ ихъ пришла саратовская полиція: отецъ Родіона Михайлова — Сергей былъ пойманъ и удержъ въ саратовскомъ острогѣ. Поэтому Ирина Федорова съ Родіономъ возвратились въ Ярославль и жили въ свои любимые Солѣвки, а Доминика съ Симеономъ (шубинкомъ) направились въ Астраханскую губернію, гдѣ и поселились на берегу Каспійскаго моря въ тамышахъ. Но здѣсь скоро были пойманы и сосланы — одна въ Сибирь на поселеніе, а другой въ Закавказскій край. Года четыре Доминика содержалась въ тобольскомъ острогѣ, пока не была освобождена на ходатайству одного богатаго купца, — послѣ этого снова пустилась бродяжничать; наконецъ, поселилась на жительство въ казенный (Томской губерніи), въ Кіевской волости, гдѣ уже были заброшены сѣмена софьяловскаго ученія сосланными въ Сибирь странниками.

Въ такомъ положеніи находилась пропаганда странническаго ученія до двадцатыхъ годовъ; малая часть управлялась наставниками: Севастьяномъ Крайневымъ, Моисеемъ Федоровымъ и иными поставленнымъ въ эту должность Родіономъ Михайловымъ.

Съ двадцатыхъ годовъ, въ сектѣ странниковъ замѣчается новое оживленіе и усиленіе; она получаетъ значительное приращеніе въ своихъ членахъ и приобретаетъ значеніе, и даже вліяніе, между другими толками въ расколѣ. Причина такого движенія въ сектѣ и усиленія ея заключалась въ томъ, что много явилось охотниковъ посвятить себя страннической жизни, и между ними нашлись люди начитанные, ревностные проповѣдники, нашедшіе даже писатели, которые своими литературными трудами приносили большую пользу для секты, чѣмъ устные пропагандисты. Съ этого и начинается эпоха процвѣтанія странничества. Изъ числа перваго рода дѣятелей этого времени, замѣчательнѣйшими считаются три брата *Кувшиновы*; изъ числа втораго, пропагандистическаго писателей — первый и главный ересіархъ всего странничества: *Минита Семеновъ*. Ярославскіе мѣстаче, съ фабрики гг. Яковлевыхъ, Илья, Петръ и Михаилъ Андреевы Кувшиновы, состояли прежде въ числѣ раскольниковъ поповщинской секты; потомъ, избравъ скитальческую жизнь, сами себя окрестили, но вслѣдствіи, присоединившись къ софьяловскому толку, они были «исправлены» по обряду страннической секты. Изъ трехъ братьевъ особенно замѣчательнъ, по своей продолжительной и ревностной, на пользу странничества, дѣятельности одинъ *Михаилъ Андреевъ*; — человекъ столь же логикъ, какъ и начитаннѣйшій;

онъ въ продолженіи 25-ти лѣтъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностнѣе ересеначальниковъ, почти главнымъ орудіемъ быстрого раздѣлія сопѣловскаго толка. Въ 1843-мъ году, онъ былъ пойманъ въ Тверской губерніи Корчевскаго уѣзда, въ селѣ Ѳеодоровскомъ, вмѣстѣ съ другимъ наставникомъ Иваномъ Кононовымъ и странникомъ Иваномъ Петровымъ, содержался годъ и семь мѣсяцевъ въ корчевскомъ острогѣ, отправленъ былъ въ тверскую духовную консисторію на увѣщаніе, но оттуда бѣжалъ, и возвратившись въ Ярославскую губернію, съ новымъ рвеніемъ принялся за прежнее дѣло. Въ 1851-мъ г. онъ вторично пойманъ былъ въ Ярославлѣ у мѣщанина Петра Ѳеодорова Малышева, графомъ Стенбоккомъ, содержался въ острогѣ, наконецъ въ 1853-мъ году сосланъ въ Восточную Сибирь на поселеніе.

Въ одно время съ Михайломъ Андреевымъ поступилъ въ страннической согласъ крестьянинъ Ярославскаго уѣзда деревни Кораева *Алексѣй* (по переименованію *Василій*) *Петровъ*, известный между странниками подъ названіемъ *горбунчика*. Эта личность весьма замѣчательна въ странничествѣ. Онъ самъ себя окрестилъ въ странство и принятъ былъ въ сопѣловскую секту безъ вторичнаго крещенія съ наложеніемъ лишь шестинедѣльной епитиміи. Горбунчикъ хотя не пользовался званіемъ наставника, но по своей начитанности постоянно считался членомъ «главнаго совѣта старцевъ» странническаго согласъ, имѣвшаго свои засѣданія въ селѣ Сопѣлахъ, и многихъ совратилъ въ расколъ. Два раза онъ былъ пойманъ — первый въ тридцатыхъ годахъ и уже шелъ по этапу въ Закавказскій край, — во второй, въ 1849-мъ году вмѣстѣ съ наставникомъ Гермогеномъ Кузьминымъ, содержались въ арестантской земскаго суда: но въ оба раза бѣжалъ, благодаря геройству своей любовницы Марьи Васильевой.

Вмѣстѣ съ Михайломъ Андреевымъ и Василіемъ Петровымъ Горбунчикомъ, явились на поприщѣ пропаганды и другія замѣчательныя личности: *Марко* изъ Пошехонья, *Иванъ Іудичъ* изъ Новгородской губерніи, и бѣглый кантонистъ Климентъ Ивановъ. Всѣ они сдѣлались наставниками; Марко впоследствии управлялъ востромскою паствою; Иванъ Іудичъ, проживавшій въ селѣ Сопѣлахъ у крестьянина Ивана Егорова Панова, сопѣловскими старцами опредѣленъ былъ въ Москву, гдѣ управлялъ потомъ цѣлою паствою. Онъ былъ бѣглый старикъ, какъ значится въ дѣлѣ, проживавшій на фабрикѣ купцовъ Гучковыхъ. При обыскѣ въ селѣ Сопѣлахъ, въ 1850-мъ году, было найдено письмо, писанное Иваномъ Іудичемъ изъ Москвы въ 1848-мъ году, въ которомъ онъ называетъ поименно почти всѣхъ современныхъ

ему наставниковъ и отзывается невозможностію посѣтить ихъ по тому, что его попеченій требуютъ четыре мѣста, находящіяся около Москвы. Онъ былъ опять пойманъ и умеръ въ 1850-мъ году въ московскомъ тюремномъ замкѣ.

Наконецъ, является самый главный виновникъ успѣховъ странничества, человекъ съ необыкновенно-счастливыми дарованіями громадною начитанностію, изумительною изворотливостію и ловкостію, человекъ, принесшій на служеніе пользамъ раскола все свое богатство дарованій и познаній, *истинный*, по выраженіи раскольниковъ, *реонителъ* по Евѳиміи и *изящный поборникъ* его, приобрѣтшій славу, затмившую память самого Евѳимія въ продолженіе 30-ти лѣтъ (до 1855 г.) управленія всѣми дѣлами секты—это былъ наставникъ *Никита Семеновъ*. По тому значенію, какое Никита Семеновъ занимаетъ въ страннической сектѣ, какъ глава ея, и по его вліянію на дѣла почти всего современнаго раскола, онъ стоить того, чтобы сказать объ немъ нѣсколько подробнѣе ¹⁾.

Никита Семеновъ, Ярославской губерніи Рыбинскаго уѣзда прихода села Арефина деревни Стрѣловъ, сынъ крестьянина, вотчины графа Дмитріева-Мамонова, Семена Петрова Киселева, родился въ православной семьѣ и при крещеніи былъ названъ Меркуріемъ. Въ дѣтствѣ Меркурій былъ обученъ отцемъ грамотѣ и портному мастерству, въ десять лѣтъ онъ уже ходилъ съ хозяиномъ, у котораго обучался портняжеству, по разнымъ селамъ и деревнямъ; но больше всего жилъ въ Угличскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ графа Шереметева, такъ-называемой Юхоть, гдѣ особенно много было раскольниковъ-безпоповцевъ, — оедосѣвцевъ и филипповцевъ. Здѣсь Меркурій «за присущее», — какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ послѣднемъ показаніи *подробнѣйшаго его происшествія и сопрѣбыванія*, — «за присущее раченіе спасти душу, занимался насчетъ понятія о вѣраxъ», поэтому часто бывалъ при совершеніи богослуженія въ раскольниковскихъ молебныхъ, — и здѣсь-то усердными проповѣдниками раскола въ его дѣтскую голову «засѣяно было въ его понятію, что при находящихся російскихъ священно-пастыряхъ и при всемъ тоя (Россіи) правительствѣ не быти вѣрѣ православной отъ лѣтъ бывшаго патріарха Нивона... что съ того же времени, съ новымъ обрядомъ, и вѣра-де у нихъ уже другая, новая и неправая, а у насъ-де са-

¹⁾ Мы имѣли подъ руками дѣло министерства о поимкѣ Никиты Семенова — за № 121-мъ 1854/5 г. по секретной части и изъ него заимствуемъ свидѣнія объ этомъ „первенствующемъ наставникѣ секты странниковъ“.

и та прежняя вѣра правая, и также и таинства-де у нихъ
 играли, какъ-то вращеніе и проч.» Однимъ словомъ, Меркурій
 попалъ въ расколъ, имѣвши только десять лѣтъ отъ роду. По
 желанію отца, ничего незнавшаго о внутреннемъ настроеніи сво-
 его сына, онъ отправленъ былъ съ однимъ родственникомъ, кре-
 стьяниномъ той же вотчины, деревни Починка Миной Андреевымъ,
 въ Москву, гдѣ занималъ у послѣдняго должность работника по
 мастерству, и приказника въ лавкѣ, при продажѣ готоваго платья
 въ продолженіи пяти лѣтъ. По прошествіи этого времени онъ
 вышелъ отъ хозяина и, съ согласія и при помощи отца, завелъ
 свою торговлю. Во все это время Меркурій не забывалъ исправ-
 нить и религіозныя свои потребности. Пылливость его развилась
 въ Москвѣ еще больше: онъ ходилъ для наученія и на Рогож-
 ское и Преображенское кладбища, участвовалъ во всѣхъ ихъ
 обрядахъ, познакомился «со многими престарѣлыми и заоснѣ-
 лыми толкователями разныхъ толковъ», — словомъ, прошелъ всю
 школу раскола. Между разными учителями и толкователями, Мер-
 курій познакомился также съ однимъ изъ пріѣзжавшихъ въ Мо-
 скву на время, Иваномъ Ивановымъ, который «упоминалъ на
 счетъ жительства въ пошехонскихъ дѣсахъ...» Нѣтъ никакого
 сомнѣнія, что то былъ наставникъ страннической секты. Это видно
 изъ словъ самого Меркурія Семенова. «И вотъ, — говоритъ онъ, —
 знавшисъ съ оными вышесказанными (выше онъ назвалъ ихъ
 по именамъ) толкователями, а между тѣмъ и съ прочими до-
 вольно могъ вкоренить, «при своего мнѣ ума понятіи» все ра-
 скольническое ученіе, «посѣянное въ отчинѣ графа Шереметева,
 то на Юхтѣ, и могъ также затвердить... какъ они разумѣютъ»,
 все вѣрученіе относительно церкви православной и ея таинствъ
 и проч.; «да еще къ тому отъ тѣхъ же реченныхъ разныхъ тол-
 кователей и другое, еще мягкому такъ связать уму, было при-
 сѣбно — какъ бы отъ Евангелія и отъ прочихъ книгъ реченное,
 то хотащимъ спастися кому, то не иначе, какъ должно рѣши-
 тельно бросить весь міръ, оставить отца и мать, и проч., и
 жить въ пустыняхъ, какъ и святіи творили...» «И вотъ, продол-
 жаетъ Меркурій, присущая мнѣ и пылающая ревность о спа-
 сеніи, и сіе сѣмя ученія этого довольно явилось привести къ воз-
 вращенію совершенному и полному» — словомъ, онъ рѣшилъ пре-
 даться странничеству, — и, какъ ясно можно видѣть, — чисто изъ
 религіозныхъ побужденій.

Меркурій, живя въ Москвѣ, познакомился еще съ подобно-
 мыслящими ему людьми — Иваномъ Константиновымъ и Марти-
 номъ Ивановымъ — филипповскаго толка, которые сами пришли

въ тому же убѣжденію, какъ и Меркурій, и «оказались они имѣти ревность о спасеніи и избѣжаніи міра и домовъ и пр.» Эти новые пріатели еще болѣе утвердили рѣшимость Меркурия. Они, какъ видно, изъ дѣла, находились уже въ сношеніяхъ съ странниками, приходившими въ Москву для сбора милостыни въ Архангельской губерніи, Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ, и видя, что «въ тѣхъ мѣстахъ живетъ много пустынножковъ или скитниковъ», туда же вмѣстѣ съ ними они порекомендовали сестру и Меркурію. Меркурій принялъ ихъ предложеніе, и всѣ они принялись за приготовленіе: имущество и товаръ они обратили въ деньги, часть которыхъ оставили при себѣ, а прочіе отдали въ вѣрныя руки раскольниковъ-торговцевъ. Повозничь свои дѣла и распорядившись какъ слѣдуетъ, они тайно отъ всѣхъ оставили Москву, и, чрезъ Владиміръ, Суздаль, село Иваново, Ярославъ, Даниловъ монастырь, Вологду и Каргополь направились къ тамъ называемому Топь-Озеру, въ Архангельской губерніи, гдѣ находились скитъ и часовня раскольниковъ; на островѣ того озера находилась бедосѣвская часовня и моленная Филипповскаго содержателя этой моленной и пристали тамъ странники. Сдѣлавъ имъ особую белью, въ которой проживши нѣсколько времени они снова удалились, — одинъ изъ нихъ, Иванъ Константиновичъ, возвратился въ Москву, а Мартинъ Ивановъ и Меркурій Сеченовъ отправились еще далѣе верстъ за 80-ть къ одному «славному иноку». Здѣсь, въ озерѣ, Меркурій «повторилъ себя опять крещеніемъ» и принялъ имя Никиты, въ томъ убѣжденіи, что «такъ какъ вѣра (православная) не права, то и крещеніе не въ крещеніе и проч. Они заявили, что не хотятъ вмѣстѣ съ ними вѣствоваться ни раскольниками, ни сектаторами, — только въ этомъ говорить Никита, мы и не соглашались съ ними, во всемъ же прочемъ все было согласно и въ нашемъ толкѣ во всемъ держались ученія изложеннаго въ поморскихъ окръгахъ и пр. Они назвали себя просто «христіанами», «христовыми людьми». Въ это время единомышленниковъ Никиты было не болѣе тридцати человекъ, всѣ они жили при озерѣхъ, занимались рыболовствомъ и огородничествомъ, собирали въ лѣсу малину, сушили ее, и всѣ издѣлія изъ добываемыхъ ими продуктовъ сбывали мѣстнымъ жителямъ. Жизнь ихъ была, какъ видно, во всемъ довольная, хотя и была съ тѣмъ и строго-воздержная. Затѣмъ Никита съ своими товарищами переѣхали на третье мѣсто, верстъ за 80-ть, въ самую шведской границѣ, гдѣ жили, по словамъ Никиты, почти въ совершенномъ уединеніи. Переходя съ мѣста на мѣсто, Никита съ своими товарищами провели такимъ образомъ въ скитальческой жизни нѣ-

ингельскихъ лѣсахъ около 15-ти лѣтъ. Наконецъ, наслышавъ отъ тамошнихъ скитниковъ, что такіе же келейники жь въ лѣсахъ пошехонскихъ, они вознамѣрились отправиться а. Сначала отправился Мартинъ Ивановъ чрезъ Архангельскій и уже дошелъ до пошехонскихъ лѣсовъ, — но тамъ былъ ро войманъ полиціей и отправленъ въ мѣсто жительства. Съ же Никита отправился зимнимъ путемъ.

Прибывъ въ пошехонскіе лѣса, Никита не имѣлъ постояннаго мѣстопробыванія, какъ онъ самъ говоритъ. Сначала онъ бѣ у разныхъ келейниковъ въ лѣсу; потомъ, познакомившись двумя келейниками и въ особенности со старшею сестрою ѣ, дѣвицею Варварою Дмитріевою, которая жила въ деревнѣ по временамъ только приходила навѣщать ихъ, онъ, по пришею этой послѣдней, пришелъ къ ней на жительство въ мѣсто Голубенки, Романовоборисоглѣбскаго уѣзда шяготской юсти. Осковавшись такимъ образомъ со стороны внѣшней, геріальной безопасности, Никита Семеновъ далъ полную и полную свободу своимъ дарованіямъ и познаніямъ, пріобрѣтеннымъ въ Москвѣ и укрьтившимся въ тиши лѣсовъ архангельскихъ. Успѣхъ его проповѣди былъ необыкновенный; мнѣше не гла и бытъ: человекъ умный отъ природы и начитанный, въ шн удивленной жизни, онъ вполне созрѣлъ для подобной дѣяльности. Быстро разнеслась молва о необыкновенныхъ дарованіяхъ и познаніяхъ новаго проповѣдника; слава его росла съ ждымъ днемъ; ученіе странническое распространилось и утвердилось. Въ деревнѣ Голубенкахъ онъ познакомился, между прочимъ, съ военнымъ дезертиромъ Дмитріемъ Егоровымъ, раскольникомъ филипповскаго согласія, и убѣдилъ его принять странничество; Дмитрій послушалъ его совѣта, и былъ превращенъ наставникомъ Михаиломъ Андреевымъ и названъ Василиемъ. ослѣ, когда Никита оставилъ Голубенки, Василій остался здѣсь, какъ начитанный человекъ, скоро прославился и сдѣлался наставникомъ уѣздовъ: Романовоборисоглѣбскаго и Пошехонскаго. въ шяготской волости Никита Семеновъ, чрезъ Пошехонскій ѣздъ, перенесъ свою проповѣдь и въ Вологодскую губернію. здѣсь онъ съ радостію былъ принятъ закоренѣлыми раскольниками домшинской волости. Въ то время въ домшинской волости бравался отщепенецъ сошльковской секты Иванъ Петровъ съ всю паствою. Никита въ короткое время успѣлъ не только временить почти всѣхъ послѣдователей Ивана Петрова, но и распространилъ свое ученіе на всю окрестную сторону. По звачію наставника и по ревности къ пропагандѣ, Никита бывалъ и

въ Ярославлѣ, имѣлъ пристанища у многихъ лицъ, которыхъ онъ всѣхъ поименно перечисляетъ въ своемъ показаніи, — были у него свиданія съ прочими наставниками и послѣдними лями софталовскаго ученія; бывалъ и въ Софталкахъ, — здѣсь дался съ Василиемъ Горбунчиномъ, Ѳедоромъ Ивановымъ, Семеномъ Григорьевичемъ и др. наставниками. При этихъ свиданіяхъ и составлялись такъ-называемые соборы ихъ для разсужденія дѣлахъ вѣры, о распространеніи лжеученія; устройство пристанища «мѣсть» для бродящей братіи скитальниковъ и проч.; бывалъ въ Костромской губерніи, въ городѣ Плесѣ, и многихъ другихъ мѣстахъ. Главныя пристани Никиты были: въ Ярославлѣ — Алексѣя Ѳедорова Золотарева; а въ Софталкахъ у крестьянъ Анастасія и Ѳедора Ивановыхъ. Наконецъ, по пропущеніи «десяти съ прибавными годами» своей дѣятельности, Никита бывалъ въ Москвѣ съ каргопольскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Яковлевичемъ Коршуновымъ, и поселился здѣсь сначала на Таганъ на такъ-называемомъ «Братскомъ дворѣ», но проживъ здѣсь одно лѣто, онъ переселился на Арбатъ; затѣмъ перешелъ въ Преображенское, жилъ за Москвой-рѣкой и въ другихъ мѣстахъ. Изъ Москвы онъ отправился въ Каргополь, но въ Вологдѣ былъ взятъ полиціею, уже давно слѣдившею за нимъ. Это было 7-го декабря 1854 года. Всѣ примѣты Никиты Семенова были извѣсны полиціи; поэтому, лишь только онъ былъ представленъ, какъ знали съ вѣмъ имѣютъ дѣло. При допросѣ Никита Семеновъ сначала назвалъ себя свободнымъ хлѣбопашцемъ Вологодской губерніи, но потомъ сознался, что онъ крестьянинъ Рыбикова уѣзда дер. Стрѣльковъ графа Мамонова, Меркурій Семеновъ, сельевъ 50-ти лѣтъ; бѣжалъ изъ вотчины назадъ тому лѣтъ 30-и, соединясь съ раскольниками, почерпнулъ отъ нихъ «глубокую премудрости и разума», окрестилъ себя самъ, назвавшись Никитой и принявъ обрядъ вѣрованія христіанскаго, бывшій отъ апостольскихъ до Никона патріарха. Сначала жилъ въ Москвѣ, потомъ въ кельяхъ копеевскихъ лѣсовъ, но болѣею частью страждовалъ и скитался по разнымъ городамъ и селеніямъ и поэтому признаетъ себя принадлежащимъ къ общинѣ бѣгуновъ, странниковъ и скитальниковъ. Къ этому первому показанію Никита Семеновъ подписался такимъ образомъ: «Въ своемъ показаніи я, православный христіанинъ Никита Семеновъ, прилагаю, а содержаніе закона великороссійскія настоящаго времени церкви не признаю православною, и съ сужденіемъ нашими, также и лѣтосчисленіе вышесписанное не приемлю и не

деревию православныхъ книгъ» (подписалъ полууставомъ и безъ знаковъ препинанія).

По обыску у Никиты Семенова найдено: небольшая икона складная съ изображеніемъ Божіей Матери и Спасителя съ молившимися, распятіе на вості, рѣзное распятіе въ кипарисной дѣлѣ, три кипарисные оправленные въ олово крестина, двѣ гѣловки, печать, серебряные часы, два ножица, бронзовый столикъ для стального пера и карандаша, маленькіе счеты, двѣ памятные книжки, денегъ 530 руб. сер. и нѣсколько разныхъ писемъ и записокъ. Для узнанія образа мыслей и религиозныхъ убѣжденій Никиты Семенова, поручено было профессору вологодской семинаріи священнику Прокопшеву навѣщать его въ тюремномъ замѣѣ. Черезъ нѣсколько времени священникъ Прокоповъ доносилъ, что разговаривая съ Семеновымъ онъ убѣдился, что онъ самый закоренѣлый и упорный раскольникъ, много читавшій книгъ духовнаго содержанія, много твореній отеческихъ вучившій на память, а что онъ не простой какой-нибудь раскольникъ, видно изъ того, что на желаніе священника еще навѣстить его, отвѣчалъ: «Пожалуй, я не прочь; мнѣ быть можетъ придется говорить и съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ».

По распоряженію начальника губерніи Никита Семеновъ былъ помѣщенъ въ тюремномъ замѣѣ такъ, что въ его камеру чрезъ находящееся отверстіе доходило до его слуха все богослуженіе, совершаемое въ церкви; съ тѣмъ вмѣстѣ ему были доставлены и книги духовнаго содержанія. Въ январѣ же 1855 года Никита Семеновъ объявилъ, что сердце его тронуту воспоминаніемъ колюдости, проведенной при родителяхъ, которые были православнаго вѣроисповѣданія, и что поступки прошлой его жизни кажутся ему теперь ошибочными, и что онъ не прочь отъ присоединенія къ единовѣрью, а можетъ быть и къ православію, только желаетъ имѣть время для утвержденія себя въ этомъ намѣреніи. Дальнѣйшее увѣщаніе Семенова поручено было священнику тюремной церкви. Не въ долгомъ времени этотъ послѣдній донесъ, что Никита позналъ наконецъ свое заблужденіе и обнаружилъ твердое намѣреніе навсегда быть покорнымъ сыномъ православной церкви; что онъ, ревнуя о благѣ своемъ и другихъ, объявилъ даже готовность содѣйствовать правительству въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ.

Вотъ предложеніе Никиты: «Я съ десяти лѣтъ — говорилъ онъ — поступилъ въ расколъ; когда напитался ученіемъ суевѣровъ и превзошелъ ихъ познаніями, тогда во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ собратія стали обращаться ко мнѣ, какъ опытному и незазор-

ной жизни мужу. Такимъ образомъ, я узналъ много потаенныхъ мѣстъ, гдѣ скрываются раскольники. Мнѣ хочется всѣмъ обратиться въ православной церкви, ибо погибель ихъ погубитъ меня, какъ наставника ихъ. Если правительство дозволитъ мнѣ подь маскою старовѣра, дѣйствовать въ его пользу, то я, relying на помощь Божию, могу въ нѣсколько лѣтъ сдѣлать то, что правительство при всемъ усилии не совершитъ и въ 50 лѣтъ. Такимъ образомъ, Господь поможетъ мнѣ многихъ обратити, непреклонныхъ предать въ руки полиціи, которая должна быть при мнѣ. Самыхъ учителей я могу, подь предлогомъ важнаго дѣла, созвать на соборъ и представить куда слѣдуетъ». То самое утверждалъ Никита и въ своихъ «*горько-плачевныхъ*» о своемъ заблужденіи письмахъ къ начальнику губерніи. Но ему не удалось обмануть бдительность властей: еще тогда же, какъ Никита писал свои письма къ начальнику губерніи, этотъ послѣдній революціонеръ доваля ему монастырскую жизнь, на что Никита отвѣчалъ, что онъ посѣщался уже довольно и хотѣлъ бы пожить у одной изъ своихъ богатыхъ родственницъ въ Москвѣ—вупчихи 1-й гильдіи Марьи Шапошниковой, принадлежащей къ единовѣрью, на которую, между прочимъ, не показавъ въ своемъ «подробнѣйшемъ изповѣданіи»—былъ ли онъ у нея когда-нибудь во время пребывания въ Москвѣ...

Между тѣмъ, для полнаго и подробнѣйшаго изслѣдованія дѣла о Никитѣ Семеновѣ наложена была особая коммиссія и командированъ изъ министерства чиновникъ особыхъ порученій, уже впервые имѣвшій въ рукахъ дѣла подобнаго рода ¹⁾. Онъ прежде всего удостовѣрился въ подлинности личности Никиты и наложилъ что это тотъ самый Никита Семеновъ, первенствующій глава страннической секты, котораго столько лѣтъ разыскивало правительство; потомъ обратилъ вниманіе на сочиненіе, приписываемое Никитѣ Семенову, подь заглавіемъ: «Малый образъ ересииса самаго враждебнаго содержанія въ отношеніи къ церкви и ея чинамъ. Чтобы довести Семенова до признанія въ составленіи сего рукописи, ему предлагали подробные вопросы по каждому предмету сужденій, изложенныхъ въ рукописи противъ раскольниковъ другихъ сектъ и спрашивали точными словами рукописи, не имѣя въ виду ея самое. Никита Семеновъ отвѣчалъ на все почти тѣми же выраженіями, какія употреблены въ рукописи и приведенны

¹⁾ Статскій совѣтникъ Свинцинь; онъ въ 1853-мъ г., вмѣстѣ съ другимъ, былъ командированъ отъ министерства для изслѣдованія современнаго состоянія раскольниковъ въ Костромской губерніи.

тъ же самыя свидѣтельства. Когда всѣ отвѣты его по этому предмету были прочитаны ему и имъ подписаны, Семеновъ, изоближенный тождествомъ мыслей и выраженій, на вопросъ: не писалъ ли онъ чего-либо подобнаго, сознался въ составленіи этой рукописи въ видѣ замѣтокъ, на основаніи замѣтокъ другого странника, попавшихся ему въ руки. При этомъ Никита Семеновъ сознался также, что лѣтъ 30-ть состоялъ въ страннической сектѣ и многимъ подобнымъ себѣ преподавалъ то ученіе по вѣрѣ, какому держался самъ: вначалѣ, — говорилъ онъ, — я буквально слѣдовалъ Евонію и училъ въ его духѣ; впоследствии, по нѣкоторымъ догматамъ, измѣнилъ свои мысли и вѣрованія и училъ въ духѣ «Сопѣлковскаго толка» болѣе умѣренно, но въ случаѣ нужды не отрегся бы и крестить; найденные же у него кресты самъ рѣзалъ и частно продавалъ и раздавалъ даромъ. Противъ изреченій заключающихся въ отобранныхъ у него нисмахъ, — что онъ «управлялъ церковію» (т. е. сектою), Никита показалъ, что особаго по выбору братства управления сектой не имѣлъ, но когда случался гдѣ безпорядокъ или междоусобіе, въ такихъ случаяхъ обращались къ нему съ просьбой о совѣтѣ, или разбирательствѣ, не только первостепенные сектаторы одного съ нимъ толка, но и другихъ, даже нарочно пріѣзжали за нимъ изъ другихъ губерній съ приглашеніемъ «къ разглагольствіямъ на соборахъ о главныхъ предметахъ разногласія». Вообще, при допросѣ Никита Семеновъ обнаружилъ необычайную начитанность, изворотливость, проницательность и громадное знаніе доводовъ не только изъ духовныхъ, но изъ свѣтскихъ писателей, и съ тѣмъ нѣстѣ холодное спокойствіе насчетъ ожидающей его участи. При отвѣтахъ по предметамъ полетическимъ онъ обнаружилъ чрезвычайную осторожность въ объясненіяхъ — о царѣ, о властяхъ, о свободѣ и проч., измѣняя ихъ по нѣскольку разъ, несмотря на увѣренія, что при обращеніи его къ церкви опасенія его совершенно напрасны. Все это ясно показывало, что Никита не искренно присоединяется къ православію и не хочетъ выдать своихъ единомышленниковъ, сберегая ихъ на будущее время, когда ему снова удастся убѣжать. Несмотря, однакожъ, на то, когда онъ официально заявилъ свое желаніе — присоединиться къ православію — просьбою къ вологодскому преосвященному, и съ видимымъ усердіемъ посѣщалъ церковь и исповѣдывался, 8-го февраля 1856 года онъ былъ присоединенъ къ св. православной церкви и приобщенъ; причемъ взята была съ него подписка, въ которой онъ отрекался отъ раскольническаго ученія и обѣщался въ самой смерти своей быть въ православной церкви и повинно-

ваться ей единой. Послѣ этого дѣла его было рѣшено въ уголовномъ судѣ такъ: онъ назначенъ былъ къ отсылкѣ въ Ярославскую губернію для водворенія въ вотчину графа Маморова.

Между тѣмъ ни духовная, ни свѣтская власть не довѣряла искренности обращенія Семенова. Духовная консисторія прямо признала необходимымъ имѣть особенное за нимъ наблюдение, несмотря на присоединеніе его къ церкви; а гражданское начальство, съ своей стороны, заботилось о прегражденіи ему возможности къ бродяжничеству. Но власть все же колебалась въ виду закона, рѣшившаго дѣло въ пользу Никиты. Новое обстоятельство вырвало наконецъ власть. Были пойманы новые блудницы, объявившіе себя «изъ братства» Никиты Семенова. По этому случаю Никита былъ задержанъ въ вологодскомъ тюремномъ замкѣ; а между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ секретный комитетъ съ представленіемъ: «что послѣ всего, что сдѣлалъ Никита Семеновъ, самое обращеніе его къ православной церкви, послѣ 30-тилѣтняго бродяжничества, скорѣе можно отнести къ средству избавиться отъ заслуженнаго наказанія, чѣмъ къ чистосердечному раскаянію его въ прежнихъ заблужденіяхъ». И потому онъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) считаетъ совершенно необходимымъ преградить сему преступнику всѣ способы къ побѣгу и къ дальнѣйшему распространенію раскола, а для этого означеннаго крестьянина Меркурія Семенова Киселева заключить въ Соловецкій монастырь, съ подчиненіемъ его тамъ строгому надзору настоятеля. Секретный комитетъ, разсмотрѣвъ такое представленіе министра внутреннихъ дѣлъ, положилъ съ своей стороны:—«Меркурія Киселева отправить въ Соловецкій монастырь не какъ арестанта, но для духовнаго назиданія и вразумленія въ истинахъ православной вѣры, а также для наблюденія, искренно ли онъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ». Это положеніе 9-го іюля 1856 года было вскорѣйше подтверждено. 21-го іюля, Никита Семеновъ отправленъ изъ Вологды въ архангельскому военному губернатору, для сопровожденія его по назначенію.

Но тѣмъ еще дѣло не кончилось. Отправленный въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, Никита Семеновъ видимо покорился своей участи, и когда услышалъ эту покорностію своихъ провожатыхъ, воспользовался ихъ оплошностію и того же іюля ночью сбѣжалъ изъ повозки. Однакожь это предпріятіе ему не удалось, хотя онъ и скрылся въ дѣсь, но скоро были приняты мѣры со стороны полиціи, и онъ снова былъ пойманъ за 40 верстъ отъ мѣста побѣга 28 числа того же мѣсяца, и былъ представленъ въ

Соловецкій монастырь ¹⁾. Но и Соловецкій монастырь не удержалъ Никиту; онъ обманулъ бдительность стражей, изъяснивъ желание постричься въ монахи, — его выпустили изъ-подъ надзора, и онъ, воспользовавшись свободой, бѣжалъ снова, и уже въ 1836-мъ году опять развѣзжалъ по Россіи.

Въ то же самое время, когда странническое ученіе вліяніемъ Никиты Семенова распространилось на сѣверѣ, въ Вологодской губерніи и въ пограничныхъ съ Пошехонскимъ уѣдомъ волостяхъ ²⁾, оно проникло и въ Костромскую губернію. Изъ села Ярославскаго прибыли въ село Сопѣлки двѣ женщины, Авдотья и Анна, для узнанія въ чемъ заключается ученіе Евѳимія. Послѣ бесѣды и совѣщанія со старцами, онѣ пригласили къ себѣ въ Костромскую губернію наставника Михаила Андреева, который туда и отправился вмѣстѣ со старцемъ Маркомъ, обращеннымъ въ странничество братьями Ѳеодоровыми ³⁾.

Михайло Андреевъ возвратился въ Ярославль, а Марко остался наставникомъ въ Костромской губерніи. Скоро ученіе Евѳимія вліяніемъ Марка быстро распространилось по населеннымъ волостями разныхъ селъ уѣздамъ: Костромскому, Нерехтскому и Кинешемскому и утвердилось въ нихъ. Тамъ создало много новыхъ ересеначальниковъ, устроило для странниковъ общины «пристани», и, покровительствуемое проживающими въ Кинешемскомъ уѣздѣ, около села Вичуги, богатыми купцами — Косовыми, Ковваловыми, Миндусовыми и Разореновыми, не только коренилось въ этихъ мѣстахъ, но проложило себѣ дорогу изъ Нерехтскаго уѣзда и во Владимірскую губернію до знаменитаго села Иванова. Изъ наставниковъ болѣе начитанныхъ и вліятельныхъ, книги Костромская губернія снабдила сопѣлковскую сенту, слѣдуетъ прежде другихъ назвать бѣлаго кантониста Ивана, по перекрещенію Ѳеодора Иванова Кривого, уроженца Костромскаго уѣзда, деревни Шелкова, — по уму и дарованіямъ онъ былъ достойнымъ преемникомъ Никиты Семенова. Въ настоящее время ему должно быть около 55-ти лѣтъ: онъ роста довольно высокаго, лицо рябоватое, худощавое, на одинъ глазъ кривъ, съ малолѣт-

¹⁾ Настоятель монастыря по высочайшему повелѣнію обязанъ былъ доносить кажде полугодіе синоду объ образѣ поведенія Киселева, и о томъ какія будутъ имѣть послѣдствія духовныя наставленія надъ нимъ.

²⁾ См. въ дѣлѣ синода донесеніе преосв. Ѳеогноста отъ 16-го ноября 1855-го года № 6640.

³⁾ Объ немъ подробнѣе см. въ Прав. Обзор. за августъ 1864-го года; тамъ буквально написано изъ отчета графа Стенбока.

ства въ странствѣ, весьма остороженъ и ловокъ и, при рѣдкѣ начитанности, обладаетъ даромъ слова.

До открытія комиссіею слѣдствія о страннической сектѣ Ѳедоръ Ивановъ не былъ поставленъ въ «наставники»; но проживая въ селѣ Согѣлвахъ у крестьянина Осипа Зиновьева, стался главнымъ совѣтникомъ и судьей странническаго союза даже руководителемъ ярославскихъ наставниковъ. Весною 1848 года онъ съ своими учениками отправился въ Кинешемскій уѣздъ, поселившись на жительство въ деревнѣ Лекинѣ у кулака Абрама Петрова Кобылева, открылъ свою пропаганду. Въ продолженіи двухъ лѣтъ Ѳедоръ Ивановъ успѣлъ приобрести огромную славу; его имя, по выраженію раскольниковъ, «шибко закружилось» въ этой сторонѣ. Отъ его вниманія не скрылась и другая обильная почва для его пропаганды—сосѣдніе уѣзды Нижегородской губерніи, Балахнинскій и Семёновскій: онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ бѣглыхъ раскольниковъ поповщинской секты, скрывающихся въ свитахъ Семеновскаго уѣзда—Улангерскомъ, Евстромскомъ и другихъ. И его старанія не были напрасны. Разъ во время пребыванія своего въ Лекинѣ, Ѳедоръ Ивановъ былъ схваченъ, вмѣстѣ съ мнимою сестрою своею Клавдіею и др. и слѣдователями. Это случилось ночью съ 5-го на 6-е августа 1858 года, когда они отправляли свое торжественное богослуженіе, въ домѣ проживающаго тамъ мѣщанина запятнаго рода Плеса, Арсенія Степанова, давно подозрѣваемаго въ пердержательствѣ бѣглыхъ.

Вотъ обстоятельства этого дѣла. Когда полицейскій чиновникъ, оцѣпивъ всю деревню Лекино бывшими при немъ людьми подошелъ къ дому Степанова, тамъ происходило пѣніе, а при входѣ его въ домъ, въ которомъ отправлялось молебствіе, онъ засталъ здѣсь до 20-ти человекъ; впереди стоялъ отыскиваемый полиціею Ѳедоръ Ивановъ, читавшій книгу, лежавшую на наполь предъ иконами. Когда чиновникъ вошелъ, то богомоленіе тотчасъ прекратилось, и вся толпа бросилась вонъ, такъ что чиновникъ успѣлъ захватить только самого Ѳедора Иванова, дѣвицу Клавдію она же Александра и Маремьяна, 40-ка лѣтъ, Евстафія Дмитриева, онъ же Василій, изъ крестьянъ деревни Гарей, третій годъ назадъ бѣжавшій изъ военной службы; крестьянскую дѣвицу Марю Васильеву; Дарью Клементьеву; дѣвицу Наталью Васильеву, она же Устинья, мѣщанку города Плеса, крестьянскую дѣвицу села Вичуги Матрену Васильеву, называвшую себя православною, и хозяина дома Арсенія Степанова. — При слѣдствіи

Федоръ Ивановъ показалъ, что ему 42 года, прежде звали его Ивановъ, фамилія Колесовъ, крестьянинъ Костромскаго уѣзда деревни Шелхова. Вѣры онъ православной, сынъ соборной и апо- стольской церкви, на исповѣди бываетъ по обыкновеніямъ своихъ единомышленниковъ, исповѣдающихъ свои согрѣшенія другъ другу; этого же причастія они не имѣютъ за сомнѣніе отъ великорос- сійскихъ пастырей и ихъ священнослуженія. Власть государя императора россійскаго, имѣющаго престолъ наследственный отъ православнаго природы Михаила Теодоровича, онъ признаетъ; но сомнѣвается признать его во всемъ благочестивымъ, потому что считаетъ его отступившимъ отъ бывшаго благочестія; законамъ же его тѣмъ, которые не повреждаютъ благочестія въ вѣрѣ, пови- нуется, и дань ему дать не отрицается, по реченному: «ему же дань—дань, ему же урокъ—урокъ», и проч. Сомнѣнія его въ отно- шеніи догматовъ великороссійской церкви тѣ же самыя, какія вы- сказаны въ отвѣтахъ поморскихъ. — У единомышленниковъ его, Иванова, чинъ служенія отправляется въ молитвахъ, какъ когда случай позволить; молятся они по псалтири и по лѣстовкѣ, по Іусовой молитвѣ, а кто умѣетъ и каноны читаетъ; чинъ ихъ вскій можетъ отправлять, кто только умѣетъ читать, а службѣ свое мѣсто удобно. Таинствъ его единомышленники всѣхъ 7-ми не имѣютъ, а, по нуждѣ, совершаютъ только два: крещеніе и покаяніе. Кто именно занимается отправленіемъ требъ, по ихъ обряду, ему, Иванову, неизвѣстно, а знаетъ онъ только, что его крестилъ старикъ Михаилъ Андреевъ въ попехонскихъ лѣсахъ, военный впослѣдствіи графомъ Стенбовомъ и сосланный въ Во- сточную Сибирь. Изъ мѣста жительства онъ, Ивановъ, скрылся года двадцать-четыре тому назадъ и жилъ большею частію одинъ, въ разныхъ мѣстахъ, но въ особенности по мѣстамъ около нижегород- скихъ лѣсовъ, а по зимамъ около лѣсовъ попехонскихъ, но въ какихъ именно деревняхъ сказать не можетъ; занимался же онъ тамъ отчасти молитвою, отчасти чтеніемъ книгъ, а иногда по- стройкою себѣ кельи... Письма (находящагося въ дѣлѣ комиссіи о убійствѣ Василья Павлова — изъ полицейскихъ, совершенномъ наставникомъ Ивановъ Ивановымъ Жаровскимъ) къ Никитѣ Се- менову онъ никогда не писалъ и человѣка этого не знаетъ. А Ни- кита Семеновъ показывалъ, что онъ нѣсколько разъ видалъ Фе- дора Иванова Кривого и даже считаетъ его за человѣка умнаго и вачитаннаго. — Однакожь, когда сдѣланъ былъ ему вопросъ объ убійствѣ Павлова, онъ замѣтно измѣнился въ лицѣ и былъ встре- воженъ, а писавши отвѣты, видимо старался измѣнить почеркъ.

Прочіе, пойманные съ Федоромъ Ивановымъ показали въ томъ же духѣ ¹⁾).

Разсмотрѣніе возникшаго дѣла было поручено кинешемскому уѣздному суду, вмѣстѣ съ магистратомъ, а пойманные раскольники были препровождены изъ Кинешмы въ Кострому и увѣщанія въ духовную консисторію, подъ конвоемъ. Нѣкоторые были освобождены. Но на дорогѣ случилось слѣдующее: «9-го декабря 1858-го года, часу въ 4-мъ пополудни этапъ съ конными арестантами, изъ которыхъ мужчины были закованы въ ножныя кандалы, а женщины въ наручны, былъ достигнутъ деревнями, изъ которыхъ однѣ были въ двѣ лошади, а другія въ одну; когда они поровнялись съ этапомъ, то всѣ четыре арестанта бросились въ сани — въ первые мужчины, а во вторыя женщины, и тотчасъ же сврились изъ виду, колысуясь недалеко поворотомъ дороги. При чемъ хотя и было сдѣлано по нимъ выстрѣла конвоинными, но безъ успѣха ²⁾»).

Почти въ то же время, какъ ученіе странническое явилось въ Костромской губерніи, оно развилось и въ Тверской. Первымъ проповѣдникомъ здѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ Корчевскаго уѣзда деревни Завражья, Степанъ, по переименованію Иванъ Кононовъ; но окончательно странническое ученіе утвердилось въ Тверской губерніи ревностнымъ стараніемъ наставника Ермогена Кузьмина.

Ермогенъ Кузьминъ, дѣйствовалъ систематически, и приобрѣлъ сначала много пристаней, или «мѣстъ», по выраженію странниковъ, въ Корчевскомъ и Калязинскомъ уѣздахъ. Когда число Кузьмина стала увеличиваться, онъ возвратился въ село Соколы и взялъ съ собою двухъ помощниковъ: военнаго дезертира Кузьму по переименованію Ивана Абрамова Бурлова, и Ивана Иванова Курносаго, уроженца Кинешемскаго уѣзда, деревни Моисеева.

Между тѣмъ самъ Ермогенъ Кузьминъ продолжалъ свою дѣятельность на пользу севты. Онъ не ограничивался уже для своей пропаганды предѣлами одной Тверской губерніи, а занесъ ее въ Московскую губернію. Крестьянинъ Дмитровскаго уѣзда (Московской губерніи) села Рогачева Прокоръ Григорьевъ, очень богатый челоувѣкъ, пригласилъ Кузьмина, какъ челоувѣка весьма начитаннаго и прославившагося своей проповѣдью, въ свой домъ для назиданія. Ермогенъ Кузьминъ не отказался отъ гласнаго

¹⁾ См. донес. нач. Костр. губ. отъ 11-го янв. 1868 г. въ дѣлѣ мнѣст. за № 112.

²⁾ См. донесеніе нач. Костром. губ. отъ 15-го дек. 1858 г. за № 1777-нъ въ дѣлѣ министерства за № 121.

ести, прибыль къ Прохору Григорьеву, и тотъ «насладившись» бесѣдою его, не хотѣлъ отпустить отъ себя, выстроилъ ему двѣ кельи, одну у себя въ домѣ, другую въ деревнѣ Камешвахъ, у крестьянки Авдотьи Михайловой. Ергогенъ Кузьминъ оставшись, такимъ образомъ, на жительствѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, ввелъ въ адъясъ ученіе странническое.

Въ дѣлѣ министерства жѣтъ прямыхъ, положительныхъ свѣдѣній о существованіи севтантовъ странническаго ученія въ другихъ губерніяхъ, но есть указанія, по которымъ съ достовѣрностію можно сказать, что «сента странниковъ» имѣеть своихъ послѣдователей и въ губерніяхъ: Новгородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и даже въ Самарской. Въ Сибири странническое ученіе введено было наставникомъ Яковомъ Яковлевичемъ и другими послѣдователями этого толка, которые были сосланы въ Сибирь — или какъ бродяги непомянціе родства, или же за религиозныя или убѣжденія и другія преступленія. По водвореніи такихъ бродягъ-раскольниковъ на поселеніе они опять уходятъ въ странство: клейма вытравливаютъ разными средствами, иногда насильствуютъ ртомъ, и, снабдивъ себя фальшивыми видами, возвращаются въ прежнимъ своимъ приставодержателямъ въ великороссійскія губерніи; этими-то бѣглецами изъ Сибири и устраиваются приставы по дорогѣ отъ Сибири до самаго Ярославля. Тѣ же, которые остаются въ Сибири, поселяются на жительства въ Томской губерніи — въ кельяхъ, устроенныхъ въ горахъ по рѣкѣ Кіѣ, иногда въ глухомъ лѣсу, представляющемъ имъ безопасное убѣжище; они отстраиваютъ свои кельи со всѣми возможными удобствами — имѣютъ свои поля, огороды, заводятъ полное хозяйство, не исключая даже лошадей. Странники ворчатся подавляніями отъ богатыхъ поселенцевъ сосѣднихъ селеній, а лѣтомъ уходятъ на золотые прииски, гдѣ имъ не отказываютъ въ пособіи. По неизмѣнно достаточнаго числа наставниковъ сибирскіе странники часто перекрещиваются сами, почему въ народѣ именуется самоврещенцами или скрытыми, по главному догаду сенты, повелѣвающему скрываться; есть и въ самой Сибири ихъ покровители и приставодержатели. Кромѣ Златоустовскихъ и Топлинскихъ заводовъ, гдѣ странническое ученіе глубоко вкоренилось, ихъ принимаютъ въ Кунгурѣ и особенно въ городѣ Томени, Тобольской губерніи, гдѣ это ученіе сильно развилось. Здѣсь особенно замѣчательны были два приставодержателя: Андрей Семемовъ Рѣшетниковъ и Яковъ Михайловъ Опрокидниковъ. Въ домѣ этого послѣдняго скрывался главный наставникъ сибирскихъ странниковъ, бѣглый казакъ Никита Овчинниковъ.

Никита Овчинниковъ, по переименованію Василій Родіоновъ и другой наставникъ странническаго союзна, Иванъ Кузнецовъ пріѣзжали въ 1842-мъ году изъ Тюмени въ село Сошляки, для совѣщанія съ здѣшними наставниками и для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ касательно вѣры. Жили они въ домѣ крестьянина Ивана Егорова Панова, но засѣданія наставниковъ были большею частію въ домѣ Осипа Зиновьева; на этихъ засѣданіяхъ участвовало до 15-ти ересеначальниковъ, между которыми занималъ первое мѣсто главный проповѣдникъ Фѣдоръ Иванъ Кривой, однако пренія не имѣли успѣха, и послѣ шумныхъ споровъ сибирскіе наставники возвратились въ Тюмень. Черезъ годъ Василій Родіоновъ пріѣзжалъ снова въ Сошляки, и здѣсь въ 1844-мъ году пойманъ съ фальшивымъ видомъ; при допросѣ онъ назвался сначала тюменскимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Петровымъ Малыхъ, но потомъ объявилъ, что онъ Василій Родіоновъ — бѣглый непомнящій родства, и по судебному рѣшенію былъ наказанъ 50-ю ударами плетей, съ заключеніемъ въ арестантскія роты. Во время содержанія въ ярославской арестантской ротѣ, онъ говорилъ еще двоихъ товарищей и, находясь при работѣ на военномъ кирпичномъ заводѣ, бѣжалъ вмѣстѣ съ ними, однако былъ пойманъ конвойными и по военному суду, за побѣгъ буйство, наказанъ шпицрутенами, чрезъ 500 человекъ два раза съ оставленіемъ его въ арестантской ротѣ. Но и оттуда онъ ищетъ средство бѣжать.

Такимъ образомъ «Секта Странниковъ» въ 1850-мъ году во время ея открытія слѣдственно-судною комиссіею, по распространенности и по внѣшней своей организаціи находилась въ такомъ состояніи: она обнимала собою губерніи — Ярославскую, Костромскую, Тверскую, Московскую, Вологодскую, Владимирскую, Тобольскую и отчасти другія находящіяся между Ярославлемъ, Архангельскомъ и Сибирью, хотя не во всѣхъ съ одинавою степенью развитія. Центромъ всего странничества было село Сошляки, которое постоянно все болѣе и болѣе пріобрѣтало значенія въ исторіи странничества. Сюда стекались и странники и не странники — одни для разрѣшенія недоумѣній, другіе для изслѣдованія новаго ученія; здѣсь поступали въ секту, перекрещивались, отсюда же выходили и всѣ главные наставники для пропаганды и проч.; къ празднику пасхи въ Сошляки собирались до 100 и болѣе странниковъ, здѣсь они торжествовали праздникъ по обрядамъ своей секты. Здѣсь — въ Сошлякахъ былъ и «верховный судъ и совѣтъ»; въ томъ и другомъ принимали дѣ-

многое участие главнѣйшіе сектаторы уже извѣстны намъ: Юръ Ивановъ Кривой, Василій Горбунчикъ, Сергій Ивановъ — и Ѳедора Иванова, Иванъ, по переименованію Андрей Семеновъ Львовъ, Кузьма, по переименованію Иванъ Абрамовъ Бурловъ, Евратій, по переименованію Алексѣй Петровъ Швелевъ, Ѳедоръ Яковъ Клоповъ и многіе другіе, все крестьяне и бѣглецы солдаты Ярославской и Костромской губерній.

Всѣми религіозными и административными дѣлами секты заправлялъ, главнымъ образомъ, Никита Семеновъ, которому — по своимъ познаніямъ въ раскольнической догматикѣ и вообще знанію литературы русской, духовной и свѣтской — по справедливости принадлежало и первое мѣсто между всѣми наставниками секты.

Второе мѣсто занимаетъ въ этой верховной администраціи Иванъ Семеновъ Кривой. Третье мѣсто принадлежитъ помощнику и ученику Никиты Семенова, бѣглому солдату Григорію, по переименованію Василью Яковлеву.

Число сектаторовъ нельзя опредѣлить и не было опредѣлено слѣдованіями комиссіи. Впрочемъ въ одной Ярославской губерніи ихъ насчитывали до 500 человекъ, а пристанодержателей 463, во всѣхъ же другіхъ губерніяхъ, гдѣ давали пристава странникамъ пристанодержателей считалось 676. Въ сектѣ странниковъ, какъ въ обществѣ совершенно изолированномъ отъ очага народонаселенія государства, найдены были свои иконописцы, литейщики, переписчики, сочинители духовныхъ стиховъ, даже серьезныхъ произведеній, въ родѣ, напр. «Малый образъ Иисуса» или «сказаніе объ Антихристѣ, еже есть Петръ І-й», или «Гомеоскій странникъ» и др. Не было недостатка и въ женскихъ начетчицахъ и наставницахъ: вообще секта была вполне организованнымъ, отдѣльнымъ церковно-религіознымъ обществомъ.

Въ наше время послѣдователи страннической секты преимущественно стремятся въ Астрахани. Къ Астрахани стремится чрезвычайно и весь вообще гулевой народъ приволжскихъ губерній: онъ любитъ этотъ городъ и зоветъ его не иначе какъ Разгульный городкомъ». Слабость надзора за паспортами въ Астраханскомъ краѣ была даже поводомъ къ составленію народной осливицы, которая особенно употребительна между нижегородскими раскольниками: «коли хочешь въ камыши, такъ паспорта не пиши, а захочешь въ Разгуляй и билетъ не выправляй». Въ той обитанной землѣ бродягъ и безпаспортныхъ пріютился и широко распространился расколъ безпоповщинскій; на буграхъ низовья Волги, на рыболовныхъ ватагахъ Каспійскаго моря живутъ чрезвычайно много раскольниковъ Нижегородской губерніи;

сюда же изъ верхнихъ губерній нижегородцы съезжаютъ странниковъ. По своему географическому положенію, Нижній Новгородъ и вся приволжская часть его уѣздовъ представляетъ самое лучшее и удобнѣйшее мѣсто для стеченія всякаго сброда людей, въ томъ числѣ и странниковъ, съ цѣлью отправиться сюда «по большой дорогѣ, по вольному пути» (по Волгѣ) на камыши астраханскіе. Исключительно одна Нижегородская губернія строитъ для каспійскаго и нижеволжскаго рыболовства лодки, вяжетъ сѣти, прядетъ снасти, дѣлаетъ уды и весь массу предметовъ необходимыхъ для рыболовныхъ промысловъ; и это она ежегодно сплавляетъ къ Астрахани по весеннему половодью Волги. Потому-то для странниковъ и всякихъ бѣгуновъ нѣтъ лучше мѣста собранія, какъ Нижній и его приволжскія окрестности: одни изъ странниковъ приходятъ сюда во время ярмарки, а другіе собираются зимою, а весною въ апрѣлѣ и майѣ изъ Чернорѣцкой волости (Балах. уѣзда), изъ Ивобитскаго (Горб. уѣзда), изъ Гнилицъ (Балах. уѣзда), изъ Безводнаго (Ниж. уѣзда) и изъ самаго Нижняго-Новгорода на рыболовные лодки, а также при сплавахъ въ Астрахань унженскаго и велико-каспійскаго лѣса, отправляются въ свою обитованную землю—въ Астрахань, гдѣ водворяются на берегахъ волжскаго низовья, на берегахъ Каспійскаго моря, уходятъ даже, какъ говорятъ, на низовья Уманы, Эмбы, въ Закавказскій край и даже шатаются будто бы по восточнымъ берегамъ моря и пробираются съ Саманскихъ промысловъ въ Персію. ¹⁾ Съѣмщики водъ каспійскихъ и нижеволжскихъ охотно принимаютъ этотъ безпаспортный сбродъ людей, особенно если сами придерживаются раскола: они принимаютъ бѣгуна къ себѣ, и онъ живетъ вѣкъ свой въ шахъ или на ватагахъ, ловя рыбу и исправляя другія работы, за что получаетъ отъ хозяина плату хлѣбомъ, и другими предметами, не оскверняя даже рукъ своихъ деньгами. Здѣсь выгода обоюдная—и съѣмщика водъ, и бѣгунъ. Первый имѣетъ въ бѣгунѣ хорошаго и вѣрнаго работника, а бѣгунъ, сверхъ полнаго хорошаго содержанія, имѣетъ надежный пріютъ подъ кровомъ своего хозяина, который не дастъ его въ обиду помѣщику, если бы она вздумала обратить свое вниманіе на бѣглаго. Слѣд.

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія о Нижегород. губ. по этому предмету заимствованы изъ свѣдѣній бывшаго преосвящ. нижегор. Іеремія за 1854-й годъ и изъ дѣла мн. н. дѣл. 1853-го года за № 63/871, о командированіи въ Нижегород. губ. чиновника особ. порученій при министрѣ, г. Мельникова, для приведенія въ извѣстность существующаго положенія раскола въ Нижегород. губ.

нѣтъ охотнѣе принѣмать съ ней дѣло на деньгахъ, нежели видѣть полезнаго для него работника-Вѣгуна.

Такимъ образомъ, Нижегородская губ. представляетъ въ странничествѣ самое лучшее сборное мѣсто, средоточіе для всевозможныхъ операцій; въ ярмаркѣ сюда собираются и наставляющіе страннической секты. По собраннымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ 185²/₃-мъ гг. былъ на нижегородской ярмаркѣ и самый Федоръ Ивановъ Кривой. Съ нимъ ѣздятъ нѣсколько головницъ, которыя поютъ по крюкамъ при совершеніи Федоромъ Ивановымъ своихъ обрядовъ.

Лѣтомъ нижегородскіе странники, остающіеся въ губерніи, являлись преимущественно въ лѣса Макарьевского уѣзда — Гнилицкій и Салавирскій, такъ что лѣтомъ ихъ нельзя видѣть въ домахъ «жилохныхъ христіанъ». Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы въ Нижегородской губ. было много «дѣйствительныхъ странниковъ», — видѣть только изобиліе на «страннопримцевъ». По теченію Оки и Волги расположены «жиловые христіане» во многихъ мѣстахъ, даже можно сказать, что всѣ эти мѣста исключительно и находятся только по берегамъ этихъ рѣкъ.

Когда слѣдственная коммиссія обнаружила существованіе и въ особенности главный притонъ странниковъ въ селѣ Софѣлахъ, и когда дѣйствіями ея севтанты частію были пойманы, а нѣкто ихъ разрушено, странники разбѣжались въ разныя стороны. Одинъ изъ числа такихъ выходцевъ, по имени Савва, ученикъ Навицы Семенова, явился въ Олонецкую губернію, и положилъ начало странническому ученію въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Онъ явился сюда въ 1852-мъ году и началъ свою пропаганду въ устьвольскомъ приходѣ. Послѣдователи его ученія не замедлили явиться. Они даже выстроили ему, въ 15-ти верстахъ отъ этого прихода, недалеко отъ рѣки Нормы, въ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ болотами, подземную келью: отсюда первымъ притономъ этой секты явился, такимъ образомъ, приходъ устьвольскій, въ которомъ скоро явилось много и «дѣйствительныхъ странниковъ» и «страннопримцевъ». Потомъ изъ устьвольскаго прихода секта странниковъ постепенно проникала и въ сосѣдніе приходы. Въ этихъ приходахъ до 1857 года считалось главныхъ приверженцевъ страннической секты 51 чел.; но подробно и обстоятельно еще не было открыто настоящаго ихъ числа. Потомъ Савва отправился къ своему учителю въ Вологодскую губернію и проживалъ тамъ до 1857 года; въ эти пять лѣтъ Савва помогать въ дѣятельности своему «великому учителю» въ Вологодскомъ уѣздѣ. Прослышавъ, что его здѣсь розыскиваютъ, и что

въ Олонецкой губ. секта начала ослабѣвать, Савва въ декабрѣ мѣсяцѣ 1857 года отправился снова въ Каргопольскій уѣздъ. Здѣсь уже его ждали съ сентября мѣсяца; у крестьянина деревни Филевы, троицкаго прихода, Алексѣя Иванова Другалова, устроены были для него тайники при новыхъ дворовыхъ службахъ. Долго ли прожилъ здѣсь Савва, этого положительно нельзя сказать. Только о цѣли его посѣщенія можно судить по преданію, принесеннымъ этимъ посѣщеніемъ. «Въ концѣ 1857 г.—говорится въ отчетѣ преосвящ. Олонецкаго Архидіа—секта странниковъ усилилась въ епархіи и особенно въ Каргопольскомъ уѣздѣ, ослабѣвшая было въ первый половинѣ этого года». Послѣ объѣзда, по прошествіи года (1857), вѣреннаго духовенства, благочинный протоіерей Виноградовъ доставлялъ преосвященному довольно подробныя свѣдѣнія ¹⁾ о сектѣ странниковъ тогда, какъ прежде онъ же доносилъ, что «ничего нельзя сказать объ этой сектѣ, есть она или нѣтъ». Изъ такого хода дѣла можно ясно видѣть вліяніе Саввы въ послѣдній его пріѣздъ на быстрое распространеніе и утвержденіе странническаго ученія: секта обогатилась теперь настолько, что ее уже можно стало изучать. Въ 1857-мъ году она существовала въ 8-ми приходахъ Каргопольскаго уѣзда, а въ 1859-мъ году уже въ 12-ти, какъ видно изъ вѣдомостей о благочиннаго. По его словамъ, дѣятельность наставниковъ и самихъ странниковъ начинается здѣсь съ октября и продолжается всю зиму ²⁾.

Такъ широко распространилось странническое ученіе въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ Россіи. Ему дали пріютъ не только отдаленныя тундры Сибири и лѣса архангельскіе съ древними олонечками притонами раскола, но и самыя внутреннія губерніи. Его область раскинулась широко, начиная съ Твери, чрезъ Москву, Ярославль и Владиміръ, до Каргополя, и, слѣдуя изъ того же пункта воднымъ путемъ «по Божьей дорогѣ», захватывала Астрахань и камыши прикаспійскіе. Все это огромное пространство снабжено пристаями, «мѣстами», посѣщаемыми не однимъ «христовымъ человѣкомъ», какъ называетъ себя странникъ, но и всякимъ сбродомъ людей, безъ всякихъ религіозныхъ стремленій, толкующихъ «о волѣ», подъ тѣмъ разумѣется жить гдѣ-нибудь, лишь бы «не дома».

¹⁾ Мы будемъ имѣть случай упомянуть въ своемъ мѣстѣ объ этихъ свѣдѣніяхъ доставленныхъ о благочиннымъ Виноградовымъ.

²⁾ См. въ дѣлѣ синода, въ отчетахъ его за 1858—1859 гг.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ЧЕГО-ТО ЖДЕТЬ!

Еще не вѣяло весною
Надъ усыпленною землею.
Слѣды угрюмыхъ непогодъ
Любви обильною рукою
Весна нагладить не идетъ,
И черный лѣсъ чего-то ждетъ!

Чего-то ждетъ весь міръ живущій...
И жаждетъ духъ, какъ міръ тотъ ждущій,
Оцѣпенѣнья сбросить гнетъ,
Въ токъ жизни ринувшись бѣгущій,—
И сердце, полное заботъ,
Какъ черный лѣсъ, чего-то ждетъ!

II.

ОБНОВЛЕНИЕ.

Зносимъ лѣта удручающимъ
 Полдень пышетъ надъ землей,
 Ароматомъ опьяняющимъ
 Обдаеть въ глуши лѣсной.

Роща темная, сосновая
 Млѣеть въ запахѣ смолы...
 Выплываетъ, вся лиловая,
 Туча изъ-за знойной мглы...

Чуткой чашей повторенная,
 Прокатилася гроза...
 Капля брызнула студеная—
 Ливня первая слеза.

Закружились вихри пыльные,
 И, мгновенія не ждя,
 Потекли струи обильныя
 Благодатнаго дождя.

Миръ за долгое томленіе,
 Миръ за тягостный покой
 Получаетъ обновленіе,
 Вдругъ полившее рѣвой.

III.



III — 2.

Дитя мое, какъ я тебя люблю!
Я каждый шагъ твой, каждый взглядъ ловлю.
Я трепещу за каждое мгновенье,
За каждый вздохъ твой, свѣтлое творенье!
Мой конченъ день—я вижу край пути.
Вечерній лучъ—последній,—посвѣти!



IV.

ПРЕДЧУВСТВЫЕ СМЕРТИ.

Умъ мой утомился, сердце умолкаетъ;
Въ немъ себѣ заранѣ смерть гнѣздо свиваетъ.

Прилетитъ, задуетъ искру ту, что тлѣла,
И погаситъ очи, и остудитъ тѣло...

О, мои пороки, страсти, заблужденья!
Осѣнитъ васъ вѣчный, кроткій миръ забвенья.

Въ томъ, что схоронили, въ томъ, кого не стало,
Смерть все облакаетъ свѣтомъ идеала.

V.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Душа моя нѣжна. Возлюбленная, гдѣ ты!
Румянымъ золотомъ края небесъ одѣты —
Послѣдней россошью плѣнительнаго дня.
Сгнѣши далекая, покуда грудь моя
Полна тоской любви, такъ сладостно томящей,
Пока еще дрожитъ тотъ лучъ, едва сквозящій, —
Тотъ въ небѣ и въ душѣ послѣдній свѣта лучъ,
Готовый утонуть въ безбрежномъ морѣ тучъ.

Сентябрь, 1872 г.

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

ИСТОРИЯ БИСМАРКА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРИЕЮ ЕГО СТРАНЫ.

I.

Das Junkerthum.

Если разсматривать Бисмарка какъ психологическій типъ, независимо отъ собственной его роли въ исторіи, то прежде всего замѣчается, что этотъ типъ представляетъ чистый мѣстный продуктъ, результатъ племенныхъ, этнографическихъ и историческихъ условій. Волна завоевательнаго германства, потопившая балтійскую славянщину и литовщину, въ теченіе вѣковъ прочно установилась въ этихъ нѣкогда дремучихъ лѣсахъ, на этихъ безконечныхъ равнинахъ, и вылилась въ своеобразныя формы общественныя, въ типическія фигуры кастъ. На всемъ этомъ побережьи и далеко во внутрь материка, на длинной и широкой полосѣ отъ Мекленбурга до Саксоніи и Силезіи, а оттуда чрезъ восточную Пруссію до самаго берега Финскаго залива, германское покореніе и населеніе совершилось не въ то смутное время, когда многочисленныя племена толпами стремились на Югъ, сталкиваясь и сшибаясь между собою, нарастая въ разнородныя агломерации, внезапно исчезая послѣ стремительнаго, разрушительнаго похода. Среди этого хаоса племенъ, какъ-бы безродныхъ, среди этой борьбы почти безыменныхъ народныхъ потоковъ, племенные фазіономіи стирались, мѣнялись, иногда исчезали почти безслѣдно.

Это было какъ-бы тайнѣ сѣговы ускоренной весной, въ горной мѣстности: самые могущественные, самые стремительные воины не успѣвали вырыть себѣ ложа и установить себѣ въ земь народную личность. Но не таково было то время, къ которому относится германское покореніе и заселеніе балтійскаго побережья. Тутъ колонизація произошла въ то культурное время, когда завоеватели были уже не ордой, не походнымъ лагеремъ, въ представителяхъ ясно опредѣлившейся племенной личности, представителями христіанско-германской культуры. Вотъ почему это завоеваніе, какъ и саксонское завоеваніе въ Британіи, получило прежде всего характеръ не только присвоенія себѣ господства въ чужой землѣ, но и борьбы противъ чужой вѣры и чужой народности, — стремленія совершенно истребить туземную вѣру, потому что она представлялась ложною, — туземную, племенную особность, потому что она представлялась низшею. Авторами въ драмѣ этого безусловнаго отрицанія всего туземнаго и этой неутолимой системы полнаго его истребленія являлись: съ одной стороны, приплывшій изъ Германіи воины, сопровождавшіе и защищавшіе воинственныхъ проповѣдниковъ христіанства, а за ними постепенный приливъ торговцевъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, которыми завоеватели колонизировали покоренную землю; съ другой — покоряемые, истребляемые славянскія, литовскія и финскія племена. Все, что не было истреблено и не бѣжало, все, что покорилось, должно было внезапно превратиться въ христіанъ и постепенно превратиться въ нѣмцевъ. Слѣды прежней вѣры истреблялись мечомъ, слѣды всѣхъ прежнихъ племенныхъ особностей вмѣнялись въ признаки дикарства, некультурности, низшей породы, служили попрекомъ, поводомъ къ презрѣнію. Между тѣмъ, масса населенія могла по наружности скоро принять вѣру побѣдителей, но прошло долгое время, пока эта масса усвоила себѣ культуру, языкъ и имена побѣдителей. Пригѣръ Силезіи и нашихъ остзейскихъ провинцій свидѣтельствуетъ, какъ тяжело, какъ медленно должно было подвигаться это дѣло германизаціи, если оно въ названныхъ сейчасъ мѣстностяхъ и доселѣ совершиться не успѣло.

Такой характеръ завоеванія естественно долженъ былъ сообщиться и отношеніямъ между классами, которые здѣсь сперва представляли двѣ породы. Завоеватель-рыцарь сперва считалъ завоеванныхъ имъ погаными идолопоклонниками, потомъ презрѣнными полудикарями. Франконскій, швабскій рыцарь презиралъ своихъ подданныхъ потому собственно, что они были его слуги. Но насколько болѣе презиралъ своихъ подданныхъ рыцарь сак-

сонский, мекленбургский, бранденбургский, лифляндский — труд и определять; онъ едва считалъ ихъ людьми, и именно ставилъ себя въ обязанность передѣлывать ихъ въ людей при помощи оружія. Нѣмецкій колонистъ, ремесленникъ и земледѣлецъ, шедшій въ эти страны влѣдѣ за рыцаремъ, и тотъ считалъ себя принадлежащимъ къ совсѣмъ иной, высшей породѣ людей, къ которой принадлежало туземное покоренное, перѣдѣлываемое населеніе. Между нѣмецкимъ колонистомъ и нѣмецкимъ завоевателемъ, между бюргеромъ и рыцаремъ установилась общность взгляда по отношенію къ массѣ. Это обстоятельство должно было повліять и на характеръ сѣвернаго германства. Традиція долговременной, истрепительной борьбы, удовлетворявшая привычку считать принесенную съ собою культуру единственно путемъ къ спасенію, все это внесло въ характеръ сѣвернаго германства черту, свойственную вообще насильственной, неодоносной пропагандѣ: фанатизмъ самоубійства, безусловную упорность въ своемъ превосходствѣ, жестокость права и нѣкую узкость воззрѣнія. Эти саксонскіе завоеватели и колонизаторы побережья Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и самой Британіи, эти родичи благороднаго древне-саксонскаго языка, такъ называемаго Plattdeutsch, языка, изъ котораго создались нѣкоторые языки англійскій и голландскій, языки, которыми говорили и писали рыцари бранденбургскіе, померанскіе и ливонскіе, запечатлѣлись своимъ дѣломъ обширнаго завоеванія: оно напечатлѣлось на нихъ тотъ отпечатокъ высочайшаго, жестокости, энергіи, самоубѣренности и узкости, который весьма сильно отличаетъ сѣверное германство отъ южнаго.

Но въ самой сильной степени отпечатокъ этотъ сохранился именно на той самой частѣ, которая непосредственно совершила дѣло военнаго завоеванія, то-есть, на сѣверогерманскомъ рыцарствѣ. По мѣрѣ того, какъ туземная масса германизировалась, она растворяла пришлое нѣмецкое бюргерство и засыпала дѣлчество своими элементами. Для нѣмецкаго бюргера, по мѣрѣ того, какъ самъ онъ такимъ образомъ претворялся, исчезали глаза и та иноплеменная, низшая масса, надъ которой прежде онъ возвышался въ горделивомъ сознаніи, какъ благородная морная фигура на пьедесталѣ изъ грубаго мѣшаннаго или стняка. У бюргера Митавы есть еще и теперь такой нравственный илотъ, напоминающій ему о нѣмецкомъ превосходствѣ, но у Данцига, Кѣнигсберга, Бреславля пьедесталъ меньше: въ столицахъ нѣмецъ не меньшинство, не драгоценная рѣдкость,

ръ и славянскія, въ свою очередь, хотя и слывуть нившей ра-
 4; но уже усвоили себѣ такое развитіе, что разстояніе между
 ни и нѣмцами стало менѣе ощутительно. У жителя же Маг-
 бурга, Шверина, Ростока — иноплемennныхъ «илотовъ» и со-
 мнѣ въ виду не имѣется. Всѣ иноплемennные элементы тамъ уже
 пулись въ германскую народность.

Но для самой части, непосредственно совершившей завоева-
 ; такая пережйна была менѣе ощутительна. По мѣрѣ того,
 въ иноплемennные элементы на земляхъ рыцарства обращались
 нѣмецкую массу, сѣверогерманское рыцарство приучалось смот-
 рѣть на все не-дворянское такъ, какъ прежде смотрѣло на все
 нѣмецкое. Духъ исключительности, высокомѣрія и суровости
 мѣдовался въ этомъ сословіи отъ временъ истребительнаго
 вѣванія. вмѣстѣ съ нимъ унаслѣдовались и энергическіе нравы,
 ность къ охотѣ, къ верховой ѣздѣ, повелительнымъ, суровымъ
 сашки.

Рыцарскія традиціи здѣсь не повели однако къ пренебреже-
 в труда, къ исключительному занятію сперва турнирами и охо-
 в, а потомъ уже только набожностью, галантерейностью и
 вѣною, какъ то болѣе или менѣе случилось на югѣ. Совсѣмъ
 противъ; здѣсь было слишкомъ много практической работы, по-
 му что одной данью нельзя было бы и жить, такъ какъ при-
 ра была сурова, страна дика и пуста. И до завоеванія она
 была богатой, а завоеваніе само по себѣ не создавало дѣи-
 стей. Здѣсь торговля, промыслы не существовали, города не
 викали сами собой, какъ въ Италіи. Города надо было строить,
 свѣдущихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ выписывать тыся-
 ми съ Рейна и изъ Нидерландовъ. Однимъ словомъ, мало было
 воевать землю, истребить туземныя племенныя отличія; надо
 еще *хозяйничать*, энергически хозяйничать. И вотъ среди
 ныхъ условий, существовавшихъ вѣка, содался тотъ типъ сѣ-
 верогерманскаго дворянина, высокомѣрнаго, исключительнаго до
 ности въ своихъ унаслѣдованныхъ рыцарскихъ понятіяхъ, а
 нѣстѣ богато одареннаго практическимъ здравымъ смысломъ хо-
 нива, энергическаго, работающаго, блюстителя своихъ интересовъ,
 рко смотрящаго за всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать выгодную
 снерческую сдѣлку. И надо замѣтить, что этотъ практическій
 рудъ, эти заботы хозяйственнаго устройства нисколько не вели
 ь тому, чтобы сладаить рѣвкость, черствость, сообщенную этому
 шу истребительною войной. Напротивъ, къ презрительному вы-
 омирѣнію завоевателя и просвѣтителя полудикихъ народовъ, въ
 нѣхъ, подѣ влияніемъ заботъ хозяйственнаго строительства, при-

соединились еще нѣкоторыми баричиническія и эксплуататорскія свойства. Суровость, жесткость права нисколько не уменьшились оттого, что къ нимъ прибавились коммерческая предприимчивость, хозяйственная расчетливость, а самоуверенность еще только росла при такой дѣятельности, въ которой рыцарь являлся типомъ почти всего существующаго.

Въ подтвержденіе этого очерка нѣтъ нужды указывать исторію нѣмецкаго завоеванія и колонизаціи собственной Пруссіи и нашихъ балтійскихъ провинцій мечомъ и трудами двухъ германскихъ рыцарскихъ орденовъ; она достаточно у насъ известна большинству. Но и въ самомъ Бранденбургѣ, который служилъ ядромъ прусскаго королевства, первоначальный ходъ развитія представляеть сходныя черты. Натискъ германскихъ завоевателей на славянское населеніе, окончательное покореніе славянъ основателемъ бранденбургскаго маркграфства, въ началѣ XIII вѣка, выписка цѣлыхъ населеній колонистовъ изъ Германіи, основаніе городовъ, цѣлый рядъ войнъ для покоренія Поморья, постоянная заботливость объ округленіи своихъ владѣній, то покупкою оружія, то посредствомъ купли и продажи, — вся исторія бранденбургскихъ курфирстовъ до гегенцоллернскаго дома представляеть въ большомъ размѣрѣ то самое, что представляла въ чистотѣ исторія каждаго отдѣльнаго рыцарскаго дома въ этой странѣ. Да и самъ первый Гегенцоллернъ, владѣнникъ бранденбургской маркграфіи, бурграфъ жорвбергскій Фридрихъ приобрѣлъ ее коммерческою сдѣлкой, какъ залогъ по денежной осудѣ.

И впоследствии, когда бывшее орденское владѣніе, а затѣмъ свѣтское герцогство Пруссія унаслѣдовало было курфирство бранденбургскимъ, въ XVII-мъ столѣтіи, исторія этихъ земель не измѣнила своего характера. Дѣятельность великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма и короля Фридриха-Вильгельма I-го, по существу имѣла двойственный характеръ, воинскій и хозяйственный. Постоянно вмѣшиваясь въ войны сосѣдей, они непрерывно «создавали» свои владѣнія. Но этого мало: великій курфюрстъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ I-й были отличные хозяева; первый, можно сказать, создалъ дѣйствительное благосостояніе Пруссіи; второй скончилъ большую вахну. Не будь этихъ ихъ дѣлъ, никогда Фридрихъ II-й не могъ бы сразу поставить Пруссію на степень первостепенной державы. Между тѣмъ приливъ колонистовъ изъ Германіи и изъ Австріи продолжался; и великій курфюрстъ и король короли всячески поощряли его.

Да и можно ли остановить вахну быструю характерную на этомъ именно времени, то-есть на половинѣ XVIII-го вѣка?

ты; слишкомъ известно, что и дагдѣ исторія Пруссіи шла по такому же образумъ, правительственная дѣятельность въ странѣ неуловнно руководилась тѣмъ же двойственнымъ духу: воинскими подвигами для «округленія» ивнѣ и духомъ ительнаго, бережливаго и строгаго хозяйства для укрѣпленія три. Этотъ правительственный духъ остался и въ современной Пруссіи.

Но тѣ самыя условія, изъ которыхъ возникъ этотъ двойственный духъ въ правителяхъ Бранденбурга и Пруссіи, были общи и у рыцарскому сословию этихъ земель. Мы уже говорили выше, какъ образумъ естественныя условія развили въ этомъ сословіи смѣлостъ, энергіи, самоувѣренности, нетерпимости, высокоумѣ, рѣзкость тона, страсть къ охотѣ и верховой ѣздѣ, однимъ словомъ, тѣ самыя черты, которыя можно наблюдать у потомковъ римскихъ же завоевателей другой сѣверной страны — Англии. Между характеромъ прусскаго «юнкерства» и англійской сельской интеллигенціи, дѣйствительно, есть сходство. Но между ними есть и огромная разница. Бамбергеръ, въ своей книгѣ «Monsieur de Bismarck», нашелъ подходящаго французскаго слова для нѣмецкаго вырженія *Junkerthum, Junker*. Онъ замѣчаетъ, что во французскомъ языкѣ есть только выраженіе «hobereau», которое представляетъ такое понятіе, но что этому выраженію, означающему сельскаго, помѣщика въ замѣхъ или мнѣхъ помѣщика соотвѣтствуетъ по нѣмецки болѣе точное названіе *Krautjunker*. Слова же *Junker*, выражающаго понятіе болѣе общее, понятіе о нравственныхъ особенностяхъ всего дворянства, по-французски нѣтъ. Немудрено, замѣтимъ мы, что подходящаго слова не нашлось въ языкѣ французскомъ. Его не найдете и ни на одномъ языкѣ, потому именно, что слово *Junker* опредѣляетъ мѣстный типъ, котораго нѣтъ въ другихъ странахъ. Слово *Junker* буквально можетъ быть передано по-французски словомъ «cadet»; замѣчательно, что это послѣднее слово, означающее младшихъ сыновей дворянскаго дома, обратилось впоследствии въ названіе молодыхъ дворянъ, опредѣляющихся въ военную службу; въ этомъ смыслѣ оно перешло и въ русскій языкъ въ словѣ «кадетъ», и, замѣтимъ, перешло вмѣстѣ и съ нѣмецкимъ словомъ *Junker*; получившимъ у насъ тоже специальное значеніе «юнкеръ». Младшіе сыновья дворянскихъ фамилій въ старой Франціи, дѣйствительно, избирали себѣ военную или духовную профессію. Старшіе же носили титулъ своей фамиліи, и оставались или въ замѣхахъ, или получали прямо дворянскія званія, а также высшія гражданскія должносты, не проходя низшихъ, то-есть безъ службы.



Въ Пруссіи же, можно сказать, *ося* дворянскіи дѣти делись въ этомъ положеніи *младшихъ* сыновей, они всѣ одинаково *sadets* или *Junker*. Дѣло въ томъ, что въ германскомъ дворянствѣ вообще преимущество старшинства въ родѣ крайне ограничено въ сравненіи съ рыцарствомъ романскимъ, которому по своему нормандійскому происхожденію относительно рыцарство великобританское. По романскому геральдическому принципу, титулъ герцога, марквиза, графа, и т. д., можетъ принадлежать въ родѣ только одному лицу; на другое лицо, то-есть отъ отца къ сыну онъ переходитъ только путемъ наследства за смертью отца, и притомъ переходитъ только къ одному сыну, то-есть къ старшему. Такимъ образомъ, если въ фамилии есть нѣсколько титуловъ, предполагающихъ нѣсколько владѣній, то нѣсколько членовъ одной фамиліи могутъ носить титулы, но это будутъ *титулы разные*. Сынъ герцога Аргайля, англійскаго пэра, носитъ титулъ, но титулъ марквиза Лорнъ, потому что числѣ аргайльскихъ владѣній есть лорнская земля, составляющая марквизатъ. Во французскомъ дворянствѣ, если фамилія имѣетъ только одинъ титулъ, то при жизни отца старшій сынъ носитъ титулъ непосредственно ниже отцовскаго титула, съ тѣмъ же именемъ. Такъ, старшій сынъ марквиза Ларонжаклена при жизни отца называется графъ Ларонжаклень. Всѣ же прочіе члены семейства, неимѣющіе специальныхъ титуловъ, уже не носятъ титула по своей фамиліи, а называются *Messieurs де-ла-Рошжаклень*. Такъ и въ Англіи, всѣ члены рода Росселей, который имѣетъ титулъ герцоговъ Бедфордъ, кромѣ самого герцога, называются просто гг. Россели. Графъ Россель (Джонъ) составляетъ исключеніе только потому, что королева возвела его самою королевою пэры, то-есть создала особъи титулъ графа Россель, независимый отъ герцоцскаго титула Бедфордовъ. Старшій сынъ графа Росселя носитъ титулъ виконта. Въ настоящее время, все это имѣетъ по преимуществу значеніе только геральдическое, во всѣхъ странахъ романскаго рыцарства, кромѣ впрочемъ Англіи, гдѣ учрежденіе майората существуетъ и доселѣ. Во Франціи его отмѣнила революція; въ Италіи оно еще держится, но не соблюдаетъ общаго правила; въ Испаніи оно отмѣнено въ послѣднюю четверть столѣтія. Но прежде, когда титулу строго соответствовало владѣніе, а владѣніе оставалось недѣлимымъ, романское дворянство находилось совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ дворянство германское, среди котораго майоратъ имущественно представлялся только въ видѣ привилегіи отдѣльныхъ фамилій (какъ это есть и у насъ), а майоратъ титула вовсе не существовалъ, такъ

то всё сыновья графа Гольца, например; уже при жизни отца называются графы Гольцы, хотя бы ихъ было десятеро. Даже незамужнія дочери, при живомъ отцѣ, называются въ Германіи, какъ и у насъ, графинями и т. д.; между тѣмъ какъ во Франціи даже дочь герцога Ларонфуко называется *м-ле де-Ларонфуко*, а въ Англіи хотя дочь герцога Bedford и называютъ *lady*, но не по фамиліи, а по крестному ея имени: *lady Jane*, *lady Harriet Russell*, и этотъ титулъ признается только «изъ вѣжливости» (*out of courtesy*) и не утрачивается съ выходомъ дѣвицы замужъ даже за коммонера, несмотря на перемѣну фамиліи.

Итакъ, уже вообще говоря, германское дворянство состоитъ изъ семействъ, которыхъ члены равноправны. Они всё — *cadets*; званіе *Junker* дается слугами безразлично всѣмъ молодымъ дворянчикамъ. Такимъ образомъ, германское дворянство, при равноправности всѣхъ членовъ, неминуемо должно было сдѣлаться крайне многочисленнымъ; на той степени отдаленнаго родства, на которой въ Англіи утрачивается уже и самое понятіе о «благородствѣ происхожденія», такъ что потомокъ одной изъ боковыхъ линій королевскаго дома Стюартовъ дѣлается мясникомъ, — въ Германіи каждый отдаленнѣйшій потомокъ младшей изъ самыхъ боковыхъ линій какого-нибудь графскаго дома, дѣйствительно жившаго могущество въ XV-мъ или XVI-мъ столѣтіяхъ, — все еще графъ, такой же графъ, какъ и его праотець. Стало быть, какой бы онъ ни былъ бѣднякъ, онъ не можетъ быть приказчикомъ, ремесленникомъ, мастеромъ: значитъ — онъ *долженъ служить*. Вотъ откуда происходитъ въ Германіи то безчисленное *служилое* дворянство, которое запруждаетъ собою іерархію военную и административную. Все это господа съ длиннѣйшими генеалогическими древами, которыхъ нѣтъ иной карьеры какъ быть *Lieutenant* или по меньшей мѣрѣ *Auscultator* или *Referendarius*.

Если мы перейдемъ теперь въ частности къ дворянству прусскому; то увидимъ, что сама исторія, сдѣлавъ Пруссію государствомъ милитарнымъ и бюрократическимъ по преимуществу, необходимо придала всему ея дворянству характеръ служилаго сословія, и, подгоняя всё поколѣнія дворянства, почти въ полномъ его составѣ на службу, должна была неизбежно внести и въ самыя свойства прускаго дворянскаго сословія характеръ бюрократическій и въ особенности милитарной дисциплины, послѣдней въ особенности потому именно, что милитаризмъ въ Пруссіи господствовалъ надъ всѣмъ остальнымъ, составлялъ самую сущность правительственнаго духа, самое интимное, такъ сказать, его содержаніе. Вотъ гдѣ является и то огромное различіе между

англійскимъ *gentry* и прусскимъ *Junkerthum*, которое было оворено нами выше. Между ними много сходства расового, еонскаго, завоевательнаго родства: имъ общъ духъ самоуверенности, энергій, высовомѣрія, исключительности; общи традиціи благороднаго спорта — страсть въ верховой ѣздѣ, оружіи, охотѣ. Но сходство между ними останавливается на той чертѣ, на которой остановила его исторія: оно не выходитъ изъ предѣловъ завоеванія, колонизаціи, претворенія туземной расы въ расу еонскую. Затѣмъ, судьбы ихъ раздѣляются тамъ, гдѣ для англійскаго сквайра началось самостоятельное участіе въ политической жизни, а для прусскаго рыцаря началось настоящее выхожденіе военное и статское, то-есть, почти поголовная служба въ чинахъ военныхъ и статскихъ. Какъ политическая жизнь сблизила англійскаго сквайра съ другими сословіями, внушила ему принципъ государственной общины, земщины (*commonswealth*), однимъ словомъ, общей гражданской солидарности, а стало быть выработало въ немъ высоту взгляда, и умѣрила его вѣстичное презрѣніе къ прочимъ сословіямъ, отвела ему почетное мѣсто въ тѣхъ же сословіяхъ, къ которымъ принадлежали города, — такъ дѣятельность служебная, дисциплинарный духъ службы, на которую прусскій «князь» смотрѣлъ какъ на свою собственность, и въ которой дѣйствительно ему отдавалось безусловное предпочтеніе, — отдалила его отъ другихъ сословій, еще болѣе замкнули его въ вѣстичскія привилегіи сообщенія юнкерству духъ не земщины, а именно государственной опричьности. Энергическія качества, о которыхъ говорено нами при этомъ не потерялись, за исключеніемъ одного — весьма важнаго впрочемъ — духа независимости, который ступившись передъ дисциплиною. Прочіе виды энергій, дѣятельности, самолюбивости, завзятости, который произошелъ именно отъ сознания привилегированнаго положенія на каждомъ шагѣ, и затѣмъ — прямо — отъ брѣвскаго усвоенія духа полковаго манера и тальоннаго экзерцир-шлага.

Можно сказать, что всеобщая воинская повинность сообщена всѣмъ пруссакамъ, не только дворянамъ, нѣкоторую — не оземъ грубость тона въ обращеніи, — но нѣкоторую рѣзкость *schroffes Wesen*, сравнительно съ другими нѣмцами. Обращеніе этой націи не можетъ быть грубою въ томъ смыслѣ, какъ это слово можетъ быть понято въ необразованной націи, то-есть въ смыслѣ *brutalité*. Но въ дворянствѣ прусскомъ, въ чистствѣ представителей *Junkerthum*'а, проявляется еще нѣчто болѣе рѣзкое *schroffes Wesen*, нѣчто такое, что прямо можно назвать отъ

иногда нахальства, и даже иногда нахальства самого худшего рода, нахальства, истекающего изъ усвоенія себѣ «официальной веронамѣренности» и изъ сознанія своей привилегированности. Это время, конечно, значительно изгладило эти шероховатости, но не настолько, чтобы дворянчикъ — поручикъ въ душѣ уже совершенно отказался отъ нѣкотораго пренебреженія, хотя бы къ самымъ свѣтиламъ политическаго міра *неофициально*. Сослужило это слишкомъ срослось съ іерархическими понятіями, со службою, съ духомъ дисциплины и исключительности, чтобы черты такого духа могли уже исчезнуть въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія живетъ конституціонною жизнью, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ міръ officialный уже самъ признаетъ нѣкоторую силу и авторитеты внѣ самого себя.

Это время еще недавнее, а исторія прусскаго дворянства длинна. Ходъ ея былъ таковъ съ самаго начала, что въ послѣдніи этомъ долженъ былъ прочно выработаться тотъ духъ, который мы попытались очертить. Намъ остается указать еще на особенное вліяніе въ этомъ отношеніи исторіи позднѣйшей, собственно исторіи прусскаго королевства. Прусское королевство не только продолжало воинскую традицію бранденбургскихъ маркграфовъ и курфирстовъ и нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ, то-есть вело непрерывныя войны, но сдѣлалось, начиная уже отъ Фридриха-Вильгельма I, центромъ, очагомъ воинскаго духа въ Европѣ въ новомъ его воплощеніи, именно въ формѣ «солдатчины». Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не то, что вся Пруссія была доселѣ не тѣмъ инымъ, какъ казармой — нелѣзное мѣтніе, которое не разъ высказывалось нѣкоторыми французскими журналистами. Не надо забывать, что Пруссія, подъ режимомъ своихъ военныхъ королей, все-таки сдѣлалась уже вначалѣ нынѣшняго столѣтія «Intelligenz-Staat» по преимуществу. Мы хотимъ только сказать, что настоящій духъ милитаризма въ смыслѣ какой-то особенной поэзіи, особеннаго обаянія солдатской дисциплины, парада, смотра, зори съ музыкою и безъ музыки, различія погоновъ и лампасовъ по частямъ войскъ, равенія ногъ, локтей и глазъ, — выработался именно въ прусскомъ королевствѣ. Этотъ духъ выработался тамъ, — то-есть въ арміи и въ правительствѣ до такой степени и такихъ размѣровъ, что сталъ самою задушевною преокупаціею, самой интимной заботой и любовью. Для уясненія этого читателямъ едва ли нужны примѣры; но приведемъ три примѣра, подходящіе къ предмету нашей статьи. Когда молодой Бисмаркъ въ первый разъ былъ представленъ на придворномъ балѣ принцу Вильгельму, нынѣшнему импе-

ратору, приче́мъ, разуме́тся, было упомянуто о его «аускультатора», то принцъ, взглянувъ на эту высокую фигуру милостиво замѣтилъ: «кажется, юстиція выбираетъ нынче не по гвардейской мѣрѣ». Когда Бисмаркъ, будучи уже секретаремъ прусскаго посольства при Германскомъ Союзѣ, представлялся тогдашнему принцу прусскому, нынѣшнему императору, мундирѣ поручика ландвера съ единственной медалью, прусскій выразилъ посланнику недоумѣніе, удобно ли будетъ (какъ то и предполагалось) этого ландверскаго поручика назначить уполномоченнымъ при Союзѣ. Когда Бисмаркъ, уже будучи министромъ, представилъ королю, также на балѣ, одного изъ своихъ дѣвухъ родственниковъ, г. фон-Бисмаркъ-Бриста, который ростомъ гораздо ниже «настоящаго» Бисмарка, то король спросилъ, это одинъ изъ Бисмарковъ вышелъ не вровень съ другимъ Бисмаркъ настоящій въ шутку отвѣчалъ: «это оттого, что мои предки служили королямъ въ военной службѣ, а предки его родственника — въ статской»; но тогда г. фон-Бисмаркъ Бристъ послѣдовалъ прибавить уже серьезно: «и вотъ почему ваше величество, всѣхъ своихъ семерыхъ сыновей определялъ въ армію».

Этотъ постоянный, задушевнѣйшій изъ всѣхъ помысловъ мысль даже не о войнѣ, а именно и специально—о мундирѣ со всѣми его атрибутами и всею поэзіею плац-парада, воцарился въ Пруссіи еще до Фридриха II, и господствуя въ ея арміи и въ правительственныхъ ея кругахъ до послѣдняго времени, необходимо долженъ былъ окрасить собою сословіе служилое по преимуществу, сословіе прусскаго дворянства. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ духъ развился въ той средѣ до такой степени, что извѣстный родъ оружія, даже полкъ такого-то нумера казались истому прусскому дворянину-служакѣ второю, а покуда даже и первую природою. По крайней мѣрѣ, намъ довелось слышать высказанное людьми вовсе неограниченными такое утѣшеніе: «я чувствую, что родился уланомъ», и сожалѣніе о томъ, что въ другой полкъ въ такомъ смыслѣ, что человѣкъ казавшись вставленъ идти противъ своей природы.

Очеркъ характера сословія, которому принадлежитъ Бисмаркъ, или лучше сказать, изъ котораго онъ вышелъ, занялъ у насъ много мѣста, но сдѣлать его было необходимо, для того, чтобы не объяснять въ частности нѣкоторыя такія черты въ Бисмаркѣ, которыя иначе казались бы относящимися къ его личности. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ странны, даже наивны и могутъ представлять его какъ-бы не серьезнымъ человѣкомъ. Напр., это не

своего появления дипломата-Бисмарка въ военномъ мундирѣ, эти онъ собственно состоятъ въ ландверѣ, то-есть былъ статъ-май. Sr. Excellenz der Herr Lieutenant von Bismarck, какъ его звали во Франкфуртѣ, когда его прехоск—во упомянутомъ прусскаго королевства появился въ мундирѣ поручика, съ единственнымъ орденомъ на груди—медалью «за спасеніе погибшихъ». Или, послѣднее производство министра-президента, основателя новой политической системы—въ генераль-майора, а потомъ производство въ самомъ дѣлѣ уже великаго въ исторіи чело-вѣка—въ генераль-лейтенанта... Наконецъ, въ письмахъ Бисмарка эти неожиданные переходы отъ государственныхъ заботъ къ заботамъ о какой-нибудь любимой лошади—все это на иностранца должно дѣйствовать нѣсколько странно. Но эти странности и многія другія, имъ подобныя, въ Бисмаркѣ не слѣдуетъ принимать за характеристическія черты *его личности*. Сдѣлать предшествующій очеркъ было необходимо уже для того, чтобы отнестись къ особенностямъ всецѣло въ той средѣ, изъ которой *вышелъ* Бисмаркъ. Сверхъ того, нельзя говорить о немъ не касаясь Junkerthum, съ которою онъ нѣкогда былъ тождественъ, а стало быть и сущности того, что называется—das Junkerthum.

II.

Бисмарки.

Въ «Старой маркѣ», то-есть въ маркграфствѣ бранденбургскомъ, которое впоследствии превратилось въ королевство Пруссію, есть городокъ Стендаль. Въ лѣтописяхъ этого города неоднократно встрѣчаются имена Бисмарковъ, принимавшихъ участие въ городскомъ управленіи. Генеалогія князя Бисмарка возводитъ именно къ Руло фон-Бисмарку, старшинѣ и вождю гильдіи или цеха судошниковъ въ Стендалѣ, жившему въ началѣ XIV-го вѣка. Существованіе Руло фон-Бисмарка исторически достоверно; но такъ какъ въ томъ же стендальскомъ округѣ есть еще мѣстечко, которое носитъ прямо имя Бисмарка, то биографы германскаго канцлера не безъ вѣроятности выводятъ имя Бисмарковъ отъ этого мѣстечка. Здѣсь сейчасъ же возникаютъ два вопроса «весьма существенныхъ» въ смыслѣ нобиліарномъ: назывался ли мѣстечко по имени Бисмарковъ, или родъ Бисмарковъ назвался по имени мѣстечка? Получили ли Бисмарки значеніе этого собственно, что они участвовали въ городскомъ управленіи

Стендалю, или же они были приравнены въ это управленіе потому именно, что уже родъ Бисмарковъ, самъ по себѣ, имѣлъ значеніе? Есть преданіе, что Бисмарки были первоначально боярскими рыцарями, приведенные въ старую маркію Бардомъ Великимъ и что здѣсь они построили городокъ Бисмаркъ; но достоверности этого преданія ничѣмъ не доказывается. Биографъ канцлера Лавалье опредѣляетъ первоначальное происхождение его рода следующимъ образомъ: городокъ Бисмаркъ, о которомъ въ памятникахъ упоминается въ первый разъ въ 1203-мъ году, назывался въ то время *Bischofsmarck* (*Bischofsmarck*), имя впоследствии сохранившееся въ *Bismarck*. Городокъ этотъ принадлежалъ епископамъ гавельбергскимъ, которые построили въ немъ замокъ. Родъ Бисмарковъ дѣйствительно ведетъ свое имя оттуда, и только потому что *оынался* оттуда, а не потому, что основанъ Бисмаркъ. «Бисмарки—говоритъ Гезевиль,—какъ почти всѣ рыцарскіе роды старой маркіи, были потомки тѣхъ германскихъ воиновъ, которые, подъ предводительствомъ вельфскихъ, заселились и другихъ родовъ князей приобрѣли славянскую землю, и эту и по ту сторону Эльбы, меномъ, для христіанства и германской цивилизаціи, и вѣдѣмъ утвердились въ этой землѣ на вѣки вѣковъ». Бисмарки, по предположенію Гезевіля, служили епископамъ въ замкѣ Бисмаркъ, управляли имъ, и писались по традиционному обыкновенію по мѣсту своей должности — *von Bismarck*, сохранивъ это прозвище и впоследствии, когда они уже оставили замокъ. «Точно также какъ многіе другіе рыцарскіе роды старой маркіи,—прибавляетъ Гезевиль,—родъ Бисмарковъ въ лицѣ несколькихъ его членовъ подвигался впередъ, на востокъ, завоевывая все болѣе и болѣе пространства для христіанско-германской культуры, покоряя вендовъ, или отгѣсняя ихъ въ Одеръ. Такимъ образомъ, Бисмарки при началѣ XIV-го вѣка явились людьми рыцарскаго достоинства и въ Пригницѣ и въ Рушицѣ. Историкъ Ридель признавалъ вѣроятнымъ, что этотъ рыцарскій родъ Бисмарковъ, то-есть тотъ, который является въ началѣ XIV-го вѣка въ Пригницѣ и Рушицѣ, изъ самаго дѣла происходитъ отъ бургмановъ замка Бисмарка, которые, когда епископъ изъ замка пришелъ въ упадокъ, бытъ можетъ получили вознагражденіе въ вознагражденіе своего бургманства. Но что касается тѣхъ городовъ Бисмарковъ, которые оказываются около того же времени въ Стендалѣ и другихъ городахъ маркіи, и отъ которыхъ, безспорно, происходитъ нынѣшній князь Бисмаркъ, то по мнѣнію Риделя, они были просто бюргеры изъ городка Бисмарка».

Гезекилю такое объясненіе не нравится, и онъ съ нѣвотоуричь жаромъ «вступается» за древность рыцарства нинѣшнихъ Бисмарковъ, и доказываетъ невозможность, во вѣломъ случаѣ, «именовать министра-президента для бюргерскаго сословія посредствомъ такого объясненія, такъ какъ все равно несомнѣнно, что съ XIV-го столѣтія предки канцлера были рыцари, а это уже дворянство достаточно древнее». Но тѣмъ же менѣе самъ Гезекиль все-таки считаетъ нужнымъ опровергнуть даже и догадку Риделя, относительно бюргерскаго достоинства стендальскихъ Бисмарковъ до XIV-го в. и дѣлаетъ это довольно убѣдительно. Что Бисмарки въ Стендалѣ являются членами городского сословія уже съ XIII-го в., и что принадлежали они къ гильдіи суконщиковъ и портняжковъ (Stewardschneider), это еще вовсе не доказываетъ, что они были бюргерскаго, а не рыцарскаго рода. Есть много примѣровъ, совершенно достоверныхъ, что рыцарскіе роды въ Германіи поселились въ городахъ и принимали участіе въ городскомъ управленіи. Гильдія суконщиковъ въ Стендалѣ была знатнѣйшая, привилегированная и господствующая; Бисмарки, жившіе въ Стендалѣ, принадлежали къ ней потому, что, какъ городскіе жители, они должны были принадлежать къ какой-нибудь гильдіи. Именно въ XIII-мъ и XIV-мъ столѣтіяхъ подобныхъ примѣровъ въ бранденбургской маркѣ было много, и самъ маркграфъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ городскихъ гильдій. «Послѣ этого—замѣчаетъ биографъ,—можно оспаривать родовое дворянство у герцога Веллингтона на томъ только основаніи, что лондонскій портняжскій цехъ избралъ его своимъ членомъ». Хотя все это разъясненіе въ сущности забавно по своей цѣли, но оно достаточно убѣдительно, и нѣтъ причины не принять того мнѣнія о происхожденіи Бисмарковъ, которое ставиваетъ Гезекиль. Надо только помнить, что историческая достоверность начинается собственно съ Руло Бисмарка (1309—1338), вождя гильдіи суконщиковъ въ Стендалѣ. Онъ былъ почитаемъ городемъ и во дворахъ равныхъ князей, въ качествѣ уполномоченнаго, такъ что уже первый достовѣрный предокъ князя Бисмарка былъ дипломатъ. Еще сродство того Бисмарка съ нинѣшними: Руло былъ, повидимому, также противникъ клериковъ, и о немъ осталась молва, что онъ умеръ ослученный отъ черны.

Мы охарактеризовали общими историческими чертами ту среду, въ которой выпелъ нинѣшній канцлеръ германской имперіи и, стало быть, не имѣемъ нужды проходить ее на отдѣльныхъ примѣрахъ, то-есть излагать жизнь и дѣла его предковъ. Достаточно будетъ сказать, что всѣ они болѣе или менѣе были

страстные любители словъ, многіе изъ нихъ были воинами, многіе дипломатами, однимъ словомъ, постоянно служили императору курфирстамъ, потомъ королямъ, и въ то же время не оставили своего хозяйства въ Шёнгаузенѣ, который принадлежитъ Бисмаркамъ съ 1562 года, и въ другихъ своихъ имѣніяхъ. Семейство появилось только на двухъ-трехъ подробностяхъ. Родовымъ замкомъ Бисмарковъ съ XIV-го же вѣка былъ замокъ Бургшталь. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ замковъ въ маркѣ, построенный на южной ея границѣ, для защиты со стороны Магдебурга. Маркграфъ пожаловалъ его Клаусу фон-Бисмарку, вождю аристократической партіи въ Стендалѣ, въ 1345-мъ году, въ качествѣ наследственнаго лена въ личной мужской линіи, въ награду за его, Клауса, службу. Такимъ образомъ, Бисмарки съ тѣхъ поръ вошли въ разрядъ высшаго дворянства маркѣ, и именно тогда они дворянства, которая, владѣя землями, носила титулъ *von* между тѣмъ, какъ дворяне, землями не владѣвшіе, прозывались только *von*. Въ XIV-мъ вѣкѣ въ разрядъ этихъ *Schlossgeesse* въ старой маркѣ принадлежали только Шуленбурги, Альверсберги, Бартевалобени, Ягови, Клевобени и Бисмарки, владѣвшіе Бургшталемъ. Бургшталь былъ раздѣленъ и гордо назывался для Бисмарковъ, главнымъ образомъ потому, что его окружающія обширныя, великолѣпныя лѣса, въ которыхъ водились всякіе звѣри. Но по этой же причинѣ, черезъ три вѣка пользования, у него этотъ замокъ былъ отнятъ курфирстомъ, который ѣздилъ къ нимъ въ гости, на охоту, такъ часто, что наконецъ насильственно вынудилъ ихъ, въ 1562-мъ году, обійти замокъ Бургшталь и перенести Шёнгаузенъ и Крезе. Бисмарки, съ великимъ горемъ должны были согласиться на это, и вотъ Шёнгаузенъ съ тѣхъ поръ сталъ ихъ новымъ родовымъ замкомъ.

Въ Клаусѣ (Николаѣ) фон-Бисмаркѣ, первомъ владѣльцѣ Бургштала, укажемъ еще на двѣ черты—онъ также умеръ отлученный отъ церкви, какъ Руло, а при жизни, будучи совѣтникомъ императора графа, употреблялъ всѣ усилія на борьбу съ имперскимъ притязаніемъ Габсбурговъ, за самостоятельность Бранденбурга. Этотъ предокъ Бисмарка былъ такимъ образомъ партикулярнымъ, возстававшій противъ единства германской имперіи, между тѣмъ какъ нынѣшній основатель имперскаго единства, но все-таки они работали въ защиту бранденбургскихъ интересовъ и противъ Габсбурговъ. Впрочемъ, противъ Габсбурговъ сражались впоследствии еще двое изъ предковъ Бисмарка. Съ послѣднимъ изъ нихъ, прапрадѣдомъ своимъ Августомъ-Фридрихомъ, который былъ убитъ въ 1742-мъ году въ битвѣ при Хотушицѣ (въ первую войну

(во время войны), вышедший Бисмаркъ, говорятъ, имѣетъ замѣчательное сходство въ чертахъ лица и въ фигурѣ. Одинъ изъ дѣловыхъ людей, Лудольфъ Бисмаркъ, сперва прусскій подполковникъ, потомъ лакея и хотя былъ похищенъ, но нѣсколько разъ сдѣланъ чиновомъ, вслѣдствіе чего перешелъ въ 1732-мъ году въ русскую службу, по протекціи родственника своего Бирона; по воле наденія Бирона, и Бисмаркъ, по словамъ Гезевилля, былъ сосланъ въ Сибирь, а впослѣдствіи, возвращенный изъ Сибири, былъ произведенъ въ генералы, исполнилъ нѣсколько дипломатическихъ порученій русскаго правительства и умеръ на службѣ въ Полтавѣ.

Отецъ Бисмарка служилъ въ лейбъ-карабинерномъ полку и вышелъ въ отставку ротмистромъ. Жена его, мать канцлера, была урожденная Менкенъ, рода не-дворянскаго, впрочемъ дочь сапожника, дѣйствительнаго кабинетъ-софѣтника Менкена, о которомъ знаменитый Штейнъ отзывался какъ о просвѣщенномъ, либеральномъ, деликатномъ и любезномъ человѣкѣ, имѣвшемъ наилучшія намѣренія. Изъ дѣтей отставнаго ротмистра Карла-Вильгельма-Фердинанда фонъ-Бисмарка и его жены Луизы-Вильгельмины, въ настоящее время находятся въ живыхъ: Бернгардъ, старшій братъ канцлера, — камергеръ живущій въ своихъ помѣстьяхъ, исполняя должность ландрата, въ Помераніи; — Мальвина, сестра ихъ; она моложе канцлера 12-ю годами, замужемъ за камергеромъ и ландратомъ, членомъ прусской палаты господъ, Арнимомъ; къ ней канцлеръ чрезвычайно привязанъ и большее число тѣхъ его писемъ, въ которыхъ высказывается его истинная жизнь, адресованы къ ней; наконецъ — Отто-Эдуардъ-Леопольдъ, князь Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, канцлеръ германской имперіи.

Отто фонъ-Бисмаркъ родился въ Шёнгаузенѣ, 1-го апрѣля 1815-го года. Первые годы жизни онъ провелъ впрочемъ не въ этомъ родовомъ имѣніи, лежащемъ въ Бранденбургіи, а въ Помераніи, въ имѣніяхъ Кнингофъ и Ярхелинъ, которыя перешли къ его отцу по наслѣдству отъ одного изъ его дядей. Имѣнія Кнингофъ, Ярхелинъ и Бильцъ составляютъ ленъ, въ качествѣ владѣльца котораго Отто Бисмаркъ впослѣдствіи и до 1868-го года былъ членомъ палаты господъ. Когда по сдѣлкѣ между братьями имѣнія эти перешли къ братьямъ Бисмарка, а у него остался Шёнгаузенъ и купленный имъ Варцинъ, то король назначилъ министра - президента пожизненнымъ членомъ палаты господъ.

Итакъ, первые годы жизни Бисмарка протекли въ Кнингофѣ. Въ 1821-мъ году, его отдали въ извѣстный въ то время пан-

сіонъ профессора Пляманна въ Берлинѣ, на Вильгельмштрассѣ, гдѣ братъ его Бернгардтъ находился уже ранѣе. Въ этомъ мѣстѣ сіонѣ Бисмаркъ пробылъ шесть лѣтъ, а потомъ, опять вслѣдствіе брата, перешелъ въ Untertertia въ фридрихъ-вильгельмскую классическую гимназію. Каникулы мальчики проводили въ Баденгофѣ, но и зимою родители ихъ пріѣзжали на нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинъ, такъ что мальчики жили въ семействѣ и только ходили въ гимназію. Для повторенія уроковъ и вообще для контроля за ходомъ ученія, къ нимъ постоянно приходили на домъ учителя. Одинъ изъ этихъ учителей былъ женевецъ Галль, тогда докторъ филологіи Винкельманнъ, который былъ учитель очень хорошій; но однажды, во время отсутствія родителей изъ Бадена, Винкельманнъ, который жилъ въ домѣ, какъ гувернеръ, исчезъ со всѣми деньгами оставленными на хозяйство. Постоянные домашніе уроки дали Бисмарку возможность основательно научиться французскому и англійскому языкамъ, на которыхъ онъ говоритъ очень хорошо. О воспитаніи умственномъ заботилась особенно мать, которая сама была образованная, свѣтлая и практическая женщина. Она старалась съ дѣтства возбудить въ сыновьяхъ честолюбіе и сама съ самаго начала такъ и предвѣщала: старшему — быть ландратомъ, а меньшому — дипломатомъ; оба они оправдали эти ожиданія матери, а младшій и превзошелъ ихъ, какъ онъ впрочемъ превзошелъ ожиданія не одного Луизы-Вильгельмины фонъ-Бисмаркъ. Имѣніями управляла такъ мать и много тратила на разнообразныя попытки ввести «раціональнѣе» хозяйство; подъ влияніемъ этихъ опытовъ, а также и непосильныхъ расходовъ на представительство зимою, въ Берлинѣ, Бисмарки впоследствии разстроили свои дѣла.

Отецъ Бисмарка былъ настоящій прусскій *Junker*; верховная ѣзда и охота — были его страстью и главнымъ его занятіемъ. Онъ хвастался передъ подроставшими сыновьями, что подъ его командой карabinеры — «пять лѣтъ сряду засыпали лошадей сеномъ въ четыре часа утра». Въ жену онъ былъ влюбленъ и женился самъ подъ ея командой. Онъ училъ сыновей ѣздить верхомъ и охотиться. Въ письмѣ, писанномъ въ 1844-мъ году, то-есть за годъ до смерти его отца, къ сестрѣ Мальвинѣ, которая вышла передъ тѣмъ замужъ, Отто Бисмаркъ отчасти характеризуетъ отношенія, бывшія между сыномъ и отцомъ: «...Живу здѣсь съ отцомъ въ чтеніи, куреніи и прогулѣхъ, помогаю ему ѣздить на ноги, а иногда играемъ съ нимъ комедію, которую онъ любитъ называть охотой на лисицу, такъ какъ мы впередъ убѣждены, что въ роцѣ нѣтъ ни одного живого существа, кромѣ себя са-

вникъ къворость...; осматриваемъ дважды оранжерею, каждый съ четыре термометра, переставляемъ стрѣлку барометра, и ввели часы, по солнцу, въ такое согласіе, что всё они бьютъ вѣстѣ; Карлъ V-й былъ дуракъ!.. Отцу пиши о мелкихъ по-
 юбностяхъ: кто у васъ былъ, что вы ѣли, что дѣлаютъ лошади слуги, скрипятъ ли двери, однимъ словомъ — факты и факты; папи, не называй его «папа», онъ этого терпѣть не можетъ...»
 между тѣмъ отецъ страстно любилъ и баловалъ сына; мать была сколько холодна и гораздо строже отца. Мать опасалась, что мальчики будутъ избалованы отцомъ и потому именно рано удаля ихъ изъ дому. Самъ Бисмаркъ впоследствии находилъ, что это вредило ему въ нравственномъ отношеніи. Изъ фридрихъ-вильгельмской гимназій, Бисмаркъ перешелъ потомъ въ другую, тоже Берлинѣ. Въ послѣдніе гимназическіе годы онъ жилъ въ пансіонѣ профессора Превѣ, а потомъ въ пансіонѣ доктора Боннелля.

Мальчикъ Бисмаркъ могъ скорѣе другого Junker'a избѣгъ узкости предрасудковъ своей среды, такъ какъ мать его, дичи по рожденію не-дворянкой и испытавъ, вѣроятно, эти предрасудки на самой себѣ, не любила аристократіи. Тѣмъ не мѣнѣ Junker скоро «сказался» въ Бисмаркѣ, а именно въ першъ же пансіонѣ, куда онъ поступилъ *шести лѣтъ* отъ роду. въ то время, то-есть въ двадцатыхъ годахъ, въ Германіи процвѣтало грубо-народное направленіе, порожденное войнами съ ранціею. Ненависть къ французамъ—Franzosenhass, Franzosen-
 ewegei, вмѣстѣ съ влюбленностью въ «старинную германскую юстоту», въ видѣ контраста и протеста противъ французской гонченности». А такъ какъ дворянство было само «заражено» французской утонченностью, то тевтоманія, надъ которою такъ внезапно въ свое время смѣялся Гейне, уже по этому случаю мучила демократическое направленіе, которое, впрочемъ, соот-
 вѣствовало и національному убѣжденію, что освобожденіе Германіи въ 1813-мъ году было дѣломъ *народа*, а не правительства. Эта такая влюбленность въ старогерманскіе нравы, восхваленіе старогерманской безыскусственности и грубости вмѣшала въ себѣ значительную долю консерватизма, даже реакціи противъ новыхъ «французскихъ» же идей. Однимъ изъ главныхъ средствъ къ возбужденію духа энергіи и къ воспитанію новыхъ поколѣній въ старогерманской крѣпости тѣла, была придумана тевтомантвонгъ гимнастика—das Turnen; одинъ изъ вождей тевтонскаго авравленія, «старикъ» Янгъ, былъ вмѣстѣ основателемъ германскаго Turnwesen. И вотъ такимъ образомъ и впоследствии нѣ-
 щедіе турниферейны сдѣлались однимъ изъ главныхъ центровъ

пропаганды идеи германскаго единства. Отъ всего этого направленія въ конечномъ результатѣ оказалась и весьма реальная польза, хотя первоначальныя преувеличенія его были смѣшны. Въ пансіонѣ Пламманна, куда поступилъ Отто Бисмаркъ, произошло это направленіе, съ его любовью къ грубости, которая представлялась священнымъ народнымъ качествомъ, и съ педагогическими приемами въ видѣ приученія дѣтей къ голоду и холоду, все для воспитанія могучаго поволѣнія будущимъ тѣломъ. Нѣкоторые изъ учителей у Пламманна, а потомъ и Фридрихъ-вердерской гимназій (второй, куда перешелъ Бисмаркъ) относились къ барченку (Junker) съ нѣскольکو злорадной строгостью, и у Пламманна къ нему примѣняли теорію объ укрѣпленіи тѣла посредствомъ лишеній съ особенной демократическою жесткостью. Вотъ это-то и вызвало въ энергическомъ, самомъ бивомъ мальчикѣ внутренній протестъ, вызвало въ немъ то словное высомѣрѣе, которое впоследствии могло только укрѣпиться въ той средѣ, гдѣ онъ жилъ послѣ окончанія своихъ курсовъ. Бисмаркъ, какъ гимназическій ученикъ, отличался способностями, учился хорошо, хотя не былъ изъ первыхъ учениковъ. Уже въ то время онъ особенно любилъ исторію. На латинскомъ сочиненіи, написанномъ имъ при выпускномъ экзаменѣ изъ гимназій, въ 1832-мъ году, положена была отиѣтка: *otatio lucida ac latina, sed non satis castigata*. Благодаря тому воспитанію, какое онъ получалъ дома, Бисмаркъ съ дѣтства былъ страстный любитель лошадей и собакъ, охоты, и мастеръ во всѣхъ «спортахъ». Онъ—страстный и смѣлый ѣздокъ, хотя и не манежный, отличный пловецъ и фехтовальщикъ,—но чистой гимнастикой, которая въ Германіи гораздо болѣе популярна, чѣмъ «спорты», Бисмаркъ никогда терпѣть не могъ, вынеся отращеніе къ ней изъ перваго съ ней знакомства въ пансіонѣ Пламманна.

Характера онъ уже въ молодости былъ веселаго, открытаго и любезнаго, но въ то же время настойчиваго, неуступчиваго и требовательнаго. Однимъ словомъ, къ нему уже въ юности вполне примѣнялась одна изъ поговорокъ мѣстныхъ крестьянъ, которые такъ характеризуютъ нравы окрестныхъ имъ помѣщиковъ: «Meinetwegen!» (пожалуй) говоритъ Альвенслебенъ; «Ueber und über!» (слишкомъ много), говоритъ Шуденбургъ; «Noch lange nicht genug!» (далеко еще не довольно), говоритъ Бисмаркъ.

III.

«Въ шеннѣ» Бисмаркъ.

Въ 1832-мъ году Отто Бисмаркъ поступилъ въ гёттингенскій университетъ. Объ учебныхъ работахъ его въ студенчество бѣшны говорятъ мало. Тѣмъ болѣе говорятъ они о его дуэляхъ. реченіи трехъ семестровъ въ Гёттингенѣ Бисмаркъ, какъ разсказываютъ, продѣлалъ до двадцати студентскихъ дуэлей, и дрался такимъ мастерствомъ, что только разъ былъ легко раненъ въ ту, на которой рубецъ видѣнъ и теперь. Тогдашняя студентская жизнь пришлось ему по нраву, и онъ навсегда сохранилъ своемъ тонѣ нѣсколько «буршикозный» оттѣнокъ, который является и въ письмахъ его, и даже въ его парламентскихъ рѣчахъ. Анекдоты изъ университетской жизни канцлера мы можемъ, впрочемъ, спокойно оставить въ сторонѣ, такъ какъ въ нихъ является не столько Бисмаркъ, сколько молодцоватый буринъ. Въ Гёттингенѣ онъ перешелъ въ Берлинъ, гдѣ и сдалъ экзаменъ. Бисмаркъ былъ студентомъ юридическаго факультета, но цѣли слушалъ мало, можно сказать, не слушалъ, а работалъ на экзаменѣ, готовясь къ экзамену, который и былъ, конечно, главной цѣлью, такъ какъ безъ университетскаго экзамена нельзя поступить въ государственную службу. Въ берлинскомъ университетѣ Бисмаркъ сошелся со студентомъ графомъ Кейзерлингомъ, который еще недавно (т.-е. впоследствии) былъ попечителемъ дерптскаго округа. Кейзерлингъ научилъ его цѣнить музыку, и Бисмаркъ охотно слушалъ въ особенности Бетховена.

Сдавъ экзаменъ, въ 1835-мъ году, Бисмаркъ опредѣлился на должность «аускультатора» (протолиста) въ берлинскомъ городскомъ судѣ. Гезекиль ручается за достовѣрность слѣдующаго анекдота: однажды выслушивая показанія какого-то въ высшей степени беззащитнаго берлинца, для занесенія словъ его въ протоколъ, Бисмаркъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе и сказалъ г. судѣ: «м. г., будьте сдержаннѣе, или я выкину васъ вонъ». На что судья замѣтилъ, Бисмарку, чтобы вопросъ объ удаленіи продолжительности предоставилъ ему, судѣ. Тогда Бисмаркъ, при новой угрозы со стороны показателя, прикрикнулъ на него: «м. г. будьте сдержаннѣе, или я сейчасъ предоставляю г. судѣ выкинуть васъ вонъ». При этомъ сдѣлаемъ общее замѣчаніе, что весьма значительная часть анекдотовъ, разсказываемыхъ про Бисмарка, имѣетъ таковой именно характеръ, т.-е., что въ анекдо-

тахъ Бисмаркъ чаще всего является колотязщимъ, пугающимъ или отдѣлывающимъ кого-нибудь. Всѣ нѣмецкіе біографы живо повторяютъ эти анекдоты, стало быть мы имѣемъ право предполагать, что они нравятся публикѣ. Это особенность саксонской расы, что, несмотря на высокую ея образованность, она высоко цѣнитъ физическую силу; физическая сила и основанное на ней всегда популярны и въ Англии и въ Германіи. Такъ, напримѣръ, едва ли большинству читающихъ въ Европѣ когда-либо было извѣстно, высокаго или среднего роста былъ Кавуръ, и силенъ ли онъ былъ или слабъ. Но объ историческомъ сложеніи Бисмарка всѣмъ извѣстно, потому что земляки его съ особымъ самодовольствомъ любятъ мощь и цѣловатость своего героя. Анекдоты, рассказываемыя біографами о томъ, какъ Бисмаркъ напугалъ университетскаго педана огромною собакой, какъ онъ разбилъ бутылку на головѣ какого-то демократическаго оратора въ кофейнѣ, какъ онъ спасъ изъ рукъ своего вонюха и получивъ медаль за спасеніе, отвѣчалъ какому-то иностранному дипломату, на ироническій вопросъ объ этой медали: «мнѣ иногда случается спасти жизнь человѣку», и т. и т. д., по нашему мнѣнію не столько характеризуютъ Бисмарка, сколько вѣсть его поклонниковъ.

Въ то время, когда Бисмаркъ состоялъ въ должности прокурора при берлинскомъ городскомъ судѣ, онъ въ первый разъ представленъ былъ ко двору; при этомъ-то случаѣ нѣмѣннѣйшій императоръ, увидявъ такого «молодца» во фракѣ, и сдѣлавъ замѣчаніе, что юстиція стала выбирать себѣ людей по гвардейскому мѣрѣ. Достигнувъ въ юстиціи званія «референдарія», Бисмаркъ въ 1836-мъ году перешелъ въ административное вѣдомство, такъ какъ цѣлью его было служить по дипломатической части, а для этого, по прусскому закону, требуется предварительная служба и по судебному и по административному вѣдомствамъ. Онъ опредѣлился въ провинціальное правленіе въ Ахенъ. Но здѣсь вольствія скоро отвлекли его отъ службы. Онъ познакомился съ богатыми иностранцами, которые пріѣзжали на воды, путешествовать съ ними во Францію, на Рейнъ, въ Бельгію, и попалъ въ такіе расходы, которые не соответствовали средствамъ младшаго сына небогатаго помѣщика, и надѣлалъ долговъ, которые потомъ тяготѣли надъ нимъ, повергли его въ нѣкоторое уныніе, и едва ли не были одной изъ причинъ того кутила, въ удаленіи отъ свѣта, которому онъ вскорѣ затѣмъ преданъ.

Изъ Ахена онъ перешелъ на службу въ провинціальное же управление въ Потсдамъ, и тогда же, въ 1837-мъ году, онъ

си вольеромъ на годъ въ гвардейскій егерскій полкъ, чтобы имѣть повышенность; здѣсь онъ жилъ «весело» съ офицерами, но долго, потому что въ это время дѣла его отца пришли въ еще большее разстройство. Бернгардтъ и Отто предложили отцу переехать имъ въ управленіе тогда же его имѣнія въ Помераніи, и отецъ согласился на это, уѣхавъ самъ въ бранденбургское свое родовое имѣніе Шёнгаузенъ, и прожилъ тамъ до 1845 года. Когда Бисмаркъ умерла въ Берлинѣ, въ 1839-мъ году. Въ виду разстройства дѣлъ, Отто Бисмаркъ перешелъ изъ гвардейскаго полка въ одинъ изъ армейскихъ егерскихъ батальоновъ, стоявшихъ въ Грейфсвальдѣ; этотъ полкъ былъ избранъ имъ съ той цѣлью, чтобы слушать лекціи сельскаго хозяйства въ грейфсвальдскомъ университетѣ. Пока братъ его управлялъ имѣніями отца, Бисмаркъ дослуживалъ свой годичный срокъ въ полку въ Грейфсвальдѣ; но ученая работа оказалась несомвѣстной съ военнымъ ученіемъ, такъ что въ Грейфсвальдѣ Отто Бисмаркъ возобновилъ свою студенческую жизнь только въ смыслѣ непродолжительнаго кутежа со студентами.

Наконецъ, въ 1839-мъ году, братья стали вдвоемъ заниматься хозяйствомъ; но уже черезъ два года Бернгардтъ былъ избранъ члѣномъ наугардскимъ собраніемъ въ ландраты этого округа, и переселился въ Наугардъ; тогда братья подѣлились такъ, что младшему достался Книшгофъ. Въ это время Отто Бисмарку было двадцать четыре года. Служебная карьера его была прервана; настоящая карьера, которую онъ имѣлъ въ виду, то-есть дипломатическая даже не была начата; имѣніе было разорено; денегъ не было, не было кредита, а были еще личные долги; наконецъ, не было никакой опытности въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, положеніе его было не только не завидно, но почти безнадёжно. И, однакожь, Бисмаркъ изъ него *вышелъ*, выпелъ именно благодаря собственной настойчивости, умѣнью практически взяться за всякое дѣло, благодаря тому уму, который живетъ борьбою съ препятствіями и твердой волей. Онъ весь отдался хозяйству и повелъ его съ такимъ благоразуміемъ и дѣятельностью, что оно мало по-малу стало приходить въ порядокъ и имѣніе поправилось. Пока все долженъ былъ дѣлать онъ одинъ, пока у него не было ни денегъ, ни надежныхъ людей, онъ работалъ не глядя на стороны, работалъ такъ, какъ будто ему было суждено быть записнымъ хозяиномъ и больше ничѣмъ. Поѣздки верхомъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, служили ему единственнымъ развлеченіемъ. Но какъ только дѣла стали, что-называется, входить въ колею, и по мѣрѣ того, какъ хозяйство организовалось правиль-

но, пошло само собою, нашлись люди вѣрные, — умъ самого министра охлаждался въ этому дѣлу, изъ дѣла улетучивался элементъ борьбы, и затѣмъ оно становилось тѣсно, скучно, пошло для этихъ Stürmer und Dränger. Даже во всемъ уѣздѣ ему было душно. Поправить имѣніе въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился народъ Бисмаркъ — дѣло весьма трудное, и успѣхъ въ немъ зависитъ энергію и силу практическаго ума въ человѣкѣ, но не душой, болѣе, чѣмъ успѣхъ въ какомъ-нибудь второстепенномъ дипломатическомъ маневрѣ. Вообще можно сказать, что кому удалось поправить разоренное имѣніе не изъ постороннихъ средствъ, а средствами самого этого имѣнія, тотъ способенъ управлять людьми. Со стороны Бисмарка успѣхъ этотъ обѣщала тѣмъ болѣе, что онъ былъ достигнутъ человекомъ молодымъ, неопытнымъ, вмѣстѣ подвергшимся уже нѣкоторой неудачѣ въ жизни. Замѣчательно, что хорошіе дипломаты вообще бывали хорошими хозяевами, на примѣра укажемъ на Меттерниха, Пальмерстона и Кавура. Примѣръ Бисмарка, конечно, еще важнѣе. Въ этомъ проявляется случайное совпаденіе, а сходство свойствъ, требующихся для этихъ отраслей дѣятельности: умѣнье пользоваться обстоятельствами и управлять людьми.

Чѣмъ меньше становилось необходимо ежечасное личное наблюденіе, чѣмъ вѣрнѣе обозначалась дорога въ поправленію дѣла, тѣмъ тоскливѣе становилось на душѣ Бисмарка; и вотъ онъ закрутилъ наконецъ въ Книпгоффъ такъ, что молва о немъ, какъ о «бывшемъ Бисмаркѣ», пошла далеко кругомъ, и самый Книпгоффъ былъ переименованъ сосѣдами въ Kneiphof (Кнеире — питьевый домъ). Здѣсь лучше всего привести подлинныя слова біографа: «Въ сосѣдствѣ ходили удивительныя рассказы о ночныхъ попойкахъ въ Книпгоффъ, въ которыхъ никто не могъ сравниться съ бывшимъ Бисмаркомъ при осушеніи большого кубка, наполннаго наполовину шампанскимъ, наполовину — портеромъ. Странныя вещи рассказывались у сосѣдей, особенно въ кружкѣ друзей, приходившихъ въ ужасъ, и вообще въ Помераніи тутъ извѣщалась вся сила народнаго творчества въ созданіи миссовъ: въ каждой держко-безумной продѣлкѣ, дѣйствительно бывшей, присоединялось по дюжину миссовъ то комическаго, то страшнаго свойства, такъ что наконецъ скромный Книпгоффъ или «Кнепгоффъ» прослылъ какимъ-то отверженнымъ мѣстомъ, какъ будто бы тамъ являлись привидѣнія. Но тамошнія привидѣнія должны были имѣть крѣпкіе нервы; по крайней мѣрѣ — крѣпкіе нервы были необходимы гостямъ Бисмарка, которыхъ, среди таиннаго сна, подъ бременемъ портера съ шампанскимъ, часто будили

исполнены вострыми, такъ что, всакая, съ просонковъ они падали какъ надъ головами ихъ были пули въ потолокъ, и въ эти же глаза ихъ сыпалась штукатурка».

А между тѣмъ, самымъ «веселымъ» изъ тогдашнихъ товарищей Бисмарка бывало иногда скучно у него потому, что онъ во цѣлые вечерамъ и ночью съ жаромъ разсуждалъ о политикѣ съ двумя друзьями — фон-Девидомъ и Бюловымъ. Веселая компанія хотя и скучала, но слушала эти рѣчи, потому что относилась въ Бисмарку съ большимъ уваженіемъ. «Онъ импровизовалъ всѣмъ намъ — сказалъ одинъ изъ тогдашнихъ товарищей Бисмарка, — и, помнится, въ то время онъ былъ порядочно-либерален!» Впрочемъ не одна только веселая компанія въ «Кнейпгоффъ» видѣла въ Бисмаркѣ уже въ то время человѣка недоукиннаго: значительная часть членовъ окружнаго собранія хотѣла баллотировать его въ ландраты, но Бисмаркъ рѣшительно отказался. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что онъ и въ то время совершенно отдался одному кутежу; кутежъ былъ только однимъ изъ проявленій потребности вырваться изъ тѣсной, мелкой сферы дѣятельности; онъ и въ то время много читалъ, особенно историческія книги, и исторію Бисмаркъ знаетъ хорошо, что доказываются многими его парламентскими рѣчами. Ему хотѣлось вырваться изъ книгофской жизни; онъ побывалъ во Франціи и Англии, и рѣшился даже во второй разъ поступить на службу въ потсдамское провинціальное правленіе. Но бюрократическія отношенія подчиненнаго къ начальникамъ были ему не по-нраву. Разъ приходитъ онъ къ начальнику, тотъ не замѣчаетъ его присутствія и барабанитъ по стеблю окна, думая дать подчиненному полезный урокъ въ искусствѣ смиреннаго выжиданія. Но Бисмаркъ подходитъ къ другому окну и начинаетъ барабанитъ дуэтъ съ начальникомъ. Въ другой разъ, начальникъ заставилъ Бисмарка ждать своего выхода изъ кабинета цѣлый часъ, все съ тою же педагогической цѣлью. Появившись наконецъ, онъ спросилъ: «вы зачѣмъ?» — «Принель-было за отпускомъ, но теперъ прошу отставки», отвѣчалъ референдарій Бисмаркъ. О дипломатической карьерѣ онъ уже пересталъ думать; ему хотѣлось поселиться въ Шёнгаузенѣ и тамъ сдѣлаться ландратомъ; въ такихъ видахъ онъ согласенъ былъ и жениться. Сестра его, Мальвина, съ которою онъ всегда былъ очень друженъ, и съ которою исчезала въ немъ рѣзкость, такъ что шёнгаузенскіе люди говорятъ: онъ говорилъ съ ней какъ съ невѣстой, — въ 1844-мъ году вышла замужъ за его друга Оскара фон-Арнима. Въ то время онъ высказывалъ свое намѣреніе жениться, если представится

случай. Кутить, путешествовать, сдѣлаться чиновникомъ или военнымъ, жениться — все было хорошо, лишь бы вырваться изъ одиночества и однообразія жизни въ Книпгоффъ. Въ военную службу Бисмаркъ то же попробовалъ поступить: онъ причислился къ армейскому уланскому полку, но и здѣсь результатомъ была та же «веселая жизнь» съ уланами, какъ прежде съ егерами и со студентами; Бисмаркъ не могъ поладить со своимъ полковникомъ командиромъ; однимъ словомъ, онъ рѣшительно выбился изъ «подчиненности». Впрочемъ изъ этой кратковременной службы къ уланамъ онъ вынесъ ту пользу, что лучше прежняго ознакомился съ прусскими военными порядками. Изъ писемъ его къ сестрѣ въ тѣ годы надо привести хоть одно: «Madame! Не безъ усилія сдерживаю свою потребность наполнить цѣлое письмо сельско-хозяйственными жалобами на ночные морозы, болѣзнь свѣта, скверную брочку и скверныя дороги, оловянныхъ ягичекъ, голодающихъ овецъ, недостатокъ соломы, корма, денегъ, картофеля и навозу. Къ тому же Юганъ за дверью свиститъ столь же упорно, какъ и фальшиво, какой-то подлѣйшій эскосезъ, а у меня не хватаетъ жестокости велѣть ему замолчать, такъ какъ онъ навѣрное ищетъ въ музыкѣ облегченія своему любовному горю. Идеаль его свидѣній недавно отказалъ ему, по уговорамъ родителей, и вышелъ за столера. Положеніе одинаковое съ моимъ, если не считать столера, который мнѣ еще предстоитъ въ будущемъ. Надо мнѣ однако, чортъ меня возьми совсѣмъ, жениться; это опять уяснилось мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ отецъ уѣхалъ и я почувствовалъ себя оставленнымъ и одинокимъ, а теплая, мокрая погода наводитъ на меня меланхолю и влюбчивость въ мечтахъ. Тутъ нечего упираться, и вончится тѣмъ, что я все-таки женюсь на **, такъ какъ этого хотѣть всѣ, да онъ и естественно, такъ какъ насъ обоихъ никто не взялъ... Когда я подѣзжалъ въ Ангермюнде, оказалось что волны Гампелъ (маленькая рѣчка) отрѣзали меня отъ Книпгоффа; я остался ночевать въ Наугардѣ... Одинъ изъ моихъ воровъ, съ 3-ми бутылками спирту, былъ снесенъ водою, и я не безъ гордости могу сказать, что въ моей рѣчкѣ Гампелѣ потонулъ возъ дегтю съ извозникомъ и лошадыю. Сверхъ того, въ Гольновѣ разрушились нѣсколько домовъ, повѣсился арестантъ въ исправительномъ заведеніи, вслѣдствіе тѣлеснаго наказанія, а сосѣдъ мой, помѣщикъ *** застрѣлился вслѣдствіе недостатка въ фуражѣ; его три дѣти и одно малолѣтнее дитя сокрушаются въ безслезной печали, стоя вокругъ окровавленнаго гроба самоубійцы. Обильное великимъ событіями время! Надо ожидать, что еще нѣкоторые изъ нашихъ

знакомыхъ сойдуть со сцены, такъ какъ этотъ годъ дурнымъ урожаемъ, низкими цѣнами и раннею зимою сильно налетаетъ на задолжавшаго помѣщика».

Мы назвали выше трехъ друзей Бисмарка. Но другомъ дѣтства его былъ Морицъ фонъ-Бланкенбургъ, также одинъ изъ его сосѣдей въ Померани. Въ то время, на которомъ мы остановились, то-есть, когда передъ смертью отца Бисмаркъ жилъ еще въ померанскомъ имѣннѣ Книпгофъ, онъ часто бывалъ въ домѣ Бланкенбурга, который также вышелъ въ отставку референдаріемъ и успѣлъ уже жениться. Въ это время у Бланкенбурга бывали виборъ фонъ-Роонъ, впоследствии авторъ военнаго преобразования, и докторъ Бейтнеръ, который съ 1855 года сталъ главнымъ редакторомъ феодальной «Крестовой Газеты»; самъ хозяинъ, Бланкенбургъ, сдѣлался впоследствии — и остается доселѣ однимъ изъ вождей феодальной партіи въ прусской палатѣ представителей и въ имперскомъ сеймѣ. По смерти отца, въ 1845-мъ году, Отто Бисмаркъ уступилъ брату одно изъ померанскихъ имѣній (Ярхелнг), а самъ удержалъ Книпгофъ и получилъ Шѣнгаузенъ. Тогда онъ переехалъ въ Бранденбургъ и поселился въ Шѣнгаузенъ. Въ Бранденбургѣ, какъ и въ Померани, земство, несмотря на беспорядочную жизнь молодого Junker'a угадало въ немъ чело-вѣка дѣльнаго; его избрали сперва инспекторомъ шлюзовъ (Deichhauptmann), потомъ членомъ сейма прусской провинціи Саксоніи, и затѣмъ кандидатомъ въ «соединенное собраніе сеймовъ», созданное въ 1847-мъ году въ Берлинѣ, и послужившее началомъ парламентской жизни въ Пруссіи. Должность инспектора шлюзовъ Бисмаркъ принялъ въ томъ практическомъ соображеніи, которое онъ высказываетъ въ письмѣ къ сестрѣ, что хотя должность эта и не приноситъ дохода, но дастъ ему возможность предохранить Шѣнгаузенъ отъ наводненій, которыя причиняли ему значительный вредъ. Въ соединенное собраніе сеймовъ (der Vereinigte Landtag) Бисмаркъ попалъ неожиданно, хотя и не случайно. Депутатомъ отъ его округа былъ нѣкто Браухитцъ, а Бисмаркъ былъ избранъ только кандидатомъ для замѣщенія его, въ случаѣ необходимости. Браухитцъ заболѣлъ и Бисмаркъ, занявъ его мѣсто, вступилъ на политическую арену, съ которой болѣе не сходилъ и на которой онъ вскорѣ и открылъ себѣ ту широкую карьеру, въ которой напрасно рвался доселѣ его умъ, какъ то бываетъ со многими талантливыми людьми, съ цѣлыми поколѣніями талантливыхъ людей во всѣхъ странахъ, гдѣ общество лишено политической самодѣятельности. Нельзя, впрочемъ, сказать, что если бы нѣкто Браухитцъ не заболѣлъ въ извѣстное время, то

Германія не имѣла бы своего Бисмарка; но можно утверждать, что не открылся прусскому обществу въ то время политическая смодѣлятельность, силы и способности Бисмарка погибли бы для страны, какъ погибли до того времени даромъ силы и способности не одного человѣка. Если бы не началась въ Пруссіи жизнь парламентская, живительная борьба принциповъ и общественныхъ стремленій, Бисмаркъ остался бы отставнымъ референдаріемъ, помѣщикомъ-кутилой, извѣстнымъ одному оловотку, и можетъ быть его страстная, энергическая натура не долго бы вынесла эту жизнь. Но парламентское поприще открылось, загорѣлась жизнь политическая, и она-то, непосредственно она и привела Бисмарка. Правда, Бисмаркъ не народный трибунъ, не мыслитель, основывающій школу; онъ прежде и болѣе всего членъ въ правительствѣ, величіе его исключительно относится къ сферѣ дипломатической. Но кто же далъ коронѣ такого совѣтника, гдѣ проявились первоначально блестящія способности этого дипломата, однимъ словомъ, при какихъ условіяхъ прусская корона могла найти того человѣка, который впоследствии покрылъ ее короной имперскою? Парламентская дѣятельность, въ парламентской борьбѣ, при парламентскихъ условіяхъ! Одинъ изъ биографовъ Бисмарка совершенно справедливо замѣчаетъ, что какъ впоследствии Бисмаркъ горячо ни противодѣйствовалъ парламентскому полновластію, но самъ онъ въ сущности — *парламентскій министръ*, министръ вышедшій не изъ канцелярій, не изъ блестящихъ полковъ, не изъ вліятельныхъ салоновъ бабушекъ и тетюшекъ, но именно и исключительно изъ парламентской дѣятельности. Эта дѣятельность положила на немъ пробу силы въ политической борьбѣ, и вотъ, благодаря этой пробѣ, онъ, референдарій въ отставкѣ и поручикъ въ ландверѣ, невѣдомый дотошъ путемъ политической дѣятельности, прошелъ сперва въ посланники, потомъ въ министры и канцлеры и сдѣлался основателемъ германской имперіи.

Но прежде чѣмъ перейти къ періоду политической дѣятельности Бисмарка, слѣдуетъ упомянуть о его женитьбѣ. Съ будущей своей женой онъ познакомился въ домѣ Бланкенбурговъ и сблизился съ ней при поѣздѣ, на которую г-жа Бланкенбургъ взяла съ собою свою подругу дѣвицу Юганну фонъ-Путкаммеръ, дочь сосѣдняго помѣщика. Семейство Путкаммеровъ, даже въ тѣхъ средѣхъ какъ померанское дворянство, слыло особенно благочестивымъ, а репутація пріобрѣтенная Бисмаркомъ въ Помераніи уже объяснена выше. Можно представить себѣ ужасъ Путкаммеровъ, когда они получили письмо, въ которомъ «бывшій Бисмаркъ»

прислать руки ихъ дочери и когда дочь, на сдѣланный ей вопросъ, отвѣчала, что любить этого человѣка. Старикъ Путткамеръ впоследствии выражалъ состояніе своихъ чувствъ въ эту минуту такимъ образомъ: «меня какъ будто хватили обухомъ по головѣ». Мать невѣсты всѣми силами противилась браку до тѣхъ поръ, пока самъ Бисмаркъ, явившись собственной особою, въ глазахъ родителей обнялъ свою возлюбленную. Тогда г-жа фонъ-Путткамеръ залилась слезами и дала свое согласіе. Надо замѣтить, что вообще въ саксонской расѣ принужденіе къ браку или сопротивленіе браку со стороны родителей болѣе рѣдки, чѣмъ въ другихъ расахъ, особенно въ романской. Бисмаркъ, несмотря на свою репутацію, былъ все-таки фон-Бисмаркъ, и слылъ человѣкомъ хотя далеко не примѣрно-нравственнымъ, но дѣльнымъ. Остальное—было дѣло личного выбора дочери. Такимъ образомъ, Бисмаркъ и жену можно сказать *завоевалъ* себя, какъ онъ завоевалъ себя, ваялъ съ бою все свое положеніе.

Свадьба происходила въ 1847-мъ году; затѣмъ молодые отправились въ Швейцарію и Италію. Эта поѣздка имѣла тотъ совершенно неожиданный результатъ, что она сблизила Бисмарка лично съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV-мъ. Они встрѣтились въ Венеціи; король, когда Бисмаркъ ему представился, пригласилъ его къ столу и, заинтересованный отвѣтами молодого дворянина, вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ, именно о германскихъ дѣлахъ. Бисмаркъ послѣ женитьбы окончательно поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Шёнгаузенъ, тамъ гдѣ родился онъ самъ. Здѣсь же родилось первое его дитя, дочь Марія. Сыновья его: Гербертъ родился въ 1849-мъ году въ Берлинѣ, Вильгельмъ въ 1852-мъ году во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Бисмаркъ жилъ въ Шёнгаузенѣ нѣсколько лѣтъ сряду и Шёнгаузенъ считался постояннымъ его мѣстопребываніемъ до тѣхъ поръ, когда онъ былъ назначенъ министромъ-президентомъ. Впоследствии, онъ, какъ уже было сказано, купилъ Варцинь, въ Помераніи, вблизи Рейнфельда, имѣнія родителей своей жены, и сталъ проводить свои вѣкаціи въ Варцинь, во-первыхъ, потому, что г-жѣ Бисмаркъ пріятно было жить вблизи отца почти восьмидесятилѣтняго старика фонъ-Путткамера; во-вторыхъ потому, что Варцинь окруженъ лѣсами, съ хорошею охотой, между тѣмъ какъ отъ Шёнгаузена лѣсъ удаленъ на цѣлый часъ ходьбы и охоты тамъ теперь почти нѣтъ; наконецъ, еще потому, что почва около Варцина *удобнѣе для верховой пѣды*.

IV.

Парламентская эра.

Съ открытіемъ соединеннаго собранія сеймовъ въ 1847-мъ году, для Пруссіи наступила новая политическая жизнь; со вступленіемъ въ это собраніе Отто фон-Бисмарка, началась его политическая дѣятельность, которая затѣмъ и до настоящаго времени тѣсно связана съ событіями и въ значительной степени не только отразила въ себѣ эти событія, но и непосредственно вызвала ихъ. Итакъ, здѣсь будетъ уместно бросить взглядъ впередъ на тотъ путь, который пройденъ былъ Пруссіею и Германіею съ 1847 года. Для этого лучше всего сдѣлать двѣ выписки изъ сочиненій Эдгара Кинё, цитируемыхъ однимъ изъ биографовъ Бисмарка, Бамбергеромъ. Вотъ что говорилъ Эдгаръ Кинё о Пруссіи *сорокъ лѣтъ* тому назадъ, о Пруссіи, какъ она была еще до 1847 года, т. е. до начала парламентской жизни. Политическаго самоуправленія въ Пруссіи въ то время не было. Но если мы скажемъ, что она, какъ государство, управлялась неограниченной властью бюрократіи, то этимъ мы въ сущности не скажемъ ничего, не объяснимъ, почему же въ Пруссіи такое правленіе подготовило великіе результаты, между тѣмъ какъ во Франціи, напримѣръ, при второй имперіи, царство бюрократіи подготовило упадокъ. Стало быть, и въ старомъ, неограниченномъ прусскомъ порядкѣ были нѣкоторыя, весьма важныя особенности. Эти особенности совершенно вѣрно были поняты и указаны Эдгаромъ Кинё еще въ 1831-мъ году, то-есть тогда, когда никакіе успѣхи Пруссіи еще не подкупали мнѣніе наблюдателя о ея внутреннемъ порядкѣ.

«Прусское правительство, — писалъ Кинё, — даетъ намъ то, къ чему они наиболѣе стремятся: самодѣятельность, дѣйствительную жизнь, общественное самоуправленіе съ правомъ почина. Деспотизмъ прусскій отличается способностью, подвижностью, предприимчивостью; ему недостаетъ только такого чело-
вѣка, который узналъ бы его восходящую звѣзду и утвердилъ въ нее. Этотъ деспотизмъ живетъ не только невѣжествомъ, но и званіемъ. Между его народомъ и имъ состоитъ нѣкое безмолвное согласіе отсрочивать до поры свободу, и пока, общей работой, увеличивать наслѣдіе великаго Фридриха. Прусскій деспотизмъ почерпаетъ немалое значеніе и въ общемъ сознаніи, что онъ, именно онъ своей рукой унижалъ Францію и отплатилъ ей за долговременный стыдъ вестфальскаго мира; при Ватерлоо, онъ

иненно сломать крылья гегемю Франціи. Единство — вотъ глупая, безсмысленная, необходимая мысль, которая одушевляетъ Германію и проникаетъ эту страну по всѣмъ направленіямъ. Религія, право, торговля, свобода, деспотизмъ, все что существуетъ за Рейномъ, указываетъ на это рѣшеніе и ведетъ къ нему. Единство германскаго отечества — вотъ мысль, господствующая здѣсь подъ каждою кровлею. Это единство, существующее пока въ мысли, есть не минутное согласіе преходящихъ страстей, но необходимый принципъ самого процесса развитія цивилизаціи на сѣверѣ... Германскій міръ современемъ сдѣлаетъ убійственное наваденіе на древнюю монархію франковъ; онъ выжидаетъ случая и гдѣ же то государство, которое поставлено на сторожѣ во имя Германіи съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть таковой случай? Это — Пруссія, которая въ своемъ поясѣ носитъ ключъ къ нашей территоріи и содержитъ подъ своимъ замкомъ счастье Франціи...»

Въ 1867-мъ году, когда уже былъ основанъ сѣверогерманскій союзъ, Кинё ссылался на прежнія свои слова и вновь предсказывалъ, что затѣмъ, что совершилось, уже ничто не можетъ воспрепятствовать полному осуществленію единства Германіи, и что стараться остановить его совершеніе было бы все равно, что пробовать «задержать ядро вылетѣвшее изъ пушки». И въ этомъ мѣнѣніи, высказанномъ въ 1867-мъ году, Кинё положительно объявилъ, что со стороны единой Германіи предстоить для Франціи опасность ничѣмъ неотразимая, и что единственный исходъ для Франціи въ виду этой опасности было бы — восстановленіе внутренней свободы, возвращеніе себѣ права распоряжаться собственными своими дѣлами. Не лишены интереса и возрѣнія изъясненные тогда Кинё на тѣ нравственные послѣдствія, какія истекутъ изъ единства Германіи, которое въ 1867-мъ году онъ считалъ уже дѣломъ рѣшеннымъ: «Мнѣ кажется, что осуществленіе германской имперіи во многомъ приведетъ къ результатамъ противоположнымъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду ея непосредственными учредителями. Они думали, что оно послужитъ въ пользу интересамъ феодальной дворянской партіи; было бы неудивительно, если бы случилось какъ разъ противоположное. Развитіе всякой національности всегда сопровождалось одновременнымъ возрастаніемъ промышленности, а ростъ промышленности первымъ послѣдствіемъ имѣетъ именно ограниченіе и униженіе аристократіи. Германія не избѣгнетъ примѣненія этого правила, которое доселѣ не имѣло исключеній. Разрозненные части тевтонскаго дѣлага сблизятся и сольются; общее богатство умножится, а наследственное вліяніе знатныхъ родовъ утерится. Окажется,

что юнкерская партія ранила своимъ мечемъ самоё себя. А впрочемъ, я полагаю, что и наложеніе на всю Германію прусскаго деспотизма не искоренитъ въ ней умственныхъ ея стремленій и не остановитъ ея мышленія... Едва ли воинскому духу удастся въ германскихъ странахъ поглотить въ себѣ всѣ силы, какъ то весьма легко происходитъ у народовъ латинскихъ... Военная слава у нѣмцевъ не переходитъ въ фанатизмъ потому, что эту славу все-таки превосходитъ слава творцовъ ихъ реформаци, ихъ поэтовъ и художниковъ. Лютера, Гёте, Шиллера, Бетховена, никогда они не поставятъ ниже Блюхера. Блескъ мундира, который прельщаетъ другіе народы, по ту сторону Рейна — вовсе не представляетъ дѣйствительно-чарующей силы. Вотъ почему я легко могу вообразить себѣ такую германскую имперію, которая хотя и основана игольчатымъ ружьемъ, но все-таки не воплотится омончательно въ милитаризмъ. Кромѣ меча есть еще много другихъ силъ. Труднѣе предвидѣть, что выйдетъ изъ непоимѣрной тевтонской гордости, когда ничто уже не будетъ стоять передъ нею на пути, и когда она съ высоты своихъ *новыхъ побѣдъ* усмотритъ въ латинскихъ народахъ *карликовъ*, стоящихъ у подножія ея твердыни. Опасность для этого огромнаго гѣла можетъ возникнуть именно изъ избытка самодовольства».

Созваніе соединеннаго собранія сеймовъ было уступкой, которую король Фридрихъ-Вильгельмъ IV сдѣлалъ общественнымъ стремленіямъ. То «безмолвное согласіе» между обществомъ и правительствомъ въ Пруссіи, чтобы отсрочивать политическую свободу для совмѣстной работы въ смыслѣ осуществленія общегерманскаго единства, не есть мифъ; оно проявилось въ войну 1813 года за освобожденіе, когда на этомъ согласіи, можно сказать, даже былъ заключенъ какъ-бы контрактъ между германскимъ народомъ и его правительствами; оно же, оно одно объясняетъ ту легкость, съ какой предприимчивая и успѣшная прусско-германская политика Бисмарка покорила себѣ съ 1863 года общественное мнѣніе въ Пруссіи, какъ разъ въ то время, когда оно было сильно возбуждено противъ правительства внутреннимъ, конституціоннымъ столкновеніемъ; оно же, съ 1866 года, сказалось въ превращеніи значительной части самой прогрессивной партіи въ палатѣ въ партію *національно-либеральную*, то-есть прежде всего *національную*, а уже *потомъ* либеральную. Согласіе, которое угадалъ Кинё въ 1831-мъ году, есть именно основная мысль *нижней* *національно-либеральной* партіи; оно уже съ 1870 годъ и до сихъ поръ производитъ ту преданность, то довѣріе, съ которыми огромное большинство нѣмцевъ относится въ дѣламъ и

предпріятіямъ прусскаго правительства для упроченія единства, именно отсрочивая вопросъ о требованіи отъ этого правительства такихъ политическихъ уступокъ, вторыхъ необходимость давно созрѣла въ сознаніи этого народа.

Но въ этомъ согласіи, какъ во всѣхъ умственныхъ фактахъ политической жизни, бывали колебанія; нѣкоторыя изъ этихъ колебаній въ томъ именно и состояли, что обществу какъ-бы наскучило безплодное ожиданіе великой общегерманской роли Пруссіи и оно начинало требовать, чтобы внутреннія уступки болѣе не отсрочивались. Начало сороковыхъ годовъ представило въ Пруссіи именно одно изъ такихъ колебаній, и колебаніе это было такъ значительно, что само правительство, наконецъ, поддаѣлось ему, какъ разъ накануне того новаго толчка, который данъ былъ Франціею въ 1848-мъ году. Источникомъ либеральныхъ движеній въ Германіи послужила несомнѣнно первая французская революція, какъ ни стараются нынѣшніе нѣмецкіе писатели (объ ученыхъ не говоримъ) отгѣиваться отъ этого умственного родниа европейской политической современности. Революція 1830 года во Франціи также не прошла безслѣдно для Германіи; въ нѣкоторыхъ государствахъ она вызвала конституціи или борьбу за конституціи; сверхъ того, эта революція 1830 года вдохновила Гейне и вообще оказала вліяніе на нѣмецкую литературу, отразившись въ плеядѣ писателей «Юной Германіи». Наконецъ, французская революція 1848 года имѣла прямымъ отголоскомъ востанія въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Баденѣ. Мысль о политической свободѣ, навѣянная изъ Франціи, была дѣйствительно какъ-бы отерочена мыслью національною въ вооруженіи всей Германіи противъ Франціи за независимость въ 1813-мъ году; но изглажена она не была, и даже въ народномъ сознаніи, она отсрочивалась не надолго. Впослѣдствіи, несмотря на разочарованіе въ правительствахъ, которыя подъ сѣнью Австріи, священнаго и германскаго союзовъ вступили рѣшительно на путь реакціи, мысль о политической свободѣ увлекла за собою въ оппозицію и самую національную мысль, мысль о единствѣ Германіи. вмѣстѣ съ «Was ist des deutschen Vaterland» — нѣмцы пѣли и другіе не менѣе памятные стихи:

Der Gott, der Eisen wachsen liess,
Der wollte keine Knechte...

И этимъ словамъ въ періодъ 1815—1848 придавалось значеніе уже не только въ смыслѣ національной независимости, но и въ смыслѣ народной свободы. Собственно въ Пруссіи, начало сороковыхъ годовъ, освѣщенное отблескомъ революціи 1830 г.,

и умственнымъ движеніемъ гегельянцевъ и «Юной Германіи» совпало со вступленіемъ на престолъ талантливаго короля, Фридриха-Вильгельма IV. Этотъ король хотя и не отставалъ отъ милитарныхъ традицій и милитарнаго духа Гогенцоллерновъ, но отличался отъ нихъ тѣмъ, что былъ въ душѣ поэтъ и артистъ. Военитанникъ Ансильона, Шарнгорста, Савиньи, другъ Шинкель, Раука, король самъ не могъ безусловно вѣрить во всеспасеніе мертваго бюрократизма, казенщины и военщины; онъ даже былъ склоненъ къ либерализму, но склоненъ скорѣе *по вкусу*, чѣмъ къ серьезному, солидному убѣжденію. Онъ былъ либераленъ такъ какъ могъ быть либераленъ романтикъ, къ тому же романтикъ Гогенцоллернъ, сидящій на престолѣ. Такимъ образомъ, съ склонностью къ либерализму, въ его умѣ уживались еще тѣмъ навлонности, какъ сочувствіе къ средневѣковымъ формамъ и средневѣковому мистицизму. Онъ быть можетъ и самъ, по своей волѣ, *далъ бы* конституцію, но несомнѣнно, что онъ *далъ* въ Пруссіи всякое покровительство дворянству, въ которомъ любилъ «рыцарство», многіе майораты, далъ нѣсколько прекрасныхъ зданій Берлину, а протестантскому исповѣданію хотѣлъ дать невидимыя, ортодоксальныя, дисциплинированныя формы, за что былъ прованъ «лютеранскимъ папою.»

Его вступленіе на престолъ въ 1840-мъ году возбуждало большія надежды, и уже при коронованіи въ Кѣнигсбергѣ ему былъ поднесенъ адресъ о дарованіи народнаго представительства. На этомъ адресѣ, какъ на пробномъ камнѣ, сказалась въ немъ разница между поэзіею и реальностью, *Ideal und Leben*: король отклонилъ просьбу о реальномъ, хотя либераломъ въ поэтическомъ смыслѣ все-таки остался. Какъ бы то ни было, со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV-го, для Пруссіи настала однако «новая эра», хотя будущности суждено было опять напоминать «новой эрою» ту минуту, когда Фридрихъ-Вильгельмъ *ресталъ* управлять государствомъ: *tempora mutantur et nos mutantur in illis!* Онъ далъ амнистію, хотя и не полную, облегчилъ цензурныя постановленія, далъ сословному представительству въ областныхъ сеймахъ нѣкоторое развитіе учрежденіемъ выборныхъ комиссій и предоставленіемъ гласности работамъ этихъ сеймовъ и т. д. Для дополненія характеристики того короля, при которомъ началъ свою политическую дѣятельность Бисмаркъ, надо еще сказать, что, допуская новыя потребности новаго времени, Фридрихъ-Вильгельмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, зараженъ былъ тѣмъ самымъ духомъ тевтономаніи, который такъ не понравился Бис-

марку, когда онъ встрѣтился съ нимъ въ школѣ, въ видѣ теоріи и практики «укрѣпленія посредствомъ лишеній».

Либеральное движеніе начала сороковыхъ годовъ въ Пруссіи отличалось отъ позднѣйшихъ таковыхъ же движеній, что оно затрагивало все общество; ему поддавалось и само дворянство, котораго интересамъ движеніе это должно было угрожать; но пока оно угрожало только въ теоріи, прусское дворянство не открещивалось отъ либеральнаго духа, въ чемъ какъ-бы слѣдовало примѣру французскаго дворянства до 1789 года. Самъ Гелькель говоритъ намъ, со словъ собутыльника молодого Бисмарка: «Помнится, онъ въ то время былъ довольно либераленъ». Всѣ были либеральны въ то золотое время,—время и намъ какъ будто знакомое, хотя мы въ немъ и не участвовали. Реакціонерной партіи еще не могло быть потому, что еще никакой «акціи» не произошло; но и консервативной партіи не было.

Она явилась, впрочемъ, очень скоро, какъ только либерализмъ пересталъ быть неопредѣленнымъ всеобщимъ стремленіемъ, а явился въ видѣ точнаго принципа, который потребовалъ логическаго развитія однажды произнесеннаго слова о конституціи. Собраніе соединенныхъ сеймовъ было созвано королевскимъ патентомъ; оно истекало формальнымъ образомъ, конечно, только «изъ свободной королевской воли». Въ дѣйствительности же оно истекало изъ требованій времени, изъ необходимости страхнуть съ общественной жизни тѣсныя узы бюрократизма, изъ возбужденныхъ въ 1813-мъ году надеждъ, изъ всего хода дѣлъ въ Германіи съ того времени; однимъ словомъ, это была уступка со стороны короля, но уступка силѣ обстоятельствъ. Самое обращеніе высшей власти къ представительству показывало, что она должна была внутренне признать существованіе въ государствѣ другой силы, съ помощью которой власть надѣялась сдѣлать то, чего одна сдѣлать не могла. Между тѣмъ конституціонный принципъ, однажды выступивъ на сцену, неизбѣжно долженъ былъ стремиться къ полному своему осуществленію, долженъ былъ начать свое проявленіе съ выясненія того факта, что всѣ отношенія въ государствѣ отнынѣ подлежатъ измѣненію: что представительное начало предполагаетъ *самоуправленіе народа*, что со внесеніемъ его въ жизнь, инициатива и направленіе этой жизни фактически переходятъ изъ рукъ правительства въ руки общества. Правда, король своимъ словомъ далъ бытіе представительству; но это былъ только вопросъ *формы*, а не существа дѣла. Самъ ли народъ овладѣлъ властью, правительство ли вручило ее ему—это могло имѣть реальное значеніе при борьбѣ, но не со-

ставляло никакого различія во взглядѣ на самую сущность представительнаго правленія.

Между тѣмъ, какъ только раздались на сеймѣ голоса о правахъ народа, объ обязательности народнаго мнѣнія, о гарантіяхъ для проявленій этого мнѣнія, какъ только голоса эти, слѣду одной логикѣ, стали представлять февральскій патентъ только какъ *начало* дальнѣйшихъ преобразованій, а въ поддержаніи своихъ воззрѣній, ссылаться на исторію, на смыслъ народно войны 1813 года, на примѣры парламентскихъ странъ, на временныя потребности — дворяне, прежніе либералы, тотчасъ усмотрѣли, что дѣло касается прямо ихъ интересовъ, потому что интересы прусскаго дворянства всегда были тѣсно связаны, не только съ обяваніемъ королевской власти, но прямо съ бюджетомъ. Англійское дворянство, виги и тори все равно, могло видѣть въ представительствѣ лучшую гарантію своихъ интересовъ. Но дворянство прусское *служилое*, которому землевладѣніе представляло только пріютъ и нѣкоторую опору, а истиннымъ источникомъ служилъ прямо государственный бюджетъ, такъ какъ большинство людей этого сословія не имѣло бы средствъ жить безъ службы — не могло не усмотрѣть явной для себя опасности въ теоріяхъ о переходѣ центра власти въ руки народа. Какъ только оказалось, что дѣло идетъ не о королевскомъ правленіи съ придаткомъ выборнаго совѣта, а о парламентскомъ правленіи, консервативная партія тотчасъ была готова: ее составляло дворянство и родственная ему бюрократія. Реальныя партіи и создаются не столько теоріями, сколько интересами.

Эта консервативная партія сперва вовсе не имѣла ораторовъ. Дворяне умѣли гораздо лучше ѣздить верхомъ, чѣмъ развивать въ парламентѣ политическую теорію, поддержанную ссылками на исторію и статистику, между тѣмъ, какъ въ рядахъ либераловъ находились люди, привыкшіе къ кафедрѣ, и вообще люди, жившіе болѣе умственной жизнью, въ томъ числѣ многіе дворяне, отдавшіе себѣ уже ранѣе отчетъ въ томъ, что значить либерализмъ въ дѣйствительности. Бисмаркъ хорошо зналъ исторію; у Бисмарка не было недостатка въ смѣлости; мало того — у него былъ недостатокъ только въ терпѣніи. Онъ не могъ сидѣть неподвижно тамъ, гдѣ происходила борьба. Первой его рѣчью была та рѣчь 17-го мая 1847 года, въ которой онъ коснулся значенія событій 1813 года. Послѣ того, какъ одинъ изъ либеральныхъ ораторовъ не въ первый уже разъ доказывалъ, что права народа исходятъ не изъ милости, а приращены ему, то права свои на самостоятельность прусскій народъ заявилъ уже

въ 1813-мъ году, когда онъ своей самодѣтельностью спасъ государство—на трибуну взомель молодой человекъ, высокаго роста, эстетическаго сложенія, блондинъ, съ густыми, плотно обстриженными волосами на головѣ, овладистою бородой, густыми бровями и блестящими, выпуклыми глазами, скулами довольно замѣтными, носомъ довольно неправильнаго типа, съ физиономіей чисто-прусской: полугерманской, полуславянской, но запечатлѣнной той дресировкой и вѣстѣ бойкостью, которыя составляютъ отличительныя черты пруссака отъ остальныхъ нѣмцевъ. Этотъ человекъ началъ говорить совершенно безыскусственно, рѣзкимъ, даже неприятнымъ голосомъ, и порою, какъ-бы заикаясь, останавливался, отыскивая подходящее выраженіе; иногда какъ будто дѣлалъ надъ собой усиліе, причеиъ въ голосѣ его слышалось нѣчто въ родѣ мимолетнаго рыданія. Сперва эти особенности можно было приписать робости оратора, чего непривычкѣ говорить публично. Привычки въ самомъ дѣлѣ не было, но не было и робости; и приобрѣта привычку парламентскаго слова, Бисмаркъ впоследствии только отчасти освободился отъ этихъ не-художественныхъ, но вмѣстѣ весьма характеристическихъ особенностей своего краснорѣчія. По мѣрѣ того, какъ говорилъ онъ, сперва поправивъ какой-то отзывъ, относившійся лично къ нему, и перейдя потомъ къ поправкѣ значенія 1813 года,—оказывалось, что человекъ этотъ запинается не изъ робости, хорошо знаетъ, что хочетъ сказать и твердо намѣренъ сказать это; оказалось, что безыскусственность его слова есть не слабость, а намѣренная безцеремонность, то-есть сила; что заикается онъ не потому, что отступаетъ передъ точнымъ словомъ, а потому, что ищетъ слова болѣе точнаго, болѣе рѣзкаго, чтобы пустить имъ въ противниковъ, какъ камнемъ, поднятымъ во время внезапнаго перерыва голоса; оказалось, что удары его летать прямо въ цѣль, въ самое чувствительное мѣсто. Опершись руками на трибуну и по-временамъ откидываясь назадъ, потомъ снова наклоняясь впередъ, ораторъ съ этимъ машинальнымъ движеніемъ соединялъ и совершенное однообразіе тона, съ невѣрнымъ удареніемъ, то-есть съ удареніемъ не на тѣхъ словахъ, которыя важнѣе. Эта монотонность, если можно такъ выразиться—музыкальная безцвѣтность рѣчи, рядомъ съ необыкновенной живостью, рѣзкостью смысла тѣхъ словъ, которыми онъ металъ въ своихъ противниковъ, производила впечатлѣніе какой-то машины, которая дѣйствуетъ непреклоннымъ образомъ, порой прерывается, по условіямъ своего механизма, но только для того, чтобы дѣйствовать далѣе, все съ тою же непоколебимостью и съ тою же силой, съ монотонностью

звуча, но съ разнообразіемъ продукта, всегда отработаннаго често, рѣзко, рельефно. «... Утверждаютъ, будто народное движеніе 1813 года имѣло иныя причины и побужденія, кромѣ той причины и того повода, что чужеземцы господствовали въ нашей странѣ...» Реакціонерная тенденція этихъ словъ вѣшала цѣлую бурю; Бисмаркъ вынулъ изъ кармана «Шнеерову» газету, комфортабельно облокотился, и сталъ читать. Когда буря стихла, онъ продолжалъ: «Мнѣ кажется, тѣ оказываютъ плохую услугу національной чести, которые доказываютъ, что притѣсненія и униженія, которымъ пруссаки терпѣли отъ чужеземнаго нашествія, были недостаточны, чтобы вскипятить ихъ кровь и ненавистью въ чужеземцу заглушить всякія иныя чувства...». Нѣсколько либеральныхъ ораторовъ опровергали Бисмарка, и въ числѣ ихъ были такіе, которые сами участвовали въ движеніи 1813 года, и оспаривали всякое право Бисмарка объяснять то, чему онъ не былъ свидѣтелемъ. «Факта, что я въ то время не жилъ — возразилъ Бисмаркъ, взойдя на трибуну во второй разъ — я отрицать не могу. Я всегда сожалѣлъ, что мнѣ не было дано участвовать въ томъ возстаніи, но это сожалѣніе нѣсколько уменьшается во мнѣ тѣмъ поученіемъ о смыслѣ тогдашняго движенія, которое я теперь слышалъ. Я до сихъ поръ полагаю, что рабство, съ которымъ тогда боролись, было наложено извнѣ; теперь мнѣ только что разъяснили, что это было рабство внутреннее, и я вовсе не благодаренъ за такое поученіе».

Мы не будемъ заниматься ораторскою дѣятельностью Бисмарка. Скажемъ только, что главныя особенности его изложенія — точность, доходящая до рѣзкости, самоувѣренность и оригинальность не мысли, но выраженія ея. Главныя же изъ побочныхъ средствъ его — отрицаніе и юморъ, часто переходящій въ сарказмъ. Всѣ эти качества Бисмарка, какъ оратора, отчасти общи ему съ другимъ знаменитымъ дипломатомъ — Пальмерстономъ. Но между содержаніемъ ихъ рѣчей сходства, разумеется, нѣтъ, а если и есть нѣкоторое, то въ такое сравненіе могутъ идти только нѣкоторыя изъ новѣйшихъ рѣчей Бисмарка, а никакъ не первыя его рѣчи, въ которыхъ высказывалась, въ формѣ рѣзкихъ афоризмовъ, вся политическая философія Штала, ученіе самой «непроходимой» реакціи, исходившее изъ фанатизма о христіанской миссіи государства и безусловности правъ и непогрѣшимости той самой власти, которая, обратившись къ представительству, тѣмъ самымъ уже на фактѣ представляла оверженіе и безусловности своихъ правъ, и непогрѣшимости, и единоспасаемости своей. Съ первой рѣчи Бисмаркъ приобрѣлъ,

если можно такъ выразиться, рѣшительную непопулярность, и онъ дѣлалъ все, что могъ, для увеличенія ея, во все время своей ораторской дѣятельности, дакъ въ первомъ соединенномъ ландтагѣ, такъ и во второмъ, который открылся въ апрѣлѣ 1848 года, то-есть уже послѣ революціонныхъ происшествій въ Берлинѣ. Тотчасъ послѣ этихъ событій, онъ написалъ письмо къ королю съ изложеніемъ своихъ чувствъ вѣрноподданническаго негодованія и сожалѣнія. Письмо это лежало цѣлое лѣто открытымъ на письменномъ столѣ короля, такъ оно ему понравилось. Въ теченіе этого лѣта король нѣсколько разъ призывалъ его въ Саль-Суси и бесѣдовалъ съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Гессель удостоилъ Бисмарка, что при назначеніи впоследствии реакціонернаго министра Магтейфеля, голосъ Бисмарка имѣлъ большую вліянію на выборъ именно этого человека «для спасенія государства». Послѣ обнародованія конституціи, въ декабрѣ 1848 года, Бисмаркъ былъ избранъ въ палату представителей и явился тамъ тѣмъ же заглавнымъ партизаномъ реакціи, но значеніе его уже возрасло вслѣдствіе дѣятельнаго его участія въ створахъ феодаловъ вѣвъ стѣнъ парламента, для организова- ния крѣпкой реакціонерной партіи; онъ уже былъ въ числѣ ея вождей. Въ то время Бисмаркъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудничавъ «Крестовой газеты». Въ арфуртскомъ парламентѣ германской «уніи» — этого недавшагося прототипа позднѣйшаго «сѣверогерманскаго союза», — Бисмаркъ отстаивалъ прусскій партикуляризмъ. Въ альбомѣ мудреца реакціонеровъ Штала, есть слѣдующія строки Бисмарка: «Мы хотимъ не единства въ союзѣ (Bundesstaat) во что бы то ни стало, но неприкосновенности во что бы то ни стало прусской короны. — 24-го апрѣля 1850 года, ф. Бисмаркъ-Штайнаузенъ, депутатъ Бранденбурга».

V.

Франкфуртъ. —

Прусская «унія» въ союзѣ оказалась невозможностью, въ виду сопротивленія Австріи; авторъ уніи — Радовицъ, вышелъ въ отставку, и Магтейфель, принявъ отъ него портфель министерства иностранныхъ дѣлъ. Насталъ день одъюдчаго соглашенія 1850 года, которымъ Пруссія отрелася отъ своихъ унитарныхъ начинаній, отрелася и отъ защиты кургессенской конституціи, однимъ словомъ, превлонила голову предъ Австріею и повинилась ей; и Бисмаркъ защищалъ въ прусской палатѣ это дѣй-

ствительно горькое униженіе Пруссіи, защищалъ его все съ той же исключительно-реакціонерной точки зрѣнія, что «интересы Пруссіи и Австріи солидарны въ виду революціи». Въ 1851-мъ г., до Бисмарка, находившагося въ Помераніи, дошелъ слухъ, что онъ будетъ назначенъ прусскимъ уполномоченнымъ въ Франкфуртъ. Онъ пріѣхалъ въ Берлинъ и явился въ Мантѣйфелью. Кто остановился на мысли о выборѣ на эту должность Бисмарка—Мантѣйфель, или самъ король, который «полюбилъ Бисмарка и многого ожидалъ отъ него» — неизвѣстно. Но неоспоримъ фактъ, что этимъ неожиданнымъ возвышеніемъ Бисмаркъ прежде всего былъ обязанъ именно своей парламентской дѣятельности. Послѣ Ольмюца, Пруссію могъ представить при союзѣ только надежный реакціонеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ приверженецъ Австріи. Такъ какъ Бисмаркъ достаточно показалъ себя въ первомъ смыслѣ, а въ послѣднее время заявилъ себя и приверженцемъ солидарности интересовъ Пруссіи съ интересами Австріи, то онъ въ этомъ именно смыслѣ и былъ избранъ, чтобы представить политику Пруссіи при союзѣ. Итакъ, дипломатическую карьеру свою Бисмаркъ началъ именно какъ представитель солидарности прусскихъ интересовъ съ австрійскими! Мантѣйфель сказалъ Бисмарку, что онъ долженъ представиться королю и въ то же время спросилъ его, что онъ думаетъ о мѣстѣ уполномоченнаго при союзѣ; Бисмаркъ отвѣчалъ просто и безъ колебанія, что онъ согласенъ принять это мѣсто; такая рѣшительность, говорятъ, даже нѣсколько удивила министра.

Бисмаркъ поѣхалъ въ Санъ-Суси. Когда король сдѣлалъ ему тотъ вопросъ, который былъ предложенъ ему уже Мантѣйфелью, Бисмаркъ безъ запинки отвѣчалъ: «если вашему величеству угодно испытать меня, то я готовъ на это». Король удивился еще болѣе министра, и едва ли не счелъ столь быструю готовность за легкомысліе; онъ замѣтилъ Бисмарку, что должность эта весьма важная и обставленная большими трудностями. «Ваше величество можете попробовать, гожусь ли я,—отвѣчалъ Бисмаркъ;—если нѣтъ, то вѣдь меня можно отозвать черезъ шесть мѣсяцевъ или хотъ раньше». Король назначилъ его въ мѣѣ 1851 года, для пробы, сперва первымъ секретаремъ посольства при союзѣ, но уже какъ посланника *in petto*.

Бисмаркъ переѣхалъ во Франкфуртъ всѣмъ домомъ и скоро приобрѣлъ тамъ вліяніе въ обществѣ дипломатовъ, такъ что многія затрудненія для прусской политики устранялись, благодаря личному вѣсу ея уполномоченнаго въ союзномъ сеймѣ. Теперь странно и вспомнить объ этомъ времени, отъ котораго отдѣляется насъ всего два-

дѣятеліе, времени, когда успѣхи прусской политики въ Германіи зависѣли болѣе отъ личныхъ качествъ ея представителя, чѣмъ отъ реального ея могущества. Надо впрочемъ замѣтить, что въ этомъ фальшивомъ положеніи, въ этомъ игнорированіи дѣйствительнаго могущества Пруссіи и заключалась вина Австріи, вина, за которую Австрія такъ тяжело поплатилась впоследствии. Если бы австрійская политика хотѣла въ то время сообразоваться сколько-нибудь съ истиннымъ соотношеніемъ силъ, а не руководствоваться единственно своими непомѣрными притязаніями, основанными на слабости не Пруссіи, а ея тогдашняго короля, то она нашла бы въ Бисмаркѣ лучшаго представителя солидарности Пруссіи съ Австріею и даже до нѣкоторой степени подчиненности первой изъ этихъ странъ второй, потому что Бисмаркъ былъ посланъ во Франкфуртъ именно въ угодность Австріи, и воспитанный въ реакціонерномъ благоговѣніи предъ Австріею, намѣренъ былъ угождать ей, опять-таки—до известной степени, конечно. Но политика князя Шварценберга и потомъ графа Буоля-Шауэнштейна не знала никакихъ границъ въ своей требовательности относительно Пруссіи. Въмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру Меттерниха, который, довольствуясь предводительствомъ Австріи въ германскомъ союзѣ, не думалъ стѣснять Пруссію на каждомъ шагѣ въ германскихъ дѣлахъ, а напротивъ предоставлялъ ей значительный просторъ и вліяніе въ нихъ, особенно въ томъ, что касалось сѣвера Германіи, для Австріи же претендовалъ на высшее, европейское значеніе внѣ Германіи,—политика Шварценберга и Буоля становилась поперегъ каждаго начинанія Пруссіи въ Германіи, какъ-бы надѣясь на неистощимое терпѣніе Пруссіи, или считая въ самомъ дѣлѣ Пруссію слабою. Австрія этой ошибкой сама создала того Бисмарка, который изгналъ ее изъ союза, новаго Бисмарка, непохожаго на Бисмарка—почтателя Австріи, почти такъ какъ Наполеонъ III совершилъ самъ германское единство; ошибка австрійской и французской политики была одна и та же: та и другая приняла личную слабость одного короля Пруссіи за органическую слабость самого прусскаго государства, игнорируя и силу прусскаго военнаго устройства и унитарныя стремленія германскаго народа.

Бисмаркъ жилъ во Франкфуртѣ очень открыто, давалъ обѣды и балы, приглашалъ въ свой домъ художниковъ, сдѣлалъ свой домъ какъ бы центромъ дипломатическаго общества во Франкфуртѣ. Самъ онъ, начавъ день прогулкой верхомъ въ окрестностяхъ города, въ засѣданіяхъ, пріемахъ и визитахъ, послѣ вечерняго чая, часовъ въ 10 садился за письменную работу и пи-

салъ или диктовалъ часовъ до 3 ночи. Часто король призываетъ его въ Берлинъ, и тогда Бисмаркъ на короткое время появляется въ палатѣ, вынося изъ каждаго такого посѣщенія самыя неприятныя впечатлѣнія относительно парламентаризма вообще, его «щегольства фразами и интригъ», на которыя онъ жалуется въ своихъ тогдашнихъ письмахъ къ женѣ; въ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ даже, что пусть бы его лучше назначили въ Константинополь, по крайней мѣрѣ тогда не пришлось бы такъ часто ѣздить въ Берлинъ. Король былъ очень доволенъ своимъ посланникомъ и, говорятъ, уже тогда былъ не прочь сдѣлать его министромъ, но Бисмаркъ самъ не хотѣлъ этого; онъ въ то время желалъ «лѣтъ десять побыть посланникомъ, а уже потомъ лѣтъ десять министромъ» и затѣмъ возвратиться въ Шёнгаузенъ на покой и жить снова помѣщикомъ, въ деревнѣ. Вкусы Бисмарка въ частной жизни вообще подходятъ къ англійскимъ воззрѣніямъ. Со всѣми, или почти со всѣми во Франкфуртѣ онъ былъ хорошъ, особенно сблизился съ нѣкоторыми сѣверогерманскими дипломатами и съ англійскимъ посланникомъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ откушилъ себѣ охоту. Прусскіе солдаты и офицеры, стоявшіе во Франкфуртѣ гарнизономъ, были, конечно, предметомъ всякаго вниманія и любезности со стороны Бисмарка, который всегда былъ пристрастенъ въ военному мундиру и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ непремѣнно являлся въ мундирѣ поручика ландвера. Солдаты называли его: «его превосходительство, поручикъ фон-Бисмаркъ». Вотъ эти послѣдніе вкусы Бисмарка уже ничего англійскаго въ себѣ не имѣютъ; они—чисто прусскіе. Англичанинъ смотритъ на солдатъ и офицеровъ какъ на людей, служащихъ по найму и притомъ на такихъ, которые сообразно роду своей профессіи получаютъ низкую заработную плату; это отчасти объясняется впрочемъ и особенностями военного устройства въ Великобританіи. На мундиръ же и вообще на всякія внѣшнія отличія англичанинъ смотритъ, какъ на обязательную одежду платнаго, наемнаго состоянія: освободясь отъ работы, онъ тотчасъ снимаетъ и присвоенную ей куртку и жезтанеу, чтобы стать джентльменомъ, то-есть независимымъ чело-
 ловѣкомъ.

Съ уполномоченными Австріи Бисмаркъ имѣлъ также отношенія удовлетворительныя въ свѣтской жизни, но не безъ нѣкоторыхъ «шероховатостей» вначалѣ, о которыхъ свидѣтельствуетъ анекдотъ о томъ, какъ графъ Тунъ принялъ его сидя съ сигарою въ зубахъ и какъ Бисмаркъ тоже сѣлъ, попросивъ у него огня и т. п. Но отношенія австрійской политики къ Пруссіи Бисмаркъ нашель до такой

степени неудовлетворительными, что изъ приверженца Австріи сталъ превращаться въ ея противника. Эту перемѣну легко объяснить жбѣ послѣ всего сказаннаго. Легко представить себѣ, какое дѣйствіе должно было производить на этого пылкаго, самоувѣреннаго, рѣшительнаго и притомъ въ высшей степени практическаго влоубѣка, отдававашаго себѣ ясный отчетъ въ дѣйствительномъ могуществѣ Пруссіи—постоянное затрудненіе со стороны Австріи кѣмъ его даже второстепеннымъ начинаніямъ, вѣчное «подкапываніе почвы» подъ Пруссію, всегдашнее ожиданіе, что Пруссія и въ томъ, и въ другомъ, и третьемъ дѣлѣ непремѣнно должна уступить и уступить. Впрочемъ, этотъ важнѣйшій моментъ въ кодѣ развитія Бисмарка, эту перемѣну кореннаго его политическаго убѣжденія и поворотъ въ ту сторону, изъ которой впоследствии вышли событія 1863 и 1866 гг., лучше всего объяснить словами самого Бисмарка. Съ этою цѣлью мы приведемъ письмо, въ которомъ онъ излагаетъ результаты своей дѣятельности во Франкфуртѣ, написанное имъ уже въ 1859-мъ году, когда онъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ.

Письмо его отъ 12-го мая 1859 года къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Шлейницу, писанное въ то время, когда Австрія старалась увлечь и Пруссію въ войну съ Франціею,—весьма важно для документальнаго уясненія двухъ фактовъ: во-первыхъ, что дѣла 1863 и 1866 годовъ Бисмаркъ предпринялъ не наобумъ; что онъ предвидѣлъ возможность и былъ убѣжденъ въ необходимости для Пруссіи той роли, которую онъ далъ ей впоследствии; во-вторыхъ—того факта, когда именно и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ въ Бисмаркѣ созрѣлъ планъ противорѣчившій сочувствію, такъ-сказать «прикрьѣпленности» къ Австріи той среды, которая произвела Бисмарка. Итакъ, письмо это необходимо привести.

«Изъ восьмилѣтней моей должностной дѣятельности вынесъ я, какъ результатъ моего опыта, убѣжденіе, что нынѣ существующіе союзные порядки составляютъ для Пруссіи тяжкую, а въ британскія времена опасную даже для жизни ея цѣпь, не предоставляя намъ за то тѣхъ соотвѣтственныхъ выгодъ, которыя извлекаетъ изъ нихъ Австрія при гораздо ббльшемъ просторѣ для собственнаго движенія. Обѣ великія державы измѣряются владѣтелями и правительствами государствъ меньшихъ не одинаковою мѣркой; самое опредѣленіе цѣли и законовъ союза видоизмѣняется сообразно съ потребностями австрійской политики. При вашемъ знаніи дѣлъ, я не имѣю нужды доказывать это подробными ссылками на исторію союзной политики съ 1850-го

года и ограничусь тѣмъ, что въ подкрѣпленіе своей мысли сплюсь на такія статьи, какъ возстановленіе союза, вопросъ союзномъ флотѣ, таможенные споры, законодательство о торговлѣ печати и отдѣльныхъ конституціяхъ, вопросъ о союзныхъ кредитахъ Раштаттѣ и Майнцѣ, нефшательскій и восточный вѣпросъ. Мы постоянно встрѣчали передъ собой то же самое сплошное большинство и то же всегдашнее притязаніе на уступчивость со стороны Пруссіи. Въ восточномъ вопросѣ вліяніе Австріи оказалось настолько сильнѣе нашего, что даже согласіемъ собственныхъ желаній и склонностей союзныхъ правительствъ (стремленіями Пруссіи могло представить дѣйствию Австріи только такую плотину, которая постепенно отступала назадъ. Почти всѣ члены союза дали намъ въ то время понять или даже открыто заявили, что они не въ состояніи удержать союзъ въ согласіи съ нами, когда Австрія идетъ своимъ особымъ путемъ, хотя несомнѣнно, что истинные германскіе интересы соотвѣтствуютъ именно нашей, мирной политикѣ; таково было, по крайней мѣрѣ, тогда, возрѣніе почти всѣхъ государей союза. Развѣ же союзныя государя стали бы жертвовать до равной степени своими склонностями и интересами потребностямъ Пруссіи или хотя бы безопасности ея? Конечно нѣтъ, потому что ихъ привязанности къ Австріи основывается тоже на интересахъ, только ложныхъ, которые указываютъ имъ прочной основой общей ихъ политики, держаться заодно съ Австріею противъ Пруссіи и сдавливать всякое развитіе вліянія и могущества Пруссіи. Выработка союзныхъ отношеній въ смыслѣ главенства Австріи въ союзѣ—вотъ естественная цѣль политики нѣмецкихъ государей и ихъ министровъ; въ духѣ ихъ она можетъ осуществиться не иначе какъ насчетъ Пруссіи и по необходимости будетъ направлена противъ Пруссіи до тѣхъ поръ, пока Пруссія не ограничитъ свою роль той полезной для нихъ задачею, чтобы застраховывать ихъ отъ чрезмѣрнаго, въ свою очередь, преобладанія Австріи, и не согласится съ никогда неуставою любезностью переносить тотъ избытокъ своихъ обязанностей предъ своими правами въ союзѣ, который выражается для нея желаніями большинства. Такая тенденція политики среднихъ государствъ будетъ снова обнаруживаться послѣ каждаго временнаго колебанія, съ упорствомъ магнитной стрѣлки, потому именно, что представляетъ не продуктъ отдѣльныхъ обстоятельствъ или личностей, но естественный и необходимый результатъ условій союза для меньшихъ государствъ. И у насъ нѣтъ никакого средства придти съ нею въ какое-либо

шее, удовлетворительное соглашеніе *изъ предѣлакъ* данныхъ новыхъ договоровъ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ, девять лѣтъ тому назадъ, союзники ии, подъ руководствомъ Австріи начали извлекать изъ неетро-го до той поры арсенала основныхъ законовъ союза такіе выходы, которые нужны для принятой ими системы дѣйствій, тѣхъ поръ какъ тѣ постановленія, которыя могутъ имѣть естественный свой смыслъ только въ согласіи Пруссіи и Австріи, ии эксплуатироваться односторонне, собственно для опеки надъ ссею политикой, мы неизмѣнно должны были ощущать всю остъ того положенія, въ которое мы были поставлены усло-ии союза и историческимъ развитіемъ ихъ. Мы могли утѣ-ть себя тѣмъ, что въ мирное время, при правильномъ ходѣъ, намъ возможно, посредствомъ искусныхъ приемовъ, умень-ть зло въ послѣдствіяхъ его, хотя сознавали, что исцѣлитьъ мы не въ состояніи. Во времена же опасныя — какъ ны-шнее — естественно, что другая сторона, та, которая поль-тса всѣми выгодами союзныхъ учреждений, охотно соглашаетсяъ нами, что случилось многое, чему бы случаться не слѣдовало, что въ «общемъ интересѣ» настоящая минута совершенно пригодна для переговоровъ о дѣлахъ прошлыхъ и спорахъ внутреннихъ». Но для насъ, если мы упустимъ настоящій слу-ѣ, другой быть можетъ не скоро представится, и въслѣдствіиъ имъ опять придется ограничиться покорностью судьбъ (Resigna-и) въ той мысли, что въ обыкновенное время, при правильномъ дѣ дѣлѣ, невозможна никакая перемѣна въ нашемъ положеніи.

«Е. в. в. принцъ-регентъ изволилъ принять такое положе-е, которому безусловно сочувствовали всѣ, это можетъ судитьъ прусской политикѣ, и не омрачаетъ своего сужденія *страстямиъ арміи*. Часть нашихъ союзниковъ стремится сбить насъ съ этого оложенія своими неразумными и фанатическими стремленіями. огда бамбергскіе государственные люди такъ легко поддаются ервому воинственному кливу нераасудительной и измѣнчивой невной молвы, то при этомъ они, вѣроятно, утѣшаютъ себя зад-ю мыслью о томъ, какъ удобно для маленькаго государства и еременить свой цвѣтъ въ случаѣ нужды. Но когда они при этомъ отятъ воспользоваться союзными учреждениями для того, чтобы принудить такую державу, какъ Пруссія, броситься въ огонь; огда отъ насъ ожидаютъ, что мы рискнемъ своей кровью и кѣмъ, что имѣемъ, для удовлетворенія политической мудрости и потребности въ подвигахъ такихъ правительствъ, которыя безъ нашего новровительства не могли бы и существовать; когда по-

добныя государства хотять сами сообщать намъ руководящій и пульсъ и средствомъ къ тому избирають теорію о союзе правъ, за признаніемъ которой исчезла бы всякая самостоятельность прусской политики, — тогда, по моему мнѣнію, при время намъ напомнить себѣ, что вожди, которые ожидаютъ и сего послушанія, служатъ не прусскимъ интересамъ, и что въ Германіи, о которомъ они твердятъ, понимается ими въ тако смыслѣ, что оно не можетъ быть въ то же время дѣломъ Пруссіи, если только мы не хотимъ отречься отъ самихъ себя.

«Быть можетъ, я зайду слишкомъ далеко, высказывая мнѣ, что намъ слѣдовало бы хватать каждый законный поводъ подаваемый намъ союзниками, для того, чтобы осуществить измѣненіе взаимныхъ нашихъ отношеній, которое необходимо для установленія отношеній правильныхъ, дающихъ прочную возможность совмѣстной жизни Пруссіи съ малыми германскими государствами. Я думаю, намъ слѣдовало бы съ готовностью подать перчатку, и усматривать не бѣду, а шагъ впередъ въ случаѣ вомъ кризисѣ въ такомъ обстоятельствѣ, какъ рѣшеніе франкфуртскаго большинства, въ которомъ мы нашли бы превышеніе власти союза, произвольное искаженіе цѣли союза, нарушеніе союзныхъ трактатовъ. *Чѣмъ недоусмысленнѣе обвиняемъ бы такое нарушеніе, тѣмъ было бы лучше.* Не легко будетъ намъ вновь дожидаться стеченія въ Австріи, Франціи и Россіи условій столь благоприятныхъ какъ нынѣшнія, для предоставленія намъ возможности улучшить наше положеніе въ Германіи, члены союза находятся уже теперь на прямомъ пути къ тому, чтобы и безъ всякаго пособія ихъ самоиниціально съ нашей стороны дать намъ справедливый поводъ. Сама «Крестовая Газета», какъ я вижу изъ воскреснаго нумера, и та становится въ туннель въ виду предположенія, что франкфуртское большинство можетъ безъ обвиняево распоряжаться прусскою арміею. Не безъ безпокойства замѣчалъ я — и не по одной этой газетѣ — какое единодержавіе присвоила себѣ Австрія надъ германскою печатью, посредствомъ ловко растянutoй сѣти своего вліянія, и какъ она умѣетъ пользоваться этимъ оружіемъ. Безъ него (печати) едва ли такъ называемое общественное мнѣніе могло бы экзальтироваться нинѣ до такой степени; говорю «такъ-называемое» потому, что дѣйствительная масса населенія никогда не расположена къ войнѣ, развѣ если реальныя бѣдствія тяжкаго утѣшенія раздражили его. Дѣло дошло до того, что теперь едва какая-либо прусская газета осмѣливается совнаться въ прусскомъ патриотизмѣ, и то только подъ покровомъ обще-германскихъ чувствъ. Общее нинѣ

ство духа играть при этомъ важную роль, а не меньшую францизеры, которыхъ у Австріи всегда хватить на такое дѣло. Большинство корреспондентовъ пишутъ изъ-за куска хлѣба, большинство газетъ имѣютъ главной цѣлью доходность, и въ тонѣ которыхъ изъ нашихъ и другихъ газетъ опытный читатель легко угадывать, получили ли онѣ вновь субсидію отъ Австріи, или ждать ея вскорѣ, или добиваются ея посредствомъ угрожающихъ намековъ.

• *Думаю*, что намъ было бы возможно произвести значительный переворотъ въ общественномъ настроеніи, еслибы мы въ немъ ударили къ струну самостоятельной прусской политики, въ виду непопулярныхъ требованій нашихъ германскихъ союзниковъ. Можно было бы, во Франкфуртѣ произвести вещи, которыя дали бы поводъ къ тому удовлетворительнѣйшій поводъ.

• Въ виду такихъ случайностей, мудрость нашихъ предохранительныхъ военныхъ мѣръ могла бы оправдаться также по отношению къ другой сторонѣ, и придать нашему положенію болѣе определенности. Тогда прусское самосознаніе отразится звукомъ менѣе громкимъ, чѣмъ союзно-сеймовое, и, быть можетъ, менѣе безслѣднымъ. Самое же слово *Германія*, вмѣсто *Пруссія* (deutsch für preussisch), я увидѣлъ бы на нашемъ знамени съ удовольствіемъ только тогда, когда мы будемъ соединены съ прочими нашими земляками *тѣмъ же и члѣсообразнѣе*, чѣмъ доселѣ; оно теряетъ свое обаяніе, когда употребляется уже теперь, въ примѣненіи къ союзной кабалѣ (Nexus).

• Опасаюсь, что ваше превосходительство, на это письменное возраженіе мое въ область прежней моей дѣятельности, въ умѣ вашемъ возразите мнѣ: ne scitor ultra speridam; но я и не имѣлъ намѣренія представить здѣсь officialный докладъ, а только *свидѣтельство эксперта противъ союза*. Я вижу въ нашемъ отношеніи къ союзу такой недостатокъ Пруссіи, который намъ, рано или поздно, придется исцѣлять ferro et igni (sic), если своевременно не воспользуемся благоприятнымъ сезономъ для его леченія. Еслибы сегодня же просто разрушился союзъ и не былъ замѣненъ ничѣмъ, то я думаю, что уже это представило бы такой отрицательный успѣхъ, изъ котораго выработались бы болѣе удовлетворительныя и естественныя отношенія Пруссіи къ ея германскимъ сосѣдямъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ мы находимся».

Это письмо даетъ полное объясненіе руководящихъ взглядовъ Бисмарка въ его политикѣ, до 1870 года. Уже въ 1859-мъ году, во время итальянской войны, онъ указывалъ первой цѣлью прусской политики—разорвать союзъ, понималъ приведеніе прусской

арміи на военную ногу, котораго прямая цѣль была устроить Францію, въ такомъ смыслѣ, что та же операція годится для ипшенія страха Австріи и союзникамъ, и для преобразованія союзъ въ интересахъ прусскаго вліянія, даже допускалъ уже мысль *ferro et igne*, для этой цѣли, ту самую мысль, которую онъ и ревелъ два года послѣ въ комиссіи второй палаты на нѣмецкомъ языкѣ въ словахъ: *Blut und Eisen*. Мы уже видѣли, что перемѣна въ Бисмаркѣ произошла во время его пребыванія во Франкфуртѣ; почтеніе и преданность прусскаго феодала къ «императорской Австріи» въ немъ смѣнились негодованіемъ дальновиднаго практическаго политика, котораго прежде всего возмущало то, что Австрія и ея союзники эксплуатируютъ въ свою пользу Пруссію, которая ихъ сильнѣе, посредствомъ какихъ-то юридическихъ тонкостей и условнаго могущества союзнаго «большинства». Все это съ достаточной ясностью и документальной достовѣрностью представляется приведеннымъ письмомъ, и мы не будемъ приводить въ подтвержденіе соответственныхъ мѣстъ изъ другихъ писемъ Бисмарка, которыхъ можно найти немало. Но для нѣкотораго объясненія тѣхъ взглядовъ, съ какими Бисмаркъ относился къ Франціи, и которыя онъ провелъ въ 1870-мъ году, мы сдѣлаемъ извлеченіе изъ другого письма его, также изъ Петербурга, отъ 22-го августа 1860 г. (неизвѣстно въ кому): «...Я узнаю, что въ печати предпринять противъ меня походъ посредствомъ систематическаго распространенія клеветы, будто я открыто поддерживалъ русско-французскія предположенія, относительно уступки рейнскихъ провинцій взамѣнъ округленія внутри, будто я второй Боррисъ ¹⁾ и т. п. Я заплачу 1,000 фридрихсдоровъ золотомъ тому, кто мнѣ докажетъ, что подобныя русско-французскія предположенія когда-либо были доводимы до моего свѣдѣнія. Во все время проведенное въ Германіи, я никогда не совѣтовалъ ничего иного, какъ *опираться на нашу собственную силу, а въ случаѣ войны и на ту національную силу Германіи, которую бы мы собрали вокругъ себя*. Эти глупыя животныя съ перьями (*Feder-vieh*) въ нѣмецкой печати совсѣмъ не замѣчаютъ, что нападая на меня, они работаютъ противъ лучшей части собственныхъ своихъ стремленій. Источникомъ этихъ нападовъ мнѣ указываютъ кобургскій дворъ и одного литератора, который имѣетъ личную ненависть ко мнѣ. Еслибы я былъ австрійскій государственный членъ или германскій государь и въ то же время австрійскій

¹⁾ Ганноверскій министръ, сославшійся однажды на возможность получить командъ въ Германіи противъ захватовъ Пруссіи.

ационеръ, какъ герцогъ мейнингенскій, то наша «Крестовая эта» навѣрное приняла бы меня въ этомъ случаѣ подъ за-
 у... Но я для нея только старый товарищъ по партіи, къ
 у же имѣвшій несчастье выработать себѣ о нѣкоторыхъ близко
 юмьхъ мнѣ вещахъ особыя мнѣнія...» Это заявленіе Бисмарка,
 бытность его посланникомъ въ Петербургѣ, въ 1860-мъ году,
 ще въ частномъ, необнародованномъ въ то время письмѣ,
 етъ несомнѣнный вѣсъ. Мнѣніе, что онъ—представитель окру-
 ція Пруссіи при помощи Франціи, было впрочемъ гораздо больше,
 въ частная клевета, исходившая изъ какого-либо мелкаго ис-
 ника: начиная съ 1860 года, Бисмаркъ слытъ во всей нѣмец-
 печати за представителя союза Пруссіи съ Франціею, и это
 ніе такъ уворенилось, что впоследствии, какъ извѣстно, всѣ
 тія 1866, а отчасти и 1870 года, объяснялись какими-то
 ными соглашениями его съ Наполеономъ III-мъ въ Біаррицѣ,
 орья если и были, то уже въ самомъ началѣ со стороны Би-
 рка были предназначены къ неисполненію, между тѣмъ, какъ
 бще думаютъ, что онъ только послѣ неожиданно быстрыхъ и
 стящихъ успѣховъ 1866 года отказался отъ исполненія обя-
 ельствъ, которыя сперва считалъ серьезными. Приведенное
 то письма важно тѣмъ, что полагаетъ единственной опоркою
 будущихъ дѣйствій Пруссіи ея собственную силу, совоюпно
 національною силою Германіи, которую она должна была вы-
 ть и соединить съ собою.

Будучи прусскимъ посланникомъ при союзѣ, Бисмаркъ полу-
 ь иногда и особенныя дипломатическія порученія въ другіе
 рода. Такъ, въ 1852-мъ году, онъ ѣздилъ въ Вѣну съ пору-
 ченіемъ, котораго точное содержаніе осталось неизвѣстнымъ, но
 торое имѣло главной цѣлью найти наконецъ удовлетворитель-
 ый *modus vivendi* съ Австріею. Эта цѣль порученія достигнута
 была, и на нѣкоторыя требованія, выраженныя австрійскою
 ломациею, Бисмаркъ получилъ въ отвѣтъ по телеграфу—какъ
 ь писалъ женѣ—«всего четыре буквы—*pein*, но отвѣтъ имѣ-
 цій большое значеніе». Въ 1853-мъ году, онъ ѣздилъ съ осо-
 ымъ порученіемъ въ Ганноверъ. Сверхъ того въ теченіе своего
 уженія во Франкфуртѣ онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по
 вропѣ, начиная съ Италіи до Швеціи, включительно.

Письмо Бисмарка къ Шлейницу, приведенное выше, показы-
 ьтъ, что у Бисмарка еще во Франкфуртѣ созрѣла полная про-
 рамма той политики, которою онъ себя прославилъ впоследствии.
 оюзъ онъ считалъ орудіемъ Австріи для униженія Пруссіи, бре-
 сенемъ на плечахъ Пруссіи. Въ одномъ изъ писемъ его къ сестрѣ

находится слѣдующее мѣсто касательно союза: «...Принца переносить всѣ оказываемые мнѣ знаки холодности въ сознание утомленной и зѣвающей невинности, укрѣплять въ себѣ чувство полнѣйшаго пренебреженія (Wurschtigkeit) ко всему, что происходитъ, а если и самъ союзъ въ то же время постепенно приобретаетъ пронзительное сознание полнаго своего ничтожества, то лишь себя мыслью, что мое посильное содѣйствіе неспособствовало такому его успѣху. Извѣстная пѣсня Гейне: Bund, du, Hund, du bist nicht gesund» и т. д. вскорѣ будетъ введена единогласнымъ рѣшеніемъ въ національную пѣсню съи Германіи». Австрію Бисмаркъ въ то время уже прямо признавалъ враждебной силой, съ которой слѣдовало бороться, и такъ какъ онъ не очень скрывалъ такое свое настроеніе, когда наступилъ 1859-й годъ, и прусское правительство стало приводить въ исполненіе армію на военную ногу на случай, еслибы оказалось необходимымъ поддержать Австрію противъ Франціи и Италиі, то рѣшеніе принятое Бисмаркомъ во Франкфуртѣ, очевидно, находилось въ противорѣчьи съ такими обстоятельствами.

Принцъ-регентъ перевелъ Бисмарка посланникомъ въ Петербургъ, откуда онъ и выражалъ свое несочувствіе выступленію Пруссіи на защиту Австріи. Приведемъ здѣсь другое письмо Бисмарка изъ того времени.

«Петербургъ, 2-го іюля 1859. Полчаса назадъ меня разбудилъ курьеръ извѣстіемъ, что намъ предстоитъ вопросъ: миръ или война? Наша политика увлекается все болѣе и болѣе въ борозду проведенную австрійскимъ килемъ. При первомъ выстрѣлѣ съ нашей стороны на Рейнѣ война итальянско-австрійская сдѣлается и вмѣсто нея выступитъ прусско-французская война, въ которой Австрія, послѣ того, какъ мы снимемъ бремя съ ея плечъ, будетъ насъ поддерживать или не поддерживать, смотря по тому, какъ укажутъ ей собственные ея интересы. Она не должна не допустить, чтобы мы сыграли очень блестящую побѣдную роль. Какъ угодно Богу! вѣдь въ сущности все только вопросъ времени; народы и люди, глупость и мудрость, война и миръ, являются и проходятъ какъ волны на морѣ, а остается море. На земномъ есть только притворство и фиглярство, и будетъ ли эта маска изъ мяса сорвана лихорадкой или картечью, все равно суждено когда-нибудь спастись: тогда между пруссакомъ и австрійцемъ, если только они равны длиною, наступитъ сходство, такъ что трудно будетъ ихъ различить. Глупые и умные то же, они опрятно препарированы въ видѣ скелетовъ, довольно близко другъ на друга; подобнымъ соображеніемъ, конечно, можно от-

отказаться от специфическаго патриотизма, но вѣдь было бы от чего отказываться, если бы от него въ самомъ дѣлѣ зависѣла наша жизнь». Въ этой запискѣ къ женѣ, набросанной наскоро, послѣ извѣстія извѣстія въ смыслѣ неблагоприятномъ для его убѣжденій, отражается уныніе неподдѣльное, заставляющее признать, что свои убѣжденія въ политикѣ Бисмаркъ выставлять и поддерживать не изъ расчета и не по обязанности только; въ предшествующихъ строкахъ обнаруживается та тоска, то разочарованіе, которые захватываютъ умъ человѣка, когда онъ видитъ неуспѣхъ мысли задушевнѣйшей, мысли, которой онъ преданъ страстно.

Еще записка изъ Петербурга, къ г-жѣ Бисмаркъ, безъ чина: «До половины четвертаго утромъ писалъ, тогда солнце встало, и я легъ спать; потомъ раньше 9-ти опять за чернила, и такъ еще и сижу; чрезъ полчаса идетъ пароходъ. Три дня къ ряду должно было бывать въ Царскомъ-Селѣ, на что каждый разъ уходитъ цѣлый день; у императора я обѣдалъ недавно въ платьѣ четырехъ лицъ, такъ какъ не ожидалъ, что придется быть во фракѣ, имѣлъ видъ довольно странный. Здѣсь ко мнѣ очень дофран, но въ Берлинѣ интригуютъ Австрія и всѣ любезные союзники, чтобы меня сбить отсюда, а между тѣмъ я такой серомышкѣй. На все воля Божья, по мнѣ и въ деревнѣ жить хорошо».

VI.

Петербургъ и Парижъ.

Но опасенія Бисмарка не сбылись, такъ какъ самоувѣренность Австріи и вмѣстѣ недоувѣріе ея къ Пруссіи помѣшали ей даже воспользоваться услугою со стороны Пруссіи. Австрія сама отклонила прусскую помощь и предпочла заключить виллафранкскій миръ, лишь бы не давать Пруссіи того преимущества, какое могло возникнуть для нея изъ успѣшнаго участія въ войнѣ съ французами. Между тѣмъ прусская мобилизація 1859 года указала регенту, нынѣшнему императору, на необходимость преобразования арміи съ продленіемъ срока дѣйствительнаго пребыванія подъ знаменами въ пѣхотѣ до 3-хъ лѣтъ, вмѣсто 2-хъ. Расходи по содержанію большого числа людей производились по волѣ правительства безъ спроса палаты и въ увѣренности, что палата впоследствии утвердитъ сдѣланное превышеніе бюджета; точно такъ и въ настоящее время производится въ Пруссіи преобразование артиллеріи. Отсюда, съ 1861 и до 1866 года, въ Пруссіи происходило то явленіе, которое извѣстно подъ именемъ

конституціоннаго столкновенія (Verfassungs-Conflikt). Бисмаркъ съ 1862 года принялъ самое дѣятельное участіе въ этомъ столкновеніи, изобрѣлъ теорію и провелъ практику полного обновленія конституціи. Но это была уже его министерская дѣятельность. До 1862 года, онъ оставался на дипломатическихъ постахъ, сперва въ Петербургѣ, потомъ въ Парижѣ. Въ біографическомъ очеркѣ Бисмарка нашимъ читателямъ не безынтересны будутъ нѣкоторыя подробности о его жизни въ Петербургѣ.

Онъ былъ принятъ здѣсь очень хорошо и скоро почувствовалъ себя «на мѣстѣ», почувствовалъ себя даже «привольно», послѣ того какъ онъ избавился отъ франкфуртскихъ Plackets и занялъ положеніе съ одной стороны не слишкомъ обремененное работой, а съ другой болѣе возвышенное въ сферѣ общаго европейской политики. Изъ Петербурга общая картина Европы и своей политики была ему гораздо виднѣе, чѣмъ изъ Франкфурта, гдѣ онъ заваленъ былъ союзными дразгами. Онъ нанялъ въ Петербургѣ домъ графини Стенбокъ, на англійской набережной, и перевезъ сюда свое семейство. Затѣмъ, одною изъ первыхъ заботъ было—научиться по-русски. Онъ взялъ себѣ учителя, и дѣйствительно научился говорить по-русски. Хорошо ли, худшо ли—этого мы не знаемъ, но находимъ у Гезевіля свѣдѣніе, что Бисмаркъ произвелъ нѣкоторый эффектъ, когда онъ въ первый разъ заговорилъ по-русски съ нашимъ Государемъ. Пребываніе въ Петербургѣ доставило ему возможность часто предаваться любимому имъ упражненію—охотѣ на дикаго звѣря. Бисмаркъ не разъ зимою лечился охотою отъ простуды, и лечился съ успѣхомъ. Онъ даже завелъ у себя дома медвѣжатъ, которыя являлись въ столовую и катались тамъ съ горки. Своихъ петербургскихъ медвѣдей, когда они подросли, онъ подарилъ зоологическимъ садамъ во Франкфуртѣ и въ Кельнѣ. Въ Петербургѣ у Бисмарка было достаточно времени даже для того, чтобы самому слѣдить за ходомъ воспитанія его дѣтей. Регулярно каждую субботу, они являлись въ нему съ тетрадами и отдавали отчетъ въ пройденномъ; затѣмъ Бисмаркъ дѣлалъ имъ нѣкоторый экзамень, при которомъ, какъ сообщаетъ біографъ со словъ управляющаго, обнаруживалось какъ твердо, до самыхъ подробностей, въ умѣ дипломата удержался гимназическій курсъ. Въ числѣ ближайшихъ знакомыхъ, часто посѣщавшихъ Бисмарка въ домѣ Стенбокъ, находились: баронъ Лоэнъ, тогдашній прусскій военный агентъ въ Петербургѣ, капитанъ Эркертъ, сѣверо-германскій при посольствѣ Шлёперъ, князь Крои — пруссаки; графъ Вильгельмъ—другъ молодости Бисмарка, баронъ Нольде и графъ...

дузъ. Биографъ неоднократно останавливается на любезности, оказанной Бисмарку всѣмъ петербургскимъ высшимъ кругомъ, на близости къ нему Государя, добрыхъ отношеній князя Горчакова и особенномъ радушии, оказанномъ ему у великой княгини Елены Павловны, при дворѣ которой онъ являлся часто.

Объ охотничьихъ походахъ Бисмарка въ Россіи разсказывается въ видѣ примѣра: «какъ Бисмаркъ самъ-сѣмъ поѣхалъ на охоту», разсказъ *русскаго*: «Плохо намъ пришлось, батюшка: идетъ первый медвѣдь, пруссакъ—баць, и медвѣдь на-земь; другой медвѣдь идетъ, я выстрѣлилъ и промахнулся, а пруссакъ—баць и такъ далѣе; третій медвѣдь» и пр.

Бисмаркъ въ Петербургѣ впервые началъ болѣть, получилъ то нервное расстройство, которымъ страдаетъ и теперь почти каждый годъ. Изъ одного письма его мы узнаемъ такое опредѣленіе этой болѣзни, что она имѣла «ревматическо-гастрическо-нервный характеръ»; началась она ломотою въ членахъ, потомъ перешла въ распухленіе печени, и наконецъ стѣснила дыханіе до такой степени, что больной съ трудомъ переводилъ духъ. Его лечили сперва втираніемъ іода, потомъ, когда оказалось расстройство печени — сильнымъ кровопусканіемъ съ синализмами по всему тѣлу, «до тѣхъ поръ — шипеть самъ Бисмаркъ, — пока я уже, едва не отправившись въ лучший міръ, убѣдилъ наконецъ своихъ врачей, что у меня нервы ослаблены восьмилѣтними, постоянными неприятностями и постояннымъ возбужденіемъ, и что дальнѣйшее кровопусканіе вѣроятно приведетъ меня къ тифу или сумасшествію. Съ недѣлю тому назадъ было всего хуже; но моя хорошая натура взяла свое, какъ только мнѣ прописали въ умѣренномъ количествѣ испанское вино». Болѣзнь эта не осталась и безъ нравственнаго вліянія на Бисмарка: онъ впервые разувѣрился въ своихъ физическихъ силахъ, и многія письма его изъ Петербурга запечатлѣны меланхоліею, которая, впрочемъ часто прерывается неудержимой живостью его ума. Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ петербургскихъ писемъ Бисмарка. Начнемъ съ его отзыва о Москвѣ, которую онъ посѣтилъ въ первый годъ своего знакомства съ Россіею (1859): «Этотъ городъ, какъ городъ, — самый красивый и оригинальный изъ всѣхъ (die es gibt); окрестность такъ себѣ, ни хороша, ни дурна, но видъ сверху, изъ Кремля, на этотъ кругозоръ домовъ съ зелеными крышами, садовъ, церквей, башенъ самыхъ странныхъ формъ и цвѣтовъ, зеленыхъ, красныхъ, свѣтлосинихъ, по большей части увѣнчанныхъ наверху колоссальною золотой луковницею, иногда по 5-ти на одной церкви, до 1000 башенъ бу-

дѣть навѣрное—представляетъ, когда все это восвемно озвѣща при солнечномъ закатѣ, нѣчто столь прекрасное и вмѣстѣ чуждое (*fremdartig Schönes*), что этотъ видъ не имѣетъ себѣ равнаго». Изъ петербургскихъ писемъ Бисмарка къ сестрѣ вынысываемъ мѣста, характеризующія его тогдашнее настроеніе образъ жизни.

«... (іюль, 1860). Я чувствую себя какъ старый отставивъ служака, получающій пенсію, который заключилъ свои счета съ дѣлами сего міра, или по меньшей мѣрѣ, какъ нѣкогда честный любивый воинъ, когда онъ достигъ гавани—хорошаго коменданства, и мнѣ представляется, что я здѣсь могъ бы долгіе, счастливые годы брестъ на встрѣчу своему концу. Ежедневно до 12-ти я занятъ карлсбадскою водою, гуляньемъ, завтракомъ, одѣваніемъ;—отъ 12-ти до 5-ти служба даетъ мнѣ какъ разъ настоятельную регулярной работы, чтобы не чувствовать себя лишнимъ на свѣтѣ. Обѣдъ нравится мнѣ весьма и особенно то именно, что мнѣ запрещено ѣсть; съ 8-ми до 10-ти я ѣзжу верхомъ, тоже *par ordre* напале *du médecin*, а потомъ читаю до 12-ти полученные газеты и депеши, сопровождая это жеваніемъ госпитальнаго черносныя. Такъ я продержусь еще долгое время, предполагая, что мнѣ удастся удержать за собою въ отношеніи нашей политики положеніе наблюдателя-натуралиста».

«...²⁶/14-го марта, 1861. Поздравляю тебя съ моимъ днемъ рожденія; но этотъ безкорыстный шагъ не единственная причина такой рѣдкости, какъ собственноручное мое посланіе. Тебѣ извѣстно, что 11-го апрѣля родилась основа моего семейнаго счастья; менѣе извѣстно быть можетъ, что въ прошломъ году я выразилъ удовольствіе по случаю возвращенія этого дня подаркомъ двухъ (*sic*) брилліантовыхъ серегъ, издѣлія Вагнера, подъ-Липами, и что таковыя у любезной обладательницы недавно пропали, вѣроятно украдены. Для смягченія горести о такой потерѣ, мнѣ бы хотѣлось къ 11-му, съ курьеромъ, или при другой оказіи, получить пару такихъ же украшеній для ушей моей супруги. Вагнеръ, вѣроятно, еще помнитъ, каковы были прежнія и что стоили; чѣмъ болѣе будутъ похожи на тѣ, тѣмъ лучше; въ простой оправѣ, какъ твои, и пожалуй, пусть будутъ нѣсколько подороже прошлогоднихъ; равновѣсія моего бюджета все равно мнѣ не соблюсти, будетъ ли пассивъ ста талерами больше или меньше. Подожду, намного ли отдохнутъ мои финансы, когда, гѣтомъ, я пошлю жену и дѣтей въ Померанію, а лошадей—въ Ингерманландію, на подножный кормъ, на нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ опытъ можетъ показать, какое сбереженіе достижимо этиаъ чу-

Если оно окажется недостаточнымъ, то на будущей годъ оставлю свой, очень праящійся мнѣ домъ, и стану на саксонско-баварско-виртембергскую пору¹⁾, до тѣхъ поръ, пока увеличатъ жалованье, или отпустятъ меня на праздность частной жизни. Впрочемъ, я подружился съ здѣшной жизнью, нахожу, что зима не такъ страшна, какъ я думалъ, и не желаю никакой перемѣны въ своемъ положеніи, до тѣхъ поръ, когда, съ Божьей волею, усядусь я, наконецъ, въ Шёнгаузенъ или Рейнвальдѣ на покой, и велю мастерить себѣ гробъ, потихоньку, не спеша. Амбція—быть министромъ, въ настоящее время не особенно завлекательна по разнообразнымъ причинамъ, которыя не въ пригодны для изложенія на письмѣ; что касается Парижа или Лондона, то тамъ мнѣ пришлось бы жить съ меньшимъ удобствомъ, чѣмъ здѣсь, да и значенія бы я имѣлъ не больше, а ужъ самый переѣздъ—половина смерти. Покровительство 200,000 бродяжничающихъ пруссаковъ, которыхъ $\frac{1}{3}$ въ Россіи живетъ, а $\frac{2}{3}$ ее посѣщаютъ, доставляетъ мнѣ достаточно занятія, чтобы не скучать; жена и дѣти переносятъ климатъ какъ нельзя лучше; у меня есть нѣкоторое число пріятныхъ знакомыхъ; по временамъ мнѣ случается подстрѣлить медвѣдя или лося—последняго за 290 верстъ отсюда по прелестной санной дорогѣ—а большого свѣта, ежедневное вращеніе въ которомъ рѣшительно бесполезно для королевской службы, я избѣгаю, потому что не могу уснуть, когда ложусь поздно. До 11-ти нельзя пріѣхать, большинство пріѣзжаетъ послѣ 12-ти и затѣмъ около 2-хъ отправляются на какой-нибудь вечеръ съ ужиномъ; этого я не могу теперь дѣлать, можетъ быть никогда уже не буду въ состояніи дѣлать, да и не жалуясь на такое лишеніе, ибо скука раутовъ здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что здѣсь у людей слишкомъ мало общихъ интересовъ и одинаковыхъ условий жизни. Юганна (г-жа Бисмаркъ) часто выѣзжаетъ и даетъ неизбѣжные отвѣты на вопросы о моемъ здоровьи, служащіе навозомъ для бесплодной почвы разговариванія. Я бы желалъ, чтобы Юганна какъ можно раньше—по экономическимъ причинамъ—отправилась въ Германію, въ Померанію—хотѣлъ я сказать—но она не желаетъ! Туда и я послѣдовалъ бы за ней, какъ только дадутъ отпустить. Стану пить какой-нибудь источникъ и купаться въ морѣ, чтобы отдѣлаться отъ несносной чувствительности кожи».

. . . (январь 1862). Ты пишешь, что *** ведетъ про меня въ Берлинѣ нескромныя рѣчи... Если бы я теперь еще

¹⁾ Т.-е. въ условія жизни посланниковъ этихъ дворовъ.

имѣлъ въ виду сдѣлать карьеру, то дурные слухи не передали бы. Лѣтъ 8-мь полѣзяться и быть потребовательнѣе—это никакъ не помогаетъ. Но для меня это слишкомъ поздно, и потому я и долженъ доморощеннымъ способомъ исполнять свой долгъ. Въ время моей болѣзни я такъ усталъ нравственно, что у меня исчезла та сила напряженія, которая необходима для дѣятельности подвижной. Года три тому назадъ, изъ меня бы еще вышелъ порядочный (brauchbar) министръ; теперь, когда подумаю объ этомъ, то представляюсь самъ себѣ такъ, какъ долженъ существовать себя больной фокусникъ, когда онъ ѣздитъ въ циркъ. Еще нѣсколько лѣтъ я долженъ оставаться на службѣ, если выживу ихъ. Черезъ три года кончится срокъ аренды въ Книшгофѣ черезъ четыре въ Шёнгаузенѣ; до тѣхъ поръ мнѣ негдѣ бы и жить, еслибы я оставилъ службу . . . Иоганнѣ хотѣлось бы и Парижъ (посланницей), потому что климатъ для дѣтей тамъ лучше. Но все это подъ Богомъ, болѣзни и прочее и многого ничего не значить . . . Впрочемъ, я былъ бы не безполезенъ государю Богу, если бы былъ недоволенъ дѣйствіемъ своимъ положеніемъ и желалъ переменъ. Министерская должность мнѣ просто пугаетъ, какъ холодная ванна».

Посланникомъ въ Петербургъ Бисмаркъ пребылъ съ 1858 по 1862-й годъ; въ теченіе этого времени болѣзнь нѣсколько разъ заставляла его уѣзжать въ отпускъ, домой. Сверхъ того, онъ сопровождалъ Государя въ 1859-мъ году на свиданіе съ регентомъ прусскимъ въ Бреславлѣ, а въ 1861-мъ году былъ съ прусскимъ королемъ въ Баденъ-Баденъ и въ октябрѣ того же года присутствовалъ на коронаціи Вильгельма I въ Кёнигсбергѣ. Расскажемъ здѣсь объ одномъ дипломатическомъ промахѣ Бисмарка, упомянутомъ въ его перепискѣ изъ Петербурга. Ему не удалось ѣхать въ Бреславль и онъ надѣялся избавиться отъ этой поѣздки, донесъ въ Берлинъ, что русскія разстоянія едва ли допускаютъ соблюденіе обычая, чтобы при свиданіи сосѣднихъ императоровъ близъ границы посланникъ выѣзжалъ на встрѣчу своему государю (т. е. изъ Петербурга въ Бреславль). Написавъ это въ Берлинъ, Бисмаркъ, когда ему изъ Петербурга сдѣлано было приглашеніе ѣхать въ Бреславль, отвѣчалъ на приглашеніе уклончиво, то-есть отказался; вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ изъ Берлина приказаніе ѣхать въ Бреславль и, нечего дѣлать—онъ ѣхалъ, хотя это и было неловко послѣ того, какъ онъ отклонилъ приглашеніе. Пребываніе Бисмарка въ Петербургѣ имѣло немаловажное значеніе какъ для него, такъ и для Пруссіи. Для него—судьба, предназначавшая ему совершить совершилъ

переворотъ въ устройствѣ Германіи и въ европейскомъ равновѣсіи, какъ бы нарочно предоставила ему случай постепенно ознакомиться самымъ основательнымъ образомъ съ дѣлами и людьми сперва во Франкфуртѣ, потомъ въ Петербургѣ, наконецъ въ Парижѣ. Для Пруссіи трехлѣтнее пребываніе Бисмарка въ Петербургѣ было важно потому, что послѣ событій восточной войны замѣны гр. Нессельроде княземъ Горчаковымъ, въ Петербургѣ долженъ былъ найти сочувствіе такой прусскій посланникъ, который слылъ и былъ въ дѣйствительности рѣшительнымъ противникомъ Австріи; а между тѣмъ личныя свойства Бисмарка, его умъ, соединенное съ практической дѣловитостью и прежде всего — его, въ самомъ дѣлѣ, откровенная манера вести дѣла могли не только способствовать къ поддержанію тѣсныхъ отношеній между Россіею и Пруссіею (это пожалуй, было бы и безъ Бисмарка), но и внушить *здесь* довѣріе къ намѣреніямъ и планамъ Бисмарка, когда онъ сдѣлался министромъ-президентомъ, сталъ руководителемъ прусской политики. Все это могло вліять на положеніе, изъ котораго не выходила Россія въ 1863-мъ — 1864-мъ годахъ, во время войны Пруссіи съ Даніею и въ 1870-мъ году, во время войны съ Франціею. О 1866-мъ годѣ нечего и говорить; сама крымская война предопредѣлила полный нейтралитетъ Россіи въ событіяхъ того года.

Въ началѣ 1862 года, Бисмаркъ оставался нѣкоторое время въ неизвѣстности, что съ нимъ сдѣлаютъ. Онъ зналъ, что король желалъ уже тогда поставить его во главѣ прусскаго министерства и самъ не отказывался отъ этой чести, но нѣсколько побаивался ея, и — искренно или нѣтъ, другой вопросъ — высказывался въ своей перепискѣ скорѣе въ пользу посланническаго поста, въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Произведенный при коронаціи въ майора ландвера, Бисмаркъ въ одинъ прекрасный майскій день 1862 года ѣздивъ верхомъ по Берлину, въ майорскомъ мундирѣ, и сойдя съ лошади неожиданно узналъ о послѣдовавшемъ своемъ назначеніи въ Парижъ. Приѣхавъ туда, онъ еще и оттуда писалъ жемъ, что положеніе его въ Парижѣ до тѣхъ поръ не окончательно, пока не будетъ замѣщена должность министра-президента въ Берлинѣ. Уже послѣ аудіенціи своей у Наполеона III, онъ писалъ ей, что вѣроятно скоро будетъ призванъ по телеграфу въ Берлинъ, причѣмъ, упоминая объ интригахъ противъ своего назначенія первымъ министромъ, замѣчалъ: «еслибъ мои враги знали, какое благодареніе они окажутъ мнѣ своею побѣдой, то пожалуй изъ злости стали бы интриговать въ смыслѣ моего назначенія въ Берлинъ. Я никакъ не менѣе твоего чувствую анти-

патию (Abneigung) къ Вильгельмсптрассе, и пока не буди убежденъ, что такъ должно быть, не поѣду. Но оставивъ корабль въ затруднительномъ положеніи, отговариваясь болѣзнью, я считалъ трусостью и неврностью (Feigheit und Untreue)». Приѣхавъ въ Парижъ въ началѣ лѣта, Бисмаркъ отправился вскорѣ сверхъ Трувилль, потомъ на югъ Франціи, къ самымъ Пиренеямъ, да до Санъ-Себастьяна. Въ письмахъ его съ этой поѣздки, просвѣтлѣваетъ прежняя бойкость, живость; видать, что мысль о болѣзни перестала его тревожить и онъ снова приобрѣлъ самоуверенность. Изъ Бордо, напр., онъ пишетъ: «Вчера совершилъ прелестную объѣздъ по всему Медоку — въ Лафиттъ, Мутонъ, Плионъ, Ларозъ, Латуръ, Маргò, С.-Жюльенъ, Броннъ, Армейльи; эти и другіе вина пилъ въ первобытно-чистомъ говорѣ веллгозъ. У насъ въ тѣни — 30°, на солнцѣ 55°, но съ добрымъ желудкомъ въ желудкѣ это непримѣтно». Эти письма написаны живымъ фельетоннымъ языкомъ и обнаруживаютъ въ Бисмаркѣ котораго французы считаютъ gaïde — натуру прямо противоположную этой квалификаціи: впечатлительность къ красотамъ природы, живость, даже нѣкоторую поэзію, но поэзію не германскую, а именно прусскую, которую можно всегда снять къ опредѣленному часу, перейдя отъ нея непосредственно къ провѣркѣ счетовъ и перепискѣ о дѣлахъ.

На этой же поѣздкѣ Бисмаркъ встрѣтился съ Наполеономъ III въ Біаррицѣ. Какіе между ними были въ это время разговоры излишне было бы отгадывать, а слѣдовъ ихъ въ его дневной перепискѣ, конечно, нѣтъ. Единственное письмо его изъ Біаррица рассказываетъ, какъ онъ ѣхалъ въ дилижансѣ съ хорошенькими испанками и старался объяснить имъ на итальянскомъ языкѣ, что онъ одобряетъ ихъ внѣшность. Говоря, съ своей стороны, не выдаетъ тайны, если она ему сколько-нибудь и извѣстна. Другой биографъ Бисмарка, Бамбергеръ, замѣчаетъ въ свиданіи въ Біаррицѣ, что интимность отношеній и важность переговоровъ доказываются уже тѣмъ, что когда Бисмаркъ вслѣдъ затѣмъ былъ призванъ въ Берлинъ и назначенъ первымъ министромъ, то онъ все-таки счелъ долгомъ съѣздить еще разъ къ Наполеону III, чтобы откланяться, и «безъ сомнѣнія и съ тѣмъ, чтобы еще разъ окончательно объясниться». Какъ бы то ни было, то-есть были ли, не были ли тайныя соглашенія, несомнѣнно, что Бисмаркъ разгадалъ Наполеона III, а Наполеонъ III не разгадалъ Бисмарка. Вотъ существенное различіе между этими политиками, которые въ нѣкоторыхъ чертахъ представляли сходство, не внѣшнее конечно, но по принципу. Вѣнныя слухи

она между вялымъ и молчаливымъ *Sédentaire*, какъ его ловко прозвалъ Э. Жирарденъ, и бойкимъ, разговорчивымъ, даже словоохотливымъ авторомъ всѣхъ этихъ «жельзо и огонь», «жельзо и кровь», иногда даже напрасно высказывающимся Бисмаркомъ—быть. Третій биографъ Бисмарка, Рёсслеръ, указываетъ на сходство между Наполеономъ III и Бисмаркомъ въ томъ принципѣ, что каждый изъ нихъ умѣлъ воспользоваться народною идеею—Наполеонъ идеею демократизма, Бисмаркъ—національнаго единства. Рёсслеръ указываетъ на сходство и между Наполеономъ III, Бисмаркомъ и Кавуромъ, говоря, что всѣ трое представляются разрушителями вѣнскихъ трактатовъ, но что изъ этихъ разрушителей самымъ разрушительнымъ былъ Бисмаркъ, съ чѣмъ едва ли можно согласиться. Сверхъ того, вообще при этихъ сравненіяхъ надо помнить, что Наполеонъ III лично не предложилъ новыя и не представлялъ никакого своего принципа: онъ былъ только контрафакторъ «наполеоновскихъ идей». Приемъ Бисмарка былъ похожъ на приемъ Наполеона I, какъ по подчиненію народнои идеи величію военнаго могущества, такъ и потому именно, что Бисмаркъ вынудилъ въ Германіи народную войну противъ Франціи, такъ какъ нѣкогда Наполеонъ обратилъ народную войну революціи на самозащиту, въ завоевательныя войны противъ Германіи. Между Бисмаркомъ и Кавуромъ, какъ дипломатами, есть большое сходство; оба разгадали Наполеона III, оба воспользовались имъ въ значительной степени далѣе его воли. При этомъ нужно Кавуру отдать то преимущество, что онъ разгадалъ сфинкса *первымъ*. Но общее политическое значеніе Кавура и Бисмарка представляетъ гораздо болѣе различій, чѣмъ сходства. Что касается собственно осуществленія національнаго единства, то дѣло Кавура было труднѣе, положеніе его было гораздо болѣе стѣснено, средства меньше. Средства у Бисмарка были безъ всякаго сравненія больше и положеніе его гораздо благоприятнѣе, наконецъ — путь виднѣе и прямѣе; но за то же и результаты, которыхъ онъ достигъ, имѣютъ болѣе всемірное значеніе.

VII.

Министерство.

Въ Авиньонѣ Бисмаркъ получилъ извѣстіе о назначеніи министромъ иностранныхъ дѣлъ, и тотчасъ отправился въ Берлинъ. Бисмаркъ вступалъ во главу управленія въ весьма трудное время. Столкновеніе правительства съ палатою депутатовъ дошло уже до конституціоннаго кризиса. Теперь легко говорить, что прусскому правительству нечего было опасаться послѣдствій своего упорства по вопросу о преобразованіи арміи; что правительство въ Пруссіи слишкомъ сильно, чтобы оно могло опасаться серьезныхъ послѣдствій своего упорства. Это легко говорить теперь; но десять лѣтъ тому назадъ нельзя было съ достовѣрностію судить о томъ, располагала ли палата въ Пруссіи действительной силой или нѣтъ: въ виду не имѣлось другого опыта, кромѣ опыта 1848 года, а этотъ былъ вовсе не успокоительнаго свойства. Между тѣмъ, король намѣренъ былъ преобразовать армію осуществить во что бы то ни стало, производить существенные расходы безъ согласія палаты и не отступать передъ ея требованіями и ея отказами въ утвержденіи бюджета. Отменить конституцію, которой онъ самъ присягалъ, — надо сказать въ честь Вильгельма I-го, — у него никогда и въ мысляхъ не было. Но надо сказать и то, что, благодаря искаженіямъ, внесеннымъ предшественникомъ этого короля въ прусскую конституцію, можно было управлять страной безъ бюджета и не нарушая конституціи, такъ какъ конституція не требовала ежегоднаго согласія палаты на взиманіе податей однажды установленныхъ.

Король назначилъ первымъ министромъ Бисмарка потому, что онъ намѣренъ былъ упорно держаться своего проекта и заставить палату уступить, а не уступать самому ей. Въ этомъ смыслѣ смѣна либеральнаго министерства и назначеніе министерства бюрократическо-феодальнаго, съ Бисмаркомъ во главѣ, и было принято въ прусскомъ обществѣ. Bismarck — das ist der Staatsstreich! — провозгласила одна газета. Государственнаго переворота король Вильгельмъ, повторяемъ, дѣлать не хотѣлъ; но прибавимъ отъ себя — и не имѣлъ нужды дѣлать именно потому, что государственный переворотъ уже былъ сдѣланъ предшественникомъ Вильгельма I-го. Конституцію, которую тотъ искажалъ незаконно, собственною властью, не было затѣмъ и нужды отменить; она была

Бисмарку благодаря своимъ «пробѣламъ», знаменитымъ «Lücken in der Verfassung», — пробѣламъ, которые въ ней въ самомъ дѣлѣ выходятся и могли быть возведены Бисмаркомъ впоследствии въ дѣлю государственную теорію, которая въ одно и то же время заключала въ себѣ политическій абсурдъ и не нарушала положительнаго прусскаго права, потому собственно, что право это уже было право преднамѣренно искаженное.

Это была теорія о необходимости для юридической силы законодательнаго акта *единогласія трехъ самостоятельныхъ факторовъ* власти: короны, палаты господъ и палаты депутатовъ. Эта теорія была теорія *liberum veto*, повторенная изъ польской исторіи, только иначе примѣненная, теорія анархіи. Она никогда и не осуществилась въ Пруссіи; какъ въ Англии рѣшающее значеніе имѣетъ въ дѣйствительности одна изъ трехъ властей — палата общинъ, такъ въ Пруссіи рѣшающее значеніе оставила за собой одна власть, именно корона. Равновѣсія трехъ факторовъ, т-есть анархіи, не было, но было въ дѣйствительности полномасштабное обращение представительства въ мифъ. Мы не намѣрены слѣдить здѣсь за перипетіями той борьбы Бисмарка съ палатою депутатовъ, которая привела къ такому результату, чтобы напомнить о характерѣ этой борьбы довольно и сказаннаго. Повторимъ только, что такой исходъ ея, который, какъ намъ теперь кажется, былъ очевидно-неизбѣжнымъ съ самаго начала, вовсе не былъ еще очевиденъ въ 1862-мъ году, и самъ Бисмаркъ сознавалъ рискованность дѣла, когда говорилъ: «можно представить себѣ такой родъ смерти, который и *хуже казни*»; или — «смерть на эшафотѣ, по обстоятельствамъ, бываетъ столь же почетна, какъ смерть на полѣ битвы!»

Боролю, въ его борьбѣ съ палатою была дорога, конечно, не побѣдительность Бисмарка въ его софизмахъ о «равновѣсіи факторовъ», не надменное, вызывающее отношеніе его къ палатѣ, даже не сильное, саркастическое его слово, а та самоувѣренность, бодрость и свѣжесть, съ какою его поддерживалъ въ этой борьбѣ новый его помощникъ. Когда, въ 1862-мъ году, одна русская дама поздравляла короля съ его бодрымъ, здоровымъ видомъ, Вильгельмъ указалъ ей на Бисмарка и сказалъ: «voilà mon médecin». Знаменитое изреченіе Бисмарка: «великіе вопросы времени рѣшаются не рѣчами и постановленіями большинства, но желѣзомъ и кровью» — было произнесено уже въ сентябрѣ 1862 года. У Гезекіа находимъ интересное свидѣніе, что когда Бисмаркъ поѣхалъ, въ октябрѣ того же года, въ Па-

решъ прощаться (и объясниться еще разъ) съ Наполеономъ III-мъ то тотъ выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ Бисмарка въ борьбѣ съ палатой и даже напомнилъ ему примѣръ Польняка въ 1830-мъ году. Новое доказательство, что Бисмаркъ имѣетъ гораздо болѣе практическаго гениа какъ политикъ, чѣмъ Наполеонъ III-й: Наполеонъ ошибся въ отношеніи Бисмарка, а Бисмаркъ въ своихъ дѣйствіяхъ не ошибся въ отношеніи къ Наполеону III-му.

Во внѣшней политикѣ, которая послужила Бисмарку средствомъ превзойти, одолѣть и внутренній кризисъ, взгляды его какъ уже показано выше, давно установились, сформировались въ весьма опредѣленную систему дѣйствій, въ настоящую программу. И вотъ, 24-го января 1863 года, Бисмаркъ разослалъ посланнику Пруссіи знаменитую циркулярную депешу, въ которой излагалъ устное сообщеніе, сдѣланное имъ передъ тѣмъ австрійскому послу, графу Каролю. За недостаткомъ мѣста, мы не приводимъ ея цѣлкомъ, какъ то было бы лучше всего сдѣлать, изъ тому что она, вмѣстѣ съ цитированнымъ выше письмомъ его къ Шлейницу, содержитъ полную программу политики Бисмарка, и никто не можетъ изложить его политики яснѣе, опредѣленнѣе, чѣмъ онъ излагалъ ее самъ. Но въ этомъ циркулярѣ объясняется, что Бисмаркъ сдѣлалъ австрійскому послу слѣдующее сообщеніе: «что отношенія Пруссіи въ Австріи должны неизмѣнно сдѣлаться *лучше или хуже*, чѣмъ были»; что если улучшенія не послѣдуетъ, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Пруссія при случаѣ, «вступитъ въ союзъ съ какии-либо противниками Австріи»; что самъ Бисмаркъ, въ такомъ предположеніи, никогда «не будетъ совѣтовать королю остаться нейтральнымъ», и что если Австрія не полагаетъ предѣловъ терпѣнію Пруссіи, въ видѣ затрудненій, представляемыхъ ей въ союзѣ, никакого предѣла въ томъ только предположеніи, что Пруссія всегда нуждается въ помощи, то Пруссія «докажетъ ей ошибочность такого предположенія *на дѣлѣ*, если словамъ и желаніямъ ея не придано значенія». Смыслъ этого сообщенія, изложеннаго въ циркулярѣ Бисмарка, слѣдуетъ дополнить выпискою изъ отчета о томъ разговорѣ, представленнаго графомъ Кароломъ австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Рехбергу. Въ этомъ отчетѣ, 18-го февраля 1863 года, находится слѣдующее мѣсто: «въ заключеніе, онъ (Бисмаркъ) буквально поставилъ намъ альтернативу: или устранить отъ Германіи (*aus Deutschland ganzlich*) и перенести центр тяжести нашей монархіи въ Австрію; или увидѣть Пруссію, при первомъ случаѣ европейскаго конфликта въ ряду нашихъ противниковъ».

Объясненіе это произошло въ то время, когда Австрія, лишившись влияния своего на Италію, тѣмъ болѣе хотѣла подчинить себѣ Германію и выступала со своимъ проектомъ преобразованія союза, съ учрежденіемъ въ немъ «собранія делегатовъ» отъ сеймовъ отдѣльныхъ государствъ, собственно для обсужденія вопросовъ гражданскаго законодательства, и притомъ только съ совѣтательнымъ голосомъ. Въ смыслѣ уступки либерализму, такая уступка была ничтожна, но Австрія и ходила съ нею просто только какъ съ «козиря» противъ унитарныхъ стремленій Пруссіи. Пруссія «била» эту карту, другою, той же масти; противъ козирной двойки пустила тройку — «созваніе дѣйствительнаго германскаго парламента при союзѣ». Это была мысль Бисмарка. Въ одномъ изъ писемъ его, писанныхъ еще въ Петербургѣ, онъ говоритъ, что не понимаетъ почему такъ опасаются самаго имени парламента. Но и съ его стороны такое предложеніе было не что иное, какъ дипломатическій маневръ, такъ какъ онъ самъ у себя дома отрицалъ парламентское правленіе, знать не хотѣлъ палаты, вонфисковалъ газеты одну за другою, преслѣдовалъ и изгонялъ и даже судей за либерализмъ, перемѣщеніемъ ихъ массами изъ хорошихъ мѣстностей въ далекія, менѣе удобныя для жизни. Игра въ либерализмъ, посредствомъ какого-то аукціона либеральныхъ надбавокъ для преобразованія союза, со стороны тѣхъ правительствъ, изъ которыхъ одно дѣлало все, что сейчасъ сказано, а другое держало Венгрію на военномъ положеніи, силою собирая подати, во вниманіи которыхъ отбывалъ сеймъ — представляла высочій комизмъ.

Вотъ эта внутренняя фальшь, это очевидное самопротиворѣчіе либерально-преобразовательныхъ заявленій Пруссіи и ея національно-объединительныхъ плановъ съ реакціоннымъ образомъ дѣйствій прусскаго правительства внутри страны, лишили кредита и всё его заявленія; ложность совокупности ихъ была столь очевидна, что Австрія не придавала никакой вѣры *и самымъ угрозамъ* Бисмарка, между тѣмъ, какъ онъ-то были вполне искренни. Иначе невозможно было бы объяснить ослѣпленіе Австріи въ виду того, что Бисмаркъ высказалъ ей такъ прямо и ясно о своихъ намѣреніяхъ.

Борьба по поводу проекта преобразованія союза привела къ конгрессу германскихъ государей, созванному Австріею; на этотъ конгрессъ они явились всѣ, кромѣ короля прусскаго, который такимъ образомъ и оказался въ полномъ уединеніи. Это заявленіе формальной силы Австріи и слабости Пруссіи въ союзѣ, это формальное пораженіе прусской дипломатіи было послѣднимъ торжествомъ Австріи. Оно представило уже такое напряженіе, за ко-

торымъ, по всей вѣроятности, вскорѣ же послѣдовала бы и а въ войнѣ дѣло рѣшилось бы въ пользу того, на чьей сторонѣ была сила реальная. Но случайное обстоятельство, именно смерть датскаго короля Фридриха VII (въ ноябрѣ 1863 г.) отсроило войну между Пруссіею и Австріею и заставило кризисъ протекти сперва окольнымъ путемъ союза, «братства по оружію» между ними; на этомъ пути выигралъ Бисмаркъ, а Австрія проиграла.

Что распря между двумя великими державами Германіи, протекти тѣмъ разразиться, прошла путемъ военнаго союза ихъ и обрѣла побѣды надъ Даніею, это было весьма выгодно для Пруссіи, и совершенно невыгодно для Австріи. Бисмаркъ уже этимъ дѣломъ, которое было предпринято имъ, далъ такое удовлетвореніе національному чувству Германіи, что, можно сказать, завоевалъ себѣ довѣріе большинства нѣмцевъ и въ дѣйствительности, въ союзѣ прусскаго народа, побѣдилъ прусскую палату депутатовъ. Загнанный на войну съ Австріею онъ могъ выступить уже не только оправдываясь на реальное превосходство прусской арміи, но и на сознательное прусскаго народа. Между тѣмъ, Австрія, войдя въ съѣтъ Бисмарка, приступивъ къ занятію Гольштейна вмѣстѣ съ Пруссіею самовольно, безъ согласія союза, и впоследствии прямо нарушивъ постановленія союзнаго сейма, устраненіемъ союзныхъ комиссаровъ и союзныхъ войскъ изъ занятой области, тѣмъ самымъ ставъ сообщицею Пруссіи въ разрушеніи германскаго союза, предостерегла своими дѣйствіями отрицаніе именно того своего вѣкового могущества противъ Пруссіи, которое представлялось солидарностью Австріи съ большинствомъ союза, однимъ словомъ, она сама разрушила то обаяніе, которому придавала такое значеніе, когда собирала вокругъ себя германскихъ государей на конгрессѣ безъ участія и противъ воли Пруссіи, выставляя ея одинокою. Теперь одинокими оказались и Австрія и Пруссія, вмѣстѣ оторвавшіяся отъ союза, одинокимъ оказался и союзъ, оставленный дискредитированнымъ обѣими своими великими державами.

Что Бисмарку удалось увлечь Австрію съ собою въ это дѣло, опасеніемъ предоставить его одной Пруссіи — это было дѣломъ можно сказать гениальнаго соображенія, такъ-какъ мы уже знаемъ, что самъ онъ давно былъ убѣжденъ въ неизбежности столкновенія распри съ самой Австріею и изгнанія ея изъ Германіи въ Офенъ. Въ этомъ именно дѣлѣ, то-есть въ увлеченіи Австріи на столь бѣдственный для нея путь совмѣстнаго дѣйствія съ Пруссіею противъ Даніи, вопреки союза, дипломатическій гений Бисмарка представляется въ полномъ блескѣ. Здѣсь было его собственное творчество. Въ событіяхъ же 1866 и 1870 годовъ, то

до болѣе блестящихъ по своимъ успѣхамъ, роль Бисмарка уже predeterminedъ имъ впередъ: ему оставалось только рдо держаться ея, исполнить свою программу вполнѣ, отстоявъ влонное исполненіе ея и противъ тѣхъ придворныхъ вліяній, орыя могли мѣшать ему (напр., настоять на лишеніи престо- зъ короля ганноверскаго и гессенскаго курфирста). Изложивъ бѣглою очеркѣ, какъ возникла программа Бисмарка и какимъ азомъ онъ, по позднѣйшему своему выраженію, «подсадилъ уссію въ сѣдло, съ тѣмъ, что скакать она уже будетъ сама- раженіе это примѣнено имъ было впрочемъ къ дальнѣйшей щности Германіи)—мы считаемъ излишнимъ распространяться сь о томъ, какимъ образомъ Пруссія въ дѣйствительности росказала» съ изумительной быстротою тотъ великій путь, орый отдѣляетъ 1871-й годъ отъ 1863-го. Событія 1866 и 70 годовъ еще свѣжи въ памяти большинства читателей, и намъ лется въ заключеніе этой статьи вновь обратиться исключи- ьно къ тѣмъ подробностямъ, которыя нужны для личной ха- рактеристики Бисмарка.

Вслѣдъ за шлезвигъ-гольштейнскимъ походомъ, Бисмаркъ бѣ пожалованъ графомъ и назначенъ отдѣльнымъ министромъ зъ пріобрѣтеннаго (откупленнаго у Австріи за деньги) гер- цства лауэнбургскаго. Графъ Бисмаркъ ничего не прибавилъ своимъ щитѣ къ тому трилистнику, который избрали его предки, ько подписалъ къ нему девизъ in Trinitate robur, не особенно дный, какъ всѣ новѣйшія геральдическія измышленія; если бы ьсто Trinitate, стояло — unitate, то девизъ, въ самомъ дѣлѣ, началъ бы дѣятельность избравшаго его.

Послѣ датской войны, когда Бисмаркъ заключилъ въ Гаш- ьнѣ трактатъ о совокупномъ владѣніи Австріи и Пруссіи эльб- ьими герцогствами, въ Гаштейнѣ же было снято фотографиче- ьое изображение Бисмарка *вмѣстѣ съ пѣвицею Луккою*; это сбли- ьеніе, на одной картинѣ, произвело въ Берлинѣ нѣкоторый ьадавалъ, такъ что одинъ пріятель формально обратился къ нему ь разъясненіемъ этого обстоятельства. Отвѣтъ Бисмарка не ьясняетъ ровно ничего, такъ какъ въ немъ находятся слѣ- ьующія фразы, довольно курьезныя, если ихъ сопоставить: «бла- ьодареніе Богу, если бы у меня на душѣ не было иныхъ грѣховъ, ьромъ тѣхъ, которые извѣстны свѣту... О фотографіи съ Луквой (die ьesserphotographie) вы бы судили менѣе строго, если бы знали, вслѣд- ьтвіе какихъ случайностей она возникла. Впрочемъ, нынѣшняя го- ьспожя фон-Раденъ, хотя и пѣвица — дама, которой столь же мало,

какъ и самому мнѣ, приписывали когда-либо незанятныя связи. Ты не менѣе, если бы я предвидѣлъ соблазнъ, который усмотрѣли въ этомъ многіе дорогіе мнѣ друзья, — я отступилъ бы изъ круга твоего стекла, которое было направлено на насъ».

Съ зимы 1865 года, Бисмаркъ опять сталъ заболѣвать; 7-го мая 1866 года, онъ, послѣ довольно продолжительной болѣзни въ первый разъ пошелъ во дворецъ съ докладомъ къ королю. Надо замѣтить эту чисто-берлинскую особенность: министры генералы часто ходятъ во дворецъ пѣшкомъ; иногда «Подъ-Липами» встрѣчаешь одного за другимъ, или попарно, пѣшую мундирную реницу генераловъ и офицеровъ въ полной формѣ, которые *идутъ* къ приему или возвращаются пѣшкомъ съ приема у короля или наследника. Бисмаркъ шелъ «Подъ-Липами» по средней аллеѣ, изъ дворца, гдѣ живетъ король, къ Вильгельмштрассе гдѣ находится домъ министра иностранныхъ дѣлъ. Когда онъ поровнялся съ домомъ русскаго посольства, то услышалъ близъ посади себя два выстрѣла, одинъ за другимъ. Одна изъ пуль какъ потомъ оказалось, скользнула ему по боку. Обернувшись онъ увидѣлъ молодого человѣка, который еще разъ поднималъ на него револьверъ. Бисмаркъ тотчасъ бросился къ нему и схватилъ его одной рукой за руку, державшую пистолетъ, а другой — за горло. Но молодой человѣкъ успѣлъ еще разъ выстрѣлить ему въ правое плечо; пуля, впрочемъ, только задѣла плечо косвенно; потомъ убійца быстро перенялъ пистолетъ лѣвою рукой и выстрѣлилъ въ упоръ еще два раза; отъ одной пули Бисмаркъ увлѣчился, другая попала ему въ ребро и не сломила кость, но согнула ее, такъ что Бисмаркъ почувствовалъ слабость отъ сотрясенія, отдавашагося въ позвоночномъ столбѣ и подумалъ въ то мгновеніе, что пуля сдѣлала свое дѣло. Но убійцу онъ все-таки не выпустилъ изъ рукъ и передалъ его подоспѣвшей полиціи. Затѣмъ, онъ пѣшкомъ же пришелъ домой, засталъ въ столовой гостей, поздоровался съ ними, прошелъ въ кабинетъ и, написавъ королю нѣсколько строкъ о бывшемъ происшествіи, вышелъ къ обѣду. Черезъ полчаса явился король съ поздравленіемъ. Покусившійся на жизнь Бисмарка былъ пасынкомъ извѣстнаго нѣмецкаго эмигранта, Карла Блинда. Онъ отравился въ тюрьмѣ. Самъ Блиндъ, какъ извѣстно, послѣ 1866 года перешелъ въ число почитателей Бисмарка.

При домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Вильгельмштрассе есть большой садъ. Тамъ-то, въ этомъ саду, проискивали вечера въ началѣ іюня 1866 года — Мольтке, Роозъ и

Бисмаркъ, въ бесѣдѣ о предстоявшихъ важныхъ событіяхъ. Тамъ Бисмаркъ былъ непоколебимо-твердъ въ своей мысли о необходимости войны. Одно беспокоило его—рѣшится-ли въ послѣднюю минуту король. И вотъ въ тотъ день, когда рѣшеніе было принято, онъ вечеромъ, ожидая еще письменнаго отвѣта отъ короля, въ томительномъ безмятежствѣ и сильномъ напряженіи нервовъ, ходилъ взадъ и впередъ по своему саду. Тамъ же, то-есть, въ то время какъ онъ ходилъ по саду, думая свою думу, Бисмарку пришла мысль ускорить на двадцать-четыре часа выступленіе войскъ, противъ впередъ условленнаго росписанія; онъ тотчасъ сообщилъ эту мысль запискою къ Мольтке, и отдано было по телеграфу привазаніе—выступить сутками ранѣе, чѣмъ было назначено въ секретныхъ маршрутахъ. Каково однако и то опасное устройство, при которомъ можно дѣлать такіе сюрпризы, не опасаясь застать что-либо неприготовленнымъ или перепутать всѣ расчеты?

Извѣстіе о первой побѣдѣ пришло въ Берлинъ 29-го іюня, а это былъ день перваго изъ тѣхъ народныхъ побѣдныхъ праздниковъ, которые съ тѣхъ поръ было столько въ Берлинѣ. Массы двинулись въ дворецъ, съ лютеровымъ гимномъ: *Ein' feste Burg ist unser Gott* ¹⁾, потомъ въ дому Бисмарка. Бисмаркъ на громкіе привѣты, появился въ окнѣ и произнесъ нѣсколько словъ. Театральный эффектъ этой сцены еще усилился, когда слова эти были накрыты сильнымъ ударомъ грома, а безчисленныя массы народа были ошарены молніею. «Салютъ съ неба!»—громко крикнулъ Бисмаркъ.

На слѣдующій же день, онъ вмѣстѣ съ королемъ, Роономъ и Мольтке, отправился на самый театръ военныхъ дѣйствій. Въ сраженіяхъ онъ неотступно сопровождалъ короля. Въ битвѣ при Садовѣ, когда король не безъ трепета ожидалъ приближенія арміи наслѣднаго принца, Бисмаркъ, по свидѣтельству Гезеніла, первый открылъ въ зрительную трубу линіи второй арміи, которая другимъ представлялась вресто градами на полѣ. Въ другой битвѣ король очутился подъ сильнымъ неприятельскимъ огнемъ, направленнымъ на кавалерію. Бисмаркъ, ѣхавшій позади его, сказалъ: «какъ майоръ, а не имѣю права давать совѣтовъ вашему величеству, но какъ министръ-президентъ, прошу васъ не искушать очевидной опасности». Впрочемъ это «зачеченіе» слишкомъ красно, чтобы его можно было произнести въ такую ми-

¹⁾ Хоралъ въ „Лугенштадтѣ“.



нута. Такія изреченія «редактируются» впоследствии, въ рѣ-
 «гвардія умираетъ, но не сдаётся», Камбронна. Но нѣтъ
 этомъ родѣ Бисмаркъ сказалъ, такъ какъ въ одномъ изъ
 писемъ къ женѣ есть свѣдѣніе, что онъ долженъ былъ рѣ-
 тельно остановить короля. Во время похода и до самаго за-
 ченія прелиминарныхъ условій въ Никольсбургѣ, Бисмаркъ
 чувствовалъ своей болѣзни. Но какъ только напряженіе про-
 тилось, она возвратилась, такъ что на торжественномъ вступленіи
 въ Берлинъ Бисмаркъ едва держался въ сѣдлѣ, хотя и былъ
 триумфаторомъ.

Послѣ войны 1866 года, Бисмаркъ былъ прямо произведенъ
 въ генераль-майоры и назначенъ шефомъ 7-го кирасирскаго
 полка ландвера. Послѣ войны 1870—1871 года, онъ былъ про-
 изведенъ въ генераль-лейтенанты. Канцлеръ сѣверогерманскаго
 союза въ 1867-мъ году, въ 1871-мъ году, онъ былъ переимено-
 нованъ имперскимъ канцлеромъ, и пожалованъ княземъ. Послѣ
 болѣзни 1866 года, Бисмаркъ опять сильно заболѣлъ въ 1868-мъ
 году, и только-что сталъ поправляться, какъ упалъ съ лошади.
 Съ тѣхъ поръ Бисмарку предписана всякая осторожность и про-
 должительный отдыхъ въ каждомъ году. Но 1870—1871-й годъ
 не очень позволилъ ему соблюсти это требованіе врачей. За
 теперь онъ удалился въ Варцингъ на цѣлые полгода. Онъ, между
 прочимъ, сильно страдаетъ бессонницею, и въ бессонныя ночи
 постоянно гуляетъ по парку въ Варцингѣ. Въ Берлинѣ, Бисмаркъ
 живетъ, разумѣется, открыто. Онъ даетъ рауты и балы, и эти
 многія моды усвоили его имя, но единственное, что именно имъ
 самимъ введено было въ моду, это національный напитокъ
 — пиво. На вечерахъ у Бисмарка сервируется между про-
 чимъ холодное пиво, въ серебряныхъ вазахъ. Но лично Бисмаркъ
 и теперь предпочитаетъ пиву вино, и рейнскому вину —
 французское, красное бордо, въ чемъ опять вкусъ его оказывается
 англійскій.

Домъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ —
 этажный; прежде въ одномъ этажѣ помѣщался и министръ,
 министерство (не похоже на обычай, существующіе въ нѣкоторыхъ
 иныхъ странахъ). Теперь, управленіе переведено въ другое зданіе,
 но и для канцлера одноэтажный домъ оказывается тѣснымъ. Такъ
 какъ въ этой официальной квартирѣ не было картинъ, то Би-
 маркъ перевезъ туда свои семейные портреты изъ Шпангауна.
 Кабинетъ или рабочая комната канцлера меблирована престо-
 срединѣ ея стоитъ двусторонній письменный столъ, съ каждой
 стороны стола кресло. Въ углу близъ камина длинное кресло,

в которомъ можно наполовину лежать; передъ нимъ львиная шкура. На стѣнахъ портреты — великаго курфирста, короля Фридриха II-го и Вильгельма I-го. Изъ кабинета дверь ведетъ въ галлерию; подлѣ этой двери висятъ часы съ кукушкою, которая бьетъ каждую четверть часа, «напоминая посѣтителю настоятельно и слишкомъ ясно—говорить Гезекиль, что—хозяину время дорого. Рассказываютъ даже,—прибавляетъ онъ,—разныя исторіи сильномъ вліяніи, какое кукушка эта оказала на разнаго рода люди».

Бисмаркъ въ Берлинѣ садится за завтракъ въ 10-ть часовъ, кончивъ свой туалетъ, и облачившись въ военный сертугъ. За завтракомъ онъ вскрываетъ письма, телеграммы и пробѣгаетъ утреннія газеты; затѣмъ онъ слушаетъ доклады подчиненныхъ ему директоровъ, на часъ выѣзжаетъ верхомъ въ Тиргартенъ, и потомъ отправляется самъ съ докладомъ къ императору. Около 11-ти часовъ онъ возвращается домой и обѣдаетъ съ семействомъ и, обыкновенно, съ нѣсколькими друзьями. За столомъ онъ строгъ относительно порядка и часто напоминаетъ сыновьямъ «держаться прямо». Послѣ обѣда, онъ остается короткое время въ гостинной у жены, пить кофе, курить и читаетъ «Сѣверогерманскую» и «Новую Прусскую» (Крестовую) газеты. Потомъ, онъ уходитъ въ кабинетъ и принимаетъ посланниковъ или отправляется въ кабинетъ министровъ, затѣмъ работаетъ одинъ. Часамъ къ 12-ти, онъ опять выходитъ въ гостинную жены и бываетъ радъ, находя тамъ общество.

Мѣсяцы отдыха Бисмаркъ, какъ извѣстно, проводитъ въ Варцинѣ. Лѣтомъ онъ тамъ часто ходитъ на охоту пѣшкомъ съ сыновьями, и ѣдитъ съ ними верхомъ. Отправляясь на дальнюю прогулку, онъ любитъ сперва опредѣлить дороги на планѣ; вообще очень любитъ географическія карты и планы мѣстностей. Замѣтимъ, что въ подробнѣйшей біографіи Гезекіля мы ни разу не встрѣтили упоминенія о какой-либо книгѣ, прочтенной Бисмаркомъ послѣ того, какъ онъ выѣхалъ изъ Шёнгаузена. Въ многочисленныхъ письмахъ его, гдѣ описываются всевозможныя впечатлѣнія, мы нашли упомянутою только книгу Варнгагена фонъ-Энзе, которой прусскому дипломату не прочесть было невозможно; больше—ни одной, и никогда не находили ссылки на какого-либо автора. Онъ охотно вдается иногда въ подробности, но всѣ подробности его—фактическія: «Kurz—Thatsachen, facts», какъ онъ самъ нѣкогда, не безъ ироніи, опредѣлялъ эпистолярный вкусъ своего отца. Дѣлая это замѣчаніе, мы припоминаемъ слова одного изъ новѣйшихъ англійскихъ беллетристовъ: «Паль-

мерстонъ, послѣ двадцатипятилѣтняго возраста, не прочелъ ни одной книги во всю свою остальную жизнь». Бисмаркъ — типъ чисто-прагматическаго человѣка, но прагматичность его не есть суровость, отсутствие впечатлительности. Въ его письма показываютъ противное, а также и многія его изреченія, которыя вообще картинны, напримѣръ: «Пруссія—это шерстяная фуфайка, которую надѣть неприятно, но въ которой тепло и полезно ходить, когда къ ней привынешь»; это утѣшеніе было имъ высказано депутату изъ одной присоединенной провинціи. Или его опредѣленіе нѣмецкаго духа партикуляризма и индивидуализма: «Каждый нѣмецъ охотнѣе всего держалъ бы для себя одного своего собственнаго короля, еслибы имѣлъ на то средства». Въ Берлинѣ есть улица Бисмаркштрассе: она соединяетъ Ронштрассе съ Мольткештрассе. Въ Познани, въ силу указа изъ королевскаго кабинета, община, состоящая изъ селеній Карен, Бобры, Вуди и Зверхославъ, въ плеинненскомъ округѣ, получила общее имя «Бисмарксдорфъ». Почеркъ Бисмарка, судя по литографированному писму его къ женѣ, которое появилось сперва во французской газетѣ «Figaro»¹⁾, а потомъ въ нѣмецкой «Illustrirte Zeitung», замѣчательнъ: огромныя буквы, тѣсно связанныя, но очерченныя чрезвычайно твердо, показываютъ, что авторъ и перо держитъ очень крѣпко въ рукѣ, когда пишетъ. Это письмо его къ женѣ 3-го сентября 1870 года, писанное тотчасъ послѣ битвы при Седанѣ; оно чисто-фактично, не отражаетъ никакого увлеченія, не содержитъ никакой похвалы, ни одного восклицанія, и на пяти длиннѣхъ страницахъ (не почтового, а officialнаго формата) только одну пометку. Бисмаркъ самъ рассказывалъ разъ на вечерѣ у себя, что утромъ 2-го сентября, когда онъ сидѣлъ съ Наполеономъ въ узкой комнатѣ въ Седанѣ, въ ожиданіи приготовленій къ отъѣзду бѣднаго императора, онъ (Бисмаркъ) чувствовалъ себя такъ, «какъ чувствуетъ себя молодой человѣкъ въ востельонѣ съ такой дамой, которой онъ не умѣетъ ничего сказать и которой никто отъ него не беретъ». Впрочемъ, это чувство нѣкоторой застѣчивости передъ побѣжденнымъ, дѣлающее честь Бисмарку, нисколько не повліяло на его неумолимость въ переговорахъ какъ съ имперіей, такъ и съ республикой. Въ своихъ переговорахъ въ Седанѣ съ французскими генералами о сдачѣ, Бисмаркъ, какъ рассказываетъ генералъ Випфенъ, даже прочелъ имъ нѣкоторую мораль, а на аргументъ ихъ, что смягченіемъ условій можно устранить болѣе раздраженіе французовъ противъ побѣдителя, Бисмаркъ отвѣчалъ

1) Оно было переиздано французами во время войны.

тъ неумолимо-практическимъ соображеніемъ, въ силу котораго , потомъ такъ сильно настаивалъ на отдѣленіи Эльзаса отъ Франціи: «Французы не могутъ ненавидѣть насъ болѣе, чѣмъ уже завидятъ насъ теперь». Но несговорчивость германскаго канцлера не всегда проявлялась въ формѣ столь рѣзкой. Когда Бисмаркъ велъ переговоры о финансовомъ вознагражденіи со стороны Франціи, онъ призвалъ, въ качествѣ эксперта, извѣстнаго юриста Блейхредера, еврея. Рассказываютъ, что Ж. Фавръ, возмущаясь противъ баснословной суммы пяти миллиардовъ, между прочимъ будто бы сказалъ: «подумайте, какая это сумма; вѣдь одну человѣку не сосчитать бы ее въ деньгахъ съ самаго Рождества Христова до сихъ поръ». «О, не безпокойтесь, — будто бы отвѣтилъ Бисмаркъ; — я привезъ вотъ этого эксперта; онъ считаетъ сотворенія міра».

Л. Полонскій.



ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

VI *).

Славянофильство.

(Продолженіе).

Историческая теорія славянофиловъ, какъ и естественно ожидать, была тѣсно связана съ теоріей теологической. Какъ въ чисто-догматическомъ смыслѣ, верховная истина принадлежитъ православно-славянскому міру, а ложь—міру западному, такъ и въ жизни исторической православно-славянскій міръ, и въ частности русскій народъ, представляетъ истинное выраженіе христіанскихъ началъ общества и государства, а міръ западный—ихъ извращеніе.

Въ такомъ смыслѣ вопросъ поставленъ былъ еще братьями Кирѣевскими. Далѣе, эту теорію повторилъ Д. Валуевъ; потомъ развивалъ ее, историко-юридическими соображеніями, славянофильскій полемистъ М... З... К..., въ спорѣ съ г. Кавелинымъ о роли и значеніи личности въ исторіи русскаго общества; наконецъ, всего ярче высказывалъ ее К. Аксаковъ. У послѣднѣго

*) См. выше: 1871, май 293; сент. 301; дек. 455; 1872, май 145; нояб., 47 стр.

историческая теорія славянофильства получила наиболѣе полную обработку.

Относительно мнѣній Кирѣевскаго, достаточно напомнить его слова о древней русской жизни, въ статьѣ о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи ¹⁾. Вотъ его основныя положенія:

«Обширная русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣждений, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія. Изъ нихъ единообразно и единосмысленно разливался свѣтъ сознанія и науки (?) во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно общее направленіе...

«Потому, этотъ русскій бытъ (бытъ, уцѣлѣвшій и теперь въ народѣ) и эта, прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи, драгоценны для насъ, особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно поворившія имъ племена словенскія...»

Надежду на будущее процвѣтаніе славянскаго народа даютъ, впрочемъ, не какія-нибудь племенные особенности,—эти особенности могутъ только ускорить или замедлить развитіе;—свойство плода зависитъ отъ свойства самого сѣмени, т.-е. восточнаго, византійскаго христіанства. Оно измѣнило нравственныя понятія русскаго челоуѣка, и все общественное устройство древней Руси должно было принять направленіе христіанское.

Древняя русская церковь твердо опредѣлила границы между собою и мірскимъ государствомъ, не смѣшивалась съ его интересами, стояла надъ нимъ какъ высшій идеалъ,—и никогда не искала формальнаго господства надъ правительственной властью. Русь была нравственно «святая Русь», и не похожа была въ этомъ на «священную римскую имперію».

¹⁾ Сочин., т. II, стр. 259 и слѣд.

Далѣе. «*Духовное азіатіе церкви* на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое препятствіе историческое не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Не монашеская аскетическая, русская земля, въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, не стѣснялась тѣми насильственными формами, какия должны были вытекать изъ борьбы двухъ ненавидимыхъ другъ другу классовъ: принужденныхъ, въ постоянной враждѣ, устраивать свою собственную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ военныхъ вѣй, ни стѣснительнаго для одного преимущества другого, ни истязающей отсюда политической и нравственной борьбы... Она не знала и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными ильже новыми законами и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городовскія, и дружина земская,—все классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностію общаго блага...

«Вслѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и еднородныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытового преданія и изъ внутреннего убѣжденія, они должны были, въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ примѣненіяхъ, носить характеръ болѣе *внутренней*, чѣмъ *внѣшней правды*, предпочитая очевидность существующей справедливости—бухгалтерскому смыслу формы; святость преданія—логическому выводу; нравственность требованія—внѣшней формѣ. Внутренняя справедливость брала въ древне-русскомъ правѣ верхъ надъ внѣшнею формальностію...

«Въ древней Россіи, внутренняя цѣлность самосознанія, на которой самые обычаи управляли русскаго человѣка, отражалась и на формахъ его жизни семейной, гдѣ законъ постоянного, ежеминутнаго самоотверженія былъ не геройскимъ исключеніемъ, но дѣломъ общей и обывальной обязанности...

«При такомъ устройствѣ правды, простота жизни и простота нуждъ была не слѣдствіемъ недостатка средствъ, а слѣдствіемъ неразвитаго образованности, но требовалась самымъ характеромъ основнаго просвѣщенія. На Западѣ роскошь была не противорѣчіе, но законное слѣдствіе раздробленныхъ стрѣ-

дней общества и человека; она была, можно сказать, въ самой чуждѣй искусственной образованности... Русскій человекъ, болѣе чуждой нации придворнаго, уважалъ локотья юродиваго. Россія проникла въ Россію, но какъ зараза отъ сосѣдей. Въ ней развивались; ей поддавались какъ пороку, всегда чувствуя ея неискренность, не только религіозную, но и нравственную и общественную», и т. д. ¹⁾.

Таковы были представленія Кирѣевского о русской старинѣ ²⁾. Въ томъ же основномъ смыслѣ, о характерѣ старой русской исторіи говорилъ славянофильскій полемистъ, писавшій подъ буквами М... З... К..., который скрывалъ одно изъ главнѣйшихъ имей славянофильской школы ³⁾.

По формѣ статьи, состоящей почти только изъ возраженій, въ ней нѣтъ послѣдовательнаго изложенія собственнаго взгляда автора, но въ ней высказано нѣсколько руководящихъ положеній, въ которыхъ уже заключаются отличительныя особенности славянофильской исторической теоріи: Авторъ статьи, оспаривая теорію г. Кавелина о родовомъ бытѣ и развитіи личности въ древней Россіи, уже заявляетъ теорію общиннаго быта, и древнюю Русь изображаетъ въ идеальныхъ чертахъ общества, построеннаго на истинно-христіанскихъ началахъ.

Вотъ главныя положенія, выставленныя авторъ славянофильскимъ полемистомъ:

Отвергая мнѣнія г. Кавелина о силѣ родового начала въ древнемъ русскомъ бытѣ, и слабости общиннаго, авторъ находитъ, что, свѣдя за развитіемъ государства, г. Кавелинъ упустилъ изъ виду русскую землю, что напротивъ—«общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, зарыты въ его плодотворной глубинѣ...

«Не общинное начало, а родовое устройство, которое было низшею его степенью, вложилось въ упадку, а такъ какъ въ немъ были зачатки жизни и сознанія, то оно спасло себя и облеклось въ другую форму. Родовое устройство прошло, а общин-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи Кирѣевского укажемъ еще страницы (т. II, 276—277), гдѣ онъ собираетъ найденныя имъ особенности древней Россіи и отягачиваетъ русскаго отъ западно-европейскаго.

²⁾ Статья, изъ которой мы приводимъ выписки, появилась въ 1852 г. Самыя мнѣнія, конечно, были заданы Кирѣевскимъ въ своемъ кругу гораздо раньше.

³⁾ „Москвитининъ“, 1847 г., ч. II, стр. 135—174 (въ статьѣ „о нѣтъныхъ „Сопрежениа“ историческихъ и литературныхъ“), по поводу статьи г. Кавелина о юридическомъ бытѣ древней Россіи.

ное начало уцѣлѣло въ городахъ и селахъ, выражалось инымъ образомъ въ вѣчахъ, поддѣе въ земскихъ думахъ. Древнее славянское, общинное начало, освященное и оправданное началомъ духовнаго общенія, внесеннымъ въ него церковью, беспрестанно расширялось и крѣпло...

«Семейство и родъ представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью—другой видъ, основанный на единствѣ областномъ, и поддѣе енархическимъ; наконецъ, единая, обнимающая всю Россію государственная община, послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознаваемой каждымъ членомъ общины, какъ вселенскій законъ, обязательный для всѣхъ, и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Такого общиннаго бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ (—противный взглядъ утверждаетъ, что общественное устройство древней Руси было слабымъ именно по недостатку развитія личности—); но онъ *предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія—самоотреченіе.*

«Въ каждомъ моментѣ его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другого. Вѣче родовое (напр. княжескіе сеймы) и родоначальникъ. Вѣче городское и князь. Вѣче земское, или дума, и царь.

«Первое служить выраженіемъ общаго связующаго начала; второе — личности.

«Положимъ, взаимныя отношенія князей опредѣлялись родовымъ началомъ; но что такое князь въ отношеніи къ міру, если не представитель личности, равно близкій каждому, если не признанный заступникъ и ходатай каждаго лица передъ міромъ? Почему община не можетъ обойтись безъ него?..

«Князь былъ для нея не только военачальникъ; и въ прѣпочтеніи одного князя другому видны слѣды не патриархальнаго, до-варяжскаго быта старѣйшинъ, а болѣе возвышеннаго, христіанскаго понятія о призваніи личной власти, о нравственныхъ обязанностяхъ свободнаго лица...»

Въ древней Руси христіанство привилось гораздо ближе и сильнѣе, чѣмъ, напримѣръ, у германцевъ, хотя послѣдніе и могли быть лучше къ нему приготовлены: «по свидѣтельству исторіи, которое изъ двухъ племенъ, германское или славяно-русское, приняло христіанство добровольнѣе, ближе къ сердцу? которое

пришло къ нему глубже и принесло ему въ жертву болѣе народнаго предразсудковъ и безнравственныхъ обычаевъ?... Если сравнить весь бытъ Кіевской Руси въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ и современныи бытъ любого изъ германскихъ племенъ, въ которомъ въ нихъ вліяніе новаго ученія окажется наиболѣе ощутительнѣе?» — Кіевская Русь вообще представляется автору въ свѣтъ, привлекательномъ видѣ сравнительно съ послѣдующими временами (и это справедливо). При этомъ сравненіи съ позднѣйшею Русью, авторъ дѣлаетъ такое признаніе: «Въ Кіевскомъ періодѣ не было вовсе ни тѣсной исключительности, ни суроваго невѣжества позднѣйшихъ временъ ¹⁾. Это не значитъ, — торопится прибавить авторъ, — чтобы исторія пошла назадъ; явились инныя потребности, инныя цѣли, которыхъ необходимо было достигнуть то что бы ни стало; теченіе жизни стѣснилось и за то пошло быстрой по одному направленію; но Кіевская Русь остается какъ-то блистательнымъ прологомъ къ нашей исторіи».

Замѣтимъ еще мнѣніе о вѣчѣ. Писатели, принимавшіе теорію родового быта, очень справедливо видѣли въ вѣчѣ только весьма несовершенную форму общественнаго устройства, такъ какъ въ немъ не было никакихъ точныхъ опредѣленій;—славянофилы находили, что, напротивъ, это и была форма наилучшая. На мнѣніе г. Кавелина, что дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то совершенно неопредѣленно,—славянофильскій критикъ замѣчаетъ:

«Способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его (то-есть общиннаго начала), нужно именно для того, чтобы примирить противоположности; цѣль его — вынести и спасти единство. Отъ этого оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: снисодшася вси въ любовь. Способъ рѣшенія единогласный, отличаемый авторомъ (г. Кавелинымъ) отъ формы вѣчевыхъ приговоровъ, въ которыхъ не было счета голосовъ и баллотировки, относится къ ней какъ совокупность единицъ къ цѣлому числу, какъ единство количественное къ единству нравственному, какъ внѣшнее къ внутреннему. Съ предубѣжденіемъ автора въ пользу формальной правильности противъ внутренняго согласія и живого единства, нельзя понять ни общины, ни русской исторіи, ни вообще какого бы то ни было историческаго проявленія идеи народа».

¹⁾ Вслѣдствіи К. Аксаковъ совершенно отвергалъ присутствіе этихъ недостатковъ и въ позднѣйшей эпохѣ.

Въ заключеніе своей критики, М... З... К... вставляли общія положенія; — по его собственнымъ словамъ, онъ никакъ не имѣлъ видъ гипотезы, еще не были (хотя могли быть) высказаны тогда, — но славянофильская точка зрѣнія выражена въ немъ очень рѣшительно. Гипотезамъ или прямо напереворъ тѣмъ взглядамъ, которыхъ держались послѣдователи родовой теоріи, и вставляли свой особый взглядъ на развитіе «личности». Замѣтимъ, что подъ выраженіемъ «развитіе личности», для обѣихъ сторонъ общаго, подразумевалось стремленіе личности къ сознательной дѣятельности въ свободныхъ общественныхъ условіяхъ, — стремленіе къ умственной и политической свободѣ.

По теоріи и гипотезамъ М... З... К..., развитіе личности шло не все на не тѣмъ ступенямъ, какія предполагали его противники; что развитіе германскаго начала личности (какъ оно принималось тогдашними философе-историческими и философско-юридическими понятіяхъ) само по себѣ не можетъ привести къ предполагаемому результату, то-есть къ нормальному устройству свободнаго общества; что «это начало (идея человека, или точнее — идея народа) явилось не какъ естественный плодъ развитія личности, но какъ прямое ему противодѣйствіе и возникло въ сознаніе передовыхъ мыслителей западной Европы изъ сферы религіи»; что западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы — требованіе *общими* (авторъ разумѣлъ новѣйшія, социальныя движенія), и что это требованіе «совпадаетъ съ нашей субстанціей», что «въ оправданіе формулы мы приносимъ быть», и что въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западной ¹⁾.

Эта общія мысль дополняется, въ теоріи М... З... К..., слѣдующими положеніями, опредѣляющими историческое развитіе русскаго быта. Общинный бытъ славянъ основанъ былъ вовсе не на отсутствіи личности (противники утверждали, что въ старой русской жизни личность поглощалась родомъ, и старая община, какъ примѣръ новгородская вѣчевая община, пала именно оттого, что въ ней бродилъ только неопредѣленный элементъ общественнаго союза, не подкрѣпленный развитіемъ личности), а на *свободномъ* и сознательномъ ея *отреченіи отъ своего познательнаго*

¹⁾ Это — почти та самая точка зрѣнія, которой потомъ держался Герасимъ, и въ этомъ было его „славянофильство“. Такова его брошюра: „Старый міръ и Россія“ и друг. Но за этимъ вопросомъ собственно сельской общины (въ ея широкомъ историческомъ развитіи), онъ опять совершенно расходился съ славянофилами во многихъ подробностяхъ своихъ мнѣній.

христианство внесло въ національный славянской бытъ сознание и свободу (?), и община, принявши въ себя начало обществнаго духовнаго, стала «навь-бы свѣтлою, историческою стороною церкви». Форма нашей внутренней исторіи опредѣляется именно какъ продолженіе народнаго общиннаго начала началомъ общинно-церковнымъ; а исторія внѣшняя имѣла цѣлью основать политическую независимость этого начала не только для Россіи, но и для цѣлаго славянства создавшемъ вѣншней политической формѣ, которая «не истощиваетъ общиннаго начала, но и не претворять ему».

Теорія М... З... К..., набросанная къ его статьѣ только въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, очевидно стояла на одной общей почвѣ со взглядами Кирѣевскаго. Собственно въ литературѣ, статья М... З... К... въ первый разъ выставляла основныя ученія славянофильства объ историческомъ ходѣ русской жизни и его внутреннемъ смыслѣ, — выставляла ихъ въ строгомъ логическомъ построеніи. Очевидно, что приведенные сейчасъ тезисы славянофильскаго политика заключали въ себѣ дѣлюю законченную систему, и, какъ увидимъ далѣе, историческія мнѣнія славянофильства были главнымъ образомъ развитіемъ этой системы.

Программа была дана; но самъ авторъ считалъ ее наполовину гипотезой. И дѣйствительно, если уже дѣло ставилось на почву научнаго изслѣдованія, а не однихъ идеалистическихъ стремленій, то программа требовала доказательствъ, и гипотезамъ не было мѣста. Въ виду мнѣній противной стороны, нужно было домысливать все, начиная съ чисто-теоретическихъ положеній о развитіи идеи человѣка или идеи народа и до историческихъ заключеній о значеніи русской общины. Такъ, была еще чистой гипотезой мысль, что нашъ бытъ представляетъ уже разрѣшеніе вопроса, то-есть, примиреніе начала личности и начала объективной нормы, или нормальный, объединяющій всѣ интересы общественный союзъ. Такъ, гипотезой было и то положеніе, что общинный бытъ славянъ основанъ былъ не на отсутствіи личности, и что христианство внесло въ него сознание и свободу. Нужно было доказывать и предполагаемыя достоинства старой вѣчевой общины, которыя возбуждали сомнѣніе не только неопредѣленностью отпраздненій этой общины, но и ея дальнѣйшей судьбой, въ которой она не могла выдержать исторической пробы, и т. д. Впослѣдствіи, эти вопросы и дѣйствительно поднимались въ снѣрахъ двухъ сторонъ, выливая самыя несходныя рѣшенія, и тема, выставленная славянофилами, вовсе не доказана ими и до сихъ поръ... Особенное вниманіе этотъ вопросъ возбуждалъ снова въ цѣлу крестья-

лнской реформы; бытовая крестьянская община встрѣтила въ нихъ защитниковъ и внѣ славянофильскаго лагера; но эти защитники, отдавая всю справедливость славянофильскому взгляду на бытовую общину, не находили возможнымъ согласиться съ ея теоріей,—ни съ славянофильскимъ обобщеніемъ этого начала во всю національную жизнь, ни съ его теологическими приписками, ни съ историческими заключеніями... Въ сороковыхъ годахъ, славянофильская тема казалась еще менѣе убѣдительною. Общее уваженіе къ значенію общиннаго быта въ древней русской общинѣ было справедливо, и составляетъ заслугу славянофильскихъ историковъ, какъ и ихъ указаніе на современную сельскую общину, но ихъ противники справедливо отвергали преувелеченія, въ которыхъ выстроена была вся идеальная теорія русской исторіи. Картина древняго общиннаго быта, нарисованная славянофилами, могла быть очень обольстительною, — но гдѣ доказательства, что такова была дѣйствительно жизнь древней Руси; гдѣ доказательства той «свободы», того «сознанія», той «любви», которыми приписывала ей славянофильская теорія,—была ли община дѣйствительно такимъ всепроникающимъ принципомъ, или, напротивъ, не уцѣлѣла ли она просто какъ одна изъ тѣхъ формъ быта, тѣхъ обычаевъ, которые могли сохраниться лишь потому, что не мешали государственному развитію и ни въ чемъ не сталкивались съ требованіями времени, на примѣръ, съ развитіемъ великодушества, стремленіями московскаго самодержавія, съ реформами Петра, и т. п.? Какъ, при великомъ предполагаемомъ значеніи этого принципа и предполагаемомъ непрерывномъ его вліянii, русская жизнь стараго времени могла дойти до такого вопиющаго деспотизма въ управленіи и до такой бѣдности умственнаго образованія, какіе несомнѣнно отличали московскую Русь?

Словомъ, теорія крайне нуждалась въ историческихъ доказательствахъ. Эту задачу въ особенности взялъ на себя К. Аксаковъ.

Онъ не вдругъ сталъ защитникомъ этой теоріи. Его диссертация о Ломоносовѣ написана еще подъ другими вліяніями; онъ былъ тогда чистымъ гегельянцемъ, держался обычныхъ взглядовъ на ходъ русской исторіи и смотрѣлъ на эпоху Петра, какъ на переходъ отъ исключительной національности къ общечеловѣческой цивилизаціи. Но уже вскорѣ въ мнѣніяхъ К. Аксакова произошла радикальная перемена. Въ то же время, когда появилась его диссертация (1846), онъ является участникомъ «Московскихъ Сборниковъ», гдѣ его статьи, подписанныя псевдонимомъ «Имрель», были уже славянофильской критикой тогдашней

литературы. Впоследствии, Аксаков окончательно остановился на принятой имъ точкѣ зрѣнія, и сталъ горячимъ ея проповѣдникомъ. Его давнишній народный патриотизмъ нашелъ въ славянофильствѣ самую сочувственную для него формулу: народъ есть его господствующая идея—таковы его стихотворенія, его критическія статьи, публицистика, историческія труды...

Не входя въ подробности историческихъ трудовъ К. Аксакова, мы укажемъ на оцѣнку ихъ, сдѣланную г. Костомаровымъ¹⁾, по которой впрочемъ требуетъ оговорокъ. Въ томъ, что г. Костомаровъ считаетъ заслугою К. Аксакова, не все принадлежало ему. Такъ самое основное изъ его положеній—объ общинномъ началѣ въ древней русской жизни—было еще ранѣе заложено славянофильскою школою, и какъ мы сейчасъ видѣли въ статьѣ М... З... К..., заявлено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Общинная идея была принята К. Аксаковымъ готовая, и ему принадлежитъ только дальнѣйшее ея развитіе, и можно прибавить, доведеніе ея до крайности. Дѣйствительно, Аксаковъ развивалъ эту идею въ томъ самомъ направленіи, какъ она была высказана до него; въ первоначальной постановкѣ ея уже заключались существенныя черты его взгляда, напр. опредѣленіе характера общины, значеніе древнихъ вѣтъ и земскихъ соборовъ, значеніе царской власти и т. п. Что касается «русскаго воззрѣнія», которому г. Костомаровъ приписываетъ столь высокую цѣну трудовъ К. Аксакова, относительно его существуетъ, ка-

¹⁾ „Труды Аксакова останутся навсегда знаменательными для науки русской исторіи,—говоритъ г. Костомаровъ. Онъ опровергъ теорію родового быта, на которой хотѣли построить русскую исторію; онъ обратилъ вниманіе на другое древнее начало въ русской исторіи—общинное, вѣчевое, которое прежде наукою оставлено было въ тѣни; онъ возвѣстивъ плодотворную мысль удалиться отъ рабскаго подражанія западнымъ теоріямъ, обратиться къ разработкѣ народной жизни, и вмѣсто чуждыхъ, наносныхъ взглядовъ поискать своихъ, народныхъ. Онъ превосходно отгадалъ характеръ Ивана Грознаго и тѣмъ открылъ путь къ простому и ясному уразумѣнію его эпохи; наконецъ, онъ нашелъ двойственность земли и государства въ русской исторіи—идею великую, плодъ того русскаго воззрѣнія, надъ которымъ глумились и надѣвались, и безъ котораго неосуществима плодотворность научной дѣятельности въ сферѣ русской исторіи, ибо никакія событія неполныя, если мы не знаемъ воззрѣнія, образовывавшагося у того народа, который творилъ эти событія и участвовалъ въ нихъ“. Но г. Костомаровъ находитъ также ошибки и преувеличенія въ мнѣніяхъ Аксакова, происшедшія отъ идеализма, отличающаго послѣдователей этой школы. Таковы сужденія Аксакова о земляхъ соборахъ, о правѣ кормленія и т. п. Самъ г. Костомаровъ находитъ, что „русское воззрѣніе“ Аксакова бывало не совсѣмъ вѣрно, что московскій патриотизмъ заставлялъ его видѣть въ древней Руси такія совершенства, какихъ она вовсе не имѣла, какъ, напр., свободу торговыхъ сношеній, вѣротерпимость и т. п. (О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по русской исторіи. Спб. 1861).

лется; нѣкоторое недоразумѣніе. Для новѣйшихъ историковъ не принадлежавшихъ вовсе къ славянофильскому лагерю, была вообще ясна необходимость изученія бытовыхъ явленій; это сознание вообще являлось въ русской исторической и этнографической наукѣ, какъ результатъ ея собственной зрѣлости, а также и какъ результатъ вліяній цѣлой европейской науки. Нисколько не отвергая того, что писатели славянофильской школы дѣйствительно участвовали въ выработкѣ этого сознанія, было бы исторически не вѣрно приписать это сознаніе имъ однимъ, считать ихъ особенными выразителями этого сознанія. Не трудно было бы пріобрѣсти научную заслугу обокъ литературныхъ направленій обративъ вниманіе на самые результаты, добытые ихъ новѣйшимъ историческимъ изученіемъ. Едва ли можно оспаривать, что наибольшая сумма этихъ результатовъ добыта была не тенденціозными работами въ славянофильскомъ духѣ, а именно работами болѣе беспристрастнаго, ученаго характера, чисто-научными изслѣдованіями, не только свободными отъ славянофильской тенденціи, но даже прямо ей враждебными...

У К. Аксакова общія, болѣе или менѣе неопредѣленные положенія Кирѣевскихъ, коротко высказанные теомом М... З... К., являются въ болѣе обработанной формѣ, съ объясненіями и подробностями. Вместе съ тѣмъ, эти положенія, получивъ свою ясную опредѣленность, доводили основную идею до ея крайнихъ предѣловъ. Личный характеръ дѣлалъ то, что для Аксакова его идеи стали какъ будто исторической религіей.

Въ особенности характеристичны тѣ статьи его по русской исторіи, которыя въ первый разъ напечатаны въ начатомъ (и, къ сожалѣнію, съ 1861 года остановившемся на 1-мъ томѣ) собраніи его сочиненій. Эти статьи (писанныя около 1850 года) еще не были вполне обработаны для печати и являются въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны авторомъ подъ всѣмъ вліяніемъ его чувства, несдерживаемыя тѣми посторонними соображеніями, которыми писатель долженъ иногда невольно руководиться, приступая къ печати ¹⁾. Мнѣнія Аксакова исходятъ изъ слѣдующихъ основаній, въ которыхъ мы найдемъ уже знаемую славянофильскую теорію.

«Россія — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейскія государства и страны. Очень ошибутся тѣ, ко-

¹⁾ Если мы не ошибаемся въ своемъ предположеніи, то надобно сожалѣть, что изрѣдко дешурная соображенія не дозволили редакторамъ напечатать этихъ статей въ полномъ составѣ; см., напр., стр. 15—16.

уже вздумаютъ прилагать къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить о ней ¹⁾). Но такъ мало знаетъ Россію наше просвѣщенное общество, что такого рода сужденіе слышишь часто.—Помилуйте,—говорятъ многіе—неужели вы думаете, что Россія идетъ какимъ-то своимъ путемъ?—На это *отвѣтъ* несомнѣнной: нельзя не думать того, что *знаешь*, что таково на самомъ дѣлѣ...

•Исторія нашей родной земли такъ самобытна, что разнится (отъ западной) съ самой первой своей минуты. Здѣсь-то, въ самомъ началѣ, раздѣляются эти пути, русскій и западно-европейскій, до той минуты, когда странно и насильственно встрѣчаются они, когда Россія даетъ страшный крокъ, выдаетъ родную дорогу и примыкаетъ къ западной ²⁾).

•Всѣ европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ. Власть явилась тамъ неприязненною и вооруженною, и *насильственно* утвердилась у покоренныхъ народовъ...

•Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а *добровольнымъ призваніемъ* власти. Поэтому, не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною, и утвердилась съ согласіемъ народнаго...

•Итакъ, въ основаніи государства западнаго: *насиліе, рабство и вражда*. Въ основаніи государства русскаго: *добровольность, свобода и миръ*. Эти начала составляютъ важное и рѣшительное различіе между Русью и Западною Европою, и опредѣляютъ исторію той и другой.

•Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могутъ сойтись между собою, и народы, идущіе ими, *никогда* не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ. Западъ, изъ состоянія рабства переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвадится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя признанную ею самою власть, хранитъ ее добровольно, свободно, и поэтому въ бунтовщицѣ видитъ

¹⁾ Нужно слѣдовательно „русское воззрѣніе“. Но большинство, почти всѣ проповѣдники, которыхъ упрекаетъ далѣе Аксаковъ, если прилагали къ нашей исторіи европейскія воззрѣнія, то въ томъ же смыслѣ какъ онъ самъ — напримѣръ, употребляя кѣстные приемы новѣйшей исторической критики, выработанные не нами, и которыми пользовался и самъ славянофильскій историкъ. Теорія родового быта—одно изъ главнѣйшихъ преступленій г. Соловьева въ глазахъ славянофиловъ — хотя бы она и была ошибочна, не дѣлаетъ же въ самомъ дѣлѣ взглядовъ г. Соловьева нѣмецкими, а это искренно думалъ К. Аксаковъ.

²⁾ Петровская реформа.

только раба съ другой стороны, который также унежасяется перед новымъ идоломъ бунта, какъ передъ старымъ идоломъ вѣры; ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человѣкъ не бунтуеть.

•Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята съ Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. *Странно* въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе: но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что *по замысламъ* (!!) дался и истинный и ложный путь вѣры,—первый Руси, второй Западу.

•Ясно стало для русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, идѣже духъ Господень»¹⁾.

Очевидно, что это опредѣленіе основаній русской истории было развитіемъ общей славянофильской мысли, которую мы видѣли у Кирѣевскихъ и М... З... К... Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, до какой рѣшительности доходила теорія. Но теорія все-таки оставалась теоріей и, за отдѣльными исключеніями, фактическое доказательство ея мало подвинулось впередъ. Такъ, относительно положенія о добровольномъ призваніи и принятіи власти, высказаннаго еще Петромъ Кирѣевскимъ, г. Погодинъ тогда же приводилъ факты, показывавшіе, что добровольность, въ остальной русской землѣ, которую стали занимать варяги, была очень сомнительная: новая власть, «желанная», «защитная» по словамъ Аксакова, распространялась рядомъ «воеваній», «примученій» и т. п. Возраженіе не было опровергнуто, но К. Аксаковъ продолжалъ идеализировать «добровольное призваніе», и возвелъ его въ цѣлый возвышенный фактъ народнаго духа... Можно было бы уступить славянофиламъ извѣстное различіе въ основаніи русскаго и западнаго государства, — но это различіе никакъ не давало права для славянофильскаго вывода о совершенной противоположности Запада и Востока.

Эту противоположность, кажется, никто изъ славянофиловъ не изображалъ такими смѣлыми контрастами, какъ Аксаковъ: несчастный Западъ онъ осуждаетъ на рабство, и свободу отдаетъ одному Востоку — это странное злоупотребленіе словомъ «свобода» встрѣчается нерѣдко въ его историческихъ разсужденіяхъ.

Далѣе, теологическій принципъ славянофильства повторяется и здѣсь съ тѣмъ же господствующимъ значеніемъ... Описывая свой очеркъ древней русской жизни, Аксаковъ предвидѣлъ во-

¹⁾ Полн. Собр. соч. К. Аксакова, I, стр. 7—9.

равненіе. «Намъ скажутъ: неужто же было полное блаженство? Конечно, нѣтъ. На землѣ нельзя найти совершеннаго положенія, но можно найти совершенныя начала. Нѣтъ *ни въ одномъ обществѣ истиннаго христіанства*, но христіанство истинно, и христіанство есть единый истинный путь. Слѣдовательно, этимъ единымъ истиннымъ путемъ и надобно идти. *Вся сила* въ томъ, что человекъ призналъ за законъ, за начало. Въ основу русской жизни легли истинныя начала, съ чѣмъ, я *думаю*, нельзя не согласиться», и проч. ¹⁾. Передъ тѣмъ, онъ же рѣшилъ, что Западу «по заслугамъ» данъ былъ ложный путь, а намъ—истинный путь вѣры. Когда же успѣли оказать эти заслуги и Западу, и русскій народъ? И какія онѣ были?

Историческія основанія этого заключенія опять не совсѣмъ достаточны. Выше мы упоминали объ общихъ явленіяхъ восточной и западной религіозности, которыя не укладываются въ славянофильскую мѣрку; также произвольно славянофильская теорія истолковываетъ и факты русской исторіи. Русская древность представляется Аксакову въ самомъ радужномъ цвѣтѣ. Русскіе славяне, еще язычники, впередъ уже готовы были къ христіанскому благочестію и добродѣтели. Аксаковъ утверждаетъ, что русскій народъ искони обнаруживалъ наклонность къ воспріятію истинныхъ началъ. Въ статьѣ о язычествѣ древнихъ славянъ, Аксаковъ старается доказать, что еще при язычествѣ славяне жили «въ чаяніи христіанства» ²⁾.—«Язычество русскаго славянина было *самое чистое язычество*, было, при вѣрованіи въ Верховное Существо, постоянное освященіе жизни на землѣ, постоянное ощущеніе общаго высшаго смысла вещей и событій. Слѣдовательно, вѣрованіе темное, неясное, готовое къ просвѣщенію и ждавшее луча истины». «Когда вспомнишь, какъ крестился русскій народъ, невольно умиляешься душою. Русскій народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ, и христіанство озарило всю его младенческую душу. Въ его душѣ не было воспоминаній языческихъ, не было огрубѣлой, опредѣленной жи», и т. д.

Нечего говорить, что это была чистая теорія. Миеологическія изслѣдованія, уже начатыя въ то время, когда писалъ Аксаковъ, показывали, что русская языческая миеологія не представляла никакихъ подобныхъ особенностей и имѣла, напротивъ, чрезвычайно много общаго съ цѣлой индо-европейской миеологіей, особливо германской и литовской,—что главнѣйшая разница рус-

¹⁾ Стр. 15.

²⁾ Стр. 311 и слѣд.

ской миеологіи съ другими была та, что она не успѣла пройти всѣхъ ступеней развитія, уже пройденныхъ язычествомъ другихъ племень, когда была застигнута введеніемъ христіанства. Поэтому — отсутствіе жрецовъ и выработаннаго языческаго поклоненія. Съ другой стороны, введеніе христіанства не было такъ мирно и безмятежно, какъ изображаетъ Аксаковъ. Какъ ни суша наша лѣтопись на фактическія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, въ ней сохранилось воспоминаніе объ упорствѣ язычества въ разныхъ краяхъ древней Руси. Исторія народной поэзіи и преданій свидѣтельствуетъ о множествѣ «языческихъ воспоминаній», и писатель даже такого поздняго времени, какъ XIV-е столѣтіе, черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ «озаренія», съ негодованіемъ говоритъ о «двоевѣріи» народа.

Въ другой статьѣ объ основныхъ чертахъ русской исторіи, Аксаковъ увазываетъ отличительную особенность русскаго народа и его исторіи—въ христіанской простотѣ и смиреніи. «Русская исторія,—говоритъ онъ,—въ сравненіи съ исторіей запада Европы отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ (?). Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного красиваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности—необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея—и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольскаго драматизма страстей. Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, что христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры. Не отъ недостатка силъ и духа, не отъ недостатка мужества возникаетъ такое кротовое явленіе! Народъ русскій, когда бывалъ вынужденъ обстоятельствами явить свои силы, обнаруживалъ ихъ въ такой степени, что гордые и знаменитые храбростію народы, эти лихіе бойцы челоуѣчества, падали въ прахъ предъ нимъ, смиреннымъ, и тутъ же, въ минуту побѣды, дающимъ пощаду. Смиреніе, въ настоящемъ смыслѣ, несравненно бѣльшая и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрашная доблесть. Вотъ съ какою сто-

роны, со стороны христіанскаго смиренія, надо смотрѣть на русскій народъ и его исторію»... ¹⁾

Настоящее является Аксакову наградой этого смиренія:— «И Господь возвеличилъ смиренную Русь. Вынуждаемая своими драчливыми сосѣдами и пришельцами къ отчаянной борьбѣ, она погнала ихъ всѣхъ одного за другимъ. Ей дался просторъ на землѣ. Въ трехъ частяхъ свѣта ²⁾ ея владѣнія, седьмая часть земного шара принадлежитъ ей одной. Въ ея предѣлахъ *невыносимое* знойное лѣто и *невыносимая* вѣчная зима; въ ея предѣлахъ солнце восходитъ на одномъ концѣ и заходитъ на другомъ въ одно и то же время. И вотъ гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ея духовной силы, увидѣла страшное могущество силы матеріальной, и для нея понятной—и свѣдаемая ненавистью, въ какомъ-то *тайномъ ужасѣ*, смотритъ она на это страшное, полное жизни, тѣло,—души котораго понять не можетъ»... ³⁾

Тема нашего смиренія была однимъ изъ любимыхъ предметовъ краснорѣчія Шевырева, и слѣдовательно новый пунктъ соприкосновенія славянофильства съ тенденціями «Москвитянина». Известно, какъ Шевыревъ довелъ до совершенной и смѣшной нелѣпости это восхваленіе русскаго смиренія ⁴⁾. Едва ли надо говорить, что эти притязанія на христіанскую добродѣтель плохо мирились и съ историческими фактами. Россія стала громаднымъ государствомъ едва ли влѣдствіе смиренія: ея завоеванія съ XV-го вѣка не были особенно смиренны, а о XVIII-мъ столѣтіи и говорить нечего. Это послѣднее столѣтіе всего больше отличалось цѣнными и далеко не смиренными завоеваніями, и на этотъ разъ Аксаковъ, повидимому, ничего не имѣетъ противъ «петербургскаго періода», вообще столь ему непріятнаго. О томъ, насколько обнаруживала смиренія наша внутренняя исторія, мы упоминаемъ дальше. Относительно новѣйшаго настроенія русскаго общества и самихъ славянофиловъ, противники должны были, наконецъ, замѣтить имъ, что ихъ смиреніе такъ высокоомѣрно, что

¹⁾ Стр. 18.

²⁾ Имѣя—въ двухъ.

³⁾ Стр. 20—21.

⁴⁾ Въ свое время особенно знаменита была тирада о смиреніи и простотѣ русскаго человѣка, въ „Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“ (М. 1852). Шевыревъ восхваляется, какъ не жаденъ русскій человѣкъ, не завистливъ: летаетъ вокругъ него птица,—онъ не бьетъ ея; плаваютъ кругомъ рыба, онъ не ловитъ ея, и довольствуется скудной, и часто нездоровою пищею“, и т. п.

ничѣмъ не уступаетъ самой непохвальной западной гордости; и напоминали имъ стихотвореніе Хомякова, гдѣ говорится, что—

«Онъ (Богъ)—съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не радигъ».

То, что говоритъ К. Аксаковъ о фразѣ, красивомъ эффектѣ, яркомъ нарядѣ, которые будто бы такъ любить Западъ («Западъ весь проникнуть ложью внутренней, фразой и эффектом»), конечно, очень странно. Есть дѣйствительно случаи, гдѣ неприятно поражаетъ фраза въ западной литературѣ и жизни, напр. французской; но неужели это вся исторія Запада? Древняя русская жизнь, да и новая, была, конечно, проще; но эта простота была только слѣдствіемъ немудренаго патріархальнаго быта, какой въ свое время бывалъ и во всей Европѣ, а вовсе не какой-нибудь особенной врожденной добродѣтели. Съ другой стороны, «красивый эффектъ» западной жизни былъ естественнымъ спутникомъ цивилизаціи, утонченной формой нравовъ и общежитія; наконецъ, онъ бывалъ естественнымъ приемомъ, манерой національнаго темперамента, напр., темперамента южныхъ племенъ, вообще несравненно болѣе живого, подвижнаго, впечатлительнаго, чѣмъ нашъ сѣверный темпераментъ: англичанинъ также могъ бы похвалиться своей степенностью передъ испанцемъ, французомъ или итальянцемъ. Наконецъ, въ «яркомъ нарядѣ» точно также нѣтъ никакой бѣды, какъ въ томъ «комфортѣ», который послужилъ обвиненіемъ противъ Запада у Д. Валуева.

Изображеніе награды, доставшейся Россіи за ея смиреніе, напоминаетъ хвастливый патріотизмъ временъ, предшествовавшихъ крымской войнѣ... Славянофилы, какъ и масса общества, послѣ этой войны и даже прежде ея окончанія, убѣждались въ фальшивости этого тона ¹⁾).

Въ опредѣленіи внутреннихъ отношеній древней Руси, центральнымъ положеніемъ К. Аксакова является мысль о двойственности земли и государства, — которая вается г. Костомарову «великою идеею».

«Народъ призываетъ власть добровольно, призываетъ ее въ лицѣ князя-монарха, какъ въ лучшемъ ея выраженіи, и ставится съ нею въ *приятельныя* отношенія. Это—союзъ народа съ властію», — или союзъ Земли и Государства.

«Земля, какъ выражаетъ это слово, — неопредѣленное и мирное состояніе народа. Земля призвала себѣ Государство на за-

¹⁾ См. напр. стихотвореніе Хомякова „Россія“, 1854 г. (въ „Стих.“ 1861, стр. 122—123), и позднѣйшую публицистику „Русской Вѣсти“.

шту, отражение; прежде всего отъ враговъ внѣшнихъ, потомъ и отъ враговъ внутреннихъ. Отношеніе Земли и Государства легло къ основаніе русской исторіи. Въ первыя времена Россія управлялась цѣлымъ родомъ, совокупностью князей въ отдѣльныхъ княжествахъ, и въ каждомъ княжествѣ повторялись тѣ же самыя отношенія. Князей стало много, они сами спорили между собою, и между князьями возможенъ былъ выборъ: поэтому они часто перемѣщались...

«Навонецъ, время княжикъ междуусобій прошло. Явился великій князь и потомъ царь московскій и всея Руси, наследственный и самодержавный. Отношеніе Земли и Государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность—были основою ихъ отношеній. Подобно тому, какъ князь собиралъ вѣче, царь созывалъ земскую думу или земскій соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣніе. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа... Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы...

«Во все время русской исторіи народъ русскій не измѣнилъ правительству, не измѣнилъ монархіи. Если и были смуты, то онѣ состояли въ вопросѣ о личной законности государя: о Борисѣ, Лжедмитріѣ и Шуйскомъ. Но никогда не раздавался голосъ въ народѣ:—не надо намъ монархіи, не надо намъ самодержавія, не надо царя.—Напротивъ, въ 1612-мъ году, одолѣвъ враговъ своихъ и будучи безъ государя, вновь громко и единогласно призвалъ народъ царя...

«Любопытно, хотя вкратцѣ, взглянуть на этотъ бытъ, на эти неизбѣжныя, неизмѣнныя отношенія между властію и народомъ, отношенія свободныя, разумныя, не рабскія, и потому обезпеченныя отъ всякой революціи.

«Государево и земское дѣло—вотъ слова, которыя слышались изъ устъ народа, вотъ слова, которыя слышались изъ устъ государя; какъ часто встрѣчаемъ ихъ въ древнихъ, и отъ государя, и отъ народа идущихъ грамотахъ...»

И затѣмъ Аксаковъ дѣлаетъ краткій очеркъ земли,—народа, съ его общиннымъ бытомъ, и государства, съ его правительственной дѣятельностью. Въ этой жизни не было ни западной аристократіи, ни западной демократіи. «Вся Россія была подъ двумя властями—*Земли и Государства*, раздѣлялась на два дѣла—на людей *земскихъ* и людей *сужимыхъ*».

«Что же соединило эти два отдѣла, что составило непрерывную связь между ними?.. Вѣра и жизнь; вотъ почему вслѣдъ чиновникъ, начиная отъ боярина, былъ свой человѣкъ народу, вотъ почему, переходя изъ земскихъ людей въ служилые, онъ не становился чуждымъ Землѣ. Выше всѣхъ этихъ раздѣленій было единство вѣры и единство жизни, быта, соединившее Россію въ одно цѣлое. Вѣрою и жизнью само государство становилось земскимъ».

Въ началѣ этого изложенія, Аксаковъ, изображая отношенія между народомъ и призванной имъ властью, ставшій потомъ отношеніями Земли и Государства, восклавая ихъ «свободное соглашеніе», — предвидитъ возраженіе и отвѣчаетъ на него:

«Но нѣтъ никакого обезпеченія, скажутъ намъ; или народъ, или власть могутъ измѣнить другъ другу. *Гарантія* нужна! — *Гарантія* не нужна! *Гарантія* есть зло. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощію зла. Вся сила въ *идеалѣ*. Да и что значать условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никакой договоръ не удержитъ людей, какъ скоро нѣтъ на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи. Это сокровище есть въ Россіи, потому что она всегда въ него вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ»¹⁾.

Итакъ, мы имѣемъ картину древне-русскаго устройства и вмѣстѣ — идеаль.

Славянофилы часто упрекали своихъ противниковъ, что они принимаютъ европейскія теоріи чуждыя русскаго народа и прямо строятъ на нихъ русскую исторію. Въ настоящемъ случаѣ, славянофилы дѣлаютъ въ сущности то же. Взглядъ К. Аксакова есть тоже готовая теорія, созданная прежде всего его горячимъ чувствомъ и приложенная имъ къ русскаго исторіи раньше, чѣмъ разработка послѣдней давала бы право вывести подобную теорію. Не скажемъ, чтобы она была совершенно произвольна, — нѣтъ; нѣкоторыя частности ея можно основывать на фактическихъ данныхъ, — но далеко не всѣ, и цѣлый составъ этой теоріи остается произвольнъ. Побужденіемъ къ построению этой теоріи служило весьма похвальное сочувствіе къ народу; оно украсило ея исторію всѣми идеальными качествами, которыхъ желало бы народу въ дѣйствительности; способъ изложенія взять былъ и са-

¹⁾ Стр. 9—14. К. Аксаковъ вообще не разъ возвращается къ этой темѣ; но онъ достаточно рельефно высказана и въ приведенныхъ нами цитатахъ, и другихъ не приводить не будемъ.

ими славянофилами (какъ они упрекали въ томъ своихъ противниковъ) изъ приемовъ той же самой западной науки, которая передъ тѣмъ именно занята была созданиемъ философіи исторіи, стремилась осмыслить исторію народовъ отвлеченными нравственно-общественными началами, указать особыя идеальныя задачи, поставленныя судьбою или Провидѣніемъ каждому изъ народовъ въ его историческомъ бытіи... Но въ то время, какъ противники славянофильства все-таки больше старались держаться фактической точки, Аксаковъ бросился въ идеализмъ, напоминающій философскую романтику двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Весь характеръ его исторической теоріи свидѣтельствуетъ о силѣ увлекающаго его чувства больше, чѣмъ о глубинѣ историческаго пониманія. Приступая съ готовымъ энтузіазмомъ къ изученію старины, Аксакову довольно было нѣсколькихъ фактовъ, поразившихъ его возбужденное чувство, чтобы возвести ихъ въ историческій принципъ; онъ идеализируетъ ихъ.

Аксаковъ вѣрно замѣчаетъ присутствіе двухъ элементовъ стараго русскаго быта — элементъ Земли и Государства, элементъ общиннаго самоуправленія и правительственной централизаціи. Но его выводы слишкомъ поспѣшны; въ своемъ народно-патріотическомъ увлеченіи онъ уже рисуетъ русскій бытъ стараго времени, какъ осуществленіе нравственнаго идеала, какъ истинное христіанское государство. Для него шель вопросъ уже не столько о строгой, всесторонней критикѣ замѣченныхъ имъ фактовъ, сколько о томъ, чтобы подобрать скорѣе ихъ логическую связь, закруглить ихъ въ систему. Но уже въ то время, когда писалъ Аксаковъ, историческая наука относилась очень недовѣрчиво къ подобному смѣлому идеализму и искала болѣе реальнаго объясненія исторіи — въ изученіи условій природныхъ, этнографическихъ, экономическихъ, въ изученіи отношеній народа къ цѣлому движенію цивилизаціи и т. п. Въ этомъ отношеніи теорія Аксакова запаздывала на цѣлый періодъ развитія науки. — Она не выдерживала критики и въ ближайшемъ смыслѣ. Отношенія «Земли» и «Государства» не были такъ мягки и пріязненны, какъ изображаетъ Аксаковъ. Начиная съ ихъ первой связи, — которая (какъ выше упомянуто) вовсе не была столь идиллическая, — и до послѣдняго времени, исторія этихъ отношеній, быть можетъ, есть скорѣе наоборотъ — исторія постоянной борьбы, чѣмъ исторія любовнаго, «свободнаго соглашенія». Древняя община, вѣче, земская дума — тѣсно связанныя Аксаковымъ въ его теоріи — не были такъ связаны въ самой жизни. Г. Костомаровъ приводилъ возраженія, которыя дѣлали очень сомнительнымъ изображеніе земскихъ думъ

и соборовъ въ теоріи Аксакова. Исторія московскаго самодержавія вообще не подходитъ подъ эту теорію: Государство равнялось вовсе не параллельно и неравномѣрно съ Землей, и Земля еще въ московскомъ періодѣ осталась — назади, или внизу. Мнѣніе земскаго собора было не обязательно для власти, следовательно могло быть приведено къ нулю. Земля наконецъ бѣжала отъ Государства — въ казачество, въ расколъ; Государство примеривши крестьянъ и положило основаніе крѣпостному праву.

Аксаковъ рѣшительно востаетъ противъ «гарантій», то-есть противъ конституціонной гарантій, которой европейскія государства утверждали свои отношенія земли и государства, представителей народа и центральной власти. Гарантій противна Аксакову, какъ свидѣтельство недоувѣрія. Но, если и правда, что гарантій не всегда была дѣйствительной опорой противъ захвата той или другой стороны, то она все-таки была заявленіемъ преемства и есть страны, гдѣ гарантій имѣла издавна очень дѣйствительную силу, какъ въ Англіи... Въ государствѣ, которое идеализировалъ Аксаковъ, гарантій въ сущности нечего было бы и ограждать.

Далѣе, Аксаковъ вѣрно указываетъ единство быта въ старѣйшей Россіи, неразрывную связь, которую полагали между различными слоями народа вѣра и жизнь, или однообразіе понятій и нравовъ. Можно справедливо увлекаться подобнымъ единствомъ, если оно существовало, и противопоставлять его, какъ идеаль, тому разладу, который дѣлитъ высшіе классы отъ массы націи, дѣлаетъ ихъ даже совершенно чуждыми народу паразитами. Все это прекрасно, — говоря вообще, — но въ данномъ случаѣ есть историческія обстоятельства, которыя заставляютъ очень ограничить заключеніе Аксакова. Подобное единство быта, чтобы стать значимымъ идеаломъ, требуетъ одной, существенно важной оговорки.

Аксаковъ безусловно восхищается единствомъ быта, которое находить въ древней Руси, но факты показываютъ ясно, что старѣйшій русскій бытъ могъ сохранить свое единство только потому, что это былъ слишкомъ непосредственный и патріархальный бытъ, такъ-сказать, нетронутый никакой рефлексіей. Основа его міровоззрѣнія была миѣнческо-религіозная; ея не касались еще никакіе запросы критической мысли; образованіе было такъ незначительно, что высшіе классы почти ничѣмъ не отличались отъ низшихъ; характеръ того образованія былъ тотъ самый, какимъ до сихъ поръ отличаются «начетчики» православные и раскольничьи въ простомъ народѣ; такіе начетчики бывали одинаково во всѣхъ классахъ народа, и ихъ міровоззрѣніе было сходно, потому что основывалось на одинаковомъ чтеніи и оди-

жесовой тѣснотѣ умственнаго горизонта во всемъ, что было въ это чтеніе; преданіе было поэтому всесильно. Того же рода единство было въ нравахъ: Россія, отдѣленная событіями своей исторіи отъ остальнаго міра, впала въ крайнюю національную и религіозную исключительность, которая, конечно, самымъ могущественнымъ образомъ противодѣйствовала всякому нововведенію и помогала сохраненію старины. Въ этой исключительности прожиты были цѣлыя вѣка...

Но, очевидно, что этотъ порядокъ вещей не могъ удержаться въ народѣ, которому предстояла бы болѣе широкая политическая жизнь. Еслибы этотъ порядокъ сохранялся неизмѣнно, онъ привелъ бы къ застою и національному паденію; это была бы остановка въ развитіи, какую представляла Византія, Китай или Турція; если же въ народныхъ силахъ задатки развитія были, оно неизбежно должно было столкнуться съ традиціей такъ или иначе. И эти столкновенія дѣйствительно бывали. Уже древняя русская жизнь произвела цѣлый рядъ ересей, въ которыхъ — среди ихъ заблужденій — нельзя не видѣть стремленія развить традицію, или, отвергнувъ ее, найти болѣе широкое содержаніе. Тотъ или другой видъ отрицанія долженъ былъ составить необходимую ступень въ дальнѣйшемъ движеніи. Болѣе высокая степень образованности, болѣе количество свѣдѣній о природѣ, о человѣческой исторіи, однимъ словомъ, знакомство съ тѣмъ, что уже въ тѣ времена было приобрѣтено образованностью европейской, — неизбежно ограничивали и подрывали бы старую традицію во всемъ томъ, что въ ней не соответствовало новому научному содержанію. Это произошло бы, еслибъ и не было реформы Петра, или еслибы она не употребляла своихъ суровыхъ и насильственныхъ средствъ. Славянофилы утверждали (какъ увидимъ), что Россія и до Петра заимствовала отъ Запада «все хорошее»¹⁾; сохраняя однако свою сущность, — но на дѣлѣ заимствовалось тогда далеко не все, что было нужно, и вообще очень немного, и только по этой причинѣ и старина могла спокойно сохраняться: заимствованнаго «хорошаго» было слишкомъ мало, чтобы затронуть ее. — Такимъ образомъ, традиціонное возрѣніе древней Руси не могло бы уцѣлѣть при болѣе высокой степени образованія, и слѣдовательно единство понятій удержаться не могло: высшіе классы, которымъ естественно доставалась въ первое время большая или вся доля образованности, именно поэтому (а вовсе не по существу самой образованности) должны были отдалиться отъ народа. Это было

¹⁾ Соч. Аксакова, стр. 43.

безъ сомнѣнія прискорбно, но при *существовавшихъ уже различіяхъ* въ матеріальномъ и юридическомъ положеніи сословій, было необходимо.

Это вовсе не значило также, чтобы такое раздѣленіе стало роковымъ и неисправимымъ. Матеріальное и юридическое положеніе низшихъ сословій уже измѣняется къ лучшему; рядомъ общественной равноправностью открывается возможность большаго успѣха образованности и въ народной массѣ. Стремленія лучшихъ людей современнаго общества идутъ именно къ тому, чтобы возстановить старое единство или, лучше сказать, создать новое — не изгнаніемъ и отверженіемъ западной образованности и не возстановленіемъ старины и ея единства, а просто расширеніемъ образованности въ самомъ народѣ.

Паденіе старыхъ обычаевъ было такимъ образомъ естественно. Замѣтимъ кромѣ того, что старые обычаи, относясь къ различнымъ сторонамъ жизни, могутъ имѣть и весьма различную цѣнность: или чисто бытовую, какъ извѣстная обстановка частной жизни, или болѣе высокую цѣнность общественно-политическую, какъ выраженіе извѣстнаго политическаго права. Обычаевъ послѣдняго рода имѣла много, напримѣръ, Англія; и утрата такихъ обычаевъ (если бы ихъ не замѣняли другіе, лучшіе) была бы дѣйствительно вредомъ, потерей и упадкомъ для національной жизни. Не оправдывая петровскаго истребленія старыхъ обычаевъ, должно признать однако, что обычаевъ этого втораго разряда едва ли русская жизнь потеряла много при реформѣ. Наконецъ, въ судьбѣ обычая играетъ роль и еще одно обстоятельство — расширеніе самаго государства: сохраненіе стараго обычая въ высшихъ классахъ, начиная съ двора, было удобно въ тѣсныхъ условіяхъ московскаго быта; оно было труднѣе въ петровскомъ государствѣ, которое по необходимости сближалось съ Европой, начинало распространяться на страны западной цивилизаціи и принимало въ себя множество новыхъ элементовъ, ассимиляція которыхъ (если государство къ ней стремилось) не могла обойтись безъ той или другой уступки и съ его стороны. А славянофилы также, какъ другіе, гордятся этими завоеваніями и приобрѣтеніями новой Россіи...

Очень естественно, что при своемъ общемъ взглядѣ на древнюю Русь, Аксаковъ вообще относился къ явленіямъ ея жизни съ крайнимъ оптимизмомъ. Примѣровъ можно привести очень много. Нравы славянъ кажутся ему самыми кроткими нравами, язычество русскихъ славянъ — самымъ чистымъ язычествомъ, что бы ни говорила лѣтопись о «звѣринскихъ» обычаяхъ нѣкоторыхъ

элементъ, о способѣ дѣйствій самихъ князей, что бы ни говорила «Русская Правда» о кровавой мести и т. п. Тѣ же нравы онъ находитъ въ поэзии былинъ, и если ему встрѣчаются случаи, не свидѣтельствующіе объ особенной кротости, напр., нѣкоторые не особенно человѣколюбивые подвиги богатырей, у Аксакова готово явлено-казуистическое объясненіе ¹⁾. Мнѣніи его въ этомъ случаѣ не смущаютъ никакіе факты грубости нравовъ, которыхъ къ сожалѣнію древняя Русь представляетъ немало.

Аксакову хочется доказать, что древній народный взглядъ уже включалъ въ себѣ тѣ принципы разумности и свободы, которые у противниковъ славянофильства считались приобрѣтеніемъ и заслугой европейскаго просвѣщенія. Оспаривая въ этомъ смыслѣ мнѣнія г. Соловьева (въ разборѣ VII-го тома его Исторіи), онъ указываетъ на первомъ планѣ идею Земли, осуществленную въ земскихъ соборахъ. Далѣе, онъ утверждаетъ, что древняя Русь выразила также свой взглядъ на свободу международныхъ отношеній и торговли, и ссылается при этомъ на слова московскихъ пословъ шведамъ: «Сотворилъ Богъ человѣка *самовластна* и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣздить: тамъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всѣхъ поморскихъ и нѣмецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговльимъ людямъ, землю и моремъ задержки и неволи чинить не пригоже». Аксаковъ ссылается также на подобныя выраженія въ грамотѣ царя Феодора къ Елизаветѣ по поводу того, что англійская торговая компанія не пропускала въ Россію кораблей другихъ, къ компаніи не принадлежавшихъ, и иностранныхъ купцовъ. Далѣе, Аксаковъ утверждаетъ, что Россія высказывала «извѣстный, признанный и другими за нею взглядъ, что каждый имѣетъ право исповѣдовать свою вѣру»,—по поводу того, что англичанамъ предоставлено было жить у насъ «въ своей вѣрѣ». «Въ приведенныхъ нами примѣрахъ,—говоритъ Аксаковъ,—достаточно, кажется, высказывается высокій взглядъ (?) русскаго народа. Это—

¹⁾ „Такая строгая казнь,—говоритъ онъ по поводу „ученія“ Марини Добринею, состоявшаго въ томъ, что Добриня рубить ей руку, ногу и голову съ языкомъ,—совершенная съ полнымъ спокойствіемъ Добринею, не можетъ служить опредѣленіемъ его нравственнаго образа и кидать на него тѣнь обвиненія въ жестокости. Это обычай всѣхъ богатырей того времени; будучи не личнымъ дѣломъ, а обычаемъ, подобный поступокъ лишень злобы и свирѣпости, вытекающихъ уже изъ личнаго ощущенія. Гдѣ постоянно играютъ палицы, конья и стрѣлы, тамъ главное дѣло подвигъ, а жизнь становится дѣломъ второстепеннымъ, и большого уваженія къ ней не оказывается“, и т. д. (стр. 344). Но что же такое обычай, какъ не результатъ и сводъ частныхъ личныхъ ощущеній?

русское воззрѣніе, которое въ то же время есть истинное, общечеловѣческое»¹⁾).

Относительно всего этого г. Костомаровъ замѣчалъ уже при увеличеніи Аксакова. Въ самомъ дѣлѣ, земскіе соборы, именн за отсутствіемъ «гарантіи», были весьма непрочнымъ учрежденіемъ; это были послѣднія воспоминанія вѣчевого устройства, вытронутыя властью только потому, что при господствѣ тогдашней патріархальнаго деспотизма это учрежденіе не могло повести ни къ какому ущербу для царской власти. Потому-то вскорѣ оно и могло такъ легко выйти совершенно изъ употребленія. Мнимый взглядъ древней Россіи на свободу международныхъ сношеній оправдывался нисколько ея собственной практикой. Московскіе дипломаты, у которыхъ не было недостатка въ хитромъ лукаствѣ, могли ссылаться на «самовластіе» человѣка, на его волю ѣхать сухимъ и водянымъ путемъ гдѣ ни захочеть, — когда тамъ нужно было по ихъ интересамъ, но очень извѣстно, что для самихъ русскихъ купцовъ эта воля была крайне стѣснена: отправиться, хотя бы для торговли, въ чужое государство было чрезвычайно трудно, почти невозможно. Точно также не оправдывается фактами мнимый взглядъ древней Руси на свободу исповѣданій. Дѣйствительно, иностранцамъ позволяли жить «въ своей вѣрѣ», но тѣмъ и кончалась вся терпимость: это не мѣшало русскимъ считать вѣру западныхъ христіанъ, католиковъ и протестантовъ, поганую, какъ они считали поганымъ магометанство или иудаизмъ; нечего и говорить о томъ, что для русскаго было невозможно перейти изъ православія въ какое-нибудь другое христіанское исповѣданіе. Словомъ, для того, чтобы стать дѣйствительно «истиннымъ» и «обще-человѣческимъ», русскому воззрѣнію недоставало очень многого.

Б. Аксаковъ до такой степени ослабленъ въ этомъ отношеніи, что смѣло утверждаетъ, будто древняя Русь даже нисколько не знала національной исключительности. Приведемъ слова Нестора, что у всякаго языческаго народа свой обычай, «мы же, христіане, законъ имама единый, елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся», — Аксаковъ восклицаетъ: «вотъ когда (и вотъ какъ ясно, глубоко и истинно) уже перейдены были границы той исключительной національности, въ которой пребывали мы, по мнѣнію Запада»²⁾, до начала прошедшаго столѣтія, и *которой*

¹⁾ Сочин., стр. 250—253.

²⁾ Въ этомъ Западѣ Аксаковъ, вѣроятно, считалъ и русскихъ историковъ, которые держались этого мнимо-западнаго мнѣнія.

у насъ никогда не бывало»¹⁾. Онъ возвращается въ той же мысли въ другомъ мѣстѣ, отказываясь отъ противоположнаго мнѣнія, которое было высказано имъ прежде, въ диссертациі о Ломоносовѣ. «Напрасно говорили (я самъ напечаталъ это нѣкогда), что Петръ возсталъ противъ исключительной русской національности. Исключительности въ Россіи не было вовсе; все полезное принималось и до Петра, только это не мѣшало русскимъ оставаться русскими». Повторивъ опять цитату изъ Нестора²⁾, Аксаковъ говоритъ: «Христіанская вѣра—вотъ союзъ человѣческій, вотъ союзъ нашъ. Всѣ христіане—братья. Это истинное пониманіе христіанской вѣры есть основаніе всей нашей исторіи» (проч.³⁾).

Не говоря о томъ, что приведенное мѣсто изъ Нестора не допускаетъ такого тенденціознаго толкованія, заключаая только самое общее противоположеніе христіанства другимъ, не-христіанскимъ вѣрамъ,—должно повторить опять, что старая русская исторія слишкомъ часто свидѣтельствуетъ о національной и религіозной исключительности, чтобы противъ нея можно было спорить серьезно. Быть можетъ, кievскій періодъ,—вообще весьма непохожій на послѣдующія эпохи,—еще представлялъ нѣкоторые факты въ пользу мнѣнія Аксакова, но чѣмъ дальше въ московскій періодъ, тѣмъ исключительность становится суровѣе и вѣтшимъѣе.

Такимъ образомъ, въ понятіяхъ К. Аксакова древняя Россія была идеальное, истинно-христіанское государство, и если живнъ ея не была полное блаженство, по свойственнымъ человѣчеству слабостямъ, то обладала истинными началами и шла по истинному пути. Если этотъ путь не былъ совершенъ до конца, въ этомъ виновата была реформа.

Выше упомянуто, что сначала Аксаковъ имѣлъ о реформѣ иное понятіе, то самое, которое вообще господствовало въ литературѣ и которое поддерживалось противниками славянофильства. Такъ, въ своей диссертациі о Ломоносовѣ онъ понимаетъ реформу, какъ необходимый историческій моментъ русской жизни, какъ отрицаніе національной исключительности и воспринятіе общечеловѣческаго развитія. Теперь онъ думалъ совершенно противоположное. Теперь онъ считалъ реформу не иначе, какъ за *измѣну* власти передъ народомъ, ей никогда не измѣнявшимъ⁴⁾.

¹⁾ Стр. 20.

²⁾ Онъ замѣчаетъ, что „это важное указаніе принадлежитъ Ю. О. Самарину“.

³⁾ Стр. 42.

⁴⁾ Сочин., стр. 10, конецъ 15-й и начало 16-й, стр. 49.

Петръ совершенно извратилъ ходъ русской жизни. Переворотъ, имъ произведенный, былъ самый важный изъ всѣхъ переворотовъ въ русской исторіи, потому, что онъ коснулся самыхъ корней родного дерева. Въ самомъ дѣлѣ: «Изъ могучей земли, могучей болѣе всего вѣрою и внутреннею жизнію, смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ втолкнуть Русь на путь Запада—путь ложный и опасный». Благодареніе Богу, что только одна часть Руси оставила путь смиренія,—но эта часть сильна и богата, и отъ нея зависитъ другая, «не измѣнившая вѣрѣ и землѣ родной»... Историки (какъ г. Соловьевъ) говорятъ, что Петръ былъ только продолжателемъ, что заимствованія отъ иностранцевъ дѣлались и прежде. Дѣйствительно, заимствованія дѣлались и прежде: при истинно-христіанскомъ взглядѣ русскаго народа на другіе народы (объ этомъ взглядѣ было сейчасъ говорено), русскому народу, по словамъ Аксакова, естественно было принимать «все хорошее»: такъ при Димитріѣ Донскомъ принято огнестрѣльное оружіе (вещь очень хорошая для истинно-христіанскаго народа), при Іоаннѣ IV—книгопечатаніе, при Феодорѣ—даже внутреннее военное устройство. Но Петръ все-таки былъ не продолжателемъ: прежде брали полезное, не заимствуя чужой жизни, а Петръ сталъ принимать все, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное, самую иностранную жизнь, перемѣнялъ на иностранный ладъ всю систему управленія, образъ жизни, одежду, самый языкъ,—такъ, что «даже самое полезное, что принимали въ Россіи и до Петра, непременно стало не свободнымъ заимствованіемъ, а рабскимъ подражаніемъ». Къ этому присоединилось насиліе, вслѣдствіе котораго реформа стала настоящимъ переворотомъ, *революціей*.

Въ другомъ мѣстѣ (въ разборѣ I-го тома Исторіи г. Соловьева) Аксаковъ предлагаетъ свое дѣленіе русской исторіи на періоды по столицамъ (кіевскій періодъ, владимірскій, московскій, петербургскій) и слѣдующимъ образомъ характеризуетъ послѣдній, петербургскій періодъ. «Государство совершаетъ переворотъ, разрываетъ союзъ съ Землею и подчиняетъ ее себѣ, начиная новый порядокъ вещей. Оно спѣшитъ построить новую столицу, *свою*, не имѣющую ничего общаго съ Россією, никакихъ русскихъ воспоминаній. Измѣняя землѣ русской, народу, государство измѣняетъ и народности, образуется по примѣру Запада, гдѣ наиболѣе развилась государственность, и вводитъ подражательность чужимъ краямъ, западной Европѣ. Гоненіе на *все* (?)

русское. Люди государственные, люди служилые, переходят на сторону государства. Народъ, собственно простой народъ, остается при прежнихъ началахъ. Переворотъ сопровождается насиліемъ. Вслѣдствіи, переобразованные верхніе классы дѣйствуютъ сообразномъ разврата, выгоды и преимуществъ на простой народъ; въ него по одиночѣ отстаютъ и переходятъ на враждебную сторону, но весь народъ, въ цѣломъ, остается тотъ же. Россія раздѣлилась на двое и на двѣ столицы. Съ одной стороны, государство съ своей иностранной столицей Санкт-Петербургомъ; съ другой стороны, земля, народъ, съ своей русской столицей Москвой». Затѣмъ, дальнѣйшія отношенія Государства и Земли опредѣляются такъ: «Нашествіе Наполеона на Государство и Землю русскую. Государство, въ смятеніи, обращается къ Землѣ и къ Москвѣ, и проситъ о помощи. Москва принимаетъ ударъ. Москва и Земля спасаютъ и себя и Государство. Несмотря на то, полный плѣнъ нравственный, подъ игомъ Запада, верхнихъ классовъ, примыкающихъ къ Государству. Наконецъ, наступаетъ борьба. Москва начинаетъ и продолжаетъ дѣло нравственнаго освобожденія... Русская мысль начинаетъ освобождаться изъ плѣна; вся (?) дѣятельность ея въ Москвѣ и изъ Москвы,—и окончаніе долгаго испытанія, а вмѣстѣ и торжество и возникновеніе истинной Руси и Москвы, кажется, приближается... Главное, существенное дѣло — нравственная духовная свобода. Она возникаетъ»¹⁾.

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ, кажется, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, высказанъ славянофильскій взглядъ на реформу. «Петербургскій періодъ» былъ предметомъ оживленныхъ споровъ между славянофилами и ихъ противниками, и послѣдніе собрали много опроверженій страннаго историческаго взгляда. Должно, впрочемъ, сказать, что защитники реформы съ своей стороны не были свободны отъ преувеличеній: восхваляя реформу, они доводили до крайности защиту государственности, и существенная заслуга славянофильства была въ томъ, что, выставляя крайность противоположную, они заставили противниковъ ограничить свой панегрикъ реформы и внимательнѣе всмотрѣться въ ея достоинства и недостатки.

Тѣмъ не менѣе, славянофильскій взглядъ, въ его рѣшительной формѣ у Аксакова, безъ сомнѣнія, не выдерживаетъ критики. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Аксаковъ строитъ произвольную систему, которая далеко не оправдывается фактами. Прежде всего, совершенно невѣроятной должна показаться съ

¹⁾ Сочин., стр. 23, 41—43, 49—50.

исторической точки зрѣнія такая необыкновенная «измѣна», какою Аксаковъ считаетъ петровскую реформу. Измѣна народности вовсе не такая легкая вещь, въ особенности для такого множества людей, которые пошли вслѣдъ за реформой. Петръ и его послѣдователи дѣйствительно отказались отъ многихъ обычаевъ во русская народность не исчерпывалась, конечно, этими обычаями; иначе, это была бы слишкомъ ограниченная и жалкая народность. Другіе, напротивъ, думали, и справедливо, что Петръ не только не измѣнялъ русской народности, но былъ однимъ изъ лучшихъ ея выраженій и раскрылъ новыя ея стороны, которыя не находили себѣ мѣста въ прежнемъ порядкѣ вещей... Многія его мѣры были насильственны, и во многихъ онъ не можетъ быть оправданъ; но другія крутыя нарушенія старины были неизбѣжно связаны съ самымъ свойствомъ его дѣла. Это дѣло было дѣйствительно переворотъ, революція, но эта революція, во-первыхъ, была необходима по всему ходу предшествующей исторіи. и подобные перевороты вообще не бывають чисто личнымъ дѣломъ одного человѣка; во-вторыхъ, революція произведена была самимъ представителемъ той власти, съ которой Земля вошла въ «свободное соглашеніе», которой предоставила полномочія, неограниченныя никакою «гарантіей», и которая по этому самому уже задолго передъ тѣмъ стала «самодержавной». Намъ кажется, что Аксаковъ не имѣлъ историческихъ основаній говорить объ «измѣнѣ».

Далѣе, состояніе до-петровской Россіи вовсе не было таково, какъ изображаетъ Аксаковъ. Онъ говоритъ о могуществѣ древней Россіи, основанномъ на «вѣрѣ» и «смиреніи», и о томъ, что Петръ стремился къ могуществу «земному», — точно въ самомъ дѣлѣ русскіе были какими-то новозавѣтными израильянами или московское царство было царство небесное. Искренность и убѣжденіе Аксакова стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія; у него эти слова были, конечно, простодушнымъ увлеченіемъ, у другого они показались бы несноснымъ фарисействомъ... Русь была благочестива, спора нѣтъ; но странно изображать ее народомъ, предназначеннымъ для цѣлей только «не-земныхъ». Если же говорить о ней съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія, то и благочестіе ея имѣло свои, и немалые недостатки, и могущество ея было очень условное: Петръ во-время укрѣпилъ ея матеріальныя силы, потому что иначе ей грозила серьезная опасность отъ ея европейскаго сосѣдства. Ошибочно также и то, что Россія и до Петра заимствовала у Европы все хорошее: напротивъ, какъ мы уже замѣчали, хорошее приходило въ очень небольшомъ количествѣ

тѣмъ и очень поздно. Тамъ довольно поздно принято огнестрѣльное оружіе; только черезъ сто лѣтъ послѣ изобрѣтенія Гуттенберга начали у насъ печатать книги, и т. д. Идя тѣмъ же путемъ, старая Русь въ сто лѣтъ едва ли бы успѣла сдѣлать то, что сдѣлано было въ одно царствованіе Петра, и эта медленность, при быстромъ развитіи самой Европы, не могла не представлять большой опасности...

Болѣе умѣренные изъ славянофиловъ смотрѣли мягче на реформу, и хотя не одобряли насильственного нарушенія обычая, перемѣны столицы и т. д., но, собственно говоря, были довольны тѣмъ политическимъ могуществомъ, которое основано было Петромъ Великимъ. Самъ К. Аксаковъ съ удовольствіемъ указываетъ это внѣшнее могущество Россіи, которое считалъ «наградой за ея смиреніе». Славянофилы считали это могущество даже необходимымъ, для того, чтобы Россія, одна изъ славянскихъ племенъ создавшая сильное государство, могла спасти славянское начало. Противники славянофильства были, какъ замѣчено, не только убѣждены въ необходимости и естественности реформы, но полагали, что истинная русская народность и есть та самая, которая приняла въ себя реформу.

Прошло еще немного времени съ тѣхъ поръ, какъ велись споры о петербургскомъ періодѣ, и въ постановкѣ вопроса, если не ошибаемся, произошла значительная перемѣна, и не въ пользу славянофильской точки зрѣнія. Теперь уже мало такихъ безусловныхъ защитниковъ реформы, какіе были въ сороковыхъ годахъ; но, съ другой стороны, едва ли кто рѣшится теперь также безусловно осуждать реформу, какъ осуждалъ Аксаковъ. Двѣ крайности сводятъ свои счеты, и главное, что служило къ ихъ взаимному ограниченію и извѣстному примиренію, было ближайшее изученіе эпохи. Исторія нашего XVIII-го столѣтія сдѣлала большой (конечно, относительно) успѣхъ съ того времени, когда писалъ Аксаковъ, и, къ удивленію, даже историки, склонные къ славянофильству или совсѣмъ славянофилы (назовемъ г. Бартенева, г. Ламанскаго и др.), начинаютъ находить во многихъ дѣятеляхъ XVIII-го вѣка столько русскихъ добродѣтелей, что онѣ уже не вязались съ прежней славянофильской характеристикой «петербургскаго періода». Чѣмъ больше наши историки знакомятся съ событіями временъ Петра и съ самой его личностью, тѣмъ больше открываютъ въ самомъ Петрѣ чисто русскую, высоко-талантливую, свободную и часто необузданную натуру съ ея достоинствами и недостатками. Между прочимъ, начинаютъ

видѣть, что Петръ вовсе не былъ и такимъ врагомъ русскимъ обычаевъ, и, напротивъ, самъ нерѣдко обнаруживалъ любовь къ нимъ ¹⁾). Стали измѣняться и понятія о цѣломъ XVIII-мъ вѣкѣ Симпатіи XVI-го и XVII-го вѣка, которыя такъ сильны у Аксакова и славянофиловъ вообще, повидимому, начинаютъ совсѣмъ выдыхаться, и писатели новѣйшаго славянофильскаго оттѣнка какъ будто начинаютъ искать «добраго стараго времени» ближе, и XVIII-мъ вѣкѣ, въ «вротномъ» царствованіи Елизаветы, въ «мудромъ» и «славномъ» правленіи Екатерины. Словомъ, ближайше изученіе исторіи, принявъ и переработавъ нѣкоторыя возраженія славянофильства противъ прежнихъ мнѣній, отвергаетъ, однако самую теорію, и приводитъ къ новому взгляду, который едва ли не остается ближе къ прежнимъ взглядамъ—не славянофиловъ, а ихъ противниковъ.

Въ послѣдней цитатѣ Аксакова мы видѣли, какъ онъ понималъ возникновеніе и смыслъ самого славянофильства. Это было возрожденіе истинныхъ русскихъ началъ, исправленіе измѣны, совершенной при Петрѣ, начало новаго господства «внутренней правды». Это возрожденіе Аксаковъ представляетъ исходящимъ отъ той же Москвы, которая въ лучшую эпоху была государственнымъ и нравственнымъ центромъ Россіи.

Это объясненіе источника и начала самого славянофильства совершенно совпадало съ мнѣніями всѣхъ послѣдователей школы, точно также, какъ предоставленіе рѣшающей роли — Москвѣ. Славянофилы съ давнихъ поръ старались присвоить своему направлению это московское происхожденіе. Имъ также давно отвѣчали, что названіе невѣрно, потому что въ той же Москвѣ, рядомъ съ славянофильствомъ, развивалось и совершенно противоположное направленіе, что въ Москвѣ же издавались журналы, проповѣдывавшіе «западные» теоріи, что Москвѣ, наравнѣ съ Петербургомъ, принадлежали лучшіе представители школы, ставившей совершенно иначе вопросъ русскаго просвѣщенія.

Это пристрастіе къ Москвѣ было понятно. Если въ старыя времена Москва была палладиумомъ истинныхъ русскихъ началъ, теоретически слѣдовало, что и теперь изъ нея должно исходить ихъ возрожденіе. Съ любовью къ Москвѣ естественно связывается вражда къ Петербургу. Ненавистный Петербургъ есть городъ вѣ-

¹⁾ См., напримѣръ, Записки Неплюева.

ведкій, оторванный отъ настоящей Россіи и чужой для нея; это — злодѣй и сѣдалище измѣны.

Это особенное пристрастіе къ Москвѣ вмѣстѣ съ тѣмъ вывести слабую сторону славянофильства. Едва ли можно сомнѣваться, что славянофильство есть московскій партикуляризмъ, который оно хотѣло распространить на общія основанія русской жизни. Большинство славянофиловъ прежней эпохи были москвичи, обжившіеся въ Москвѣ, и ревниво оберегавшіе ея достоинство отъ притязаній новой столицы. Москва дѣйствительно во многомъ не похожа на Петербургъ; тамъ цѣлы были пенаты старой русской жизни, которые продолжали привлекать народное благочестіе; жизнь и нравы были болѣе свободны, или распущенно-лѣтны, чѣмъ въ административномъ и слишкомъ военномъ Петербургѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, первопрестольная столица во многихъ отношеніяхъ стала городомъ провинціальнымъ, и этого не могли вывести московскіе патриоты. Съ ихъ отвлеченной склонностью къ старинѣ, которой Москва оставалась во многомъ представительницей, соединялось ревнивое желаніе поддержать достоинство Москвы, которой пришлось «главой склониться» передъ новой столицей. Оставалось отвергать всячески Петербургъ.

Но, при хладнокровномъ разборѣ дѣла, не трудно видѣть, что притязанія московскаго партикуляризма не имѣютъ достаточнаго основанія. Самъ Аксаковъ, вздумавши дѣлить исторію Россіи по столицамъ, нашель, что, въ теченіе этой исторіи, Россія имѣла не меньше *четыре* столицъ (хотя послѣднюю онъ и считалъ измѣннической и незаконной). И эти столицы дѣйствительно имѣли свое значеніе: каждое передвиженіе столицы означало, что происходило извѣстное передвиженіе самого національнаго центра тяжести. Но странно, что Аксаковъ, объясняя, почему столица переняла изъ Кіева на сѣверъ (во Владиміръ), а потомъ болѣе на западъ (въ Москву), не могъ объяснить, почему она подвинулась еще на сѣверо-западъ, въ Петербургъ, — между тѣмъ какъ и для этого послѣдняго были свои причины въ исторической логикѣ. Правда, по частнымъ условіямъ мѣстность была неудачная, — климатъ Петербурга тяжелый и вредный; столица была поставлена въ то время на самомъ краю государства, — но для новаго петровскаго государства нужно было имѣть столицу ближе къ западу, для цѣлей государственной защиты и цѣлей образованія; нужна была и близость къ морю для развитія несуществовавшей прежде морской силы. Эти ближайшія основанія въ свое время имѣли достаточную убѣдительность. Но перенесеніе столицы имѣло и болѣе глубокой національный смыслъ. Говорятъ,

что Петръ долженъ былъ оставить Москву, которая олицетворяла собой старую національно-исключительную традицію, и основать новую столицу, гдѣ бы его дѣла не оставались воспоминаніи московскаго царства. И дѣйствительно, времена московскаго царства проходили, и для національной жизни наступалъ новый періодъ. Какъ въ прежнемъ развитіи, кіевскій, владимірскій и московскій періодъ представляли особый отгѣнокъ національной жизни, и, напримѣръ, въ московское время самая національнѣйшая русская имѣла уже иной характеръ, чѣмъ въ періодъ кіевскій, такъ и въ «петербургскій періодъ» само національное цѣлое мѣнялось. Новое громадное развитіе государства вводило новыя національныя стихіи, начинался процессъ новой политической и національной ассимиляціи, и въ результатѣ образовался новый національный типъ, которому странно было бы и невозможно навязывать исключительно московскій чужанъ. Въ петербургскій періодъ государство приобрѣло южный край нынѣшней Россіи, юго-западные и сѣверо-западные русско-польскія провинціи, остзейскій край, Польшу и т. д. Въ національный составъ вступали элементы, присутствіе которыхъ не могло на немъ не отразиться почти всё изъ этихъ новыхъ элементовъ естественно же примыкали къ Петербургу, чѣмъ примыкали бы въ Москвѣ съ прежнимъ ея исключительнымъ характеромъ: типъ собственно великорусскій, какъ типъ все-таки мѣстный, въ новомъ періодѣ переставалъ быть исключительной основой государства, и Петербургъ представлялъ собой сліяніе частныхъ народностей въ болѣе широкое національное, общерусское цѣлое.

Странно говорить о томъ, что исторія «петербургскаго періода», принесшая указанную перемѣну въ національномъ битіи, не была только личнымъ дѣломъ Петра и слѣдствіемъ его произвола. Геніальная личность можетъ многое, но не все. Обвиненія Аксакова противъ Петра и «петербургскаго періода» доходятъ до ребяческаго упорства и совершеннаго непониманія исторіи. Если Аксаковъ и другіе славянофилы съ нѣкоторой гордостью называли свое направленіе московскимъ; то гордость ихъ была заблужденіемъ, потому что эта характеристика и означала именно односторонность вишолы. Чтобы быть истинно народнымъ и русскимъ, направленію не нужно было быть непремѣнно и исключительно московскимъ; напротивъ, въ истинно-народномъ направленіи московскій элементъ могъ и долженъ былъ войти только какъ одна изъ его составныхъ частей: это былъ старій мѣстный элементъ, историческая роль котораго была уже исполнена,

и въ новой исторіи русской національности онъ могъ занять только относительное мѣсто ¹⁾.

Въ томъ литературномъ періодѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, еще не успѣли высказаться послѣдствія этой московской односторонности. Но въ новѣйшее время, когда представилось больше случаевъ примѣненія теоріи къ дѣйствительной жизни, эта односторонность не замедлила обнаружиться: таково было отношеніе «московского» направленія къ украинофильству, гдѣ первое отнеслось недружелюбно къ движению, имѣвшему такой же народный смыслъ, но уже не московскій. Славянофильство встрѣтилось съ украинофильствомъ не какъ истинно-русское народное направленіе, — которое должно бы съ радостью привѣтствовать эти признаки мѣстнаго народнаго оживленія, каковы бы ни были его частныя видовзмѣненія, — а чисто какъ московскій исключительный партикуляризмъ. Печальнымъ образомъ славянофильству пришлось говорить въ одинъ голосъ съ «Моск. Вѣдомостями». А что такое были «Моск. Вѣдомости» — это извѣстно... Произшли недоразумѣнія и въ отношеніяхъ къ славянству: оказалось, что это послѣднее понимало свои связи съ русскимъ народомъ не совсѣмъ такъ, какъ хотѣли бы московскіе славянофилы; оно вовсе не думало, что его, славянская, народность можетъ спастись только обращаясь въ московскую народность... Оказались недоразумѣнія и въ толкованіи внутреннихъ вопросовъ. Древне-московская окраска славянофильскихъ мнѣній, самыхъ народолюбивыхъ и свободолюбивыхъ, дѣлала то, что этимъ мнѣніямъ все-таки нельзя было сочувствовать вполне: въ нихъ оставались черты, не только ослаблявшія ихъ дѣйствіе, но и вредившія самой ихъ сущности...

Какая же была та программа, по которой славянофилы предполагали примѣнять свои начала?

До-сихъ-поръ мы имѣли дѣло почти только съ чисто-теоретическими соображеніями. Славянофильство, разсматривая современное состояніе просвѣщенія и изучая русскую древность, приходило къ убѣжденію о противоположности или чрезвычайномъ различіи началъ быта и просвѣщенія на Востоцѣ и на Западѣ,

¹⁾ Аксаковъ утверждаетъ, что въ новѣйшемъ (которое онъ считаетъ славянофильскимъ) возрожденіи русской мысли вся дѣятельность идетъ въ Москвѣ и изъ Москвы. Напротивъ, съ XVIII-го вѣка и до сей минуты лучшіе дѣятели русской мысли являлись положительно изъ всѣхъ концовъ Россіи, а многіе изъ нихъ не имѣли никогда ни калѣйшаго отношенія собственно къ Москвѣ: Ломоносовъ, Державинъ, Крыловъ, Кольцовъ, Гоголь; Пушкинъ гораздо больше связанъ съ Петербургомъ, и т. п.

и о необходимости для Россіи возвратиться къ истиннымъ началамъ ея древняго просвѣщенія. Этотъ теоретическій и историческій выводъ былъ существеннымъ результатомъ славянофильской дѣятельности въ описываемомъ періодѣ. За этой задачей славянофилы еще не успѣли развить подробностей своего взгляда къ частнымъ примѣненіямъ; съ другой стороны, при тогдашнемъ положеніи литературы, они могли встрѣтить къ этому и важнѣйшія препятствія. Такимъ образомъ болѣе ясная программа ихъ мнѣній опредѣляется только впоследствии. Поэтому, ограничиваясь въ возможности только описываемымъ періодомъ, мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ ихъ общественно-практическихъ мнѣній.

Какъ скоро рѣшена была необходимость возвращенія къ старымъ русскимъ началамъ, являлся вопросъ: какимъ образомъ можетъ быть совершено это возвращеніе? Славянофилы отвѣчали на этотъ вопросъ болѣе или менѣе сходно, хотя очень неопредѣленно. Кирѣевскій чувствовалъ серьезность и трудность вопроса, и не одинъ разъ къ нему возвращается. Въ своей статьѣ 1845 года, онъ разбираетъ два существовавшія мнѣнія о томъ, какъ можетъ быть доставлена зрѣлость и значительность нашей литературѣ, или вообще нашей образованности. Одни думали, говоритъ онъ, что «полнѣйшее усвоеніе иноземной образованности можетъ современемъ пересоздать всего русскаго человѣка, какъ оно пересоздало нѣкоторыхъ пишущихъ и не-пишущихъ литераторовъ», что «развитіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ должно измѣнить нашъ коренной образъ мыслей, переименовать наши нравы, наши обычаи, наши убѣжденія, *изгладить нашу особенность (?)* и такимъ образомъ сдѣлать насъ европейски-просвѣщенными». Предполагается, конечно, что это было мнѣніе западной партіи «Стоить-ли опровергать такое мнѣніе?» спрашиваетъ Кирѣевскій и возражаетъ, что особенность умственной жизни народа уничтожить невозможно, какъ невозможно и замѣнить литературныя понятія коренныя убѣжденія народа, — или, еслибъ это было возможно, это означало бы уничтоженіе самого народа. Притомъ, «мысль, вмѣсто началъ нашей образованности ввести у насъ начала образованности европейской, уже и потому уничтожаетъ сама себя, что въ конечномъ развитіи просвѣщенія европейскаго *нѣтъ начала господствующаго*. Одно противорѣчитъ другому, взаимно уничтожаясь». Если есть въ западной образованности нѣсколько живыхъ истинъ, то эти истины не европейскія, потому что онѣ противорѣчатъ всѣмъ результатамъ европейской образованности,—это сохранившіеся остатки христіанскихъ истинъ, и потому принадлежать болѣе намъ, чѣмъ Западу,

этому, что мы приняли христианство въ его чистѣйшемъ видѣ. Наклонники Запада можетъ быть и не подозреваютъ этихъ нашихъ началъ, смѣшивая въ нашемъ просвѣщеніи существенное съ случайнымъ, собственное съ искаженіями чужихъ влияній: татарскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и проч. Наконецъ, европейскія начала, привитыя къ нашей жизни, способны произвести на этой чуждой имъ почвѣ только жалкую каррикатуру просвѣщенія: это было бы послѣднее дѣло. Кирѣевскій указываетъ за тѣмъ другое мнѣніе, противоположное безотчетному поклоненію передъ Западомъ и столько же одностороннее, хотя гораздо меньше распространенное: оно состоитъ въ столь же безотчетномъ поклоненіи прошедшимъ формамъ нашей старины, и въ той мысли, что европейское просвѣщеніе когда-нибудь изгладится въ нашей памяти развитіемъ нашей особенной образованности. Это послѣднее мнѣніе Кирѣевскій находитъ болѣе логическимъ потому, что оно основывается на уваженіи къ нашей старинной образованности, на сознаніи ея противорѣчія съ западнымъ просвѣщеніемъ и несостоятельности этого послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, Кирѣевскій не соглашается и съ этимъ вторымъ мнѣніемъ, потому, говоритъ онъ, что прошедшія формы нашей образованности были все-таки частныя, переходящія формы, а слѣдовательно невозвратимы больше; дагѣ потому, что мы уже не можемъ забыть разъ приобрѣтенной западной образованности, и еслибъ забыли, то когда-нибудь должны были бы возвратиться къ ней еще разъ, и наконецъ потому, что это мнѣніе «отрѣзываетъ насъ отъ всякаго участія въ общемъ дѣлѣ умственнаго бытія человѣка», такъ какъ западная образованность все-таки послѣдовала всѣмъ плодамъ прежней умственной жизни человѣчества.— Собственный взглядъ Кирѣевскаго заключается въ томъ, что мы, не отвергая результатовъ западнаго просвѣщенія, должны *подчинить* его истинному началу нашей жизни. Онъ объясняетъ это такимъ силлогизмомъ: «Если европейское просвѣщеніе въ самомъ дѣлѣ ложное, если дѣйствительно противорѣчить началу истинной образованности, то начало это, какъ истинное, должно не оставлять этого противорѣчія въ умѣ человѣка, а напротивъ, принять его въ себя, оцѣнить, поставить въ свои границы, и подчинивъ такимъ образомъ собственному превосходству, сообщить ему свой истинный смыслъ. Предполагаемая ложность этого просвѣщенія нисколько не противорѣчитъ возможности его подчиненія истинѣ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчащей духу просвѣщенія христіанскаго, былъ бы, конечно,

теть, чтобы *различіемъ законовъ самобытною мыслію личиннымъ* весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія»¹⁾.

Такъ характеризуетъ Кирѣевскій положеніе вопроса въ нашей литературѣ. Насколько вѣрно опредѣлялъ онъ существующія мнѣнія? Первое изъ указанныхъ имъ мнѣній есть, конечно, мнѣніе тогдашнихъ «западниковъ», второе — мнѣніе «Маяка». Это послѣднее онъ находитъ «болѣе логическимъ» — потому что Кирѣевскаго соединяю съ «Маякомъ» общее уваженіе къ старинѣ и убѣжденіе въ ложности западнаго просвѣщенія. Но надо припомнить себѣ мнѣнія этого полудикаго журнала, — который въ своемъ «логическомъ» уваженіи къ старинѣ дошелъ до того, что буквально пронагандировалъ вѣру въ вѣдья и домовыхъ, — чтобы подивиться, какъ могъ Кирѣевскій говорить о немъ серьезно. Мнѣнія «западниковъ» передали не совсѣмъ вѣрно, — потому что едвали кто-нибудь изъ нихъ говорилъ, будто «развитіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ» должно «изглядѣть напу особенность». Не можемъ рѣшительно припомнить, чтобы кто-нибудь высказывалъ столь радикальную мысль, — хотя, конечно, многие говорили, что образованіе должно измѣнить многое въ нашихъ понятіяхъ, въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ, — именно то, что исходить отъ недостатка образованія, въ родѣ, напр., господствующаго донинѣ множества суевѣрій, не индифферентныхъ, но часто положительно вредныхъ, грубыхъ обычаевъ, и т. п., существующихъ даже въ тѣхъ классахъ, которые по матеріальному положенію могли бы имѣть средства къ образованію и смягченію нравовъ. Если западники говорили о приобритеніи идей и стремленій «обще-человѣческихъ», то, конечно, никому изъ нихъ не приходило въ голову, что это должно «изглядѣть напу особенность». Славянофилы вообще нерѣдко преувеличивали мнѣнія своихъ противниковъ, къ выгодамъ своей полемики, которая потомъ и гордилась опроверженіемъ заблужденій, — въ которыхъ обличаемые противники иногда нисколько не были виноваты. Впослѣдствіи, эти опроверженія между прочимъ послушли особой заслугой славянофильства, въ глазахъ его дальнѣйшихъ послѣдователей...

Естественно, что мнѣніе Кирѣевскаго о русской литературѣ было невысокое. «Произведенія нашей словесности — говорить о ней какъ отраженія европейскіхъ, не могутъ имѣть интереса для другихъ народовъ, кромѣ интереса статистическаго, какъ новѣ-

¹⁾ Сочин. Кирѣевскаго, т. II, стр. 35—39, 381.

мнѣніи мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи ихъ образцовъ. Для насъ самихъ они любопытны какъ дополненіе, какъ объясненіе, какъ усвоеніе чужихъ явленій; но и для насъ самихъ, при всеобщемъ распространеніи знанія иностранныхъ языковъ, наши подражанія остаются всегда нѣсколько ниже и слабѣе своихъ подлинниковъ». Наши подражательныя упражненія почти даже вредны,—потому что, оставаясь бесплодны для просвѣщенія общечеловѣческаго, «отдѣляютъ насъ отъ внутренняго источника отечественнаго просвѣщенія». Они дѣлаютъ впрочемъ исключеніе—для сильныхъ талантовъ: «Державинъ, Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ, Гоголь, хотя бы слѣдовали чужому влиянію, хотя бы пролагали свой особенный путь, всегда будутъ дѣйствовать сильно, могуществомъ своего личнаго дарованія, независимо отъ избраннаго ими направленія»¹⁾.

Это невысокое мнѣніе о русской литературѣ было справедливо вообще, потому что литература была дѣйствительно бѣдна. Таково было давно и мнѣніе противной стороны (Бѣлинскаго «Литературныя мечтанія», 1834), но послѣдняя отдавала себѣ болѣе вѣрный отчетъ о причинахъ бѣдности литературы. Дѣйствительно, русская литература, въ наибольшей долѣ своей, состояла изъ ученическихъ упражненій, но нѣсколько литературныхъ поколѣній и были для нея необходимой школой, чтобы ознакомиться, хотя въ общихъ чертахъ, съ содержаніемъ далеко опередившихъ ее европейскихъ литературъ. Необходимость школы не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ только въ томъ, насколько эта школа была успѣшна, оставалась ли литература на одномъ мѣстѣ или все-таки подвигалась впередъ? Безпристрастная историческая критика показываетъ, что движеніе было, что—въ существовавшихъ условіяхъ это движеніе было правильное и здоровое, какъ и свидѣтельствовалъ результатъ, — въ концѣ движенія явились писатели, какъ Пушкинъ и особенно Гоголь. Въ періодъ самаго сильнаго подражанія, въ чужихъ заимствованныхъ формахъ, сказывалось однако и чисто-русское содержаніе, и въ немъ больше и больше созрѣвала національная, самостоятельная мысль;—присутствія ея славянофилы не замѣчали, потому что чистой національностью считали національность своего теоретическаго изобрѣтенія. Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Озеровъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Бѣльцовъ, Гоголь—въ этомъ рядѣ писателей только упрямое пристрастіе не захочетъ видѣть постепеннаго развитія общественныхъ понятій и націо-

¹⁾ Стр. 88.

нальнаго (хотя вовсе не славянофильскаго) сознанія. Наконецъ, передъ Гоголемъ превлонились и сами славянофилы.

Итакъ, Кирѣевскій полагалъ, что для возвращенія и водворенія истинной образованности мы должны *подчинить* европейское просвѣщеніе древнимъ началамъ нашей жизни, истинному греко-славянскому духу. Задача «подчиненія» казалась Кирѣевскому даже очень простою... Его мысль раздѣляли и другіе послѣдователи шевлы.

Въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 года, Константинъ Аксаковъ помѣстилъ (подъ псевдонимомъ «Имрекъ») нѣсколько критическихъ статей, предметомъ которыхъ послужили разныя произведенія «петербургской» литературы.

Приступая къ разбору повѣсти кн. Одоевскаго «Сиротинка», Аксаковъ замѣчаетъ: «Всегда съ невольнымъ горькимъ чувствомъ и съ негодованіемъ читаемъ мы такія повѣсти, гдѣ изображается (будто бы изображается) нашъ народъ; невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно отъ него оторванный, лицо отвлеченное, какъ все, что оторвано отъ народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимаго превосходства, вдругъ снисходительно заговорить о народѣ, могущественномъ хранителѣ жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящемъ предъ нами, легко и весело съ нимъ разставшимися. Писатель не трудится надъ тѣмъ, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать въ немъ нечего; ему стѣдуетъ только снисзойти написать о немъ. Противно видѣть, когда онъ, для вѣрнѣйшаго изображенія, прибѣгаетъ къ народному будто бы оттѣнку рѣчи, къ народнымъ выраженіямъ, дошедшими до его слуха чрезъ переднюю и гостинную. Такой умышленный маскарадъ, такая милостивая поддѣлка, особенно когда пишутъ для народа, оскорбительна. Въ такомъ родѣ и повѣсть кн. Одоевскаго...» ¹⁾ Эта повѣсть, описывающая, какъ сирота Настя, взятая изъ деревни барыней, и получивши образованіе въ столичномъ пріютѣ, возвращается въ деревню и распространяетъ въ ней цивилизацію, — дѣйствительно въ такомъ родѣ, и Аксаковъ вѣрно выставляетъ всю фальшивость того отношенія къ народу, которое обнаруживаетъ здѣсь кн. Одоевскій. Бонецъ, какъ и начало разбора, опять приходитъ къ славянофильской темѣ: «Сколько людей, именно въ наше время, именно въ нашей землѣ, такихъ, которые оторвались отъ народа, отъ естественной тяжести союза съ нимъ, умѣвляющей и утвер-

¹⁾ „Моск. Сборн.“, Крит., стр. 4.

дающей шагъ челоуѣка, дающей ему дѣйствительность, и пошли лѣзть и носиться, полные гордости и снисхожденія, — такихъ людей, которые, будучи одѣты въ европейское платье и заглянувъ въ европейскія книги, выучившись болтать на чужомъ языкѣ и приходять, какъ слѣдуетъ, въ заемный восторгъ отъ итальянской оперы, подходятъ съ уваженіемъ къ бѣдному необразованному народу и хотятъ чертить путь его народной и внутренней и внѣшней жизни. Хотя бы они поглотили въ самомъ дѣлѣ всю европейскую мудрость, но если они оторваны отъ народа и хотятъ оставаться въ этой оторванности, въ этомъ попугайномъ развитіи, если они свысока смотрятъ на него, — они ничтожны».

По поводу поэмы г. Майкова «Двѣ судьбы», Аксаковъ такъ объясняетъ страшную апатію, господствующую въ образованномъ русскомъ обществѣ, и на которую жалуется герой поэмы. «Что въ нашемъ поколѣніи есть апатія — это правда; но понятна тому причина. Такою апатіею и блѣдностію, такимъ жалкимъ эгоизмомъ — съ одной стороны животнымъ и безчувственнымъ, съ другой — идеальнымъ, сухимъ, иногда тоже довольнымъ красивою своею позою, иногда, у болѣе живыхъ людей, возмущаемымъ чрезъ сомнѣніе, вопросомъ, желаніемъ чего-то лучшаго, — этою апатіею и эгоизмомъ казнятся люди русскіе за презрѣніе къ народной жизни, за оторванность отъ русской земли, за аристократическую гордость просвѣщенія, за исключительность присвоеннаго права называть себя настоящимъ и отодвигать въ прошедшее всю остальную Русь. Слѣсивое невѣжество противопоставляютъ они всей древней, всей остальной, и прежней, и нынѣшней Руси, — гордость учениковъ, ставящихъ себя, въ свою очередь, въ учителя. Мы похожи на растенія, обнажившія отъ почвы свои корни: мы сохнемъ и вянемъ. Но насъ спасаетъ глубокая сущность русскаго народа, — тотъ виноватъ самъ, кто не обратится къ ней...»¹⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 40 — 41. Эти взгляды Аксакова повторяетъ г. Костомаровъ (въ указанной брошюрѣ, стр. 4—6), объясняя, что реформа, собственно говоря, произошла у насъ двѣ народности: одна была старая, другая новая, — «народность Евгенія Онѣгина», оторванная отъ народа съ своимъ легкимъ, пустымъ (и безплоднымъ) образованіемъ. «Извѣстно, до чего доживаетъ наковецъ Евгеній Онѣгинъ, — говоритъ г. Костомаровъ. «Убийственная тоска, доходящая почти до сумасшествія, свидѣаетъ его; еще выше, здоровый, полный силъ, неудовлетворенной жаждою дѣятельности, безъ сознанія путей, куда бы можно обратить эту дѣятельность, Онѣгинъ завидуетъ гульскому застѣпателю, страдающему параличемъ. Почти до такого же состоянія дошла и русская мысль (?), и съ нею русская наука. И хотѣла-было она обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учителя позволили ей указать то, что сдѣлалось достоинствомъ черни; (да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда, презрѣвши деревенскую дѣвушку, онъ началъ на нее глядѣть новыми глазами, коль скоро другіе стали уважать въ ней знатную барыню».

Положеніе нашей образованности, вообще довольно печальное по его внѣшнимъ условіямъ, было бы дѣйствительно еще печальнѣе, еслибы оно было таково, какъ описываетъ К. Аксаковъ. т.-е., если бы въ его внѣшнихъ тягостяхъ присоединился еще тяжелый грѣхъ такого полнаго забвенія о народѣ и непониманія его. Къ счастью, это было не совсѣмъ такъ, и обвиненіе, бросаемое славянофилами, справедливое относительно однихъ сторонъ этой образованности и однихъ ея представителей, глубоко несправедливо относительно другихъ. Жизнь и литература со времени Петра, представляли въ средѣ «образованнаго» общества нѣсколько различныхъ теченій, — смѣшивать которыя было бы противно самымъ элементарнымъ требованіямъ исторіи. Были дѣйствительно и есть до сихъ поръ люди, къ которымъ были вполне приложимы обвиненія Аксакова, — люди, оторвавшіеся отъ народа, относившіеся къ нему съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, люди, нахватавшіе вершковъ познаній и внѣшняго лоска европейской моды, и нравственно совершенно ничтожные. Это было въ особенности — почти исключительно — богатое барство, избалованное, лѣнивое и испорченное. Но и въ средѣ этого барства были люди, которымъ вѣроятно и славянофильская нетерпимость не откажетъ въ заслугахъ національному нравственному интересу, — люди, задававшіе себѣ вопросы о томъ просвѣщеніи, благодаря которому могла только возникнуть и самая мысль объ обращеніи къ народу, и благодаря которому явились первыя средства историческаго изученія (назовемъ хоть Шувалова, Бецкаго, Румянцова и т. д.). У этихъ людей были, безъ сомнѣнія, недостатки вѣка, сословія, недостатки личные, но несправедливо было бы отвергать у нихъ общественныя стремленія, заслуживающія похвалы. Мы упоминали выше, что въ настоящее время историки, съ славянофильскимъ оттѣнкомъ, начинаютъ все больше и больше отыскивать въ XVIII-мъ столѣтіи «русскихъ людей», именно въ той средѣ «петербургскаго періода», которую поголовно осуждаютъ Аксаковъ. Дѣйствительно, отрываясь отъ народа характеромъ своего образованія, быта и нравовъ, люди этой среды умѣли понимать другіе національные интересы, напримѣръ, интересы внѣшней политики; этимъ оторваннымъ отъ народа людямъ, между прочимъ, принадлежитъ своя заслуга въ дѣлѣ внѣшняго распространенія и усиленія государства. И если въ этой, самой отдаленной отъ народа, самой избалованной и эгоистической средѣ «петербургскаго періода» была возможность подобныхъ явленій, то надобно думать, что вина оторванности отъ народа лежала не въ однихъ условіяхъ образованности, а въ обстоятельствахъ иного рода, и

болѣе сложныхъ... Но въ испорченнаго барства, между людьми практически связанными съ народомъ, и въ литературѣ странно не видѣть той связи съ народомъ, которую такъ рѣшительно отвергаютъ славянофилы. Въ среднемъ образованномъ классѣ и даже въ высшемъ старыя нравы были гораздо сильнѣе, чѣмъ думалъ К. Аксаковъ; мы убѣждаемся въ этомъ постоянно, перечитывая записки людей XVIII-го вѣка; эти нравы были сильны даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія... Не видѣть связи съ народомъ въ литературѣ также было бы совершенно ошибочно: неужели были чужды народу Ломоносовъ, Новиковъ, Радищевъ въ XVIII-мъ столѣтіи? Писатели, еще съ XVIII-го вѣка начавшіе говорить о свободѣ и облегченіи для народа, умѣвшіе говорить народнымъ языкомъ; люди нашего столѣтія, — положимъ мечтатели, но стремившіеся къ тому же освобожденію, и всѣмъ рисковавшіе для своихъ идей, — только съ крайней несправедливостью могутъ быть названы чуждыми народу и отнесенными въ категорію «народности Евгенія Онѣгина». Должно замѣтить притомъ, что «Онѣгинъ», котораго такъ часто принимаютъ за полный типъ своего поколѣнія, на дѣлѣ вовсе не есть полный и законченный характеръ; если современники высказывали такое мнѣніе объ Онѣгинѣ, то они дополняли въ своемъ воображеніи черты, недосказанныя писателемъ, объясняя разочарованіе и всеобщее сомнѣніе Онѣгина тѣмъ подавленнымъ состояніемъ общества, которое живо чувствовалось лучшими людьми. Вообще Онѣгина понимали серьезнѣе и глубже, чѣмъ сколько слѣдовало изъ его изображенія у Пушкина ¹⁾. Объ этомъ забываютъ тѣ, кто повторяетъ теперь мнѣніе объ Онѣгинѣ, какъ типѣ цѣлаго поколѣнія. Если рядомъ съ Онѣгиннымъ поставить Чацкаго, то это одно объяснить, что содержаніе разочарованности было въ обществѣ гораздо серьезнѣе, чѣмъ сколько умѣлъ выразить Пушкинъ въ своемъ героѣ. Взятый какъ онъ есть, Онѣгинъ въ самомъ дѣлѣ даетъ невысокое понятіе о представляемомъ имъ поколѣніи; и если онъ совершенно вѣренъ, какъ частный типъ, то не все поколѣніе было таково, и обратившись къ двадцатымъ годамъ, о которыхъ здѣсь должна идти рѣчь, мы найдемъ цѣлый кругъ людей, которыхъ невозможно обвинить въ мелкомъ, балованномъ разочарованіи, и которыхъ напротивъ отличалъ искренній, благородный, хотя и мечтательный энтузіазмъ. Чтѣ же было въ основѣ этого энтузіазма, какъ не чувство народнаго блага и освобожденія?

¹⁾ Отсюда между прочимъ продолжительныя хлопоты нашей эстетической критики съ объясненіемъ этого „типа“.

Правда, въ сравненіи съ массой общества этотъ кругъ былъ не великъ; но это вовсе не причина забывать его въ исторіи общества—потому что онъ оставилъ за собой нравственное вліаніе; въ сожалѣнію, и до сихъ поръ, говоря о лучшихъ стремленіяхъ общества, мы должны понимать кругъ людей, все еще весьма не обширный. Но самая масса, конечно, никогда не страдала ни онѣгинскимъ, ни какимъ другимъ разочарованіемъ.

Истинная причина разочарованія, апатіи,—въ которыхъ Александръ видѣлъ казнь за оторванность отъ народа,—состояла вовсе не въ этой оторванности, а именно въ томъ, что для лучшихъ людей, горячо желавшихъ служить общественному и народному благу, въ существовавшихъ условіяхъ не представлялось никакой возможности осуществить своего желанія. Самое желаніе внушалось естественнымъ патріотическимъ чувствомъ, подъ вліаніемъ идей, развитыхъ европейскимъ образованіемъ, и причина разочарованія лежала именно въ сознаніи, что достиженіе цѣли невозможно, и отсюда слѣдовалъ разрывъ не съ народомъ, а съ существующими формами общественнаго быта и выросшими изъ нихъ нравами, съ бюрократическимъ и другимъ гнетомъ, которые не давали никакого исхода этимъ зарождавшимся стремленіямъ. Такъ (если ограничиться однимъ, довольно простымъ и яснымъ примѣромъ), давнишней цѣлью, къ которой стремилась мыслящая часть общества, было освобожденіе крестьянъ. Самая идея, истекавшая изъ желанія народнаго блага и чувства челоувѣческаго достоинства, развивалась безъ сомнѣнія подъ сильнѣйшимъ вліаніемъ освободительной философіи прошлаго столѣтія; эта идея не свидѣтельствовала о нравственной оторванности отъ народа, но въ концѣ концовъ легко могла привести къ разочарованію и апатіи,—потому что при условіяхъ, существовавшихъ до самаго нашего времени, служеніе этой идеѣ было неосуществимо. И гдѣ же были всѣ препятствія къ ея осуществленію? Конечно, въ господствовавшихъ учрежденіяхъ и созданныхъ ими нравахъ: съ ними и разрываетъ та часть общественнаго мнѣнія, которая представляла прогрессивное развитіе.

Приведенный примѣръ есть только одинъ частный случай изъ цѣлаго ряда подобныхъ противорѣчій. Это столкновение понятій, сообщенныхъ всѣмъ развитіемъ нашей образованности, съ данными формами жизни, и составляло причину разлада, напоминавшаго существованіе Онѣгиныхъ (въ указанномъ выше смыслѣ), Чацкихъ, «лишнихъ людей» и т. д. Въ этомъ смыслѣ разочарованіе, по нашему мнѣнію, могло бы овладѣть и славянофиломъ.

котораго дѣтельность, въ смыслѣ своихъ идей, также бы-
ва и бываетъ не весьма удобна...

«Но они относились къ народу все-таки свысока, они не
никались его началами, и ихъ представленія о народѣ, заня-
отъ Запада, были отвлеченныя, лишеныя живнннаго зна-
и»,—такъ могутъ возразить славянофилы. Нечего спорить,
въ частныхъ мнѣнiяхъ могли быть ошибки, какъ были онѣ
въ славянофильскомъ патріотизмѣ;—но если возраженіе сво-
ея къ вопросу, почему эти люди не были славянофилами, то
бтъ на это простой,—потому, что они иначе смотрѣли на ис-
ію, не имѣли охоты къ мистическимъ теорiямъ, считая ихъ без-
дными, и имѣли въ виду тѣ прямыя препятствiя народному раз-
ію, которыя были на лицо и оказывали вредъ въ самый настоящій
ментъ народной жизни. Они чувствовали (славянофилы это за-
и), что ихъ собственныя идеи были дѣломъ образованности, и по-
гу интересъ образованности стоялъ для нихъ на первомъ планѣ.
задаваясь отвлеченными системами, они думали, что какъ
и высшихъ, такъ и для низшихъ классовъ есть одинаковые об-
е интересы—извѣстное общественное освобожденіе и образо-
іе. Не принимая на себя рѣшать судьбы человѣчества чистыми
скими началами, они думали, что образованіе, состоящее въ
военіи научныхъ результатовъ, не только не можетъ стоять въ
омъ-нибудь противорѣчiи съ народной сущностью, но что оно
же совершенно необходимо для того, чтобы эта сущность могла
жнымъ образомъ опредѣлиться.

Самому критику «Московского Сборника» случилось встрѣ-
тъ и признать явленіе, которое не совѣмъ походило на его
орію. Въ своихъ обличенiяхъ петербургской литературы, Акса-
въ язвительно нападалъ на г. Тургенева, за его первыя сти-
творныя пьесы, и ставилъ его въ рядъ «пошлыхъ» (*ipso verba*
vsakova) «петербургскихъ литераторовъ». Но въ то самое время,
гда Аксаковъ печаталъ свои приговоры, явился «Хоръ и Ка-
пичъ», первый изъ «Разсказовъ Охотника». Аксаковъ замѣ-
лъ «превосходный» разсказъ и оговорилъ его въ особомъ при-
ѣчанiи: «Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу:
въ мигъ дается сила!.. онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся
къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хороше
го разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся
о все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ
твенныхъ и потому небывалыхъ состоянiяхъ души, этотъ
алантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, ко-

гда онъ заговорилъ о другомъ» и пр. ¹⁾. Сравнивается, могло совершиться подобное превращеніе, откуда могло явиться это «сочувствіе» къ народу у «петербургскаго литератора», всѣмъ отпѣтаго? Первые пьесы г. Тургенева могли быть именно, сколько извѣстно, въ промежутокъ между ними и «Землемъ Охотнива» съ авторомъ не произошедъ никакой метафоры,—онъ оставался и тогда, и послѣ, человѣкомъ того круга, тѣхъ же убѣждений, того же направленія, по мнѣнію Аксакова совершенно пустого, оторваннаго отъ народа: какимъ образомъ именно въ средѣ этого оторваннаго направленія могло явиться столь прекрасное сочувствіе къ народу, могло явиться такое произведеніе, приведшее въ такой восторгъ славянофильскій критикъ? Понятно, что одно «прикосновеніе къ народу» не могло дать таланта (оно никакъ не дало его многимъ и въ томъ числѣ многимъ славянофильскимъ писателямъ и поэтамъ, хвалявшимся за народъ): человѣкъ пустой, или съ прехватными идеями, обращаясь къ народу, конечно, и здѣсь обнаружилъ бы пустоту своихъ понятій,—какъ славянофильскій критикъ показывалъ на авторѣ «Сиротинки». Слѣдуетъ думать, что Аксаковъ не всѣмъ вѣрно понималъ осуждаемое имъ направленіе, что въ отдѣльных недостаткахъ его писателей онъ не видѣлъ его постоянныхъ возрѣній, его отношенія къ народу, и т. д. Славянофильскому критику трудно было сознаться, что возможность углубленія и вѣрнаго изображенія народной жизни существуетъ и въ славянофильской школѣ, въ томъ самомъ направленіи, которое казалось этой школѣ безнадежно ложнымъ, вреднымъ, отсутствующимъ...

Литературныя мнѣнія Хомякова въ своей сущности сливаются съ тѣмъ, что мы видимъ у Кирѣевскаго и Аксакова; онъ встаетъ на тѣхъ же главныхъ темахъ, это—ложность господствующихъ литературно-общественныхъ взглядовъ, безсмысленность просвѣщенія, оторваннаго отъ народа, необходимость общаго ства съ народомъ и народной точки зрѣнія. Было бы слишкомъ длинно собирать въ одно цѣлое эти мнѣнія, разбросанныя въ различныхъ статьяхъ Хомякова, печатанныхъ въ «Москвитинѣ» и «Московскихъ Сборникахъ», потомъ въ «Бесѣдѣ» и др., тѣмъ болѣе, что Хомяковъ, писатель безъ сомнѣнія остроумный и съ обширной образованностью, въ своихъ разсужденіяхъ любилъ трактовать de omni re scibili, и его отдѣльныя мнѣнія трудно

¹⁾ „Моск. Сборн.“ 1847, Крит., стр. 88—89.

вратъ изъ цѣлой связи его рѣчи ¹⁾. Онъ постоянно возвра-
 щается къ одной темѣ, съ новыми подробностями, съ различ-
 ныхъ сторонъ; избѣгая положительнаго, догматическаго изложе-
 ния (кромя его теологическихъ статей), касается всевозможныхъ
 сторонъ, бросаетъ мысли, задаетъ вопросы и т. д. Мнѣнія
 Хомякова были въ особенности парадоксальны, и иногда онъ ста-
 вилъ въ затрудненіе самую школу, — какъ, напр., въ своихъ воз-
 званіяхъ на мнѣнія Кирѣевскаго о древней Руси.

Хомяковъ вообще обвиняетъ нашу образованность въ недо-
 статкѣ національнаго сознанія, безъ котораго она и не имѣетъ
 цѣли. Западная образованность, перешедши къ намъ, отторгалась
 отъ жизни, которая ее произвела, и съ другой стороны не имѣла
 корней и у насъ. «Въ такомъ-то видѣ представлялось до сихъ
 поръ у насъ просвѣщеніе и общество, принявшее его въ себя;
 оно носило на себѣ какой-то характеръ колониальный, харак-
 теръ безжизненнаго сиротства, въ которомъ всѣ лучшія требо-
 ванія души невольнo уступаютъ мѣсто эгоистическому самодо-
 мству и эгоистической расчелливости». Наше отношеніе къ
 Западу есть робкое поклоненіе; мы «добродушно признаемъ про-
 свѣщеніемъ всякое явленіе западнаго міра, всякую новую си-
 стему и отгнoвъ системы... всякій плодъ досуга нѣмецкихъ
 философовъ и французскихъ портныхъ», не осмѣливаемся даже
 робко спросить у Запада: все ли то правда, что онъ говоритъ,
 и все ли прекрасно, что онъ дѣлаетъ? Мнѣніе иностранцевъ о
 Россіи опредѣляется именно собственнымъ нашимъ преклоненіемъ
 передъ ними: «Наша сила внушаетъ зависть; собственное призна-
 ніе въ нашемъ духовномъ и умственномъ безсиліи лишаетъ насъ
 уваженія, — вотъ причина всѣхъ отзывовъ Запада о насъ».

Эти и подобныя разсужденія славянофиловъ вообще сильно
 преувеличены. Они могутъ быть вѣрны развѣ только относительно
 той части высшаго барства, о которой мы упоминали, которая,
 получая французское воспитаніе и пользуясь большими готовыми

¹⁾ Одинъ современникъ, давно знавшій Хомякова, отдавая должную похвалу его
 благородному и кроткому характеру, замѣчаетъ: ... »Хомяковъ былъ неумолимый (въ-
 роитно, неумолимый) спорщикъ, какихъ трудно найти. Не было предмета, о чемъ бы
 не вступалъ онъ въ словопрвеніе и, при необыкновенной памяти, будучи чрезвычайно
 начитанъ, всегда имѣлъ верхъ во всякомъ спорѣ (авторъ рассказываетъ о временахъ
 турецкой войны, 1828 г., когда Хомяковъ служилъ въ военной службѣ, гусаромъ, и
 когда они встрѣчались въ обществѣ военныхъ). Такъ велико было его искусство въ
 диалектикѣ, что одинъ и тотъ же предметъ могъ онъ защищать съ двухъ противосто-
 яющихъ сторонъ, и бѣлое дѣлалось у него чернымъ, а черное — бѣлымъ. (Знаком-
 ства съ русскими поэтами, Кіевъ, 1871, стр. 15).



доходами, дѣйствительно отрывалась отъ народа и поклонялась французскимъ портнымъ. Но противъ этихъ людей направлено было, конечно, тратить аргументы. Въ остальной части общества поклоненіе Западу едва ли имѣло такіе размѣры, тѣмъ болѣе, что громадное большинство такъ-называемаго общества и до сихъ поръ состояло изъ людей, «нѣсколько беззаботныхъ на счетъ литературы». Но что въ людяхъ, болѣе заботившихся о литературѣ, западная образованность, научная и практическая, поселяла къ себѣ уваженіе, это было совершенно естественно и смотрѣть на нее свысока едва ли прилично было бы людямъ или народу, которые еще не успѣли оказать ей дѣйствительнаго соперничества. Для иностранцевъ «собственное признаніе» намъ было бы пожалуй и вовсе не нужно: они и безъ него могли достаточно судить о нашихъ духовныхъ и умственныхъ силахъ. Причина отзывать Западу о насъ заключалась конечно въ томъ, что онъ (въ одну эпоху) опасался нашей силы, его тѣснила и въ томъ, что онъ видѣлъ у насъ только ограниченную степень образованности; но Хомяковъ забылъ еще одно обстоятельство, не внушавшее къ намъ особеннаго уваженія: Западу видѣлъ насъ общество мало развитое въ гражданскомъ отношеніи...

Славянофиламъ казалось, что стоить нашему обществу, «пишущимъ и не-пишущимъ литераторамъ», принять къ себѣ чуждыя ими народныя начала, и все будетъ приобретено, и самостоятельная мысль, и роль въ человѣчествѣ, и уваженіе иностранцевъ, и т. д. Скоро сказка сказывается, но умственная самостоятельность достигается не такъ легко: чтобы стать независимо отъ западной цивилизаціи и выше ея, чтобы «подчинить западное просвѣщеніе нашимъ началамъ», какъ требовалъ Карѣвскій, — нужно сначала приобрести необходимую силу, воспринять и переработать содержаніе западнаго просвѣщенія, внести въ него собственные вклады. А это не такъ просто; въ перепутьи нельзя раздѣлаться съ многовѣковымъ развитіемъ; и самый благородный, впрочемъ, патріотическій энтузіазмъ не мѣняетъ умственной работы; легко сказать — «подчинить» западное просвѣщеніе, — но если оно не захочетъ подчиниться? Сила государства заставляла славянофиловъ думать, что это возможно, что они сами въ силахъ совершить эту задачу, — но чувствуемъ не рѣшается вопросъ науки, который и есть вопросъ просвѣщенія.

Хомяковъ, вѣроятно наиболѣе самонадѣянный изъ славянофильскихъ писателей, думалъ, что уже настоящее время (сороковые года) должно бы быть временемъ нашей самостоятельности. Онъ даже указываетъ задачи науки, которыя мы могли бы рѣ-

ль лучше других народовъ,—напримѣръ, въ исторіи. Исто-
 зъ всегда зависитъ отъ самой жизни народа, которому при-
 лежитъ; оттого въ понятіяхъ національнаго историка является
 бходимая односторонность, какъ слѣдствіе особеннаго склада
 ональныхъ возрѣній. Сдѣланное однимъ народомъ допол-
 гся и улучшается другимъ, и мы въ особенности могли и
 кны были пополнить труды нашихъ европейскихъ братьевъ:
 зъ возможно даже, чѣмъ западнымъ писателямъ (по крайней
 ѣ по части историческихъ наукъ) обобщеніе вопросовъ, вы-
 и изъ частныхъ изслѣдованій и живое пониманіе минувшихъ
 стій». Но мы, по умственной гѣни и непониманію нашей соб-
 венной національной высоты, до сихъ поръ еще не уразумѣли
 и своей задачи. И Хомяковъ приводитъ образчики вопросовъ
 ихъ рѣшенія, которое могло бы быть нами сдѣлано. «Я не скажу,
 рѣшили ли мы, но подняли ли хоть одинъ изъ тѣхъ вопро-
 зъ, которыми полна судьба человѣчества? Догадались ли мы,
 до сихъ поръ исторія не представляетъ ничего кромѣ хаоса
 жществій, связанныхъ кое-какъ на живую нитку непонятною
 чайностью? Поняли ли мы, или хоть намекнули, что такое на-
 гъ—единственный и постоянный дѣйствитель исторіи... Са-
 я важныя явленія въ жизни человѣчества и великихъ народовъ,
 явившихъ его судьбами, остались незамѣченными. Такъ, напр.,
 тива историческая не замѣтила, что при переходѣ просвѣ-
 нія съ Востока на Западъ, не все было чистымъ барышомъ,
 то несмотря на великія усовершенствованія въ искусствѣ, въ
 уствѣ и въ народномъ бытѣ—многое утратилось, или обмелѣло въ мы-
 ихъ и познаніяхъ человѣческихъ, особенно при переходѣ изъ Эл-
 цы въ Римъ и отъ Рима въ романизованнымъ племенамъ Запада.
 въ не обратили еще вниманія на разноначальность просвѣщенія
 древней Элладѣ... Такъ, раздѣленіе имперіи на двѣ половины,
 е появляющееся въ Дуумвиратѣ (мнимомъ триумвиратѣ) послѣ
 рваго кесаря, потомъ яснѣе выразившееся послѣ Діоклетьяна
 при преимуществахъ Константина, и оставившее неизгладимыя
 рты въ духовной исторіи человѣчества отдѣленіемъ Востока отъ
 шада, является постоянно дѣломъ грубой случайности, между
 мъ какъ, очевидно, оно происходило отъ древнихъ началъ (отъ
 зницы между просвѣщеніемъ эллинскимъ и римскимъ) и было
 избѣжнымъ и великимъ ихъ послѣдствіемъ...», и проч. ¹⁾. Вотъ
 вный рядъ задачъ, будто бы нетронутыхъ западной наукой, и
 которыя мы должны были отвѣчать. Къ сожалѣнію, требова-

¹⁾ Сочин. Хомякова I, стр. 38—39.

тельный судья западной науки ошибался относительно его положенія. Могло быть, что упомянутые историческіе недосмотры онъ нашелъ въ какомъ-нибудь устарѣломъ учебникѣ, но приписывать ихъ цѣлой европейской наукѣ была чистая напраслиха. Въ отвѣтъ Хомякову уже было указано, что мнимыя задачи, втронутыя западной наукой, составляютъ въ ней вещь очень извѣстную, другія—давно стали общимъ мѣстомъ, напримѣръ, что понятіе о народѣ, какъ живомъ лицѣ, представляющемъ въ своей жизни развитіе какого-нибудь нравственнаго и умственнаго начала, повторялось безпрестанно со временъ Гегеля; что съ тѣхъ поръ, какъ стали изучать греческихъ классиковъ, всѣмъ извѣстно, что греки въ наукѣ и поэзіи были выше римлянъ, что Гомеръ выше Вергилія и т. п., а то, что латинскіе классики выше средневѣковыхъ писателей, было извѣстно даже въ средніе вѣка; что раздѣленіе римской имперіи на восточную и западную давно объяснялось различіемъ греческой и римской цивилизаціи, и т. д.¹⁾ Такъ легко брались вожди славянофильства за преобразование западной науки, — и такъ легко было надѣлать здѣсь грубыя ошибки.

Въ другой статьѣ, перебирая тѣ же вѣчные вопросы, Хомяковъ высказываетъ увѣренность во всемірномъ призваніи русскои земли, но замѣчаетъ, что вопросъ—какъ она можетъ исполнить это призваніе и какіе органы можетъ найти для этого теперь въ частной дѣятельности—что этотъ вопросъ порождаетъ невольное и справедливое сомнѣніе. Сомнѣніе возбуждалось въ немъ положеніемъ русскаго общества, слишкомъ забывшаго свою національную сущность, и потому немогущаго дѣйствовать въ истинно-народномъ духѣ. «Только тотъ можетъ выразить для другихъ свои начала духовныя,—говоритъ Хомяковъ,—кто ихъ уразумѣлъ для самого себя; только стройный и цѣльный организмъ духовный можетъ передать крѣпость и стройность другимъ организмамъ, разслабленнымъ и разъединеннымъ. Мысль и жизнь народная можетъ быть выражена и проявлена только тѣмъ, кто вполне живетъ и мыслитъ этою мыслию и жизнію. Таковы ли мы съ нашимъ просвѣщеніемъ?» И Хомяковъ объясняетъ необходимость согласія двухъ силъ, составляющихъ правильное и разумное движеніе общества: силы жизни, принадлежащей всему составу общества и его прошедшему, и разумной силы личностей, которая не можетъ ничего создать сама, но постоянно присутствуетъ общему развитію и не даетъ ему впадать въ мертвую одно-

¹⁾ „Современникъ“, 1856, № 6, крит., стр. 6—7.

свободность. Обѣ стороны необходимы; но вторая должна быть связана съ первой живую и любящую вѣрою. Иначе—слѣдуетъ разрывъ и борьба.

Это — связь историческаго преданія, бытоваго обычая, и разумной свободы личности. Хомяковъ находилъ ихъ правильное согласіе въ древнѣйшей Руси; свобода личности не была стѣснена и связывалась съ силой жизни; стихія народная не враждовала въ обще-человѣческой (киевскія и новгородскія связи съ Западомъ, существованіе поэзіи, искусствъ и т. п.). Иное положеніе вещей начинается позднѣе; кажется, съ Флорентинскаго собора возникаетъ подозрительность и вражда къ западной мысли. «Борьба 1612 года была не только борьбою государственною и политическою, но и борьбою духовною. Европеизмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истиною, являлся въ Россіи въ образѣ польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношеніи они не заслуживали уваженія: *иначе и быть не могло*. Нравственно-низкія души легче другихъ отрываются отъ святыни народной жизни...» Но ихъ направленіе было не совсѣмъ неправое: это было «требованіе мысли, возстающей противъ стѣснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мѣстныхъ». Представителемъ этого требованія явился потомъ Петръ. Его направленіе «не было совершенно неправое»¹⁾, но оно сдѣлалось неправымъ въ своемъ торжествѣ. «Нечего говорить, что всѣ Котошихины, Хворостинины и Салтыковы (то-есть нравственно-низкія души) бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они могли, такъ-сказать, расплясаться въ русскій посты: та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра, увлекла многихъ и *лучшихъ*; окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ». Таеъ произошло разрывъ, о которомъ сказано выше. Хомяковъ сравниваетъ этотъ разрывъ съ подобнымъ разрывомъ преданія и личности въ Англіи, съ тою разницей, что у насъ этотъ разрывъ произошелъ вслѣдствіе «историческихъ случайностей», а въ Англіи отъ неполноты и ложности ея духовныхъ законовъ.

Отношеніе воспитаннаго Петромъ общества къ народу Хомяковъ изображаетъ чертами не менѣе рѣзкими, чѣмъ Аксаковъ. «Отрицаніе *всего* русскаго, отъ названій до обычаевъ, отъ ме-

¹⁾ По К. Аксакову, оно было совершенно неправое, потому что было «наизвоной».

лочныхъ подробностей одежды до существенныхъ основъ жизни — доходило (въ новѣйшемъ періодѣ нашей исторіи) до крайнихъ предѣловъ возможности. Въ немъ проявлялась какая-то страсть, какая-то комическая восторженность, обличающая въ одно время величайшую умственную скудость и совершеннѣйшее самодовольствіе. Конечно, эти крайности, повидимому, принадлежать болѣе первому періоду нашей европеизаціи, чѣмъ послѣднему; но послѣдній, при болѣешемъ безстрастіи, заключаетъ въ себѣ болѣе презрѣніе и полнѣйшее отрицаніе *«сею народнаго»*¹⁾. Это обнаруживается именно въ отверженіи обычая. Значеніе обычая не довольно оцѣнено. «Обычай есть законъ; но онъ отличается отъ закона тѣмъ, что законъ является чѣмъ-то внѣшнимъ, случайно примѣшивающимся къ жизни, а обычай является силою внутреннею, проникающею во всю жизнь народа, въ совѣсть и мысль всѣхъ его членовъ», и т. д.²⁾. Петръ убивалъ обычай, и мы отвергаемъ и не понимаемъ ихъ.

Такимъ образомъ, «сила жизни» (или сила преданія, обычая) и «разумная сила личности» составляютъ историческое движеніе; достоинство этого движенія опредѣляется отношеніемъ этихъ силъ. Самъ Хомяковъ, при всей склонности къ преданію, находитъ требованіе личности несомнѣнъ неправымъ, объясняя, что требованіе личности было требованіе разумной мысли, стѣсненной деспотизмомъ обычая и мѣстныхъ стихій. Рядомъ съ этимъ онъ уже готовъ съ обвиненіемъ, что всего скорѣе отрываются отъ преданія «нравственно-низкія души», — хотя вслѣдъ затѣмъ оказывается, что при Петрѣ «доля правды» увлекала и «лучшихъ» людей. Это опять — безконечный споръ о реформѣ.

Но гдѣ же мѣрка отношеній преданія и разума, чѣмъ опредѣляется «доля правды», и каковымъ образомъ нашъ разрывъ преданія и разумной мысли совершился вслѣдствіе «историческихъ случайностей»? Никакой случайности не было въ фактѣ реформы, который составляетъ главнѣйшее основаніе этого разрыва. Реформа, безъ сомнѣнія, имѣла свои преувеличенія и непривлекательныя крайности, но «доля правды», въ ней заключавшаяся, была очень значительна: только это и дало успѣхъ дѣлу. Б. Аксаковъ прямо понималъ реформу какъ переворотъ, какъ революцію, и это было справедливо. Этотъ характеръ явленія казался Аксакову его осужденіемъ, какъ и Хомякову; но хотя переворотъ, революція не могутъ назваться спокойнымъ развитіемъ

1) Сочин., I, стр. 152—156.

2) Тамъ же, стр. 164.

жизни, они явились однако не делаются оттого случайностью и произволомъ лица (какъ Петръ) или общества. Въ теченіе развитія, переворотъ имѣетъ также свое мѣсто, но только какъ быстрый крайній порывъ, вынуждаемый противоположной крайностью и застоємъ предшествующаго періода. Какъ насильственный переворотъ, реформа не обошлась безъ крайностей, но для правильнаго историческаго пониманія явленія надо предположить, что основаніе ихъ было въ свойствахъ быта времянъ московскихъ, какъ это дѣйствительно и было. На эту тему уже давно предствлено было немало объясненій. Въ свое время, и сами славянофилы соглашались ¹⁾, что въ обвиненіяхъ противъ реформы многое относилось собственно не въ ней, а къ ея дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, — послѣдствія часто были злохи: движеніе, данное Петромъ, замедлилось; дѣятельность послѣдователей была ограничена, посредственна, — и въ этомъ замедленіи и ограниченности не связывалась ли именно реакція старой умственной лѣни и московскаго застоя?

Особеннымъ, нагляднымъ признакомъ внутренняго разрыва въ русской жизни Хомяковъ считаетъ упадокъ обычая и приводитъ въ образецъ Англію, общественная жизнь которой такъ сильна благодаря этой вѣрности силѣ обычая, «внутренняго закона». Хомяковъ съ прискорбіемъ говоритъ объ «убитыхъ» обычаяхъ, — какъ-будто въ самомъ дѣлѣ петровская реформа была одно безсмысленное истребленіе старыхъ обычаевъ. Обычай по неизбежному закону падали и смѣнялись другими въ теченіе всей исторіи: обычай язвчества смѣнялся обычаями полу-языческими, двоевѣрными, наконецъ, болѣе христіанскими; обычай патріархальной непосредственности смѣнялся обычаями болѣе сложнаго позднѣйшаго быта; обычай древнѣйшей Руси смѣнялся обычаями московскими, и исторія записала насильственное водвореніе этихъ послѣднихъ въ другихъ краяхъ Руси, — такъ что еще можно было бы спросить, — когда народный обычай потерялъ больше: во времена ли московской централизаціи, или во времена Петра? Обычай бываютъ разнаго смысла и важности, — обычай самоуправленія важнѣе обычая «березли» на Троицынъ день, — и эпоха московская едва-ли не больше истребила обычаевъ старой народной самобытности и свободы, чѣмъ эпоха Петра. Таково было паденіе обычаевъ вѣчевыхъ, отъ которыхъ земскія думы остались только слабымъ отголоскомъ. Сравненіе съ Англіей въ этомъ случаѣ едва-ли справедливо:

¹⁾ Статья М... З... К..., въ „Москвитини“.

Англія сильна была именно тѣмъ, что вѣдѣтъ со многими странными бытовыми обычаями, сберегала и обычан политической свободы, которые и послужили для нея гарантіей противъ деспотизма власти; у насъ, обычан подобнаго рода исчезли, кажется совсѣмъ еще до Петра. Противнаго славянофилы еще не доказали ¹⁾. Въ нашей старинѣ Петръ уже нашелъ готовой ту силу центральной власти, которая дала ему возможность исполнить свои планы...

Въ послѣднія десятилѣтія, и съ сороковыхъ годовъ особенно, началось у насъ болѣе внимательное изученіе народности и старинны. Это изученіе, развивавшееся естественно и постоянно пріобрѣтавшее болыпе и болыпе научной правильности и точности, могло служить пріятнымъ признакомъ сознательнаго обращенія и интереса къ народу. Но Хомякову и это не нравится. «Правда, — говоритъ онъ, — съ нѣкотораго времени многіе стали хлопотать о томъ, чтобы собрать и обнародовать обычан народныя. Такія собранія представляютъ для времени грядущихъ любопытное печатное кладбище убитыхъ обычаевъ. Очевидно (?), это ученая прихоть, нисколько не свидѣтельствующая объ уваженіи. Конечно, неуваженіе можетъ оправдываться совершеннымъ невѣдѣніемъ; но, съ другой стороны, совершенное невѣдѣніе не могло бы существовать безъ совершеннаго неуваженія»... ²⁾ Съ славянофильской точки зрѣнія желалось вѣроятно непосредственное возстановленіе обычая, сантиментальное подчиненіе ему, а не эта этнографическая и историческая критика. Хомяковъ самъ такъ и дѣлалъ; онъ хотѣлъ тотчасъ и непосредственно слиться съ народомъ—соблюденіемъ обычая: онъ, говорить, строго соблюдалъ посты, надѣлъ кафтанъ и мурмолу. Не трудно видѣть, что этими средствами Хомяковъ мало помогать народному дѣлу...

Въ славянофильской критикѣ современнаго характера нашей образованности, у Хомякова, какъ и другихъ, оставалось ясно одно, весьма существенное обстоятельство. Это—ихъ отношеніе къ официальной народности. Они были недовольны современной образованностью, разрывомъ съ народными началами; но чего собственно они хотѣли? Чѣмъ думали исправить неправильнаго имъ отношеніе общества къ народу? Въ чемъ видѣли

¹⁾ Ссылка Хомякова на Англію въ наше время все болыпе и болыпе теряетъ силу, потому что и здѣсь сила времени все болыпе и болыпе стѣсняетъ область стараго обычая. Такъ, напр., начинаютъ падать исключительныя права Оксфорда и Кембриджа, которыми Хомяковъ такъ восхищается.

²⁾ Стр. 166.

практическую помощь своимъ желаніямъ? Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что ихъ мнѣній нельзя смѣшивать съ казеннымъ, такъ сказать, патриотизмомъ извѣстнаго разряда писателей и съ официальной народностью, но тѣмъ не менѣе трудно сказать, въ какихъ именно сторонахъ тогдашней жизни относилось ихъ недовольство, и черезъ кого должны были дѣйствовать впредь внушаемыя ими начала. Среди своего недовольства они были въ извѣстнаго рода союзѣ съ писателями «Москвитянина» и въ борьбѣ съ противниками, представлявшими либеральное направленіе, насколько оно было тогда возможно. Ихъ указанія на свою программу оставались слишкомъ общи и неопредѣленны. Въ самыхъ основаніяхъ ихъ теоріи было уже неисполнимое требованіе — отказаться, въ одно прекрасное утро, отъ «разсудочной» образованности и подчинить ее извѣстному догматическому условію. Въ общественномъ вопросѣ было поставлено ими столь же мудреное требованіе — повидимому, нужно было, чтобы общество (или государство?), измѣнившее землѣ, въ одно прекрасное утро, возвратилось къ древнимъ началамъ жизни и основало свое устройство на одной «любви». Когда это начало «любви», какъ основы государства, было проповѣдуемо славянофилами, Хомяковъ кажется серьезно огорчился, что противники не оказали должнаго вниманія этой идеѣ ¹⁾, и нашли въ ней нѣчто такъ-сказать пастушеское и наивно-мечтательное. Дѣйствительно, нельзя было сказать много о политической теоріи «любви», «свободы въ единствѣ» и «единства въ свободѣ». Если бы даже согласиться съ тѣмъ, что таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ принципъ древней русской жизни, то онъ уже давно уступилъ свое мѣсто другимъ, менѣе нѣжнымъ политическимъ принципамъ, и въ настоящее время, — какъ это ни прискорбно, — можетъ быть справедливо отнесенъ въ область пасторальной поэзіи. Замѣтимъ, что славянофилы старательно отдѣляли свой принципъ любви отъ того движенія, которое начинаютъ появляться въ нашемъ обществѣ, какъ интересъ въ народному быту и ясная (хотя высказываемая только отдаленными намеками) мысль о необходимости освобожденія крестьянъ. Этотъ интересъ, — который обнаруживался въ противномъ имъ лагерѣ, они считали только модой (какъ начавшееся изученіе народнаго быта ученой прихотью), потому что подозрѣвали въ немъ иностранное происхожденіе, слѣдствіе вліянія западной образованности. Это дѣйствительно не была идиллическая любовь или мистическое чувство, а начинавшееся реальное пони-

¹⁾ Стр. 159 и слѣд.

маіе общественной справедливости и необходимости государственной...

Къ кому же именно должно было относиться это требованіе любви? Повидимому, требованіе обращалось главнымъ образомъ къ обществу, къ образованнымъ классамъ. Но что же могло бы сдѣлать наше общество? Заявить свою любовь къ народу такъ, какъ это дѣлалъ Хомяковъ въ своей «наружности» и «домашникъ отношеніяхъ»? Противники не сочли этого дѣломъ серьезнымъ, — и это раздражало Хомякова до неблагоприятной грани, (стр. 173), — но въ сожалѣнію нельзя и теперь не видѣть, что сохраненіе внѣшней обрядности и маскарадное переодѣванье нѣсколькихъ лицъ въ русское платье, было бы очень жалкимъ оружіемъ въ пользу народа ¹⁾, — это и хотѣли сказать тѣ «печатныя нападенія» (на мурملку и кафтанъ), на которыя сердится Хомяковъ. Можно ли было сдѣлать что-нибудь серьезное подобнымъ средствомъ? Сомнительно. Самое переодѣванье доставалось не совсѣмъ просто.

Противники славянофиловъ, нераздѣлявшіе вовсе ихъ философско-религіозныхъ воззрѣній, столь же мало раздѣляли ихъ общественныхъ воззрѣній. Интересъ въ народу былъ у тѣхъ и другихъ; но онъ былъ различенъ по всему своему характеру. Въ-сто чувства здѣсь преобладала «разсудочная мысль», и эта мысль довольно скоро пришла къ тому понятію, что для удовлетворенія этому интересу должно не отказываться отъ образованности, а расширять ее, не налагать на себя аскетическаго (и безплоднаго) самоотрицанія, а бороться съ тѣми практически дѣйствовавшими условіями, которыя дѣлаютъ состояніе народа приниженнымъ и самый народъ безсильнымъ. Не обольщаясь надеждами на мистическое возрожденіе государства въ смыслѣ древнихъ началъ, они видѣли, что въ государствѣ немислима пасторальная поэзія и что лучшее будущее возможно только съ измѣненіемъ извѣстныхъ нравовъ и учреждений, словомъ, съ политическимъ развитіемъ самого общества. Такъ одной изъ ближайшихъ цѣлей было для нихъ освобожденіе крестьянъ, какъ первый шагъ политической самостоятельности. Только при извѣстныхъ учрежденіяхъ, извѣстныхъ общественныхъ правахъ, если угодно, гарантіяхъ, возможно то возвышеніе народа, котораго славянофилы хотѣли достигать проповѣдью чувства. Еслибы когда-нибудь достигнута была цѣль

¹⁾ Не всѣ и славянофилы могли, напр., переодѣться; это было возможно для людей независимыхъ; но если бы человекъ, находящійся на службѣ, явился въ русскомъ платьѣ въ какую-нибудь канцелярію или министерство, его, конечно, просто исключили бы изъ службы, и т. п.

славянофильства, государство въ древне-русскихъ формахъ—проникши славянофильства находили въ этомъ очень мало привлекательную перспективу, потому что древне-русскій порядокъ вещей именно и былъ, по ихъ мнѣнію, тѣмъ основаніемъ, изъ котораго произошло безправіе и беззаконіе общества и народа; дурныя и слабыя стороны настоящаго и были, по ихъ мнѣнію, результатомъ древне-русскаго порядка, продолжающаго дониндѣ свое плініе... Самый древне-русскій порядокъ, восхваляемый славянофилами, былъ по ихъ мнѣнію скорѣе специально-московскій, гдѣ русская стихія была, во-первыхъ, представлена неполно, а во-вторыхъ, къ ней примѣшаны были элементы татарскіе и византійскіе... Затѣмъ, для нихъ представлялъ уже мало интереса вопросъ о томъ, что перешло бы отъ народа въ общество въ то время, когда народъ будетъ свободенъ и въ состояніи будетъ занять свои стремленія. Это былъ гадательный вопросъ будущаго.

Легко было сказать Хомякову:... «всемирное развитіе исторіи, судивъ неполныя и одностороннія начала, которыми она управлялась до сихъ поръ, *требуетъ* отъ нашей Святой Руси, чтобы она выразила тѣ болѣе полныя и всестороннія начала, изъ которыхъ она выросла и на которыя она опирается» (стр. 169)—но казая выходила въ этихъ словахъ печальная иронія!

Историческую оцѣнку славянофильства сороковыхъ и первыхъ пятидесятихъ годовъ трудно отдѣлать отъ его современной дѣятельности: эти періоды еще очень близки, до сихъ поръ продолжаютъ дѣйствовать люди, принадлежавшіе къ первоначальному славянофильскому кружку, но съ другой стороны, нѣкоторые изъ главныхъ вожаковъ шлолы уже кончили свое поприще, и первый періодъ дѣятельности славянофиловъ, нами разсматриваемый, имѣетъ характеръ приготовительнаго разъясненія общихъ началъ,—которыя вотомъ стали примѣняться ближе къ практической дѣятельности.

Итакъ, разсматривая славянофильство перваго періода въ общемъ его смыслѣ, мы не колеблясь скажемъ, что оно имѣло свою большую историческую заслугу въ развитіи русскаго общества. Родившись подъ несомнѣнными и сильными вліяніями романтическихъ стремленій, оно сохранило—въ сущности до сихъ поръ—этотъ романтическій, идеальный, мало-приложимый къ жизни характеръ; но оно съ такимъ упорствомъ настаивало на своемъ идеалѣ, такъ искренно въ него вѣрило, такъ горячо его защищало, что успѣло дать ему силу въ литературѣ и мнѣніяхъ общества. Этимъ идеаломъ былъ народъ, и здѣсь было основаніе

ихъ силы. Не совѣтъ вѣрно, но очень сильно оно затрѣгивало чувствительную струну времени: Славянофильское пониманіе народа было преувеличенное, но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оно было заслугой; со стороны славянофиловъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно смѣлымъ дѣломъ указывать въ народѣ единственный критеріумъ государственной и общественной жизни, придавать ему такое значеніе, о которомъ не понимала господствовавшая официальная народность, возвышать и превозносить этотъ «черный» народъ тогда, когда надъ нимъ еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства, чиновничества и почти всего, что стояло надъ низшими классами, когда считалось, что онъ годится только служить рабочей силой и толпой для парадныхъ нравствъ официальной жизни. Славянофилы указывали обществу его оторванность отъ народа, ничтожество его въ этомъ раздѣленіи отъ истиннаго основанія національной жизни, на необходимость союза, который одинъ дастъ обществу нравственную силу и дастъ его образованію дѣйствительную плодотворность. Славянофилы указывали исторической наукѣ мало тронутую его задачу — раскрыть внутреннія основы народнаго характера, которыя одни могутъ пролить истинный свѣтъ на историческую судьбу народа и государства.

Эти стороны славянофильскаго ученія составляютъ лучшую и достойную уваженія его заслуку. Его положительныя, догматическія истолкованія народности очень чисто были ошибочны, — самое основаніе ихъ системы, теологическій принципъ, поставлено было исключительно и невѣрно; но за этими ошибками осталось сильное нравственное впечатлѣніе, возбужденіе чувства.

Заслуга не была поэтому такъ универсальна, какъ утверждаютъ ихъ послѣдователи и почитатели. Интересъ къ народности — въ различныхъ отношеніяхъ — не былъ исключительной принадлежностью ихъ плеомы, и издавна развивался въ литературѣ. Славянофилы съ своей стороны усилили его своимъ восторженнымъ чувствомъ, сдѣлали довольно много частныхъ размышленій, — но вовсе не были такими преобразователями нашей внутренней жизни, какъ имъ самимъ казалось и какъ утверждаютъ ихъ новѣйшіе ученики:

Мы видѣли, въ одной изъ предыдущихъ главъ, что въ исторической и этнографической наукѣ народный интересъ былъ тѣсно связанъ съ предыдущими изученіями и составлялъ ихъ естественное развитіе и продолженіе. Славянофилы работали здѣсь на ряду съ другими, и именно на ряду съ писателями враждебной имъ школы. Въ историческомъ изученіи они имѣли ту заслуку, что

убѣрили исключительность историковъ государственности и не- мало способствовали объясненію народной стороны историческихъ событій. Но цѣлая историческая теорія ихъ не была, и, вѣроятно, никогда не будетъ принята ни наукой, ни мнѣніями общества. Въ изученіи народнаго быта, старины, народной поэзіи они также сдѣлали многое въ изученіи матеріала и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ, но задумавъ примѣнять къ этнографическимъ фактамъ, и на примѣръ къ объясненію древней народной повѣи, свой методъ идеалистическихъ истолкованій, они впадали въ ошибки, исправлять которыя приходилось ихъ противникамъ, — тѣмъ самымъ, кого они осуждали за подчиненіе «нѣмецкой наукѣ».

Въ литературѣ художественной, движеніе въ смыслѣ народности совершалось опять независимо отъ славянофильства и еще до его возникновенія. Этотъ интересъ къ народному не имѣлъ въ себѣ ничего романтическаго и, напротивъ, отличался несомнѣннымъ стремленіемъ къ реальному изображенію дѣйствительности и тѣмъ пріобрѣлъ, наконецъ, яркій общественный смыслъ. Таковы были произведенія Гоголя. «Ревизоръ», «Повѣсти», «Мертвыя Души» не имѣли въ себѣ тѣни славянофильской тенденціи, и напротивъ, когда Гоголь въ послѣдствіи сблизился съ представителями школы и, кажется, съ ея идеями, онъ отрешился отъ своихъ прежнихъ сочиненій. Выше было указано, какъ г. Тургеневъ, писатель вовсе не славянофильской школы, привелъ въ восторгъ К. Аксакова, который только-что успѣлъ произнести надъ нимъ уничтожающій приговоръ. Славянофильскія тенденціи, напротивъ, до сихъ поръ не проявили ни одного писателя, который бы получилъ вліятельное значеніе въ литературѣ, далъ ей новое направленіе и т. п. ¹⁾

Общественныя воззрѣнія славянофиловъ, въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, высказывались почти только общими заявленіями о ложности нашего образованія и необходимости связи съ народомъ. Въ своей личной жизни они старались объ этой связи, раздѣляли народное благочестіе и входили въ его интересы (споры Хомякова съ раскольниками, благочестіе Ивана Кирѣевскаго), уважали обычаи (Хомяковъ, К. Аксаковъ и др. надѣли народный костюмъ), были горячими поклонниками Москвы (предполагая, что въ ней заключенъ маладіумъ прошедшаго и будущаго Россіи), относились съ величайшимъ уваженіемъ къ

¹⁾ Славянофилы придавали великое, господствующее значеніе произведеніямъ С. Т. Аксакова. Онъ, конечно, замѣчательно талантливъ, — но, посвященный воспоминаніямъ, имѣющъ свое спеціальное значеніе. До сихъ поръ онъ и дѣйствительно остается одинокимъ явленіемъ.

произведеніямъ народной мысли и поэзіи (таковы труды и страствованія Петра Кирѣевскаго для собранія пѣсенъ); они извѣстны были какъ противники крѣпостного права, съ тѣхъ поръ еще были приверженцами сельской общины, и т. д. Славянофильская тенденція имѣла, безъ сомнѣнія, высокую нравственную цѣну относительно массы общества, какъ стараніе пробудить въ немъ какое-нибудь нравственное сознаніе; она имѣла цѣну и для литературы, для той части общества, гдѣ шло уже извѣстное броженіе понятій, какъ требованіе большаго вниманія къ народному быту, большаго уваженія къ собственнымъ понятіямъ и желаніямъ народа,—на который дѣйствительно всего чаще смотрѣли съ извѣстной долей самодовольнаго снисхожденія,—но дальше и не простиралась здѣсь роль и вліяніе славянофильства. Славянофилы вѣрно указывали на отчужденіе общества отъ народа, но невѣрно объясняли его причины и средства достигнуть сближенія. Наше просвѣщеніе грѣшило не тѣмъ, что ложны были его принципы, а тѣмъ, что оно было слишкомъ ограничено, и по своему распространенію въ обществѣ, и по объему его содержанія,—и эта ограниченность дѣйствія, конечно, была виной не самого просвѣщенія, и не общества,—виноваты были просто внѣшнія стѣсненія, отъ которыхъ оно само едва существовало: отсутствіе школъ, удаленіе изъ нихъ народа (особенно крѣпостного крестьянства), по высшимъ соображеніямъ бюрократіи, чрезмѣрная и подозрительная опека. Самобытности просвѣщенія надо было достигать не отверженіемъ этой скудной образованности, а сколько можно большимъ распространеніемъ ея въ массѣ общества; «западнаго» собственно было въ этомъ обществѣ такъ мало, что смѣшно было приписывать ему столь губительное вліяніе; причина отчужденія отъ народа въ настоящее время лежала не въ просвѣщеніи, а въ бѣдственномъ состояніи массы, подавленной крѣпостнымъ правомъ, и въ политическомъ безсиліи самого общества. По всѣмъ этимъ предметамъ, славянофилы, къ сожалѣнію, распространили много превратныхъ понятій, которыя (особенно въ послѣднее время) пришлись на-руку разнаго рода дешевымъ народолюбцамъ, которымъ очень удобно было прикрывать собственное ничтожество мнимо-народнымъ либерализмомъ. Заблужденіе славянофиловъ обнаруживалось тѣмъ историческимъ фактомъ, что первое нѣсколько серьезное вліяніе образованія въ нашемъ обществѣ именно создавало глубокія сочувствія къ народу, или инстинктивные или совершенно сознательныя, въ томъ самомъ обществѣ, которое славянофилы считали окончательно погибшимъ подъ игомъ «Запада», и эти сочувствія высказались въ томъ литературномъ лагерѣ, въ

второмъ славянофиловъ съ своей точки зрѣнія видѣли главнѣйшихъ враговъ «народнаго начала».

Таково было ихъ положеніе въ литературѣ и общественныхъ понятіяхъ. Они сдѣлали много своимъ возбуждающимъ энтузіазмомъ, но—по нашему мнѣнію—и немало занутили общественныя понятія, чему впрочемъ помогали и невольныя неясности ихъ ученія, которое въ сущности не высказалось до конца и по сію пору.

Намъ остается упомянуть еще одно обстоятельство. До сихъ поръ мы упоминали о той общественной дѣятельности и мнѣніяхъ славянофиловъ, которыя были извѣстны литературнымъ образомъ. Но они пробовали и болѣе практическую дѣятельность, между прочимъ на службѣ, дѣятельность, и теперь мало извѣстную, а тогда тѣмъ менѣе доступную литературѣ и слѣдовательно не входившую въ оцѣнку ихъ мнѣній тогдашними ихъ противниками. Г. Самаринъ работалъ на службѣ въ Остзейскомъ краѣ—въ томъ духѣ, который можно узнать теперь изъ «Окраинъ Россіи»,—потомъ въ Кіевѣ, при Бибииковѣ, гдѣ его занимало введеніе инвентарныхъ правилъ. Г. Ив. Аксаковъ, состоя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, работалъ по дѣламъ раскольничьимъ—въ томъ духѣ, который можно узнать теперь изъ напечатаннаго недавно отрывка его обширной записки о сектѣ странниковъ. Они показали въ этой дѣятельности столько серьезнаго убѣжденія и такія просвѣщенные воззрѣнія, что имъ сочувствовали бы и люди, нераздѣлявшіе ихъ образа мыслей.

Но эти воззрѣнія были внушены имъ ихъ новымъ образованіемъ, а не тѣми древне-русскими началами, на которыхъ они хотѣли утверждать свой образъ мыслей. На это заблужденіе славянофиловъ, относительно своихъ мнѣній, мы указывали не разъ. Съ другой стороны, они заблуждались, полагая, что ихъ «русскія» мнѣнія могутъ быть приняты въ той сферѣ, къ которой они обращались. Впослѣдствіи, они, кажется, должны были убѣдиться въ этомъ заблужденіи, но своего опыта повидимому не переработали и до сихъ поръ...

Хомяковъ желалъ пропагандировать православіе въ западной Европѣ; г. Самаринъ, въ изданіи его богословскихъ сочиненій, приводитъ благопріятные отзывы иностранной печати о брошюрахъ Хомякова. Переписка съ Пальмеромъ осталась выраженіемъ этой пропаганды... Не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, насколько мыслима была эта пропаганда и планы соединенія англиканства съ нашей церковью, мы удовольствуемся также цитатой изъ иностранной печати,—которая высказаетъ мнѣніе ан-

гличанъ о предметѣ ¹⁾). Подобныхъ цитатъ можно было бы собрать не мало. Самъ Пальмеръ ушелъ, кажется, въ католицизмъ.

К. Аксаковъ считалъ равно необходимыми и соединенными и господствующій порядокъ, и полную свободу печати...

Въ началѣ мы замѣтили, что число приверженцевъ славянофильства въ послѣднее время увеличилось, если судить по фактамъ литературы. Тогда какъ прежде, славянофилы могли имѣть только отдѣльные и случайные «сборники», въ послѣдніе годы существовало нѣсколько изданій, съ болѣе или менѣе явнымъ славянофильскимъ характеромъ ²⁾. Отчасти, это размноженіе славянофильства происходило оттого, что вообще увеличилась, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, литературная публика; но отчасти и независимо отъ этого размножились приверженцы ученія. Но этого размноженія нельзя однако назвать успѣхомъ школы. Новый періодъ ея мало увеличилъ литературныя силы первоначальной школы, и мало подвинулъ доказательство ея основныхъ положеній; за то слабыя стороны этого ученія обнаружались теперь ярче, чѣмъ когда-нибудь. Къ славянофильству применили новыя школы, которыя также заговорили о «народныхъ началахъ», «ночвѣ» и т. н., и не имѣя ни таланта, ни горячаго убѣжденія первыхъ начинающихъ ученія, распространили только пустыя фразы на тему народности и болѣе или менѣе явный обскурантизмъ. Славянофильская публика стала увеличиваться рядами той публики, патриотизмъ которой въ прежнее время называли кваснымъ, которая, не вдаваясь въ особыя размышленія, довольствовалась шумливыми и хвастливыми фразами о народности, грозилась Европѣ, приходила въ восторгъ отъ посѣщенія братьевъ-славянъ, собиралась дѣлать будущее съ друзьями-американцами, поставяетъ въ послѣдніе годы контингентъ «обрусителей» и т. д. Съ другой стороны, по нѣкоторымъ предметамъ, славянофиламъ пришлось говорить въ одинъ тонъ съ «Московскими Вѣдомостями»... Въ этихъ неблагополучныхъ соображеніяхъ виноваты были тѣ самонадѣянныя односторонности славянофильства, которыя съ сожалѣніемъ принадлежатъ къ самой сущности школы.

А. Пипинъ.

¹⁾ „Daily-News“, 17-го сент. 1866 г.

²⁾ Кроме чисто-славянофильской „Русской Весѣли“ и „Дня“, здѣсь надо назвать „Время“, потомъ „Эпоху“, дагдѣ „Зарю“, „Бесѣду“, въ нѣкоторомъ періодѣ „Голосъ“ и др.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Изъ Гейбеля.

МѢНСТОФЕЛЬ.

А, Фаустъ!.. ты въ лѣсу? Ну, какъ тебя хватаетъ
И въ лѣсѣ таскать свой книжный хламъ — дивлюся я!
Взгляни, какъ вешній, теплый солнца лучъ играетъ,
Прислушайся, какъ летитъ пѣсня соловья!
Ужели мысль твоя не можетъ оторваться
Отъ манускриптовъ пыльных затхлоу старины?
Ужели динь ея чувства всѣ поглощены,
И ты ничѣмъ ужъ не способенъ восхищаться?

ФАУСТЪ.

Я погруженъ умомъ въ высокія мечтанья —
Оставь меня. Парить, блаженствуетъ духъ мой,
Когда вникаю я въ процессы міроданья,
И размышляю, — движетъ имъ законъ какой?
Смотрю: въ лѣсу одно цвѣтетъ, благоухаетъ,
Другое же, едва успѣвши расцвѣсти,
Теряетъ силу, жизнь — и быстро увядаетъ.
Къ чему явленіе такое отнести?
Чѣмъ больше мыслю я, чѣмъ больше углубляюсь,
Тѣмъ ближе къ истинѣ, къ разгадкамъ подхожу,
Я предъ законами природы умиляюсь
И совершенства въ нихъ все больше нахожу.

По волѣ этого закона мчатся годы,
 Течуть столѣтія обычной чередой;
 Величьемъ блещутъ или падаютъ народы,
 И непреложень тотъ порядокъ вѣковой!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, это — странное, смѣшное заблужденіе!
 Вотъ мнѣ такъ гвѣсия старая давно посты,
 Что все имѣеть свой предѣлъ и назначеніе —
 Понятно, стало бытъ: чтó жию, тó умереть.
 Все отливается въ известной формѣ ломкой,
 И чуть неосторожно съ нею обойдись —
 Глядишь: разбиалась вся, рассыпалась въ обломки!
 Зачѣмъ и почему? ужъ ты рѣшать возьмиись
 Вопросъ туманный. А мое такое мнѣніе,
 Что разрѣшить его едва ли сможешь ты!
 Вотъ оттого твое безплодное ученіе
 Смѣшно... и дерзки кажутся твои мечты.
 Ну что за надобность искать и домогаться,
 Когда пріятно жизнь тебѣ сложилась самому,
 Что такъ иль иначе должна она слагаться?
 Какая польза знать все это и кому?

ФАУСТЪ.

Меня вопросъ твой, Мефистофель, удивляетъ:
 Ужель не понялъ ты, о чемъ мы говоримъ?
 Эпоха новая, знай, къ прошлой прилегаеть,
 И мы на твердой почвѣ прошлаго стоимъ.
 Не та ли почва древо жизни возвращаетъ,
 Не та ли почва крѣпость, мощь ему даетъ,
 Его безчисленные корни освѣжаетъ?
 На ней оно и зеленѣеть, и цвѣтеть!
 Окинь ты взоромъ всю картину мірозданья:
 Гармонию стройной вся вселенная полна!
 Смотри: вездѣ, во всемъ благое сочетанье,
 И вся вселенная для насъ сотворена!
 Все въ ней живить, покорить душу, согрѣватьъ;
 Всегда природа намъ даетъ благой совѣтъ.

Она какъ будто насъ сама предотвращаетъ
 Примѣромъ мудрымъ отъ несчастій и отъ бѣдъ.
 Смѣешься ты, зовешь бесплоднымъ то ученье,
 Что изъ-подъ гнѣта дерзкихъ и вичливыхъ думъ,
 Изъ мрака ложныхъ и неясныхъ убѣждений,
 Выводитъ на просторъ пылливый, гордый умъ?..
 А только тотъ, кто прошлое вполнѣ познаетъ,
 И настоящее тотъ можетъ постигать;
 Кто твердо, ясно о минувшемъ разсуждаетъ,
 Стумѣетъ тотъ и будущее создавать!

МѢНЕСТОВЪЛЪ.

Ну, признайся, Фаустъ — ты краснорѣчиво,
 И очень трогательно все растолковалъ!
 Жалѣю объ одномъ, мой другъ медоточивый,
 Что это все давно я отъ другихъ слыхалъ.
 Пустые разговоры, времепровожденье —
 Я вижу въ нихъ одинъ печальный результатъ...
 Подчасъ примѣры эти и нравоученья
 Меня, скажу тебѣ по истинѣ, смѣшаютъ!
 Вглядись во все, что насъ на свѣтѣ окружаетъ,
 Что было встарину, подумай, что теперь:
 Ошибка прошлая отъ новой не спасаетъ,
 Чужой намъ промахъ не наука — въ томъ новѣрь!
 Ну гдѣ ты нравовъ усмотрѣлъ смягченье?
 И почерпнулъ ли властелинъ, или народъ
 Изъ прошлаго себѣ примѣръ и поученье,
 И поступилъ ли съ прошлымъ кто наоборотъ?
 Все тотъ же произволъ царить повсюду шаткѣй,
 Все той же силѣ случая подвластенъ свѣтъ,
 Въ наукѣ вашей все загадки и загадки...
 Давно исторіи васъ учать древнихъ лѣтъ,
 А все по-прежнему остались невѣжды:
 Исторія не освѣтила темноты...

ФАУСТЪ.

Души моей едва расцвѣтшія надежды
 Зачѣмъ безжалостно такъ разбилаешь ты?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Э, ничего—надѣйся... я вѣдь не мѣняю!
 И только доложить хочу тебѣ одно:
 Что свѣтъ, каковъ онъ есть, подробнѣе я знаю,
 Чѣмъ ты. Переродиться бы ему давно,
 Давно пора... Но этого перерожденья
 Придется вамъ пожалуй долго ожидать!
 Пока богачъ, и въ роскоши, и въ пресыщеньи,
 Дарами жизни будетъ злоупотреблять,
 Пока отъ чаши полной, круговой, застойной,
 Онъ устъ своихъ не въ силахъ будетъ отвести,
 То гдѣ-жъ ему благимъ началамъ добровольно
 Себя и лѣнь свою на жертву принести?
 А сколько власть чарующаго заключаетъ!
 Какимъ она роскошнымъ, радужнымъ лучемъ,
 И самый здравый умъ, и чувства ослѣпляетъ:
 Тутъ гласъ разсудка, ясность мысли ни причемъ!
 Кто высоко поставленъ надъ другими,
 Къ словамъ благоразумія тотъ, вѣрнѣе, глухъ...
 И хоры ангеловъ, совѣтами святыми,
 Тревожить не способны задремавшій слухъ!
 Къ чему дѣянiя размѣривать масштабомъ,
 Когда и сила, и могущество въ рукахъ?
 Пусть тяготѣетъ мощь надъ беззащитнымъ, слабымъ...
 Пусть этотъ слабый разбивается хоть впрахъ!
 И такъ велико власти этой обаянье,
 Что мыслить всѣ: и быть иначе не должно!

ФАУСТЪ.

А что же будетъ, если подгнѣетъ все зданье,
 Да если невзначай вдругъ рухнется оно?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну что-жъ изъ этого?! поднимутъ шумъ и вриемъ,
 Объ истинѣ, о правдѣ рѣчи поведутъ...
 Восторженною радостью заблещутъ лики,

Мечтать о будущемъ возвышенно начать.
Проекты, планы будутъ соизидаться,
А между тѣмъ... старье, въ блестящей мишурѣ,
Къ господству новому... легонько пробираться
Начнетъ по прежней и завѣтной колесѣ!
А тамъ, что яркою звѣздою путеводной
Считали, то блудящимъ огонькомъ сочтуть...
И въ новомъ словѣ—плевелы, посѣвъ негодный
Приверженцы преданій старины найдутъ!—
И вотъ все такъ-то свѣтъ, какъ мельница, вертится;
Добру при этомъ трудно, трудно созрѣвать...
И если силѣ ты дерзнешь не подчиниться,
Зафилософуешь,—дадутъ совѣтъ молчать!

Е. Ш. — ина.



ШУСТѢНОКЪ

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Мы, жители столицъ, благодаря своему многолюдству и дѣятельности городской полиціи, не имѣемъ и понятія о той опасности, которая ежеминутно грозитъ и лицу и имуществу въ отдаленныхъ селахъ и даже городахъ, не только уѣздныхъ, но иногда и губернскихъ. «Въ отдѣлѣ внутренней почты—такъ говорили еще на-дняхъ «Московскія Вѣдомости»—читатели найдутъ извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода такого-же печальнаго характера, какъ и извѣстія изъ многихъ провинціальныхъ городовъ Россійской имперіи. Рѣчь идетъ о нестерпимомъ разгулѣ лихихъ людей, о воровствахъ, грабежахъ и разбояхъ, совершаемыхъ во множествѣ и съ дерзостью поразительной, совершаемыхъ чуть не на глазахъ народа, среди бѣла дня. Намъ пишутъ объ этомъ изъ такого значительнаго центра, какъ Нижній-Новгородъ, еще горчайшія жалобы слышались за послѣднее время въ печати въ меньшихъ городовъ, Ельца, напримѣръ, Гжатска и др. Одно изъ гжатскихъ корреспондентовъ съ того и начинается, то «Гжатскъ находится въ осаду у воровъ и мошенниковъ». Размѣры зла—заключаетъ газета—заставляютъ обратить на него серьезное вниманіе и задуматься о мѣрахъ къ борьбѣ съ нимъ, о мѣрахъ къ его возможному прекращенію. Неужели и предъ этимъ зломъ мы оვაжемся также беззащитными и безсильными, какъ «отсиживаемся», говоря древнимъ лѣтописнымъ выраженіемъ, отъ холеры, пожаровъ, сибирской язвы и прочихъ золъ? Но вѣдь на бездѣятельность и слабость полиціи едва-ли можно

смотреть только какъ на испытаніе, посылаемое свыше, а въ недостаткахъ администраціи и ея упущеніяхъ видѣть одно «попущеніе Божіе?»

Все это справедливо, но нельзя всего ожидать отъ дѣятельности и силы полиціи; нужно также изучить самое зло, такъ сказать, въ лицахъ, и съ этою цѣлью мы взяли за настоящій разсказъ о разбояхъ въ Холмскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ, а эти разбои, — пользуемся выраженіемъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей» — держали цѣлые уѣзды въ осадномъ положеніи съ 1856 до конца 1864 года. Случай доставилъ намъ возможность лично ознакомиться съ условіями мѣстной жизни пострадавшихъ уѣздовъ, и кромѣ того мы воспользовались богатымъ матеріаломъ, какой представили намъ рукописныя воспоминанія И. А. Волкова, чрезъ руки котораго прошли пойманные разбойники.

I.

Въ Холмскомъ уѣздѣ и до сихъ-поръ живетъ ужасная память о томъ, какъ безнаказанно, въ теченіе слишкомъ семи лѣтъ прогуливались по селамъ и городамъ неувимые Шустеновъ, Степа и Слизкой; о ихъ посѣщеніи можно было узнавать только по кровавымъ слѣдамъ ихъ подвиговъ. Послѣдній изъ нихъ былъ такъ и прозванъ «слизкимъ» за свою удивительную для народа способность ускользать изъ-подъ ареста; сотскіе-крестьяне и полицейскіе чиновники увѣряютъ, что Слизкой былъ до двѣнадцати разъ пойманъ, и каждый разъ благополучно уходилъ. Случалось, что сотскіе, скрутивъ его крѣпко-на-крѣпко веревками, съ угрозами и насмѣшками надъ видимымъ безсиліемъ Слизкого, приводили его въ станъ, сдавали лично становому, тотъ лично запиралъ его въ арестантскую каморку и обставлялъ земскимъ карауломъ, — и все-таки поймавшіе его крестьяне не успѣвали отойти отъ становой квартиры десяти верстъ, какъ ужъ изъ лѣса свисталъ имъ обгонявшій ихъ Слизкой, съ угрозою сечь деревню своихъ недоброжелателей. Случалось, что угроза этого злодѣя не была одними словами; несчастные крестьяне платились стогами сѣна, ржи и домами, потому что Слизкой нисколько не стѣснялся «подпускать подъ нихъ краснаго пѣтуха». У Слизкого была шайка, которая съ поимкою ихъ атамана разсыялась и ушла частью въ Сибирь. Спаслись немногіе, и между ними Степа, набравшій вновь шайку.

Степа былъ въ полномъ смыслѣ слова атлетъ. Аршию около трехъ роста, могутъ и плечистъ, онъ въ состояніи былъ остановить любую пару лошадей съ экипажемъ, лишь-бы удалось ухватить послѣдній хоть за что-нибудь. Въ пайкѣ его, имѣвшей притоны по большой старорусской дорогѣ въ Холмъ, въ лѣсу и деревняхъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ Шустовъ Егоръ, называемый народомъ просто «Шустѣнокъ». Существенная разница въ ихъ характерахъ опредѣлялась — въ Степѣ какимъ-то инстинктивнымъ чувствомъ состраданія къ бѣднымъ людямъ, которыхъ онъ не только не обижалъ, но напротивъ, самъ проводилъ лѣсомъ версты по шести, давалъ денегъ, и отпуская говорилъ, что Степы могъ бояться не слѣдуетъ. Но Шустѣнокъ отличался одинаковой ко всѣмъ жестокостью. Изъ бесчисленныхъ рассказовъ о великодушныхъ поступкахъ Степы, для примѣра можно привести одинъ случай съ бѣдной старухой, холмской мѣщанкой. Въ небольшомъ перелѣскѣ передъ Поддорьемъ, старуху застигли сумерки. Перетрусившись и безъ того отъ ожидавшей на каждомъ шагу встрѣчи съ разбойниками, она, теряя присутствіе духа, спѣшила, удвоивъ шаги, добраться скорѣе до первой деревни. Полная страха, она не видала даже, что ея догонялъ какой-то купецъ и подойдя къ ней ласково спросилъ далеко-ль Богъ несетъ?

— Далеко, батюшка, далеко... въ самый низъ Холмъ-отвѣтила старуха, обрадовавшись, что случился помутчикъ. — А вы далеко-ль?

— Я въ Поддорье... Не спѣши, старушка, пойдемъ вмѣстѣ; вмѣстѣ веселѣе...

— А та батюшка!.. Какъ можно? Ночь на носу, а тутъ дѣло стало такое — лѣсъ!.. Не равѣнь часъ... Дай Богъ въ часъ сказать, а въ худой помолчать... Вѣдь тутъ этотъ разбойникъ-то ходитъ, Степанъ-то... Съистъ укромный!..

— А ты боишься Степана-то? — спросилъ купецъ, посмотрѣвъ съ любопытствомъ на старуху.

— А поди ты не боишься? Какъ его, этакого душегуба, и не бояться... Останнюю адежѣнку доймѣтъ.

— Ну, не бойся!.. успокоительно ободрилъ ее купецъ. — Ну, что, какъ у васъ въ Холму?.. Купцы-то поди все богачи?..

— Есть батюшка и богачи, есть и бѣдныхъ много... бѣдныхъ-то больше...

— А у тебя есть-ли тамъ домишка, аль такъ въ бобыльскѣ?..

— Нѣту родный... одна, вотъ, какъ персть... Былъ омыкъ да лѣтось поѣхалъ въ Питеръ на баркахъ Боборыкинскихъ —

утопнуть сердешный... Купцу показалось, что будто-бы старуха прослезилась.

— Такъ, значить, теперь по бѣдности и живешь?... спросилъ онъ.

— Да, родный... Вотъ покуль силы-то хватаетъ, такъ лѣтомъ хожу полоть по кунцамъ, а зимой хожу шерсть чешу, да пряжу теу, такъ вотъ и питаюсь.

Заболтавшись путники не замѣтили, какъ вышли изъ лѣса; въ полверстѣ зачерылась деревня и кое-гдѣ въ окнахъ сверкнулъ огонь.

— Ну, бабушка, иди съ Богомъ... На-во возьми на дорогу... Ты странный человекъ,—проговорилъ купецъ, подавая старухѣ десятирублевою бумажку.

— Не надо родный!.. Не надо... Не за-что... отиѣкивалась старуха, но купецъ уже былъ за канавой и уходя въ лѣсъ кричалъ ей:

— Возьми, возьми старушка себя, — это тебѣ отъ Степы... знай, что Степа не такой дунегубъ, чтобъ его бояться всякому... Если еще когда Богъ приведетъ встрѣчу, еще не пожаляю... прощай!.. И съ послѣдними словами Степа скрылся во мракѣ лѣса, оставивъ старуху съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія. Въ каждой деревнѣ старуха рассказывала всѣмъ встрѣченнымъ о щедрости Степы, но въ Холму долго боялась рассказывать, боясь, чтобы отъ ней не потребовалъ Степина подарка исправникъ.

Но съ людьми состоятельными Степа не былъ такъ великодушенъ. Смотря по состоянію попавшагося въ его лапы субъекта, онъ или кругомъ обиралъ его, или оставлялъ столько, сколько считалъ необходимымъ оставить ему на путевыя издержки. Главная система вымогать деньги отъ богатыхъ обывателей той мѣстности, гдѣ ему вздумается на время поселиться, были письма съ требованіемъ выслать извѣстную сумму денегъ на назначенное мѣсто, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, сжечь не только домъ и все имущество намѣченной имъ жертвы, но превратить въ пепелъ цѣлое селеніе. Угрозы эти, также какъ и угрозы Слиакого, не были обыкновеннымъ застрачиваньемъ; нѣсколько богатыхъ деревень, множество скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна, преданныхъ пламени, и убиваніе лучшихъ лошадей, принадлежавшихъ лицамъ, не исполнившимъ его требованій, — были осязательнымъ доказательствомъ того, что Степа не любилъ шутокъ. Этой звѣрской системой онъ навелъ страшную панику на всю мѣстность, отъ Ефремова до Холма, на пространствѣ шестидесяти верстъ во всѣ стороны отъ большой дороги. Пощада была общана

только тѣмъ деревнямъ, гдѣ онъ думалъ встрѣтить для себя и своей шайки, состоявшей человекъ изъ шести-семи, не болѣе, гостепріимный кровъ, и если замѣчалъ малѣйшій признакъ негостепріимности, мстилъ безпощадно. Это тяжелое положеніе столь ужасной несправедливости трехъ-четыреухъ волостей отъ разбойника, конечно, не могло оставаться долго терпимо, и между крестьянами стали вырваться смѣлые голоса, призывавшіе къ свершенію съ себя разбойническаго ига. Но у Степи повсемѣстно были свои агенты, которые служили его интересамъ не столько изъ солидарности ихъ убѣжденій съ нимъ, сколько тоже изъ страха потерять все свое достояніе. Благодаря этой системѣ и тому, что объ волостяхъ, старорусская и холмская почему-то благодушно относились къ дѣятельности Степы, видя въ ней только одни шалости, умный образъ Степы выросъ въ такого исполнителя, что имевшіе съ матери страдали расплакавшихся дѣтей и о похожденияхъ Степы сложились цѣлыя легенды. Въ лѣсахъ — недалеко отъ большой дороги, часто въ ночное время пылали костры и передъ ними, съ заряженными ружьями, въ дубленныхъ полушубкахъ на расстланныхъ сѣняхъ армягахъ, валялись пьяныя фигуры, заперевшая прямо изъ боченка чайной чашею воду и обносая ею друга друга. Всѣ придорожные кабаки были ихъ всегдашними отелями, и каждый содержатель этихъ отелей былъ непремѣнно агентъ Степы, обязанный развѣдывать и разносить у всякаго проезжаго о настроеніи земскихъ властей. Если привозилась вѣсть, обещающая какую-нибудь опасность отъ Старой Руси, Степа немедленно перебирался съ друзьями за-границу уѣзду въ Холмскій уѣздъ; если придетъ какая-нибудь непріятная новость въ Новички (дерев. въ 13 вер. отъ Колма), Степа удалялся въ Старорусскій уѣздъ. Такимъ образомъ гулялъ Степа изъ уѣзда въ уѣздъ не одинъ годъ, наводя ужасъ своимъ приближеніемъ на придорожныхъ жителей; но, наконецъ, вывели-таки онъ убитыхъ крестьянъ изъ долготерпѣнія и порѣшили они, во что бы то ни стало, живого или мертвого, а непремѣнно доставить его въ судъ. Случай представился скоро; но не скоро могли рѣшиться и найтись смѣльчаки на столь опасное предпріятіе. Степа съ друзьями нерѣдко открыто приходилъ въ излюбленные имъ деревни, пьянствовалъ съ крестьянами, шутилъ съ бабами и дѣвками и, какъ грубая сила, необузданная никакими привычками и законами, позволялъ себѣ пошутить слишкомъ обидно съ какою-то красавицей въ присутствіи ея обожателя. Обожатель-крестьянинъ, проглотивъ обиду, затаилъ ее глубоко въ душѣ, давая слово себѣ отмстить своему обидчику, да такъ, чтобы онъ

уже второй разъ не могъ не только обидѣть его, даже не могъ выдумать о мести. Этотъ рѣшительный паренѣ, не жалѣя денегъ, звалъ своихъ друзей, строилъ планы, какъ предать Степу въ руки правосудія, но ничего подходящаго не выходило, потому что Степа былъ несравненно умнѣе и сообразительнѣе ихъ всѣхъ. Видя, что планы взять врага хитростью трудно-выполнимы, онъ сталъ ожидать случая, и на счастье случай этотъ далъ возможность крестьянамъ доставить Степу въ Старую Русу почти при послѣднемъ издыханіи.

Въ отсутствіи Шустенка, Степа, съ прочими молодцами своей шайки, до того запылялся, что не слыхалъ, какъ подкрался къ нему мстители съ тяжелыми желѣзными шеворнями. Дѣло случилось въ лѣсу; по обыкновенію былъ разожженъ огонь; шайка, напившись до пьяна, ревѣла во все горло пѣсни; Степа, сидя на армякѣ, едва шевелившимися жывомъ хвалился своею силою. Вдругъ внезапно раздается крикъ десятка голосовъ, и Степа падаетъ, пораженный по шеѣ тяжелымъ желѣзнымъ шеворнемъ. Трусливые сподвижники его, видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ, а главное, видя, въ столь неловкомъ положеніи своего предводителя, бросились въ разныя стороны, оставивъ его одного. Степа сторяча попытался вскочить, размахнуться своими исполнскими кулаками, — но новый ударъ по тому же мѣсту сломилъ его самонадѣянность. Мстители били его сколько хотѣли, связали, уложили въ телѣгу и повезли въ городъ. Какъ на замороженнаго звѣря сбѣгался народъ со всѣхъ ближайшихъ къ дорогѣ деревень посмотреть на обезоруженнаго злодѣя; но Степа, съ разбитой головой, едва живой, но все-таки гордый сознаниемъ своей прошлой силы надъ этимъ безгласнымъ и тупымъ любопытствующимъ народомъ, не уронилъ своего достоинства; онъ не испустилъ ни одного стона отъ боли и не вымолвилъ ни одного слова о своей пощадѣ...

Черезъ нѣсколько времени, послѣ столь трагической развязки Степы со своею свободой, была переловлена и вся его шайка, а въ томъ числѣ и Шустенокъ.

Шустенокъ былъ изъ крестьянъ Старорусскаго уѣзда, деревни Перегина, расположенной на Ловати. Въ 1856-мъ году онъ отличился былъ судомъ въ пристанодержательствѣ своего закадычнаго друга Степы, и за это былъ данъ въ солдаты... Но немного наслужилъ молодой солдатъ; ему вѣрнѣе полюбилась жизнь вольная, жизнь Степы съ его товарищами, только не везло Шустенку на этотъ разъ; черезъ двѣ или три недѣли его поймали, шибки далками и отправили на службу въ Кострому, въ бата-

льонъ внутренней стражи, въ послѣдствіи переименованный въ гурбернскую воинскую команду. Но могъ ли этотъ внутренней стражъ быть вѣрнымъ и преданнымъ воиномъ, живя въ подневольѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ дисциплиной и вида на каждомъ шагѣ неисчислимое множество вокругъ себя начальническихкихъ лицъ?.. И вспомнилась Шустенку жизнь вольная да разгульная въ холмскихъ лѣсахъ; вспомнился богатырь Степанъ, часто видится Перегину, а въ Перегинѣ молодуха-жена... И задумался Егоръ, тосковать началъ, да съ тоски махнулъ рукою на солдатскій бытъ, а чрезъ мѣсяцъ ужъ услышали его голоса въ старорусскихъ и холмскихъ лѣсахъ въ подмастерьяхъ у джого Степы. Но опять не долго пришлось пожить ему на волѣ, когда оплошавшій Степа попался, — не спустили и Шустенку, натекнулъ снова онъ на полицію; и на этотъ разъ уже не отправляли его на службу, а прямо, безъ всякихъ разговоровъ, порѣшили Шустенку на каторгу.

Не особенно струсилъ Шустенокъ и этого рѣшенія. Отправленный изъ новгородскаго острога въ апрѣлѣ 1864 года съ партіею пересыльныхъ арестантовъ на мѣсто ссылки, онъ сошелся дорогою съ нѣкоторыми польскими инсургентами, слѣдовавшими въ Сибирь и выучась болтать кое-что по-польски, успѣлъ обмануть бдительность своихъ конвойныхъ настолько, что они принимали и его за политическаго преступника, а не за уголовнаго. Такъ дошли они до Нижняго-Новгорода. Здѣсь тюрьма была уже переполнена ссылными, такъ какъ время былое самое тяжелое для тюремъ, стоящихъ на пути къ Сибири; это — былъ годъ едвали не самой усиленной пересылки на поселеніе польскихъ инсургентовъ. Для партіи Шустенка не нашлось мѣста въ острогѣ, и начальство распорядилось всѣхъ, вновь прибывающихъ политическихъ ссылныхъ, помѣщать на время въ наскоро-устроенныхъ досчатыхъ баракахъ. Шустенокъ, принятый, благодаря его ловкости, за политическаго преступника, былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ другими въ досчатый баракъ. Къ тому же фигура Шустенка, маленькая, тщедушная, не представляла ничего внушительнаго, и на него смотрѣли многіе, какъ на угнетенную невинность, неспособную ни на какой рѣшительный шагъ. А между тѣмъ, въ безпокойной головѣ каторжника зрѣлъ дерзкій планъ побѣга и дѣло останавливалось только за тѣмъ, что одному ему не хотѣлось бѣжать. Всмотриваясь въ товарищей по заключенію, обмѣниваясь все-какими мыслями съ ними, онъ случайно натекнулъ на земляка, бывшаго повѣреннаго по откупамъ, оставовскаго мѣщанина, сосѣда по уѣзду, Ивана Васильева Тилъ-

нова. Тихановъ — извѣстный мошенникъ, надоѣвшій Осташевскому, Демянскому и Старорусскому уѣздамъ своими плутовскими проделками, шелъ на поселеніе. Это былъ мужчина лѣтъ двадцати-шести, высокаго роста, брюнетъ, хорошо дрессированный жизненною практикой на службѣ откупамъ, и субъектъ съ силою воли. Шустенокъ, познавоясь съ нимъ покороче, не могъ не оставить на немъ своего вниманія и, послѣ недолгихъ переговоровъ, подговорилъ его къ побѣгу. Въ одну темную ночь, они выломали въ барачной стѣнѣ доску и исчезли...

Какъ они ушли, гдѣ пробирались, что терпѣли дорогою и какъ попали опять въ Перегино и въ холмскіе лѣса, мы предоставимъ разсказать объ этомъ ниже самому Шустенку, а теперь обратимся прямо къ послѣдствіямъ ихъ побѣга.

Въ началѣ іюля 1864 года, распространился въ Холмѣ и его окрестностяхъ слухъ, что Шустенокъ съ какимъ-то товарищемъ опять появился въ этихъ краяхъ; многіе увѣрили, что онъ опять гуляетъ со Степой, и что Степа, будто-бы, вопреки оффиціальнымъ извѣстіямъ, остался живъ и невредимъ, а вмѣсто его былъ схваченъ, избитъ и представленъ по ошибкѣ кто-то другой. Конечно, этотъ послѣдній слухъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ пущенъ, можетъ быть, тайными клеветами же разбойниковъ и достигъ той цѣли, которая могла имѣться въ виду у его распространителей. Купцы, крестьяне и все прочее населеніе, имѣющее нужду въ постоянномъ сообщеніи съ Русою, повѣсили головы. Изъ Холма никто не рисковалъ ѣхать въ одиночку по старорусской дорогѣ за двадцать верстъ; каждый старался запастись спутникомъ, такъ какъ слухи о «шалостяхъ» разбойниковъ день-о-дня все повторялись и оправдывались фактическими свидѣтельствами. Въ деревняхъ стали повторяться часто пожары, во многихъ деревняхъ у зажиточныхъ крестьянъ оказались чуть не каждую ночь поломы въ анбарахъ; на дорогѣ не только одинокому, даже двумъ-тремъ путникамъ нельзя было ручаться, чтобы на нихъ не выставились откуда-нибудь изъ-за пня пара двухстволовъ; а тутъ наступилъ сентябрь съ темными и длинными вечерами, и затѣмъ посыпались со всѣхъ сторонъ въ Холмъ подметныя письма съ четкими адресами на имя богатыхъ купцовъ, отъ которыхъ разбойники требовали денегъ, предлагая выносить ихъ къ извѣстнымъ мѣстамъ, съ угрозою за ослушаніе или, въ крайнемъ случаѣ, за наблюденіе за имѣющими придти взять эти деньги, — съечь до тла не только всѣ дома и постройки упрямыхъ или

любопытныхъ въ городѣ, — даже принадлежащій имъ дѣсь, заготовленные костры дровъ, стога и амбары съ сѣномъ на пустоши.

При такомъ, крайне натянутомъ, настроеніи мѣстнаго населенія, холмской полиціи предстояло отличиться не на мундо но на бѣду холмскихъ жителей, въ это самое время у нихъ и было исправника, слѣдовательно уѣздъ оставался, такъ сказать, безъ надлежащаго хозяина. Это обстоятельство еще болѣе отдачивало туземцевъ; нѣкоторые изъ нихъ желали бы предъявить имѣвшіеся у нихъ письма отъ разбойниковъ, которыми послѣдніе требовали отъ состоятельныхъ купцовъ денегъ. Но на счастье уѣзда, тогдашній псковскій губернаторъ, графъ Панинъ, бывшій министръ юстиціи, поручилъ временное исправническое должности холмскаго исправника одному изъ своихъ чиновниковъ, И. А. Волкову, и дѣло о разбойникахъ приняло болѣе положительный оборотъ. Первый толчокъ къ преслѣдованію Шустенка съ Тихановымъ или Соколовымъ, — подъ этимъ неслыханнымъ скрывался авторъ посланій къ холмичамъ, Тихановъ — былъ данъ холмскимъ купцомъ П. С. Челпановымъ.

Челпановъ, получивъ 7-го сентября, вечеромъ, записку, доставленную ему какимъ-то незнакомымъ крестьяниномъ, назвавшимся Михаиломъ изъ Медова (пригородное село), началъ и обратилъ на нее вниманія, такъ какъ ее подали ему на берегу, гдѣ онъ съ дѣтьми отъ нечего дѣлать «сумерничалъ». Придя домой и развернувъ ее не спѣша, въ мысляхъ, что записка отъ кого-нибудь по обыкновенному въ Холму дровяному дѣлу, онъ былъ пораженъ, увидя весь ужасъ, которымъ стращаютъ его разбойники, если онъ не вынесетъ имъ 50 рублей въ дѣсь, въ деревнѣ Новичамъ, непременно 8-го числа. На другой день, рано утромъ, Челпановъ послѣдилъ съ запискою къ И. А. Волкову, рассказалъ когда и кѣмъ доставлена ему записка и просилъ совета, что ему дѣлать?... Записка категорически убѣждала, что «если онъ, Челпановъ, не вынесетъ на перелѣсокъ къ Новичамъ, 8-го числа, требуемой суммы, то они, Шустовъ и Соколовъ (Тихановъ тожь), сожгутъ все его сѣно на пустошѣ Новичевѣ и что ему не будетъ никуда свободнаго проѣзда».

И. А. Волковъ, прочитавъ эту любезную записку и принявъ въ соображеніе уже широко развившуюся дѣятельность столь популярныхъ въ Холму бродягъ, рѣшился, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно же принять мѣры къ поимкѣ злодѣевъ. Нужно было отыскать въ Холму честнаго, ловкаго и смѣлаго разбойниковъ человѣка, и конечно, за этимъ дѣломъ не стало, такъ какъ рѣдкій холмичъ, часто ходившій и ѣздившій по старо-

русской дорогѣ, не встрѣчалъ ихъ, или не выслушивалъ сотни разъ описанія ихъ наружности. Роль такого чичероне возложили на холмскаго мѣщанина Никандра Осипова Шеляпина, который уже неоднократно встрѣчался и бесѣдовалъ съ ними, и какъ человѣкъ небогатый, не могъ представлять для Шустенка лакомаго блюда. Шеляпинъ поѣхалъ въ Новичи верхомъ, въ половинѣ пятого вечера, а И. А. Волковъ, съ 20-ю солдатами и ихъ начальникомъ г. Бодашевнымъ, отправились часомъ позже. Какъ увидимъ изъ послѣдующаго разсказа, присутствіе военной команды было мѣрою, вынужденной настроеніемъ въ народѣ,—особенно въ тѣхъ деревняхъ, которыхъ держались разбойники,—не выдавать бродягъ, изъ опасенія, чтобы они, въ случаѣ освобожденія ихъ или побѣга, не отомстили имъ пожаромъ или даже и чѣмъ-нибудь худшимъ.

Первыя извѣстія, полученныя отъ Шеляпина, по дорогѣ къ Новичкамъ, были довольно утѣшительны; поимщики узнали отъ него, что Шустенокъ и Соколовъ, съ двумя холмскими мѣщанами, Дьяконовымъ и Примакинымъ, съ сыномъ содержателя постоялаго двора—на 9-й верстѣ отъ Холма и съ крестьяниномъ дер. Новичевъ, Никандромъ Семеновымъ, пьянствуютъ за этимъ дворомъ въ гумнѣ. Немедленно же сдѣлано было распоряженіе, чтобы за версту до постоялаго двора всѣмъ сойти съ лошадей и тихою поступью, осторожно пробраться къ мѣсту пиршества разбойниковъ. Не успѣли выполнить этого распоряженія, какъ на дорогѣ показались собутыльники Шустенка, Дьяконовъ и Примакинъ, которые, конечно, не могли не понять, зачѣмъ тутъ чиновникъ, солдаты и ихъ командиръ. Однако и они не посмѣли сказать, что не видѣли на постояломъ дворѣ разбойниковъ; повторивъ все то, что поимщики уже знали изъ словъ Шеляпина, они увѣряли, что Шустенокъ и Соколовъ уже съ часъ назадъ ушли или въ лѣсъ, или въ Новичи, но положительно куда—не знаютъ; знаютъ только, что ихъ уже нѣтъ на постояломъ дворѣ. Тихо, какъ тѣни, пробираясь мимо постоялаго двора въ разсыпную, поимщики услышали вдали лай собаки, на лай послѣдовалъ легкій свистъ изъ окна постоялаго двора, и они не могли не замѣтить, что свисталъ въ отворенное окно сынъ хозяина Антипъ, высунувъ голову въ форточку. Этотъ свистъ и лай, производя значительный шумъ, оглашавшій всю окрестность, являлись существеннымъ препятствіемъ къ наблюденію за разбойниками, которые, какъ показали послѣдствія, въ это же самое время пробрались лѣсомъ къ ночлегу. За постоялымъ дворомъ, обождавъ лошадей и усѣвшись на повозки, всѣ снова поѣхали въ

Новички. Въ Новичкахъ былъ сдѣланъ осмотръ во всѣхъ гумнахъ, сараяхъ, стогахъ и баняхъ съ такою осторожностью и тишиною, что даже не проснулась ни одна собака; затѣмъ, окруживъ конвоемъ домъ Никандра Семенова, произвели въ немъ самый строгій осмотръ, но ни Шустенка, ни Соколова не оказалось.

Послѣ неудачнаго обыска, былъ не менѣе неудаченъ и допросъ. Вся семья твердила въ одно слово, что не только некогда не принимала у себя Шустенка и Соколова,—даже и не слыхивала о нихъ. Подъ шумокъ, во время вопроса жены и тещи Никандра Семенова,—конвойные схватили сына его, свѣсившагося за окно, чтобы высочить на улицу, и какъ объяснилось дѣло, намѣревавшагося, по приказанію отца, сбѣгать въ сосѣдство извѣстить его объ угрожавшемъ обыскѣ. Задержавъ на всякій случай подъ арестомъ Семенова, поимщики пошли въ сосѣдство, но и здѣсь была та же неудача. Сосѣдъ Семенова, Матвѣй Григорьевъ, видимо струсившій, на допросѣ, отзываясь незнаніемъ Шустенка, между прочимъ, проговаривался, что «это все повадки Нивашкины»... Въ задней избѣ его былъ найденъ еще теплый самоваръ, неубранныя чашки и опорожненный полуштофъ; когда на нихъ было обращено вниманіе, то Григорьевъ вдругъ заговорилъ грубо и отрывисто, что онъ ничего не знаетъ и о повадкахъ Нивашкиныхъ ничего не говорилъ. Вообще по нравственному настроенію всѣхъ этихъ лицъ было видно, что они и хотѣли бы сказать правду, но чувствовали, что сами подвергались бы за нее жестокой мести разбойниковъ, непопавшихъ еще въ руки правосудія. По заарестованіи Григорьева, всѣ отправились въ третьему сосѣдству, Ивану Артемьеву...

Изъ всѣхъ трехъ жителей деревни Новичковъ — Артемьевъ оказался сговорчивѣе всѣхъ; ему, повидимому, надоѣла игра съ Шустенкомъ, отъ посѣщеній котораго онъ не предвидѣлъ въ близкомъ будущемъ для своей деревни ничего утѣшительнаго. Чтобы разомъ положить конецъ всѣмъ неприятностямъ, онъ рѣшился рассказать все, что зналъ о разбойникахъ, и показаніями его вполне подтвердилось предположеніе, что Шустенковъ и Соколовъ въ Новичкахъ—свои люди. Болѣе другихъ былъ близокъ съ разбойниками Никандръ Семеновъ, который съ 7-го сентября беспросыпно пьянствовалъ съ ними, принималъ въ своемъ домѣ во всякое время, угощалъ какъ лучшихъ гостей и вообще давалъ у себя имъ полнѣйшую свободу дѣйствій. Разбойники до такой степени акклиматизировались въ Новичкахъ, что шли туда какъ домой, и не считали за преступленіе стрѣлять изъ своихъ дуж-

волокъ даже по избѣ Ивана Артемьева. За несолидарность взгляда прочими сосѣдами на это гостепріимство, Шустеноеъ и Соколовъ заявляли неудовольствіе на Артемьева и угрожали испепелить все его имущество; поэтому Артемьевъ, рассказавши всю истину о связи своихъ сосѣдей съ разбойниками, просилъ поимщиковъ не оставлять его въ Новичкахъ, а взять въ городъ въ чествѣ обвиняемаго, чтобы не дать повода къ мести. Просьба была исполнена. Въ два часа ночи, поимщики вновь направились къ постоялому двору и по дорогѣ производили тщательные осмотры стоговъ, раскиданныхъ въ сторонѣ отъ дороги, и наконецъ прибыли опять на постоянный дворъ, съ прежней же сторожностью. Произведя повсюду обыскъ, они нашли въ гумнѣ сдѣланный боченокъ изъ-подъ водки, мѣрою въ четверть ведра, пустой полуштофъ, глиняную чашку, тарелку и стаканъ. По личеніи этой посуды — тарелки, чашки и стакана съ имѣвшися на постояломъ дворѣ, оказалось, что всѣ они одного сорта, что, слѣдовательно, посуда эта была принесена въ гумно отъ одержателя двора, котораго въ это время не было дома. Сынъ же его, на вопросъ, зачѣмъ ихъ посуда валяется въ гумнѣ, отбѣдилъ положительно, что найденная тамъ посуда вовсе не принадлежитъ имъ, а какъ и откуда она попала туда, онъ не могъ сказать ничего. Такимъ образомъ, подозрѣніе всѣхъ этихъ лицъ въ пристанодержательствѣ, какъ на основаніи показанія Ивана Артемьева, такъ и нѣкоторыхъ данныхъ, обнаруженныхъ обысками, подтверждалось, почему былъ заарестованъ и сынъ содержателя постоялаго двора. Уѣзжая въ городъ, И. А. Волковъ распорядился оставить въ двухъ болѣе надежныхъ пунктахъ 14-ть человекъ солдатъ, и командировалъ одного изъ станowychъ приставовъ и полицейскаго надзирателя, для бдительнаго надзора за всею окрестностью, мѣстности отъ старорусской границы до г. Холма. Мѣра эта была одна изъ самыхъ существенныхъ, какъ для безопасности населенія этой мѣстности, такъ и для охраненія селеній отъ поджоговъ, на которые такъ были незабѣдчивы Шустеноеъ съ Соболовымъ. По прибытіи въ Холмъ, всѣ заарестованные лица вновь допрошены, и всѣ, кромѣ Григорьева, сознались, что ведутъ знакомство съ разбойниками, и что дѣйствительно они въ описанную ночь, съ вечера, пьянствовали вмѣстѣ съ ними на постояломъ дворѣ. Тогда же явились купцы Челпановъ и Ив. Ив. Томилинь съ полученными письмами отъ разбойниковъ. Что письма эти не были какою-нибудь шуткою или желаніемъ пострадать купцовъ, доказывается какъ нельзя лучше тѣми

данными, которыя удалось добыть И. А. Волкову въ этотъ вечеръ посредствомъ слѣдующихъ допросовъ арестованныхъ крестьянъ.

Утромъ 6-го сентября, — показывали крестьяне, — въ деревню Новички явились Шустеновъ и Соколовъ къ Никандру Семенову, какъ къ прежнему знакомому Шустенка. Встрѣча была веселая, и Никандръ, припоминая прошлое удалое житье-бытье Степы съ Шустовымъ, предложилъ разбойникамъ хлѣбъ-соль. Какъ водится у русскихъ хлѣбосоловъ, явилась за столомъ водка, за водкой откровенная бесѣда, изъ которой всѣ увидѣли ясно, что имѣють дѣло съ бѣглымъ каторжникомъ и ссыльнымъ. Угостившись въ Новичкахъ, разбойники, вмѣстѣ съ Семеновымъ, пожелали навѣстить прежнія ухажья, побывать въ ближайшихъ окрестностяхъ Холма, но на дорогѣ встрѣтили Антипа Кузьмина, сына содержателя постоялаго двора въ Чеуновѣ, и дальше не пошли. Антипъ затащилъ всѣхъ къ себѣ, угостилъ чайкомъ и съѣздилъ въ городъ за наливкой. Началось пьянство, и, въ пылу похвалокъ своими подвигами, Шустеновъ подаль мысль, что недурно бы было потребовать съ кого-нибудь въ Холму контрибуцію, за право свободного проѣзда холмскихъ жителей по старорусской дорогѣ. А такъ какъ мысль эта была уже не новая и польза испытывалась отъ ея осуществленія множество разъ, то, конечно, нельзя было и ожидать отъ кого-нибудь протеста; Антипка даже подслужился: добылъ изъ божицы бумагу и карандашъ — и письма, подъ редакціей отставного отступнаго повѣреннаго Тиханова, а въ лѣсной жизни — Соколова, были готовы. Писать письмо къ Томилину догадался самъ Шустеновъ, знавшій чуть не весь Холмъ, а къ Челпанову — надоумилъ обратиться Антипъ, причемъ, на случай неисполненія требованія Челпановымъ, обѣщавъ указать ближайшую тропинку къ его стогамъ... Отправивъ письма, друзья пошли ночевать въ Новички, и, не безпокоя сонныхъ обывателей, устроили себѣ ночлегъ въ лѣсу, въ однихъ сѣна. Утромъ, они явились на приглашенный завтракъ къ сосѣду Семенова, Матвѣю Григорьеву, а отъ этого — ошастливили своимъ посѣщеніемъ и третьяго сосѣда, Ивана Артемьева. Но, такъ какъ Артемьевъ оказался поскутѣ другихъ, то разбойникамъ пришлось воспользоваться лишь одною его услугою, — именно, удалось упротить съѣздить за наливкой, на какую потребу и отпустить изъ собственнаго кармана Иванъ Васильевичъ Тихановъ три рубля. Угостившись у Артемьева, всѣмъ вагаломъ — и гости, и хозяева — пошли опять къ Матвѣю Григорьеву, опять послали за наливкой, и, напившись, опять же ночевали на прежнемъ ночлегѣ. 8-го сентября, въ Новички пріѣхали холмскіе мѣщане, Дьяконовъ и

Примакинъ, и оставовились у Никандра Семенова. Вѣрный своему призванію, Семеновъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Шустенку и посовѣтовалъ отправить съ ними другія письма, не надеясь, что первыя дойдутъ по адресу. Совѣтъ былъ исполненъ. Познакомясь поближе, случайные посѣтители догадались, что имѣютъ дѣло съ людьми самаго лихого пошиба, струсили, и тутъ же заискивающимъ тономъ загѣли на тему о «четвертухѣ». Примакинъ былъ давно извѣстенъ Шустенку, съ которымъ они видѣлись еще въ Перегинѣ, на родинѣ его, и, слѣдовательно, приидываться незнайкой было неудобно. Предложеніе испытать было принято общимъ голосомъ. Но такъ-какъ Шустеновъ не отчаявался за вѣрную доставку первыхъ писемъ въ Холмъ, въ которыхъ предлагалось доставить деньги восьмого числа къ чекуновскому постоялому двору, то онъ и предложилъ поѣхать повутить поближе къ Холму — въ Чекуново. Здѣсь Антипъ, вѣроятно изъ предосторожности, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ сообщничествѣ съ темными личностями, не пустилъ ни Шустова, ни Соколова въ комнаты, а указалъ имъ мѣсто на травѣ, у самаго гумна. Хвативши на вольномъ воздухѣ не въ мѣру сибухи, холмскіе гости нѣсколько поосмотрѣлись и сдѣлались общительнѣе съ новыми знакомыми. Здоровая выпивка и новый человѣкъ непремѣнно располагаютъ къ излишней болтовнѣ; а если при этихъ условіяхъ да подвернется подъ руку какая-нибудь для разговора большая тема, — человѣкъ совершенно дурбегъ, входитъ въ азартъ и не помнитъ, что говорить. Такъ точно случилось съ Дьяконовымъ и Примакинымъ. Въ ту пору, почти весь Холмъ былъ поголовно вооруженъ противъ тогдашняго городского головы И. Б.; о немъ писали въ газетахъ, доносили, производили слѣдствіе за слѣдствіемъ, но онъ все оставался твердъ, какъ скала, воссѣдая на своихъ финансовыхъ твердыхахъ... Это раздражало почти весь городъ, а въ томъ числѣ и Дьяконова съ Примакинымъ.

— Вы не знаете нашего Б.? — спросилъ Дьяконовъ у Шустена.

— Какъ не знать... Знаемъ всѣхъ... отвѣтилъ пьяный бродяга.

— Вотъ деньжищъ - то!.. удивленно воскликнулъ собесѣдникъ. — Страсть!..

— Д - да, — промычалъ флегматично Шустеновъ, — у васъ есть по вущамъ деньги...

— Вотъ бы пощупать - то... домекнулъ Дьяконовъ. — А стоило-бъ, потому человѣкъ онъ не мірской — не общественный... А какъ разъ встать — онъ долженъ скоро здѣсь проѣзжать.

— Увидимъ—не спустимъ; а не увидимъ—въ другой разъ не пропустимъ... А скупъ онъ?

— Кащей!

— Ахъ, штобъ ево!.. Слышь, Соколовъ?

— Слышу.

— А общество—то наше какое бы вамъ спасибо сказало!.. То-есть и вотъ какъ!.. проговорилъ Дьяконовъ, отмѣряя порцію «спасибо» по самое горло.

Шустеновъ съ Соколовымъ намотали себѣ эту болтовню на усъ. Уничтоживъ запасъ водки, Дьяконовъ и Примакинъ отправились въ Холмъ. На дорогѣ имъ попался на-встрѣчу, тутъ-же, у постоялаго двора, прикащикъ головы, холмскій мѣщанинъ Никандръ Шеляпинъ. Остановивъ его, они посовѣтовали не ѣздить ему дальше, предупреждая, что на дорогѣ не совѣтъ тихо. Но когда Шеляпинъ не обратилъ на ихъ слова вниманія, то Дьяконовъ свиснулъ, и изъ-за куста вышелъ на дорогу Соколовъ. Разспросивъ у Шеляпина, кто онъ и куда ѣдетъ, Соколовъ, уходя обратно въ кусты, посовѣтовалъ прохожему держать себя посеромнѣе, а языкъ—на привязи.

— Коли ты прикащикъ головы, такъ поѣзжай, — да знай, что ты меня не видалъ и я тебя тоже!.. Понимаешь?.. прикрикнувъ онъ грозно на испуганнаго парня. Едва Шеляпинъ тронулъ лошадь, какъ изъ-за другого куста выскочилъ Шустеновъ, и остановивъ его, удостовѣрился самъ, что передъ нимъ дѣйствительно сидитъ на лошади человекъ, у котораго нѣтъ за своей душой собственнаго гроша. Повторивъ фразу Соколова и пригрозивъ двухстволкой, онъ медленно побрелъ въ кусты. Вечеромъ, не дождавшись отвѣта на письма, всѣ — гости и хозяйка, отправились въ Новички, но уже эту ночь не пьянствовали, а смирно пили чай у Матвѣя, затащивъ съ собою дочь содержательницы кабака, на самой границѣ Старорусскаго уѣзда, изъ деревни Яблоновки, Александру. Почевать отправились на прежнее логовище въ стогъ, но ночью случилась такая окказія, отъ которой даже набрались страха сами разбойники и, выбравшись изъ стога, сочли за лучшее удалиться подальше отъ селенія. Причина, испугавшая ихъ—случившійся пожаръ въ гумнѣ Григорьева, и вслѣдствіе этого крики: «караулъ»... Пожаръ случился отъ поджога уже въ то время, когда, послѣ обыска, новичковскіе домохозяева были отправлены въ городъ, а въ избѣ Никандра Семенова сидѣли солдаты. Не зная этого послѣдняго обстоятельства, на разсвѣтѣ Соколовъ подошелъ тихо къ двору Григорьева, и чтобы вызвать къ своему прибытію вниманіе,

сталъ бросать легкими камнями въ заборъ. Жена Матвѣя, услыша стукъ, поспѣшила къ Соколову и рассказала, что ночью были изъ города поимщивы, что Никандръ Семеновъ и ея мужъ зарестованы и уведены въ городъ и что въ Новичкахъ оставлено много солдатъ. Сообразивъ всю опасность своего положенія, Шустенокъ съ товарищемъ, не медля ни минуты, лѣсомъ, только имъ извѣстными тропинками благополучно перебрались въ Старорусскій уѣздъ, избравъ своимъ обычнымъ притономъ яблоновскій кабакъ.

Такъ окончилась попытка этихъ бродягъ, укрѣпить свое гнѣздо въ Холмскомъ, уѣздѣ; но за то они почувствовали себя очень свободными въ Старорусскомъ, — впрочемъ не надолго.

До какой степени были наивны холмскіе купцы, получая отъ Шустенка письма, можно видѣть изъ того воззрѣнія, опираясь на которое купецъ первостатейный, И. И. Томилинь, не рискнулъ представить въ полицію присланнаго ему письма Шустенкомъ изъ Чекунова. Письмо это принесъ Томилину мѣщанинъ Кособрюховъ и, подавая его, пояснилъ отъ кого оно и съ какимъ требованіемъ.

— Нужно бы, братецъ, отправить тебя въ полицію, но ужъ для праздника — Богъ съ тобой, отвѣтилъ ему добродушный Томилинь, а между тѣмъ, самъ же задобривалъ Шустенка чайкомъ и сахарцемъ, когда тотъ содержался по Степинуму дѣлу и даже не скупился на деньги. Раньше этого случая, Шустенокъ, еще до поимки Степы, вмѣстѣ съ нимъ, уполномочили какъ-то разъ старорусскаго купца Ивана Васильева зайти въ Холму къ Томилину и спросить на ихъ имя 100 руб. Добродушный Иванъ Ивановичъ, вмѣсто того, чтобы отправить этого посла куда слѣдуетъ, хотя пословъ, по пословицѣ «ни казнятъ, ни вѣшаютъ», благодушно только постращалъ его острогомъ.

— Ну, хорошо, братъ, что ты намъ знакомъ, — возразилъ Иванъ Ивановичъ, — а то тебя слѣдовало бы отправить въ *Дерюгино заведеніе*... ¹⁾, т.-е. въ острогъ. Если нужны имъ деньги, то пусть сами придутъ...

Наивность эту можно объяснить лишь тѣмъ, что сто рублей отдать бродягамъ тотчасъ же — жалко; а посла ихъ представить по начальству — опасно; вдругъ бродяги отмстятъ. Держась же сдержанно, можно надѣяться, что какъ-нибудь дѣло и уладится.

¹⁾ Острогъ, строителемъ котораго былъ нѣкто Дерюгинъ.

II.

Деревня Яблоновка, и тотъ знаменитый кабакъ, гдѣ устроили себѣ безопасную берлогу вытѣсненные изъ Холмскаго уѣзда разбойники, расположена недалеко отъ границы уѣзда. Безучастное отношеніе старорусской полиціи въ дѣятельности Шустенка и Соголова, пользовавшихся безнаказанною свободою творить свою волю, поощряло ихъ своеволіе, и дорога отъ Русы до Холма продолжала оставаться большою, но не проѣздною. Жителямъ Холма нисколько не было легче оттого, что Шустенокъ съ товарищемъ оставили ихъ уѣздъ. Развѣ не все равно удовольствіе быть ограбленнымъ, въ Холмскомъ, или въ Старорусскомъ уѣздѣ?..

Сознавая, что дѣло преслѣдованія этихъ безпокойныхъ господъ не кончено и что безопасность пути для проѣзжихъ не обезпечена, И. А. Волковъ донесъ графу Палену подробно о положеніи дѣла, просилъ его сдѣлать сношеніе съ новгородскою администраціею, и высказалъ при этомъ полное недовѣріе въ представителямъ старорусской полицейской власти. Благодаря этому представленію Волкова, новгородскій губернаторъ, вслѣдствіе сношенія съ нимъ графа Палена, поручилъ преслѣдованіе разбойниковъ ассессору новгородскаго губернскаго правленія. Дѣйствительно, не представлялось никакой возможности полагаться на такую полицію, которая въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ спокойно созерцала продѣлки бѣглецовъ, у себя подъ окномъ, и не ударила пальцемъ о палецъ для того, чтобы умѣрить разбойническую дѣятельность бродягъ. Мы уже имѣли случай упомянуть выше, что даже и знаменитый богатырь Стена захваченъ не по инициативѣ старорусской полиціи, а просто потому что онъ вывелъ изъ терпѣнія мѣстныхъ крестьянъ. Та же безнаказанность и невниманіе къ появленію Шустенка характеризовали старорусскаго исправника и станovýchъ приставовъ теперь. И такое-то положеніе дѣла давало право И. А. Волкову продолжать начатое дѣло въ чужомъ уѣздѣ.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ увѣдомленіе, что разбойники держатся въ Яблоновкѣ. Свѣдѣніе это сообщилъ ему полицейскій надзиратель Изборскій, остававшійся въ Новичахъ и собиравшій достовѣрныя данныя о мѣстѣ пребыванія бѣглецовъ. Дознаніе надзирателя обнаружило, что на 10-е сентября ночью, проѣздомъ изъ Старой Русы, холмскіе мѣщане Нивфоръ Кошкинъ и Петръ Савинъ Кляпинъ остановились въ яб-

ионовежомъ кабакѣ кормить лошадей. Подъѣзжая къ кабаку, они видѣли въ немъ огонь, но едва постучались въ дверь, мгновенно огонь погасъ, и кабатчица встрѣтила прѣзжихъ съ недобрымъ видомъ. Холмичи съ трудомъ упросили ее дозволить выпречь лошадей подъ окномъ, но чтобы войти въ кабакъ нечего было и рѣчей тратить, — хозяйка дѣлала видъ, что не узнаетъ прѣзжихъ. Наконецъ, спустя четверть часа, она ахнула отъ удивленія, увидя Кошкина и поспѣшила отворить ворота. Въ кабакъ во дворъ Кляпинъ не безъ испуга увидѣлъ, что изъ избы вышли двое мужчинъ въ красныхъ рубашкахъ, въ плисовыхъ шароварахъ и суконныхъ сибиряхъ, съ двустволками за плечами, съ ножами и пистолетами за поясомъ, и направились въ хлѣвъ. Убравши лошадей, Кляпинъ вошелъ въ избу, гдѣ уже сидѣлъ Кошкинъ, а хозяйка, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ прѣзжихъ, пригласила сюда же Шустенка и его товарища. Они вошли вѣроятно для того, чтобы посмотреть кто прѣзжіе.

— Ты Кошкинъ?.. спросилъ одного изъ прѣзжихъ Шустенокъ.

— Кошкинъ... отвѣчалъ холмичъ.

— Ну, вамъ своя дорога, а намъ своя... до свиданія!.. и съ этими словами они вышли вонъ.

Холмичи остались ночевать. Но плохо спалось ночью имъ. Близкое сосѣдство подозрительныхъ лицъ не выходило изъ головы; едва начнетъ одолѣвать котораго-нибудь дремота, какъ вдругъ представляется вустъ, за вустомъ кто-то ворочается, — точно внимательно въ кого-то всматривается, и вдругъ высовываются два ствола длиннаго охотничьяго ружья... Дремота пропадаетъ и начинается разговоръ.

— Дядюшка Мивифоръ, ты не спишь? — спрашиваетъ Кляпинъ.

— Нѣтъ... А ты?.. переспрашиваетъ Кошкинъ.

— Не до сна мнѣ!..

— Знаешь, Петруха, поѣдемъ... Ей-Богу лучше будетъ!.. подзываетъ Кошкинъ, боясь повернуться на лавкѣ.

— Я и самъ тожъ думалъ... Да ладно-ль будетъ?.. Здѣсь все-жъ на дорогѣ, да въ жильѣ; а либо и ничево... На бую-то вѣдъ хуже; — тамъ вольѣе, — отвѣтилъ Кляпинъ, прикрывая трусость разумнымъ размышленіемъ, и оба на нѣсколько минутъ умолкали. Не прошло полчася, какъ разговоръ начинался вновь.

— Пѣтра, — а Пѣтра!.. Слушай, — Кляпинъ!.. взывалъ Кошкинъ. — Ты спишь?..

— Сплю... отвѣчалъ Кошкинъ, не смыкая глазъ.

— А вѣдь, чудакъ, наше дѣло хуже всѣхъ... Мнѣ все греется, что намъ не сдобровать,—продолжалъ Кошкинъ.

— Ничего, значить, теперь не подѣлаешь... не надо было мѣшкать въ Поддорскомъ кабацѣ... утѣшалъ его товарищъ.

Такъ пробесѣдовали проѣзжіе сосѣди цѣлую ночь, вздыхая и крестясь, поварачиваясь съ бока на бокъ. Наконецъ, въ маленькое кабацкое окно блеснулъ первый, слабый луч осенняго утра, и Кляпинъ началъ будить хозяйку.

— Вотъ наказанье-то господне послано на меня севодни!.. ворчала хозяйка въ своей «казенкѣ»—небольшой комнатѣ, отгороженной досчатой перегородкой отъ общей комнаты.—И что это за нелегкое здымаетъ васъ?.. Всю-то ночь на пролетъ не дадутъ глазъ сомкнуть!..

— Да время ѣхать—свѣтъ!.. Надо пораньше домой,—отвѣчалъ заискивающимъ тономъ Кляпинъ.

— Чортъ васъ тискалъ—ночевать тутъ, и убирались бы съ вечера,—продолжала полушопотомъ хозяйка... Никто васъ и не держалъ!

— Ну—ладно; не сердись, зажги огонечку...

— Выдувайте сами въ ямкѣ... а нѣтъ—ждите Шустенка—онъ принесетъ,—проговорила съ дерзостью озлившаяся кабатчица, видимо кичившаяся авторитетомъ гостившихъ у нея разбойниковъ.

Дѣлать было нечего; Кляпинъ кое-какъ зажегъ фонарь и тихо, безъ шума отправился поить и запрягать лошадь. Покуда онъ ворочался на дворѣ, мазалъ телѣгу и запрегъ лошадь, разсвѣло настолько, что уже не было нужды въ фонарѣ. Кошкинъ сидѣлъ на лавкѣ и, крестя зѣвающій ротъ, посматривалъ съ нетерпѣніемъ въ окно, ожидая, когда подѣдетъ къ окну телѣга. Вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показались двѣ фигуры въ измятыхъ синихъ сибиркахъ, Шустенка и Соколова, въ сборкахъ платья которыхъ по мѣстамъ виднѣлось оставшееся сѣно; почему можно было догадаться, что они ночевали тутъ же гдѣ-нибудь на сѣновалѣ.

— А что господа вупцы проѣзжіе, я спрошу васъ,—знаете вы Миеолая Семенова Дьяконова?—спросилъ Соколовъ.

— Сосѣдъ,—какъ не знать,—отвѣтилъ Кошкинъ.

— Скажите, что ему дѣлать такъ не годится... Онъ пилъ наше же вино, напимъ же добромъ угощался, да за хлѣбъ-за соль намъ и напакостилъ... Чтѣ мы ему сдѣлали, что онъ выдалъ нашъ притонъ въ Новичкахъ вашему исправнику?.. Мы ему этого по гробъ-жизни не забудемъ... Такъ ему и передайте,

что, молъ Шустовъ съ Соколовымъ велѣли тебѣ поклонъ отдать, да совѣтовали на дорогѣ имъ не попадаться...

— А вино повезетъ изъ Русы въ свой кабакъ, такъ скажите, что бочки съ виномъ не видать ему, какъ своихъ ушей.. — Такъ и скажите, подтвердилъ Шустенокъ. А сами-то начальству своему—ни слова!.. Видѣлъ—не видалъ; слышалъ—не слыхалъ!... А то—разсчесть будетъ короткій...

— А отъ меня свезите записочку Ивану Ивановичу Томилину, и скажите ему, что обманывать добрыхъ людей нечестно... Онъ добра нашего не помнитъ; третій разъ наказываемъ, чтобы прислалъ денегъ, а онъ все жметъ... А вѣдь постройка его дѣла... у другаго — давно-бъ одни головешки были, а ему все спускается... Ну, да коли этотъ разъ заупрямится, такъ можетъ—не досчитается котораго ни на есть изъ братьевъ... вѣдь они, надо быть, скоро поѣдутъ изъ Питера,—пригрозилъ Соколовъ.

Въ это время къ окну выѣхала изъ двора телѣга, и Кошкинъ, распрощавшись съ добрыми людьми и гостепріимной хозяйкой, отправился съ Кляпинымъ въ Холмъ. Въ Новичкахъ, они передали и записку Соколова на имя Томилина и все, что видѣли и слышали въ Яблоновкѣ, надзирателю Изборскому.

Получивъ вечеромъ 10-го сентября эти свѣдѣнія, И. А. Волковъ предложилъ холмскимъ охотникамъ удовольствіе поохотиться на Шустенку съ Соколовымъ, и вмѣстѣ съ начальникомъ мѣстной команды отправились 11-го числа послѣ обѣда къ Яблоновкѣ. Компанію составляли кромѣ ихъ шесть человекъ охотниковъ, странникъ-прохожій и Дьяконовъ въ телѣгѣ съ наливкой и другими винами. Въ Новичкахъ присоединилась къ нимъ оставленная тамъ 8-го числа команда, объ отозваніи которой въ городъ уже былъ пущенъ слухъ. Нѣкоторые охотники вызвались играть роль гуртовщиковъ, торговали дорогой сѣно и луга для пастбищъ, а Дьяконовъ дѣлалъ видъ, что везетъ въ свой кабакъ различное «питіе». Чтобы замаскировать все дѣло, Дьяконову была передана записка отъ Челпанова къ Шустенку, въ которой онъ просилъ разбойника—помириться съ нимъ на половинѣ требуемой суммы и извинялся, что изъ страха встрѣтиться съ нимъ, не рискуетъ лично явиться къ нему на поклоненіе. Кромѣ письма, онъ долженъ былъ отъ Челпанова же имени преподнести разбойникамъ, въ видѣ особаго дара, двѣ бутылки коньяку и четверть наливки. Странникъ-прохожій и Дьяконовъ должны были прибыть въ яблоновскій кабакъ раньше всѣхъ, и еслибы нашли тамъ Шустенку съ его другомъ, то затѣять съ ними

пьянство; а въ противномъ случаѣ должны были послать за ними. Въ случаѣ неудачи — къ нимъ должны были заѣхать гуртовщики, и если бы предположенное пьянство устроилось, то, по условленному сигналу, должно было приступить къ поимкѣ злодѣевъ.

Но, «домашняя дума — въ дорогу не годится», говоритъ народная мудрость, и къ сожалѣнію эта пословица оправдалась вполнѣ. Не доѣзжая трехъ верстъ до Яблоновки, поимщиками повернули съ дороги въ сторону и пѣшкомъ пробравшись къ самому кабаку, тихо усѣлись въ кустахъ, выжидать послѣдствій отъ первоначальнаго выполненія плана. Нетерпѣніе поимщиковъ росло съ каждымъ часомъ, и И. А. Волковъ, чтобы удостовѣриться, есть ли какая-нибудь надежда на успѣхъ, подходилъ тихо къ кабаку и подслушивалъ происходившій тамъ разговоръ.

— Ты меня и не морочь!.. кричала хозяйка; ты «сподсылу» припелъ... Чортъ бы тебя понесъ въ этакую пору на повлонъ къ Шустенку...

— Да вѣдь намъ, я думаю, жалко своето добро, — ты то посуди... Не приди я севодни, — завтра, можетъ быть, у меня дома ни кола ни двора не останется... По неволѣ идешь... Нѣтъ, голубушка, клинъ-то и не хочетъ въ щель, да лѣзетъ, коли обухъ гонить... Ужъ ежели нѣту ихъ тутъ, такъ послала-бъ; пусть бы пришли...

— Не звони пустова... отрѣзала сердито холмичка; — ты думаешь, я не знаю ничего, что въ Новичкахъ третѣе-дни было... Накосъ тебѣ, какой умниевъ... Добрыхъ-то людей не только Ома да Еремей; у насъ вѣдь проѣздная дорога, все знаю...

— Да знать, почитай, нечево... Извѣстно, постращали маленъко, да все по пустякамъ, — пытался Дьявоновъ успокоить кабатчицу, но та была пуганая ворона.

— Что и говорить — по пустякамъ!.. Нѣтъ, дай Богъ здорovia поддорскому ямщику; старикъ возилъ вое-то вапихъ въ Каменку — все визналъ; прямо говоритъ: молодца, поопасись — помыа будетъ... Цѣлая, говорить, команда идетъ...

Надежда оказалась напрасной, какъ показали послѣдствія, вѣсть о предполагавшейся поимкѣ въ этихъ краяхъ разбойниковъ и объ обыскѣ въ яблоновскомъ кабакѣ проникла въ общество совершенно случайно. Крестьянинъ, привозившій въ исправнику письмо изъ Новичковъ отъ надзирателя, не вышелъ его дома и съ вѣстовымъ отправился искать его по городу, провозглашая всюду, что нуженъ исправникъ по очень важному дѣлу; что грабителей нашли въ Яблоновкѣ. Въ городѣ, конечно, заговорили, и слухъ разлетѣлся быстро. Кабатчица же яблон-

стала, сама холмская мѣщанка, вдова Орѣхова, знавшая всѣхъ и каждаго, очевидно, не могла относиться безучастно ко всему творящемуся въ ея родномъ пепелищѣ.

Видя, что весь планъ, основанный на секретѣ, разлетѣлся отъ одного прикосновенія къ нему дѣйствительности, поимщики должны были измѣнить образъ дѣйствій, и, перебравшись всѣ къ самому кабаку, стали зорко наблюдать, не придетъ ли кто къ Орѣховой провѣдать — все ли тутъ тихо. Наблюдения на новой позиціи, если не открыли присутствія бродягъ, то все-таки были не бесполезны тѣмъ, что открыли одного важнаго сообщника ихъ, на солидарность дѣйствій котораго съ Шустенкомъ никто бы не могъ рассчитывать. Часовъ въ двѣнадцать ночи, изъ Холма проѣзжалъ содержатель кабака въ селѣ Поддорѣ съ содержательницею кабака въ деревнѣ Сокольскѣ. Проводникомъ у нихъ былъ изъ той же деревни крестьянинъ Илья, везшій водку; всѣ они были пьяны и, не стѣсняясь, шумѣли и спорили во весь голосъ. У кабака они остановились и, бросивъ телѣги, пошли въ кабакъ, оставивъ караульнымъ при лошадяхъ полевого сторожа, охраняющаго на большой дорогѣ ворота, крестьянина «Лукашку». Это былъ старикъ съ изуродованными ногами, горькій пьяница и самый искренній помощникъ въ дѣлахъ Шустова. Сидя у воротъ днемъ и ночью, въ шалашѣ, покрытомъ дерномъ, онъ высматривалъ бдительно, какъ волежъ по сторонамъ, и если замѣчалъ приближеніе проѣзжаго или пѣшехода, стучалъ палкою о ворота, и вѣчно запертыя на крюкъ двери кабака тотчасъ же отворялись, а Шустовъ съ Соколовымъ уходили изъ избы въ хлѣвъ, чтобы съ болѣею предосторожностью высмотрѣть добычу. Стукомъ палки онъ извѣщалъ только о тѣхъ путникахъ, которыхъ не досматривалъ издали, а о дальнихъ, — непременно ходилъ въ кабакъ рапортовать лично. Поддорскій кабатчикъ приглашалъ въ кабакъ и Лукашку, но старикъ, несмотря на страсть къ пьянству, не пошелъ; кабатчикъ хотѣлъ выслать водки на улицу, но упрямый дѣдъ грубо отказался; видно было, что онъ почему-то не нуждается въ любезности проѣзжаго кабатчика. Путники пробыли въ кабакѣ часа два, и въ теченіе этого времени вдова Орѣхова довольно часто выбѣгала къ Лукашкѣ и о чемъ-то съ нимъ шепталась. Далеко за полночь они отправились въ путь и, уѣзжая, кабатчикъ закричалъ Лукашкѣ: «Я Шустовыхъ вашихъ не боюсь, пусть выходятъ!.. Видали мы ихъ!..» Сопровождавшій же водку крестьянинъ Илья, оставъ отъ товарищей, о чемъ-то тихо и долго разговаривалъ съ Лукашкой. Затѣмъ старикъ полѣзъ въ свою придорожную нору и на дорогѣ наступила мертвая тишина.

Передъ свѣтомъ, надѣясь еще все, что, быть можетъ, разбойникамъ понадобится узнать положеніе дѣлъ въ ихъ притонѣ, И. А. Волковъ рѣшился обойти старика, а главнымъ образомъ, опасаясь, чтобы Шустенокъ не прошелъ къ шалашиѣ по другую сторону изгороди и не переговорилъ съ Лукашкой, онъ самъ пошелъ въ нему и напелъ его сладко дремлющимъ. Костюмъ дозволялъ Волкову выдавать себя за мѣщанина, и онъ обратился къ дѣду съ словами, поддѣлываясь подъ нарѣчіе холмскихъ мѣщанъ.

— Что, дидушка, не спишь?—спросилъ онъ Лукашку, влѣзая въ шалаши.

— Не сплю... а тебѣ што?.. отвѣтилъ онъ грубо.

— Да какъ, — можно-ль съ тобой поговорить по откровенности?..

— Гомони себѣ, — мнѣ што...

— Да у тебя тутъ нѣту нивого лишняго?..

— Какъ не быть? Развѣ етакую тьму можно безъ лишняго?.. Есть воля про вашего брата — проходимцевъ...

— Зачѣмъ же воля?.. Либо и пригодимся другъ другу... Сважи-ка лучше, нельзя ли мнѣ поговорить съ Егоромъ Шустовымъ?.. Есть дѣло хорошее...

— Поди, поди... Какой тутъ Шустовъ!.. никакого я такого не знаю... Иди куда идешь...

— Ну, такъ вызови ко мнѣ Василису (кабатчицу).

— Не мое дѣло ввязываться въ ваши дѣла, — отвѣтилъ Лукашка такимъ тономъ, что, не зная его связи съ Шустенкомъ, нельзя бы было имѣть и тѣни подозрѣнія объ этой связи. Давши такой отвѣтъ, онъ затѣялъ-было кричать караулъ, но ладонь заградила ему сильный органъ и въ одно мгновеніе старый плутъ былъ, съ зажатымъ ртомъ, оттащенъ отъ дороги въ сторону сажень на двѣсти, изъ опасенія, чтобы крикомъ своимъ не обратиться на поимщиковъ вниманія тѣхъ, кому менѣе всего нужно было знать о ихъ присутствіи здѣсь. Лукашка притворился недышущимъ и потерявшимъ сознаніе, но когда погрозились его выдрать, онъ не только проявилъ признаки жизни, — даже заговорилъ. Перебирая всѣхъ святыхъ, Богородицу и внучатъ своихъ, онъ влялся самыми страшными влятвами, что не только не знаетъ Шустенка и Соболова, но даже и не слыживалъ о нихъ, и узнаеть о существованіи ихъ только теперь...

На разсвѣтѣ явились Дьяконовъ и странникъ-прохожій, и загадка, изъ какихъ источниковъ Орѣхова узнала о предполагаемомъ у нея обыскѣ — разъяснилась. Племянникъ ея, холмскій

же мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Примакинъ, бывши въ Каменѣ (въ 7-ми верстахъ отъ Новичковъ, послѣдняя станція къ Холму), просилъ поддорскаго ямщика предупредить объ этомъ тетку. Такимъ образомъ, и эта поѣздка холмскихъ поимщиковъ не достигла цѣли; а между тѣмъ старорусская полиція благодушествовала въ бездѣйствіи; бывшій тогда становой приставъ Р..., какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній холмской полиціей, умысленно не замѣчалъ въ своемъ станѣ присутствія бѣглецовъ, и исключительно посвятивъ себя горькому пьянству, развѣзжалъ по уѣзду и пилъ водку какъ воду, ковшемъ изъ таза, доказывая этимъ, что онъ непобѣдимъ для Бахуса. И. А. Волковъ, сносясь съ старорусскимъ исправникомъ, указывалъ ему на недостаточность вниманія мѣстной полиціи къ нуждамъ уѣзда, но все было напрасно. Наконецъ, спустя почти мѣсяць, когда Шустенокъ съ Соколовымъ, напуганные принятыми къ ихъ поимкѣ мѣрами, поставлены были въ необходимость покинуть большую дорогу и переселиться на Ловать къ Перегину, въ сосѣдство къ родинѣ Шустенка, гдѣ жила его жена, старорусская полиція нагрянула съ войскомъ и поселилась въ Перегинѣ, въ ожиданіи, когда придетъ туда Шустенокъ самъ. Конечно, онъ и не думалъ добровольно лишать себя свободы, а преспокойно, верстахъ въ трехъ отъ бдительныхъ преслѣдователей, опочивалъ каждую ночь благополучно въ деревнѣ Рахлицахъ, куда нерѣдко хаживала къ нему и его жена. Все Перегино было точно на военномъ положеніи. Если жителямъ было неприятно сосѣдство Шустенка, то еще болѣе не нравился имъ постой у себя солдатъ, бесполезно проживавшихъ на счетъ крестьянъ. Представители полицейской власти, вѣроятно, предполагая, что Шустенка скрываютъ перегинскіе крестьяне, въ видѣ экзекуціи донимали ихъ подводной повинностью, постоемъ и долговременнымъ харчеваньемъ; жена Шустенка десятки разъ допрашивалась, усовѣщевалась и припугивалась тяжелой отвѣтственностью, если будетъ скрывать мѣстопробываніе мужа; но не помогала и эта мѣра. Время, однако, шло, а о Шустенкѣ не было ни слуха, ни духа; его и слѣдъ простылъ... Жители Перегина хорошо знали, гдѣ Шустенокъ, но никто не рисковалъ сдѣлаться его предателемъ, такъ какъ никто не довѣрялъ ловкости и даже добросовѣстности старорусской полиціи. Каждый думалъ, что Шустенокъ въ ея рукахъ—неуязвимъ для правосудія—и продолжалъ терпѣть экзекуцію, которая не могла быть пріятна вслѣдствіе слишкомъ чувствительнаго убытка, нравственнаго униженія и ежеминутнаго безповойства за личную безопасность, ибо слова: «острогъ, кандалы и ка-

торга» раздавались въ каждой избѣ. Наша древняя полиція чрезвычайно походила на тѣхъ церковныхъ проповѣдниковъ, которые, не умѣя сказать своимъ слушателямъ двухъ-трехъ толковыхъ словъ, сейчасъ же запальчиво кричатъ съ каеэдръ: «идите отъ меня провляти во огнь вѣчный, уготованный диаволу и аггеломъ его... и идутъ сіи въ муку вѣчную». Кто не помнить, какъ десять лѣтъ назадъ, становые пристава, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не хватало разума и имѣлась ревность не по разуму, въ каждомъ, въ сущности пустомъ обстоятельствѣ, запальчиво кричали на запуганныхъ и дрожащихъ мужиковъ: «я васъ!.. я васъ—ракаліи!.. въ тюрьму!.. въ каторгу!.. въ кандалы!.. Сгниете въ острогѣ»!.. и т. д. И все это дѣлалось съ цѣлью подслужиться правосудію, открыть преступленіе! Но чего достигали подобныя господа, видно изъ перегинской исторіи. Незванные гости—солдаты и полиція, надоѣли крестьянамъ; чтобы отдѣлаться отъ нихъ, необходимо было выдать Шустова,—а какъ его выдать?.. Выдадутъ, а онъ, вдругъ, на другой же день явится опять въ ихъ краю и запалитъ со всѣхъ концовъ деревню, что нерѣдко дѣлывалъ родоначальникъ холмскихъ злодѣевъ «Слизкой»;—что тогда?.. Думали, думали крестьяне и придумали, взять Шустенка имъ самимъ и при себѣ же доставить его въ острогъ.

Не говоря ни слова о своемъ намѣреніи ни солдатамъ, ни полиціи, нѣсколько человекъ крестьянъ рѣшились его исполнить. Шустенокъ жилъ въ Рахлицахъ и собирался обезпечить себя на зиму тепломъ. Въ это время у него былъ уже въ качествѣ адъютанта молодой здоровый парень, о связи котораго съ разбойниками еще куда не зналъ почти никто. Парень исполнялъ всѣ мелкія порученія Шустенка, который посылалъ его въ бабаки, въ деревни, и высматривать проѣзжихъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е сентября, Шустенокъ съ Соколовымъ ночевали въ Рахлицахъ, забравшись въ пологъ, повѣшенный въ задней избѣ въ домѣ крайняго жихаря. Они мечтали купить готовую избу и перевезти ее куда-нибудь въ безопасное мѣсто, чтобы не каждую ночь надоѣдать крестьянамъ. Вечеромъ, 22-го сентября, въ одномъ изъ домовъ въ Рахлицахъ, собрались крестьяне, и одинъ солдатикъ-гулява, ушедшій изъ Перегина, сидѣли и болтали кто о чемъ, не очень уклоняясь, однако, отъ занимавшей всѣхъ мысли, какъ бы поймать Шустенка, да такъ, чтобы ни ружья, ни винчалы разбойниковъ не пошли въ дѣло. Подъ шумокъ кто-то постучалъ вдругъ въ окно. Крестьяне переглянулись.

— Кто крешенный?.. спросилъ хозяинъ.

— Свои... отворите... отвѣтилъ голосъ съ улицы.

Дверь отворилась, и въ избу вошелъ молодой парень-франтъ, въ дубленомъ полушубкѣ и въ красной рубахѣ.

— Што-жь, дядюшка... насчетъ избы-то?.. аль раздумалъ?.. спросилъ парень хозяина.

— Нѣтъ,—не отдумалъ... Да вѣдь надо бы избу-то поглядѣть хорошенько... такъ въ цѣнѣ не сойдемся...

— Не надо смотрѣть, повѣримъ и такъ, только возьми сто двадцать пять... боли не дадутъ,—промолвилъ парень.

— Кто не дастъ?—вмѣшался солдатъ.

— Кому надо... отвѣтилъ грубо парень.

— А можетъ и намъ надо парень отвѣтъ дать,—сказалъ хозяинъ.—Бери его, робяты... надпрокутили ёны намъ... Гомони, гдѣ Шустенокъ съ Тихашкинымъ,—крикнулъ онъ, схвативъ парня за воротъ. Парень струсилъ и сознался, что они въ крайней избѣ.

Не долго думая, всей артелью бросились къ крайней избѣ, вскочили въ нее и съ шумомъ обшарили всѣ углы и закоулки, но не нашли никого. Двое, болѣе смѣлыхъ, открыли «подъязыбицу», т.-е., дверь на полу, ведущую подъ полъ, и къ великой радости, увидя тамъ оружіе разбойниковъ, закричали въ восторгъ—«здѣсь»!.. Живо вытащивъ ружье, они захлопнули дверь, многіе стали на нее и велѣли палить въ окно изъ ружья, чтобы выстрѣломъ дать знать за три версты въ Перегино...

— Палі, Васька!.. Палі, жидъ!.. кричали обрадованные крестьяне.

— Зачимъ — робя — палить; зарядъ тратить, — возражалъ Васька.

— Палі!.. пусь солдаты идутъ... командовала толпа.

Васька отворилъ окно, и выстрѣлъ, направленный на воздухъ, огласилъ деревню... Черезъ минуту кто-то застучалъ дверью въ задней избѣ, дверь отворилась и удивленные крестьяне встрѣтили Соколова-Тиханова.

— Что вы братцы?.. Зачѣмъ тутъ?.. спросилъ Тихановъ, видимо теряя присутствіе духа.

— А такъ ты не тамъ!.. воскликнулъ Васька, вытаращивъ глаза на бродягу и указывая на полъ.—Стой робяты, Шустовъ уйдетъ!..

— Не уйдетъ!.. грозно остановилъ движеніе крестьянъ къ двери Соколовъ.—Что вамъ нужно?..

— Тебя да Шустенка!.. Въ Русу надо приставить... Буда! подуровали!.. кричитъ народъ.

— Если такъ,—берите—я сдаюсь... Эй, Шустовъ!.. Вставай братъ, попались,—закричалъ Тихановъ въ отворенную дверь.

— Живой не дамся!.. кричалъ Шустеновъ, входя въ избу и еще не зная въ чемъ дѣло. Но увидя, что съ цѣлой избой народа ничего не подѣлаешь, сдался и Шустеновъ.

— Ну, братцы, берите... Вамъ, значитъ, міру—сдаюсь; а будь полиція—ни въ жисть бы не отдался... Вѣдь полиція ловить нашего брата не затымъ, чтобъ порядокъ любила, а что ей за это крестъ дадутъ... Такъ вотъ же ей, этой самой полиціи... Ни въ одной головы не повинюсь!.. И при этомъ, изобразивъ пальцами очень популярную въ народѣ фигуру, Шустеновъ ткнулъ ею въ воздухъ, по направленію къ Перегину.

На другой день огромная масса народа проводила двухъ друзей, называвшихъ себя братьями, Шустенка и Тиханова, подъ строгимъ карауломъ въ старорусскій острогъ.

III.

Старорусскій трактъ, по которому вели разбойниковъ въ острогъ, никогда не былъ такъ оживленъ и многолюденъ, какъ въ этотъ день. Старый и малый слѣзили взглянуть на людей, съ которыми никто бы не желалъ встрѣчи во время пребывания ихъ на свободѣ. Весь городъ встрѣчалъ двухъ друзей съ какимъ-то нервнымъ любопытствомъ, а у воротъ тюрьмы негдѣ было упасть яблоку; полиція съ трудомъ очищала путь для знаменитыхъ людей, жизнь которыхъ не для однихъ Холмскаго и Старорусскаго уѣздовъ осталась поучительною, а слава жестокости которыхъ не умираетъ въ народѣ этихъ мѣстностей до сихъ поръ. Радостное извѣстіе о ихъ поимкѣ дошло до Холма гораздо раньше того времени, когда вздумалось старорусскому исправнику сообщить объ этомъ И. А. Волкову. Съ гордостью, достойной лучшей участи, старорусская полиція приписывала громко себѣ честь поимки бродягъ, въ сущности не видя ихъ до тѣхъ поръ, пока не вздумалось подслужиться въ этомъ дѣлѣ самимъ крестьянамъ. Едва извѣстіе о заарестованіи Шустова и Тиханова пронеслось по Холму, какъ И. А. Волковъ и множество любопытныхъ отправились въ Русу, взглянуть на такую знаменитость. По должности исправляющаго должность исправника, Волкову необходимо было отобрать отъ нихъ показаніе, и по пріѣздѣ въ Русу онъ немедленно же отправился въ тюрьму. Заарестованные разбойники сидѣли въ отдѣльныхъ, секретныхъ нумерахъ и къ первому,

какъ къ болѣе прямому и откровенному субъекту, Волковъ приступилъ къ Тиханову. Исторія его прошлаго была далеко не такъ интересна, какъ прошлое товарища его, Шустенка; но скрытность и молчаливость послѣдняго были извѣстны давно. Чтобы развязать языкъ угрюмаго и молчаливаго невольника, нужно было прежде заискать расположенія въ Тихановѣ; Волковъ понялъ это, и достигъ своей цѣли.

— Если хочешь, ваше благородіе, чтобъ братъ мой говорилъ съ тобой по откровенности, позволъ мнѣ сказать ему два три слова,—вызвался Тихановъ.

— Какой братъ?.. Развѣ Шустовъ братъ тебѣ?..

— По волѣ и неволѣ роднѣ всякаго родного брата... Егоръ меня, а я его такъ слушаемъ и почитаемъ, что ежели бы, ваше благородіе, такое согласіе было въ семьяхъ,—пришлось бы полиціи закрывать... Повѣрь, ваше б—діе, что мои два слова: «братъ—говори правду», развяжутъ ему языкъ лучше всякихъ вымогательствъ и прижимокъ... Вы безъ меня съ Егоромъ поучаетесь, онъ твердый на слово...

Желая добиться истины, Волковъ приказалъ привести Шустова.

— Братъ, говори правду!.. воскликнулъ Тихановъ, увидя Шустова; — не задерживай этого барина, онъ пріѣзжай...

Но Шустовъ не вдругъ сдѣлался откровеннымъ. Нѣсколько времени онъ отдѣлывался отъ вопросовъ обычными арестантскими оборотами, сводя отвѣты на «да» да «нѣтъ», но когда его познакомили съ началомъ показанія Тиханова, Шустовъ оживился, встряхнулъ головой; глаза его заискрились и проведя рукою по подбородку—прервавъ чтеніе, онъ началъ:

— Ладно, ваше бл—діе, будетъ!.. Видно пришла пора ваяться; ужъ ежели братъ мой по откровенности,—не уступлю-жъ и я ему... Только не подставь, баринъ, свидѣтелей... да впрочемъ, ваше дѣло будетъ писать, а наше подписывать... Вотъ при частномъ, такъ ужъ не добился-бъ отъ меня слова, а для васъ!..

И заговорилъ Шустовъ, заговорилъ скоро, бойко и отчетливо, все что воскресло въ его памяти, не упоминая только о преступленіяхъ. Слушая его рѣчь, И. А. Волковъ спросилъ: «что тебя, Егоръ, заставило такъ жить?.. Какая причина привела на эту дорогу?»

— Это вы насчетъ того, зачѣмъ я состою въ евтой самой должности?.. перебилъ Шустовъ.—Изволите видѣть, лишняя душа въ Старорусскомъ уѣздѣ стала помѣхой для начальства... Когда, бывало, ни начнутъ считать души,—все одна оставалась лиш-

нею—значить, начеть выходить; ну, и рѣшили выбрать эту лишнюю душу, добра-молодца,—да такого, чтобы, ваше бл—діе, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, и подарить молодца царю, въ его службу царскую. Подарокъ-то захотѣли сдѣлать не попржежнему, не по приказу царскому, а просто задумали, да не въ зачетъ набора и надѣли мнѣ некрутскій чепчикъ,—по-просту—забрили въ солдаты... Такъ-то-ся я и служить попалъ. А въ службѣ, знамо, неволя; а къ неволи, какъ и сами изволите знать, ваше бл—діе, мы непривычны... ну, и убѣгъ со службы... А случилось это, ваше бл—діе, — скажу вамъ, какъ грамотный, — въ первые дни 1857 года. Расскажу по порядку, какъ дѣло это произошло. Когда меня сдали въ Новѣгородъ, вотъ я и началъ служить... Служилъ, служилъ... двѣ недѣли отслужилъ, да такъ ретиво, такъ, значить, ревностно, что черезъ недѣлю начали на меня и на-стоящую аммуницію припасать; только которую не примѣрю — все, значить, выходитъ не въ пору...; не по костямъ была некрутская одежда на мои бывалыя плечи. Бились, бились, да и говорить старшій, что надъ одеждой поставленъ: «идишь ты какой!—говорить—на тебя и одежды не прибрать!.. Стой—снимуть мѣрку!» Сняли. А портной и говорить: «давай — говорить — нитокъ!» — А я гдѣ возьму?.. дѣло, стало, некрутское; говорю: «нѣту». — «Есть — говорить — деньги?» — «Есть немного», говорю. — «Ну такъ ступай въ лавку и купи». Какъ пошелъ я, ваше бл—діе, за нитками-то, такъ вотъ такъ, до встрѣчи съ вашей милостью, и хожу... Только и была раза три маленькая пережевичка: разъ словили меня одного, отсчитали 300 дубинокъ и послали служить въ Кострому,—городъ такой есть. Прѣвутно показалось мнѣ и въ востромской командѣ. Бѣжалъ я и оттуда, хоть за нитками никто не посылалъ; да недѣли черезъ двѣ-три словили, анаемы, да въ острогъ; и началось мое мытарство. Изъ острога въ полкъ, изъ полка въ острогъ, по судамъ, да по полиціямъ разнымъ... мнѣ даже обидно стало!.. «Вотъ—думаю—тягаютъ!.. Бытто не все равно, что сегодня, что завтра — въ Сибирь; ужъ рѣшали бы скорѣй...» Главная бѣда, ваше бл—діе, та, что кормятъ въ это время хуже, нежели свиней, какимъ-то водянымъ, помойнымъ супомъ... Наконецъ,—слава тебѣ Господи!—порѣшили меня на двѣнадцать годовъ въ мачиху-Сибирь, въ тѣтиньѣ-каторгѣ, на крѣпостныя работы; а для отсылки туда перевели въ новгородскій острогъ. Отсюда до Твери гнали насъ пѣшкомъ, съ Твери—по чугунѣ, да посадили съ поляками, еоторыхъ гнали тоже въ Сибирь видимо-невидимо... Это было, *воли* изволите помнить, ваше бл—діе, въ тотъ годъ, когда поляки бу-

говались... Сижу себѣ я, да слушаю, какъ промежду собой попки говорятъ; сталь, слово за словомъ, понимать ихъ рѣчь, попробовалъ кое-что самъ сказать—поляки смѣются надо мной, да еще больше пристають. Баловался я, баловался, да при старшихъ-то конвойныхъ и пусти слова четыре по-польски... Глядь—и польза!.. Старшіе-то и признали меня за поляка, да съ тѣхъ поръ ужъ насъ и не разлучали. Такъ довели насъ до Нижняго. Здѣсь острогъ ужъ былъ биткомъ набитъ, и пришло то, что насъ дѣтъ некуда. Вотъ, начальство и распорядилось, чтобы, значить, политическихъ преступниковъ не сажать въ острогъ, а въ деревянные бараки; дескать, политичные—люди благородные—не уйдуть... Такъ мы и сохранялись въ баракѣ, потому что и меня начальство сосчитало полякомъ. А въ баракѣ-то была воля. Бывало, дадутъ тебѣ денегъ—сходи за виномъ:—сичасъ одну доску въ стѣнѣ отвинишь, а другую къ себѣ прижмешь—и маршь... Кандалы надѣвали на насъ только тогда, какъ начальство входило, а къ вечеру мы ихъ снимали, и до утра спали въ свободѣ...

— Ты не врешь ли?—перебилъ его И. А. Волковъ.—Какимъ образомъ можно снять кандалы, когда они такъ тѣсны, что нерѣдко натираютъ ноги арестантамъ.

— Ну, ужъ, ваше бл—діе, какъ арестанты снимаютъ съ себя кандалы—это дѣло наше, и вамъ это знать не приходится, потому вы въ нашей шкурѣ ходить не будете... Вотъ евти кандалы, которые теперъ на мѣ, — это точно, что кандалы; такъ ноги и жмутъ; ихъ, видно, и дѣлалъ-то не кузнецъ, а плотникъ. А тѣ, съ которыми я шелъ въ Сибирь, дѣлалъ, надо полагать, кузнецъ-художникъ, потому были такъ хороши, что хоть пляши въ нихъ...

— Зачѣмъ же ты ушелъ тогда безъ кандаловъ?.. вотъ теперъ и пригодились бы, — пошутилъ Волковъ.

— Да, легко сказать это... А возьми я угради кандалы-то, такъ меня засудили бы; вѣдь казенный антиресъ...; а знамо, какъ казна стоитъ за свое... засудили-бъ!.. Да и неспособно на волѣ показываться съ такими бруслетками; всякому въ глаза кинется...

— Ну, а когда ушли вы изъ бараковъ—долго ли пробирались на свою сторону?..

— Ушли мы, ваше благородіе, это какъ теперъ помню, на 10-е іюня ночью... Иванъ грамотный, такъ онъ велѣлъ запомнить это число... Сбирались-то къ побѣгу мы долго; все не удавалось уломать Ивана. Начну я, бывало, говорить ему про свою сторону, какъ это у насъ тамъ все хорошо, да просторно; и домъ близко, и женка, и дѣти... Хошь и бродяга я, ваше бл—діе,

а на дѣтей своихъ взглянуть захотѣлось... А какъ Иванъ былъ мнѣ землякъ и сусѣдъ по уѣзду, — сталъ я хвалить и ей сторону. Смотрю, затосковалъ и Иванъ. Ну, думаю, ужъ воли тоска напала, значить — на волю хочеть. Я къ нему; что-жъ говорю, юни-то распускаты; вѣдь въ другомъ мѣстѣ къ побѣгъ такъ не приспособишься, — пойдемъ!.. «Пойдемъ, — говоритъ Иванъ — отъ тебя, говоритъ, не отстану». Добрый человекъ намъ добыли вольныя шапки, потому — неспособно въ арестантскихъ; да и опять же все — казна... выбрали мы потемнѣе ночьку, да по-дождливѣе, кинули казенную одежду, да въ однихъ рубахахъ и махнули изъ барака черезъ самыя тѣя ворота, скрозь которыя я за виномъ ходилъ. Въ эту ночь мы не пошли далеко, а спрятались тутъ же вблизи къ бараку, потому слышали, что начальство завсегда гонится за убѣгшимъ арестанцемъ по всѣмъ большимъ и дальнимъ трахтамъ, а тутъ, воблизъ, не ищетъ: дескать, что-жъ за дуракъ бѣглець, что, убѣгши, будетъ держаться коль острога... Когда, утромъ, зашумѣли войвойные, да заругалось начальство, зачѣмъ мы не идемъ поздравить его съ добрымъ утромъ, мы наострили уши, сидимъ, да слушаемъ, куда велеть ѣхать розыскивать насъ... Слышимъ, отражаютъ все по большимъ трахтамъ въ разныя стороны къ Волгѣ отъ Нижняго, а объ одномъ — ни слова... Такъ мы тихимъ манеромъ, давши погони-то убраться подальше, — да на тотъ трахтъ, о которомъ забыло начальство, и хотъ верстъ полтора ста принимали кругу, да дѣлать было нечево... Такъ мы трои сутокъ, ни пивши, ни ѣвши, шли: страхъ на насъ напалъ таковой, что все думалось — не гонятся ли солдаты... Однако, слава Богу!.. добрались на четвертыя сутки до Волги, а все не жравши, хотъ и было у насъ шестьдесятъ четьре рубля денегъ... Не шла и ѣда на умъ... Какъ взглянули на Волгу-то, у насъ и душеньки замерли!.. Такъ это на ней, матушкѣ, хорошо, да привольно!.. Видимъ за Волгой лѣсъ и таково тамъ, знаешь, ласково мѣсто выглядываетъ, что хошь уми тамъ... Надо было ѣхать туда... А какъ ѣхать?.. Мѣсто такое пустое — ни души нигдѣ; да видно Богъ намъ дорогу указывалъ. Спустились мы съ Иваномъ подъ берегъ, — глядъ — лодчонка; мы въ нее, да за рѣву. Только приѣхали, походили по берегу, смотримъ, а тамъ дальше опять рѣва... И догадались мы, что сидимъ на острову, и жилья тамъ — никакова... А лодчонку-то, чтобъ скрыть свой слѣдъ, приставши къ берегу оттолкнули прочъ и пошла она внизъ по матушкѣ по Волгѣ... Тоска напала на насъ; тошно стало; голодны, отошдали... Надо бы плыть дальше на другой берегъ — не на чѣмъ; хотѣли-было пуститься вплыть, —

боязно, потому трое суток не ѣвши — отошали, — не вынести... Ходимъ мы это по берегу, тужимъ да горюемъ; вдругъ, видимъ, къ нашему берегу лодка плыветъ, а въ ней рыбаки... Какъ быть?.. Прикинулись пьяными бурлаками, дескать, загуляли да и остались отъ судовъ... Извальялись въ грязи, загорлачили что брело къ носу, и ну молиться: дядюшки, возьмите на берегъ; не киньте Христа-ради, лувавый, моль, попуталь, загуляли маленько, да вотъ и остались... Мужики поругали насъ, а однако, взяли въ лодку. «Видишь,—говорятъ,—ивановцы, налопались; готовы остатнюю рубаху пропить...» Мы молча лежимъ въ лодкѣ, какъ плахи, — думаемъ: ругай, да только на берегъ высади. Пристали къ берегу.

— Пошли!.. Вылѣзайте!.. кричатъ на насъ мужики. А мы ни съ мѣста.

— Видишь — пьяницы!.. Выноси ихъ, Вавила... Черти!.. И кто только повадилъ ихъ таскаться на этотъ островъ.—Черезъ минутку насъ бросили на песчаный берегъ, посчитавъ порядочно высунувшіяся ребра. Но за то, когда мужики уѣхали отъ берега, мы ожили; да вѣдь какъ ожили!.. Точно насъ накормилъ кто-нибудь праздничнымъ обѣдомъ... Поосмотрѣвшись маленько, мы какъ присвиснули, да какъ гайнули пѣсенку разлихватскую, и пошли своимъ путемъ-дорогою къ Демянску. Тутъ ужъ мы не скупились, а ѣхали по пароходамъ и ко 2-му юля прибыли домой, къ Ивану... Такъ-то-ся, ваше благородіе, мы и поселились вотъ въ евтихъ краяхъ; все какъ-быдто около своѣва дома... А что насъ теперь словили — это горе небольшое... Богъ не безъ милости; можетъ и не всё подь солдатскимъ карауломъ насъ гонять будутъ; можетъ, дождемъ, когда стануть перегонять насъ изъ стана въ станъ, — ну, тогда дѣло особенное; сотскихъ нарядятъ къ намъ съ бородами... А съ ними, какъ съ своимъ братомъ, — поладимъ скоро... Поведутъ, примѣрно, изъ перваго во второй станъ, ну, знамо, сотскихъ въ провожатые дадутъ. Идешь, идешь, да и свернешь въ сторону... Нонѣ бѣгать можно — гадовъ на спину не настегаютъ.

— «Побратимушки, куды-жъ вы?.. запокоть плачевно сотскіе.

— Да домой, скажемъ, — въ лѣсъ...

— «Ну и ладно; и намъ къ дому ближе...»

— Вѣдь мужики, хоть выдали, а вѣдь жалѣють насъ, какъ малыхъ ребятъ, — вмѣшался Тихоновъ.—Мы у нихъ бывали первыми гостями; особливо въ Перегинѣ мы пожили весело, — какъ дома! Спали все на перинахъ и каждый насъ зналъ; гулянья ни одни безъ насъ не обходились, и по всѣмъ праздникамъ, только

приди, — за первыхъ людей почтутъ... Теперь, Егоръ играетъ на гармоніи... Да что вся твоя музыка!.. Никому такъ не сыграть; я затяну пѣсню, плясать пойду — народъ толпой обѣзжитъ послушать, да позѣвать; а дѣвки!.. Эхъ, ваше ба-ародіе, и говорить не остается!..

— А что, ваше благородіе, какъ насчетъ нашихъ доброжелателей-то, что изволили въ острогъ посадить?.. Новичковскіе-то?.. Вѣдь поди, и имъ хаживать по одной дорожкѣ съ нами?.. спросилъ Шустовъ.

— Вѣроятно на поселеніе уйдутъ, отвѣчалъ исправникъ.

— Ну, и лучше!.. По крайности—вздумается съ каторги куда-нибудь прогуляться, такъ все же свои земляки будутъ поближе... Тогда ужъ въ Старорущину—ни ногой!.. Теперь еще я буду просить ваше благородіе объ одномъ дѣлѣ. Какъ приведутъ въ Холмошской острогъ, прикажите не садить насъ вмѣстѣ съ Новичковскими... Смерть не люблю упрековъ; а отъ нихъ тамъ покоя не будетъ... Жены моей нѣтъ-ли тамъ?..

— Если жену взяли, то она должна быть здѣсь...

— Вотъ, ваше благородіе, изволили заговорить про Егорову жену, заговорилъ Тихановъ. И за что ее брать, чѣмъ баба виновата?.. Вѣдь Егоръ, хошь лыкомъ шить, хошь душегубъ, а все-жъ ей мужемъ доводится... Здѣшнее начальство налегло на бѣдную бабу: подавай, да подавай мужа. А легкое-ль дѣло—выдать женѣ мужа!.. вѣдь она человекъ, душа-то и въ ей не калѣба, такая-жъ какъ и у кажиннаго православнаго... Не поправедному поступаютъ наши начальники... Цѣлую недѣлю морили молодицу, все подговаривали: подведи — да подведи мужа... Видно у этого начальства вмѣсто души-то голикъ всунуть... Ну, сами посудите, статочно-ли дѣло женѣ на мужа доносить?.. Пусть сторона доносить... А то сторона молчитъ, а жена пойдетъ подводить... Да ее міръ заѣмъ-бы, съ деревни-бъ согнали!..

— Ну, прощайте, братцы, остепенитесь, обратился къ нимъ И. А. Волковъ; если будете держать себя смирно, не будете стараться вновь обѣзжать, — васъ начальство, если и не совсѣмъ помилуесть, то все-таки смягчитъ наказаніе.

— Это въ былые годы смягчали, ваше благородіе, а нынче нечего смягчать... Въ старые годы одинъ судъ постановитъ бѣлаго солдатишку плетюгой отстегать, а другой смягчитъ приговоръ, да велитъ палкой бить. Не берусь удостовѣрить, ваше благородіе, что мягче, — возразилъ Шустовъ. Слава Богу и дай Богъ здравствовать царю, нонѣ пальцемъ никого не тронуть...

Впрочемъ, уйти Шустенку еще разъ не пришлось: новгородское начальство, зная, что старорусскій острогъ ветхъ и вообще неудобенъ для содержанія такихъ молодцовъ, какъ Шустенокъ, предписало перевести ихъ въ кандалахъ и подъ строжайшимъ карауломъ въ новгородскій острогъ.

Осенью въ 1866-мъ году, оба преступника были высланы въ Белебельскую волость, въ которой числится родина Шустенка, деревня Перегына, и наказаны для примѣра, въ поученіе мѣстному населенію, плетми черезъ налвча, и затѣмъ сосланы въ каторжныя работы ¹⁾. Но нельзя сказать, чтобы цѣль поученія была достигнута, и, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной цитаты «Московскихъ Вѣдомостей», ближайшаго къ намъ времени, почти отъ вчерашняго дня, безопасность въ провинціи не сдѣлала большихъ успѣховъ и въ семидесятихъ годахъ.

О. ПАРВОВЪ.



¹⁾ Насколько была важна поимка Шустенка и Тиханова для холмскихъ жителей, доказываетъ адресъ городского общества, преподнесенный И. А. Волкову, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ.

ПЛАНЪ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЫ.

Два года тому назадъ я издалъ брошюру „Сельско-Хозяйственное знаніе и Сельско-Хозяйственное образованіе“, въ которой разсматривалъ основанія организаціи сельско-хозяйственной школы и отношенія ея къ общеобразовательной школѣ, и пришелъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ. Преподаваніе въ сельско-хозяйственной специальной школѣ должно ограничиваться специальными и вспомогательными предметами,—последними въ самонужнѣйшихъ размѣрахъ; а для осуществленія этого необходима реальная школа, которая выпускала бы въ сельско-хозяйственную школу молодыхъ людей, знакомыхъ уже съ основными предметами сельскаго хозяйства (то-есть естественными науками и началами политической экономіи). Такое раздѣленіе задачи настоящихъ сельско-хозяйственныхъ школъ между общеобразовательной реальной и специальной сельско-хозяйственной школами представляетъ, на мой взглядъ, нѣсколько существенныхъ выгодъ. Такъ, сельско-хозяйственная школа только въ этомъ случаѣ можетъ быть удобнѣе устроена внѣ города, въ связи съ хозяйствомъ, совершенно необходимымъ для сельско-хозяйственной школы; тогда какъ въ настоящее время такая связь, требующая помѣщенія школы внѣ города, крайне затрудняетъ приобрѣтеніе хорошихъ преподавателей для основныхъ предметовъ, находящихъ себѣ болѣе соответствующую обстановку въ городахъ. Далѣе, при исключеніи изъ сельско-хозяйственной школы курсовъ реальной школы, молодой человѣкъ можетъ поступить въ сельско-хозяйственную школу въ такомъ возрастѣ и съ такой подготовкой, которая позволяетъ ему вполне сознательно посвятить себя изученію сельско-хозяйственной специальности; изучитъ основные предметы безъ всякаго отношенія къ той или другой спе-

цѣльности, онъ будетъ изучать ихъ полиѣ, основательнѣе и избѣ-
жить односторонности и узкости взгляда на общественную дѣятель-
ность, свойственныхъ людямъ, которыхъ занятія специализируются
слишкомъ рано. Наконецъ, преподаваніе основныхъ предметовъ сель-
скаго хозяйства въ общеобразовательныхъ реальныхъ школахъ, под-
готавливающихъ къ специальнымъ, сократить общее число лѣтъ под-
готовленія для специальной дѣятельности, что весьма важно въ на-
стоящее время, когда бѣльшая часть сельско-хозяйственныхъ спе-
циалистовъ не имѣетъ еще такого общественнаго положенія, кото-
рое бы оплачивало большое число лѣтъ подготовительнаго труда;
оно удешевитъ устройство сельско-хозяйственныхъ школъ, такъ какъ
значительную часть расходовъ въ бюджетѣ настоящихъ сельско-хо-
зяйственныхъ школъ составляетъ преподаваніе основныхъ наукъ; оно
дастъ большее единство всей организаціи специальной школы, отчего
цѣль этой послѣдней будетъ достигаться полиѣ; оно уменьшитъ
число учащихся въ специальной школѣ съ пользой для преподава-
нія и безъ ущерба числу выпускаемыхъ школой специалистовъ.

Кромѣ исключенія преподаванія основныхъ наукъ изъ сельско-
хозяйственной школы, я ставлю въ сказанной брошюрѣ успѣхъ
сельско-хозяйственнаго образованія въ зависимость отъ соединенія
высшей сельско-хозяйственной школы съ опытной станціей; отъ на-
хожденія во главѣ школы специалиста сельскаго хозяйства, знако-
маго съ хозяйствомъ практически и въ то же время преподавателя¹⁾;
отъ практическихъ свѣдѣній преподавателей въ преподаваемыхъ ими
предметахъ и завѣдыванія ими соотвѣствующихъ учебныхъ пособій;
отъ управленія, находящагося при заведеніи хозяйства, директоромъ
или однимъ изъ преподавателей школы; отъ усиленія и систематизи-
рованія практическихъ занятій учащихся; отъ увеличенія, особенно
въ виду этого послѣдняго, числа преподавателей-специалистовъ въ
школѣ, и, наконецъ, отъ отдѣленія, не по мѣсту нахождения непре-
мѣнно, но въ административномъ отношеніи, сельско-хозяйственной
школы отъ дѣсной.

Вотъ тѣ главные основанія организаціи сельско-хозяйственной
школы, которыя я только и рассматриваю въ сказанной брошюрѣ,
въ томъ предположеніи, что прежде составленія детальнаго устава
школы необходимо установленіе главныхъ основаній ея организаціи,
такъ какъ многія изъ нихъ составляютъ еще спорный предметъ.
Наложенныя мною основанія остались почти безъ обсужденія въ на-
шей литературѣ, почему, можетъ быть, я могъ бы и обождать болѣе по-
дробнымъ рассмотрѣніемъ организаціи сельско-хозяйственной школы,

¹⁾ См. журналъ „Русское Сельское Хозяйство“ томъ VII, стр. 124—125, 1871 г.

но, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ нашей періодической печати продолжаютъ появляться заявленія о необходимости усилить у насъ средства сельско-хозяйственнаго образованія; тамъ же встрѣчаются нападки на существующія сельско-хозяйственные школы, иногда справедливыя, но чаще несправедливыя, обличающіе своихъ авторовъ въ незнакомствѣ ни съ требованіями сельско-хозяйственнаго образованія, ни съ организаціей сельско-хозяйственныхъ школъ. Въ комитетѣ земледѣлія, состоящемъ при императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, обсуждается вопросъ о наилучшей организаціи у насъ сельско-хозяйственныхъ школъ, возбужденный двумя докладами относительно сельско-хозяйственнаго образованія, принадлежащими: одинъ М. В. Неручеву, другой І. Н. Шатилову; многія земства желаютъ, для своихъ соображеній, имѣть примѣрные уставы сельско-хозяйственныхъ школъ; наконецъ, недавно, послѣдовало Высочайшее утвержденіе уставовъ реальныхъ и городскихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, и опубликованъ обращенный къ начальникамъ учебныхъ округовъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, допускающій учрежденіе земствомъ, обществами, сословіями и частными лицами реальныхъ училищъ, привлеченныхъ къ инымъ промышленнымъ потребностямъ, кромѣ тѣхъ основныхъ, которыя должны имѣться въ виду при учрежденіи правительственныхъ реальныхъ училищъ, какъ по образцу рекомендуемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ плановъ, съ разрѣшенія попечителя округа, такъ и по *иному* плану съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Такъ что все это побуждаетъ меня теперь же войти въ болѣе подробное обсужденіе организаціи высшей, средней и низшей школы, замѣтивъ однако, предварительно, что я отнюдь не смѣшиваю между собой два совершенно различныя между собой, по моему мнѣнію, понятія о высшемъ, среднемъ и низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи съ одной,—и о высшей, средней и низшей сельско-хозяйственной школѣ—съ другой стороны. Степень спеціальнаго, а слѣдовательно и сельско-хозяйственнаго образованія опредѣляется, на мой взглядъ, степенью общаго образованія лица, которое посвящаетъ себя спеціальности: поэтому я не допускаю высшаго сельско-хозяйственнаго образованія безъ университетскаго, то-есть, безъ изученія науки, научнаго метода, которое должно, главнымъ образомъ, предшествовать изученію спеціальныхъ предметовъ, но можетъ и слѣдовать за нимъ. Высшая же школа, объ организаціи которой я намѣренъ говорить здѣсь, есть школа, довольствующаяся подготовкой поступающихъ въ нее молодыхъ людей въ среднемъ общеобразовательномъ реальномъ училищѣ. Высшая, средняя и низшая школы, объ организаціи которыхъ я поведу рѣчь, разли-

ются по роду специалистовъ, которыхъ онѣ должны готовить. Между тѣмъ, какъ высшая сельско-хозяйственная школа должна готовить самостоятельныхъ управляющихъ-организаторовъ, крупныхъ администраторовъ, средняя имѣетъ назначеніе готовить управляющихъ-исполнителей даннаго хозяйственнаго плана, мелкихъ администраторовъ, а низшая—старость, смысленныхъ земледѣльческихъ работниковъ.

За этимъ я приступлю къ изложенію организаціи сказанныхъ трехъ сельско-хозяйственныхъ школъ, начиная съ высшей.

Высшая сельско-хозяйственная школа предназначается для спеціального образованія самостоятельныхъ управляющихъ-организаторовъ, крупныхъ администраторовъ, и даетъ поступающимъ въ нее молодымъ людямъ теоретическія и практическія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, послѣднія насколько это достижимо въ школѣ. Поэтому въ школѣ должны преподаваться:

А. Спеціальные предметы: 1) *Культура растений*: Земледѣліе (общее и частное: огородничество, полеводство и луговоеводство), лѣсоводство и садоводство; 2) *культура животныхъ* (зоотехнія): скотоводство (общее и частное), пчеловодство, шелководство и рыбоводство; 3) *сельско-хозяйственная экономія* (организація хозяйства, администрація и счетоводство); 4) *исторія сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственная географія*.

В. вспомоگательные предметы: 1) земледѣльческія орудія и машины; 2) сельско-хозяйственныя постройки; 3) сельско-хозяйственное и инженерное искусство; 4) главнѣйшія техническія производства, соединяющіяся съ сельскимъ хозяйствомъ; 5) землѣтріе; 6) распознаваніе болѣзней домашнихъ животныхъ и подаеніе первой помощи животнымъ, заболѣвающимъ какъ эпидемическими, такъ и спорадическими болѣзнями.

Для того, чтобы быть въ состояніи изучать эти предметы, поступающій въ сельско-хозяйственную школу необходимо долженъ имѣть основательныя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ: въ химіи, съ практическимъ знаніемъ качественного и количественнаго химическаго анализа, въ физикѣ съ метеорологіей, въ минералогіи съ геогнозіей и геологіей, въ ботаникѣ и зоологіи, въ математикѣ и началахъ политической экономіи. Но такъ какъ эти свѣдѣнія будутъ приобрѣтаться поступающимъ въ сельско-хозяйственную школу, главнымъ образомъ, въ общеобразовательномъ реальномъ училищѣ, которое не можетъ имѣть въ виду исключительно сельско-хозяйственную школу, то въ видахъ, съ одной стороны, особенной важности для сельскаго хозяина, занимающагося культурой растений и животныхъ, знанія жизненныхъ отправленій растенія и животнаго и двухъ

главнѣйшихъ срединъ, въ которыхъ развивается растеніе: почвы и воздуха, съ другой — невозможности столь подробнаго, какъ это не обходимо для сельскаго хозяина, изложенія этихъ частей въ общемъ образовательномъ заведеніи, необходимо преподаваніе въ высшей сельско-хозяйственной школѣ *анатоміи и физиологіи растеній и домашнихъ животныхъ*, съ особеннымъ развитіемъ питанія ихъ, *почво-вѣдѣнія* и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, *метеорологіи*.

Спеціальныя и небольшая часть основныхъ предметовъ должны имѣть теоретическія и практическія курсы, сопровождающіе другъ друга; вспомогательныя же предметы преимущественно практическія.

Необходимы для такого преподаванія учебныя пособія составяютъ:

- 1) Библіотека.
- 2) Сельско-хозяйственный кабинетъ по культурѣ растеній и животныхъ.

3) Коллекціи орудій и машинъ въ настоящую величину и различныхъ предметовъ, необходимыхъ для преимущественно практическаго изученія вспомогательныхъ предметовъ, поименованныхъ подъ литерой В.

4) Химическая и физиологическая лабораторія и метеорологическая обсерваторія, какъ пособіе при изученіи анатоміи и физиологіи растеній и животныхъ, почво-вѣдѣнія и метеорологіи, равно какъ для производства сельско-хозяйственныхъ опытовъ учащими и учащимися школы.

5) Хозяйственно-ботаническій садъ для ознакомленія учащихся съ различными хозяйственными растеніями.

6) Плодовый садъ, питомникъ плодовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ и огородъ, какъ учебное пособіе при изученіи садоводства, лѣсоводства и огородничества.

7) Опытное поле для показанія различныхъ приемовъ культуры полевыхъ растеній и для опытовъ.

8) Ферма — хозяйство съ полеводствомъ, луговодствомъ и скотоводствомъ, организованное сообразно мѣстнымъ условіямъ. Ферма должна служить пособіемъ для изученія приемовъ культуры въ размѣрахъ, встрѣчающихся также въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ, которыми опредѣляется не только извѣстное техническое выполненіе ихъ, но и, главнымъ образомъ, экономическое пользованіе рабочей силой. Принимая во вниманіе сельско-хозяйственныя условія центральной Россіи, такая ферма должна бы была имѣть, по крайней мѣрѣ, отъ 150 до 200 десятинъ запаши.

9) Школа полезнымъ образомъ можетъ имѣть еще и другія пособія, напримѣръ, хотя небольшую лѣсную дачу, если возможно.

льничъ, шелководню, рыборазводное заведеніе, содержать тѣхъ важнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ содержаніе по тнымъ условіямъ не входило бы въ хозяйственный планъ фермо хозяйства.

Преподаваніе въ школѣ названныхъ выше предметовъ должно предѣляться на два-три года. Учебный годъ, начинающійся съ 1-го октября, удобно дѣлится на два полугодія: зимнее съ 1-го января по 1-е апрѣля, и лѣтнее съ 1-го апрѣля по 1-е октября. Такъ въ зимнемъ, такъ и въ лѣтнемъ полугодіяхъ могутъ быть ваіи, продолжающіяся каждый разъ не долѣе одного мѣсяца, во мая, которое можетъ быть различно для различныхъ мѣствъ. Какъ зимнемъ, такъ и въ лѣтнемъ полугодіяхъ классное преподаваніе ровождается практическимъ преподаваніемъ, соответствующимъ мени года; причеиъ въ зимнемъ полугодіи усиливается первое, лѣтнемъ же — второе, такъ какъ въ это время должны препода-ься въ классахъ преимущественно тѣ предметы школьнаго курса, горые требуютъ демонстрацій въ полѣ.

Вотъ примѣрное распредѣленіе класснаго преподаванія и пракескихъ занятій по предметамъ школьнаго курса на четыре полу-дія ¹⁾.

Первый годъ.

СЕМЕСТРЫ:

Зимній.	Число часовъ въ учебн. годѣ.	Лѣтній.	Число часовъ въ учебн. годѣ.
Почвовѣдѣніе и метеорологія	3	1) Земледѣіе, преимущественно об- щее.	5
Анатомія и физиологія растеній Анатомія и физиологія живот- ныхъ	4	2) Зоотехнія (общая)	4
Земледѣльческія машины и ору- дія	4	3) Сельско-хозяйственныя техниче- скія производства	3
Сельско-хозяйственныя техниче- скія производства	2	4) Землемѣріе	2
Сельско-хозяйственныя построй- ки	2		14
	3		
	18		

Химическія упражненія въ химиче-скомъ анализѣ сельско - хозяй-ственныхъ предметовъ, по анато-міи и физиологіи растеній и жи-вотныхъ, и уходу за скотомъ.

Практическія упражненія въ химиче-скомъ анализѣ сельско - хозяй-ственныхъ произведеній по анато-міи и физиологіи растеній и жи-вотныхъ, въ землемѣріи и поле-выхъ работахъ.

¹⁾ На шесть полугодій, еслии оказалось нужнымъ увеличеніе продолжительности школьнаго курса ученія, распредѣленіе занятій будетъ легче.

Второй годъ.

СЕМЕСТРЫ:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.	Лѣтній.
1) Земледѣіе	4	1) Сельско-хозяйственная эконо- мія
2) Зоотехнія	4	2) Исторія сельскаго хозяйства
3) Сельско-хозяйственная экономія	3	3) Огородничество
4) Сельско-хозяйственная геогра- фія	2	4) Садоводство
5) Лѣсоводство	3	5) Лѣсоводство
6) Болѣзни животныхъ	2	6) Сельско-хозяйственное и инже- нерное искусство
	18	7) Болѣзни животныхъ

Практическія упражненія въ химиче-скомъ анализѣ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, по анатоміи и физиологіи растений и животныхъ, работы въ усадьбѣ, уходъ за скотомъ, счетоводство.

Практическія упражненія въ на-выхъ работахъ; организаціонныя работы; работа для выпускнаго экзамена.

Ближайшее распредѣленіе класснаго преподаванія, равно какъ практическихъ занятій, между преподавателями и по времени, также рассмотрѣніе и утвержденіе программъ преподаванія должны лежать на обязанности совѣта школы, такъ какъ это, между прочимъ, можетъ измѣняться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, которыя будутъ опредѣлять возможность имѣть то или другое число преподавателей. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы учащіеся были вынуждены заниматься болѣе 10—12 часовъ въ день; въ томъ числѣ 3—4 часа въ аудиторіяхъ, 3—4 часа для усвоенія слышаемаго въ аудиторіи, и 4—5 часовъ практически; 10-же—12 часовъ занятій не можетъ быть обременительно для учащагося.

Въ числѣ практическихъ занятій необходимо обратить вниманіе на то, чтобы распоряженія по производству работъ на слѣдующій день, такъ-называемый нарядъ, производился заведывающимъ хозяйствомъ школы ежедневно въ присутствіи всѣхъ учащихся, преподавателей, директора и смотрителя школы. Это представитъ ту выгоду, что при этомъ, во-первыхъ, всѣ хозяйственныя явленія могутъ подвергаться всестороннему весьма поучительному для учащихся обсужденію; во-вторыхъ, имѣющіяся въ распоряженіи школы рабочія силы могутъ быть съ большей экономіей сосредоточиваемы на наиболѣе необходимыхъ работахъ.

Полагая, что въ такой школѣ, особенно въ виду практическихъ занятій, нельзя занимать успѣшно болѣе 100 человекъ, слѣдуетъ принимать въ школу всѣхъ лицъ, желающихъ изучить сельское хозяйство, не моложе 17-ти лѣтъ, съ тѣмъ однако, что если число же-

мощнѣе поступить въ школу, превзойдѣть число вакантныхъ мѣстъ, то отдавать при приѣмѣ преимущество прежде всего окончившимъ курсъ въ заведеніи, дающимъ необходимую для школы подготовку, затѣмъ, выдержавшимъ съ болѣе или менѣе успѣхомъ назначенное отъ школы испытаніе и, наконецъ, занимавшимся или занимающимся сельско-хозяйственной практикой.

Весьма хорошо было бы, если бы по ближайшемъ и всестороннемъ обсужденіи предстоящаго вопроса, можно было требовать отъ поступающихъ въ специальную школу, чтобы они, во всякомъ случаѣ, даже при окончаніи ими курса въ реальной школѣ, до поступления въ сельско-хозяйственную школу проводили годъ въ хозяйствѣ, съ цѣлію испытать свою склонность къ сельско-хозяйственной дѣятельности. Вынесшіе изъ такого испытанія убѣжденіе въ своемъ призваніи, конечно, тѣмъ успѣшнѣе проходили бы специальную школу и, какъ знакомые уже съ сельско-хозяйственными предметами, тѣмъ легче и полнѣе усвоили бы себѣ преподаваемое въ школѣ.

Учащіеся должны быть принимаемы въ школу одинъ разъ въ годъ, въ началѣ учебнаго года, и могутъ оставаться въ школѣ болѣе трехъ лѣтъ въ такомъ только случаѣ, если этимъ не мѣшануть поступленію въ школу новыхъ лицъ, имѣющихъ на то право не только-что указанныхъ основаній, или же, если это будетъ найдено полезнымъ со стороны совѣта школы. Кромѣ того, въ школу могутъ быть принимаемы по усмотрѣнію совѣта, безъ ущерба для интересовъ преподаванія, въ небольшомъ числѣ, желающіе пробить въ школѣ лишь непродолжительное время для спеціальнаго изученія какой-либо части сельскаго хозяйства, напримѣръ, обращенія съ машиной, орудіемъ, ухода за скотомъ и т. д.

За ученіе въ школѣ учащіеся вносятъ по-полугодно впередъ известную опредѣленную плату, отъ которой недостаточные учащіеся могутъ быть освобождаемы по усмотрѣнію совѣта.

Принимая во вниманіе число часовъ приведеннаго мною выше класснаго преподаванія—восемьдесятъ въ недѣлю зимняго и четырнадцать лѣтнаго семестра, разнообразіе предметовъ, практическія занятія и завѣдываніе учебными пособіями, а полагая бы необходимымъ для такой школы отъ 5-ти до 6-ти штатныхъ преподавателей. Для чтенія нѣкоторыхъ вспомогательныхъ предметовъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, вмѣсто штатныхъ преподавателей могутъ быть приглашаемы по найму лица изъ мѣстныхъ дѣятелей, напр., для чтенія о болѣзняхъ животныхъ — мѣстный ветеринаръ, для чтенія строительнаго искусства — мѣстный архитекторъ; преподаваніе же спеціальныхъ и такихъ вспомогательныхъ предметовъ, для преподаванія которыхъ нельзя было бы найти лицъ между мѣстными дѣятелями,

необходимо должно обеспечиваться преимущественно штатными преподавателями.

Мѣста штатныхъ преподавателей должны быть занимаемы преимущественно людьми, получившими высшее специальное образование, имѣющими одну изъ высшихъ ученыхъ степеней университета и знающихъ практически съ своимъ предметомъ. Избраніе лица на преподавательское мѣсто должно лежать на обязанности совѣта школы.

Преподаватели, кромѣ чтенія лекцій и производства испытаній, обязаны: 1) руководить практическими занятіями слушателей по преподаваемому ими предмету; 2) завѣдывать учебными по своему предмету пособиями; 3) по избранію совѣта школы, одинъ изъ преподавателей исполняетъ обязанности директора школы, другой — управляетъ состоящимъ при школѣ хозяйствомъ, третій — исполняетъ всѣ обязанности казначея, и четвертый — обязанности секретаря совѣта. 4) Занимаются изученіемъ состоянія мѣстнаго сельскаго хозяйства въ районѣ школы, его недостатковъ и мѣръ къ его усовершенствованію.

Штатные преподаватели въ вознагражденіе за свои труды получаютъ штатное жалованье, которое увеличивается періодическими прибавками; сверхъ того, долю изъ части сбора съ учащихся за преподаваніе и испытанія ¹⁾ и долю изъ половины чистаго дохода отъ хозяйства ²⁾. Кромѣ того, исполняющіе обязанности директора, казначея и секретаря совѣта и завѣдывающій хозяйствомъ получаютъ соответствующія прибавки къ преподавательскому жалованью: первые трое — изъ штатной суммы, послѣдній — изъ доходовъ хозяйства прежде вычисленія чистаго дохода.

Занятія учащихся должны направляться, главнымъ образомъ, личнымъ руководствомъ преподавателей въ практическихъ занятіяхъ и испытаніями, которыя производятся каждое полугодіе во время свободное отъ чтенія лекцій и ближе опредѣляемое совѣтомъ. Къ испытаніямъ должны быть допускаемы всѣ желающіе подвергнуться оному, какъ учащіеся въ школѣ, такъ и постороннія лица, заявляя о своемъ желаніи директору школы, по крайней мѣрѣ, за недѣлю до наступленія экзаменаціоннаго времени и внося при этомъ впередъ извѣстную плату за испытаніе изъ каждаго предмета. Эта плата можетъ быть меньше для учащихся, значительнѣе для постороннихъ, но въ случаѣ невыдержанія экзамена не возвращается внесшему ее; въ случаѣ же выдержанія, можетъ быть возвращаема недостаточнымъ учащимся, по усмотрѣнію совѣта.

Испытаніе должно обнимать не одинъ теоретическій, но и практический курсъ преподаванія. По окончаніи испытанія изъ каждаго

¹⁾ Другая часть идетъ на улучшеніе учебной части школы.

²⁾ Другая половина идетъ на улучшеніе хозяйства.

отдѣльнаго предмета, подвергавшійся такому испытанію, въ случаѣ успѣшнаго окончанія имъ этого послѣдняго, получаетъ въ томъ надлежащее удостовѣреніе.

Учащійся же, 1) представившій удостовѣреніе объ успѣшномъ окончаніи имъ испытаній изъ всѣхъ предметовъ школьнаго курса, 2) удовлетворительно исполнившій работу для разрѣшенія заданнаго ему техническаго вопроса изъ области сельскаго хозяйства, и 3) исполнившій удовлетворительно работу по организациі хозяйства, — приобретаетъ права, соединенныя съ окончаніемъ полнаго курса ученія въ школѣ.

Права, соединенныя съ окончаніемъ полнаго курса ученія въ школѣ, должны состоять: 1) въ правахъ возможно-свободнаго занятія сельскимъ хозяйствомъ въ частной жизни, 2) въ правѣ на государственную службу, и въ 3) въ правѣ приобретенія, наравнѣ съ кандидатами университетовъ, высшихъ ученыхъ степеней въ университетѣ, по одному изъ основныхъ предметовъ сельскаго хозяйства, т.-е., по одной изъ естественныхъ наукъ или по политической экономіи.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, цѣль школы, объемъ и содержаніе преподаванія въ ней, составъ учащихся и учащихся, способъ производства испытаній и права, приобретаемыя окончаніемъ полнаго курса ученія въ школѣ, скажу нѣсколько словъ объ управленіи школой и средствахъ, которыхъ можетъ потребовать устройство школы по предлагаемому мною плану.

Главное управленіе школой должно быть ввѣрено ея директору и совѣту, отъ которыхъ зависить какъ педагогическая, такъ и хозяйственная части школы; но чтобы послѣдняя не отвлекала отъ педагогическихъ занятій (преподаванія, завѣдыванія учебными пособиями и т. д.) преподавателей, а слѣдовательно и директора, необходимо отдѣльное лицо — смотритель школы, который завѣдывалъ бы хозяйственной частію школы (ремонтъ, освѣщеніемъ, отопленіемъ зданій, полицейской частію, наймомъ служителей и т. д.), на основаніи смѣты, утверждаемой совѣтомъ сообразно съ штатными назначеніями въ концѣ каждаго года на годъ впередъ, подъ личной отвѣтственностію за надлежащее веденіе дѣла и только подъ контролемъ директора, котораго подписью долженъ быть утвержденъ каждый расходный документъ смотрителя, превышающій извѣстную сумму, прежде нежели по немъ будутъ выплачены деньги казначеемъ. Въ извѣстные сроки въ году касса и имущество ревизуются избираемымъ для этого каждый разъ членомъ совѣта.

Еслибы обстоятельства потребовали, чтобы школа приняла на себя устройство помѣщенія и продовольствія учащихся, то это должно быть возложено на смотрителя школы, на такомъ же совер-

шенно основаніи, какъ и остальная хозяйственная часть школы, съ дополнительнымъ ему за это вознагражденіемъ, изъ платы учащихся за помѣщеніе и продовольствіе.

Конечно, при школѣ, которая должна находиться внѣ города, необходимы свои врачъ, фельдшеръ и больница, если эта потребность школы не можетъ удовлетворяться другими мѣстными учрежденіями этого рода.

Итакъ, преподаватели занимаются преподаваніемъ теоретическимъ и практическимъ, и завѣдываютъ учебными пособиями. Кромѣ того, по избранію совѣта, одинъ изъ нихъ исполняетъ обязанности директора, другой — секретаря совѣта, третій — казначея, четвертый завѣдываетъ хозяйствомъ фермы. Смотритель школы завѣдываетъ хозяйственною частью и особымъ врачъ, въ случаѣ надобности, медицинскою частію школы. Совѣтъ школы, котораго членами состоятъ всѣ преподаватели, а по вопросамъ, касающимся хозяйственной части, и смотритель школы, завѣдываетъ педагогическою частію, утверждаетъ смѣту ежегодныхъ расходовъ по хозяйственной части и контролируетъ послѣднюю чрезъ директора и одного изъ своихъ членовъ, избираемого каждый разъ для срочной ревизіи. Директоръ же наблюдаетъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы всѣ члены заведенія въ точности исполняли свои обязанности въ смыслѣ устава, предписаній власти, которой подчинена школа, и постановленій совѣта; чтобы дѣятельность заведенія неуклонно слѣдовала по пути къ возможно полному достиженію цѣли заведенія, и потому на немъ лежитъ, главнымъ образомъ, инициатива въ совѣтѣ обсужденія какъ мѣръ къ дальнѣйшему развитію заведенія, такъ и мѣръ къ устраненію нарушеній надлежащаго хода дѣлъ въ школѣ.

Школа такой организаціи потребовала бы примѣрно ежегодныхъ расходовъ:

На жалованье шести штатнымъ преподавателямъ или же частію на плату приглашаемымъ для преподаванія по найму	Одному: 2,500 ¹⁾	Всѣмъ: 15,000
Преподавателю, избранному директоромъ	1,000	1,000
» » секретаремъ совѣта	500	500
» » казначеемъ	300	300
На жалованье смотрителю школы	1,500	1,500
» письмоводителю	800	800
На канцелярію		500
На церковныя потребности		300
На медицинское пособіе		800
На жалованье садовнику, лаборанту и другимъ		

1) Какъ высшая норма съ пятилѣтними надбавками.

помощникамъ, завѣдывающимъ учебными по- собіями	3,000
На лабораторіи химическую и физиологическую	2,000
На остальные кабинеты	1,000
На опытное поле, опытный скотъ, садъ	2,000
На ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе зданій . .	6,000
На наемъ служителей	2,000
	<hr/>
	36,700
Кромѣ того, еслибы нужно было, на жалованье особымъ: врачу	900
фельдшеру	400
	<hr/>
	38,000

Всѣ служащіе школы получаютъ квартиры натурой.

Въ этой смѣтѣ расходовъ я не привожу арендной платы за имѣ-
ніе: во-первыхъ, потому, что такая аренда должна выплачиваться
изъ доходовъ хозяйства; во-вторыхъ, потому, что при значительно-
сти затратъ, которыхъ потребуетъ обзаведеніе такой школы, было
бы желательно, чтобы ферма такой школы составляла земельную
собственность учредителя школы, правительства, земства и т. д., и,
слѣдовательно, неотъемлемую собственность школы. Въ этомъ по-
слѣднемъ случаѣ сумма, равная арендной платѣ за землю, могла бы
поступать или въ возвратъ соответствующей части штатной суммы,
отпускаемой правительствомъ, земствомъ и т. д., или же употреб-
ляться на дальнѣйшее развитіе учебной части самой школы. Поло-
вина платы за ученіе и испытанія поступаетъ на улучшеніе учебной
части школы, а половина чистаго дохода отъ фермскаго хозяйства
поступаетъ на улучшеніе фермскаго хозяйства.

Конечно, эти цифры могутъ подлежать нѣкоторому измѣненію
сообразно мѣстнымъ условіямъ, напр., на ремонтъ, отопленіе и освѣ-
щеніе зданій, на наемъ прислуги и т. д.

Успѣхъ высшей сельско-хозяйственной школы, организованной
по предлагаемому плану, будетъ въ значительной степени обуслов-
ливаться тою подготовкой, которую будутъ приносить въ специаль-
ную школу молодые люди, поступающіе въ нее изъ общеобразо-
вательнаго реальнаго училища, а слѣдовательно, отъ организациі этого
послѣдняго. Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе организациі обще-
образовательнаго реальнаго училища, которое бы могло успѣшнымъ
образомъ подготовить молодыхъ людей въ высшую специальную
сельско-хозяйственную школу, замѣчу, что изъ проектированныхъ
министерствомъ народнаго просвѣщенія реальныхъ училищъ рѣшило
бы эту задачу наиболѣе успѣшно шестиклассное реальное училище,
съ дополнительнымъ классомъ химико-технологическаго отдѣленія,
еслибы усилить преподаваніе математики, естественной исторіи, фи-
зики (механики) и химіи, въ особенности въ дополнительномъ классѣ

на счетъ общаго строительнаго искусства и химической технологіи, которыхъ преподаваніе, если не совсѣмъ исключить, то, по крайней мѣрѣ, можно было бы значительно уменьшить.

Тѣ изъ кончившихъ курсъ въ высшей сельско-хозяйственной школѣ, которые пожелають посвятить себя практической дѣятельности, довершаютъ свое спеціальное образованіе, поступаая въ частную службу на субалтерныя мѣста подъ руководство опытныхъ и знающихъ сельскихъ хозяевъ. Въ такомъ помѣщеніи оканчивающихъ курсъ ученія, школа должна бы была имѣть свою долю участія.

Средняя сельско-хозяйственная школа prepares управлѣющихъ - исполнителей извѣстнаго хозяйственнаго плана, мелкихъ администраторовъ, и даетъ поступающимъ въ нее молодымъ людямъ, какъ и высшая школа, теоретическія и практическія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, но преимущественно послѣднія, первыя же въ той лишь степени и въ томъ объемѣ, которые допускаются соотвѣтственно меньшей общеобразовательной подготовкой молодыхъ людей, поступающихъ въ среднюю сельско-хозяйственную школу. Поэтому въ средней школѣ преподаются тѣ же предметы, какъ и въ высшей, но въ другомъ лишь объемѣ. Въ среднюю школу поступаютъ молодые люди, имѣющіе всѣ необходимыя свѣдѣнія изъ общеобразовательныхъ предметовъ: закона Божія, русскаго языка, математики, исторіи и географіи; слѣдовательно, кончившіе курсъ ученія, примѣрно, въ четырехъ-классномъ городскомъ училищѣ по новому проекту министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ они приобрѣтають и основанія изъ естествовѣдѣнія. Желательно, конечно, въ интересахъ сельско-хозяйственнаго образованія, чтобы названная городская школа давала своимъ учащимся хорошия, довольно полныя основы естествовѣдѣнія. При всемъ томъ, однако, средняя сельско-хозяйственная школа должна будетъ, имѣя въ виду особенную потребность въ свѣдѣніяхъ изъ естественныхъ наукъ для сельскаго хозяина, организовать преподаваніе спеціальныхъ предметовъ такъ, чтобы оно обнимало въ то же время необходимыя для каждаго спеціальнаго предмета дополнителныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, отчасти въ введеніи къ изложенію, отчасти въ самомъ изложеніи спеціальнаго предмета. Преподаваніе вспомогательныхъ предметовъ должно быть почти исключительно объясненіемъ того, что можетъ быть представлено учащемуся въ дѣйствительности, наученіемъ его необходимымъ для него приемамъ изъ области этихъ предметовъ. Въ средней школѣ должно быть обращено особенное вниманіе на изученіе учащимися различныхъ приемовъ сельско-хозяйственной практики.

Учебныя пособія средней школы могутъ быть значительно проще ограничиваться: библіотекой, сельско-хозяйственнымъ кабинетомъ, олекціей необходимѣйшихъ орудій и машинъ въ настоящую величину, въ дополненіе къ имѣющимся на фермѣ школы, небольшихъ азбѣровъ садомъ, огородомъ, питомниками и опытнымъ полемъ, въ оторыхъ учащійся могъ бы познакомиться не только съ соотвѣтствующими приѣмами культуры мѣстныхъ растений, но и съ характеромъ главнѣйшихъ культурныхъ растений другихъ мѣсть и, наконецъ, фермой, подобной фермѣ высшей школы; вромѣ того, однако. школа можетъ имѣть съ пользой нѣкоторые роды домашнихъ животныхъ, несодержимыхъ на фермѣ школы,—пчельникъ, шелководню и небольшую лѣсную дачу.

Преподаваніе въ школѣ должно распредѣляться на три года; учебный же годъ долженъ дѣлиться на полугодія, равно какъ и занятія распредѣляться въ теченіе года, точно такъ, какъ въ высшей школѣ.

Вотъ, примѣрно, распредѣленіе класснаго преподаванія и практическихъ занятій по предметамъ школьнаго курса на шесть полугодій, составленное въ томъ предположеніи, что учащіяся въ первомъ году должны ознакомиться преимущественно съ приѣмами сельско-хозяйственной практики, что классное преподаваніе должно начаться, главнымъ образомъ, со второго года и что учащіяся вообще должны имѣть возможно больше времени для практическихъ упражненій, въ числѣ которыхъ должны быть: 1) веденіе дневника всего того, что было наблюдаемо учащимся при его практическихъ занятіяхъ; 2) ежедневное присутствіе на нарядѣ работъ въ присутствіи всѣхъ преподавателей и директора школы, и 3) письменные отвѣты на различнаго рода сельско-хозяйственные вопросы.

Эти послѣднія практическія занятія весьма полезны въ средней школѣ, въ виду той степени развитія, которое можно предположить въ большинствѣ учащихся въ школѣ.

Первый годъ.

Семестры:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.	Лѣтній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Дополнительныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, какъ:		1) Дополнительныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, какъ:	
а) введеніе въ земледѣліе . . .	4	а) введеніе въ земледѣліе . . .	2
б) введеніе въ зоотехнію . . .	2	б) введеніе въ зоотехнію. . .	2
2) Сельско-хозяйственная ариметика	2	2) Землемѣріе	2
	8		6
Практическія занятія: уходъ за скотомъ и другія работы въ усадьбѣ.		Практическія занятія по землемѣрію, работы огородами, садовыми и полями.	

Второй годъ.

СЕМЕСТРЫ:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.	Лѣтній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Земледѣіе общее	4	1) Земледѣіе общее и полеводство	4
2) Зоотехнія общая и частная	4	2) Зоотехнія частная	4
3) Земледѣльческія машины и орудія	2	3) Сельско-хозяйственное инженерное искусство	2
4) Сельско-хозяйственными техническія производства	2		10
5) Сельско-хозяйственными постройки	2		
	14	Практическія занятія по землемѣрью и работы полевныя, луговые и лѣсныя.	
Практическія занятія: работы въ усадьбѣ.			

Третій годъ.

СЕМЕСТРЫ:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.	Лѣтній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Организация хозяйства и счетоводство	6	1) Полеводство и луговоеводство	2
2) Лѣсоводство	2	2) Огородничество и садоводство	2
3) Болѣзни животныхъ	2	3) Лѣсоводство	2
	10	4) Болѣзни животныхъ	2
Практическія упражненія: работы въ усадьбѣ, составленіе хозяйственныхъ учетовъ и веденіе книгъ.		Практическія занятія: полевныя, луговые и лѣсныя работы.	8

Ближайшее распредѣленіе класснаго преподаванія и практическихъ занятій, а также рассмотрѣніе и утвержденіе программы преподаванія должно лежать на обязанности совѣта школы, какъ и въ высшей школѣ; замѣчу здѣсь, однако, въ поясненіе предлагаемаго мной учебнаго плана для этой школы, что учащіеся поклассно могли бы весьма удобно быть освобождаемы совершенно отъ класснаго преподаванія въ теченіи извѣстнаго числа дней въ недѣлю; при трехъ классахъ, слѣдовательно въ теченіе двухъ дней въ недѣлю, съ тѣмъ чтобы въ эти дни исключительно заниматься работами по изученію сельско-хозяйственныхъ приѣмовъ.

Учащіеся средней, какъ и высшей школы, при нѣкоторомъ разнообразіи занятій, могутъ быть заняты въ день отъ 10-ти до 12-ти часовъ.

Въ виду того, что занятіе съ учащимися средней школы требуетъ болѣе постояннаго участія преподавателей, тѣмъ занятіе съ учащимися въ высшей школѣ, я полагаю, что число учащихся въ средней школѣ не должно превышать 60—75 человекъ, по 20—25 человекъ въ классѣ. Въ числѣ учащихся средней школы могутъ быть принимаемы мальчики не моложе 15-ти лѣтъ и, какъ я уже сказалъ, окончившіе курсъ въ соответствующемъ подготовительномъ заведе-

нѣ; но еслибы затѣмъ оставались вакантныя мѣста въ школѣ, то, по усмотрѣнію совѣта школы, могли бы быть допускаемы въ школу и другія лица для изученія сельскаго хозяйства, въ размѣрахъ полнаго курса школы, или же только въ извѣстной части его, напримеръ, для изученія только нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ приѣмовъ. Учащіеся должны приниматься въ школу разъ въ годъ, при началѣ учебнаго года, и имѣть право оставаться въ школѣ не болѣе четырехъ лѣтъ, еслибы не было особенно уважительныхъ причинъ для совѣта школы отступить отъ этого правила.

Въ виду показаннаго мной въ учебномъ планѣ числа часовъ преподаванія въ средней школѣ, я полагалъ бы необходимымъ для такой школы отъ 3-хъ до 4-хъ штатныхъ преподавателей, смотря потому, могутъ ли быть между мѣстными дѣятелями найдены преподаватели по найму, для преподаванія нѣкоторыхъ частей школьнаго курса, преимущественно же вспомогательныхъ дисциплинъ, или нѣкоторыхъ второстепенныхъ специальныхъ. Преподавательскія мѣста въ школѣ должны замѣщаться преимущественно лицами, кончившими курсъ высшей сельско-хозяйственной школы и занимавшимися въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ лѣтъ практически сельскимъ хозяйствомъ. Право избранія преподавателя въ среднюю школу должно принадлежать или совѣту самой средней школы, или совѣту высшей школы.

Въ остальномъ организація средней сельско-хозяйственной школы можетъ быть совершенно сходна съ организаціей высшей школы, за исключеніемъ того, что испытанія должны производиться здѣсь въ опредѣленное время, лучше всего въ концѣ лѣтняго семестра, какъ для перевода изъ класса въ классъ, такъ и для выпуска изъ школы.

Окончившіе въ школѣ полный курсъ ученія учащіеся должны пользоваться преимущественно правомъ возможно свободнаго занятія сельскимъ хозяйствомъ въ частной жизни.

Средняя школа, конечно, въ большей части случаевъ потребуетъ устройства при школѣ пансіона, въ которомъ бы могли жить учащіеся. Веденіе хозяйственной части пансіона, какъ и всей школы, должно лежать и здѣсь на обязанности смотрителя школы, подъ контролемъ директора и совѣта школы.

Средняя школа потребуетъ, примѣрно, слѣдующихъ ежегодныхъ расходовъ:

На жалованье 4 штатнымъ преподавателямъ	Одному:	Всѣмъ:
или также частію преподающимъ по найму.	1,500	6,000
Добавочныхъ преподавателю, исполняющему обязанность директора. . . .	600	600
преподавателю, исполняющему обязанность секретаря совѣта.	300	300

Добавочныхъ преподавателей, исполняющему обязанность казначея	150	150
Письмоводителю	600	600
На канцелярію	300	300
Смотрителю школы	800	800
На церковныя потребности	250	250
На медицинское пособіе: (докторы, фельдшеръ и больница)	1,500	1,500
Садовнику	600	600
На учебныя пособія	1,500	1,500
На ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе	4,000	4,000
На наемъ прислуги	1,000	1,000
		17,600

Кромѣ того, квартиры служащимъ въ натурѣ.

Что касается средней школы, то хотя по сравнительной незначительности капитала, котораго потребуетъ обзаведеніе ея, она могла бы, скорѣе чѣмъ высшая школа, помѣщаться въ заарендованномъ имѣніи, особенно на болѣе продолжительный срокъ; тѣмъ не менѣе удобнѣе было бы заведеніе ея на собственномъ ея учредителя участкѣ, принадлежащемъ правительству или земству.

Низшая сельско-хозяйственная школа должна готовить старость, смышленныхъ земледѣльческихъ работниковъ,—и ея организація можетъ быть чрезвычайно проста.

Имѣя въ виду, что крестьянскій мальчикъ, посѣщающій народную школу, пріобрѣтаетъ то, что даетъ ему эта послѣдняя въ возрастѣ отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, и что въ 14-ть лѣтъ мальчикъ, болѣею частію, уже годенъ почти для всѣхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, по крайней мѣрѣ, а еще лѣтомъ нынѣшняго (1872) года имѣлъ случай видѣть весьма искуснаго 14-ти-лѣтняго плугатора ¹⁾,—я полагаю бы полезнымъ заведеніе, гдѣ это возможно, при селахъ образцовыхъ огородовъ и садовъ, въ которыхъ крестьянскіе мальчики, окончившіе ученіе въ народной школѣ, могли бы до 14-ти-лѣтняго возраста заниматься изученіемъ приемовъ садовой и огородной культуры, получая въ извѣстные дни, зимой чаще, лѣтомъ можетъ быть, рѣже, объясненіе того, что они дѣлаютъ въ саду и огородѣ. Такими объясненіями могли бы заниматься или сельскіе учителя, если они въ состояніи дѣлать это по своимъ познаніямъ и свободному времени, которымъ располагаютъ, или свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ специалисты изъ ближайшей мѣстности, или ведущій образцовый огородъ или садъ, за особое вознагражденіе, которое, конечно, не превыситъ 200—300 руб. въ годъ. Образцовый же садъ или огородъ, заведенный въ большомъ селѣ, можетъ окупать себя, принося въ то же время еще ту

¹⁾ Въ Злинѣ, имѣніи А. В. Шереметева, Орловской губерніи Болховскаго уѣзда, управляемомъ М. В. Неручевымъ.

громадную пользу, что въ состояніи насадить въ мѣстности не то что улучшенное, но часто какое бы то ни было огородинчество и садоводство.

Съ достиженіемъ 14—15-ти-лѣтняго возраста мальчики могли бы вступать въ собственно сельско-хозяйственныя школы, т. е. въ хозяйства, которыя отличаются въ мѣстности своей рациональнію, стройностію и порядкомъ, ведутся хорошими хозяевами, преимущественно специально подготовленными для сельско-хозяйственной дѣятельности людьми, и въ которыхъ можетъ найтись незатѣйливое помѣщеніе для 20—30-ти мальчиковъ. Мальчики исполняютъ въ хозяйствѣ, которое имѣетъ еще и другого рода рабочихъ, всѣ работы подъ руководствомъ человѣка по возможности знающаго болѣе нежели одни манипуляціи, и получаютъ объясненіе того, что они дѣлаютъ въ извѣстные часы дня или извѣстные даже дни недѣли, когда они свободны отъ работъ. Эти объясненія съ дополненіями, приличными объясняемому случаю, должны составить курсъ сельскаго хозяйства, со всѣми необходимыми для сельскаго хозяина вспомогательными свѣдѣніями, такой курсъ, какого знаніе необходимо для земледѣльческаго работника. Въ такой школѣ мальчикъ можетъ оставаться отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, изъ коихъ въ первомъ году, примѣрно, онъ знакомится преимущественно съ уходомъ за животными, во-второмъ—съ полевой и луговой культурами, и въ третьемъ—съ учетомъ хозяйственныхъ работъ и отчетностію. Распредѣленіе занятій съ мальчиками въ такой школѣ можетъ быть весьма различно и должно быть предоставлено въ деталяхъ учителю, приглашаемому для такой школы преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ средней сельско-хозяйственной школѣ и занимавшихся затѣмъ практически сельскимъ хозяйствомъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ учителемъ низшей школы можетъ быть даже лицо, завѣдывающее хозяйствомъ или принадлежащее къ администраціи хозяйства, въ которомъ находится школа. Учитель долженъ получать вознагражденія, по крайней мѣрѣ, 600—800 рублей при готовой квартирѣ.

Ученики подвергаются ежегодно испытанію изъ усвоеннаго ими при объясненіяхъ учителя и изъ искусства въ исполненіи различныхъ сельско-хозяйственныхъ манипуляцій, въ присутствіи лица, специально для этого назначаемаго; а, по успѣшномъ окончаніи ученія въ школѣ и по ознакомленіи со всѣми важнѣйшими приемами и явленіями сельско-хозяйственной практики, получаютъ надлежащія свидѣтельства, которыя, кромѣ права на лучшее вознагражденіе, никакого другого права не предоставляютъ владѣльцу его.

Учитель завѣдываетъ учебной частію школы, хозяйственная же часть лежитъ на обязанности администраціи хозяйства, въ которомъ

учреждается школа. Содержаніе учениковъ можетъ покрываться отчасти платой съ учениковъ, отчасти заработной платой, которую они получаютъ изъ хозяйства, частью штатной суммой. Цифры эти могутъ быть чрезвычайно различны, а потому неопредѣлимы даже приблизительно. Такая школа можетъ стоить съ учителемъ и учебными пособиями отъ 800 до 1000 руб. (600—800 учительскаго жалованья и 200 руб. на учебныя пособия).

Такъ какъ такого рода низшая школа, почти можно сказать, не имѣетъ своего инвентаря, то для нея нѣтъ надобности въ собственномъ земельномъ участкѣ; она можетъ всегда переселиться изъ одного въ другое хозяйство.

Заключая свое изложеніе уставовъ высшей, средней и низшей сельско-хозяйственныхъ школъ въ ихъ главныхъ основаніяхъ, я долженъ прибавить, что устройство того или другого разряда школъ съ проектируемыми мною уставами, въ особенности же среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, по своимъ ежегоднымъ затратамъ, совершенно доступно средствамъ нѣкоторыхъ земствъ, насколько меня убѣждаютъ въ томъ заявленія земскихъ дѣятелей, съ которыми я имѣлъ случай бесѣдовать по этому поводу. Гораздо значительнѣе единовременныя затраты на учрежденіе школъ, въ особенности высшей и средней, если оно къ тому же потребуетъ приобрѣтенія земельного участка. Но и эти затраты, если онѣ будутъ дѣлаться людьми знающими дѣло, по хорошо заранѣе обдуманному, опредѣленному плану, людьми, имѣющими въ виду прежде всего общественный интересъ, умѣющими различить необходимое отъ безполезнаго, болѣе необходимое отъ менѣе необходимаго, удобство отъ роскоши,—могутъ быть не столь значительны, какъ это часто бываетъ, и какъ это можетъ казаться съ перваго раза; къ тому же, могутъ быть дѣлаемы постепенно, въ теченіи 3—5 лѣтъ, а не за разъ. Дѣло организаціи сельско-хозяйственныхъ школъ, которыя намъ необходимы въ значительномъ числѣ по свойству занимаемой нами земельной площади, подвинулось бы много впередъ, если бы правительство нашло возможнымъ придти на помощь земствамъ, желающимъ завести школы, хотя въ размѣрахъ одной половины необходимыхъ для устройства школы средствъ.

И. СТЕВУТЬ.

Ноябрь, 1872.

Петровское-Разумовское:

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го декабря, 1872.

Вопросъ о начальномъ обученіи. — Новыя предположенія по наблюденію за ними, и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ. — Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій. — Роль земства и значеніе инспекціи. — Вопросъ объ отнѣнѣ обязательной крѣпости вина. — Статистика потребленія спирта въ Россіи. — Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ. — Вопросъ о торжищахъ вблизи монастырскихъ церквей. — Собираніе особыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. — Старая пѣсня «Московскихъ Вѣдомостей». — Что такое «Спила и Хариба?»

„Полезно-ли, нужно-ли вмѣшательство государства въ дѣло народнаго обученія?— Да, если самое обученіе нужно и полезно... Государство въ этомъ дѣлѣ согласуетъ свою практику съ теоріею самою либеральною, ибо оно предоставляетъ въ немъ полную свободу, а само дѣлаетъ то, чего не можетъ сдѣлать свобода... Дѣятельность государства особенно необходима тамъ, гдѣ свобода оказывается бессильною; безсиліе же свободы проявляется двоякимъ образомъ: когда она обученія не производитъ, или когда обученіе ею производимое дурно; обученіе начальное есть то, для котораго свобода наименѣе дѣлаетъ“. Это—слова Жюль Симона, нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія во Франціи. Цитата эта не нами избрана; она поставлена эпитафюмъ къ одной статьѣ объ устройствѣ управленія начальными народными училищами, напечатанной въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“. Съ своей стороны, мы готовы присоединиться къ мнѣнію Жюль Симона, что въ дѣлѣ обученія нужна свобода, и что тамъ, гдѣ сама свобода оказывается безсильной провазвестъ потребное народу число хорошихъ начальныхъ школъ, за учрежденіе ихъ должно приняться само государство, т.-е. министерство народнаго просвѣщенія,—съ тѣмъ вдобавокъ, чтобы оно «согласовало свою практику съ теоріею самою либеральною...» Наши читатели, вѣроятно, не удивились бы, еслибы мы сами выбрали такую

цитату и привели ее отъ себя въ назиданіе нашимъ руководителямъ педагогическаго дѣла. Но мы имѣли нѣкоторое право удивиться, усмотрѣвъ такой эпитафій въ главѣ статьи официального органа нашего министерства, которая впрочемъ направлена къ тому, чтобы доказать необходимость въ Россіи не учрежденія государствомъ недостающихъ народныхъ школъ,—а умноженія еще 142-ми человѣками корпуса наблюдателей за школами; не какого-либо новаго шага къ согласованію практики съ «самой либеральной теоріей», но наоборотъ, полнѣйшаго централизованія дѣла начальнаго обученія, съ приданіемъ ему одноформенности, и съ полнымъ подчиненіемъ земскаго элемента въ немъ элементу бюрократическому; не новой, производительной затраты государства на снабженіе народныхъ школъ книгами, но возложенія новаго на государство расхода въ 400 тысячъ рублей исключительно для содержанія новыхъ 142 чиновниковъ инспекцій, и улучшеніе содержанія прежнихъ 34-хъ чиновниковъ инспекцій, и содержаніе 392-хъ канцелярій губернскихъ и уѣздныхъ учительскихъ совѣтовъ. Въ какой мѣрѣ къ этому подходит избранный неизвѣстнымъ авторомъ эпитафій изъ Жюль Симона? Или и Ж. Симонъ разумѣлъ «безскіе свободы» въ смыслѣ недостатка не школъ, а чиновниковъ,—подъ практикой же, согласующейся съ «самой либеральной теоріей», понималъ прямо практику возвышенія окладовъ, состоящихъ въ этомъ рангѣ лицъ?

Та же статья официального журнала сообщаетъ намъ, что министерствомъ народнаго просвѣщенія внесено въ государственный совѣтъ представленіе о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ измѣненію состава губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, и вообще управленія школьныхъ училищъ вѣдства этого министерства. Въ печати уже было заявлено, что представленіе это «направлено преимущественно къ тому, чтобы придать дѣйствительное значеніе инспекціи народныхъ училищъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія», и что представленіе это, въ настоящее время, обсуждается государственнымъ совѣтомъ. Представленіе это предполагаетъ для того, чтобы воздвигнуть у насъ дѣло народнаго образованія, принять слѣдующія мѣры: усилить наблюденіе за школами, назначивъ кнѣзьскими инспекторамъ народныхъ училищъ въ 34-хъ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, усиленные оклады жалованья, и переименовать изъ въ директоры народныхъ училищъ, а въ помощъ имъ создать еще 142 инспекторовъ; на обѣ эти новыя надобности требуется уже вновь триста тысячъ рублей; затѣмъ, училищные совѣты, губернскіе и уѣздные, которые доселѣ были самостоятельными учрежденіями, состояли первые подъ предсѣдательствомъ архіереевъ и съ участіемъ губернаторовъ, вторые съ выборными предсѣдателями—изъ членовъ

отъ земства и административныхъ вѣдомствъ, подчинить прямо инспекторамъ министерства просвѣщенія, которые будутъ въ нихъ предсѣдательствовать, а затѣмъ и попечителю, измѣнивъ притомъ составъ совѣтовъ такъ, чтобы преобладаніе въ нихъ получили элементъ бюрократическій. Сверхъ всего этого, предполагается поручить еще начальнику губерніи общее наблюденіе за ходомъ и направлениемъ начального обученія въ губерніи.

Весь проектъ составленъ вполне логично въ виду одной мысли о важности *наблюденія*. Оспаривать важность наблюденія нельзя, лишь бы не упускалось изъ виду главнѣйшее, а именно, что для наблюденія, какъ для всякаго дѣйствія, необходимо прежде всего *объектъ*, предметъ наблюденія, то, есть необходимо, чтобы было приготовлено достаточное число учителей и учреждено достаточное число школъ. Но въ *этомъ* собственно отношеніи новый проектъ не представляетъ ничего, и если, напр., въ селѣ N въ настоящую минуту потребность просвѣщенія состоитъ въ томъ, что тамъ нужна школа, которой пока нѣтъ, то и за осуществленіемъ нынѣшняго проекта, положеніе останется тамъ совершенно то же самое. Вся разница въ томъ, что нынѣшній проектъ представляетъ селцу N такую перспективу, что когда въ немъ современемъ какимъ-либо образомъ возникнетъ школа, то за этой школой будутъ наблюдать: 1) инспекторъ народныхъ школъ въ уѣздѣ, съ окладомъ 2,000 руб.; 2) уѣздный училищный совѣтъ, въ которомъ тотъ же инспекторъ состоитъ предсѣдателемъ; 3) директоръ народныхъ школъ въ губерніи, съ окладомъ въ 2,500 р., начальникъ уѣзднаго инспектора; 4) губернский училищный совѣтъ, въ которомъ этотъ директоръ предсѣдательствуетъ и состоитъ еще членомъ отъ разныхъ вѣдомствъ, кромѣ земства; 5) попечитель учебнаго округа, начальникъ директора и инспектора; 6) начальникъ губерніи, въ которой будетъ находиться школа; начальнику губерніи предоставляется сообщать министру народнаго просвѣщенія свои замѣчанія и соображенія о школахъ; и 7) министръ народнаго просвѣщенія. Наблюденіе въ самомъ дѣлѣ будетъ усиленное и успѣшное. Останется желать, чтобы сама школа — была. Учрежденіе же школы по-прежнему будетъ зависеть исключительно отъ самихъ плательщиковъ податей: для нихъ вся перемѣна, предполагаемая нынѣшнимъ проектомъ, представится единственно тѣмъ, что на платежныя средства податной массы падетъ новый расходъ въ 399 тысячъ рублей, собственно на усиленіе наблюденія за школами и 392 канцелярн, при помощи которыхъ это наблюденіе будетъ дѣйствовать.

Мы далеки отъ того, чтобы отрицать необходимость наблюденія въ внимательномъ дѣлѣ, и замѣчанія наши по настоящему предмету

внушени намъ единственно полагались, чтобы и другая потребность этого дѣла, главнѣйшая, прямая потребность его—помощіе о самомъ образованіи учителей и созданіи народныхъ школъ, не оставалась въ тѣни. На этой точкѣ зрѣнія—въ сущности не составляющей никакой особой заслуги, такъ какъ она основана просто на аксіомѣ, что учителя и школъ мало, а онѣ крайне нужны—мы стояли еще въ декабрѣ 1868 года, когда въ первый разъ коснулись вопроса о народномъ обученіи, въ которому впоследствии неоднократно возвращались, какъ въ самонужнѣйшему для Россіи, не терпящему никакого отлагательства дѣлу. Съ тѣхъ поръ и министерство, въ заботливости о вѣренной ему части коснулось дѣла народнаго обученія нѣсколькими дѣйствіями. Возвращаясь къ этому предмету, мы каждый разъ только повторяли или развивали мысли, соответствовавшія первоначальной нашей точкѣ зрѣнія, и съ искреннимъ удовольствіемъ имѣли случай замѣтить, что министерство, съ своей стороны, въ дѣйствіяхъ своихъ отъ первоначальныхъ своихъ воззрѣній отказывалось или по крайней мѣрѣ отдалялось. Выражая впоследствии неоднократно наше несогласіе съ равными предположеніями министерства, относительно устройства *средняго* образованія, мы по отношенію къ начальному, народному обученію могли только замечать кратко въ эти столбцы свѣдѣнія объ успѣхахъ министерства въ слѣдованіи по пути, уклонявшемуся отъ первоначальныхъ его на это дѣло взглядовъ. Но теперь, когда предполагается вновь по этой отрасли мѣра довольно дорого-стоящая, а между тѣмъ, по убѣжденію нашему, для пользы дѣла не существенная, мы считаемъ обязанностью напомнить читателямъ, въ краткомъ, но уже связаномъ очеркѣ, въ чемъ нынѣшнее министерство доселѣ дѣйствительно осуществило успѣхи, уклонясь отъ прежнихъ своихъ воззрѣній, и показать значеніе нынѣшней мѣры въ связи съ прочими.

Нашею исходной точкою въ сужденіи по вопросу о начальномъ обученіи, какъ въ декабрѣ 1868 года, такъ и впоследствии была все одна и та же мысль: не оспаривать важности и пользы наблюденія министерства надъ начальнымъ обученіемъ, а напротивъ подтверждать важность и пользу его наблюденія, и вмѣстѣ доказывать необходимость прямого, производительнаго вмѣнителяства его въ устройство начальнаго обученія. Съ самаго же начала мы высказывали мысль, что всѣ вообще народныя школы, какимъ бы вѣдомствомъ онѣ ни были основаны, слѣдовало бы подчинить непосредственному управленію министерства народнаго просвѣщенія, съ участіемъ представителей земства, и, сверхъ того, производительнымъ образомъ всю дѣла правильной постановки народнаго обученія мы указывали учрежденіе, заботами министерства, учительскихъ семинарій для пригото-

женія народныхъ учителей. Мысль эта, въ обоихъ своихъ развѣтвленіяхъ, казалось намъ, прямо истекала изъ очевидности. Сверхъ того, она соотвѣтствовала и бывшимъ уже начинаніямъ самого правительства: подчиненіе всѣхъ народныхъ школъ министерству народнаго просвѣщенія было основнымъ принципомъ изданнаго прежнимъ министромъ Положенія 1864 года; имъ же было признано участіе представителей земства въ наблюденіи за школами, посредствомъ устройства даннаго въ то время училищнымъ совѣтамъ; наконецъ, необходимость начать производительную дѣятельность въ устройствѣ начальнаго обученія была признана тѣмъ, что прежнее же министерство впервые внесло въ смѣту на 1865-й годъ 200 т. рублей на народныя школы, для распредѣленія изъ нея части между училищными совѣтами, объявило конкурсы на составленіе учебниковъ, открыло при 15-ти уѣздныхъ училищахъ педагогическіе курсы для приготовления народныхъ учителей и, наконецъ, внесло въ государственнй совѣтъ проектъ учрежденія учительскихъ семинарій для приготовления народныхъ учителей. Итакъ, мыслью нами высказаннымъ соотвѣтствовала не только апріорическая ихъ очевидность, но и прежнія начинанія самого правительства.

Не министерство, конечно, но читатели могутъ спросить здѣсь: почему же мы доказывали то, что было, во-первыхъ, очевидно; а вторыхъ, уже предпринято самимъ правительствомъ? Потому, отвѣтимъ, что нѣкоторыя изъ сейчасъ указанныхъ начинаній были, вслѣдъ за личною переменою въ управленіи вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, въ 1866-мъ году, оставлены, и то, что казалось очевиднымъ для насъ, нынѣшнему министерству народнаго просвѣщенія, при началѣ его дѣятельности, не только не представлялось очевиднымъ, но, напротивъ, вызывало съ его стороны полнѣйшее отрицаніе.

Относительно учрежденія учительскихъ семинарій для приготовления народныхъ учителей, въ которомъ мы видѣли корень всего устройства народнаго обученія, нынѣшнее министерство вначалѣ держалось такихъ воззрѣній, что учреждать этихъ семинарій вовсе не нужно, что въ нихъ въ Россіи не чувствуется надобности, что наше духовенство само способно дать народному образованію нравственно-религіозное направленіе, и что, поэтому, учить въ школахъ должны священники, діаконы, неимѣющіе мѣстъ семинаристы, получая за это вознагражденія; что въ этихъ видахъ достаточно будетъ ввести въ духовныхъ семинаріяхъ преподаваніе педагогики и дидактики; наконецъ, что народныя школы должны имѣть назначеніемъ не только распространеніе начальнаго образованія въ народѣ, но что, такъ-какъ за отиѣной крѣпостного права помѣщики уже не готовятъ по-прежнему ремесленниковъ изъ дворовыхъ людей,



Россия не осталась безъ ремесленниковъ, слѣдуетъ въ народныхъ школахъ *обучать ремесламъ*. Вотъ каковы были первоначальныя воззрѣнія нынѣшняго министерства собственно на вопросъ объ учрежденіи учительскихъ семинарій. А вотъ каковъ былъ окончательный результатъ, къ какому оно пришло по этому дѣлу впоследствии: в 1871-мъ году оно само обратилось къ учрежденію для приготовленія народныхъ учителей — учительскихъ институтовъ, по одному на учебный округъ.

Относительно вопроса о подчиненіи всѣхъ начальныхъ училищъ какому бы вѣдомству они учреждены ни были—министерству народного просвѣщенія, и о непосредственномъ участіи министерства въ учрежденіи народныхъ школъ, нынѣшнее управленіе министерства не могло первоначально расхотѣться съ тѣмъ взглядомъ на этотъ вопросъ, какой былъ высказанъ оберъ-прокуроромъ синода въ 1866-мъ году, а именно, что министерство это не должно завѣдывать народными школами, учреждаемыми духовенствомъ. Въ виленскомъ генераль-губернаторствѣ уже въ то время дѣйствовало положеніе о народныхъ школахъ, въ силу котораго всѣ народныя школы, въ томъ числѣ и учрежденныя духовенствомъ, подчинены были дирекціямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства народного просвѣщенія. Рѣчь была о томъ, чтобы дѣйствіе этого положенія распространить и на юго-западные губерніи Россіи, и противъ этого, какъ извѣстно было въ то время, оберъ-прокуроромъ заявлялось требованіе, чтобы въ юго-западномъ краѣ духовенство дѣйствовало совершенно независимо отъ министерства народного просвѣщенія, и это мнѣніе оберъ-прокурора было утверждено. Въ настоящее же время, то самое положеніе о подчиненіи народныхъ училищъ министерству въ сѣверо-западномъ краѣ, которое въ 1866-мъ году представлялось неприемлемымъ къ юго-западному краю, выставляется какъ образцовое устройство, долженствующее быть примѣненнымъ ко всей имперіи. На эти школы, подчиненныя уже съ 1863 года министерству народного просвѣщенія, въ настоящее время ссылаются какъ на сильнѣйшій аргументъ въ поддержаніе проекта нынѣ внесеннаго министерствомъ въ государственный совѣтъ. На устройство этихъ 2347-ми начальныхъ училищъ сѣверо-западнаго края, съ 68-ью тысячами учениковъ, авторъ статьи „Журнала Министерства“, быть можетъ незнающій, что оно когда-то казалось непримѣнимымъ для края юго-западнаго, указываетъ съ гордостью и приписываетъ лучшее ихъ (сравнительно съ прочими въ имперіи) положеніе слѣдующимъ условіямъ: „богѣе обеспеченному (т.-е. обеспеченному самимъ правительствомъ) состоянію ихъ, правильному и постоянному контролю надъ ними (свѣтскому, не-духовному) и замѣщенію учительскихъ мѣстъ лицами спо-

собными вестимъ дѣло обученія (т.е. специалистами, а не семинаристами состоящими безъ мѣстъ)“. Но вѣдь это и есть тѣ самыя условія, для осуществленія которыхъ по всей имперіи мы, и не одни мы, конечно, постоянно твердили: всѣ начальныя школы должны быть непосредственно подчинены министерству народнаго просвѣщенія; министерство это должно взять на себя инициативу въ учрежденіи и самыхъ народныхъ школъ, такъ какъ земству не подь силу достаточно обезпечить ихъ; для преподаванія въ школахъ нужны не семинаристы, занимающіеся ими въ ожиданіи мѣста, а способные спеціальныя учителя, для приготовленія которыхъ нужно учредить учительскія семинаріи.

Относительно крайней недостаточности числа дѣйствительно существующихъ у насъ народныхъ школъ; и вытекающей отселе настоятельной для министерства обязанности принять на себя въ этомъ дѣлѣ энергическій починъ,—органы нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія первоначально утѣшали себя мыслью, что въ Россіи—по официальнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія—только въ 33-хъ губерніяхъ есть *болѣе 14-ти тысячъ* начальныхъ училищъ министерства и духовнаго вѣдомства—цифра во всякомъ случаѣ почтенная. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, къ числу которыхъ въ настоящемъ случаѣ принадлежали мы, неоднократно обращали вниманіе на то обстоятельство, что въ этой цифрѣ заключается: во-первыхъ, не малое число такихъ училищъ, которые въ дѣйствительности вовсе не существуютъ, а только показываются на бумагѣ, по донесеніямъ священниковъ о желаніи ихъ вслѣдствіе предписаній ихъ начальства открыть школы въ своемъ приходѣ; во вторыхъ—не малое число такихъ школъ, которыя школами быть названы не могутъ, а представляютъ просто временныя, нерегулярно производимыя и посѣщаемыя классы, которые иными священниками были открыты у себя на дому, въ видѣ попытки открыть школу, но на самомъ дѣлѣ никто въ нихъ не прошелъ курса. Замѣчательно, что въ новѣйшее время официальныя свѣдѣнія министерства, хотя и держатся по прежнему оптимизма, но говорятъ уже только о 10.000 начальныхъ школъ, нынѣ существующихъ въ помянутыхъ 33-хъ губерніяхъ. Свѣдѣніе „о болѣе 14-ти тысячахъ“ школъ соответствовало 1867-му году; свѣдѣніе о „болѣе 10-ти тысячахъ“ школъ соответствуетъ 1872-му году. Такъ какъ въ этомъ числѣ огромное большинство составляютъ предполагаемыя тысячи школъ основанныхъ духовенствомъ, то надо полагать, что въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ духовенство, вмѣсто того, чтобы умножать школы, уменьшило ихъ число почти на 4 тысячи школъ, стало-быть никакъ не оказалось состоятельнымъ въ веденіи этого дѣла, или что прежняя цифра была

просто гадательная, невѣрная;—но въ такомъ случаѣ можно ли было утѣшать себя ею, основывать на ней какія-либо мѣропріятія и вообще выдавать ее официально за достоверную? А такъ какъ въ числѣ доводовъ, приводимыхъ нынѣ министерствомъ въ пользу усилія личнаго состава инспекціи, находится между прочимъ и такой доводъ, что въ настоящее время даже почти невозможно представить удовлетворительныя данныя о числѣ училищъ и учащихся въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, то отсюда уже прямо слѣдуетъ, что и новѣйшая официальная цифра—10-ть т. начальныхъ школъ, основанныхъ преимущественно духовенствомъ, лишена достоверности.

Однимъ словомъ, съ какой стороны ни взглянуть на это дѣло, первоначальный взглядъ министерства, что духовенство само въ состояніи повести за него все дѣло начального образованія устройствомъ школъ и снабженіемъ ихъ учителями, оказывается совершенно неоправдавшимся, и министерство само фактически отказалось отъ него, приступивъ къ учрежденію сперва 355-ти двуклассныхъ народныхъ училищъ на счетъ министерства, по одному въ уѣздѣ (въ 33-хъ губерніяхъ), причѣмъ министерство уже прямо высказывало, что эти училища должны сдѣлаться *разсадниками будущимъ сельскимъ учителямъ*; потомъ и къ осуществленію мысли 1864 года объ устройствѣ учительскихъ семинарій, съ тою только разницею, что семинаріи эти названы не семинаріями, а институтами, что предположено ихъ не 15, а 7, и что предназначены онѣ специально для приготовленія учителей городскимъ школамъ, за учрежденія которыхъ также принялось министерство, преобразовывая въ нихъ прежнія уѣздныя училища и полагая, сверхъ того, учреждать прямо новыя городскія училища, на счетъ государства, въ томъ числѣ и одноклассныя и двуклассныя, то-есть, *начальныя государственныя*, а не духовныя школы. Въ этихъ новыхъ своихъ мѣропріятіяхъ (1871 года) министерство далеко уже ушло отъ прежняго своего убѣжденія, что народныя школы вѣдѣнія министерства могутъ быть учреждаемы не иначе, какъ послѣ удостовѣренія отъ духовнаго вѣдомства, что къ тому съ его стороны не имѣется препятствій.

За всѣми этими уклоненіями нынѣшняго управленія народнаго просвѣщенія отъ его первоначальныхъ убѣжденій мы постоянно слѣдили, и указывая на недостаточность робкихъ его начинаній на пути, котораго оно сперва не имѣло въ виду, въ то же время съ удовольствіемъ свидѣтельствовали, что такія начинанія, такія отступленія все-таки имъ дѣлаются. Въ свое время, мы указывали и на такія новыя его мысли, которыя, какъ намъ казалось, не могутъ способствовать успѣху дѣла, и которыя—будемъ себя утѣшать этимъ сообра-

женіемъ — могутъ быть также преходящи, какъ и первоначальные основныя взгляды его на все дѣло начальнаго обученія. Подъ именемъ такихъ *новыхъ* мыслей мы разумѣемъ здѣсь проводимое министерствомъ уже съ 1867 года убѣжденіе, что для успѣшной постановки дѣла начальнаго обученія у насъ всего важнѣе *наблюденіе* за ними, посредствомъ іерархіи инспекторовъ;—мысль первая; и—вторая мысль, съ первою совпадающая,—что для умноженія и улучшенія народныхъ школъ, которыя основываются все-таки земствомъ (разумѣя въ немъ и крестьянскія общества), всего лучше по возможности устранить самое земство отъ наблюденія за ними, вручивъ управленіе школами чиновникамъ министерства, инспекторамъ, которымъ и подчинить училищныя совѣты, съ допущеніемъ въ нихъ земскаго элемента. Первая изъ этихъ мыслей была осуществлена уже въ 1869-мъ году, учрежденіемъ должности инспекторовъ народныхъ училищъ въ 33-хъ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія. Мы тогда же разбирали инструкцію, данную этимъ инспекторамъ, и предостерегали отъ преувеличенныхъ ожиданій, посредствомъ одного полицейскаго надзора за образованіемъ создать самое образованіе, посредствомъ внесенія форменности и бюрократической дисциплины въ дѣло способствовать плодотворному развитію этого дѣла. Вторая мысль—объ окончательномъ подчиненіи земскаго элемента, то-есть, самостоятельныхъ училищныхъ совѣтовъ чиновникамъ инспекціи—подготовлялась исподоволь; она отражалась сперва въ органахъ министерства, потомъ отразилась въ положеніи 1871 года объ учрежденіи городскихъ училищъ, въ которомъ не было сказано, что училища эти подчиняются училищнымъ совѣтамъ; хотя было высказано ожиданіе, что въ учрежденіи такихъ училищъ примутъ участіе и земство, и городскія общества, но ни земству, ни городскимъ обществамъ не предполагалось дать участія въ наблюденіи за ними. Забывая эти симптомы, мы полтора года тому назадъ (Внутр. Обозр. июль 1871 г.) высказали: „общество должно обращать особое вниманіе на всѣ *постепенныя шаги*, направленные въ послѣднее время къ дискредитированію училищныхъ совѣтовъ. Если цѣль ихъ (этихъ шаговъ), — говорили мы дажѣ,—установить бюрократизмъ и произволъ, то это было бы весьма плачевно. Произволъ убиваетъ школу нравственно, бюрократизмъ же отстраняетъ отъ нея не только живое участіе общества, но и самыя средства для ея существованія“.

Мы предостерегали недаромъ: обѣ мысли сейчасъ упомянутыя, то-есть, о важности прежде всего усиленія инспекціи, и о превращеніи училищныхъ совѣтовъ, съ ихъ земскими членами, въ простые совѣты инспекторовъ министерства — составляютъ сущность тѣхъ предположеній, которые нынѣ, какъ извѣстно, внесены министерствомъ

въ государственный совѣтъ. Для доказательства необходимости дѣлать дѣло народнаго образованія въ Россіи назначеніемъ 161 новыхъ чиновниковъ, стоящихъ казні 322-хъ тысячъ рублей въ годъ (число это впоследствии ограничено 142-мя новыми чиновниками, и 301-ю т. р. новаго расхода) и подчиненіемъ имъ, если не полнымъ устраненіемъ земства отъ этого дѣла, авторъ статьи „Журнала М. Н. П.“, и призываетъ себѣ въ помощь авторитетъ министра просвѣщенія французской республики. Съ той же цѣлью неизвѣстный авторъ ссылается, по его выраженію, на „извѣстнаго Виктора Кузена“; затѣмъ дѣлаетъ крайне поверхностный очеркъ управленія начальными училищами въ разныхъ европейскихъ государствахъ, и въ томъ фактѣ, что вездѣ болѣе или менѣе государство признало положительной обязанностью для себя непосредственно заботиться о народныхъ школахъ, не предоставляя этого дѣла одному *духовенству*, видитъ подтвержденіе своей мысли о необходимости назначить въ Россіи множество чиновниковъ для надзора за школами, и устранить отъ нихъ *земство*. Между тѣмъ, всѣ приводимые авторомъ иностранные примѣры доказываютъ нѣчто совершенно иное, а именно, что и у насъ слѣдовало неуклонно держаться мысли 1864 года, о невозможности возлагать все дѣло начальнаго образованія на одно духовенство. Сверхъ того, приводимые авторомъ иностранные примѣры доказываютъ еще и ту, нетребующую, впрочемъ, доказательствъ аксіому, что тамъ гдѣ самыя школы уже существуютъ въ достаточномъ числѣ, тамъ и можетъ быть рѣчь только о надзорѣ за ними; но тамъ, гдѣ самыя школы нѣтъ, или есть крайне мало, тамъ прежде всего уиѣстна забота объ учрежденіи школъ, и однимъ назначеніемъ полтора-раста новыхъ чиновниковъ для надзора за ними вопросъ рѣшенъ быть не можетъ.

Въ связи съ своеобразнымъ пониманіемъ иностранныхъ примѣровъ, авторъ означенной статьи прямо ставитъ факты „сверху ногамъ“, какъ выражаются нѣмцы, обвиняя наше Положеніе 1864 года о начальныхъ училищахъ въ слѣдующихъ указахъ: что имъ именно „правительство какъ бы устранилось отъ руководства начальнымъ народнымъ образованіемъ, отдавъ его на произволъ частной дѣятельности“; что „въ Россіи, гдѣ все просвѣщеніе было насаждено и должно поддерживаться почти исключительно однимъ правительствомъ“, оно само, Положеніемъ 1864 года, „какъ бы удалило себя отъ руководства народною школою, этою колыбелью исторической будущности“. Затѣмъ, авторъ доказываетъ, что правительство не можетъ сложить съ себя тѣ нравственныя и политическія обязанности, которыя принадлежатъ ему какъ по праву (обязанности, которыя принадлежатъ по праву,—какая ясность и сила мысленія!), такъ и по

сознанію дѣйствительныхъ общественныхъ потребностей — именно энергически усиловать и направлять народное образованіе... „Русское правительство слишкомъ сильно — продолжаетъ авторъ — само по себѣ и всею предыдущею исторіей, чтобы выпустить изъ своихъ рукъ образованіе народа, или другими словами будущность Россіи“. Какъ все это сильно и убѣдительно сказано! Еслибы не знать „предыдущей исторіи“ самаго вопроса о начальномъ образованіи у насъ за послѣднія восемь лѣтъ, то можно бы подумать, что у насъ система 1866 года существовала прежде системы 1864 года; что сперва дѣло начальнаго образованія было выпущено правительствомъ изъ своихъ рукъ и предоставлено исключительно духовенству; что сперва не были признаны ни обязанность, ни право государства насаждать, и поддерживать, и направлять образованіе народа, и уже только нынѣ явилась новѣйшая система, выразителемъ которой служитъ авторъ упомянутой статьи, и стала проводить мысль, что правительство не должно отречься отъ прямой дѣятельности въ этой сферѣ, не должно уклоняться отъ учрежденія и руководства народныхъ школъ, не должно выпускать этого дѣла изъ своихъ рукъ, отстраняться отъ него, предоставляя его исключительно духовенству. Между тѣмъ, у насъ было въ дѣйствительности нѣчто совершенно противоположное: сперва Положеніе 1864 года утвердило, противъ всѣхъ противныхъ, весьма сильныхъ вліяній, фактъ, что всѣ начальныя школы, какимъ бы вѣдомствомъ онѣ основаны ни были, подчиняются (съ того именно времени, т.-е. съ 1864 года) министерству народнаго просвѣщенія; что, стало быть, школы, основанныя духовенствомъ, должны наравнѣ съ прочими подлежать контролю свѣтской правительственной власти. И если притомъ въ образованіе училищныхъ совѣтовъ, данное имъ положеніемъ 1864 года, вопли ограниченія власти министерства народнаго просвѣщенія, если въ губернскіе совѣты были призваны и архіерей, и губернаторъ, то это были невольныя уступки, сдѣланныя министерствомъ вліяніямъ противоположнымъ, уступки шедшія противъ очевидной мысли системы 1864 года, но сдѣланныя потому, что безъ нихъ самая мысль о подчиненіи контролю свѣтской власти начальныхъ школъ, основанныхъ духовенствомъ, *не прошла бы*, въ виду положительнаго недовѣрія, съ какими относились противоположныя вліянія къ самому министерству народнаго просвѣщенія. Единственно благодаря такимъ уступкамъ, Положеніе 1864 года могло впервые установить начало, что всѣ народныя училища, въ томъ числѣ и учрежденныя духовенствомъ, состоятъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, и это есть огромная заслуга Положенія 1864 года. А между тѣмъ ему же нынѣ ставятъ въ вину, что у насъ правительство будто бы устранилось отъ дѣла начальнаго обученія, этой

будущности Россіи, и съ какой же стороны предъявляется такое обвиненіе: съ той стороны, которая чрезъ два года послѣ того, какъ подчиненность начальной школы министерству была признана законодательнымъ актомъ, усиленно проводила мысль, что вся забота объ учрежденіи начальныхъ школъ и приготовленіи для нихъ учителей должна быть предоставлена *духовенству*. Усиленно проводилъ эту мысль тотъ самый „Журналъ М. Н. П.“, который нынѣ обвиняетъ Положеніе 1864 года въ удаленіи правительства отъ дѣла начального образованія! Изъ всего сказаннаго очевидно одно, что авторъ упомянутой статьи ни малѣйше не знакомъ съ дѣйствительною исторіею народнаго образованія въ Россіи.

Мы уже объясняли выше, что нынѣшнее управленіе народнаго просвѣщенія поступило весьма рачительно, отрекаясь отъ первоначальныхъ своихъ взглядовъ и возвращаясь въ сущности ко взглядамъ 1864 года. Но для чего автору вызывать непріятныя воспоминанія попытками поставить факты именно „кверху ногами“, стараясь выставить дѣло, какъ будто прежняя система намѣренно устранялась отъ дѣла начального обученія, а только нынѣшняя-де система впервые стала осуществлять мысль объ обязанности правительства непосредственно приняться за это дѣло, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности было *совершенно наоборотъ*, и нынѣшняя система только возвращается къ основной мысли 1864 года, но послѣ крайне рельефныхъ колебаній въ противную сторону!

А между тѣмъ именно такія прямо противоположныя истинѣ толкованія сообщаются даже въ западную печать нѣкоторыми ревнителями, которые хотя склонны обижаться на малѣйшее несогласіе съ ними печати, однако всегда прибѣгаютъ къ печати, какъ русской, такъ иностранной, для пропаганды своихъ собственныхъ идей. Петербургскій корреспондентъ „Кѣльнской газеты“, который постоянно снабжалъ ее тенденціозными свѣдѣніями въ защиту дѣла классицизма въ Россіи, и нынѣ получилъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о проектѣ, внесенномъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ государственный совѣтъ. И вотъ, сообщая „Кѣльнской газетѣ“ основанія этого проекта, свѣдущій корреспондентъ прямо начинаетъ съ того, что „министерство народнаго просвѣщенія, послѣ осуществленія реформы гимназій и реальныхъ училищъ, обращаетъ теперь свое особенное вниманіе на положеніе *столь пренебреженной* у насъ народной школы“. Кто виноватъ въ пренебреженіи къ такому важному дѣлу—остается неизвѣстнымъ, но надо полагать всѣ бывшія доселѣ управленія, такъ какъ вотъ нынѣшнее управленіе, совершивъ уже другія важныя реформы, наконецъ, впервые обращаетъ вниманіе и на народную школу, для поднятія которой и предполагаетъ

назначить 142 новыхъ инспекторовъ и подчинить имъ земство. Объ участіи нашего бѣднаго земства въ дѣлѣ начальнаго образованія корреспонденту нѣмецкой газеты сообщены свѣдѣнія самаго плачевнаго свойства. Ему неизвѣстно, что многія земства устроили на свой счетъ даже учительскія семинаріи, когда министерство не хотѣло ихъ учреждать; что земство во всѣхъ губерніяхъ много, по сравненію со слабостью своихъ средствъ, сдѣлало для народныхъ школъ; что въ земскомъ бюджетѣ почти всѣхъ 34-хъ губерній эта статья занимаетъ видное мѣсто. Но за то корреспонденту отлично извѣстна такая подробность, что часть суммъ, ассигнованныхъ на народныя школы по смѣтамъ министерства, осталась не израсходованною и поступила въ экономію казны, и этотъ фактъ корреспондентомъ ставится въ вину земству, какъ будто министерство не могло — если само не имѣло свѣдѣній о нуждахъ школъ — раздать этихъ денегъ прямо земствамъ, для поддержанія множества школъ, въ которыхъ едва доставало дровъ на отопленіе, не доставало книгъ, а учителя положительно голодали. Корреспонденту нѣмецкой газеты, конечно, не сообщенъ тотъ фактъ, что въ одномъ округѣ суммы, ассигнованныя на пособія народнымъ школамъ, были употреблены на строительныя надобности министерства, иначе онъ бы зналъ, насколько земство можетъ быть обвиняемо въ неизрасходованіи суммъ ассигнованныхъ на пособія народнымъ школамъ.

Прочія обвиненія земства корреспондентомъ сводятся въ обвиненіи училищныхъ совѣтовъ, въ которыхъ земство участвуетъ, и которые, какъ извѣстно, были учреждены Положеніемъ 1864 года: многіе изъ этихъ совѣтовъ вовсе не собирались и, за нѣкоторыми исключеніями, всѣ они оказались безсильными управлять дѣломъ народнаго образованія. Здѣсь нѣмецкій корреспондентъ въ упрекахъ своихъ училищнымъ совѣтамъ уже совершенно совпадаетъ съ авторомъ приведенной выше статьи „Журнала М. Н. П.“, который обвиняетъ Положеніе 1864 года въ томъ, что оно, учрежденіемъ училищныхъ совѣтовъ, устранило правительство отъ контроля надъ народнымъ образованіемъ и управленія имъ.

Такъ-какъ, такимъ образомъ, все это дѣло поставлено уже, независимо отъ насъ, на судъ не только русскаго общества, но и иностранной публики, то мы ничего не прибавимъ къ такому положенію дѣла, сказавъ, что, сколько извѣстно, и само министерство народнаго просвѣщенія всѣ приведенныя упреки Положенію 1864 года, училищнымъ совѣтамъ и земству, съ своей стороны, раздѣляетъ, и признаетъ, что именно Положеніемъ 1864 года министерство было отчуждено отъ всякаго вліянія вообще на ходъ дѣла народнаго образованія и наблюденія за нимъ, за исключеніемъ тѣхъ

училищъ, которыя имъ самимъ были основаны; что представители учебнаго вѣдомства не могли стать въ приличное отношеніе къ прочимъ членамъ въ училищныхъ совѣтахъ, особенно въ губернскихъ, гдѣ участвуютъ начальники губерній, епархіальный архіерей и два члена отъ земства; что при нынѣшнемъ устройствѣ училищныхъ совѣтовъ дѣйствительнаго управленія начальными народными училищами почти не существуетъ, не существуетъ и надлежащаго надзора за ходомъ и направленіемъ преподаванія въ нихъ; что губернскіе училищные совѣты, составляющіе независимое отъ министерства учрежденіе, большею частью не собираются, потому что ни у губернатора, ни у архіерея нѣтъ времени на занятія въ нихъ, а сверхъ того надъ самими этими совѣтами нѣтъ контроля, который „возбуждалъ“ бы ихъ къ дѣятельности; что уѣздные совѣты нерѣдко съ равнодушіемъ относятся къ своимъ обязанностямъ; что министерство, съ своей стороны, сдѣлало все, что могло для народныхъ училищъ, назначало имъ суммы, высылало имъ руководства, пособія и книги для чтенія, но всѣ эти усилія не принесли пользы, и большая часть суммъ обращена была въ доходъ казны именно потому, что не была *вытребована*, а книги оставались нерѣдко безъ разсылки по училищамъ.

Приведя такое официально-авторитетное мнѣніе, мы уже считаемъ неумѣстнымъ разсматривать отъ себя вопросъ, кто именно виноватъ въ томъ, что училища бѣдствовали безъ денегъ и книгъ, а между тѣмъ, земство, издерживавшее на нихъ малыя свои средства, не воспользовалось готовыми средствами, готовыми книгами. Но такъ какъ въ настоящую минуту дѣло сводится къ существенному измѣненію Положенія 1864 года и къ подчиненію училищныхъ совѣтовъ инспекторамъ министерства, число которыхъ предполагается довести до 175-ти пока, а современемъ и еще увеличить, то, стало бытъ, существенный пунктъ состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть, при какихъ обстоятельствахъ возникло Положеніе 1864 года, какия условія и пѣли имѣлись въ виду при учрежденіи училищныхъ совѣтовъ, и насколько справедливо можно упрекать Положеніе 1864 года въ томъ, что оно устранило министерство народнаго просвѣщенія отъ вліянія на народныя школы.

Въ 1864-мъ году, тогдашнее управленіе народнаго просвѣщенія полагало непосредственное свое участіе въ устройствѣ народнаго образованія проявить въ насажденіи самаго корня его, именно — въ учрежденіи 15-ти учительскихъ семинарій. Что же касалось начальныхъ школъ, то, имѣя въ виду небольшое число ихъ, существовавшихъ въ дѣйствительности, и не утѣшая себя гадательными цифрами о 14-ти тысячахъ ихъ, будто бы учрежденныхъ уже, по болѣе части духовенствомъ, оно полагало ввести у насъ, со стороны пра-

ительства, систему *поощреній* и *пособій* учрежденію школъ, представляя бѣольшую *самостоятельность* земству, городскимъ и сельскимъ обществамъ въ дѣлѣ учрежденія училищъ и надѣясь этимъ именно средствомъ побудить общества къ увеличенію числа школъ. Все, къ чему могло стремиться тогдашнее управленіе въ дѣлѣ надзора за начальными школами, заключалось въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, провести въ законодательство принципъ подчиненія всѣхъ этихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія. Требовать же предоставленія себѣ непосредственнаго и совершенно самостоятельнаго отъ другихъ вѣдомствъ управленія начальными школами, оно не могло уже и потому, что въ то время имѣло большое вліяніе стремленіе прямо и волюнѣ передать всѣ народныя школы *духовному ведомству*. То время принадлежитъ уже исторіи, и нынѣ, когда главные дѣятели, принимавшіе въ то время участіе въ обсужденіи этого вопроса, сошли со сцены, а многіе и умерли, нѣтъ причины не напомнить въ печати о томъ, что въ 1864-мъ году извѣстно было по слухамъ. Въ 1861-мъ году, министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ и тогдашній оберъ-прокуроръ синода графъ Александръ Толстой внесли въ государственный совѣтъ представленіе, въ которомъ полагалось оставить за министерствомъ народнаго просвѣщенія управленіе только учеными и высшими, а также средними учебными заведеніями, а все дѣло начального образованія, всѣ школы народныя передать синоду, которому, по ихъ мнѣнію, исключительно слѣдовало заниматься народнымъ образованіемъ, во исполненіе евангельской заповѣди: „любше убо научите всѣ народы“. При назначеніи министромъ Е. П. Ковалевскаго, представленіе это было возвращено. При дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, во время разныхъ сужденій въ различныхъ учрежденіяхъ объ устройствѣ народныхъ школъ, вплоть до 1864 года, стали въ свое время извѣстны слѣдующія мнѣнія, въ которыхъ нельзя не возвратиться. Другой синодальный прокуроръ, Ахматовъ, поддерживалъ мысль своего предмѣстника, и въ доказательство, что духовенство волюнѣ въ состояніи вести дѣло народнаго обученія, ежемѣсячно представлялъ вѣдомости, въ которыхъ значилось, что духовенство учредило и содержитъ на свой счетъ *болше 22,000* народныхъ школъ. Онъ же указывалъ на минимумъ антирелигіозности и крайнее свободомысліе самого преподавательскаго сословія министерства народнаго просвѣщенія. А. С. Норвичъ было высказано однажды такое мнѣніе, что „въ народную школу нѣкого даже *пускать не слѣдуетъ*, кромѣ священниковъ“. Тогдашній начальникъ (нынѣ умершій) высшаго полицейскаго управленія отзывался, что преподаватели училищъ министерства отличались недостаткомъ *религіозности* и вреднымъ образомъ мыслей.

Даже такой замѣчательный государственный человѣкъ, какъ покойный гр. Блудовъ, высказывалъ убѣжденіе, что духовенство можетъ дать начальному образованію 35-ть тысячъ учителей; что, кромѣ священниковъ и діаконѡвъ, весьма благонадежныхъ для этой должности, есть около 7,000 безмѣстныхъ семинаристовъ, которые могутъ заниматься ученіемъ въ ожиданіи другой должности. Въ настоящее время, конечно, нѣсколько странно читать такія предположенія, и въ особенности непонятна увѣренность, что будто и изъ семинариста уже никакъ не можетъ выдти учитель ненадежный. Между тѣмъ мы припоминаемъ убѣжденіе, высказанное въ то время оберъ-прокуроромъ Ахматовымъ, что „самое одѣяніе православнаго духовенства, ношеніе рясъ, не дозволить членамъ его излагать въ школѣ мысли антирелигіозныя, несмотря даже на внутреннія обѣщанія духовнаго лица“. Въ „Голосѣ“ недавно упоминалось о разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ „извѣстной посмертной записки графа Блудова, въ которой высказывалось предположеніе объ учрежденіи въ Петербургѣ главнаго попечительнаго совѣта для высшаго управленія народными училищами“. Незадолго до смерти, графъ Блудовъ, въ видѣ завѣщанія по государственнымъ дѣламъ, сообщилъ свои мысли изустно бывшему государственному секретарю Буткову, который составилъ по нимъ записку и внесъ ее, чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти Блудова, въ общее собраніе государственнаго совѣта. Въ этой запискѣ предлагалось передать всѣ народныя школы духовному вѣдомству, и для завѣдыванія ими учредить постоянный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ петербургскаго митрополита, а членами въ немъ быть нѣсколькимъ архіереямъ, министру народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурору синода, и нѣсколькимъ особо довѣреннымъ лицамъ. Учителями въ народныхъ школахъ должны были быть исключительно лица духовнаго сословія, а всѣ суммы, какія признано бы было возможнымъ ассигновать на дѣло начальнаго образованія, должны были, по мнѣнію гр. Блудова, идти на добавочное содержаніе духовенству, за труды его по народнымъ школамъ, и такимъ образомъ эти деньги достигали бы разныхъ цѣлей: развивая народное образованіе, онѣ улучшали бы и матеріальное положеніе духовенства, а между тѣмъ дѣти народа получали бы образованіе въ духѣ православія.

Мнѣніе это утверждено не было. Но можно представить себѣ, легко ли было проводить въ 1864 году прямо противоположныя мысли при такихъ условіяхъ въ собраніи, которое исполнѣ съ естественнымъ уваженіемъ слушало завѣщаніе своего покойнаго предсѣдателя, чрезъ нѣсколько дней по его кончинѣ. Вотъ при какихъ условіяхъ, вотъ при какой обстановкѣ возникло въ 1864-мъ году то Положеніе о народныхъ школахъ, которое поставило ихъ всѣ въ *стольніе мнѣ-*

сперства народнаго просвѣщенія. Вполнѣ ли справедливо въ настоящее время упрекать это Положеніе за то, что оно не провело принципа совершеннаго самостоятельнаго управленія министерства начальными училищами, когда и то, что этимъ положеніемъ *сдѣлано*, въ свое время было дѣломъ въ высшей степени труднымъ и остается неоспоримую его заслугою? Слишкомъ ясно, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, при тогдашнемъ недовѣрїи многихъ вліятельныхъ лицъ, съ одной стороны къ самому составу министерства народнаго просвѣщенія, а съ другой и къ земству, котораго дѣятельность еще была впереди, Положеніе о начальныхъ школахъ должно было быть такъ составлено, чтобы оно, не принося вреда самому дѣлу, то-есть развитію народнаго образованія, могло быть однако утверждено. Вотъ почему и возникла мысль объ учрежденіи смѣшанныхъ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, которые могли бы приносить пользу въ случаѣ счастливаго состава, а въ противномъ случаѣ *не могли* бы приносить вреда. Училищные совѣты въ нынѣшнемъ своемъ видѣ и были предположены министерствомъ 1864 года для *покровительства* школамъ, для *попеченія* о нихъ, а не для прямого и независимаго управленія ими, о которомъ не могло быть и рѣчи въ виду изложенныхъ выше затрудненій. Только при предложенныхъ министерствомъ просвѣщенія условіяхъ, что въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ будетъ предсѣдательствовать архіерей и участвовать въ качествѣ члена губернаторъ, тогдашній оберъ-прокуроръ синода и тогдашнее министерство внутреннихъ дѣлъ, и согласились на учрежденіе этихъ совѣтовъ. Министерство народнаго просвѣщенія того времени, если мы не ошибаемся, даже само предваряло названныя сейчасъ вѣдомства, что, по его мнѣнію, архіерей и губернаторъ, занятые другими дѣлами, не будутъ интересоваться дѣлами народнаго образованія, и что губернскіе совѣты будутъ бездѣйствовать. Если на дѣлѣ оно отчасти и вышло такъ, то въ этомъ не виноваты, конечно, ни намѣренія министерства 1864 года, ни искреннія желанія земства. А между тѣмъ, именно вслѣдствіе вынужденнаго, такъ-сказать, введенія въ этотъ совѣтъ такихъ лицъ, какъ архіерей и губернаторъ, совѣты эти и сдѣлались независимыми отъ попечителей и отъ министерства. При законодательномъ разсмотрѣнїи проекта Положенія 1864 года, условіе, чтобы жалобы на эти совѣты могли быть приносимы министру просвѣщенія, встрѣтило препятствіе со стороны все того же недовѣрїя, и министръ былъ замѣненъ сенатомъ, и еще уменьшено участіе попечителей въ дѣлахъ училищныхъ совѣтовъ. Замѣтимъ еще, что нынѣ, когда на одно управленіе народными школами по мнѣнію министерства слѣдовало бы назначить болѣе 800 тысячъ рублей, и уже только въ видѣ крайне

умѣреннаго расхода ходатайствуется о назначеніи на этотъ предметъ вновь 399-ти тысячъ, вдобавокъ къ ассигнуемымъ съ той же цѣлью съ 1870 года 68-ти тысячъ рублей, — справедливость требовала бы опредѣлить дѣятельность училищныхъ совѣтовъ такъ: одни изъ нихъ приносили большую пользу, другіе не приносили пользы и не дѣлали вреда, но какъ тѣ, такъ и другіе — *ничего государству не стоили* и не мѣшали земству, обществамъ и частнымъ лицамъ учреждать школы, не навязывали учителямъ единообразнаго для всѣхъ губерній плана ученія, распредѣленія времени и опредѣленныхъ учебниковъ, не вводили въ школы однообразнаго порядка занятій, наказаній и наградъ, но допускали необходимое въ педагогическомъ дѣлѣ разнообразіе и самодѣятельность учителя; не обременяли учителей требованіемъ отъ нихъ письменныхъ отчетовъ, вѣдомостей, таблицъ. Какъ проявить себя во всѣхъ этихъ отношеніяхъ централизованная, бюрократическая инспекція, если подчинить себѣ училищные совѣты — это мы еще увидимъ современемъ, если проектъ пройдетъ.

Мы держимся того мнѣнія, что еслибы суммы, ассигнованныя въ пособіе школамъ, не постунали обратно въ доходъ казны, и еслибы министерство озаботилось пораньше устройствомъ побольше учительскихъ семинарій, то Положеніе 1864 года и теперь не требовало бы измѣненія. Училищные совѣты принесли бы больше пользы, еслибы прежде встрѣтили болѣе сочувствія со стороны нынѣшняго управленія. Сами епархіальные архипастыри едва ли отнеслись бы равнодушно къ своей обязанности предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, еслибы знали, что этого желаетъ нынѣшнее управленіе министерства, связанное съ управленіемъ дѣлами духовнаго вѣдомства. Во всякомъ случаѣ, училищные совѣты по крайней мѣрѣ не охлаждали усердія къ дѣлу народнаго образованія со стороны земства; мы будемъ очень рады, если то же можно будетъ сказать объ инспекціи народныхъ училищъ. Предположеній въ этомъ отношеніи дѣлать не станемъ, но вотъ; между прочимъ, примѣръ только-что бывшій: Ростовская — на Дону — уѣздная земская управа предположила учредить должность *земскаго* инспектора народныхъ училищъ, съ платою отъ земства; но попечитель одесскаго округа предложилъ такія условія, что уѣздное земское собраніе, рассмотрѣвъ ихъ, нашло, что условія эти „не соотвѣтствуютъ предназначенной земствомъ цѣли и клонятся къ учрежденію должности не земскаго дѣятеля, а совершенно неподвѣдственнаго земству чиновника министерства народнаго просвѣщенія, содержаніе котораго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято на счетъ земства, — не изъявило согласія на учрежденіе помянутой должности на такихъ условіяхъ“. Было бы весьма прискорбно, еслибы съ предполагаемымъ нынѣ полнымъ подчиненіемъ земскаго элемента

въ дѣлѣ завѣдыванія школами элементу бюрократическому, земства взглянули съ такой же точки и на самое учрежденіе школъ, которыми они завѣдывать не будутъ; весьма прискорбно, говорить, потому что самое дѣло учрежденія и содержанія начальныхъ школъ все-таки предполагается оставить на попеченіи земства, а между тѣмъ въ завѣдываніи школами, имъ учрежденными и содержимыми, земство было совершенно подчинено чиновникамъ, ничѣмъ несвязаннымъ съ мѣстностью, чиновникамъ, которые сегодня направляютъ школы въ одномъ уѣздѣ или губерніи, а черезъ мѣсяць или годъ—въ другомъ уѣздѣ и губерніи, заботясь болѣе всего о правильности своихъ собственныхъ отношеній къ мѣстному и центральному начальству. Когда вамъ говорятъ, что земство мало сдѣлало для школъ, то мы можемъ только возразить, что вѣдь и впредь, главнымъ образомъ, на земствѣ же оставляется забота о ихъ учрежденіи и содержаніи. Очень вѣроятно, что въ этой, какъ и въ другихъ отрасляхъ своей дѣятельности земство сдѣлало бы болѣе, еслибы, во-первыхъ, оно распоряжалось большими средствами, а во-вторыхъ, пользовалась полной властью своихъ собраній. Но, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что самая недостаточность результатовъ, достигнутыхъ доселѣ земствомъ въ дѣлѣ учрежденія школъ, никакъ не можетъ быть восполнена назначеніемъ 175-ти чиновниковъ для наблюденія за школами. Вѣдь на одну сумму 467-мъ тысячъ рублей, во что будетъ обходиться по нынѣшнему проекту одно наблюденіе за начальными школами, можно бы учредить и содержать новыхъ тысячи двѣ начальныхъ школъ. Каждый инспекторъ будетъ стоить столько, сколько стоили бы десять школъ, а каждый директоръ могъ бы быть замѣненъ двѣнадцатью школами.

Впрочемъ, мы придаемъ такое значеніе дѣлу развитія народнаго образованія, что готовы даже подчинить свое личное убѣжденіе видамъ министерства народнаго просвѣщенія и не намѣрены положительно оспаривать пользы всѣхъ его начинаній по этому предмету. Пожелаемъ только, чтобы усиленная инспекція не внесла въ школьное дѣло убійственной одноформенности, которая была одною изъ причинъ упадка образованія во французскомъ обществѣ. Въ этомъ отношеніи въ Германіи держалась пока совершенно противоположная система. И нынѣ германскіе педагоги считаютъ это органическое разнообразіе и просторъ для школьнаго дѣла столь важнымъ, что по заявленіямъ ихъ само политическое единство, нынѣ осуществляемое въ этой странѣ, было бы куплено слишкомъ дорогою цѣной, еслибы послѣдствіемъ его явилась мертвенная одноформенность всѣхъ школъ Германіи и бюрократическое ихъ единообразіе.

Инспекторы министерства могутъ принести пользу,—если они избираемы будутъ изъ опытныхъ педагоговъ, а не изъ заурядныхъ

чиновниковъ, и если имъ будетъ ввѣрено являться въ школу друзьями учителя и земства, школы учреждающаго. Но, разумеется, они будутъ вредны, если въ составъ ихъ будутъ случайно попадать такіа лица, которыя отличились только полицейскими способностями, а тѣмъ болѣе, еслибы имъ было предписано обратить, главнымъ образомъ, свою дѣятельность на полицейскій надзоръ за школами и на разубавленіе степени политической благонадежности учителей, оставивъ въ сторонѣ незнакомыя такимъ дѣятелямъ требованія педагогич. Во всякомъ же случаѣ, казалось бы, достаточно бы ограничиться *одной* степенью инспекціи, тѣмъ болѣе, что по новому проекту училищныя совѣты прямо подчиняются инспекторамъ, которые подчинены полиціеводамъ, а сверхъ того еще и начальнику губерніи поручается общее наблюденіе за ходомъ и направлениемъ начальнаго обученія. Къ чему тутъ еще посредствующая инстанція директоровъ надъ инспекторами—совершенно непонятно, а между тѣмъ съ упраздненіемъ этихъ 34-хъ директоровъ, которые будутъ служить только къ усложненію и замедленію хода дѣлъ, новый весьма значительный расходъ казны на инспекцію уменьшился бы на 85-ть тысячъ рублей!

По слухамъ, министерство финансовъ выработало еще въ началѣ нынѣшняго года проектъ важнаго измѣненія въ дѣйствующемъ уставѣ о питейномъ сборѣ, и вопросъ о внесеніи этого измѣненія въ законодательство долженъ разрѣшиться вскорѣ. Рѣчь идетъ не о какихъ-либо новыхъ правилахъ контроля надъ продажей питей, а тѣмъ менѣе о предоставленіи земству права ограничивать число питейныхъ заведеній въ данной мѣстности, или о передачѣ содержанія кабаковъ въ селеніяхъ въ руки самихъ сельскихъ обществъ—мѣрахъ, о которыхъ не разъ разсуждалось въ нашей печати. Предполагается только отиѣна *обязательной крѣпости* продаваемого вина. Въ самомъ положеніи 1861 года о питейномъ сборѣ было сперва постановлено, что опредѣленной крѣпости для вина, водокъ и другихъ питей въ продажѣ не назначается, и что напитки могутъ быть продаваемы всякой крѣпости. Но вскорѣ явилось опасеніе, что на первыхъ порахъ послѣ отиѣны откуповъ, торговля крѣпкими напитками сосредоточится въ рукахъ лицъ занимавшихся этимъ дѣломъ при откупахъ, и что, вслѣдствіе того, въ числѣ разныхъ откупныхъ злоупотребленій они могутъ и при новой постановкѣ дѣла спекулировать на продажу вина низкопробнаго; поэтому, начиная съ 1862 года и по 1868-й г., издано было нѣсколько временныхъ постановленій различно опредѣлявшихъ, для двухъ разныхъ полосъ Россіи, обязательную мѣру крѣпости продажнаго вина. Наконецъ, въ 1868-мъ году установленъ законъ нынѣ дѣйствующій, которымъ опредѣлена

повсемѣстно однообразная крѣпость вина не ниже 40° по спирто-міру Траллеса, причемъ водки и другіе напитки, приготовленные въ вина и спирта на водочныхъ заводахъ, могутъ быть произвольной крѣпости. Это послѣднее изъятіе допущено для водокъ вслѣдствіе невозможности измѣрять посредствомъ спиртоміра крѣпость напитковъ, содержащихъ въ себѣ кромѣ алкоголя еще пригѣси.

Прямимъ послѣдствіемъ такого изъятія собственно водокъ отъ обязательной крѣпости—было умноженіе водочныхъ заводовъ. Въмѣсто 912-ти такихъ заводовъ, существовавшихъ въ 1866-мъ году, въ 1869-мъ году ихъ дѣйствовало 1656-тъ, а въ 1870-мъ году было уже 1707-мъ водочныхъ заводовъ. Въ то же время оазывается, что ббльшая часть водочныхъ заводовъ устраиваются единственно съ той цѣлю, чтобы выпускать въ продажу подъ видомъ водокъ простое хлѣбное вино, только значительно низшей крѣпости, чѣмъ та, которая для него обязательна по закону. Оказывается, что многіе водочные заводы вовсе даже не употребляютъ перегонныхъ аппаратовъ, безъ которыхъ невозможна выдѣлка высшихъ сортовъ напитковъ. Слабое, низкопробное простое вино, выпускаемое съ заводовъ подъ разными названіями, продается дешевле того хлѣбнаго вина, которое продается подъ своимъ названіемъ и потому должно имѣть опредѣленную крѣпость. Въ результатѣ выходитъ, что хорошее хлѣбное вино вытѣсняется изъ продажи дурнымъ, такъ что въ цѣлыхъ мѣстностяхъ питейныя заведенія вовсе не держатъ 40-градуснаго хлѣбнаго вина, а только дурное вино, подъ именемъ водокъ, съ пригѣсью сахара и нѣкоторыхъ, иногда даже и вредныхъ, эссенцій. Законъ объ обязательной крѣпости вина, такимъ образомъ, обходится, а между тѣмъ самая повѣрка крѣпости вина представляетъ только затруднительность для акцизнаго управленія, которое имѣетъ болѣе существенныя обязанности по надзору за винокурениемъ и т. д. Не достигая никакой пользы, законъ объ обязательной крѣпости вина ведетъ только къ возникновенію множества дѣлъ специально по открытымъ его нарушеніямъ, и число такихъ дѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ превзошло *сорокъ тысячъ*.

Вотъ причины, побудившія министерство финансовъ подвергнуть пересмотру вопросъ объ обязательной крѣпости вина. Управляющіе акцизными сборами, которые были спрошены по этому предмету, высказали два противоположныхъ мнѣнія. Одни, полагая, что съ отмѣною обязательной крѣпости для вина въ продажѣ появится вино низкаго качества, содержащее всего незначительное количество спирта, и что такое пониженіе достоинства вина непременно явится уже потому, что народъ обращаетъ болѣе вниманія на количество, чѣмъ на качество вина, такъ что привлекать покупателей всего легче именно

деневизною. По этому мнѣнію, слѣдовало бы не только удержанъ въ силѣ постановленіе о крѣпости вина, но распространить его дѣйствіе и на издѣлія водочныхъ заводовъ, чтобы такимъ образомъ пресѣчь спекуляціи на пониженіе достоинства вина—возможность обходить законъ. Другіе же управляющіе, и именно *большинство* ихъ, выразили убѣжденіе въ пользѣ отиѣны обязательной крѣпости, полагая, что едвали послѣдствіемъ этой отиѣны будетъ вообще пониженіе достоинства продаваемого вина, но что если бы это и произошло, то такое явленіе будетъ только мѣстное и временное, и естественная конкуренція между торговцами неизбежно устранивъ его. При томъ же, по этому мнѣнію, такъ какъ опредѣленіе крѣпости водокъ и т. п. напитковъ, содержащихъ постороннія примѣси, можетъ быть производимо только посредствомъ перегонки ихъ, что требуетъ много времени, и особыхъ снарядовъ, а потому крайне затруднительно,—то устанавливать обязательной крѣпости для издѣлій водочныхъ заводовъ нельзя по трудности акцизнаго контроля; а если ихъ оставить безъ опредѣленія обязательной крѣпости, то незачѣмъ охранять и законъ, опредѣляющій крѣпость простого хлѣбнаго вина, такъ какъ его по прежнему будутъ обходить, продавая слабое вино подъ именемъ водокъ.

Министерство финансовъ съ своей стороны склонилось къ этому послѣднему мнѣнію, между прочимъ, и въ виду примѣра царства польскаго, гдѣ обязательной крѣпости вина не установлено, а между тѣмъ потребление вина оказывается не только не меньше, но даже больше чѣмъ въ имперіи, по расчету на число жителей. Въ этомъ соображеніи министерство стало на исключительно-фискальную точку зрѣнія: его озабочиваетъ болѣе всего вопросъ, не уменьшится ли самое потребление вина отъ пониженія его достоинства въ продажѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не упадетъ ли и государственный доходъ. Для сравненія же въ интересахъ не казны, а потребителей, надо бы имѣть свѣдѣніе, не представляется ли продажное вино въ царствѣ ~~болѣе~~ въ низшемъ достоинствѣ, чѣмъ въ имперіи. Но и независимо отъ фискальнаго соображенія министерства финансовъ, самый интересъ потребителей, конечно, достаточно обезпечивался бы конкуренціей, и едва ли можно полагать, что народъ безусловно предпочтетъ количество качеству. Но, здѣсь возникаютъ два весьма существенныхъ вопроса. Конкуренція, дѣйствительно, можетъ поддерживать достоинство вина и безъ казенной мѣры его крѣпости; это такъ. Но въѣдъ для успѣшнаго дѣйствія конкуренціи прежде всего необходимо для нея полный просторъ; надо, чтобы, если въ одномъ кабацѣ вино продается дурное, рядомъ съ нимъ могъ тотчасъ же открыться другой кабакъ, спекулирующій на приманку потребителей высшимъ досто-

ство въ вина. Но въѣдъ, такимъ образомъ, охраненіе достоинства вина предполагаетъ неограниченный просторъ его продажи. А это—идеть прямо въ разрѣзъ со всѣми сознаваемой потребностью ограничить продажу, положить предѣлы числу кабаковъ, отъ котораго несомнѣнно зависитъ распространеніе пьянства. Однимъ фискальнымъ соображеніемъ тутъ утѣшать себя—совершенно неправильно уже потому, что пьянство иссушаетъ источники всякихъ государственныхъ доходовъ, стало быть и въ фискальномъ отношеніи представляетъ перспективу не утѣшительную.

Необходимость ограниченія продажи мы разумѣемъ не въ смыслѣ передачи питейныхъ заведеній въ руки сельскихъ обществъ. Отъ устройства такихъ общественныхъ кабаковъ мы никакой пользы не ожидаемъ, такъ какъ выборное управленіе кабакомъ едва ли устранить какое-либо злоупотребленіе, а между тѣмъ общественный кабакъ сдѣлается въ селѣ первенствующимъ учрежденіемъ, настоящей общественной силой: банкомъ въ соединеніи съ биржей и съ мирскими сходомъ. Выборный кабатчикъ будетъ важнѣе старосты въ селѣ. Но, по нашему мнѣнію, было бы весьма полезно предоставить земству право ограничивать число питейныхъ заведеній въ мѣстности. Во всякомъ случаѣ, при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина необходимо не полагаться на просторъ конкуренціи въ продажѣ и не строить на ней ничего, такъ какъ просторъ полезно бы стѣснить. Затѣмъ, желательно бы серьезно взвѣснить вопросъ, нѣльзя ли сперва испытать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подведеніе и водокъ подъ условіе обязательной крѣпости, для того, чтобы законъ о крѣпости простого вина менѣе удобно было обходить. Затруднительность повѣрки перегонкою не можетъ же быть непреодолима, и чѣмъ болѣе ограничено будетъ число мѣстъ продажи, тѣмъ все дѣло акцизнаго управленія станетъ легче. Однимъ словомъ, при обсужденіи этого дѣла не мѣшало бы принять въ соображеніе и другіе поводы, кромѣ фискальныхъ. Если прямымъ послѣдствіемъ закона 1868 года, освободившаго водочныя издѣлія отъ обязательной крѣпости, было огромное увеличеніе числа водочныхъ заводовъ, спекулировавшихъ именно на пониженіе достоинства хлѣбнаго вина переименованіемъ его въ водки, то послѣдствіемъ полной отмѣны размѣра обязательной крѣпости, какъ для водокъ, такъ и для вина, и совершеннаго прекращенія всякой отвѣтственности торговцевъ за адультерацію ихъ товара (потому что адультерація означаетъ вообще порчу, обманъ на качествѣ, а не только употребленіе вредныхъ прихѣсей),—не будетъ ли новое значительное умноженіе числа кабаковъ? Это было бы бѣдствіе, потому что кабакъ самъ по себѣ есть язва. Мы, впрочемъ, не намѣрены высказываться прямо противъ отмѣны

обязательной крѣпости хлѣбнаго вина. Мы только желали бы, чтобы въ тѣмъ аргументамъ, которые показали достаточно убѣдительными министерству финансовъ, были присоединены имъ отзывы на только-что указанныя нами сомнѣнія въ *интересъ потребителей*. Аргументы же, которые убѣдили министерство финансовъ, состоятъ только въ затруднительности повѣрки крѣпости вина и водокъ, какъ для акцизнаго управленія, такъ и для самихъ винооторговцевъ, и въ безопасности отпѣны нормальной крѣпости — для государственнаго дохода.

Между тѣмъ, излишне и доказывать, что вопросъ объ условіяхъ потребленія вина имѣетъ и другую важную сторону, кромѣ административной или хотя бы фискальной. Потребленіе вина въ Россіи постоянно возрастаетъ. Это видно не только изъ цифръ поступившаго въ казну акцизнаго дохода, который съ 111,490,285 рублей за 1865-й годъ, въ 1870-мъ году дошелъ до 138,060,969 рублей, и изъ соотвѣстнаго возрастанія итога потребленнаго въ годъ безводнаго спирта (100° Градуса), которое съ 24½ миллионновъ ведеръ, за 1865-й г., возрасло въ 1870-мъ году до 25,867,240 ведеръ, — но и изъ расчета количества потребленія по годамъ на душу. По расчету на душу приходилось вина въ годъ, считая ведрами и принимая вино въ 40° Градуса, по имперіи:

въ 1865-мъ году.	. . .	0,92	ведра.
— 1866	— . . .	0,90	—
— 1867	— . . .	0,94	—
— 1868	— . . .	0,94	—
— 1869	— . . .	0,96	—
— 1870	— . . .	0,98	—

Замѣтимъ, что такъ какъ въ дѣйствительности потребляется вино болѣе въ видѣ водокъ, то-есть нижней крѣпости, но съ примѣсями, иногда одуряющаго свойства, то приведенныя цифры все-таки не даютъ понятія о томъ, сколько потребляется въ дѣйствительности „хлѣбнаго вина“ на душу въ Россіи. Приведенный расчетъ несколько не имѣнился бы, если бы было доказано, что вино въ средней степени потребляется не 40-а, а 25-градуснаго достоинства; расчетъ потребленныхъ градусовъ спирта все-таки остался бы тотъ же. Но дѣло въ томъ, что для сообщенія слабому вину одуряющаго свойства, требуемаго потребителями, чѣмъ слабѣ спиртомъ будетъ продаваемое вино, тѣмъ болѣе въ нему будетъ примѣшано стручковаго перца, опія и т. п. А затѣмъ и число *ведеръ одуряющихъ напитковъ*, въ дѣйствительности потребляемое народомъ, можетъ далеко превосходить число ведеръ 40-градуснаго вина, которое вошло въ эти янтены.

Вотъ это соображеніе и представляетъ второй вопросъ, возникающій при обсужденіи дѣла объ отпѣнѣ обязательной крѣпости вина.

Сколько намъ извѣстно, медицинскій совѣтъ, при разсмотрѣніи этого дѣла, сталъ именно на эту точку зрѣнія и высказалъ мнѣніе, что слишкомъ разведешное вино, подъ видомъ продажной водки, оказывается *особенно вреднымъ*, но причинѣ заключающіеся въ немъ еривосей, которыми замѣняются или замаскировываются натуральныи вкусъ и еривость короннаго хлѣбнаго вина. Поэтому, медицинскій совѣтъ, въ настоящемъ случаѣ, какъ мы слышали, высказался *противъ* отгѣны обязательной еривости вина и въ пользу распространена его дѣйствія также на издѣлія водочныхъ заводовъ, для чего указалъ для облегченія поеврки еривости водокъ на спиртомѣрѣ, изобрѣтенный докторомъ Раевичемъ. Вслѣдствіе того, по соглашенію министерства финансовъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ настоящее время отгѣна обязательной еривости испрашивается не въ видѣ окончательной мѣры, но въ видѣ опыта.

Подготовка законодательныхъ мѣръ происходитъ у насъ по разнымъ частямъ управленій, а министерства вали, за исключеніемъ военнаго, не имѣютъ каждое въ себѣ законодательныхъ комиссій, которымъ бы принадлежало общее направление и согласованіе законодательныхъ мѣръ по одной части управленія. Мѣры эти обыкновенно вырабатываются отдѣльными комиссіями, такъ что иногда въ одно и то же время, даже въ одномъ управленіи предполагается осуществить въ законѣ принципы взаимно несогласные. Еще чаще бываетъ при такой разбросанности законодательнаго почина, что мѣра, негѣ нужная, обгоняетъ мѣру нужнѣйшую. Такъ, всѣмъ извѣстна необходимость измѣненія паспортной системы въ Россіи, которая крайне стѣсняетъ народъ. Всѣ согласны и въ томъ, что реформа по этому предмету должна быть направлена въ смыслѣ упрощенія формальностей и отгѣны краткосрочности паспортовъ. Мы сами имѣли случай предлагать съ этой цѣлью установленіе безсрочныхъ видовъ и для податныхъ сословій, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ вносить подати на мѣстѣ своего пребыванія, покупкою марки извѣстнаго денежнаго достоинства, и затѣмъ наклеивать такую марку на свой видъ, а обществамъ было бы предоставлено право требовать на родину только тѣкъ, кто не прислалъ имъ по почтѣ квитанціи въ уплатѣ имъ податей на мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ.

Неизвѣстно еще когда крайне необходимая реформа паспортнаго устава для *русскихъ* подданныхъ состоится, а между тѣмъ ее обгоняетъ на дѣлѣ внесенная уже въ законодательномъ порядкѣ реформа паспортныхъ постановленій *для иностранцевъ*, живущихъ въ Россіи. Чѣмъ вызывается измѣненіе паспортныхъ постановленій объ иностранцахъ, мы не можемъ угадать, но знаемъ, что едва ли оно

нужнѣе, чѣмъ реформа общаго паспортнаго устава въ видахъ упрощенія формальностей и отмѣны обременительной краткосрочности видовъ. Къ тому же, какъ мы слышали, измѣненіе въ паспортныя условія для иностранцевъ предположено въ смыслѣ прямо противоположномъ этимъ двумъ требованіямъ, то-есть именно въ новыя паспортныя правила вводится усложненіе формальностей и установленіе сроковъ тамъ, гдѣ они вовсе не были положены.

По дѣйствующимъ нынѣ законамъ, иностранцы, пріѣзжая въ Россію, должны имѣть для пропуска или паспортъ отъ русскихъ миссій и консульствъ за границею, или свой національный паспортъ, засвидѣтельствованный русскими миссіями и консульствами, при чемъ иностранцамъ дозволяется проживать въ Россіи и послѣ истеченія сроковъ, означенныхъ въ паспортахъ, съ которыми они прибыли, если паспорта эти были срочные. Теперь, какъ мы слышали, предполагается измѣнить эти постановленія такъ, что иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Россію со срочными паспортами, будетъ дозволено жить въ Россіи только до истеченія сроковъ, а тѣмъ иностранцамъ, которые пріѣхали съ паспортами безсрочными, будетъ вмѣнено въ обязанность представлять *каждыя пять лѣтъ* документы, удостоверяющіе принадлежность ихъ къ иностранному подданству. Затѣмъ требованіе нынѣшняго закона, чтобы иностранецъ собственно *на жительство* въ имперіи бралъ ежегодно паспортъ отъ русскихъ начальствъ, предполагается оставить въ силѣ, но съ тѣмъ, чтобы паспорта на жительство выдавались только до сроковъ, означенныхъ въ первоначальныхъ, заграничныхъ паспортахъ, или если таковые безсрочны—только въ продолженіи пяти лѣтъ. Иностранецъ, неимѣющій на основаніи такихъ новыхъ условій права на полученіе русскаго паспорта на жительство, будетъ обязанъ или принять русское подданство, или выѣхать изъ Россіи. При этомъ, если не ошибаеся, имѣется еще въ виду объявить всѣмъ иностранцамъ, проживающимъ въ имперіи, что тѣ изъ нихъ, которые до 1-го января 1874 года не представятъ національныхъ паспортовъ своего правительства, должны будутъ или получить дозволеніе водвориться въ Россіи (принять подданство), или *выѣхать изъ предѣловъ Россіи*. Это послѣднее требованіе представляетъ какъ-бы единовременную повѣрку, рецензированіе всѣхъ пребывающихъ въ Россіи иностранцевъ.

Можно себѣ представить, какія затрудненія все это создастъ многочисленному сословію людей, въ которыхъ Россія весьма нуждается! Всѣ иностранцы, состоящіе въ службѣ тракціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, на нашихъ заводахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ торговлѣ и промышленности всякаго рода, должны будутъ каждыя пять лѣтъ уѣзжать для полученія документовъ, удостоверяющихъ

ить принадлежность къ иностранному подданству... Въѣдъ получение такихъ документовъ за границу, гдѣ паспортная система вообще мало практикуется, гдѣ иной и метрическое-то свидѣтельство выдѣляется только тогда, когда хочеть жениться, потребуеть немалыхъ трудовъ, немалого времени; а чрезъ пять лѣтъ опять та же работа. Каково будетъ сѣвероамериканскимъ или бразильскимъ подданнымъ удовлетворять такимъ условіямъ? Возможно ли исполнить изъ подданнымъ азіатскимъ государствъ? Скажутъ— пусть требуютъ себѣ документы чрезъ свои посольства. Но развѣ иностранныя посольства и консульства захотятъ исполнять обязанности, какъ-бы налагаемыя на нихъ нашимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, развѣ они захотятъ обременять себя громадной перепиской и увеличивать свои штаты для того только, чтобы исполнялись тѣ требованія формальностей, какія мы признали нужнымъ установить у себя? Что сказать о шведскихъ подданныхъ, которыхъ въ Петербургѣ живутъ тысячи въ качествѣ скромныхъ мастеровъ и работниковъ по механической части; легко ли имъ будетъ важныя пять лѣтъ уѣзжать въ Швецію, то-есть бросать мѣсто на нѣсколько мѣсяцевъ, стало быть періодически навѣрно лишаться его. Наконецъ, и эта общая мѣра рецензирования всѣхъ иностранцевъ уже живущихъ нынѣ въ Россіи, требованіемъ, чтобы всѣ они въ теченіи предстоящаго года достали себѣ національный паспортъ, или приняли подданство въ Россіи или выѣхали изъ нея — такая мѣра, которая произведетъ массу справедливыхъ жалобъ на невозможное требованіе, жалобъ, которыми огласится Европа. Иной иностранецъ, положимъ медикъ, живетъ и практикуетъ въ Россіи лѣтъ двадцать-тридцать; русскаго подданства онъ принять не желаетъ, положимъ для того, чтобы не лишиться правъ прусскаго или австрійскаго подданства своихъ дѣтей, которыя могутъ имѣть и виды на наслѣдство отъ родственниковъ за границею; наконецъ, мало ли какія семейныя условія могутъ препятствовать человѣку переимѣнить подданство. И вдругъ, этого почтеннаго человѣка, который принесъ несомнѣнную пользу въ провинціи, гдѣ даже и фельдшеръ порядочные рѣдки, заставляютъ выѣзжать изъ Россіи, чтобы отыскивать себѣ паспортъ на родинѣ, гдѣ, быть можетъ, ему за давностью времени будетъ просто невозможно отыскать какіе-либо документы удостовѣряющіе личность, кромѣ того самаго безсрочнаго паспорта, съ которымъ онъ нѣкогда пріѣхалъ въ Россію, и по которому ему долѣе жить въ ней не дозволяютъ. Не странно ли будетъ положеніе такого человѣка, который явится въ Саксонію просить позволенія на проживаніе въ Россіи, гдѣ онъ уже прожилъ тридцать лѣтъ, имѣеть семейство и домъ?

Кромѣ нареканій на Россію, которыя неизбежно возникли бы изъ этой мѣры, кромѣ существеннаго неудобства и переполоха, соединенныхъ съ выселеніемъ, быть можетъ, значительнаго числа полезныхъ дѣятелей съ нашихъ фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ, которыя на первое время и замѣнить будетъ негдѣтъ, — намъ кажется, предположенная мѣра представляетъ еще и то неудобство, что ее въ слѣдующемъ многихъ случаяхъ окажется *просто невозможнымъ исполнить*, а затѣмъ, вслѣдствіе допущенія множества исключеній, она едва будетъ въ архивъ и только увеличить собою существующій у насъ особый кодексъ законовъ не отиѣненныхъ, но непримѣняемыхъ. Въ виду такихъ соображеній казалось бы не лишнимъ — что вѣроятно и будетъ сдѣлано при законодательномъ движеніи этого проекта — по крайней мѣрѣ спросить мнѣнія о немъ законодательнаго отдѣла канцеляріи Его Величества и министерство юстиціи.

Рядъ разсматриваемыхъ нами на этотъ разъ административныхъ предположеній заключимъ указаніемъ на одно курьёзное дѣло, возникшее вслѣдствіе пожара 1869 года, въ городѣ Саранскѣ, на которомъ сгорѣли принадлежащая тамошнему Петропавловскому монастырю лавки. Саранскій Петропавловскій монастырь окруженъ со всѣхъ сторонъ каменною оградой, въ которой устроены каменные сплошныя лавки, вблизи существующихъ монастырскихъ церквей, изъ которыхъ одна церковь устроена тутъ же въ самой оградѣ. Когда лавки эти сгорѣли, то пензенское губернское правленіе воспретило возобновленіе ихъ, на томъ основаніи, что строительный уставъ запрещаетъ входить съ представленіями объ устройствѣ при церквахъ лавокъ или церквей и волоколенъ при лавкахъ. Но монастырь, а за нимъ и духовное вѣдомство возстали противъ такого запрещенія, и стали доказывать, что приведенный законъ касается церквей, но не *монастырей*; что для монастырей существуетъ особый законъ, которымъ не запрещается имъ отдавать въ наемъ ненужныя имъ самѣ земли и угодья, не воспрещая и устройство на этихъ земляхъ и угодьяхъ торговыхъ заведеній, лишь бы только заведенія эти не устроивались отъ самихъ монастырей. Въ доказательство различія, которое дѣлаетъ законъ между правами монастырей и архіерейскихъ домовъ съ одной стороны и церквей съ другой, приводится еще тотъ фактъ, что права учреждений каждаго изъ названныхъ двухъ родовъ изложены въ двухъ разныхъ отдѣлахъ тома IX, при чемъ въ отдѣлѣ о церквахъ и церковныхъ земляхъ воспрещается въ церковныхъ, домахъ и на церковныхъ земляхъ заводить трактирныя и штейныя заведенія, а въ отдѣлѣ о правахъ монастырей такого запрещенія для монастырскихъ и архіерейскихъ подворій не содержится.

Въ общемъ собраніи сената, большинство членовъ признало правильнымъ постановленіе губернскаго правленія, какъ основанное на законѣ, но вслѣдствіе разногласія съ синодомъ дѣло перешло въ государственный совѣтъ. Сколько намъ извѣстно, дѣло въ настоящее время направляется въ смыслѣ согласномъ съ мнѣніемъ духовнаго вѣдомства, при чемъ принято еще во вниманіе и то обстоятельство, что самый законъ, на которомъ основано свое распоряженіе губернское правленіе, не дозволяя заводить лавки при церквахъ вновь, не требуетъ однако уничтоженія такихъ лавокъ, если онѣ уже существовали до изданія этого запрещенія, а лавки при Петропавловскомъ монастырѣ существовали прежде. Такимъ образомъ, какъ слышно, предполагается, согласно съ мнѣніемъ синода, предоставить монастырю возобновить его лавки.

Мы приводимъ этотъ случай въ примѣръ тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя въ дѣлѣ самомъ простомъ могутъ возникать именно вслѣдствіе многообразія законовъ, массы частныхъ и вмѣстѣ недостатка общихъ опредѣленій, которыми вообще страдаетъ наше законодательство. Саранское же дѣло само по себѣ просто: различіе между церквами и монастырями, находимое въ законахъ, вовсе не существенно въ настоящемъ случаѣ, потому именно, что различіе это касается монастырскихъ земель, архіерейскихъ подворій, но не монастырскихъ церквей, которыя прежде всего — церкви, а стало быть къ нимъ примѣнимо все то, что закономъ установлено для соблюденія благочинія вообще вокругъ церквей. Если законъ запрещаетъ учредить лавки при церквахъ изъ уваженія къ церквамъ, то какой же смыслъ имѣло бы съ его стороны допущеніе меньшаго уваженія къ церквамъ монастырскимъ? Въ этомъ смыслѣ есть законъ (ст. 1711 Св. Зак. т. X, ч. I), который не дѣлаетъ даже никакого различія между внутренними монастырскими и церковными зданіями, запрещая одинаково какъ тѣ, такъ и другія отдавать въ наемъ подъ торговлю и трактирные помѣщенія. То, что закономъ не воспрещается для монастырскихъ земель и архіерейскихъ подворій, тѣмъ самымъ вовсе не разрѣшается церквамъ монастырскимъ и внутреннимъ монастырскимъ зданіямъ.

Очевидное равенство условій благоустройства для церквей какъ приходскихъ, такъ и монастырскихъ, признается самой синодальной инструкціей 1828 года благочиннымъ монастырей, въ которой сказано: „за благоустройствомъ монастырскихъ церквей, благочиннымъ монастырей имѣть наблюденіе примѣняясь къ тому, что предписано благочинному приходскихъ церквей, въ его инструкціи“. А благочинному приходскихъ церквей, въ инструкціи 1859—60 года, предписано имѣть въ виду слѣдующее: „тѣмъ паче не должно быть

близъ церкви никакихъ строеній, могущихъ служить соблазномъ и опасностью для храмовъ, какъ-то торжищъ, бань, кузницъ и т. п.⁴. А такъ какъ лавки при Петропавловскомъ монастырѣ въ Саранскѣ были устроены вблизи монастырскихъ церквей, въ самой оградѣ, въ которой устроена и одна изъ церквей, да еще и *внутри монастыря*, какъ то видно изъ самаго синодальнаго опредѣленія, то не можетъ быть и сомнѣнія на счетъ полной правильности постановленія пензенскаго губернскаго правленія. Что же касается соображенія, что законъ не требуетъ уничтоженія существующихъ при церквахъ лавокъ, а только воспрещаетъ заводить новыя, то вѣдь это — игра словъ. Лавки сгорѣли, стало-быть онѣ не существуютъ, и ходатайствуется именно о томъ, чтобы устроить ихъ вновь. Сюда вполне примѣнимъ примѣръ постановленій, запрещающихъ возводить деревянные постройки въ какой-либо мѣстности, но не требующихъ уничтоженія существующихъ. На Невскомъ проспектѣ есть доселѣ одинъ деревянный домъ, открытый съ улицы. Еслибъ онъ сгорѣлъ, развѣ дозволили бы отстроить его вновь деревяннымъ на томъ основаніи, что онъ существовалъ до изданія воспрещенія деревянныхъ построекъ въ этомъ мѣстѣ? Такъ и лавки вблизи церкви саранскаго монастыря. Законъ дѣйствительно не требовалъ ихъ уничтоженія, пока онѣ существовали; но теперь, когда онѣ существовать перестали, законъ воспрещаетъ возобновлять ихъ.

Говоря въ предшествующемъ „Внутреннемъ обзорѣніи“ о трудахъ юридической комиссіи, осматривавшей наши волостные суды и обсуждающей въ настоящее время вопросъ о степени удовлетворительности и необходимости удержанія волостного суда, руководствующагося народнымъ *обычаемъ*, мы старались обратить вниманіе на фактъ, что самый *обычай* въ смыслѣ матеріальнаго, гражданскаго, а частью и уголовного народнаго права, остается совершенно неизвѣстнымъ, и указывали на необходимость, для основательнаго и окончателнаго рѣшенія вопроса о волостныхъ судахъ, собранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Вслѣдъ затѣмъ мы получили отъ саранскаго губернскаго статистическаго комитета программу для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, существующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Программа эта составлена, по приглашенію комитета, членомъ окружнаго суда, г. Матвѣевымъ, который принялъ за основаніе программу, изданную въ 1864 году съ той же цѣлью Русскимъ географическимъ обществомъ. Г. Матвѣевъ не только облегчилъ исполненіе этой программы, упростивъ ее, но еще, какъ опытный юристъ, сообщилъ ей практически-юридическое направленіе, и программа имъ составленная, по поучительности приведенныхъ въ

ней въ видѣ примѣровъ указаній точности и практичности своихъ требованій, можетъ служить образцовою. Рекомендуемъ ее не только нашимъ статистическимъ комитетамъ и земствамъ, но и самой юридической комиссіи, специально занимающейся вопросомъ о волостныхъ судахъ. Собираніе полныхъ свѣдѣній по этому предмету есть дѣло долгаго времени и дѣло науки: оно можетъ быть исполнено только попеченіемъ земства и статистическихъ комитетовъ. Но для основательнаго рѣшенія вопроса о волостныхъ судахъ казалось бы необходимымъ, чтобы комиссія, отсрочивъ его года на два, поручила свѣдущимъ юристамъ, хотя въ каждой губерніи, составить по программѣ подобной той, которая выработана г. Матвѣевымъ, подробный обзоръ народныхъ юридическихъ обычаевъ, хоть одной мѣстности въ каждой губерніи; изъ свода этихъ обзоровъ получилось бы разъясненіе *практическаго* вопроса: насколько народный обычай у насъ представляетъ своеобразныхъ уклоненій отъ общаго законодательства и насколько такіа уклоненія, во-первыхъ, существенны, во-вторыхъ, распространены, — чтобы существованіе ихъ вызывало и оправдывало существованіе спеціальнаго сословнаго суда для крестьянъ, судящаго именно по обычаю, а не по произволу, измѣняющему рѣшающій принципъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Кончимъ нашу хронику тѣмъ, чѣмъ начали ее, а именно вѣчнымъ вопросомъ объ образованіи. Какъ бы мы ни признавали настоящимъ и важнымъ „народное“ образованіе, но оно нисколько не упраздняетъ заботы объ образованіи „общественномъ“, даже, можно сказать, оно въ сильной степени обуславливается послѣднимъ. Кальхасы „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу статьи, помѣщенной у насъ въ сентябрьской книгѣ, подъ заглавіемъ: „Виды и соображенія“ министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реальныхъ училищъ, вновь приказали подать въ редакцію кровельное желѣзо для проведенія грѣбовъ въ передовой статьѣ № 269. Прибычное ухо читателей само могло различить, откуда идутъ эти грѣбы, и потому мы не дали себѣ труда писать комментарий въ этимъ грѣбамъ, тѣмъ болѣе, что авторы, сами того не замѣчая, отпарировали свои, повидному, неотравные удары. Желая доказать, что наше уваженіе къ прусскимъ реальнымъ училищамъ напускное и ни на чемъ не основанное, они приводятъ взглядъ компетентныхъ людей въ самой Пруссіи на положеніе ея реальныхъ училищъ. „Въ 1869-мъ году — такъ гремятъ „Московскія Вѣдомости“ — прусскою палатою депутатовъ была назначена комиссія для разсмотрѣнія учебныхъ проектовъ. Въ средѣ комиссіи — какъ гласитъ ея отчетъ — было вообще

признано, что нынѣшнее состояніе реальныхъ школъ есть состояніе *болѣзненное* (krankhaft). Но надобно авторамъ той передовой статьи быть самимъ въ болѣзненномъ состояніи, чтобы приводить доводъ противъ себя и самимъ не замѣчать того несколько. Въ 1869-мъ году, комиссия напала признаётъ прусскія реальныя училища находящимися въ „болѣзненномъ“ состояніи; а что дѣлаетъ въ слѣдствіе того прусское правительство въ 1870-мъ году? По смыслу гг. Каткова и Леонтьева прусское правительство должно было бы или закрыть эти училища или преобразовать ихъ по программѣ издателей „Московскихъ Вѣдомостей“. Между тѣмъ, прусское правительство, въ 1870-мъ году расширило права реальныхъ училищъ, возвышило ихъ назначеніе и дало воспитанникамъ ихъ право поступать въ университетъ. Какъ же бы это могло случиться, еслибы прусское правительство подъ „болѣзненностью“ реальныхъ училищъ разумѣло негодность и беспѣдность ихъ обученія?! Неужели это могло бы служить основаніемъ расширенія правъ учащихся въ реальныхъ училищахъ? Какъ думать на этотъ счетъ наши Кальхасы? Впрочемъ, та же комиссия, какъ не безызвѣстно „Московскимъ Вѣдомостямъ“, объясняетъ въ чемъ дѣло, и почему именно надобно было ожидать, что прусское правительство, на основаніи „болѣзненнаго“ состоянія реальныхъ училищъ, дастъ имъ право на университетъ: „Становится вопросомъ, *не увлечены ли искусственно* реальныя школы (въ Пруссіи) отъ ихъ первоначальнаго назначенія давать *общее образованіе* для практической дѣятельности, и имѣютъ ли граждане въ теперешней реальной школѣ I-го разряда вообще такое заведеніе, существованіе котораго обуславливалось бы потребностями промышленной и индустріальной жизни новаго времени“. Все это перестало быть теперь въ Пруссіи вопросомъ, послѣ того, какъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ открытъ путь къ научному самоусовершенствованію въ университетѣ, что, разумѣется, не дозволить „отвлекать искусственно реальныя школы отъ общаго образованія, какъ того видимо опасалась комиссия, и въ чемъ именно она видѣла признаки „болѣзненности“ реальныхъ училищъ. Въ вышеупомянутой нашей статьѣ, на которую ополчились „Московскія Вѣдомости“, не высказано ничего болѣе, какъ то же опасеніе въ отношеніи нашихъ реальныхъ училищъ, какое выразала комиссия относительно прусскихъ реальныхъ школъ, а именно, чтобы онѣ не были увлечены искусственно отъ главной цѣли, высказанной въ ихъ уставѣ, то-есть, давать *общее образованіе*, подъ предлогомъ, весьма хорошимъ, но не педагогическимъ, — удовлетворить промышленнымъ и индустріальнымъ требованіямъ новаго времени.

Къ чему же послѣ этого „Московскія Вѣдомости“ наполняютъ свои „передовыя“ недостойными выходками противъ автора той

и тѣмъ (называя его даже по имени, хотя та статья не подписана), родъ слѣдующихъ: „съ нашею Писіею происходитъ удивительная вещь: она настолько впиваетъ въ себя одуряющихъ испареній изъ своего треножника, что различіе между будущимъ и прошедшимъ теряется для нея, и истое прорицаніе начинаетъ течь изъ устъ въ видѣ ложной исторіи.“ Пусть гг. Катковъ и Леонтьевъ выйдутся около себя, не сидятъ ли они сами на какомъ-нибудь треножникѣ съ „одурившими“ ихъ испареніями; это послужило бы, въ крайней мѣрѣ, смягчающимъ обстоятельствомъ для того, кто заступилъ бы еще обвинить ихъ въ недобросовѣстномъ отношеніи къ истинному имъ мнѣнію.

Главнымъ средствомъ къ тому, чтобы морочить нашу публику, „Московскія Вѣдомости“ избрали увѣреніе, что мы о прусскихъ реальныхъ училищахъ говоримъ „съ напускнымъ энтузіазмомъ“, что въ Пруссіи-де самой ими очень недовольны, и что прочія европейскія общества и правительства только и думаютъ о томъ, какъ-бы уничтожить совсѣмъ реальное образованіе и замѣнить его строго-классическимъ. Мы сейчасъ видѣли, съ какимъ іезуитизмомъ эта газета ссылается на мнѣніе комиссіи въ Берлинѣ о „болѣзненности“ реальныхъ училищъ, и ссылается теперь, когда въ Пруссіи удаленъ пресловутый министръ народнаго просвѣщенія ф. - Мюллеръ и вся его клерикальная клика, и когда въ отвѣтъ на тотъ отзывъ комиссіи права реальныхъ училищъ были значительно расширены прусскимъ правительствомъ. Но у „Московскихъ Вѣдомостей“ есть еще другое „колѣно“: онѣ увѣряютъ, что лучшіе умы въ западной Европѣ утверждаютъ то же самое, что мнитъ эта газета. Относительно другихъ странъ западной Европы, мы можемъ читателямъ напомнить, изъ ноябрьской книги нашего журнала, отзывъ нашего корреспондента изъ Парижа о новой реформѣ во Франціи среднихъ учебныхъ заведеній, совершонной министромъ народнаго просвѣщенія Жюльемъ Симономъ.

„Я счастливъ—говоритъ г. Н.,—что могу противопоставить имъ (экономическимъ неудачамъ французскаго правительства) хотя совсѣмъ въ иной, но не менѣе важной сферѣ, нѣчто весьма удачное, на мой взглядъ, и весьма блестящее; я говорю про реформы, введенныя недавно министромъ народнаго просвѣщенія въ методы и способы преподаванія во второстепенныхъ (среднихъ) заведеніяхъ. Тутъ остается только хвалить. Эта реформа представляется мнѣ наилучшей и наилучшею изъ всѣхъ реформъ, какія только совершены правительствомъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы *удовлетворить требованія современнаго и практическаго воспитанія*, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвести законное и полезное мѣсто изученію древнихъ языковъ (le problème était de suffire aux exigences d'une éducation vraiment moderne et pratique, tout en laissant aux langues anciennes une place légitime et utile). Министръ руководился тѣмъ принципомъ, что древ-

никъ писателей изучаютъ для того, чтобы читать ихъ, а не подражать имъ. Никому въ девятнадцатомъ столѣтїи не предстоитъ писать латинскихъ стиховъ, ни даже латинской прозы. Поэтому министръ отмѣнилъ скучныя занятія стопосложеніемъ и риторическимъ, которыя были такъ дороги университетской рутинѣ, но привели съ большою потерей времени только къ развитію особеннаго языка, вполнѣ незнакомаго Цицерону и Квинтиліану, и который зовется у насъ „кухонной латынью“. Время, выгаданное вслѣдствіе отмѣны этой рутинны, посвящается съ одной стороны объясненію древнихъ писателей, что собственно только и нужно, съ другой стороны, изученію живыхъ языковъ, которое, наконецъ, перейдетъ въ дѣйствительность. Географія, изученіе которой сведено было на-нѣтъ не только въ лицеяхъ, но и въ специальныхъ заведеніяхъ, каковы Сен-Сирское училище, получить то значеніе, какое ей причлеществуеть, и въ которомъ мы убѣдились горькимъ опытомъ въ послѣднюю войну, когда многіе изъ нашихъ генераловъ и офицеровъ не умѣли ни гдѣ ориентироваться, и когда генералы, которымъ поручена была защита Парижа, не знали топографіи его окрестностей. Реформа Жюль Симона есть дѣло прилежнаго и методичнаго ума, который проникъ въ самую суть своего предмета, руководясь всѣми уроками опыта. Сочиненіе молодого и талантливаго профессора въ *Collège de France* Мишеля Бреала, которое появилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и разбираетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла, очевидно, оказало ему большую услугу. Но дѣло еще не кончено. Въ виду реформы, университетъ (*l'université*, т. е. министерство народнаго просвѣщенія) раздѣлился на два лагеря, которые можно назвать въ буквальной и въ переносномъ смыслѣ молодымъ и старымъ. Молодые рукоплещутъ и выказываютъ большое усердіе, старые горюютъ и неохотно содѣйствуютъ организаци и успѣху новаго преподаванія. Предстоитъ борьба, которая можетъ продлиться нѣсколько лѣтъ“.

Чтобы придать весь авторитетъ сказаннымъ словамъ, намъ стоило бы только назвать имя нашего корреспондента, но мы не имѣемъ на то права, а потому для назиданія „Московскимъ Вѣдомостямъ“ ссылаемся на другую статью, только-что появившуюся въ *«Revue des deux mondes»* (15 nov. 1872): *«Les réformes dans l'enseignement secondaire, par M. Paul Janet, de l'Institut de France»*. Статья французскаго академика Поля Жанэ, извѣстнаго своими филологическими трудами, посвящена разбору той же новѣйшей реформы среднихъ учебныхъ заведеній, о которой упоминаетъ и нашъ корреспондентъ г. Н. Вотъ вступленіе П. Жанэ, которое выражаетъ вполнѣ его взглядъ на эту реформу:

„Декабрьское постановленіе 1802 года, которымъ учреждались лицеи имперіи, гласило такъ: *«on enseignera essentiellement dans les lycées le latin et les mathématiques»* (въ лицеяхъ [то-есть въ гимназіяхъ] будутъ обучать главнымъ образомъ латинскому языку и математическимъ наукамъ). Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго

ѣла, — а такъ было и въ теченіе всего прошедшаго столѣтія, — обученіе ограничивалось почти исключительно латинскимъ языкомъ, къ которому присоединяли, предъ окончаніемъ курса, философію и математику; въ ту эпоху не думали, что нужно учиться многому другому, чтобы сдѣлаться человѣкомъ полезнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно то, что въ этой классической школѣ сформировались могучія поколѣнія революціи и имперіи: нѣкоторые и даже самыя блестящія умы реставраціи учились не большому, но потребности измѣняются вмѣстѣ съ временемъ. Совсе не всегда необходимо учиться тому же, и часто приходится изучать новыя вещи (*il n'est pas toujours nécessaire d'apprendre les mêmes choses, et il devient souvent nécessaire d'apprendre des choses nouvelles*)... Если было необходимо новому европейскому обществу, въ эпоху возрожденія, проникнуться и очиститься изученіемъ классической литературы и связать ея цѣпь цивилизаціи, порванную вторженіемъ варваровъ, то столько же необходимо теперь, не разрывая священныя преданія, приготовиться къ новымъ условіямъ современной цивилизаціи. Три главныхъ факта характеризуютъ эту цивилизацію: изумительное развитіе положительныхъ наукъ и промышленности въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, — установленіе политическихъ учрежденій болѣе или менѣе свободныхъ въ образованнѣйшихъ странахъ Европы, — распространеніе путей сообщенія, и вслѣдствіе того, международныхъ сношеній. Все это факты не новые для міра; но въ наши дни они приняли такіе размѣры, что ими можно характеризовать наше общество. Какимъ образомъ школа можетъ оставаться чуждою фактовъ и идей, управляющихъ міромъ, и гдѣ же она найдетъ себѣ помѣщеніе въ этомъ новомъ мірѣ? Науки, на которыя долго смотрѣли, какъ на умственную гимнастику, сдѣлались теперь необходимымъ элементомъ культуры. Какъ допустить въ наше время тотъ предрасудокъ, что можно быть образованнымъ, не зная ничего о міровой системѣ и изумительныхъ открытіяхъ послѣднихъ двухъ вѣковъ? Конечно, многое пріобрѣтается чтеніемъ и личнымъ изученіемъ; но это личное изученіе невозможно безъ строгаго приготовленія и безъ солиднаго общаго образованія“.

Далѣе, П. Жанэ замѣчаетъ, что Франція, упорствуя въ своей классической системѣ, не разъ была наказана тѣмъ, что началъ заимѣтно отставать отъ германскаго и англо-американскаго міра въ ихъ успѣхахъ и дѣлаться „une nouvelle Chine“; вслѣдствіе того министерство народнаго просвѣщенія во Франціи давно уже начало дѣлать уступки требованіямъ новаго времени и вводитъ въ гимназическій курсъ новыя предметы. „Но — говоритъ П. Жанэ, — давая имъ мѣсто, оставляли неприкосновеннымъ обученіе древнимъ язы-

вамъ. Все прибавляли, ничего не уменьшая, и предметы укладывались, какъ могли; ученики схватывали во всемъ верхушки, и такой порядокъ вещей могъ бы длиться долго, такъ какъ нигдѣ охотно не переменяютъ систему образованія. Нужно было проивойти чему-нибудь чрезвычайному, что разбудило бы общественный духъ и вынудило бы администрацію ступить на почву серьезной реформы. Такою чрезвычайностью и была война 1870 года. Намъ спросить, какое отношеніе имѣетъ послѣдняя война къ латинскимъ стихамъ: это отношеніе не бросается въ глаза, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ... Г. Жюль-Симонъ, человѣкъ предусмотрительный и консервативный, далъ себѣ время на размышленіе; но имѣя умъ здравый и справедливый, онъ увидѣлъ, что новый порядокъ не можетъ имѣть успѣха, если не пожертвовать съ другой стороны (т.-е. со стороны изученія классическихъ языковъ)".

Вотъ что говоритъ П. Жанэ въ своемъ вступленіи къ статьѣ, на которую нельзя не обратить самаго серьезнаго вниманія. Изложивъ сущность самой реформы гимназій во Франціи, академикъ заключаетъ свою статью слѣдующимъ соображеніемъ:

„У насъ боятся, что новая реформа пожертвовала духовными интересами въ пользу матеріальныхъ,—но должно сознаться, что въ такомъ страхѣ есть преувеличеніе. Французскій народъ образованъ, но онъ не обученъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; намъ вообще недостаетъ положительныхъ знаній и точнаго взгляда на вещи. Потому, нѣтъ ничего худого въ томъ, что наше классическое обученіе дастъ болѣе широкое мѣсто реальному, и притомъ всегда необходимо жертвовать избыткомъ; я не говорю, что такое жертвованіе нужно дѣлать безъ сожалѣнія, но въ жизни случается часто приносить въ жертву личные вкусы; и признаться сказать, жертвованіе латинскими стихами—еще не самая тягостная жертва! Что же касается до тѣхъ, которые по поводу новой реформы подняли крикъ, какъ монсеньоръ епископъ орлеанскій Дюпанлу, и возопили, что умственное образованіе во Франціи погибло съ этой минуты, то это — преувеличеніе столь очевидное, что его можно объяснить только политическими страстями“.

Но чѣмъ мы объяснимъ крики нашихъ „монсеньоровъ“ Каткова и Леонтьева, неустанно вопіющихъ о гибели умственнаго образованія въ Россіи, если ихъ идеи не восторжествуютъ до конца? Впрочемъ, это и не наше дѣло: мы привели отрывки изъ статьи П. Жанэ съ тою цѣлью, чтобъ опровергнуть главный доводъ «Московскихъ Вѣдомостей», а именно, будто онѣ представляютъ собою выраженіе господствующихъ взглядовъ на дѣло средняго образованія въ западной Европѣ. Надѣмся, что нынѣшній разъ эта газета

быгеразумно промолчать, если не рѣшится объявить и П. Жана, и Ж. Симона, и самого Тьера—врагами отечества, которые стремятся увлечь Францію и убить въ ней «истинно-европейское» образованіе.

Если разъ, по винѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, зашла опять рѣчь о классицизмѣ, то будетъ встать упомянуть здѣсь отзывъ о классическихъ гимназіяхъ, помѣщенный на-дняхъ въ „Гражданинѣ“, № 28-й. повщемъ съ голоса „Московскихъ Вѣдомостей“, и ревностнымъ защитникомъ классицизма. Дѣло идетъ о желаніи городской думы въ гор. Прилукахъ основать классическую прогимназію. Что же!? Слава Богу, спасибо городской думѣ, въ доброй часѣ!—Вотъ все, что слышимъ мы, несмотря на то, что „Московскія Вѣдомости“ увѣряютъ публику въ нашемъ недоброжелательствѣ классицизму. Но что говорить „Гражданинѣ“ устами одного изъ своихъ сотрудниковъ?! Онъ не совѣтуетъ думѣ тратить такимъ непродуманнымъ образомъ деньги, во-первыхъ, потому что есть уже гимназія въ Нѣжинѣ, всего (!) въ 67-ми верстахъ (не его мнѣнію, вѣроятно, это—небольшое пространство, напримѣръ, для волею-приходящихъ), а во-вторыхъ... Но это — классическое мѣсто, которое мы и приведемъ *ipsa loquatur*:

„Прогимназія, въ объемѣ своего преподаванія, не представляетъ въ себѣ ничего дѣльнаго-законченнаго; въ силу чего, окончившіе прогимназію должны доканчивать свое образованіе въ гимназіяхъ, что, вонечно, не каждому удастся, въ силу *возрастающихъ требованій въ знаніи греческаго и латинскаго языковъ, непосильныхъ для громаднаго большинства*. Такимъ образомъ, въ наше время окончить гимназію не только дорого, но и не всегда возможно, такъ какъ намъ извѣстны гимназіи, которыя не умѣютъ приготовить своихъ воспитанниковъ къ окончанію курса. Какую же—справиваетъ этотъ господинъ,—принесетъ пользу для края прогимназія, когда даже тѣ, которые блистательно оканчиваютъ гимназію, не могутъ обойтись безъ универсальнаго (вѣроятно, университетскаго) образованія? И кто, при *такихъ* (т. е. современныхъ) условіяхъ можетъ воспитывать своихъ дѣтей въ прогимназіи? Только нѣсколько *богачей*, которые, не жалея силъ своихъ дѣтей, поведутъ ихъ тѣмъ путемъ, который *едва ли не труднѣе перехода между Сциллою и Харибдой*?”

Вотъ доводы, которыми наши классики, въ родѣ „Гражданина“, отговариваютъ гражданъ основывать классическія гимназіи и прогимназіи: это-моль хорошо для богатыхъ, да и то не для всѣхъ, а только для тѣхъ, кому-ногъ своихъ дѣтей не жалъ; да и классицизмъ-то будетъ потруднѣе плаванія между Сциллою и Харибдой,—а извѣстно, что для классиковъ и до сихъ поръ этотъ проливъ представляетъ немовѣрныя затрудненія, вовсе незнакомыя совре-

меняемъ моравамъ. Въ виду всего этого мы можемъ только удивляться нашимъ классикамъ, такъ плохо рекомендующимъ то, что они съ такою ревностью заимчивали въ прозеѣ.

„Гдѣ же воспитывать дѣтей людямъ малолетнимъ, которыхъ, конечно, въ Прилуцкомъ уѣздѣ, какъ и повсюду, громадное большинство?“—вопрошается въ „Гражданинѣ“.

Вопросъ, дѣйствительно, любопытный и близкій къ сердцу многихъ родителей. Вотъ на вопросъ и отвѣтъ:

„Не лучше-ли, вмѣсто (?) прогимназій, которая ежегодно будетъ выпускать нѣсколькихъ ученыхъ пролетаріевъ, неприготовленныхъ ни къ какому занятію, — открыть сельско-хозяйственную, техническую, или, наконецъ, хоть ремесленную школу? По моему, — заключаетъ статья органа кн. В. Менцерскаго — пусть дѣти мои будутъ не учеными, но дѣльными механиками, столярами, сапожниками, чѣмъ учеными-бездѣльниками (!) неспособными ни къ какому самостоятельному труду ни дѣла, ни мысли“. Такова, значить, логика автора этой статьи: если человѣкъ не выйдетъ дѣльнымъ механикомъ, столяромъ или сапожникомъ, то онъ непременно будетъ ученымъ бездѣльникомъ. Хочетъ ли намъ сказать авторъ, что онъ самъ очень самостоятельный, человѣкъ и не пожелаетъ своихъ дѣтей, а потому охотно даетъ менѣе самостоятельнымъ совѣтъ обратить своихъ дѣтей въ „дѣльных сапожниковъ“ и т. п.; или онъ и самъ не самостоятельный человѣкъ, — но тогда мы позволимъ себѣ заподозрить искренность его речія въ тому, чтобы получить въ лицѣ своихъ дѣтей, можетъ быть весьма талантливыхъ и любознательныхъ юношей, — „дѣльных столяровъ, сапожниковъ“ и т. п. Если въ гор. Прилуцкѣ и повсюду будетъ исполненъ совѣтъ „Гражданина“, то мы будемъ имѣть много „мастеровыхъ“, а „мастеровъ“ придется выписывать все-таки изъ-за границы. Вотъ почему мы, несмотря на то, что не состоимъ въ числѣ классиковъ, однако думаемъ, что прилуцкая дума сдѣлаетъ несравненно лучше, если не послѣдуетъ совѣтамъ „Гражданина“ и, не боясь „Сциллы и Харибды“, которыми ей угрожаютъ, построитъ у себя классическую прогимназію, что, впрочемъ, не помѣшаетъ думѣ затѣмъ завести и ремесленные школы, строящія относительно дешево. Взаимъ же „Гражданина“ на классическія гимназій, какъ на мѣсто воспитанія однихъ богатыхъ дѣтей, куда притомъ отдають „не жалѣя силъ ихъ“, и на классическое образованіе, какъ на прохождение Улиссовъ Сциллы и Харибды, — все это мы оставляемъ на отвѣтственности нашихъ классиковъ, произнесшихъ такую премудрость, — конечно, въ своей безграничной „простотѣ“.



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го декабря 1872.

Бривенъ во Франціи. — Посланіе президента. — Запросъ Шангарньё. — Комиссія Кердрелъ. — Национальныя несогласія въ Австріи. — Взглядъ на сеймы. — Случай въ Тироли. — Сеймъ прусскій. — Реформа въ прусской народной школѣ. — Избраніе Гранта.

Франція ожидала открытія сессіи національнаго собранія съ на-
пряженіемъ и тревогой, предвидя, что въ этой сессіи должна рѣ-
шиться ея участь на цѣлый періодъ времени, который, впрочемъ,
можетъ быть болѣе или менѣе продолжительнымъ. Возобновленіе
сессіи произошло 11-го ноября совершенно тихо. Но чрезъ два дня
явился въ собраніе президентъ республики и прочелъ свое посланіе;
первая часть посланія представляетъ обзоръ матеріальнаго положе-
нія Франціи, а вторая — касается положенія политическаго. Такъ какъ
это происходило ровно мѣсяцъ тому назадъ, то мы не станемъ по-
дробно излагать посланія президента. О первой части его достаточно
сказать, что матеріальное положеніе Франціи рисуется имъ въ весьма
благоприятномъ, быть можетъ, слишкомъ благоприятномъ свѣтѣ. Из-
вѣстно искусство Тьера въ группированіи цифръ. Но общій благо-
приятный смыслъ этихъ цифръ подтверждается обстоятельствами даже
и независимыми, каковы — большое превышеніе ввоза вывозомъ и пре-
восходный урожай, въ особенности урожай винограда на югѣ Фран-
ціи, обѣщающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землевладѣльцамъ до 30-ти
процентовъ дохода. Въ этой счастливой странѣ, „sunny France“, какъ
ее называютъ англичане, солнце въ самомъ дѣлѣ работаетъ за лю-
дей, уюгая имъ уплатить тяжелую контрибуцію. Въ послѣдней ча-
сти своего посланія, Тьеръ отнесся къ политическому вопросу весьма
рѣшительно, какъ того и можно было ожидать послѣ указанныхъ
нѣсколько разъ симптомовъ, что республика дѣлаетъ во Франціи
успѣхи въ убѣжденіяхъ общества. Теченіе мысли президента въ по-
сланіи было такое: собраніе вполне исполнитъ свою задачу, испол-

нить призваніе, возложенное на него страной, когда, возвративъ странѣ сперва миръ, потомъ порядокъ, далѣе—ея могущество, оно наконецъ дастъ ей правильный образъ правленія. Тьеръ призналъ за собраніемъ вполне учредительное право, учредительную власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему понять, что этимъ правомъ, этой властью оно должно воспользоваться не произвольно, а въ согласіи съ реальными обстоятельствами времени. „Событія,—читалъ онъ,—основали республику; возвращаться теперь къ причинамъ, создавшимъ ее и подвергать ихъ обсужденію было бы предпріятіемъ равно опаснымъ и бесполезнымъ. *Республика существуетъ*, она есть законное правленіе страны, и желаніе замѣнить ее чѣмъ-либо инымъ вызвало бы новый переворотъ, страшнѣе всѣхъ бывшихъ. Не станемъ терять времени на провозглашеніе ея, но посвятимъ наше время на то, чтобы сообщить ей желательныя и необходимыя свойства... Я по своей обязанности постоянно слѣжу за отношеніемъ къ намъ Европы и объявляю вамъ, господа, что Франція не изолирована, что отъ нея самой зависитъ имѣть довѣрчивыхъ и полезныхъ друзей. Пусть она будетъ спокойна (*paisible*) при республикѣ, и она не удалитъ ея отъ себя никого. Пусть она волнуется подъ жалебующею монархіей, и отъ нея устранятся всѣ, несмотря на форму правленія. Мы приближаемся къ рѣшительной минутѣ. Форма этой республики была доселѣ форма случайная, данная обстоятельствами... Но всѣ ждутъ, всѣ спрашиваютъ себя, какой день и какую форму вы выберете, чтобы сообщить республикѣ ту консервативную силу, безъ которой она существовать не можетъ... „Ларошфуко, герцогъ де-Бизаччіа кричитъ: „да мы не хотимъ ея!“ Виконтъ де-Лоржериль кричитъ: „а бордоскій договоръ?“ Но Тьеръ настойчиво продолжаетъ свое чтеніе, и заключаетъ его слѣдующими словами: „передъ вами открывается сессія великая, *рѣшающая*; съ нашей стороны вы можете рассчитывать на всякое уваженіе, преданность, содѣйствіе и энергію, для успѣха предстоящаго вамъ дѣла, которое да благословитъ Богъ, да завершитъ и въ особенности да упочитъ его, давъ намъ то, чего намъ недоставало съ самаго начала текущаго вѣка!“

Итакъ, Тьеръ поставилъ вопросъ совершенно ясно, весьма рѣшительно; о бордоскомъ договорѣ уже ни слова; самое существованіе республики онъ считаетъ уже не подлежащимъ обсужденію, а вызываетъ починъ собранія только для сообщенія ей окончательнымъ формъ и какой-то „консервативной силы“, подъ именемъ которой едва ли не слѣдуетъ разумѣть вторую палату, предполагаемую президентомъ. Въ продолженіи всего чтенія Тьера, которое длилось часъ и двадцать минутъ, лѣвая сторона усиленно рукоплескала всѣмъ заявленіямъ посланія какъ о благосостояніи Франціи, такъ и въ

пользу республики. Правая же сторона, то-есть большинство, хранило „ледяное молчаніе“; даже тогда, когда была рѣчь о благодѣяніяхъ Провидѣнія, консерваторы сердито безмолвствовали, но замѣчанію „Темре“ — „какъ-будто недовольные самимъ Провидѣніемъ за то, что оно излито свои милости на правительство столь мало ихъ достойное“. Но, когда Тьеръ приходилъ къ концу, въ особенности когда онъ опровергъ любимую тему монархистовъ (и графа Шамбора), что республика будто бы устранить отъ Франціи всякіе союзы—правая сторона не могла долѣе сдерживать своего негодованія. Ропотъ ея прерывалъ, мѣстами покрывалъ голосъ Тьера. Когда же чтеніе окончилось, на правой сторонѣ разразилась буря. Ларошфуэ двинулся къ трибунѣ: „Мы протестуемъ противъ посланія президента республики“, произнесъ онъ; за нимъ двинулись еще нѣсколько членовъ правой стороны и закричали: „Мы всѣ протестуемъ!“ Въ запальчивости своей, правая сторона тотчасъ дала промахъ. Посланіе Тьера гдѣ не есть тронная рѣчь, за которую долженъ слѣдовать отвѣтный адресъ; со стороны большинства политичѣе всего было не отвѣчать на посланіе: пусть себѣ Тьеръ ожидаетъ учредительнаго почина собранія, а собраніе такъ и устранить всякія учредительныя предложенія простыми переходами къ очередному порядку. Но въ первую минуту раздраженія, легитимистъ де-Кердрель взмолился на трибуну и предложилъ „назначить комиссію для *разсмотрѣнія* посланія“. Въ рѣчи своей Кердрель объяснилъ, что „разсмотрѣніе“ онъ разумѣетъ въ смыслѣ суда или приговора (*jugement*). Но тѣмъ самымъ онъ сдѣлалъ неизбѣжнымъ отвѣтъ палаты на посланіе, стало быть обсужденіе учредительныхъ мыслей Тьера. И Тьеръ самъ тотчасъ присоединился къ предложенію Кердреля, а президентъ собранія Гревъ искусно предложилъ автору предложенія другую редакцію, которая уже отняла у него характеръ призыва къ „суду“: „назначить комиссію для составленія проекта *отвѣта* президенту республики“. Предложеніе Кердреля было принято собраніемъ, и такимъ образомъ большинство, враждебное Тьеру, само доставило ему то, что ему было нужно: положило составить нѣчто въ родѣ адреса на тронную рѣчь. отвѣтъ, въ которомъ нельзя было обойти рѣшенія относительно учроченія республики. Такимъ образомъ, произошелъ тотъ кризисъ, который составилъ примѣчательнѣйшее политическое событіе прошлаго мѣсяца.

Кризисъ въ сущности не былъ созданъ ни предложеніемъ Кердреля, ни докладомъ Батби по этому предложенію, ни запросомъ Шангарье по гренобльской рѣчи Гамбетты и результатомъ голосованія, бывшаго вслѣдствіе этого запроса,—хотя всѣ эти обстоятельства придали кризису такъ-сказать „острый“ характеръ. Но кризисъ, оче-

видно, заключался въ самомъ положеніи и былъ только повтореніемъ прежнихъ кризисовъ, въ которыхъ неопредѣленность существующаго во Франціи порядка выразилась въ борьбѣ между монархистами и республиканцами съ одной стороны, между большинствомъ собранія и Тьеромъ съ другой. Смыслъ положенія въ томъ, что монархистское большинство собранія не хочетъ окончательнаго установленія республики, а между тѣмъ, раздѣленное на три внутреннія партіи, не можетъ ничѣмъ замѣнить республику. Если бы оно имѣло дѣло съ одними республиканцами, то роль большинства была бы довольно легка: отсрочивать рѣшеніе вопроса, отвергать мысль о распущеніи собранія, отклонять всякіе учредительные проекты, клонящіеся къ упроченію или хотя бы къ признанію республики. Но роль большинства утрачиваетъ свойства легкости и ясности въ виду того обстоятельства, что Тьеръ, по указанію своего практическаго смысла и патриотизма во-первыхъ, и своего властолюбія во-вторыхъ, считаетъ неизбѣжнымъ окончательное признаніе и провозглашеніе республики существующей на дѣлѣ, а Тьеръ—имѣеть за собой большія заслуги, большую популярность и представляется единственнымъ человѣкомъ, который, будучи *временнымъ* правителемъ, можетъ имѣть въсь, какъ въ самой Франціи, такъ и въ Европѣ. Въ предшествующихъ обзорѣніяхъ и помѣщенныхъ нами корреспонденціяхъ изъ Парижа, указывалось шагъ за шагомъ то явленіе, все болѣе выдававшееся впередъ, что Тьеръ окончательно высказывается не только въ пользу республики, но въ смыслѣ необходимости безотлагательнаго ея провозглашенія и упроченія. Въ своемъ посланіи онъ уже прямо поставилъ передъ собраніемъ этотъ вопросъ. Присоединясь самъ къ предложенію Кердреля, онъ принялъ вызовъ сдѣланный ему со стороны правой стороны. Наконецъ, въ своей двукратной рѣчи по запросу Шангарнѣе, онъ ловко воспользовался предоставленнымъ ему противниками поводомъ, для того чтобы вытребовать себѣ новое выраженіе довѣрія еще предварительно обсужденія учредительнаго вопроса, и тѣмъ самымъ предрѣшить этотъ вопросъ въ пользу республики. Въ самомъ дѣлѣ, что же значило бы выраженіе довѣрія къ нему со стороны собранія, послѣ того, какъ имъ была заявлена необходимость упроченія республики? Оно, очевидно, должно было имѣть смыслъ перваго, весьма замѣтнаго шага собранія къ признанію неизбѣжности упроченія республики. А такой шагъ уже связывалъ бы собраніе и впоследствии, при обсужденіи самого учредительнаго вопроса. Побѣда была бы уже подготовлена усилкомъ въ такой предварительной схваткѣ, въ которой всѣ шансы казались на сторонѣ Тьера. Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ, по поводу запроса о рѣчи Гамбетты, который не состоитъ членомъ правительства, и въ тому же—рѣчи, которой Тьеръ

уже высказалъ осужденіе передъ постоянной комиссіею собранія — нельзя было по такому поводу отказываться въ требованіи того человѣка, который заключилъ миръ, побѣдилъ мятежь, очистилъ большую часть занятой территоріи отъ чужеземныхъ войскъ, чтобы ему было выражено еще разъ довѣріе. Нельзя было при такихъ обстоятельствахъ выразить недовѣріе Тьеру, который не виноватъ былъ въ рѣчи Гамбетты.

Но большинство, хотя оно не имѣетъ своего готоваго правительства для замѣны Тьера, имѣетъ однако искусство въ парламентской борьбѣ вождей, и въ такихъ случаяхъ, когда оно согласно въ виду общаго интереса, можетъ одерживать побѣды даже надъ такимъ превосходнымъ парламентскимъ тактикомъ, каковъ Тьеръ.

Такая побѣда и была одержана большинствомъ надъ Тьеромъ въ засѣданіи 18-го ноября, послѣ рречій о запросѣ Шангарнье. Засѣданіе это интересно не по мыслямъ произнесенныхъ въ немъ рречей; напротивъ, въ отношеніи глубины мысли и даже блесна слова, рречи эти, неисключая рречей Тьера, были довольно слабы. Но турниръ тѣмъ не менѣе былъ весьма интересенъ, именно какъ турниръ. Довкость состязавшихся была въ самомъ дѣлѣ замѣчательна, и равное ей умѣнье можно найти только въ палатѣ общинъ и въ палатѣ представителей въ Вашингтонѣ, но ни въ одномъ изъ представительныхъ собраній другихъ странъ, менѣе опытныхъ въ парламентскомъ дѣлѣ. Старшій генералъ Шангарнье говорилъ пуляки, если смотрѣть на его рречь съ точки зрѣнія достоинства политической мысли. Но какъ изощрена была даже рречь этого генерала, въ смыслѣ *оружія*! Онъ „ближе Тьера стоитъ къ тому дню, когда придется дать отъѣтъ предъ Богомъ, и потому онъ не можетъ уже увлекаться властолюбіемъ, не пылаетъ въ власти старческой страстью“... Онъ „столько любилъ и еще любитъ Тьера“, и не понимаетъ, чѣмъ онъ могъ обидѣть Тьера, пригласивъ его еще разъ повторить свое убѣжденіе, осудить разрушительныя теоріи Гамбетты; вѣдь онъ только проситъ президента „предпочитать своихъ давнишнихъ, преданныхъ друзей—друзьямъ новымъ, ненадежнымъ (то-есть, радикаламъ)“. А между тѣмъ, онъ тутъ же мимоходомъ вставляетъ фразу, что „нынѣшній порядокъ только временный“, а далѣе замѣчаетъ, что надо успокоить пугливыхъ, робкихъ, но честныхъ людей, которымъ могло показаться, что правительство отнеслось къ радикаламъ нерѣшительно, что оно какъ будто выказало колебаніе предъ тѣмъ, что почтеннымъ людямъ внушаетъ справедливое опасеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ тотчасъ сведъ рречь Шангарнье къ сущности, къ фразѣ о „временности“ нынѣшняго порядка и уже прямо отвергъ эту мысль, и объявилъ, что такъ какъ глава правленія носить названіе президента республики, то и сомнѣнія не можетъ быть,

что во Франціи существуетъ республика. Тогда герцогъ Брольи, еще недавно бывшій посланникомъ этой самой республики, а теперь главный вождь монархистскаго большинства въ этомъ сраженіи, объясняетъ запросъ Шангарнѣ необходимою потребовать отчета въ смыслѣ словъ Гамбетты, встревожившихъ страну, а стало быть и неизбежною сдѣлать по этому предмету запросъ правительству, такъ какъ парламентскіе обычаи не дозволяютъ потребовать отчета у самого Гамбетты, а онъ въ собраніи упорно молчитъ („и будетъ упорствовать въ молчаніи“, вставка Гамбетты). На трибуну являється Тьеръ и не говоритъ ничего замѣчательнаго по мысли, но весьма ловко парировать ударъ, и затѣмъ хочетъ изъ нападокъ на себя немедленно извлечь для себя же выгоду. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ:—Вамъ совсѣмъ не нужно знать, что я думаю о рѣчи Гамбетты въ Греноблѣ, потому что вы это уже знаете и я уже ясно высказался въ постоянной комиссіи; но вы теперь хотите „посадить меня на скамью подсудимыхъ“ и думаете, что я приму эту роль, явлюсь подсудимымъ, и такимъ образомъ стану въ то положеніе относительно васъ, которое вамъ нужно для дальнѣйшихъ вашихъ дѣйствій. Но я не признаю за вами нравственнаго права сожать меня на скамью подсудимыхъ, съ тѣмъ чтобы потомъ командовать мною; вотъ почему я вамъ ничего не скажу сегодня о рѣчи Гамбетты, и вдобавокъ, такъ какъ самый вашъ запросъ и сопровождающія его рѣчи обнаруживаютъ недовѣріе, то я вслѣдствіе вашихъ же нападокъ долженъ настоять на томъ, чтобы вы формально выразили свое довѣріе ко мнѣ; иначе я откажусь отъ управленія; я не искалъ этого случая—вы сами мнѣ его дали, и вотъ я не могу поступить иначе, какъ прося васъ теперь же заявить ваше довѣріе ко мнѣ. „Вы хотите, чтобы правительство дѣйствовало рѣшительно—такъ дѣйствуйте рѣшительно сами, и произнесите свое рѣшеніе о насъ, да, произнесите... Вы жалуетесь на *временное* правленіе; такъ сдѣлайте правленіе окончательное“... Страна была спокойна двѣ недѣли тому назадъ... Шангарнѣ говорилъ о зачинщикахъ мятежей: да, есть мятежныя партіи, да, *это* правда... Объяснитесь же передъ страной, какъ объясняюсь я. Шангарнѣ и Брольи возражали мнѣ, что „непарламентарно“ съ моей стороны ставить тотчасъ личный вопросъ, и напоминали, что я же при имперіи защищалъ парламентское правленіе... Прекрасно! „Но вотъ что еще менѣе парламентарно, это — *удерживать власть вопреки желанію страны*; парламентарно, наоборотъ—требовать безпрестанно у страны подтвержденія ея довѣрія“. Въ этихъ послѣднихъ, двусмысленныхъ словахъ Тьеръ въ то же время и оправдывалъ совершенно правильно свое желаніе получить выраженіе довѣрія или отказаться отъ власти въ

противнаго случая, — и наносилъ безошибочный ударъ большинству, которое именно удерживаетъ власть въ своихъ рукахъ, вопреки, очевидно, изменившемуся построению страны.

Изъ сдѣланнаго нами анализа разсужденія Тьера въ двухъ его рѣчахъ видно, что глубиною мысли, внутренней логикою онъ не былъ особенно силенъ. Аргументы его были подтасованы; напримѣръ: „вы жалуетесь на правленіе временное, такъ сдѣлайте правленіе окончательное“... Какъ будто правая сторона жаловалась на Тьера за то, что его правленіе временное; совсѣмъ наоборотъ, она не хочетъ, чтобы онъ упрочилъ свое правленіе. Итакъ, заключеніе вовсе не слѣдуетъ изъ посылки. Но подтасованы они ловко и изъ нихъ выходятъ, если не — *quod demonstrandum erat*, то — *quod maxime oportet*. Ему думали напомнить, что онъ — только приказчикъ собранія, заставивъ его оправдываться. А онъ поставилъ вопросъ такъ, что надо было или предоставить ему побѣду надъ собраніемъ послѣ его заявленій въ пользу республики, или — сдѣлать невозможное, то-есть, отказать ему въ выраженіи довѣрія за то только, что Гамбетта произнесъ гдѣ-то рѣчь, которую Тьеръ уже и осудилъ тогда же.

Но у большинства, повторимъ, есть вожди тоже искусные въ парламентской борьбѣ: герцоги Одифре и Врольи. Формула перехода къ очереднымъ занятіямъ, предложенная графомъ Бенуа-д'Ази: „осуждая теоріи, высказанныя въ Греноблѣ и присоединяясь къ порицанію ихъ президентомъ республики, собраніе переходить“ и т. д. — была именно отказомъ въ выраженіи довѣрія, котораго требовалъ Тьеръ. Врольи поддерживалъ эту формулу; но противъ нее подано было 377 голосовъ, а за него только 279. За этимъ оставалось или выбрать одно изъ предложеній о простомъ переходѣ, или о переходѣ съ выраженіемъ довѣрія Тьеру, но безъ порицанія Гамбеттѣ (предложеніе адмирала Жореса) и о переходѣ съ порицаніемъ Гамбеттѣ и съ выраженіемъ довѣрія Тьеру (Меттеталя). Правительство въ лицѣ Дюфора, полагая, что это послѣднее предложеніе легче согласить правый и лѣвый центры, объявило себя за формулу Меттеталя. Оно и было принято, и иначе быть не могло, такъ какъ прочія формулы, за исключеніемъ предложенной графомъ Бенуа-д'Ази, были радикальнѣе, чѣмъ формула Меттеталя, и всѣ поочередно были уже отвергнуты. Но вожди большинства посоветовали ему такую уловку, чтобы выдти изъ затрудненія выразить довѣріе и въ то же время обратить эту побѣду Тьера въ ничто: а именно — воздержаться части большинства отъ участія въ баллотировкѣ. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ баллотированіи по прежнимъ формуламъ принимали участіе 636, даже 656 членовъ, въ баллотированіи по формулѣ Тьера приняли участіе только 379 членовъ. Выраженіе довѣрія Тьеръ

получилъ, такъ какъ противъ формулы Монтеталиа водало было 116, а въ пользу его 263 голоса. Но такъ какъ эти 263 составляютъ меньшинство, даже довольно слабое въ сравненіи съ числомъ до 660-ти присутствовавшихъ депутатовъ, то результатъ этотъ получилъ смыслъ скорѣе отказа въ выраженіи довѣрія, или по меньшей мѣрѣ *уклоненіе* отъ выраженія довѣрія, которое было между тѣмъ поставлено Тьеромъ въ видѣ условія дальнѣйшей его дѣятельности.

Результатомъ этого безплоднаго, но искусно веденнаго съ обѣихъ сторонъ турнира 18-го ноября, было то, что хроническій кризисъ вступилъ въ условіе кризиса „остраго“. Министры Лефранкъ, Дюфоръ и Гуларъ—иные говорили что только первый и послѣдній—подали въ отставку, которой Тьеръ имъ впрочемъ не далъ. Между тѣмъ въ комиссію для составленія отвѣта на посланіе избрано было большинство членовъ правой стороны, а сама комиссія набрала своимъ президентомъ одного изъ вождей большинства — герцога Одифрѣ-Пакъдѣ, а своимъ секретаремъ—личнаго врага Тьера—Рауля Дювала. Тьеръ два раза являлся въ комиссію для объясненій и настаивалъ на тѣхъ объясненіяхъ, которыя даны имъ были въ собраніи. Дѣлать было нечего—отвѣтъ на учредительныя мысли требовался, и вотъ консерваторы въ комиссіи придумали не обходить этого затрудненія, но изъ него самого сдѣлать оружіе противъ Тьера, а именно новость дѣло такъ, чтобы не только не укрѣпить, но напротивъ — ослабить положеніе президента, лишивъ его возможности оказывать личное давленіе на палату и угрожать ей подачею въ отставку въ случаѣ порицанія съ ея стороны дѣйствій правительства. Для этого они стали поддерживать такую мысль, что изъ всѣхъ учредительныхъ мѣръ самая необходимая Франціи въ настоящее время есть—установленіе закона о министерской отвѣтственности; что отвѣтственное министерство отстранить возможность всякихъ столкновеній главы исполнительной власти съ собраніемъ, такъ какъ въ собраніи будутъ являться и произносить рѣчи только министры, а не самъ президентъ, и въ случаѣ порицанія или несогласія со стороны собранія, министры выйдутъ въ отставку, какъ то принято въ парламентскихъ странахъ, а президентъ не будетъ имѣть и повода видѣть въ такомъ фактѣ знакъ недовѣрія къ себѣ, и стало быть не будетъ „принужденъ“ подавать въ отставку самъ. О преніяхъ происходившихъ въ средѣ комиссіи неизвѣстно ничего достовѣрнаго, такъ какъ члены ея взаимно обѣщали соблюдать тайну. Извѣстно только, что Тьеръ возсталъ противъ подобнаго приступа къ учредительству, доказывая, что хотя отвѣтственность министровъ и есть вещь необходимая, но уже только тогда, когда положеніе самой власти, министровъ назначающей, достаточно упрочено и опредѣленно; пока же самъ глава

исполнительной власти есть не болѣе какъ уполномоченный собранія, котораго оно каждый день можетъ смѣнить и призвать къ отчету, ясно, что отвѣтственнымъ останется самъ президентъ и что гдѣ никакого смысла лишать уполномоченнаго собранія права лично объясняться и защищаться передъ нимъ. Комиссія избрала своимъ докладчикомъ Батби, 9-ю голосами противъ 6-ти, которые были поданы за Ластери, приверженца Тьера.

Батби внесъ въ собраніе докладъ, въ которомъ правая сторона держивала неизмѣнно свою точку зрѣнія. Докладъ отказываетъ въ признаніи консервативной республики въ то время, когда Тьеръ состоитъ въ связяхъ съ радикалами, отрицаетъ необходимость рѣшать въ настоящее время вопросъ между республикою и другими формами правленія, стало быть оставляетъ „открытымъ“ тотъ вопросъ о существованіи республики, который въ посланіи Тьера выставленъ неподлежащимъ уже и разбору, такъ какъ онъ рѣшенъ фактомъ. Затѣмъ, докладъ Батби признаетъ наиболѣе необходимою въ настоящее время одну учредительную мѣру—установленіе отвѣтственности министровъ, и предлагаетъ назначить комиссію изъ 15-ти членовъ для составленія закона собственно по этому предмету. Докладъ Батби былъ внесенъ въ собраніе въ засѣданіе 26-го ноября. Намъ уже извѣстно, что послѣ рѣчи Тьера въ духѣ крайне консервативномъ, собраніе приняло, большинствомъ 370 противъ 344 предложеніе правительства о назначеніи комиссіи изъ 30-ти членовъ для составленія проекта *несколькихъ* учредительныхъ мѣръ, а не одного закона объ отвѣтственности министровъ. Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ результатѣ мы еще не имѣемъ, но мысль о соглашеніи подобнаго рода была заявлена въ газетахъ уже съ недѣлю передъ тѣмъ, и сторонники Тьера относились къ ней не особенно благопріятно. Въ осуществленіи ея они видѣли только продолженіе кризиса, и это вѣрно, такъ какъ затѣмъ въ комиссіи будетъ продолжаться споръ о томъ, какія учредительныя мѣры нужны, а какія—нѣтъ. Приверженцамъ Тьера хотѣлось, чтобы прежде всего собраніе ясно выразило президенту свое довѣріе, то-есть исправило свою демонстрацію 18-го ноября. Но Тьеръ, соглашаясь на избраніе комиссіи для приготовления *нѣсколькихъ* учредительныхъ мѣръ, вѣроятно имѣлъ въ виду оставить всѣ наружныя выгоды положенія, всякое вѣдшее торжество на сторонѣ собранія, съ тѣмъ чтобы, удовлетворивъ свое самолюбіе, собраніе не рѣшилось пойти противъ него въ рѣшительныхъ, вещественныхъ требованіяхъ, на которыхъ онъ будетъ настаивать, угрожая выдти въ отставку. Съ этой цѣлью онъ, вѣроятно, и смирился, и произнесъ „крайне консервативную“ рѣчь, въ видѣ покаянія. Лишь бы только ему удалось учредить вторую палату, тогда

оля перемѣнить тош! А передъ угрозой Тьера объ оставленіи собранія, вѣроятно, все-таки отступитъ въ концѣ концовъ. Послѣ прочтенія посланія, когда только-что началась борьба, прошелъ слухъ, что большинство намѣрено въ случаѣ необходимости замѣнить Тьера военнымъ триумвиратомъ, то-есть генералами Макъ-Магономъ, Шангарнье и Ладмирѣ. Но этотъ слухъ вызвалъ взрывъ столь не двусмысленнаго негодованія со всѣхъ сторонъ, что можно только порадоваться обнаруженію такого намѣренія. Намѣреніе это, говорятъ, дѣйствительно было, но, въ виду дурного впечатлѣнія произведеннаго слухомъ о немъ—оставлено. Это значило бы уже прямо вступать на путь Испаніи. А безъ генераловъ, „партія герцоговъ“, управляющая большинствомъ, не замѣнитъ никѣмъ Тьера, развѣ президентомъ собранія—Греви. „Вотъ, еслибы всѣ были такіе республиканцы, какъ нашъ почтенный президентъ,—сказалъ недавно одинъ изъ членовъ праваго центра,—то можно бы подать голосъ за упроченіе республики“. Но Греви, какъ бы смиренъ онъ ни былъ,—все-таки республиканецъ. Герцогъ Омальскій, повидимому, отказался отъ своего кандидатства на сѣгну Тьера, потому что иначе теперь, менѣе чѣмъ когда-либо, было бы умѣстно разсмотрѣніе требованій орлеанскихъ принцовъ о возвращеніи имъ конфискованныхъ у нихъ имуществъ. Это требованіе крайне непопулярно, и если орлеанскіе принцы настаиваютъ на немъ въ настоящую минуту, то этикъ самымъ они едва ли не доказываютъ, что надежду вступить на престолъ они уже *потеряли*.

Среди этихъ бурь, почти незамѣченною, по крайней мѣрѣ внѣ Франціи, прошла одна законодательная мѣра, которая направлена къ „сообщенію республикѣ консервативной силы“, по выраженію Тьера. Мы говоримъ объ измѣненіи порядка составленія списковъ присяжныхъ. Проектомъ этимъ Дюфѣръ, министръ юстиціи, повидимому имѣлъ въ виду услужить правой сторонѣ; но услуга эта, хотя и отбѣненная консервативнымъ большинствомъ, пропала даромъ для правительства, такъ какъ буря поднятая посланіемъ Тьера совершенно поглотила и ступивала значеніе этой мѣры, хотя большинство и утвердило ее съ удовольствіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ. По существовавшему доселѣ закону, списки присяжныхъ составлялись въ управленіи округа (canton) комиссіею изъ нѣсколькихъ членовъ генеральнаго совѣта, мирового судьи и нѣсколькихъ членовъ общинныхъ совѣтовъ, то-есть такою комиссіею, въ составѣ которой положительно преобладалъ элементъ выборный. Въ списки присяжныхъ заносился одинъ человѣкъ на 200 жителей. По закону Дюфора, въ списки заносится только одинъ на 600 жителей, а самые списки составляются уже не въ округѣ, но въ уѣздѣ (arrondissement), совѣтомъ, состоящимъ изъ членовъ генеральнаго совѣта, принадлежащихъ

въ убѣду и изъ всѣхъ мировыхъ судей. Такъ какъ каждый округъ имѣетъ по одному члену генеральнаго совѣта и не одному мировому судѣ, то въ совѣтѣ этомъ число административно-выборныхъ лицъ и число лицъ судебного сословія будутъ равны; но предсѣдателемъ, притомъ съ голосомъ рѣшающимъ, въ этомъ совѣтѣ будетъ президентъ мѣстнаго гражданскаго суда. Такимъ образомъ, въ законѣ Юфора судебное сословіе получаетъ болѣе вліянія на составленіе списковъ присяжныхъ. Законъ этотъ былъ встрѣченъ большинствомъ охотно и утверждёнъ собраніемъ.

Финансовое положеніе Франціи въ настоящее время, по цифрамъ приведеннымъ въ посланіи президента, представляется въ слѣдующемъ видѣ: поступило платежей по займу на 1.770 милл. фр.; приобретено векселей на Германію на 1.500 милл. для уплаты контрибуціи; 800 милл. уже уплачены вновь, 200 милл. будутъ уплачены въ декабрѣ; затѣмъ векселей останется еще на 500 милл. для слѣдующихъ уплатъ. Металлическій фондъ въ французскомъ банкѣ и теперь составляетъ 900 милл. фр. Возможность такой удивительной операціи, какъ это скорое внесеніе громадной контрибуціи, объясняется громадностью торговыхъ оборотовъ Франціи, которые за годъ превзошли сумму семи миллиардовъ. Недоборъ въ поступленіи доходовъ на сумму 132 милл. въ текущемъ году былъ предусмотрѣнъ и покрывается разрѣшенными вновь налогами; затѣмъ въ будущемъ году, по увѣренію Тьера, дефицита вовсе не будетъ, и на 1874-й годъ онъ обѣщаетъ превышеніе расходовъ доходами.

Конституціонная система въ Австріи все еще не можетъ прочно установиться на одномъ принципѣ: она все еще колеблется между дуализмомъ, который осуществленъ въ двухъ государственныхъ сеймахъ монархіи, и федерализмомъ, который представляется областными сеймами. Въ земляхъ венгерской короны все еще происходятъ ни къ чему не приведшіе доселѣ переговоры о соглашеніи Кроаціи и Славоніи съ венгерскою короною; сверхъ того, въ самомъ венгерскомъ сеймѣ произошелъ случай, который вызвалъ министерскій кризисъ. Въ наследственныхъ земляхъ австрійской короны открыты были 5-го ноября сессіи областныхъ сеймовъ, и представили весьма мало утѣшительнаго; федерализмъ въ нихъ снова заявилъ себя самыми разнообразными явленіями и соглашеніе съ короною не только представляется по прежнему далекимъ въ Богеміи и Галиціи, но даже колебалось въ „вѣрномъ Тиролѣ“, въ томъ преданномъ Тиролѣ, котораго храбрые жители, по выраженію Гейне, какъ только узнали, что у нихъ императоръ въ новомъ мундирѣ (французскомъ) тотчасъ поголовно возстали на защиту „любезнаго стараго бѣлаго мундира и

древнихъ, любезныхъ синихъ панталонъ". Однимъ словомъ, истинный мѣсяцъ обнаружилъ въ цѣломъ составѣ габсбургской монархіи истинный разладъ въ полной его силѣ, разладъ, которому трудно было придумать исходъ. Утѣшительно и весьма важно, впрочемъ, что въ всемъ этомъ разладѣ въ Австріи живетъ гораздо свободнѣе, чѣмъ во многихъ странахъ и порядкахъ, въ смыслѣ охраны личности, собственности, исполнѣе удовлетворителенъ. Это, во всякомъ случаѣ, не мало. Но это не все. Недостаётъ все-таки того нравственнаго спокойствія за будущность страны, которое необходимо для правильного хода развитія, и котораго общество не можетъ имѣть въ тѣхъ поръ, пока остается какъ-бы подъ сомнѣніемъ самыя основныя принципы государственной жизни. Упрочится-ли, наконецъ, въ Австріи дуализмъ или смѣнится федерализмомъ?—вотъ вопросъ, который продолжаетъ тяготѣть надъ австрійскими патриотами (тѣ „австрійскіе“ патриоты находятся въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ). И что если будущность не за дуализмомъ, не за федерализмомъ, — а просто за разложеніемъ Австріи, съ тѣмъ того плачевнаго преувеличенія національныхъ инстинктовъ, которое повсемѣстно замѣчается въ настоящее время?!

Дуализмомъ, нынѣ существующимъ въ имперской конституціи, довольны только тѣ *два*, которые стоятъ во главѣ его: нѣмцы и венгры. Да и изъ нѣмцевъ, тирольцы, подъ вліяніемъ клерикальныхъ склонностей на сторону федерализма. Естественно, что такъ какъ дуализмъ выраженъ въ конституціи, то клерикальныя и реакціонныя вліянія, ненавидящія многія изъ основъ конституціи, вступаютъ въ союзъ съ федерализмомъ потому только, что федерализмъ подкапываетъ *существующую* конституцію. А такъ какъ вліянія эти далеко не безсильны при самомъ дворѣ — то понятно, что областныя сеймы, стремящіяся къ національной автономіи, могутъ тѣмъ усилѣніемъ затруднить окончательное установленіе дуализма. Система дуализма логично поступила бы, еслибы въ самомъ началѣ вовсе не допустила областныхъ національныхъ сеймовъ, которые должны были представлять начало ей враждебное. Дуализмъ есть, по сущности своей, диктатура двухъ народностей надъ прочими; затѣмъ же было бы диктатурѣ вступать съ кѣмъ-либо въ соглашеніе, и какъ могла диктатура надѣяться, что съ нею кто-либо примирится при нынѣшнемъ возбужденіи національныхъ страстей? Одинъ сеймъ для Транслейтаніи — сеймъ венгерскій, одинъ сеймъ для Цислейтаніи — сеймъ австрійскій; въ той и другой сеймъ — прямые выборы; затѣмъ никакихъ областныхъ сеймовъ — это было бы логично, и просто. Или же — равное участіе всѣхъ національныхъ сеймовъ, а въ Вѣнѣ общая делегация ихъ; однимъ словомъ, федерализмъ; это тоже было бы логично, хотя и нѣтъ

просто, а то, пробуя согласить вмѣстѣ и историческое право Венгріи, и національныя стремленія всѣхъ народностей, и дѣйствительную необходимость значительной роли для образованнѣйшей народности, то-есть для нѣмцевъ, и принципъ децентрализаціи, и фактъ неизбѣжности все-таки сильной центральной власти въ Вѣнѣ, въ виду централизованныхъ сосѣднихъ государствъ — создали нѣчто такое, что можно опредѣлить только словами: организація взаимныхъ протворѣній.

Лучшій примѣръ того, какъ трудно дѣйствовать этой сложной системѣ децентрализаціи вмѣстѣ съ централизаціею, представился въ прошломъ мѣсяцѣ на тирольскомъ сеймѣ. Тутъ даже національный вопросъ не является въ видѣ почти непреодолимаго затрудненія, какъ въ другихъ мѣстахъ; стало-быть, тутъ если система не дѣйствуетъ, то въ этомъ проявляется уже чисто неудовлетворительность ея самой. Въ инспрукскомъ университетѣ, какъ и во многихъ другихъ, ректоръ выбирается по-очередно изъ профессоровъ каждаго изъ четырехъ факультетовъ. Нынѣ очередь была за факультетомъ богословскимъ, который управляетъ коллегія іезуитовъ. Тамъ какъ преподаватели этого факультета не имѣютъ ученыхъ степеней, стало-быть не могутъ быть признаваемы профессорами въ академическомъ смыслѣ, то прочіе факультеты признали, что магистръ не можетъ быть избираемъ изъ ихъ числа, и избрали ректоромъ свѣтскаго профессора, доктора Ульмана. Тамъ какъ ректоръ университета, есть, по праву, членъ тирольского сейма, то д-ръ Ульманъ и явился на сеймъ. Будь въ Австріи проведена въ самомъ дѣлѣ федеральная система, ректора не утверждалъ бы центральный министръ, и большинство сейма, если не хотѣло признать избраніе законнымъ, могло бы не допустить Ульмана въ участію въ сеймѣ, — тѣмъ дѣло бы и кончилось. Или будь въ Австріи строго проведена система централизаціи, то-есть не будь въ Тиролѣ вовсе областного сейма, то съ утвержденіемъ Ульмана въ званіи ректора министромъ вопросъ также былъ бы рѣшенъ или, по крайней мѣрѣ, остался бы вопросомъ университетскимъ, не принявъ бы значенія политическаго, не сталъ бы неожиданнымъ пренатсвѣемъ между странюю и правительствомъ.

Но, благодаря нынѣшней системѣ, вышло вотъ что: министръ Штремайръ утвердилъ ректора въ должности, стало-быть принявъ уже на правительство отвѣтственность введенія его въ тирольскій сеймъ, ставшій самъ, такимъ образомъ, мнѣшемъ для оппозиціи по этому дѣлу. Тогда 30 членовъ сейма заявили запросъ правительству въ томъ смыслѣ, что избраніе Ульмана было незаконно и что, востому, онъ не долженъ быть допущенъ въ присягѣ какъ членъ

сейма. Запросъ этотъ поставилъ министра въ затруднительное положеніе, а централизація, при всемъ этомъ множествѣ сеймовъ все-таки такъ сильна, что министры Штремайръ и Лассеръ, какъ только узнали о запросѣ, тотчасъ сочли нужнымъ поѣхать съ докладомъ къ императору въ Пештъ, чтобы испросить по этому дѣлу высочайшее повелѣніе. Императоръ, разумѣется, поддерживалъ министерство и разрѣшилъ принять все мѣры. Возвратясь въ Вѣну, министры дали знать тиролюскому намѣстнику, графу Таафе, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о присягѣ Ульмана. Такимъ образомъ, дѣло Ульмана изъ чисто-мѣстнаго университетскаго вопроса сдѣлалось вопросомъ объ автономіи Тироля по отношенію къ коронѣ, вопросомъ между Тиролемъ и верховной властью. Намѣстнику предоставлялось, въ случаѣ, если сеймъ воспротивится этому распоряженію, закрыть сеймъ. Графъ Таафе и отвѣчалъ на запросъ сообразно буквѣ полученнаго имъ предписанія, что избраніе ректора не подлежитъ обсужденію сейма. Тогда одинъ изъ членовъ клерикальной оппозиціи предложилъ отсрочить засѣданіе для того, чтобы члены сейма могли переговорить между собою насчетъ отвѣта правительства. Ясно, что еслибы намѣстникъ искренно желалъ со всею энергіею осуществить волю министерства, то онъ не допустилъ бы отсрочки засѣданія, а настоялъ бы на немедленномъ совершеніи обряда присяги Ульмана. Но здѣсь является еще одна изъ тѣхъ характеристическихъ чертъ практикуемой въ Австріи системы, именно та, что графу Таафе не только было вполнѣ ясно оффиціальное предписаніе, присланное министерствомъ, но еще и тотъ фактъ, что при дворѣ есть вліянія, которые иногда оказываютъ сильнѣе самого министерства, что тироляцы пользуются особымъ благорасположеніемъ съ этой стороны и что, исполнивъ свою обязанность, онъ никакъ не долженъ усердствовать въ этомъ случаѣ чрезмѣрно. Поэтому онъ согласился на отсрочку засѣданія; а какъ только оно закрылось, то всѣ клерикальные члены сейма и присланный заданіе, что они болѣе въ засѣданіяхъ сейма присутствовать не будутъ. Вслѣдствіе того, сеймъ былъ лишентъ законнаго числа членовъ, засѣданія болѣе не могли возобновиться, Ульманъ не могъ вступить въ должность члена сейма, а намѣстникъ, исполнивъ вторую часть своего порученія, объявилъ сеймъ закрытымъ. Вѣнскія конституціонныя газеты были вѣдъ себя отъ досады на графа Таафе. Неудача министерства приписывается исключительно ему, что не совсѣмъ справедливо, и онъ обвиняется въ настоящей извѣнѣ, что еще менѣе справедливо, конечно. Да впрочемъ, при существующихъ въ Австріи множествѣ властей, которыя въ своихъ направленныхъ противъ рѣчатъ одна другой, политическому человѣку трудно избѣгнуть оф-

министръ въ нѣмцѣхъ съ которой-нибудь изъ сторонъ. Но послѣднимъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ въ настоящую минуту, министерство Ауерсперга рѣшилось настоять на „охраненіи своего достоинства“ и рѣшило смѣнить графа Таафе. Спрашивается еще: согласится ли на это императоръ. Если же онъ не согласится, то министерству останется тогда или выйти въ отставку, или признать свое ничтожество, и въ такомъ исходѣ дѣла болѣе всѣхъ виновато было бы само же министерство.

Другіе ціслейтанскіе сеймы въ нынѣшнюю сессію тоже не представили ничего утѣшительнаго для упроченія австрійскаго государственнаго зданія. Въ галиційскомъ сеймѣ предложеніе о прямыхъ выборахъ, поддержанное червонорусскою партіею, было отвергнуто. Это предложеніе внесено было депутатомъ Ковальскимъ, который могъ рассчитывать только на 25 голосовъ; но при окончательномъ голосованіи за предложеніе Ковальскаго подаю было только 19 голосовъ, стало быть и изъ малороссіянъ нѣстеро отпали; противъ же предложенія овалились остальные 131 голосъ. Затѣмъ, малороссіянне вышли изъ сейма. Вообще, въ Австріи національная оппозиція возобновила польскую практику „сриванія сеймовъ“: то изъ галиційскаго сейма выходятъ червоноруссы, то изъ чешскаго—нѣмцы; въ далматскомъ сеймѣ было недавно такое прелестное явленіе, что къ тому же средству прибѣгали приверженцы, защитники конституціи, потому только, что они составляли меньшинство. По отношенію же къ рейхсрату равныя области поочередно, а иногда вмѣстѣ, отказываются послать туда своихъ представителей. Смыслъ этой тактики, во-первыхъ, въ томъ, что отсутствіе нѣкотораго числа депутатовъ иногда лишаетъ данный сеймъ законнаго числа членовъ. Это и есть совершенно то же, что польское veto, разница только въ томъ, что его произноситъ не одинъ человѣкъ, а нѣсколько. Во-вторыхъ, удаленіе изъ сейма представителей извѣстной національности есть протестъ ее противъ силы всѣхъ дальнѣйшихъ постановленій сейма; если даже рѣшенія эти и будутъ приняты законнымъ числомъ голосовъ, то все-таки національность, считающая себя обиженною, можетъ впоследствии заявлять, что она протестовала противъ этихъ рѣшеній, стало быть они для нея и не обязательны. Однимъ словомъ, нынѣшняя сеймовая практика въ Австріи сводится въ отрицанію того условія, безъ котораго представительное правленіе вообще немислимо, къ отрицанію принципа *большинства* въ смыслѣ рѣшающей силы, и къ замѣнѣ его принципомъ *единогласія*, котораго выраженіемъ и было польское veto. Нѣтъ спору, что съ точки зрѣнія отвлеченной теоріи права этотъ принципъ выше принципа большинства: только всеобщее соглашеніе, единодушіе и можетъ создать безусловно чистое

право; принимать къ кому-либо такія обязательства, которыхъ онъ принять на себя не желалъ, которыя противны его внутреннему убѣжденію, есть, дѣйствительно, не что иное, какъ насиліе. И самый принципъ большинства есть принципъ силы, который не имѣетъ ничего общаго съ чистымъ понятіемъ о правѣ. Но, съ одной стороны, здравый смыслъ говоритъ намъ, что постоянное единогласіе невозможно и что, придерживаясь принципа единогласія, мы тотчасъ придемъ къ анархіи, къ невозможности дѣйствія даже и однажды установленныхъ законовъ, къ отрицанію даже личныхъ договоровъ. Съ другой стороны, мы знаемъ, что все въ природѣ основано на силѣ, что право положительное всегда было продуктомъ силы и что единственное рациональное требованіе къ этой силѣ, создающей право, можетъ быть только то, чтобы она была сила реальная, а не продуктъ недоразумѣнія; такимъ образомъ и приходимъ къ неизбѣжному выводу, что источникомъ права должна быть реальная сила—воля большинства. Национальность, по самой своей неопредѣленности уже, не есть юридическое лицо; но даже признавая нынѣшнюю австрійскую практику, если мы станемъ видѣть въ національностяхъ юридическія лица, то все-таки должны будемъ признать, что точка зрѣнія каждой изъ національныхъ оппозицій: „я не хочу признать обязательными для себя такія и такія постановленія, которыя безъ моего согласія сдѣланы“—есть точка зрѣнія негѣлая. Между тѣмъ, она, именно эта точка зрѣнія, составляетъ основной принципъ всей этой—если позволено такъ выразиться—размазни, которая преобладаетъ на конституціонномъ пиршествѣ, къ которому призвали Австрію императоръ Францъ-Иосифъ, а еще болѣе его—пораженіе 1859 и 1866 годовъ. Напомнимъ, впрочемъ, еще разъ, что въ Австріи все-таки и теперь жить привольно: порядковъ не нарушается, а личность вполнѣ обезпечена.

Чешскій сеймъ въ послѣднее время занимался еще новой усобицей, разладомъ уже въ средѣ самой національной чешской партіи: борьбою молодой Чехіи со старою Чехіей по школьному вопросу. Краинскій сеймъ разошелся не приведя ни къ какому результату. По ту сторону Лейты переговоры о „соглашеніи“ съ кроатами продолжаются и тоже ни къ чему пока не приводятъ, потому что кроатскіе патриоты требуютъ слишкомъ многого: и уменьшенія участія въ общихъ расходахъ венгерской вороны, и самостоятельнаго законодательства, и самостоятельнаго распредѣленія воинской повинности, и особаго министра въ Пештѣ для „тріедиаго“ королевства, кромѣ бана съ его министрами въ Аграмѣ. Мы сказали: кроатскіе „патриоты“. Попробуемъ опредѣлить, въ какомъ видѣ представится патриотизмъ кроата, въ случаѣ если бы ему удалось осуществить всѣ свои полнѣ-

гическіе идеалы. Понятіе о патриотизмѣ соответствуетъ понятію о государственности. Итакъ, кроаты были бы, въ случаѣ полного удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній, прежде всего „кроатскимъ“ патриотомъ, конечно, такъ какъ Кроація есть „королевство“; затѣмъ, онъ былъ бы „тріединнымъ патриотомъ“, такъ какъ въ этомъ и особенность королевствъ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи, что, будучи тремя королевствами, они вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ одно королевство—тріединое, *trinum et unum*; послѣ этой мистеріи, кроату предстоялъ бы еще патриотизмъ, общій для всѣхъ земель „королевства св. Стефана и соединенныхъ съ нимъ земель“, то-есть патриотизмъ обще-венгерскій. Наконецъ, и какъ будто всего этого еще мало, онъ долженъ будетъ на высшей степени политическаго сознанія пылать еще патриотизмомъ австрійскимъ, потому что сколько бы ни говорили венгры объ исключительно „личной связи“ ихъ отечества съ Австріею, они все-таки должны будутъ защищать не только короля Венгріи, но и эрцгерцога Австріи, и короля Богеміи, и графа Тироля, и графа Гёрцскаго, такъ какъ и предки ихъ выражали желаніе умереть *pro rege nostro Maria Theresia*, хотя у этого *regis* отнимали не венгерскую корону, но Австрію, Богемію и Силезію, которыя находятся съ Венгріею только въ Personal-Union. Не тяжело ли будетъ патриоту кроатскому подъ бременемъ всѣхъ этихъ патриотизмовъ вмѣстѣ взятыхъ, не перевѣситъ ли это бремя самой способности, какою одаренъ человекъ къ ощущенію патриотизма?

Наконецъ, какъ будто для довершенія картины австрійской конституціонной неурядицы, самъ венгерскій сеймъ, хвалящійся политической выдержкою, парламентскими способностями своихъ людей, самъ венгерскій сеймъ, которому уже нѣчего желать, такъ какъ онъ получилъ все, чего желалъ и возбуждаетъ зависть самихъ нѣмцевъ въ Австріи—какъ нарочно сталъ вести себя недобропорядочно. Въ прошлую сессію, оппозиція противъ министерства прибѣгла къ употребительной и въ Англии уловкѣ „заговаривать“ сессію, то-есть нарочно дѣлать такія предложенія, которыя замедляютъ обсужденіе, и произносить нескончаемыя рѣчи, которыя ни къ чему не ведутъ,— съ цѣлью, чтобы извѣстная мѣра не могла состояться въ извѣстную сессію. Но то, что въ Англии дѣлается до извѣстныхъ предѣловъ, въ Венгріи дѣлалось внѣ всякихъ предѣловъ, съ обращеніемъ преній въ игру, а парламента—въ посмѣшище. Нынѣче этого не было, но случился особый казусъ. Одинъ изъ ораторовъ оппозиціи, Чернотони, сталъ говорить о скандальномъ обогащеніи нѣкоторыхъ министровъ. Это касалось прямо министра-президента, графа Лоньяя. Здѣсь необходимо оговорить въ противность тому, что приходится читать теперь нѣрѣдко, что графъ Лоньяй обогатился не въ должности президента

совѣта, въ которую онъ вступилъ послѣ Андраши, но еще прежде. Лоньай участвовалъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ еще до вступленія своего въ министерство и былъ уже богатъ. Но сдѣлавшись министромъ финансовъ, онъ продолжалъ свою коммерческую дѣятельность и сдѣлался миллионеромъ. Когда онъ занялъ мѣсто Андраши, то въ этомъ видѣли нѣкоторый подвигъ съ его стороны, такъ какъ всѣ считали неподлежащимъ сомнѣнію, что ему придется затѣмъ отказаться отъ своего участія въ дѣлахъ промышленныхъ, то-есть отказаться отъ огромныхъ доходовъ. Но Лоньай, какъ то слѣдуетъ заключить изъ выходовъ Чернотони, вовсе не думалъ совершать такого подвига, за который его уже благодарили современники. Выходка Чернотони вывела его изъ себя, такъ что Лоньай даже заболѣлъ. Партія Деака, который въ сущности есть настоящій король Венгріи, наказала чѣмъ могла Чернотони за выраженное имъ полное презрѣніе къ дисциплинѣ, изъ которой до нѣкоторой степени не выходила доселѣ и самая оппозиція; его заклеймили названіями шпиона и вора, приведа разныя свѣдѣнія о томъ, что онъ дѣлалъ въ то время, когда еще былъ въ эмиграціи. Въ сущности изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній оказалось, впрочемъ, только то, что Чернотони писалъ въ разныхъ газетахъ несогласно съ убѣжденіями эмиграціи, и во французскихъ газетахъ своими оппозиционными статьями компрометировалъ положеніе венгерской эмиграціи передъ Наполеономъ III. Самъ Лоньай, возражая Чернотони на сеймѣ, могъ только сказать, что „подобный человѣкъ“ заслуживаетъ единственно презрѣніе. Однако, деакисты условились дать министру удовлетвореніе. Такъ какъ уставъ сейма уже въ прошлой сессіи оказался недостаточнымъ, то предложено измѣненіе этого устава, и вотъ въ то же предложеніе вставлена была оговорка, выражавшая сожалѣніе палаты о случившемся. Но самъ Чернотони, замуганный угрозами со всѣхъ сторонъ, извинился передъ министромъ на сеймѣ, то-есть, собственно говоря, выразилъ сожалѣніе о случившемся. Лоньай въ видствіе того объявилъ себя удовлетвореннымъ и не призналъ извиненію извинительную оговорку со стороны собранія въ проектѣ измѣненія сеймоваго устава. Тѣмъ не менѣе продолжали говорить, что Лоньай принужденъ будетъ подать въ отставку,

Сессія прусскаго сейма возобновилась послѣ краткаго перерыва, вынужденнаго отклоненіемъ окружнаго закона верхней палатой. Въ новой сессіи, министерство предложило палатѣ депутатовъ „древній законъ“, только съ нѣкоторыми измѣненіями, и просило утвердить его въ этой формѣ, обѣщая затѣмъ провести его и въ палатѣ господъ безъ дальнѣйшихъ измѣненій. Этому предмету посвящена корреспонден-

движеніи изъ Берлина, поощряемая ниже, и потому мы здѣсь не будемъ распространяться о немъ. Замѣтимъ только, что ожиданіе наше по отношенію къ „господамъ“ оправдалось: господа Клейстъ-Рецовъ и другіе предводители феодаловъ въ рѣшительный моментъ покинули поле битвы: они взяли продолжительные отпуска, чтобы не присутствовать въ палатѣ при выраженіи ея поворности, но остались въ Берлинѣ, чтобы агитировать въ придворныхъ кружкахъ противъ предположеннаго назначенія значительнаго числа новыхъ членовъ для „усиленія“ палаты господъ. Это „усиленіе“ съ прямою цѣлью ослабленія крайне непріятно феодаламъ, и что въ особенности произвело въ аристократическомъ кругу сильное волненіе, это слухъ о намѣреніи правительства „усилить“ палату господъ представителями капитала, науки и т. п. не-рыцарскихъ элементовъ. Такіе члены, которые сами „не-господа“, крайне искажили бы палату господъ, и вотъ „Крестовая газета“ рядомъ умилительныхъ статей стала доказывать, что послѣдствіемъ такого „усиленія“ было бы искаженіе вѣрнѣйшей опоры престола, представительства прусскаго рыцарства. Впрочемъ, буря эта утихла, когда стало извѣстно, что хотя „усиленіе“ все еще предполагается, въ видѣ исправительной мѣры, но что исправленіе будетъ исполнено любящею рукой, которая никакъ не желаетъ погибели грѣшника, а потому никакихъ представителей капитала и проч. „на этотъ разъ“ назначено не будетъ.

За вопросомъ политическимъ, и въ Пруссіи, какъ во Франціи, довольно незамѣтно прошла реформа, имѣющая характеръ общественный, а именно отиѣна знаменитыхъ штудевскихъ училищныхъ регулятивовъ 1-го, 2-го и 3-го октября 1854 года, съ ихъ позднѣйшими дополненіями. Новый министръ народнаго просвѣщенія разослалъ училищнымъ начальствамъ новыя постановленія о начальномъ обученіи, бюргерскихъ и городскихъ школахъ, учительскихъ семинаріяхъ и испытаніяхъ для народныхъ учителей (*Allgemeine Bestimmungen über das Volksschul-Präparanden- und Seminarwesen*). Состоявшаяся въ Пруссіи отиѣна реакціонерныхъ учебныхъ инструкцій для народныхъ школъ представляетъ и для насъ большой интересъ. Мы оставимъ въ сторонѣ измѣненія, касающіяся городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій и приведемъ въ короткихъ словахъ только то, что относится къ начальному обученію (*Allgemeine Verfügung über die Einrichtung, Aufgabe und Ziel der preussischen Volksschule*). Образцомъ для народной школы указывается школа трехклассная, по тремъ возрастамъ, такъ что и одноклассная школа должна быть раздѣляема по возрастамъ на три отдѣленія. Знаменитыя „регулятивы“ указывали главной цѣлью народной школы религіозно-нравственное развитіе народа, но къ достиженію этой цѣли онѣ стремились весьма

своеобразно, а именно подавляли въ ней весь курсъ собственно, религиознымъ преподаваніемъ, отводя закону божію главную часть времени и ведя его механическимъ вытверживаніемъ всего катихизиса, массы текстовъ (Sprüche) и молитвы (Lieder). Другимъ предметамъ оставлялось слишкомъ мало времени, такъ что ученики знакомились съ исторіею и географіею преимущественно только изъ книгъ для чтенія, а не изъ систематическаго изложенія этикъ свѣдѣній. Сверхъ того, самыя книги для чтенія и даже собранія арифметическихъ задачъ составлены были такимъ образомъ, что и обученіе родному языку, и даже сложеніе и вычитаніе представлялись средствами къ затверживанію опять-таки религиозныхъ свѣдѣній—числа лѣтъ жизни библейскихъ патріарховъ и т. п. Все это намѣренное искаженіе школы неестественной подтасовкою ученія, хотя и въ религиозно-нравственныхъ видахъ, нынѣ въ Пруссіи признано негоднымъ по педагогическимъ соображеніямъ и отмѣняется. Преподаваніе закона божія сокращается съ 6-ти до 5-ти и даже до 4-хъ часовъ; двѣ главы катихизиса изъ школьнаго преподаванія исключаются и предоставляются непосредственно духовному преподаванію (приготовленію къ конфирмаціи); запрещается проходить болѣе 20-ти молитвъ (Lieder) всего, и притомъ предписывается обращать вниманіе не столько на заучиваніе ихъ на память, сколько на объясненіе ихъ и упражненіе въ осмысленной ихъ передачѣ (извѣстно, что кромѣ молитвы господней и символа вѣры у протестантовъ нѣтъ молитвъ въ нашемъ смыслѣ этого слова, а только духовныя пѣсни или псалмы, которые при богослуженіи поются всѣми присутствующими). При преподаваніи катихизиса и священной исторіи новыя правила предписываютъ избѣгать „обремененія памяти“ (Überladung des Gedächtnisses); вообще при религиозномъ обученіи указывается избѣгать „безсмысленнаго затверживанья“ (geistloses Einlernen), священную исторію учить не буквально, а такъ, чтобы рассказывать собственными словами, при чемъ учитель обязывается объяснять религиозное и нравственное значеніе священныхъ рассказовъ, для того чтобы они приносили пользу. Научнымъ же предметамъ, которые въ одноклассныхъ школахъ при дѣйствіи штилевской регулятивы не проходились иначе какъ по книгѣ для чтенія, или если и преподавались, то никакъ не болѣе 3-хъ часовъ въ недѣлю, теперь отводится 6 часовъ, и требуется, чтобы они преподавались какъ самостоятельные предметы курса, при чемъ нѣсколько расширяются и предѣлы преподаванія исторіи и географіи. Вотъ побѣда, которая безспорно важнѣе того или иного рѣшенія вопроса о назначеніи новыхъ членовъ въ палату господъ. Съ этой побѣдою надъ реакціею, бессмысленно искажавшею народную школу,

можно поздравить Пруссію: побѣда эта важнѣе иной изъ одержанныхъ прусскими оружіемъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Грантъ будетъ избранъ вновь президентомъ сѣвероамериканскаго союза. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки формальное избраніе его еще не состоялось, но это и есть только формальность. Въ действительности избраніе его состоялось тѣмъ фактомъ, что изъ 366-ти выборныхъ, которые должны избрать его, двѣ трети объявились подать голоса за него и избраны именно съ тѣмъ, чтобы вотировать за Гранта. Предшествующіе избранію этихъ выборовъ или электоровъ по всѣмъ штатамъ, мѣстные выборы въ Пенсильваніи обыкновенно принимаются уже за симптомъ избранія президента: на выборахъ въ Пенсильваніи отражается то относительное положеніе партій, при которомъ будутъ происходить выборы электоровъ. Пенсильванскіе выборы и предсказали торжество Гранта. И въ действительности избраніе его есть уже теперь фактъ, хотя и не формальный, но вполне реальный, такъ какъ никогда не было и не можетъ быть, чтобы выборной уполномоченный для избранія одного кандидата подалъ свой голосъ въ пользу другого. Поэтому результатъ рѣшительной побѣды Гранта при избраніи электоровъ и былъ принятъ всадѣ, какъ фактъ избранія самого президента, и иностранныя правительства прислали Гранту свои поздравленія. Формальное избраніе состоится въ періодъ среду декабря, а провозглашеніе результата избранія—въ первую среду февраля. Впрочемъ, все это не имѣетъ уже значенія, такъ какъ президентъ уже избранъ и избранъ тотъ же, который былъ президентомъ доселѣ.

Въ особой статьѣ, посвященной Гранту и Грили, мы звѣсили шансы обоихъ кандидатовъ послѣ балтиморскаго конвента, и притомъ должны были признать, что вѣроятность побѣды была на сторонѣ Гранта. Нынѣшніе выборы показали тотъ утѣшительный результатъ, что сочувствовавшая невольничеству демократическая партія значительно упала, а партія республиканская возросла. На первыхъ выборахъ Гранта за грантискихъ электоровъ было подано 300-ми тысячъ голосовъ болѣе, чѣмъ за электоровъ противной стороны; теперь — 400-ми тысячъ голосовъ. Между тѣмъ, при первомъ избраніи Грантъ еще не нажилъ себѣ личныхъ враговъ и былъ въ полномъ блескѣ своей военной славы; въ его пользу служили еще такія обстоятельства, какъ недостойное убійство, окончившее жизнь Абраама Линкольна, и непопулярность Андру Джонсона. Теперь ни одного изъ этихъ побочныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ нѣтъ; республиканская партія раздѣлилась; часть ея подавала голоса за Грили (такъ-называемые либеральные республиканцы съ

Шурцомъ и Сомерсомъ) въ союзъ съ демократами. А между тѣмъ Грантъ побѣдилъ своего противника 400-ми тысячью голосовъ; значитъ, республиканская партія сильно возросла за послѣдніе четыре года, а демократическая соответственно упала.

Вторичное избраніе президентомъ Соединенныхъ Штатовъ вся великая честь: изъ 18-ти бывшихъ доселѣ президентовъ ее удостоились только шестеро: Вашингтонъ (1789—97), Джефферсонъ (1801—1809), Мадисонъ (1809—17), Монро (1817—25), Джексонъ (1829—37), Линкольнъ (1861—65). Но по простетивіи помилуй черехъ лѣтъ, Грантъ долженъ будетъ уступить свое мѣсто другому лицу. Прикѣра, чтобы одно лицо было президентомъ три раза, не было, потому что самъ Вашингтонъ, когда его хотѣли выбрать президентомъ въ третій разъ, объявилъ, что такая бесцѣльность президента была бы опасна для республики, и что поэтому онъ не явится кандидатомъ. Прикѣръ, поданный этимъ великимъ человѣкомъ, „первымъ гражданиномъ Америки“, обратилъ въ ненарушимый принципъ. Вѣднѣй „чапнаскій мудрецъ“, какъ называютъ Грива, повесъ полнѣйшее пораженіе; къ тому же онъ потерялъ домашнее несчастье: жена его умерла незадолго до выборовъ. Мы и не прикидываемъ въ числу тѣхъ писателей, которые похваляютъ Соединенные Штаты съ тѣмъ, что главою ихъ не сдѣлался журналистъ, какъ будто американская республика все равно, что европейскія монархіи, другое дѣло Пруссія: тамъ и тайнаго совѣтника Вагенара не пускаютъ съ докладомъ къ королю, потому только, что онъ былъ журналистомъ („Крестовой газеты“). Но дѣло въ томъ, что союзъ Грива съ демократами поставилъ бы его въ полную зависимость отъ „мѣднѣхъ головъ“, отдалъ бы въ ихъ руки дальнѣйшее направленіе дѣла бывшихъ невольниковъ; вышло бы, что въ угоду личнымъ неудовольствіямъ Сомерса и нѣмецкимъ фантазіямъ Шурца, союзъ получилъ бы президента, обязаннаго управлять при помощи той самой магической партіи (демократовъ), о которой онъ нѣвегда говорилъ, что „въ ней состоятъ все мошенники и воры всего края“. Вотъ съ устраненіемъ такого именно нежеланнаго результата и можно похвалять Америку.

ЗАМѢТКА О СОСТОЯНІИ МОРСКИХЪ СИЛЪ ГЕРМАНИИ.

Bourelly, Marine militaire de l'Allemagne. Paris. 1872.

Еще недавно французы вполне справедливо заслуживали упрекъ въ томъ, что самодовольно тѣшились своимъ могуществомъ и считали себя вправѣ вовсе не знать того, что дѣлается у нихъ ближайшихъ сосѣдей. Этою характеристическою чертою отличалось не только общество, не только почти вся политическая пресса, но и правительство. Всѣмъ памятно, какъ часть донесеній бар. Стоффеля, военнаго агента въ Берлинѣ, найдена была послѣ въ кабинетѣ Наполеона. III-го даже переспечатанною, несмотря на то, что донесенія эти получены были за долго до войны, и заключали въ себѣ весьма важныя разоблаченія, принять къ свѣдѣнію которыя очень и очень не мѣшало. Но теперь, просматривая списки вновь выходящихъ въ Парижѣ брошюръ и книгъ политическаго содержанія, нельзя не замѣтить явленія противоположнаго, т.-е., стремленія научить своего сосѣда-побѣдителя, насколько можно, во всѣхъ отношеніяхъ. Въ числу такихъ книгъ принадлежитъ и та, которая теперь лежитъ передъ нами, книга, написанная знатокомъ своего дѣла, книга, сообщаящая свѣдѣнія необыкновенныя и для Россіи, которая не можетъ игнорировать морского возрастанія сосѣда, предвѣщающаго самою природою распускать свой флагъ, главнымъ образомъ, на тѣхъ водахъ, которыя имѣютъ громадное значеніе для нашего отечества.

Мысль о необходимости создать сильный флотъ существовала въ Пруссіи еще за долго до Фридриха Великаго, но за недостаткомъ денежныхъ средствъ она не осуществилась ни до него, ни при немъ. Поэтому, серьезное движеніе впередъ по этому пути можно отнести къ годамъ, слѣдующимъ за паденіемъ могущества Наполеона I-го. По мѣрѣ того, какъ Пруссія, благодаря главнымъ образомъ таможенному союзу, выдвигалась на первый планъ и становилась во главѣ маленькихъ германскихъ государствъ, она стала развивать и морскую силу. Скоро флагъ ея можно было встрѣтить на водахъ Техаса и Индіи, на берегахъ Бразиліи. Нѣсколько позже, прусское правительство, сильно заинтересованное вопросомъ о преуспѣваніи своего торговаго флота, выслало на его защиту первый двѣнадцати-

пушечный военный корабль „Амазонку“. Это было въ 1844-мъ году. Въ то же время правительство готовилось сдѣлать Данцигъ центромъ разныхъ корабельныхъ мастерскихъ, но революція 1848 года, равно какъ и прислѣвавшая къ этому времени блокада важныхъ портовъ Балтійскаго моря датчанами, остановили дѣло, однако лишь на время. Въ слѣдующемъ году образована была, подъ предсѣдательствомъ принца Адальберта, коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о защитѣ береговъ, прусское правительство купило часть военнаго матеріала, принадлежавшаго бывшему германскому флоту, и въ Штеттинѣ закинула работа. Кажется, что нережитая борьба съ датчанами убѣдила еще болѣе прусское правительство въ безотлагательности вопроса о береговой защитѣ.

Сначала была попытка сдѣлать этотъ вопросъ вопросомъ обще-германскимъ, но успѣха она не имѣла, благодаря, во-первыхъ, равнодушію чисто-континентальныхъ нѣмецкихъ государствъ, во-вторыхъ—подозрительности Австріи, зорко слѣдившей за всѣми маневрами Пруссіи, въ третьихъ—благодаря несговорчивости Ганновера, мечтавшаго о морской гегемоніи въ Германіи. При такихъ условіяхъ вопросъ видоизмѣнился и съ обще-германской почвы былъ перенесенъ на почву прусскую. Приобрѣтеніе за деньги порта въ сѣверо-западномъ углу залива Яде въ 1853-мъ году, потомъ занятіе Шлезвигъ-Гольштейни и нѣкоторые второстепенные факты укрѣпляютъ шаги Пруссіи на новомъ для нея пути. Далѣе, униженіе Австріи при Садовѣ и потомъ присоединеніе Ганноверскаго королевства дѣйствовали еще болѣе въ томъ же духѣ. „Честолюбіе Пруссіи,—говоритъ французскій авторъ—въ этомъ отношеніи значительно увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ Германія побѣдила Францію; можно смѣло сказать, что въ настоящее время первая и думаетъ только о томъ, чтобы поставить свой флагъ наравнѣ съ флагами первостепенныхъ морскихъ державъ“. Вообще, замѣтимъ мимоходомъ, Бурелли не особенно милостиво относится къ Пруссіи и старается при каждомъ удобномъ случаѣ выставить на видъ ея завоевательныя стремленія. Правъ онъ, или нѣтъ, но справедливость требуетъ замѣтить, что тѣ данныя, которыя приводитъ самъ Бурелли, и которыя читатель найдетъ ниже, носятъ на себѣ, по нашему мнѣнію, характеръ пока противоположный: они производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы Пруссія стремилась до сихъ поръ только обезпечить интересы своего торговаго флота и приобрести увѣренность въ недоступности своихъ береговъ для непріятеля.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію положенія и дѣятельности морскихъ центровъ Пруссіи, являющейся, конечно, и на морѣ, какъ и на сушѣ, главою военной силы Германіи.

Главнымъ пунктомъ на берегахъ Нѣмецкаго моря является Яде. Еще Наполеонъ I-й, въ 1811-мъ году, выразился очень одобрительно объ этомъ пунктѣ съ точки зрѣнія морского дѣла. Адмиралы Вертелъ и Винтеръ приглашены имъ были для изысканій въ виду устройства здѣсь военной гавани. Но планы Наполеона I-го, благодаря походу на Россію и его послѣдствіямъ, не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1853-мъ году Пруссія завела переговоры съ герцогомъ Ольденбургскимъ на счетъ уступки ей территоріи при заливѣ Яде, и за 1,875,000 франковъ купила эту территорію въ 309 гектаровъ съ 109-ю жителями. Предстояло еще войти въ соглашеніе съ ганноверскимъ королемъ на счетъ соединенія Яды съ линіями прусскихъ желѣзныхъ дорогъ; но Ганноверъ, не отказываясь прямо отъ согласія на предложеніе, затягивалъ дѣло, такъ что до 1866 года Пруссія не могла извлечь никакой пользы изъ своей покупки. Но когда Ганноверъ былъ присоединенъ къ Пруссіи, то работа закипѣла, и къ концу 1867 года желѣзная дорога была готова, а два года спустя явился уже сильно укрѣпленный военный портъ, устройство котораго стоило 36 милліоновъ франковъ. Новый портъ получилъ имя Вильгельмсафена. Собственно портъ имѣетъ 375 метровъ длины, отъ 220-ти до 235-ти ширины и 9 глубины, и можетъ весьма удобно совмѣстять въ себѣ десять военныхъ кораблей самаго большого размѣра. Плаваніе по Яде безопасно, но непремѣнно нуждается въ разныхъ сигналахъ, въ морскихъ фонаряхъ, безъ которыхъ доступъ къ берегу чрезвычайно труденъ. Стратегическое значеніе Вильгельмсафена французскій писатель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Положеніе его таково, что военный флотъ, вышедшій изъ названнаго пункта, сравнительно весьма скоро доходить до открытаго моря, занимаетъ у Гельголанда очень выдающуюся позицію и господствуетъ оттуда надъ всеми устьями“.

Другой важный пунктъ на Нѣмецкомъ морѣ—устье рѣки Эльбы, т. е. Куксафенъ (на лѣвомъ берегу) и Врунсбюттель (на правомъ), доступное для большихъ судовъ. Береговныя укрѣпленія снабжены нарѣзными пушками, способными подвергнуть перекрестному огню каждый корабль, пытающійся прорваться силою къ Гамбургу, который, впрочемъ, значенія самостоятельнаго военнаго центра не имѣетъ, такъ-какъ глубина его гавани не превышаетъ пяти метровъ. Даже большіе коммерческіе корабли принуждены оставаться въ Врунсбюттель и Куксафенѣ.

Вотъ центры прусскаго флота на Нѣмецкомъ морѣ,—морѣ едва ли не важнѣйшемъ для сѣверной Германіи. Ихъ немного, но благонадежность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кромѣ Яде и Эльбы, есть еще второстепенные центры, которыхъ мы не перечисляемъ, но

е которыхъ Бурелли даетъ самыя похвальные отзывы на счетъ ихъ укрѣпленій. Притомъ, для непріятельской высадки южный берегъ Нѣмецкаго моря совсѣмъ неудобенъ; неудобство это заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что вездѣ, за исключеніемъ укрѣпленныхъ пунктовъ, у береговъ море очень мелко. Непріятелю пришлось бы остановить свои корабли очень далеко и пересаживать солдатъ въ маленькія суда, что дало бы возможность защитникамъ, благодаря обилію прибрежныхъ желѣзныхъ дорогъ, сосредоточить значительныя отряды войска тамъ, гдѣ явится въ нихъ надобность. Притомъ, берега повсюду отличаются нѣпменностью, такъ что десантный корпусъ, если предположить даже возможность вполнѣ удачной высадки, не могъ бы найти прочнаго базиса для своихъ дѣйствій, а первая неудача повлекла бы за собою полное пораженіе. Этими-то обстоятельствами, а не слабостью и нераспорядительностью французскихъ адмираловъ, авторъ объясняетъ ту жалкую роль, которую игралъ французскій флотъ въ послѣднюю войну.

Балтійское море имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ Нѣмецкое, какъ потому, что оно замерзаетъ, такъ и потому, что оно море закрытое. Тѣмъ не менѣе и оно обладаетъ портомъ, который не уступитъ Вильгельмсгафену, именно — Кильскъ. Достаточная глубина (12 метровъ), просторъ, раннее освобожденіе его отъ льда и обиліе возвышенностей, сильно укрѣпленныхъ, — вотъ обстоятельства, дѣлающія кильскій портъ очень важнымъ мѣстомъ. Но Киль обладаетъ еще однимъ преимуществомъ, которое едва ли не важнѣе исчисленныхъ: отъ Эйндера идетъ каналъ, служащій какъ-бы продолженіемъ этой рѣки; онъ проходитъ мимо Рендсбургской крѣпости и кончается въ Кильскомъ заливѣ, въ районѣ дѣйствія кильскихъ баттарей. Правда, этотъ водный путь изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское пока недоступенъ для военныхъ судовъ, такъ какъ глубина его не доходитъ даже до 3-хъ метровъ, но углубленіе весьма возможно. Объ этомъ уже была рѣчь въ Гаштейнѣ въ 1865-мъ году, а теперь проектъ начинается осуществляться. Слѣдствіемъ отъ его выполненія громады Пруссія будетъ въ состояніи весьма легко и вполнѣ безопасно во время войны соединять и раздѣлять свой флотъ по усмотрѣнію, а слѣдовательно, можетъ держать меньшее количество военныхъ кораблей; она освободится отъ необходимости проходить мимо и въ опасныя воды въблизи мыса Скагена и, наконецъ, отыинетъ изъ рукъ скандинавскихъ народовъ ключи Балтійскаго моря. Торговня выгоды, — продолжаетъ авторъ, — отъ этого новаго сообщенія весьма значительны не только для Германіи, но и для Россіи; достаточно посмотреть на карту, чтобы убѣдиться, что сношенія по

сѣдшей съ Англією и Голландією, сильно развитіиися въ послѣднее время, выигравтъ отъ сокращенія пути“.

Второе мѣсто послѣ Кіля на Балтійскомъ морѣ занимаетъ Любекъ. Что же касается до острова Рюгена, то онъ имѣетъ значеніе какъ сильно выдающійся впередъ операціонный базисъ. Штеттинъ, Штральсундъ, Данцигъ и Мемель имѣютъ лишь второстепенное значеніе въ военномъ отношеніи, что понимаетъ и прусское правительство, переведенное въ послѣднее время главныя верабельныя мастерскія и арсеналы изъ Штеттина и Данцига въ Киль. О Данцигѣ, когда послѣдній принадлежалъ еще Польшѣ, Фридрихъ В. говорилъ: „Дайте мнѣ этотъ городъ, и я готовъ сейчасъ же сказать, что уже имѣю флотъ“. И въ самомъ дѣлѣ, почти до послѣдняго времени Данцигъ былъ едва ли не важнѣйшимъ пунктомъ Пруссіи на Балтійскомъ морѣ: онъ по крайней мѣрѣ занималъ видное мѣсто между гаванями, въ которыхъ происходить постройку кораблей, тамъ какъ большинство военныхъ судовъ Пруссіи, особенно судовъ построенныхъ не за границею, вышло изъ данцигскаго рейда. Однако люди, взрывающіе устья Вислы очень долго, дѣлаютъ названный портъ не важнымъ въ военномъ отношеніи.

„Рожденный только вчера, военный флотъ Германіи уже достигъ значительныхъ размѣровъ. Флотъ этотъ, правда, по численности уступаетъ французскому и англійскому, но по совершенству своему весьма замѣчательнъ и достоинъ изученія“. Въ настоящее время онъ состоитъ: изъ 7-ми военныхъ парусныхъ кораблей, 5-ти парусныхъ старой системы, 5-ти парусныхъ новой системы безъ брони, 6-ти броненосцевъ, 3-хъ подводныхъ военныхъ судовъ (bateaux-torpilles), 3 авизо и 22 канонерскихъ лодокъ. На этихъ судахъ находится всего 440 орудій.

Парусныя суда, имѣя въ настоящее время весьма ограниченное военное значеніе, употребляются главнымъ образомъ для учебныхъ командъ. Парусныя старой системы служатъ исключительно охранителями торговаго флота. Но за то парусныя новой системы, хотя и безъ брони, имѣютъ громадное военное значеніе. Они, по мнѣнію автора, имѣютъ преимущество предъ броненосцами по быстротѣ хода, по возможности плавать въ отдаленныя моря жаркаго пояса, по способности носить на себѣ орудія, болѣе значительныя какъ по калибру, такъ и по числу. Авторъ замѣчаетъ, что у нѣмцевъ сравнительно мало канонерскихъ судовъ, и что незамѣтно даже особенно сильнаго стремленія въ ихъ постройкѣ. Хотя онъ и того мнѣнія, что броненосцы мало пригодны для защиты береговъ, а главнымъ образомъ нужны для того, кого нападаетъ, однако въ этомъ оборотѣ сдѣланномъ смыслѣ не хочетъ истолковывать недостатокъ ихъ во флотѣ,

который онъ считаетъ дѣтищемъ самыхъ самолюбивыхъ завоевательныхъ плановъ. Вотъ какое объясненіе даетъ по этому поводу французскій авторъ: „Очень желая развить свои морскія силы, Пруссія однако не накидывается опротивѣть на постройку ихъ (броненосцевъ). Ея не страшатъ расходы, потому что передъ денежною жертвою она, какъ извѣстно, не отступаетъ нигдѣ, если видитъ свою пользу даже въ будущемъ; ея не поколебала въ этомъ отношеніи пресса, враждебная увеличенію военнаго флота, которая постоянно выставляетъ на видъ ничтожность результатовъ, добытыхъ послѣдними во время войны съ Франціею. Но, кажется, что прусское правительство боится, чтобы будущія изобрѣтенія не произвели значительнаго переворота въ военномъ дѣлѣ на морѣ... Въ концѣ-концовъ Пруссія кажется какъ-бы еще не рѣшившеюся, слѣдуетъ ли на войнѣ предпочитать броненосцы съ тяжелыми машинами, такіе, которые теперь строятъ повсюду, или корабли изъ дерева и желѣза, безъ брони, обладающіе большею легкостью и скоростью, и имѣющіе орудія большаго калибра“.

Суда, которыя мы назвали подводными (*bateaux-torpilles*), явленіе исключительно принадлежащее прусскому военному флоту и нигдѣ болѣе не встрѣчающееся. Это суда (они построены въ Данцигѣ) изъ желѣза, имѣющія длины 20 метровъ, ширины $2\frac{1}{2}$. Въ переднемъ концѣ—руль, который защищенъ стѣнкою, имѣющею отверстіе въ 26 квадратныхъ миллиметровъ. Оно даетъ возможность рулевому все видѣть впереди. Труба не широка и низка, помѣщается въ задней части; двойная броня защищаетъ какъ ее, такъ и палубу. Экипажа всего четыре или даже три человѣка. Топка производится посредствомъ петролеума, который не даетъ ни дыма, ни искръ. Эти нововведенныя суда предназначены къ тому, чтобы незамѣтно (чему способствуетъ ихъ цвѣтъ, ихъ сильное погруженіе въ воду, ихъ топка, ихъ малая величина), особенно ночью, подходить къ непріятельскому кораблю и ударить въ него. Способъ нанесенія удара хранится въ тайнѣ прусскими моряками, которые впрочемъ убѣждены, по мнѣнію автора, въ томъ, что такой ударъ разрушителенъ для всякаго непріятельскаго судна.

Прусская система военной службы, примѣненная къ морскому дѣлу, дастъ правительству въ случаѣ надобности 45,000 человѣкъ моряковъ. Съ другой стороны, можно предположить, что въ случаѣ войны своихъ торговыхъ судовъ въ портахъ будетъ по крайней мѣрѣ половина всего количества, слѣдовательно и отсюда можно привлечь еще подъ оружіе около 7,000 человѣкъ и такимъ образомъ получить 52,000 — цифру весьма почтенную. Число находящихся на дѣйствительной флотской службѣ увеличивается съ году на годъ, сообразно

въ возрастаніи самого флота. Особенно заботится прусское правительство о томъ, чтобы имѣть всегда подъ руками достаточное число хорошихъ офицеровъ, которыхъ бы хватило на случай призыва въ дѣлу резерва и резерва. Вотъ какъ увеличивается число служащихъ въ прусскомъ военномъ флотѣ: въ 1853-мъ году было нижнихъ чиновъ около 1.000, офицеровъ 66; въ 1860-мъ первыхъ было около 2½ тысячъ, вторыхъ 107; въ 1865—первыхъ столько же, вторыхъ—141; въ 1869-мъ—первыхъ 5½ тысячъ, вторыхъ 416.

Морской бюджетъ возрастаетъ тоже, хотя и не особенно значительно: въ 1870-мъ году онъ заключалъ въ себѣ 11,744,805 франковъ на расходы нормальные, и 15,750,000 экстренныхъ; въ 1871-мъ бюджетъ равнялся 18,487,375 нормальныхъ и 16,512,975 экстренныхъ издержекъ.

П—ть.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ АДИНЪ.

Ноябрь 1872.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ГРЕЦІИ.

Если бы кто слишкомъ увлекся представительными формами правленія, какъ всемірною панацею противъ всяческихъ общественныхъ язвъ, какъ талисманомъ, разгоняющимъ вдругъ страхъ и невѣжество, забывъ при этомъ, что на свѣтѣ существуетъ политическая неспособность,—тому стоить пожить въ Греціи или хоть въ Румыніи, и онъ быстро отрезвится. И тутъ, и тамъ представительное правленіе упало съ неба, и до сихъ поръ никакъ не можетъ пустить свои корни въ почву. Такъ, весьма недавно для Соединенныхъ Княжествъ исполни конституцію, правда, на скорую руку, но по всѣмъ правиламъ искусства. Результаты вышли неутѣнительные. Пока дѣло ограничивалось однимъ внутреннимъ сумбуромъ и кое-гдѣ придуманными жидами, добродушная Европа снисходительно смотрѣла на шалости своихъ юныхъ питомцевъ, но когда, въ дѣлѣ Струсберга, возрожденная Румынія занесла неблагодарную руку на европейскіе кошельки, опираясь на такъ заботливо внушенную ей святость народной воли,—со всѣхъ сторонъ посыпались на нее горькіе и, по моему мнѣнію, незаслуженные упреки. Виноваты ли румыны въ томъ, что ихъ міросозерцаніе все-таки не европейское, а румынское, и что чужды и тем-

ныя для нихъ понятія они старались объяснить себѣ на своей, національнѣйшій языкъ?

Какъ разѣ въ то же время, по странному совпадению, возникъ въ Греціи указанный мною въ предыдущемъ письмѣ, въ іюлѣ, вопросъ о лауріумскихъ рудникахъ, имѣющій съ дѣломъ доктора Струсберга разительное сходство. И здѣсь простоудушно-циническая корысть облеглась въ парламентскія формы, подобно тому какъ дикіе островертаны натягиваютъ на голую спину выброшенные на берегъ европейскіе мундиры. Такіе же точно воли негодования со стороны либеральной Европы, задѣтой за существенную струну! Впрочемъ, на бѣдную Грецію уже давно махнули рукой. А между тѣмъ было время, когда весь образованный людъ устремлялъ жадно-пытливые взоры на новорожденное королевство и на его игрушечный парламентъ, одно изъ первыхъ издѣлій паровой фабрики конституцій. Французъ-доктринѣръ съ высоты трибуны, нѣмецкій профессоръ въ пыли кабинета — заранѣе рукоплескали, выжидая минуты, когда воскреснутъ Периклы, загремѣтъ Демосеены и Гипериды. Разочарованіе пришло очень скоро. И либералы, и ученые напустились на неповинную націю, одни за то, что она не съумѣла сразу понять *immortels principes*овъ, послѣдніе за неудачу классической интермедіи, которою она думала потѣшить себя на самомъ театрѣ древней исторіи. Быть можетъ, этотъ урокъ и многіе другіе послѣдовавшіе за нимъ эксперименты и послужатъ имъ въ прокъ, заставивъ призадуматься надъ неудобствами политической прививки. Но каково несчастнымъ націямъ, попавшимся имъ подъ руку и обреченнымъ на незавидную роль *anima vilis*. Свободный ростъ ихъ задержанъ; онѣ бьются и задыхаются посреди чуждыхъ и не по ихъ мѣрѣмъ строгихъ учреждений, и судорожными, болѣзненными усиліями инстинктивно стараются вытравить парализующее ихъ движеніе постороннее тѣло. Вотъ въ немногихъ словахъ исторія Греціи за послѣднее столѣтіе, съ тѣхъ поръ какъ благодѣтельнымъ фешъ, зашедшимъ у ея колыбели, подарили ее и нѣмецкимъ королемъ и хитрымъ нѣмецкимъ государственнымъ устройствомъ, который въ 1848-мъ г. уже сами греки взялись исправить и дополнить по заданному имъ уроку. Трудно не почувствовать глубокаго состраданія къ народу, безвинно терпящему за наши заблужденія; и можно ли строго осуждать безобразныя проявленія того зла, котораго мы сами причиною? Къ несчастію, большинство грековъ еще не доросло до осознанія настоящей причины своихъ бѣдствій, и такъ же горячо защищаетъ свое право на чужеземныя учрежденія, дѣлая ихъ его ребяческому самолюбію, какъ и каръ отстѣпаетъ густые эполеты, нонавнѣ къ нему отъ кораблекрушеній. Притомъ, археологическія бредни филаэлликска двѣдѣ-

тыкъ годовъ оставили здѣсь неизгладимый и не менѣ пагубный слѣдъ. Самые филэллины уже давно исчезли, и на разбитыя мечтанія ихъ смотреть въ Европѣ какъ на историческій курьезъ. Лишь однихъ грековъ не возмущало всеобщее разочарованіе. Каждый изъ нихъ все еще видитъ въ себѣ внука и наследника по прямой линіи всѣхъ Плутарховыхъ великихъ людей, и, среди умственной и матеріальной нищеты, въ немъ продолжаетъ таиться пучина непоимѣрнаго тщеславія, рисующаго ему привлекательный міражъ какого-то воллосальнаго присужденнаго ему историческаго призванія.— *L'Hellénisme, monsieur, ce n'est pas une nationalité, c'est une idée humanitaire!* доверительно объяснялъ мнѣ одинъ грекъ — таможенный чиновникъ. Мудрено ли, что подъ впечатлѣніемъ подобныхъ грековъ, имъ, какъ исполняемымъ героямъ нашей романтической эпохи, сфера настоящаго гражданскаго труда кажется душливой тюрьмою.

Въ первомъ моемъ письмѣ я старался показать — насколько позволяли мнѣ размѣры бѣглыхъ путевыхъ записокъ — какимъ образомъ кроющіеся въ греческомъ обществѣ элементы внутренняго разлада выразились въ характерѣ и взаимныхъ отношеніяхъ политическихъ партій, спорившихъ за власть на выборахъ нынѣшней весны. Таими же болѣзненными симптомами изобилуетъ и минувшая парламентская сессія.

Еще 27-го марта король открылъ палату тронной рѣчью, въ которой указывалъ на разрѣшеніе вопроса о Лауриумѣ, какъ на существенную задачу новаго собранія, и, между прочимъ, сдѣлалъ строгій намѣкъ на безпорядки и насильственные сцены, ознаменовавшія избраніе депутатовъ во многихъ мѣстностяхъ.

Дѣйствительно, даже въ Греціи, гдѣ подобныя избирательныя проделки не въ диковинку, наглая безцеремонность, преобладавшая на послѣднихъ выборахъ, показалаcя явленіемъ исключительнымъ. Рассказы о безобразныхъ подкупахъ, о вмѣшательствѣ мѣстныхъ войскъ, о кровавой расправѣ между приверженцами враждебныхъ кандидатовъ — слышались всюду, наполняли столбцы всѣхъ газетъ. Читателю уже извѣстна изъ того же предыдущаго моего письма скандальная полемика, завязавшаяся по поводу выборовъ между министрами юстиціи и военнымъ, изъ которыхъ первый въ официальномъ циркулярѣ приглашалъ обвинительную власть безошадно предавать суду всѣхъ членовъ военнаго сословія, принявшихъ противузаконное участіе въ электоральной борьбѣ, а другой такимъ же циркуляромъ благодарилъ войска за спокойствіе и невмѣшательство, соблюденныя ими во время выборовъ. По городу ходилъ слухъ, будто король, принимая нѣкоторыхъ депутатовъ, сказалъ имъ: „надѣюсь, что вы сами будете просить палату кассировать ваше избраніе“. Оппозиція точила ножи

и готовила громовыя обличенія. Къ тому же, хотя министерство и одержало, повидимому, избирательную побѣду, но въ немъ самими таились зачатки неминуемаго распада. Отношенія между бое-какъ сплоченными составными частями его до такой степени отзывались въ послѣднее время глухою враждою и взаимнымъ раздраженіемъ, что, казалось, достаточно было малѣйшаго несогласія, чтобы разорвать искусственную связь и привести къ рѣшительному кризису. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ публика съ особенно-тревожнымъ интересомъ ожидала предстоявшей повѣрки выборовъ, которую, какъ и всегда, должны были начать труды новаго собранія.

Чтобы уяснить по возможности читателю фязіономію этого собранія и точнѣе опредѣлить условія, въ какіе начиналась борьба, я считаю нужнымъ вкратцѣ резюмировать и отчасти дополнить сказанное мною въ первомъ моемъ очеркѣ, о главныхъ характерическихъ чертахъ и относительной силѣ каждой изъ партій, призванныхъ играть нѣсколько видную роль въ парламентскихъ преніяхъ.

Вокругъ Булгариса группируются болѣею частію одряхлѣвшие обломки оппозицій оттоновскихъ временъ. Ряды ихъ съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ, но они тѣмъ тѣснѣе жмутся къ своему старому вождю, чувствуя себя одинокими и забытыми посреди опередившей ихъ молодежи. Преданія двадцатилѣтней почти дисциплины привязываютъ ихъ къ герою октябрьскихъ дней, съ которымъ они когда-то дѣлили и бури революціи, и патриархальную диктатуру, который такъ щедро умѣетъ награждать заслуги преданныхъ ему приверженцевъ. Это—партія прошедшаго, и сѣдыя кудри ея предводителя, съ его выпешней изъ моды національной фустангеллой, служатъ ей очень удачною вывѣскою. Но не въ этихъ ветеранахъ надо искать главной силы Булгариса и разгадку того авторитета, который онъ отчасти сохранилъ еще въ странѣ. Онъ принадлежитъ къ приматской фамиліи съ о-ва Гидры, споконъ вѣка пользовавшейся нераздѣльнымъ и неограниченнымъ вліяніемъ посреди населенія Сароническихъ острововъ, откуда большая часть греческихъ судовъ набираетъ свои экипажи. Поэтому, вся буйная ватага матросовъ, наводняющихъ греческіе портовые города и самыя Аѣны, слѣпо предана Булгарису и, по малѣйшему знаку его, готова разнести и дворець, и палату. Она-то и составляетъ въ его рукахъ могущественное оружіе, негласную силу, съ которою всѣ партіи должны считаться, потому что никто легче Булгариса не можетъ произвести революцію. Но часто прибѣгать къ столь крайнему средству ему, конечно, нельзя; къ тому же и самыя лѣта естественно ослабили въ немъ демагогическія склонности и внушаютъ ему желаніе возстановить свою расшатавшуюся популярность болѣе мирными путями. Однако усилія его остаются до сихъ

норъ тиотными. Незавидная роль Булгариса въ кандійскомъ вопросѣ, кажется, нанесла его партіи рѣшительный ударъ и, хотя она пока еще и занимаетъ второе мѣсто по численности, ей суждено съ каждымъ днемъ истлѣвать и уменьшаться.

Не далѣе какъ два года тому назадъ, другое лицо, Кумундурось жользовался въ Греціи такимъ громаднымъ вліяніемъ, что предъ нимъ ступенивались всѣ остальные политическіе дѣятели, и въ палатѣ ему удалось однажды составить себѣ несдѣланное здѣсь и единогласное большинство. Эта популярность была отчасти заслужена. Кумундурось не обладаетъ широкимъ кругозоромъ, ни смѣлостью теоретива, но за то въ немъ бездна простого и вѣрнаго здраваго смысла; эта практическая складка и помогаетъ ему подчасъ вѣрнѣе другихъ угадывать насущныя нужды страны и прискивать для нихъ не затѣливыя, не радикальныя, но безспорно дѣйствительныя средства. Я называю политическихъ друзей Булгариса—партію прошедшаго; Кумундурось же въ полномъ смыслѣ слова человекъ настоящаго, то, что французы называютъ un homme d'expédients. Въ послѣднее время авторитетъ его значительно поколебался. Многочисленная партія, такъ недавно толпившаяся вокругъ него, распалась и теперь немногимъ превышаетъ партію Булгариса. Это объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, о его личномъ безвѣрствіи возникли въ обществѣ самыя невыгодныя, хотя можетъ быть и преувеличенныя слухи; дошло до того, что стали указывать на приближенную къ нему личность, чрезъ посредство которой будто бы происходили противозаконныя сдѣлки. Съ другой стороны, онъ не сумѣлъ, будучи первымъ министромъ, снисжать расположеніе короля, и потому встрѣчалъ отъ послѣдняго систематическій отказъ всякій разъ, какъ дѣло шло о повышеніяхъ, наградахъ и прочихъ подачкахъ. Приходилось возвращаться къ голоднымъ друзьямъ съ пустыми руками и задобривать ихъ новыми обѣщаніями. Но терпѣнію есть и предѣлъ. Образовался лагерь недовольныхъ. Къ нему примкнуло небольшое число оригиналовъ съ щекотливою совѣстью, которымъ не по вѣсу пришлось приписываемыя имъ патрону неофіціальныя продѣлки, и такимъ образомъ возникла партія Трикупи-Ломбардо, о которой я ниже буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ. Впрочемъ, Кумундурось еще выплыветъ, лишь бы нашлось у него чѣмъ платить за содѣйствіе своимъ приверженцамъ. Безусловная честность для государственныхъ людей Греціи не принадлежитъ къ числу непремѣнныхъ требованій, а знаменіе дѣла онъ стѣбитъ замѣтно впереди своихъ соперниковъ.

Третье мѣсто въ ряду политическихъ партій занимаетъ партія Делигеорги, болѣе богатая надеждами чѣмъ численностью. Назовемъ ее партіей будущаго. Дѣйствительно, блестящій ораторъ, герой аэни-

своей молодежи довольно вѣрно отражаетъ въ себѣ не только ея неоспоримыя дарованія и юношескую честность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неопредѣленные, а подѣ-часъ дикія стремленія. Ему суждено было въ концѣ этой сессіи играть самую неожиданную и странную роль. Какой-то таинственный законъ справедливаго возмездія опредѣляетъ ему, въ свою очередь, безнадежно биться надъ разрѣшеніемъ того самаго вопроса, изъ котораго онъ же, ради популярности, когда-то ухитрился сдѣлать нѣчто въ родѣ *касс-тета*.

Довольно трудно прискатъ какое-либо прозвище партіи Замикса. Она существуетъ только потому, что г. Замиксу хочется быть первымъ министромъ; а все-таки она существуетъ, и даже числомъ адептовъ поспорить съ партией Делигеорги. Самъ Замиксъ развѣ годенъ для политическихъ *utilités* и можетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ наполнить пробѣлы парламентскаго междуцарствія. Онъ, говорятъ, честенъ, не совсѣмъ бездаренъ, но и не особенно даровитъ; короче, вполнѣ безцвѣтная личность.

Мы видѣли, что отъ партіи Кумундуроса отдѣлилась въ прошломъ году фракція, образовавшая самостоятельную группу. Ее окрестили *cinquième partie*, или партией Ломбардо - Трикупи, по именамъ двухъ наиболѣе извѣстныхъ ея представителей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы новорожденная партія, какъ и прочія, воплощала свои надежды и интересы въ одной, или по крайней мѣрѣ въ двухъ личностяхъ. Она организована скорѣе на федеративномъ основаніи и составляетъ въ греческомъ политическомъ мѣрѣ исключительное явленіе еще и потому, что избрала себѣ извѣстную программу и, одна между здѣшними, преимущественно личными партіями, представляетъ довольно точно опредѣленные принципы. Зло, главнымъ образомъ парализующее государственную жизнь Греціи, она видитъ въ недостаточномъ разграниченіи политическихъ факторовъ страны и требуетъ коренной переработки конституціи на началахъ крайняго парламентаризма, и на счетъ королевской прерогативы. „Пятая“ партія возникла такъ недавно, что не успѣла еще упрочить за собою замѣтнаго вліянія; тому мѣшаетъ пока ея численная слабость. Но можно смѣло обѣщать ей въ близкомъ будущемъ видную роль. Выборъ опредѣленнаго политическаго знамени даетъ ей, посреди другихъ партій, важное преимущество. Сверхъ того, при скромномъ численномъ составѣ, она безспорно богата талантами. Всего рельефнѣе выдаются между ними личности Ломбардо и Трикупи, почему публика окрестила и самую партію ихъ именами. Ломбардо, родомъ изъ Занте, пользуется громадною популярностью въ Ионическихъ островахъ, гдѣ прозвали его *докторомъ бѣдныхъ*, такъ какъ свои медицинскія познанія онъ исключительно посвятилъ даро-

тому леченію неимущаго класса. Во главѣ національной партіи, онъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ нанесъ рѣшительный ударъ англійскому владычеству на Семи-Островахъ. Трикупи же, напротивъ, принадлежитъ къ старинной греческой фамиліи, въ которой съ давнихъ поръ держалась традиціонная преданность англійской политикѣ; въ Англии онъ получилъ и свое воспитаніе. Кандійскій вопросъ отчасти поколебалъ его вѣру въ семейный фетишъ; англійское вліяніе тѣмъ не менѣе оставило глубокіе слѣды на его политическихъ воззрѣніяхъ. Превосходное образованіе и замѣчательныя способности даютъ ему, между корифеями пятой партіи, первое мѣсто, хотя онъ и уступаетъ Ломбардо въ ораторскомъ талантѣ. Общая черта между обоими — страстная преданность своимъ убѣжденіямъ и непоколебимая честность, но Ломбардо болѣе демагогъ, Трикупи — болѣе государственный человѣкъ. Пока длится для ультра-парламентаристовъ ихъ, такъ-сказать, завоевательный періодъ, Ломбардо суждено играть самую блестящую роль; но если пятая партія когда-либо призвана будетъ управлять судьбами страны, то первенство вліянія естественно и неминуемо перейдетъ къ Трикупи.

Чтобы закончить этотъ бѣглый очеркъ, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о династической партіи, образовавшейся здѣсь изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Кромѣ горсти лично преданныхъ королю людей и придворнаго штата, который, изъ отечественныхъ учреждений, весьма естественно, дорожитъ между прочимъ и *liste civile*, — сюда примкнули въ Греціи небольшое число фанариотовъ, неуспѣвшихъ помириться съ гибелью ихъ олигархическихъ мечтаній, а на Ионическихъ островахъ остатки дворянской партіи, когда-то отстаивавшей англійскій протекторатъ. Эта пестрая кучка такъ численно слаба и такъ непопулярна, что врядъ ли заслуживаетъ названія партіи, но можетъ принести большой вредъ, если не странѣ, то королю, поддерживая въ немъ несбыточныя надежды и наводя на опасныя покушенія противъ конституціи, дающей ему такъ мало простора. Георгій I надѣленъ отъ природы недюжинными способностями. Несмотря на свою молодость, онъ, говорятъ, довольно вѣрно понимаетъ дѣйствительныя нужды ввѣренной ему судьбою страны и чувствуетъ, что государственныя формы, установившіяся въ ней за послѣднее сорокалѣтіе, чужды и не по росту его полуобразованному народу. Но, чтобы измѣнить существующій порядокъ вещей, нужна болѣе сильная рука и средства, которыми онъ не располагаетъ; а какъ растолковать все это молодому и самолюбивому государю? До сихъ поръ, король ограничивался затаенной, подземной борьбой противъ неприятныхъ ему учреждений. Если вѣрить ходящимъ здѣсь толкамъ, планъ величественный остроумія, заключался въ томъ, чтобы разну-

безобразія борьбу партій, ослабить въ народѣ вкусъ къ представительнымъ формамъ и заставить его привадуматься о преимуществахъ патріархальнаго правленія. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ съ одинаковой покорностью принималъ всѣ навязываемыя ему министерства, но съ одинаковымъ же упорствомъ отказывалъ каждому изъ нихъ въ своей поддержкѣ. Парализуя ихъ подъ рукою и безжалостно отдавая при первомъ случаѣ на съѣденіе врагамъ, онъ надѣялся обнаружить такимъ образомъ ихъ общую несостоятельность и, одну за другою, погубить въ общественномъ мнѣніи всѣ существующія партіи. Этотъ смѣлый планъ, ловко задуманный и систематически выполненный, не принесъ однако до сихъ поръ желаемыхъ плодовъ. Министерства смѣнялись съ калейдоскопическою быстротою, партіи грызлись пуще прежняго, но охотниковъ отдохнуть отъ парламентскихъ буръ подъ сѣнью патріархальности отыскивалось все-таки мало. Король, наконецъ, потерялъ терпѣніе и, повидимому, не прочь переступить за порогъ своихъ конституціонныхъ правъ на почву болѣе крутыхъ, насильственныхъ мѣръ. Роль его въ министерскомъ кризисѣ, заключившемъ сессію 1872 года, не отзывается уже прежней сдержанностью. Мы еще будемъ имѣть случай подробнѣе познакомиться съ этой первой, робкою попыткой Георгія I высвободиться изъ тѣсной рамки легальности,—попыткой, въ которой многіе видятъ предвѣстіе замышляемаго *coup d'état*. Достаточно будетъ пока замѣтить, что въ опасеніяхъ, высказываемыхъ по этому поводу, кроется много, и можетъ быть намѣреннаго, преувеличенія. При условіяхъ, въ которыя поставлена королевская власть въ Греціи, неосуществимость насильственнаго переворота въ ея пользу до такой степени очевидна, что, не взирая на свойственную его лѣтамъ самоувѣренность и на близорукіе совѣты придворной камарильи, Георгій I врядъ ли отважится поставить на столь рискованную карту будущность своей династіи. Измѣненіе въ королевской тактикѣ объясняется гораздо проще и правдоподобнѣе. Король не могъ не убѣдиться въ безплодности изолированной борьбы *contra omnes* и, во всѣмъ вѣроятіи, пытается теперь перспективу нераздѣльнаго преобладанія привлечь на свою сторону одну изъ сильнѣйшихъ партій; помощью ея, онъ надѣется составить себѣ въ парламентѣ преданное большинство, готовое на нѣкоторыя уступки въ пользу монархической власти. Эта надежда далеко не такъ несбыточна, какъ кажется съ перваго взгляда. Дѣйствительно, между исчисленными нами партіями нѣтъ ни одной, которая бы интересовалась поддержаніемъ существующаго порядка. Мы видѣли, что изъ нихъ двѣ послѣднія открыто ему враждебны. Что же касается тѣхъ партій, которыя, за недостаткомъ характеристическихъ принциповъ, я назвалъ *мичими*, то каждая изъ нихъ,

очевидно, отдать предпочтеніе такому устройству, при которомъ конкуренція была бы устранена, а власть обезпечена за нею. Это совершенное отсутствіе консервативныхъ элементовъ и составляетъ отличительную, оригинальную черту политической жизни въ Греціи.

Упомянувъ о династической партіи, я съ намѣреніемъ остановился на отношеніи, въ которомъ король вначалѣ нынѣшней весны стоялъ къ прочимъ политическимъ группамъ, потому что въ немъ, по моему, лежитъ единственный ключъ къ загадочной развязкѣ минувшей парламентской сессіи.

Чтобы заключить этотъ обзоръ главныхъ элементовъ собравшагося въ мартѣ 1872-го года народнаго представительства, необходимо сказать нѣсколько словъ о происхожденіи стоявшаго предъ лицомъ его министерства.

Въ концѣ прошлаго года, король пригласилъ къ себѣ трехъ политическихъ корифеевъ: Булгариса, Кумундурса и Делигеорги, и внушивъ имъ, что при борьбѣ трехъ почти равносильныхъ партій устойчивое министерство невозможно, предложилъ подать другъ другу руку и образовать то, что на парламентскомъ языкѣ называется *ministère de fusion*. Делигеорги, чувствуя, что при сравнительной численной слабости онъ осужденъ будетъ въ подобной комбинаціи на второстепенную роль, и не желая служить орудіемъ въ чужихъ рукахъ, уклонился; Булгарисъ же и Кумундурсъ согласились соединить свои такъ долго враждебныя силы и вкупѣ трудиться для блага родной страны, на началахъ полного равенства и взаимнаго довѣрія. Но для всякаго, отчасти знакомаго съ политическими нравами въ Греціи, очевидно было, что согласіе между новыми друзьями будетъ продолжаться лишь до первой кости. Что на первыхъ же порахъ эти опасенія вполне оправдались, читателямъ „Вѣстника Европы“ извѣстно изъ прошлаго моего письма. Кумундурсъ вѣжливо уступилъ почтенному старцу, Булгарису, президентскія почести, надѣясь замѣнить упрочить за собою главные портфели, но почтенный старецъ надулъ и, забравъ львинную часть, предоставилъ ему лишь ненужную мелочь. Въ такомъ-то нѣжномъ настроеніи, союзники приступили къ выборамъ. Каждый изъ нихъ, разумѣется, надѣялся, эксплуатируя вліяніе другого, составить себѣ подъ рукою преданное большинство и затѣмъ сломать пріятелю шею. Какъ эта глухая вражда въ послѣдніе дни, предшествовавшіе собранію парламента, перешла въ открытую схватку и обнаружила въ коалиціонномъ министерствѣ симптомы неминуемаго разрыва, я уже сказалъ выше.

Съ самаго же начала сессіи стало ясно, что какъ Булгарисъ, такъ и Кумундурсъ, ошиблись въ своихъ расчетахъ; ни тотъ, ни другой не вышелъ изъ избирательнаго испытанія настолько крѣп-

внмъ, чтобы простымъ счетомъ голосовъ задавить соперника. Силы были почти равныя: отъ 50-ти до 60-ти голосовъ на каждого ¹⁾. Къ партіи Делигеорги примкнули пять-шесть голосовъ обиженнаго обгямъ забвешіемъ Заимиса; образовавшаяся такимъ образомъ оппозиція располагала всего голосами 30-тью, но надѣялась яростью на-наденій искупить недостатокъ численной силы. Пятая партія, прославшаяся около 15-ти депутатовъ, образовала изолированную группу и, не чувствуя себя въ состояніи играть самостоятельную роль, рассчитывала поддержать ту, или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Остальные голоса, до 20-ти приблизительно, не имѣли опредѣленнаго цвѣта и должны были, какъ и во всѣхъ представительныхъ собраніяхъ, сдѣлаться добычею сильнѣйшаго.

Не ранѣ послѣднихъ дней мая удалось мнѣ попасть на засѣданіе парламента и познакомиться съ его внѣшней фізіономіей. Въ день открытія я не рѣшился подвергнуть себя испытаніямъ неразлучной съ подобными церемоніями давки; затѣмъ, вскорѣ настали вакаціи по случаю страстной и святой недѣли, а по минованіи праздниковъ предварительная работа по отдѣленіямъ. Когда собраніе приступило, наконецъ, къ своимъ публичнымъ занятіямъ, я уличилъ свободный день, и часамъ къ девяти утра (засѣданія начинаются въ 8-мь и длятся обыкновенно до 12-ти часовъ), отправился полюбоваться на представителей возрожденной Эллады. Въ Афинахъ въ эту пору уже стояли лѣтніе жары. Но въ этотъ день воздухъ показался мнѣ какъ-то обенно нестерпимо душнымъ. На темно-голубомъ небѣ ни облака. Ослѣпительная, однообразная бѣлизна накаленныхъ знойнымъ солнцемъ домовъ болѣзненно раздражала зрѣніе. Порывы южнаго вѣтра по временамъ приносили не прохладу, а густые клубы жгучей, каменной пыли. Припухла глаза и тяжело дыша, я не шелъ, а бѣжалъ по пустыннымъ улицамъ; кое-гдѣ наткнулся я на спѣшившаго въ свое министерство чиновника. На перекресткѣ уныло стоялъ, отмахивая хвостомъ мухъ, тощій осель, нагруженный до изнеможения разными мѣстными овощами; онъ лишь изрѣдка вздрагивалъ и пу-гливо озирался, когда хозяинъ его, сѣдой албанецъ въ фуставелѣ, съ отчаяннымъ усиліемъ выкрикивалъ свой товаръ. Тамъ-и-сямъ изъ полуоткрытаго окна высывалась сонная, повязанная бѣлымъ платкомъ, голова какой-нибудь горничной и хриплымъ голосомъ звала проходящую торговку съ козьимъ молокомъ; но, при приближеніи моемъ, голова мгновенно пряталась и стыдливо захлопывалась ставень. Потъ катился съ меня градомъ, когда я наконецъ добрался

¹⁾ Числовыя данныя, приведенныя въ моемъ прошломъ письмѣ и основанныя на первоначальныхъ слухахъ о результатѣ выборовъ, оказались отчасти ошибочными.

до воротъ палаты. У входа полицейскій солдатъ, повидимому равнодушный къ политикѣ, заботливо втопталъ ту часть своей одежды, для которой на дамскомъ языкѣ не существуетъ названія; это домашнее занятіе настолько приковывало его вниманіе, что онъ даже не оглянулся на меня, когда я, свернувъ въ ворота, чрезъ большой дворъ, заваленный разной дрянью, направился къ жалкому зданію, гдѣ помѣщается народное представительство. Тутъ же, въ двухъ шагахъ, виднѣется еще наполовину неоконченное строеніе, въ которомъ палата современемъ найдетъ себѣ болѣе удобный и нѣсколько приличный пріютъ. Размѣры его удовлетворительны, но наружный фасадъ отличается крайнимъ безобразіемъ, какъ и всѣ вообще публичныя постройки въ Афинахъ. Въ ожиданіи будущихъ благъ, депутатамъ отвели что-то среднее между конюшней и пожарнымъ депо; такого убожества мнѣ и не снилось увидѣть...

Нагнувъ низко голову, чтобы не стукнуться о притолку крошечной двери, я чрезъ темныя, грязныя стѣны, вверхъ по досчатой лѣстницѣ взобрался на устроенную для публики досчатую галерею съ нѣсколькими рядами деревянныхъ скамей. Зрителей было мало, всего человѣкъ десять, такъ что я безъ труда прискалъ себѣ мѣсто въ первомъ ряду около какой-то полной дамы въ черномъ платьѣ и чепцѣ. Монументальная грудь ея, мѣрно колыхавшаяся надъ самой головой президента, была украшена или, быть можетъ, защищена гигантскимъ камеемъ. Сосѣдка моя, повидимому, забралась сюда гораздо раньше меня и сильно страдала отъ жары; она то-и-дѣло вытаскивала изъ обширнаго кармана платокъ сомнительной чистоты и судорожно терла имъ свое заплывшее и потное лицо. Усѣвшись, я окинулъ любопытнымъ взглядомъ арену, гдѣ подъ-часъ кипятъ такія бурныя страсти. Внутреннее убранство соответствовало наружному впечатлѣнію. Какимъ-то грязно-скарденнымъ нищенствомъ отзывалась эта непривѣтливая зала. Въ прежнее время въ ней, должно быть, помѣщался манежъ. Придѣлили къ стѣнамъ на скорую руку сколоченныя изъ досокъ кѣтки, кое-гдѣ перетянули краснымъ кумачемъ, разставили стулья—и все тутъ. Положимъ, что Греція страна небогатая, а самое помѣщеніе—лишь временное; все же можно было бы, по моему, устроить его немного приличнѣе, не на манеръ ярмарочнаго балагана. Направо отъ меня надъ входомъ тянулась галерея, отличавшаяся отъ нашей только тѣмъ, что вмѣсто скамей въ ней поставлены были стулья: она носитъ громкое названіе дипломатической трибуны. Рядомъ съ нею придворная ложа, богато отдѣланная краснымъ кумачемъ. Слѣва тоже какія-то кѣтки, въ которыхъ, кажется, помѣщаются члены синода, журналисты и пр. За депутатскими мѣстами посреди залы—скамья министровъ. Напротивъ, какъ разъ подѣ

нами, на эстрадѣ президентское мѣсто, и ниже трибуна, на которой въ эту минуту мямлилъ и заикался какой-то тщедушный господинъ съ подвязанной щекою. Собранію онъ замѣтно надоѣлъ, потому что въ разныхъ углахъ залы образовались кучки и весьма довольно громкій разговоръ. Между уродливыми европейскими сюртуками эввской или спартанской работы, глазъ пріятно отдыхалъ на живописномъ національномъ костюмѣ, но расшитая куртка и волнообразная фустанелла попадались только на немногихъ величавыхъ старикахъ, въроятно, помнившихъ славные годы отечественной войны. Длинный сѣдой усъ придавалъ ихъ смуглымъ чертамъ что-то суровое и подчасъ свирѣбое; выпрямивъ свой стройный еще станъ и гордо подбоченившись, они съ видимымъ прирѣніемъ смотрѣли на жужжавшее вокругъ нихъ обмельчавшее поколѣніе. Тамъ-и-сямъ мелькалъ бородатый попъ въ уродливой шляпѣ, похожей на черный грибокъ, или гремѣлъ шпорами щеголеватый офицеръ. Все это шумѣло, выходило, снова входило, словомъ, вело себя совершенно безцеремонно. Замѣтивъ, что роскошная сосѣдка моя оживленно перемигивалась съ однимъ изъ депутатовъ лѣвой стороны, смиренно сидѣвшимъ на своемъ мѣстѣ, я предполагалъ въ ней близкое знакомство съ парламентскимъ міромъ и рѣшился просить ея милостиваго руководства. Предпріятіе было легко задумано, но при исполненіи явились неожиданныя трудности. Пришлось собирать скудные крупицы моихъ познаній въ греческомъ языкѣ. Послѣ усиленнаго умственнаго труда, мнѣ удалось, наконецъ, соорудить фразу, за которой мое авторское самолюбіе признало даже нѣкоторую долю изящества. Я смѣло поднесъ это литературное произведеніе моей Ариаднѣ *in spe*, и она, какъ показалось мнѣ, приняла посвященіе довольно благосклонно; но не успѣли мы обмѣняться двумя словами, какъ въ разговоръ вмѣшался какой-то сидѣвшій позади французскій съ остроконечной бородкой, и немедленно монополизировалъ его. Онъ осадилъ меня такимъ потокомъ вопросовъ, что я едва успѣвалъ вставить слово; да и не нужно было: онъ и спрашивалъ, и отвѣчалъ самъ, изрѣдка покалачивая меня пріятельски по плечу. — *Monsieur est étranger? Je l'ai aussi reconnu à son accent! Elle est diablement difficile, la langue du pays, hein? Monsieur est sans doute Français? Non? c'est bien dommage! Anglais, peut-être?... Russe! ah!... un beau pays, Monsieur!... On aime beaucoup les Russes chez nous!... Nous sommes nés pour être amis... je l'ai toujours dit, moi!... ah, Monsieur, la guerre de Crimée était une bien grande faute... Oui, madame, — тутъ французъ быстро обернулся къ толстой дамѣ и внушительно, даже строго, посмотрѣлъ на нее, — si nous avions eu la Russie avec nous, il y a deux ans!... — Онъ глубоко вздохнулъ и потупилъ голову, забывъ договорить наугадую фразу; моя сосѣдка такъ и не узнала, что бы*

ВЫШЛО ИЗЪ ЭТОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОМБИНАЦІИ. Но самая гражданская скорбь не могла надолго привязать неутомимый языкъ моего юнаго пріятеля. Черезъ минуту, онъ, встряхнувъ курчавой головой, же продолжалъ: Pour moi, je suis Français, Monsieur l'a deviné... le Tarbes... et je ne m'en vante pas du train dont ça va chez nous!... e suis dans les affaires,... employé chez Philip... Philip frères, Vous savez? rue d'Hermès... Oh! je connais beaucoup son Excellence Monsieur le Ministre de Russie,... il se fournit chez nous... и т. д. — и расхопившійся комми уже собирався подробно изложить мнѣ свои глубокомысленныя, яро-бонапартистскія соображенія по поводу послѣдней войны; но я перебилъ его. У меня нешутя заболѣла голова; къ тому же, мнѣ жаль стало бѣдной сосѣдки. Она сначала снисходительно относилась къ неугомонной болтовнѣ моего француза и даже умильно улыбалась, когда ему случалось къ ней обращаться, хотя, повидимому, не понимала ни слова. Но, когда въ залѣ раздался шумъ и тотъ самый депутатъ, съ которымъ она обмѣнивалась телеграфическими знаками, кажется, мужъ ея, торопливо взбѣжалъ на трибуну и, махая длинными, костлявыми руками, началъ съ большою горячностью нести какую-то чепуху, толстая дама мгновенно вся превратилась въ слухъ. Между тѣмъ, французъ все трещалъ у ней надъ ухомъ, и за его визгливымъ голосомъ трудно было что-нибудь разобрать. Сосѣдка стала обнаруживать признаки явнаго нетерпѣнія; взгляды ея, по временамъ обращаемые къ неистощимому говоруну, выражали въ первыя минуты лишь трогательную мольбу, но, подъ конецъ, стали дышать положительной злобой. Я рѣшился спасти ее и себя, и, прервавъ политическія размышленія рьянаго Alfred Lecoq'a, шопотомъ попросилъ его показать мнѣ въ толпѣ тѣ личности, которыхъ имена всего чаще слышались мнѣ въ послѣднее время. Нисколько не обидѣвшись, онъ тотчасъ принялся отыскивать мнѣ глазами парламентскихъ корифеевъ. Послѣдуемъ за нимъ.

Въ залѣ, въ это время, говоръ, бѣготня и гамъ кипѣли пуще прежняго; ни дать, ни взять, еврейскій шабашъ. Горячившагося съ трибуны оратора слушала одна лишь жена. Особеннымъ оживленіемъ отличалась группа, собравшаяся вокругъ полнаго пожилыхъ лѣтъ господина въ очкахъ. Несмотря на свирѣпыя рыжеватыя съ просѣдою усы, черты его выражали скорѣе добродушно-плутоватый юморъ. Онъ, повидимому, неудостоивалъ большого вниманія толки спорившихъ и только изрѣдка, согнувъ толстую шею, фазсъянно моталъ головой; пронирыливые глазки его, между тѣмъ, черезъ очки слѣдили за движеніями маленькаго Заимиса, который что-то суетился на другомъ концѣ залы... — Не Кумундурсъ ли? — спросилъ я на-угадъ, и, дѣйствительно, не ошибся. Въ двухъ шагахъ отъ этой группы, при-

слонясь къ окну, въ граціозной позѣ, одиноко рисовался Делитеорге, любясь на его сухонарую фигурку съ острымъ носикомъ и жиденькой бородкой, на его томно закатившіеся подъ потолокъ зрачки, мнѣ почему-то казалось, что онъ вотъ сейчасъ откашляется, чтобъ прочистить голосъ и запоетъ: *Raggio de amor pareo*, или что-нибудь подобное... На самомъ краю скамьи министровъ, обернувшись почти спиною къ трибунѣ, сидѣлъ Булгарисъ и сухо, отрывисто давалъ какія-то инструкціи смиренно стоявшему предъ нимъ депутату. Съ перваго взгляда, судя по гладко-выбритому лицу его, по мѣховой душегрѣйкѣ и болтавшейся до пятокъ шелковой, полосатой юбкѣ, его можно было-бы принять за толстую, приземистую старуху, если-бы не длинный сѣдой усъ и не суровые глаза, въ которыхъ изъ-подъ густыхъ бровей по временамъ сверкала мрачная, грубая энергія... Шумъ въ залѣ началъ стихать. Удушливая жара, постепенно усиливавшаяся съ приближеніемъ полдня, производила свое притупительное дѣйствіе. Мужъ моей сосѣдки, истощивъ наконецъ принесенный имъ на трибуну запасъ доводовъ, уже сидѣлъ въ совершенномъ изнеможеніи на своемъ прежнемъ мѣстѣ и, утирая раскраснѣвшееся лицо, бессмысленно смотрѣлъ на галерею, откуда восторженная подруга жизни слала ему цѣлый градъ мимическихъ поощреній. Дѣло, какъ оказалось, шло о повѣрѣхъ какихъ-то выборовъ, кажется, въ Пелопоннезѣ, гдѣ кандидатъ—булгаристъ—отличился особенною безцеремонностью. Пренія приходили въ концу. По ступенькамъ эстрады не взошелъ, а скорѣе взбѣжалъ быстрыми, неровными шагами какой-то депутатъ, очень смуглый, но благовидной наружности, съ черными какъ смоль усами и бородкой, и въ изящномъ глубокомъ траурѣ. Его желчныя, нервныя черты и безпокойные глаза выражали досаду, и небольшая рука въ натянутой черной перчаткѣ нетерпѣливо стучала по століку, пока онъ шепталъ что-то на ухо нагнувшемуся къ нему президенту. Тотъ кивнулъ ему головой и въ свою очередь пробормоталъ нѣсколько словъ, съ которыми господинъ въ траурѣ и поспѣшилъ къ ждавшему его, вѣвая, высокому, худощавому и сѣдому какъ лунь старику.—Кто это? спросилъ я француза.—C'est le vieux Lombardo... et l'autre en deuil, c'est Monsieur de Tricoupi... Un bon client!... Не успѣлъ онъ договорить, какъ раздался президентскій звонокъ. Разбрѣдшіеся депутаты лѣниво возвращались къ своимъ мѣстамъ. Приступили къ подачѣ голосовъ, но я не дождался ея результата; жара и спертый воздухъ становились положительно невыносимы. Простившись съ сосѣдкой и съ словоохотливымъ коммѣ и спустившись по узкой лѣстницѣ, я снова вышелъ на палящее солнце, которое, послѣ удушливой атмосферы, показалось мнѣ блаженствомъ. На другой день я узналъ по газетамъ, что булгаристъ *à poigne*

блестительно выдержалъ искусь и прошелъ значительнымъ большинствомъ.

Впрочемъ, этотъ успѣхъ отнюдь не былъ единственной, ни первой побѣдой Булгариса вначалѣ сессіи. Повѣрка выборовъ оказалась для него непрерываемымъ торжествомъ, чѣмъ онъ, конечно, обязанъ недостатку единства и разрозненности интересовъ между явными и тайными его врагами. Пятая партія немедленно открыла противъ него ожесточенную борьбу, обвиняя перваго министра и его клеветовъ въ безстыдной манипуляціи избирательной урны. Но одинъ въ полѣ не воинъ! Не надѣясь собственными средствами выиграть дѣло, она рѣшилась протянуть руку такъ недавно покинутому ею Кумундуросу, гарантируя ему свое содѣйствіе, если онъ согласится разорвать всякую связь съ Булгарисомъ и соединенными силами требовать кассированія тѣхъ выборовъ, въ которыхъ за друзьями экс-диктатора обнаружались самыя грязныя продѣлки. Кумундурось колебался. Съ одной стороны, это сближеніе было для него несомнѣнно выгодно; дѣйствуя съ нѣкоторою ловкостью, онъ могъ надѣяться вновь завербовать подъ свое знамя признанныя дарованія и не запятнанное имя вожаковъ этого кружка, и уничтожить въ своей партіи сѣмя опаснаго раскола. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предвидѣлъ, что Булгарису, какъ представителю власти, легко будетъ захватить въ свои руки ббольшую часть блуждающихъ голосовъ, которыхъ всегда и вездѣ тянетъ къ сильнѣйшему,—и боялся начать битву въ невыгодныхъ условіяхъ. Даже въ союзъ съ ультра-парламентаристами, успѣхъ казался ему сомнительнымъ. Пока онъ медлил, палата утверждала, одно за другимъ, самыя скандальныя избранія булгаристской партіи, и непріятельскія силы росли съ каждымъ днемъ. Между тѣмъ, очередь дошла до повѣрки нѣкоторыхъ выборовъ, въ которыхъ депутаты изъ кумундуристовъ тоже, говорятъ, не совсѣмъ чисто завоевали себѣ мѣста въ парламентѣ. Союзники до тѣхъ поръ шли еще довольно дружно и въ числѣ голосовъ, отстоявшихъ спорныя права булгаристовъ, были и всѣ почти голоса, принадлежавшія Кумундуросу. Но тутъ произошелъ въ ихъ отношеніяхъ разительный переворотъ. Партія Булгариса, какъ одинъ человѣкъ, подала голосъ противъ дѣйствительности кумундуристскихъ выборовъ и нашла себѣ неожиданную поддержку въ лицѣ своего заклятаго врага, Делигеорги, который, со всѣми своими, перешелъ на ея сторону. Видѣтъ блестящаго вождя оппозиціи въ рядахъ министерскаго большинства казалось многимъ до такой степени страннымъ, что, рассчитывая на немедленный кризисъ, приписывали Делигеорги намѣреніе принять наслѣдство Кумундуроса и, вмѣстѣ съ Булгарисомъ, образовать новую правительственную комбинацію. Подобныя заключенія оказались

однако преждевременными. Гораздо естественнѣе объяснить этотъ фактъ желаніемъ напортить въ одно и то же время Кумундурсу, ослабивъ его нѣсколькими голосами, и Булгарису, озлобивъ противъ него кумундуристовъ. Если таковъ былъ расчетъ Делигеорги, то онъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Хотя между вождями коалиціи и не произошло немедленнаго разрыва, а напротивъ, Кумундурсъ, чувствуя свое безсиліе, повидимому, даже тѣснѣе сблизился съ первымъ министромъ, но всякій безъ труда могъ понять, что это сближеніе было лишь наружнымъ. Мнѣ пришлось въ это самое время встрѣчаться въ одномъ греческомъ домѣ съ двумя-тремя депутатами изъ его партіи, которые открыто выражали свое негодованіе по поводу вѣроломства булгаристовъ, и не иначе отзывались о своихъ союзникахъ, какъ съ положительною ненавистью.

Въ общемъ, эта передовая стычка не отозвалась значительными результатами на взаимныхъ отношеніяхъ парламентскихъ партій. Булгарисъ вышелъ изъ нея замѣтно крѣпче, а силы Кумундурса упали въ обратной пропорціи; но, несмотря на явные признаки внутренняго разлада и вражды, соединенное министерство продолжало еще существовать. Делигеорги далъ лишь временный *coup d'épaule* Булгарису и затѣмъ немедленно вернулся на скамью оппозиціи. Пятая же партія осталась въ прежнемъ, изолированномъ положеніи.

На публику исходъ повѣрки выборовъ произвелъ впечатлѣніе неблагоприятное. Злоупотребленія были такъ гласны, такъ возмутительны, что снисходительность къ нимъ палаты могла, по справедливости, показаться странною, если не хуже. Чего можно было ожидать отъ собранія, которое съ такимъ радушіемъ принимало въ свои объятія людей, подлежащихъ уголовному суду, укрывая ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Болѣе всѣхъ негодовалъ король. Въ его глазахъ и министерство, и палата, заклеившіе себя подобными начинаніями, не заслуживали болѣе ни довѣрія, ни особенныхъ съ ними церемоній. Чуть ли не съ этой минуты созрѣлъ въ его умѣ тотъ рѣшительный планъ, съ которымъ мы познакомимся впоследствии.

7-го іюня, палата приступила къ избранію себѣ президента. Партіи, будто, устали послѣ ожесточенной двухнедѣльной борьбы и заключили временное перемиріе. По крайней мѣрѣ въ этотъ день не видно было ни кумундуристовъ, ни делигеоргистовъ; собраніе, казалось, слось въ одну душу и дружно, съ энтузіазмомъ, провозгласило президентомъ Спиро Миліо. Трогательная картина! Но кто же, спросить меня, этотъ счастливецъ, этотъ добродѣтельный гражданинъ, настолько пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, что при имени его умоляютъ враждебныя страсти? Генераль Спиро Миліо, видите ли, не кто иной, какъ тотъ самый Спиро Миліо, который, будучи воен-

нымъ министромъ въ горячую эпоху кандійскаго вопроса, а именно когда Греція готовилась обнажить свой игрунечный мечъ въ защиту страждущихъ братьевъ,—долженъ былъ официально признаться, что суммы, предназначенныя для покупки скорострѣльнаго оружія, употреблены имъ на болѣе мирныя домашнія расходы.

Къ несчастію, въ слѣдующее же засѣданіе стало ясно, что одне лишь поголовное сознание заслугъ этого доблестнаго мужа могло вынудить самые непріязненные лагеря къ единогласію. На очереди былъ выборъ вице-президентовъ. Всѣ кандидаты, выставленные большинствомъ, проходили благополучно; но, какъ только дѣло дошло до Кризиотти, единственнаго кандидата изъ кумундуристовъ, партія Булгариса, повторяя прежній маневръ, пристала къ оппозиціи и забаллотировала его. Это было тѣмъ болѣе нагло, что предварительное назначеніе кандидатовъ состоялось по обоюдному соглашенію. Терпѣніе Кумундураса, наконецъ, лопнуло, и онъ въ тотъ же день объявилъ своему мнимому союзнику, что, въ виду подобнаго образа дѣйствій, о продолженіи коалиціи не можетъ быть и рѣчи. Булгарисъ, повидимому, не ожидалъ такой быстрой развязки. Одумавшись, онъ, вѣроятно, расчелъ, что его министерству трудно будетъ устоять, если къ оппозиціи съ пятой партіей присоединятся еще 50 голосовъ Кумундураса. Ему удалось-таки склонить послѣдняго на примиреніе, и, чтобы загладить свою вину, онъ на другой день самъ предложилъ палатѣ вторичную баллотировку Кризиотти, который на этотъ разъ прошелъ блистательно.

На слѣдующей недѣлѣ, новый президентъ и вице-президенты официально представились королю, который, между тѣмъ, находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ парламентской повѣрки выборовъ. Принимая поданный ему отвѣтныи адресъ палаты, онъ, говорятъ, очень сухо замѣтилъ президенту, что собраніе могло бы добросовѣстнѣ отнестись къ избирательному вопросу. Употребленныя имъ при этомъ выраженія были до такой степени рѣзки, что Спиро Мило не рѣшился взять на себя передачу королевскихъ словъ и, отсылаясь плохую памятью, просилъ Георгія сообщить палатѣ ихъ сущность письменно. Король согласился. Въ препровожденномъ имъ на другой день посланіи, форма была значительно смягчена, но даже въ этомъ видѣ оно возбудило между депутатами громкій ропотъ. Въ преніяхъ, возникшихъ по этому поводу, высказался довольно небрежный взглядъ народнаго представительства на права монархической власти. Булгарису, какъ первому министру, приходилось, по конституціоннымъ принципамъ, отстаивать неприкосновенность королевскаго посланія противъ нападокъ враждебной критики, но онъ съ замѣтной холодностью отнесся къ своей обязанности; да и мудро было

ему осуждать палату за утверждение противузаконныхъ выборовъ, когда въ этомъ дѣлѣ она была лишь его орудіемъ. Дѣло кончилось ничѣмъ; но размолвка между королемъ съ одной стороны, министерствомъ и парламентомъ съ другой, теперь еще рѣзче обозначилась.

Не успѣло собраніе отдохнуть послѣ этого эпизода, какъ неотвязчивый вопросъ объ избирательныхъ злоупотребленіяхъ поднялъ въ немъ новую бурю. Главную роль играла на этотъ разъ пятая партія. Мы видѣли, что попытка ультра-парламентаристовъ путемъ прямыхъ переговоровъ съ Кумундуросомъ добиться распадѣнія ненавистной министерской коалиціи—не увѣнчалась успѣхомъ. Она рѣшилась измѣнить теперь свою тактику и повести атаку на самого Кумундурса и его друзей, рассчитывая, что болгаристы, по прежнимъ примѣрамъ, выдадутъ своихъ союзниковъ головою, и что слабая нить, еще связывающая пока составныя части министерства, наконецъ, не выдержитъ. Ближайшей мишенью былъ выбранъ Метакса, министръ юстиціи изъ кумундуристовъ, о которомъ мнѣ уже случилось упоминать по поводу его циркулярной полемики съ военнымъ министромъ. Въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій, Ломбардо вдругъ потребовалъ отъ него объясненія, почему за его управленіе министерствомъ оказывается совершенно безпримѣрное количество представленій о помилованіи, многія изъ которыхъ не оправдываются никакими законными основаніями, и почему бѣльшая часть этихъ представленій совпадаетъ съ эпохой выборовъ? Взятый въ расплохъ Метакса смѣшался и, не вполнѣ отрицая справедливость взведеннаго противъ него обвиненія, старался отдѣлаться лишь намекомъ, будто самъ Ломбардо, когда былъ министромъ юстиціи, представилъ вдвое болѣе его преступниковъ къ помилованію. Завязалась ожесточенная борьба, длившаяся цѣлую недѣлю и въ которой перевѣсъ, очевидно, остался на сторонѣ Ломбардо. Онъ доказалъ Метаксѣ письменными документами неосновательность и недобросовѣстность его наговоровъ и заставилъ его самого сознаться въ томъ, что при нѣкоторыхъ представленіяхъ онъ упустилъ изъ виду требуемая закономъ формальности. Болгаристы только того и ждали. Самымъ яркимъ изъ ихъ партій уже со времени повѣрки выборовъ казалось, что они теперь въ силахъ обойтись безъ Кумундурса и его друзей. Зачѣмъ же дѣлиться добычей съ ненужными союзниками? Зачѣмъ долѣе оставлять въ ихъ рукахъ портфели, правда незначительные, но для которыхъ найдутся охотники и между болгаристами. *Ubi robur, ibi potestas!* Самъ Болгаристъ, какъ мы видѣли, не искалъ пока рѣшительнаго разрыва, но онъ не могъ болѣе сдерживать завистливо-корыстныхъ побужденій своихъ приверженцевъ. Чтобы они вырвались наружу, достаточно было искры, и эта искра какъ разъ нашлась. Болгаристы, какъ голодные волки,

мѣнились въ бѣднаго Метаксу, предполагая съ нѣкоторымъ вѣроломемъ, что оскорбленные въ его лицѣ министры союзной партіи обидятся и подадутъ въ отставку. Депутатъ Петмеза предложилъ собранію выразить строгое неодобреніе противузаконныхъ поступковъ министра юстиціи, и упомянуть между прочимъ, что неодобреніе это падаетъ на одного лишь Метаксу, а не распространяется на остальныхъ членовъ министерства. Чужа ударъ, Кумундурось горячо вступился за принципъ министерской солидарности, доказывая, что подобное различіе было бы противно всемъ парламентскимъ традиціямъ и что за административныя ошибки каждаго изъ министровъ долженъ отвѣчать предъ палатою не онъ одинъ, а весь кабинетъ цѣликомъ. Вслѣдъ за нимъ всталъ Николопуло, министръ внутреннихъ дѣлъ, зять Булгариса и его правая рука. Всѣ эти обстоятельства должны были придать его словамъ особенный интересъ; всякій не безъ основанія видѣлъ въ нихъ официальное заявленіе болгарской фракціи министерства и самого Булгариса. Кумундуриски рассчитывали встрѣтить въ немъ содѣйствіе; примиреніе было такъ свѣжо, обѣщанія Булгариса такъ положительны, что имъ не вѣрилось въ возможность новой измѣны. Дѣйствительно, въ началѣ своей рѣчи, Николопуло, ради приличій, сказалъ нѣсколько небрежныхъ словъ въ защиту административной дѣятельности Метаксы, но затѣмъ немедленно объявилъ за себя и за своихъ товарищей, что каждый министръ, по ихъ мнѣнію, дѣйствуетъ въ своей сферѣ совершенно самостоятельно и долженъ нести за свои дѣйствія отдѣльную отвѣтственность; поэтому какъ онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, такъ и прочіе члены правительства изъ партіи Булгариса, единогласно отклоняютъ отъ себя всякую солидарность съ министромъ юстиціи и приписываемыми ему противузаконными поступками. Въ заключеніе, Николопуло коварно просилъ палату не клеймить Метаксу своимъ неодобреніемъ, а, закончивъ пренія по этому вопросу, перейти въ очереднымъ занятіямъ. Его предложеніе было тутъ же баллотировано и принято большинствомъ голосовъ.

Это засѣданіе 22-го іюля—особенно знаменательно въ хроникѣ минувшей сессіи. Оно имѣло на судьбы министерства и самой палаты большое вліяніе, и въ немъ слѣдуетъ видѣть, по-французскому выраженію, *le commencement de la fin*. До тѣхъ поръ коалиція, несмотря на направленныя противъ нея усилія и на симптомы внутренняго разлада, еще кое-какъ держалась; на поверхности союзъ оставался неприкосновеннымъ. Рѣчь Николопуло нанесла ему рѣшительный ударъ. Съ этой минуты дѣло быстрыми шагами приближается къ окончательной развязкѣ.

Въ лагерѣ кумундуристовъ господствовало, между тѣмъ, совершенное смятеніе. Всѣхъ ближе затронуть былъ Метакса, который немедленно и подалъ въ отставку. Но, отправившись на слѣдующій день въ Татой (загородное королевское помѣстье, въ которомъ въ то время находился дворъ), чтобы доложить королю о причинахъ принятаго имъ рѣшенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ ему подробную оправдательную записку съ изложеніемъ всего хода дѣла; содержаніе ея въ то же время сообщено было и мѣстнымъ газетамъ. Записка эта проливаетъ довольно неблагоприятный свѣтъ на тактику болгаристовъ, со стороны которыхъ не появилось на приводимые факты никакого печатнаго опроверженія; изъ нея, между прочимъ, оказывается, что тѣ представленія о помилованіи, за которыя Николуло такъ ядовито слагалъ съ себя и своихъ товарищей всякую отвѣтственность, сдѣланы были не съ единоличнаго рѣшенія Метаксы, но по коллективному распоряженію совѣта министровъ, въ которомъ болгаристы, какъ извѣстно, имѣли перевѣсъ, а самъ Николуло игралъ не послѣднюю роль.

Прочіе члены правительства изъ кумундуристовъ готовы были послѣдовать примѣру министра юстиціи и возвратить свои портфели, но предводитель ихъ былъ другого мнѣнія. Удалиться теперь—значило для него признаться побѣжденнымъ. Онъ не могъ не сознавать, что коалиція фактически распалась, но ему хотѣлось лишь на нѣсколько дней продлить ея официальное существованіе. На очереди стоялъ вопросъ о Лауріумѣ, при рѣшеніи котораго Булгарисъ долженъ былъ столкнуться не только съ народнымъ чувствомъ, но даже съ закоренѣлыми предубѣжденіями многихъ депутатовъ изъ его собственной партіи. Тутъ-то предстояло Кумундурсу случай разорвать съ нимъ союзъ въ болѣе выгодныхъ, и даже блестящихъ условіяхъ. Переходя въ оппозицію не изгнанникомъ, а защитникомъ интересовъ страны, онъ могъ сразу возвратить своему имени прежнюю популярность, обратить теперешнее торжество Булгариса въ постыдное пораженіе и, по всѣмъ вѣроятіямъ, обезпечить за собой его наслѣдство. Планъ былъ конечно не дурень. Руководствуясь имъ, Кумундурсъ удержалъ на время свою партію отъ рѣшительнаго взрыва, оставилъ за своими друзьями (кромѣ злополучнаго Метаксы) мѣста занимаемыя ими въ министерствѣ, а въ отношеніи Булгариса ограничился пока краткимъ, но многозначительнымъ заявленіемъ. Замѣтивъ ему, что, въ виду демонстраціи 22-го іюня, коалиція не можетъ долѣе существовать на прежнихъ условіяхъ, онъ предупредилъ перваго министра, что не будетъ впредь считать себя безусловно связаннымъ его парламентской политикой, и предоставляет по нѣкоторымъ вопросамъ себѣ и своей партіи извѣстную свободу дѣйствій. На другоѣ

же день, по поводу гидріотскаго вознагражденія, возникло между союзниками разногласіе, и Кумундурось отказался поддерживать министерскій проектъ. Вотъ дѣло въ двухъ словахъ.

Нѣкоторые семейства съ острововъ Гидры, Спецціи и Псары пожертвовали въ 20-хъ годахъ большую часть своего имущества на поддержаніе народнаго возстанія. Греція стала свободною, но многіе изъ жертвователей, разорившись кругомъ, потребовали вознагражденія. Да и прочіе (кто себѣ врагъ?) находили справедливымъ, чтобы благодарное отечество возмѣстило имъ израсходованныя суммы, пожалуй и съ лихвою. Грекъ, какъ всѣмъ извѣстно, горячій патриотъ, но, съ другой стороны, и человекъ коммерческій. Когда эти островитяне не задумывалъ бросали сотни тысячъ на святое дѣло, они, конечно, не рассчитывали на отдаленный, а въ то время даже очень сомнительный шансъ вернуть свои деньги. Но, какъ только явилась возможность получить, они немедленно принялись представлять аптекарскіе счета съ процентами, комиссіей, косвенными убытками, и проч. Между ними, впрочемъ, встрѣчались и такіе аферисты, которые, не истративъ ровно ничего, призывали всѣхъ угодниковъ въ свидѣтели, что положили послѣднюю копѣйку на алтарь отчизны. Бюджетъ былъ обложенъ правильной осадой. Чтобы отдѣлаться, наконецъ, отъ докучливыхъ благодѣтелей, греческое правительство рѣшилось нарядить комиссію для приблизительной оцѣнки безспорныхъ претензій. Ихъ оказалось на сумму около 20-ти милліоновъ, и съ этой-то суммы положено было выдавать жертвователямъ по 1% въ годъ, т.е. 200,000 драхмъ. Процентъ, дѣйствительно ничтожный, но ничтожны и средства страны! А если принять въ соображеніе, что существуютъ другіе кредиторы (напр. владѣльцы заемныхъ облигацій 1824-го и 1825-го годовъ), которымъ Греція по сіе время не платитъ ни капитала, ни процентовъ,— и вспомнить притомъ, что пожертвованія островитянъ были совершенно добровольны, то участь ихъ покажется сравнительно завидною. Такъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, большинство страны; но не таково мнѣніе гидріотовъ, спецціотовъ, и псаріотовъ, принужденныхъ довольствоваться столь скудной подачкой. Я выше упомянулъ, что Булгарисъ родомъ изъ Гидры, и что политическій авторитетъ его главнымъ образомъ основывается на томъ вліяніи, которымъ онъ пользуется между населеніемъ упомянутыхъ острововъ. Для него, слѣдовательно, вопросъ этотъ имѣетъ интересъ личный, домашній, тѣмъ болѣе, что семейство Булгарисовъ, а равно и многочисленная ихъ родня, принадлежитъ къ числу главныхъ кредиторовъ правительства. Подъ вліяніемъ такихъ-то хозяйственныхъ побужденій, первый министръ изготовилъ проектъ закона о возвышеніи уплачиваемой ежегодно суммы до 4%, т.е. 800,000

драхмъ. Проектъ этотъ представленъ былъ на разсмотрѣнiе палаты, но встрѣтилъ въ ней убійственно-холодный прiемъ. Большинство депутатовъ не стѣснялось громко выражать свое неодобренiе. Въ такую ли минуту думать о рыцарскихъ щедротахъ, когда средствъ страны не достаетъ на самыя существенныя ея нужды, когда со всѣхъ сторонъ возникаютъ новыя, безотлагательныя потребности? Самыя стѣявленные болгаристы (конечно, не изъ островитянъ) сознавались, что патронъ ихъ хватилъ чрезъ край! Кумундурось, какъ мы видѣли, наотрѣзъ объявилъ, что со всею своей партией подаетъ голосъ противъ новаго закона. Видя подобное настроенiе, Българистъ считалъ за лучшее взять назадъ свой проектъ.

Этотъ характеристическiй эпизодъ прошелъ, однако, почти незамѣченнымъ. Общее вниманiе было поглощено другимъ, капитальнымъ вопросомъ, который не сегодня-завтра долженъ былъ поступить на публичное обсужденiе собранiя, — вопросомъ о лауриумскихъ рудникахъ. Въ первомъ моемъ письмѣ, я старался въ главныхъ чертахъ изложить исторiю этого вопроса по самый день открытiя палаты: какъ возникъ онъ, какъ сдѣлался орудiемъ политическихъ интригъ и какъ, наконецъ, изъ чисто фискальной сферы перешелъ на почву международную. Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ ходѣ его до описываемой мною теперь минуты.

Въ этотъ промежутокъ времени, лауриумское дѣло, повидимому, значительно подвинулось въ окончательному разрѣшенiю. Французское и итальянское правительства не настаивали на предложенномъ ими, въ концѣ 1871-го года, третейскомъ судѣ и изъявляли готовность на всевозможныя уступки греческому народному чувству, лишь бы уважены были законныя требованiя компанiи Серпiери-Ру. Съ своей стороны, коалиционныя кабинеты, находившiйся во главѣ управленiя, казалось, поняли, что, упорствуя въ самовольномъ присвоенiи чужого добра, онъ можетъ навлечь на Грецию второе изданiе исторiи Панифино; и тѣмъ легче склонился на мысль о мировой сдѣлкѣ, что самый предметъ спора — *галды* (рудоносныя земли), потеряли для него часть своихъ очарованiй. Дѣйствительно, розысканiя берлинскаго эксперта барона Дювера привели къ заключенiю, что общая цѣнность ихъ кристаллизуется не болѣе какъ миллионъ на 25 франковъ. Что же касается компанiи, то она расположена была принять даже наиболѣе выгодныя для Греции условiя, лишь бы какъ-нибудь покончить. Отсрочка рѣшенiя стѣявалась на ея дѣлахъ большимъ ущербомъ, потому что *скорпи* (остатки прежней эксплуатацiи), составлявшiя главный источникъ ея доходовъ, во многихъ мѣстностяхъ перамѣшаны съ гальдами, и секвестръ, наложенный на послѣднiя, парализовалъ разработку даже и самыя скорыя.

Итакъ, оставалось только найти способъ соглашенія, который бы удовлетворялъ по возможности компанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ не противорѣчилъ бы закону 1871-го года, объявившему гальды народною собственностью. Такихъ способовъ представлялось два: 1) приобрѣтеніе греческимъ правительствомъ у компаніи ея концессионныхъ правъ, со включеніемъ, конечно, и притязаній ея на гальды, но безъ упоминанія ихъ въ условіи; либо 2) ассоціація между греческимъ правительствомъ и компаніей, причѣмъ доходы съ разработки всего минеральнаго богатства, находящагося въ Лауриумѣ, дѣлились бы между ними поровну. Первый проектъ казался наименѣе выгоднымъ для Греціи, такъ какъ для покупки концессіи ей приходилось сдѣлать заемъ, и притомъ, врядъ ли на очень легкихъ условіяхъ. На немъ-то греческое министерство, Богъ знаетъ почему, и предпочло остановиться. По этому поводу даже ходили въ враждебномъ лагерѣ довольно неблагоприятныя догадки. Какъ бы то ни было, обѣ стороны условились на принципѣ, но касательно суммы вышло между ними разнорѣчіе. Компанія просила 20 милліоновъ; министерство же, основываясь на составленной имъ оцѣнкѣ, давало всего 12 милліоновъ драхмъ—около 3 милліоновъ рублей. За эту, сравнительно-ничтожную сумму Греція должна была прибрѣсть не только гальды и скорпи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и многочисленныя постройки, сдѣланныя компаніей, всю ея движимость и даже устроенную ею на мѣстѣ желѣзную дорогу! Куда дѣвались сотни милліоновъ, когда-то приснившіеся экспертамъ первой комиссіи и возбудившіе такой азартъ въ греческомъ обществѣ? Однако компанія не подавалась на такую значительную сбавку. Булгарисъ рѣшился, наконецъ, помириться на 16-ти милліонахъ и составилъ съ концессионерами проектъ условія, который въ теченіе недѣли предполагалъ представить на обсужденіе и окончательную санкцію палаты. Въ поддержкѣ Кумундурса онъ и не думалъ сомнѣваться. Всѣ предшествовавшіе переговоры ведены были съ вѣдома его союзника и, въ большинствѣ случаевъ, даже съ личнымъ его участіемъ. На заявленіе его послѣ рѣчи Николопуло, Булгарисъ смотрѣлъ какъ на временную вспышку, немогущую имѣть серьезнаго вліянія на солидарность ихъ по лауриумскому вопросу. Каково же было его удивленіе, когда Кумундурсъ, выждавшій наконецъ желанную минуту, объявилъ ему, что не хочетъ знать другой цифры какъ ту, которая опредѣлена министерской оцѣнкой, что сумму въ 16-ть милліоновъ находитъ чрезмѣрно преувеличенною, а такъ какъ министерство уже связано съ компаніей положительными обязательствами, то, не видя возможности устранить разногласіе, онъ разрываетъ союзъ, друзья его выходятъ изъ кабинета и, при баллотировкѣ проекта, присоединяются къ оппозиціи.

Булгарисъ совершенно растерялся. Отступить было невозможно, потому что со всѣхъ сторонъ его понуждали и торопили. Концессионеры напоминали ему данныя обѣщанія, французскій и итальянскій министры слали угрожающія ноты, наконецъ, самъ король настаивалъ на скорѣйшемъ рѣшеніи вопроса. Ему оставался послѣдній шансъ: вести дѣло на приступъ, и дружнымъ напоромъ своей партіи, съ прибавкой, можетъ быть, десятковъ двухъ перебѣжчиковъ и бездѣльныхъ голосовъ, пронести законъ хотя-бы самымъ ничтожнымъ большинствомъ. На другой день, а именно 1-го іюля, онъ собралъ къ себѣ всѣхъ депутатовъ, слѣдовавшихъ въ палатѣ за его знаменемъ, намѣреваясь воодушевить ихъ предъ рѣшительнымъ боемъ. Но здѣсь ждало его другое, еще горшее разочарованіе. Миѣ уже случилось мимоходомъ сказать, что многіе изъ булгаристовъ по лауриускому вопросу раздѣляли въ душѣ народныя страсти и предубѣжденія. Въ представленномъ имъ проектѣ условія они увидѣли не что иное, какъ замаскированную покупку гальды, то-есть покушеніе на ихъ палладіумъ—законъ 1871 года, и точь-въ-точь наппентеймскіе кирасиры въ извѣстной сценѣ „Валленштейна“ съ грустью, но на отрѣзъ отказались поддерживать своего стараго вождя въ его анти-патріотическомъ предпріятіи. Такихъ диссидентовъ оказалось около 30-ти.

Дѣло казалось безвозвратно проиграннымъ, но въ сердцѣ Булгариса еще жилъ слабый лучъ надежды. Ему не вѣрилось, чтобы цѣль его арміи, давшій ему столько доказательствъ безграничной преданности и послушанія, могъ серьезно помышлять объ измѣнѣ. Ужъ черезъ-чуръ имъ, бѣднымъ, жарко стало въ Афинахъ,—думалъ онъ,—оттого они и выбились изъ рукъ! Попробую распустить ихъ по домамъ на лѣтнія вакаціи! быть можетъ, къ осени они вернутся уступчивѣе!—И, рѣшившись подвергнуть своихъ заблудшихъ овецъ такому физиологическому опыту, онъ поѣхалъ къ королю, который, между тѣмъ, при первой вѣсти о министерской неурядицѣ прискакалъ въ городъ. Король очень холодно выслушалъ его докладъ о случившемся разногласіи и даже не улыбнулся, говорятъ, на остроумное предложеніе: лечить оппозицію деревенскимъ воздухомъ. — Вы просите трехмѣсячной отсрочки, чтобы убѣдить вашихъ друзей, — отвѣтилъ онъ на доводы перваго министра, — а я даю вамъ не болѣе трехъ дней! Распорядитесь какъ знаете, но проектъ долженъ быть въ этотъ срокъ представленъ палатѣ!—„Но, ваше величество, невозможно...“— Я этого требую! — „Мы принуждены будемъ подать въ отставку!“— Что же, подавайте; только поскорѣе!—Таковъ, по городскимъ толкамъ, былъ общій смыслъ, если не буквальное содержаніе этого любопытнаго разговора. Очевидно, король пріѣхалъ съ предвзятымъ намѣреніемъ

не спасти министерство, а сломать ему шею. Покончивъ съ Булгарисомъ, онъ немедленно послалъ за Делигеорги и поручилъ ему составить новый кабинетъ. На другой день, въ воскресенье 2-го іюля списокъ лицъ, вошедшихъ въ составъ его, уже ходилъ по рукамъ. Первымъ министромъ и внутреннихъ дѣлъ, конечно, самъ Делигеорги, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющій временно завѣдывать министерствомъ юстиціи, министромъ иностранныхъ дѣлъ—Ипсиланти, финансовъ—Христидесъ, исповѣданій и народнаго просвѣщенія—Замбелла, военнымъ министромъ—Гривасъ, морскимъ—Дроссосъ.

Эта неожиданная развязка упала какъ громовой ударъ посреди страстей, надеждъ и ожиданій, возбужденныхъ послѣдними событіями парламентской сессіи. Не менѣе глубокое впечатлѣніе произвела она и на общество. Въ продолженіи трехъ дней, городъ былъ въ тревожномъ состояніи, на улицахъ собирались оживленныя группы, слышались толки, шумуванья. Никто не понималъ, чтò произошло, и почему? Многие съ безпокойнымъ любопытствомъ уже готовились быть свидѣтелями какой-нибудь рѣшительной, насильственной катастрофы. Все вниманіе устремлено было на народное собраніе. Чтò скажетъ оно? Какъ отнесется къ случившемуся?... 6-го іюля палата, наконецъ, собралась, при многочисленномъ стеченіи публики. Въ залѣ было тише обыкновеннаго. Депутаты безмолвно заняли свои мѣста. Враждебные лагеря обмѣнивались недовѣрчивыми взглядами. Всѣ какъ-будто чего-то ждали, изрѣдка перешептываясь. Полчаса, по крайней мѣрѣ, прошло въ этомъ неестественномъ, тяжеломъ молчаніи, и никто еще не рѣшался произнести рѣшительное слово, пока первый не всталъ неукротимый Ломбардо. Не обращая прямо ни къ кому, онъ въ немногихъ словахъ, но съ злобною точностью поставилъ тотъ вопросъ, который былъ у всѣхъ на языкѣ.—Не найдеть ли кто-либо нужнымъ почтить насъ хотя какими-нибудь объясненіемъ? Мы узнаемъ изъ газетъ и городскихъ сплетенъ, что, помимо собранія и безъ всякаго его въ томъ участія, упало прежнее министерство, а на мѣсто его такимъ же образомъ возникло новое! Что же наконецъ происходитъ? Надѣюсь, что со стороны народнаго представительства вопросъ не покажется нескромнымъ!—Булгарисъ взошелъ на трибуну и, отвѣчая на вызовъ зантскаго депутата, произнесъ длинную рѣчь, въ которой съ видимой горечью и въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ складывалъ всю вину на короля: министерство,—говорилъ онъ,—пользовалось до сихъ поръ довѣріемъ палаты, которая постоянно поддерживала его большинствомъ голосовъ. Если въ послѣдніе дни и возникло, можетъ быть, разногласіе, то оно носило совершенно неофициальный характеръ, и не выразившись еще ни въ одномъ публичномъ засѣданіи, могло быть легко устранено. Слѣдовательно, не

палата смѣнила министерство, а одинъ король. Король своимъ необъяснимымъ упорствомъ сдѣлалъ дальнѣйшее существованіе министерства невозможнымъ. Король, въ противность всѣмъ конституционнымъ принципамъ, лично вмѣшался въ разрѣшеніе парламентскаго вопроса. Король же, наконецъ, затруднилъ на долго по лауриумскому дѣлу всякое соглашеніе, тогда какъ онъ, Булгарисъ, просилъ на то лишь три мѣсяца сроку. — За нимъ поднялся Делигеорги и объявилъ палатѣ, что участь ея и министерства была рѣшена въ умѣ короля еще со времени повѣренъ выборовъ, а Булгарисъ напрасно клеветъ на лауриумскій вопросъ, потому что ему, Делигеорги, король далъ по этому вопросу, равно какъ и въ прочихъ дѣлахъ, полную свободу дѣйствій. Завязалось страстное и шумное преніе. Съ обѣихъ сторонъ перекидывались обвиненіями. Кумудурсъ, взбѣшенный, что плоды его трудовъ пожинаеть другой, старался теперь увѣрить палату, что между нимъ и его почтеннымъ другомъ, Булгарисомъ, никогда не было, да и не могло быть существеннаго разногласія, а развѣ *une brouille d'amoureux*, которою король не имѣлъ никакого права воспользоваться. Бывшій министр финансовъ тоже сказалъ какую-то рѣчь, но его ужъ никто не слушалъ. Засѣданіе закрылось посреди всеобщей еутерьи. На другой день собраніе какъ будто успѣло одуматься и держало себя не только спокойнѣе, но даже съ ангельскою кровостыю. Предчувствуя свою неминуемую участь, оно можетъ быть надѣялось подобнымъ поведеніемъ умиловитить торжествующаго врага и отвлечь отъ своей головы Дамокловъ мечъ распущенія. Прочтенъ былъ проектъ бюджета на 1873-й годъ, и та же самая палата, которая потратила два мѣсяца на личныя препирательства, въ какіе-нибудь полчаса безпрекословно и почти единогласно утвердила его цѣликомъ! Вотъ какъ ведутся дѣла въ Греціи! Еще любопытная подробность. Бюджетъ этотъ не былъ произведеніемъ Делигеорги, а перешелъ къ нему въ наслѣдство отъ прежняго министерства, которое въ свою очередь унаслѣдовало его отъ Займиса. Три министерства смѣнились, и болѣе года прошло между составленіемъ бюджета и его утвержденіемъ.

Но напрасно палата мечтала примѣрнымъ благоправіемъ заслужить себѣ пощаду. Ничто не могло спасти ее, и распущеніе уже было рѣшено въ принципѣ, а въ ожиданіи декрета (не выпеднаго, между прочимъ, и до сихъ поръ), депутатамъ разрѣшено было немедленно воспользоваться лѣтними вакаціями, тѣми вакаціями, увы! на которыя Булгарисъ еще такъ недавно возлагалъ всѣ свои надежды.

Таковъ былъ плачевный конецъ эфемерной, но бурной сессіи 1872 года. Пробѣжавъ предниствующій очеркъ ея, читатель можетъ

быть согласится, что мои заключенія объ органической болѣзни, за-
дающей государственную жизнь Греціи, не лишены нѣкотораго
основанія.

Роль короля въ послѣднемъ переворотѣ, виды, побудившіе его
на такой рѣшительный шагъ, долго были предлогомъ самыхъ раз-
нообразныхъ комментаріевъ. Я выше имѣлъ случай высказать ту до-
гадку, которая кажется мнѣ всѣхъ правдоподобнѣе: а именно, что,
чувствуя невыгоды своего одинокаго положенія, онъ хочетъ теперь
опереться на одну изъ партій и, давъ ей исключительное преобла-
даніе въ странѣ, тѣмъ склонить ее на уступки въ пользу королевской
прерогативы. Для осуществленія своихъ цѣлей, онъ избралъ Дели-
георги и такъ спѣшилъ передать власть въ его руки, что, въ торо-
пяхъ, даже вышелъ за строгую границу своихъ конституціонныхъ
правъ; изъ этого факта можно заключить, что онъ возлагаетъ на
бывшаго вождя оппозиціи большія надежды. Существуетъ ли между
ними что-нибудь въ родѣ положительнаго условія — рѣшить невоз-
можно; но не даромъ же досталась Делигеорги та безграничная сво-
бода дѣйствій, которою онъ хвалился на трибунѣ! Другое указаніе
на подобный, негласный договоръ можно, пожалуй, найти въ самомъ
первоначальномъ составѣ новаго кабинета. Извѣстный всѣмъ какъ
арый демократъ, Делигеорги къ общему удивленію предложилъ порт-
фель иностранныхъ дѣлъ — князю Ипсиланти, представителю одной
изъ главныхъ фанариотскихъ фамилій и греческому посланнику въ
Вѣнѣ, а министерство народнаго просвѣщенія — іоническому графу,
Замбеллѣ. Оба потомъ отказались и были замѣщены другими, но
фактъ тѣмъ не менѣе знаменательный, если видѣть въ немъ попыт-
ку къ сближенію съ главными составными элементами династической
партіи.

Вполнѣ ли удаченъ выборъ молодого короля, покажетъ время. Но
не трудно покамѣстъ понять, почему онъ предпочелъ остановиться
на Делигеорги, который изъ вождей трехъ главныхъ партій возра-
стомъ, незапятнаннымъ именемъ и, наконецъ, европейскимъ складомъ
своимъ стоитъ къ нему всѣхъ ближе и, конечно, долженъ казаться
ему симпатичнѣе грубоватыхъ и плутоватыхъ парламентскихъ вете-
рановъ. Несмотря на сравнительно слабую пока численность своего
политическаго кружка, въ тѣсномъ смыслѣ, Делигеорги пользуется въ
странѣ громадною популярностью. Онъ непогнѣрно тщеславенъ и
честолюбивъ, а эти слабости можно легко эксплуатировать, если толь-
ко ему дѣйствительно предназначена Полиньяковская роль. Смѣлости
у него даже болѣе чѣмъ нужно. Къ тому же, своего политическаго
міросозерцанія ему до сихъ поръ не случалось формулировать съ осо-
бенной опредѣленностью; онъ не связанъ въ прошедшемъ какою-либо

рѣзкой *profession de foi* и можетъ безъ явнаго ренегатства работать въ пользу монархической власти.

Но, съ другой стороны, Делигеорги представляеть и важный недостатокъ, могущій повредить если не успѣху предпріятія, то по крайней мѣрѣ его прочности. Чтобы народъ могъ помириться съ властью, послѣгнувшей на его свободу, необходимо, чтобы онъ нашель въ ней, взаимнѣ, разумную и крѣпкую администрацію, и, вмѣсто утраченныхъ политическихъ правъ — новыя и лучшія гарантіи для своихъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Вотъ почему роль узурпатора не легка и тамъ, гдѣ административная машина заведена уже изстари и дѣйствуетъ механически, по навыку. Еще труднѣе ему въ странѣ, гдѣ приходится все создавать за-ново. Между тѣмъ, изъ личностей, игравшихъ самую блестящую обличительную роль въ рядахъ оппозиціи, не многія выходятъ хорошими администраторами, а Делигеорги, который управляетъ Греціей не въ первый разъ, уже успѣлъ доказать, что не принадлежитъ къ числу подобныхъ исключеній. Безусловно рассчитывать на его популярность также нельзя. Популярность—вещь ненадежная и измѣнчивая. Историческій опытъ показалъ, что рѣдкому политическому перебѣжчику удастся сохранить въ своей партіи прежній авторитетъ и увлечь ее за собой. Похищая у непріятеля его лучшее оружіе, власть все-таки мало выигрываетъ, потому что въ ея рукахъ оно большею частью ломается или становится негоднымъ; стобитъ лишь вспомнить свѣжій примѣръ Эмиля Оливье. Но если даже предположить, что партія Делигеорги послѣдуетъ за своимъ вождемъ *per fas et nefas*,—она такъ еще слаба въ сравненіи съ соединенными противъ нея двумя старыми партіями, къ которымъ, по принципу, вѣроятно примкнуть и ультрапарламентаристы, что врядъ ли можетъ рассчитывать на легкую побѣду. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду, что пока новое правительство связано международными complicationами по лауріумскому вопросу, оно не можетъ съ полной свободой относиться къ внутренней политикѣ.

Тактика Делигеорги отличалась до послѣдняго времени чрезвычайной сдержанностью. Онъ замѣтно избѣгалъ всякихъ объясненій насчетъ своей программы или плана дѣйствій. Административная же дѣятельность июльскаго кабинета, со времени вступленія его въ управленіе — довольно безцвѣтна. Потративъ болѣе двухъ недѣль на пополненіе своего личнаго состава (вслѣдствіе упомянутого мною отказа Ипсианты и Замбелли), онъ вслѣдъ затѣмъ немедленно принялся за безчисленныя смѣщенія, перемѣщенія и назначенія по гражданскому и, въ особенности, по военному вѣдомству. Около того же времени, роаясь въ бумажномъ хламѣ, оставшемся отъ послѣдняго

министерства, чтобы отыскать противъ него обвинительные пункты, онъ напалъ на слѣдъ оригинальной избирательной продѣлки Булгариса. Оказалось, что стипендіи, предназначенныя на содержаніе бѣдныхъ учениковъ въ различныхъ школахъ, раздаваемы были предъ выборами лицамъ, неимѣющимъ на то никакого права, напр. на имя восьмидесятилѣтнихъ стариковъ, или грудныхъ младенцевъ! Исторія, дѣйствительно, грязная, но новый кабинетъ увлекся ею ужъ чересчуръ исключительно. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, въ министерскихъ органахъ не попадалось ни строки, которая бы не была посвящена новымъ открытіямъ, или просто ядовитымъ разсужденіямъ по дѣлу о злополучныхъ стипендіантахъ. Такое однообразіе подъ конецъ утомило вниманіе публики, такъ что министерствомъ, возбудившимъ въ первые дни такую тревогу, совсѣмъ перестали заниматься и, казалось, забыли о его существованіи. Лишь въ началѣ септября Делигеорги какъ будто ожилъ и разразился тѣмъ мемуаромъ по лауриумскому дѣлу, о которомъ пошло столько толковъ въ европейскихъ газетахъ. Нельзя назвать особенно удачною эту первую попытку июльскаго кабинета выйти на болѣе дѣятельную почву. Отъ переговоровъ, такъ долго танувшихся между первымъ министромъ и заинтересованными сторонами, всѣ ждали рѣшительнаго, практическаго результата, а не подогрѣтыхъ софизмовъ насчетъ неретроактивности закона 1871 года. Въ лауриумскомъ вопросѣ Делигеорги, какъ видно, ничего не забылъ и ничему не научился. Мемуаръ свой онъ заключаетъ тѣмъ, что, отвергая законность международнаго вмѣшательства, приглашаетъ компанію обратиться къ мѣстнымъ судамъ, представляющимъ, по его мнѣнію, всевозможныя гарантіи независимости. Мысль не новая. Не далѣе какъ въ прошломъ году, греческое правительство проповѣдывало на ту же тему; ему, однако, не удалось никого убѣдить въ безпристрастіи греческихъ судовъ, которые, правда, не зависятъ отъ исполнительной власти, но за то служатъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ политическихъ партій. Въ Парижѣ и въ Римѣ мемуаръ Делигеорги произвелъ, говорятъ, самое неблагоприятное впечатлѣніе. Какими послѣдствіями разразится оно надъ Греціей—трудно предугадать. Повоаривали о французской эскадрѣ, но извѣстіе официально не подтверждается. Достоверно въ такомъ случаѣ только то, что министерство, накликавшее на страну вооруженное вмѣшательство, не доживетъ до осуществленія возлагаемыхъ на него, быть можетъ, тайныхъ надеждъ.

В. М — вѣ.



КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24 (12) ноября, 1872.

ОППОЗИЦІЯ ПАЛАТЫ ГОСПОДЪ И ЕЯ РЕФОРМА.

Ровно десять мѣсяцевъ тому назадъ я сообщилъ вамъ о реформѣ окружнаго управленія, внесенной въ ландтагъ ^{12/1} декабря прошлаго года ¹⁾. Врядъ ли въ то время кто-либо могъ думать, что реформа эта такъ затянется, и навѣрно никому не приходило въ голову, что она послужитъ предлогомъ къ коренному преобразованію всей государственной жизни, какъ это случилось на дѣлѣ. Законодательная дѣятельность парламента есть нѣчто весьма прекрасное, благородное, почетное, но и многотрудное; тѣмъ не менѣе нѣтъ надобности быть врагомъ парламентаризма, чтобы усмотрѣть нѣкоторую несообразность въ затратѣ силъ на этотъ родъ дѣятельности въ Пруссіи. Если бы возможно было точно сосчитать, напримѣръ, все время, потраченное на окружное положеніе, то сумма получилась бы громадная. Законъ прежде всего вырабатывается въ министерствѣ подлежащими совѣтниками, куда приглашаются для совѣщаній спеціалисты. Толстый отчетъ появляется по окончаніи трудовъ министерства. Каждая изъ палатъ ландтага передаетъ законъ въ комиссію, которая снова пишуть толстые отчеты и, наконецъ, законъ поступаетъ на обсужденіе собранія въ его полномъ составѣ. Несмотря на то, что комиссія, состоявшая изъ 21-го члена, превосходно разработала предметъ, и что депутаты были хорошо знакомы съ нимъ изъ предшествовавшихъ преній, несмотря на все это, палатѣ депутатовъ потребовалась 5 полныхъ сессій, отъ 16—23-го марта, а палата господъ совѣщалась цѣлыхъ 9 сессій; на этой недѣлѣ палата депутатовъ снова примется за тотъ же предметъ. Столь необычайно тугой ходъ дѣла былъ бы простителенъ, еслибы черезъ это вырабатывался образцовый законъ или вообще образцовое законоположеніе, но дѣйствительность показываетъ иное, и самые рьяные защитники закона сознаются, что имъ не вполнѣ ясны послѣдствія практическаго примѣненія его, и предвидать, по крайней мѣрѣ въ началѣ, мало утѣшительнаго. Имперское законоположеніе, которое вообще считается болѣе совершеннымъ, нежели прусское, имѣетъ также свои

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1872, стр. 815 и слѣд.

слабыя стороны. Такъ, недавно было указано на одинъ возмутительный случай. Въ германскомъ уложеніи о наказаніяхъ, отъ 15-го мая 1871, которое по своей мягкости и точности опредѣлений разсматривается всѣми, какъ трудъ достойный удивленія и большой прогрессъ въ дѣлѣ законодательства, въ 19-мъ отдѣлѣ, § 247, находится слѣдующее опредѣленіе: кто укралъ или утаилъ что-либо у своихъ родственниковъ, опекуновъ, воспитателей или такихъ лицъ, у которыхъ состоитъ на жалованьи и содержаніи, преслѣдуется только по требованію, то-есть, по требованію пострадавшаго. Недавно, въ провинціи Саксоніи, случилось, что у одного офицера, послѣ его смерти, не оказалось цѣнныхъ бумагъ, номера и литеры которыхъ были у него записаны. Слуга его былъ задержанъ при продажѣ этихъ бумагъ, но освобожденъ судомъ на томъ основаніи, что воровство могло быть совершено имъ и не *послѣ смерти*, а при жизни умершаго, а въ послѣднемъ случаѣ преслѣдованіе воровства имѣло бы мѣсто только по *требованію* пострадавшаго. Юристы единогласно признаютъ, что судъ поступилъ совершенно правильно и согласно буквѣ и смыслу закона, а между тѣмъ несомнѣнный мошенникъ живетъ совершенно открыто на украденныя деньги. Я упомянулъ объ этомъ между прочимъ. Человѣческое произведеніе не бываетъ совершенно,—не трудно, наконецъ, и измѣнить одинъ неудачный параграфъ въ громадномъ сводѣ законовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи сущности окружнаго положенія, я буду придерживаться рѣчи творца и лучшаго знатока его, депутата Фриден-таля,—рѣчи, которую онъ держалъ къ своимъ избирателямъ этой весной, и которая представляетъ ясную и краткую картину этого положенія. Слѣдуетъ оговориться, что я буду излагать законъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ палатой депутатовъ 23-го марта; въ своемъ же прежнемъ письмѣ, въ прошломъ январѣ, я представилъ его, какинъ онъ былъ *предлагаетъ* правительствомъ. Пункты, измѣненныя въ новѣйшее время, а также тѣ, на которыхъ сосредоточилась оппозиція реакціонерной партіи, будутъ указаны позже, потому что они будутъ вполне понятны только послѣ ознакомленія съ закономъ.

Законъ объ окружныхъ управленіи, предназначенный только для шести восточныхъ провинцій монархіи (въ Познани онъ пока еще не будетъ введенъ) состоитъ изъ 7-ми главъ, а каждая глава изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: *первый отдѣлъ* заключаетъ въ себѣ постановленія относительно измѣненій границъ округа, которыя производились до сихъ поръ на основаніи административныхъ распоряженій, впредь же будутъ подчинены закону: измѣненія границъ округа тѣсно связаны съ правами отдѣльныхъ личностей, а гдѣ измѣняются права,

тамъ необходимъ законъ. Изъ округовъ выдѣляются города, насчитывающіе болѣе 25,000 жителей. Относительно выдѣленія извѣстнаго числа большихъ городовъ изъ окружныхъ управленій всѣ согласны: разногласіе произошло только относительно величины выдѣляемыхъ городовъ. Палата депутатовъ получила петиціи, въ которыхъ требовалось право выдѣленія для городовъ въ 10.000 жителей, а въ палатѣ послодъ, при послѣднемъ обсужденіи закона, норма эта установлена въ 15.000. Города, равняющіеся по величинѣ округу, совершенно справедливо должны получить самостоятельность, слѣдуетъ же понижать цѣнъ самостоятельности не слѣдуетъ, потому что правильное развитіе округовъ обусловливается именно взаимодействіемъ городского и сельскаго элементовъ. Округамъ, состоящимъ только изъ сельскаго населенія, будетъ не доставать стремленія къ прогрессу, подвижнаго элемента, и наоборотъ города, предоставленные только самимъ себѣ, зайдутъ слѣдуетъ далеко, что представляетъ опасность; все населеніе государства распалось бы при этомъ на двѣ группы, двигающіяся не равнымъ шагомъ впередъ и такимъ образомъ неизбежно утрачивающія изъ виду общую цѣль.

Второй отдѣлъ *опредѣляетъ права и обязанности лицъ, принадлежащихъ къ округу*. Всякій принадлежащій къ округу обязанъ безплатно служить, подъ страхомъ лишенія другихъ правъ въ округѣ и даже уплаты возвышеннаго налога. Какъ извѣстно, совершенно подобное постановленіе, весьма неудобное для плохихъ гражданъ, существуетъ и для городского управленія. Вотъ что говоритъ вышеупомянутый депутатъ къ своимъ избирателямъ по этому поводу:

„Считать *самоуправленіе* за свободу, съ правомъ ничего не дѣлать и предаваться празднои жизни—большое заблужденіе. Самоуправленіе и свобода требуютъ напротивъ *напряженія силъ*: если государство предоставляетъ своимъ гражданамъ широкое полномочіе, то въ то же время вмѣняетъ имъ въ обязанность пользоваться имъ добросовѣстно. Прусскій народъ называютъ вооруженнымъ народомъ. Право носить оружіе обусловливается всеобщей воинскою *повинностью*, которая *принуждаетъ* исполнять свою обязанность тѣхъ, кто не высоко ставитъ свою *честь*. То же самое примѣнимо и къ гражданскимъ дѣламъ. Прѣжняя прусская армія, состоявшая изъ набранныхъ солдатъ, уступила мѣсто народному войску,—армія, состоящая *исключительно* изъ чиновниковъ по призванію, должна уступить мѣсто *народу въ государственной службѣ*“.

Въ томъ же отдѣлѣ трактуется объ организаціи окружныхъ сборовъ. До настоящаго времени, округа сами назначали размѣры и систему сборовъ. Такой порядокъ, разумѣется, не можетъ считаться правильнымъ, и обусловливался непониманіемъ различія между само-

управленіемъ и автономіей. Самоуправленіе примѣняетъ законы, автономія—создаетъ ихъ, и послѣднее бесспорно должно принадлежать государству. Въ силу новаго окружнаго положенія, окружные сборы будутъ распределяться, до изданія общаго закона о коммунальныхъ сборахъ, въ видѣ надбавокъ на прямыя налоги. Размѣръ надбавокъ предоставляется опредѣлять самимъ округамъ, однако съ извѣстными ограниченіями, такъ, напримѣръ, налоги на промышленныя заведенія не могутъ быть увеличены болѣею процентной надбавкой, чѣмъ налоги на землю, зданія и т. д. Подробности этого дѣла не могутъ быть интересны для русскаго читателя, интересенъ принципъ. Правительство съ самаго начала держалось этого принципа, и въ объяснительной запискѣ къ проекту, предложенному 13/1-го декабря, значилось:

„Коммунальные сборы должны быть включены въ систему государственныхъ податей такъ, чтобы они въ основныхъ чертахъ не удалились отъ послѣднихъ; такое законоположеніе, удовлетворяющее требованіямъ государственнаго единства, становится тѣмъ необходимѣе, чѣмъ болѣе просторомъ пользуется самоуправленіе въ смыслѣ исполнительныхъ власти. Всякій членъ государства долженъ быть гарантированъ отъ самостоятельной дѣятельности окружныхъ парламентовъ, дѣятельности на основаніи принциповъ собственной финансовой политики, на ряду съ существующими финансовыми законами страны“.

Основные положенія правительства были настолько научны и разумны, что не вызвали ни одного возраженія, достойнаго замѣчанія, и только разъ была сдѣлана попытка „правой“ палаты господъ открыть борьбу противъ нихъ. Весьма важны постановленія о привлеченіи къ участію въ окружныхъ сборахъ юристовъ, акціонерныя общества, горнозаводскія общества и т. д., участіе которыхъ въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ было весьма неопредѣленное. Казенныя имѣнія также могутъ быть привлечены къ участію въ окружныхъ сборахъ, но такъ какъ здѣсь представляются большія затрудненія для оцѣнки чистаго дохода (изъ дохода съ лѣса, напримѣръ, пришлось бы вычитать не только расходы по его управленію, но и нѣкоторую часть стоимости всего государственнаго управленія), то они должны быть освобождены отъ надбавки на подоходный налогъ въ пользу общины, въ замѣнъ чего платить на 50% болѣею надбавку, противъ другихъ владѣльцевъ, за землю и зданія.

Вторая глава содержитъ постановленія относительно *общинныхъ управленій*: они избираются самими общинами изъ числа своихъ членовъ, а не назначаются мѣстнымъ начальствомъ, какъ было прежде. Выборы утверждаются ландратомъ, но отказъ ландрата требуетъ

одобрения окружного комитета, избираемого изъ числа всѣхъ принадлежащихъ къ округу лицъ, и состоящаго изъ 6-ти членовъ. Кругъ дѣятельности общинныхъ управленій расширяется. Онѣ составляютъ первую полицейскую инстанцію, приказанія которой въ извѣстныхъ предѣлахъ должны исполняться подъ страхомъ наказанія. Дѣятельность ихъ подлежитъ правильному контролю ряда инстанцій: первую инстанцію составляетъ окружной комитетъ, вторую *провинциальный административный судъ (Verwaltungsgericht der Provinz)*, состоящій изъ трехъ лицъ: жителя провинціи, избраннаго провинциальнымъ сеймомъ, судьи и члена администраціи. Учрежденіе высшаго административнаго суда (*Verwaltungsgerichtshof*) для всей монархіи отложено на будущее время.

Когда принципъ выбора мѣстныхъ управленій былъ установленъ, оставалось упразднить институтъ *наслѣдственныхъ старостъ (Erb-schultzen)*. Этотъ пунктъ вызвалъ въ послѣдствіи особенно горячія пренія въ палатѣ господъ, о которыхъ, если позволите, упомяну здѣсь же. Наслѣдственные старосты, какъ извѣстно, суть личности, которыми въ прежнія времена, когда экономическая жизнь была мало развита, предоставлялось въ пользованіе имѣніе съ обязательствомъ исполнять за то полицейскую и, насколько нужно, судебскую обязанность въ деревнѣ. Закономъ, изданнымъ еще въ началѣ столѣтія, разрѣшено отчужденіе имѣній наслѣдственныхъ старостъ, и съ тѣхъ поръ, такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о наслѣдственности. Кто покупаетъ имѣніе наслѣдственнаго старосты, тотъ и есть наслѣдственный староста, пока не продастъ его. Чтѣ общаго въ этомъ обстоятельствѣ съ консервативнымъ принципомъ, трудно понять, тѣмъ не менѣе консерваторы прицѣплялись къ именамъ и боролись съ отчаяніемъ. Въ шести восточныхъ провинціяхъ 26,294 сельскія общины, изъ которыхъ 4745, т.-е. пятая часть имѣетъ своихъ наслѣдственныхъ старостъ, распределенныхъ весьма не равномерно. Въ уѣздѣ Гумбиненъ, напримѣръ, на 3225 общинъ приходится всего 2 имѣнія наслѣдственныхъ старостъ, въ Бреславлѣ же, Потсдамѣ и другихъ почти третья часть общинъ имѣетъ наслѣдственныхъ старостъ. Представители правительства и защитники закона опираются прежде всего на принципъ, основанный на государственномъ правѣ, а именно, что продленіе существующей связи между начальническими правами и обладаніемъ извѣстными имѣніями, не разбирая достоинствъ личности, не можетъ быть допущено, потому что должностной авторитетъ въ монархическомъ и конституціонномъ государствѣ не долженъ обуславливаться какими бы то ни было собственными правами, а долженъ исходить отъ государства. *Полмичья полиція*, подобно наслѣдственнымъ старостамъ, новымъ закономъ отменяется. Противъ

того не наша: ничего сказать даже палата господъ, хотя она и гаварялась, косвеннымъ путемъ, удержатъ для помѣщиковъ право нѣтъ полицію. Законъ опредѣляетъ слѣдующее: для отправленія починки и исполненія другихъ общественныхъ дѣлъ, каждый округъ дѣлится, за исключеніемъ городовъ, на *станицы* или *волости* (*Amtsbezirk*). Если община или помѣстье можетъ изъ собственныхъ средствъ организовать полицейское управленіе, то такая община или такое помѣстье объявляется отдѣльнымъ станомъ. Всѣ остальные общины и помѣстья соединяются по два или болѣе въ одинъ станъ. Во главѣ стана начальникъ его отправляетъ полицейскую обязанность—почетное званіе безъ жалованья, которая кромѣ того пользуется многими важными правами. Начальникъ стана назначается оберъ-президентомъ провинціи изъ числа тѣхъ личностей, на которыя укажетъ ему окружной сеймъ, какъ на пригодныхъ. На практикѣ выйдетъ, что въ помѣстьяхъ, составляющихъ самостоятельныя волости, начальникомъ стана будетъ самъ помѣщикъ, а гдѣ помѣстье соединено съ общинами, опять-таки помѣщикъ, по всей вѣроятности, будетъ наиболее пригоднымъ лицомъ для занятія почетной должности. Палата депутатовъ для осуществленія идеи закона требовала ограниченія числа волостей или станомъ для того, чтобы волости не были слишкомъ малы; палата же господъ хочетъ, чтобы каждое помѣстье, какъ бы оно ни было мало, могло быть объявлено станомъ, а число станомъ, состоящихъ изъ общинъ, не было ограничено. На этомъ пунктѣ правительство равнялось съ палатой депутатовъ: оно не желаетъ ограниченія числа станомъ опредѣленнымъ *minimum* или *maximum*. Палата депутатовъ уступила.

Ландратъ, который до сихъ поръ выбирался изъ помѣщиковъ округа и утверждался кородемъ, по новому закону будетъ *назначаться* кородемъ, при чемъ окружному сейму предоставляется право, при замѣненіи мѣста ландрата, предлагать кандидатовъ изъ числа землевладѣльцевъ и начальниковъ стана въ округѣ. Этотъ пунктъ послужитъ также камнемъ преткновенія для палаты господъ; она требовала, чтобы кандидатами на мѣсто ландрата могли быть только *крупные* землевладѣльцы.

Слѣдующій отдѣлъ трактуетъ о *Zwangsverfahren*. До сихъ поръ это былъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ. Либеральная партія утверждала до сихъ поръ, что обыкновенный судъ долженъ рѣшать всѣ административныя дѣла. Напротивъ того, консервативная партія не хотѣла слышать про судебный контроль надъ административными дѣлами. Ясно, что въ первомъ случаѣ споры были бы безконечны, администрація чрезвычайно туга и неповоротлива; во второмъ же, который до сихъ поръ и составлялъ правило, отводилось широкое

поприще произволу. Первый, кто сдѣлалъ мягче и уступчивѣе обѣ партіи, поглощенные своими односторонними теоріями, былъ Гвейстеръ, а именно своими глубокомысленными изслѣдованіями о сущности самоуправленія. Тогда принялись искать спасенія въ земной срединѣ и нашли ее, или будемъ надѣяться что нашли, въ *административныхъ судахъ*, въ которыхъ засѣдаютъ частныя лица, юристы и члены администраціи, такъ что въ нихъ равно представлены какъ требованія юриспруденціи, такъ и интересы практической жизни.

Третья глава опредѣляетъ составъ окружнаго сейма, который мало измѣненъ противъ той схемы, которую я сообщилъ въ январьскомъ письмѣ. Для выбора депутатовъ въ окружной сеймъ образуется три избирательныхъ кружка: кружокъ крупныхъ землевладѣльцевъ, кружокъ сельскихъ общинъ и городовъ. Между первымъ и вторымъ кружками вся разница въ суммѣ поземельнаго налога, которую они платятъ, между тѣмъ какъ въ прежнемъ предложеніи крупныя землевладѣльцы, имѣющіе болѣе 6000 талеровъ чистаго дохода, отдѣлялись въ особый избирательный кружокъ. Теперь же, кружокъ крупныхъ землевладѣльцевъ состоитъ изъ такихъ, которые платятъ въ общей сложности не менѣе 75 талеровъ налога съ имущества, находящагося въ районѣ округа. Число городскихъ депутатовъ опредѣляется отношеніемъ количества городского населенія къ сельскому, и ни въ какомъ случаѣ не должно превышать половины общаго числа представителей сельскихъ избирательныхъ кружковъ.

Представители крупныхъ землевладѣльцевъ перваго избирательнаго кружка выбираются непосредственно самими землевладѣльцами. Представители же сельскихъ общинъ и мелкихъ имѣній — *избирателями*, которые въ свою очередь выбираются общинами. Этотъ пунктъ возбудилъ жаркія пренія. Правительство предложило, чтобы избирателями были старосты, а либеральная партія настаивала на избирательномъ правѣ общинъ, на чемъ правительство и принуждено было сдѣлать уступку.

Для того, чтобы получить наглядное понятіе о результатахъ преобразования окружнаго сейма, лучше всего взять для примѣра какой-нибудь округъ. Окружной сеймъ округа Нейсе въ Силезіи состоитъ теперь изъ 6-ти городскихъ депутатовъ (2 отъ Нейсе, 2 отъ Пачкау и 2 отъ Цигенгольсъ), 6-ть депутатовъ отъ крестьянъ и 79-ть отъ владѣтелей рыцарскими имѣніями. Послѣ реформы, сеймъ этого округа будетъ состоять изъ 37-ми депутатовъ, 10-ть городскихъ (6 отъ Нейсе, 2 отъ Пачкау, и 2 отъ Цигенгольсъ) и 27 сельскихъ, изъ которыхъ 13½ приходится на крупныхъ помѣщиковъ и 13½ на сельскія общины. Въ сосѣднемъ округѣ Гроцкау окружной сеймъ насчитываетъ 76 представителей, изъ нихъ 66 помѣщи-

воинъ, 4 городскихъ представителя и 6 отъ крестьянъ ¹⁾. На будущее время онъ будетъ состоять изъ 28-ми депутатовъ, 5-ти городскихъ и по 11 1/2 для сельскихъ избирательныхъ кружковъ ²⁾.

Въ составъ сельскихъ избирательныхъ кружковъ можетъ быть избранъ всякій, кто владѣетъ землею, не разбирая много или мало у него земли въ городахъ, гдѣ выборы происходятъ въ соединенномъ засѣданіи магистрата и депутатовъ, можетъ быть избранъ каждый бюргеръ.

Кругъ дѣйствія окружнаго сейма значительно расширяя. Предметомъ его дѣятельности можетъ быть все, что касается интересовъ округа.

Новое и весьма характерное для всей реформы учрежденіе—это *окружной комитетъ*. Въ немъ сосредоточивается коммунальное управленіе (самоуправленіе); въ то же время комитетъ, какъ высшее административное учрежденіе, заступаетъ мѣсто уѣзднаго управленія (высшаго правительственнаго управленія въ каждомъ изъ 28-ми уѣздовъ прусской монархіи). Вѣдѣнію его подлежатъ дѣла по вспомоществованію бѣднымъ, по постройкѣ дорогъ, по осушенію и обводненію, по земледѣлію и премисламъ, по постройкамъ и пожарамъ, по санитарной части, по поселеніямъ, по народному образованію и по юридической администраціи, такъ какъ имъ составляются списки присланныхъ засѣдателей. Окружный комитетъ учреждается „для управленія дѣлами округа и исполненія постановленій общаго народнаго представительства“, то-есть, для двойной дѣятельности: какъ органъ самоуправления и какъ органъ правительства. Онъ состоитъ изъ ландрата и 6-ти членовъ, выбираемыхъ изъ числа постоянныхъ жителей округа абсолютнымъ большинствомъ голосовъ; кромѣ того, имѣетъ право, по мѣрѣ надобности, приглашать специалистовъ и приставовъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ.

Какъ будетъ функционировать окружный комитетъ—это загадка; во всякомъ случаѣ, въ его организаціи ясно видно стремленіе расширить кругъ дѣятельности для самоуправления, а закономъ, по которому дѣйствія присутственныхъ мѣстъ могутъ быть обжалованы въ судѣ, имѣетъ чрезвычайную важность для всей политической жизни. Вопросы, по которымъ окружный комитетъ дѣйствуетъ какъ судѣ, принадлежать, конечно, къ области коммунальнаго управленія; судопроизводство совершенно сходно съ общимъ судопроизводствомъ въ судахъ: подается жалоба, стороны приглашаются, для словеснаго

¹⁾ Нейсе насчитываетъ до 20,000 жителей, кромѣ войска; остальные два маленькіе городка.

²⁾ Въ случаѣ дробныхъ членствъ, жребій рѣшаетъ которому изъ двухъ сельскихъ кружковъ имѣть лишняго представителя.

разбирательства, снятіе свидѣтельскихъ показаній производится при содѣйствіи присяжнаго, протоколиста, и рѣшеніе, основанное на свободномъ убѣжденіи, внесенномъ изъ всего хода разбирательства, объявляется въ открытомъ засѣданіи. Въ случаѣ принесенія жалобы на какое-нибудь казенное управленіе (на практикѣ это будетъ случаться весьма часто, такъ какъ окружный комитетъ есть административная инстанція) производство въ сущности не останавливается, но жалоба отсылается въ обжаловавшее управленіе для предъявленія письменныхъ объясненій.

Дѣлая краткій обзоръ этого объемистаго закона, я старался выдвинуть на первый планъ тѣ пункты, на которыхъ лежитъ всегo мѣстуетъ принципъ самоуправленія и отвѣтственности управленій за ихъ дѣйствія. Чиновники, исполняющіе свою обязанность безъ вознагражденія, должны будутъ являться передъ судомъ; несомнѣнно, что когда этотъ принципъ будетъ примѣняться на практикѣ и привѣтся къ жизни, то отвѣтственность распространится на всѣхъ чиновниковъ государства, а это послужитъ самымъ рѣшительнымъ разрывомъ со всѣми традиціями стараго абсолютнаго государства.

Палата господъ, какъ было уже упомянуто, обсуждала окружное положеніе не менѣе девяти дней. Правительство рассчитывало на поправки закона въ умѣренно-консервативномъ смыслѣ и на то, что затѣмъ палата депутатовъ приметъ его въ желаемой правительствомъ формѣ. Такой расчетъ былъ основанъ на отношеніи всемоу палаты господъ къ закону о надзорѣ за училищами, противъ котораго она сначала рѣзко возставала, но въ концѣ концовъ приняла въ предложенной формѣ, частью вслѣдствіе личнаго внимательства въ пренія князя Бисмарка, употребившаго все свое вліяніе и авторитетъ, чтобы склонить къ уступчивости большинство, частью, вслѣдствіе образованія въ палатѣ новой фракціи либераловъ, съ графомъ Мюнстеромъ и герцогомъ Ратисборомъ во главѣ фракціи, уравновѣсившей прежнее большинство. Но когда палата снова собралась 10-го (22-го) октября, положеніе совершенно измѣнилось, правая усилилась, а лѣвая упала духомъ и была численно слаба. Правительство рассчитывало, что на мѣсто умеряема во время канікулъ президента, графа Эбергарда Арльберга, будетъ выбранъ графъ Отто Штольбергъ; но правая выставила князя Путбуса, и графъ Штольбергъ былъ выбранъ большинствомъ только *одного* голоса. Но при самомъ началѣ совѣщаній положеніе дѣлъ оказалось еще худшимъ: правая имѣла за собой громадное большинство, большинство около двухъ третей всѣхъ голосовъ, и она пользовалась этимъ большинствомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Вначалѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ и его комиссаръ,

важный совѣтникъ Трауусъ ограничивался весьма мягкими возраженіями на предложеніе комиссіи, передѣланной весь законъ, но на конецъ, когда дѣло дошло до вышеупомянутого вопроса о наследственныхъ старостахъ, которыхъ комиссія предложила не упразднить, министеръ объявилъ, что подобаю рѣшенія правительство принять не можетъ, на что Клайстъ-Рейцовъ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ реакціонеровъ и настоящій коноводъ правой, вскочилъ съ своего мѣста и сказалъ: «Я полагаю, что нами уже постановлено немало рѣшеній, которыя правительство считаетъ неудобными принять, и надѣюсь, что будетъ постановлено еще больше такихъ рѣшеній». Такія слова изъ устъ члена, известнаго своимъ „благонамѣреннымъ“ направленіемъ, были совершенно неожиданны, и оффиціозная «*Provinzial Correspondenz*» по этому поводу замѣчаетъ: «Такъ не подобаешь говорить консервативной партіи въ Пруссіи съ правительствомъ короля!» Большинство принимаетъ одноако рѣшеніе, которое, по заявленію министра, не можетъ быть принято правительствомъ, и продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, совершенно измѣняя весь законъ. Лѣвая боролась до послѣдней минуты безъ всякой надежды и совершенно безплодно; она рѣшилась даже при заключительной подачѣ голосовъ принять весь законъ цѣликомъ, чтобы онъ снова поступилъ въ палату депутатовъ; но это не вышло ей сличкомъ противно здравому смыслу, и она соединилась съ правой, недоходной закономъ, даже съ тѣми измѣненіями, которыя сама сдѣлала: законъ отвергнутъ большинствомъ 145-ти голосовъ противъ 18-ти, принадлежащихъ министрамъ и нѣкоторымъ приверженцамъ ихъ. Вслѣдъ затѣмъ правительство закрыло сессію и созвало сейчасъ же ландтагъ, — мѣра необходимая потому, что на основаніи конституціи *отклоненный* законъ не можетъ быть предложенъ второй разъ въ той же сессіи.

Причины такого упорства со стороны палаты господъ до сихъ поръ не вполне разъяснены. Частнымъ образомъ говорятъ и стараются распространить слухъ, будто князь Висмаркъ не одобряетъ законъ, но я полагаю, что распространители подобныхъ слуховъ сами очень хорошо знаютъ, что онъ не вѣренъ и дѣлаетъ это съ цѣлью поддержанія духа въ своей партіи. Даже весьма рѣзкое замѣчаніе палатѣ господъ, сдѣланное графу Брюлю, представившемуся королю виѣстѣ съ двумя другими президентами съ выраженіемъ сочувствія по поводу смерти принца Альбрехта, — не произвело ни малѣйшаго дѣйствія.

Безъ сомнѣнія, большинствомъ палаты господъ руководили матеріальныя соображенія. Отчетъ комиссіи, на которомъ основывается рѣшеніе палаты, весьма основательно и тонко разработать. Конечно,

консерваторы, отстаивая существующій порядокъ вещей, въ то же время отстаивали и свои интересы и привилегіи. Это неизбежно, когда представительство основано на сословныхъ интересахъ, а не на простомъ избирательномъ правѣ. Защитники палаты господъ стараются, въ извѣстномъ отношеніи справедливо, на англійскую верхнюю палату, которая зачастую еще гораздо круче относилась къ реформамъ, безъ того, чтобы ей самой сейчасъ грозили реформой. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что реформа окружнаго управленія въ Пруссіи уже 20 лѣтъ стоитъ на очереди и что правительство именно въ настоящее время можетъ провести эту реформу на гораздо болѣе консервативныхъ началахъ, чѣмъ когда-либо въ будущемъ.

Палата господъ сдѣлала цѣлый рядъ ошибокъ, которыя теперь на нее и обрушиваются, такъ какъ правительство приняло къ соображенію необходимости ея реформы. Нѣтъ *политическаго учрежденія*, которое было бы прочно не взирало на недостатки политической мудрости. Такой недостатокъ политической мудрости былъ выказанъ палатою господъ во времена внутреннихъ столкновеній. Простой человѣческій разумъ долженъ былъ тогда подсказывать ей, что принявъ моментъ упречить свою силу на далекое будущее. Правительство и палата депутатовъ вели, какъ извѣстно, ослѣпленный споръ о взаимныхъ правахъ и о толкованіи конституціи. *Duobus litigantibus tertius gaudet*—латинская поговорка, которую всякій крестьянинъ прикладываетъ въ обыденной жизни, и всякій дипломатъ въ отношеніяхъ государствъ между собою,—палата депутатовъ не примѣнила. Если признавать необходимость двухъ палатъ, то существованіе верхней оправдывается не только тѣмъ, что она регулируетъ ходъ законоположеній, но также и тѣмъ, что она вѣрно охраняетъ права страны и въ спорныхъ случаяхъ является посредникомъ и примирителемъ между правительствомъ и нижней палатою. Англійскіе лорды въ старыя времена не разъ проливали кровь за конституціонныя права и обрѣли тѣмъ заслуги, которыми теперь пользуются. Приведу примѣръ, который особенно рельефенъ. Въ 1640 году Карлъ I-й созвалъ парламентъ, но вскорѣ затѣмъ распустилъ его. Между тѣмъ военныя дѣйствія противъ шотландцевъ шли плохо, и король предвидѣлъ необходимость снова созвать парламентъ. „Оставалось еще одно послѣднее средство,—говорить Маколей,—которое, какъ утѣшала себя король, могло избавить его отъ несчастія стать лицомъ къ лицу съ новою палатою общинъ. Къ палатѣ общинъ онъ не чувствовалъ такого отвращенія. Епископы были преданы ему; и хотя свѣтскіе лорды были вообще недовольны его управленіемъ, однако, какъ классъ, они были такъ сильно заинтересованы въ сохраненіи порядка и въ не-

неизмѣнности древнихъ учрежденій, что отъ нихъ почти нельзя было ожидать широкихъ реформъ. *Отступивши отъ непрерывнаго алкогольнаго обжорства*, онъ созвалъ великій совѣтъ, состоявшій изъ однихъ лордовъ. Но лорды были слишкомъ благоразумны, чтобы принять предложенную конституціонную обязанность, которая онъ желалъ возложить на себя. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что король нарушилъ не законъ, а обычай. Какъ же поступила прусская палата господъ? Въ 1862 году палата депутатовъ исключила изъ смѣты сумму, назначившуюся на реорганизацію арміи. Смѣта поступила въ палату господъ, которая уполномочена конституціей принять или отвергнуть не иначе какъ всю смѣту. Но палата совершаетъ чудовищное дѣло: она обсуждаетъ и *принимаетъ* не ту смѣту, которая поступила изъ палаты депутатовъ, а ту, которая была внесена въ эту послѣднюю правительствомъ. Такая выходка въ угоду правительству была тѣмъ болѣе нехороша, что правительство вовсе не того желало: оно желало кассированіе смѣты, исправленной палатою депутатовъ. Подобный случай не предвидѣнъ конституціей; конституціонная практика научаетъ однако, что при такихъ обстоятельствахъ существуетъ только два исхода: или министерство подаетъ въ отставку, или палата депутатовъ распускается, и правительство беретъ на свою отвѣтственность передъ будущей палатою требуемые расходы, которые между тѣмъ и производитъ. Что же касается до поступка палаты господъ, противнаго конституціи, то онъ остался для правительства безплоднымъ, никакихъ выгодъ оно изъ него не могло извлечь. Вторая грубая ошибка палаты господъ была сдѣлана въ іюнѣ 1865 года; въ то время, когда всякій сколько-нибудь проницательный политикъ уже могъ предвидѣть развязку внутренняго столкновенія, она потребовала отъ правительства ограниченія свободы рѣчи для нижней палаты. Это только доказываетъ, въ какія заблужденія могутъ впасть партіи подъ вліяніемъ страстей; имѣть не приходится въ голову, что обстоятельства могутъ измѣниться и наступитъ день, когда право, отнятое у противной партіи, во имя инициативы, съ цѣлью нанести ей ударъ, будетъ отнято и у нихъ. Удайся палатѣ господъ въ 1865-мъ году провести отвѣтственность депутатовъ передъ судомъ за рѣчи въ парламентѣ, весьма вѣроятно, что многие изъ ея членовъ стояли бы теперь передъ судомъ, такъ какъ они не стѣснялись выразиться весьма рѣзко и обидно для правительства. Ошибки палаты господъ неисправимы, потому что она не имѣетъ корней въ народѣ, не пользуется популярностью, безъ которой всякое могущество на землѣ не можетъ быть прочно. Потому-то, въ настоящее время палатѣ господъ и приходится имѣть удовольствіе выслушивать со всѣхъ сторонъ предложенія и разсужденія о реформѣ, которыя какъ будто означаютъ:

fiat experimentum in corpore vili! Предложенія весьма разнообразны, но всё сходится въ одномъ, а именно въ томъ, что „высокая палата“ въ совершенномъ ея видѣ нигуда же годна. Хотя таковой приговоръ относится только къ цѣлому институту, каждый членъ котораго въ отдѣльности можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые не преминули принять его на свой счетъ. При обсужденіи вопроса о реформѣ палаты господъ, естественно возникъ общій вопросъ, насколько цѣлесообразна вообще двух-камерная система: *National-Zeitung* почти ежедневно съ большимъ талантомъ разрабатываетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія безполезности двухъ камеръ. Эта газета утверждаетъ, что двух-камерная система привилась въ Европѣ подъ вліяніемъ сочиненія Монтескьё *Esprit des lois*, и что Монтескьё, пропагандируя въ пользу англійскихъ учреждений, не вѣрно понималъ ихъ. Это во всякомъ случаѣ парадоксъ, потому что въ дѣйствительности причина тому, что англійскія учрежденія были приняты за образецъ во всѣхъ новѣйшихъ конституціяхъ, заключается въ превосходствѣ ихъ, доведенномъ на практикѣ.

Творецъ палаты господъ подражалъ англійскимъ учрежденіямъ. Онъ уже имѣлъ передъ собою опытъ въ *соединенномъ сеймѣ*, соединившемъ въ себѣ въ 1847-мъ году всю аристократію страны. Этотъ сеймъ былъ раздѣленъ на двѣ куріи, изъ которыхъ первая, насчитывавшая 80 голосовъ, соединяла въ себѣ сословіе князей, графовъ и господъ. Вторая состояла изъ депутатовъ отъ рыцарства, городовъ и сельскихъ общинъ: рыцари имѣли 231 голосъ, города 18 голосовъ и сельскія общины 124 голоса. Извѣстно, какъ мало успѣха имѣло это учрежденіе; неуспѣхъ его объясняется частью ничтожнымъ полномочіемъ сейма, частью же тѣмъ, что, вслѣдствіе тогдашняго демократическаго стремленія, господствовавшаго въ образованномъ классѣ и особенно между молодежью, сословія, вѣрнѣе собранія, представляли пестроту стила рококо.

Когда, по окончаніи революціи, король Фридрихъ Вильгельмъ IV-й приступилъ къ учрежденію палаты господъ, то онъ обѣщалъ какъ высочайшему дворянству, такъ и сельскому дворянству старыхъ провинцій важное вліяніе въ новомъ учрежденіи; это-то вліяніе и сказалось на палатѣ господъ: оно сдѣлало неизбѣжнымъ его реформу.

Еще въ 1852-мъ году *Шталь* и *Альсенслевенъ* внесли предложеніе въ тогдашнюю первую палату (состоявшую изъ выбранныхъ депутатовъ), которое указывало на необходимость преобразованія первой камеры и въ которомъ особенно настаивалось на привлеченіи *старыхъ и прикормленныхъ къ мѣсту землевладѣльцевъ*. Реформа первой камеры подвигалась медленно впередъ и, наконецъ, была предоставлена королю. Тогда послѣдовалъ знаменитый указъ, отъ

8-го октября 1854 года. Этот указ определялъ, что первая категория должна состоять изъ трехъ категорий: принцевъ королевскаго дома, право призванія которыхъ король оставляетъ себѣ (этого до сихъ поръ не случилось), членовъ наследственныхъ и членовъ пожизненныхъ (изначальныхъ королей). Ко второй категоріи принадлежатъ главы княжескихъ домовъ Голешцолернъ-Гехингенъ и Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ и другіе князья, графы и господа, которые, на основаніи указа отъ 8-го февраля 1847 года, были созываемы въ соединенный сеймъ. Король, сверхъ того, можетъ въ особыхъ указахъ даровать и другимъ лицамъ наследственное право засѣдать въ палатѣ. Къ третьей категоріи, категоріи пожизненныхъ членовъ, принадлежатъ представители отъ евангелическихъ братствъ (*Stift*), представители отъ имѣннаго образованія кружка графовъ, поселившихся въ провинціяхъ въ своихъ рыцарскихъ имѣніяхъ, представители отъ родовъ, обладающихъ большими фамильными помѣстьями, представители кружковъ стариковъ и укрѣпленныхъ въ мѣсту землевладѣльцевъ, личности, которыхъ король призываетъ по *особому десиму*, представители университетовъ и городовъ, получившихъ на то особенное право (въ настоящее время такихъ 40; каждый призываетъ по одному депутату). Относительно членовъ третьей категоріи существуетъ замѣчательное недоразумѣніе: они пожизненные члены, но, въ то же время, ихъ полномочіе прекращается, если они оставляютъ то мѣсто, которое имъ дало право засѣдать въ палатѣ господъ. Если бургомистръ, напригѣръ, избираемый на 12 лѣтъ, не будетъ избранъ вторично по истеченіи этого срока, то онъ хотя и пожизненный членъ палаты, а не имѣетъ права засѣдать. Это просто смѣшно. Что касается остальныхъ подраздѣленій третьей категоріи, то желаніе провести романтично-феодалныя идеи и истребить всѣ выгоды положенія и интересы партій было такъ велико, что правительство даже не справилось, возможно ли выполнить всѣ его желанія. Подъ старыми землевладѣльцами подразумѣвались такіе, которые владѣютъ въ теченіи 100 лѣтъ своими имѣніями. Когда стали приводить законъ въ исполненіе, то оказалось, что изъ тогдашнихъ 12,543 рыцарскихъ имѣній прусскаго государства только 894 старыя имѣнія въ смыслѣ указа, и только 987, укрѣпленныхъ майоратами, фиденномиссами и субституціями. Такимъ образомъ, только десятая часть рыцарскихъ имѣній получила право высылать тѣхъ 90 представителей въ палату господъ, которые одни составили въ ней абсолютное большинство. Не справились также предвзительно о томъ, какъ распределены эти 1,331 рыцарское имѣніе въ монархіи; нѣкоторымъ уѣздамъ, въ которыхъ совершенно не было имѣній, подходившихъ подъ выборный законъ, предоставлено выслать

большее число представителей, чѣмъ такимъ, въ которыхъ было, по крайней мѣрѣ, требуемое закономъ число ихъ. Въ другихъ уѣздахъ число имѣющихъ право быть выбранными—мало до сѣдняшняго, а число годныхъ и желающихъ служить по выборамъ—еще меньше. Такое положеніе дѣлъ, разумѣется, несомнѣннѣе съ нормальнымъ развитіемъ великаго государственнаго учрежденія.

Министерство Ауарсвальда первое затронуло реформу; оно измѣнило избирательный уставъ съ цѣлью уменьшить число представителей отъ старыхъ и закрѣпленныхъ имѣній. Графъ Шверинъ (министръ внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ Ауарсвальда), указомъ отъ 5-го ноября 1861 года, уменьшилъ требуемый срокъ владѣнія имѣніемъ до 50-ти лѣтъ, чѣмъ значительно расширилъ кругъ избирателей; онъ затруднилъ возможность попасть въ палату, возвысилъ законное число избирателей для производства выборовъ и, наконецъ, уменьшилъ число представителей отъ старыхъ и укрѣпленныхъ имѣній съ 90-ти до 41-го, при чемъ лишніе 49 представителей не исключались изъ палаты, а должны были выбывать поемимому, по мѣрѣ своей смерти. Палата господъ и вообще реакціонеры подняли страшный гвалтъ противъ этой мѣры; она-то и была главной причиною содѣйствія палаты господъ къ паденію министерства. Затѣмъ наступило *внутреннее столкновеніе*, и въ награду за услуги, оказанныя палатой депутатамъ, правительство отмѣнило постановленія Шверина и восстановило прежнее число 90 представителей отъ старыхъ и укрѣпленныхъ имѣній; было кромѣ того постановлено, что на будущее время измѣненія въ составѣ палаты господъ могутъ производиться не иначе, какъ посредствомъ издачія новаго закона, одобреннаго обѣими палатами ландтага. Но при этомъ назначенія *по особому доверію* (упомянутыя выше, при третьей категоріи, число которыхъ въ настоящее время болѣе 70-ти) не были ограничены, и на основаніи этого права могли всегда состояться назначенія новыхъ перовъ. Правда, при современномъ положеніи дѣлъ, назначенія по особому доверію могутъ принести пользу, а именно помочь осуществить преобразование палаты господъ, которымъ вѣроятно и будетъ ограничено право коронарнаго назначенія, потому что это право, будучи не ограничено, дѣлаетъ лишнимъ всякое другое органическое представительство. Даже газета „*Deutsches Wochenblatt*“ (органъ свободно-консервативной партіи), которая ревностно отстаиваетъ назначеніе перовъ, одобряетъ ограниченіе такого права короля. Въ этой газетѣ обсуждается планъ реформы, принадлежащій, что не составляетъ тайны, Висмарку. Въ статьѣ высказывается желаніе, чтобы палата господъ была усилена: 1) элементомъ, образованнымъ изъ *штатсрамовъ*, высшихъ чиновниковъ до оберъ-президентовъ про-

визитіи, устроенныя въ настоящее время если не фактически, то на дѣлѣ, и 2) выборомъ изъ среды провинціального представительства. Превосходно разработаны вопросы о первой камерѣ, не для одной Пруссіи, но и вообще, въ книгѣ, появившейся два года тому назадъ безъ имени автора ¹⁾,— которое тѣмъ не менѣе извѣстно: докторъ Гефевъ,— и принадлежитъ бывшему представителю свободныхъ городовъ при прусскомъ дворѣ и теперешнему профессору страсбургскаго университета. Франція дала первый примѣръ, даркней камерѣ, составленной изъ нотаблей; несмотря на то, что послѣ июльскаго революціи всѣ лучшія силы камеръ депутатовъ, каковы Роже-Бюларъ, Гизо, Тьеръ и талантливый докладчикъ Веранже, отстаивали исключительность перовъ, французы это не нравилося, и они приняли систему пожизненныхъ перовъ, представивъ королю 22 категоріи нотаблей, изъ которыхъ могутъ быть выбраны кандидаты, главнымъ образомъ, высшіе чиновники, также долгосрочные депутаты, знаменитые ученые и крупныя промышленники. Въ этихъ категоріяхъ рассчитывали найти матеріалъ для либеральной палаты перовъ. Но чтобы ограничить корону отъ слишкомъ большаго произвола въ выборѣ, было издано особое постановленіе о сродѣ службы различныхъ кандидатовъ. Черезъ это палату перовъ превратили въ убѣжище почти всѣхъ высшихъ чиновниковъ; июльскіе перы вели ничтожную жизнь и нашли безславный конецъ. Наполеонъ III былъ не виноватъ не правъ, когда сказалъ въ предисловіи въ конституціи 1852 года: *«La chambre des pairs n'était que le pâle reflet de la chambre des députés, répétant, à quelques jours d'intervalle, les mêmes discussions sur un autre ton»*.

Точно такъ и итальянскій сенатъ, который созданъ по тому же образцу, не проявилъ до сихъ поръ никакой примѣрной политической силы, и это не трудно себѣ объяснить, потому что административная карьера не образуетъ ни политическихъ голосовъ, ни политическихъ характеровъ. Другимъ путемъ для образованія сената служатъ выборы и именно выборы, основанные на иныхъ началахъ, чѣмъ выборы въ депутаты. Такъ, въ Америкѣ и въ Швейцаріи сенаторы и кантональные совѣты представляютъ принципъ *отдѣльныхъ итатовъ*. Въ народную палату производится поголовные выборы; въ сенатъ же посылаютъ каждый штатъ, а въ (швейцарскій) кантональный совѣтъ каждый кантонъ, все равно великъ онъ или малъ,—двухъ членовъ. Бельгійскіе сенаторы избираются на 8 лѣтъ изъ числа гражданъ, которымъ серовъ лѣтъ отъ рѣду и которые платятъ 200 франковъ прямыхъ налоговъ. Въ члены первой шведской палаты избира-

¹⁾ Die Reform der preussischen Verfassung. Leipzig, 1870.

ются поземельные владѣльцы, собственность которыхъ можетъ быть оценѣна въ 30,000 талеровъ, или же получающіе 1,500 талеровъ дохода. Избирательный періодъ продолжается 9 лѣтъ. Нельзя утверждать, чтобы составленными такими путемъ корпораціи дѣйствовали хуже всякихъ другихъ. Онѣ также представляются наилучшимъ исходомъ, потому что въ этихъ странахъ не существуетъ крупной поземельной аристократіи, какъ въ Англіи, а за Англіей слѣдуетъ въ этомъ отношеніи Пруссія. Но есть однако и весьма существенное различіе. Въ Англіи высшая аристократія пережила всю исторію страны вмѣстѣ съ народомъ, и даже болышюю частію сама предвѣдала эту исторію. Отдѣльные роды, которые еще существуютъ, ведутъ свою родословную отъ Вильгельма-Завоевателя. Напротивъ того, въ Германіи *высшее дворянство* состоитъ, какъ уже сказано, изъ медиатизированныхъ владѣтельныхъ князей. И хотя, конечно, между ними былъ баронъ Штейнъ, который занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нѣмецкихъ государственныхъ людей, но болышинство этихъ медиатизированныхъ владѣльцевъ, послѣ паденія наполеоновскаго владычества, ничего не дѣлало, какъ только испрашивало сначала у правительства различныя привилегіи, а затѣмъ, наслаждаясь данными привилегіями, пребывало въ состояніи *dolere far niente*. Весьма немногіе составляютъ исключеніе, какъ, напр., Гогенлоэ въ Пруссіи, и въ Баваріи Штольберги, но которыхъ все же только Бисмаркъ привлекалъ къ политической жизни.

Къ этимъ соображеніямъ присоединяется еще и то, что значеніе крупнаго землевладѣнія весьма измѣнилось, и даже въ средѣ испанскаго дворянства немного есть такихъ лицъ, которые бы могли потягаться съ крупными промышленниками или князьями биржи. Елегодно число миллионеровъ растетъ, и несомнѣнно, что имъ дѣлается не поземельные собственники. Между тѣмъ, у *parvenus* могутъ быть всѣ добродѣтели, но только политическаго смысла за ними болышюю частію не водится.

Одинъ князь—простите мнѣ этотъ анекдотъ—спросилъ за обѣдомъ у одного изъ своихъ гостей: какимъ образомъ можно пустить рыбу въ наполненный до краевъ сосудъ съ водою, такъ, чтобы не расплескать воду. Присутствующіе терались въ остроумныхъ соображеніяхъ о возможныхъ причинахъ этого страннаго явленія, пока кому-то не пришло въ голову *просьрнуть* его сначала на опытѣ, причемъ, разумѣется, оказалось, что вода проливается. Точно такъ всякому обсужденію реформы палаты господъ слѣдовало бы предпослать вопросъ: дѣйствительно ли такъ необходимо существованіе палаты господъ? Прежде необходимость бороться съ палатой господъ считалась аксіомой у нѣмецкой демократіи; въ новѣйшее время, когда

конституціи германской имперіи доказываютъ, что существованіе односторонняго: только представительнаго корпуса отнюдь не равносильно; какъ то принимали почитатели конституціонныхъ палатокъ, возвышаются голоса въ пользу такого порядка, но усилія ихъ въ настоящую минуту, по многимъ причинамъ, останутся безцѣльными. Также на практикѣ, рейхстагъ уравнивается совѣтнымъ совѣтомъ, между тѣмъ какъ обособленное мѣстное представительство въ Пруссіи всегда будетъ непосредственно наталкиваться на министровъ и монарху. Одно только несомненно, что съ 1867 г. *аристократія* въ рейхстагѣ сѣверо-германскаго союза и въ германскомъ рейхстагѣ, куда она можетъ проникать лишь посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ прусской палатѣ депутатовъ и гораздо вліятельнѣе, чѣмъ въ прусской палатѣ господъ.

Не столь видное мѣсто, какъ окружное положеніе и реформа палаты господъ, занимаетъ законъ объ элементарныхъ школахъ, который принять теперь министромъ народнаго просвѣщенія. Передъ войной я часто писалъ о знаменитомъ (*Regulative*) регламентѣ Штида, введенномъ въ сентябрѣ 1854 г. (въ томъ самомъ мѣсяцѣ и годѣ, въ которомъ возникла и палата господъ), и кромѣ того „*Вѣстникъ Европы*“ напечаталъ пространнѣй и весьма обстоятельный очеркъ о томъ же предметѣ, принадлежащій другому перу, въ декабрѣ прошлаго года, слѣдовательно незадолго до того времени, какъ отставка Мюллера подала сигналъ въ давно желанной и настоятельно необходимой реформѣ школьныхъ порядковъ. Послѣ того, какъ пале Мюллеръ, Штидъ тоже сталъ невозможнымъ.

Хотя онъ и употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы удержаться на мѣстѣ и даже еще всею принималъ участіе въ конференціяхъ компетентныхъ людей, которыхъ созывалъ министръ просвѣщенія, чтобы выслушать ихъ мнѣніе на счетъ реформы элементарныхъ школъ, но все же ему невозможнымъ оказалось оставаться. Онъ ваялъ отпускъ, отпускъ этотъ затянулся и, наконецъ, окончился отставкой. Въ помощники статсъ-секретаря Фальтъ назначилъ бывшаго совѣтника министерства торговли, д-ра Акендаха, очень еще молодого человѣка и одного изъ свѣтилъ чиновнаго міра, и эти два лица главнымъ образомъ посвятили себя задачѣ провести законъ о *надзорѣ за учителями* (который, какъ вамъ извѣстно, ландтагъ рѣшилъ принять на послѣдней своей сессіи), переработать регламентъ (*Regulative*) и подготовить тотъ рядъ законовъ, которые должны сдѣлать невозможнымъ въ будущемъ всякое превышеніе власти со стороны ультрамонтановъ. Объ энергіи этихъ мѣръ можно судить по тому законо-проекту, который уже внесенъ въ палату и направленъ противъ злоупотребленій духовной власти. Такъ, напримѣръ, онъ угрожаетъ штрафамъ

въ 1000 талеровъ или двуклѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ за отлученіе отъ церкви—такого рода вѣщами, которыя могутъ устранить даже непогрѣшимо-настроенныхъ епископовъ, до сихъ поръ воображавшихъ, что это право составляетъ ихъ неотъемлемую принадлежность. Съ 15-го октября нынѣшняго года оконченъ трудъ г. Фалька, которымъ отбѣивается и закрѣпляется регламентъ, и 30-го октября онъ былъ уже разосланъ въ учебному начальству. Названіе придумано другое, вѣроятно потому, что слово „регулатива“ уже очень окропилось. Настоящій регламентъ называется: „Общая постановленія о народныхъ приготовительныхъ школахъ и семинаріяхъ“. Новыя постановленія распадаются на пять группъ, изъ которыхъ первая, такъ сказать общая часть, содержитъ главныя, руководящія идеи. Самое рѣзкое различіе отъ стараго регламента заключается въ отношеніи къ преподаванію закона божія; число учебныхъ часовъ ограничено съ 6-ти на 5, библейскіе рассказы свободно передаются и толкуются согласно ихъ нравственному и религіозному содержанію. Изъ псалмовъ, не болѣе 20-ти будутъ заучиваться наизусть, и вообще избѣгается обременять память. Эти пункты бросаются въ глаза и всего болѣе характеризуютъ духъ новыхъ постановленій. Но въ принципѣ столько же важно еще и то, что въ то время какъ регламентъ Пруссіи ставилъ за правило одноклассную школу и ограничивалъ елико возможно реальныя училища, — въ постановленіяхъ Фалька трехклассная школа принимается за правило, а въ реальныхъ училищахъ вмѣсто трехъ отводится теперь 6 учебныхъ часовъ, и кромѣ того въ нихъ будутъ преподаваться, какъ самостоятельные предметы, такія, которые до сихъ поръ преподавались лишь вскользь и въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ (въ томъ числѣ исторія, географія и всеобщая космологія). Ничто такъ глубоко не раздражало и такъ не шло окозницѣ противъ регламента Пруссіи, какъ исключеніе изъ семинарій нѣмецкихъ классиковъ. По новымъ постановленіямъ изгнаннымъ было писателямъ отведена подобающая честь, и въ семинаріяхъ предлагается знакомить какъ съ сочиненіями классиковъ, такъ и съ твореніями выдающихся поэтовъ и народныхъ писателей. Знакомство съ нѣкоторыми произведеніями, какъ, напр., „Минна фонъ-Барнхельмъ“ Лессинга, „Валленштейнъ“ Шиллера, „Германъ и Доротея“ Гёте, „Ленгардъ и Гертруда“ Песталоцци сдѣлано обязательнымъ. Я касаясь здѣсь лишь нѣкоторыхъ пунктовъ. При томъ интересѣ, съ какимъ „Вѣстникъ Европы“ слѣдитъ за всеобщимъ прогрессомъ въ образованіи и необходимѣйшими основами преподаванія, въ немъ, вѣроятно, будетъ посвященъ болѣе подробный обзоръ этому вопросу. Но уже поверхностное знакомство показываетъ, что здѣсь дѣйствительно существуетъ прогрессъ, хотя и не скороспѣлый, не необдуманнѣй, но

въ высшей степени осмелительный и неморщущий встревожить даже самого ярого консерватора. Да и реформа произведена своевременно потому, что хотя дурныя послѣдствія регламента Штиля и сказываются во многомъ, но поможѣніе старыя учителей, которые воспитались въ свободномъ духѣ, все еще было настолько сильно, что не могло допустить полнаго порабощенія умовъ, бывшаго цѣлью регламента, да и время того нельзя истрепать однимъ взмахомъ руки, и даже въ 18 лѣтъ, традиціи нѣсколькихъ поколѣній, которыя живутъ не только въ школѣ, но и въ семьѣ; еще труднѣе бороться съ духомъ времени и народа. Единственные люди, понимающіе это — іезуиты съ ихъ истинно изумительной и до совершенства доведенной системой образованія. Кто попадетъ въ ихъ руки, того они такъ перевоспитають, что онъ безусловно принимаетъ ихъ мировоззрѣніе. Поэтому-то борьба, въ которую вступило прусское правительство съ іезуитизмомъ, должна въ высшей степени интересоватъ всѣхъ приверженцевъ умственной свободы.

Совсѣмъ недавно общественное вниманіе у насъ возбуждено было важнымъ литературнымъ явленіемъ. Оно въ эту минуту еще такъ ново, что я едва успѣлъ пробѣжать его. Но такъ какъ мнѣ давно уже не приходилось говорить съ вами о чемъ-нибудь замѣчательномъ въ литературѣ, то я сообшу вамъ хотя краткія извѣстія о вышеупомянутой литературной новинкѣ. Прежде всего тутъ играетъ роль имя автора, котораго почти все современное поколѣніе признаетъ за великаго мастера: онъ далъ по крайней мѣрѣ два творенія, которымъ предстоитъ считаться весьма долгое время сокровищами нѣмецкой литературы. Я говорю о Густавѣ Фрейтагѣ, авторѣ лучшаго новѣйшаго нѣмецкаго романа: „*Soll und Haben*“ („Приходъ и Расходъ“) и лучшей новѣйшей нѣмецкой комедіи: „*Die Journalisten*“ („Журналисты“), и не менѣ замѣчательномъ историкѣ, который подарилъ своему народу „*Bilder aus der deutschen Vergangenheit*“ („Картины изъ нѣмецкаго прошлаго“). Въ послѣдніе годы онъ напечаталъ большой романъ „*Die verlorne Handschrift*“ („Затерянная рукопись“), который очень хвалятъ и много читаютъ, хотя я вижу на немъ ясныя слѣды старческаго возраста, когда фантазія уже оскудѣваетъ. Новое произведеніе автора называется „*Die Ahnen*“ („Предки“) и ¹⁾ первая досихъ-поръ появившаяся часть его — „*Ingo und Ingraban*“ („Инго и Инграбанъ“) — два имени, которыхъ, говоря мимоходомъ, никакъ не могу запомнить, такъ что всякій разъ, какъ привожу ихъ, долженъ сначала справиться съ книгой. Это произведеніе, — говоритъ авторъ въ предисловіи сочиненія, посвященнаго имъ супругѣ кронъ-принца, —

¹⁾ Leipzig, 1872. S. Hirzel.

должно содержать целый ряд вымышленных рассказов, в которых будет передаваться история судьбы одного отдельного поколения. Она начинается с отдаленнейших предков и будет, если автору не нагнать силы и удовольствие продолжать свой труд, доведена до позднейшего потомка, молодого человека, который еще живет и действует под лучами немецкого солнца, не особенно заботясь о дьячках и страданиях своих предков. Книга будет содержать поэзию, а не историю. Разумеется, нельзя ожидать от этого предприятия особенной краткости. О том, каким образом все отдельные рассказы будут связаны в одно целое, автор желал бы умолчать до поры до времени. Этот молчанием автор в своей зрелости желает приготовить для читателей сюрприз, но который едва ли станет раздражать что-нибудь любопытство, потому что эти рассказы будут введены последовательно, или же между ними будут промежутки. Первое было бы по истине жестоко, ибо над первой главой стоит 357-й год по Р. Х., и следовательно автору, если он желает проследить историю до последнего внука, пришлось бы пробовать, шутя сказать целые 15-е столетия.

Къ счастью уже годъ, выставленный надъ рассказомъ „Инграбанъ“, 724-й показываетъ, что авторъ перескакиваетъ черезъ цѣлыя столѣтїя. Первый рассказъ переноситъ читателя въ эпоху незадолго до переселенїя народовъ, когда римляне и нѣмцы съ перешившимъ счастьемъ сражались другъ съ другомъ, второй же въ эпоху распространенїя христіанства и борьбы между германцами и славянами. Когда авторъ заранѣе предупреждаетъ, что намѣренъ предложить читателямъ не исторїю культуры, а поэтическое произведенїе, то онъ сильно заблуждается, потому что предлагаетъ главнымъ образомъ исторїю культуры. Но это можно оспаривать лишь въ томъ отношенїи, что въ рассказахъ происходитъ вымышленное дѣйствїе и даже разыгрывается любовная исторїя. Но совершенно невыносимъ холодный слогъ, которымъ авторъ думаетъ придать своему рассказу характеръ сѣдой старины; всего же нестерпимѣе онъ въ разговорахъ. Хотя при переводѣ сглаживаются нѣкоторыя особенности, которыми заключаются въ томъ, что авторъ употребляетъ устарѣлыя слова и обороты, которые должны выразить ту эпоху, когда еще совсѣмъ не говорили по-нѣмецки, а говорили по-готески,—но даже и въ переводѣ, полагаю, признаютъ невозможность, чтобы обитатели Тюрингїи за 500 лѣтъ передъ сѣмъ разговаривали такъ, какъ это здѣсь изображено. Вотъ, напримѣръ:

„Онъ перебросилъ поводья черезъ шею коня; неслушный какъ собака послѣдовалъ этотъ послѣдній за человѣкомъ; также и для

зеребца неровная дорога казалась игрушкой. Довольными глазами измѣрилъ стражникъ сильный прыжокъ, которымъ чужеземецъ перескочилъ черезъ ручей и затѣмъ поглядѣлъ на слѣдъ, оставшіяся на мягкомъ грунтѣ. — Ты широко шагаешь для усталаго человѣка, — сказалъ онъ; мнѣ здастся, что тебѣ случалось уже раньше дѣлать еще болѣе широкіе прыжки по кровавому полю. По твоему слѣду вижу я, что ты изъ нашего народа, потому что кончики ноги выворочены наружу и мякоть крѣпко вдавлена. До того я считалъ тебя по говору за чужеземца. Видаль ли ты когда-нибудь римскіе шаги?

— Они шагаютъ маленькими ногами и короткими шагами всею ступней, какъ усталые люди.

— Такъ говорили мнѣ и наши молодцы, бывавшіе на западѣ. Я до сихъ поръ видаль лишь однихъ безоружныхъ торгашей изъ чернокудраго народа, — прибавилъ онъ, какъ-бы извиняясь.

— Пусть ворожен отдалятъ отъ вашей почвы слѣды римлянь, отвѣчала прищлецъ.

— Ты говоришь какъ наши старики; но мы, молодые, думаемъ, что если они не придутъ къ намъ, то мы пойдѣмъ къ нимъ, потому что чудна должна быть ихъ страна, всѣ домá изъ пестраго камня, круглый годъ солнце свѣтитъ и зимой земля темнѣеть; сладкое вино обыкновеннѣе чѣмъ жидкое пиво; изъ серебра кресла и свамя, дѣвушки пляшутъ въ золотыхъ уборахъ и шелковыхъ одеждахъ, и воинъ господинъ всего этого великолѣпія“.

Нѣсколько далѣе читаемъ, когда они оба подходятъ къ селенію:

— Кто эти женщины, вонъ тамъ, въ свѣтлыхъ одѣяніяхъ? — спросилъ прищлецъ, когда они остановились вблизи просѣки, на одномъ холмѣ и заглянули за изгородь.

— Гей! — вскричала стражница, — дѣвушки вернулись съ господскаго двора, вонъ тамъ бурая корова Фриды, слышишь ли ты прекрасный колокольчикъ, который виситъ у нея на шеѣ, а вонъ и сама дѣвушка.

Его покраснѣвшее лицо выдавало, что встрѣча ему пріятна.

— Видишь ли ветхую хижину? въ ней живетъ коровій пастухъ; гѣтомъ деревенскихъ коровъ выгоняютъ на лѣсныя поляны, куда уходятъ и наши дѣвушки и отправляютъ работы по погребу, послѣ работы на господскомъ дворѣ. Но вонъ тамъ, въ буковомъ лѣсу живетъ пастухъ свиней съ своими подданными: не существуетъ лучше откормленныхъ свиней въ странѣ, гдѣ только свѣтитъ солнце. — Они вошли въ просѣку, стражница раздвинула колья, которыя загороживали входъ въ коровій загонъ и прищлецъ вѣхалъ въ загороженное пространство, вокругъ котораго коровы бѣгали мыча, между тѣмъ какъ жена пастуха, съ своими прислужницами, носила сосуды

съ молокомъ въ прохладный погребокъ, сложенный изъ камня и выложенный мхомъ, и расположенный въ сторонѣ отъ солнца, и въ которомъ стояли длинные ряды горлачей съ молокомъ.

— Доброй удачи, чужеземецъ, — вскричала стражница, — дитя нашего господина, сама Ирменгарда здѣсь, чтобы присмотрѣть за стадомъ; если она окажется къ тебѣ милостива, то ты можешь рассчитывать на хорошій приемъ“.

Тутъ конецъ моей цитаты. Гдѣ тутъ природа? гдѣ тутъ правда?

К.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РЕЗУЛЬТАТЫ АМЕРИКАНСКАГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА.

Cobden Club essays, second series, 1871-2. By Emile de Laveleye; the hon. George C. Brodrick; W. Fowler, M. P.; T. E. Cliffe Leslie; Herr Julius Faucher; Herr John Prince Smith; Joseph Gostick; James E. Thorold Rogers; the hon. David A. Wells. L. L. D., of the United States.—Second Edition. Cassell, Petter, and Galpin, London, Paris, and New-York. 1872. (Сборникъ статей Кобденскаго клуба, второй томъ за 1871—2).

Кобденскій клубъ—это политическій клубъ англійскихъ либераловъ съ широкими прогрессивистскими взглядами; клубъ этотъ основанъ года три-четыре тому назадъ въ память извѣстнаго вождя такъ называемой „манчестерской школы“, прославившагося въ современной европейской исторіи заключеніемъ знаменитаго торговаго договора 1860 года между Англіей и Франціей—того договора, который сталъ дѣятельнымъ проводникомъ принципа свободы торговли въ семью европейскихъ государствъ. Самъ Кобденъ былъ не фритредеромъ только, но либеральнымъ политикомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; въ программу его политической агитаціи входили всѣ великіе вопросы свободы личной и артельной дѣятельности на всѣхъ поприщахъ жизни. Назвавши свой клубъ именемъ этого великаго „радикала“ прежнихъ временъ—временъ отмены хлѣбныхъ законовъ,—нынешніе либералы приняли въ свою программу всѣ дальнѣйшія цѣли Кобдена, всѣ идеалы прежняго поколѣнія, но придали имъ болѣе ясныя, болѣе опредѣленныя формы, соответствующія потребностямъ новаго времени и усилкамъ современной науки. То, о чемъ Кобденъ говаривалъ только слегка, какъ-бы мимоходомъ, озв-

саясь дать своимъ политическимъ противникамъ предлогъ въ обвиненію его въ пропагандѣ „революционныхъ началъ“,—это нигѣшніе послѣдователи Кобдена разбираютъ и раскрываютъ передъ публикою въ цѣлнхъ статьяхъ, въ которыхъ самыя широкія реформы являются передъ вами разработанными до мелкихъ подробностей. Сборникъ Кобденскаго клуба состоитъ именно изъ такихъ статей и можетъ служить, — поэтому, указателемъ того, насколько подвинулись впередъ политическія потребности либеральной половины британскаго народа въ продолженіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій. Девять статей, помѣщенныхъ въ этомъ второмъ томѣ, касаются вопросовъ о предупрежденіи военныхъ столкновеній между цивилизованными народами, о повемельномъ владѣніи, о податяхъ, о рабочихъ союзахъ, о заключеніи торговыхъ договоровъ, объ управленіи колоніями. Кобденъ, вступая въ область этихъ вопросовъ, добивался лишь отдѣльныхъ уступокъ; члены Кобденскаго клуба принимаютъ всѣ его предложенія въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Такъ, Кобденъ хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы Англія не вмѣшивалась ни въ какія европейскія распри и избѣгала войны, и чтобы она побудила другія державы прибѣгать, въ случаѣ серьезнаго спора, къ третейскимъ рѣшеніямъ, — теперь же, бельгіецъ Лавелэ, указывая на вашингтонскій трактатъ съ женевскимъ судомъ, прямо настаиваетъ на томъ, чтобы Англія вмѣстѣ съ Соединенными Штатами побудила другія державы созвать конгрессъ дипломатовъ и юристовъ, для составленія новаго кодекса международныхъ отношеній, и чтобы затѣмъ былъ учрежденъ особый третейскій судъ, который долженъ заявлять свое мнѣніе во всѣхъ распряхъ между правительствами разныхъ государствъ. Судъ этотъ не долженъ имѣть за собою никакой военной силы, такъ какъ пока „время еще не пришло для учрежденія федераціи всѣхъ націй съ такимъ верховнымъ судомъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, рѣшенія котораго проводятся съ авторитетомъ власти“ (стр. 35, 36). Предложеніе свое Лавелэ дѣлаетъ весьма серьезно, подкрѣпляя его аргументами современной исторіи и стараясь придать ему практической характеръ. Третейскій судъ долженъ состоять изъ дипломатовъ и юристовъ всѣхъ державъ, по равному числу отъ каждой, и засѣдать въ какомъ-нибудь маленькомъ нейтральномъ государствѣ, въ родѣ Бельгіи или Швейцаріи. Составъ его долженъ быть постоянный, но съѣздъ его полагается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда является серьезное дѣло. Положеніе этого суда должно быть обставлено всѣмъ, что можетъ внушать ему высокій нравственный авторитетъ передъ лицомъ всѣхъ націй, такъ чтобы его мнѣніе встрѣчало поддержку въ общественномъ мнѣніи всѣхъ націй. Лавелэ увѣренъ, что „будь публикѣ извѣстно,

что 23-й протоколъ трактата 1856 года нравственно побуждалъ Францію, въ ея спорѣ съ Пруссіей, обратиться къ добрымъ услугамъ другихъ державъ прежде, чѣмъ къ оружію,—и общественный голосъ вѣроятно заставилъ бы французскаго императора сдѣлать этотъ шагъ, при чемъ война, можетъ быть, и не состоялась бы" (стр. 36).

Въ поземельномъ вопросѣ Кобденъ совѣтовалъ только отмѣнить ту майоратную систему, которая передаетъ землю изъ рукъ владѣльца прямо въ руки первороднаго внука, часто еще неродившагося при жизни завѣщателя. Теперь же Бродрикъ, самъ землевладѣлецъ, рѣшительно осуждаетъ всю систему первородства, и законы, и обычаи ея, и не только съ политической, соціальной и экономической точекъ зрѣнія, но также, съ нравственной и въ интересахъ семейнаго начала (стр. 100—101), а членъ парламента Фоулеръ находитъ въ ней причины того, что англійская земля до сихъ поръ кормитъ только двѣ-трети своего населенія, и что англійскій земледѣльческій рабочій находится въ столь дурномъ положеніи, что оно „свандализируетъ“ всю британскую цивилизацію. Фоулеръ предлагаетъ также уничтожить всякія другія юридическія стѣсненія, которыми обставленъ переходъ земли изъ рукъ въ руки. *Полная свобода поземельнаго владѣнія*, нестѣсняемая никакими косвенными налогами,—вотъ принципъ Кобденскаго клуба.

Въ свободѣ торговли Кобденъ добивался лишь отмѣны всѣхъ такъ-называемыхъ „протекціонистскихъ пошлинъ“, допуская фискальныя. Но Кобденскій клубъ, въ лицѣ гѣмца Фаухера, желаетъ ввести и акцизы въ число предметовъ—международныхъ переговоровъ о торговыхъ сношеніяхъ, а въ лицѣ Клиффе Лезли, возстаетъ противъ таможенъ и акцизовъ вполнѣ, указывая на возможность—покрыть всѣ государственные расходы Англій подоходнымъ налогомъ и налогомъ съ наслѣдствъ. Последняго вопроса, то-есть наслѣдственнаго, Кобденъ касался только въ общихъ выраженіяхъ;—Клиффе Лезли признаетъ, что принципъ, лежащій въ основѣ наслѣдственнаго права, имѣетъ въ виду развитіе промышленнаго духа и бережливости, а слѣдовательно увеличеніе національнаго богатства. Въ самой сильной степени принципъ этотъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ, когда у него есть жена и дѣти. „Но этотъ мотивъ очевидно ослабѣваетъ пропорціонально съ отдаленностью родственныхъ связей, такъ что въ случаяхъ весьма дальняго родства или не-родственниковъ онъ столь слабъ, что уничтожьте всѣ права наслѣдованія, никакого замѣтнаго уменьшенія въ національномъ богатствѣ не произойдетъ, между тѣмъ, какъ нація будетъ въ выигрышѣ, если получить возможность „потребить“ оставшуюся собственность къ уменьшенію налоговъ или государственнаго долга (стр. 261). Замѣчательно, что самъ нынѣшній

министръ финансовъ Лоу обратилъ уже вниманіе на налоги съ наслѣдствъ, значительнымъ повышеніемъ которыхъ онъ намѣренъ составить доходную статью для государствъ.

Рабочимъ вопросомъ, то-есть, отношеніемъ капиталистовъ къ рабочимъ, и вопросомъ объ управленіи колоніями Кобденъ занимался сравнительно мало, но придерживаясь всегда принципа свободной дѣятельности. И колоніямъ, и рабочимъ, и капиталистамъ онъ желалъ предоста-вить полную свободу въ ихъ дѣлахъ. Нынѣшніе англійскіе либералы уже хлопочутъ о томъ, чтобы указать пути къ разрѣшенію рабочаго вопроса; Гостикъ, въ своей статьѣ о рабочихъ союзахъ, прямо объяв-ляетъ, что мало совѣтовать рабочимъ придерживаться Мальтусов-скаго принципа въ брачныхъ отношеніяхъ, что нужно способствовать распространенію кооперативнаго начала въ средѣ рабочихъ, и что самимъ капиталистамъ слѣдуетъ принять участіе въ этомъ распро-страненіи.

Вопросъ объ управленіи колоніями разбирается въ сборникѣ Коб-денскаго клуба оксфордскимъ профессоромъ политической экономіи Торольдомъ Роджерсомъ. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что Англія не должна вмѣшиваться во внутреннюю жизнь своихъ колоній, и что ей слѣдуетъ стараться лишь о томъ, чтобы всѣ ея колоніи, вмѣстѣ съ Соединенными Штатами, стремились къ образо-ванію съ Англіей одной громадной федераціи англо-саксонскаго пле-мени. Эта послѣдняя идея находитъ отголосокъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ видно изъ участія въ Кобденскомъ клубѣ амери-канца Уэллза (Wells), бывшаго специальнымъ комиссаромъ при Грантовомъ министрѣ финансовъ Мак-Коллоуѣ.

Статья Уэллза имѣетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ въ ней мы находимъ драгоценныя данныя для опредѣленія американ-ской финансовой политики вообще и результатовъ американскаго протекціонизма въ особенности. У насъ, въ Россіи, заблужденія про-текціонизма стараются найти себѣ оправданіе въ примѣрѣ Соеди-ненныхъ Штатовъ. Когда нашъ журналъ однажды замѣтилъ, что протекціонизмъ можетъ быть защищаемъ только отстающими, ретро-градными партіями, такъ какъ посредствомъ протекціонизма преслѣ-дуются интересы отдѣльныхъ монополистовъ-производителей на счетъ всего общества, то наши протекціонисты *либеральнаго* лагеря тот-часъ сослались на американскую республиканскую партію, которая, какъ извѣстно, составляла душу сѣверныхъ штатовъ, стремившихся отбѣгнуть невольничества. Наши либеральные протекціонисты лю-бятъ, сверхъ того, поиграть цифрами американской заработной платы, которая дѣйствительно весьма высока. Что среди американскихъ радикаловъ, засѣдающихъ въ вашингтонскомъ конгрессѣ, есть много

лицъ, подающихъ свои голоса вмѣстѣ съ завзятыми протекціонистами,—это фактъ неоспоримый, но изъ него никакъ не слѣдуетъ, что всѣ эти члены американской палаты представителей и сената могутъ служить авторитетами въ финансовыхъ вопросахъ;—эти члены могутъ быть, пожалуй, либералами въ томъ или другомъ политическомъ вопросѣ, но никакъ не въ финансовыхъ. Что же касается до высоты заработной платы, то и она весьма обманчива бываетъ: въ вопросѣ заработной платы важно знать не то — сколько тѣхъ или другихъ монетныхъ знаковъ получаетъ рабочій, но много ли вещей можетъ онъ купить на свое жалованье, хорошо ли, или дурно сводятся въ его хозяйствѣ концы съ концами.

Разсматривая американскій протекціонизмъ не съ точки зрѣнія своекорыстной агитаціи въ пользу монополіи и во вредъ общественнымъ интересамъ, а съ точки зрѣнія общей пользы всѣхъ слоевъ общества и согласно съ требованіями современной науки, мы найдемъ въ немъ лучшія доказательства несостоятельности покровительственной системы, какъ въ дѣлѣ удовлетворенія промышленныхъ и финансовыхъ потребностей страны, такъ и въ поддержаніи довольства среди рабочихъ классовъ. Данныя, представляемая статью Уэллза изъ американскаго опыта послѣднихъ временъ, подробно объясняютъ намъ и то другое.

До междоусобной войны между Сѣверными и Южными Штатами, вся американская финансовая система покоилась на таможенныхъ пошлинахъ, и вопросъ о пониженіи или повышеніи этихъ пошлинъ считался поэтому вопросомъ первостепенной важности. Въ тѣ времена не было ни акцизовъ, ни штемпелей, ни прямыхъ налоговъ вообще, ни подоходнаго въ частности. Кромѣ таможенныхъ доходовъ государство получало еще очень небольшія суммы съ продажи земель. Такъ какъ вся страна занималась до самой войны преимущественно политическими вопросами, и въ особенности невольничьимъ, то нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что экономическіе вопросы, которые занимали собою лишь немногихъ людей, не приняли ни малѣйшаго соціального оттѣнка. Государству нужны были доходы, эти доходы доставляла таможня, — и вотъ, весь экономическій вопросъ сосредоточивался въ томъ, какъ бы такъ хорошо устроить сборъ таможенныхъ пошлинъ, чтобы онъ, наполняя ежегодно государственную казну, способствовалъ въ то же время, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшалъ развитію національныхъ промышленныхъ силъ. О рабочемъ вопросѣ, объ отношеніи труда къ капиталу, о вліяніи тѣхъ или другихъ налоговъ на экономическую и общественную жизнь страны въ тѣ счастливыя времена толковали только слегка, но въ этихъ бесѣдахъ не видѣли ничего важнаго. Единственный экономи-

ческий споръ, раздѣлявшій тогда людей на партіи, вращался также образомъ около тарифовъ; споръ этотъ занимаетъ въ тогдашней литературѣ Сѣверныхъ Штатовъ такое же важное мѣсто, какое въ литературѣ Южныхъ Штатовъ занималъ, вопросъ рабовладѣнія. Какъ южные рабовладѣльцы создали для своей личной пользы новую астрономію негра, которая учила, что черный человѣкъ долженъ жить въ вѣчномъ рабствѣ у бѣлаго, такъ промышленные монополисты сѣвера старались о пропагандѣ своей „американской“ политической экономіи, которая утверждаетъ, подобно Вольтеровскому доктору Панглосу, что въ этомъ „лучшемъ изъ міровъ“ всѣ интересы гармоничны, и что однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ устройству гармоніи на землѣ служить именно протекціонизмъ. Такъ какъ Адамъ Смитъ, съ его ученіемъ о свободѣ торговли, былъ слишкомъ твердъ въ своихъ экономическихъ аргументахъ, то американскіе протекціонисты пустили противъ него въ ходъ аргументы политическіе: національныя страсти у американцевъ, со временъ войны за независимость, господствовали, и до сихъ поръ еще существуетъ не то зависть, не то ненависть къ Англіи, и вотъ это-то низкое чувство постарались сѣверные протекціонисты, съ Генри Кэри во главѣ, пустить противъ доводовъ Адама Смита, и это имъ удалось до извѣстной степени, благодаря невысокому уровню общаго научнаго образованія и малому распространенію экономическихъ знаній въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ послѣднее время Кэри и его сотоварищи совѣтовали своимъ соотечественникамъ повоевать съ Англіей, увѣряя, что такая война дастъ славный толчокъ американской промышленности; но американцы, какъ кажется, уже довольно наслушались сладкихъ рѣчей протекціонизма и не намѣрены слагать свои головы изъ-за интересовъ разныхъ монополистовъ.

Факты противъ протекціонизма существовали и прежде, но политическіе вопросы столь сильно занимали умы американцевъ, что на эти факты не обращали тогда достаточнаго вниманія. Только теперь, когда протекціонизмъ сдѣлалъ крупный опытъ, воспользовавшись замѣшательствомъ, въ которомъ находилось американское общество во время междоусобной войны, — только теперь, указывая на нынѣшнія неудачи протекціонизма, притянули къ общественному суду и его прежніе неуспѣхи, особенно фіаско тарифа 1842 года, составленнаго протекціонистами, успѣвшими въ то время приобрести въ свои руки законодательную власть въ странѣ. Уже въ 1846-мъ году государствомъ стала управлять опять прежняя партія, которая признавала за таможенными пошлинами исключительно фискальный характеръ, но отнюдь не покровительство отечественной промышленности. Протекціонный тарифъ налагалъ на всѣ товары, подлежащія

пошлинѣ, 33 процента съ цѣны, и онъ давалъ государственной казнѣ, въ періодъ 1840—46 г., по 26 милліоновъ долларовъ ежегодно; съ 1846 года по 1857-й, тарифъ съ ввоза простирался лишь до 24¹/₂ процентовъ, между тѣмъ какъ получали по 46 милліоновъ долларовъ ежегодно. Въ послѣдніе три года до войны: въ 1858, 1859 и 1860 годахъ, когда тарифъ повысился до 18—20 процентовъ, „сравнительный ростъ и прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ американскаго ремесла, торговли и промышленности, оказались сильнѣе всѣхъ другихъ періодовъ, раннихъ и позднихъ, въ исторіи націи“ (стр. 466). Именно въ этотъ періодъ морская торговля Соединенныхъ Штатовъ даетъ самую высокую цифру тоннъ: 5,353,868. въ 1859—60 годахъ, и 5,539,813 — въ 1860-61; въ 1869-70 гг. она простиралась лишь до 4,246,507. Вывозъ американскихъ надѣлій въ эти три года достигаетъ своего максимума, и въ этотъ же періодъ времени нація потребляетъ въ большемъ количествѣ сахаръ, кофе и сукно. „Пауперизмъ, за исключеніемъ большихъ городовъ, былъ тогда почти неизвѣстенъ; богатство распредѣлено было довольно равномерно; способности къ образованію были доступны для всѣхъ, а въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ образованіе давалось въ полной мѣрѣ. Короче сказать, процвѣтаніе народа, вслѣдствіе пользованія громадными природными запасами и дѣятельности самаго населенія, а также постоянного наплыва людей и капитала другихъ странъ, было столь велико, что оно само въ себѣ заключало *преаряду къ реформѣ*“ (стр. 467). Пользуясь матеріальнымъ благосостояніемъ, американцы, повидимому, и не понимали даже, что можетъ явиться передъ ними, да еще застать въ расплохъ какой-нибудь другой вопросъ, кромѣ политическаго. Матеріальное довольство дотого изнѣжило американцевъ сѣвера, что, по мнѣнію нашего автора, не начали Южные Штаты своей рабовладѣльческой войны, невольничество, „со всѣми, или только съ нѣкоторыми изъ своихъ ужасовъ, пережило бы нынѣшнее столѣтіе“. А вмѣстѣ съ невольничествомъ жилъ бы себѣ еще цѣлый вѣкъ и таможенный тарифъ, и споръ о выгодахъ протекціонизма.

Но война сразу разбила всю финансовую систему великой республики, и американскіе законодатели вдругъ увидѣли передъ собою цѣлый рядъ экономическихъ вопросовъ, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ у нихъ не было ни опыта, ни необходимыхъ знаній; и вотъ, они написали цѣлую „курьезную главу въ политико-экономической исторіи“, какъ называетъ Уэлльзъ весь періодъ финансовой дѣятельности вашигтонскаго конгресса за 1860—1865-й г. Мы не станемъ здѣсь рассказывать о всѣхъ колебаніяхъ страшнаго кризиса, который пережила американская республика во время своей междоусобной войны, но намъ нельзя пройти мимо нѣкоторыхъ фи-

налоговых мѣръ, которыя усиливали замѣшательство вашингтонскаго правительства, и могли такъ или иначе отзвѣваться на состоянiи всѣхъ отраслей американской промышленности. Въ началѣ непрязненныхъ дѣйствiй, единственнымъ источникомъ государственной казны была, какъ мы сказали выше, таможня, а, между тѣмъ, война прежде всего навела страхъ на иностранную торговлю, и тѣмъ сразу уменьшила таможенный доходъ. Самъ этотъ доходъ, впрочемъ, былъ сравнительно съ потребностями военнаго времени, крайне ничтоженъ. Оставалось броситься въ займы, и съ 1860 по 1862-й годъ государственный долгъ Соединенныхъ Штатовъ возросъ съ 64-хъ миллюновъ до 500 миллюновъ долларовъ. Къ концу 1861 года и правительство, и частныя банки прекратили размѣнъ своихъ билетовъ на золото, но продолжая въ то же время выпускать свои бумаги, которыя переполняли рынокъ и сильно подняли цѣну на золото и серебро, такъ что вскорѣ не только золото, но и вся мелкая серебряная монета исчезла изъ обращенiя, а вмѣсто мелкихъ денегъ стали ходить почтовые марки и затѣмъ мелкiя ассигнацiи. Американскiе финансисты, вмѣсто того, чтобы постараться возратить страну къ денежному обращенiю, все продолжали выпускать разные кредитныя билеты, процентныя и безпроцентныя, причеиъ лажъ на золото все шель выше и выше, и въ июнѣ 1864 года достигъ до 98-ми. Конгрессъ и правительство все еще не понимали въ чемъ дѣло, и надѣялись остановить это повышенiе цѣнности золота особыми законодательными мѣрами. Въ одинъ прекрасный день конгрессъ вдругъ провелъ законъ о запрещенiи торговли золотомъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ“, разумѣя подъ эту торговлю банкирскiя спекуляцiи въ Нью-Йоркѣ и другихъ городахъ; но этотъ законъ произвелъ, разумѣется, не пониженiе лажа на золото, а только еще сильнѣе поднялъ его, такъ что онъ вдругъ достигъ страшной цифры 285. Самъ конгрессъ испугался своей мѣры и взялъ ее назадъ. Тогда лажъ снова сталъ понижаться, и къ 1-му марта 1865 года былъ уже 100; затѣмъ окончилась война, всѣ дѣла стали приходить въ порядокъ, но потрясенiе денежнаго рынка было столь сильно, что еще въ 1871 году, 6-7 лѣтъ по окончанiи войны, лажъ на золото стоялъ 12, тогда какъ въ июнѣ 1862 г., то-есть до нелѣпныхъ мѣръ вашингтонскаго конгресса, онъ былъ только 2 1/2. Понятно также, что всѣ колебанiя цѣнъ на золото служили выгодными моментами для разныхъ спекулянтовъ и биржевыхъ игроковъ, что многiе интересы сильно пострадали отъ этихъ колебанiй, и что промышленность вообще получила отъ нихъ сильный ударъ въ своемъ развитiи.

Но кромѣ денежнаго замѣшательства, финансовая политика конгресса и протекционистскихъ министровъ Линкольна наносила еще

болѣе жестокіе удары промышленности своею безобразною системою разныхъ налоговъ, акцизовъ и новыхъ таможенныхъ пошлинъ, такъ что, если страна не погибла подъ экономическими ошибками своихъ правителей, то лишь благодаря всеобщему патристическому возбужденію американскаго народа. Всѣ сами требовали, чтобы налоги взымались со всякой вещи, со всякаго пользованія, и при широкой возможности обмануть сборщика податей, обманы совершались, въ продолженіе всей войны, только въ рѣдкихъ случаяхъ. За то при обмачаніи военныхъ дѣйствій многіе воспользовались возможностью нажитись посредствомъ разныхъ обходовъ конгресснаго законодательства по финансовымъ статьямъ; въ то время даже въ самомъ конгрессѣ составила дѣлая партія лавенхъ людей, которая успѣла, по расчетамъ Уэллса, нажить не менѣе 50 милл. долларовъ на одномъ только акцизѣ съ спиртныхъ напитковъ. Какъ бы то ни было, къ концу войны въ Соединенныхъ Штатахъ не было такого предмета, который бы не подлежалъ тому или другому налогу: платили налогъ не только за новыя вещи, но и за поправку старыхъ; „короче сказать, около каждой отдѣльной вещи или національнаго продукта точно граница какая протянулась, черезъ которую ничто не могло пройти не подвергшись налогу, взимаемому во всѣхъ концахъ“. Нью-Йоркская ассоціація издателей книгъ и памфлетовъ увѣряла, что прежде чѣмъ книга доходитъ до читателя, ей приходится платить до 15—20 разныхъ налоговъ; кромѣ того, издатели платили еще за патентъ на книжную торговлю, да еще подоходный налогъ въ 5—10 процентовъ съ прибыли. Зонтики, мужскіе и дамскіе, прежде чѣмъ появлялись на рынокъ, выносили слѣдующіе налоги и пошлины: за палку, за ручку на палкѣ, если она была изъ другого дерева или кости и т. п., за все, что въ нихъ было желѣзнаго или мѣднаго: за верхніе концы, за ребра, за матерію, изъ которой сдѣланъ зонтикъ, за эластическій шнурокъ, которымъ скрѣпляется зонтикъ, за пуговку, къ которой пристегивается шнурокъ, и за весь зонтикъ вообще, а если которая-либо часть его состояла изъ иностраннаго продукта, то онъ несъ еще и таможенныя пошлины. Вся эта мелочная система налоговъ, вмѣстѣ съ огромными таможенными пошлинами и подоходнымъ налогомъ въ 73 милл. долларовъ, подняли доходъ государства съ 42 милл. до 310-ти (въ 1866-мъ г.), не выше; между тѣмъ, подоходный налогъ показываетъ, что въ тотъ же 1865-й годъ люди, ему подлежащіе, получили доходъ въ 780 милліоновъ. Такъ какъ къ этому разряду людей принадлежало всего 250 тысячъ гражданъ изъ 37-ми милліоновъ всего населенія Соединенныхъ Штатовъ, и такъ какъ налогу не подлежали всѣ доходы ниже 600 долларовъ,—то понятно, что въ общей системѣ налоговъ подоходная подать играла весьма

незначительную роль въ такое важное время, какъ война, и что будь финансисты вавингтонскаго конгресса благоразумнѣе и болѣе свѣдущими въ политико-экономическихъ вопросахъ и не создавай они среди себя партію ворыстныхъ монополистовъ и промышленниковъ на всѣ руки, то вся промышленность въ странѣ избавилась бы отъ тѣхъ безчисленныхъ адвизныхъ и таможенныхъ путей, въ которыхъ она очутилась въ 1866-мъ году. Но американскіе законодатели рѣшаютъ свои финансовыя вопросы иначе, и когда пришлось отмѣнять всевозможные налоги, которыми они обременили свою страну, они постарались прежде всего сократить подоходный налогъ и организовать его такимъ образомъ, что онъ едва приноситъ свои издержки взиманія. Всего долѣ держали они такіе налоги, которые давали возможность нѣкоторымъ монополистамъ обманывать государственную казну. Какъ бы то ни было, къ 1871-му году число акцизовъ сократилось весьма значительно, и налогу подлежали лишь спиртные напитки, табакъ, банки и банкиры, газъ, денежные чеки, патентованныя лекарства, синчики; взимались также штемпельныя пошлины. Таможенный тарифъ остается все такимъ же высокимъ, каковымъ создали его конгрессные протекціонисты, воспользовавшись военнымъ временемъ, — и вотъ этому-то обстоятельству радуются всѣ наши протекціонисты и всѣ французы тьеровской школы: какъ извѣстно, Тьеръ ссылаясь на Соединенные Штаты, какъ на доказательство неудачи подоходнаго налога, между тѣмъ какъ подоходный налогъ оттого только не удается тамъ, что американскимъ капиталистамъ, какъ въ вопросѣ протекціонизма, такъ и здѣсь, желательно всю тяжесть государственныхъ налоговъ свалить на рабочіе классы, на все общество, находящееся внѣ міра крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ всякаго рода.

Американскіе протекціонисты любятъ увѣрять, что рабочіе классы въ сѣверныхъ штатахъ нисколько не пострадали ни отъ войны, ни отъ нелѣпой системы финансоваго управленія. Въ ихъ газетахъ находились также борзописцы, которые утверждали, что и государственный долгъ есть нѣчто въ родѣ небеснаго благословенія, и что пожаръ въ Чикаго „способствовалъ много къ украшенію“ этого города, потому именно, что эти два національныя бѣдствія служатъ стимулами въ промышленности, открываютъ новые рынки! И такія вещи пишутся въ нью-йоркской газетѣ „Tribune“, издаваемой подъ главною редакціей того самаго Грили, который недавно выступилъ кандидатомъ въ будущіе президенты американской республики! Тотъ фактъ, что рабочіе классы держали себя во время войны совершенно спокойно и не заявляли никакихъ крупныхъ жалобъ на свое положеніе, защитники протекціонизма объясняли въ стѣнахъ самаго конгресса

простижъ повышеніемъ — таможенныхъ тарифовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ нашли даже, что сама война, „разсматривая ее съ чисто-матеріальной точки зрѣнія“, была въ дѣйствительности благословеніемъ, и что процвѣтаніе страны нисколько не ослабло отъ ея ударовъ. Что рабочіе классы не жаловались во время войны на излишнія страданія и лишенія — это фактъ несомнѣнный, но объясняется онъ совершенно иначе. Прежде всего, удаленіе цѣлаго милліона рабочихъ людей въ ряды арміи увеличило въ значительной мѣрѣ шансы на трудъ для всѣхъ, кто прежде имѣлъ, сравнительно говоря, мало работы и получалъ небольшой заработокъ. Затѣмъ, тѣ, которые служили подъ знаменами, получали много денегъ и отсылали ихъ своимъ семьямъ и родственникамъ. Далѣе, — рабочіе *до* войны всегда имѣли работу и хорошую заработную плату, и получая вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе хорошее первоначальное образованіе, умѣли устроиваться съ нѣкоторымъ комфортомъ, такъ что нищеты почти не было. Нѣтъ никакого сомнѣнія, — и ниже мы докажемъ это цифрами — что война сильно ограничила комфортъ американскаго рабочаго, но такъ какъ самъ рабочій привыкъ пользоваться всѣми правами свободнаго гражданина въ своей странѣ и цѣнить гражданскую свободу, — то понятно, что онъ нашелъ возможнымъ и съюзить свой домашній комфортъ ради высокой патріотической цѣли. Но онъ приносилъ эту жертву безъ жалобъ и напрасныхъ оханій на тяжелыя времена, и вотъ его самоотверженіе стало уже въ глазахъ протекціонистовъ аргументомъ въ пользу войны, давшей имъ возможность внести въ американское законодательство свои завѣтные интересы! Между тѣмъ, если сравнить потребленіе нѣкоторыхъ предметовъ, необходимыхъ для жизни рабочаго, въ годы военнаго времени, съ потребленіемъ ихъ въ прежнее время, то сразу открывается передъ нами цѣлая картина разныхъ лишеній и бѣдствій, которымъ подвергались всѣ рабочіе и всѣ небогатыя люди. Населеніе въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1860 г. по 1866-й увеличилось на 4 милліона душъ, а потребленіе хлопка для промышленныхъ цѣлей уменьшилось съ 978,043 кипъ до 655,200. Производство хлопчато-бумажныхъ произведеній въ восемь лѣтъ съ 1860 по 1868, сравнительно съ ихъ производствомъ въ восемь предыдущихъ лѣтъ (1853—1860), уменьшилось на 33 процента. Въ шесть лѣтъ *до* войны Соединенные Штаты истребили 1.228 милл. фунтовъ кофе, а въ шесть лѣтъ *послѣ* объявленія войны только 751 милліонъ. Въ 1859-мъ году потреблено сахару 431,184 тонны, а въ 1864 только 221,980. Статистика башмачнаго, сапожнаго и шляпочнаго производства даетъ такія же цифры, а по нѣкоторымъ даннымъ изъ штата Массачузетса можно заключить, что въ настоящее время бѣдные люди даже занимаютъ меньшія квартиры: въ этомъ штатѣ со-

ставляются списки избирателей по домамъ, въ которыхъ они живутъ, и перепись 1868 года показала, что на каждую сотню домовъ въ томъ штатѣ живутъ девятью избирателями больше, чѣмъ въ 1860-мъ году.

Но кромѣ этихъ косвенныхъ доказательствъ того, что американскій рабочій понесъ вслѣдствіе войны и дурного финансоваго управленія значительный ущербъ въ своемъ домашнемъ комфортѣ, прямое сравненіе нынѣшнихъ цѣнъ на всѣ потребности жизни и заработной платы съ заработной платою и цѣнъ прежняго времени показываетъ совершенно ясно, что какъ война, такъ и протекціонизмъ—явленія крайне вредныя рабочему классу. Мы знаемъ, что наимѣнь протекціонистамъ либеральной школы легко можетъ придти въ голову свалить всю вину на одни военныя бѣдствія, но, во-первыхъ, такъ не поступаютъ сами американскіе протекціонисты, которые и самую войну берутъ подъ свое покровительство ¹⁾, а во-вторыхъ, Уэлльзъ представляетъ въ своемъ сравненіи цифры за 1871-й годъ, когда уже войны давно не было и только продолжается протекціонизмъ. Цифры его получены изъ одного большого промышленнаго города при Атлантическомъ океанѣ. Сравненіе дѣлается заработной платы, платы за квартиру и цѣнъ на первые потребности жизни (мука, мясо, масло, баранина, свинина, картофель, кофе, сахаръ и чай) за 1860-й годъ и 1871-й. Общій выводъ изъ этого сравненія тотъ, что при еженедѣльной заработной платѣ въ 12 долларовъ на рабочую семью, въ 1860-мъ году, рабочій могъ купить себѣ разныхъ предметовъ на два процента больше, чѣмъ на заработную плату въ 20 долларовъ, которую онъ получалъ въ 1871 году (ср. стр. 510, 511). Но рабочій людъ, особенно всѣ кустарные промышленники, понесли отъ протекціонизма сильныя стѣсненія еще другимъ способомъ, болѣе непосредственнымъ. Увеличеніе таможенныхъ пошлинъ съ разныхъ орудій производства: машинъ, инструментовъ и сырого материала, заставило многихъ изъ нихъ совсѣмъ бросить самостоятельное производство своего ремесла и идти въ наемъ къ большимъ

¹⁾ Война оставила между прочимъ громадный государственный долгъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ рассуждалъ объ этомъ явленіи одинъ изъ важнѣйшихъ протекціонистскихъ писателей Самуэль Уилькинсонъ, членъ редакціи нью-йоркской „Tribune“: „Отверженный долгъ Соединенныхъ Штатовъ есть, въ дѣйствительности, прибавленіе трехъ миллиардовъ къ реализованному прежде національному богатству. Это три миллиарда, прибавляемые къ активному капиталу, находящемуся въ распоряженіи нации. Уплатить этотъ долгъ значило бы уничтожить этотъ капиталъ и лишиться этого богатства. Уничтожить этотъ капиталъ и лишиться этого богатства было бы величайшимъ (inconceivably great) національнымъ бѣдствіемъ“. Замѣчательно, что о распространеніи памфлета Уилькинсона много старалось само правительство Линкольна. А теперь Грантъ старается главнымъ образомъ о томъ, какъ бы поскорѣе уничтожить Государственный долгъ.

фабрикантамъ, частію потому, что у нихъ не хватало капитала, частію же оттого, что теперь конкуренція съ крупными промышленниками стала опаснѣе и труднѣе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что повысивъ посредствомъ таможенныхъ пошлинъ цѣны на иностранные товары, крупные американскіе капиталисты и сами повысили цѣны на тѣ же товары своего произведенія, но это повышение цѣвъ шло соразмѣрно съ требованіями крупнаго капитала, а не съ прибылями мелкихъ ремесленниковъ; и такъ какъ крупный фабрикантъ можетъ для своего домашняго обихода довольствоваться сравнительно небольшимъ процентомъ съ своего капитала, то мелкій ремесленникъ, которому приходится брать тотъ же процентъ или даже меньшій, можетъ очутиться въ одинъ прекрасный день въ такомъ положеніи, что его капиталъ не станетъ давать ему столько прибыли, сколько нужно для житейскихъ потребностей его семьи.

Въ самой промышленной жизни Соединенныхъ Штатовъ есть теперь серьезныя симптомы дурнаго положенія рабочихъ людей,—симптомы прежде небывалые: это частыя стачки, образованіе рабочихъ союзовъ и появленіе на сцену американской политики даже „международнаго общества“. Этихъ фактовъ нельзя скрыть: они несомнѣнно утверждаютъ, что въ экономической системѣ Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на природныя богатства страны и на всевозможныя удобства для труда личнаго и артельного, есть где-какія важныя погрѣшности, и одна изъ наиболѣе крупныхъ, разумѣется,—протекціонизмъ, такъ какъ онъ препятствуетъ свободному развитію промышленности, торговли и земледѣлія.

Протекціонисты утверждаютъ совершенно противное,—въ таможенной регламентации они видятъ именно единственное могучее средство для развитія промышленныхъ силъ страны, и они много говорятъ о томъ, что не слѣдуетъ ставить страну въ зависимость отъ иностранцевъ. Между тѣмъ, въ Соединенныхъ Штатахъ произошло явленіе прямо противоположное ожиданіямъ сторонниковъ высокаго тарифа. Когда въ финансовой комиссіи 1868 года спросили подъ пряслагомъ Окса Эмса (Oakes Ames), одного изъ наиболѣе видныхъ и успѣшныхъ фабрикантовъ лопаты и сельско-хозяйственныхъ орудій, какое вліяніе произвелъ тарифъ 1864 года на знакомыя ему отрасли промышленности, то онъ признался, что первымъ эффектомъ его было „оживленіе почти всѣхъ отраслей“, но—прибавилъ онъ—„спустя немного мѣсяцевъ увеличившаяся стоимость производства и повышение цѣвъ на трудъ и на продукты труда были уже выше увеличенія тарифа, такъ что дѣла шли не лучше, если даже производство оставалось въ столь же хорошемъ положеніи, въ какомъ оно было прежде повышения тарифа“. Такимъ образомъ, усиленная стоимость производства

при высокомъ тарифѣ оставляетъ за собою только высокія (сравнительно) цѣны на предметы національнаго производства, а высокія цѣны если и приносятъ хорошій барышъ промышленникамъ на счетъ потребителей, то-есть всего общества, за то всегда ставятъ извѣстные предѣлы развитію разныхъ отраслей производства, отчасти потому, что уменьшаютъ шансы успѣшной борьбы на иностранныхъ рынкахъ, и отчасти потому, что принуждаютъ потребителя въ личенію себя многихъ вещей, которыми онъ пользовался бы при дешевизнѣ,—въ этомъ послѣднемъ отношеніи протекціонизмъ, ослабляя комфортъ гражданъ, является прямымъ препятствіемъ къ цивилизаціи. Статистика ввоза и вывоза разныхъ товаровъ дѣйствительно показываетъ, что американская торговля много ослабла отъ своей финансовой системы, и мы могли бы привести изъ статьи Уэллза нѣсколько доказательствъ того, что нѣкоторыя отрасли производства дошли тамъ до послѣдняго предѣла своего развитія и дальше развиваться не могутъ по той простой причинѣ, что рынки страны не чувствуютъ потребности въ этомъ развитіи, хотя цѣлые милліоны американскаго населенія нуждаются въ продуктахъ этихъ отраслей промышленности.

Что касается до ввоза и вывоза, Уэллзъ приводитъ всѣ цифры ихъ за 20 лѣтъ сряду, съ 1851 по 1871-й. Въ нихъ мы видимъ, что въ первое десятилѣтіе, то-есть до войны, вывозъ превышалъ ввозъ слишкомъ на 60 милліоновъ долларовъ (вывозъ 2,754 милліоновъ ввозъ: 2,694), между тѣмъ какъ въ слѣдующее десятилѣтіе (1861—1871-й) уже ввозъ взялъ верхъ надъ вывозомъ на 245 милліоновъ (вывозъ: 8,107 мил., ввозъ: 8,352). Итакъ, ввозъ иностранныхъ товаровъ растетъ гораздо быстрѣе вывоза продуктовъ домашняго производства, но въ самомъ ростѣ вывоза играетъ главную роль не фабрика и мастерская, а сельскія произведенія и сырые матеріалы вообще: до войны фабричныя издѣлія составляли 10 процентовъ всего вывоза, а въ 1870—1871-мъ на 562 мил. вывозныхъ товаровъ фабричныя издѣлія составляли лишь 33 милліона, то-есть, не болѣе 6 процентовъ. Еще яснѣе упадокъ американской промышленности является при сравненіи торговли Соединенныхъ Штатовъ съ тѣми странами, съ которыми они торговали до войны и торгуютъ теперь. Уэллзъ приводитъ сравнительныя цифры торговли съ важнѣйшими странами: Великобританіей, Вест-Индіей (испанскою и шведскою), Мексикой, Сандвичевыми островами и Канадою, и всѣ онѣ говорятъ одно и то же, всѣ онѣ утверждаютъ фактъ упадка. Британскимъ владѣніямъ въ Америкѣ и самой Англій, напримѣръ, Соединенные Штаты продавали въ 1860-мъ году на большія суммы, чѣмъ сами покупали отъ нихъ; теперь же (1870-мъ г.) имѣется обратное вліяніе, особенно въ Ка-

надѣ, которая продаетъ Соединеннымъ Штатамъ вдвое болѣе, чѣмъ покупаетъ у нихъ, хотя суммы американскаго ввоза уменьшились весьма немного.

Еще мрачнѣе смотритъ на протекціонизмъ статистика американской морской торговли; всѣ ея цифры указываютъ на ослабленіе торговли: въ 1860—1862-мъ году вмѣстимость торговыхъ кораблей опредѣлялась въ 539,813 тоннъ, а въ 1869—1870-мъ только 4,246,507; прибрежная торговля, охраняемая спеціальнымъ закономъ, тоже пала съ 2.657,292 тоннъ до 2.595,328. Сравненіе съ Англійей придаетъ этимъ цифрамъ еще болѣе мрачный колоритъ: до 1862 года вмѣстимость (въ тоннахъ) американскихъ судовъ, входившихъ въ порты Британской имперіи, превосходила вдвое вмѣстимость англійскихъ, входившихъ въ порты Соединенныхъ Штатовъ, но съ 1868 года тоже превосходство является уже на сторонѣ англійскаго торговаго флота. Въ сравненіи съ другими иностранцами, торговавшими съ Англійей, Соединенные Штаты тоже потеряли весьма много: въ 1860-мъ году въ британскихъ судоходныхъ книгахъ записано 924 американскихъ судна и 613 принадлежавшихъ другимъ націямъ, а въ 1869-мъ году американскихъ оказалось только 365, а другихъ иностранныхъ было 1.391.

Всѣ эти цифры ввоза, вывоза и морского судоходства безспорно доказываютъ, что протекціонизмъ даетъ какъ разъ противоположные результаты тѣмъ, которые были обѣщаны американскими протекціонистами: морская торговля пала, иностранные товары продолжаютъ успѣшно конкурировать съ американскими на американскихъ же рынкахъ, а американскіе, напротивъ, теряютъ покупателей за границею. А дома, между тѣмъ, происходитъ страннѣйшій феноменъ „overproduction“, на который жалуются всѣ главныя отрасли американской промышленности. Эта „излишняя производительность“ состоитъ вотъ въ чемъ. — Высокая стоимость производства, вызванная протекціонною системою, заставляетъ фабрикантовъ ставить столь высокія цѣны на товары, что американская промышленность не можетъ конкурировать на заграничныхъ рынкахъ съ промышленностью разныхъ иностранцевъ, и особенно Англійи. Запертая такимъ образомъ въ своемъ собственномъ рынкѣ, каждая отрасль промышленности можетъ развиваться лишь согласно съ потребностями нѣкоторыхъ слоевъ потребителей, способныхъ платить за товары требуемую фабрикантами цѣну; при высшихъ цѣнахъ кругъ этихъ потребителей весьма ограниченъ, а такъ какъ увеличенный тарифъ на ту или другую отрасль производства сразу привлекаетъ къ ней капиталъ, причемъ легко можетъ случиться, что привлеченный капиталъ произведетъ гораздо больше вещей, чѣмъ могутъ купить потребители за ту цѣну, какую

желать бы получать капиталъ при данныхъ экономическихъ обстоятельствахъ, и вотъ является феноменъ „overproduction“, если капиталисты не захотятъ понизить свои цѣны: у нихъ останутся вещи, которыхъ никто не покупаетъ по установленнымъ цѣнамъ. Такие факты были въ послѣднее время у фабрикантовъ хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій, у сапожниковъ и башмачниковъ, у владѣльцевъ каменноугольныхъ и соляныхъ копей и желѣзныхъ рудниковъ, у фабрикантовъ писчей бумаги: всѣ эти промышленники собирались на митинги разсуждать о томъ, какъ бы избѣжать этой „излишней производительности“, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшили сократить число рабочихъ часовъ на своихъ фабрикахъ. Эти рѣшенія ясно показываютъ, почему въ исторіи американскихъ стачекъ удачи бывають только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ: прекратить работы на своей фабрикѣ на нѣкоторое время американскій фабрикантъ находитъ даже весьма полезнымъ. Вотъ въ какомъ славномъ результатѣ ведетъ американскій протекціонизмъ! Нашъ авторъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ такого вліянія протекціонизма; изъ нихъ особенно характеристиченъ фактъ съ солью, нѣкоторыя странныя подробности котораго могутъ быть интересны и для русскаго читателя, особенно же для нашихъ „либеральныхъ“ протекціонистовъ.

Соединенные Штаты очень богаты солью: ее можно добывать тамъ и непосредственно изъ богатыхъ копей, и выпариваніемъ изъ морской воды. До войны, таможенная пошлина на соль была лишь номинальная: по 2½ до 3-хъ центовъ съ куля; добыча соли развивалась повсюду довольно успѣшно, и всѣ жители Соединенныхъ Штатовъ пользовались прекрасною солью по 1½ доллара за боченокъ. Во время войны, ловкіе монополисты успѣли провести въ конгрессѣ законы о повышеніи пошлины съ соли, сперва на 12, а потомъ и на 18 центовъ со 100 фунтовъ, а затѣмъ и до 24 центовъ. Въ то же самое время федеральная войска разрушила на время богатые соляныя копи въ Кенавѣ (въ Виргиніи) и блокировала Миссиссиппи, по которой прежде подымалась въ западные штаты иностранная соль. Монополисты воспользовались всѣми этими обстоятельствами для того, чтобы поднять цѣну на соль съ 1½ доллара за боченокъ до 5 долларовъ. Окончилась война, и монополисты снова обращались къ конгрессу увеличить тарифъ до 30 и даже 42 центовъ съ 100 фунтовъ: палата представителей утвердила это прошеніе 86-ю голосами противъ 32-хъ, но у сената не хватило времени обсудить его, и тарифъ остался прежній. Но вотъ что между тѣмъ происходило съ добычею соли. Когда громадные барыши, которые получили ловкіе промышленники, стали извѣстны по всей странѣ, много людей бросилось рыть новые колодцы и строить новыя машины для выпариванія, при

чемъ не обращали никакого вниманія на то, есть ли въ той мѣстности хорошій и удобный сбытъ соли, и есть ли въ карманѣ у самого новаго производителя достаточно денегъ для соперничества съ тѣми, кто уже успѣлъ приобрести опытность въ этомъ дѣлѣ. Скоро на американскихъ рынкахъ появилась соль всѣхъ сортовъ, и самая грубая въ томъ числѣ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ предложеніе соли стало превышать спросъ, а такъ какъ заработную плату уменьшить было нельзя, то слабые производители скоро обанкротились, а крупные работали съ нѣкоторымъ урономъ и стали снова кричать о необходимости дальнѣйшаго повышенія тарифа. Ассоціація крупныхъ промышленниковъ на рѣкѣ Огайо, чтобы удержать свои высокія цѣны въ западныхъ штатахъ, арендовала Кенавскія копи въ Виргиніи за 75,000 долларовъ ежегодной платы, съ единственною цѣлью закрыть ихъ, несмотря на то, что въ этихъ копяхъ существуютъ всѣ условія успешной и обильной добычи соли. Итакъ, вмѣсто открытія и разработки новыхъ источниковъ естественнаго богатства страны, протекціонизмъ ведетъ даже къ закрытію старыхъ источниковъ, — вмѣсто развитія промышленности и торговли, протекціонизмъ только губитъ ихъ...

Въ нашей статьѣ мы привели только небольшую часть тѣхъ фактовъ, которые даетъ Уэлльзъ, но и эти немногіе факты возбуждаютъ невольнo вопросъ, да какъ же американцы терпятъ подобныя негѣпости въ своихъ финансахъ?... Уэлльзъ самъ дѣлаетъ этотъ вопросъ, и, по его мнѣнію, только война и политика мѣшали американцамъ понять весь вредъ протекціонизма и уже давно изгнать его изъ законодательства своей страны. Уэлльзъ убѣжденъ, „что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ уже всякій слѣдъ стѣснительнаго и монолистскаго законодательства исчезнетъ изъ національныхъ статутовъ“ (стр. 540), и если судить по тому интересу, который возбуждаютъ въ нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатахъ финансовые вопросы, и по тому живому движенію, которое обнаруживается среди американскаго рабочаго класса, а также благодаря усиленію солиднаго образованія въ высшихъ школахъ и университетахъ, гдѣ вездѣ преподается не „американская“ политическая экономія, а научная, то весьма можно согласиться съ Уэлльзомъ, что протекціонизмъ въ Америкѣ доживаетъ свое послѣднее время. Такого незавиднаго мнѣнія о своемъ твореніи держатся повидимому и сами защитники протекціонизма. Такъ, напримѣръ, въ 1866-мъ году, Генри Кэри, когда узналъ о смерти Кобдена (1865 года), высказалъ на публичномъ митингѣ замѣчательныя слова, изъ которыхъ ясно видно, сколь слабымъ считалъ онъ самъ основные аргументы протекціонизма. Онъ заявилъ на митингѣ, что въ смерти Кобдена слѣдуетъ видѣть руку Провидѣнія, покровительствующаго Соединеннымъ Штатамъ. Когда изумленные слушатели

спросили оратора, почему онъ видитъ въ этой смерти благодѣтельную для американцевъ руку Провидѣнія, то Кэри отвѣчалъ, что Кобденъ общалъ, незадолго до своей смерти, посѣтитъ Соединенные Штаты, и при этомъ посѣщеніи онъ, разумѣется, воспользовался бы уваженіемъ американцевъ къ его личности для того, чтобы устроить бесѣды о свободѣ торговли; „массы народа вездѣ собирались бы толпами слушать его (Кобдена), и изъ этого въ результатѣ могъ бы быть нанесенъ сильный ударъ (detriment) дѣлу протекціонизма“. Вотъ какъ крѣпки основы американскаго протекціонизма: одинъ лучъ научнаго свѣта, брошенный въ массы народа краснорѣчивымъ ораторомъ, наноситъ имъ страшное потрясеніе, за избавленіе отъ котораго Кэри и ему подобные возсылаютъ молитвы къ небу!...

И въ дѣйствительности, основы протекціонизма даже на политическомъ рынкѣ становятся крайне шаткими; теперь уже нѣтъ ни одного штата въ американской республикѣ, гдѣ бы не существовала широкая фритрадерская агитація. Въ штатахъ Новой Англій избиратели жалуются на дороговизну каменнаго угля, на югѣ кричатъ о стѣсненіяхъ торговли земледѣльческими орудіями и недостаткѣ дешеваго платья для рабочихъ. Западные штаты рѣшительно не хотятъ продавать всѣ свои произведенія по однимъ цѣнамъ слишкомъ низкимъ, и покупать нужныя для себя вещи непременно въ другихъ штатахъ по цѣнамъ слишкомъ высокимъ; наконецъ, штатамъ при Тихомъ океанѣ желательно было бы избавиться отъ тѣхъ стѣсненій, которыя мѣшаютъ имъ добывать соль, въ изобиліи скопленную на прибрежныхъ островахъ. Чтобы всѣ эти недовольства не возбудили новую междоусобную войну, американцы должны, по мнѣнію нашего автора, вернуться къ „основному принципу всякаго истинно-свободнаго правленія, то-есть, къ *наименьшему вмѣшательству въ свободу личности*. Что эта доктрина значить (прибавляетъ Уэлльзъ) относительно свободы мысли, рѣчи и личной дѣятельности,—это извѣстно всему народу Соединенныхъ Штатовъ, но что она значить относительно ремесла, торговли и индустріи—этому американцы еще должны хорошенько поучиться, и они учатся теперь въ суровой и дорогой школѣ опыта“.

Итакъ, протекціонизмъ, какъ вездѣ, такъ и въ Америкѣ, вовсе не составляетъ высшей мудрости, передъ которою слѣдуетъ поклоняться и которою можно пользоваться какъ историческимъ аргументомъ, — напротивъ, и въ Америкѣ онъ является такимъ же вреднымъ заблужденіемъ, каковымъ былъ вездѣ; и тамъ онъ сѣетъ только раздоры между разными частями государства и приноситъ пользу однимъ лишь монополистамъ, готовымъ всякими способами эксплуатировать какъ своихъ собственныхъ рабочихъ, такъ и все общество вообще.

La science des religions, par *Emile Burnouf*, directeur de l'école française d'Athènes. Paris, Maisonneuve et C^{ie}, 1872. (Наука вѣроученій, соч. Эмилъ Бюрнуфа).

Религія долго оставалась внѣ предѣловъ научнаго изученія, но въ этомъ пренебреженіи виноваты не люди науки, а сами проповѣдники религіи, потому что приложеніе научнаго метода къ изученію существующихъ религіи было обставлено многими внѣшними затрудненіями. Критика существующихъ религіи, до самаго послѣдняго времени, была предметомъ даже самыхъ жестокихъ политическихъ преслѣдованій во многихъ государствахъ западной Европы. Современная наука отдѣляетъ церковь отъ религіи, и подвергая строгой критикѣ разные обряды и обычай церкви, имѣетъ въ виду не уничтожать религію, какъ инсинуируютъ защитники официальныхъ вѣроученій, но развѣнчать ея значеніе въ средѣ индивидуальной человѣческой жизни и въ исторіи всего человѣчества. Впрочемъ, преслѣдованіе науки со стороны церкви (то-есть, духовенства) въ этомъ дѣлѣ — фактъ весьма естественный, такъ какъ духовенство не можетъ отказаться ни отъ одного изъ своихъ заблужденій, не обличивъ въ то же самое время самого себя. Формула *non possumus*, которою столько дражили папу, присуща многимъ существующимъ религіямъ. Само собою разумѣется, что подорви науки тотъ или другой догматъ въ какой-нибудь религіи, имѣющей культъ и приверженцевъ, и вотъ вся религія должна измѣнить всѣ свои формы, то-есть, перестать быть самой собою. Такъ какъ научныя изслѣдованія грозили, повидимому, такими подрывами каждой изъ существующихъ крупныхъ церквей, то понятно, что духовенство старалось повсюду противоудѣйствовать появленію научной критики всѣми средствами, находившимися въ его распоряженіи. И наука оплакала многихъ мучениковъ, прежде чѣмъ реформація положила первый камень критики въ религіозныхъ вопросахъ. Но такъ какъ реформація произвела въ политическомъ отношеніи только расколъ въ католицизмѣ, и потому сама старалась окаменѣть въ нѣсколькихъ новыхъ формахъ государственной церкви, то ученые все еще лишь съ большимъ трудомъ и среди серьезныхъ опасностей отваживались на изученіе религіи отдѣльно отъ церкви. Съ другой стороны, писатели политическаго заката, борцы за свободу противъ церковнаго авторитета, бросились въ бойкую полемику съ существовавшимъ въ то время духовенствомъ, и съ азартомъ увлекаясь своимъ бичеваніемъ злоупотребленій и лицемѣрія разныхъ членовъ духовной іерархіи, ошибочно отождествляли церковь съ религіей вообще и вмѣсто того, чтобы примѣнить къ изученію религіи научный методъ, прямо и рѣзко отрицали не только политическую власть духовен-

ства, но и самую религію. Какъ бы то ни было, эта политическая пропаганда, направленная не противъ духовенства только, но противъ религіи вообще, сказалась довольно сильно въ томъ широкомъ переворотѣ, который произвела въ умахъ цивилизованнаго міра французская революція XVIII вѣка. Страшное потрясеніе, которое потерпѣли тогда отъ этого переворота всѣ западныя церкви, было главною причиною тому, что научной критикѣ удалось войти и утвердиться въ области религіозныхъ вопросовъ. Къ научному изслѣдованію были привлечены и іудаизмъ, и исламизмъ, и само христіанство; только при помощи этихъ изслѣдованій и посредствомъ сравненій ихъ съ религіями Востока могла, наконецъ, создаться и такая наука, о которой написалъ свою книгу Эмиль Бюрнуфъ.

Наука вѣроученій, наука религій — есть твореніе нашего вѣка. Было время, когда церковь имѣла въ своихъ рукахъ и право, и политику, и нравственность, и философію; теперь наука не только отняла всѣ эти области умственной дѣятельности человѣка, не только стала предметомъ первостепенной важности въ частной жизни, въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, — но даже зашла въ храмы и стала доискиваться истиннаго смысла обрядовъ и догматовъ. Задача науки въ изученіи религій состоитъ именно въ опредѣленіи тѣхъ „законовъ, которымъ повинуются священныя учрежденія, причинъ ихъ возникновенія, процвѣтанія и паденія“. Но, имѣя въ виду эту задачу, наука отрѣшается отъ всякой полемики съ церковью; вся ея вина передъ церковью можетъ состоять лишь въ томъ, что она разбираетъ христіанство точно также безпристрастно, какъ всякую другую религію, но оттого-то она и наука, а не та или другая теологія. Бюрнуфъ не находитъ науку врагомъ даже божественности Іисуса Христа: „У нея—говоритъ онъ—нѣтъ орудія ни противъ подобной доктрины, ни за нея, такъ какъ это предметъ вѣры, а не фактъ научнаго спора“. „Что касается до меня, — прибавляетъ нашъ авторъ—я не одобряю ни проповѣдниковъ, ни писателей, старающихся доказывать божественность Христа человѣческими аргументами: если ихъ доводы хороши, то вѣра лишается всего своего достоинства, ибо не за что хвалить допущеніе теоремы всѣми рѣшаемой; если же они плохи, то, подрывая вѣру въ умахъ, они только компрометируютъ религію“. Наука при всѣхъ доводахъ подобнаго рода остается ни причемъ: не ея дѣло разбирать, которая изъ историческихъ личностей болѣе достойна божественнаго качества, — „ея роль ограничивается признаніемъ того, что каждая религія имѣетъ своего Бога, изложеніемъ согласно съ фактами той идеи, какою составляютъ себѣ вѣрующе о каждомъ вѣрованіи, и изслѣдованіемъ хода этой идеи въ исторіи“ (стр. 23).

Наука религій достигаетъ своихъ выводовъ тѣмъ же путемъ, какимъ совершается изслѣдованіе въ другихъ наукахъ. Здѣсь тоже главную роль играетъ анализъ фактовъ, представляемыхъ самими религіями, съ ихъ богословіемъ, догматами и обрядами, и исторія ихъ. Сравненіе всѣхъ религій между собою и ихъ совмѣстное или послѣдовательное происхожденіе другъ изъ друга, при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, природныхъ и историческихъ, дадутъ ключъ ко всѣмъ выводамъ относительно происхожденія какъ самой идеи о божествѣ, такъ и истекающимъ изъ нея догматамъ и обрядамъ. Тѣми же способами опредѣляется живучесть и сила того или другого представленія о божествѣ, и причины паденія религій.

Бюрнуфъ излагаетъ свою науку талантливо и просто, нигдѣ не вдаваясь въ преувеличеніе общественнаго значенія научныхъ выводовъ, и всегда оставаясь на почвѣ научныхъ фактовъ. Опасаясь, чтобы тѣ или другія его объясненія не были истолкованы во враждебномъ къ религіознымъ вѣрованіямъ смыслѣ, онъ часто останавливается для полемики съ подобными извращеніями научныхъ результатовъ. По мнѣнію нашего автора, между религіей и наукою не должно быть никакой вражды, такъ какъ обѣ онѣ „тождественны въ своемъ методѣ и въ своемъ ученіи“. Причины, почему нѣкоторыя господствующія церкви поднимаютъ войну противъ науки, „причины временныя и неимѣющія ничего общаго съ религіей“. Обвинять ученыхъ во враждѣ къ Богу, Христу и человѣчеству, какъ это сдѣлалъ кардиналь Матѣ въ своей безансонской рѣчи въ 1863 г., крайне несправедливо; „ученые—возражаетъ Бюрнуфъ—въ настоящее время первые и самые полезные люди, какими были священники въ то время, когда имъ ненужно было защищать мірскіе интересы и когда истина была единственнымъ предметомъ ихъ изученія“. Какъ въ началѣ исторіи человѣчества религія является вмѣстѣ съ тѣмъ и наукою, какъ тогда между ними не было никакого раздвоенія, такъ и при совершенствованіи науки между нею и религіей не было бы раздвоенія, еслибъ между ними не становились интересы духовной касты—интересы, неимѣющіе ничего общаго съ религіозными представленіями и вѣрованіями людей. Церковь должна также совершенствоваться, какъ наука, согласно съ открытіями и выводами послѣдней, а не съ тѣми или другими соображеніями политическаго или какого-нибудь другого не-научнаго и даже противунаучнаго характера. Исторія религій доказываетъ, что всѣ онѣ падали какъ только приходили въ столкновеніе съ справедливыми выводами научной мысли. Въ настоящее время авторъ видитъ всю западную Европу въ періодѣ *научномъ*, который даетъ себя чувствовать многими путями. Прежде всего мы видимъ разрывъ между церквами и государствами, вслѣд-

ствіе котораго распадаются церкви съ большею или меньшею скоростью, а изъ этого распадёнія выходитъ возвращёніе людей къ индивидуальной религіи (въ которой они пребывали до появленія вѣроученій въ исторіи), а индивидуальная религія даетъ свободу въ дѣлахъ вѣры. Государство, отдѣляясь отъ церкви, возлагаетъ на каждую церковь или секту заботы о своемъ собственномъ существованіи, а церкви и секты, распадаясь, предоставляютъ каждой личности его личныя вѣрованія. „Такимъ образомъ,—продолжаетъ авторъ, уже пускаясь въ мечтанія о будущемъ,—храмы опустѣютъ или станутъ служить мѣстомъ для новыхъ собраний, а внѣ ихъ будетъ царить миръ въ душахъ, свѣтъ въ умахъ, дѣятельность въ общественныхъ силахъ, однимъ словомъ наука, вокругъ которой сгруппируются отдѣльныя личности и цѣлыя народы“ (стр. VI).

Распадёніе церквей и сектъ, о которомъ говоритъ авторъ, происходитъ теперь въ значительныхъ размѣрахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ и храмы часто обращаются въ театры или жилые дома. Бюрнуфъ предвидитъ быстрое распадёніе римскаго католицизма въ Европѣ: отдѣленіе армянской церкви отъ папства и непризнаніе новаго догмата непогрѣшимости въ значительной части Европы служатъ тому серьезными предзнаменованіями.

Но главная цѣль науки религіи заключается не въ туманныхъ предсказаніяхъ будущаго распадёнія церквей и возвращёнія людей къ свободѣ личныхъ вѣрованій, а въ опредѣленіи тѣхъ законовъ, въ силу которыхъ первоначальное религіозное чувство приняло столь разнообразныя формы внѣшняго богопочитанія, и еще другихъ, въ силу которыхъ это разнообразіе формъ вновь стремится найти свое единство въ свободѣ личнаго культа. На эти оба вопроса наука даетъ уже болѣе или менѣе положительныя отвѣты.

Есть цѣлыя народы, цѣлыя племена, въ которыхъ не замѣчали никакого понятія о божествѣ. Бюрнуфъ увѣряетъ, что ни негры, ни желтыя расы не обладаютъ въ своемъ умѣ такою тонкостью анализа, чтобы додуматься до идеи божественной силы, и что эта идея есть созданіе бѣлыхъ людей, причѣмъ арійское племя, какъ обладающее болѣе широкими аналитическими способностями, чѣмъ семиты, ушло въ философскія разсужденія о сущности вещей и создало себѣ боговъ изъ силъ природы, между тѣмъ какъ семиты остановились на божествѣ, какъ на существѣ, обладающемъ произвольною властью. И вотъ уже въ самомъ началѣ развитія религіи становится сразу вопросъ о томъ, составляютъ ли религіи непосредственное, произвольное и обдуманное дѣло тайной силы, дарующей намъ дѣямъ въ извѣстные моменты ихъ исторіи, или онѣ суть не что иное, какъ случайныя произведенія обыкновенныхъ силъ природы.

щіяся другъ за другомъ въ извѣстной постепенности при условіяхъ, доступныхъ человѣческому пониманію. „Въ первомъ случаѣ, — говоритъ нашъ авторъ — не было бы никакихъ причинъ навадать на какую-либо религію, представляя ее созданиемъ злого духа. Тогда религіозная нетерпимость заслуживала бы осужденія во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ всѣ люди, какъ дѣти Бога, равны передъ Нимъ, и было бы противно всѣмъ простѣйшимъ и справедливейшимъ естественнымъ чувствамъ предположить въ отцѣ желаніе несчастія своимъ дѣтямъ. Слѣдовало бы, поэтому, допустить, какъ учатъ нѣкоторые умные брамины въ Индіи, что каждая религія создана для тѣхъ, кто ее исповѣдуетъ, что всѣ онѣ дѣло одного благодѣтельнаго существа, и что, такимъ образомъ, исторія человечества въ наиболѣе важныхъ явленіяхъ своихъ движется рядомъ божественныхъ чудесъ. Во второмъ случаѣ, эти внезапныя вмѣшательства неуловимой силы не имѣютъ мѣста. Богъ не передѣлываетъ и не исправляетъ своего дѣянія. Въ немъ видятъ не вызывающую причину религій, но только формальную. Онъ уже не работаетъ, но только образецъ; дѣйствительнымъ работникомъ является самъ человѣкъ. Тотъ самый человѣкъ, который строитъ храмы, возводитъ алтари, учреждаетъ церемоніи, приноситъ жертвы, составляетъ молитвы и произноситъ ихъ среди собравшагося народа, — онъ же служитъ истолкователемъ религіозной мысли, пророкомъ, ее возвышающимъ, разумомъ, ее разблачающимъ... Происхожденіе религій не мистерія. Это явленіе общей психологіи, не заключающее въ себѣ никакого чуда, то-есть, никакого, ни мѣстнаго, ни чрезвычайнаго вмѣшательства какой-нибудь высшей силы. То, что нѣкоторыя религіи — и между ними Зороастрова и браминская — называютъ откровеніемъ, слѣдуетъ принимать не иначе, какъ въ смыслѣ словъ четвертаго Евангелія: „Это свѣтъ, просвѣщающій людей“... Это откровеніе происходитъ въ личной мысли каждаго человѣка; это то самое, что проповѣдуютъ въ двадцати мѣстахъ авторы Ведъ. Не только они провозглашаютъ самихъ себя „изобрѣтателями боговъ“, изобрѣтателями жертвъ, творцами символовъ и священныхъ формулъ, но, отождествляя съ своею собственною мыслью мыслящее существо, съ своею индивидуальною жизнью общее начало жизни, и съ огнемъ, который они предполагаютъ вездѣ, всѣ явленія теплоты и движенія, они чувствуютъ и возвышаютъ, что это они сами открываютъ эти истины“¹⁾. Противно ученію Воссюэта о первоначальномъ откровеніи, наука религій отдаетъ преимущество сообщеніямъ авторовъ Ведъ, которые откровенно передаютъ намъ происхожденіе буддизма. Какъ тамъ, въ

¹⁾ Ср. стр. 193—194, 403—404.

Азиі, идея о божествѣ исходила изъ наблюденія надъ явленіями природы, такъ и въ другихъ мѣстахъ, разность въ окружающей природѣ и уровень аналитическихъ способностей въ населеніи опредѣлили все разнообразіе религій. Идея о божествѣ есть продуктъ человѣческихъ размышленій надъ своими отношеніями къ природѣ, и чѣмъ лучше и умнѣе опредѣлялись эти отношенія въ томъ или другомъ народѣ, тѣмъ выше и точнѣе опредѣляется въ немъ само понятіе о Богѣ. Съ развитіемъ цивилизаціи совершенствовалось въ умахъ людей представленіе о Верховномъ Существомъ; чѣмъ больше цѣнили люди уваженіе къ человѣческой свободѣ и любовь къ ближнему, тѣмъ болѣе милостивымъ и возвышеннымъ является въ ихъ глазахъ самъ Богъ. Римскій католицизмъ, съ его папскою непогрѣшимостью, становится въ наше время невозможнымъ просто потому, что онъ осуждаетъ именемъ Бога всѣ лучшія приобритенія человѣческаго ума, всѣ вольности тѣхъ самыхъ народовъ, среди которыхъ живетъ католицизмъ. Но эти народы не могутъ уже отказаться ни отъ выводовъ науки, ни отъ своихъ правъ, приобритенныхъ ими лишь съ большимъ трудомъ, и вотъ они не понимаютъ, какимъ образомъ Богъ можетъ требовать того, чего хочетъ папа, какимъ образомъ Богъ, котораго онъ всегда представлялъ Существомъ добрымъ и разумнымъ, станетъ вдругъ требовать, чтобы люди отказались отъ всѣхъ правъ своихъ и перестали признавать несомнѣнныя истины науки. У мірянъ запада не тѣ понятія о Богѣ, что у папы, — вотъ гдѣ главная причина разрыва, и такъ какъ католицизмъ не можетъ уступить, не переставая быть самимъ собою, то ему предстоитъ неминуемое паденіе или, по крайней мѣрѣ, раздвоеніе.

Въ цѣлой главѣ о „законѣ раздвоенія“ Бюрнуфъ показываетъ, какъ этотъ законъ повторяется со всѣми религіями каждый разъ, какъ онѣ приходятъ въ столкновеніе съ новыми идеями о божествѣ, возникающими отъ времени до времени среди народовъ. Въ концѣ концовъ законъ раздвоенія религій ведетъ къ возстановленію личной религіи, посредствомъ удаленія всякаго политическаго элемента изъ религиозныхъ учреждений. Религиозныя общины, основанныя на іерархіи, увѣряетъ нашъ авторъ, заключаютъ сами въ себѣ причину собственнаго разрушенія. Ни армія, ни союзы, никакая человѣческая помощь не можетъ задержать этого разрушенія, такъ какъ законы природы неизблемы. Возьмите опять папство; оно само себѣ врагъ, такъ какъ оно покоится на политическомъ принципѣ.

L'Internationale remplacée. Lettre aux chambres législatives belges sur l'intervention des pouvoirs publics dans la question ouvrière, par Un publiciste en retraite. Bruxelles, Victor Devaux et C^{ie}. 1872. (Замѣщенный Интернаціоналъ).

Небольшая брошюра (55 страницъ) съ этимъ страннымъ заглавіемъ написана, очевидно, умнымъ человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ рабочимъ вопросомъ. Пользуясь тѣмъ смущеніемъ бельгійскаго парламента, въ которомъ тотъ очутился послѣ паденія парижской коммуны 1871 года, когда начались запросы французскаго правительства къ бельгійскому по поводу скрывшихся въ Бельгій членовъ интернаціонала, — неизвѣстный авторъ предлагаетъ членамъ обѣихъ законодательныхъ палатъ Бельгій остроумный планъ борьбы съ интернаціоналомъ; жаль только, что этотъ планъ не обратилъ на себя должнаго вниманія. Исходя изъ того вѣрнаго положенія, что интернаціоналъ есть отчасти созданіе самихъ обстоятельствъ, среди которыхъ живутъ рабочіе люди въ Европѣ—результатъ ихъ недовольства не матеріальнымъ положеніемъ только, но преимущественно политическимъ, почтенный публицистъ находитъ только одно средство уничтожить интернаціоналъ—именно создать правительственными руками такую центральную ассоціацію рабочихъ, которая, будучи представителемъ всѣхъ рабочихъ мирнаго характера, могла бы предлагать парламенту мѣры, необходимыя для улучшенія быта рабочихъ людей, и которая имѣла бы прямыя сношенія не только съ министерствомъ, но хотя однажды въ годъ съ самимъ королемъ. Сама центральная ассоціація рабочихъ должна создаваться изъ разныхъ рабочихъ обществъ, необладающихъ революціоннымъ темпераментомъ, образованію и распространенію которыхъ правительство должно способствовать всѣми мѣрами, „согласными съ тѣми божественными и человѣческими законами, на которыхъ покоится общественный и государственный порядокъ“. Еслибъ парламентъ серьезно принялся за осуществленіе этой идеи, то-есть, другими словами, сталъ искать среди самихъ рабочихъ ключа къ разрѣшенію рабочаго вопроса, тогда, разумѣется, интернаціоналъ лишился бы одного изъ важнѣйшихъ орудій своей пропаганды и главной основы своего существованія, ибо рабочіе становятся членами этого общества именно вслѣдствіе того, что видятъ въ правительствѣ страны еще мало заботы объ интересахъ людей труда. „Рабочій—говоритъ нашъ авторъ—жалуется не на то исключительно, что не можетъ бороться съ матеріальными затрудненіями существованія. Нѣтъ, онъ испытываетъ страданіе болѣе благородное; онъ страдаетъ оттого, что его считаютъ ни во что, что онъ составляетъ лишь пассивное орудіе въ рукахъ его нанимателей, между тѣмъ какъ онъ, путемъ образованія, посред-

ствомъ печати, лекцій и сходою, успѣлъ развить въ себѣ живое чувство собственнаго достоинства... Рабочіе хотятъ быть не механическою силою только, не *руками*, которыя то пускаются въ движеніе, то приостанавливаются по чужой волѣ. Эти орудія сознаютъ себя людьми и хотятъ, чтобы съ ними обращались какъ съ людьми; они хотятъ имѣть голосъ всякій разъ, когда идетъ дѣло объ ихъ интересахъ. Они считаютъ себя такими же гражданами, и ихъ возмущаетъ мысль, что они не пользуются ни правами, ни уваженіемъ, которые присущи этому титулу, хотя они несутъ, сравнительно говоря, самыя тяжкія повинности, возлагаемыя на гражданина" (стр. 48—49).

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что для правительства рабочій вопросъ, даже и при самыхъ благихъ его намѣреніяхъ, представляетъ несравненно болѣе затрудненій, чѣмъ для кого бы то ни было, такъ какъ правительство, по своему отвѣтственному характеру, не можетъ рѣшать подобные вопросы путемъ одной фантазіи, а должно принять въ соображеніе практическую осуществимость каждой новой мѣры.

Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat. A series of memoirs, by *John Tyndall*. London, 1872. (Вклады въ молекулярную физику, въ области лучистой теплоты. Рядъ статей *Джона Тиндалла*.)

Этотъ большой томъ сочиненій знаменитаго физика заключаетъ въ себѣ лишь перепечатки изъ двухъ ученыхъ англійскихъ журналовъ, съ небольшими добавленіями. Два года тому назадъ онъ издалъ свои статьи объ изслѣдованіяхъ въ области диамагнетизма и магнокристаллическихъ явленій, а въ настоящій томъ вошли всѣ тѣ изслѣдованія о лучистой теплотѣ, какъ орудіи для изученія молекулярнаго состоянія тѣлъ, которыми онъ приобрѣлъ себѣ столь громкое имя въ наукѣ, и которое онъ мастерски изложилъ въ популярной формѣ въ извѣстномъ его сочиненіи: „Heat a mode of motion“ (теплота—видъ движенія).



ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 9-го октября 1872 года.

1) Принято съ благоговѣйною благодарностью извѣщеніе о пожалованіи Обществу изъ кабинета Его Императорскаго Величества 1,000 р., Ея Императорскимъ Величествомъ 300 и Ихъ Императорскими Высочествами Государями Великими Князьями Владиміромъ и Алексѣемъ Александровичами 300 р.

2) Отклонено ходатайство вдовы писателя о пособіи на воспитаніе ея дочери, такъ какъ она уже получила пособіе на этотъ предметъ изъ другого источника.

3) Отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

4) Выдано 50 р. въ пособіе вдовѣ писателя, находящейся въ затруднительномъ положеніи.

5) Назначена ежегодная пенсія въ 240 р. вдовѣ извѣстнаго въ свое время писателя.

6) Продолжено на 1 годъ пособіе, по 10 р. въ мѣсяцъ, на воспитаніе дѣтей покойнаго писателя.

7) Изъявлена благодарность В. А. Камышеву за сообщеніе извѣстія объ отказѣ въ пользу общества 1,200 р., по духовному завѣщанію покойнаго дѣйст. ст. сов. Ф. Г. Тимоѣева.

Отчетъ казначея за сентябрь.

Къ 1-му сентября состояло на лицо 55,562 р. 81 к.—На приходъ поступило: годовые взносы 4-хъ членовъ 70 р. и одновременно отъ А. А. Карасева 10 руб.—Израсходовано: на пенсіи 7-ми семействамъ 531 р., на воспитаніе 4-хъ дѣтей 245 р., на единовременныя пособія 5-ти лицамъ 425 р., всего 1,201 р.—Къ 1-му октября въ кассѣ 54,441 р. 81 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 руб., на текущемъ счетѣ 1,300 р. и деньгами 1 р. 81 к.

II. Главное управленіе военно-учевныхъ заведеній.

На педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ при 2-й С.-Петербургской Военной Гимназіи, имѣется въ настоящее время двѣ вакантіи кандидатовъ-педагоговъ по русскому языку и словесности.

Эти вакансіи могутъ быть замѣнены окончившими курсъ въ университетѣ по историко-филологическому факультету, или въ духовной академіи.

Кандидаты-педагоги во время пребыванія на педагогическихъ курсахъ, продолжающихся два года, пользуются стипендіею въ 600 руб., если принадлежать къ получившимъ университетское образованіе, и въ 500 руб., если окончили образованіе въ одной изъ Духовныхъ Академій; сверхъ того неженатые пользуются, если пожелать, и безвозмезднымъ помѣщеніемъ въ казенномъ зданіи.

Окончившіе успѣшно занятія на педагогическихъ курсахъ опредѣляются въ военныя гимназіи, по распоряженію главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, штатными преподавателями русскаго языка и словесности и обязаны прослужить въ этомъ званіи не мене трехъ лѣтъ; по окончаніи означеннаго срока обязательной службы, лицамъ этимъ засчитывается въ дѣйствительную учебную службу все время, проведенное ими на педагогическихъ курсахъ.

Просьбы о приѣмѣ на педагогическіе курсы слѣдуетъ представлять въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, прилагая: 1) метрическія свидѣтельства; 2) установленные дипломы и аттестаты, или удостовѣренія, замѣняющія эти документы, и 3) свидѣтельство о поведеніи отъ надлежащихъ начальствъ.

Для болѣе подробныхъ справокъ по вопросамъ объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ можно обращаться въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній или же во 2-ю петербургскую военную гимназію.

ПОПРАВКИ.

Въ ноябрьской книгѣ просятъ исправить слѣдующее:

Страл.	Стрк.	Напечатано:	Вмѣсто:
26	6 св.	извѣстно	очевидно
27	26 св.	только что	только, когда
38	14 св.	чханіе	гханье
268	16 „	представтъ	представивъ
277	12 „	содѣлать	содѣвать
279	7 св.	лексинская	лексинское
280	11 „	выголѣксинскія	выголѣксинскія
288	19 св.	съ самаго	съ самаго начала
298	18 и 23 св.	тентавъ	тейтанъ
299	12 св.	покоритса	покорится

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1872 году.

Въ 1872-мъ году, экземпляры Вѣстника Европы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Абобернебург. губ. (810,111 жит.) экз.	Сѣроглазненская . . . экз.	1	Камратъ экз.	2
Або. 1	Черный-Яръ 5			
	Царевъ 2			
		32		
Акмолнинская обл. (226,788 жит.)	Бакнинская губ. (486,229 жит.)		Варшавская губ. (925,689 жит.)	
Омскъ 25	Ваку 19		Варшава 58	
Акмолнинскъ 2	Каромарьянская 1		Гросецъ 1	
Петропавловскъ 6	Ленкорана 2		Мидоновъ 1	
Атбасарская 2	Шемаха 2		Ново-Дворъ 5	
	Куба 5		Минскъ 3	
		29	Сверневци 2	
Амурская обл. (22,297 жит.)	Бессарабская обл. (1,952,013 жит.)		Кутно 2	
Благовѣщенскъ 5	Кишиневъ 52		Александровъ 2	
Албазинъ 2	Сороки 3		Влоцлавскъ 4	
Михайлово-Семеновская. 1	Атаки 2		Ловичъ 3	
	Бричаны 4			81
	Секурлянская 3		Виленская губ. (973,574 жит.)	
Архангельская губ. (275,779 жит.)	Баважская 2		Вильно 41	
Архангельскъ 21	Оргѣевъ 3		Свенцянн 2	
Шенкурскъ 1	Скуляни 7		Бежданы 1	
Сороцкая 1	Бѣльцы 9		Ландварово 2	
Онега 1	Новоселица 1		Жосли 1	
Пинега 1	Глинная 1		Лисна 1	
Мезень 1	Купчинская 4		Троки 1	
Холмогоры 1	Липканы 2		Видойка 2	
Кочманская 1	Сталинштенская 1		Щучинъ 1	
	Хотинъ 9		Лда 2	
	Аккерманъ 6		Ошмяны 2	
Астраханская губ. (573,954 жит.)	Бендеры 5		Молодечно 1	
Астрахань 24				57

Витебская губ. (838,046 жит.)		экз.	Гродненская губ. (953,352 жит.)		
Витебскъ	17	Радзивиловъ	3	Гродно	16
Усвяты	2	Клевань	1	Соколка	1
Городокъ	1	Копачевская	1	Ружаны	1
Невель	1	Новоградъ-Волыньскій	2	Волковскъ	2
Заръчье	1	Гощанская	1	Слонимъ	1
Ръжица	1	Корець	2	Бѣльскъ	1
Динабургъ	7	Купель	1	Клещели	1
Лепель	8	Старо-Константиновъ	2	Бѣлостокъ	8
Полоцкъ	11	Верховская	1	Дрогичинъ	1
Велижъ	1	Острогъ	9	Кобринъ	1
Суражъ	1	Ровно	2	Брестъ-Литовскій	10
	46	Любарская	3		45
		Овручъ	1		
		Фасова	1		
		Волочинскъ	1		
			64		
Владимирская губ. (1.239,051 жит.)		Воронежская губ. (2.068,998 жит.)		Дагестанская обл. (449,096 жит.)	
Владимиръ	19	Воронежъ	44	Дербентъ	5
Переславль-Залѣскій	3	Весугужевская	2	Гунибъ	3
Рязанцево	1	Задонскъ	8	Даштагарская	1
Меленки	1	Нижнедѣвичь	2	Темиръ-Ханъ-Шура	17
Гавриловъ посадъ	1	Бутурлиновка	1	Петровское укр.	6
Сухогда	1	Песковская	2	Чирь-Юртъ	2
Суздаль	1	Новохоперскъ	6		34
Юрьевъ-Польскій	3	Быковская	3	Екатеринославская губ. (1.281,482 жит.)	
Вознесенскій посадъ	8	Павловскъ	8	Екатеринославъ	31
Борисоглѣбская	1	Бирючь	7	Никополь	5
Муромъ	5	Вогучаръ	4	Александровскъ	15
Вязники	5	Валуйки	6	Верхнедѣпроевскъ	18
Ковровъ	3	Землянскъ	12	Кандерополь	2
Нехайковская	1	Коротоякъ	2	Несибургъ	2
Озьябликово	2	Острогоскъ	12	Тошляная	4
Киржачъ	1	Вобровъ	12	Павлоградъ	9
Покровъ	2		181	Новомосковскъ	10
Александровъ	5			Перещепино	3
Боддино	1			Азовъ	2
Гороховецъ	3			Нахичеванъ	4
Орѣховская	1			Ростовъ-на-Дону	25
Шуя	2			Таганрогъ	34
Мошка	1			Благодатная	5
	71			Ивановская	2
				Луганскій заводъ	8
Вологодская губ. (974,585 жит.)		Выборгская губ. (262,577 жит.)		Мариуполь	8
Вологда	20	Выборгъ	4	Марченская	3
Григорьевская	1	Сальмисъ	1	Михайловская	2
Грязовецъ	1		5	Славяносербскъ	4
Вогвадинская	1			Вахмутъ	7
Устьенсольскъ	2			Гришенская	1
Великй-Устюгъ	2			Лозовая	1
Вельскъ	2			Гавриловка	2
Кадниковъ	1			Константиновская	1
Тотьма	1			Никитовка	4
Никольскъ	1			Покровская	1
	32			Чумбурская	1
					214
Волынская губ. (1.643,261 жит.)		Вятская губ. (2.347,796 жит.)		Елисаветпольская губ. (503,282 жит.)	
Житомиръ	20	Вятка	14	Елисаветполь	5
Владимиръ-Волыньскій	1	Орловъ	3	Шуша	5
Ковель	4	Яранскъ	1	Тертерская	1
Дубно	1	Слободской	3		
Кременецъ	3	Глазовъ	2		
		Сунская	1		
		Елабуга	6		
		Воткинскій-заводъ	3		
		Ижевскій-заводъ	1		
		Сарапулъ	5		
		Нолыскъ	2		
		Смолсиожгинская	1		
		Уржумъ	3		
		Малмыжъ	3		
			48		

Новоахстафиская		Ленчица		Тельми		Кейданн	
экз.	1	экз.	1	экз.	2	экз.	2
	12		10		1		3
Енисейская губ. (850,848 жнт.).		Калужская губ. (984,255 жнт.).		Юрбургъ		Росслия	
Красноярскъ губ. гор.	9	Калуга	26	Турогея	5	Шавли	2
Канскъ	2	Александровскій хуторъ	1	Бейсагола	1	Щенсливская	1
Енисейскъ	3	Кривленская	1	Вилкомръ	1	Ново-Александровскъ	4
Каргино	2	Переминь	2				
Минусинскъ	5	Брянъ	1				
Ачинскъ	1	Сухиничи	1				
	22	Жидра	5				
Забайкальская обл. (419,843 жнт.).		Зубово	1	Костромская губ. (1.101,099 жнт.).			
Чита обл. гор.	4	Козельскъ	8	Кострома	20	Галичь	5
Нерчинскъ гор.	4	Лихвинъ	1	Вичуга	3	Вичуга	3
Нерчинскій заводъ	4	Мещовскъ	1	Лузь	1	Шесть	1
Городищенская	1	Мосальскъ	2	Кинешма	8	Кинешма	8
Кайдановская	1	Роговичская	1	Александровская	1	Унжа	1
Стрѣтинскъ	2	Серпоскъ	1	Макарьевъ	1	Макарьевъ	1
Верхнеудинскъ	4	Митяевская	2	Судиславль	2	Судиславль	2
Варгунскъ	1	Мало-Ярославецъ	2	Буй	2	Кологривъ	1
Петровский заводъ	1	Полотняный заводъ	1	Солнгалить	2	Солнгалить	2
Горбца	1	Меднь	3	Чулдома	1	Чулдома	1
	28	Боровскъ	2	Неректа	5	Неректа	5
		Таруса	3	Варнаинъ	1	Варнаинъ	1
			64	Бакъ	1	Бакъ	1
Иркутская губ. (872,833 жнт.).		Кіевская губ. (2.144,276 жнт.).		Ветлуга	3	Ветлуга	3
Иркутскъ	44	Кіевъ	146	Юрьевъ-Повольскій	1	Юрьевъ-Повольскій	1
Калужская пристань	1	Вердичевъ	6				
Жигаловская	1	Самгородокъ	1	Куоніоская губ. (215,019 жнт.).			
Кяхта	10	Умань	14	Куоніо	1	Куоніо	1
Нохтуйская	8	Черкасн	4				
Троицкосавскъ	2	Смѣла	9	Кубанская обл. (599,969 жнт.).			
Усть-Кутская	1	Тальное	3	Екатеринодаръ	19	Екатеринодаръ	19
Хоготская	1	Чигиринъ	7	Ейскъ	10	Ейскъ	10
Виромская	1	Шпола	7	Уманская	2	Уманская	2
Тельминская	1	Звенигорода	4	Брянское укр.	2	Брянское укр.	2
	70	Богуславъ	4	Новороссійскъ	5	Новороссійскъ	5
Казанская губ. (1.670,837 жнт.).		Ляслянская	1	Темръ	2	Темръ	2
Казань	76	Тараща	3	Майкопъ	4	Майкопъ	4
Воробьевка	1	Бѣлая-Церковь	8	Прочный-Окопъ	3	Прочный-Окопъ	3
Козьмодемьянскъ	3	Жорнище	1	Усть-Лабинская	5	Усть-Лабинская	5
Свияжскъ	1	Липовець	5	Туапсе	1	Туапсе	1
Лашевъ	1	Ружинъ	2	Анапа	1	Анапа	1
Чистополь	5	Сквира	6				
Мамадыжъ	7	Васильковъ	1	Курляндская губ. (597,288 жнт.).			
Спаскъ	3	Гуровщина	1	Митава	4	Митава	4
Тетюши	3	Каневъ	3	Лябазъ	2	Лябазъ	2
	100	Коростиневская	2	Ваускъ	1	Ваускъ	1
Калининская губ. (601,029 жнт.).		Радомисль	6	Вяндава	1	Вяндава	1
Калинь	9	Фасово	1	Поламентъ	1	Поламентъ	1
Копиць	1	Бровни	1				
Слупца	2	Казатень	1				
Серадь	2		247				
Верушевъ	1	Ковенская губ. (1.181,248 жнт.).					
Велюнь	2	Ковно	13				
Прахва	1	Поневъжъ	1				
		Шкуди	1				

экс.		экс.		экс.	
Туккумъ	1	Люблинская губ.		Сергиевскій-Посадъ ст.	1
Фридрихштадтъ	1	(659,483 жит.).		Можайскъ	4
Илгуста	1	Люблинъ	11	Верея	4
Курская губ.	12	Ивангородъ	2	Дмитровъ	5
(1.868,859 жит.).		Грубешовъ	1	Богородскъ	3
Курскъ	29	Томашевъ Замосцкй	3	Подольскъ	8
Короца	1	Замосць	1	Лопася	1
Обоянь	2	Красноставъ	1	Серпуховъ	7
Грайворонъ	4	Яновъ	1	Бронницы	1
Мирополье	1	Новая Александрия	1	Коломна	1
Новый-Осколь	6	Хелмъ	8	Павловскій-Посадъ	2
Старый-Осколь	4		24		576
Тимъ	4	Минская губ.		Нижегородская губ.	
Фатежъ	7	(1.186,588 жит.).		(1.262,913 жит.).	
Щигри	8	Минскъ	28	Нижній-Новгородъ	42
Борисовка	1	Лоевъ	3	Горбатовъ	2
Бѣлгородъ	8	Борисовъ	4	Кунавино	1
Золотухино	1	Свислочь	1	Макарьевская	1
Пожваля	1	Мозиръ	2	Павлово	1
Никольская	2	Слуцкъ	2	Починки	7
Веселая-Лопань	1	Рѣчица	2	Лукояновъ	4
Ворожба	1	Якимовичи	1	Стеково	1
Глушиково	1	Вобруйскъ	9	Арзамасъ	5
Иванино	2	Пинскъ	1	Мѣдинково	2
Коренево	1	Несвижъ	3	Балахна	4
Льговъ	7	Новогрудокъ	3	Василь	2
Путявъ	3		54	Воскресенское	1
Рымскъ	12	Могилевская губ.		Семеновъ	1
Суджа	5	(908,858 жит.).		Ардатовъ	4
Дмитриевъ	5	Могилевъ	19	Княгининъ	2
	117	Климовичи	4	Лысково	3
Кутанская губ.		Гомель	9	Сергачъ	2
(653,394 жит.).		Рогачевъ	1	Мантушево	1
Кутанскъ	15	Выховъ	1		86
Озургета	1	Сидоровичи	1	Новгородская губ.	
Поти	6	Чауси	1	(1.016,414 жит.).	
Ахалцихъ	3	Чериковъ	5	Новгородъ	21
	25	Чечерскъ	2	Бѣлозерскъ	8
Кѣленская губ.		Горн-Горки	3	Череповецъ	3
(470,800 жит.).		Кописъ	1	Кириловъ	4
Кѣльци	4	Мстиславъ	2	Устюжна	5
Пылица	1	Сѣнно	1	Бахмаровская	1
Мѣховъ	1	Орша	2	Боровичи	9
Пинчевъ	4	Дворецъ	1	Валдай	4
Промыце	1		58	Крестцы	1
	11	Московская губ.		Медвѣдь	2
Лвонидская губ.		(1.678,784 жит.).		Демянскъ	1
(990,784 жит.).		Москва:		Старая-Руса	4
Рига	18	Черезъ Газ. Экспед.	115	Чудово	1
Дерптъ	6	Черезъ книжн. мага-		Сомина	1
Перновъ	1	зинъ Соловьева	408	Тихвинъ	2
	25	Волоколамскъ	4	Кукуйская	1
Ломжинская губ.		Клинъ	4	Подберезье	1
(456,429 жит.).		Воскресенскъ	3	Спасская-Полисть	4
Ломжа	11	Зѣнягородъ	1	Бологое	1
Граево	1	Руза	3	Торбино	2
Щучинъ	1	Завидово	1	Трегубова	1
Пултускъ	2	Подсолнечная	1		77
	15	Сергиевъ Посадъ	7	Область Войска Донскаго.	
		Пушкино	1	(1.010,185 жит.).	
		Хотьковская	1	Новочеркаскъ	24
				Новониколаевка	1

	экз.		экз.		экз.
Есауловская	2	Измаилково	3	Праснишь	1
Харьцкая	4		125	Млага	1
Амросиевка	1	Неменская губ.		Плюнь	1
Успенская	4	(1.197,898 жит.).		Липо	1
Матвѣевъ-Курганъ	8	Пенза	28	Серпецъ	1
Синявская	1	Керенскъ	2		11
Усть-Медвѣдицкая	3	Наровчатъ	3	Подольская губ.	
Урюпинская	2	Нижній-Домовъ	7	(1.946,760 жит.).	
Константиновская	2	Чембаръ	7	Каменецъ - По-	
Нижнеуральская	3	Городище	1	дольскъ	21
Вокоская	2	Борисовская	2	Ямполь	3
Цицильская	1	Каменка	2	Могилевъ	3
Шалаевская	5	Ясаръ	3	Ушица (Новая Ушица)	3
Грушевская	1	Нечаевскій-Уметъ	1	Баръ	2
Багальницкая	1	Исса	2	Хвѣльницъ	2
Камская	4	Царевщинская	1	Ярмолинци	1
	82	Саранскъ	7	Летичевъ	3
Олеонокская губ.		Мокшани	2	Литинъ	1
(302,490 жит.).			68	Меджибожь	1
Петрозаводскъ	16	Нормская губ.		Проскуровъ	2
Поянецъ	1	(2.173,501 жит.).		Дунаевци	1
Каргополь	1	Пермь	29	Немировъ	4
Витегра	4	Оса	2	Винница	9
Олопецъ	2	Оханскъ	2	Гайсинъ	8
	24	Рождественская	1	Ольгополь	6
Оренбургская губ.		Богословскій заводъ	3	Тульчинъ	4
(840,704 жит.).		Верхотурье	2	Брацлавъ	1
Оренбургъ	39	Далматовъ	1	Гинванъ	1
Косельская	1	Ирбитъ	4	Жмеринка	2
Устьуйская	1	Каменскій	3	Рахни-Львовскія	1
Троицкъ	4	Куминскій заводъ	7	Валнярка	1
Челябинскъ	4	Кулинская	1	Крыжополь	1
Верхнеуральскъ	1	Нельяскій заводъ	3	Повельки	1
Орская	3	Нижнетагильскій	8	Борски	1
Илецкая-Защита	2	Шадринскій	5	Проскуровъ	1
Уральская	1	Сисертская	1	Валга	11
Шарлакскій-Ягъ	1	Екатеринбургъ	27	Кривое-Озеро	2
Калининская	1	Камниловъ	3		37
Нижнеуральскъ	9	Ачитская	1	Полтавская губ.	
	67	Кунгуръ	4	(2.002,118 жит.).	
Орловская губ.		Вилимбаевскій заводъ	2	Полтава	44
(1,573,013 жит.).		Воретя	1	Борисполь	2
Орель	39	Красноуфимскъ	1	Переяславъ	7
Трубчевскъ	3	Солнгамскъ	3	Золотоноша	13
Брянскъ	6	Чердынъ	1	Опошня	3
Карачевъ	6		115	Зеньковъ	4
Хотинецъ	4	Петроковская губ.		Градискъ	2
Елецъ	17	(635,478 жит.).		Семеновская	2
Упоройская	1	Петроковъ	7	Хороль	9
Дмитровскъ	2	Згрякъ	1	Гадячъ	8
Кроми	1	Пабянице	1	Лохвица	7
Толстодубово	1	Лодзь	1	Миргородъ	6
Сѣвскъ	4	Радомскъ	2	Ромни	13
Ливни	18	Рава	1	Яготинская	2
Боховъ	4	Ченстокова	5	Щиратинъ	7
Мценскъ	9	Домброва	1	Лубни	10
Дросово	1		19	Прилуки	18
Мало-Архангельскъ	7	Плюньская губ.		Кременчугъ	20
Александровская	1	(442,626 жит.).		Кобляки	4
Зыбенка	1	Плюнь	5	Рѣшетловская	2
Станцій-Болдырь	1	Цѣхановъ	1	Галовка	2
Золотарево	1			Голещина	1

эвз.		эвз.		эвз.	
Искровка	2	Сорочинская	1	Бунинскъ	5
Бутенковская-Гребля	1	Вуздулк	5	Сингилей	1
Карловка	4	Вугуруслянь	1	Сызрань	10
Константиноградъ	7	Дергачевская	1	Теренгульская	3
	260	Марьевская	2	Шумовская	2
Примерская обл.		Николаевскъ	4	Леоново-Томлинская	1
(48,320 жит.).		Павловская	1		89
Николаевскъ обл. г.	7	Сергиевскія мнн. водн.	2	Симонская губ.	
Софійскъ	1	Красноарская	2	(1.163,594 жит.).	
Хабарово	4	Мелекесъ	6	Смоленскъ	25
	12	Ставрополь	3	Коски	1
Искоская губ.		Чердаклинская	1	Разрытое	1
(717,816 жит.).			64	Знаменское	1
Саратовская губ.				Рославль	5
(1.725,478 жит.).				Ельня	4
Саратовъ	48			Михайловская	1
Царицынъ	5			Еченстова	1
Валенская	1			Дорогобужъ	4
Валашевъ	7			Пречистенская	1
Аткарскъ	4			Духовщина	5
Камынинъ	9			Порътье	3
Таловка	1			Бѣлый	7
Камыскеръ	2			Красный	1
Петровскъ	6			Ивановская	1
Кондалъ	5			Куприно	1
Кузнецкъ	8			Починокъ	6
Сердобскъ	7			Рябцово	1
Клуши	1			Полуево	2
Вольскъ	11			Вязьма	8
Хвалынскъ	5			Сычовка	2
	122			Александровская	2
Семипалатинская обл.				Гжатскъ	1
(208,994 жит.).					84
Семипалатинскъ	5			С.-Михельская губ.	
Токмакъ	2			(666,666 жит.).	
Кокбети	1			Иоройскъ	1
Павлодаръ	1				1
	9			С.-Петербургская губ.	
Семирѣчинская обл.				(1.160,980 жит.).	
(221,924 жит.).				С.-Петербургъ:	
Вѣрное обл. г.	7			1) по город. почтѣ	976
Исыкуль	1			2) чрезъ книжный	
Сергиполь	1			магазинъ Ваунова	808
Копаль	1			3) чрезъ книжный	
Бухтарма	1			магазинъ Исакова	19
	11			4) въ редакци	28
Симбирская губ.					1881
(1.192,510 жит.).				Гдовъ	2
Симбирскъ	36			Нарва	2
Юрловка	3			Ямбургъ	4
Красносенская	3			Тупичино	1
Шеловальные заводи	1			Гатчино	5
Алатирь	1			Луга	2
Андреевская	1			Елизаветино	1
Арлатовъ	6			Любань	1
Тагай	2			Тосна	2
Уренско-Карлинская	2			Павловскъ	2
Корсунь	6			Царское-Село	20
Курининъ	3			Стрѣльна	1
Промзино (городище)	1			Петергофъ	4
Болховская	2			Ораниенбаумъ	2

	экз.		экз.		экз.
Красное-Село	1	Алешки	5	Мста	1
Кронштадтъ	22	Армянскъ	1		110
Новая-Ладога	4	Каховка	4	Тверская обл.	
Нижисельбургъ	1	Генгическъ	1	(447,807 жит.).	
Усть-Ижора	1	Елань-Загаты	1	Владикавказъ	24
	1909	Сирогоская	3	Грозная кр.	4
Ставропольская губ.		Мелитополь	6	Хасавъ-Юртъ	4
(871,422 жит.).		Орѣховъ	16	Шелфоводская	1
Ставрополь	29	Бердянскъ	7	Моздокъ	7
Медвѣжье	4	Большой Токмакъ	1	Екатериноградъ	1
Средне-Егорлинская	3		157	Кизляръ	2
Прасковья село	1	Тамбовская губ.		Нальчикъ	1
Пятигорскъ	18	(2,065,778 жит.).		Прохладная	2
Лабинская	2	Тамбовъ	45	Сгищовская	2
Тифлисская	2	Толстиковская	3	Георгиевская	3
	54	Ельтыма	1	Тифлисская губ.	
Сувадская губ.		Темниковъ	2	(596,784 жит.).	
(511,170 жит.).		Новочеркутино	2	Тифлисъ	117
Суваики	9	Козловъ	11	Джумльн	1
Выштинецъ	1	Спасскъ	2	Сурамская	1
Бальгары	1	Шацкъ	3	Горы	2
Мариамполь	1	Моршанскъ	11	Зугдиди	1
Кибарты	1	Грязи	3	Сухумъ-Кале	7
Мавруци	1	Корсамино	4	Ахалкалаки	1
Августово	1	Куликъ	2	Бѣлый-Ключъ	1
Оейны	1	Лебедянь	5	Демжагъ	1
	16	Липецкъ	5	Закатали	3
Сѣдлецкая губ.		Муравьево	3	Карагинская	1
(504,606 жит.).		Усмань	7	Царскіе-Колодцы	2
Сѣдльци	8	Чириково	1	Душетъ	1
Луковъ	1	Мордово	1		130
Бѣло	4	Товаревка	2	Тобольская губ.	
Мендзыржецъ	2	Алешки	1	(1,105,855 жит.).	
	15	Бирсановъ	13	Тобольскъ	10
Сырѣ-Дарьинская обл.		Борисоглѣбскъ	18	Абатская	1
(865,461 жит.).		Оерн	1	Ишимъ	3
Ташкентъ	15	Разсказово	1	Рыбинская	1
Казалинскъ	2		142	Тора	3
Хонкентъ	1	Тверская губ.		Курганъ	3
Джевакъ	1	(1,521,577 жит.).		Устьяминская	1
Самаркандъ	6	Тверь	23	Ялуторовскъ	3
	25	Селижарово	1	Туринскъ	1
Тавастгустовская губ.		Останковъ	2	Тюмень	6
(161,175 жит.).		Вышній-Волочекъ	4		32
Тавастгустъ	1	Останковская	8	Томская губ.	
Окъ	1	Спирово	2	(784,268 жит.).	
	2	Торжекъ	14	Томскъ	21
Таврическая губ.		Неганоно	1	Зѣйногорскій рудникъ	5
(688,549 жит.).		Весьегоновскъ	2	Маринскъ	2
Симферополь	29	Кашинъ	8	Бѣйскъ	1
Карасубазаръ	2	Кесма	1	Барнауль	9
Ялта	18	Красный-Холмъ	5		36
Берчь	21	Старнца	6	Тульская губ.	
Феодосія	11	Бѣжецкъ	6	(1,154,292 жит.).	
Белаклава	1	Зубцовъ	6	Тула	41
Севастополь	19	Калезинъ	4	Бѣзевъ	4
Алушта	2	Кемри	1	Всевъ	5
Балчисарай	1	Корчева	3	Ефремовъ	7
Евпаторія	4	Ржевъ	14	Камыра	6
Судакъ	1	Савлинно	1	Лопатково	1
Переконъ	3	Максатиха	1		
		Троицкая	1		

экс.		экс.		экс.	
Зиньфанъ	5	Николаевъ	25	Вобрикъ	1
Югородницъ	6	Одесса	121	Борзна	4
Лукояновская	2	Лубоссарн	3	Грузское	1
Алексантъ	4	Липецкая	1	Красное	1
Коробино	3	Яновская	1	Пляски	5
Эдоеъ	9	Марьяновская	3	Бобровици	1
Садное	1	Ананьевъ	5	Карабутовская	1
Сергiевское	2	Водяная	1		141
Войновскiе-Выселки	1	Максимовская	5	Эриванская губ.	
Новосиль	6	Бобринецъ	3	(435,658 жит.).	
Чернъ	7	Ларiевская	8	Эриванъ	10
Бранивна	1	Елизаветградъ	38	Нахичеванъ	3
Скуратова	1	Вознесенскъ	7	Вагаршапатская	1
Ясенки	1	Константиновская	1	Александровль	5
	143	Ольвиополь	5	Новый-Валзеть	1
Ушнiевская губ.		Григориополь	1		20
(1,297,577 жит.)		Тирасполь	6	Эстляндская губ.	
Уфа	18	Новая-Прага	8	(322,668 жит.).	
Мензелинскъ	3	Песчаный-Бродъ	1	Гапсаль	1
Бирскъ	1	Новогеоргиевскъ	2	Ревель	12
Златоустовскiй заводъ	5	Александрiя	13	Пантиферь	1
Стерлитамакъ	7	Вярзула	1	Везенбергъ	1
Саткинскiй заводъ	3	Жеребово	2	Тевве	1
Белебей	3	Ивановка	1		16
Камкаланинская	1	Новоукраинка	4	Ниоландская губ.	
	41	Раздiльная	1	(666,668 жит.).	
Харьковская губ.		Павлннъ	1	Гельсингфорсъ	9
(1,681,486 жит.)		Знаменка	2	Свеаборгъ кр.	2
Харьковъ	120	Вериславль	4		11
Лебеднъ	9	Дудчанская	1	Якутская обл.	
Ахтырка	7	Нововоронцовская	10	(223,363 жит.).	
Боронля	2		317	Якутскъ обл. гор.	4
Суми	19	Черниговская губ.			4
Валки	7	(1,560,378 жит.).		Ярославская губ.	
Льботинъ	1	Черниговъ	22	(993,383 жит.).	
Алексiевка	1	Городня	2	Ярославль	81
Водолазская	1	Клицин	2	Суминская	1
Бiловодская	7	Почепъ	6	Молога	3
Старобiльскъ	11	Суражъ	2	Рыбинскъ	14
Ново-Екатеринославъ	3	Мглинъ	2	Любимъ	1
Сенъковская	1	Андiевна	3	Пошехонье	4
Славянкъ	8	Понуровская	1	Романовъ-Борисоглб.	3
Измъ	8	Новгородъ-Сiверскъ	9	Угличъ	3
Володарская	3	Елионское	1	Петровскъ	1
Тешинская	1	Климовъ-Посадъ	3	Ростовъ	6
Чугуевъ	11	Новозыбковъ	3	Борисоглбiискiя слободы	1
Кушанскъ	9	Погарь	2	Козьмодемьянскъ сл.	1
Роганъ	1	Стародубъ	5	Родионовская	1
Вогодуховъ	6	Сосница	6		70
Волчанскъ	11	Красненская	1	За границею:	
Затiеъ	1	Новый-Роскъ	1	Германiя	55
Мерефа	2	Козелецъ	7	Францiя	14
Краснонаволка	1	Верезна	2	Италiя	8
Варенково	1	Рiпки	3	Швейцарiя	10
Ставроково	3	Глуховъ	6	Турцiя	4
Дружковка	1	Алтыннская	1	Китай	1
	256	Воронежъ	1	Англiя	3
Херсонская губ.		Кролевецъ	5	Греция	3
(1,497,995 жит.)		Шостенская	1	Молдави	1
Херсонъ	35	Ватуриноъ	3	Вельгiя	2
Новомиргородъ	8	Коботовъ	13	Японiя	1
Очаковъ	1	Нiжинъ	11		
		Вахмачъ	3		

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	эвз.		эвз.		эвз.
1. Херсонская .	317	30. Иркутская .	70	59. Лифляндская	25
2. Харьковская	256	31. Пензенская .	68	60. Сыръ-Д. об.	25
3. Біевская . .	247	32. Оренбургск .	67	61. Лублинская .	24
4. Екатериносл.	214	33. Волынская .	64	62. Олонецкая .	24
5. Полтавская .	200	34. Калужская .	64	63. Забайкальск.	23
6. Таврическая	157	35. Самарская .	64	64. Енисейская .	22
7. Тамбовская .	142	36. Псковская .	61	65. Эриванская .	20
8. Черниговск .	141	37. Востронская.	60	66. Калининская .	19
9. Тифлисская .	139	38. Московская .	58	67. Петрововск .	19
10. Воронежская	181	39. Виленская .	57	68. Сувальская .	16
11. Орловская . .	125	40. Минская . .	54	69. Эстляндская .	16
12. Саратовская.	122	41. Ставропол .	54	70. Ломжинская .	15
13. Курская . .	117	42. Бубанск. об.	54	71. Сѣдлецкая .	15
14. Бессараб. об.	116	43. Могилевская	53	72. Радомская .	14
15. Пермская . .	115	44. Терск. обл.	51	73. Елизаветнол.	12
16. Тульская . .	113	45. Вятская . .	48	74. Курляндская	12
17. Тверская . .	110	46. Витебская . .	46	75. Примор. обл.	12
18. Казанская . .	100	47. Гродненская	45	76. Кѣлецкая . .	11
19. Подольская .	97	48. Ковенская . .	42	77. Плоцкая . . .	11
20. Сибирская .	89	49. Уфимская . .	41	78. Семирѣч. об.	11
21. Нижегород .	86	50. Томская . . .	38	79. Нюландская .	11
22. Смоленская .	84	51. Акимлин. об.	35	80. Семипалатин.	9
23. Обл. В. Дон .	82	52. Дагест. обл.	34	81. Амурск. обл.	8
24. Варшавская.	81	53. Астраханск .	32	82. Выборгская .	5
25. Рязанская . .	81	54. Вологодск . .	32	83. Явутская об.	4
26. С.-Петербур .	78	55. Тобольская .	32	84. Тавастгуст . .	2
27. Новгородск .	77	56. Бакинская .	29	85. Абобернеб . .	1
28. Владимирск .	71	57. Архангельск.	28	86. Буопіесская .	1
29. Ярославск .	70	58. Бутанская .	25	87. С.-Михельск .	1

5552

II. Въ С.-Петербурѣ 1831

III. Въ Москвѣ 518

IV. За границую 102

Всего: эвз. 8003

А. Комиссовскій
 Экзекторъ редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“,

ВЪ 1872 ГОДУ.

А. Короткій отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» (январь, 424).

Альминскій, П. Алексій Слободинъ (октябрь, 559; ноябрь, 98; декабрь, 437).

В., А. Рекрутскій наборъ. Очерки (июль, 5; августъ, 477).

Векъ, И. Письмо къ редактору (ноябрь, 429).

Вушенъ, А. Письмо къ редактору (ноябрь, 427).

Вуренинъ, В. П. Дочь воздуха, пер. изъ Кальдерона (мартъ, 73).—Изъ русскихъ былинъ: 1) Чурило Пленковичъ, 2) Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ (апрель, 758).—Микула Селянниковичъ (май, 649).—Роля, Ал. де-Мюссе (октябрь, 481).

Вуссе, Н. В. Русскіе и японцы на Сахалинѣ (октябрь, 513).

В., Е. Пять дней на выставкѣ въ Москвѣ (сентябрь, 337).

В., Международный статистическій конгрессъ (августъ, 759; октябрь, 761).

Вейсбергъ, П. И. Къ дочери моей возлюбленной, изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне (ноябрь, 258).

Веселовскій, А. Н. Калки переходъ и богомыльскіе странники (апрель, 682).—Два варшавскія диссертациі (октябрь, 902).

Гончаровъ, И. А. Милліонъ терзаній (мартъ, 429).

Головачевъ, А. А. Десять лѣтъ реформъ (январь, 296; февраль, 696; мартъ, 289; май, 327).

Герье, В. И. Кроунпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго (май, 19; июнь, 461).

Гильфердингъ, А. Ф. Олонецкая губернія и ея народныя рапсоды (мартъ, 83).

Глинка, С. Н. Изъ записокъ, 1825—1829 г. (сентябрь, 239).

Д. Первые археологическіе съезды въ Россіи и ихъ труды (февраль, 854).

D. G. Корреспонденція изъ Флоренціи: Итальянскіе реакціонеры и клерикалы (январь, 874).—Женское образованіе въ Италіи (апрель, 875).—Флоренція послѣ перенесенія столицы (июнь, 404).—Италія и ея внѣшнія отношенія (октябрь, 893).

Де-Пуле, М. О. Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ Великомъ (май, 63).

Жуковский, Ю. Г. Желѣзныя дороги. какъ предметъ экономіи (январь, 245).— Кэри и его теорія (октябрь, 611).

К. Корреспонденція изъ Берлина: Конституція и самоуправленіе въ Пруссіи (февраль, 815).— Борьба переходнаго времени въ Германіи (апрель, 851).— Великая борьба между Римомъ и Германіею (июнь, 830).— Германія послѣ заключенія мира (августъ, 826).— Берлинскіе праздники и внутренняя политика (октябрь, 873).— Оппозиція палаты господъ и ея реформа (декабрь, 882).

Кавелинъ, К. Д. Задачи психологін (январь, 130; февраль, 480; мартъ, 5; апрель, 473).

Кауфманъ, И. И. Государственные долги (сентябрь, 265).

К—въ, И. И. Точка зрѣнія политико-экономической критики у К. Маркса (май, 427).

Ковалевскій, П. М. Стихотворенія: 1) Гроза, 2) А—въ, 3) Сирени (февраль, 637).— Стих.: 1) Чего-то ждешь! 2) Общественіе, 3) Ш—ъ, 4) Предчувствіе смерти, 5) Послѣдній лучъ (декабрь, 543).

Корфъ, баронесса Марія. Мрачный публицизмъ женскаго вопроса (май, 449).

Корфъ, бар. Н. А., Обь обязательности обученія въ Россіи (январь, 216).

Костомаровъ, Н. И. Отвѣтъ на бранное посланіе г. Погодина (февраль, 859).— Великорусская народная пѣсенная поэзія (май, 535).— Кто виноватъ въ смутномъ времени (сентябрь, 5).

Л. Пруссіе и русскіе финансы (мартъ, 324; июль, 289).

Левитовъ, А. И. Сельское ученіе, степная идиллія (февраль, 481).

Ларошъ, Г. А. Русская опера, «Каменный гость» Даргомыжскаго (апрель, 883).

Ломачевскій, А. И. Записки закардара (мартъ, 242; апрель, 723; май, 296).

М. Почтовая замятка по поводу пересылки книгъ по почтѣ (мартъ, 464).— Новые статистическіе труды въ Россіи (июнь, 797).

Майковъ, Л. Письмо къ редактору (ноябрь, 431).

Марковъ, Евг. Л. Пещерные города Брыма (июнь, 654; июль, 169).

Масловъ, Евг. Современныя желанія, стих. (май, 207).

Мейеръ, А. Л. О старомъ зиньенъ дворцѣ и палатѣ, въ коей скончался Государь Императоръ Петръ Великій (май, 5).

Мечниковъ, Ил. Ил. Экскурсія на островъ Генерифе (май, 254).

М—овъ, В. Корреспонденція изъ Аонны: Политическіе дѣятели и открытіе палаты (июнь, 852).— Парламентская жизнь въ Греціи (декабрь, 803).

Морошкинъ, М. Я. Возсоединеніе униі (апрель, 606; май, 588; июль, 60; августъ, 524; сентябрь, 35).

Н. Корреспонденція изъ Парижа: Тьеръ и національное собраніе (январь, 385).— Смутное время во Франціи (мартъ, 409).— Поворотъ въ общественномъ мнѣніи Франціи (сентябрь, 491).— Тьеръ и фракціи національнаго собранія (июль, 414).— Признаки возрожденія Франціи (сентябрь, 427).— Шансы республики на упроченіе (ноябрь, 370).

Н., А. Некрологъ П. П. Некарскаго (сентябрь, 471).

Назаровъ, В. Н. Современныя глушь (февраль, 604; мартъ, 141).

Н., Л. М. Изъ Томаса Гуда: Золото (февраль, 695).

О., В. (Б. И. Утинъ) Изъ судебного мира (февраль, 763).

Отъ редакціи. Поправка къ некрологу Н. И. Тургенева (январь, 429).— Кому были написаны философскія письма Чаадаева (февраль, 867).

П. Русскія пѣсни въ англійскомъ переводѣ г. Ральстона (апрель, 919).

Ш., А. Некрологъ: Александръ Федоровичъ Гильфердингъ (авг., 902).

Ш., В. Некрологъ: Николай Алексѣевичъ Милютинъ (мартъ, 481).

Ш., Л. Дѣтство и молодость Дикенса (юль, 685).

Ш—тъ. Gasparin: La France. Nos fautes, nos pétils, notre avenir (сент., 467).—Польская пресса въ 1871-мъ г. (ноябрь, 420).—Замѣтка о состояніи морскихъ силъ въ Германіи (дек., 797).

Шарвогъ, О. Шустерюкъ (декабрь, 684).

Шелонскій, Л. А. Нѣсколько дней въ Финляндіи (апр., 766).—Исторія Висмарка, въ связи съ исторіею его страны (дек., 548).

Шелонскій, Я. П. Стихотвореніе: Что съ ней? (январь, 170).—Стихотвореніе: Тяжелая минута (апр., 680).

Шкофьевъ, М. Податная сила Новгородской губерніи (январь, 418).—Опыты земской статистики (юль, 372).

Шинкинъ, А. Н. Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ (январь, 174; февраль, 561; юль, 244; ноябрь, 47).—Характеристики литературныхъ мнѣній (май, 145; ноябрь, 47; дек., 618).—Русскій путешественникъ въ двадцатыхъ годахъ (авг., 707).

Ш., С. Петербургская духовная академія до гр. Протасова (юль, 219; авг., 664; сент., 152).

Шовъ, А. И. (псевдонимъ). Странныя или бѣгуны въ русскомъ рабствѣ (ноябрь, 260; дек., 519).

Шомеръ, Ф. Э. Дилетанты (апр., 534; май, 93; юль, 709).

Рудановскій, Н. В. По поводу воспоминаній Н. В. Буссе объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853 г. (авг., 907).

Рудченко, И. Я. Чумаки въ народныхъ пѣсняхъ (сент., 206; окт., 661).

С. По поводу объясненія, сообщеннаго по требованію министерства народнаго просвѣщенія (февраль, 864).

С—ій, А. Желѣзная дорога на Риги-Кульмъ (окт., 862).

С., М. Некрологъ Б. И. Утина (юль, 469).—«Виды» и «Соображенія» министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реальныхъ училищъ (сент., 383).

Свербеевъ, А. Воспоминанія о московскихъ пожарахъ (ноябрь, 303).

Сообщено. Объясненіе, по требованію народнаго министерства народнаго просвѣщенія (январь, 422).

Спасовичъ, В. Д. Польскія фантазіи на славянофильскую тему (августъ, 738).

Стебутъ, И. Планъ сельско-хозяйственной школы (декабрь, 718).

С—т—х, Д. Отецъ Варооломей (сент., 74).

Сѣченовъ, Ив. М. Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „Задачи психологич.“ (ноябрь, 386).

Т. Замѣтка по поводу новой инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ (январь, 347).

Т—овъ, М. Восточная политика Германіи и обрусеніе (февраль, 640; мартъ, 183; апр., 644; май, 210).

Трефолевъ, Л. Сонъ, стих. изъ Гейне (юль, 214).

Тургеневъ, Ив. С. Вѣшнія воды (январь, 5).—Конецъ Чертапханова. Изъ записокъ охотника (ноябрь, 5).

Утинъ, Е. И. Англія въ книгѣ Тэна (сент., 124; октябрь, 691; ноябрь, 186).

У. Англійское мнѣніе о русскомъ флотѣ (сент., 416).

Циммерманъ, Эд. Отъ Атлантическаго до Тихаго океана (окт., 736).

Ч., В. Вторая имперія въ романѣ Эмиля Золя: «Les Rougon-Macquart» (юль, 112; авг., 594).

Чижовъ, В. П. Послѣдніе годы Голя (юль, 432).

Щ—на, Е. Историческіе этюды, изъ Гейбеля (дек. 679).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Январь: Московская печать о судебной реформѣ.—Вторая сессія финляндскаго сейма и предстоящіе ей труды.—Новость въ дѣлѣ начального образованія.—Льготная отмена адресныхъ билетовъ.—Новыя постановленія о почтѣ.—Новое училище рабочихъ и ихъ дѣтей.—Женское первообразное училище Н. И. Захаровой и его учебный планъ (стр. 326).—Февраль: Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ.—Различіе между Mittelschule и Realschule.—Мнѣніе г. Ваха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи.—Актъ въ рижской реальной гимназіи.—Государственная роспись на 1872 годъ и отсутствіе дефицита.—Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870-й годъ.—Вопросъ объ отвѣтственности жезъннхъ дорогъ предъ частными лицами (784 стр.).—Мартъ: Финляндія наканунѣ третьяго сейма.—Современная конституція Финляндіи и ея историческое развитіе.—Составъ сейма и кругъ его дѣйствій.—Предметы его работъ въ нынѣшнемъ году и петиціи городовъ.—Новѣйшій эпизодъ съ „Московскими Вѣдомостями“ (371 стр.).—Апрѣль: Дѣло о духовномъ завѣщаніи Бяллева.—Обстоятельства дѣла.—Ходъ судебныхъ преній: обвиненіе, защита и приговоръ.—Ходатайство русскаго общества народоинства о помилной платѣ.—Новые штаты телеграфныхъ станцій.—Письмо въ редакцію, по поводу вопроса о наймѣ рабочихъ (808 стр.).—Май: Распространеніе судебной реформы на царство польское.—Цѣли политическія и юридическія.—Основанія русской политики въ царствѣ.—Национальность, какъ новое орудіе въ „борьбѣ за существованіе“.—Земскія сельско-хозяйственныя училища.—Земское училище въ Вяткѣ.—Циркуляръ г. управляющаго морскимъ министерствомъ.—Письмо г. Громницкаго въ редакцію (868 стр.).—Іюнь: Государственныя идеи Петра Великаго и

ихъ судьба.—30-ое мая 1872 года—30-ое мая 1872 года (770 стр.).—Іюль: Политехническая выставка и новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи.—Наве сжелосахарное производство.—Новое положеніе о немъ.—Мѣры противъ пьянства, предлагаемыя харьковской думѣ.—Роль пьянства въ экономической жизни страны.—Вопросъ объ учительской школѣ въ петербургскомъ земствѣ.—Еще о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ (848 стр.).—Августъ: Новый законъ о печати и его мотивы.—Проектъ акціонернаго устава.—Гарантия правъ и регламентація.—Ограниченіе учрежденія и дѣйствій частныхъ банковъ.—Ревизія судебного дѣлопроизводства.—Измѣненіе въ уставѣ уголовного судопроизводства.—Слѣды и расклада государственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трѣхлѣтіе (771 стр.).—Сентябрь: Учрежденіе женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи.—Будущее значеніе и практика ея училищъ.—Ученицы цюрихскаго университета.—Привилегіи воспитанникамъ иностранныхъ гимназій.—Развитіе холеры и условія благопріятныя для нея въ С.-Петербургѣ.—Холера 1872 года.—Мѣры пресѣченія эпидеміи.—Устройство помѣщенія для прибывающихъ рабочихъ.—Правила о примѣненіи городского положенія къ столбцамъ.—Денежныя средства Петербурга и главныя его потребности (857 стр.).—Октябрь: Столѣтній юбилей воспитательнаго дома въ С.-Петербургѣ.—Взглядъ на исторію этого учрежденія.—Новѣйшія преобразованія въ немъ.—Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества.—Докладъ кн. А. Василькова.—Отчеты товариществъ.—Нынѣшнее положеніе этого дѣла (811 стр.).—Ноябрь: Денежный кризисъ.—Наши знаменитости.—Банки государственныя и частныя.—О порядкахъ въ государственномъ банкѣ.—Преобразование коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ.—Привилегія представительства.—Вопросъ объ отменѣ волостного суда.—Выводы коммиссіи.—Тѣлесныя наказанія въ волости.—Еще о воспитательномъ домѣ (845 стр.).—

Декабрь: Вопросъ о начальномъ обученіи. — Новые предположенія по наблюденію за ними, и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ. — Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій. — Роль земства и значеніе инспекціи. — Вопросъ объ отиженіи обязательной крѣпости вина. — Статистика потребленія спирта въ Россіи. — Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ. — Вопросъ о торжищахъ вблизи монастырскихъ церквей. — Собираніе особыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. — Старая пѣсня „Московскихъ Вѣдомостей“. — Что такое „Сидла и Харьбодъ?“ (737 стр.).

II. Иностранное Обзоріе. — **Январь:** Возобновленіе сессіи во Франціи. — Посланіе президента. — Орлеанскіе принцы. — Законъ объ арміи. — Законъ объ ученіи. — Бюджетъ. — Закрытіе германскаго и открытіе прусскаго сеймовъ. — Уменьшеніе налоговъ. — Циркуляръ графа Андраня. — Выборы въ Австріи. — Открытіе австрійскаго рейхсрата. — Первая сессія итальянскаго парламента въ Римѣ. — Бюджетъ министра Селлы. — Новое министерство въ Испаніи. — Открытіе и сессія сѣверо-американскаго конгресса (354 стр.). — **Февраль:** Двойное значеніе Тьера для Франціи. — Пренія о налогахъ. — Правительственный кризисъ. — Увольненіе прусскаго министра фонъ-Милера и взглядъ на его дѣятельность. — Д-ръ Фалькъ. — Австрійское правительство, Галиція и Кроація. — Англо-французскій торговый трактатъ. — Возмущеніе въ Индіи. — Дѣло Элебеми. — Требования Америки. — Распушеніе испанскихъ кортесовъ. — Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ (798 стр.). — **Мартъ:** Борьба французскаго правительства съ бонапартизмомъ. — Законы о безопасности. — Ромистини и графъ Шамборъ. — Законъ о надзорѣ надъ училищами въ прусскомъ сеймѣ. — Рѣчи князя Бисмарка. — Новые перм. — Циркуляръ Фалька. — Запросъ Лезе. — Подозрѣнія въ покушеніи противъ канцлера. — Поляки въ Галиціи. — Открытіе англійскаго парламента. — Дѣло Элебеми. — Испанія, какъ контрастъ Пруссіи (394 стр.). — **Апрѣль:**

Новое устройство мѣстнаго управленія въ Пруссіи и главныя черты его. — Письмо Виндгорста. — Процессъ социалистовъ. — Распушеніе чешскаго сейма. — Законъ противъ международнаго общества. — Французскій бюджетъ. — Процессъ Ла-Мотта. — Прекращеніе трактата 1860 года. — Брошюра Граммона. — Дѣло Элебеми. — Англійскій бюджетъ. — Предложеніе Дилка. — Мадзини. — Министерскій вопросъ въ Италиі. — Испанскія дѣла (832 стр.). — **Май:** Международный процессъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Англією (391 стр.). — **Іюнь:** Восстаніе карлистовъ въ Испаніи. — Маршалъ Серрано и новый кабинетъ. — Прежніе доны-Карлосы и нынѣшній доны-Карлосъ. — Герцогъ Омальскій. — Герцогъ Одифре-Пакке и военное хозяйство второй имперіи. — Руэ и Гамбетта. — Судъ надъ генералами. — Князь Бисмаркъ. — Элебемское дѣло. — Банкетъ англійскаго литературнаго фонда. — Национальная агитация въмѣдѣ въ Америкѣ и Швейцаріи. — Проектъ реформы уложенія швейцарскаго союза (808 стр.). — **Іюль:** Свиданіе членовъ большинства съ Тьеромъ. — Новый трактатъ съ Германією. — Новые налоги и бюджетъ. — Военный законъ. — Закрытіе германскаго сейма. — Законъ объ іезуитахъ. — Отношеніе къ нему партій. — Епископы Кременцъ и Намчаловскій. — Новые замѣненія папъ. — Министерство Сорилья въ Испаніи. — Австрійскія дѣла. — Элебемскій вопросъ. — Ballot. — Новая программа тори (383 стр.). — **Августъ:** Грантъ или Грэй? (805 стр.). — **Сентябрь:** Сорокъ три миллиарда. — Учредительные планы Тьера. — Сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Тьеръ въ Трувиллѣ. — Парламентская сессія въ Англии. — Положеніе министерства. — Ballot на практикѣ. — Белфастскіе безпорядки. — Митинги. — Уйдетъ ли папа изъ Рима? — Муниципальные выборы въ Италиі. — Тьеръ о Викторѣ Эммануилѣ. — Толки о берлинскомъ свиданіи. — Министерскій кризисъ въ Турціи (395 стр.). — **Октябрь:** Свиданіе трехъ императоровъ. — Оффиціальныя отанки и слухи. — Заявленіе графа Андраня. — Панславистскія стремленія. —

Новый великій визирь. — Болгарскій вопросъ. — Совершенство вѣ кн. Милана. — Сербскія дѣла. — Мариенбургскій праздникъ. — Ваварское министерство. — Третейскій судъ въ Женевѣ. — Французскіе монархисты. — Письмо К. Перье. — Адресы. — Коммисія собранія. — Тьеръ у Гизо и Тьеръ въ Газрѣ (888 стр.). — Ноябрь: Выборы во Франціи. — Письмо гр. Шамбора. — Письмо принца Наполеона. — Рѣчь Гамбетты. — Выселеніе изъ Эльзаса. — Открытіе прусскаго сейма. — Борьба съ клерикализмомъ. — Манифестъ германскихъ епископовъ. — Опредѣленіе константинпольскаго собора. — Паденіе Мидхатпаши. — Рѣчь Ботта объ Ирландіи. — Статья маркиза Сальсбери о партіи торри. — Испанскія дѣла. — Бунтъ въ Ферроль (845 стр.). — Декабрь: Кризисъ во Франціи. — Посланіе президента. — Запросъ Шангарнѣ. — Коммисія Кердреля. — Национальнныя несогласія въ Австріи. — Взглядъ на сеймъ. — Случай въ Тироли. — Сеймъ прусскій. — Реформа въ прусской народной школѣ. — Избраніе Гранта (775 стр.).

III. Русская Литература. — Январь: Литература мемуаровъ. — *Деятельный окъ, историческій сборникъ*, изд. П. Бармена, книга 1-я (402 стр.). — Февраль: Екатерина II, но ея письмамъ. *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ седьмой* (837 стр.). — Апрель: Арсеневскія бумаги. *Историческія бумаги, собраныя К. И. Арсеневымъ*, — изд. академикомъ Пекарскимъ (899 [стр.]). — Августъ: Ораторское искусство въ Россіи. *Речи произнесенныя М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1830—1872 г.* — Сентябрь: Новости изъ нашей старины. *Драма кн. Воронцова, кн. 4 и 5. Деятельный окъ*, изд. Бармена, кн. 2-я.

IV. Новые книги. — Январь: Пoesia славянъ, Н. В. Гербеля. — Библиотека современныхъ писателей; Гл. Успенскій. — Раззореніе; нравы Растеряевой улицы; Очерки и рассказы. — А. Д. — Русскій календарь на 1872 г. А. Суворина. — Тех-

ническій календарь на 1872 г. Н. М. Вилле. — Д—б—ъ. (409 стр.). — Февраль: Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ, Изъ Куцескаго. — Вуль Обломова, Л. Ф. Привольскаго. — Русскіе и иностранныя современные романы. Сост. и изд. В. Радичевымъ. — Изъ жизни, педагогическія наблюденія, И. Билова (846 стр.). — Апрель: Кочевая жизнь въ Сибири, Дж. Кенана, пер. Ад. Бодратевой. — Начало цивилизаци и первоначное состояніе челоѵка, соч. Дж. Лебоки. — Юнкерскія училища, историческое обзорніе ихъ развитія и дѣятельности, генералъ-маіора П. О. Бобровскаго (912 стр.). — Май: Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ, сост. Гитно. — Швейцарія и швейцарцы, соч. Диксона. — Станиславъ Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ, соч. М. де-Пуле. — Историческіе этюды С. С. Шапкова (486 стр.). — Августъ: Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга, 1870 г., Ю. Губнера. — Италия, Виктор Гена. — Ленъ и Псковская губернія, И. И. Василева. — Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. III. — Театральное искусство, П. Д. Боборыкина. — Очичненія и переписка Римскаго (856 стр.). — Сентябрь: Сочиненія Державина Т. VII. — Обь отношеніи Государства къ народному образованію, А. Окамова. — Городскіе общественныя банки Россіи, В. Ососова. — Повѣсти и рассказы. Д. Григоровича (455 стр.). — Октябрь: Статистическій временникъ Россійской Имперіи, сессія вторая (918 стр.).

V. Многогранная литература. — Июнь: Вопросы народнаго образованія во Франціи. — Quelques mots sur l'instruction publique en France, par M. Brel. L'instruction republicaine, par Am. Guilemin. — Les Crimes de l'education française, par M. Laurentie. (868 стр.). Июль: Новѣйшій цезаризмъ во Франціи. — Le dernier des Napoleon. (449 стр.). — Августъ: Образованіе женщинъ, его направление и цѣли. — Mädchenziehung und Frauenleben, von Kreyenberg. — Essays and Lectures on social and politi-

cal subjects, by Henri Fawcett and Gargret Fawcett (868 стр.).—Декабрь: Результаты американскаго протекціонизма.—Cobden Club Essays, second series (854 стр.).

VI. Новые Книжки.—Июнь: Anthropologie der Naturvölker, von Th. Waits.—Les pretendants: les Bourbons, les d'Orleans, l'Empire, la commune, la republic, par Alb. Delpit.—Manuel republicain, par Jules Barni (886 стр.).—Июль: Essais sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes, par Etn. Lavelaye (466 стр.).—Август: Hinterlassene Schriften von G. G. Gerwinus.—Du suffrage universel et de la maniere de voter par H. Taine.—Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwicklung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870. (892 стр.).—Декабрь: La science des religions, par Barnouf.—L'Internationale remplacée.—Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat, by Tyndal (872).

VII. Библиографическій Листокъ.—Январь: 1) Сборникъ Русскаго Историческаго общества, Т. VII. Первый томъ бумагъ Импер. Екатерины II, собраны и изданы академикомъ Пекарскимъ.—За много лѣтъ, В. Спасовича.—Политическая исторія новѣйшаго времени, В. Мюллера.—Государство, общество и право, гр. Симоненко.—Народное издание, ф.-д.-Флита и Кочетова.—Февраль: 1) Военная библиотечка, томъ седьмой.—2) Архивъ Судебной медицины и общественной гигиены.—3) Зодчій, журн. изд. Обществомъ архитекторовъ.—4) Сказки кота-мурныки, Николая Вагнера, изд. Стасовой и Трубиновой.—5) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, В. Ключевскаго.—Мартъ: 1) Врожденіе Польши Ф. М. Уманца.—2) Швейцарскія альпы и альпійская жизнь Берлема.—3) Отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію, Н. Огородникова.—4) Механическая теорія теп-

лоты, основанная на вращательномъ движеніи молекулъ, Л. К. Попова.—5) Спиритуализмъ и наука, I. Крукса, сост. перев. и изд. А. Аксаковъ.—Апрѣль: 1) Древняя русская исторія до монгольскаго вѣка, М. Погодина.—2) Испанія девятнадцатаго вѣка, А. Трачевскаго.—3) Новое руководство нѣмецкаго языка по практико-теоретическому методу Робертсона, Авг. Больца.—4) О средствахъ къ увеличенію числа врачей въ Россію, Я. С. Кремьянскаго.—Май: 1) Опыты изученія русскіхъ древностей и исторіи, Ив. Забѣлина.—2) Мера и Ростовское княжество, Д. Корсакова.—3) Далекая Россія, Алябьева.—4) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, А. Веселовскаго.—5) Постоянный желѣзнодорожникъ Россіи и Европы, изд. А. Ильина.—Июнь: 1) Письма Александра Ивановича Тургенева.—2) Кредитъ и общественные банки, Н. Шимановскаго.—3) Задачи Психологіи, К. Кавелина.—4) Малайскій Архипелагъ, соч. Узласа.—5) Многострадалыне, В. Н. Никитина.—6) Нѣмецко-русскій научно-техническій словарь, Я. Грахова.—Июль: 1) Севастопольскій сборникъ. Т. I.—2) Предшественники Шекспира, Н. Стороженка.—3) Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга, Губнера.—4) Сборники литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому, Тихомирова.—Августъ: 1) Сочиненіе Державина съ объяснительными примѣчаніями, Я. Грота.—2) Евреи въ Россію, И. Г. Оршанскаго.—3) Древняя русская литература, В. Водовозова.—Сентябрь: 1) Учебный Атласъ всеобщей географіи, А. Линберга.—2) Тайны палермскихъ монастырей, Оскара Пио, пер. И. А. Петрова.—3) Общій элементарный курсъ практической механики, Евг. Котельникова.—4) Руководство къ педагогической и гигиенической гимнастикѣ, В. Ухова.—5) Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества, А. В. Яковлева.—Октябрь: 1) На досугѣ, Э. А. Россмесслера, пер. съ нѣм., П. Андреевскаго.—2) Столѣтіе Ро-

довоимогательнаго заведенія Императорскаго С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома.—8) Телеграфы и прикѣпленіе ихъ къ военному дѣлу, профессора С. С. Рехневскаго. — 4) Полный французско-русскій словарь, Н. Макарова.—5) Труды Высочайше утвержденной комиссіи для пересмотра правилъ о служебныхъ преимуществахъ и пенсіоннаго устава.— Ноябрь: 1) Европейскіе реформаторы, Е. Лихачевой. — 2) Годъ въ деревнѣ, Елисаветы Воровиной. — 3) Славная женщина, автора „Джона Галлифакса“. — 4) Депутатъ города Париза.—5) Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки „Конекъ Горбунуекъ“, А. К. Ярославцева. — 6) О книгѣ кагала, И. И. Шершевскаго.—Декабрь: 1) Политика, какъ наука, Стрѣшова.—2) О достоинствахъ судебно-медицинской экспертизы, О. Вислоцка-

го.—3) Первобытная культура, Эд. Тейлора.—4) Земля, Эд. Реклю.—5) Теорія промышленнаго права.

VIII. Извѣстія. — Общество для не-собѣи нуждающимся литераторамъ и ученикамъ (январь, 426; февраль, 868; мартъ, 467; апрель, 922; май, 455; июнь, 894; июль, 475; сентябрь, 477; октябрь, 929; ноябрь, 435; декабрь, 880).—О подпискѣ на памятникъ Пушкину (февраль, 870; апрель, 922; июнь, 907; октябрь, 980).—О пріѣздѣ „Яснѣ“ въ Сиб. (мартъ, 470).—Подписка на стипендіи Н. А. Милоткина (май, 460; июнь, 910; июль, 476).—Приглашеніе Успенскаго церковнаго братства (августъ, 925). — Программа конкурса 3-го съѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Кіевѣ (сентябрь, 480).—Конкурсъ на проектъ памятника Пушкину (октябрь, 933).—Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній (декабрь, 880).



СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

НОВАБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1872.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
Конецъ Чертапханова. — Изъ „Записокъ Охотника“. — ИВ. С. ТУРГЕНЕВА. . .	5
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНЕНІЙ ОТЪ ДВАДЦАТИХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТИХЪ ГОДОВЪ. — Историческіе очерки. — V. Славянофильство. — А. ПЫШИНА.	47
АЛЕКСѢЙ СЛОВОДНЪ. — Семейная исторія. — Часть вторая. — I—XII. — П. АЛЬМИНСКАГО	98
АНГЛІЯ въ книгѣ Тэна. — VI—IX. — Notes sur l'Angleterre, par H. Taine. — Окончаніе. — Е. И. УТИНА	186
КЪ ДОЧЕРИ МОЕЙ. — Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне. — Пер. П. И. ВЕЙНБЕРГА.	258
СТРАННИКИ ИЛИ БАГУНЫ въ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ. — I. Отношеніе секты къ расколу вообще. — А. И. РОЗОВА	260
ВОСПОМИНАНІЯ О МОСКОВСКИХЪ ПОЖАРАХЪ 1812 ГОДА. — А. СВЕРБЕЕВА	303
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРАНІЕ. — Денежный кризисъ. — Наши знаки цѣнности. — Банки государственной и частной. — О порядкахъ въ государственномъ банкѣ. — Преобразование коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ. — Привилегія представительства. — Вопросъ объ отиѣвѣ волостного суда. — Выводы комиссіи. — Тѣлесныя наказанія въ волости. — Еще о Воспитательномъ домѣ	821
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРАНІЕ. — Выборы во Франціи. — Письмо гр. Шамбора. — Письмо принца Наполеона. — Рѣчь Гамбетты. — Выселеніе изъ Эльзаса. — Открытіе прусскаго сейма. — Борьба съ клерикализмомъ. — Манифестъ германскихъ епископовъ. — Определеніе константинопольскаго собора. — Паденіе Мидхата-паши. — Рѣчь Ботта объ Ирландіи. — Статья маркиза Сальсбери о партіи торі. — Испанскія дѣла. — Бунтъ въ Ферролѣ.	845
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Шанонъ республики на uprochenіе. — Н. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „Задачи Психологіи“. — ИВ. М. СВѢЧЕНОВА	870
ПОЛЬСКАЯ ПРЕССА въ 1871-мъ ГОДУ. — П—ЧЪ	886
ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ. — I. А. БУШЕНА. — II. И. ВОГА. — III. Л. МАЙКОВА.	420
ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	427
Видеографическій Листокъ.	435

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

	стр.
Алексѣй Словоднѣтъ.—Семейная исторія.—Часть третья.—I-X.—П. АЛЬМИНСКАГО	487
Странники или Блугны въ русскомъ расколѣ.—II. Распространеніе секты.—А. И. РОЗОВА	519
Стихотворенія.—I. Чего-то ждешь!—II. Обновленіе.—III. III—Ъ.—IV. Предчувствіе смерти.—V. Послѣдній лучъ.—П. М. КОВАЛЕВСКАГО	548
Исторія Бисмарка въ связи съ исторією его страны.—I—VII.—J. A. ПОЛОНСКАГО	548
Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ.—Историческіе очерки. VI. Славянофильство.—Продолженіе.—А. Н. ПЫПИНА	618
Историческіе этюды.—Изъ Гейбеля.—Перев. Е. Щ.—ИНОЙ	679
Шустенокъ.—Разсказъ изъ народной жизни.—I—III.—О. ПАРВОВА	684
Хроника.—Планъ сельско-хозяйственной школы.—И. СТЕБУТА	718
Внутреннее Овозрѣніе.—Вопросъ о начальномъ обученіи.—Новыя предложенія по наблюденію за ними и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ.—Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій.—Роль земства и значеніе инспекціи.—Вопросъ объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина.—Статистика потребленія спирта въ Россіи.—Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ.—Вопросъ о торжищахъ въблизи монастырскихъ церквей.—Собраніе особыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ.—Старая пѣсня „Московскихъ Вѣдомостей“.—Что такое „Сцилла и Харибда?“	737
Иностранное Овозрѣніе.—Кризисъ во Франціи.—Посланіе президента.—Запросъ Шангарнѣ.—Коммиссія Кердреля.—Национальныя несогласія въ Австріи.—Взглядъ на сеймъ.—Случай въ Тироли.—Сеймъ прусскій.—Реформа въ прусской народной школѣ.—Избраніе Гранта	775
Замѣтка о состояніи морскихъ силъ въ Германіи.—Bourelly, Marine militaire de l'Allemagne.—II—ЧЪ	797
Корреспонденція изъ Афинъ.—Парламентская жизнь въ Греціи.—В. М.—ОВЪ	806
Корреспонденція изъ Берлина.—Оппозиція палаты господъ и ея реформа.—К.	832
Иностранная Литература.—РЕЗУЛЬТАТЫ АМЕРИКАНОКАГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА.—Cobden Club Essays, second series	854
Новыя Книги.—La Science des religions, par Em. Burnouf.—L'Internationale remplacée, par un publiciste en retraite.—Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat, by John Tyndall	872
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній: о двухъ ваканціяхъ кандидатовъ-педагоговъ по русскому языку	880
МАТЕРИАЛЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1872 г.	882
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1872 годъ	891
Библиографическій Листокъ	

КОНЕЦЪ СЕДЬМОГО ГОДА.



КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

ОС-
НОВА-
НІЕ ТОР-
ГОВІИ
1811.

С. Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ ноябрѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

СОЛОВЬЕВЪ, С. Исторія Россіи въ древнихъ временъ, томъ 22-й, царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. М. 1872. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

СТРАХОВЪ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Спб. 1872. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

ТЭЙЛОРЪ, Э. Первобытная культура, изслѣдованія развитія міеологии, философіи, религіи, искусства и обычаевъ. Спб. 1872. Т. 1-й. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

БЕНЕКЕ, Ф. Руководство къ воспитанію и ученію. Часть 1-я, руководство къ воспитанію. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ, Н. Повѣсти и рассказы. Спб. 1872. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

КРЕСТОВСКІЙ, В. На западѣ и на востоцѣ (очерки). Спб. 1872. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

ТОЛСТОЙ, Л. Гр. Азбука въ 4-хъ книгахъ каждой части. Ц. 50 к., вѣс. за 1 ф.

О НАШЕЙ ВОЕННОЙ РЕФОРМѢ съ экономической точки зрѣнія. М. 1872. Ц. 50 к., вѣс. за 1 ф.

НЕФЕДОВЪ, Ф. На міру, очерки и рассказы. М. 1872. Ц. 80 к., вѣс. за 1 ф.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. Корабль Ретвизанъ (годъ въ Европѣ и на евро-

пейскихъ моряхъ). Спб. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

ВЕРНЪ, Ж. Путешествіе по южной Африкѣ или приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

СЕККИ, П. Единство физическихъ силъ, опытъ натуральной философіи. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ФРИКЕНЪ, А. Римскія катакомбы и памятники первоначального христіанскаго искусства. Часть 1-я. М. 1872. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

НЕОБХОДИМАЯ ДОМАШНЯЯ КНИЖКА, разные свѣдѣнія о предметахъ встрѣчающихся въ общезитіи, перевелъ съ англійскаго Х. Прохоровъ. Спб. 1872. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА ремесль, искусствъ и промысловъ, доступная для всѣхъ сословій. Съ 315-ю полиграфическими рисунками въ текстѣ. Составлено частнымъ обществомъ московскихъ техниковъ подъ редакцію инженеръ-технолога Гомановскаго. М. 1872. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ВАСИЛЬЧИКОВЪ, А. О самоуправленіи, сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учреждений. 2 тома, изданіе 3-е. Спб. 1872. Ц. 2 руб., вѣс. за 4 ф.

BULLETIN

de la librairie de **CARL RICKER** (A. Münx).

Perspective de Newsky, № 14.

ANNALEN des deutschen Reichs, herausgegeben von Hirth. 1872. 6 r.

BASAROFF, Die russische orthodoxe Kirche. Ein Umriss ihrer Entstehung und ihres Lebens. 50 k.

BEHM, Geographisches Jahrbuch. IV. Band (1872). 4 r.

BELOT, La femme de feu. V édition. 1 r. 20 k.

BERGK, Griechische Literaturgeschichte. I. Band. 4 r. 50 k.

BLATTER und Blüten deutscher Poesie und Kunst. III. Aufl. geb. 10 r.

BLUNTSCHLI, Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten. 4 r. 90 k.

BRACHVOGEL, Das Räthsel von Hildburghausen. Roman. 3 Bände. 7 r. 50 k.

BRAUNS, Der untere Jura. 6 r.

BASELER Chroniken, herausgegeben von Vischer und Stern. I. Bd. 5 r. 50 k.

DEMMIN, Encyclopédie des beaux-arts plastiques. I partie. 4 r.

DÜHRING, Cursus der National- und Sozialökonomie. 4 r. 50 k.

EBERS, Eine ägyptische Königstochter. Historischer Roman. III. Aufl. 3 Bde. 4 r. 50 k.

FEIERABEND, Die Schweizerische Alpenwelt. geb. 2 r. 75 k.

FISCHBACH, Album für Wohnungsdecoration. I. Heft. 4 r. 50 k.

FRANTZ, Religion des Nationalliberalismus. 1 r. 50 k.

FROMMANN, Geschichte des Vatican'schen Concils. 5 r. 15 k.

GERLACH, Griechischer Einfluss in Rom im V. Jahrhundert der Stadt. 50 k.

GREGOROVIVS, Euphosition. Illustrierte Prachtausgabe. 3 r. 50 k.

GRÜN, Länder- und Völkerkunde. 2 Bände. 3 r.

GUTZKOW, Dramatische Werke. 1—20 Bändchen. 5 r.

HARTWIG, Das Leben des Luftmeeres. Populäre Streifzüge in das atmosphärische Reich. 3 r. 50 k.

HEISS, Description des monnaies des rois Wisigoths d'Espagne. 16 r.

HEYSE, Paul. Gesammelte Werke. Band 1—9. à 1 r. 80 k. 16 r. 20 k.

HILDEBRAND, Heraldisches Musterbuch. Lief. 1—4. 7 r. 20 k.

HITTL, Historische Geschichten, 2 Bände. 4 r.

HIRTH und von Gosen, Tagebuch des deutsch-französischen Krieges 1870/71. Eine Sammlung der wichtigeren Quellen mit Karten und Plänen. 2 Bände. 10 r.

HÖCKER, Aus Moltke's Leben. 1 r. 75 k.

KOHL, Nordwestdeutsche Skizzen. 4 r.

KRUG Nertzel, Ornamentik. I. Lfr. 3 r.

KUGLER, Christoph, Herzog zu Württemberg. 2 Bände. 9 r.

DEUTSCHE Kunst in Bild und Lied, von Albert Träger 1873. geb. 7 r. 50 k.

DEUTSCHES Künstleralbum. 1873. geb. 11 r. 25 k.

LANGWERTH von Simmern. Von 1806—1866. Zur Vorgeschichte des neuen deutschen Reichs. 1 r. 50 k.

LISCHKE, Japanische Meeresconchylien. 2 Bände. 54 r.

MACKAY, Days and nights in Italy. 80 k.

MARX, Das Kapital. II. Aufl. Lfr. 1/3. 3 r.

MAURUS, Freiheit in der Volkswirtschaft. 3 r. 30 k.

MEYER'S Deutsches Jahrbuch, herausgegeben von O. Dammer. I. Jahrgang. 3 r. 75 k.

MUSPRADT, Chemie. III. Aufl. I. Bd. 1 Lfr. 60 k.

PLANCK, Wahrheit und Falschheit des Darwinismus. 1 r. 50 k.

QUELLENSCHRIFTEN für Kunstgeschichte. III. Band (enthält Dürer's Briefe, Tagebücher und Reime). 2 r.

RODENBERG, Studienreise in England. 2 r. 70 k.

ROHLFS, Mein erster Aufenthalt in Marokko. 4 r.

SAINT-BEUVE, S.-J. Brondhon, sa vie et sa correspondance, 1838—1843. 1 r. 40 k.

SCHNEIDER, Pariser Briefe. Bilder und Schilderungen aus der letzten Periode des Kaiserreichs. 2 Bände. 8 r. 50 k.

SONNENBURG, Heroen der deutschen Literatur. I. Band. 1 r. 50 k.

STAHR, Göthe's Frauengestalten. IV. Aufl. 2 Bände. 3 r.

Н О В Ы Я

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА:

- Санктпетербургъ по переписи 10-го декабря 1869 года. Выпускъ 1-й.** Населеніе по возрастамъ, семейному состоянію, вѣроисповѣданіямъ, народностямъ, сословіямъ и грамотности..... 1 р. 50 к.
(Вѣсовыхъ за 4 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Санктпетербургъ по переписи 10-го декабря 1869 года. Выпускъ 2-й.** Дома и квартиры и размѣщеніе въ нихъ жителей..... 1 « 50 «
(Вѣсовыхъ за 4 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Статистическій Временникъ. II. 1871 г. Выпускъ 1-й.** Наличное населеніе Имперіи за 1867 годъ (съ картою населенности Европейской Россіи)..... 1 « — «
(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Статистическій Временникъ. II. 1872 г. Выпускъ 2-й.** Матеріалы для статистики рѣчнаго судоходства (часть 1-я)..... 1 « — «
(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Статистическій Временникъ. II. 1872 г. Выпускъ 3-й.** Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи (часть 1-я)..... 1 « 25 «
(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Статистическій Временникъ. II. 1872 г. Выпускъ 5-й.** Общій обзоръ почтовой дѣятельности въ Имперіи съ 1857 по 1866 годъ и телеграфной съ 1860 по 1866 годъ. Ярмарки Европейской Россіи. Статистика пожаровъ..... 2 « — «
(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Статистическій Временникъ. II. 1872 г. Выпускъ 6-й.** Матеріалы для статистики заводско-фабричной промышленности въ Европейской Россіи за 1868 годъ..... 1 « — «
(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Статистическій Временникъ. II. 1872 г. Выпускъ 7-й.** Государственные доходы Россіи, ихъ классификація, нынѣшнее состояніе и движеніе (1866—1872 гг.)..... 1 « — «
(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Статистическій Временникъ. II. 1872 г. Выпускъ 8-й.** Движеніе населенія въ Россіи за 1867 годъ..... 1 « — «
(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочныхъ 10 к.).
- Всѣ эти изданія продаются въ географическомъ магазинѣ Генеральнаго Штаба у комиссіонера К. К. Ретгера и у Кожанчикова.**

~~~~~  
ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЙ

# РУССКО-НѢМЕЦКІЙ

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

**И. С. Кузнецовымъ.**

С.-Петербургъ. 1872 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою—6 рублей.

Это есть первый техническій Словарь въ нашей литературѣ съ языка отечественнаго на языкъ иностраннѣй, и онъ заключаетъ въ себѣ слова употребляемыя въ артиллеріи, фортификаціи, математикѣ, физикѣ, химіи, металлургіи, горномъ дѣлѣ, морскомъ дѣлѣ и вообще въ военномъ искусствѣ.

Съ требованіемъ обращаться въ С.-Петербургъ, Фуриштатская улица, д. № 13, въ Редакцію Артиллерійскаго Журнала.

# РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

**И. Н. Березинъ.**

Полное изданіе „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“ составитъ отъ 15-ти до 17-ти томовъ (каждый томъ содержитъ отъ 45-ти до 50-ти листовъ въ большую восьмушку убористаго шрифта) и будетъ окончено въ теченіе 4—5 лѣтъ. Въ будущемъ 1873-мъ году редакция предполагаетъ выпустить двѣ буквы А и Б, составляющія около 3<sup>1</sup>/<sub>2</sub> томовъ, а затѣмъ перейдетъ къ буквѣ Л и слѣдующимъ за нею. — Цѣна каждому тому при подпискѣ 2 р. 50 коп., съ пересылкою или доставкою на домъ 3 руб. Деньги за каждый томъ, начиная съ перваго, уплачиваются по объявленіи въ газетахъ о выходѣ тома, который доставляется по полученіи денегъ. — Гг. подписавшіеся ни въ какомъ случаѣ за полное изданіе „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“ не платятъ болѣе 42 руб. 50 коп., хотя бы издатель нашелъ нужнымъ увеличить число томовъ сверхъ назначенныхъ семнадцати.

Подписка принимается для живущихъ въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Базунова (Невскій пр., № 30), для живущихъ въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ Соловьева и Васильева (на Страстномъ Бульварѣ). Гг. иногородныхъ просятъ съ своими заявленіями обращаться на имя издателя, И. Н. Березина, въ контору «Русскаго Энциклопедическаго Словаря», Вознесенскій пр., № 27, квар. № 30. Петербургскимъ и московскимъ подписчикамъ билетъ на полученіе «Русскаго Энциклопедическаго Словаря» выдается при подпискѣ, гг. же иногороднымъ высылается при первомъ томѣ. — По закрытіи подписки цѣна каждому тому будетъ не менѣе 3 руб. 50 коп.

Пріемъ подписки прекращается 1-го февраля будущаго 1873 года. — Подробная программа изданія съ именами сотрудниковъ напечатана въ Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ, и въ Голосѣ (за октябрь и ноябрь).

Профессоръ И. Березинъ.

# КАЛЕНДАРЬ

НА 1873 Г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ **А. ГАТЦУКА.**

Съ значительными противъ 1872 года улучшениями, съ картою желѣз. дорогъ Европы и Россіи, планами гор. Кіева, Москвы и Варшавы, Вѣнской всемір. выставки, всѣхъ театровъ Москвы и Петерб. и путеводителемъ по Кіеву. Составъ его увеличенъ многими статьями. Вновь вошли: Дни кончины замѣч. людей Россіи и событія на каждый день. Русскіе помѣстные соборы, Синодич. таблица цареградскихъ патріарховъ, папъ и римскихъ императоровъ, новыя статистическія свѣдѣнія о Россіи за 1870 г. и государствъ міра, банкротства въ Россіи 1871—1872 г., именная списокъ банкротовъ и статистич. свѣдѣнія, желѣзныя дороги Европы, фабрики Россіи и проч.

Цѣна 1 руб.

## КРЕСТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1873 ГОДЪ

вышелъ въ двухъ изданіяхъ,

въ обыкновенномъ объемѣ—цѣна 10 коп., съ иллюстрированнымъ приложеніемъ—цѣна 15 коп.

Кромѣ обыкновенныхъ статей въ него вошло житіе св. Дмитрія Ростовскаго, съ портретами.

## КРЕСТОВЫЙ МАЛЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1873 Г.

Съ картою желѣзныхъ дорогъ Россіи и планами театровъ Москвы и Петербурга.

Цѣна 5 коп.

Адресъ: Москва, Гагаринскій пер., д. Краснолѣвцова.



О В Ъ И З Д А Н І И  
У Ч Е Н А Г О , Л И Т Е Р А Т У Р Н А Г О И П О Л И Т И Ч Е С К А Г О Ж У Р Н А Л А  
„ Б Е С Ъ Д А “  
В Ъ Б У Д У Щ Е М Ъ 1873 Г О Д У .

Предполагая и въ будущемъ 1873 году издавать „Вестъду“, мы, разумѣется, останемся вѣрными убѣжденіямъ, которыя нами высказаны съ полною ясностью въ прежней нашей программѣ. При помощи же сотрудниковъ, число которыхъ у насъ постоянно увеличивается, и при усилившемся къ намъ сочувствіи читающей части нашего общества, мы надѣемся выполнить эту программу разностороннѣе и полнѣе.

Содѣйствіе къ выясненію живыхъ силъ, явно или сокрыто дѣйствующихъ въ бытѣ и характерѣ русскаго народа, и тѣхъ условій, которыя выработаны теченіемъ русской исторіи, вѣрное и безпристрастное изображеніе событій западно-европейской жизни и внимательное изученіе отношеній къ нимъ русскаго быта—вотъ неизмѣнная задача нашего журнала.

Прямое изслѣдованіе стихій жизни русскаго народа, вопросовъ, ея задаваемыхъ, и сравнительное изученіе ихъ чрезъ сопоставленіе съ тѣми, которыми взволнована жизнь западныхъ народовъ, совпадаютъ другъ съ другомъ и нераздѣлимы между собою. Богатая сознаниемъ и великая опытностію западная жизнь выдвинула всѣ тѣ общечеловѣческіе вопросы, отъ рѣшенія которыхъ не можетъ уклониться ни одинъ народъ,—а особенный ходъ ея историческаго развитія рѣзко отдѣлилъ другъ отъ друга тѣ элементы, изъ которыхъ складывается жизнь каждаго народа, и, противопоставить другъ другу, ввелъ ихъ въ борьбу между собою. Внимательное наблюденіе того, что совершается за предѣлами нашего отечества, среди другихъ европейскихъ народовъ, приводитъ невольно къ убѣжденію, что всѣ тѣ общечеловѣческіе вопросы, которые вынуждены они рѣшать не иначе, какъ среди бурь народныхъ волненій и среди потоковъ крови, вслѣдствіе особыхъ условій нашего быта, ставятся у насъ совсѣмъ иначе, и что намъ предстоитъ возможность придти къ рѣшенію ихъ путемъ мирнымъ и спокойнымъ, изслѣдуя смѣло и безпристрастно основанія и явленія какъ нашей, такъ и западной жизни.

Этимъ преимуществомъ мы не можемъ не дорожить и должны воспользоваться имъ. Только слѣпое непониманіе условій нашей и западной жизни можетъ смущать нѣкоторыхъ, принимающихъ Россію за Францію или Германію, страхомъ передъ такимъ изученіемъ и препятствовать правильному развитію русскаго самосознанія.

Кромѣ того, мы смотримъ на изданіе журнала какъ на службу народу

и правительству. Одна изъ обязанностей этого служенія, и изъ существеннѣйшихъ, требуетъ, чтобы наше изданіе было добросовѣстнымъ органомъ общественнаго мнѣнія и вѣрнымъ, по возможности, изображеніемъ общественнаго настроенія. Поэтому мы желаемъ въ числѣ прочихъ періодическихъ изданій предоставить обществу возможность высказывать, въ предѣлахъ, разумѣется, дозволенныхъ закономъ, такія мнѣнія, желанія, даже страданія народныя и ихъ причины, которыя не могли бы быть иначе высказаны и были бы скрыты какъ отъ людей, посвятившихъ себя общественному дѣлу, такъ и отъ взоровъ правительства.

Откровенное и правдивое слово служить всегда источникомъ силы, соединяющей Власть съ народомъ неразрывными узами довѣрія и любви, и основаніемъ, на которомъ утверждается безошибочность мѣропріятій и дѣйствій правящихъ лицъ. Содѣйствовать достиженію такой прекрасной великой цѣли общественнаго слова мы почитаемъ нашимъ первѣйшимъ долгомъ и желаемъ выполнить его честно, не руководясь никакими посторонними соображеніями и не смущаясь никакими опасеніями.

Редакторъ-Издатель С. А. Юрьевъ.

### УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ безъ доставки — 15 рублей, съ доставкой на домъ — 16 рублей и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россійской имперіи шестнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ.

Заграничные подписчики приплачиваютъ къ 15 рублямъ: для Австріи и Германіи 8 руб., для Франціи 5 руб., для Англій и Турціи 6 рублей.

### Мѣста для подписки на журналъ „Весѣда“ въ 1873 г.:

Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія такъ; въ редакцію журнала „Весѣда“ въ Москвѣ (адресъ почтамту извѣстенъ). Кромѣ того можно подписываться; въ Москвѣ — въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (Страстной бульваръ), въ книжномъ магазинѣ А. И. Глазунова (Кузнецкій мостъ) и у М. М. Черенина (уголъ Рождественки и Софійки); въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Гостиный дворъ); въ Одессѣ: въ конторѣ Мосягина и Ко (Дерибасовская улица, д. Вагнера); въ Таганрогѣ: въ книжномъ магазинѣ А. Ващенко.

Примѣчаніе. Подписка принимается и съ разсрочкою по четвертямъ, третью года и по полугодіямъ, но съ непремѣннымъ условіемъ высылать подписныя деньги постоянно за четверть, треть или полгода впередъ.

### ПОДПИСКА НА 1873 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Редакторъ-Издатель С. А. Юрьевъ.

## О В Ъ И З Д А Н И И В Ъ 1873 г.

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н А Г О П Е Д А Г О Г И Ч Е С К А Г О Ж У Р Н А Л А

## „Д Ъ Т С К І Й С А Д Ъ“,

О Д О Б Р Е Н Н А Г О Г Л А В Н Ъ М Ъ У П Р А В Л Е Н І Е М Ъ В О Е Н Н О - У Ч Е Б Н Ъ Х З А В Е Д Е Н І Й .  
(Г О Д Ъ В О С Ъ М О Й).

Журналъ нашъ, несмотря на свое, относительно западныхъ педагогическихъ изданій, кратковременное существованіе, въ настоящее время есть *самый старій* изъ всѣхъ *частныхъ* педагогическихъ журналовъ. Основанный предшественницею нашей, Аделаидою Семеновною Симоновичъ, онъ сначала имѣлъ цѣлью ознакомить русское общество съ системою *первоначальнаго* воспитанія дѣтей по методамъ Песталоцци, Дистервега и, въ особенности, Фребеля, посредствомъ игръ и нагляднаго обученія; но уже въ 1869 г. расширилъ свою программу, а въ началѣ 1871 г. получилъ настоящую, которая поставила его на ту степень, на какой долженъ стоять каждый серьезный педагогическій журналъ, имѣющій цѣлью *улучшеніе домашняго и общественнаго воспитанія дѣтей всѣхъ сословій для жизни и дѣла*. Всякій педагогъ очень хорошо знаетъ, насколько рациональное веденіе перваго обусловливаетъ успѣхъ послѣдняго, а потому одна изъ главнѣйшихъ задачъ нашихъ: быть руководителями родителей, наставниковъ и воспитательницъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей младшаго и старшаго возрастовъ. Насколько удовлетворительно мы выполнили ее—судить не намъ. Намъ остается только сознаніе, что, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, мы добросовѣстно стремились къ этому.

Въ будущемъ 1873 г. „Дѣтскій Садъ“ будетъ издаваться подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ текущемъ, а именно:

- 1) Статьи по воспитанію вообще, т.е. различныя педагогическія системы, новѣйшія теоріи воспитанія и примѣненіе ихъ на дѣлѣ.
- 2) Образцовые уроки по разнымъ предметамъ преподаванія.
- 3) Педагогическіе рассказы и повѣсти.
- 4) Статьи для чтенія дѣтямъ, по преимуществу естественно-историческаго содержанія.
- 5) Педагогическая хроника (русская и иностранная).
- 6) Критика и библиографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

и 7) Смѣсь: мелкія извѣстія изъ жизни дѣтей, игры, забавы, разныя педагогическія новости и проч.

Въ теченіи 1872 года редакция „Дѣтскаго Сада“ дала своимъ подписчикамъ: руководящія педагогическія статьи: „Воспитаніе души и ея сила“, „Объ элементарномъ преподаваніи исторіи, съ образцовыми уроками по-русской“, „Уроки начальной русской грамматики“, „Гимнастика въ ряду школьныхъ занятій“, „Какимъ образомъ устроить дѣтскій садъ безъ специальной подготовки къ этому дѣлу“; въ отдѣлѣ библіографіи: обзоръ многихъ русскихъ и иностранныхъ книгъ; педагогическую повѣсть (собственно для родителей, наставниковъ и воспитательницъ) подъ заглавіемъ: „Одна изъ грустныхъ исторій“, и другія статьи, относящіяся къ обученію и воспитанію дѣтей, какъ въ семействѣ, такъ и въ школѣ.

Оставаясь вѣрною принятому ей направленію, редакция „Дѣтскаго Сада“ въ наступающемъ 1873-мъ году будетъ продолжать свой журналъ съ участіемъ тѣхъ же постоянныхъ сотрудниковъ, имена которыхъ хорошо знакомы нашимъ подписчикамъ и въ педагогическомъ мѣрѣ пользуются вполне заслуженною извѣстностью. Но при этомъ мы увеличиваемъ объемъ нашего изданія вообще, и въ особенности отдѣлы: 1) хроники, гдѣ, кромѣ извѣстій о состояніи образованія, обученія и воспитанія, у насъ и за границей, мы будемъ знакомить читателей съ тѣмъ, что сдѣлано въ этомъ направленіи въ отношеніи женщинъ, такъ какъ въ настоящее время повсюду проникла та здравая и глубокая педагогическая истина, что безъ поднятія уровня женскаго образованія, мѣры, предпринимаемыя къ возвышенію народнаго образованія и общественной нравственности, не могутъ имѣть желаемого успѣха; 2) отдѣлъ игръ, пѣсенъ и занятій по фребелевской методѣ, и 3) для дѣтскаго чтенія, который мы, для большаго удобства подписчиковъ, будемъ прилагать отдѣльно, подобно тому, какъ это мы дѣлали въ текущемъ году съ „Годомъ въ деревнѣ“.

Устранивъ встрѣтившееся намъ препятствіе къ помѣщенію обѣщаннаго нами педагогическаго разсказа „Самодуры“, автора извѣстной уже читателямъ „Дѣтскаго Сада“ на 1871-й годъ педагогической повѣсти „Маменька“, мы начнемъ печатаніе его съ начала 1873 г., а для чтенія дѣтямъ будемъ продолжать свой „Годъ въ деревнѣ“ и помѣщать другія статьи, уже заготовленныя редакціею.

Цѣна годовому изданію „Дѣтскаго Сада“ 4 р. 50 к., а для иногородныхъ и съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ 5 руб.

Подписка принимается: 1) въ самой редакціи, въ С.-Петербургѣ, по Стремянной ул., д. № 5, кв. № 7, 2) въ главной конторѣ „Дѣтскаго Сада“, при книжномъ магазинѣ А. А. Черкесова, на Невскомъ просп. д. № 54, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Редакторъ-издательница **Вл. Ворозина.**

Редакторъ **Вл. Толмачевъ.**

**ОБЪ ИЗДАНИИ**  
**ВЪ БУДУЩЕМЪ 1873 ГОДУ**  
**ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА:**  
**ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.**

Изданіе Русской Книжной Торговли.

Журналъ **ДѢтское Чтеніе** одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ, женскихъ гимназій и прогимназій и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для возрастныхъ библіотекъ, младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій.

Журналъ **ДѢтское Чтеніе** издается по слѣдующей программѣ:

- 1) Небольшіе повѣсти и рассказы. Очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ. Біографіи.
- 2) Статьи по естественной исторіи. Явленія природы. Путешествія.
- 3) Технические производства и промыслы.
- 4) Игры, задачи, занятія и проч.

Приложеніе: **Педагогическій Листокъ** (для родителей и воспитателей), по программѣ, близкой къ программѣ другихъ педагогическихъ журналовъ. Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто.

**ДѢтское Чтеніе** выходитъ ежемѣсячными книжками въ объемѣ около 5-ти печатныхъ листовъ съ рисунками въ текстѣ и отдѣльными картинками. **Педагогическій Листокъ** выходитъ 4-е раза въ годъ книжками около 6-ти листовъ.

Редакція, затрудняясь, вслѣдствіе увеличенія цѣны на бумагу, издавать **ДѢтское Чтеніе** по прежней подписной цѣнѣ, испросила разрѣшеніе Главнаго Управленія по дѣламъ печати измѣнить подписную цѣну слѣдующимъ образомъ:

|                                                          |                  |
|----------------------------------------------------------|------------------|
| на <b>ДѢтское Чтеніе</b> безъ <b>Педагогич. Листка</b> . | 3 р. безъ перес. |
| на <b>ДѢтское Чтеніе</b> съ <b>Педагогич. Листкомъ</b> . | 4 р. безъ перес. |

Такимъ образомъ подписчики, выписывающіе нашъ журналъ исключительно какъ матерьялъ для чтенія дѣтямъ, будутъ получать

его по прежней цѣнѣ. Тѣ же, кто заинтересовался и **Педагогическимъ Листкомъ**, будутъ приплачивать въ подписной цѣнѣ одинъ рубль для покрытія расходовъ по изданію собственно этого приложенія. Затѣмъ, если редація признаетъ полезнымъ и возможнымъ дать другія, разрѣшенныя ей приложенія (матерьялы для занятій съ дѣтьми, напр. клейка и т. п.), то эти приложенія будутъ разосланы всѣмъ подписчикамъ **Дѣтскаго Чтенія**.

**Дѣтское Чтеніе** за 1869 и 1870 годы все распродано.

**Дѣтское Чтеніе** за 1871 годъ продается по слѣдующей цѣнѣ:

|                       |           |
|-----------------------|-----------|
| Въ оберткѣ . . . . .  | 3 р. — в. |
| « папкѣ . . . . .     | 3 « 60 «  |
| « переплетѣ . . . . . | 4 « 50 «  |

За пересылку приплачиваются вѣсовыя по разстоянію за 6 ф. при выписыванія экземпляра въ оберткѣ, и за 7 ф. въ папкѣ и переплетѣ.

**Дѣтское Чтеніе** за 1872 годъ, по выходѣ всѣхъ 12 книжекъ, будетъ продаваться по этой же цѣнѣ.

### **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1873 годъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ:**

|                     | Безъ Педаг. Листка. | Съ Педаг. Лист. |
|---------------------|---------------------|-----------------|
| Безъ доставки . . . | 3 р. — в.           | 4 р. — в.       |
| Съ доставкою . . .  | 3 » 50 »            | 4 » 50 »        |
| Съ пересылкою . . . | 3 « 65 «            | 4 » 65 «        |

### **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:**

Въ **С.-Петербургѣ** — въ «Русской Книжной Торговлѣ», Невскій проспектъ, домъ Армянской церкви, № 42.

Въ **Москвѣ** — у И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

Редакторъ **А. ОСТРОГОРСКІЙ**.

# О ПОДПИСКѢ НА 1873 ГОДЪ НА ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

въ родѣ „The Illustrated London News“, „The Graphic“, „Leipziger Illustrirte Zeitung“, „Illustration“, „Monde Illustré“, „Univers Illustré“.

Съ 1-го января 1873 г., журналъ Всемирная Иллюстрація начнетъ V годъ (т. е. томы IX и X) своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ выходитъ *еженедельно* (т. е. 52 номера въ годѣ), въ форматѣ *большого двойного листа самой лучшей бумаги* и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ *16 страницъ*, изъ которыхъ половина наполнена *роскошными рисунками* изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

## ПРОГРАММА „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

**I. Политическій отдѣлъ.** Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ. — **II. Внутреннія извѣстія.** Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись. — **III. Изыщная словесность.** Повѣсти, рассказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. — **IV. Науки и художества.** Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ современныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и проч., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — **V. Прикладныя науки и промышленность.** Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и проч. — **VI. Критика и библиографія.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ. — **VII. Театральнѣй и музыкальнѣй обзоръ.** Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. — **VIII. Смѣсь и новости.** Мелкія литературныя, художественныя и ученые извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п. — **IX. Фельетонъ.** Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и проч. — **X. Юмористическій листокъ.** Каррикутуры. — **XI. Шахматныя задачи, шарады, ребусы и т. п.** — **XII. Частныя объявленія.**

Съ 1-го января 1873 года въ журналѣ «Всемирная Иллюстрація» начнется печататься

=== русский историческій романъ Н. КУКОЛЬНИКА ===

=== ЮАННЪ III-й, собиратель земли русской. ===

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ

|                                      |            |
|--------------------------------------|------------|
| Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . | 12 р. — к. |
| — — — Москвѣ . . .                   | 13 " 50 "  |
| Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . .  | 13 " 50 "  |
| — — — другіе города . . .            | 15 " — "   |

«**Всемирная Иллюстрація**» представляет исторію, географію, путешествія, изящныя искусства, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, политическія событія, войну и проч. и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

## ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ **Всемирной Иллюстраціи** представляет собою

## РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной; «**Иллюстрація**» необходима вездѣ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ, издатель заказалъ роскошныя

### ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

изъ англ. коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа.

Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывки для переплетовъ, издатель «**Всемирной Иллюстраціи**» проситъ обращаться со своими заказами по возможности заблаговременно.

### ЦѢНА ПЕРВЫХЪ 8-ми ТОМОВЪ

#### ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ:

1869 г., т.-е. томы I и II вмѣстѣ—12 р., съ пересылкою—15 р.

Переплетенные въ англ., тисненые золотомъ, переплеты—16 р., съ пер.—19 р.

1870 г., т.-е. томы III и IV вмѣстѣ—12 р., съ пересылкою—15 р.

Переплетенные въ англ., тисненые золотомъ, переплеты—16 р., съ перес.—19 р.

1871 г., т.-е. томы V и VI вмѣстѣ—12 р., съ пересылкою—15 р.

Переплетенные въ англ., тисненые золотомъ, переплеты—16 р., съ перес.—19 р.

1872 г., т.-е. томы VII и VIII вмѣстѣ—12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англ., тисненые золотомъ, переплеты—16 р., съ перес.—19 р.

1873 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками

№№ «**Всемирной Иллюстраціи**» за 1873 г., т.-е. для томовъ IX и X, имѣются уже также роскошныя покрывки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная контора „**Всемирной Иллюстраціи**“ находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, д. Коровина, № 16.

Редакторъ-издатель „**Всемирной Иллюстраціи**“ Германъ Гоппе.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ бывшемъ Загрязскаго; А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту; Г. Постъ, М. М. Черевина и другихъ.





1872 г.

1-го Октября открыта



# ПАРОВАЯ И СКОРОПЕЧАТНАЯ ТИПОГРАФІЯ

## М. М. Стасюлевича.

Скоропечатныя машины большого и малаго формата

ЗАВОДА КЕНИГА И ВАУЕРА ВЪ ЦЕЛДЪ,

Сатирировальная машина и наковальный прессъ

ЗИГЛЯ, ВЪ БЕРЛИНЪ,

**ПРОСТЫЕ ШРИФТЫ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ**

<sup>3</sup>СЛОВОЛИТЕНЪ

**Дресслера во Франкфуртъ н/М.**

**И ЛЕМАНА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**

Контора Типографіи: на Васильев. Остр. по 2 линіи, д. № 7, открыта  
отъ 10 до 1 ч. дня и отъ 3 до 6 ч. вечера

Факторъ Э. Гранстремъ.

# ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО

## ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ

Невскій просп. 60, въ С.-Петербургѣ.

- 10** руб. за 186 фот. копій съ знаменитыхъ картинъ „Императорскаго Фран-  
тажа.  
**6** руб. и дороже за Стерескопъ съ 30 видами или съ 18 раскрашенными  
картинами.  
**5** руб. за 1 большую фот. картину, велич. 18½×15 вершковъ, или за 30 фот.  
Кабинетныхъ картинъ.  
**3** руб. за 100 фот. копій съ знам. галлерей Европы или за 4 картины, велич.  
9×7 вершковъ.  
**2** руб. за 1 большую фотографическую картину, величиною 14×10½  
шквѣ.

# ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА ПРОДАЕТСЯ

## СЛОВАРЬ

Церковно-славянскаго и русскаго языковъ,

составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ,

въ четырехъ томахъ. Изданіе второе.

Цѣна 7 р. 50 к.; въ переплетѣ 9 р.

## ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Для иногородныхъ: книжнаго магазина М. О. Вольфа; 2) для иногородныхъ и городскихъ: отъ редакцій: «Всемирнаго Путешественника» и газеты «Востокъ» и «Голоса» о подпискѣ на 1873 годъ.

## ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВѢДѢНІЯ, КАКЪ НАУКА. Сочиненіе *Стронина*.  
Слб. 1872. стр. 530. Ц. 1 р. 75 к.

Теорія автора известна изъ его „Исторіи и  
эпохи“. Настоящій трудъ является какъ при-  
мененіе этой теоріи къ одной изъ социальныхъ  
указъ, а именно къ политикѣ, рассматриваемой  
не какъ искусство, а какъ научное изло-  
женіе законовъ, дающихъ возможность каждому  
только для „диагностики“, но и для „прогно-  
стики“ каждаго общества. Предметомъ такой  
политики служить, по оригинальному выраже-  
нію автора, „нервный процессъ общества“, ко-  
рый въ общественномъ организмѣ также тѣ-  
сь и гадаетеленъ, какъ нервный процессъ всего  
организма. Дѣло внимательной критики рѣ-  
шить вопросъ: насколько этотъ новый трудъ г.  
Стронина бросилъ свѣта въ ту дѣйствительно-  
ую область изслѣдованія. Программа же его  
слова: объяснивъ съ своей точки зрѣнія строе-  
ніе общества, онъ излагаетъ послѣдовательно его  
„эволюцію“, т. е. общія „отклоненія“ человѣче-  
скаго общества и частные процессы интеллиген-  
ціи, правительства и гражданства. Въ заключе-  
ніи труда приводится попытка автора примѣ-  
нить свою теорію къ Россіи, а именно „распо-  
знать“ (геогностика) и „предсказать“ (прогно-  
стика) ея настоящіи и предстоящіе процессы.  
По изъ послѣднихъ вопросахъ почтенный ав-  
торъ не избѣгнуть общей судьбы „предсказа-  
вшихъ“, и не составилъ исключенія изъ извѣ-  
снаго правила: nul n'est prophète, — это вид-  
но, напримѣръ, изъ того, что, въ силу своей  
теоріи, онъ утверждаетъ, будто „высокое раз-  
вѣченіе личности для насъ (русскихъ) уже дѣй-  
ствительно недоступно“, что наша „третья или  
четвертая жизнь во всякомъ случаѣ прожита,  
и періодъ прогрессивности остается намъ ско-  
рее меньше, чѣмъ больше прожитого“, и что  
этимъ отношеніемъ „безбрежная надежда  
остается одна въ тѣхъ утоніи, для которыхъ за-  
нѣть не писать“. Но едва-ли есть писанные за-  
писки и для такихъ „безбрежныхъ“ утверждений,  
едва-ли можно рискнуть на такую прогностику,  
чтобы вмѣстѣ съ авторомъ на многое у насъ  
захватить рукою“. Но диагностика автора пред-  
ставляетъ много любознательныхъ указаній и дан-  
ныхъ для размышленія.

достоинствахъ судебно-медицинской экспертизы  
въ уголовномъ судопроизводствѣ. Разсужд.  
д-ра *Θ. Вислоцкаго*. Варшава, 1872. Стр.  
175.

Авторъ, находя, что, со времени введенія ин-  
ститута присяжныхъ, судебно-мед. экспертиза  
считается болѣе или менѣе упраздненной, такъ  
какъ дѣло рѣшается по совѣсти, предпринималъ  
казать, что такая экспертиза можетъ и теперь  
имѣть новыя и существенныя основанія для при-  
осненія себѣ юридическаго значенія, а въ за-  
ключеніи разбираетъ причины неудовлетвори-  
тельности ея въ настоящей практикѣ. Важность  
даннаго вопроса авторомъ несомнѣнна: отъ  
дѣйствительности суд.-мед. экспертизы зависитъ ча-

сто честь людей и ихъ благосостояніе, и пото-  
му безъ сомнѣнія трудъ г. Вислоцкаго обратитъ  
на себя все вниманіе специалистовъ.

Первобытная культура. Соч. *Эд. Тейлора*. Пер.  
съ англ. п. р. *Д. А. Карачевскаго*. Въ  
2-хъ томахъ. Т. I. Слб. 1872. Стр. 383 и  
77. Ц. 3 р.

Настоящій трудъ Тейлора составляетъ про-  
долженіе известнахъ его изслѣдованій древнѣй-  
шей исторіи рода человѣческаго, а именно, въ  
области языка, мѣталогиіи и понятій о языкѣ.  
Авторъ, какъ и прежде, проводитъ въ исторіи  
культуры начало „носѣдовательнаго“ раз-  
вѣченія, которое охотно допускатся всеми при  
изученіи неодушевленной природы или низшихъ  
отправленій человѣческой жизни, но оспари-  
вается всякій разъ, когда дѣло идетъ о че-  
ловѣчскихъ процессахъ нашего чувства, мысли, языка  
и т. д. Помимо такой попытки автора, его  
огромная начитанность, свѣтлый умъ, дѣлаютъ  
настоящій его трудъ въ высшей степени любо-  
пытнымъ, какъ огромную сокровищницу вѣко-  
выхъ наблюденій надъ продуктами духовной  
жизни человѣка, въ разныя времена и у раз-  
ныхъ народовъ.

Земля. Описаніе жилищныхъ явленій земнаго  
шара. Соч. *Эмлі Рекля*. I. Сува. Съ  
хромолитографіями. Перев. съ 2-го изданія.  
Слб. 1872. Стр. 615. Ц. 4 р.

Сочиненіе Э. Рекля пользуется большою из-  
вѣстностью въ Европѣ и составляетъ одинъ изъ  
богатѣйшихъ сводовъ всего существа, что  
было писано по физической географіи, съ при-  
соединеніемъ обширныхъ личныхъ наблюденій  
автора надъ важнѣйшими моментами и пунктами  
жизни земли. При русскомъ переводѣ по-  
мѣщенъ въ картографическомъ заведеніи г.  
Ильина и не уступающій нисколько иностран-  
нымъ изданіямъ того же рода.

Теорія промышленнаго труда. Переводъ съ фр.  
*И. Граціанскаго*. Слб. 1873. Стр. 151. Ц.  
1 р. 50 к.

Настоящій переводъ составляетъ извлеченіе  
изъ обширнаго труда библейскаго ученаго Валь-  
брѣка, а именно, двѣ первыя главы перваго тома  
его „Cours de droit industriel“; въ одной гла-  
вѣ авторъ изслѣдуетъ право вѣмательства  
государства къ области труда вообще, а во второй,  
болѣе обширной — въ область мануфактурной  
промышленности. Поставляя политическую эконо-  
мію въ связь съ философіею спиритуалистовъ,  
авторъ считаетъ назначеніемъ государства вмѣ-  
шиваться въ промышленность однихъ путемъ  
устраненія препятствій для человѣка къ раз-  
вѣченію своихъ физическихъ и духовныхъ силъ, и  
съ этой точки зрѣнія излагаетъ всю свою те-  
орію промышленнаго труда, какъ въ частности  
у хозяевъ и рабочихъ, и т. д.

ОБЪ ИЗДАНИИ  
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ доставкой* по городской почтѣ 16 р.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою *черезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловьева* 16 р. 2) Съ пересылкою *черезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

III.—Въ губерніяхъ: Съ пересылкою *черезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

IV.—*Заграницею*: За пересылку *черезъ Иностранную Экспедицію* къ вышеуказанной цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ *Германію и Австрію*; б) 3 р. — въ *Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества*; в) 4 р. — во *Францію и Денію*; д) 5 р. — въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію*; е) 6 р. — въ *Швейцарію*; ф) 7 р. въ *Италію*.

1 — **ПОДПИСКА** принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ исключительно въ Редацію (Галерная, 20) съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того *почтового учрежденія*, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2 — **ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ Редацію такъ, чтобы извѣщеніе могло достигнуть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редацію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редацію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

*Примѣчаніе.* — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагать 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3 — **ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редацію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редація немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна бѣгать предварительно слоситься съ Почтовою Конторою, и Редація удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

*Примѣчаніе.* — Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, Редація лишится возможности удовлетворить подписчика. — Точно также Редація не можетъ удовлетворить жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность условій подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи, лежащихъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА

Невск. просп., 30









OCKER  
NOV 20 1980

